МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»
(ФГБОУ ВО «АлтГПУ)

Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ

Материалы всероссийской научной конференции с международным участием

г. Барнаул, 24–26 сентября 2020 года

Научный редактор Н.А. Матвеева

Ответственный редактор Т.П. Сухотерина

Барнаул
ФГБОУ ВО «АлтГПУ»
2020

УДК 001(08)
ББК 72я431
Ф947

Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ : материалы всероссийской научной конференции с международным участием, г. Барнаул, 24–26 сентября 2020 года / науч. ред. Н.А. Матвеева ; отв. ред. Т.П. Сухотерина. – Барнаул : АлтГПУ, 2020. – 532 с. DOI 10.37386/978-5-88210-971-3.

ISBN 978-5-88210-971-3

Научный редактор: Матвеева Н.А., доктор социологических наук, профессор
Ответственный редактор: Сухотерина Т.П., кандидат филологических наук, доцент
Члены редколлегии:
Демин М.А., доктор исторических наук, профессор;
Куляпин А.И., доктор филологических наук, профессор;
Никитина Л.А., доктор педагогических наук, доцент;
Павленко А.Н., ведущий специалист научного отдела;
Скопа В.А., доктор исторических наук, доцент;
Труевцева О.Н., доктор исторических наук, профессор;
Шпильная Н.Н., доктор филологических наук, доцент
Рецензент: Шалаев В.П., доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий, заведующий кафедрой социальных наук и технологий Поволжского государственного технологического университета

В сборник включены материалы всероссийской научной конференции с международным участием «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ», проведенной на базе Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул) в 2020 году при грантовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-20030. В статьях отечественных и зарубежных исследователей рассмотрен комплекс фундаментальных проблем современных гуманитарных наук, представлены анализ теоретико-методологических подходов, проблематики и исследовательских стратегий научного познания, результаты современных исследований в области гуманитарных наук, поддержанных экспертным сообществом.

Материалы конференции будут востребованы учеными, преподавателями, аспирантами и студентами, изучающими фундаментальные проблемы гуманитарных наук.

Материалы конференции публикуются при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-20030.

ISBN 978-5-88210-971-3

© Алтайский государственный
педагогический университет, 2020

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Altai State Pedagogical University
(FSBEI HE "AltSPU")

Fundamental problems of the humanities: experience and development prospects of RFBR research projects

Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation

Barnaul, September 24-26, 2020

Scientific Editor N.A. Matveeva

Executive Editor T.P. Sukhoterina

Barnaul
FSBEI HE "AltSPU"
2020

УДК 001(08)
ББК 72я431
Ф947

Fundamental problems of the humanities: experience and development prospects of RFBR research projects : materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, Barnaul, September 24-26, 2020 / under the scientific. ed. by A.N. Matveeva; ex. ed. T.P. Sukhoterina. – Barnaul : AltSPU, 2020. – 532 p. DOI 10.37386/978-5-88210-971-3.

ISBN 978-5-88210-971-3

Scientific editor: N.A. Matveeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor
Executive editor: T.P. Sukhoterina, candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Members of the Editorial Board:
Demin M.A., Doctor of Historical Sciences, Professor;
Kulyapin A.I., Doctor of Philological Sciences, Professor;
Nikitina L.A., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor;
Pavlenko A.N., leading specialist of the scientific department;
Skopa VA, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor;
Truevtseva O.N., Doctor of Historical Sciences, Professor;
Shpilnaya N.N., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
Reviewer: Shalaev V.P., Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies, Head of the Department of Social Sciences and Technologies of the Volga State Technological University

The collection includes materials from the All-Russian Scientific Conference with international participation "Fundamental Problems of the Humanities: Experience and Prospects for the Development of RFBR Research Projects", held at the Altai State Pedagogical University (Barnaul) in 2020 with grant support from the RFBR, project No 20-01-20030. The articles of domestic and foreign researchers examine a set of fundamental problems of modern humanities, and present the analysis of theoretical and methodological approaches, problems and research strategies of scientific knowledge, the results of modern studies in the field of humanities supported by the expert community.

Conference materials will be in demand by scientists, teachers, graduate students and students studying the fundamental problems of the humanities.

Conference proceedings are published with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-20030.

ISBN 978-5-88210-971-3

© Altai State Pedagogical University, 2020

От научного редактора

Уважаемые участники конференции,
дорогие читатели!

С удовлетворением от проделанной нами большой научной и организационной работы представляю новый сборник научных трудов. В сборник включены материалы всероссийской научной конференции с международным участием «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ». Проведение научного мероприятия в 2020 году на базе Алтайского государственного педагогического университета поддержано грантом Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-011-20030.

Цель конференции – презентация результатов и обобщение опыта реализации фундаментальных исследований в области гуманитарных наук, поддержанных грантами РФФИ; выявление трендов проблематики фундаментальных гуманитарных исследований и современных методологических подходов к изучению актуальных вопросов истории, лингвистики и литературоведения, социальной философии, социологии, психологии, педагогики; определение содержательных и организационных линий развития современных гуманитарных исследовательских проектов – вызвала широкий отклик у научного сообщества.

В сборник включены 140 научных статей специалистов в различных областях гуманитарных наук и молодых ученых, представителей 64 российских и зарубежных научных, образовательных, культурных и общественных организаций. Особую значимость в достижении цели конференции имеет тот факт, что более 60 % работ подготовлено по результатам грантовых проектов РФФИ, руководителями или участниками которых являлись их авторы.

В материалах конференции всесторонне освещена научная проблематика всех основных направлений работы конференции:

1. Историко-культурное наследие в парадигме устойчивого развития общества.
2. Методологические и источниковедческие проблемы исторических исследований.
3. Методология и практика современных лингвистических исследований.
4. Современные стратегии и методы литературоведческих исследований.
5. Современные тенденции развития системы образования.
6. Актуальные проблемы развития личности в современном обществе.

В обсуждении фундаментальных проблем гуманитарных наук приняли участие ученые из 19 субъектов и 6 федеральных округов Российской Федерации:

- Центральный федеральный округ (Москва, Орехово-Зуево, Рязань);
- Северо-Западный федеральный округ (Великий Новгород, Санкт-Петербург);
- Южный федеральный округ (Волгоград);
- Уральский федеральный округ (Тюмень, Челябинск);
- Приволжский федеральный округ (Самара);
- Сибирский федеральный округ (Абакан, Барнаул, Бийск, Горно-Алтайск, Кемерово, Красноярск, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Томск, Улан-Удэ);
- Дальневосточный федеральный округ (Хабаровск).

Зарубежный опыт гуманитарных исследований представлен работами ученых из Германии (Мюнхен), Китайской Народной Республики (Кайфен), Республики Азербайджан (Баку), Республики Беларусь (Витебск, Минск), Республики Казахстан (Караганда, Павлодар), Республики Кыргызстан (Бишкек).

В материалах отечественных и зарубежных исследователей рассмотрен комплекс фундаментальных проблем современных гуманитарных наук: теоретические проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в парадигме устойчивого развития общества и территорий; синтез достижений новейших исследовательских стратегий, источниковой базы и методологического инструментария практик историописания; проблемы обыденной лингвополитологии, лингвоперсонологии, функциональной и когнитивной лингвистики, неолингвистики, социолингвистики, транслатологии, судебной лингвистической экспертизы, лингво-

риторики, автоматической обработки текстов, описания языков малочисленных народов; апробация современных подходов для разработки перспективных направлений филологической науки, такие, как мифопоэтика, геопоэтика, семиотика и др., разработка единой методологической базы для решения задач современных литературоведческих исследований; концептуализация основных тенденций развития системы образования: непрерывность, доступность, гуманитаризация, открытость, вербализация, делокализация; теоретизация информационных управленческих потоков в образовании; проблемы формирования и развития психологической культуры и ценностно-смысловой сферы личности; методологические подходы к психолого-педагогическому исследованию проблем развития одаренности детей, детей с ограниченными возможностями здоровья; концептуальные основания социологических и социально-философских исследований социального здоровья, ценностных ориентаций молодежи, формирования исторической памяти, развития современного гражданского общества и обеспечения социальной безопасности населения.

Масштабность и качество проведенной в рамках конференции научной рефлексии современных теоретико-методологических подходов, проблематики и исследовательских стратегий научного познания, результатов современных исследований в области гуманитарных наук, поддержанных экспертным сообществом, позволяют определить перспективную проблематику фундаментальных гуманитарных исследований и современные методологические подходы к изучению актуальных вопросов истории, лингвистики и литературоведения, социальной философии, социологии, психологии, педагогики, обозначить содержательные и организационные линии развития гуманитарных наук на современном этапе.

Рассмотрение комплекса фундаментальных проблем современных гуманитарных наук широким сообществом отечественных ученых с привлечением опыта зарубежных исследователей – новый шаг к решению задач международной интеграции науки, сохранения научных традиций в условиях глобализации научного знания, дальнейшего развития научных школ гуманитарных исследований.

От имени организационного и программного комитетов всероссийской научной конференции с международным участием «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ» и от себя лично выражаю благодарность всем участникам конференции за проявленный к научному мероприятию интерес и качественную презентацию результатов своих научных исследований; руководству Российского фонда фундаментальных исследований – за грантовую поддержку конференции и внимание к перспективам развития современной гуманитарной науки; ректорату и коллективу преподавателей и сотрудников Алтайского государственного педагогического университета – за проявленную научную инициативу и создание условий для успешной реализации грантового проекта в области науковедческого анализа новейших направлений фундаментальных гуманитарных исследований.

Уверена, что материалы конференции будут востребованы учеными, преподавателями, аспирантами и студентами, специалистами-практиками и широким кругом общественности, занимающимися изучением вопросов современной гуманитарной науки.

С уважением,
доктор социологических наук, профессор,
проректор по научной работе
и инновационной деятельности АлтГПУ,
председатель оргкомитета конференции *Н.А. Матвеева*

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПАРАДИГМЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В.Н. Алиясова
г. Павлодар, Республика Казахстан

О РОЛИ МУЗЕЕВ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Аннотация: Автор обращает внимание на возросшую роль естественнонаучных музеев в формировании экологической культуры населения. Музеи Республики Казахстан используют опыт «влиятельных» музеев Европы, постоянно совершенствуя формы и методы работы с посетителями. Автор доказывает, что экологическая культура формируется через реализацию трех направлений: экологического образования, экологическое сознания, и экологического поведения.

Ключевые слова: музеи, культурное наследие, естественнонаучные музеи, музеология.

V.N. Aliyasova
Pavlodar, Republic of Kazakhstan

ABOUT THE ROLE OF MUSEUMS OF NATURAL HISTORY IN THE FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE OF THE SOCIETY

Abstract: The author draws attention to the increased role of museums of natural science in the formation of ecological culture of population. Museums of the Republic of Kazakhstan use the experience of "influential" museums in Europe, constantly improving the forms and methods of working with visitors. The author proves that environmental culture is formed through the implementation of three directions: environmental education, environmental consciousness, and environmental behavior.

Keywords: museums, cultural heritage, natural science museums, museology.

В современном мире экологические проблемы приобрели глобальный масштаб. Научно-технический прогресс, нерациональное использование природных ресурсов, их чрезмерная эксплуатация, загрязнение окружающей среды, перенаселение и человеческий эгоизм усиливают негативное влияние и на условия жизни самого человека. Такое отношение к природным ресурсам способствует усилению экспансии человечества в биосфере. В этих условиях че-

ловеку необходимо переходить к стилю сотрудничества, взаимодействия, диалога, к экологическому мышлению и деятельности.

Важную роль в процессе формирования экологической культуры населения занимают естественнонаучные музеи, которые работают, создавая определенную социокультурную развивающую среду. Сегодня идет процесс переосмысления роли и значения музейного представления исторической реальности, музейных предметов, природных экспозиций, культуры их построения и самого музея в контексте модернизации образования, ведущих философско-культурных и художественных парадигм [1].

Данные исследований по музеологии показывают, что в роли посредника между наукой (в данном случае экологией) и широкой аудиторией выступают именно естественнонаучные музеи (биологические, экологические, палеонтологические и др.). Такие музеи чутко реагируют на все вызовы и угрозы природному наследию мира и осуществляют свою деятельность, опираясь на принципы и идеи экологической грамотности. В связи с этим музеи открывают для себя новые направления деятельности, способствующие достижению устойчивого будущего [2].

Для реализации принципов устойчивого развития в основу деятельности музеев положено научно-просветительское направление. Экологический аспект этого направления предполагает охрану окружающей среды и региональное использование природных ресурсов, сохранение биологического разнообразия, экологически безопасное применение высоких технологий и химических веществ с учетом социально-экономических проблем обеспечения жизни населения [3]. Естественнонаучные музеи сегодня должны быть важным звеном в реализации данного аспекта через экскурсии и научно-исследовательский процесс, осуществляемый сотрудниками музея, и являться хранилищем ценнейшей научной информации [4].

Разработка современной модели функционирования естественнонаучного музея как центра экологической культуры весьма актуальна. Естественнонаучные музеи сейчас активно меняют свои традиционные методы работы с посетителем. Деятельность музеев строится с учетом его образовательного потенциала. Появляются новые подходы в подаче экспонатов, построения экспозиций, переосмысливаются экскурсионные методики. Например, на Западе успешно существует новый тип музея – интерактивный, с вовлечением посетителей во взаимодействие с экспонатами. Такие музеи пользуются большой популярностью и в России, например, интерактивный музей «Лунариум» в Московском планетарии, интерактивный музей «Живые системы», «Робостанция» на ВДНХ, грандиозный проект «Россия – моя история» (система мультимедийных исторических парков, в которых панорамно представлена вся история России с древнейших времен до наших дней) и др. В качестве примера можно привести первый в Казахстане музей естественной истории «Ertis», в котором подлинные археологические и природные экспонаты гармонично сочетаются с мультимедийными технологиями современности: книгой real-book, информационной touch-панелью и современными инсталляциями, а также виртуальной примерочной.

Формирование экологической культуры у посетителей музея, её неотъемлемой части – этического отношения к природе – осуществляется посредством ознакомления через экскурсии, лекции, спецкурсы с экологическими ландшафтными композициями, посредством расширения интерактивных подходов и мультимедийных средств. Через такое просвещение формируется экологическое сознание посетителя. Структура экологических знаний, получаемых при ознакомлении с экспозицией музея, содержит комплекс ведущих научных понятий и идей, которые составляют основу экологической культуры. Развитие экологической культуры у посетителей музея зависит и от мастерства лектора и экскурсовода, их уровня образованности и компетентности в вопросах экологии.

Экологическая культура формируется через реализацию трех направлений. Во-первых, экологическое образование, которое, несомненно, влияет на поведение человека в природе, его мировоззрение и ценностные установки. Во-вторых, экологическое сознание, сформированное в результате формирования экологических компетенций представленных в виде идей, теорий, взглядов, практики отношений человека и природы. В-третьих, экологическое поведение, представленное совокупностью конкретных действий и поступков людей, связанных с воздействием на природу и использованием природных ресурсов. Все три направления можно реализовать посредством разработки мероприятий, образовательных и научных проектов в естественнонаучных и краеведческих музеях. Естественнонаучные музеи ежемесячно посещает тысячи человек, и поэтому мы сегодня можем говорить о его активной информа-

ционно-просветительской деятельности в передаче достоверной экологической информации, в процессе воспитания экологической культуры посетителей, формированию экологического сознания.

Список использованной литературы

1. Шведов, В.Г. Методика использования средств зоомузея в развитии экологической культуры школьников и студентов: автореферат дисс. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / В.Г. Шведов. – Самара, 2005. – 24 с.
2. Клюкина, А.И. Естественнонаучный музей как центр формирования экологической культуры : автореферат дис. ... канд. культурологии : 24.00.03 / А.И. Клюкина. – Санкт-Петербург, 1999. – 26 с.
3. Носова, Т.М. Музей в развитии экологической культуры / Т.М. Носова, В.Г. Шведов // Биологическая наука и образование в педагогических вузах. – Самара : Офорт, 2005. – С. 260–264.
4. Мартынов, А.И. Вузовский музей. Особенности и традиции / А.И. Мартынов // Музей и наука : сборник научных статей. – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2002 – С. 5–9.

С.Ю. Балакирева
г. Кемерово, Россия

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТОРА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация: В статье автор рассматривает совокупность сложившихся исходных условий и факторов, которые предопределили современное состояние института местного самоуправления. Особое значение в статье отведено историческому фактору как детерминирующему в процессе формирования российской модели взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: философия, детерминирующие факторы, институт местного самоуправления.

S.Yu. Balakireva
Kemerovo, Russia

THE ROLE OF THE HISTORICAL FACTOR IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF LOCAL SELFGOVERNMENT

Abstract: In the article the author considers the confluence of the existing baseline and initial factors that have predetermined the contemporary state of the local self-government institution. The emphasis is put on the historical factor as a determining one in the formation process of Russian model of state authority and local self-government interaction.

Keywords: philosophy, determining factors, institution of local self-government.

Местному самоуправлению отведено особое место в общей системе управления российским государством, поскольку его формирование тесно связано не только с демократической организацией власти и управления, но и с выбором направления развития гражданского общества в России. Российское государство всегда традиционно отличалось высокой степенью централизации управления. Вместе с тем ни один из этапов в истории Российского государства нельзя считать свободным от элементов самоуправления. Даже в периоды наивысшего расцвета Российского централизованного государства в городах и сельских общинах сохранялись элементы самоуправления. Находясь в состоянии непрерывного реформирования, институт местного самоуправления в современном формате существует с 90-х гг. XX века. При этом важно

подчеркнуть, что в Российской Федерации местное самоуправление основано на глубоком историческом фундаменте. В настоящее время сложилась совокупность исходных условий и факторов, которые определяют характер и отдельные черты развития института местного самоуправления, формируют тот своеобразный механизм, под воздействием которого происходят функционирование и развитие местного самоуправления.

Одну из классификаций детерминирующих факторов становления и развития местного самоуправления описывает Е.В. Анимица [1, с. 14] (таблица 1).

Таблица 1

Детерминирующие факторы становления и развития местного самоуправления

Фактор	**Краткая характеристика**
Исторический	направлен на целостное и объективное познание этапов становления и развития местного самоуправления
Пространственно-географический	определяет неравномерность осуществления во времени экономических, социальных, политических и иных процессов в разных частях страны
Экономический	предполагает формирование частной, муниципальной, областной, республиканской, федеральной и других форм собственности, становление рыночных структур и отношений, замену административно-командных методов управления экономическими
Политический	подразумевает признание необходимости применения общепризнанных и понятных критериев, открытых (гласных) процедур, единых подходов к перераспределению функций, полномочий и компетенции между всеми ветвями власти по вертикали и горизонтали в системе нового федерализма

Все вышеперечисленные факторы только в совокупности могут образовать ту полноценную жизненную среду, в которой происходит процесс становления и развития самоуправления.

Так, специфика распространения местного самоуправления в европейской и азиатской частях России наиболее отчетливо проявляется в пространственно-географическом факторе.

В отношении экономического фактора речь идет о признании того, что каждое муниципальное образование обязано иметь сферу самостоятельного регулирования экономических отношений, должно самостоятельно распоряжаться, владеть и пользоваться своей (муниципальный) собственностью, финансово-экономическими и природными ресурсами, а также самостоятельно принимать под свою ответственность решения.

Вместе с тем именно исторический анализ позволяет в общем развитии самоуправления в России выделить ряд качественно отличающихся этапов с разнородными социально-экономическими и политико-правовыми параметрами. В данной статье исторический фактор будет рассмотрен в качестве детерминирующего в процессе формирования российской модели взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления.

Мы уже отмечали, что местное самоуправление в России имеет глубокие исторические корни. Масштабность территории России на протяжении всего исторического периода способствовала тому, что управление не могло осуществляться только как централизованное административное. Участие народа в решении публичных дел всегда сочеталось с общинной традицией на локальном уровне. На протяжении всей отечественной истории самоуправление на местах в тех или иных пределах допускалось и проявлялось в таких основных исторических формах, как вече, крестьянское самоуправление, земство, городское самоуправление и Советы народных депутатов [4, с. 162].

Одна из первых форм самоуправления в Древней Руси возникает в виде соседских общин-вервей, состоящих из семей одного племени. Именно из племенных собраний выросла вечевая демократия, ярким примером которой может служить Великий Новгород [2, с. 25].

Вече – одна из первых форм самоуправления, существовавшая изначально и повсеместно во всех русских землях с XI до середины XVI в. «Народные собрания» были высшим органом самоуправления, обладающим функциями публичной власти. Это был первый опыт организации самоуправления на местах, в полной мере отражавший особенность

территориально политического строя Древней Руси, имевший ярко выраженный корпоративно-местнический характер. Благодаря общинному самоуправлению поддерживалась и развивалась коллективность (соборность), при которой главными выступали общественные ценности.

Такая форма самоуправления как община известна практически всему миру. Но в России в связи с более поздним изживанием феодальных элементов и медленным процессом развития капитализма по сравнению с другими странами общинное самоуправление действовало более продолжительное время. Общины перестали существовать лишь в 1927 г.

Реформы, проводимые Екатериной II в XVIII в., способствовали развитию и укреплению городского самоуправления. Так, Грамота на права и выгоды городам Российской империи («Жалованная грамота городам»), подписанная 21 апреля 1785 г. в качестве особой юридической личности выделяла «общество градское» как объединение городских обывателей независимо от их сословной принадлежности [3, с. 309].

Определенные права в управлении городом получило собрание городских обывателей, в состав которого входили депутаты от каждого из шести разрядов населения. Собрание избирало из своего состава общую городскую думу как представительный орган города. Также при Екатерине II получило развитие дворянское самоуправление.

В эпоху правления Александра II реформирование было направлено на укрепление самостоятельности местных обществ, соединение различных групп населения в решении общих дел и задач по месту жительства. В этот период были утверждены «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» (1864 г.) и «Городовое положение» (1870 г.) [2, с. 374].

Позднее наступил период контрреформ Александра III. Вышеуказанные законодательные акты в самом общем виде были сведены к усилению государственного контроля над земствами, закреплению их положения как особого звена государственных учреждений, расширению представительства в них дворян. Так в России постепенно формировались черты государственной теории местного самоуправления [3, с. 395].

Революции 1905, 1917 гг. детерминировали новый этап взаимодействия власти и местного самоуправления. Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, изначально возникшие как организационные ячейки стачечного движения, заменили земские органы в системе самоуправления на местах.

Следует отметить, что в советский период, при всем многообразии реформ, устройство местной власти отличалось общими чертами:

- местные органы сочетали в себе принятие решений и их исполнение: за исполнение решений Советов отвечали формируемые ими исполкомы, которые, по сути, являлись внутренними органами советов;
- советские органы действовали в рамках принятого тогда административно-территориального деления;
- взаимодействие местных Советов и высших органов власти строилось на принципах централизма, подчинения нижестоящих органов вышестоящим, обязательности решений вышестоящих органов для органов нижестоящих;
- в условиях сложившейся в стране однопартийной политической системы власть Советов по своей сути являла прикрытие власти партийной.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что советская система местной власти оценивается как крайнее проявление государственной теории самоуправления. Со временем применительно к местной власти исчезает термин «самоуправление», государство, объявленное государством трудящихся, в целом начинает рассматриваться как самоуправленческое. А категория местного самоуправления стала рассматриваться как элемент буржуазной демократии, чуждой демократии социалистической.

Особого внимания заслуживает поздний советский и постсоветский периоды развития института местного самоуправления, этому будет посвящено дальнейшее исследование автора.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод. Несмотря на то, что общественное развитие в России характеризуется радикальными сменами парадигм (от монархии – к советскому авторитарному и тоталитарному правлению, от тоталитарного – к постсоветскому правлению), принцип историзма требует оценивать развитие самоуправления на каждом этапе по законам конкретной эпохи. При этом ретроспективный анализ содержания, процесса становления и функционирования системы местного самоуправления позволяет проследить преемственность российской истории самоуправления и учитывать «исторические корни» при проведении очередных реформ.

Список использованной литературы

1. Анимица, Е.Г. Основы местного самоуправления : Учеб. для студентов вузов, обучающихся по экон. специальностям / Е.Г. Анимица, А.Т. Тертышный. – Москва : ИНФРА-М, 2000. – 208 с.
2. Степанищев, А.Т. История России IX–XVII веков: От российской государственности до Российской империи : учебное пособие / А.Т. Степанищев. – Москва : КомКнига, 2007. – С. 25–26.
3. Русь–Россия–СССР–Россия: Этапы большого пути : Учеб. пособие для вузов по курсу «Отечественная история» : В 2 т. / А.В. Горожанин и др.; под общ. ред. В.В. Рыбникова. – Самара, 2004. – Т.1. – С. 309–310.
4. Юдахина, И.В. Становление местного самоуправления в России (исторический опыт и современные тенденции) / И.В. Юдахина // Вестник Военного университета. – 2009. – № 4 (20). – С. 161–167.

Н.А. Белоусова, О.С. Советова
г. Кемерово, Россия

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ КОСТЮМА НАРОДОВ СИБИРИ НА МАТЕРИАЛАХ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-11-42006-ОГН «Историческая реконструкция элементов костюма народов Сибири на археологических и этнографических материалах музейных коллекций».

Аннотация: В статье рассматривается опыт ученых Кемеровского государственного университета по исторической реконструкции элементов костюма народов Сибири, датированных в диапазоне с древнейшего времени до конца XIX – начала XX в. В ходе исследования были выявлены археологические и этнографические параллели в технологических приемах декорирования элементов костюма народов Сибири, основанные на анализе материалов коллекций и архивов академических, вузовских и краеведческих музеев в Кемерове, Барнауле и Томске. Проанализированные музейные собрания включают в себя украшения, выполненные из различных материалов, предметы, полученные в результате археологических раскопок, а также эстампирования и прорисовок наскальных изображений, этнографические объекты.

Ключевые слова: историческая реконструкция, элементы костюма, народы Сибири, археология, этнография, музейные собрания, музейная экспозиция.

N.A. Belousova, O.S. Sovetova
Kemerovo, Russia

EXPERIENCE OF HISTORICAL RECONSTRUCTION OF ELEMENTS OF COSTUME PEOPLE OF SIBERIA ON THE MATERIALS OF MUSEUM COLLECTIONS

Abstract: The article considers the experience of scientists of the Kemerovsky State University on the historical reconstruction of elements of the costume of the peoples of Siberia, dated in the range from the oldest time to the end of the 19th - the beginning of the 20th century. The study revealed archaeological and ethnographic parallels in the techniques of decorating elements of the costume of the peoples of Siberia, based on the analysis of materials of collections and archives of academic, university and local history museums in Kemerovo, Barnaul and Tomsk. Analyzed museum collections include decorations made of various materials, objects obtained

from archaeological excavations, as well as stamping and drawing of rock image and ethnographic objects.

Keywords: historical reconstruction, costume elements, people of Siberia, archaeology, ethnography, museum collections, museum exhibition.

В современных условиях историческая реконструкция объектов историко-культурного наследия является как никогда актуальной, поскольку требованием времени является не только сохранение этих объектов, но и правильная их презентация, построенная на принципах исторического моделирования. Такой подход позволяет получить информацию о функционировании рассматриваемых объектов, технологии их изготовления, семантической нагрузке. Традиционный костюм как важный культурно-исторический источник требует комплексного научного подхода, который и был выбран группой исследователей Кемеровского государственного университета в процессе реализации проекта по реконструкции украшений различных эпох (эпохи бронзы и этнографического костюма коренных малочисленных тюркоязычных народов Сибири – шорцев и телеутов). Основное внимание было уделено ряду важных характеристик: технологии изготовления костюмного комплекса, семантике оформления разного рода элементов, выявлению его принадлежности к различным половозрастным группам и т.д.

Поскольку в настоящее время особую актуальность приобретает развитие археолого-этнографического направления, в процессе реализации проекта при изучении украшений и элементов костюма осуществлялись корректные археолого-этнографические параллели, проводились интерпретация и историческая реконструкция всего костюма. Спецификой исследования являлось использование различных групп источников для воспроизведения элементов костюма: вещественные археологические материалы и сюжеты древнего изобразительного искусства, этнографические коллекции, нарративные источники и фотоархивы, а также ранее не введенные в научный оборот результаты изучения музейных собраний.

В ходе исследований музейных фондов и собраний академических, вузовских и краеведческих музеев в Кемерове (Кузбасская лаборатория археологии и этнографии СО РАН – КемГУ, Кемеровский областной краеведческий музей, Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета), Барнауле (Лаборатория археологии НИИ Гуманитарных исследований при АГУ, Музей археологии и этнографии Алтая при АГУ), Томске (Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета) были проведены археологические и этнографические параллели технологических приемов декорирования элементов костюма народов Сибири с древнейшего времени до к. XIX в. – нач. XX в.

Рис. 1. Научная версия реконструкции женских украшений эпохи бронзы в экспозиции музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета (по О.В. Умеренковой и Л.Ю. Бобровой)

Методы реконструкции внешнего вида одежды по археологическим материалам уже рассматривались в работах В.В. Боброва, О.В. Умеренковой, Э.Р. Усмановой, К.А. Алтынбекова, Р.Ф. Дасаева, Л.Ю. Бобровой, В.В. Дворниченко, А.Л. Кунгурова и др. В последние два десятилетия в отечественных костюмоведческих исследованиях стали рассматриваться вопросы методики изучения предметов одежды номадов, обнаруженных в погребально-поминальных комплексах на территории степной Евразии. Процедура фиксации и описания «археоло-

гического костюма» предполагает использование оптимальной последовательности действий, направленных на получение объективного результата при дальнейшей детальной реконструкции вещей. Существенное значение в таком процессе воссоздания первоначального вида головных уборов, верхней одежды, обуви, украшений и т.д. приобретают и другие группы источников: письменные, изобразительные, этнографические и др.

В археологических исследованиях украшения эпохи бронзы долгое время не рассматривались специалистами в качестве предмета самостоятельного изучения (исключением является диссертационное исследование О.В. Умеренковой «Украшения эпохи бронзы Западной Сибири: археологический и исторический аспекты», 2011). Лишь в некоторых случаях к ним обращались как к диагностирующему материалу. В последнее время появились интересные работы по реконструкции костюма, представленного такой категорией источников, как наскальные изображения. Так, попытки реконструкции внешнего облика человека эпохи бронзы представлены в работах Ю.Н. Есина [3], тагарского населения – в исследованиях О.С. Советовой [9, с. 106–110; 10, с. 291–304], таштыкского – С.В. Панковой [8, с. 117–141], И.Л. Кызласова [6, с. 103–108], О.С. Советовой [11, с. 92–100] и др., этнографического времени – Л.Р. Кызласова, Н.В. Леонтьева [7] и т.д.

Основополагающим критерием реконструкции одежды является наличие систематизированной источниковой базы, которая позволяет установить точное соответствие между конкретным элементом одежды и предметным комплексом, к ней относящимся. В ходе работы была создана электронная база данных с учетом классификационных показателей по предметному комплексу одежды древнего населения Западной Сибири, в том числе из археологических памятников Кузнецкой котловины.

В ряде работ сибирских ученых рассматривалась история изучения одежды традиционных народов Сибири, составляющие элементы костюма, его эволюция, смысловое значение определенных элементов, а также успешно использован опыт этнографических исследований. Впервые решение проблем научного воссоздания художественного оформления этнографического костюма коренных малочисленных тюркоязычных народов Сибири (шорцев и телеутов), технологических приемов изготовления их декора предложено в работах Т.И. Кимеевой [5, с. 213–216]. Ею решалась одна из основных задач проекта – разработка методов и методик научной реконструкции художественного наследия коренных народов Сибири, в том числе, элементов костюмного комплекса [4, с. 244–252]. Следует учитывать, что в музейных экспозициях сибирских музеев практически не встречаются полные реконструкции элементов декорирования костюма эпохи бронзы и крайне редко представлены полные комплексы украшений костюма шорцев и телеутов конца XIX – начала XX вв. Основная цель проекта была достигнута: научная версия реконструкции нагрудного женского украшения эпохи бронзы (по материалам памятника Люскус) создана О.В. Умеренковой и Л.Ю. Бобровой [2]; комплексы украшений костюмов шорцев и телеутов конца XIX – начала XX вв. были дополнены Т.И. Кимеевой и Н.А. Белоусовой. Л.З. Боголеповой создана просопографическая база ученых, внесших вклад в формирование музейных коллекций КемГУ, материалы которые послужили основой для создания реконструкций [1, с. 13–15]. Научно обработанные материалы коллекций, архивов и неопубликованных до настоящего времени источников были включены в научные публикации, обработаны и введены в экспозиции двух разделов музея КемГУ: «Археология эпохи бронзы» и «Этнография тюркоязычных народов Притомья».

Таким образом, в ходе реализации проекта была решена конкретная задача, связанная с разработкой и презентацией в современном научном и социокультурном пространстве музея оригинальных научных реконструкций элементов костюмного комплекса народов Сибири.

Список использованной литературы

1. Белоусова, Н.А. Археологические и этнографические экспедиции ученых КГПИ-КЕМГУ (1960–1980-е гг.) / Н.А. Белоусова, Л.З. Боголепова // Кузбасс – 75 : материалы региональной научно-практической конференции, посвященной юбилею Кемеровской области : сб. статей. – Кемерово : ГБУ ДПО «КРИРПО», 2018. – С. 13–15.
2. Боброва, Л.Ю. Сложносоставной комплект украшений костюма в эпоху бронзы Кузнецкой котловины (по материалам памятника Люскус I) [Электронный ресурс] / Л.Ю. Боброва, О.В. Умеренкова // Археологический костюм: реставрация, реконструкция, репрезентация : III Международная научно-практическая конференция. – Казань,

18–20 сентября 2018. – Режим доступа: http://kazan.bezformata.com/listnews/iii-mezhdunarodnaya-nauchno-rakticheskaya/69707186/).
3. Есин, Ю.Н. Тайна богов древней степи / Ю.Н. Есин. – Красноярск : Поликор, 2009. – 184 с.
4. Кимеева, Т.И. Формирование коллекции и методика описания художественного текстиля шорцев в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета / Т.И. Кимеева // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 31. – С. 244–252.
5. Кимеева, Т.И. Актуализация нематериального культурного наследия тюркоязычных народов Южной Сибири: на примере технологий производства пуговиц «топчы» / Т.И. Кимеева // Учёные записки (АлтГАКИ). – Барнаул : Изд-во АлтГИК. – 2018. – № 2(16). – С. 213–216.
6. Кызласов, И.Л. Таштыкские рисунки на вершине горы Тепсей / И.Л. Кызласов // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 2012. – Вып. 26. – С. 103–108.
7. Кызласов, Л.Р. Народные рисунки хакасов / Л.Р. Кызласов Н.В. Леонтьев – Москва : Наука, 1980. – 176 с.
8. Панкова, С.В. Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции / С.В. Панкова // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова / Труды САИПИ. Вып. VII. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. – С. 117–141.
9. Советова, О.С. Антропоморфные изображения на скалах Енисея: (к вопросу о внешнем облике населения тагарского времени) / О.С. Советова // Археология Южной Сибири. – Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. – С. 106–110.
10. Советова, О.С. Сцены с женскими персонажами в наскальном искусстве Саяно-Алтая / О.С. Советова, Ю.М. Ладыгина // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения : сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. – Томск : Изд-во ТГУ, 2013. – С. 291–304.
11. Советова, О.С. Антропоморфные персонажи в укороченных штанах в наскальном искусстве Минусинской котловины / О.С. Советова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2018. – № 2. – С. 92–100.

Л.З. Боголепова
г. Кемерово, Россия

УЧЕНЫЕ, ВНЕСШИЕ ВКЛАД В КОЛЛЕКЦИОННЫЕ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ «АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ЭКОЛОГИЯ СИБИРИ» КЕМГУ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-11-42006 «Историческая реконструкция элементов костюма народов Сибири на археологических и этнографических материалах музейных коллекций».

Аннотация: Статья посвящена изучению археолого-этнографических коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, включающих элементы женского костюмного комплекса народов Сибири в разные исторические эпохи. Автор рассматривает вклад ученых КемГУ, совершавших научные экспедиции в период с 1950-х по конец 1990-х гг., в изучение региональной культуры. В ходе исследования были изучены коллекционные собрания, дневники и отчеты по экспедиционным исследованиям ученых. Автором была создана просопографическая база данных по ученым вуза, передавшим в музей ценные археологические и этнографические коллекции, включающие предметы костюмных комплексов.

Ключевые слова: археолого-этнографическое наследие, реконструкция, музейные собрания, женский исторический костюм, музей.

L.Z. Bogolepova
Kemerovo, Russia

SCIENTISTS CONTRIBUTING TO THE COLLECTION MEETINGS OF THE MUSEUM "ARCHEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND ECOLOGY OF SIBERIA" OF KEMGU

Abstract: The article is devoted to the study of archaeological and ethnographic collections of the museum "Archaeology, ethnography and ecology of Siberia" of KemSU, including elements of the female costume complex of the peoples of Siberia in different historical epochs. The author considers the contribution of KemSU scientists who made scientific expeditions between the 1950s and the late 1990s to the study of regional culture. The study examined collections, diaries and reports on expeditionary research by scientists. The author created a prosopographic database of scientists who transferred valuable archaeological and ethnographic collections to the museum, including items of costume complexes.

Keywords: archeological and ethnographic heritage, reconstruction, museum collections, women's historical costume, museum.

Стремление каждого народа сохранить уникальность своей культуры не угасает и в XXI веке. Традиционный исторический костюм является одним из наиболее ярких идентификаторов национальной культуры. Элементы костюма и его украшения, использованные народами Сибири в различные исторические эпохи, изучаются в разных аспектах: от их выявления в музейных собраниях, включающих коллекции и архивы, атрибуции и детального анализа, до исторической реконструкции.

В научно-исследовательской работе по проекту РФФИ «Историческая реконструкция элементов костюма народов Сибири на археологических и этнографических материалах музейных коллекций» в музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ одной из самых важных задач научной реконструкции является отбор и изучение подлинных источников. В этой связи обращение к наследию ученых-историков, передавших уникальные коллекции в музейное собрание, является актуальным.

Для выявления, отбора, изучения археологических и этнографических коллекций, включающих элементы женского костюма в разные исторические эпохи народов Сибири, автором была разработана электронная просопографическая база данных по ученым-исследователям, размещенная на сайте музея КемГУ [6]. В ней представлены сведения о 19 ученых вуза (археологах, краеведах, этнографах), передавших экспедиционные материалы, включающие элементы женского костюмного комплекса разных исторических эпох в фонды музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. База данных состоит из следующих разделов: ФИО, должность и звание; краткие биографические данные; информация об участии в научных археологических или этнографических экспедициях (время, место); сведения о коллекционном фондовом материале (дата поступления, номер коллекции, перечень предметов, количество, материал, указана историческая эпоха).

Началом сбора коллекционных материалов, включающих элементы женского исторического костюма, явились результаты первых археологических экспедиций середины 1950-х гг. под руководством А.И. Мартынова. В это же время была создана стационарная база Кузбасского молодежного археологического лагеря «Родина» в поселке Тисуль. Успешно шло формирование археологической школы в Кемеровской области. В 1965 г. в КемГУ была открыта на общественных началах лаборатория археологических исследований под руководством к.и.н., доцента А.И. Мартынова, где активно работали преподаватели и студенты исторического факультета (Ю.М. Бородкин, В. В. Бобров, Э.И. Биглер, А.М. Кулемзин, В. Бобков, Н. Покровская, Е.В. Попов, А.С. Васютин, С. Маркин и др.), которая занималась изучением памятников Кузбасса и соседних территорий. В 1975 г. была открыта кафедра археологии.

Археологические научные исследования кафедры археологии проводились по комплексной программе «Археология Южной Сибири», а с 1980-х гг. – «Археология Южной Сибири и степной Евразии»,

утвержденной институтом археологии АН СССР и ИИФФ СО АН СССР. В этот период проводились исследования археологических памятников в зоне строительства Крапивинского водохранилища археологами под руководством к.и.н. Г.С. Мартыновой. На территории Новокузнецкого и Кемеровского районов работали отряды под руководством к.и.н. С.В. Маркина, в Чебулинском районе под руководством к.и.н. А.М. Кулемзина. На территории Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса руководили работами А.И. Мартынов, В.В Бобров, в зонах дорожного строительства – В.В. Бобров, В.А. Бобков, на Алтае – к.и.н. А.С. Васютин [1, с. 14]. Значительный вклад в пополнение коллекций, включающих элементы женского костюма разных исторических периодов, внес д.и.н., профессор В.В. Бобров, под руководством которого проходили археологические экспедиции на территории Южной Сибири.

В результате научных экспедиций, проведенных с 1956 по 1990-е гг. с участием ученых КемГУ, собрано и передано в музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ 38 коллекций, включающих элементы женского костюма разных исторических эпох из бронзы, золота, серебра, камня, пасты и стекловидной массы, кости, железа, остатков кожи, кости (диадемы, бляшки-пуговицы, проколки, бусины, серьги, подвески ушные, бусины, кольца, заколки, остатки одежды, браслеты, накосники и т.д.) [3, 4, 5].

Уникальные археологические коллекции явились основой для создания музейных археологических реконструкций в разные исторические периоды. Часть этих материалов была использована при создании версии исторической реконструкции женских украшений эпохи бронзы ученым-историком О.В. Умеренковой и музееведом Л.Ю. Бобровой.

Благодаря историко-этнографическим экспедициям под руководством ученого-краеведа Д.В. Кацюбы по изучению малочисленных народов Кузбасса (телеутов и шорцев), был собран бесценный материал, являющийся источником для изучения особенностей региональной истории и культуры Кузбасса. Начиная с 1960-х гг., было совершено 19 целенаправленных экспедиций. Были обследованы Таштагольский и Мысковский районы Горной Шории (Карчит, Кабырза, Усть-Кабырза), телеутские села Беловского района (Беково, Челухоево, Шанда, Верховская) Кемеровской области. С 1970 по 1977 гг. на базе исторического факультета КемГУ активно работал областной экспериментальный краеведческий историко-этнографический лагерь «Кузбасс». Коллекция № 136 по культуре телеутов из собрания Д.В. Кацюбы содержит элементы исторического женского костюма в количестве 505 единиц хранения: пуговицы, женские накосники тана и девичьи чак пӱӱш, чулки чулук из льняных ниток, домотканые пояса кур, сапоги, нагрудники тошток, воротники женского платья, платья-рубахи кунек, халаты чиймек, халаты телен и т.д. Женские украшения из этой коллекции представлены изделиями из серебра, меди, полудрагоценных камней, бусин, раковин каури. Результаты экспедиций и материалы работы историко-этнографического лагеря «Кузбасс» являются на сегодняшний день ценными источниками и основой для воссоздания научной реконструкции исторического женского телеутского костюма [2, с. 1–9].

Под руководством к.и.н. Р.В. Николаева в 1970–1980-е гг. были совершены этнографические экспедиции по изучению народов Сибири (эвенков и кетов) в Красноярский край (п. Мадуйка, п. Серково, по р. Нижняя Тунгуска). Им была передана в этнографический отдел музея КемГУ коллекция, включающая элементы одежды кетов.

В 1980-е гг. кафедрой археологии под руководством В.М. Кимеева были организованы и проведены экспедиции в таежные районы Горной Шории и в Беловский район к бачатским телеутам (в села Беково, Челухоево). В результате были собраны коллекции предметов материальной культуры шорцев и телеутов, в том числе одежда, обувь, украшения.

Отрядом Южносибирской археолого-этнографической экспедиции в 1983–1985 гг. в пп. Аскизского и Таштыпского районов Красноярского края с участием Н.А. Белоусовой, Е.А. Миклашевич, Л.А. Скрябиной, С.В. Притворовой были собраны предметы, пополнившие хакасскую коллекцию музея КемГУ.

Таким образом, уникальные археологические и этнографические коллекции были собраны в основном в 1950–1990-е гг. в ходе многолетних экспедиций учеными КемГУ, внесшими большой вклад в сохранение историко-культурного наследия Кузбасса. Благодаря этим подлинным материалам, хранящимся в музее «Археология, этнография и экология Сибири КемГУ, возможна научная реконструкция элементов женского костюма народов Сибири в разные исторические эпохи.

Список использованной литературы

1. Белоусова, Н.А. Археологические и этнографические экспедиции ученых КГПИ-КЕМГУ (1960–1980-е гг.) / Н.А. Белоусова, Л.З. Боголепова // Кузбасс – 75 : материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной юбилею Кемеровской области : сб. статей. – Кемерово : ГБУ ДПО «КРИРПО», 2018. – С. 13–15.
2. Белоусова, Н.А. Собрания музея КемГУ как основа для научной реконструкции национального телеутского женского костюма / Н.А. Белоусова, Л.З. Боголепова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – № 21 (1). – С. 1–9.
3. Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово : ФГУИПП «Кузбасс», 2004. – Вып. 1. – 111 с.
4. Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово : ФГУИПП «Кузбасс», 2006. – Вып. 2. – 121 с.
5. Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово : СКИФ : ИПП «Кузбасс», 2008. – Вып. 3. – 128 с.
6. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://museum.kemsu.ru/main.html (дата обращения: 03.03.2020).

С.В. Бураева
г. Улан-Удэ, Россия

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: КНИЖНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, проект № 19-011-20038 «II Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество: Наука. Наследие. Общество».

Аннотация: Статья посвящена вопросам сохранения большой части историко-культурного наследия - книжных памятников. Дана краткая характеристика основных сегментов этого блока и мест хранения. Сформулированы приоритетные направления работы на современном этапе. Проанализированы результаты выполнения проектов различных учреждений культуры и науки Республики Бурятия в области сохранения наследия. Определены перспективные направления и основные проблемы.

Ключевые слова: наследие, книжные памятники, сохранение, дигитализация, Бурятия.

S.V. Buraeva
Ulan-Ude, Russia

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLE OF THE BAIKAL REGION AT THE PRESENT STAGE: BOOK MONUMENTS

Abstract: The article is devoted to the preservation of book monuments as a large part of the historical and cultural heritage. A brief description of the main segments of this unit and storage locations is given. The priority areas of work at the present stage are formulated. The results of the implementation of projects of various institutions of culture and science of the Republic of Buryatia in the field of heritage conservation are analyzed. Promising areas and main problems are identified.

Keywords: heritage, book monuments, preservation, digitalization, Buryatia.

Культурное наследие каждого народа, великой или малой нации всегда существует как одна из важнейших предпосылок духовного бытия будущих поколений, всего исторического целого. Важно, чтобы это наследие существовало не только как историческая память, как опыт самопознания, но и как актуальная сила духовного преображения, воспитания нации, движения ее на пути прогресса и нравственного совершенствования.

Письменное культурное наследие, в котором запечатлен социальный и духовный опыт народа, сосредоточено в библиотечных, архивных, музейных фондах страны. В них хранятся богатейшие фонды рукописных материалов и печатных изданий, являющихся документальными памятниками. Национальное культурное наследие Бурятии составляет десятки тысяч рукописных и печатных книг, архивных документов начиная с XVI в. Наиболее значительными и ценными памятниками являются рукописи и старопечатные книги XVI–XVIII вв. кириллической традиции, ксилографы и рукописи на старомонгольском и тибетском языках XVIII–XIX вв., редкие издания XVIII–XX вв., в том числе, бурятские издания 1920–30-х гг.

Созданные человеческой мыслью разных времен и народов, на многих языках, в разных отраслях знаний, эти коллекции в совокупности составляют единый фонд книжно-документальных памятников, который является национальным достоянием и документальной памятью общества, ценнейшим историческим источником и вызывает интерес не только у российских исследователей, но и у многочисленных зарубежных специалистов.

В условиях государственного суверенитета Республики Бурятия с особой остротой проявляется стремление к историческому и культурному самосознанию народов, ее населяющих. Эта социальная потребность может быть удовлетворена в значительной степени за счет расширения информации об уникальных памятниках истории и культуры Бурятии, а также осуществленного к ним доступа.

Однако существует проблема физического разрушения памятников письменности и печати: необратимое воздействие времени, недолговечность материала, на котором были созданы документальные памятники, неудовлетворительные условия хранения, значительный спрос на уникальные документы, сохранившиеся в единичных экземплярах (в результате чего интересы сохранности ценных фондов вступают в противоречие с принципом доступности), – все эти факторы способствуют ухудшению физического состояния ценных фондов. Проблема эта приобрела в Бурятии значительный масштаб. Памятники письменности неуклонно разрушаются в процессе хранения и использования. Бумага стареет, становится ломкой и разрушается при использовании. Объем разрушающихся фондов требует срочного принятия мер по реставрации и консервации документов.

В каких ракурсах мы считаем необходимым рассматривать проблему сохранения памятников письменности? Прежде всего, необходима идентификация документального наследия, имеющего региональное и всемирное значение. Не меньшее значение имеет создание страховых и рабочих копий в форматах и на носителях, позволяющих их множественное копирование; впоследствии – максимальная замена оригиналов копиями (посредством сканирования и микрофильмирования). Комплексность действий должны усилить консервация и реставрация книжных памятников, создание необходимых гигиенических условий хранения редких, ценных книг и рукописей. Заметим, что для улучшения учета начата работа по составлению Государственного реестра уникальных и особо ценных памятников письменности Республики Бурятия.

Работа проводится силами учреждений культуры (библиотеки, музеи, Национальный архив) и Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее – ИМБТ СО РАН). Последним был осуществлен специальный проект – Электронная востоковедная библиотека «Историко-культурное наследие народов Внутренней Азии». В его рамках проводились разработка методов выявления, исследования, сохранения и популяризации объектов культурного наследия в Трансбайкалье. Систематически проводилась научно-техническая обработка архивных фондов и книжно-рукописных коллекций, их научное описание и аннотирование, подготовка к публикации. Выполнение проекта выявила насущную необходимость разработки методов и средств электронного представления историко-культурного наследия и, связанных с этим, создания электронных каталогов, графических баз данных и страховых копий документов. В результате проекта были введены в научный оборот исследования, переводы и комментарии памятников письменности [1, 2].

Несмотря на то, что Россия владеет крупнейшими мировыми коллекциями восточной литературы, подобные проекты получили у нас ограниченное развитие. Наиболее близкими по своему характеру можно назвать программы по созданию электрон-

ной базы данных и каталога тибетской коллекции Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН, осуществляемого в рукописном отделе и в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ. Системная работа по информатизации востоковедных ресурсов в Сибирском отделении РАН и ИМБТ СО РАН ведется исключительно в Центре восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) ИМБТ. Центром разработана структура, и начато создание ресурсной базы востоковедных исследований, основу которой составили впервые созданные электронные каталоги монгольских, тибетской, архивных, аудио- коллекций ЦВРК, тематические каталоги и библиографии. Создаются оригинальные гипермедийные информационные ресурсы по результатам исследований научных сотрудников Центра, проводится реструктуризация материалов аудиоархива по коллекциям и личным фондам. Разработаны методы и средства электронного представления историко-культурного наследия [3, 4].

Созданы и издаются каталоги коллекций монгольских и тибетских рукописей, хранящихся в ЦВРК (на русском и английском языках); в печати находятся тематические каталоги архивного фонда. Осуществляется научно-техническая обработка фондов. С помощью специального планетарного книжного сканера созданы более десяти тысяч электронных копий документов из фондов ЦВРК.

Учеными ИМБТ СО РАН с середины 1990-х гг. возобновлены регулярные археографические экспедиции на территории региона с целью выявления ранее неизвестных книжно-рукописных и документальных собраний, их описания и дигитализации. Таким образом, осуществляется комплексное исследование письменных источников различного происхождения в контексте реконструкции становления и развития региональной книжно-рукописной традиции.

Национальная библиотека Республики Бурятия, Национальный архив Республики Бурятия и Музеи региона действуют в рамках принятой Правительством РБ Программы «Память Бурятии». По своим целям и формам она соответствует международной программе ЮНЕСКО «Память мира» (1992 г.) и федеральной Программе «Память России» (1994 г.), по существу является их составной частью.

Программа предусматривает ряд конкретных мероприятий, направленных на улучшение сохранности оригиналов документов и предотвращение их порчи или хищения: обследование физического состояния документов; определение адекватных средств их реставрации и консервации; выделение специализированных помещений и приобретение необходимого оборудования; создание нормативных условий хранения и использования документов (температурно-влажностный режим, световой и санитарно-гигиенические режимы хранения, режим доступа).

В зависимости от характера документов средствами их защиты и пропаганды могут стать: консервация и реставрация документов, микрофильмирование и микрофиширование, факсимильное переиздание, репродуцирование документов, перевод в цифровой формат.

Последнее будет означать освоение современных технологий, производство принципиально нового «культурного продукта», внедрение качественно новой системы формирования, хранения и использования фондов. Технические возможности компакт-дисков (CD-ROM, DVD) – изменение масштаба изображения, гибкий многоаспектный поиск текстов или их фрагментов по разным признакам и многое другое – открывают множество нетрадиционных возможностей для ученых и исследователей.

Основное внимание уделяется дигитализации памятников письменности. В современных условиях уже не требует доказательств, что концепция информационного обслуживания, базирующегося только на основе печатных носителей, устарела, и ей на смену пришла другая, – основанная на электронном представлении самой разнообразной информации, тиражируемой в неограниченном количестве и мгновенно доступной через глобальные сети передачи данных независимо от времени и местонахождения пользователя. Все вышеизложенное еще в большей степени становится актуальным, когда мы говорим об уникальных архивных и книжных коллекциях, имеющих большое историко-культурное значение. Помимо решения задачи по обеспечению широкого круга потребителей достоверной информацией об имеющихся ресурсах, а в некоторых случаях доступа к цифровым копиям и переводам самих документов, подобные проекты помогают снять остроту проблемы по сохранению тех рукописей, утеря которых невосполнима.

В рамках выполнения Программы «Память Бурятии» в Национальной библиотеке создан и оборудован согласно современным требованиям Центр консервации и реставрации документов, начато составление Государственного реестра книжных памятников. Приоритетными направлениями его работы названы: создание и поддержание норма-

тивного режима хранения в существующих библиотеках, в реконструируемых и строящихся библиотечных зданиях; внедрение фазовой консервации (фазовое хранение как форма временной консервации); разработка методов массовой стабилизации; развитие массовой реставрации документов [5].

Целый ряд проблем выявлен в ходе выполнения Программы. В Республике Бурятия до сих пор нет специалистов, имеющих навыки и право (то есть лицензию) на реставрацию уникальных памятников письменности XVI–XIX вв. Необходимо подчеркнуть, что пока в Национальной библиотеке выполняются лишь несложные операции по консервации фондов. Реставрационное оборудование в Национальном архиве давно не модернизировалось, а в ЦВРК его нет вовсе.

Система хранения может считаться не более чем удовлетворительной – все памятники письменности должны храниться в закрытых стеллажах, а температурно-влажностный режим должен соблюдаться более строго.

Таким образом, для решения проблемы сохранения памятников письменности необходимо преодолеть противоречие между стремлением сохранить оригинал и осуществлением права равного и всеобщего доступа к культурному наследию. Необходимо обеспечить открытый доступ к электронным копиям памятников письменности, а также скорейшее создание аннотированных каталогов книжно-рукописного наследия народов Байкальского региона, сосредоточенного в хранилищах учреждений науки и культуры Бурятии.

Список использованной литературы

1. Бураева, С.В. Книжные раритеты в музеях г. Улан-Удэ / С.В. Бураева // Музеи, исчезающее и воспроизведенное наследие, туризм: опыт и современные практики взаимодействия. – Улан-Удэ : Изд-полигр. комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2013. – С. 99–106.
2. Бураева, С.В. Фонды Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН в информационных проектах Сибирского отделения РАН / С.В. Бураева, М.В. Аюшева // XVII Ежегодная международная научно-практическая конференция АДИТ–2013 «Культура: старые проблемы и новые возможности. Регион, Россия, Мир». – Ханты-Мансийск, Екатеринбург : Баско, 2013. – С. 93–97.
3. Ванчикова, Ц.П. К истории монгольского рукописного Ганджура и о современных исследованиях буддийских канонических компендиумов / Ц.П. Ванчикова // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11. – № 5. – С. 157–165.
4. Ринчинов, О.С. Библиографическая база данных «Тибетоязычные источники по традиционной медицине» / О.С. Ринчинов // Научные и технические библиотеки. – 2018. – № 4. – С. 72–83.
5. Хамаганова, Р.И. Роль Национальной библиотеки Республики Бурятия в сохранении историко-культурного наследия / Р.И. Хамаганова, Д.В. Базарова // Роль и место национальных библиотек в этнокультурном пространстве региона: материалы общеросс. науч.-практ. конф. – Ижевск, 2009. – С. 113–117.

С.В. Бураева, А.Е. Мурзинцева
г. Улан-Удэ, Россия

КУЛЬТУРНОЕ И ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ В АКАДЕМИЧЕСКОМ МУЗЕЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-011-20038 «II Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество: Наука. Наследие. Общество».

Аннотация: Статья посвящена анализу основных этапов формирования академического музея в Бурятии. Определены основные направления развития и результаты. Рассмотрены особенности представления историко-культурного и природного наследия в музейном контексте. Подчеркнута необходимость взаимодействия науки, общества и музея в области изучения и сохранения наследия.

Ключевые слова: наследие, музей, экспозиция, Бурятия.

S.V. Buraeva, A.E. Murzintseva
Ulan-Ude, Russia

CULTURAL AND NATURAL HERITAGE AT THE ACADEMIC MUSEUM IN THE EAST OF RUSSIA

Abstract: The article is devoted to the analysis of the main stages of the formation of the academic museum in Buryatia. The main directions of development and results are determined. The features of the presentation of historical, cultural and natural heritage in a museum context are considered. The necessity of interaction between science, society and the museum in the field of the study and preservation of heritage is emphasized.

Keywords: heritage, museum, exposition, Buryatia.

Проблемы сохранения историко-культурного и природного наследия, генерирования научного знания и методов его представления обществу в современных условиях сегодня приобрели особую актуальность. Необходима систематическая координация направлений, форм и методов научных изысканий учёных различных специальностей и сотрудников учреждений культуры, прежде всего музеев. Особая роль принадлежит академическим музеям, которые заняты не только сбором, накоплением, хранением, первичной обработкой и систематизацией эмпирических данных, но и обеспечивают ввод в научный оборот и обобщение данных из коллекций. В условиях тесного взаимодействия с иными академическими подразделениями и учреждениями, эти материалы становятся стратегическим ресурсом страны.

В этой связи, как нам представляется, важна роль успешного опыта организации подобного музея, и еще более важным становится этот опыт в контексте значительной территориальной отдаленности. Именно анализ подобного опыта стал целью данной публикации.

Идея создания академического музея в Бурятии появилась ещё в конце 1950-х годов, однако прошло целое десятилетие, прежде чем эти планы были реализованы. Первый академический музей в Бурятии был основан по решению Ученого совета Отдела геологии Бурятского филиала СО АН СССР от 28 марта 1969 г. Инициатором создания и первым заведующим музеем стал Г.И. Туговик, специалист по рудообразованию и коллекционер, увлекавшийся цветными и поделочными камнями, что и определило название музея «Музей бурятского камня». В декабре 1977 г., согласно постановлению Президиума СО АН СССР, он получил официальный статус академического минералогического музея. 1 апреля 1978 г. открылась первая экспозиция, разместившаяся в подвале Геологического института по адресу ул. Павлова, 2; к тому времени было собрано около 3000 экспонатов [5].

В 1980-е гг. музеем заведовали Д.И. Царев и Г.С. Рипп, каждый из которых дополнил музейное собрание своими исследовательскими коллекциями. Герман Самуилович все пятьдесят лет активно участвует в работе музея, в значительной мере определив облик его минералогического раздела. Он осуществил переезд музея из тесного подвального помещения в актовый зал здания Президиума филиала на ул. Сахьяновой, 8. Украшением нового зала стала серия пейзажей И.Ю. Худяковой «12 месяцев на Байкале».

Параллельно музейная деятельность развивалась и в других институтах Бурятского филиала СО АН СССР. В Институте общественных наук Е.А. Хамзина создает археологическую экспозицию. Музейный уголок был организован в Институте биологии М.А. Шаргаевым.

В 1985 г. музей переезжает на ул. Сахьяновой, 8 (в актовый зал площадью 100 кв.м.). В 1988 г. было принято решение о создании объединенного Музея БФ СО АН СССР. Формируются археологическая и биологическая экспозиции. С 1991 г. он носит название Музей Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Первой заведующей Музеем БНЦ СО РАН стала Е.Ш. Трубачеева [4].

В августе 1993 г. Музей Бурятского научного центра изменил организационный статус. Он был учрежден как ассоциация научно-вспомогательных отделов научных институтов при Президиуме БНЦ СО РАН. С 1993 по 2004 гг. Музеем руководила д.и.н. Л.В. Лбова, сформировавшая стратегию развития музея в новых условиях.

На этом этапе Музей значительно расширил поле своей деятельности. Коллекции, переданные институтами, дополнялись музейными сборами. Усилилась работа по каталогизации фондов. При музее действовала реставрационная мастерская. Развивалось сотрудничество с вузами, другими музеями и исследовательскими организациями.

В 1994 г. в Музее организована новая экспозиция – «Проблемы охраны озера Байкал и экологический мониторинг в Байкальском регионе», а в декабре 1997 г. впервые открыта экспозиция «Тибетская медицина: история и современность».

1990-е гг. – начало активной работы музея по выполнению экспедиционных и исследовательских проектов. Ежегодно организовываются археологические экспедиции в различные районы Бурятии.

Новое тысячелетие Музей Бурятского научного центра встретил как один из лидеров музейного дела региона. С 2001 г. Музей БНЦ СО РАН стал членом Международной Ассоциации естественноисторических музеев и членом Союза Музеев России.

Разработаны сайт музея и электронный каталог. Ведется активная исследовательская деятельность. Музей участвует в значительном числе партнерских проектов. Продолжается сотрудничество с кафедрой музеологии и наследия ВСГИК. Регулярно проводятся реэкспозиции музейных залов. В 2004 г. была открыта пятая – палеонтологическая – экспозиция музея [3].

В 2004–2006 гг. музеем руководил к.и.н. В.И. Ташак, в 2006–2007 гг. – к.и.н. Е.Д. Жамбалтарова. В этот период Музей БНЦ СО РАН принял участие в крупном международном проекте – фестивале «Европалия – Россия – 2005» (Брюссель, Бельгия) с выставкой «Азиатские гунны», проводившейся совместно с Музеем истории им. Хангалова и Кяхтинским краеведческим музеем им. Обручева. Реставрационная подготовка всех экспонатов проведена М.Л. Воробьевым и А.И. Симухиным.

С 2008 г. Музея возглавила д.и.н. С.В. Бураева.

Ежегодно Музей БНЦ СО РАН организует более десятка различных временных выставок. Наряду с традиционными для музея направлениями (археология, геология, биология, коммеморативные практики), приоритетным направлением становится демонстрация инновационных проектов и достижений науки. Музей активно участвует в совместных выставочных проектах в Улан-Удэ и за пределами Бурятии. Среди наиболее крупных проектов: выставки, посвященные культуре хунну 2005–2019 гг. (Брюссель, Иркутск, Улан-Удэ); региональные археографические выставки 2010–2013 гг., серия российско-индийских выставок 2009–2016 гг. (Улан-Удэ, Дели, Калькутта, Гвалиор), продолжающийся проект «Средневековая торевтика в музеях Байкальской Сибири» 2017–2019 гг. (Владивосток, Чанчунь, Улан-Удэ) и др.

Сотрудники Музея участвовали в десятках конференций от Ханты-Мансийска на севере до Краснодарского края на юге, и от Санкт-Петербурга на западе до Владивостока на востоке. Мы побывали в Москве, Барнауле, Иркутске, Казани, Кемерово, Красноярске, Кызыле, Новосибирске, Томске, Туапсе, Уфе, Чите, а также в Белоруссии, Индии, Китае, Монголии.

Экспедиционные исследования музея включают в себя археологические раскопки в Бичурском, Иволгинском, Окинском, Хоринском районах Бурятии.

С 2008 г. начато формирование цифрового архива фотодокументов по истории науки в регионе. В 2009 г. на базе Музея проведена I Всероссийская научно-практическая конференция «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество». В 2011 г. создан постоянный выставочный блок в лабораторном корпусе научного центра. В этом же году Музей стал членом АДИТ.

2012 год стал этапным для современной ситуации в Музее. Были проведены масштабные реэкспозиции археологического, геологического, палеонтологического залов, принято действующего Положения о музее. Спустя два года, в 2014 г. в Байкальском зале была создана новая экспозиция – «Естественнонаучные исследования в Байкальском регионе» [1].

Итак, в настоящее время в Музее действуют 5 экспозиций, представляющих историко-культурное и природное наследие Байкальского региона. Характер и основной принцип экспозиций, заложенный изначально, заключается в отражении основных результатов научного поиска ученых различных подразделений академических институтов Бурятии.

Экспозиция «Недра Бурятии» демонстрирует разнообразные результаты геологических процессов в недрах Бурятии и дает представление о богатстве минеральных ресурсов в республике. Здесь представлены все значительные месторождения полезных ископаемых Бурятии, некоторые из которых являются уникальными по своим характеристикам. Среди цветных и поделочных камней Забайкалья наиболее полно показаны коллекции разноцветных нефритов, прекрасные подборки декоративного мрамора, пейзажных яшм, разноо-

бразных халцедонов, кварца, лазурита, родонита, чароита. Коллекции горных пород, более 500 минералов, полезных ископаемых, цветных и поделочных камней Забайкалья собраны сотрудниками Геологического института БНЦ СО РАН.

Экспозиция «Палеонтология Бурятии в геологической истории Земли» дает представление об истории развития флоры и фауны региона в докембрии, палеозое, мезозое, кайнозое. Особое внимание уделено периоду неоплейстоцена, когда Западное Забайкалье было заселено человеком. Уникальными экспонатами являются отпечатки вендских животных, реконструкция скелета шерстистого носорога, отпечатки чешуи рыбы Palaeonisciformes gen.indet. – древнейший образец рыбы, найденный в регионе. Интересна коллекция яиц динозавров, обитавших в пустыне Гоби более 100 миллионов лет назад.

Экспозиция «Древние культуры Байкальского региона» представляет результаты исследований археологов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН на территории Бурятии за последние 50 лет. Структура экспозиции представлена основными археологическими эпохами и культурами, выделенными на территории региона. Наиболее интересны коллекции неолитических топоров и тесел, хуннской художественной бронзы, керамики, предметов быта и вооружения. Уникальными экспонатами являются карасукский бронзовый двуручный меч, фрагмент обшивки саркофага, средневековый пластинчатый доспех, а также Аргадинское мумифицированное погребение конца XVI – начала XVII вв.

Экспозиция «Тибетская медицина: история и современность» освещает историю медико-биологических исследований в Бурятии и их основные результаты. Экспозиция с данной тематикой – единственная среди музеев РАН. Материалы предоставлены ведущими сотрудниками Отдела биологически активных веществ (ОБАВ) Института общей и экспериментальной биологии БНЦ СО РАН, Центра восточных рукописей и ксилографов, лаборатории пульсовой диагностики Отдела физических проблем. Действующий вариант экспозиции после существенной научной доработки был открыт в феврале 2008 г., реэкспозиция проведена в 2019 г.

В год пятидесятилетнего юбилея, в сентябре 2019 г., на базе Музея при поддержке РФФИ была организована уже II Всероссийская конференция «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество: Наука. Наследие. Общество». Представительная научная конференция собрала исследователей из России, Японии и Монголии. Участникам конференции, работа которой проходила по шести направлениям, удалось обсудить широкий круг проблем, связанных с основными путями и формами взаимодействия фундаментальной науки, общества и учреждений культуры. В докладах обращалось внимание на процессы глобализации, информатизации, интенсивной трансформации общественных институтов, освоение историко-культурного и природного наследия, вкупе оказывающие существенное влияние на общество. В современной социокультурной сфере выявляется ряд противоречий (в том числе, между стоимостной шкалой рынка и ценностями культуры), затрудняющих реализацию позитивного потенциала науки и культуры. Существенное значение для этой сферы имеют проблемы корреляции современных социально-экономических практик и освоения регионального историко-культурного и природного наследия.

Исследователи представили наиболее интересные результаты и перспективные разработки в области изучения, сохранения и современного представления историко-культурного и природного наследия. Общий вывод, сделанный участниками конференции, – при современном глобальном и региональном уровне развития социокультурной сферы для перехода к новой парадигме актуальны и целесообразны интеграция достижений науки, музеологии и эмпирического опыта в социокультурной сфере, активизация формирования единого пространства диалога теории и практики; проведение исследований, направленных на разработку новых концептов, подходов, моделей, которые позволили бы проводить комплексное междисциплинарное изучение регионов в исторической динамике, выявление современных тенденций развития региональных музейных процессов в общероссийском и мировом контексте [2].

Список использованной литературы

1. Бураева, С.В. Музей Бурятского научного центра / С.В. Бураева, А.Е. Мурзинцева // Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук. Очерки формирования и развития / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева. – Новосибирск, 2009. – С. 61–72.

2. Бураева, С.В. II Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество: Наука. Наследие. Общество» (Улан-Удэ, 9–12 сентября 2019 г.) / С.В. Бураева // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 4. – С. 154–159.
3. Лбова, Л.В. Музей Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук / Л.В. Лбова // Альманах–1999. Музеи Российской академии наук. – Москва : Научный мир, 2000. – С. 111–119.
4. Трубачева, Е. Музей БНЦ / Е. Трубачева // Наука в Сибири. – 1992. – № 34.
5. Туговик, Г.И. Музей бурятского камня Геологического института Бурятского филиала СО / Г.И. Туговик // Музеи Академии наук СССР и академий наук союзных республик: Справочник / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1983. – С. 64–65.

И.А. Вальдман
г. Новосибирск, Россия

МЕМОРИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА И ЛОКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КОММЕМОРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, №р-а 19-49-540003 «Мемориальное пространство городов Новосибирской области в исторической динамике».

Аннотация: Статья посвящена исследованию мемориального пространства города, представляющего собой систему пространственно локализованной коммеморативной деятельности, воплощающих ее артефактов и символических репрезентаций. Раскрывается специфика построения мемориального пространства как пространства сакрального. Историческая динамика мемориального пространства описывается в контексте политики памяти и локальных коммеморативных практик.

Ключевые слова: мемориальное пространство, коммеморативная деятельность, сакральное пространство.

I.A. Waldman
Novosibirsk, Russia

MEMORIAL SPACE OF THE CITY AND LOCAL PRACTICES OF COMMEMORATIVE ACTIVITIES

Abstract: The article is devoted to the study of the memorial space of a city, which is a system of spatially localized commemorative activities, its artifacts and symbolic representations. There is revealed the specifics of constructing memorial space as a sacred space. The historical dynamics of the memorial space is described in the context of the politics of memory and local commemorative practices.

Keywords: memorial space, commemorative activity, sacred space.

Каждое общество и каждое из составляющих его локальных сообществ детерминированы в своих основных характеристиках и процессах саморегуляции не только современными вызовами и обстоятельствами, но и собственным историческим становлением, проявляющимся не только в материальной фактичности и преемственности социальных структур, формах деятельности и ее опредмеченных продуктах, но и в специфике рефлексивного осознания опыта собственного прошлого и его соотношения с различными внешними социально-историческими, куль-

турными и политическими контекстами. Рефлексия прошлого неоднородна, символически нагружена и результируется в коллективной памяти поколений, находящей свои символические воплощения в пространстве жизнедеятельности социума [5, с. 150–151].

Город как место жизнедеятельности локального социума представляет собой сложно устроенное социокультурное пространство, в организации которого значение одной из доминант имеют различные памятные места как элементы локального мемориального пространства, проявляющие ценностное восприятие сообществом коллективно прожитого прошлого, опыт которого в той или иной мере актуален и в настоящем. Мемориальное пространство, представляющее собой систему пространственно локализованной коммеморативной деятельности и воплощающих ее артефактов и символических репрезентаций, выполняет значимую функцию обеспечения внутренней интегрированности как на уровне местных сообществ, так и на уровне общегосударственном. Достигается это посредством регулярности воспроизводства в массовом сознании населения воспоминаний о символически значимых персонах и событиях, маркирующих собой наиболее значимые черты существующего социального порядка и легитимизирующих его культурно-идеологических оснований [2, с. 39]. Исследование данных аспектов мемориального пространства предполагает характеристику механизмов социокультурной саморегуляции, присущих стране и местным сообществам на различных этапах исторического развития, реконструкцию формирования государственной политики памяти в рамках трансформирующейся идеологии, выявление локальных манифестаций такой политики, осуществляемые на различном местном идейном и культурном субстрате, а также прослеживание эволюции сформированной коммеморативной системы. Все это применительно к городам Новосибирской области стало предметом исследования в поддержанном РФФИ нашем исследовательском проекте.

Организация мемориального пространства строится по аналогии с сакральным пространством. Как писал еще Ж. Батай, «сакральный мир – это мир праздника, воспоминаний и богов» [1, с. 536]. Сакральный мир – мир исключительной ценности и значимости, символически регулирующий своими прецедентами и зависимыми от них предписаниями деятельность всех субъектов в традиционном социуме [4, с. 22–47]. Это «центральная зона» социокультурного регулятивного комплекса. В условиях трансформирующихся гетерогенных обществ борьба носителей конкурирующих парадигм за «центральную зону» культурной детерминации приводит к возникновению сложных отношений напряженности между разновременной и по-разному ориентированной «сакральностью» и между реализующими их коммеморативными локациями.

В мемориальном пространстве как пространстве сакральном само его содержательное наполнение определяется порядком сосуществующих в нем элементов или тех локализованных смыслов, которым придано значение реальных в пределах социально-конвенциональной модели восприятия. Между такими сосуществующими элементами выстраиваются определенные дистанции. Прежде всего, это дистанции смысловые, выражающие степень близости к основным идеологически значимым символическим величинам – в первую очередь, событиям и/или персонам.

Любое мемориальное пространство, включенное в живые социально-политические сообщества, исторически трансформируется. Говоря о динамике развития мемориального пространства города, необходимо учитывать, что ее логика во многом совпадает с логикой трансформации сакрального пространства. В царской России, где православие являлось основой консервативной государственной идеологии, мемориальные объекты городского пространства часто являлись одновременно и сакральными в прямом смысле слова. Для подтверждения этой мысли достаточно вспомнить многочисленные примеры церквей, соборов и часовен, строившихся в память о значимых событиях в истории Российского государства и Дома Романовых. Отношение к местам, связанным с центральным, всероссийским дискурсом памяти, во многом, воспроизводило отношение к сакральным местам, наличие которых всегда символически повышало статус города, его значимость в масштабе «центрального» дискурса памяти, его различимость, приметность в пространстве всей страны. По этой причине периодически актуализировались поиски, конструирование и даже мистификации памятных мест в городском пространстве, которые могли бы быть хоть как-то связаны не с локальной, а с «большой», российской историей. Наличие таких мест служило подтверждением того, что местный социально-политический порядок сформировался благодаря главным, центральным событиям отече-

ственной истории, затронувшим и периферию государства, а значит эта, казалось бы, существенно отдаленная от центра страны местность существует не в отрыве, но во взаимосвязи с российской историей, причастна ей как к источнику смысла и самой жизни и является полноценной частью единого имперского целого.

Динамика мемориального пространства зависима от политики памяти, под которой можно понимать любые попытки политических субъектов идеализировать историю и использовать в собственных целях память о прошлом. Примечательно, что в «романовских местах» до революции был заинтересован, например, не только сам Новониколаевск, стремившийся, как и всякий русский город на периферии, стать заметным, но и субъекты центральной власти. В мемориальном пространстве города в дореволюционный период отчетливо доминирует тема причастности общеимперскому началу, прежде всего, проявившемуся в строительстве Транссиба, что позволило перехватить у Томска роль главного центра русского освоения Сибири, своеобразной «Сибирской Москвы». Особое мемориальное значение приобрел собор Александра Невского, возведенный в память об Александре III на средства фонда им. Александра III, в рамках финансируемого им проекта строительства церквей, молитвенных домов и кол вдоль линии железной дороги [3, с. 34]. Железная дорога понималась имперскими властями как стратегическая основа распространения православия как базы общегосударственной идеологии у местного населения, а также привлечения православных русских переселенцев на эти осваиваемые территории. В постреволюционный период мемориальное пространство города трансформировалось в русле политико-идеологических изменений в стране. Храмы свое официально признанное мемориальное значение утратили, улицы активно меняли свое название: наименования в честь императорских особ и чиновников изменялись, зачастую сохранялись наименования в честь отдельных значимых фигур сибирской истории, таких, как Ермак, Ядринцев или Потанин; появлялись общесоветские наименования в честь Ленина, Маркса и ряда советских и партийных деятелей, а также в честь немногих приемлемых для власти и сколько-нибудь значимых местных революционеров. Появились и были в свое время убраны наименования в честь Сталина и многочисленные памятники ему. Одним из значительных компонентов мемориального пространства стали мемориалы, связанные с Великой Отечественной войной. Доминирование общесоветских символов и идеологем частично компенсировалось попытками вписываться в этот концептуальный мэйнстрим отдельными местными или региональными фигурами, по возможности имевшими то или иное общегосударственное значение и ассоциируемыми с местом своей локальной мемориализации.

Отдельно следует остановиться на коммеморативных практиках позднесоветского и постсоветского времени, сказавшихся и на мемориальном пространстве городов. Среди примечательных новаций этого времени особое место заняли регулярные празднования «дней города», ставшие одним из выражений как ослабления общегосударственного контроля за политикой памяти, так и подъема притязаний региональных элит на контроль власти и местных ресурсных потоков и соответствующую этому легитимацию региональной или этно-национальной исключительности или, хотя бы, своеобразия.

Начиналось все, зачастую, с празднования какой-либо юбилейной даты, пришедшейся на этот переломный в истории страны период. В Новосибирске таким событием стал столетний юбилей в 1993 г. Празднования «дней города» с 1990-х гг. как ежегодное явление приобрело определенную специфику. Этому периоду оказались свойственны рутинизация и коммерциализация коммеморативных и связанных с ними практик. Широко была представлена мистификация регионального значения как уникальных местных особенностей для партикуляризации пространства страны, так и вклада региона (города) в общегосударственное развитие. В ряде случаев дата такого «дня» могла не иметь очевидных исторических оснований. Точная дата чаще «назначалась» условно, исходя из некоторых, весьма косвенных, обстоятельств не слишком точно датированной истории или «удобств» современного празднования (например: такое-то воскресенье июня…). Такая символическая слабость точных дат празднований придавала значение не именно событию основания города, но обобщенному «результату» последующего развития в его максимальной версии сегодняшнего или оставшегося в прошлом апогея презентабельной значимости. Со временем центральная власть начнет признавать в основном лишь промышленные / технологические варианты такого вклада. В некоторых территориях – подвиги военного времени.

Достаточно примечательно появление категории «городов воинской славы» взамен сократившихся в связи с утратами в результате распада Советского Союза территорий союзных республик и находившихся там «городов-героев». Это хорошо сочеталось с новой постсоветской централизацией и простой локализацией «мудрой державной политики». А само присутствие таких промышленных или технологических проектов в регионе удобно представлялось как результат инвестиционного и административного благорасположения центра. В этом видно отличие и от военного времени, когда возникла независимая от произвольного властного решения необходимость размещения производств именно здесь, что в свое время стало как реальным мощным толчком к развитию, к примеру, Новосибирска, так и поводом для подчеркивания его вклада в Победу, как главное символически значимое событие, в региональной политике памяти советского времени. В остальном мемориально-идеологическая трактовка провинциальных городов и регионов практически отрицает иную локальную обусловленность местной специфики, достойной коммеморативной легитимации и ресурсной поддержки, помимо расположения полезных ископаемых и географического расположения данного «места» в пределах страны в целом. Не рефлексируется уникальность вклада людей этого «места» как исторически сформированная ценность.

Распространение ежегодных празднований «дней» городов пришлось на период знаменитого высказывания Б. Ельцина «берите столько суверенитета, сколько сможете». Это было время коротких (по 4 года), но несинхронно переплетенных и, таким образом, множественных электоральных циклов и реального избрания местного руководства из представителей региональных групп влияния, в связи с чем происходило и определенное сокращение влияния «столичных групп» в регионах. «Дни» отдельных поселений оказались востребованы и как способ присутствия в «общезначимом» местном медийном пространстве местного руководства / «олигархов». В том числе, и для электоральной агитации. А до этого, в конце 1980-х гг., – нарастанием поиска ответов на местные проблемы в локальных «подвигах» «крепких хозяйственников» из «нашего города». То есть без особой надежды на общегосударственные решения, но, в лучшем случае, с надеждой на отдельное лоббирование централизованного финансирования определенных местных предприятий / территорий. В рамках таких празднований распространился местный «патриотизм зрелищ» (и иногда – хлеба). С того периода на различных общегородских шествиях практически регулярно присутствовали нарочито «этнографически» наряженные «группы в кокошниках» от имени каждого района. «День города» как коммеморативное действие в тот период превратился в дополнительный «календарный» повод для привлечения от центральных властей или от местных ресурсных источников спонсирования в виде материальной или символической помощи, которая могла мотивироваться и в рамках «социальной ответственности бизнеса». То есть своеобразный сезонный «событийный налог» для местных структур и повод привлечения внимания представителей вышестоящих иерархических управленческих структур.

Список использованной литературы

1. Батай, Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология / Ж. Батай. – Москва : Ладомир, 2006. – 742 с.
2. Вальдман, И.А., Громова, О.А. Концептуальные основания методологии исследования мемориального пространства в исторической динамике / И.А. Вальдман, О.А. Громова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – № 5А. – С. 36–45.
3. Красильникова, Е.И. Мемориальное пространство Новосибирска в исторической динамике (1893–2000 гг.) / Е.И. Красильникова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 61. – С. 32–43.
4. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – Москва : Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
5. Poole, R. Memory, history and the claims of the past / R. Poole // Memory studies. – 2008. – Vol. 1 (2). – P. 149–166.

В.М. Васильев, С.В. Бураева
г. Улан-Удэ, Россия

МУЗЕЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОХРАНЕНИИ, ИЗУЧЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-011-20038 «II Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество: Наука. Наследие. Общество».

Аннотация: Статья посвящена опыту разработки и практике проведения экскурсии-лекции «Красная книга Республики Бурятия». Экскурсия и лекция основана на естественнонаучных исследованиях институтов СО РАН, расположенных в Бурятии, в области мониторинга редких видов млекопитающих и птиц, а также растений Республики Бурятия. Результаты этих исследований отраженны в разделе экспозиции в музее.

Ключевые слова: Красная книга Республики Бурятия, экскурсия, лекция, экология, образование.

V.M. Vasiliev, S.V. Buraeva
Ulan-Ude, Russia

MUSEUM TECHNOLOGIES IN THE PRESERVATION, STUDY AND POPULARIZATION OF CULTURAL HERITAGE

Abstract: The article is devoted to the experience of elaboration and practice of holding excursion and lecture "Red Book of the Republic of Buryatia". The excursion and lecture is based on natural science investigations of Institutes of SB RAS, situated in Buryatia, in the area of monitoring rare species of mammals and birds and also plants of the Republic of Buryatia. The results of these researches are reflected in the section of exposition in the Museum.

Keywords: Red book of the Republic of Buryatia, excursion, lecture, ecology, education.

В наши дни чрезвычайно важным становится экологическое образование как подрастающего поколения, так и взрослых; формы его становятся все более разнообразными, в том числе применяются и музейные технологии. Термин «экологическое образование» введен на конференции, организованной Международным союзом охраны природы (МСОП) в 1970 г. и подразумевает «процесс и результат усвоения систематических знаний, умений и навыков в области воздействия на окружающую среду, состояния окружающей среды и последствий изменения окружающей среды» [5, с. 278].

Экскурсия как нечто законченное, целостное, имеющее свои специфические функции и признаки, своеобразную индивидуальную методику, характеризуется как неотъемлемая часть идейно-воспитательной и культурно-массовой работы. Экскурсии могут конкретизировать уже имеющиеся знания, давать новые, развивать умение подходить к явлениям из жизни природы им людей, усиливать интерес к изучаемому и вызывать переживания в области чувств.

Особенный развивающий и образовательный эффект имеет тематическая экскурсия, которая позволяет увидеть объект в совокупности других природных, исторических и культурных феноменов.

Байкальский регион – важная туристическая дестиниция, отличающаяся богатым культурно-историческим и природным наследием, важнейшим элементом которой выступает озеро Байкал – объект мирового культурного наследия.

Музей Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук – подразделение БНЦ СО РАН, занимающееся проблематикой

взаимодействия Природы и Человека в ее историческом развитии. В Музее действуют пять постоянных экспозиций. Их основу составляют результаты научных исследований бурятских ученых. В качестве основных направлений научной деятельности музея выступают: история развития науки в Бурятии; естественноисторическое развитие региона; взаимодействие человека и природы, этногенез и культурогенез народов Центральной Азии. В настоящее время взаимодействие школы и музея как эколого-образовательного и воспитательного института является одним из наиболее актуальных и приоритетных направлений работы естественнонаучных музеев. Решение проблемы ориентации музейного экологического образования на систему общественно значимых ценностей, выступающих в качестве стержня экологической культуры, является наиболее приоритетным направлением деятельности музея. Система ценностей определяет позицию человека по отношению к окружающему миру, регулирует его положение в обществе и проявляется в многообразной ориентации, деятельности и поведении человека. Музееведческие разработки в этой области имеют особое значение.

В настоящее время всё вышеизложенное подчеркивает актуальность разработки и внедрения экскурсии-лекции «Красная книга Республики Бурятия» в Музее БНЦ СО РАН», так как несет в себе познавательную и образовательно-воспитательную функции.

Наиболее приоритетной задачей музея Бурятского научного центра стало представление специализированной научной информации в том качестве, которое было бы комфортно для восприятия различными категориями посетителей.

Для формирования представления о фундаментальных естественнонаучных исследованиях и инновационных разработках институтов СО РАН, расположенных в Бурятии, в марте 2015 г. был создан пилотный вариант экспозиции «Естественнонаучные исследования Бурятского научного центра СО РАН: современность и перспективы», а в 2017 г. – окончательный вариант [1, с. 136].

Следует отметить, что среди школьников особый интерес вызвал один из наиболее аттрактивных разделов экспозиции – «Красная книга Республики Бурятия», посвященный подготовке и созданию региональной Красной книги (2013 г.) [6, с. 17]. В данном разделе представлены коллекции чучел животных и гербарных образцов, в состав которых входят «краснокнижные» виды. Учитывая данный факт, на основе вышеупомянутого раздела была разработана экскурсия-лекция для учащихся СОШ, целью которой, наряду с информированием о подготовке, процессе естественнонаучных исследований и демонстрацией их результатов, было формирование чувства ответственности за будущую сохранность природных богатств региона [1, с. 137].

Новаторским для музея явилось совмещение лекции и экскурсии с использованием метода диалогического общения. Такой, качественно новый, формат проведения экскурсии подразумевает размещение слушателей непосредственно в экспозиционном зале музея, где экскурсанты рассаживаются на заранее подготовленные места (изначально скамьи располагались рядами, но позже было принято решение о полукруговом расположении для создания комфортной обстановки –беседы), информация ведущего дополняется видеосюжетами о научно-исследовательской работе по мониторингу редких видов млекопитающих и птиц, а также растений Республики Бурятия. В перерывах экскурсанты могут пройти к экспонатам и задать вопросы, возникшие во время беседы.

Немаловажным в достижении поставленной цели можно по праву считать введение в экскурсию аудиосопровождения. Для этого была собрана коллекция аудиозаписей звуков животных, существенным образом, посредством web-серфинга всемирной сети. Так, посетители во время экскурсии могут услышать голоса таких животных как: Длиннохвостая неясыть (Strix uralensis, Pallas, 1771), Кедровка, или ореховка (устар.) (Nucifraga caryocatactes, Linnaeus, 1758), Красноголовый нырок (Aythya ferina, Linnaeus, 1758), Сойка (Garrullus glandarius, Linnaeus, 1758), Хохлатая чернеть (Aythya fuligula, Linnaeus, 1758), Серебристая чайка (Larus argentatus, Pontoppidan, 1763), Шилохвость (Anas acuta, Linnaeus, 1758), Белка обыкновенная (Sciurius vulgaris, Linnaeus, 1758), Могильник (Aquila heliaca, Savigny, 1809), Мохноногий сыч (Aegolius funereus, Linnaeus, 1758). Наиболее экспрессивно экскурсанты реагируют на звуки, издаваемые Сойкой, в силу разнообразия имитируемых ею голосов [2, с. 202].

Особое внимание школьников привлекают также уникальные сюжеты, полученные с камер слежения. Возможность демонстрации вышеуказанных видеоматериалов возникла вследствие того, что сотрудниками Центра по изучению и охране снежного барса совместно с корейскими учеными

в Восточных Саянах на вершине горы Мунку-Сардык, на высоте 3000 метров была впервые в Бурятии установлена видеоловушка. Среди попавших в кадр животных оказались одни из самых редких зверей, занесенных в Красную книгу: снежный барс (Uncia uncial Schreber); сибирский горный козел (Capra sibirica Pall.), алтайский улар (Tetraogallus altaicus Gebler) и др. Материалы, полученные с видеоловушек, были переданы сотрудникам Института общей и экспериментальной биологии СО РАН и с успехом применены в обновленной экспозиции Музея БНЦ СО РАН.

У учащихся есть возможность не только увидеть и полистать Красную книгу, но и представить, как выглядят некоторые «краснокнижные» животные и растения в реальности: Мохноногий сыч (Aegolius funereus L.), Даурский ёж (Erinaceus dauricus), Могильник (Aquila heliaca S.), а также переведенный в бионадзорный список Сурок монгольский (Marmota sibirica). Редкие виды растений представлены в музее гербарными образцами Луносемянника даурского (Menispermum dauricum), Родиолы розовой (Rhodíola rosea), Орехокрыльника монгольского (Caryopteris mongholica), Гармалы чернушкообразной (Peganum nigellastrum), Солодки Уральской (Glycyrrhiza uralensis), Тонкотрубочника скального (Stenosolenium saxatile) [4, с. 43].

В завершение в фоновом режиме воспроизводится клип с фотографиями животных из Красной книги России и животных с «Черных страниц» Красной книги, сопровождаемые песней «Красная книга» Олега Газманова, что способствует, на наш взгляд, более глубокой рефлексии аудитории [3, с. 40].

Динамичному характеру лекции-экскурсии, несомненно, способствует разнообразное мультимедийное сопровождение вкупе с натурными образцами и фотоматериалами. Особую эмоциональную нагрузку несет аудиосопровождение, которое позволяет добиться необходимого воздействия на ассоциативную память экскурсантов.

Разработка лекции-экскурсии была проведена в соответствии с общепринятой экскурсионной методикой, состоящей из нескольких разделов – подготовки новой экскурсии, проведения экскурсии, послеэкскурсионной работы. В процессе подготовки новой экскурсии осуществлены ряд этапов, объединенных в несколько блоков: начальные этапы подготовки экскурсии, ключевые этапы подготовки экскурсии, текстово-документационное обеспечение экскурсионного проекта, проведение пробной экскурсии.

Содержательным стержнем экскурсии стала тема, обусловившая отбор объектов экскурсионного показа и рассказа. Была разработана концепция экскурсии; информация по теме извлекалась из литературных, изобразительных, вещественных и аудиальных источников. Экскурсионные объекты классифицированы по тематическому признаку, функциональному назначению, степени сохранности. Для оценки экскурсионных объектов использованы такие их качества, как соответствие теме экскурсии, познавательная ценность, известность, экзотичность, выразительность, акустическая среда, сохранность, месторасположение, временное ограничение показа объекта. Экскурсионный проект обеспечен необходимой документацией: паспорт объекта, контрольный и индивидуальные тексты, «портфель экскурсовода», технологические карты № 1, 2.

Разработанная экскурсия органично вписывается в систему экологического образования; позволяет рассказать о природоохранных организациях и исследованиях окружающей среды, а также о результатах этих исследований – официальных изданиях, содержащих описание и состояние животных и растений, которым в большей или меньшей степени угрожает опасность исчезновения (Красной книге Международного союза охраны природы, Красной книге России, Красной книге Бурятии). Экскурсия позволяет познакомить с редкими и исчезающими видами животных и растений Республики Бурятия, показать редкие растения и животных коллекции Музея БНЦ СО РАН, внесенных в Красную книгу Республики Бурятия.

В начале и в конце экскурсии на широкоформатном LED-телевизоре воспроизводится клип с фотографиями животных из Красной книги России и животных с «Черных страниц» Красной книги, сопровождаемые песней «Красная книга» Олега Газманова. Во время экскурсии активно используется метод показа и рассказа и метод вопросов и ответов; в экспозиционном зале размещаются скамьи и стулья, но экскурсанты периодически покидают свои места для знакомства с натурными образцами экспозиции. В качестве дополнительного эпизода, возможна организация встречи экскурсантов с научными сотрудниками Лаборатории флористики и геоботаники Института общей и экспериментальной биологии СО РАН. Содержание и длительность экскурсии-лекции варьируется в зависимости от возраста: детская аудитория (средний школьный возраст 12–15 лет; старший школьный возраст 15–18 лет.), студенты (18–20 лет).

Экологическая ситуация во многих районах земли, в том числе, и в России, не может считаться благополучной. Экологическая ситуация в стране определяется количеством и качеством антропогенных изменений в природе, последствиями техногенного вмешательства в природу.

Необходимо стремиться сформировать у населения чувство ответственности за будущую сохранность животного и растительного мира, воспитывать чувство сопереживания за экологическое состояние региона, пропагандировать разумное и бережное отношение подрастающего поколения к природным богатствам родного края. Именно эти цели были поставлены при разработке лекции-экскурсии «Красная книга Республики Бурятия» в Музее Бурятского научного центра. Итогом по праву можно считать возрастающий спрос на проведение данной лекции-экскурсии.

Список использованной литературы

1. Бураева, С.В. Специфика популяризации естественнонаучных знаний в контексте системы «Музей-школа» (из опыта работы Музея Бурятского научного центра) / С.В. Бураева, В.М. Васильев // Сборник научных трудов молодых ученых, аспирантов, студентов и преподавателей по результатам проведения Пятого молодежного экологического конгресса «Северная Пальмира», 19–20 ноября 2013 г. – Санкт-Петербург : СПб НИЦЭБ РАН, Лингвистический центр «Тайкун», 2013. – С. 136–138.
2. Васильев, В.М. Аудиовизуальная коммуникация в естественнонаучной экспозиции музея Бурятского научного центра / В.М. Васильев // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения : материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 9–12 октября 2017 г.) / Отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина, Г.М. Запорожченко. – Новосибирск : Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2017. – С. 201–204.
3. Васильев, В.М. Красная книга Бурятии: интерактивная лекция-экскурсия в Музее БНЦ СО РАН / В.М. Васильев // Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия Байкальского региона : материалы научно-практической краеведческой конференции, посвященной 35-летию со дня образования Музея народов Севера Бурятии им. А.Г. Позднякова, 2016 г. с. Багдарин / ред. Д.Д. Шагжеев – Улан-Удэ, 2016. – С. 39–41.
4. Васильев, В.М. Экскурсия-лекция «Красная книга Республики Бурятия», как форма диалога между экскурсоводом и школьником (из опыта разработки музея БНЦ СО РАН) / В.М. Васильев // Международный музейный форум в Казани «Миссия музея в мультикультурном мире». 8–12 сентября 2015 г. Тезисы. – Казань : Фолиант, 2015. – 200 с.
5. Зубкова, Т.Н. О необходимости интеграции естественнонаучного и гуманитарного подходов в экологическом образовании (из опыта создания выставочных проектов) / Т.Н. Зубкова // Труды Государственного Дарвиновского музея. Вып. X / под общ. ред. А.И. Клюкиной. – Москва : Гос. Дарвиновский музей, 2007. – С. 276–283.
6. Красная книга Республики Бурятия: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных, растений и грибов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. / отв. ред. Н.М. Пронин. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 688 с.

Хильдегард К. Виерегг
г. Мюнхен, Германия

ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

Аннотация: В статье автор акцентирует внимание на роли объектов культурного наследия в системе образования. Основываясь на документах, разработанных и принятых Организацией Объединенных наций, ЮНЕСКО подтверждена точка зрения современных музеологов об особой роли наследия в системе образования, включающего основные характеристики материального, нематериального и природного наследия. Автор определяет основные понятия, приводит примеры объектов универсального наследия в странах Латинской Америки, Европы и Азии.

Ключевые слова: культурное наследие, материальное наследие, нематериальное наследие, природное наследие, всемирное наследие, универсальное наследие, образование и воспитание на основе объектов культурного наследия, Организация объединенных наций, музей, музеология.

Hildegard K. Vieregg
Munich, Germany

WORLD HERITAGE AND EDUCATION: PROSPECTS FOR THE FUTURE

Abstract: The author focuses on the role of cultural heritage objects in the education system. Based on the documents developed and adopted by the United Nations, UNESCO, the author confirms the point of view of modern museologists about the special role of universal heritage in the educational system, which includes the main characteristics of the material, intangible and natural heritage. Examples of universal heritage sites in Latin America, Europe, and Asia are given.

Keywords: cultural heritage, material heritage, intangible heritage, natural heritage, world heritage, universal heritage, education and upbringing based on cultural heritage objects, United Nations, museum, museology.

«Мультиверсум» или «Универсум»? Эта проблема возникает тогда, когда мы рассматриваем вопросы, касающиеся развития музеев и объектов всемирного наследия с точки зрения их образовательных целей. Законы и условия поменялись, и так называемый Универсум расширился до «Мульти-Универсума»; сигналы, поступающие из традиционного музея, должны быть объяснены современным способом. Последние наблюдения позволяют выявить, с одной стороны, все моменты, связанные с музеями и объектами наследия, и, с другой стороны, показывают, что мы должны использовать их для новых перспектив. Но, прежде всего, давайте обратимся к истории концепции всемирного наследия.

Создание списка «Семь чудес света» в древнем мире было не очень сложным делом. В него вошли выдающиеся сооружения или произведения искусства, прекрасные и величественные. Пирамиды Египта, висячие сады Вавилона, храм Артемиды в Эфесе, религиозный символ Олимпийского Зевса, созданный знаменитым скульптором, великим Фидием, Мавзолей в Галикарнассе, Колосс Родосский и Маяк в гавани города Патры, Пелопоннес, Греция. Это так называемая «Волшебная семерка», по-видимому, самые важные объекты в древние времена. Дальнейшие периоды добавили и другие чудеса света – например, Колизей в Риме (Италия) или Собор Святой Софии в Стамбуле (Турция).

Первое из этих чудес света – пирамиды Гизы в Египте – просуществовали почти пять тысяч лет. Пирамиды до сих пор являются выдающимся критерием для отнесения объекта к категории «чудо света» [3, с. 6–7].

Декларация объектов всемирного наследия ЮНЕСКО – это своего рода продолжение списка ранних памятников, связанных как с культурным, так и природным наследием.

Термин «культурное наследие» восходит к Анри-Батисту Грегуару (1787–1831), епископу Блуа во Франции. После Французской революции в 1794 году в своем эссе он заклеймил всех, кто был причастен к повреждению и уничтожению произведений искусства – объектов культурного наследия. Уже с 1798 года термин «культурное наследие» был включен в вопросник Французской академии.

Всемирное наследие, ориентированное на объекты ЮНЕСКО, проявляется в уникальности каждого объекта искусства или природы. Это должно быть связано с памятью мира. Его основной функцией является познание мирового сознания, своего рода педагогика, которая включает в образование, как аутентичное место, так и естественную среду обитания.

Подлинное историческое местоположение объекта играет ключевую роль. Уже в конце XIX века Джон Раскин и Уильям Моррис включили подобные природные места в свои стратегии исследования и образования. Согласно У. Моррису, мы можем убедиться в полной реформации жизни и гуманистических ценностей цивилизованного мира благодаря искусству.

Современный подход к определению понятия «культурное наследие» должен быть расширен в отношении демократизации культуры, связанной со всеми группами общества. Джон Раскин (1819–1900), философ, писатель, критик искусств и профессор истории искусств в Оксфорде (Великобритания) в свое время разработал своего рода «социальную этику» и оказал большое влияние на жизнь искусства. Он был убежден в том, что искусство никогда не должно замыкаться на самом себе.

Гораздо важнее для искусства быть «посредником», украшать и улучшать жизнь каждого [5, с. 166].

По убеждениям Уильяма Морриса (1834–1896) искусство может и должно оказывать практическое воздействие на людей, и под его влиянием у человека будет изменяться и восприятие искусства. Он видел взаимосвязь между индустриализацией, кризисом в общественной жизни, смыслом искусства и эстетики. Он намеревался провести реформу в области искусства и социальных вопросов, гуманизации цивилизованного мира и развития музеев и других культурных институтов. На протяжении XX века развитие науки, технологий и массовых коммуникаций также способствовали появлению глобальных связей, объединяющих ценности человечества. Все эти понятия глобализма в полной мере касаются музеев и влияют на них, бросая вызов творчеству музейных экспертов.

В мае 1954 года, спустя 160 лет, была систематизирована Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Она была предназначена для защиты культурного наследия в целом, особенно в условиях войн и международных конфликтов. В преамбуле Гаагской конвенции говорится, что каждый ущерб, нанесенный культурным ценностям, касающихся отдельных групп населения, одновременно означает уничтожение культурного наследия всего человечества.

В 1972 г. состоялось совещание в Асунсьоне (Парагвай), и была ратифицирована Концепция всемирного наследия, позволившая проработать характеристики того, каким должно быть «всемирное наследие».

Контекст и цели Программы всемирного наследия ЮНЕСКО:

Непосредственный импульс созданию Конвенции ЮНЕСКО по охране мирового культурного и природного наследия был дан по случаю строительства плотины Ассуан (1960 г.) в Абу-Симбел в Нубии на Юге Египта при президенте Насере как престижного проекта памяти египетского короля Рамсеса II. В то время многие исторические памятники Древнего Египта находились под угрозой уничтожения. Поэтому ЮНЕСКО запустила программу поддержки, переместив египетские памятники Ассуана в более безопасное место во внутренней части страны.

Это был действительно глобальный проект, направленный на повышение внимания к исчезающему материальному наследию во всем мире. Из этого также возникли идеи для одного из наиболее важных научных проектов ЮНЕСКО, посвященного шедеврам всемирного наследия. Это тесно связано с музеями и музеологией. Статья 1 Устава Международного совета музеев, касающаяся названия и правового статуса музея, говорит о намерениях музееведения и принципах сохранения наследия [4].

В 1972 году была ратифицирована Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия, а в 1975 году она наконец-то была воплощена в жизнь. Эта Конвенция характеризовала различные аспекты всемирного наследия и культурные ценности: материальные шедевры, знаменитые здания, памятники и т. д., культурные и природные объекты – иногда включая те, которые использовались в качестве музеев.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (была принята 17 сессией Генеральной Конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1972 года и вступила в силу 17 декабря 1975 года), программа «Память мира» (англ. Memory of the World) Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) по защите всемирного документального наследия, «Декларация шедевров устного и нематериального наследия человечества», которая с 1998 года тесно связала наследие с музеями, памятниками и памятными местами. Программа «Память мира» имеет особое значение. В программу ЮНЕСКО с 1992 года входят ценные книги; рукописи, например, из монастырей со всего мира; партитуры; уникальные образцы произведений искусства; картины, фильмы.

Эти действия ООН значительно расширили значение термина «культурное наследие» от более раннего значения только как материального (вещественного) до нематериального (духовного) наследия. В 2001 году впервые выдающиеся образцы «нематериального наследия человечества» из 19 разных стран были включены в Список шедевров. Декларация ЮНЕСКО 2003 года включило в свой список новые шедевры 60 государств мира. Эти объекты, которые принадлежат международной и межкультурной «Коллекции мира», в большинстве своем находятся в музеях и имеют особое значение. Изменилась политика в отношении охраны музейных коллекций. Стал все более очевидным тот факт, что не только объекты материальной ценности, но и нематериальное, духовное наследие приобрели большое значение. А именно: обычаи, ритуалы, музыка, театр, танцы, пись-

менные источники, литература и т. д. подлежали изучению, выявлению, охране и популяризации. Изменилась и роль музеев, как хранителей объектов материальной и духовной культуры человечества. Музеи, являлись, с одной стороны, экспертами и толкователями наследия, а с другой, – его защитниками. В частности, музеи отвечали за науку и исследования, а главное – за образование общества.

С 2006 года началась реализация Резолюции комиссии ЮНЕСКО Германии по Немецкому проекту по образованию в области всемирного наследия. Статья 7 Резолюции относится к планам управления объектами всемирного наследия, но гораздо больше к ожиданиям местных или региональных координаторов. Кроме того, была высказана просьба к международным партнерствам и призыв к продвижению объектов всемирного наследия в международном контексте.

В 2008–2009 годах Федеративная Республика Германия инициировала специальную финансовую программу для сохранения объектов всемирного наследия в Германии. Целевые группы Confintea по образованию в области всемирного наследия ориентированы не только на детей и молодежь, но гораздо шире – на социальные группы любого возраста. Они рассматривают объекты наследия гораздо шире, чем просто музеи или места встреч. Многие люди посещают аутентичное место, чтобы иметь дело с уникальной историей и культурным или природным пространством из-за его великолепия. Объекты всемирного наследия рассматривают возможности их участия, с одной стороны, в виде «Музея под открытым небом» или «Музея окружающей среды», а с другой стороны, «Места для образования», связанного с людьми всех возрастов и слоев общества. Они являются идеальным свидетельством духовного содержания. Они также являются философскими проверками идеи обучения на протяжении всей жизни. Культура в этом отношении имеет шанс на «демократизацию». В частности, «культурный туризм» ориентирован на образование.

Международное совещание на кафедре историко-культурного наследия и туризма Алтайского государственного педагогического университета в Барнауле является в этом плане отличным примером. Алтайский край и озеро Байкал являются образцами всемирного природного и культурного наследия в соответствии с Конвенциями ЮНЕСКО, методы и формы изучения этих уникальных объектов необходимо широко внедрять и использовать в педагогической практике.

Существует и другой подход – расширение образовательной и воспитательной, популяризаторской работы. Международный день музеев 2009 года прошел под девизом «Музеи и туризм». Он был призван объединить музеи и общество. Это были, с одной стороны, интерактивные мероприятия музейных экспертов и волонтеров с посетителями разных целевых групп. С другой стороны, все действия сотрудников музеев были направлены на получение опыта по изучению и интерпретации объектов культурного наследия, как в стационарных музеях, так и в музеях «под открытым небом». В связи с этим перед музеями стоит конкретная задача по организации изучения объектов культурного наследия и постоянной научно-исследовательской и популяризаторской работы с населением. Это может означать, например, реконструкцию истории города, или обоснование тем, которые важны для общества. Для регионов Сибири такая программа будет способствовать стабильности и социально-экономическому развитию.

Идея «музея под открытым небом» существует уже очень давно. Это современная возможность подхода к памятникам и объектам природного наследия в едином контексте. Для сравнения, в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО в Федеративной Республике Германия значится 44 наименования (на 2018 год), 41 объект были включены в список по культурным критериям, причём 14 из них признаны шедеврами человеческого гения (критерий i), а оставшиеся 3 объектов включены по природным критериям.

В концепции 1972 года акцентируется внимание еще на одном важном моменте – это работа в области образования, тесно связанная с объектами всемирного наследия. Программа адресована не только детям и молодежи. Каждый должен найти межкультурный подход к собственной истории, истории других народов и межкультурных отношений, а также к истории нашей планеты [7].

Термин «объект культурного наследия» важен с точки зрения значимости для страны, и, одновременно, обозначает памятник, который должен быть сохранен и защищен. Каждый из этих памятников следует рассматривать как важное сооружение в контексте всемирного наследия и одновременно как достояние всего человечества. Объекты всемирного наследия должны были стать местами с определенной образовательной миссией.

Таким образом, объект всемирного наследия должен развивать свою инфраструктуру, чтобы стать местом для обучения. Кроме того, до сих пор не хватает концепций образования и связи объектов всемирного наследия с музеями.

Особой миссией в области образования в 2008 году стала инициатива, продвигаемая междисциплинарной группой экспертов и профессоров различных университетов, организованная в монастыре Лорш в Германии о разработке методики работы с наследием в системе образования. Эксперты впервые обсудили то, как можно объединить и реализовать миссию образования, дидактики, обучения и коммуникации. Группа пришла к первому важному выводу: термин «Welterbepädagogik» («Педагогика всемирного наследия») оказался не совсем точным. Требовался термин, который соответствовал бы международному стандарту. В результате вместо термина «Педагогика» появился термин «образование в области всемирного наследия». В будущем на объектах всемирного наследия ЮНЕСКО должны быть связаны и реализованы две темы: с одной стороны, цели образования, а с другой – сохранение исторических памятников. Кроме того, объекты всемирного наследия должны быть соответствующим образом разработаны для музеев (ICOM / ЮНЕСКО). Уже в настоящее время такое определение относится к подлинным местам истории и историческим памятникам. Термин «образование» должен быть связан с различными целевыми группами. Образование соотносится не только с детьми и молодежью, а скорее, с людьми всех возрастных групп в смысле обучения на протяжении всей жизни. Кроме того, включать в это понятие только дидактику было бы не правомерно. В связи с этим, образование в области всемирного наследия не может быть ограничено только историческими памятниками или другими объектами. Культурное, значит и Природное, а значит Универсальное.

Существуют определенные критерии всемирного наследия, относящиеся к различным областям. Каждое государство – член ЮНЕСКО – может предложить культурные объекты для включения в предварительный список. Эти объекты должны соответствовать как минимум одному из условий, предъявляемых Комитетом всемирного наследия, как к культурным, так и к природным фондам. К культурным ценностям относят, в первую очередь, шедевры, уникальные здания и архитектурные ансамбли, выдающиеся свидетельства утраченных культур, исключительные примеры человеческих поселений. В прошлом культурное наследие в основном понималось как объекты «развитой цивилизации». В настоящее время в этот список также включены предметы жизнедеятельности любого национального фольклорного искусства. В связи с этим, важное значение приобрели более тесные связи с небольшими региональными и местными музеями и наследием конкретных регионов. Многообразие всемирного наследия связано с различными областями человеческой культуры во всем мире. Каждое государство-член ЮНЕСКО может предложить выдающиеся культурные объекты для включения их в предварительный список. Они должны соответствовать как минимум одному из следующих условий в истории цивилизации, как культурных, так и природных:

- быть представителем творческого гения человека;
- оказывать влияние в течение длительного периода времени в мировой культурной сфере мира на развитие архитектуры, градостроительства или ландшафтного дизайна, а также на масштабные скульптурные проекты;
- являться уникальным или, по крайней мере, исключительным свидетельством культурной традиции или цивилизации, как существующей, так и исчезнувшей;
- являться выдающимся примером строения или архитектурного ансамбля, который иллюстрирует значительный этап (этапы) в истории человечества;
- являться выдающимся примером традиционного человеческого поселения, как представителя культуры;
- быть связанным с историческими событиями или живыми традициями, с идеями или убеждениями, с художественными и литературными произведениями мирового значения.

Именно согласно этим параметрам такой объект является уникальным шедевром, который в течение длительного периода оказывал большое влияние на мировую культуру, развитие архитектуры, городов или в формировании ландшафта. Кроме того, важную роль играют и выдающиеся проекты в области скульптуры. Другим моментом является «объект» как необычайный свидетель потерянной цивилизации или, в нематериальном плане, характерной культурной традиции. Возможно, есть конкретный пример здания или архитектурного ансамбля, представляющего эпоху в исто-

рии цивилизации. Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в латиноамериканских странах включает в себя множество примеров конкретных культурных и природных ценностей Латинской Америки, которые были признаны культурными памятниками в период с 1980 по 2005 год. В этом списке соседствуют как объекты материального, так и объекты духовного наследия. Последние представлены традиционными знаниями и навыками, устной историей, музыкой, танцами, ритуалами, языком и т. д., которые сохраняются общинами, группами и отдельными лицами как часть их культурного наследия. Это своего рода «живое культурное наследие», которое проявляется в традициях, исполнительском искусстве, социальном самовыражении, ритуалах и праздниках, связанных с природой и вселенной (ЮНЕСКО, 2003).

Универсальное наследие тесно связано с материальным и нематериальным наследием, выраженным в артефактах, предметах разных видов, музыкальных инструментах и даже целых пространствах культуры, таких как Иезуитские Редукции (Миссии) и эстанции (места проживания). В этом контексте важную роль играют музеи, такие как музеи этнологии и мировой культуры или музеи, в которых выставлены предметы из бывших редукций и эстанций. Их можно увидеть в музеях Буэнос-Айреса, Кордовы и Альта-Грасии (Аргентина), Порту-Алегри (Бразилия), Асунсьона (Парагвай) – и, конечно же, в любых музеях Европы, в которых есть артефакты, относящиеся к Обществу иезуитов Иисуса-Редукциона, которые являются особенно ярким примером, как для ведения раскопок, так и для исследований и общения с общественностью. В этом смысле особое значение имеет Шанхайская хартия музеев, материального и нематериального наследия в контексте глобализации.

В четырнадцати параграфах хартии описываются важнейшие задачи и обязанности музеев и музеологов в отношении нематериального наследия Азиатско-Тихоокеанского региона. В ней также уделяется основное внимание значению нематериального наследия, как определено в «Иезутийских Редукциях» (Парагвай) [6, с. 74–82].

Когда мы рассматриваем культурное наследие, которое должно быть защищено, мы имеем в виду, прежде всего объекты художественного производства или другие свидетельства человечества и знаменитые памятники, имеющие ценность в прошлом, которая будет признана и в будущем. Но статус и роль объектов меняются в зависимости от взглядов людей. Материальное наследие сочетается с духовным, представленным событиями, живыми традициями, духовными идеями или религиозными взглядами, оно связано с произведениями искусства и литературой выдающегося мирового значения.

Что касается природного наследия, то природные активы также должны соответствовать определенным критериям для отнесения их к объектам природного наследия, а именно:

- включать выдающиеся примеры геологической истории Земли, эволюции и экосистем, природных явлений и защиты биологического разнообразия и исчезающих видов;
- представлять основные этапы истории Земли, включая историю жизни, текущие геологические процессы в развитии рельефа местности или значительные геоморфологические или физиографические особенности;
- быть яркими примерами текущих экологических и биологических процессов в эволюции и развитии экосистем, животного и растительного мира;
- представлять необычное природное явление или места, представляющие эстетическую важность;
- содержать наиболее важные и значимые естественные места обитания для сохранения биологического разнообразия, в том числе те, на которых присутствуют исчезающие виды.

Как и культурное наследие, природное наследие также обладает рядом характеристик. В первую очередь, объект природного наследия должен представлять собой выдающийся образец геологической истории Земли, включая явления эволюции, геологические процессы, географические и геоморфологические формы, например «наскальные письмена» (Канада). Есть также замечательные примеры природного наследия в Сибири: озеро Байкал (с 1996 года) и горы Алтая благодаря наличию в этих местах уникальной флоры и фауны.

Универсальное наследие означает, что его следует рассматривать как единое целое. Универсальное наследие включает в себя как культурное, так и природное наследие, и имеет универсальное значение. У музеев есть конкретные задачи, связанные с охраной наследия. Когда мы, например, рассуждаем о важности археологических раскопок, а это серьезная область науки и исследований на Алтае и в Сибири, мы также должны думать и о музеях, как местах для экспозиции результатов этих раскопок и местах отражения «философии жизни», путей

мышления, повседневных обрядов, церемоний, религий и веры, что в совокупности и составляет нематериальное наследие. Действительно, это нематериальное свидетельство в сочетании с первоначальными объектами обеспечивает его универсальное измерение [1, с. 27–34].

Как известно, музеи включают в себя различные области и дисциплины – от культурных до естественных и социальных наук, от скульптуры до исполнительских искусств, от истории древних времен до современной истории, и, кроме того, широкий спектр других подходов к пониманию термина «культуре» в целом. В то же время основное внимание должно быть сосредоточено на ответственности музеев, с одной стороны, за материальное и нематериальное наследие, а с другой, – за позитивное и негативное наследие. Поскольку перед ними стоит особая задача по интерпретации культурного и природного наследия человечества, им также необходимо соблюдать руководящие принципы музейной этики и права человека. Без сомнения, они должны распространять социальные и этические принципы в любом виде музейного образования.

Всемирное наследие – музеология – образование.

Образовательные цели и задачи, касающиеся музеологии, играют очень важную роль. К ним относят историю и контекстуальное окружение объектов и их интеграцию в окружающую среду; подходы к культурным методам, с одной стороны, как посредникам культур, а с другой, – как технологиям; биографические аспекты; словесные описания. Особое внимание уделяется анимации, которая рассматривается в качестве импульса к общей деятельности. Это своего рода разноаспектное образование: движение, общение, обучение через открытие и самопознание; творческая деятельность, хобби; приключения, необычные и фундаментальные переживания на природе: отдых, рефлексия, медитация. Все эти виды сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Существует также необходимость практического опыта. Когда мы рассматриваем озеро Байкал или Алтайский край или некоторые другие оригинальные природные ландшафты Земли как объекты природного наследия, мы должны связывать это с идеями образования. Как можно больше людей должны знать об уникальности эти природных мест. В некотором роде это похоже на места археологического наследия, а это означает, что нужно предпринять личные усилия, чтобы обнаружить эти места и содержать их в порядке, проявляя любовь к природе.

Подходы к образованию в международных документах и на практике. Международные хартии появлялись в большинстве случаев благодаря Международным встречам по вопросам всемирного наследия. Они обычно описывают различные подходы к образованию в области всемирного наследия. Уже в 2000 году состоялась конференция ICOM в Трухильо (Перу) и Ла-Пасе (Боливия). Она была организована совместно с национальными комитетами ICOM Перу и Боливии. Её цель была направлена на разработку основы для музеев и туризма, а также управления культурным наследием (22–27 мая 2000 г.). Первые кодексы служили не только стратегией управления музеями и туризмом, а скорее стали «Этическим кодексом ICOM». Этот Кодекс является одной из важнейших основ ответственности за наследие. Только эксперты способны обеспечить соблюдение этого Кодекса в соответствии с необходимыми правилами, касающимися музеев и туризма для будущих поколений.

На основе и по аналогии с «Этическим кодексом ICOM» был разработан «План-предложение по составлению документа, касающегося принципов музеев и культурного туризма», в который были включены и другие аспекты, связанные с музеями, всемирным наследием и туризмом. Уже в ноябре 1976 года ICOMOS (Международный совет по сохранению памятников и объектов, основан в 1965 году в Варшаве / Польша), разработал Устав для сохранения и защиты памятников. Он был реализован в 1999 году в «Международном уставе культурного туризма». Еще одна «Всеобщая декларация о культурном разнообразии и туризме» была опубликована ЮНЕСКО по случаю встречи на Кубе. Кроме того, во «Всемирной туристской организации» (ВТО) «Этический кодекс туризма» с 2004 года играет очень важную роль. Его часто сравнивают с «Кодексом этики ICOM». Гэри Эдсон, редактор издания «Музейная этика», в частности касается теоретических и практических элементов музейной философии в отношении музеев современной истории. Его деятельность проходила,в основном, в Техасском технологическом университете и на учебных курсов в Парагвае и Эквадоре. В этой связи представляется важным упомянуть еще несколько различных правил и деклараций:

- «Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии» (2001 г.);

• «Конвенция ЮНЕСКО об охране и расширения разнообразия форм культурного самовыражения» (2005 г.);

• «Сеульская декларация о туризме в исторических городах и районах Азии» (2005 г.);

• «Мальтийская декларация о культурном туризме» (2006 г.);

• «Пномпень-Вьентьянская хартия о культурном разнообразии и культурном туризме» (2006 г.).

Последняя, в частности, изучает музеи и другие общественные пространства, которые должны быть разработаны в соответствии с Этическим кодексом ICOM и, кроме того, способствует внедрению демократических принципов.

Всемирное наследие образования: понимание глобальных влияний.

Образование в области Всемирного Наследия основано на международном, даже глобальном подходе – уже с самого начала XVII века. Преемственность заключается в обмене культурами и интернационализацией в последующие столетия вплоть до наших дней. В этой связи мы должны также принять во внимание подход великого философа Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) к вопросу об образовании человека. Он очень ясно говорит о том, что людям нужно «наиболее терпимое взаимодействие между восприимчивостью и активностью, человеческим существом внутри и окружающим миром, индивидом и Вселенной». Он также акцентирует внимание на музее, отмечая, что «Каждый человек нуждается в предмете, позволяющем осуществлять индивидуальное упражнение, «мир вне себя» [2, с. 283].

Теория первопроходцев: существует также пример философско-лингвистического аспекта, представителем которого является великий немецкий философ Эрнст Альфред Кассирер (1874–1945) в 1920-х годах. В своих наиболее важных публикациях «Der Begriff der symbolischen Form im Aufbau der Geisteswissenschaften» («Термины и структура символической формы в контексте наук») и «Philosophie der symbolischen Formen» («Философия символических признаков») он сосредоточился на термине «интеллектуальная энергия» человека. Согласно философии и теории языка Кассирера, мифы и искусство являются наиболее значимыми интенциями, направленными на «приспособление мира». В этом случае мы можем видеть, что проникновение в мир было уже в прежние времена важным элементом каждого вида знания.

Наконец, глобальное понимание означает изучение общих вопросов и построение мирового сообщества, чувство признательности за каждую из культур и принятие равных ценностей. И то, и другое – важнейшие основы мировой культуры.

На практике объекты Всемирного наследия никогда не существуют изолированно. В гораздо большей степени они являются связующим звеном для конкретных областей в более тесном (например, национальном) или более широком (например, глобальном) контекстах. В каждом случае они имеют дело с пониманием уникальных и в то же время разнообразных памятников-пейзажей. Это означает восприимчивость культурного и природного наследия, своеобразную «практическую историю». Существует также много явлений, сопоставимых в мультикультурном плане или в многообразном диалоге культур. Это, с одной стороны, специфично для самого аутентичного места, а с другой, – это модель для сравнения с другими местами по всему миру. Стоит отметить, что, на каждом объекте всемирного наследия ЮНЕСКО присутствуют черты универсальной культуры.

Например, почти все религии мира создали монастыри, уединенные жилища отшельников или учреждения, подобные монастырям. Каждый монастырь уникален. Культура монастырей имеет мировое, межкультурное и межрелигиозное значение. Во всяком случае, все вместе и каждый сам по себе они определенно являются «творцами культуры». С самого начала появления социальной памяти они также сосредотачиваются (историография, просопография) на кодификации как ритуалов, так и законов. Как правило, они являлись важными факторами в посредничестве между техническими и культурными инновациями. Кроме того, большое значение имеют медитация, созерцание и молитвы. В этом отношении важную роль в межкультурных отношениях играют Русская православная, католическая церковь и буддисты. Они акцентируют внимание на международном «языке» религии и искусства, архитектуре, разработке рисунков и узоров, прототипах для поселений, для соединения этнических групп, культурных приемах и явлениях нематериального наследия: каллиграфии, религиозных праздниках, театральных и музыкальных представлениях, «памяти мира». Например, католический монастырь Маульбронн в Германии и буддийский монастырь Чунг-Тай на Тайване.

Тема монастырей также может быть затронута в связи с научными раскопками и музеями различ-

ных типов, например, Антигуа (Гватемала), археологический объект с Доминиканской историей или бывший бенедиктинский монастырь в Лорше (Германия). В этой связи я особо подчеркну новаторские проекты по сохранению объектов Всемирного наследия.

Что касается признаков глобализации и социальных изменений, то культурное наследие, в целом, и музеи, в частности, должны рассматриваться в другом ключе отражения. Культурное наследие, в частности Всемирное наследие ЮНЕСКО, является ментальным, духовным и иногда техническим достоянием, которое должно быть вовлечено в развитие в будущем.

Перспективы на будущее.

Цели ЮНЕСКО должны быть реализованы, с одной стороны, на глобальной, национальной, региональной и местной основе, а с другой – во взаимоотношениях между всеми участвующими партнерами. Символическое и художественное значение памятника мирового наследия перекликается с ностальгическими фантазиями и видением будущего. Это касается памятников архитектуры и окружающей среды, технических и эстетических критериев, проблем характера и стиля. Все это может и должно быть использовано как образовательная среда в самом широком смысле.

Список использованной литературы

1. Boucher, Louise N., Vivre – S'inspirer du passé pour composer l'avenir // Vieregg, Hildegard / Davis, Ann (Eds.) on behalf of ICOFOM // Muséologie et le Patrimoine Immatériel, ICOFOM Study. – Series 32. – Munich / Germany and Brno / Czech Republic. – P. 27–34.
2. Humboldt, W. von. Theorie der Bildung des Menschen // W. Humboldt Gesammelte Schriften. – Berlin B. Behr's Verlag, 1903. – 438 s.
3. Khuon, Ernst von. Die Sieben Weltwunder / E. Khuon. – Stuttgart –Zürich – Wien, 1969. – P. 6–7.
4. The International Council of Museums (ed.), ICOM Statutes. – Article 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://icom.museum/publication.html.
5. Vieregg, Hildegard. Museumswissenschaften. Eine Einführung / Hildegard Vieregg. – München : Paderborn, 2006. – S. 166.
6. Vieregg, Hildegard. Jesuit Reducciones in the Context of UNESCO World Heritage / Hildegard Vieregg // Museologia e Patrimôni. Revista Eletrônica do Programa de Pós-Graduaçao em Museologia e Patrimônio-PPG-PMUS. – 2008. – Vol. 1. – № 1. – P. 74–82.
7. Welterbe-manual. Handbuch zur Umsetzung der Welterbekonvention in Deutschland, Luxemburg, Österreich und der Schweiz. – Bonn, 2009. – 364 p.

Е.С. Ге

г. Витебск, Республика Беларусь

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ЭКСПОЗИЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Аннотация: В статье дан анализ экспозиционных стратегий, применяемых художественными музеями в работе по презентации и популяризации современного искусства. Кураторские идеи и особенности самих произведений требуют внедрения в музейную практику различных стратегий экспонирования, при разработке которых учитываются характеристики как произведений искусства, так и музейного пространства. Цель данных стратегий – помощь посетителю в понимании искусства, наслаждении искусством и использовании искусства своих современников.

Ключевые слова: художественный музей, музейное пространство, белый куб, художественная выставка, художественный проект, современное искусство, экспозиционные стратегии, художественная интервенция.

E.S. Ge
Vitebsk, Republic of Belarus

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE EXPOSITION SPACE OF THE ART MUSEUM

Abstract. The article analyzes exhibition strategies used by art museums in the presentation and promotion of contemporary art. Curatorial ideas and features of the artworks themselves require the introduction into museum practice of various exhibition strategies taking into account the characteristics of both the art works and the museum space. The mission of said strategies is helping visitor in understanding, enjoying and using the art of our contemporaries.

Key words: art museum, museum space, white cube, art exhibition, art project, modern art, contemporary art, exhibition strategies, art intervention.

Немаловажную роль в проблематике современного музееведения играет соответствие существующих экспозиционных стратегий, а особенно новейших стратегий экспонирования, задачам популяризации современного искусства у зрителя. На протяжении XX века и в наши дни традиционное понимание музея как хранилища культурных ценностей значительно трансформировалось, что повлекло за собой создание новых экспозиционных стратегий и методов в музейной практике. Результатом подобных изменений стало расширение функций музеев, охват различных социальных категорий публики, разработка музеями образовательных и творческих программ, активное сотрудничество с художниками и кураторами и, в итоге, – превращение современных музеев в многофункциональные культурные центры. Музей в наши дни стал местом осуществления институциональной функции искусства, где объект интерпретируется и легитимизируется в качестве произведения искусства. Пространство художественного музея в настоящей статье подвергается анализу как синтетическая система пространство – экспонат – человек. Художественный музей, сотрудничающий с современными художниками и кураторами, представляет не столько экспонаты, сколько творческие высказывания; он имеет свою специфику. Музей современного искусства совмещает выполнение общественных и культурных функций традиционного музея и функций некоммерческой галереи, что предполагает расширение и демократизацию экспозиционных стратегий.

Назовем основные экспозиционные стратегии презентации искусства в пространстве художественного музея.

Хронологический (линейный) принцип построения экспозиции, который также называют планшетно-витринной стратегией идеален для создания традиционных экспозиций ретроспективного характера.

Тематическая и ассоциативная стратегия построения экспозиции. Визуальный образ здесь является ключевым унифицированным средством воздействия. Использование этой стратегии идеально подходит для создания постоянных экспозиций в музеях, имеющих очень мало или вовсе не имеющих оригинального художественного материала в коллекции (Музей Вермеера в Делфте, Нидерланды; Музей истории Витебского народного художественного училища, Беларусь).

«Нелинейный» тип построения экспозиции предполагает различную степень взаимодействия самой экспозиции с музейным пространством и посетителями. Художественное пространство рассматривается как место пересечения различных, и часто противоположных, областей человеческой деятельности, которые обычно не пересекаются вне контекста экспозиции. Именно взаимодействие разных сфер приводит к востребованности новых арт-практик и новых типов художественной коммуникации. Экспозиция в данном случае выступает как основное средство коммуникации. «Музей – это такой специфический язык, где говорят не словами, а предметами. Идеальная музейная экспозиция, с нашей точки зрения, – та экспозиция, где не нужно этикеток, где сами предметы передают нам некоторую историю. Тут и возникает музейная коммуникация. Это может быть коммуникация посетителя с создателем экспозиции, или посетителя с создателем (владельцем) предмета, и, наконец, самая сложная – межкультурная коммуникация» [2, с. 20].

Всю историю искусства XX века можно считать историей формирования игровых стратегий ис-

кусства. Модернистские философы, культурологи, теоретики искусства выделили игровой характер культурной и художественной деятельности как основополагающий, что определило появление многочисленных игровых стратегий в визуальных искусствах последующей постмодернистской эпохи. Художник сознательно закладывает в произведение множественность интерпретаций, побуждая зрителей – потенциальных участников творческого процесса – к самостоятельным способам видения и выводам. Основы интерактивных видов искусства (перфоманса, хэппенинга, боди-арта и т.п.) были заложены еще в модернистский период в деятельности дадаистов и представителей русского авангарда. В видах искусства, центрирующихся вокруг изобразительности, в этот же период активно изобретаются новые жанры (реди-мейд, объект, инсталляция и т.п.), активно применяются смешанные техники. Эти нововведения эпохи модернизма естественно вошли в постмодернисткое искусство в качестве элементов игры. Произошедшее в искусстве смещение акцента в системе «художник – зритель» повлекло за собой изменения в деятельности художественных музеев в системе «музейное пространство – экспонат – зритель».

Игровые стратегии наиболее перспективны для работы с современным искусством, если принимать во внимание его специфику. Характеристики современного искусства, находящегося в рамках традиционных видов и жанров, и актуального искусства, формальные и концептуальные, требуют особых подходов к составлению экспозиции и функционированию выставки. Игровой характер самого искусства обусловливает большее различие способов его презентации, это относится как к архитектуре выставочных пространств, техническим средствам и оборудованию, так и к построению экспозиционного пространства и размещению в нем работ.

Современное искусство, главным объектом которого являются изменения общественного сознания, часто являясь непонятным для неподготовленного зрителя, требует особого подхода и специальных методов экспонирования и музейной коммуникации.

Согласно Адриане де Оливейра, заведующему отделом Высшей школы визуальных и цифровых искусств (Франция), задачи работы, проводимой сотрудниками музея, направленной на то, чтобы привлечь зрителя к постижению современного искусства, заключаются в следующем:

- приостановить и затянуть процесс оценивания посетителем произведений художника;
- содействовать всеобъемлющему обзору экспозиции;
- поощрять способность к независимому наблюдению;
- поощрять собственные гипотезы, которые могут составить основу информированной интерпретации.

Данные задачи решаются следующими средствами:

- создание экспозиции, отвечающей концепции и эстетике творчества художника;
- доступность исследовательской информации о творчестве художника, авторской и кураторской концепции данной работы, условиях и контекстах его творчества;
- проектирование и адаптация интерпретации произведений в зависимости от целевых аудиторий;
- применение структурированного, поэтапного процесса познавания;
- предоставление информации о данном проекте в контексте истории и теории искусства, в социальном контексте;
- формирование вопросов, связанных с проектом;
- стимулирование активного участия зрителей в интерпретации, создание проблемной ситуации, ведущей к формулированию собственных гипотез по интерпретации работ [3].

Фактически, эти основные задачи решаются путем правильного выбора экспозиционных стратегий и грамотного, гибкого проведения модерации.

Вышеназванные задачи оказываются еще более актуальными в условиях слаборазвитого арт-рынка Беларуси и академических вкусов большинства белорусской публики.

Основываясь на многолетнем опыте работы в двух музеях художественного профиля (Витебский центр современного искусства и Музей Марка Шагала в Витебске), а также обмене опытом с другими музеями Беларуси, можно констатировать, что большая часть аудитории, особенно в провинции, не проявляет активного интереса к современному искусству. Заинтересованной частью публики являются в основном представители творческих профессий, студенты творческих вузов и дети младше десяти лет (которых, парадоксально, педагоги предпочитают не водить на выставки современного искусства). Ситуация с музейными простран-

ствами на уровне их архитектуры и оборудования не менее сложная. В последние годы в столице появляются частные галереи с прекрасным оборудованием, готовые к мобильной смене архитектуры выставочного пространства под каждый проект, однако в областных городах об этом лишь мечтают. В основном представлена музейная архитектура двух типов: классический особняк, удобный для создания постоянных экспозиций либо для демонстрации произведений искусства по методу «академического ряда», и пространство «белый куб» – бывшие залы Союза художников и разного рода нейтральные помещения, исполняющие роль музейного помещения после нехитрого подготовительного этапа, а именно, покраски стен. Приведем примеры удачного применения различных выставочных стратегий и методов экспонирования современного искусства в подобных пространствах.

Филиал Витебского центра современного искусства «Арт-пространство «Толстого, 7» располагается в старинном особняке, находящемся в историческом центре города. Помещение имеет большое количество комнат разного размера, которые не оборудованы под выставочные залы, без предварительного ремонта. Район улицы Толстого привлекает посетителей историческими зданиями, традиционной атмосферой, в находящихся по близости учреждениях культуры демонстрируются классическое изобразительное искусство и постоянные экспозиции, связанные с историей города. Исходя из всего вышеописанного, создание здесь филиала центра современного искусства можно назвать интервенцией в городскую среду, когда современное искусство вторглось в консервативную среду, и была предпринята попытка преодолеть жесткую дихотомию альтернативного и официозного искусства.

Часть арт-пространства отдана под долгосрочные авторские проекты современных витебских художников, другие залы – под сменные экспозиции современного искусства. В связи с интервенцией в музейное пространство считаем нужным упомянуть художественные проекты Валентины Ляхович и Кирилла Демчева. Эти художники не только создали каждый свое пространство с особой эстетикой, но и полностью преобразовали для этого предоставленные им залы, изменили стены, пол, потолок, окна.

В. Ляхович стала одним из первых резидентов «Толстого, 7» (2015 год), так как ее подходы к работе с пространством как нельзя лучше отвечают концепции новой в то время арт-площадки. Преображая стены, окна, потолок зала с помощью красок, лаков, коллажа, фотографий, художница создала здесь единую художественную ткань, где размещенные картины и объекты являются как самостоятельными действующими лицами, так и частями композиции, грандиозного паззла, составляющего отдельный мир. Так, внутреннее и внешнее, дух и космос, личное и сверхличное, глубина и поверхность совпадают. Образ или след прообраза-архетипа требует распознавания и точного проявления, материализуется ритмом живописи, свободной рождающей стихией. Свобода здесь – это и формальная свобода живописи, и освобождение от диктата монолога (в том числе, авторского), одностороннего движения; это возможность спонтанных сдвигов мышления в процессе переписываний, различных интерпретаций однажды воплощенной темы с использованием других техник. Работая с фотографиями своих живописных работ и объектов, В. Ляхович археологизирует визуальную ткань, она соединяет живописность, брутальную рукотворность с коллажными наслоениями и надличными свидетельствами фото. Постоянное использование цитат, часто скрытых, создает игровую ситуацию и структурирует экспозицию, а также провоцирует на диалог. Темы диалога – величественная непрерывность мироздания и трогательные подробности повседневности, креативная сила понимания и чувств, разнообразие и формообразующая функция символов, актуальные проблемы, течение времени, память о реальных людях и память как абсолютная категория. Недавнее и очень давнее прошлое соединяются здесь на многослойной, активной, но скрывающей в себе тишину и молчание вневременности, поверхности картин и объектов, покрытой корой красок, бумаги – энергией спрессованной материи. Так, экспозиция представляется неким пейзажем, местом обитания памяти и местом творения будущего, где действует непрерывная женственная витальность. Построение экспозиции с использованием пространственных объектов и плоскостных решений ведет зрителя по своеобразному маршруту в этом пейзаже к поиску собственных творческих открытий.

В одном из первых значительных временных проектов в арт-пространстве «Толстого, 7» также использована стратегия интервенции, это асинхронный художественный проект «Культпролет». Его автор, минский художник Руслан Вашкевич,

назвал свою стратегию также «захватом пространства». Определение проекта как «асинхронный» напоминает об идее асинхронной современности философа Ольги Шпараги. Она, вкратце, заключается в том, что понятие современности не совпадает у различных людей и обществ: одни живут идеалами средневековья, другие до сих пор во времена супрематизма, кто-то живет в XXI веке. Экспозиция была «внедрена» в несколько залов арт-пространства, наполненных супрематизмом. Это был зал со стендами, рассказывающими об истории Витебского народного художественного училища, а также с плакатами современных молодых дизайнеров, созданными в эстетике супрематизма. Автор плакаты не снимал, а бережно повесил свои работы поверх них, следующим слоем; на этих картинах супрематические фрагменты соседствовали с реалистическими. В зале, где происходило открытие, все выглядело так, будто супрематизм был изгнан с белых холстов, а на его место пришли банка с консервированным драконом, женские прически, кричащий девичий рот. В зале на первом этаже была игровая комната. У персонажей, изображенных на картинах, которые в нелегких условиях цеха производят плоские яркие фигуры, – праздник (одна из серий называлась «Праздник на нашей улице). Они выходят за нарисованный забор, подозрительно напоминающий решетку клетки, на спортплощадку, обустроенную в реальном зале, где могут, наконец, поиграть в баскетбол. На баскетбольном щите нарисован черный квадрат. В игру включаются и другие предметы, а также посетители выставки. Таким образом, в данном проекте были реализованы стратегия интервенции и игровая стратегия.

К зданию филиала «Арт-пространство «Толстого, 7» примыкает дворик, используемый как для художественных акций, так и для размещения объектов, относящихся к экспозициям, находящимся внутри здания (объекты из проекта «Soustain Identity» Людмилы Христесевой (Швеция), из проекта «Арт-дом» витебского художника Евгения Кутаркина). Такой ход позволяет говорить о создании экспозиционного пространства открытого типа.

Экспозиционное пространство филиала «Толстого, 7» благодаря своей архитектурной структуре имеет следующие преимущества, дающие возможности для понимания современного искусства: динамическое восприятие пространства, свобода интерпретации, а также активное участие в выставке и взаимодействие с экспонатами, возможность диалога с художником через пространство и предметы искусства. Именно на этой площадке стал возможен синтез различных видов искусства и творческих взглядов художников, а также использование экспозиционных приемов, способствующих слиянию объекта и пространства.

Наиболее распространенные виды выставок, реализуемых в классических экспозиционных пространствах типа «белый куб», можно условно классифицировать следующим образом:

- кураторские проекты;
- авторские персональные проекты;
- персональные выставки ретроспективного плана;
- тематические коллективные выставки.

Экспозиции коллективных тематических выставок решают важную задачу приведения разнородного материала к концептуальному единству.

Коллективные выставки с большим количеством произведений различной видовой принадлежности часто призваны раскрыть «большую» тему. Здесь выставляются произведения как современного искусства: инсталляции, объекты, формальная живопись, так и живопись и графика традиционных направлений, а также работы в таких видах визуальных искусств, как фотография, художественная и документальная, графический дизайн, видеоарт.

Например, задачей экспозиции «Портрет города. Гений места» являлась презентация такого феномена как «дух города». Экспозиция была разделена на две части: образовательно-художественную и собственно художественную. В образовательном блоке были размещены фотореконструкции различных мест Витебска, которые давно утратили свой исторический облик, представленные параллельно современным документальным фотографиям. Экспонаты были крайне разнородны, целью музейной коммуникации являлось раскрытие понятий, которые связаны у участников с духом города. Для кого-то это была история, белорусская традиция, для кого-то творчество Марка Шагала или эстетика русского авангарда начала XX века, для других – жизнь современной молодежи, для кого-то – болевые, проблемные точки современности и т.д. Экспозиционно задачи решались с помощью создания блоков, не представляющих последовательное раскрытие темы, но скорее контрастирующих друг с другом и дающих посетителям возможность выбора «какую выставку смотреть», двигаясь по различным маршрутам. Своей полистилистичностью данная экспозиция фактически напоминала о самом понятии Витебской ху-

дожественной школы, вокруг которого ведутся постоянные полемики.

В коллективном проекте «Арт-салон» была использована игровая стратегия. В экспозицию, состоящую из произведений современной живописи, графики и арт-объектов, включались дизайнерские предметы интерьера и объекты, предоставленные багетным салоном. Организовав такой проект, сотрудники музея стремились размыть границу между искусством и дизайном, а главное – изменить традиционное представление о домашнем интерьере, представив его образ, воссозданный в музейном пространстве, как естественное место для размещения произведений современного искусства.

Персональные выставки ретроспективного характера, многие из которых являются юбилейными выставками известных витебских, белорусских и зарубежных художников, часто выполняются с помощью нетрадиционных экспозиционных методов. Визуальный ряд таких академичных выставок помогает сделать более интересным применение метода «проблемная группировка» что привлекает внимание зрителя, расставляя смысловые и эстетические акценты. Например, выставка графики «Александр Соловьев. Моей мечты движение», посвященная 90-летнему юбилею художника, с помощью приемов экспонирования создавала образ художника, активно работающего с пространством даже в своих плоскостных работах, а также по-своему переосмыслявшего и интерпретировавшего достижения европейской живописи XX–XXI веков. Такими приёмами являлись экспонирование графических работ определенной стилистики в пространстве, на легких нейтрального цвета планшетах и прозрачной леске, частичное использование направленного освещения, организация в зале разных по стилистике экспозиционных блоков, открытое экспонирование работ без рам.

Экспозиции художественных проектов реализуются в соответствии с концепцией куратора или автора (который в актуальной ситуации арт-рынка часто является куратором собственной выставки) и обусловливаются идеей и эстетикой, развиваемой художником в данном проекте.

Самым долгосрочным кураторским проектом в Беларуси является проект «Абстракт», куратор Василий Васильев. Кураторы проектов нередко выделяют некое направление или тенденцию и специально отбирают художественный материал для ее обоснования. Именно в этом направлении работает В. Васильев, обосновывая идею о том, что беспредметность является основной тенденцией в Витебской художественной школе, при этом приглашая к участию также и художников из других городов Беларуси. Если сто лет назад абстракция была радикальным фронтом искусства, имевшим целью конец развития изобразительности, то опыт презентации беспредметного искусства в наше время – это поиск его самоидентификации среди более современных течений. Абстрактная живопись все больше рассматривается как искусство философии искусства. Василий Васильев как куратор выделяет «стихийную», импровизационную, экспрессивную абстракцию и аналитическую абстракцию, на их различии строит экспозицию как исследование феномена беспредметности в искусстве. В экспозиционных решениях активно используется все пространство «белого куба», иногда стены – в последнюю очередь; применяется открытое экспонирование, нестандартное оформление работ (например, наклеивание их на оргстекло и др. прозрачные материалы для экспонирования в пространстве).

Центральной темой проекта Антонины Фалей «Solo» являлась теория о двойной – утаивающей / проясняющей – природе письма (Ж. Деррида). Живопись работы и объекты, составившие экспозицию проекта А. Фалей, представляли различные виды художественных исследований природы знака и самой природы передачи информации посредством формы. Формальные эксперименты обуславливают некоторое сходство абстрактной, пластически выразительной формы с каллиграфическими знаками, не существующими в реальных языках. Создавая объекты, А. Фалей очищает форму, освобождая ее от декоративности, форма может работать как уникальный объект и как фраза, и как организатор пространства в разнообразных построениях. Согласно творческой концепции инсталляции «Алфавіт з 11 літар», входившей в проект, абстрактная форма, имеющая сходство с каллиграфическими знаками, представляет ограниченное количество «букв», которые автор складывала в различные композиции, и они образовывали слова, предложения, тексты, передавая эмоции и умозаключения и обладая способностью быть прочитанными. А. Фалей использовала в данном проекте широкий спектр знаков: в форме семантически узнаваемых слов, иероглифических символов и их композиций, букв несуществующего алфавита, пространственных живописных построений, топографических фрагментов. Чтобы вовлечь зрителя в

игру с придуманным языком, автор использовала игровую экспозиционную стратегию. Экспозиция была разбита на блоки, настроение которых задавали объемные пространственные инсталляции, ведущие затем зрителя к плоскостным решениям, от наиболее очевидных к наиболее сложночитаемым знакам.

Авторский проект Александра Малея «Станковая живопись в пространстве среды, объекта, инсталляции» на новом уровне решал проблему пространства как объекта искусства и включения артобъекта в пространство. В этом проекте основными средствами выражения такого пространственного мышления стали инсталляции, в которых художник соединяет картину и трехмерные объекты. Преобразовывая двухмерные композиции картины в трехмерные кубосупрематические объекты, художник создал новое визуальное развитие супрематизма – сквозь одну работу можно увидеть другую, таким образом, порождая новую организацию пространства.

Экспозиции некоторых проектов могут являться примерами разных вариантов включения в экспозицию проекта выставочного пространства.

Экспонат и пространство – единое концептуальное целое, части которого являются взаимодополняющими и взаимовлияющими. Эта идея реализуется при безусловном участии и пространства, и экспоната. Например, интерактивный проект, представленный арт-группой «ЧреВо» (Красноярск, РФ), где экспонатом являлся видеоарт, а пространство состояло из экранов, на которые проецировался видеоарт. Пространство галереи расширяется до виртуального, когда посетители, считывая с помощью планшетов QR-коды, получают визуализацию живописных работ и инсталляций, экспонируемых в Красноярске.

Экспонатом является само пространство – общая экспозиция составляется из объемных пространственных инсталляций. Зрители могут свободно передвигаться в этом пространстве, совершать различные действия, как предписанные объявленной концепцией, так и неожиданные. Например, инсталляции арт-группы «Дуэдро» (Кирилл Куликов, Стас Рабунский, Витебск–Минск), построенные на оптических иллюзиях и воспринимаемые зрителем с определенных точек в пространстве.

Таким образом, рассмотрев примеры из экспозиционной практики презентации художественных проектов, мы можем сделать вывод, что среди экспозиционных стратегий, сложившихся в процессе музейной практики, в работе с современным искусством основными становятся игровые стратегии и нелинейный тип построения экспозиции и пространства. Побуждение публики к достижению рассматриваемой К. Бишоп позиции участия (participation) в художественном процессе (которая анализируется исследователем в основном в связи с перформативными видами искусства) [1] в определенных условиях становится целью художественного музея и в работе с изобразительным искусством. Стилистика прошлого столетия, ставшая признанной классикой, у определенной части публики до сих пор вызывает отторжение своей «радикальностью». В данном случае побуждение зрителей к активному типу восприятия, достигаемое с помощью разнообразия экспозиций, помогает заинтересоваться, понять, полюбить искусство наших современников, принять его в качестве неотъемлемой части жизни.

Список использованной литературы

1. Бишоп, К. Искусственный ад. Партиципаторное искусство и политика зрительства / К. Бишоп. – Москва : V-A-C press. – 2018. – 528 с.
2. Лебедев, А.В. Музейное проектирование / А.В. Лебедев. – Москва : Лаборатория музейного проектирования. Российский институт культурологи. – 2009. – 256 с.
3. Bellanger, E. L'expérience culturelle en galerie d'art [Электронный ресурс] / E. Bellanger. – Режим доступа: http://www.lenouveleconomiste.fr/dossier-art-de-vivre/lexperience-culturelle-en-galerie-dart-21024/ (дата обращения: 20.04.2020).

Н.С. Грибанова, Н.В. Люля
г. Барнаул, Россия

«ИСЧЕЗАЮЩИЙ МИР»: ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОТОМКОВ УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ АЛТАЯ[1]

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РГНФ, № 13-31-01008 а1 «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.», и издательского проекта РГНФ, № 17-01-16116 д «Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.».

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению методов и результатов этнографического изучения материальной культуры потомков украинских переселенцев Алтая, проведенного в 2013–2017 гг. в рамках научно-исследовательского и издательского проектов РГНФ. Особое внимание уделено характеристике используемой методики работы с этнографическими коллекциями сельских музеев, приемов реконструкции условий социального бытования вышедших из обихода предметов традиционной этнической культуры.

Ключевые слова: этническая культура, традиционная материальная культура, украинцы, методы этнографического исследования, Алтайский край.

N.S. Gribanova, N.V. Lyulya
Barnaul, Russia

"DISAPPEARING WORLD": ETHNOGRAPHIC STUDY OF THE TRADITIONAL MATERIAL CULTURE OF THE DESCENDANTS OF UKRAINIAN POPULATION IN THE ALTAI KRAI

Abstract: The article is devoted to the methods and results of the ethnographic study of the material culture of descendants of Ukrainian population of the Altai, conducted in 2013-2017 within the framework of research and publishing projects of the Russian Foundation for Humanities. Special attention is paid to the characteristics of the methods used for working with the ethnographic collections of rural museums and methods for reconstructing ways of using traditional ethnic culture items that have fallen out of use.

Keywords: ethnic culture, traditional material culture, the Ukrainians, methods of ethnographic research, Altai Krai.

Изучение материальной культуры народов – традиционное направление исследований в отечественной этнографии. Однако и в настоящее время проблемы развития и трансформации традиционной материальной культуры этносов, специфика социального бытования и семантика вещного мира представляют интерес для этнографической науки. Особенную актуальность данная проблематика сохраняет в региональной этнографии в силу все еще недостаточной изученности многих аспектов культуры этнических и этнографических групп переселенцев на Алтай.

В 2013 г. коллективом молодых исследователей Алтайского государственного педагогического

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

университета (Люля Н.В., Прохорова Е.А., Свидовская А.С.) и Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Чернова И.В., Коптяева Е.А., Новикова Ю.С.) под руководством канд. ист. наук Н.С. Грибановой благодаря поддержке РГНФ была начата реализация научного проекта, направленного на изучение семьи, развития и трансформации семейно-бытовых традиций украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.

Одной из задач проекта являлось рассмотрение материальной культуры (жилища, одежды, пищи, предметов убранства интерьера) украинского сельского населения трех регионов Западной Сибири (Алтайского края, Омской и Новосибирской областей) как важнейшей составляющей семейного быта ввиду ее слабой изученности и полном отсутствии опубликованных сравнительно-исторических исследований по данной тематике. Усилия авторов настоящей статьи и студентов исторического факультета АлтГПУ (Свидовской А.С. и Прохоровой Е.А.) были направлены на изучение украинского населения Алтайского края и Карасукского района Новосибирской области, исторически входившего в состав Алтайского округа (совместно с группой ОмГУ им. Ф.М. Достоевского).

Целью данной публикации является рассмотрение методов, методики и результатов этнографического изучения материальной культуры потомков украинских переселенцев Алтая (в исторических границах Алтайского округа), осуществлявшегося коллективом исследователей в 2013–2017 гг. в рамках обозначенного проекта, а также в ходе подготовки коллективной монографии (РГНФ, № 17-01-16116 д) [1].

Материальная культура в переселенческих обществах более всего подвержена изменениям, что обусловлено, прежде всего, необходимостью адаптации при освоении новой территории. Традиционные компоненты материальной культуры восточнославянского населения Алтая (жилище, пища, одежда) с конца XIX в. по настоящее время под воздействием целого ряда факторов претерпели значительную трансформацию. Высокая динамика трансформации культуры на начальном этапе приводила к утрате этнически маркированных признаков предметов, а со второй половины XX в. – к постепенному выходу из обихода и исчезновению из среды социального бытования материальной составляющей традиционной культуры.

Принимая данный факт во внимание, уже на этапе разработки научной программы мы пришли к выводу, что первостепенным источником изучения материальной культуры украинского населения станут музейные коллекции. В связи с этим было определено два направления работы с музейными собраниями: во-первых, это изучение коллекций сельских музеев в ходе экспедиционных исследований в рамках реализации проектов РГНФ, во-вторых, выявление и анализ материалов о вещественных источниках, собранных в музеях Алтайского края в ходе комплексных историко-этнографических экспедициях АлтГПУ в 2010–2016 гг. (рук-ль – докт. ист. наук, проф. Т.К. Щеглова) и тематических экспедиций членов коллектива.

В результате в течение пяти лет участниками проекта были изучены украинские коллекции орудий труда, предметов быта, одежды, декоративно-прикладного творчества 13 музеев Алтайского края, пяти – Омской области, четырех – Новосибирской области. Из них авторами статьи – собрания шести музеев в ходе этнографических экспедиций в сельские населенные пункты Алтайского края: Романовского районного историко-краеведческого музея (с. Романово, Романовского р-на, 2013 г.), Школьного музея с. Сидоровка (Романовский р-н, 2014 г.), Музея истории Яготино и школы (Благовещенский р-н, 2013 г.), Кулундинского районного музея (с. Кулунда, Кулундинского р-на, 2014 г.), Краеведческого музея Крутихинского района (с. Крутиха, Крутихинского р-на, 2016 г.), Родинского музея истории и изобразительного искусства им. А.С. Цыбинова (с. Родино, Родинского р-на, 2017 г.) и трех в Карасукский р-н Новосибирской области: Музея Беленской МБОУ СОШ, Русско-украинского музея с. Ирбизино, Карасукского краеведческого музея (2015 г.).

Информационный потенциал изученных музейных этнографических собраний различен. Зависит он от размера фонда (количество предметов), периода и источников комплектования, наличия и качества учетной документации, квалификации сотрудника и его знания коллекции. При этом ценность этнографических коллекций сельских (муниципальных, школьных) музеев Алтайского края безусловна и определяется спецификой их комплектования. Как правило, в них сосредоточены предметы, изготовленные и бытовавшие в границах отдельных сел или районов, а соответственно отражающие этническую и локальную традицию.

Так, обследования показали, что наиболее значимые коллекции, демонстрирующие этнические черты традиционной бытовой культуры украин-

ского населения, сосредоточены в музеях населенных пунктов с компактным проживанием потомков переселенцев. Широко представлены в сельских музеях утварь, орудия обработки волокнистых культур и шерсти, одежда, изделия традиционного декоративно-прикладного искусства (рушники, вышитые предметы интерьера). Меньше сохранилось предметов, отражающих сельскохозяйственную и промысловую деятельность, этнографию детства (колыски).

В изучении украинских этнографических коллекций сельских музеев региона использовались методы, апробированные Н.С. Грибановой в 2001–2011 гг. в процессе подготовки диссертационного исследования и студентами под ее руководством в ходе реализации подпрограммы «Музеи Алтайского края» комплексной программы Центра устной истории и этнографии АлтГПУ «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие», направленной на выявление памятников традиционной культуры в музейных собраниях и введения их в научный оборот путем включения в научные исследования и каталогизации. Вместе с тем, специфика объекта и предмета исследования потребовала корректировки методов, поиска новых форм работы с источником.

Изучению этнографических коллекций в музейных собраниях всегда предшествует этап выявления памятников традиционной культуры отдельно взятого этноса из предметного ряда всего фондового собрания музея. В крупных музеях эта задача решается посредством ознакомления с опубликованными описаниями коллекций, научными паспортами, картотекой или иной учетной документацией, содержащей информацию об этнической принадлежности (национальности) автора (дарителя), так называемую, легенду предмета, результаты научного поиска сотрудников музея по атрибуции памятника. В малых сельских музеях, в том числе, и многих обследованных, как правило, эти источники информации отсутствуют или не содержат искомых данных. Слабая изученность материальной культуры украинского населения региона на начальном этапе реализации проекта не позволяла применить и метод аналогий по отношению к большей части предметов. В связи с этим, при отсутствии прямых указаний на принадлежность предметов украинскому населению, участниками проекта использовались следующие способы выявления искомых памятников вещного мира:

Изучение имеющейся учетной документации музея (актов приема, книг поступлений) с целью выявления местных (диалектных) вариантов названий предметов, позволяющих предположить принадлежность к украинской традиции (например, ночва (ночви) – корыто, сорочка – рубаха).

Ознакомление с историей формирования музейного собрания (время, места и условия сборов, имена особенно активных дарителей, интересы собирателей) посредством беседы (или интервьюирования) с действующими и прежними сотрудниками музея для выявления круга предметов, принадлежавших украинскому населению.

Изучение истории формирования этнического состава населенного пункта (пунктов), в котором собрана коллекция, определение мест выхода переселенцев с целью определения источника принесенной традиции (региона, губерния выхода), характера межэтнического взаимодействия в населенном пункте.

Изучение музейного собрания фотографий с целью выявления на них изображений аналогичных предметов традиционной материальной культуры, определение этнической принадлежности запечатленных людей или дарителей фотографии.

Включение в программу опроса жителей села вопросов о передаваемых в музей предметах.

После выявления искомого предметного ряда участниками проекта осуществлялось научное описание каждого памятника согласно общепринятой схеме или краткая фиксация необходимых характеристик для последующего описания в лабораторных условиях даже в случае наличия информации в учетной документации. Этим обеспечивалась достоверность и полнота фиксируемых данных. Описание сопровождалось снятием размеров, зарисовкой (при необходимости) и фотосъемкой предметов в разных проекциях для создания всестороннего образа.

Для решения научных задач в исследовании традиционной материальной культуры важнейшее значение имеет изучение контекста их социального бытования. С этой целью в ходе исследования помимо описания и фиксации предметов применялись методы изучения фотографических источников и опроса (интервьюирования), часто в их сочетании.

Особое внимание уделялось изучению фотографий как из музейных фондов, так и из семейных архивов информантов. Если вещественные коллекции позволяют изучать вышедшие из обихода

традиционные предметы, то визуальные материалы – еще и охарактеризовать специфику периода, манеру ношения одежды, варианты использование предметов. Представляющие интерес фотографии копировались путем пересъемки на фотокамеру, изучалось и описывалось их изображение.

В современных условиях, когда при изучении материальной культуры метод традиционной этнографии – наблюдение является недоступным, особое значение приобретает метод опроса (интервьюирования). Участниками коллектива по теме проекта были разработаны программы и вопросники с целью комплексного изучения истории и этнографии украинского сельского населения Западной Сибири, в том числе, и характеристика предметного мира семьи, конструктивных особенностей, техники изготовления, специфики использования орудий труда, утвари, предметов обихода по личным воспоминаниям информантов или со слов родителей и дедов. По возможности рассказы сопровождались зарисовками описываемых предметов, сопоставлением с имеющимися фотографиями, метод реконструкции. Авторами статьи применялась методика и технология опроса, разработанная докт. ист. наук, проф. Т.К. Щегловой и практикуемая сотрудниками Центра устной истории и участниками историко-этнографических экспедиций с 1993 г. [3].

Таким образом, сочетание методов классической этнографии с актуальными подходами исторического исследования и современными технологиями фиксации материалов позволили участникам проектов реконструировать важнейшие компоненты традиционной предметно-бытовой сферы жизни семей украинского населения Западной Сибири, проследить трансформацию отдельных элементов материальной культуры на протяжении XX в. Результаты исследования нашли отражение в коллективной монографии [1], многочисленных научных публикациях членов исследовательского коллектива. С целью репрезентации материалов о традиционной материальной культуре потомков украинских переселенцев Западной Сибири широкой аудитории была разработана страница проекта в сети Интернет, и создан мультимедийный альбом, включающий материалы исследования за 2013–2014 гг. [2].

К основным результатам пятилетнего изучения материальной культуры украинского населения Алтая в ходе реализации проектов РГНФ следует отнести следующие: формирование копийного фонда предметов из музейных собраний региона в виде научных описаний и фотографий – своего рода базы данных для дальнейшего сравнительно-исторического исследования материального наследия украинских переселенцев и их потомков; выявление типичных признаков целого ряда предметов материальной культуры, бытовавших у украинского населения Алтая; введение в научный оборот значительного комплекса вещественных источников; опыт использования информационно-коммуникационных технологий в целях репрезентации источников и результатов этнографических исследований.

Несмотря на завершение указанных проектов, членами исследовательского коллектива продолжается работа по изучению материальной культуры потомков украинских переселенцев на Алтае: проводятся полевые исследования, изучаются музейные коллекции, публикуются статьи, ведется подготовка учебного пособия и диссертационного исследования (Н.В. Люля). Перспективным направлением дальнейшей работы видится репрезентация материального наследия украинских переселенцев посредством создания иллюстративного каталога или информационного интернет-ресурса с открытым доступом в целях активизации его этнографического изучения, эффективного использования в фондовой, экспозиционно-выставочной и просветительской работе музеев, культурно-образовательной деятельности различных организаций.

Список использованной литературы

1. Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX–XX веке : монография / Н.С. Грибанова, И.В. Чернова, Н.В. Люля, А.С. Свидовская. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 306 с.
2. Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в. : мультимедийный альбом [Электронный ресурс] / авт.-сост. Н.С. Грибанова, И.В. Чернова, Н.В. Люля [и др.]. – Барнаул, 2014. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
3. Щеглова, Т.К. Устная история : учеб. пособие / Т.К. Щеглова. – Барнаул : АлтГПА, 2011. – 364 с.

Н.В. Гулузаде
г. Баку, Республика Азербайджан

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Аннотация: В начале статьи подчеркивается важность сохранения археологического наследия в современном мире. Затем исследуется роль Национального Музея Истории Азербайджана в изучении археологического наследия. Отмечается, что за последние сто лет с начала деятельности музея в его фонде были собраны тысячи археологических материалов, отражающих историю и культуру Азербайджана. Эти материалы в основном представлены изделиями из керамики, металла, камня, кости, стекла, дерева и ткани. В конце статьи рассматриваются пути и средства сохранения образцов археологического наследия Азербайджана в музейном фонде.

Ключевые слова: археологический, наследия, музей, коллекция, керамика, Азербайджан, изделия.

N.V. Guluzade
Baku, Republic of Azerbaijan

ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF NATIONAL MUSEUM OF HISTORY OF AZERBAIJAN

Abstract: The article first emphasizes the importance of preserving the archaeological heritage in our modern world. Later, the role of the National Historical Museum in the study of the archaeological heritage was investigated. It was noted that in the last hundred years of the museum's activities, thousands of archaeological materials reflecting the history and culture of Azerbaijan have been collected in its fund. These materials are mainly made of ceramics, metal, stone, bone, glass, wood and cloth. Later, the ways and means of preserving samples of the archaeological heritage of Azerbaijan in the museum fund were considered.

Key words: archeological, heritage, museum, collection, ceramics, Azerbaijan, products.

Общеизвестные процессы, происходящие в начале XXI века в пространстве Евразии, как и во всем мире, сделали вопрос сохранения наследия материальной культуры еще более актуальным. В этом направление некоторые государства, особенно Китай и Казахстан, добились весомых результатов, набрали в этом направлении богатый опыт. С этой точки зрения, Азербайджан как часть Евразийского пространства, стараясь воспользоваться опытом вышеуказанных государств, также принимает серьезные меры по сохранению наследия материальной культуры. Для сохранения культурного наследия, в особенности археологического наследия, Национальный Музей Истории Азербайджана широко использует свои возможности и уже приобрел определенный опыт в этом вопросе.

1. Изучение археологических памятников и подбор материалов культурного наследия со стороны музея.

Изменения в общественно-политической и социально-экономической жизни Кавказа в 20-х годах XX века не обошли стороной вопросы изучения и сохранения материально-культурного наследия. Так, в целях устранения разобщенности и беспорядочности в этой области были созданы ряд научно-исследовательских учреждений и музеев [4, с. 35]. Национальный Музей Истории Азербайджана, созданный 15 июня 1920 года, является первым из этих учреждений [1, с. 20].

С уверенностью можно сказать, что с самого первого дня своего существования музей добился больших успехов в области изучения и защиты материально-культурного наследия и даже является инициатором множества «первенств» в своей деятельности. Так, с 1920 года музей взял на себя эту задачу, так как не было учреждений, которые могли бы проводить археологические исследования. Именно с этой целью при Музее (Музэкскурса) была организована Комиссия по охране древних

памятников. В июле того же года была организована первая разведывательная археологическая поездка во дворец Ширваншахов [1, с. 29; 2, с. 17].

Конечно, археологические исследования музея не были завершены разведывательными поездками, а скорее заключались в тщательном изучении многих памятников, охватывающих широкие временные рамки, начиная с древнейших времен и вплоть до средневековья. Так, с 20-х годов по 60–70-е годы XX века в музее было организовано несколько археологических экспедиций, в результате их масштабных поисков было исследовано множество памятников, относящихся к периоду палеолита, бронзового века, античного периода и средневековья, древнего Азербайджана [3, с. 5]. По результатам этих археологических экспедиций тысячи артефактов были переданы в Археологический фонд музея. Другие научно-исследовательские учреждения Академии Наук Азербайджана также принимали активное участие в обогащении Археологического фонда. Среди этих учреждений следует особо выделить Институт истории, а также Институт Археологии и Этнографии [32, с. 17–50].

В обогащении Археологического фонда большую роль сыграли указы Президента Азербайджанской Республики от 2008, 2009 и 2011 годов. На основании этих указов Национальному Музею Истории Азербайджана было выделено 3 миллиона манатов. На эти финансовые средства были приобретены тысячи экспонатов, имеющих важное историческое значение, а существующим экспонатам была предоставлена вторая жизнь после их реставрации и консервации.

2. Археологическое наследие в музейных коллекциях.

На данный момент в археологическую коллекцию Музея входят многотысячные артефакты, охватывающие период от палеолита до позднего средневековья. В общем количестве, в коллекцию входят более 50 тысяч артефактов. Среди этих артефактов наряду с материалами региональной и государственной значимости имеются материалы мирового значения. Кроме того, в археологической коллекции имеются немало интересных образцов, попавших в Азербайджан по торговым путям и в результате обмена. Часть археологического наследия Азербайджана, собранного и охраняемого в Национальном Музее Истории Азербайджана, в зависимости от хронологической, типологической, генеалогической и функциональной характеристики можно разделить на различные группы. Более уместным для нас является подразделение артефактов коллекции по материалу, из которого изготовлены эти образцы: керамические и металлические изделия, изделия из кости, стекла, дерева и изделия ткачества.

2.1. Керамические изделия.

Керамические образцы преобладают в археологической коллекции. Эта группа представлена в основном хозяйственными и бытовыми сосудами, строительными деталями и деталями, являвшимися объектом поклонения различными идолами. Самые древние керамические изделия коллекции относятся к эпохе неолита. Они были изготовлены из глины с примесью растений и соломы. На днище некоторых из них сохранились следы плетения. Все изделия изготавливались вручную.

Некоторые большие хозяйственные кувшины вместо ручек имеют ушки-выступы. В коллекции имеются сосуды, украшенные росписью или вдавленным орнаментом. Некоторые сосуды украшены лепным орнаментом. Кроме всего прочего, неолитическая коллекция содержит артефакты, отражающие связи ранних земледельческо-скотоводческих племен Азербайджана с Месопотамией. Среди них можно отметить фрагменты расписной керамики, относящейся к халафской археологической культуре, найденной в нижнем культурном слое поселения Кюлтепе I, расположенного около Нахичевани [5]. Этот сосуд отличается своим изысканным художественным дизайном. В музейной коллекции имеются также археологические находки, создающие определенное представление о духовной культуре и религиозно-философских взглядах ранних земледельческо-скотоводческих племен Азербайджана. Одна из них – найденная в Гаргалартепе глиняная женская статуэтка [6]. Этот артефакт среди женских статуэток археологической коллекции музея является самым древним.

В археологической коллекции музея имеется и керамика бронзового века. Керамические изделия этой эпохи положительно отличаются от предыдущих эпох своим количеством и качеством. Керамические изделия бронзового века в соответствии с характерным для этого периода хронологическим делением подразделяются на изделия ранней, средней и поздней бронзы.

Для керамики ранней бронзы или же Кура-Аракской археологической культуры характерны ручки полусферической формы, частично напоминающие бычий нос [7]. Сосуды этого времени изготавливались из хорошо обработанной глины с

примесью песка. При изготовлении керамических изделий, особенно сосудов, иногда использовались мешки с песком. Что же касается применения гончарного круга, то его использование в течение всего этого периода носило ограниченный характер. Орнаменты гончарных изделий Кур-Аразской культуры также представляют особый интерес. Вдавленные, выпуклые и врезные орнаменты на этих сосудах представлены парными спиралями, концентрическими кругами, ромбовидными и треугольными изображениями, схематическими изображениями птиц и животных [8].

Керамика среднего бронзового века географически разделена на две группы. Так, для южного Азербайджана характерно широкое производство расписной керамики, а для северного – серой и темной посуды. Узоры в расписных сосудах обычно монохромны. Однако встречаются сосуды, которые орнаментированы полихромно. Верхняя половина сосудов на красном и желтом фоне украшалась различными геометрическими узорами. Изображения людей, животных и птиц встречаются довольно редко. Один из таких немногочисленных сосудов был найден в 1936 году в некрополе Шахтахты [9]. Сосуд с полихромной росписью разделен на три полосы, украшенных разными породами животных и птиц. Особый интерес вызывает также сосуд из Гараджемирли (Шамкир), являющийся одним из неповторимых образцов искусства древнего Азербайджана [10]. Этот аккуратно изготовленный вручную сосуд имеет хороший обжиг. Он имеет шаровидный корпус. Плечевая часть сосуда украшена гребенчатым инструментом кругами, напоминающими колеса колесницы, свастиками, треугольники и меандрами. Предполагается что изображенный олень символизирует власть, «колесо фортуны», выраженное свастикой, символизирует бесконечность, вечность, а колесо олицетворяет солнце.

Для эпохи поздней бронзы характерны крашеные и инкрустированные сосуды серого и красного обжига. Эти сосуды изготавливались в основном вручную, в некоторых случаях с применением гончарного круга. Среди гончарных изделий этой эпохи имеются изысканные образцы, украшенные элементами животных и птиц, а также изготовленные в форме длинных сапожек [11]. Некоторые образцы украшены лепными и врезными узорами, а также рельефными изображениями. Среди этих керамических изделий особо выделяются глиняные сосуды, инкрустированные белой пастой. На эти сосуды сначала наносятся врезные изображения, а затем эти изображения инкрустируются белой пастой. Один из таких сосудов найден в Гейгеле [12]. На этом сосуде изображена охота на коз. Подобные сосуды были найдены в Древнем Мингечауре и в других памятниках Азербайджана. Среди гончарных изделий этой эпохи имеются модели колесниц, а также пентадеры – крупногабаритные печати [13]. Последние были выполнены в квадратной и округлой форме и имеют разные рисунки. Узоры квадратных печатей напоминают разветвленную свастику, а округлых образцов – солнце.

Что же касается керамики более поздних периодов, то в коллекции имеются многочисленные интересные образцы эпохи раннего железа и античного времени. Среди них наибольший интерес представляют зооморфные сосуды, относящиеся к эпохе раннего железа. Одним из них является кувшин в форме птицы, найденный в 1947 г. в кургане № 3 Мингечаура [14]. Изготовленный вручную этот сосуд имел лощеную поверхность. На поверхности корпуса, в ее центральной части, имелась горловина, а также ручка, соединяющаяся с горловиной. Как правило, для керамики этого периода характерны серые и лощеные сосуды.

Керамика античного периода в коллекции состоит из красно- и черноглиняных ваз на одной или трёх ножках, молочников (ойнохойи), кувшинов, чаш, хозяйственных кюпов и других глиняных предметов. В этом периоде были широко распространены сосуды для жидкостей с сильно вытянутым вперед сливом, напоминающим клюв утки [15]. Среди глиняных изделий большое внимание привлекают сосуды с зооморфными элементами, найденные в древнем Мингечаурском памятнике. Одним из таких сосудов является выявленный здесь ритон [16]. Ритон был найден в кувшинном погребении в 1947 году. Этот уникальный сосуд был сформирован аккуратно от руки, а на корпус вместо ручки налеплена голова марала. Корпус сосуда имеет вид удлиненного бокала. Между рогами оленя врезаны ёлкообразные линии. В середине корпуса оленя имелось выпуклое отверстие. В коллекции имеются многочисленные образцы женских фигур, найденных в некрополях Моллаисаклы, Нюйди и т.д.

Последнюю группу керамических изделий археологической коллекции музея составляют относящиеся к средневековому периоду неполивные и глазурованные, в том числе, фаянсовые, селадоновые, фарфоровые сосуды. Среди глиняных изделий средневековья имеются также образцы строитель-

ной керамики и другие разнохарактерные предметы. В целом, средневековую керамику можно разделить на две основные группы: неполивную и глазурованную. Среди образцов неполивной керамики особое внимание привлекает глиняный кувшин с арамейской надписью. Этот кувшин был обнаружен в 1983 году во время раскопок в средневековом городе Хараба-Гилан [17]. На этом сосуде, датируемом V–VI вв., имелись следующие надписи: «И для жизни человека», «и не дай угнетать нас», «Бог, Бог, Бог» и т.д.

Одним из наиболее ярких и изысканных образцов глазурованной керамики этого периода является большая миска, найденная в 1960 г. в результате археологических раскопок Бейлагана [18]. На внутренней части этой миски, датируемой XII–XIII вв., с использованием различных цветовых гамм были изображены стоящие друг против друга два человека. Глазурованная миска была изготовлена на гончарном круге и имела хороший обжиг.

Вышеупомянутые керамические изделия дают полное представление об истории становления и развития гончарного искусства в Азербайджане, а также о профессиональных навыках, уровне и художественном вкусе гончаров.

2.2. Металлические изделия.

В количественном отношении второе место в коллекции занимают металлические изделия. Эти изделия дифференцируются на медные, бронзовые, железные, серебряные, золотые и т.д. Ее самые древние образцы имеют место среди неолитической коллекции. Они представлены выявленными в Кюльтепе I ромбовидным наконечником стрелы, шильями, булавками и бусами [19]. Эти содержащие медь артефакты свидетельствуют о том, что уже во второй половине V тыс. до н.э. в Азербайджане сформировалось металлообработка. Среди металлических образцов бронзового века Азербайджана особое место занимают немногочисленные бронзовые штандарты.

Одним из таких символов власти является штандарт, найденный в Гараджемирлинским кургане в 1989 году [20]. Этот штандарт среднего бронзового века изготовлен способом литья и состоит из двух частей. Верхняя часть представляет собой фигуру оленя, а нижняя часть – круглое кольцо. Другим интересным артефактом бронзового века является бронзовая подвеска, случайно обнаруженная в с. Доланлар в 1930 году [21]. Подвеска представляет собой фигуру оленя с двумя головами. Сама фигура оленя исполнена несколько схематично, с тонкой шеей и толстыми ногами. На шее имеется как бы ошейник с петелькой, помещенной под мордой. К этой петельке прикреплена цепочка. На голове вместо глаз сквозные круглые отверстия, также служащие для прикрепления цепочки, и на морде под открытым ртом тоже имеется отверстие, куда вдета цепочка. Таким образом, с каждой стороны имеются по три цепочки, состоящие из 18–19 незапаянных колец, согнутых из бронзовой проволоки толщиной 2 мм. На спине животного имеются три петли, каждая с одним колечком. В нижних концах цепочек висят украшения в виде колокольчиков.

Среди металлических предметов этой эпохи также имеются различные бронзовые подвески в форме птиц, булавки, украшения, наконечники стрел и копий, кинжалы и мечи. Среди металлических изделий археологической коллекции музея можно выделить обнаруженный в 1941 г. на памятнике Узунтепе меч, имеющий бронзовую рукоятку и железное лезвие [22]. Этот биметаллический меч имеет длину 63 см. В общем, в коллекции Узунтепе имеется несколько образцов таких мечей. Такие интересные биметаллические находки символизируют о переходе от эпохи бронзы к железному веку.

Одной из интересных находок железного века является используемый в боях для защитных целей бронзовый пояс [23]. Найденный в 1963 году в грунтовой могиле в Газахе этот бронзовый пояс был украшен изображениями рыб и волка с крупными зубами, с широко открытым ртом и с навостренными ушами, а также ёлкообразными геометрическими узорами. Предполагается, что украшение ремня различными изображениями вытекает из идеи о том, что оно увеличивало силу носителя. Некоторые их образцы имеют гладкую поверхность без орнамента. Эти широкие и узкие пояса имели с обеих сторон отверстия для закрепления. Среди металлических изделий этого времени следует отметить также бронзовые наконечники стрел скифского типа, бронзовые зеркала, завершающиеся ручками в форме животного, а также фиалы.

В металлической коллекции музея также имеются предметы торевтики. Одним из таких предметов является серебряное блюдо, найденное в Шамахах в 1978 году [24]. На нём изображена сцена охоты на козла сасанидского правителя Шапура на коне. Изображение рельефное. Это блюдо датируется III–V веками. Средневековая металлическая коллекция музея также содержит один медный котел, случайно найденный в 1974 году. На внешней по-

верхности котла на фоне синего цвета имеются изображения двух птиц и двух картушей. Пустые области заполнены эмалями разных цветов. Картуши имели вид четырех лепестков цветка, заполненного белой эмалью. Здесь имелись надписи арабскими буквами синего цвета. На поддоне было выбито тонкими линиями изображение слона. Кроме этого котла, средневековая металлическая коллекция включает в себя медные горшки, лампы, подсвечники, украшения, железное оружие и якоря. Вышеупомянутые металлические предметы предоставляют обширную информацию об истории развития металлургии и металлообработки в Азербайджане.

2.3. Изделия из камня.

Не менее важное место в коллекции занимают изделия из камня. Среди каменных изделий коллекции особое место занимают находки эпохи палеолита из пещер Азых, Дашсалахлы, Таглар, Газма т.д. Большинство из этих материалов представляют собой различные каменные орудия, изготовленные первобытными людьми и используемые ими в повседневной жизни.

Эти каменные орудия, изготовленные в основном из булыжника, кремния, базальта, фельзита и обсидиана по своим функциональным особенностям делятся на различные типы. Самые древние образцы каменных орудий найдены в VII–X слоях Азыхской пещеры и относятся к Гуручайской культуре. В настоящее время в музее хранятся 10 орудий труда, созданных носителями Гуручайской культуры [25]. Наиболее привлекательным из них представляется гигантское орудие труда весом 4–5 кг с VIII культурного слоя [26]. Этот каменный артефакт, найденный во время раскопок под руководством покойного археолога Маммедали Гусейнова в 1974–1975 гг., условно называется «гигантолитом» или «чоппинг-гигантолитом». В Азыхской пещере было обнаружено три таких каменных орудия труда, что, в свою очередь, создает четкое представление о занятиях обитателей пещеры. В археологической коллекции музея хранятся каменные артефакты, относящиеся и к последующим этапам каменного века.

В коллекции имеются использованные в хозяйстве и быту каменные орудия труда, созданные после перехода к производственному хозяйству. Сюда входят зернотерки, ступы, булавы, палицы, мотыги, ножеобразные пластинки, а также нуклеусы и отщепы. Эти каменные образцы отличаются своей простотой и грубостью. Однако более поздние каменные изделия, особенно относящиеся к эпохе бронзы и средневековья, выделяются своим изяществом. Так, в музейной коллекции хранятся сосуды из туфа, обнаруженные в Мингечауре и Геронбое. Мингечаурские сосуды отличаются от подобных образцов Геранбоя инкрустацией серебром [27]. Особенно привлекательным и интересным является наличие у вазообразных сосудов ручек в форме головы овцы.

Хранящиеся в коллекции музея и представленные в его экспозиции каменные изделия эпохи средневековья отражают высокий уровень развития камнерезного ремесла данного периода. Это развитие можно наблюдать на фоне входящих в коллекцию саркофагов, настенных декоров, каменных фигур баранов, надгробных камней и т.д. В средние века гравировка с декоративной точки зрения еще более обогатилась и превратилась в совершенный вид камнерезного ремесла. Часть каменных изделий Археологического фонда составляют образцы гравировки – надгробные и настенные декоры и эпиграфические детали. Несомненно, хранящиеся в коллекции каменные изделия, будучи неотъемлемой частью археологического наследия Азербайджана, являются великолепными образцами материальной культуры.

2.4. Костяные изделия.

Костяные изделия представляют сравнительно немногочисленную часть в археологической коллекции. Тем не менее, среди них имеются редкие и интересные образцы мирового и государственного значения. Нам хотелось бы среди них особо выделить костяной серп из Шомутепе [28]. Несмотря на то, что корпус серпа из кости, на нем установлены кремнёвые зубы. Этот артефакт является древнейшим сборочным орудием в коллекции. В коллекции имеется также мотыги, используемые ранними земледельцами для разрыхления и вспашки. Эти мотыги были изготовлены из оленьих рогов и лопаточных костей крупнорогатых животных. Другую группу костяных образцов коллекции составляют шилья, пряслицы, ложки, подвесные украшении, наконечники стрел и другие интересные предметы.

Среди образцов археологического наследия музея имеются артефакты палеоантропологического характера. Одним из таких интересных артефактов является челюсть первобытного человека. Челюсть была обнаружена при раскопках в Азыхском пещере палеолитической археологической экспедицией под руководством М. Гусейнова в

июне 1968 года. Первобытный человек, чьи останки были найдены в культурном слое Азыхской пещеры эпохи Ашеля, получил название «Азыхантроп», то есть «Азыхский человек».

Челюсть была исследована азербайджанскими специалистами, палеонтологом Демир Гаджиевым и антропологом Рабией Гасымовой. Палеоантропологическими исследованиями было установлено, что челюсть Азыхантропа принадлежала девушке в возрасте 18–22 лет, жившей 350–400 тысяч лет назад. Челюсть, найденная в Азыхской пещере, по своим физическим показателям представляет собой переходный этап от синантропа к неандертальцам. Еще одним интересным образцом в коллекции является трепанированный череп, датируемый V тысячелетием до н.э. [29]. Трепанированное отверстие было открыто в центре свода путем наружного прободения. Этот череп был обнаружен в 1985 году во время археологических раскопок в Чалагантепе, в грунтовом погребении овальной формы № 27. Согласно предварительным исследованиям, индивидуум, который был похоронен там, оказался женщиной. Что касается возраста чалагантепинского черепа, то ему 7000 лет.

2.5. Изделия стекла, дерева и текстиля.

Следующую, последнюю часть хранящегося в музее археологического наследия Азербайджана составляют изделия из стекла, дерева и текстиля. Стеклянная продукция коллекции в основном представлена средневековыми образцами. Изделия из стекла включают в себя вазы, чашы, фиалы, графины, флаконы, браслеты, кольца, бусы и оконные стекла, найденные в 2009 году в Шамкире. Некоторые стеклянные предметы выделяются своей простотой, а некоторые сложным художественным оформлением. В коллекции кроме всего прочего имеются остатки бракованного стекла, подтверждающие местное производство стеклянных изделий. В коллекции стеклянных изделий имеются многочисленные образцы, попавшие сюда в результате торговых сношений. В отличие от стеклянных изделий, артефакты, изготовленные из дерева, в археологической коллекции очень малочисленны. Наиболее привлекательным из них является иллюстрированный деревянный сосуд из Мингечаура. Среди малочисленных находок коллекции имеются фрагменты кожи и ткани. Самыми интересными из этих находок являются выделяющиеся своим изящным художественным оформлением остатки тканей, найденные в 70-х годах прошлого века в одном из склепов Харраба-Гилана [30]. Кроме того, в коллекции содержатся также фрагменты одежды, найденные во время раскопок, проведенных в Мингечауре в 1946–1953 годах [31]. Речь идет о фрагментах, найденных в погребении, принадлежащем монгольскому воину.

В заключении хотелось отметить, что упомянутые нами образцы из стекла, дерева и ткани являются прекрасными образцами азербайджанского археологического наследия.

3. Методы и средства хранения археологического наследия.

С точки зрения современных потребностей, предпринимаются серьезные меры сохранения поступивших в археологическую коллекцию Музея артефактов в местах хранения.

Хранилища или помещения фонда для хранения археологических материалов оснащены системами, регулирующими освещение, вентиляцию, влажность и температуру. Если быть точнее, помещения фонда освещаются электрическими лампами. Вентиляционные приборы, установленные в соответствующих местах, отвечают за аэрацию фонда. Режим влажности фонда регулируют 23 прибора. В зимний сезон потерю тепла в хранилищах предотвращают отопительные системы.

Инвентаризация, регистрация и упаковка переданных в фонд артефактов также осуществляются на уровне современных требований. Так, во-первых, археологические материалы укладываются в соответствующие шкафы по своему составу и назначению. Объем материалов также учитывается при укладывании по шкафам. Мелкие предметы упаковываются в картонные коробки и размещаются на соответствующих полках шкафов. Материалы крупных размеров, особенно крупные кувшины, хозяйственные сосуды и их фрагменты, а также строительные материалы, которые не помещается в шкафы, укладываются на полки вдоль стен.

После того, как образцы археологического наследия размещаются в соответствующих местах, на коробки наклеиваются аннотации, где содержатся сведения о месте находки, функциональном характере, инвентарном номере и другая полезная информация. На основе вышеупомянутой информации, перенесенной в память компьютера, в программе Microsoft Office Word была создана Электронная База Данных Археологического Фонда (ЭБДАФ).

Главным моментом в этом деле является создание для материалов фонда электронного паспор-

та. Электронная паспортизация материалов началась в 2008 году. Эта работа осуществляется по специальной паспортной программе, созданной в локальной сети музея. В паспорт входит номер и наименование инвентаря, год и место находки, период, описание, размеры, состав, примечание и другая необходимая информация, в том числе фотоиллюстрация для каждого артефакта. В настоящее время паспортная программа находится в стадии разработки, и более 25 процентов артефактов имеют электронные паспорта.

Одним из важных моментов в сохранении археологического наследия является привлечение требующих реставрации и консервации артефактов к соответствующим мероприятиям в Реставрационной лаборатории музея. В настоящее время в лаборатории музея работают опытные и профессиональные реставраторы-художники. В этой лаборатории каждый год сотни образцов материально-культурного наследия получают вторую жизнь. Среди предметов, получивших вторую жизнь, изделия из керамики и металла в процентном соотношении составляют абсолютное большинство.

Со времени своего основания и до настоящего момента в течение 100 лет музей играет важную роль в изучении разновременных археологических культур Азербайджана. Безусловно, заслуги музея не ограничиваются изучением этих культур, он внес также большой вклад в дело сохранения образцов, относящихся к этим культурам.

Образцы археологического наследия, которые в настоящее время хранятся и демонстрируются в музее, также создают полное представление о социальном неравенстве, ремесле (металлообработка, камнерезное деле, гончарное дело и т.д.), хозяйстве, быте, торгово-культурных отношениях, военном деле, художественно-эстетическом вкусе и религиозно-философском мировоззрении древнего населения данного региона. Главным является то, что эти образцы археологического наследия являются надежными материальными источниками в историко-археологических исследованиях.

Список использованной литературы

1. Бахшиева, А. Из истории музейного дела в Азербайджане (на материалах Музея Истории Азербайджана) / А. Бахшиева. – Баку : Элм, 2005. – 152 с.
2. Бахшиева, А. Из истории образования и деятельности в Азербайджане «МУЗЭКСКУРС»а / А. Бахшиева // Azərbaycan Tarixi Muzeyi-80. – Bakı : Elm, 2001. – P. 16–22.
3. Велиханлы, Н. Музей Истории Азербайджана-80 / Н. Велиханлы // Azərbaycan Tarixi Muzeyi–80. – Bakı : Elm, 2001. – P. 3–15.
4. Керимов, Б. Из истории создания историко-краеведческих музеев Азербайджана / Б. Керимов // Azərbaycan Tarixi Muzeyi-80. – Bakı : Elm, 2001. – P. 34–39.
5. Материал Археологического фонда НМИА: AF 543.
6. Материал Археологического фонда НМИА: AF 5058.
7. Материалы Археологического фонда НМИА: AF 21511, AF 539, AF 24301, AF 23627.
8. Материал Археологического фонда НМИА: AF 933.
9. Материал Археологического фонда НМИА: AF 1576.
10. Материал Археологического фонда НМИА: AF 21647.
11. Материалы Археологического фонда НМИА: AF 24363, AF 24364.
12. Материал Археологического фонда НМИА: AF 189.
13. Материалы Археологического фонда НМИА: AF 2179, AF 2181, AF 2483.
14. Материал Археологического фонда НМИА: AF 1043.
15. Материалы Археологического фонда НМИА: AF 15003, AF 21424.
16. Материал Археологического фонда НМИА: AF 1887.
17. Материал Археологического фонда НМИА: AF 21732.
18. Материал Археологического фонда НМИА: AF 15798.
19. Материалы Археологического фонда НМИА: AF 7807, AF 848, AF 7998, AF 14120.
20. Материал Археологического фонда НМИА: AF 21644.
21. Материал Археологического фонда НМИА: AF 1480.
22. Материалы Археологического фонда НМИА: AF 829.
23. Материал Археологического фонда НМИА: AF 21735.
24. Материал Археологического фонда НМИА: AF 3016.
25. Материалы Археологического фонда НМИА: AF 21564-21573.

26. Материал Археологического фонда НМИА: AF 21573 (AF 1058).
27. Материал Археологического фонда НМИА: AF 298.
28. Материал Археологического фонда НМИА: AF 628.
29. Материал Археологического фонда НМИА: AF 24978.
30. Материалы Археологического фонда НМИА: AF 24335, AF 24332, AF 24305, AF 24333.
31. Материал Археологического фонда НМИА: AF 3020.
32. Халилли, Ф. Археологические материалы как источник по изучению истории Азербайджана (на основе материалов Национального музея истории Азербайджана) / Ф. Халилли. – Баку, 2017. – 178 с.

Г.М. Запорожченко
г. Новосибирск, Россия

КРЕАТИВНЫЙ ПРОЕКТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: В статье представлен для апробации проект выставочно-коммуникационного пространства «Образы Сибири» для Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. Проект актуализирует мировой тренд освоения историко-культурного наследия. Научный контент и идея архитектурно-художественного решения состоят в концептуализации процесса освоения Сибири в фактографическом, логическом и символическом аспектах, отражении трансформации образа Сибири в исторической динамике.

Ключевые слова: образование, историко-культурное наследие, Сибирь, «Образы Сибири».

G.M. Zaporozhchenko
Novosibirsk, Russia

CREATIVE DRAFT FOR REPRESENTATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF SIBERIA IN EDUCATIONAL SPACE

Abstract: The article presents the project of the exhibition-and-communication space «Images of Siberia» for the Humanities Institute of Novosibirsk State University. The project updates the global trend of development of historical and cultural heritage. The scientific content and the idea of an architectural and artistic solution consist in conceptualizing the process of developing Siberia in factographic, logical and symbolic aspects, reflecting the transformation of the image of Siberia in historical dynamics.

Keywords: education, historical and cultural heritage, Siberia, «Images of Siberia».

Обусловленное влиянием глобализма, постмодернизма новое социокультурное состояние людей, связанное с ускорением развития всех сторон жизни, иным качеством жизни и переоценкой ценностей, «шоком будущего» [1], обостряет проблему сохранения культурно-исторического наследия и его освоения посредством социокультурных практик. В данной статье предлагается для апробации проект представления историко-культурного наследия Сибири в выставочно-коммуникационном пространстве Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, использующемся для образовательных и культурно-просветительных целей – консультирования, презентаций, выставок, встреч. Включенность выставочно-коммуникационного пространства Гуманитарного института в систему университетских структур музейного типа

– археологического, геологического профиля, «Музея истории НГУ», «Китайского дома» и др., потребовала создания оригинальной концепции, которая бы отличала его от «соседей», предназначалась для многонациональной студенческой аудитории, целенаправленно отражала профиль развиваемых Гуманитарным институтом НГУ исследований Сибири исторического, этнографического, востоковедческого, филологического, лингвистического направлений.

Данная задача обусловила название проекта «Образы Сибири» и идею архитектурно-художественного решения, которая состоит в концептуализации процесса освоения Сибири в фактографическом, логическом и символическом аспектах, отражении трансформации образа Сибири в исторической динамике. Это предполагает развертывание в визуальном пространстве результатов комплексных исследований Сибири. Данная модель выставочно-коммуникационного пространства включает в себя:

• создание цельного и интегрированного контента с динамичной конфигурацией экспозиции, возможностью сочетаний универсального пространства и выделенных специализированных площадок (дискуссионных, интерактивных, выставочных, креативных, ивентовых);

• ярко выраженную образную детерминанту, согласующуюся с идеей освоения Сибири, аттрактивные приемы в стилизации для создания колоритной исторической атмосферы (старинные предметы быта), с акцентированием «колеса» как символа времени, движения, бескрайнего сибирского пути;

• возможность использования электронных фотоархивов СО РАН, персональных архивов ученых, фондов этнографических и археографических экспедиций ученых СО РАН;

• трансформируемость выставочного оборудования в соответствии с целями организаторов мероприятий (двусторонние жалюзи, настенные баннеры, интерактивные панели, разборно-передвижные экспозиционные блоки);

• внедрение новых технологий социальной активности (исторические спектакли, реконструкции, языковая коммуникация, экскурсионное волонтерство, дискуссии, мастер-классы, квесты).

Научно обоснованный контент для художественного визуального воплощения в архитектурном пространстве состоит из следующих тематических блоков. Прежде всего, демонстрируется комплекс значений топонима «Сибирь»: этническая группа древних угров в Приитышье – «сипир», «сепыр», «сабир». (И. Шафарик); татарское слово «сен-бирь» (первый или главный) (В.Н. Татищев); татарский глагол «сибирса» – вычищать, очищать (Н.А. Абрамов); русское слово «север» (В.М. Флоринский, Н.И. Михайлов); монгольское слово – «шивэр» – заболоченная чаща (И.В. Щеглов); «сэбэр» – прекрасный, красивый (А.Г. Митрошкина) [2, с. 100].

Представлена совокупность народов, когда-либо проживавших на территории Сибири, с эпиграфом «Каждый народ, даже самый маленький, – неповторимый узор на ковре человечества» (Чингиз Айтматов): Алтайцы, Алюторцы, Ашибагаты, Барабинцы, Белорусы, Булагаты, Буряты, Гогули, Гураны, Дауры, Долганы, Дючеры, Икинаты, Ительмены (Камчадалы), Каменщики, Качинцы, Кержаки, Кеты, Кереки, Коряки, Кумандинцы, Курыканы, Кызыльцы, Кэрэмучины, Манзы, Манси, Маторцы, Нанайцы, Ненцы, Нганасаны, Нивхи, Поляки (Литва), Русские, Сагайцы, Самоеды, Сахаляр, Селькупы, Семейские, Сибирские татары, Сибиряки, Сойоты, Сонголы, Сэгэнуты, Теленгиты, Телеуты, Тубалары, Тувинцы, Тунгусы, Угры, Удэгейцы, Узоны, Уи-Бейго, Украинцы (Черкасы), Хакасы, Ханты, Харануты, Хонгодоры, Чалдоны, Чаты, Челканцы, Чукчи, Чулымцы, Шорцы, Эвенки, Эвены, Энцы, Эхириты, Юги, Юкагиры, Якуты.

Написание топонима «Сибирь» приведено на разных языках мира:

Сибирь (рус.), Siberia (англ.), Սիբիր (армян.), Себер (башкир.), Сібір (белорус.), Сибир (болгар.), Siberië (африкаанс), Szibéria (венгер.), Σιβηρία (греч.), ციმბირიworld. Kgm (грузин.), Sibirien (дат.), סיביר (иврит), Tsibéir (ирланд.), Siberia (исп.), Siberia (итал.), Síbería (исланд.), Сібір (казах.), ಸೈಬೀರಿಯಾ (каннада), Тору-Айгыр (киргиз.), 西伯利亚 (китайск.), 시베리아 (корейск), Siberia (лат.), Sibīriju (латыш.), Sibirą (литов.), Sibirien (герм.), Sibir (норвеж.), ਸਾਇਬੇਰੀਆ (панджаби), Syberia (поль.), Сибериа (серб.), Sibíri (словацк.), Sibirija (словен.), ไซบีเรีย (тайск.), சைபீரியாவில் (тамильск.), Себер (татар.), Sibirya (турецк.), సైబీరియా (телугу), Сибір (укр.), سائبیریا (урду), Siperia (финн.), Sibérie (франц.), साइबेरिया (хинди), Sibir (хорват.), Sibiř (чеш.), Sibirien (швед.), Siberio (эсперанто), シベリア (япон.).

В ряде высказываний известных деятелей акцентируется внимание на важных аспектах гуманитарных наук и истории Сибири:

• Siberia est nobis Patria;

• «XXI век будет веком гуманитарных наук…» (Клод Леви-Стросс);

• «Сия убо Сибирьская страна полунощ[ная], отстоит же от Росии царствующаго града Москвы многое разстояние, яко до двою тысяч поприщ суть» (Есиповская летопись, XVII в.);

• «Под именем Сибири…понимаются все азиатские владения России, за исключением Закавказья, Закаспийской области и Туркестана» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1900 г.);

• «Сибирь – земля хлебородна, овощна и скотна, опричь меду и винограду ни в чем скудно. Паче всех частей света исполнена пространством и драгими зверьми безценными. И торги, привозы и отвозы преволны. Рек великих и средних, заток и озер неизчетно, рыб изобильно, множество и ловитвенно. Руд, злата и сребра, меди, олова и свинцу, булату стали, красного железа и укладу и простова и всяких красок на шелки, и каменей цветных много и от иноземцов скрыто, а сибиряном неразумно» (С.У. Ремезов, XVII в.);

• «Трудно найти в мире государство, которое бы объединяло под своим скипетром столь разные отличные друг от друга народы…Но более всего наполнена ими, и в данном случае заслуживает восхваления, Сибирь» (Г.Ф. Миллер, XVIII в.);

• «Сибиряки отличаются душевными особенностями: они умны, любознательны, предприимчивы» (Екатерина II, XVIII в.);

• «Я думаю, что Сибирь есть настоящая отчизна Дон-Кихотов» (М.М. Сперанский, 1820 г.);

• «Все-таки это Русь, хотя и сибирская Русь! У неё есть много особенностей как в природе, так и в людских нравах, обычаях, отчасти… в языке, что и образует ей свою коренную, немного суровую, но величавую физиономию» (И.А. Гончаров, 1858 г.);

• «Всё, что мог сделать русский человек в Сибири, он сделал с необыкновенной энергией, и результат трудов его достоин удивления по своей громадности» (Н.М. Ядринцев, XIX в.);

• «Назови мне такое место в мире, где в 25 раз больше людей исполненных подлинного героизма, любви к свободе, образованных и умных! Такое место в мире – Сибирь» (Марк Твен, 1894 г.) и др.

Процесс развития городских поселений в Сибири отражают исторические виды и даты основания 40 городов: 1586 – Тюмень, первый русский город в Сибири, 1587 – Тобольск, главный город старой Сибири, 1593 – Берёзов, 1594 – Сургут, 1594 – Тара, 1595 – Обдорск, 1601 – Мангазея, 1604 – Томск, 1607 – Туруханск, 1618 – Кузнецк, 1619 – Енисейск, 1628 – Красноярск, 1631 – Братский острог, 1632 – Якутск и т. д.

Важные факты и события в истории, образовании и науки Сибири отражает «Лента времени»:

• 1581–1585 гг. – Сибирский поход Ермака Тимофеевича.

• 1637–1763 гг. – Сибирский приказ.

• В 1648 г. Семён Дежнев открыл пролив, отделяющий Азию от Америки, за 80 лет до Витуса Беринга.

• В 1698 г. Семён Ремезов создал два общих чертежа Сибири размером 6 на 4 аршина (2,8 на 4,2 м), в 1699–1701 гг. – «Чертежную книгу Сибири» на 23 листах.

• В 1700 г. в связи с началом Северной войны была основана первая в Сибири казенная мануфактура – Тобольский оружейный завод.

• 1708 г. – Сибирская губерния с центром в Тобольске.

• 1733–1743 гг. – Великая Северная экспедиция с сухопутным Академическим отрядом, включавшим профессора Г.Ф. Миллера.

• В 1736 г. Анна Иоановна разделила Сибирскую губернию на Западную и Восточную.

• В 1750–1763 гг. издана первая история Сибири – «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел…» Г.Ф. Миллера.

• В 1758 г. на Колывано-Воскресенских заводах Алтая открыта первая в Сибири медицинская школа.

• В 1780-е годы население Сибири превысило миллион чел.

• В 1764 г. Екатерина II дала Сибири герб с двумя соболями.

• В 1799–1881 гг. Русско-американская торговая компания осваивает Приамурье, Сахалин, Курильские острова и Аляску.

• В 1850-е годы 4/5 золота России добывалось в Сибири.

• В 1862 г. проведена первая телеграфная линия от Екатеринбурга до Омска (1863 до Иркутска, 1864 – до Томска).

• В 1882 г. издано фундаментальное исследование Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония».

• В XIX веке Змеиногорский рудник на Алтае – самый богатый источник драгоценных металлов в России.

• В 1882 г. Сибирь – это Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Степное генерал-губернаторство (Акмолинская, Семипалатинская и Тургайская области), Якутская область.

• В 1892 г. на Алтае построена первая в Сибири промышленная гидроэлектростанция.

• В 1891 г. началось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, продолжавшееся 13 лет.

• В 1914 г. в Санкт-Петербурге Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия издан Атлас Азиатской России, включающий 71 карту.

• В 1917 г. в Томском университете открылся историко-филологический факультет, положено начало гуманитарному образованию в Сибири.

• В 1923 г. доля сибирского масла в общесоюзном экспорте составляла 80–90%.

• В навигацию 1932 г. ледокол «Сибиряков» за 66 суток прошел по Северному морскому пути из Архангельска в Берингов пролив.

• В 1957 г. создано Сибирское отделение Российской академии наук.

• В 1967 г. проведены первые в мире эксперименты на встречных пучках в Институте ядерной физики СО АН СССР под руководством академика Г.И. Будкера.

• В 1969 г. в Сибирском отделении академии наук издана «История Сибири» в 5 томах.

• В 1982 г. в Новосибирске начали строить первое в Сибири метро.

• В XXI веке Западная Сибирь – крупнейшая нефтегазоносная провинция мира.

• В 2007–2008 гг. издано 2-х томное научное издание «Степенная книга царского родословия» – первое обобщающее сочинение по русской истории, созданное при Иване Грозном (академик Н.Н. Покровский, Институт истории СО РАН).

• В 2009 г. издана «Историческая энциклопедия Сибири» в 3-х томах (Институт истории СО РАН).

• В 2016 г. создан Гуманитарный институт НГУ – центр междисциплинарного изучения истории, языков и культуры евразийского пространства, имеющий международное значение.

«Лента времени» развернута на фоне исторических карт и фотографий, тематика которых концептуально отражает динамическую трансформацию образа Сибири в XVII–XXI в.: географический образ, природные богатства, особенности административного управления, тему каторги и ссылки, вклад в освоение Сибири аборигенных народов и российских поселенцев, развитие торговли, промышленности, сельского хозяйства, рост городов, образы сибиряков, социокультурную самобытность, современную траекторию развития Сибири.

В заключение представлены ключевые издания по истории Сибири с эпиграфом «Увидеть и познать свой край можно либо своими глазами, либо с помощью книг» (М.В. Ломоносов, XVIII в.):

• Семён Ремезов. Чертежная книга Сибири. 1699–1701. 23 лл.

• Георги Иоганн Готлиб. «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...». – Санкт-Петербург, 1750–1763. Ч. 1–3.

• Г.Ф. Миллер. «История Сибири». – Москва : Наука, 1999. Т. 1; 2000. Т. 2; 2005. Т. 3.

• Атлас Азиатской России. Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. – Санкт-Петербург, 1914. 71 карта.

• История Сибири / Под ред. А.П. Окладникова и др. – Ленинград : Наука, 1969. Т. 1–5.

• Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1990 – настоящее время. В 34 тт.

• СО РАН. Исторический очерк. Стратегия лидеров. Персональный состав. – Новосибирск : Наука, 2007. Т. 1–3.

• Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», Институт истории СО РАН, 2009. Т. 1–3.

• Сибирь в составе Российской империи. – Москва : Новое литературное обозрение, 2007.

• Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2007.

• Покорение Сибири: историческое исследование / П.И. Небольсин. (Книжные памятники из фондов РАН). – Санкт-Петербург : Русская симфония, 2008.

Проект «Образы Сибири» будет способствовать интеграции науки и образования, развитию социокультурных практик, актуализирующих мировой тренд освоения историко-культурного наследия.

Список использованной литературы

1. Тоффлер, Э. Шок будущего : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – Москва : «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.
2. Историческая энциклопедия Сибири в 3 т. / Гл. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2009. – Т. 3. – 783 с.

Т.И. Кимеева
г. Кемерово, Россия

РЕКОНСТРУКЦИЯ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА КАК СПОСОБ ЕГО СОХРАНЕНИЯ МУЗЕЙНЫМИ СРЕДСТВАМИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРЯДА БАЧАТСКИХ ТЕЛЕУТОВ)

Аннотация: В статье рассматривается возможность реконструкции в музее традиционного свадебного обряда бачатских телеутов, зафиксированного в 1920-е и 1960-е гг. и руинированного в современных условиях в среде бытования. Определяются методы, применимые к конкретному виду нематериального культурного наследия в рамках его воспроизведения в музее.

Ключевые слова: свадебный обряд, нематериальное наследие, музей, реконструкция, презентация, традиция, обрядовые акты.

T.I. Kimeeva
Kemerovo, Russia

RECONSTRUCTION OF WEDDING RITUAL AS A WAY OF ITS PRESERVATION BY MUSEUM FACILITIES (ON THE EXAMPLE OF THE CEREMONY OF BACHAT TELEUTS)

Abstract: The article considers the possibility of reconstruction in the Museum of the traditional wedding ceremony of the bachat Teleuts, recorded in the 1920s and 1960s and destroyed in modern conditions in the environment of everyday life. The methods applicable to a particular type of intangible cultural heritage within the framework of its reproduction in a Museum are defined.

Keywords: wedding ceremony, intangible heritage, Museum, reconstruction, presentation, tradition, ceremonial acts.

Современная социокультурная ситуация в российском обществе побуждает музеи к поиску своеобразия, переосмыслению традиционных функций музея, расширению понятий, связанных с основными направлениями музейной работы. Наблюдается активная интеграция историко-культурного наследия в воспитательный и образовательный процессы. Ценностные ориентиры смещаются в сторону интерпретации музейного собрания и активного использования его потенциала в культурно-образовательной деятельности музея. Результаты интерпретации воплощаются в различных формах культурно-образовательной деятельности, преимущественно интерактивных. Для современной ситуации характерно расширение спектра культурно-образовательных мероприятий, презентующих различные объекты нематериального наследия, одним из которых является свадебный обряд.

Интерпретация аккумулированной в музее информации в условиях современности характеризуется разнообразием форм. На смену традиционным обзорным и тематическим экскурсиям приходят экскурсии интерактивные и театрализованные, способствующие как удовлетворению запросов современных посетителей, так и ориентированные на эффективное восприятие культурно-значимой информации, транслируемой в музейном пространстве.

Такая форма культурно-образовательной экскурсии, как театрализованная экскурсия, наиболее оптимальна для реконструкции свадебного обряда и обладает потенциалом для сохранения обряда и его презентации в музейном пространстве. «Реконструкция предполагает восстановление объекта культурного наследия на основе исчерпывающих доказательств, гипотезы и аналогии в данном случае исключаются. В противном случае мы имеет дело с иным методом – методом моделирования» [2, с. 82].

Реконструкция нематериального обряда в музее предполагает обращение к подлинным источникам, в которых могли быть зафиксированы дан-

ные об обряде в тот период, когда он проводился в среде бытования. То есть должна осуществляться опора на метод фиксации. Свадебный обряд бачатских телеутов прошел стадию консервации, он был зафиксирован дважды – в 1920-е гг. ленинградским этнографом А. Ефимовой [3] и в 1960-е гг. кузбасским краеведом Д.В. Каюбой [4].

Подготовка к инсценировке начинается с изучения материалов фиксации, включающих полевые этнографические источники, архивные материалы. Источниками служат и объекты материального наследия – представленные в экспозициях подлинные этнографические предметы, связанные с обрядом. Использование объективных источников, содержащих достоверную информацию, позволяет говорить о реконструкции обрядов. В противном случае, к реконструкции это не имело бы никакого отношения.

В ходе изучения данных фиксации при реконструкции обряда традиционной свадьбы бачатских телеутов осуществляется опора на метод систематизации: на основе достаточно обширного изученного материала определяются этапы свадебного обряда, которые могут быть соотнесены с обрядовыми актами:

- досвадебным;
- сватовством и договором о калыме (если свадьба совершается по обоюдному согласию жениха и невесты);
- мирением (если брак совершается «умыканием»);
- подготовкой к свадьбе;
- собственно свадьбой.

При воссоздании свадебного обряда, как и всех объектов нематериального наследия, имеющего выражение в физической форме (костюмы, предметы утвари и пр.), необходимо учитывать органичное сочетание в обряде трех пластов: акционального, вербального и материального [5, с. 78], так как обряд включает кроме символического действия речевую составляющую и элементы материальной культуры. Кроме того, следует учитывать, что обряд состоит из актов и элементарных действий. Традиционный свадебный обряд во всей своей полноте не может быть воссоздан, поэтому необходимо определить обрядовые акты, которые возможно презентовать музейными средствами. Отбор обрядовых элементов осуществляется с соблюдением музейных принципов информативности, репрезентативности, аттрактивности, адаптивности, темпоральной и региональной соотнесенности. Принцип информативности подразумевает отбор элементов, содержащих информацию о традиционной телеутской свадьбе, иллюстрирует особенности обрядовых актов. Под информативностью понимается смысловая наполненность обрядового акта, его семантическая связь с характеристикой свадьбы телеутов в целом. В соответствии с принципом репрезентативности для воссоздания свадебного обряда бачатских телеутов отбираются элементы, содержащие наиболее полную информацию о конкретной традиции. Соблюдение принципа темпоральной соотнесенности заключается в отборе элементов обряда, соответствующих временным и сезонным характеристикам. Принцип адаптивности ориентирован на отбор элементов, которые могут быть воспроизведены в современной действительности. Принцип аттрактивности подразумевает ориентацию на интересы музейного посетителя, предполагает отбор потенциально привлекательных для него элементов [1, с. 126].

При реконструкции свадебного обряда выделяются моменты, не подлежащие театрализации, поэтому определенная роль отводится экскурсоводу, озвучивающему эти моменты и акцентирующему внимание на обрядовых актах. Экскурсовод объявляет наиболее благоприятное время для проведения свадьбы у телеутов. Чаще это случалось осенью, когда убран урожай. Зимнее время свадеб – на Рождество, под Новый год. Весенние свадьбы назначались на период русской масленицы. Летние проводились в Ильин день. Обязательным условием считалось, что свадьбы, как и жертвоприношения, должны проводиться в период рождения молодого месяца.

Первым обрядовым актом является «Досвадебный период», который презентуется как вечеринка «комысту» – благоприятное место для знакомства молодых людей. Происходит своеобразное представление игр и танцев, исполнение песен и частушек. Одной из популярных на вечеринке телеутской молодежи являлась игра «чертеки». Действие игры включает переодевание юношей в девичьи наряды, и наоборот. Глаза всех участников завязываются, на руки надеваются перчатки, чтобы затруднить узнавание по рукам и по кольцам. В ходе танца необходимо определить: кто рядом – молодой человек или девушка? Узнанный участник раскрывает лицо и покидает игру. Победителями остается неузнанная пара.

Участники обряда стараются передать характер вечеринки, которая является местом знакомства мо-

лодых людей. Если они хотели быть вместе, а родители были против, то с вечеринки парень мог украсть девушку. Такой брак носил название «умыкание». Бывали случаи умыкания и без согласия невесты.

Второй обрядовый акт – «сватовство». Экскурсовод отмечает, что оно совершалось в любой день, кроме среды и пятницы, которые считались днями поминок умерших. В дом приходят сваты, в которых выступают близкие родственники жениха: отец, братья, а иногда и друзья. Войдя в дом, сваты не сразу говорят о цели прихода, а начинают свой разговор на посторонние темы: об урожае, о погоде. Хозяева приглашают сватов пить чай. В ходе беседы отец невесты спрашивает гостей о цели визита. Сват сообщает, что пришли скрепить родство, и задает отцу невесты вопрос: «Будем ли пить вино?». Отец девушки на этот вопрос отвечает: «Посоветуюсь с родней». Родня усаживается за стол, сваты выкладывают принесенные продукты, подарки, ставят на стол вино. Если угощения принимаются родней невесты, то это уже означает их согласие.

Экскурсовод поясняет дальнейшие действия гостей, которые первую рюмку «кропят» (брызжут) Ульгеню, вторую – на южную сторону дома, так как на юг уходят все духи. После этого «кропление» осуществляется в сторону детской люльки – так оказывается почтение божеству Умай – покровительнице детей. Затем, повернувшись к очагу, обращаются с угощением к матери огня – От эне и «кропят» вином в сторону печи. Далее поворачиваются к двери и брызжут вино злым духам, задабривая их. Не забывают отдать дань уважения домашним покровителям «эмегендерам» и всем четыре угла дома, желая его хозяевам благополучия. После каждого кропления произносят: «Бревнам дома! Белому огню! Восьми сторонам! Четырем углам!».

Вторую рюмку сваты преподносят отцу невесты, после чего обмениваются с ним трубками, что означает знак согласия на брак. После сватовства девушка уходит в дом жениха.

Экскурсовод объявляет второй день сватовства. Получив согласие родителей невесты на брак, на второй день утром три близких родственника жениха снова приезжают к родителям невесты договориться о содержании калыма и дне свадьбы. Размеры калыма должны соответствовать приданому невесты. Обе стороны принимают активное участие в договоре, активно обсуждая, каким должен быть калым. Кроме скота (от нескольких штук до нескольких десятков голов) требуется выкуп матери невесты за то, что она вскормила дочь своим молоком; требуется дойная корова. За кости и тело невесты – ружье, за саму невесту в одежде и убранстве – оседланный конь и др. Родственники жениха вручают калым лицу, назначенному родителями невесты. После вручения калыма следует обряд снятия шапки с жениха. Сняв шапку, они надевают на него рубаху, подаренную матерью невесты. После этого отпивают по глотку вина из его чашки. Затем жених и невеста кланяются старшим родственникам, родителям, которые держа в руках чашки с вином, благословляют их в форме хвалебной песни.

Третьим обрядовым актом является презентация действия по подготовке приданого невесты, когда в дом приглашаются от 7 до 15 подружек. Днем они готовят приданое невесты. Родственники невесты должны сшить десятки традиционных женских и мужских рубах для подарков родне жениха.

Четвертый обрядовый акт – подготовка невесты. В доме жениха его родственницы наряжают невесту, снимают с нее девичьи накосники «чач пууш» и отдают их младшим сестрам или девочкам из близкой родни. Жены братьев жениха расплетали невесте волосы, заплетая их в две косы, связанные между собой на концах ленточкой или цепочкой, в центре которой привязывали круглый диск «тана». Косу с «тана» сначала укладывают под платье на грудь, а на свадьбе перекидывают на спину. Наряжают невесту в свадебную одежду: рубаху «кунек» с нагрудником «тошток» на груди, подвязанную поясом с яркими продольными полосами. Поверх надевают легкий свадебный халат «чиймек». Голову покрывают ярким платком, а поверх надевают высокую шапку из красного сукна, украшенную золотым галуном и отороченную по околышу мехом соболя.

Пятый обрядовый акт – «свадьба», которая начинается в доме невесты. Жених входит в дом с невестой и просит у ее родителей благословения. Экскурсовод отмечает, что к этому времени уже был принесен в жертву баран. Во дворе дома невесты устроено сооружение «кӱре» из четырех досок, уложенных на бревна-стойки в виде квадрата. Гости размещаются внутри «кӱре», в середине которого разводят очаг из березовых дров и варят мясо принесенного в жертву барана. Рядом с очагом устанавливаются туеса с алкогольным напитком «аракы».

В «кӱре» напротив входа садится главный сват. Направо от входа располагаются по старшинству женщины, налево – мужчины. Каждому из них сват преподносит в чашке вино и предлагает мясо. Го-

сти обмениваются со сватом поцелуями, поют свадебные песни, желая молодым счастья, богатства и много детей. После этого мать невесты открывает установленный внутри «кӱре» сундук и начинается одаривание родственниц жениха по женской линии платьями, платками, а мужчин – рубахами. Мать невесты дарит жениху рубаху. Подаренные вещи сразу же надеваются. И вновь звучат свадебные хвалебные песни.

После обряда в «кӱре» у невесты жених уезжает со своей родней домой, чтобы готовиться к встрече невесты с гостями. Родня невесты занимается подготовкой свадебного поезда с приданым, которое перевозят к жениху. Мать невесты передает дочери изображения покровительниц ее рода – «эмегендеров». Приданое перевозят на лучших лошадях, запряженных в телегу или сани. На первой телеге везли приданое, а на остальных ехали невеста и ее родственники. По дороге пели свадебные песни.

По пути к дому жениха свадебный поезд трижды останавливается, произносятся заклинания степному или горному духу (в зависимости от того, какая местность), и в качестве подношения духам привязываются ленточки на березки или тальник. Если место безлесное, то везут с собой березки. На остановках мужчины пьют вино и брызжут им на четыре стороны света, с целью задобрить духов. При переезде реки сначала бросают в реку кусочки пищи и только после этого переправляются через нее.

Родня жениха наблюдает за дорогой, откуда должен появиться свадебный поезд с приданым невесты. Увидев гостей, родня жениха выезжает навстречу с угощением. По приезде к жениху родственники невесты просят выкуп за приданое. Один из родственников невесты забирается на приданое и сидит на нем до тех пор, пока не получит выкуп. Выкупается каждый предмет приданого. Затем всех родственников невесты приглашают за стол. Как и во дворе невесты, семья жениха устраивает «кӱре».

Во время реконструкции свадебного обряда инсценируются действия, связанные с поклонением родовым духам новой семьи невесты. Для обряда используется сшитое ею покрывало, украшенное аппликацией из разноцветных треугольников. Жених, невеста и родственники жениха, накрывшись покрывалом «кӧжоге», оказывают почтение специальному жертвеннику «сомо», устроенному в укромном месте двора с восточной стороны. Жертвенник представляет собой установленные в ряд молодые зеленые березки, ветки которых увешивались красными и белыми ленточками в честь почитаемых духов пайана. Одна из березок, последняя в ряду, посвящалась злому божеству, иногда называлась «вдовьей». К ней подвязывали туесок с жареным ячменем, украшая ее веточки белой и синей лентами. У разных телеутских родов число березок варьировалось от 5 до 15 и более. У жертвенника три раза кланяются, затем бегут с «кӧжоге» к трем домам родственников, где тоже по три раза кланяются в угол дома. После этого возвращаются к «сомо» и вновь кланяются. Затем укрепляют над кроватью молодоженов покрывало «кӧжоге» на специальном шесте.

Инсценируется и еще один элемент свадебного обряда – поклонение огню нового жилища невесты. Близкие родственники жениха выносят три маленьких глиняных горшочка. В них насыпана земля со двора жениха и воткнуты веточки священного дерева – березы. С этими горшочками женщины подходят к очагу, обычно к плите, около которой стоит представитель рода жениха. В очаге горит огонь, а на плите стоит сосуд с топленым маслом. Мужчина берет деревянной ложкой масло и окропляет им березки. После свадьбы около месяца горшочки не убирают, а потом хранят на чердаке.

Таким образом, свадебный обряд включает целый ряд элементов его духовной жизни – религиозные верования, фольклор, игровую обрядность. Поэтому использование в интерактивных формах культурно-образовательной деятельности такого метода как реконструкция свадебного обряда способствует актуализации историко-культурного наследия. В процессе театрализации музейного пространства осуществляется интенсивный поиск альтернатив традиционным формам культурно-образовательной деятельности, презентуются нематериальные формы наследия.

Список использованной литературы

1. Глушкова, П.В. Актуализация календарной обрядности русских в деятельности музеев под открытым небом в Сибири : дис. ...канд. культурологии : 24.00.03 / П.В. Глушкова. – Кемерово, 2015. – 296 с.
2. Глушкова, П.В. Реконструкция как метод музеефикации объектов историко-культурного наследия / П.В. Глушкова // Наследие – музей – туризм: мифы и современные реалии: сб. статей. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГИК, 2016. – С. 81–85.

3. Ефимова, А. Телеутская свадьба [Электронный ресурс] / А. Ефимова / МАЭ РАН. – Режим доступа: http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Efimova-Svadba.pdf.
4. Кацюба, Д.Б. Материалы по телеутской свадьбе / Д.Б. Кацюба // Архив КМАЭЭС, д. 190, лл. 14–61.
5. Чистов, К.В. Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора. Свадебный обряд / К.В. Чистов // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. – Ленинград : Наука, 1974. – С. 69–84.

П.С. Коваленко
г. Бийск, Россия

СОЗДАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА МУЗЕЕФИКАЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПАМЯТНИКА«БИЙСКОЕ АРХИЕРЕЙСКОЕ ПОДВОРЬЕ»

Аннотация: В работе научно обоснованы и раскрыты предпосылки создания инновационного проекта музеефикации уникального комплексного памятника в условиях естественного ландшафта, предлагаются этапы реализации проекта, выполнение которого в контексте развития культурно-познавательного и паломнического туризма позволит создать мемориальный историко-архитектурный и культурный музей-заповедник «Бийское Архиерейское подворье».

Ключевые слова: музеефикация, концепция, экспозиция, экспозиционный комплекс, комплексный памятник, Бийское архиерейское подворье, Музей истории Алтайской духовной миссии.

P.S. Kovalenko
Biysk, Russia

CREATION AND FEATURES OF IMPLEMENTATION OF THE INNOVATIVE PROJECT OF MUSEUMIFICATION OF ARCHITECTURAL AND HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENT “BIYSK EPISCOPAL COURT”

Abstract: The work is scientifically justified and explains the background of the innovation project of museumification of the unique complex of the monument in terms of natural landscape, offers the stages of the project , the implementation of which in the context of the development of cultural and pilgrimage tourism will create a memorial historical-architectural and cultural Museum-reserve «Biysk Episcopal court».

Key words: museumification, concept, exposition, exposition complex, complex monument, Biysk Episcopal court, Museum of the history of the Altai spiritual mission.

Одним из новых приоритетных направлений в контексте программы социально-экономического развития г. Бийска должен стать культурно-познавательный и паломнический туризм. Такое решение Администраций Алтайского края и г. Бийска вполне обосновано историческим и географическим факторами. Три столетия колоритной истории г. Бийска оставили в современном ландшафте города крупные территории и отдельные объекты культурно-исторического и архитектурного наследия разных временных периодов. В реестре памятников по г. Бийску чис-

лится 272 объекта архитектуры, истории и культуры, 52 мемориально-исторических памятника, 72 памятника археологии, 128 мемориальных и информационных досок, 10 памятников природы и особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Такое богатое историко-культурное и природное наследие позволило г. Бийску 26 июля 2000 г. стать полноправным членом Российского Союза Исторических Городов и Регионов [3].

Уникальность исторических районов города заключается в комплексно сохранившейся исторической застройке его улиц и переулков. Сегодня можно выделить несколько обособленных частей города, компактно сохранивших памятники второй половины XIX – начала XX в.

1. Центральная историческая часть г. Бийска, или «Бийский Арбат», включает исторически сложившиеся районы – Город, Крепость, Форштадт и Согру. Именно здесь на протяжении двух с половиной столетий находился административный центр города – Бийская крепость, городская ратуша, городская управа, горисполком и горком партии в советское время (до начала 1970-х гг.). На этой территории сосредоточено 211 памятников архитектуры и истории: административные и общественные здания, торговые дома и магазины, культовые сооружения, здания училищ и гимназий, усадьбы, особняки и жилые дома разных сословий (духовенства, дворянства, купечества и мещанства), возведенные в стилях позднего классицизма, эклектики, модерна, русско-византийского с элементами барокко и готики [7]. Особую группу составляют вековые деревянные крестьянские избы, которые практически не включены в свод особо охраняемых объектов. Основная часть памятников находится на улицах Советской, Толстого, Ленина, Октябрьской, проспекте Кирова, в переулках Рабочем, III Интернационала, Турусова.

2. Заречье – левобережная часть города – включает территории исторических районов: Амура, Покровки, Кабинета, Воробьевки и Орловки. Здесь сохранилось порядка 20 объектов, представляющих историко-архитектурный интерес и взятых под охрану государства. Это несколько купеческих дач, пожарное депо с каланчой, промышленный корпус льнопрядильной и ткацкой фабрики братьев Бородиных, здания церковно-приходских школ, бывший Сретенский православный храм. В настоящее время в Заречье сохранилось несколько сотен жилых домов постройки рубежа XIX – начала XX в., которые нуждаются в изучении, учете и взятии под охрану как неотъемлемая составляющая исторической застройки города [8, с. 18].

3. Монастырь – самая удаленная восточная историческая часть города. Здесь до 1920 г. находился Бийский Тихвинский общежительный женский монастырь, впоследствии преобразованный в религиозную трудовую коммуну, окончательно ликвидированную в 1929 г. На его бывшей территории из 39 монастырских строений, по состоянию на 1915 г., сохранилось к настоящему времени 7 построек [1]. Уникальность представляет природный ландшафт территории, сформированный р. Бией с надпойменными террасами, на поверхности которых можно видеть 6 сохранившихся построек обители, остатки Монастырской рощи, Богородичной монастырской канавки, особо почитаемый на территории города Свято-Тихвинский источник. Почти все объекты находятся на улице Техучилище.

4. Казанка – историческая часть города – расположена к северо-западу от Центральной исторической части г. Бийска, граничит с ней в восточном направлении в районе Согры. Находится на смежной северной территории по отношению к современному административному центру Бийска. Именно здесь на рубеже XIX – начала XX в. и находилось обширное по масштабам Бийское архиерейское подворье, резиденция начальников Алтайской духовной миссии [6]. На территории района сосредоточено значительное количество объектов, которые, несомненно, представляют интерес в историко-архитектурном и культурном плане. В настоящее время включены в реестр особо охраняемых объектов 24 здания. Среди них комплексные памятники «Бийское архиерейское подворье» и «Бийские казенные винные склады». Неучтенным историко-архитектурным объектом постройки конца XIX – начала XX в. является комплекс «Бийского тюремного замка» с сохранившимися тюремными корпусами и домовым тюремным храмом во имя святых Космы и Дамиана. Основная историческая застройка сосредоточена на улицах Иркутской, Ростовской, Сибирской, Шевченко. Отдельные объекты сохранились на улице Метелева и переулке Муромцевском.

Все вышеперечисленные компактные районы исторической застройки Бийска, как показали наши исследования, в условиях создания историко-культурного рекреационного пространства для развития познавательного туризма, являют собой огромный достопримечательный потенциал и должны стать объектами особого внимания и ох-

раны. Использование комплексных исторических территорий и отдельных памятников в туристской деятельности порождает необходимость их музеефикации, реконструкции, реставрации и выделения особых исторических зон.

В содержании новых «брендовых» туристических проектов Администрации Алтайского края «Малое Золотое кольцо Алтая» и «Казачья подкова» г. Бийск занимает ключевое место, так как здесь берут начало на сегодняшний популярные, выше названные экскурсионные маршруты. Одним из постоянных объектов посещения участниками экскурсий всех вышеперечисленных маршрутов является «Бийское архиерейское подворье». Расположенный среди многоэтажной и частной застройки Бийска комплекс сохранил свою уникальность, неповторимость и притягательность, несмотря на значительные утраты и реконструкцию сохранившихся объектов.

В 1930-е гг. вся территория подворья с прилегающими участками (Александровским садом, Архиерейской рощей с прудами, Ярмарочной площадью в границах улицы Иркутской на севере, переулка Муромцевского на западе, улицы 2-ой Сенной на юге и переулка Коммунарского на востоке) была передана в ведомство Министерства обороны СССР. Здесь разместилась воинская часть, где дислоцировалась мотострелковая дивизия № 11903. Здание катехизаторского училища занял гарнизонный дом офицеров, архиерейский дом – штаб воинской части, флигель архиерейского дома – узел связи, Казанскую архиерейскую церковь – конюшня, а затем склады вещевой и горюче-смазочных материалов. Подвальное помещение церкви использовалось под овощехранилище и солдатский тир [2].

В 1950-е гг. был уничтожен Александровский сад с верхними архиерейскими прудами в связи с организацией стоянок для военной техники. На территории сада были возведены гаражные комплексы воинской части и жилые многоквартирные дома для семей военнослужащих.

В 1988 г. утрачена Архиерейская роща с нижними прудами – образцом садово-паркового искусства XIX – начала XX в. Были вырублены вековые тополя и ивы, осушены и засыпаны пруды. Территория рощи вошла в состав городского микрорайона № 23, была застроена многоуровневыми гаражными кооперативами, жилыми десятиэтажными многоквартирными домами.

Ликвидация в 2000 г. воинской части сделала доступным посещение комплекса православного историко-архитектурного наследия. Многолетняя закрытость территории церковного памятника XIX в. отчасти породила народные легенды и предания о существовании здесь подземных коммуникаций, келий и переходов между строениями, что сразу вызвало значительный интерес жителей и гостей города к ранее недоступному объекту.

Передача РПЦ Казанской архиерейской церкви (1990 г.), возвращение в собственность Барнаульской епархии архиерейского дома и флигеля (2003 г.), Архиерейской площади и части прилегающих территорий (2008 г.), здания Бийского миссионерского катехизаторского училища (2012 г.) – все это послужило началом возрождения Бийского архиерейского подворья, восстановления утраченных функций комплекса.

Открытие на Архиерейской площади памятника святителю Макарию (Невскому), митрополиту Алтайскому, одному из главных первоиерархов РПЦ в период с 1912 по 1917 гг. стало способствовать новому восприятию комплекса, определило его мемориальность. Именно здесь, в стенах Бийского архиерейского подворья и проходило становление в сане епископа одного из самых видных и почитаемых русских миссионеров, подвижников православия XX в., Апостола Алтая, святителя Макария. При умелом его руководстве на средства купцов и других жертвователей, тысяч верующих граждан Алтая и России, возводились каменные строения подворья, формировался неповторимый природно-архитектурный ландшафт. Поэтому подворье – важный и несомненно ценный мемориальный памятник истории.

Создание и открытие в 2008 г. Музея истории Алтайской духовной миссии, возведение и освящение Свято-Макарьевского крестильного храма, открытие в июле 2014 г. в архиерейском доме православной городской библиотеки на 11 тысяч томов – все эти свершения усиливают притягательность территории подворья. Данные трансформации уже позволяют говорить о возрождении святыни, ее востребованности, важной роли подворья в духовной, образовательной и культурной жизни города и региона.

Восстановление старых и формирование новых традиций празднования на Архиерейском подворье православной масленицы, Дня славянской письменности и культуры, дня памяти святителя Макария Алтайского, организация и проведение Свято-Макарьевских чтений, научно-практических конференций и православных концертных

программ являются важным этапом восстановления нематериальной духовной культуры Бийска и епархии.

Особую значимость в процессе возрождения Бийского архиерейского подворья как исторически значимого административного и духовно-просветительного центра, объекта паломнического и познавательного туризма, занимает Музей истории Алтайской духовной миссии. Создание и открытие музея послужило началом музеефикации объектов Бийского архиерейского подворья, его вовлечению на совершенно новом уровне в музейное и туристическое пространство. Сбор исторических сведений о зарождении и становлении резиденции бийских архиереев, вещественных памятников материальной духовной культуры, предметов культуры и быта горожан XIX–XX вв., создание тематических музейных экспозиций в архиерейском доме явились важным аспектом зарождения музейной коммуникации.

В современных условиях развития туризма в городе и регионе востребованность подворья неоспорима. Это единственный на территории юга Западной Сибири исторически сложившийся комплекс архиерейского подворья, центральное ядро которого сохранило все главные объекты, что определяет его как феномен историко-культурного наследия региона. Подворье становится весьма популярным местом, одним из главных православных объектов показа многочисленных экскурсионных программ и туров по Бийску и Алтаю.

Музеем истории Алтайской духовной миссии разработан и реализуется инновационный проект музеефикации комплексного историко-архитектурного памятника «Бийское архиерейское подворье» в условиях естественного ландшафта.

Проблема музеефикации комплекса предусматривает следующие этапы реализации:

• организация временных экспозиций и тематических выставок;

• создание стационарных тематических музейных экспозиций и музейных комплексов, многогранно отражающих все этапы становления и деятельности архиерейского подворья – центрального стана миссии;

• создание православного историко-архитектурного и мемориального музея-заповедника «Бийское архиерейское подворье» под открытым небом.

Музеефикация подворья предполагает организацию выставочных музейных инсталляций, посвященных истории как каждого сохранившегося здания и исторического объекта, так и комплекса в целом, а также основным историческим событиям, к которым имеют отношение; известным людям – бийским архиереям и братии архиерейского дома, священно- и церковнослужителям, благотворителям и меценатам подворья, жившим и потрудившимся здесь. Создание выставочных инсталляций позволит более полно использовать потенциал исторических зданий.

Это могут быть выставки и постоянные экспозиции, расположенные как в фойе и коридорах зданий, так и отдельных залах. В диорамах и экспозиционных комплексах, на стендах, в витринах могут быть представлены предметы, фотоснимки, документы и многочисленные экспонаты, доступно раскрывающие те или иные исторические события и темы, связанные с каждым из зданий подворья. Использование современных музейных технологий – 3D-виртуальных туров, турникетов и мониторов, транслирующих информацию, будут способствовать качественному усилению эмоционального уровня восприятия информации. Таким образом, каждый сотрудник или посетитель здания будет иметь возможность познакомиться с его историей, почувствовать себя участником событий православной исторической летописи.

Научная основа концепции музеефикации памятников Бийского архиерейского подворья, разработанная нами в процессе настоящего исследования, предполагает реализацию ряда проектов:

• проведение комплексной научной исторической экспертизы подворья и реализация мероприятий, направленных на изменение его статуса до историко-архитектурного комплексного памятника федерального значения;

• возвращение РПЦ возможных участков исторической территории подворья и всех сохранившихся зданий (Сахаровской начальной церковно-приходской школы, больницы и студенческой бани Бийского миссионерского катехизаторского училища, флигеля, архиерейских конюшен), находящихся в ведомстве Министерства обороны РФ. Определение границ и специфики охранной зоны территории в условиях городской среды;

• создание генерального проекта по восстановлению и реставрации комплекса. Основными задачами должны стать сохранение исторической планировки территории подворья, сложившейся к началу 1917 г., максимально возможное восстановление фасадов и интерьеров зданий, а также

реализация проектов ландшафтного дизайна территории комплекса. Реконструкция Архиерейской площади с заменой асфальтового покрытия на декоративную плитку либо мощение булыжником. Восстановление ландшафта Александровского сада с верхними архиерейскими прудами, Архиерейской рощи с малыми архитектурными формами – первым в истории Бийска фонтаном, беседками и скамейками. Ландшафтная реконструкция на возможных участках нижнего Архиерейского сада в процессе озеленения жилого микрорайона № 23;

• проведение ремонтно-реставрационных и благоустроительных работ комплекса под руководством краевого государственного учреждения культуры научно-производственного центра «Наследие» и отдела по церковному строительству и архитектуре Барнаульской епархии;

• воссоздание ограды по периметру территории подворья в условиях новых сложившихся границ. Восстановление с южной стороны элементов ограды, разрушенных в советское время двух парадных святых ворот с калитками, а также калитки-проходной, ныне вошедшей в состав общего объема памятника «Флигель при Бийском архиерейском доме»;

• музеефикация сохранившихся исторических зданий архиерейского подворья. Вторичное освящение домового при катехизаторском училище храма во имя святого апостола Иоанна Богослова, предполагающее восстановление интерьера помещения, колокольни и его святых глав, утраченных в 1920-е гг. Колокольня, совместно с двумя другими колокольнями храмов архиерейского подворья, во время экскурсионных программ может использоваться как смотровая площадка для обозрения территории подворья, показа панорамы исторической части города Казанки и сопредельных районов. Восстановление утраченных надпредельных святых глав Казанской архиерейской церкви. Это важный и необходимый этап музеефикации в целях создания узнаваемости архитектурного исторического облика ансамбля при сопоставлении объектов по старым фотографиям;

• восстановление исторических названий объектов, подлежащих музеефикации. Переименование улицы имени Т.Г. Шевченко в Архиерейскую. Комплекс мероприятий по изменению названий объектов и улиц на планах и картосхемах города в информационно-справочных службах. Установка мемориальных и информационных досок на здания и объекты музеефикации;

• построение музейных тематических экспозиций в зданиях архиерейского дома, катехизаторского училища, флигеля при архиерейском доме, раскрывающих функциональное назначение и отдельные важные этапы их истории;

• создание концепции правил, определяющих порядок и время посещения храмов подворья туристами и паломниками в рамках познавательных экскурсионных программ;

• проведение комплекса археологических и реставрационных работ по выявлению и локализации, а также восстановлению подземных коммуникаций: переходов между зданиями, келий и сооружений разного функционального назначения, что представляет феноменальное явление в архитектурном решении комплекса в условиях Сибирского региона. Расчистка легендарных архиерейских погребов зданий архиерейского подворья;

• поисково-археологические работы по воссозданию исторических некрополей у алтаря Казанской церкви и «в саду при катехизаторском училище», мест погребения известных священно- и церковнослужителей Алтайской духовной миссии, благотворителей, а также студентов училища, о чем свидетельствуют воспоминания старожилов и архивные источники: метрические книги и ежегодные отчеты Алтайской миссии [5]. Оформление мест захоронений надгробными плитами и крестами. Восстановление полного списка имен погребенных;

• размещение на территории подворья тематического музейного комплекса «Городская крестьянская усадьба конца XIX – начала XX в.». В период деятельности Музея истории Алтайской духовной миссии собраны значительные этнографические коллекции предметов культуры и быта (более 22 тысяч единиц хранения), позволяющие содержательно и качественно выстроить экспозицию;

• создание на территории Архиерейской рощи музейного экспозиционного историко-этнографического комплекса под открытым небом «Алтайская деревня». Проект предполагает реконструкцию образов алтайских аилов и юрт, воссоздание утраченной бани монашеской братии в виде символического алтайского деревянного многогранного жилого аила, находившегося, согласно исследованию исторических планов города и фотодокументов 1914 г., с западной стороны архиерейского дома и имевшего связной с последним переход [4]. На базе данной реконструк-

ции возможно проведение массовых музейных мероприятий с демонстрацией этнографических выставок, театрализацией праздников алтайской и кумандинской национальных культур, не противоречащих православным религиозным канонам и догматам;

• создание инфраструктуры сервиса для всех категорий посетителей.

Коллективом Музея истории Алтайской духовной миссии уже ведется музеефикация отдельных объектов памятника. Постоянное взаимодействие и сотрудничество со структурными организациями Бийского благочиния – приходом Казанской церкви, Бийской православной школой во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского, расположенными в исторических зданиях комплекса, позволяет уже на начальном этапе выявить возможные варианты создания музейных экспозиций, лоббировать интересы каждой организации в проведении процесса музеефикации.

Ежегодные музейные и архивные практики студентов факультета истории и права Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина на базе Музея истории Алтайской духовной миссии – одна из оптимальных форм взаимовыгодного сотворчества и сотрудничества. Это позволяет одновременно организовать работу в разных направлениях и тем самым ускорить процесс реализации проекта музеефикации объектов православия.

Так, в 2008 г. студенты стали соучастниками проекта создания в одном из залов архиерейского дома музейного экспозиционного комплекса «Градо-Бийский Троицкий собор» и проведения предварительных раскопок на месте разрушенного храма. Это один из ярких примеров музеефикации в современных условиях Бийска, когда деятельность музея, направленная на создание экспозиционного комплекса в составе экспозиции «Бийск православный», привела к музеефикации другого исторического памятного места.

Ярким примером музеефикации архиерейского дома стало воссоздание мемориальных залов-экспозиций, их первоначального функционального назначения.

Экспозиция «Кабинет бийских архиереев» реконструирует обстановку кабинета Преосвященнейшего епископа Бийского рубежа XIX – начала XX в. В основу экспозиции положен собирательный образ архиерейского кабинета тех лет. Среди экспонатов – большой двухтумбовый деревянный точеный стол конца XIX в. с письменными приборами и церковными предметами на столешнице: настольной лампадой, подсвечником, крестом, клобуком, монашескими четками, книгами духовного содержания. Над столом – портрет Государя Императора Александра III, одного из высоких покровителей Алтайской духовной миссии и Бийского архиерейского подворья. У стены – старинный книжный шкаф с коллекцией старопечатных и рукописных церковных книг XVII – начала XX в., энциклопедических изданий. Этажерки с книгами и церковной утварью, венские стулья, по стенам киоты с иконами, швейцарские часы с боем; комнатные растения: пальмы и фикусы в глиняных вазонах, все это помогает воспроизвести атмосферу былой эпохи.

Экспозиция «Опочивальня бийских архиереев» создана на основе анализа исторических описаний жилых комнат архиереев разных епархий, которые удалось выявить через изучение архивных источников и электронных интернет-ресурсов. Единственно найденное описание опочивальни только Пермского архиерейского дома начала XX в. и было положено в основу реконструкции. Содержание пространства экспозиции определяют крупные экспонаты: кровать, покрытая темным пледом, шкаф для книг и вещей, прямоугольный рабочий стол, венские стулья, комод для хранения одежды. Святой угол архиерейской кельи-опочивальни формируют иконы и аналой с книгой «Псалтирь» XIX в. В обстановке просматривается строгий аскетический образ жизни монаха-архипастыря.

Основой экспозиции «Парадная архиерейская трапезная» являются большой прямоугольный обеденный стол, покрытый белой скатертью с исторической сервировкой, резной буфет из красного дерева 1900 г. выпуска и шкаф «Горка» с посудой. Особый колорит залу придают пальмы и манстеры, комнатные растения, характерные для начала XX в.

В экспозиции «Зал миссионерских собраний» центральным объектом реконструкции исторической обстановки является прямоугольный стол заседания, покрытый зеленым сукном с венскими стульями. На стене экспозиции находятся крупные копии коллективных фотографий: состава Алтайской духовной миссии 1880 г. с епископом Бийским Владимиром (Петровым) и наличными миссионерами; и 1909 г. – во главе с Преосвященным Иннокентием (Соколовым), епископом Бийским, сделанная именно в этом зале второго этажа архиерейского дома. Столь ценную для музея находку

удалось обнаружить посредством сопоставления исторического интерьера (с фотографии) с современным.

Проводимые музеем мероприятия позволяют вовлечь посетителя в историческую среду, глубже понять уклад жизни тех лет. Минимальное использование современного музейного оборудования (витрины, подиумы, турникеты, рамы) позволят в будущем воссоздать предельно близкую к первоначальной историческую обстановку залов и невольно заставляет каждого почувствовать себя частью исторического действа.

Еще одним ярким примером трансформации функционального назначения архиерейского дома является экспозиция «Бийский архиерейский дом: вехи истории». Она уже включает три экспозиционных комплекса: «Келья монаха», «Пасхальная архиерейская трапеза», «Иеромонах-миссионер Петр (Селиверстов)». Здесь также удалось, конструктивно используя экспонаты того времени, найти возможные варианты подачи информации, позволяющие многогранно раскрыть тему, и приблизить экспозиционные решения к исторической действительности.

Для здания катехизаторского училища нами разработан тематико-экспозиционный план создания экспозиционного комплекса и начат сбор экспонатов. В основу экспозиции будет положена реконструкция исторического учебного кабинета миссионерского училища с подлинной мебелью тех лет. Знакомство с прошлым и настоящим здания, историей катехизаторского училища и Бийской православной школы через современные аудиовизуальные и демонстрационные средства обучения, показ музейной экспозиции за партами музейного кабинета помогут глубже понять и проследить историческую преемственность. Такая подача информации станет современной инновационной формой коммуникации в условиях музейного пространства Бийска.

Создание модели музеефикации и регенерации исторического комплекса на примере «Бийского архиерейского подворья» будет формировать совершенно новый подход в развитии реставрации объектов историко-культурного и архитектурного наследия и способствовать созданию городской инфраструктуры туризма.

Таким образом, созданный Музей истории Алтайской духовной миссии сегодня является центром процесса музеефикации объектов православия Бийска, в частности, Бийского архиерейского подворья. Комплексный подход и внедрение музейных инноваций для решения поставленных задач, а также заинтересованность всех участников проекта, несомненно, позволят получить желаемый результат. Процесс музеефикации памятников православной культуры, как показало исследование, будет активно способствовать сохранению историко-культурного наследия Бийска, развитию сферы познавательного и паломнического туризма.

Список использованной литературы

1. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4439. Л. 46–102. Ведомость о Бийском Тихвинском общежительном женском монастыре Томской епархии, с 1-го июля по 1-е января 1915 г.
2. МАДМ. НВФ. Инв. № 137. Подшивка с документами и другими материалами по теме «Бийское архиерейское подворье. 1880–2014 гг.».
3. МАДМ. НВФ. Инв. № 1467. Удостоверение от 29 августа 2003 г., выданное г. Бийску о вступлении в Российский Союз Исторических Городов и Регионов 26 июля 2000 г.
4. МАДМ. НВФ. Инв. № 1546. Фотография «Бийский архиерейский дом». 1914 г.
5. МАДМ. ОФ. Инв. № 13902. Справка «Некрополь Бийского архиерейского подворья. 1880–1920 гг.», составленная П.С. Коваленко. 2012 г.
6. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2157. Л. 58–59 об. Страховые оценочные ведомости на церковные строения г. Бийска. 1910 г. и 1914 г.
7. Степанская, Т.М. Памятники архитектуры / Т.М. Степанская // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. – Бийск, 1992. – С. 74–100.
8. Штейнфельд, В.П. Бийский уезд Томской губернии: Топографический, экономический и этнографический очерк уезда. – Бийск : Тип. «Товарищество», 1910. – С. 18.

В.А. Кожокар
г. Павлодар, Республика Казахстан

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПРИИРТЫШЬЯ МУЗЕЕМ ЕРТІС В ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: В статье рассматриваются три основных этапа современного переосмысления экспозиционного наполнения краеведческого музея в г. Павлодаре. Определены мотивы и виды государственного влияния на единую модель популяризации историко-культурного наследия музеями Казахстана. Отражены основные методы и формы современного экспонирования объектов историко-культурного наследия музеем Ертіс. Показано, каким образом современные средства визуального представления информации способствуют привлечению посетителей в музей.

Ключевые слова: музей, историко-культурное наследие, Павлодар, Ертіс, экспозиция, методы.

V.A. Kozhokar
Pavlodar, Republic of Kazakhstan

MODERN FORMS OF POPULARIZATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE IRTYSH LAND BY ERTIC MUSEUM IN THE PAVLODAR REGION

Abstract: The work discusses the three main stages of the modern rethinking of the exhibition content of the local history museum in Pavlodar. The motives and types of state influence on a single model of popularization of historical and cultural heritage by museums of Kazakhstan are determined. The main methods and forms of modern exhibiting of objects of historical and cultural heritage by the Ertis Museum are reflected. It is shown how the ways of modern means of visual presentation of information contributing to attracting visitors to the museum.

Key words: museum, historical and cultural heritage, Pavlodar, Ertic, exposition, methods.

Начиная с 1990-х годов, сотрудники Павлодарского областного историко-краеведческого музея им. Г.Н. Потанина трижды фундаментально переосмысливали экспозиционное наполнение залов учреждения. Мотивационной основой для этого движения становились глобальные экономические, политические и культурные перемены, происходящие в Казахстане. В конце прошлого века возникла необходимость пересмотра экспозиционного и фондового содержания культурного наследия, хранящегося в музее [1, с. 19]. Новая политическая обстановка требовала соответствующего конъюнктуре времени взгляда на наполнение экспозиционных площадей и трактовок прошедших событий, отражённых в материальных свидетельствах прошлого. В первую очередь, это относилось к советскому периоду истории Казахстана: были реорганизованы соответствующие отделы музея, изменена оценка части событий, убраны экспонаты. Появился отдел этнографии с большими демонстрационными моделями национального жилища казахов, этнической одежды на манекенах, предметами народного зодчества [1, с. 21]. Второй этап начался с 2000-х годов и характеризовался пониманием государственными органами роли музеев в трансляции новых идей национальной самоидентификации в широкие массы населения. Сюда можно отнести создание единых государственных программ, объединяющих музеи страны в деле сохранения и популяризации культурно-исторического наследия современными способами и средствами [2, с. 10]. На региональном уровне методической базой для обновления идеологического аппарата музеев и модернизации музейного оборудования в соответствии с современными запросами общества стал

семинар «Модернизация музейной деятельности в Республике Казахстан», прошедший в сентябре 2003 года на базе Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического музея. На нём были приняты 5 основных решений, повлиявших на современные формы популяризации культурного наследия во всём Прииртышье [3, с. 45–46]. Предшествовала третьему, заключительному, этапу программная статья Президента РК «Болашакка багдар: рухани жангыру» – Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», в которой устанавливались направления развития, в том числе, и музейной деятельности. Идеей программы стала необходимость обратиться к истокам национальной культуры, активизации в проведении этнографических исследований. Началом третьего этапа можно назвать момент создания интерактивного музея «Ертіс». Важной базовой особенностью музея стало размещение в возведённом для него строении с планировкой, приспособленной к экспозиционным нуждам и массовым мероприятиям. Первый музей региона, располагающийся не в здании, построенном в советский период истории. Музей состоит из двух этажей и девяти залов, с кафетерием и помещениями для различных целей. Более шестисот посетителей одновременно могут находиться в стенах учреждения, для них работают 30 сотрудников. Первый этаж включает в себя выставочный зал, реставрационные лаборатории, фондохранилище, административные и другие помещения, второй этаж занимают выставочный зал, планетарий [4]. В залах располагаются стационарные тематические выставки: геологическая история Земли, физическая география Павлодарской области, великие люди Великой Степи, древняя археология, древняя флора и фауна, геология, антропогенез, неогеновый период, «Гусиный перелёт». Они включают в себя направления исторического процесса, сложившегося в Прииртышье. Состав экспозиции обусловлен собирательской, исследовательской и экспедиционной работой музейных специалистов, а также историков, археологов, геологов и палеонтологов из ведущих вузов региона и специализированных учреждений. Примером может служить «Margulan center». Это археологический научно-исследовательский центр, созданный на базе Павлодарского государственного педагогического университета, в сферу интересов сотрудников которого входит деятельность, направленная на оценку и исследование памятников археологии на территории Прииртышья, а также их всеобъемлющее лабораторное изучение; осуществляются исследования в области археологии, палеонтологии, реконструкция вооружения и доспехов кочевников древности и средних веков [5].

Как мы видим, создание обновлённой экспозиции и формы популяризации культурного и исторического наследия в новом музее строится на научной базе наработок местных профильных специалистов, что должно помогать отражению в полной мере исторической специфики региона.

В процессе создании экспозиционного плана сотрудники отказались от типовой тематической структуры, предусматривающей наличие витрин закрытого типа и строгую последовательность в маршруте движения по музею. Были спроектированы нестандартные для нашего региона, более образные экспозиционные решения, связанные с включением объекта демонстрации в «интерактивный» антураж. Для подобного решения требуется не только научный, но и культурологический, и самое главное – технологический подход в реализации замысла. Тенденция к цифровизации неразрывно объединена с главенствующими в государстве трендами в виде работы электронного правительства, электронного дневника для школьников и т.п. Также упор на современные визуальные технологии, переплетённые с проверенными методами демонстрации экспонатов, имеют своей целью привлечь молодёжь в новый музей. Эффективная демонстрация историко-культурного наследия в новом объекте культуры включает использование мультимедийного оборудования, оформление инсталляций, изготовление реконструкций и скульптур, художественное оформление музейного пространства. По замыслу создателей экспозиции, дети и подростки, использующие мультимедийные технологии в быту, смогут более качественно воспринимать информацию из музейной экспозиции.

Все материалы, представленные для осмотра, находятся на открытых площадках, без естественных ограничителей в виде лент, стёкол. У посетителей имеется возможность со всех сторон осмотреть экспонаты, обращая внимание на цифровой или рельефный задний план, позволяющий глубже погрузится в контекст времени или геологического периода. По утверждению директора музея Нурахметовой Г.Б., «Наша задача была показать историю края в современном виде с использованием мультимедийных средств – с книгой real-book, информа-

ционной touch-панелью и современными инсталляциями» [6]. В музее представлены современные средства визуализации экспозиции, виртуальные очки дополненной реальности с возможностью «оживить» муляж мамонта, флорой и фауной соответствующего периода, сенсорные панели с видео-, фотофрагментами из жизни области. Задача демонстрационного оборудования – позволить посетителям самостоятельно познакомиться с осматриваемым предметом и получить дополнительную, разностороннюю информацию, не вошедшую в основную экспозицию.

Таким образом, музей «Ertic» является уникальным в Прииртышье объектом сохранения и популяризации историко-культурного наследия в виду обновлённого взгляда на создание и дальнейшую эволюцию музейного пространства. Сочетание ранее включённых в экспозицию предметов материальной культуры с достижениями современной техники создают благоприятные условия для самостоятельного погружения в «контекст» объекта. Дополнительные материалы по каждому экспонату, сосредоточенные в визуальных методах исследования, позволяют проложить собственную траекторию исследования для каждого посетителя. Ориентация при отборе материалов и их научном сопровождении на научную общественность региона позволила более качественно подойти к наполняемости музейного пространства, а также к эффективности его использования.

Список использованной литературы

1. Нурахметова, Г.Б. Становление и развитие музейного дела в Павлодарском Прииртышье: вехи истории и достижений / Г.Б. Нурахметова. – Караганда, 2012. – 140 с.
2. Файзуллина, Г. Особенности пути / Г. Файзуллина // Музей. – 2015. – № 3. – С. 72.
3. Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник. – Усть-Каменогорск, 2008. – 260 с.
4. Уникальный музей Ertic с гигантским скелетом мамонта откроют в Павлодаре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inbusiness.kz/ru/last/unikalnyj-muzej-ertis-s-gigantskim-skeletom-mamonta-otkroyut-v-pavlodare
5. Margulan center [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruhani-zhangyru-pspu.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=55&Itemid=178
6. Мультимедийный музей «Ertis» открылся в Павлодаре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.zakon.kz/4999955-multimediynyy-muzey-ertis-otkrylsya-v.html

В.А. Кольченко
г. Бишкек, Республика Кыргызстан

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДАННЫХ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ В КЫРГЫЗСТАНЕ)

Аннотация: Археология является частью гуманитарного знания. Её специфика такова, что для получения новых знаний проводятся раскопки. В ходе них приходится разрушать / уничтожать предмет исследования – археологический памятник как материальный объект. При этом происходит трансформация: предмет исследования (памятники археологии) из материальной формы преобразуется в вербальную и визуальную формы в полевой документации – дневниках и отчётах. Тем самым полевая документация становится первоисточником для многих исследованных «на снос» археологических памятников и, тем самым, культурным наследием. А если раскопанный памятник не был своевременно и / или достаточно полно опубликован автором раскопок, то она становится единственным источником (при условии сохранения полевой документации в архивах).

Данные положения иллюстрируются исследованиями автора на документах трёх архивов: Императорской археологической комиссии, хранящимся в Научном архиве Института исто-

рии материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге, Научного архива Института археологии РАН в Москве и Рукописного фонда Национальной академии наук Кыргызской Республики в Бишкеке. Эти документы касаются исследований 1869, 1886, 1929-1930 и 1954 годов нескольких памятников Чуйской долины Кыргызстана.

Ключевые слова: полевая документация, полевые дневники, отчёты.

V.A. Kolchenko
Bishkek, Republic of Kyrgyzstan

ARCHIVAL MATERIALS ON ARCHEOLOGY AS A PART OF CULTURAL HERITAGE (ON THE EXAMPLE OF RESEARCH DATA IN KYRGYZSTAN)

Abstract: Archeology is part of humanitarian knowledge. Its specificity is such that, to obtain new knowledge, excavations are carried out. During them, it is necessary to destroy / demolish the subject of research - an archaeological site as a material object. In this case, the transformation takes place: the subject of research (archeological monuments) from the material form is converted into verbal and visual forms in the field documentation - diaries and reports. Thus, field documentation becomes the primary source for many archaeological sites investigated «for demolition» and, thereby, cultural heritage. And if the excavated monument was not timely and / or quite fully published by the author of the excavation, then it becomes the only source (provided that the field documentation is stored in archives).

These provisions are illustrated by the author's studies on the documents of three archives: the Imperial Archaeological Commission, stored in the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the RAS in St. Petersburg, the Scientific Archive of the Institute of Archeology of the RAS in Moscow and the Manuscript Fund of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic in Bishkek. These documents relate to studies of 1869, 1886, 1929-1930 and 1954 of several monuments of the Chui Valley of Kyrgyzstan.

Keywords: field documentation, field diaries, reports.

Одной из основных задач гуманитарных исследований является выявление, учёт и использование знаний о потребностях человека. Эти знания весьма разнообразны и изучаются группой достаточно разных дисциплин, имеющих разные объекты и предметы исследований и, соответственно, методологии и методики. Но большинству из них, пожалуй, присущи оценочный характер суждений и отсутствие строгих доказательств, которые можно проверить экспериментальным путём. Также многим из них присущи выборочность и неполнота исходных данных, поэтому во многих классификациях научных дисциплин они обособляются от собственно науки (Science) в гуманитарное знание (Humanitarian)[1].

Для построения наиболее адекватных прогностических моделей развития гуманитарной области жизнедеятельности используется анализ как современного состояния этой сферы, так и данных о прошлой жизни человека и его сообществ, его культурного наследия. Получение таких знаний о прошлом осуществляется, прежде всего, группой дисциплин исторической направленности, одной из которых является археология.

Археология изучает прошлое человека и его сообществ на основе материальных остатков их деятельности и творчества. Одним из первых действий в длинной цепочке археологических исследований является добывание этих самых «материальных свидетельств» путём производства археологических раскопок. Сами по себе археологические

[1] Теоретическая часть работы даётся в обобщённом, отчасти – упрощённом виде, чтобы давать отсылки к конкретным авторам и их работам. Укажем лишь, что наше понимание строится во многом (но не исключительно) на работах Л.С. Клейна, начиная с его «Археологических источников», изданных ещё в 1978 г.

раскопки подразумевают полное или частичное уничтожение памятника (предмета конкретного исследования). Становящиеся всё более популярными сегодня, так называемые «неразрушающие методы» археологических исследований, являются, по сути, лишь важными и нужными дополнительными разведочными процедурами, предшествующими, но не заменяющими раскопки в большинстве случаев.

В ходе археологических раскопок из целостного памятника как материального объекта, включающего руинированные остатки изначальной конструкции (когда они есть), следы их постепенной растянутой во времени деструкции, некоторого количества артефактов и многого другого, остаются лишь сами руинированные остатки конструкции (в наиболее простых случаях с однослойностью памятника). Всё остальное извлекается, изымается непосредственно из памятника. По завершению раскопок «руинированные остатки конструкции» в соответствии с современными законодательствами большинства стран должны сохраняться «на месте» как памятники историко-культурного наследия.

Остающиеся «на месте» остатки конструкций, во многом утративших научную информативность, тем не менее, необходимо «консервировать» и, тем самым, «сохранять для потомков». Для этого на практике чаще всего применяется метод «обратной засыпки». То есть раскопанный памятник вновь закапывается с соблюдением (в идеальном случае) определённых методик. Тем самым остающиеся «на месте» «материальные остатки» утрачивают непосредственно-доступную научную информативность, сохраняя некоторую её часть потенциально-доступной при новых раскопках. Даже в случае консервации раскопанного памятника для дальнейшей «музеефикации» он, сохраняя некоторую наглядность, тем не менее утрачивает вследствие «реставраций» сохранявшуюся научную информацию, не говоря уже о «реконструкциях». Более того, со временем порой возникает проблема отделения «подлинных материальных остатков» от «реставрационного» и «реконструкционного» добавления к ним.

Другая часть «материальных остатков» – артефакты (археологические находки предметов быта и культа, чаще всего сильно фрагментированные), отдельные строительные материалы, некоторые остатки трапезы и хранимых продовольственных запасов, единичные отобранные для естественно научных анализов пробы и т.п. после раскопок попадают в хранилища научных учреждений, музеи и лаборатории. Несмотря на извлечение из них некоторого количества научной информации, часть «материальных остатков» продолжает храниться, а другая часть уничтожается в ходе получения информации.

Значительная часть археологического памятника как материального объекта в ходе раскопок утрачивает свою материальную природу и остаётся лишь в вербальной и визуальной / изобразительной (графической, фото-, видео-) формах. Большая часть такой информации первоначально аккумулируется в полевой документации – дневниках и иных полевых записях, цифровых обмерных характеристиках. В короткий промежуток времени они (дневники и иные полевые записи), дополняясь извлечениями из памяти непосредственных исполнителей исследований и логическими конструкциями, сопровождаясь отобранным и построенным визуальным рядом, извлечённой научной информацией из изъятой в хранилища части первоначального археологического объекта (уже в вербальной и визуальной / изобразительной формах) преобразуются в полевые отчёты. В ряде случаев такие отчёты (или их части) публикуются и, тем самым, становятся общедоступными. Правда, в таком виде они зачастую малоинтересны даже специалистам. Но гораздо чаще они оседают в архивах надолго без какого-либо движения заключённой в них научной информации. И даже полностью выпадают из научного поля зрения, не превратившись в «научный факт», не включившись в научный оборот.

По сути, дневники, полевые заметки и отчёты, объединяемые термином «полевая документация», наряду с находящимися в хранилищах артефактами, становятся первоисточниками информации о во многом или полностью разрушенном в ходе исследования и потому утраченном археологическом памятнике. И как таковые они сами становятся памятниками культурного наследия.

Конечно, авторы археологических полевых исследований на основе своей (и других исследователей) полевой документации, анализируя заключённую в ней информацию и дополняя её множеством других данных, так или иначе интерпретируют результаты анализа и обобщений, стремятся выдать один из конечных продуктов исследования – научную публикацию в виде статьи или монографии. Но это происходит по объективным и субъективным

причинам далеко не всегда. Да и степень использования заключённой в первоисточниках информации весьма разная. Разной может быть и интерпретация исходной первичной информации. А потому всегда есть смысл исследователям обращаться в архивы к этим первоисточникам.

Проиллюстрируем вышеприведённые теоретические положения примерами из собственной практики.

Работая на рубеже столетий в архиве Императорской археологической комиссии, хранящемся ныне в Институте истории материальной культуры РАН, мы обнаружили ряд интересных материалов. Одни из них имели преимущественно историографическое значение, а другие – интересные, уникальные фактические данные. К первой группе мы, прежде всего, относим «Отчёт о проведённых раскопках курганов летом 1869 г.», составленный В.В. Радловым. Тогда он был лишь начинающим исследователем из Барнаула, который в свободное от основной – преподавательской – работы время проводил археологические, этнографические, фольклорные экспедиции, что впоследствии позволило ему стать, в частности, дешифратором тюркской рунической письменности и академиком РИАН (Российской императорской академии наук). Обнаруженный отчёт был нами подготовлен к публикации и издан [22], а его содержание проанализировано в отдельной статье [9]. Оказалось, что произведённые В.В. Радловым раскопки проводились на ряде объектов городища Красная Речка и курганов на Иссык-Куле, и они являются первыми официальными археологическими исследованиями на территории современного Кыргызстана и вторыми (после исследований 1867 г. Лерха в Джанкенте на Сыр-Дарье) во всей Средней Азии. Таким образом, обнаружение и изучение этого архивного документа позволило сделать историографическое открытие, ускользавшее ранее от внимания исследователей (его нет в хороших историографических главах сводных работ, например [4, с. 25-31]). Но конкретно этот документ даёт минимум информации о самих раскопанных памятниках.

Ко второй группе выявленных документов мы относим дневники и отчёты раскопок 1886 г. на христианских кладбищах «близ Пишпека» и на Буране, объединённые составителями архива в Дело 40-б [20]. В сокращённом виде отчёт о раскопках кладбища юго-восточнее современного Бишкека был своевременно опубликован [3, с. CLIX–CLX; 21], но затерялся за сенсационным (на тот момент) феноменом средневековых христианских кладбищ с сиро-тюркскими эпитафиями в глубинах Азии. Наш анализ всей совокупности архивных данных, включая некоторое количество графических материалов [7, 12], позволил вернуть археологическую составляющую в исследование христианства региона и его погребального обряда. И уже наше изложение данных архивных первоисточников используется в дальнейшем научном обороте [17].

В целом научный архив Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге, особенно хранящийся в нём архив Императорской археологической комиссии, но также часть с данными по 30-40-ым годам прошлого века А.Н. Бернштама и других исследователей, при должном отношении способен преподнести приятные сюрпризы и, как минимум, существенные уточнения в устоявшиеся представления о древностях Кыргызстана. И нисколько не удивило включение его в орбиту проекта по цифровой реституции культурного наследия Кыргызстана, осуществлённой коллегами в последние годы.

Наши поиски в архивах Санкт-Петербурга, в том числе ИИМКа, были связаны с выявлением дополнительных данных к обнаруженным нами в Национальной академии наук Кыргызской Республики (НАН КР) рукописным документам об исследованиях 1928–1932 гг. В историографии было известно о работах М.Е. Массона на Буране и Ак-Бешиме в 1928 г. в связи с реставрационными работами на минарете, о раскопках М.П. Грязнова и М.В. Воеводского в 1928-1929 гг. курганов на той же Буране и на Иссык-Куле с постановкой проблематики усуньских погребений, наконец, – о разведках А.И. Тереножкина в 1929 г. в Чуйской долине. Эти археологические работы воспринимались хотя и как значимые, но достаточно случайные, отдельные, не системные, никак не связанные между собой [2, с. 15–16; 4, с. 31–32]. В НАН КР нам посчастливилось обнаружить дневник, картотеку памятников и краткий отчёт (во многом совпадающий с опубликованным) о разведках А.И. Тереножкина, которые были нами изданы [24; 25]. Из дневника мы узнали, что молодой исследователь-студент А.И. Тереножкин ожидал приезда своего старшего товарища по экспедиции М.В. Воеводского и о том, что они работали по единой программе [24, с. 33]. Это уже само по себе вносит существенные изменения в историографические выводы, но, кроме того, картотека зафиксировала данные о памятниках, пусть и минимальные, которые в настоящее время во многом утрачены в ходе освоения территорий.

Также была выявлена серия документов об археологических исследованиях 1930 года «Палеоэтнологической экспедиции Преображенского», основными исследователями в которой были, судя по этим документам, М.В. Воеводский и В. Виноградова. Документы свидетельствуют о том, что работы велись в четырёх пунктах в Чуйской долине, а также на Иссык-Куле [8]. К сожалению, комплектность документов об этих исследованиях далеко не полная: для одних памятников она лучше, а для других – близкая к нулю. Об исследованиях этой экспедиции средневековых погребений оседлого населения у с. Ново-Покровка мы делали доклад на конференции 2004 года в Санкт-Петербурге [11], который не остался незамеченным коллегами [1, с. 143].

Обработка выявленных архивных документов этой экспедиции об исследованиях в других пунктах продолжается, как и попытки найти дополнительные документы о ней.

Последний пример о значимости архивных документов об археологических раскопках как первоисточников, как культурного наследия, связан с раскопками христианской церкви с погребениями на городище Ак-Бешим в рамках Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР 1953–1954 гг.

По отчётной публикации хорошо известно, что на городище экспедиция исследовала пять объектов [14]. Основной объект исследований – Буддийский храм (Объект I) – добротно издан с большим количеством вербальной и графической информации, занимая до 60% объёма публикации [14, с. 160–227], оставляя остальные 40% на общую характеристику памятника, четыре объекта и приложения; каждому другому объекту досталось около одной странички текста и одной–двух иллюстраций. Один объект исследований – «остатки замка» (объект V) удостоился отдельной статьи [15], как и «согдийские» керамические комплексы с раскопок в целом (но именно «согдийские», а не все!) [23].

Раскапывавшейся христианской церкви – Объект IV – было посвящено 2,5 странички, одну из которых занимает план раскопанного строения [14, с. 231–233]. Но из опубликованного текста понятно, что объект монументален, раскопан частично и достаточно хорошо сохранился. При переиздании отчётной публикации раздел об Объекте IV был дополнен изобразительными данными: двумя архитектурными разрезами, фотографиями и рисунками керамики [16, с. 322–329]. Уже это позволило сделать ряд новых выводов и предположений [10, 13, с. 62–63] и послужило продолжением искать доступ к архивным материалам, который мы, в силу разных причин, получили лишь весной 2019 г.

Интересующие нас архивные документы сейчас хранятся в недавно сформированном личном фонде Леонида Романовича Кызласова (фонд № 37) Научного архива Института Археологии РАН. В его дело/папку № 38 собраны документы о раскопках на этом объекте. Это, прежде всего, рукописные «Дневник № 16» (общая тетрадь, 184 страницы, много пустых) [5] и «Отчёт о раскопках объекта № 4 на городище Ак-Бешим (Киргизия) в 1954 г.» на 32 страницах формата А4 [6], написанные руководившей раскопками объекта тогда ещё студенткой 5 курса МГУ В.И. Козенковой. Также в дело/папку № 38 входят несколько листов на неформатных обрезках от рулона миллиметровки, на которых имеются топоплан холма с Объектом IV с изолиниями через 0,5 м, четыре профиля его рельефа до раскопок, и планы с разрезами большинства погребений. Все они выполнены карандашом в стандартном масштабе 1 : 20 и содержат некоторые цифровые данные высотных отметок. Анализ документов дал аргументированное понимание последовательности применяемых методик и реальных результатов раскопок, привёл нас к выводу о нескольких периодах в истории строения, объяснил некоторые линии на опубликованных планах и даже их неточности и т.д. Также он (анализ) подарил надежду на возможность продолжения раскопочного изучения объекта, несмотря на его нивелировку под поля. Наше понимание раскопанного будет вскоре опубликовано в отдельной статье. Параллельно с нами над архивными документами работают другие специалисты, которые приходят к своим выводам [18; 19].

Список использованной литературы

1. Байпаков, К.М., Смагулов, Е.А., Ержигитова, А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана / К.М. Байпаков, Е.А. Смагулов, А.А. Ержигитова. – Алматы : Баур, 2005. – 236 с.
2. Бернштам, А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии / А.Н. Бернштам. – Фрунзе : Изд-во Ком. Науки при СНК КиргССР, 1941. – 112 с.

3. Доклад о действиях Императорской археологической комиссии за 1886 г. // Отчет императорской археологической комиссии за 1882–1888 гг. – Санкт-Петербург, 1891.
4. История Киргизской ССР. В 5-и томах. – Т. 1. – Фрунзе : Кыргызстан, 1984. – 798 с.
5. Козенкова, В.И. Дневник № 16: Объект № 4 / В.И. Козенкова. – Архив ИА РАН, Ф. 37, Дело № 38. – лл. 1–184.
6. Козенкова, В.И. Отчёт о раскопках Объекта № 4 (несторианская церковь и кладбище) на городище Ак-Бешим в 1954 г. / В.И. Козенкова. – Архив ИА РАН, Ф. 37, Дело № 38. – лл. 92–123.
7. Кольченко, В.А. Христианское кладбище монгольского времени на городище Бурана (по данным архивных документов о раскопках 1886 года) / В.А. Кольченко // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Т. 2. – Казань-Кишинев : Stratum, 2019. – С. 209–221.
8. Кольченко, В.А. Археологические исследования в Кыргызстане в 1928–1930 гг. (работы М.П. Грязнова, М.В. Воеводского, А.И. Тереножкина и Палеоэтнологичекой экспедиции ГАИМК) / В.А. Кольченко // Степи Евразии в древности и средневековье. ММНК к 100-летию М.П. Грязнова. Кн.1. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос.Эрмитажа, 2002. – С. 43–47.
9. Кольченко, В.А. Археологические исследования В.В. Радлова в Кыргызстане / В.А. Кольченко // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии : материалы МНПК. – Алматы, 2012. – С. 220–225.
10. Кольченко, В.А. Архитектурный тип Объекта IV городища Ак-Бешим: часовня с двором или зальная церковь? / В.А. Кольченко // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции) : ММК, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. – Т. I: К 90-летию В.М. Массона. – Санкт-Петербург : ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. – С. 188–190.
11. Кольченко, В.А. Новопокровский средневековый некрополь (по материалам раскопок 1930 г.) / В.А. Кольченко // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Мат.МНК, посв. 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). – Санкт-Петербург : ИИМК РАН, 2005. – С. 269–275.
12. Кольченко, В.А. Припишпекское (Кара-Джигачское) средневековое христианское кладбище по данным архивных документов о раскопках 1886 года / В.А. Кольченко // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шёлковом пути. Мат. МНПК, 12–13 июня 2017 года. – Алматы, 2017. – С. 167–179.
13. Кольченко, В.А. Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников / В.А. Кольченко // Религии Центральной Азии и Азербайджана. – Т. IV : Христианство. – Самарканд: МИЦАИ, 2018. – С. 48–103.
14. Кызласов, Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. / Л.Р. Кызласов // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – Т. 2. – Москва : Изд-во АН СССР, 1959. – С. 155–242.
15. Кызласов, Л.Р. Остатки замка VI–VII вв. на городище Ак-Бешим / Л.Р. Кызласов // Советская археология. – 1958. – № 3. – С. 152–161.
16. Кызласов, Л.Р. Тюрко-согдийский город Суяб – столица Западнотюркского каганата – Л.Р. Кызласов // Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. – Москва : Восточная литература РАН, 2006. – С. 219–354.
17. Михеева, А.А. Погребальный обряд христиан в Центральной Азии домонгольского времени / А.А. Михеева // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): ММК, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. – Т. I : К 90-летию В.М. Массона. – Санкт-Петербург : ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. – С. 171–174.
18. Михеева, А.А. Христианская церковь на городище Ак-Бешим (объект IV): новые архивные данные и их интерпретация / А.А. Михеева // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2019. – № 3. – С. 246–266.
19. Михеева, А.А. Христианская церковь на городище Ак-Бешим (объект IV) – новые архивные данные и их интерпретация / А.А. Михеева // Материалы V Международной конференции молодых ученых. Москва, 19–21 марта 2019 г. – Москва, 2019. – С. 172–175.
20. Об исследовании надворным советником Пантусовым несторианских кладбищ близ гор. Пишпека и Токмока Семиреченской области. – Научный архив Института истории материальной культуры РАН. – Ф. 1. – Дело № 40-б.
21. Пантусов, Н.Н. Христианское кладбище близь Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // Н.Н. Пантусов Записки Восточного отделения Российского археологического общества. – Т. 1. – Вып.2. – Санкт-Петербург, 1886.
22. Радлов, В.В. Отчёт о проведённых раскопках курганов летом 1869 г. / В.В. Радлов // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Вып. 4. – Бишкек, 2009. – С. 131–135.
23. Распопова, В.И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. По материалам раскопок на АК-Бешиме в 1953–1954 гг. / В.И. Распопова // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – Т. 4. – Москва: Издат-во АН СССР, 1960. – С. 138–163.
24. Тереножкин, А.И. Дневник археологических разведок 1929 г. в долине р. Чу / А.И. Тереножкин / Архивные материалы по археологии Кыргызстана. – Фрунзе : Илим, 2012. – С. 28–37.
25. Тереножкин, А.И. Картотека археологических разведок 1929 г. в долине р. Чу / А.И. Тереножкин // Архивные материалы по археологии Кыргызстана. – Фрунзе : Илим, 2012. – С. 38–63.

А.В. Костюкевич
г. Минск, Республика Беларусь

КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕРДОЛИКОВЫХ И ХРУСТАЛЬНЫХ БУС)

Аннотация: В статье рассмотрены сердоликовые и хрустальные бусы среднеазиатского происхождения, выявленные на территории Полоцкой земли. Наличие подобных предметов в исследуемом регионе является доказательством культурно-экономических контактов между Полоцкой землей и регионами производства каменных бус. Таким образом, среднеазиатский регион может рассматриваться как один из торговых партнеров Полоцкой земли, что свидетельствует о ее включении в широкую сеть международной торговли в эпоху Средневековья.

Ключевые слова: Полоцкая земля, Средняя Азия, торговые пути, международная торговля, сердолик, горный хрусталь.

A.V. Kostyukevich
Minsk, Republic of Belarus

CULTURAL AND ECONOMIC CONTACTS OF POLOTSK LAND AND CENTRAL ASIA (ACCORDING TO MATERIALS OF CARNELIAN AND ROCK CRYSTAL BEADS)

Abstract: The paper deals with cornelian and rock crystal beads of Central Asian origin that were found on the territory of the Polotsk Land. The presence of these beads in North and Central Belarus is a direct proof of existence of economic contacts between Polotsk and the region of production stone beads. So, Central Asia can be considered as trade and economic partner of Polotsk. Those contacts suggest the inclusion of Polotsk in the broad infrastructure of international cultural and economic relations in the Middle Ages.

Keywords: Polotsk Land, Central Asia, trade ways, international trade, carnelian, rock crystal.

Полоцкая земля, находясь в зоне транзитных торговых путей, испытывала влияние Северной Европы, Ближнего Востока и Средней Азии в развитии экономики и культуры. Направление данных связей отчетливо прослеживается по привозным изделиям, поступавшим в IX–XIII вв. на территорию Полоцкой земли. Одной из информативных групп привозных изделий, ярко иллюстрирующих культурно-экономические контакты Полоцкой земли, являются многочисленные каменные бусы, выявленные как в культурном слое городов, так и в курганных древностях.

Морфология

Полная каталожная информация по сердоликовым и хрустальным бусам (форма, место находки, автор и год раскопок, номер отчета) представлена в таблицах 1, 2.

Сердоликовые бусы в количестве 130 экземпляров составляют большую часть всех каменных бус с территории Полоцкой земли, однако в отчетах исследователей зафиксирована лишь 71 бусина. Остальные экземпляры были выявлены среди музейных коллекций и зачастую депаспортизированы. Сердоликовые бусы из Полоцкой земли можно отнести к круглым, граненым и уплощенным. В данных группах доминируют призматические (28,75%) бусы; процент бипирамидальных, шаровидных и 14-гранных бусин приблизительно одинаков (18,75%, 21,25% и 22,5% соответственно), к редким формам могут быть отнесены монетовидные и 24-гранные (3,75% и 5% соответственно) сердоликовые бусины (рис. 1).

Таблица 1

Каталог сердоликовых бус, найденных на территории Полоцкой земли по отчетам исследователей

№ п/п	Памятник	Форма	Автор раскопок	Раскоп	Страница и/ или номер в отчете	Год, номер отчета
	Анусино (Минский р. Минской обл.)	граненая	Заяц Ю. А.	Курган № 5	с. 3, рис. 5	1989, дело № 1159
	Браслав	бипирамидальная	Алексеев Л. В.	раскоп V	с. 25	1956, дело № 17
	Браслав	бипирамидальная	Алексеев Л. В.	раскоп V	с. 27	1956, дело № 17
	Витебск	14-гранная	Штыхов Г. В.	I, Нижний замок	с. 8	1964, дело № 243
	Витебск	14-гранная	Штыхов Г. В.	I, Нижний замок	с.9, рис.25:19	1964, дело № 243
	Витебск	14-гранная	Штыхов Г. В.	Шурф, Нижний замок	с. 24, рис. 15:6	1965, дело №259
	Витебск	14-гранная	Бубенько Т. С.	р. 24	№268	1997, дело № 1770
	Витебск	14-гранная уплощенная	Бубенько Т. С.	XV	№217	1989, дело №1617
	Витебск	брак	Бубенько Т. С.	XV	№742	1989, дело №1617
	Витебск	восьмигпанная	Бубенько Т. С.	XV	№684	1989, дело №1617
	Витебск	монетовидная	Штыхов Г. В.	Шурф, Нижний замок	с. 24, рис. 15:5	1965, дело №259
	Витебск	призматическая	Штыхов Г. В.	Шурф, Нижний замок	с.22, рис. 15:8	1965, дело №259
	Витебск	призматическая 8-гранная	Штыхов Г. В.	Шурф, Нижний замок	с. 24, рис. 15:7	1965, дело №259
	Витебск	призматическая 8-гранная	Штыхов Г. В.	Шурф, Нижний замок	с. 24, рис. 15:8	1965, дело №259
	Витебск	призматическая 8-гранная	Штыхов Г. В.	IV	с.7	1966, дело № 284
	Витебск	уплощенная 8-гранная	Бубенько Т. С.	XV	№507	1989, дело №1617
	Вышедки (Городокский района Витебская обл.)	14-гранная	Штыхов Г. В.	Курган № 14	с. 13, рис. 54:13-17	1980, дело № 691
	Вышедки (Городокский района Витебская обл.)	граненая	Штыхов Г. В.	Курган № 14	с. 13, рис. 54:13-17	1980, дело № 691
	Городище на Менке	14-гранная	Штыхов Г. В.	п/м	с. 12, рис. 45:19	1975, дело № 515
	Городище на Менке	14-гранная	Штыхов Г. В.		с. 10, № 49	1983, дело № 937
	Городище на Менке	бипирамидальная	Штыхов Г. В.	п/м	с. 12, рис. 45:18	1975, дело № 515

	Городище на Менке	призматическая	Штыхов Г. В.	п/м	с. 12, рис. 45:19	1975, дело № 515
	Городище на Менке	призматическая	Штыхов Г. В.	п/м	с. 12, рис. 45:19	1975, дело № 515
	Городище на Менке	призматическая	Штыхов Г. В.	п/м	с. 12, рис. 45:20	1975, дело № 515
	Довборово (Минский р. Минская обл.)	8-гранная	Заяц Ю. А.	Курган № 5	с. 6	1989, дело № 1159
	Дроздово (Толочинский р. Витебская обл.)	14-гранная	Левко О. Н.	к. 6	с. 27	1987, дело № 1047
	Дроздово (Толочинский р. Витебская обл.)	18-гранная	Левко О. Н.	к. 2, п. 2	с. 25	1987, дело № 1047
	Друцк	бипирамидальная	Алексеев Л. В.	16	с. 59, ш. 6, №26	1961, ВОКМ, н/а689
	Друцк	не указана	Алексеев Л. В.	16	с. 56, ш. 4, №100	1961, ВОКМ, н/а689
	Заславльские курганы	14-гранная	Заяц Ю. А.	Курганная группа II, курган № 43	с. 7, рис. 17	1977, дело № 572
	Заславльские курганы	14-гранная	Заяц Ю. А.	Курганная группа II, курган № 43	с. 8	1977, дело № 572
	Заславльские курганы	14-гранная	Заяц Ю. А.	Курганная группа IX, курган № 1	с. 20	1979, дело №649
	Заславльские курганы	14-гранная	Заяц Ю. А.	Курганная группа IX, курган № 2	с. 21	1979, дело №649
	Заславльские курганы	8-гранная	Заяц Ю. А.	Курганная группа IX, курган № 1	с. 20	1979, дело №649
	Заславльские курганы	8-гранная	Заяц Ю. А.	Курганная группа IX, курган № 1	с. 20	1979, дело №649
	Заславльские курганы	8-гранная	Заяц Ю. А.	Курганная группа IX, курган № 1	с. 20	1979, дело №649
	Заславльские курганы	8-гранная	Заяц Ю. А.	Курганная группа IX, курган № 1	с. 20	1979, дело №649
	Заславльские курганы	8-гранная	Заяц Ю. А.	Курганная группа IX, курган № 1	с. 21	1979, дело №649
	Заславльские курганы	граненая	Заяц Ю. А.	Курганная группа IX, курган № 1	с. 20	1979, дело №649
	Лукомль	бипирамидальная	Штыхов Г. В.	Замок	№158	1971, дело № 385
	Лукомль	призматическая	Штыхов Г. В.	Замок	№159	1971, дело № 385
	Масковичи	бипирамидальная	Дучиц Л. В.	р. XIII	№ 50	1981, дело №757
	Масковичи	бипирамидальная	Дучиц Л. В.	р. XIV	№ 18	1981, дело №757
	Масковичи	не указана	Дучиц Л. В.	р. I	№433	1976, дело № 543
	Масковичи	не указана	Дучиц Л. В.	р. II	с. 7	1977, дело № 562
	Масковичи	не указана	Дучиц Л. В.	р. V, пласт 1	№98	1978, дело № 576
	Масковичи	шаровидная	Дучиц Л. В.	дерн	№5	1983, дело № 845

	Минск	бипирамидальная	Тарасенко В. Р.	Замчище	с.32	1951, дело №5
	Минск	бипирамидальная	Штыхов Г. В.	Замчище	№6796, рис. 63:12	1984, дело № 880
	Минск	не указана	Загорульский Э. М.	Замчище	№5	1959, дело №1264
	Новые Волосовичи (Лепельский р. Витебская обл.	14-гранная	Войтехович А. В.	к. № 14	с. 19	2003, дело № 2039
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	14-гранная	Заяц Ю. А.	Курган 2	с. 4, рис.7а	1986, дело № 959
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	14-гранная	Заяц Ю. А.	Курган № 3	с. 6, рис. 7б	1986, дело № 959
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	14-гранная	Заяц Ю. А.	Курган № 3	с. 6, рис. 7б	1986, дело № 959
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	14-гранная	Заяц Ю. А.	Курган № 3	с. 6, рис. 7б	1986, дело № 959
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	14-гранная	Заяц Ю. А.	Курган № 3	с. 6, рис. 7б	1986, дело № 959
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	14-гранная	Заяц Ю. А.	Курган № 3	с. 6, рис. 7б	1986, дело № 959
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	14-гранная	Заяц Ю. А.	Курган № 3	с. 6, рис. 7б	1986, дело № 959
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	8-гранная	Заяц Ю. А.	Курган № 3	с. 6, рис. 7б	1986, дело № 959
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	8-гранная	Заяц Ю. А.	Курган № 3	с. 6, рис. 7б	1986, дело № 959
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	битрапецоидная	Заяц Ю. А.	Курган 2	с. 4, рис.7а	1986, дело № 959
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	призматическая	Заяц Ю. А.	Курган № 3	с. 6, рис. 7б	1986, дело № 959
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	шаровидная	Заяц Ю. А.	Курган 2	с. 4, рис.7а	1986, дело № 959
	Полоцк	бипирамидальная	Тарасенко В. Р.	III	№91	1961, дело №114а
	Полоцк	граненая	Дук Д. В.		с. 13	2002 г. Дело № 2046
	Полоцк	граненая	Дук Д. В.	Заполотье	с. 15, № 29	2006 г. Дело № 2368
	Полоцк	граненая	Дук Д. В.		№491	2007 г., Дело № 2537
	Полоцк	монетовидная	Штыхов Г. В.	IV	113	1967, дело № 349
	Полоцк	не указана	Тарасенко В. Р.	III	№50	1961, дело №114а
	Полоцк	не указана	Дук Д. В.		№ 61	2009, дело № 2647
	Прилуки Минского р. Минской обл.	14-гранная	Войтехович А. В.	к. № 7	с. 12	2013, справа № 3027

Таблица 2

Каталог кварцевых (хрустальных) бус, найденных на территории Полоцкой земли по отчетам исследователей

№ п/п	Памятник	Форма	Автор раскопок	Раскоп	Страница и/ или номер в отчете	Год, номер отчета
	Витебск	23-гранная	Штыхов Г. В.	Шурф, Нижний замок	с. 23, рис. 15:2	1965, дело №259
	Витебск	бипирамидальная	Штыхов Г. В.	Шурф, Нижний замок	с.22, рис. 15:1	1965, дело №259
	Витебск	фрагмент	Бубенько Т. С.	р. 24	с. 39, №145	1997, дело № 1770
	Витебск	шаровидная	Бубенько Т. С.	XIV, XV	№504	1987 дело № 1616
	Витебск	шаровидная	Бубенько Т. С.	XV	№306	1989, дело №1617
	Вышедки (Городокский района Витебская обл.)	14-гранная	Штыхов Г. В.	Курган № 14	с. 13, рис. 54:13-17	1980, дело № 691
	Вышедки (Городокский района Витебская обл.)	шаровидная	Штыхов Г. В.	Курган № 14	с. 13, рис. 54:13-17	1980, дело № 691
	Дроздово (Толочинский р. Витебская обл.)	ребристая	Левко О. Н.	к. 8	с. 26	1987, дело № 1047
	Дружба	бипирамидальная	Заяц Ю. А.	селище, р. II	с. 14, рис. 38:6	1986, дело № 959
	Друцк	зонная	Алексеев Л. В.	15	с. 44, ш. 4, №37	1961, ВОКМ, н/а689
	Друцк	не указана	Алексеев Л. В.	14	с. 37, ш. 5, №63	1961, ВОКМ, н/а689
	Друцк	не указана	Алексеев Л. В.	14	с. 38, ш. 6, №69	1961, ВОКМ, н/а689
	Друцк	шаровидная	Алексеев Л. В.	1	с. 6, об. №510	1957, ВОКМ н/а 689
	Друцк	шаровидная	Алексеев Л. В.	раскопы I-II	с. 17	1957, дело № 21
	Заславльские курганы	граненая	Заяц Ю. А.	Курганная группа IX, курган № 2	с. 21	1979, дело №649
	Заславльские курганы	граненая	Заяц Ю. А.	Курганная группа IX, курган № 2	с. 21	1979, дело №649
	Заславльские курганы	зонная	Заяц Ю. А.	Курганная группа IX, курган № 1	с. 20	1979, дело №649
	Заславльские курганы	шаровидная	Заяц Ю. А.	Курганная группа IX, курган № 2	с. 21	1979, дело №649
	Лукомль	шаровидная	Штыхов Г. В.	I	с.25	1966, дело № 284
	Масковичи	не указана	Дучиц Л. В.	р. XVI, XVII, XVIII, дерн	№3	1982, дело № 811
	Масковичи	шаровидная	Дучиц Л. В.	р. XVI, XVII, XVIII, дерн	№4	1982, дело № 811

	Масковичи	шаровидная	Дучиц Л. В.	р. XVI	№3	1982, дело № 811
	Масковичи	шаровидная	Дучиц Л. В.	р. XIX, пл. 1	№5	1983, дело № 845
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	граненая	Заяц Ю. А.	Курган 2	с. 4, рис.7а	1986, дело № 959
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	граненая	Заяц Ю. А.	Курган № 3	с. 6, рис. 7б	1986, дело № 959
	Пашковичи (Минский р. Минская обл-ть)	шаровидная	Заяц Ю. А.	Курган № 3	с. 6, рис. 7б	1986, дело № 959
	Полоцк	не указана	Тарасенко В. Р.	III	№583	1962, дело № 114а
	Полоцк	шаровидная	Тарасенко В. Р.	III	№159	1961, дело №114а
	Полоцк	шаровидная	Тарасов С. В.	пл. Ленина	№1997	1988, дело № 1084
	Слобода (Логойский р. Минская обл.)	ромбовидная	Войтехович А. В.	к. № 50	с. 23, № 10	2008, справа № 2542
	Устье (Оршанский р. Витебская обл.)	шаровидная	Левко О. Н.	усадьба	с. 24	1993, дело № 1519

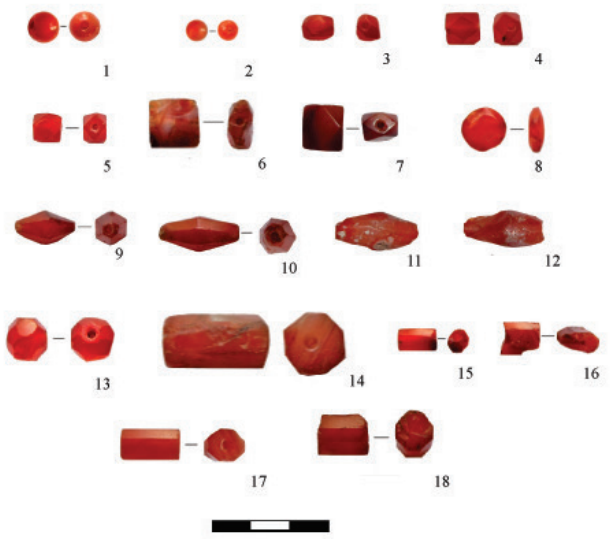

Рис. 1. Типология сердоликовых бус с территории Полоцкой земли.

1 -2 – шаровидные (Витебск, раскопки Т. С. Бубенько), 3 - 7 – 14-гранные (3 - 6 Витебск, раскопки Т. С. Бубенько, 7 - Друцк, раскопки Л. В. Алексеева), 5 - плоская дисковидная "монетовидная" (Витебск, раскопки Т. С. Бубенько); 9 - 12 - бипирамидальные (9 - 10 - Браслав, раскопки Л. В. Алексеева, 11 - 12 - Друцк, раскопки Л. В. Алексеева), 13 - 24-гранная (Витебск, раскопки Т. С. Бубенько), 14 - 18 - призматические (14 - Браслав, раскопки Л. В. Алексеева, 15 - 18 - Витебск, раскопки Т. С. Бубенько).

Ал-Бируни упоминает несколько разновидностей сердолика: кабади (насыщенный печеночно-красный цвет), мишмиши (цвет абрикоса), руми (желто-красный с влажным блеском), рутаби («цвет свежих фиников»), тамри («цвет сухих фиников»).

Следует отметить и тот факт, что в определенных регионах обычно пользовался популярностью какой-либо один сорт сердолика. Так, «руми» пользовался большим спросом в Византии, «рутаби» и «мишмиши» были наиболее популярны в Ираке, а жители Хорасана отдавали предпочтение темному «кабади» [1, с. 162]. На территории же Полоцкой земли можно наблюдать все вышеупомянутые разновидности.

Подобное разнообразие цветовой гаммы и небольшое количество рассматриваемых предметов может свидетельствовать о том, что сердоликовые бусы на территорию Полоцкой земли завозились спорадически и из различных регионов.

Хрустальные (кварцевые) бусы на территории Полоцкой земли не столь многочисленны как сердоликовые – всего их 38 (31 зафиксирована в отчетах). Бусы из горного хрусталя относятся к круглым, граненым и призматическим. Преобладают шаровидные и подшаровидные зонные бусины (60,6% и 12,12% соответственно). Призматические и граненые составляют 27,28% (рис. 2).

Хронология

В IX–XI – начале XII вв. в формах сердоликовых бус преобладают 14-гранные, шарообразные и призматические [8, с. 152]. В X–XII вв. бытуют бипирамидальные бусы [8, с. 152]. Основная масса

сердоликовых бус, выявленных в музеях изучаемого региона, имеет 14-гранную и призматическую форму. Следовательно, их можно датировать хронологическим отрезком с IX по конец XI – начало XII в., однако большинство из них выявлены в захоронениях X–XI вв. В XII в. приток сердоликовых бус прекращается, однако, ввиду прочности материала, они продолжают бытовать до XIII в. [8, с. 156]. Вероятно, основная масса сердоликовых бус поступила на территорию Полоцкой земли в X–XI вв., поскольку большинство этих украшений синхронны стеклянным бусам, поставлявшимся в северные торговые центры по Волжскому пути.

Рис. 2. Типология бус из горного хрусталя
с территории Полоцкой земли

1 - 3 - шаровидные (1-2 - Витебск, раскопки Т. С. Бубенько, 3 - Друцк, раскопки Л.В. Алексеева), 4 - зонная (Друцк, раскопки Л. В. Алексеева), 5 - призматическая (Витебск, раскопки Т. С. Бубенько), 6 -четырнадцатигранная (Витебск, раскопки Т. С. Бубенько), 7 - 8 - граненые (7-Витебск, раскопки Т. С. Бубенько, 8-поселение на Менке, раскопки Г. В. Штыхова)

Хрустальные 14-гранные, призматические и граненые бусы датированы IX–XII вв., шаровидные – X–XIII вв. [8, с. 156].

Места добычи сырья и места производства

Ал-Бируни указывает на два крупнейших месторождения сердолика – рядом с устьем Михрана (реки Инда) близ Баруса (современный город Бароч на западном побережье Индии) и в Йемене [1, с. 160–161]. Индийский сердолик имеет темно-красный цвет; йеменский отличается золотисто-желтой гаммой. Месторождения сердолика имеются в Грузии, Армении, вдоль побережья Каспийского моря в районе Махачкалы, в Центральном Дагестане, а также на территории Таджикистана и Узбекистана [4, с. 270–274].

На территории Полоцкой земли выявлены бусы из различных видов сердолика, но доминирует светлая оранжево-красная гамма.

Ареал распространения хрустальных бус соответствует территории распространения дирхемов и сердоликовых бус. Многочисленные месторождения горного хрусталя имеются также в Средней Азии – на территории современного Казахстана и Таджикистана (Памир). Ал-Бируни также указывает на острова Мадагаскар и Занзибар как на одно из месторождений горного хрусталя [1, с. 171]. Кроме этого, он упоминает о прямом экспорте горного хрусталя из Кашмира, как в виде сырья, так и изделий, в частности бус «бундук» (бусина размером с лесной орех) [1, с. 171].

Среднеазиатскими регионами, где камни, особенно сердолик, подвергались обработке, Ал-Бируни называет Кашмир, Бадахшан и Хорасан [3, с. 358].

Горный хрусталь обрабатывался в Басре [1, с. 171]. Оттуда эти бусины могли попадать как в Византию, так и в Иран и завозиться на славянские земли, соответственно по Днепровскому и Волжскому пути.

Семантика камня

Зачастую в научной литературе семантике полудрагоценных камней нет места, так как подобная информация изначально рассматривается как «несерьезная», «неважная» или даже «ненужная».

Однако данная составляющая важна и информативна, поскольку может помочь понять популярность тех или иных изделий и их распространение далеко за пределы места производства. Более того, магические свойства, приписываемые минералам, из которых изготавливались бусы, вполне могли формировать спрос на них и определять их стоимость. Нельзя обойти стороной и тот факт, что ближневосточные поверья о сакральных свойствах камней через купцов могли попасть и на славянские земли, что уже само по себе может быть расценено как культурный контакт между населением Полоцкой земли и регионами производства бус.

Изделия из сердолика пользовались спросом на обширнейшей территории, включающей в себя Европу и Азию, на протяжении многих тысяч лет. Поверья, окружающие этот минерал, обладают выраженным сходством во всех регионах, где он пользовался спросом.

Так, в индийской мифологии сердолик издавна связывался с нижними чакрами, отвечающими за

репродуктивную функцию. Кроме этого, в Индии сердолик рассматривался как талисман, способный привлекать богатство.

О популярности сердолика в античном мире говорит Плиний Старший в тридцать седьмой книге своей «Естественной истории», упоминая, что камень обладает успокаивающим действием.

О подобном действии сердолика упоминает Авиценна в своем «Каноне врачебной науки». Великий врачеватель говорит о сердолике как об успокаивающем средстве, помогающем при заболеваниях сердца [2, т. 3–1, с. 537], и компоненте мази, предписанной при заболеваниях сердца и суставов [2, т. 5, с. 60]. Кроме этого, в исламском мире сердолик рассматривался как талисман богатства. Пророку Мухаммеду приписываются следующие слова: «Кто носит в перстне сердолик, тот постоянно пребывает в благоденствии» и «Носите перстень с сердоликом, ибо, поистине, он изгоняет бедность» [7, с. 64].

В Византии сердолик применялся для лечения кровотечений, язв, а также для облегчения родов. Епифаний Кипрский, видный церковный деятель V века, в своем трактате «О камнях» говорит о сердолике: «Этот камень прозрачно-блестящий. Он имеет и врачебную силу: им пользуются врачи при опухолях и других поражениях, бывающих от железа» [6, с. 267–278].

Однако сердолик пользовался спросом не только в Азии, но и в Западной Европе. Средневековые западноевропейские лапидарии несут подробную информацию о сердолике. Одной из наиболее известных подобных работ является «Лапидарий» Марбода Ренского, датируемый XI веком.

Так, в указанном источнике о сердолике сказано следующее:

«Ведь этот камень, когда его носят на пальце иль шее,
Ярости вспышки смиряет, которые в споре возникли <…>
Кровотечения он прекращает из органов, если ж

Женщина этим страдает, то он помогает сугубо» [5, с. 45].

Таким образом, можно заметить, что практически на всей территории бытования сердолику приписываются одни и те же свойства: он обладает успокаивающими свойствами, исцеляет раны, помогает при женских проблемах. Вполне возможно, что северные торговцы, приобретая сердоликовые бусы для дальнейшей продажи, могли слышать о подобных поверьях и впоследствии рассказывать о свойствах сердолика своим покупателям. Возможно, что и стоимость такого «чудодейственного» камня могла быть высокой. О том, что на территории Полоцкой земли сердоликовые бусины были маркером некой элитарности, свидетельствует их малое количество. Не исключено, что в данных случаях сердоликовые бусины могли выполнять функцию не только престижного украшения, но и специфического женского амулета.

На территории Полоцкой земли на момент данной работы были выявлены 168 бусин из сердолика и горного хрусталя. Учитывая массовый характер находок данных предметов, их изготовление по достаточно четко определенным стандартам, широкое распространение в многочисленных географических регионах, удаленных друг от друга, о каменных бусах с уверенностью можно говорить как о товаре и предмете массового импорта. Наличие же предметов товарообмена среднеазиатского происхождения в Северной и Центральной Беларуси является прямым доказательством существования экономических контактов между Полоцкой землей и регионами изготовления каменных бус. Безусловно, торговля с вышеуказанными регионами была опосредованной, что, однако, не умаляет важности этих контактов и их стимулирующей роли для развития экономики Полоцкой земли.

Наличие подобных контактов свидетельствует о включении Полоцкой земли в широкую инфраструктуру международных культурно-экономических отношений в период Средневековья.

Список использованной литературы

1. Ал-Бируни, Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия) / Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед Ал-Бируни. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1963. – 518 с.
2. Ибн-Сина. Канон врачебной науки / Абу Али Ибн-Сина (Авиценна) ; [Предисл. действ. чл. Акад. мед. наук СССР В.Н. Терновского] ; [Вступ. статья Б.Д. Петрова, с. XI–LXI. К 1000-летию со дня рождения Ибн Сины] ; Акад. наук Узб. ССР. Ин-т востоковедения. – Ташкент : Изд-во Акад. наук УзССР, 1954–1960.
3. Леммлейн, Г.Г. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни / Г.Г. Леммлейн // Собрание сведений для познания драгоценностей : (минералогия) / Ал-Бируни, Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ; пер. А.М. Беленицкого ; ред.: Г.Г. Леммлейна, Х.К. Баранова, А.А. Долинина. – Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 292–401.

4. Марковин, В.И. Сердолик – «камень счастья» / В.И. Марковин // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1965. – № 130. – С. 270–274.
5. Реннский, М. Лапидарий / М. Реннский // Литературные памятники: Валафрид Страбон, Вандальберт Прюмский, Марбод Реннский : поэмы. – Москва : Наука, 2000. – С. 17–42.
6. Творенія святаго Епифанія Кипрскаго. Часть шестая. – Минск : Типографія М. Н. Лаврова и К°, 1884. – С. 267–278.
7. Фахретдинова, Д.А. Ювелирное искусство Мавераннахра / Д.А. Фахретдинова // Художественная культура Средней Азии IX–XШ вв. – Ташкент : Изд-во лит. и искусства, 1983. – С. 64.
8. Фехнер, М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни / М.В. Фехнер // Труды Государственного исторического музея. – Москва : Гос. ист. музей, 1959. – Вып. 33. – С. 49–224.

И.А. Крайнева
г. Новосибирск, Россия

ТЕХНОЛОГИЯ И МЕТОД ЭЛЕКТРОННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФАКТОГРАФИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-49-540001 «Их именами названы институты Новосибирска: история жизнедеятельности выдающихся учёных XX века».

Аннотация: Статья представляет краткое изложение двадцатилетних исследований, проведенных в Институте систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН в области технологии и метода электронной исторической фактографии, создания электронных архивов. Феномен электронного архива возник и развивался в рамках новосибирской школы информатики, которая всегда была ориентирована на социальный заказ. За прошедшие годы ИСИ СО РАН реализовал ряд проектов по оцифровке историко-культурного наследия Сибирского отделения Российской академии наук. Эта работа приобрела особую актуальность ввиду продолжающейся реформы РАН.

Ключевые слова: академик А.П. Ершов, открытые цифровые архивы, электронная историческая фактография, DRUPAL.

I.A. Kraineva
Novosibirsk, Russia

TECHNOLOGY AND METHOD OF ELECTRONIC HISTORICAL FACTOGRAPHY

Abstract: The article presents a brief summary of the twenty years of research carried out at the A.P. Ershov Institute of Informatics Systems SB RAS in the area of developing electronic archives for heterogeneous documents. The phenomenon of electronic archives emerged and has been developing as part of the Novosibirsk school of informatics, which has always been oriented towards the contracting of social services. Over the years, the IIS SB RAS has completed a range of projects on digitizing historical and cultural heritage of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. This work has become especially relevant in view of the ongoing restructuring of the Russian academic science.

Keywords: academician A.P. Ershov, open digital archives, digital historical factography, DRUPAL.

Электронная историческая фактография, технология и метод – совокупность приемов, на основе которых создаются специальные информационные системы (ИС) для размещения массива разнородных документов в Сети, систематизации их путем установления связей между сущностями, отраженными в документах. Как феномен это направление возникло и развивается в

рамках Новосибирской школы информатики, которая традиционно была ориентирована на социальный заказ. Первыми гуманитарными проектами в 1970-е гг. здесь стали образовательные инициативы в школьной среде, которые позднее нашли свое отражение в известном афоризме А.П. Ершова «Программирование – вторая грамотность» [2]. Специфика Интернет-ресурсов, созданных в ИСИ и под эгидой ИСИ, состоит в том, что их основное содержание составляют материалы по истории развития науки и техники в Сибирском отделении Академии наук СССР – Российской академии наук.

Датой рождения метода электронной исторической фактографии можно считать 1999 г., когда в Институте систем информатики СО РАН началась работа над Автоматизированной информационной системой создания и поддержки электронного архива документов – цифрового архива академика Андрея Петровича Ершова (1931–1988). Руководили проектом директор ИСИ д.ф.-м.н. А.Г. Марчук и научный сотрудник лаборатории САПР и А СБИС В.Э. Филиппов. Разрабатывали систему магистранты механико-математического факультета Новосибирского государственного университета А.Н. Немов, К.В. Федоров и бакалавр С.В. Антюфеев. В разработке концепции системы принимали участие математик к.ф.-м.н. М.А. Бульонков, матлингвист Н.А. Черемных, историк И.А. Крайнева. Большой вклад в описание документов архива в ИС внесли А.Ф. Рар, Л.Л. Змиевская, Н.А. Полюдова, А.А. Бульонкова. Идея создания электронной версии архива была поддержана рядом отечественных и зарубежных IT–компаний (Microsoft Research, xTech, Atapy Software, УНИПРО). Термин «электронная историческая фактография» был предложен сотрудницей ИСИ СО РАН к.ф.-м.н. Л.В. Городней несколько позже.

Метод электронной (цифровой) исторической фактографии предполагает публикацию исторических источников в Интернет-ориентированных информационных системах в соответствии с правилами публикации архивных документов, с указанием источника их поступления и некоторых типологических признаков, таких как тип документа, автор и адресат (будь то физическое или юридическое лицо), датировка, географические данные. ИС предлагает технологические приемы, позволяющие устанавливать связи между этими сущностями предметной области. Цитирование документов из электронного архива обеспечивается как электронной ссылкой, так и возможностью указать на дело и лист в архиве (в частности, в архиве А.П. Ершова, в других архивах, – если документы поступили из государственных хранилищ).

В Новосибирском научном центре осуществление проектов по созданию электронных архивов различных документов стало возможным после реализации проекта «Сеть Интернет Новосибирского научного центра» (1994–1998), который был поддержан фондом Сороса, РФФИ и INTAS[1], в результате все институты и организации ННЦ СО РАН СО РАН получили бесплатный доступ к Интернету [1].

В реализованных ИСИ СО РАН и партнерами проектах по созданию цифровых архивов актуализировалась задача обеспечения качественной информацией научного сообщества. Появление, распространение и использование специального инструментария – информационных систем (ИС), которые способствуют продвижению и систематизации информации в профессиональных, в том числе, гуманитарных сообществах, является одним из доминирующих направлений междисциплинарного научного сотрудничества.

Первым академическим цифровым проектом стал «Электронный архив академика А.П. Ершова» (http://ershov-arc.iis.nsk.su/archive/). Физический архив академика А.П. Ершова (1931–1988) составляет свыше 550 дел и хранится в ИСИ СО РАН, в Мемориальной библиотеке его имени. Помимо материалов А.П. Ершова на платформе его электронного архива размещены документы, тематически связанные с данным корпусом и посвященные истории ИСИ СО РАН, Ершовской мемориальной конференции «Перспективы систем информатики» (PSI), Временному научному коллективу (ВНТК) «Старт», а также архив члена-корреспондента АН СССР Святослава Сергеевича Лаврова (1923–2004), Санкт-Петербург. Работа над публикацией архива Лаврова в Интернете была инициирована и поддержана его учениками И.Р. Агамирзяном и В.М. Нестеровым. В на-

[1] INTAS – The International Association for the Promotion of Co-operation with Scientists from the New Independent States of the Former Soviet Union – международная ассоциация по содействию сотрудничеству с учеными новых независимых государств бывшего Советского Союза. являлся некоммерческой организацией и финансировался главным образом из бюджета Европейского Союза. Функционировал в 1993-2006 гг. и являлся крупнейшим фондом, поддерживающим научное сотрудничество между учёными стран бывшего СССР и Европейского Союза.

стоящее время студент механико-математического факультета НГУ С.Н. Трошков [9] под руководством программиста 1 категории ИСИ СО РАН М.Я. Филипповой осуществляет миграцию Электронного архива А.П. Ершова на платформу Drupal.

По завершении проекта Электронного архива А.П. Ершова в преддверии 50-летия Сибирского отделения РАН инициативная группа ИСИ СО РАН под руководством д.ф.-м.н. А.Г. Марчука приступила к реализации проекта «Электронный фотоархив СО РАН» (http://www.soran1957.ru (2005–2009). Участники проекта П.А. Марчук, И.Ю. Павловская, С.И. Жуковская, Л.А. Демина, А.А. Фурсенко, И.А. Крайнева. Этот ресурс объединил разрозненные коллекции фотографий по истории науки в Сибири в единый корпус документов, которые поступали от фотокорреспондентов, организаций (Музей СО РАН, Выставочный центр СО РАН, Группа прессы СО РАН, институты Отделения), из частных собраний [6]. Продолжается пополнение фотоархива СО РАН уже преимущественно за счет частных коллекций, процесс поддерживается распространением информации о созданном ресурсе. Полезность проделанной работы состояла не только в аккумулировании коллекций, но и в том, что многие фото были достоверно аннотированы благодаря их открытой публикации[4]. База данных фотоархива в настоящее время содержит информацию о более чем 7 тыс. персонах, 2 тыс. организациях и мероприятиях, в архиве размещено около 25 тыс. фотодокументов.

На платформе Электронного фотоархива СО РАН размещен также цифровой архив еженедельника Сибирского отделения РАН «Наука в Сибири» (до 1983 г. «За науку в Сибири»), который выходит с 1961 г. и ведет свой веб-сайт [8]. Этот архив тематически связан с фотоархивом, его систематизация осуществлялась на основе привязки к тем сущностям, которые выявлены в фотоархиве (персоны, организации, мероприятия, и т.д.). Сохранить качество и минимизировать объем передаваемой и обрабатываемой на стороне клиента информации позволяет технология Deep Zoom – решение для web-публикации изображений высокого разрешения от Microsoft Research. Использована также технология Silverlight в браузере пользователя, она позволяла обозревать изображение в целом, приблизить некоторую область, выделить ее и привязать к сущностям предметной области, при этом в дальнейшем приложение скачает с сервера только попавшие в эту область масштабируемые фрагменты [7]. Данная область, как правило, соответствует определенной статье или комплексу статей, связанных с сущностями архива. Это позволяло получать не только визуальную, но и текстовую информацию по теме. Насколько нестабилен результат использования подобных инструментов, мы убедились, используя технологию Silverlight. В настоящее время Microsoft Research прекратил ее поддержку, и мы находимся в поиске иного решения.

Опыт работы в вышеописанных проектах позволил расширить тематический охват исторических источников по истории науки в Сибири. В 2012–2014 гг. выполнен интеграционный проект фундаментальных исследований Президиума СО РАН «Открытый архив СО РАН как система представления, накопления и систематизации научного наследия» (http://odasib.ru/). В данном проекте, помимо ИСИ СО РАН, участвовал ряд гуманитарных институтов СО РАН: Институт истории, Институт археологии и этнографии, Государственная публичная научно–техническая библиотека, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, музейные подразделения данных институтов. Каждый из участников проекта представил свою специфическую коллекцию, собранную в процессе профильной деятельности. Материалы электронных архивов, созданных в ИСИ СО РАН, активно используются в научной, научно-просветительной, музейной работе, средствами массовой информации, с использованием документов проводятся конкретно-исторические исследования [3, 5, 10]. Сотрудники ИСИ СО РАН поддерживают данные ресурсы, постоянно пополняя контент.

Проекты по созданию открытых архивов СО РАН весьма актуальны в настоящее время. Научный архив СО РАН не только не участвует в оцифровке своих коллекций, но даже не имеет своего представительства в Интернете. НАСО – большая проблема СО РАН и Министерства науки и образования РФ. Структурные изменения в связи с реформой РАН, происходящие в Сибирском отделении РАН, пока оставляют без внимания архивную деятельность Отделения. Поэтому неясна судьба Научного архива СО РАН. Это ценнейшее собрание документальной информации о развитии науки в Сибири находится под угрозой запустения, поскольку в Президиуме СО РАН нет средств на его содержание, а главное, развитие. Научный архив СО РАН создавался одновременно с Сибирским отделением Академии наук (1958), располагает богатейшим массивом репрезентативных источников по истории науки в Сибири. Документальный массив

Научного архива СО РАН – 86 фондов, 52219 дел, в том числе 9356 персональных дел. В настоящее время в архиве не ведется работа по цифровой обработке фондов для служебных и публичных целей, архив не имеет собственных электронных ресурсов (при наличии Сети в здании Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН, где он находится). С целью сохранения уникальных исторических документов необходимо провести их оцифровку, организовать постоянное серверное хранение массива, используя облачные технологии. На основе проекта «Открытый архив СО РАН», который соответствует общероссийской тенденции по широкому использованию информационно-коммуникационных технологий в сфере культуры и науки, ИСИ выступил инициатором организации архивной работы в Сибирском отделении РАН.

Список использованной литературы

1. Бредихин, С.В. История проекта «Сеть Интернет Академгородка» / С.В. Бредихин // Институт вычислительной математики и математической геофизики (ВЦ) СО РАН: Страницы истории. Отв. ред. Б.Г. Михайленко; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т вычислительной математики и математической геофизики. – Новосибирск : Академическое издательство «Гео», 2008. – С. 460–479.
2. Ершов, А.П. Программирование – вторая грамотность / А.П. Ершов. – Новосибирск : ВЦ СО АН СССР, 1981. – 18 с.
3. Крайнева, И.А. Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН: Мастер. Проповедник. Лидер / И.А. Крайнева. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. – 386 с.
4. Крайнева, И.А. Фотодокументы как источник по истории сибирской науки: на материалах фотоархива СО РАН / И.А. Крайнева // Вестник ТГУ. – 2014. – № 379. – С. 136–139.
5. Крайнева, И.А. Переписка математика А.А. Ляпунова 1941–1945 гг. как источник по истории науки и повседневности в период Великой Отечественной войны / И.А. Крайнева // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 399. – С. 97–105.
6. Крайнева, И.А., Марчук, А.Г., Марчук, П.А. Технологический и гуманитарный аспекты исторической фактографии / И.А. Крайнева, А.Г. Марчук, П.А. Марчук // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения». Новосибирск, 3–5 октября 2011 г. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2011. – С. 182–189.
7. Лештаев, С.В., Марчук, А.Г. Система создания электронных архивов газет с поиском по ключевым словам / С.В. Лештаев, А.Г. Марчук // Системная информатика. – 2014. – № 3. – С.1–11.
8. Наука в Сибири [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sbras.ru/HBC/
9. Трошков, С.Н. Миграция веб-ориентированных приложений на свободно распространяемое ПО с открытым кодом. Выпускная квалификационная бакалаврская работа / С.Н. Трошков. – Новосибирск : НГУ, 2016. – 25 с.
10. Tatarchenko, K.A. A House with the Window to the West: The Akademgorodok Computer Center, 1958–1993: A dissertation presented to the faculty of Princeton university in candidacy for the degree of doctor of philosophy / K.A. Tatarchenko. – Princeton, NJ : Princeton University, 2013. –405 p.

К.Ю. Мащенко
г. Горно-Алтайск, Россия

ШКОЛЬНЫЕ МУЗЕИ КАК ХРАНИТЕЛИ И ТРАНСЛЯТОРЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Аннотация: В статье рассматривается деятельность школьных музеев в сохранении историко-культурного наследия Республики Алтай. В работе освещается специфика и содержание деятельности школьных музеев, их роль в сохранении и популяризации памятников истории и культуры региона. А также анализируется нормативно-правовая база музеев образовательных организаций.

Ключевые слова: школьные музеи, сохранение и популяризация, историко-культурное наследие, нормативно-правовая база.

K.Yu. Mashchenko
Gorno-Altaysk, Russia

SCHOOL MUSEUMS AS KEEPERS AND TRANSLATORS OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE ALTAI REPUBLIC

Abstract: The article considers the activities of school museums in preservation of the historical and cultural heritage of the Altai Republic. The paper highlights the specifics and content of school museums, their role in preservation and promotion of the region's historical and cultural monuments. The author also analyzes the regulatory legal acts of museums and educational organizations.

Keywords: school museum, preservation and popularization, historical and cultural heritage, regulatory legal acts.

Республика Алтай является уникальным и самобытным регионом нашей страны. Ее территория богата памятниками природы, истории и культуры, обладает уникальным природным и историко-культурным наследием. Историко-культурное наследие определяет особенность региона и нуждается в особо организованном сохранении и популяризации, что во многом определяет деятельность музеев как учреждений, одним из основных направлений деятельности которых является сохранение памятников прошлого посредством их музеефикации или музейного хранения [4, с. 338]. Сохранением историко-культурного наследия, помимо государственных, занимаются и музеи образовательных учреждений (школьные музеи), деятельность которых также направлена на сбор, хранение и экспонирование коллекций подлинных памятников материальной и духовной культуры.

В Горно-Алтайской автономной области (ныне – Республика Алтай) вопрос о создании сети школьных музеев впервые был поставлен в 1930-е гг. когда в регионе на подъеме краеведческого движения повысился интерес к сбору коллекций по истории родного края. Особое место в этом деле занимала школа, посредством которой планировалось вести пропаганду охраны историко-культурного наследия региона, а обучающихся привлечь к сбору этнографических предметов [2, с. 139]. Однако к 1930 г. в Ойротской автономной области уже существовали два школьных музея, в чьих собраниях хранились уникальные предметы истории и культуры региона. Это этнографический музей в селе Бешпельтир Элекманароского аймака Ойротской автономной области (с 1948 г. Горно-Алтайская автономная область), был открыт в 1920 г. учителем «массовой школы» А. Тюмаковым. В музее были собраны этнографические предметы шаманского культа и предметы быта. В 1921 г. школьный музей в селе Черный-Ануй Усть-Канского аймака Ойротской автономной области был создан по инициативе учителя П. Мальгина. В музее были собраны предметы, относящиеся к периоду Гражданской войны на Алтае [2, с. 139].

В 1930-е гг. в области были созданы школьные музеи в селах Турачак и Чемал. В 1933 г. на территории Улаганского аймака был открыт краеведческий музей заведующим учебной частью Ф.Т. Таштамышевым в Челушманской школе коммунистической молодежи. В собраниях музея находились свыше 120 этнографических предметов, образцы флоры, горных пород и минералов [2, с. 140].

Тем не менее, начавшийся во второй половине 1930-х гг. процесс формирования сети школьных музеев был приостановлен до 1960-х гг. Этому способствовала политика государства, годы Великой Отечественной войны, трудный послевоенный восстановительный период.

В 1960–1980 гг. в стране отмечается активный рост сети школьных музеев, связанный с возобновлением интереса к истории и культуре родного края, подъемом краеведческого движения и заинтересованностью в сохранении памяти о Великой Отечественной войне. В Горно-Алтайской автономной области в 1970 г. насчитывалось 6 школьных музеев, 13 комнат и 65 уголков боевой и трудовой славы, 4 ленинских зала, 50 комнат и 124 ленинских уголка [5, с. 12]. В 1970–1980-е гг. было зарегистрировано около 30 школьных музеев, 93 зала боевой

и трудовой Славы, 69 ленинских залов, 33 краеведческих уголка [2, с. 146].

В Горно-Алтайской автономной области открывались школьные музеи различной профильной направленности, такие, как военно-исторические, историко-краеведческие, историко-этнографические, комплексно-краеведческие, краеведческие и др. Независимо от профиля основными видами их деятельности являлись поисковая, научно-исследовательская, экскурсионно-просветительская, образовательная и научно-фондовая. В фондах школьных музеев были собраны археолого-этнографические предметы, коллекции быта и домашнего обихода, предметы военных лет, фотодокументальные и вещественные материалы об участниках Великой Отечественной войны, гербарии, пионерская атрибутика и др.

Однако процесс стихийного формирования школьных музеев, увеличение количества хранящихся в их собраниях предметов истории и культуры, относящихся к историко-культурному наследию, выявили проблему в сохранности музейных предметов, которые после их закрытия попадали в списки утерянных. С целью решения данного вопроса министерствами культуры и просвещения СССР предпринимались различные меры.

В 1962 г. Научно-исследовательским институтом музееведения Министерства культуры РСФСР было издано методическое пособие, в котором были даны рекомендации по организации и содержанию деятельности школьных музеев. Также в нем отразилась и позиция органов культуры по отношению к школьным музеям как к потенциальным помощникам государственных музеев в деле сохранения, популяризации и использования памятников истории и культуры как национального достояния. Эти взгляды были также отражены и в «Положении о музейном фонде Союза ССР, утвержденном приказом Министра культуры СССР № 273 от 26 июля 1965 г. во исполнение постановления Совета Министров СССР от 2 июня 1965 г. №428 «О музейном фонде Союза ССР» [7, с. 26].

В 1970–1980-е гг. был принят ряд новых нормативно-правовых документов, относящихся к деятельности школьных музеев. В 1974 г. впервые было принято и утверждено «Положение о школьном музее» [2, с. 147]. Согласно документу, подлинные предметы, которые находились в ведении школьных музеев, должны были включаться в состав музейного фонда СССР и подлежали обязательному учету в инвентарной книге государственного музея соответствующего профиля. Ежегодно школьные музеи были обязаны сообщать государственному музею обо всех поступлениях к ним подлинных памятников. Материалы, которые представляют особую историко-культурную ценность, передавались в ведение соответствующего государственного музея. Важным в положении являлось и то, что в случае прекращения деятельности школьного музея подлинные памятники также переходили на хранение в государственные музеи [2, с. 147]. В 1985 г. приказом Министерства просвещения СССР было утверждено новое «Положение о школьном музее». Отличительной особенностью положения являлось то, что подлинные предметы, входящие в состав фондов школьных музеев, прекративших свое существование, могли быть переданы не только в государственные, но и в общественные музеи. В «Положении о школьном музее» впервые было обозначено ответственное лицо, отвечающее за сохранность фондов. Им являлся директор образовательной организации, в котором располагался музей [8, с. 9].

Благодаря постепенно складывающимся связям и активной работе со школьными музеями, многие государственные музеи страны начали разрабатывать научные рекомендации, регламентирующие деятельность школьных музеев, и методические указания по учету и хранению фондов. Разработанные научно-методические пособия, положения, рекомендации непосредственным образом способствовали сохранению памятников истории и культуры, сосредоточенных в них. В целях устранения недочетов были организованы межведомственные советы по координации деятельности государственных и школьных музеев, а также музейные комиссии при отделах народного образования [3, с. 46]. Так, при Горно-Алтайском облисполкоме в 1984 г. была сформирована комиссия по проведению паспортизации школьных и общественных музеев. Горно-Алтайским областным краеведческим музеем были взяты на учет более двух тысяч экспонатов основного фонда общественных музеев области [2, с. 147].

Большой вклад в становление и развитие школьных музеев внес Горно-Алтайский областной краеведческий музей (ныне – Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина) – единственный государственный музей Горно-Алтайской автономной области, история которого началась в 1918 г. с приобретения первых коллекций. С 1930-х гг. государственный музей осуществлял научно-методическую помощь не только обществен-

ным музеям области, но и школьным. С 1960-х гг. сотрудниками Горно-Алтайского областного краеведческого музея систематически проводилась научно-методическая работа, оказывалась помощь школьным музеям по научно-исследовательской, научно-фондовой, экспозиционно-выставочной, культурно-образовательной деятельности.

С конца 1980-х годов в Горно-Алтайской автономной области курирование школьных музеев осуществляла Республиканская станция юных туристов. Сотрудники станции проводили смотры-конкурсы школьных музеев, слеты, соревнования, организовывались и туристическо-краеведческие походы, экспедиции, благодаря которым пополнялись собрания школьных музеев и открывались новые. При помощи Горно-Алтайского областного краеведческого музея сотрудники Республиканской станции юных туристов осуществляли паспортизацию школьных музеев [2, с. 148].

В 1990-х гг. школьные музеи переживают кризис и подвергаются модификациям, связанным с изменениями в общественно-политической и экономической жизни страны. В связи с расширением школьных программ, отсутствием преемственности в работе музейных руководителей многие школьные музеи прекратили свою деятельность. В силу смены идеологических приоритетов закрывались или перепрофилировались ленинские, историко-революционные музеи, музеи пионерской и комсомольской славы, музеи интернациональной дружбы и др. [1, с. 4]. В конце 1990-х гг. открываются новые школьные музеи различного профиля, реконструируются и обновляются уже существующие.

Вначале 2000-х гг. начинается устойчивый рост школьных музеев во многих субъектах РФ. Также их активное развитие наблюдается как в плане количества школьных музеев, так и в расширении их тематики. Большое распространение получают музеи краеведческой, этнографической, мемориальной направленности.

Таким образом, в Горно-Алтайской автономной области во второй половине XX века была сформирована обширная сеть школьных музеев. Практически во всех муниципальных образованиях были школьные краеведческие музеи, комнаты Боевой и Трудовой Славы, Ленинские залы, в фондах которых было собрано большое количество памятников материальной и духовной культуры. Создаваясь энтузиастами, музеи в большинстве своем из-за отсутствия учетно-хранительской документации, плохо налаженной научно-методической работы, частой смены руководителей, подлежали закрытию либо реорганизации, а музейные предметы были повреждены или утеряны. С целью устранения данной проблемы была создана нормативно-правовая база для школьных музеев, которая способствовала закреплению основных форм организации и деятельности школьных музеев, обозначила и укрепила их связь с государственными музеями и органами культуры, в сфере сохранения подлинных памятников материальной и духовной культуры, естественной истории. Тем самым, положительный опыт школьных музеев способствует сохранению и изучению локальной истории района, села, школы и создает возможности для осуществления государственной политики в области образования, охраны памятников истории и культуры.

Список использованной литературы

1. Анчиков, А.П. В помощь активистам музея образовательной организации: методическое пособие [Электронный ресурс] / А.П. Анчиков. – Электрон. текстовые данные. – 2016, с. 4. – Режим доступа: https://turist.edu.yar.ru› v_pomoshch_aktivistam_muzeya_oo (дата обращения: 16.09.2019).
2. Белекова, Э.А. История музейного дела в Республике Алтай (1918–2009) : дис… канд. ист. наук : 07.00.02 / Э.А. Белекова. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2010. – 255 с.
3. Леонов, Е.Е. Исторический аспект появления и развития школьных музеев в России: периодизация, проблемы, особенности работы / Е.Е. Леонов // Вестник КемГУКИ. – 2011. – № 17. – С. 39–49.
4. Мастеница, Е.Н. Деятельность по сохранению и использованию культурного наследия: основания и смыслы / Е.Н. Мастеница // Основы культурологи : учебн. пособие / отв. ред. И.М. Быховская. – Москва : Едиториал УРСС, 2005. – С. 337–361.
5. Отчет о работе Горно-Алтайского областного краеведческого музея за 1970 г. // НМРА. – Оп. 1. – Л. 1–23.
6. Примерное положение о музее образовательного учреждения (школьном музее) : приложение к письму Минобразования России от 12.03.2003. № 28-51-181/16. «О деятельности музеев образовательных учреждений» / Фондовая работа в школьном музее (методические рекомендации). – Москва, 2006. – С. 62–64.
7. Туманов, В.Е. Школьный музей. Методическое пособие. Изд. 2-е, исправл. / В.Е. Туманов. – Москва : ЦДЮТиК, 2003. – 154 с.
8. Фондовая работа в школьном музее (методические рекомендации). – Москва, 2006. – 90 с.

Ю.Н. Мостяев, В.Н. Минат
г. Рязань, Россия

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: В настоящей работе рассмотрено становление и взаимосвязь двух глобальных понятий – историко-культурного наследия и устойчивого развития общества, сочетание которых призвано научно обосновать возможность существования общества ноосферного типа. Отмечается, что современное понимание устойчивого развития расширило его рамки от первоначальной экологической в целом парадигмы, до сложной и диалектичной системы, включающей экологические, социо-экономические и социо-гуманитарные компоненты. В этой системе вопросы, связанные с историко-культурным наследием, приходятся на стык экономической и социальной сфер. Авторы особо подчеркивают, что историко-культурное наследие выступает неисключаемым общественным благом и потенциально доступно для пользования каждому члену общества, а не только своему обладателю.

Ключевые слова: устойчивое развитие общества, историко-культурное наследие, культурное наследие, общественные блага, повышения качества жизни населения.

Yu.N. Mostyaev, V.N. Minat
Ryazan, Russia

PRESERVATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE AS AN INTEGRAL COMPONENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Abstract: In this paper we consider the formation and relationship of two global concepts - historical and cultural heritage and sustainable development of society, the combination of which is designed to scientifically justify the possibility of the existence of a noosphere-type society. It is noted that the modern understanding of sustainable development has expanded its scope from the original ecological paradigm in general, to a complex and dialectical system that includes environmental, socio-economic and socio-humanitarian components. In this system, issues related to historical and cultural heritage fall at the intersection of the economic and social spheres. The authors emphasize that historical and cultural heritage is a non-exclusive public good and is potentially available for use by every member of society, not just its owner.

Keywords: sustainable development of society, historical and cultural heritage, cultural heritage, public goods, improving the quality of life of the population.

В современном обществе все большее значение придается концепции устойчивого развития – по сути, последней по времени глобальной политико-экономической концепции развития общества. Концепция устойчивого развития оформилась в 1980-х гг., хотя многие ее положения перекликаются с концепцией ноосферы, предложенной академиком В.И. Вернадским еще в первой половине XX в. Авторы концепции устойчивого развития важнейшую роль в развитии человечества отводили разуму. Однако, если оптимистичная концепция Вернадского во многом была философской, то появление концепции устойчивого развития имело самые объективные причины – к 1970-м гг. разрастающиеся экологические проблемы начали сдерживать социально-экономическое развитие отдельных стран и человечества в целом [4].

В 1980 г. термин «устойчивое развитие» был впервые употреблен в международном документе – Всемирной стратегии охраны природы, разработанной Международным союзом охраны природы и природных ресурсов (МСОП) при поддержке таких организаций, как ООН, Всемирный фонд дикой природы, ЮНЕСКО и т. п. Впрочем, в стратегии понятие устойчивого развития не было расшифровано. Лишь в 1987 г. Международная комиссия по окружающей среде и развитию в докладе «Наше общее будущее» сформулировала понятие «устойчивое развитие» как развитие, при котором общество «удовлетворяет потребности настоящего времени, и при этом не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [1, с. 16]. Данное понимание устойчивого развития стало впоследствии основным.

Таким образом, можно сказать, что цели устойчивого развития совпадают с целями цивилизации в целом. В этом свете устойчивое развитие можно охарактеризовать как социально желательное, экономически жизнеспособное и экологически устойчивое развитие общества. Такая характеристика подразумевает тесную взаимосвязь экологических, социальных и экономических целей, на удовлетворение которых в комплексе и нацелено устойчивое развитие. Тем не менее, весьма часто понимание устойчивого развития сводится в основном к вопросам, так или иначе связанным с экологией и воздействием, оказываемым на окружающую среду деятельностью человека. Причинами того являются как описанные выше исторические особенности появления данной концепции, так и сложность корректного перевода на другие языки весьма многогранного английского слова «sustainable» [7, с. 49]. Сужение понимания проблематики устойчивого развития до сферы экологии характерно и для России.

Устойчивость общественного развития сегодня непосредственно связывается с культурой. В документах и решениях ЮНЕСКО подчеркивается, что между сообществами и культурой в целом должны существовать отношения, которые бы характеризовались «прививкой» понятий «развитие» и «устойчивость», раскрывается содержание видов деятельности в области культуры, поддержка которых может реформировать стратегии развития в XXI веке.

Современное понимание устойчивого развития расширило его рамки от первоначальной экологической в целом парадигмы до сложной и диалектичной системы, включающей экологические, социо-экономические и социо-гуманитарные компоненты. Поскольку человеческая цивилизация находится в состоянии перехода к новой эпохе на основе радикального изменения целей, направлений и содержания различных сфер человеческой деятельности, сохранение культурных кодов, преемственность в развитии культуры приобретает актуальное значение.

Изменение подходов к историко-культурному наследию в России в последнее десятилетие обусловило переход от понятия «памятник истории» к понятию «физический исторический ресурс» и «объект наследия». Сегодняшнее понимание культурного наследия включает не только памятники культуры и истории, но и окружающую их природную и территориальную среду, уникальные историко-ландшафтные территории, инженерные сооружения, нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, включая, таким образом, как материальные (физические), так и нематериальные (духовные) компоненты.

В подходах к материальному культурному наследию имеет место недооценка теоретического осмысления его современной роли. Должны быть признаны и подробно проанализированы следующие аспекты его значения «…как ресурса развития: роль в формировании идентичности, поддержании мира и стабильности, а также сохранении культурного многообразия, ибо культурное наследие является для локальных сообществ своеобразным фильтром, через который воспринимаются глобальные изменения» [5, с. 35]. Помимо этого важна его роль в формировании социального капитала, поддержании занятости. Взаимодействие различных акторов в проектах по защите культурного наследия усиливает общественное согласие. На базе использования культурного наследия местное сообщество может выстроить эффективные социальные стратегии, направленные на преодоление бедности, создать новые кластеры экономики для местного населения, расширить рынок культурных услуг и продуктов, развивать туризм и в целом материальную базу сферы культуры.

Значимость культурного наследия обусловливает необходимость анализа тех угроз и вызовов, которые современный мир несет культурному насле-

дию, если оно не включено в процесс устойчивого развития. Требуют изучения принципиально новые феномены в сфере культурного наследия, прежде всего связанные с процессом «виртуализации» в информационных сетях, и их влияние на ценность культурного наследия и его роль в устойчивом развитии. Нуждается в уточнении круг понятий и дефиниций, связанных с культурным наследием.

Поскольку успех использования культурного наследия как средства социального и экономического развития, прежде всего, может быть продемонстрирован через менеджмент соответствующих проектов, особое значение приобретает выработка соответствующих стратегий и разнообразных подходов, которые бы позволили сохранить его богатство и передать будущим поколениям во всем многообразии его форм. Одной из насущных задач отечественной теории и практики политики в сфере культурного наследия является «преодоление отставания Российской Федерации в сфере использования наследия от многих стран мира, его широкое включение в концепции устойчивого развития как отдельно взятых регионов, так и страны в целом, совершенствование организационных, экономических и правовых механизмов сохранения и использования объектов культурного наследия» [3, с. 112].

Развитие, стремящееся быть устойчивым, должно включать стабильную экономическую эффективность, поддержание и защиту экологических систем, повышение качества жизни сообщества и сохранение его культурного разнообразия. В этой системе вопросы, связанные с историко-культурным наследием, приходятся на стык экономической и социальной сфер. Отнесение историко-культурного наследия именно к этим сферам и вообще вовлечение его в проблематику устойчивого развития продиктовано рядом причин. Одной из характерных черт развития современной цивилизации является глобализация. Хотя она несет очевидные блага, в особенности в экономической сфере, ее социокультурное воздействие с трудом поддается прогнозам и выглядит далеко не радужным. В этой связи важность сохранения индивидуальности различных культур выходит на первый план.

Одну из ключевых ролей здесь играет историко-культурное наследие, в полной мере отражающее культурную индивидуальность того или иного социума, – только оно способно создать у человека физическое ощущение чувства принадлежности к той или иной культуре или социальной группе. Важным моментом является тот факт, что «историко-культурное наследие выступает неисключаемым общественным благом и потенциально доступно для пользования каждому члену общества, а не только своему обладателю» [6, с. 4]. Таким образом, оно способствует повышению качества жизни общества и позволяет в большой мере нивелировать негативные эффекты культурной глобализации.

Другой важной ролью объектов историко-культурного наследия в концепции устойчивого развития является их связь с рациональным использованием ресурсов и экономическим развитием. Сохранение историко-культурного наследия часто понимается как деятельность, не способствующая или даже препятствующая экономическому развитию. Отчасти такое понимание обусловлено тем, что управление объектами историко-культурного наследия направлено, прежде всего, на сохранение и возможное увеличение историко-культурной ценности, хотя многие исследования показывают и вполне очевидные положительные экономические эффекты от сохранения историко-культурного наследия. Более эффективное использование существующих объектов историко-культурного наследия, в частности, недвижимости, и в особенности пустующей, является важным элементом стратегии устойчивого развития районов и в конечном итоге повышения качества жизни населения.

К сожалению, потенциалу заброшенных исторических зданий и территорий часто не уделяется достаточного внимания, так как он практически не дает ощутимых экономических выигрышей в краткосрочной перспективе. Из-за подобного недальновидного подхода «… управление объектами историко-культурного наследия не достигает возможной эффективности, расходуются ресурсы и энергия, целые районы теряют свою культурную идентичность, снижается эффективность работы предприятий и транспорта и, как следствие, падает общее качество жизни населения района» [2, с. 91]. В целях реализации стратегии устойчивого развития и повышения качества жизни важно использовать потенциал культурного наследия, в частности, возможности заброшенных исторических зданий и территорий.

Итак, возвращаясь к развернутому пониманию концепции устойчивого развития, мы можем видеть, что она включает в себя множество различных аспектов. Среди них сохранение и использование историко-культурного наследия может на первый

взгляд показаться не самым важным и не связанным напрямую с основными целями устойчивого развития. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что именно сохранение историко-культурного наследия и его использование, интеграция в современную жизнь общества обеспечат устойчивость сообществ, позволят сохранять культурную и национальную самоидентификацию и успешно бороться с негативными последствиями культурной глобализации. Кроме того, использование объектов историко-культурного наследия также способствует повышению эффективности и устойчивости экономики на различных уровнях.

Список использованной литературы

1. Гришина, О.А. Историко-культурное наследие в контексте устойчивого развития / О.А. Гришина, А.И. Гришин // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2012. – № 5 (47). – С. 16–24.
2. Кострова, Ю.Б. Социальное расслоение как угроза безопасности современной России / Ю.Б. Кострова, И.В. Ларкина, В.Н. Минат // Формирование правовой, межэтнической, религиозной и профессиональной культуры современного специалиста : материалы II Междунар. научно-практ. конференции. – Рязань : Концепция, 2013. – С. 88–94.
3. Кострова, Ю.Б. Социально-нравственные проблемы современного экономического и управленческого образования в России / Ю.Б. Кострова, И.В. Ларкина, В.Н. Минат // Проблемы развития высшего образования в Российской Федерации на современном этапе: Материалы Междунар. научно-практ. конференции. – Рязань : Концепция, 2014. – С. 109–114.
4. Кострова, Ю.Б. Экологический фактор в системе экономической безопасности России / Ю.Б. Кострова, В.Н. Минат // Инновационные подходы к развитию агропромышленного комплекса региона; ФГБОУ ВО РГАТУ им. П.А. Костычева. – Рязань : Рязанский государственный агротехнологический университет им. П.А. Костычева, 2016. – С. 71–76.
5. Лисицкий, А.В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития: дис. … канд. культ. наук / А.В. Лисицкий. – Москва, 2004. – 151 с.
6. Родин, И.К. Формы и отношения собственности в экономике переходного периода / И.К. Родин, В.Н. Минат // Социально-экономические и правовые аспекты собственности переходного периода и роль ОВД в ее защите: Сборн. науч. статей; МВД России, Московский университет, Рязанский филиал. – Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России, 2005. – С. 3–7.
7. Kostrova, Y. Foreign experience in the use of electronic technologies in electoral processes and possibilities of its application in russia / Y. Kostrova, V. Minat // Выборы: теория и практика. – 2015. – № 2 (34). – С. 44–53.

Т.И. Полтева

г. Горно-Алтайск, Россия

ФРОНТОВОЕ ПИСЬМО КАК ИСТОЧНИК, ОСВЕЩАЮЩИЙ УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Исследование посвящается изучению эпистолярного наследия Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) из собрания Национального музея имени А.В. Анохина, являющегося важным документальным источником, освещающего роль женщины в военных действиях.

Ключевые слова: Национальный музей имени А.В. Анохина, эпистолярное наследие, Великая Отечественная война, фронтовое письмо.

T.I. Polteva
Gorno-Altaysk, Russia

LETTER FROM THE FRONT AS AN INFORMATION SOURCE OF THE PARTICIPATION OF WOMEN IN THE MILITARY ACTIVITIES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstarct: This research is dedicated to the study of the epistolary heritage of the Great Patriotic War of 1941–1945 from the collections of the National Museum of A. V. Anokhin, which is one of the most important documents highlighting the woman´s role in the military activities.

Keywords: The National Museum of A.V. Anokhin, epistolary heritage, the Great Patriotic War of 1941–1945, letters from the front.

Великая Отечественная война оставила глубокий след в истории Российского государства и памяти народа. 75-летний юбилей Победы является важным стимулом для исследователей еще раз обратиться к её историко-культурному наследию. Его изучение в условиях сознательного искажения сведений о войне в соответствии с собственными или политическими интересами становится особенно актуальным в последние несколько лет. «Потеря основополагающих знаний о Великой Отечественной войне может повлечь за собой труднопредсказуемые последствия – от полного отрицания заслуг советского народа до победы фашизма как всеобщего явления. Искажение исторической правды о событиях Великой Отечественной войны способно уничтожить нравственные ценности будущих поколений» [1, с. 110].

Ценнейшим материалом по истории советского самосознания в военное время является эпистолярное наследие. Музеи уделяют особое внимание его изучению и популяризации посредством научно-исследовательской, экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности. Ими проводится работа по публикации фронтовых писем в сборниках, периодических изданиях. Письма цитируются при проведении различных мероприятий (экскурсий, лекций, музейных уроков, встреч и др.), используются в теле– и радиопередачах, размещаются в Интернете. Возрождение интереса к изучению индивидуального жизненного опыта участников боевых сражений через эпистолярное наследие способствует повышению общественной и научной значимости исследуемой проблемы и обуславливает ее актуальность [3, с. 285].

Среди жителей Горного Алтая, призванных в ряды Красной Армии, были женщины. На фронте они осваивали многие военные специальности, даже сугубо мужские. Но была самая гуманная профессия – врачи и средний и младший медицинский персонал. Сандружинницы, военфельдшеры, медсестры выносили с поля боя раненых бойцов, оказывали им первую медицинскую помощь, работали в военных госпиталях.

В фондах Национального музея Республики Алтай хранятся письма трех подруг: Стафурской Капиталины Ивановны, Шадриной Зои Александровны, Заварзиной Ирины, которые были призваны на фронт в 1942 году из села Шебалина Шебалинского района Республики Алтай. Письма были написаны около 80-ти лет назад карандашом на бумаге плохого качества. С течением времени часть текста стала трудночитаемой, поэтому была проделана определенная работа для их восстановления. Кроме того, отсутствовали сведения об авторах писем. Обращение к различным источникам (Книга Памяти, фондовые коллекции) позволило восстановить биографии защитников Родины.

Стафурская Капиталина Ивановна родилась в 1923 году в с. Шебалино Шебалинского аймака Ойротской автономной области (ныне – Шебалинский район Республики Алтай). 18 марта 1942 года она была призвана в Красную Армию. Медсестра [4, с. 362].

Первое письмо своей матери в с. Шебалино она пишет по дороге на фронт: «Пишу с одной станции, но спущу не знаю, где…» [2, инв. № 5594]. Дальше она рассказывает о ценах на продукты на рынке, интересуется семейными делами, и в конце письма пишет о себе: «Мама, ты не беспокойся, если долго от меня не будет писем, то некогда писать, то нет бумаги, а когда будем работать, то время совершенно не будет. Так обо мне не беспокойтесь, со мной ничего не случится. Писать много нельзя, а потому знайте, что работать будем в госпиталях…» [2, инв. № 5594].

В следующем письме К.И. Стафурская пишет: «Сегодня ночью пришла с переднего края в санроту (которая находится в 3 км). Очень устала, но вам решила написать. Утром пришла почта, но мне как и всегда нет письма. Мама, дорогая моя мама, как я об вас всех соскучилась. Как хочется вас увидеть, мои дорогие…Но скоро мы проклятого Гитлера выгоним. Ведь его бьем, бьем, а он все еще дергает ногами, наши советские бойцы бьются храбро и смело. Для нашего бойца нет преград нигде» [2, инв. № 5594].

В другом письме К.И. Стафурской читаем, что «была ранена…Но сейчас я чувствую себя хорошо, нахожусь опять на своем месте. Ранило не сильно, только сильно оглушило, но все прошло» [2, инв. № 5594]. В конце письма она пишет, что «получила благодарность» [2, инв. № 5594]. В сентябре 1942 года Стафурская Капиталина Ивановна погибла и была похоронена в с. Губарево Воронежской области [4, с. 362].

О гибели К.И. Стафурской ее родным пишет Шадрина Зоя Александровна: «Наш полк был в наступлении, и Капа была впереди вместе с бойцами, командирами, батальонный штаб был окружен немцами. Там была небольшая кучка героев, которые отбивались до последней капли крови. Положение было очень опасное: все девушки стали помогать отбивать атаку. Они также как и бойцы били немецкую чуму, девушки заряжали диски, подносили гранаты…Я в то время была в окружении. Я тоже была на передовой, но в другом месте, но про смерть Капы знаю подробно. Капа взяла несколько гранат и двинулась навстречу к врагу. Она бросила несколько гранат и вражеская пуля сразила героиню. Она была ранена в живот очень тяжело. После ранения она жила часа три и после умерла» [2, инв. № 5592]. Память о К.И. Стафурской сохранялась среди бойцов и командиров воинской части, где она служила. Об этом свидетельствуют строчки письма З.А. Шадриной: «…командир полка сказал небольшую речь и отметил, что в нашей сегодняшней семье не хватает Стафурской и ряд других героев нашего полка, которые пали смертью храбрых» [2, инв. № 5592]. В начале письма автор пишет: «Лена, ты в своем письме просила отомстить за смерть Капы. Леночка, это наш долг, мы поклялись на Капиной могиле. И мы это сделаем» [2, инв. № 5592].

О себе З.А. Шадрина написала, что «7 ноября они встречали в суровой обстановке» [2, инв. № 5592].

Шадрина Зоя Александровна родилась в 1923 году. В апреле 1942 года была призвана в ряды Красной Армии. Рядовая. Погибла в сентябре 1943 года в Сумской области [4, с. 362].

В фондах Национального музея имени А.В. Анохина хранится два письма третьей подруги – Заварзиной Ирины. Она пишет письма Пановой Зое Ерофеевне: «Зоя Е., Вы спрашиваете, сколько я вынесла раненых с поля боя? Откровенно говоря, точно не знаю, так как считать не приходится…Многие бойцы и командиры отличились в бою, за что представлены к правительственной награде. В это число попала и я. И еще есть девушки, так что наши советские девушки настоящие патриотки Родины. Они с честью и большой любовью и своевременно оказывают помощь (не только медпомощь), они помогают и в других отношениях: заряжают диски автоматов, пулеметов, подносят патроны. Жизнь моя протекает в боевой обстановке, были такие случаи, что была от смерти на волосок. Однажды меня засыпало пеплом и землей. Был и такой случай, осколком оторвало бок санитарной сумки, разорвало левый ботинок и левый рукав жакетки, а меня даже не ранило» [2, инв. № 5968].

В письме, датированном 28 ноября 1943 года, Ирина Заварзина написала: «…поимела счастье побывать в прекрасной столице Украины – Киеве,…мы…торжественно шагали по широким улицам Киева. На нас с великой радостью смотрели не только люди, но, кажется, что каждый кустик и домик встречали нас с радостью, как освободителей. Да, мы их освободители, и мы были безгранично рады, что несколько тысяч освободили из-под ига фашистов, вернули им свободную радостную жизнь. И они, как никогда, праздновали эту знаменательную дату» [2, инв. № 5968]. Дальше она сообщает: «Живу ничего, здоровье хорошее, самочувствие прекрасное, правда война, смерть Ш. на меня сильно подействовала… Зоя погибла в сентябре, ее ранило разрывной пулей в живот в 3 часа дня, и до 5 часов она была живая и все разговаривала, она чувствовала, что умирает, и просила: «Везите меня быстрей, я хочу последний раз увидеть Иру», но я в то время была далеко от нее, и ее не успели привезти, у нее стали остывать руки, но она собрала последние силы и спела один куплет песни: «Перебиты, поломаны крылья». Одним словом, Зоя держала себя мужественно» [2, инв. № 5968].

В конце своего письма она пишет о том, что награждена орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», а также «меня сфотографировали как воспитанницу Красной Армии и как дважды награж-

денную… для документа «Комсомол в Отечественную войну» [2, инв. № 5592].

Таким образом, эпистолярное наследие Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в фондах Национального музея Республики Алтай имени А.В. Анохина представляет собой совокупность источников военной действительности: рассказывает о существовании человека в экстремальных условиях войны, показывает оценку военных событий отдельными личностями. Приведенные письма передают особенности взаимоотношения между людьми, драматизм и напряженность военного времени, чувства и эмоции участников военных действий (ненависть к врагу, любовь к своим родным и близким, к Алтаю).

На примере судеб трех девушек – медсестер, жительниц Горного Алтая, мы можем говорить о роли женщин в Великой Отечественной войне. Так же, как мужчины, с оружием в руках они вставали на защиту Родины, вместе с мужчинами сражались с врагом и из любви к своей земле жертвенно отдавали свои жизни. Пройдет время, и фронтовые письма будет транслироваться как живые свидетельства, которые рассказывают о военном времени, о подвиге, об отношении к большой и малой Родине.

Список использованной литературы

1. Агафонов, М.Ю. Борьба с фальсификацией истории Великой Отечественной войны / М.Ю. Агафонов // Органы внутренних дел в Великой Отечественной войне. Внутренняя политика государства : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул. – 2015. – С. 109–114.
2. НМРА. Ф. ВОВ. Инв. № 5594, 5592, 5968.
3. Полтева, Т.И. Эпистолярное наследие Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) из собрания Национального музея им. А.В. Анохина / Т.И. Полтева // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 5. – С. 285–288.
4. Эземнин бичиги. Книга памяти. – Горно-Алтайск : Юч-Сюмер-Белуха, 1994. – Т. 1. – С. 362.

М.В. Рыгалова, Е.В. Рыгалов

г. Барнаул, Россия

ГИС «МУЗЕЙНАЯ СЕТЬ АЛТАЙСКОГО КРАЯ»: ОТ ИДЕИ ДО РЕАЛИЗАЦИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18-39-00112 «Геоинформационные технологии как инструмент изучения музейной сети Алтайского края».

Аннотация: В статье представлен опыт реализации проекта по созданию геоинформационной системы (ГИС), которая отражает музейную сеть Алтайского края. Создан комплексный ресурс, доступный онлайн, который содержит сведения о музеях региона, их характеристику (контактные данные, краткую историческую справку, сведения о составе и содержании экспозиций, исследования о музее). Инструментарий ГИС позволяет визуализировать данные, представить их в виде тематических карт, отражающих результаты пространственно-географического анализа для исследовательских и профессиональных целей, для потенциальных посетителей и туристов.

Ключевые слова: геоинформационные системы (ГИС), музей, Алтайский край, картографирование.

M.V. Rygalova, E.V. Rygalov
Barnaul, Russia

GIS "MUSEUM NETWORK OF THE ALTAI KRAI": FROM IDEA TO IMPLEMENTATION

Abstract: The article presents the experience of implementing a project to create a geo-information system (GIS) that reflects data on the Museum network of the Altai Krai. A comprehensive resource that contains information about the region's museums, their main characteristic (contact details, a brief historical background, information on the composition and content of exhibits, research about the museum) have been established and is available online. GIS toolkit visualizes information, presents them in the form of thematic maps. Thus, it reflects the findings of spatial and geographical analysis for research and professional purposes, for potential visitors and tourists.

Keywords: Geographic Information Systems (GIS), Museum, Altai Krai, Mapping.

Геоинформационные системы в гуманитарных исследованиях на протяжении нескольких десятилетий зарекомендовали себя как один из наиболее востребованных исследовательских инструментов, надежно закрепившись в методологическом арсенале для отображения данных в пространственных координатах (на картографической основе), который позволяет расширить возможности исследования, получить более точные результаты [2; 3, с. 33–35; 7, с. 61]. Необходимостью комплексного представления разноплановой информации широкого круга источников по истории формирования и развития музейной сети Алтайского края было вызвано обращение к ГИС.

Музейная сеть Алтайского края на сегодняшний день приняла устоявшийся вид. Однако её реорганизация все же происходит: открываются новые учреждения (преимущественно при школах, высших учебных заведениях, учреждениях и организациях, а также частные музеи), другие – закрываются (преимущественно школьные музеи). Поскольку состояние функционирования музеев относительно стабильно, возникает исследовательский интерес к их наполненности, непосредственному функционированию и популяризации историко-культурного наследия через музейную сеть региона.

Музеи как объекты историко-культурного наследия, задействованы в различных направлениях и сферах общества (исторические и музееведческие исследования, туризм, профессиональная сфера и интерес со стороны потенциальных посетителей). Исходя из этого, был выбран вариант представления конечного результата исследования – веб-ГИС, которая доступна любому пользователю сети Интернет без дополнительных настроек и установок специального программного обеспечения.

Таким образом, целью проекта явилось создание виртуального общедоступного ресурса источниковедческого, справочного, образовательного, просветительного, досугового, краеведческого назначения и представление его в виде веб-ГИС «Музейная сеть Алтайского края».

Аналогичных работ в отечественной науке практически нет. Ряд проектов (ГИС «Музеи Югры» [4], Электронный атлас музеев Свердловской области [1]) реализованы не научным сообществом, а при поддержке регионального правительства силами музееведов. Зарубежные исследователи активнее привлекают ГИС в исследования и популяризацию музеев, преимущественно конкретных (проект Нью-Йоркского государственного музея, размещенный на сайте и позволяющий через ГИС-инструментарий получить доступ к коллекциям музея [10], проект музея Шрусбери (Великобритания), объединяющий памятники археологии, модели исторических ландшафтов, информацию о музейных предметах из коллекций по археологии, геологии, этнографии, искусству [8]) или групп музеев (популяризация экспонатов европейских музеев, наиболее востребованных среди туристов [10]).

Работа над созданием ресурса, объединяющего музеи Алтайского края, проходила в несколько этапов, которые соответствуют этапам реализации проекта в целом.

На первом этапе (аналитическом) вёлся поиск данных о конкретных объектах (музеях) по раз-

личным источникам (исследования, планы и отчёты музеев о деятельности, интернет-сайты музеев, натуральное обследование экспозиций, целенаправленные запросы в музеи по тематике проекта). Главной задачей этого этапа являлось наиболее полное, объективное и актуальное представление сведений о музеях. В результате данные были сгруппированы как справочные и непосредственно отражающие содержание экспозиций музея.

На втором этапе, исходя из имеющихся данных, проведена систематизация и типологизация музеев для последующей аналитической работы (выделены музеи по профилю, принадлежности, правовому статусу). Кроме того, составлен библиографический список, отражающий исследования по конкретным музеям или отдельным экспозициям, группам музеев. Всего в него вошло более 200 работ, многие из них, доступные в полнотекстном варианте, включены в итоговый ресурс.

На третьем этапе разработана архитектура базы данных ГИС и осуществлялось её наполнение атрибутивными характеристиками. Первоначально была составлена база данных в формате Excel, куда внесены данные о музеях, исходя из собранной на первом этапе информации. Этот формат удобен тем, что позволяет осуществить последующую конвертацию данных в ГИС. Все собранные сведения были унифицированы под формат базы данных, разработаны поля с учётом последующего внесения в ГИС и пространственно-географического анализа и картографирования.

В качестве программного обеспечения последнего использовалось MapInfoPro – универсальная настольная ГИС, позволяющая хранить большие объемы данных, преобразовывать их в графики, создавать и экспортировать тематические карты. Структура ГИС представлена на рисунке 1.

На четвертом этапе оцифрована карта Алтайского края до уровня объектов (адресов). Этот этап не вызвал никаких затруднений, поскольку за основу взята современная карта Алтайского края, не требующая уточнения границ, их наложения.

Следующий этап заключался в непосредственном наполнении ГИС, конвертации данных из базы Excel, а также проведении пространственно-географического анализа (выявление потенциала конкретных музеев в туристической деятельности, установление профессиональных контактов, путем выделения профилей и изучения конкретных музейных экспозиций выявлен источниковедческий потенциал ряда музеев (рис. 2), возможности для включения экспозиций и отдельных экспонатов в качестве основных или вспомогательных источников в исторические и музееведческие исследования).

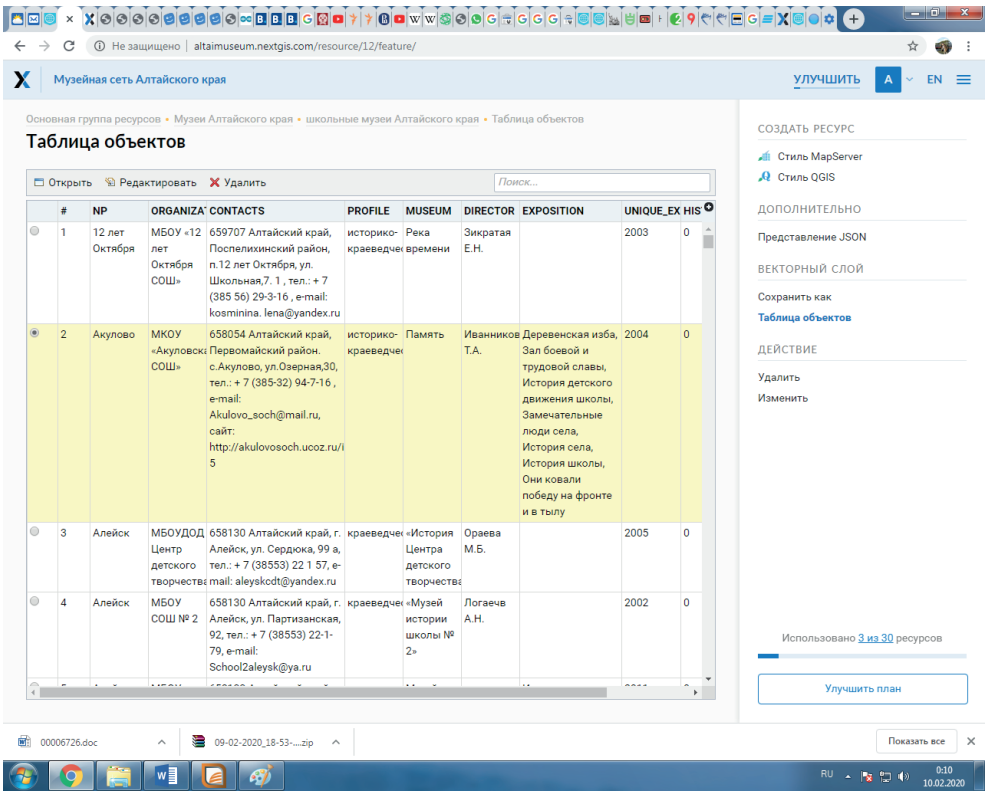

Рис. 1. Структура данных по объектам в среде веб-ГИС «Музейная сеть Алтайского края»

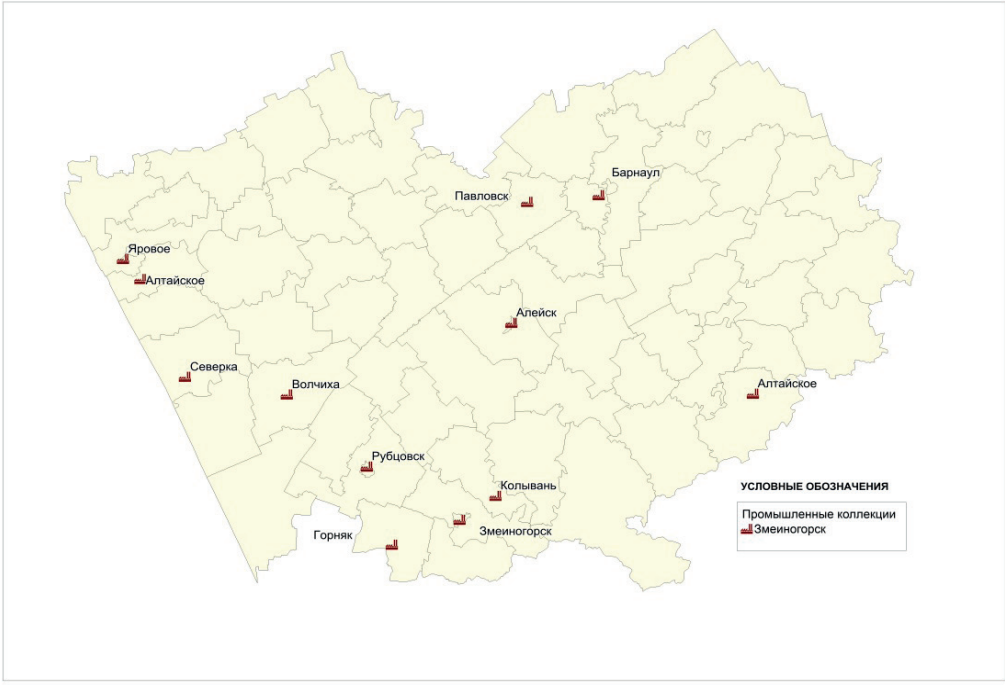

Рис. 2. Промышленные коллекции в музеях Алтайского края

Завершилась работа созданием веб-ГИС «Музейная сеть Алтайского края», которая размещена на открытой платформе NextGIS. Ресурс доступен любому пользователю в режиме онлайн при наличии компьютера и сети Интернет без установок дополнительных настроек и программного обеспечения [5]. Кроме непосредственно информации, характеризующей музеи, в формате веб-ГИС к объектам прикреплены файлы с исследовательскими работами, связанными с музеем. ГИС «Музейная сеть Алтайского края» направлена как на исследовательские задачи, так и на популяризацию деятельности музеев в целом и историко-культурного наследия, сосредоточенного в них. Пространственно-географический анализ позволил выявить основные направления последующей работы, основу которой составит разработанный ресурс. Размещение ГИС в сети Интернет позволяет сделать её доступной широкому кругу заинтересованных пользователей, расширив, тем самым, возможности доступа к информации, характеризующей музеи Алтайского края [6, с. 388].

Список использованной литературы

1. Атлас музеев Свердловской области [Электронный ресурс]. –Режим доступа: http://museums-atlas.cityscanner.ru.
2. Буров, С.П. Анализ опыта и перспектив применения технологий геопространственного моделирования и визуализации в современных гуманитарных наука / С.П. Буров // Гуманитарная информатика. – 2017. – № 17. – С. 82–95.
3. Владимиров, В.Н. За цифровым поворотом: история продолжается / В.Н. Владимиров // Историческая информатика. – 2019. – № 3. – С. 31–42.
4. Музеи Югры – объединенный ресурс [Электронный ресурс]. –Режим доступа: http://hmao-museums.ru.
5. Музейная сеть Алтайского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://altaimuseum.nextgis.com/.
6. Рыгалова, М.В. Геоинформационные технологии в изучении историко-культурного наследия музеев Алтайского края / М.В. Рыгалова, Е.В. Рыгалов // ИнтерКарто/ИнтерГИС. – 2019. – Т. 25. – № 2. – С. 383–389.
7. Фролов, А.А. Динамическая карта как основа исторической карты в среде ГИС / А.А. Фролов // Историческая информатика. – 2017. – № 2. – С. 61–73.
8. Boyd, P.D.A. GIS in Museums – a case study. In Access to Better Information [Electronic resource] / P.D.A. Boyd // Association for Geographic Information Conference Proceedings 1999. – Access date: http://www.peterboyd.com/AGI99.htm.
9. Mapping The Most Popular Exhibits In Museums Across Europe (Use Case) [Electronic resource]. – Access date: https://www.giscloud.com/blog/mapping-the-most-popular-exhibits-in-museums-across-europe/.
10. New York State Museum [Electronic resource]. – Access date: http://www.nysm.nysed.gov/research-collections/geology/gis.

О.Н. Труевцева
г. Барнаул, Россия

НАСЛЕДИЕ И МУЗЕОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-21-03551 «Культурное наследие монастырей Центральной Монголии».

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы соотношения музеологического знания с исследованиями в области культурного наследия. Данные проблемы впервые возникли в 1970-х годах в период конституирования музеологии как науки, однако не получили всестороннего обсуждения. Актуальность возобновления дискуссии обусловлена воздействием постмодернизма, глобализма на культурные процессы. Автор прослеживает влияние этих факторов на развитие музеев, анализирует их ответы на вызовы современности. Значительное внимание уделяется необходимости создания и углубления общей теории культурного наследия, которая должна исследовать генезис этого явления, его роль в социальном развитии, закономерности функционирования, аксиологические проблемы, связанные с ценностями различного уровня, технологии наследования. Предлагается обсудить опыт и проблемы взаимодействия основных институтов культурного наследия: музеев, архивов и библиотек.

Ключевые слова: музеология, музей, культурное наследие, постмодернизм, глобализм, мнемософия, антропология, наследиеведение (heritology).

O.N. Truevtseva
Barnaul, Russia

HERITAGE AND MUSEOOLOGY: THEORETICAL ASPECTS OF INTEGRATION

Abstract: The article deals with the problems of the relationship between museological knowledge and research in the field of cultural heritage. These problems first arose in the 1970s during the constitution of museology as a science, but still have not received a comprehensive discussion. The relevance of the resumption of discussion is due to the intensification of scientific research in the field of natural and cultural heritage, the museumification of tangible and intangible heritage sites, the need to predict the further development of museology, the definition of the subject of heritage studies (Heritology), the relationship of these branches of knowledge to socio-cultural anthropology. The author expresses her judgment on the most pressing issues of both theoretical and practical importance.

Keywords: museology, museum, cultural heritage, postmodernism, globalism, mnemosophy, anthropology, heritage studies (heritology).

Музеология – достаточно молодая наука. В нашей памяти еще живы дискуссии о том, имеет ли музеология право называться самостоятельной наукой. Старт этим обсуждениям был положен в середине 70-х годов прошлого века, а одним из знаменательных событий того времени стало создание Комитета музеологии в структуре Международного совета музеев.

Уже в первых анализах предмета музеологии, попытках уточнения её дефиниции прозвучала мысль об имманентной связи науки о музеях с исследованиями культурного наследия. Известный хорватский учёный Томислав Шола даже предложил назвать эту отрасль знания «Heritology» [1, 6]. Название не прижилось, но идея интеграции научных знаний, связанных с историческим культурным наследием, воплотилась автором в теорию мнемософии, по нашему мнению, недооценённую, по крайней мере, практиками.

Казалось бы, в наше время, когда уже два десятилетия теоретики, практики, журналисты говорят о «буме наследия», «музейном буме», нет необходимости ещё раз рассуждать о взаимосвязи двух явлений. Однако, почему тогда в большинстве краеведческих музеев фонды забиты предметами, которые «недотя-

гивают» до объектов историко-культурного наследия; почему статус архитектурного наследия присваивают деревянным постройкам, единственная заслуга которых заключается в том, что они простояли более пятидесяти лет; почему совместные выставки музеев, архивов и библиотек – скорее исключение, нежели правило, почему так называемые «средовые музеи», не отличающиеся большим количеством экспонатов, сегодня более популярны, чем их традиционные историко-краеведческие «собратья».

Перечень вопросов далеко не исчерпывающий: любой специалист может его продолжить. Объяснения этих явлений находятся на стыке музеологии, мнемософии, аксеологии, психологии, менеджмента и других областей знания.

Но сначала следует разобраться, почему эти проблемы актуализировались в наше время. Истоки многих из них следует искать в философии постмодернизма, его основных принципах: антропологическом пессимизме, эклектичности, деканонизации искусства, шоутизации культуры и других. И всё это опирается на концепцию хаоса и распада. Зародившийся на Западе в последней четверти XX века, до России добравшийся в «лихие 90-е» постмодернизм постепенно проникал во все сферы общественной жизни, в том числе, и в музей.

Наиболее радикально апологеты постмодернизма в России представили наше будущее как «преобладание Интернет-музеев над музеями, обладающими и другими формами существования»: «Несомненно, нынешней ситуации в большей степени адекватен музей виртуальный, нежели музей классический, скованный реальной архитектурной конструкцией…Сами способы музеефикации начинают нуждаться в музеефикации как отжившие формы культурной работы» [5].

Следует отметить, что музейное сообщество достойно ответило на большинство вызовов постмодернизма, повысив при этом эффективность музеев. Так, виртуальное представление наследия не заслонило и тем более не заменило подлинный музейный предмет, а скорее вызвало к нему больший интерес, помогло решить многие познавательные проблемы людей с ограниченными возможностями.

Музеефикация, вопреки приведённому выше прогнозу, становится в наше время одним из наиболее эффективных и востребованных методов развития музеев. По мнению известного специалиста в этой области М.Е. Каулен, музеефикация позволяет сохранить и актуализировать наиболее ценную часть наследия. «Трансформация исторической среды в музейную среду отвечает требованиям общества сохранить в целостности важные для его менталитета объекты наследия и выявить их ценность» [3, 4]. В отличие от некоторых других сфер культуры и, особенно, масс-медиа, музеи нашли удивительный ответ на шоутизацию культуры: новые формы работы с посетителями, такие как, например, «музейная ночь», привлекли большое количество молодёжи. С начала 2000-х годов, особенно после принятия ЮНЕСКО Конвенции о сохранении нематериального культурного наследия (2003 г.), повсеместное распространение получила практика участия музеев в фестивалях традиционной культуры, проведения театрализованных демонстраций народного костюма, инсценировка этнических обрядов, праздников, выставок ремёсел. Новые эмоциональные яркие формы представления культурного наследия нашли позитивный отклик у посетителей, расширили музейную аудиторию.

Разумеется, не все музеи смогли выдержать экзамен на социальную зрелость. Многие, оставшись без идеологического, методического контроля наедине с широкой свободой выбора не избежали эклектики в формировании музейного фонда, выборе средств его экспонирования. Сказались кадровые проблемы, низкие зарплаты, отсутствие возможности повышения квалификации, получения профессиональных консультаций, стажировок.

Другим фактором, вызывающим необходимость интеграции всех институтов культурного наследия является глобализация, которая открыла множество каналов для распространения стандартизированной массовой культуры, моды, образцов потребительского поведения, унифицированного мышления. Ускорение этих и других социокультурных процессов, обусловленное экономической интеграцией, снятием идеологических и технологических барьеров с распространения информации, развитие международного туризма приводит не только к взаимообогащению культур, но и к размыванию этнических культурных ценностей, национальной самоидентификации [2].

По мере пресыщения потребителей модными вещами, фильмами, поп-музыкой, начинают набирать силу противоположные процессы, связанные со стремлением к традиционной культуре, её истокам. Этот процесс хорошо иллюстрируется новыми тенденциями в туризме: переходом от групповых форм к индивидуальным, стремлением познакомиться не только с популярными достопримечательностями, но и с жизненным укладом, культурой провинции, развитием сельского туризма.

В связи с этим примечательна тенденция создания в сельских усадьбах, принимающих туристов, этнографических минимузеев. Горожанам предлагается окунуться в сельскую жизнь, принять участие в сельхозработах, приготовлении пищи, в вечерних посиделках с народными песнями и танцами. Эти, на первый взгляд, обыденные занятия рекреационного предназначения являются ничем иным, как проявлением глокализации – мирового тренда противостоящего глобализации, когда происходит обогащение людей не массовыми, а локальными культурами, имеющими, как правило, традиционные этнические корни. Следует отметить, что за непритязательностью формы представления национального наследия стоит серьёзный процесс формирования национального самосознания.

Воззрения постмодернистов, распространение которых существенно ускоряются глобализационными процессами, представляют большую опасность для сохранения и воспроизводства культурного наследия. Их разрыв с культурными основами традиционного общества, пересмотр ценностных установок провоцирует не только отрицание преемственности культурных традиций на вербальном или художественном уровне, но и реальный вандализм. Это обстоятельство обусловливает необходимость усиления охраны культурного наследия по всем направлениям, включая теоретический уровень. В первую очередь, это касается создания общей теории культурного наследия, которая должна исследовать генезис этого явления, его роль в социальном развитии, закономерности функционирования, аксиологические проблемы, связанные с ценностями различного уровня, технологии наследования и многие другие вопросы.

В конце концов, когда-то надо дать внятное, операциональное определение понятию «культурное наследие». При этом дефиниция должна удовлетворить и историков, и культурологов, которые сегодня рассматривая её в своём предметном поле, не могут пока прийти к определению, устраивающему всех, включая практиков. Возможно, эта задача решается в социокультурной антропологии, в которой много внимания уделяется проблемам динамики культуры, но у нас эта наука пока не получила должного признания. В любом случае, надо признать, что музеология сегодня нуждается в общей методологии, поскольку есть реальная опасность «разбрестись по музейным закоулкам» и не увидеть «за деревьями леса», углубившись в проблемы музейной техники. Существует и противоположная опасность, связанная с размыванием сущности музея, «главное таинство», которого сокрыто в музейном предмете. Это – диверсификация музейной деятельности, в первую очередь, в презентации нематериального наследия, когда коммуникация ставится во главу угла в ущерб всем прочим компонентам. Здесь бы не просмотреть тонкую грань, разделяющую презентацию музейного смысла и постмодернистскую шоутизацию культуры.

У музейной диверсификации много подобных граней. Музей устремился сегодня практически ко всем видам наследия. Сложилось целостное теоретическое и практическое направление – музеефикация историко-культурного наследия. И это не дань моде, а объективно оправданная деятельность, расширяющая наше представление о месте и роли музея в обществе. Представляется полезным посвятить обсуждению этой темы специальную конференцию, уделяя особое внимание успешным практикам и технологиям музеефикации. Специального обсуждения заслуживает опыт и проблемы взаимодействия основных институтов культурного наследия: музеев, архивов и библиотек. Проблемы открытости и электронной доступности их фондов, координации взаимодействия по изучению наследия, проведение совместных мероприятий, конференций, выставок, публикаций, информационных порталов – всё это вызовет большой интерес не только у профессиональных сотрудников этих учреждений, но и у краеведческой общественности, озабоченной сохранением и популяризацией историко-культурного наследия.

Список использованной литературы

1. Sola, T.A contribution to a possible definition of Museology / T. Sola. – Zagreb, 1982. – P. 7.
2. What is Museology? // Papers in Museology: Local and Glabal. – Umea : Universitatis Umensis. Department of Museology, Umea University, 1992. – P. 10–19.
3. Каулен, М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России / М.Е. Каулен. – Москва : Этерна, 2012. – 452 с.
4. Каулен, М.Е. Музеефикация средовых объектов наследия как фактор развития музейного мира в XXI веке / М.Е. Каулен // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 3–5 октября 2011 г.). – Новосибирск : ИИ СО РАН, 2011. – С. 153.

5. Ларионов, И.Ю. Постмодернистские основания музеефикации современной культуры / И.Ю. Ларионов, К.В. Азаров // Музей в эпоху постмодерна. Репрезентация музея : коллективная монография. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2010. – Ч. 3. – 193 с.
6. Шола, Томислав С. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти / Томислав С. Шола. – Ростов Великий : ИКОМ России : Ростовский кремль, 2017 – 320 с.

О.Н. Труевцева, Т.А. Гибельгаус
г. Барнаул, Россия

УСТНЫЙ ИСТОЧНИК КАК МЕТОД СОХРАНЕНИЯ САКРАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-21-03551 «Культурное наследие монастырей Центральной Монголии».

Аннотация: В статье рассматривается устный источник как один из методов сохранения объектов культурного наследия, к которым относятся сакральные источники, представленные на территории Алтайского края.

Ключевые слова: устный источник, сакральные источники, религиозный туризм, паломничество, культурное наследие.

O.N. Truevtseva, T.A. Gibelgaus
Barnaul, Russia

ORAL SOURCE AS A METHOD FOR PRESERVING SACRED SOURCES

Abstract: The article considers the oral source as one of the methods of preserving cultural heritage objects, which include sacred sources represented in large numbers on the territory of the Altai Krai.

Keywords: oral source, sacred sources, religious tourism, pilgrimage, cultural heritage.

Современное российское общество характеризуется массовым религиозным и общественным сознанием, в связи с чем одной из основных характерных черт общества становится наделение сакральными свойствами природных объектов. Человек не просто верит в Бога и божественные силы, но еще и подтверждает эту веру, находящимися реалиями, которые её представляют. Так, особое сакральное значение обретают водные источники, рощи и деревья, горы и камни, церкви и часовни, иконы и кресты, мощи и захоронения святых и многое другое.

Одними из интереснейших и наиболее распространенных природных почитаемых объектов, как в России, так и в зарубежных странах являются сакральные водные источники.

Водные сакральные источники – заметное явление в духовной жизни любого современного региона России. Алтайский край не стал исключением. Наиболее известными являются «Родник Святой ключ» с. Сорочий Лог, Черный Камень и Горячий ключ в Краснощековском районе и многие другие.

Основная цель современной науки по отношению к сакральным источникам – это их сохранение как объектов культурного наследия.

Цель нашей статьи – рассмотреть устный источник как один из методов сохранения сакральных источников, являющихся частью культурного наследия России.

Проведенный анализ показал, что специальных исследований, посвященных методам сохранения сакральных источников, не существует. При этом

необходимо указать, что общий интерес к сакральным источникам среди отечественных ученых весьма значительный.

Прежде всего, необходимо назвать монографию Е.Е Ермаковой «Почитаемые водные источники в сакральном ландшафте Тюменской области» [2], в которой автор детально размышляет о региональных сакральных источниках, при этом упоминая об устном источнике, как об одном из методов сохранения, что является важным для нашего исследования.

Интересная историко-этнографическая информация об отдельных почитаемых источниках в Сибири содержится в статьях Г.В. Любимовой [5, 6].

Большой пласт информации о сакральных источниках представлен православными, экологическими, а также экскурсионно-туристическими описаниями отдельных природных источников [1, 3]. В подобных изданиях достаточно подробно описывается особенность родника, способы обустройства, а также его эзотерические свойства, при этом в большинстве случаев игнорируется историко-культурное начало.

Таким образом, анализ литературы по теме статьи показал, что методы сохранения сакральных источников как объектов природного и культурного наследия, ранее в научной литературе не рассматривались, что свидетельствует об актуальности исследования.

Чтобы рассмотреть устный источник как метод сохранения сакральных источников, нам необходимо понять, что же такое устный источник и в чем заключается процесс его создания. На сегодняшний день нет единого определения понятия «устный источник».

По мнению профессора Колумбийского университета А. Невинса, устный источник – это сбор и использование воспоминаний у частников исторических событий [4, с. 379].

Иное понимание определения термина «устный источник» прослеживается в работах профессора Т.К. Щегловой. Исследователь разводит два, казалось бы, похожих понятия «устный исторический источник» и «устный источник» [7, с. 41–42]:

1) устные исторические источники – специфические для устной истории тексты, которые до начала исследования не существуют в готовом виде, а создаются историком с помощью специально организованного опроса (научно оформленные материалы интервью, бесед, опросов);

2) устные источники – давно известное историкам устное народное творчество, произведения которого существуют в готовом оформленном виде (предания и легенды, были, присловья, слухи, анекдоты и пр.).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что относительно сакральных источников устным источником будет являться собранный посредством интервью материал, характеризующий то или иное сакральное место.

Немаловажным в понимании устного источника как метода сохранения сакральных источников является знание о процессе непосредственного создания этого источника.

Процесс создания устного источника начинается с выбора темы и разработки научно-исследовательской программы. Выбор темы в данном случае очевиден, но, вместе с тем, для более успешного воплощения тема должна быть актуальна и востребована научным сообществом.

Программа исследования включает в себя целенаправленный проект по созданию устных источников на основе интервью, в котором прописаны цели, задачи исследования, выбор объектов интервью, принципы создания научно-справочного аппарата, место и условия аудиозаписей, юридические и этические аспекты их использования.

Следующим этапом при подготовке к созданию устного источника является обзор литературы и научных изысканий по данной тематике. Это необходимо для того, чтобы при создании опросника не возникли повторения, и в исследованиях не было дублирующегося материала.

Еще одним важным этапом является создание опросников по теме исследования. В нашем случае целесообразно составлять опросники смешанного типа, направленные как на выявление истории сакрального источника, так и на познание его эзотерических свойств, притягивающих паломников. К тому же, смешанный опросник подойдет для разных категорий информантов.

Следующим этапом будет непосредственная работа с информантами. При изучении сакральных источников в полевых условиях, в первую очередь, необходимо определиться с составом информантов. Информацию можно получить от следующих групп информантов. Во-первых, это местные жители – старожилы, учителя, работники сельских клубов, воспроизводящие историю источника, традиции почитания и совершения паломничества к нему. К группе местных жителей могут быть также отнесены представители местной администрации,

у которых свой взгляд на святыню не только с точки зрения сакральности.

Второй группой информантов могут стать паломники, причём желательно из разных социальных кругов, от воцерквлённых, которые едут к сакральному месту именно как паломники, до «туристов», стремящихся получить новые впечатления и просто развеяться.

Третья группа информантов может быть представлена священнослужителями, в том числе самого высшего ранга, которые рассматривают источник с позиции святого места [2, с. 32–33].

И, наконец, четвертая группа информантов может быть представлена самыми разными людьми: экскурсоводы, эксперты (краеведы, коллеги), просто случайные люди, которые когда-то посещали святое место или слышали рассказ о случаях исцеления на нём.

По приезду экспедиционной группы происходит знакомство жителей села с участниками экспедиции, формируется общественное мнение о ее работе. В дальнейшем это также может повлиять на успешность работы экспедиции. Нужно расположить к себе людей, завоевать их доверие. Для этого необходимо постоянно контролировать свое поведение, вести себя корректно в любой ситуации.

Важным моментом является то, в какое время начинается работа группы. Алтайский край – сельскохозяйственный регион, поэтому сбор материала надо осуществлять с учетом сезонных работ: так, в мае–июне население занято на посевных работах, в августе – заготовкой сена для скота, в сентябре–октябре – уборкой урожая. Сбор информации в это время может оказаться неудачным. Поэтому необходимо хорошо продумать и проанализировать момент сбора информации у разных категорий населения.

При сборе материала у старожилов нужно учитывать возраст человека, его особенности памяти, слуха и устной речи. Все это должно быть учтено при составлении вопросов.

Одежда собирателя должна быть скромной и не вызывающей, в противном случае информанты могут отказать в беседе, если собиратель будет одет неподобающим образом.

В работе по изучению сакральных мест одним из оптимальных методов является интервью. В ходе интервью собиратель не только задает вопросы, но может уточнять, дополнять, конкретизировать материал. Интервью обогащает внутренний мир самого собирателя, добавляет эмоциональную экспрессию материалу, делает его живым, узнаваемым.

Очень важным этапом в создании устного источника является беседа с информантом.

Как правило, беседа с информантом ведется в произвольной форме, но вместе с тем существует ряд вопросов, которые должны быть первостепенными. Во-первых, в начале беседы необходимо выяснить фамилию имя, отчество, год рождения информанта, следует также получить информацию о месте рождения, образовании, национальной принадлежности, вероисповедании, о переездах на новые места жительства.

Далее необходимо формулировать нейтральные, предельно общие вопросы по интересующей теме, например, знаком ли информант с сакральным источником, когда о нем узнал и прочее, а затем необходимо задавать вопросы, уточняющие детали исследования.

Важным моментом является умение держать нить беседы: если информант начинает рассказывать о своей жизни, истории, работе, нельзя его резко прерывать или настоятельно требовать говорить только по теме, но и если «слепо идти» за ним, разговор может уйти на посторонние темы.

Весь ход беседы необходимо фиксировать полностью. Оптимальным вариантом является запись на диктофон. При записи в тетрадь необходимо стараться как можно полнее фиксировать полученную информацию. Завершающим этапом по созданию устного источника по сакральным местам является расшифровка диктофонных записей и приведение их в документальный источник, с предельным сохранением авторской речи респондента. Таким образом, разобравшись в понятии устного источника, а также выяснив процесс создания этого источника, мы можем сделать вывод о том, что, собрав необходимый устно-исторический материал по тому или иному сакральному источнику и оформив его должным образом, мы создаем информационную базу, которая помогает сохранять историческую память об объектах культурного наследия, к которым, в частности, относятся сакральные источники.

Список использованной литературы

1. Горбункова, О.Г., Ткаченко, И.В., Кирова Ю.И. Исцеление святой водой / О.Г. Горбункова, И.В. Ткаченко, Б.И. Кирова. – Москва : Эксмо, 2007. – 254 с.
2. Ермакова, Е.Е. Почитаемые водные источники в сакральном ландшафте Тюменской области : монография / Е.Е. Ермакова; Министерство науки и высшего образования РФ, Тюменский государственный университет, Ин-т наук о Земле. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2018. – 351 с.
3. Зайцев, В.М. Родниковые источники как элемент традиционной культуры в природоохранной деятельности / В.М. Зайцев // Полевой сезон – 2013 : Исследования и природоохранные действия на особо охраняемых природных территориях Новгородской области. Матер. регион. научн.-практич. конф., 8–10 ноября 2013 г. – Валдай, 2013. – С. 96–109.
4. Источниковедение : учебник для академического бакалавриата / А.В. Сиренов [и др.]; под редакцией А.В. Сиренова. – Москва : Издательство Юрайт, 2018. – 396 с
5. Любимова, Г.В. К вопросу о формах материального воплощения народной исторической памяти: феномен святых мест (по материалам событий местной истории Сибири) / Г.В. Любимова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVIII. Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 года. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 362–365.
6. Любимова, Г.В. Предания о происхождении святых источников: Опыт классификации / Г.В. Любимова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. T.XIV. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2008 г. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 326–329.
7. Щеглова, Т.К. Устная история : учебное пособие / Т.К. Щеглова. – Барнаул : АлтГПА, 2011. – 364 с.

И.В. Чернова
г. Омск, Россия

ИСТОРИЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАЭ ОМГУ ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РГНФ, № 13-31-01008 а1 «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.»

Аннотация: Этнологическое изучения украинского населения Западной Сибири связано с исследованиями, проводимыми в Омском научном центре на протяжении более четырех десятков лет. Основной массив информации был накоплен в экспедициях, данные которых послужили автору основным источником. В публикации показано изменение методического инструментария, широта географического охвата и тематическое разнообразие собранных материалов.

Ключевые слова: украинцы, полевые исследования.

I.V. Chernova
Omsk, Russia

HISTORY OF ETHNOLOGICAL STUDY OF THE UKRAINIAN POPULATION OF WESTERN SIBERIA (ON THE MATERIALS OF MAE OMSU NAMED AFTER F.M. DOSTOEVSKY)

Abstract: The ethnological study of the Ukrainian population of Western Siberia is associated with studies conducted at the Omsk Scientific Center for more than four decades. The main information was accumulated in expeditions, the data of which served as the main source for the author. The article shows a change in methodical tools, the breadth of geographical coverage and the thematic diversity of the materials collected.

Key words: Ukrainians, field research.

Историю этнологического изучения восточнославянского населения Западной Сибири сотрудниками и студентами ОмГУ им. Ф.М. Достоевского позволяют установить экспедиционные материалы, хранящиеся в фондах Музея археологии и этнографии ОмГУ. Большая их часть представлена в фонде I и отражена А.Н. Блиновой и М.Н. Тихомировой в издании «Этнографические материалы в архиве Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского» (Омск, 2015) [4]. Все это подтверждает ориентацию коллектива омских ученых на соблюдение одного из важных этических принципов полевой работы, зафиксированного позднее Американской Ассоциацией антропологов: содействие совместной работе как в части обеспечения свободного доступа к материалам, так и в части содействия коллегам [5, с. 8].

Как отмечают авторы «Материалов...», одной из первых организованных этнологических экспедиций на базе Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (далее ОмГУ) стала совместная этнографическая экспедиция ОмГУ и Томского государственного университета (от Омска руководителем был Н.А. Томилов, от Томска – В.Б. Богомолов). В июле 1974 г. её участники собирали материалы в Большереченском районе Омской области [4, с. 4].

Именно с этого времени начинается история омской этнографической школы под руководством Николая Аркадьевича Томилова, начало научной деятельности которого было связано с томской исторической школой. Работая над кандидатской диссертацией, Н.А. Томилов вел активную полевую работу в среде татар Западной Сибири.

Ежегодные этнографические экспедиционные исследования народов, проживающих в Западной Сибири стали проводиться в ОмГУ с 1975 г. Кроме экспедиций, в соответствии с учебным планом, сначала на гуманитарном факультете, а потом на историческом факультете, была организована этнографическая практика.

Практически с самого начала экспедиционной деятельности в ОмГУ велась разработка вопросников для работы в поле. К 1978 г. было опубликовано два сборника вопросников. Их тематика отражает направления полевой работы: один был посвящен духовной культуре, второй – материальной. В 1979 г. вышел третий сборник [1, 2, 3].

Систематическое изучение восточнославянского населения Западной Сибири начинается с 1976 г., когда была организована поездка к украинцам в Исилькульский, Полтавский и Таврический районы Омской области. В ходе работ была собрана информация о генеалогиях, орнаменте, утвари и хозяйстве, а также сделаны выписки из похозяйственных книг [МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 14–1]. Судя по структурированности материала, исследователи и студенты опирались на вопросники по традиционной культуре украинского населения конца XIX – первой половины XX в. Однако методика фиксации материала отличалась от используемой в настоящее время: записи были не столь детализированы, они скорее напоминают краткое содержание полевого дневника.

Следующая экспедиция к украинцам юга Омской области (Называевский, Павлоградский, Русско-Полянский и Таврический районы) была организована лишь после пятилетнего перерыва, в 1981 г. Она также, как и предыдущая, носила комплексный характер: были собраны материалы по темам календарные обряды, народная медицина, семейная обрядность, фольклор, хозяйство и материальная культура [МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 17–1; 17–5; 17–6]. Представленные материалы свидетельствуют о стремлении зафиксировать обобщенную картину бытования элементов культуры, хотя участники экспедиции старались сохранить и лексические особенности речи информантов. Наибольшей популярностью, как и в предыдущей экспедиции, пользовались темы, связанные с материальной культурой и хозяйством (утварь, орудия труда, хозяйство, одежда).

После шестилетнего перерыва, в 1987 г. состоялась еще одна экспедиция в районы компактного проживания украинского населения на территории Новосибирской, Омской и Томской областей. Помимо традиционных тем по истории и культуре украинцев, участники поездки также собрали представительную коллекцию предметов, которая включала не только элементы традиционной материальной культуры, но и такие предметы, как, например, пионерский галстук. Кроме того, начинает апробироваться методика фиксации и анализа материалов учета населения – похозяйственных книг.

В 1982 г. экспедиция была посвящена изучению казачества как особой группы русского населения. Это направление осталось в числе магистральных и в поездках 1983–1984 гг., в ходе которых студенты познакомились с историей и традиционной культурой русских казаков и украинцев юга Западной Сибири. Судя по экспедиционным материалам, акцент был сделан на сбор генеалогий, хотя про-

водились опросы и по выше перечисленным сюжетам, за исключением специфических тем. В полевых материалах видна бóльшая дифференциация хозяйственной тематики, появляются, например, карточки по извозному промыслу, льноводству, обработке конопли [МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 19–1; 19–2; 19–3; 19–4; 20–1; 20–2; 20–3; 20–4; 20–5; 20–6]. В 1984 г. студентами была собрана значительная коллекция экспонатов, включающая 40 предметов, в основном это была мелкая хозяйственная утварь и текстильные изделия (полотенца, прошвы, скатерти, салфетки, подзоры и т.п.). Из нетипичных экспонатов можно выделить портрет императрицы [МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 20–7].

С середины 1980-х гг. начинается новый этап в осмыслении особенностей полевой работы, связанный с дискуссией на тему «этнографического поля» на страницах журнала «Советская этнография». На фоне развернувшегося научного обсуждения специфики полевых исследований усиливается и работа по сбору предметов для Музея археологии и этнографии ОмГУ, а также начинают собираться материалы хозяйственного учета населения и статистические данные об этнической принадлежности жителей. В музейных материалах появляются и аналитические студенческие отчеты по отдельным темам.

В 1990-е гг. расширяются возможности для фотофиксации элементов культуры и некоторых аспектов экспедиционной жизни, в связи с этим разрабатываются и требования к визуальным источникам, в Музей сдаются фотоописи и частично – фотоколлекции. Надо сказать, что фотофиксация в рамках этнографических практик проводилась с самого начала их существования, однако большая часть этих материалов к настоящему времени утрачена, хотя частично их можно обнаружить в научных публикациях. В связи с этим были разработаны определенные правила фотофиксации объектов и событий, а также примерный план описания фотографии.

Следующий период усиления интереса к украинскому населению, как объекту исследования, начинается в 2000-х гг. В 2004 г. состоялась экспедиция в Одесский район Омской области, где были собраны данные по семейной обрядности, традиционной культуре и истории украинцев [МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 168–1].

Чуть позже, благодаря реализации грантовых проектов полевые исследования в среде украинского населения Западной Сибири возобновляются с новой силой. В 2014–2016 гг. был реализован комплексный проект, инициированный сотрудниками двух научных центров – ОмГУ им. Ф.М. Достоевского и Алтайского государственного педагогического университета. В рамках проекта активно собирались материалы о семье, семейных отношениях и социокультурных практиках украинского сельского населения Западной Сибири. Для сбора материалов были использованы как уже имеющиеся программы, так и дополненные и измененные варианты вопросников по основным темам для русского населения. Полевые этнографические исследования были организованы на территории южных районов (Шербакульского, Одесского) Омской области и Карасукского района Новосибирской области. Важными темами стали адаптационные процессы и культура жизнеобеспечения.

В заключение отметим, что в этнологическом изучении восточнославянского населения можно выделить несколько этапов, каждый из которых связан с расширением хронологических рамок изучаемых явлений и усложнением проблематики исследований. Однако методические приемы, используемые при сборе полевых материалов, не претерпели существенных изменений, расширились лишь рекомендации по их реализации.

Список использованной литературы

1. Программы и вопросники по духовной культуре. – Омск : Полиграф лаборатория ОмГУ, 1978. – 41 с.
2. Программы и вопросники по материальной культуре. – Омск : Изд-во Ом. ун-та, 1978 – 55 с.
3. Программы и вопросники по этнографии. – Омск : Изд-во Ом. ун-та, 1979. – 27 с.
4. Тихомирова, М.Н., Блинова, А.Н. Этнографические материалы в архиве Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского : научное издание / М.Н. Тихомирова, А.Н. Блинова. – Омск : Издательский дом «Наука», 2015. – 384 с.
5. Форум : Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. – 2006. – № 5. – С. 1–161.

О.Н. Шелегина
г. Новосибирск, Россия

ОСВОЕНИЕ НАСЛЕДИЯ: РЕГИОНАЛЬНАЯ МУЗЕЙНАЯ ПРАКТИКА

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 14-21-03501 «Культурное и научное наследие в странах Азии: результаты и перспективы актуализации» - международный научный, постоянно действующий российско-монгольский семинар».

Аннотация: На современном этапе наблюдается расширение мирового музейного пространства, переход к музеефикации целых территорий, обеспечивающей единство их культурного и природного наследия. Важное научно-практическое значение приобретает дальнейшая систематизация опыта и форм музеефикации наследия их интеграции в региональное социокультурное пространство.

Ключевые слова: музейный мир, музеефикация, освоение наследия, Сибирь, социокультурное пространство, геобрендинг.

O.N. Shelegina
Novosibirsk, Russia

DEVELOPMENT OF HERITAGE: REGIONAL MUSEUM PRACTICE

Abstract: At the present stage there is an expansion of the world Museum space, the transition to the museumification of entire territories, ensuring the unity of their cultural and natural heritage. The further systematization of the experience and forms of museumification of the heritage of their integration into the regional socio-cultural space is of great scientific and practical importance.

Keywords: Museum world, museumification, development of heritage, Siberia, socio-cultural space, geopainting.

Одним из актуальных и перспективных мировых трендов становится общественно-значимый переход от использования наследия к его освоению как универсальному способу сохранения наследия, возможности его воплощения «<…> в новой форме культуры иного времени и пространства» [3, с. 9]. Активной научной рефлексии подвергается концепция «тотального наследия», мнемософии (науки о публичной памяти), согласно которой музеи относятся к базовым институтам наследия [10, с. 14, 57]. Современные социокультурные и научные обстоятельства ставят перед музеологами, культурологами, историками задачи систематизации и анализа опыта освоения наследия на международном, национальном и региональном уровнях. Формулировка «освоение наследие» начинает постепенно входить в научный оборот, но концепт (ментальное образование, базовая единица культуры и любой коммуникации, играющая решающую роль в процессах познания) «освоение наследия» до настоящего времени находится в стадии постановки. На данном этапе исследований для научной дискуссии предлагаем следующее авторское определение. Освоение наследия – совокупность процессов выявления, изучения, сохранения, реставрации и реконструкции, музеефикации и дигитализации объектов материального и нематериального наследия, формирование информационно-коммуникационного пространства для внедрения результатов в социокультурную практику на региональном, национальном и международном уровне.

В Сибири музеефикация базируется на освоении значительного в российских и мировых масштабах историко-культурного наследия. В начале XXI в. оно насчитывало около 18600 объектов в том числе: памятников археологии – 8700, истории – 3300, архитектуры – 440; искусства – 160) [5]. Как видно, доминантной формой наследия является археологическая.

Актуальным и перспективным направлением освоения наследия в полиэтничных регионах Сибири является выделение и музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного

значения в республиках Южной Сибири. На основе исследований Л.В. Еремина [1] можно выделить следующие этапы этого процесса: 1) формирование объективных условий и специфического политико-правового поля в сфере культурного наследия республик Южной Сибири (1991–1996 гг.); 2) накопление необходимого информационного и методического фонда, начало музейного строительства (Хакасия) и формирования концептуальных разработок (Тыва, Алтай) в области музейного проектирования (1996–2003 гг.); 3) создание координационных органов, организация музеев на особо охраняемых территориях историко-культурного значения во всех республиках Южной Сибири (2003–2007 гг.); 4) проектирование, организация и фунционирование музеев-заповедников федерального, регионального и муниципального уровня, учреждений музейного типа на территориях историко-культурного значения в Республике Хакасия, Республике Алтай, Республике Тыва (с 2007 г. по настоящее время).

По оценке известного российского археолога и музеолога А.И. Мартынова, музей-заповедник «Томская писаница» – пока единственный в Сибири пример создания многофункционального, комплексного историко-культурного и природного музея-заповедника на основе археологического памятника – Томской писаницы [6, с. 40]. Результаты анализа успешной деятельности этого музея-заповедника положены в предлагаемую В.А. Каплуновым концепцию комплексного музея-заповедника на базе археологического памятника как типа современного музея. Типологизация проводится по ряду параметров: уровню актуализации и музеефикации объекта наследия, наличию соответствующей пространственной музейной инфраструктуры; синергии природного, материального, нематериального наследия; степени интегрированности в региональное социокультурное и научно-образовательное пространство, сферу внутреннего туризма [2].

В Сибирском регионе происходит соответствующее мировым тенденциям дальнейшее расширение объектов и появление новационных форм освоения наследия. В Ханты-Мансийском автономном округе (Югре) для сохранения и развития известного природно-археологического парка функционирует (с 1991 г.) «Историко-культурный и научно-производственный центр «Барсова гора» [8]. В 2012 г. был получен официальный статус объекта – достопримечательное место регионального значения «Барсова гора», что позволяет реализовать при соответствующей координации действий органов власти, хозяйствующих субъектов, научных организаций идею о создании первого в Сибири ландшафтного музея – заповедника. В Кемеровской области предполагается создание новых туристических дестинаций путем бережного использования территорий с уникальными памятниками (археологическими, палеонтологическими, природными) путем одновременной организации национальных парков и музеев-заповедников. Уже разработана под девизом «Восьмое чудо Кузбасса» концепция создания подобного музея-заповедника, охватывающего Шестаковский археологический микрорайон [4].

Как показал анализ современных тенденций в развитии музейного мира наиболее востребованными и эффективными в условиях Сибирского региона, в силу его территориальной, природной и этнической специфики, формами музеефикации наследия стали средовые музеи под открытым небом, музеи-заповедники, осваивающие историко-культурное, природное и этнокультурное наследие [9, с. 166–198]. Музеи-заповедники Сибирского региона развиваются в направлении комплексного освоения всех видов материального и нематериального наследия населения Сибири, интеграции с биосферными заповедниками, природными парками. Результаты этих процессов коррелируется со следующими факторами: 1) культурная значимость, доступность, состояние объекта; 2) наличие административного, адаптивного, инвестиционного, информационно-коммуникационного ресурсов; 3) возможность обеспечения сохранности объекта после его вовлечения в деятельность музея-заповедника; 4) уровень социокультурного потенциала музеефицированного объекта материального/нематериального наследия; 5) возможность интеграции в международные, российские и региональные программы развития культуры, науки, образования. Значимая роль музеев-заповедников в освоении наследия Сибирского региона усиливается в рамках геобрендинга территорий путем глобального позиционирование их как престижных брендовых объектов, инициаторов интеграции в индустрию туризма, креативную экономику.

Вклад музеев-заповедников в брендирование сибирских территорий, трансляцию регионально-локальной идентичности связан с:

- комплексным освоением наследия, позиционированием престижных социокультурных объек-

тов, имеющих мировую и российскую известность, для развития креативной экономики (Историко-архитектурный Тобольский музей-заповедник – градообразующий комплекс, «Томская писаница» – новационный проект презентации этнокультурного наследия Евразии);

• выделением и музеефикацией особо охраняемых территорий историко-культурного значения в республиках Южной Сибири («Казановка», Хакасия, «Долина царей», Тыва);

• представлением процессов заселения Сибири в исторической динамике («Дружба», «Кузнецкая крепость», «Мариинск исторический», «Красная горка»);

• созданием этнокультурного образа региона («Тюльбергский городок», «Шушенское», «Шукшинские Сростки», «Старина Сибирская»).

Ресурсами для развития сибирскими музеями брендинга в условиях имиджевой и репутационной самоидентификации территорий могут стать: использование геобрендинга как гуманитарной коммуникативной технологии; изучение и освоение наследия малых городов, достопримечательных мест на основе концепта топоса как феномена регионально-локальной идентичности; разработка сетевого проекта музея регионального наследия с использованием информационно-коммуникационных, партисипативных, интерактивных технологий, привлечением стейкхолдеров; интеграция науки, образования, культуры в трансляции региональной и локальной идентичности.

Перспективным в освоении индустриального наследия России, развитии регионального туризма можно считать новационный тренд, появившийся в Сибирском регионе в 2010-е гг. Это музеефикация объектов наследия Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа, крупного административно-хозяйственного комплекса на юго-востоке Западной Сибири (1747–1896 гг.) В процессе создания находятся: новая экспозиция Алтайского государственного краеведческого музея, с современных позиций отражающая его историю. Создан отдел Новосибирского государственного краеведческого музея – Музейно-туристический комплекс «Сузун-завод. Монетный двор» (Музей-усадьба управляющего, экспозиция «Медеплавильный завод», музей «Монетный двор»). В Барнауле успешно работает учреждение музейного типа – Краевой туристический центр «Горная аптека» (памятник истории и архитектуры XVIII в., Музей истории аптечного дела на Алтае, выставочный зал). В экспозиции открывшегося в 2018 г. Интерактивного музея книги (Новосибирская государственная областная научная библиотека) выделен раздел «Первая научно-техническая библиотека в Сибири», отражающий книжное наследие Алтайского горного округа. Следует также отметить новую научно-прикладную разработку –проект, осуществленный учеными Института истории СО РАН в тренде освоения наследия. Впервые в контексте представления научного и историко-культурного наследия достопримечательного места «Новосибирский Академгородок» как новационной формы публичной памяти выделен системообразуюший музейный комплекс, представлены музейные формы популяризации научно-технического наследия [7]. Данное издание может послужить основой для разработки учебных и методических пособий по освоению наследия достопримечательных мест Сибирского региона.

Результаты теоретических исследований проблем наследия, обобщение региональной музейной практики по освоению являются методологической и методической основой для дальнейшего эффективного освоения музеями, в интеграции с учреждениями науки, образования, мирового и регионального наследия в Сибирском регионе.

Список использованной литературы

1. Ерёмин, Л.В. Музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в Республиках Южной Сибири : дис. ...канд. ист. наук : 24.00.03 / Л.В. Ерёмин. – Томск, 2010. – 256 с.
2. Каплунов, В.А. Комплексный музей-заповедник на основе археологического памятника как тип современного музея : автореф. дис. .. канд. культурологии : 24.00.03 / В.А. Каплунов. – Кемерово, 2016. – 20 с.
3. Каулен, М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России : монография / М.Е. Каулен. – Москва : Этерна, 2012. – 462 с.
4. Ковешникова, Е.А. Перспективы создания и развития новой туристской дестинации в Кемеровской области / Е.А. Ковешникова // Наука, образование, музеи: формы освоения наследия / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева, О.Н. Шелегина. – Барнаул : Триада; Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2016. – С. 55–60.
5. Колпакова, М.Р. Историко-культурное наследие Сибири / М.Р. Колпакова // Историческая энциклопедия Сибири. – Т. 1. – Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2010. – С. 671.

6. Мартынов, А.И. Особенности и проблемы музеефикации культурно-исторического наследия России / А.И. Мартынов // Музеи-заповедники – музеи будущего. Международная научно-практическая конференция. Елабуга, 18–22 ноября 2014 г. : материалы и доклады / отв. ред. М.Е. Каулен, Г.Р. Руденко, И.В. Чувилова. – Елабуга : ООО «ЕлТИК», 2015. – С. 35–44.
7. Покровский, Н.Н., Запорожченко, Г.М., Шелегина, О.Н. Достопримечательное место Новосибирский Академгородок: научное и историко-культурное наследие / Н.Н. Покровский, Г.М. Запорожченко, О.Н. Шелегина. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. – 162 с.
8. Союрова, А.В. Охрана памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири в 1917–1991 гг. (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа – Югры): автореф. дисс…канд. ист. наук : 07.00.02 / А.В. Союрова. – Екатеринбург, 2015. – 30 с.
9. Шелегина, О.Н. Музейный мир Сибири в первые десятилетия XXI века / О.Н. Шелегина. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019. – 230 с.
10. Шола Томислав С. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти / Томислав С. Шола. – Ростов Великий : ИКОМ России : Ростовский кремль, 2017. – 320 с.

Т.К. Щеглова
г. Барнаул, Россия

ОТ ЭКСПЕДИЦИЙ К НАУЧНОМУ ТЕКСТУ: ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1950-2010-х гг.[1]

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

Аннотация: В статье рассматриваются цель, задачи, способы решения заявленных в гранте РФФИ проблем, доказывается востребованность российской и региональной научной практикой его результатов, обусловленная местом Алтайского края в этнографии России, особенностями формирования этнического, субэтнического и этнографического состава населения региона, традиционных и новационных методов его изучения. Обращается внимание на малоизученность истории этнографических исследований 1950 - 2010-х годов, на необходимость выявления всех российских исследователей, результатов их работы по изучению этнических процессов на территории Алтайского края, степени изученности тех или иных народов, применяемой методики полевой работы, экспедиционные маршруты. Ставятся вопросы об исследовательской культуре этнографов и историков, о недостатках и сложностях формирования источниковой базы по истории исследований, о хранении и интерпретации полевых материалов. Поднимаются вопросы о доступности результатов научных исследований, в т.ч. об использовании информационных ресурсов, для образовательной системы региона и туристско-рекреационного комплекса Алтайского края.

Ключевые слова: история полевых исследований народов Алтайского края, российские исследователи, историография, методы и источники полевой работы, этнографическое музееведение, антропология научной жизни.

T.K. Shcheglova
Barnaul, Russia

FROM EXPEDITIONS TO SCIENTIFIC TEXT: FIELD STUDIES OF ETHNOGRAPHY AND HISTORICAL MEMORY OF THE POPULATION OF RURAL TERRITORIES OF THE ALTAI KRAI IN 1950s-2010s

Abstract: The article considers the purpose, objectives and the ways of solving problems declared in the grant project of The Russian Foundation for Basic Research, proves the relevance of its results for national and regional scientific practices that is determined by the position of Altai Krai in Russian ethnography, the peculiarities of formation of ethnic, sub-ethnic and ethnographic structure of the local population, traditional and innovative methods of its study. A special attention is paid to lack of investigation of the history of ethnographic studies of the 1950 - 2010 years, the necessity to reveal all the Russian scientists, results of their research projects on the study of ethnic processes in Altai Krai, the coverage of studies of some ethnic groups, the applied methods of field research work, expedition routes. The author touches upon the issues of research culture of ethnographers and historians, drawbacks and complexities of formation of source base on the research history, storing and interpretation of field research materials. The issues of availability of scientific research results are also touched upon, such as the use of information resources for the regional education system and touristic recreational complex of Altai Krai.

Keywords: history of field research of ethnic groups of Altai Krai, Russian scientists, historiography, methods and sources of field research, ethnographic museography, anthropology of scientific life.

На Алтае в результате трехсотлетних переселений и миграций в XVIII–XX веках сформировался полиэтнический и поликультурный состав населения. Преобладало крестьянское население, являющееся хранителем этнических традиций. Аграрный характер региона способствовал консервации этих традиций. Широкий спектр этнических культур, их субэтнических и этнографических вариантов являлись и являются причинами перманентного внимания российских исследователей к населению Алтайского края. История изучения этнической истории и культуры народов региона до сих пор не являлась самостоятельным предметом исследования и не подвергалась научному анализу за исключением ряда публикаций [2; 9, 15–16] Между тем изучение истории и традиционной культуры этносов и их этнографических групп, в том числе, титульного этноса – русских, велось с XIX века. Временные векторы экспедиционной работы шли от коренных народов Алтая (В.В. Радлов) и русских старожилов (С.И. Гуляев) к группам народов-переселенцев с конца XIX до начала XXI столетий [3–4; 14; 17]. Изучению истории полевых этнографических исследований посвящен грант ««Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края»[1].

Хронологические рамки исследования гранта охватывают 1950–2010-е годы. До формирования в Алтайском крае собственных региональных научных школ в 1990-е годы исследованиями этнических процессов и их аналитическими обобщениями в основном занимались профессиональные исследователи (этнографы, искусствоведы) из столичных академических центров, перу которых принадлежат первые, в том числе, монографические обобщения по этнографии населения Алтайского края [5; 10; 12–13; 18]. Основной вклад региональ-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

ных исследователей состоял, прежде всего, в накоплении источникового материала.

Благодаря выбранным хронологическим границам, в центре внимания научного коллектива гранта находится практика экспедиционного изучения народов Алтайского края российскими исследователями в местах проживаниях этнических, субэтнических и этнографических групп. Современные исследователи, работающие «в поле», как правило, являются учениками ведущих этнографов 1950–70-х годов, продолжателями их дела. Опыт работы показывает, что о многих из них (Н.И. Каплан, Е.А Ащепков, Л.И. Снитко, Л.М. Рысакова, Ф.Ф. Болонев), несмотря на небольшой промежуток времени, сохранилось мало информации; или она носит отрывочный характер. Даже маршруты их исследований на Алтае с трудом выявляются по опубликованным статьям. Для коллектива исследователей АлтГПУ, занимающихся уже третье десятилетие устной историей (oral history) важное значение имеет изучение не только истории и культуры народов Алтайского края, но и изучение исследовательской культуры самих этнографов с помощью интервьюирования, бесед и опросов участников полевых исследований. Интерес представляет развитие технологий полевых исследований; экспедиционные маршруты этнографов на территории Алтайского края; пространственные ареалы расселения народов, охваченные полевыми исследованиями и их картографированием; условия и факторы полевой работы исследователей; полевые материалы авторов, принципы их формирования и хранения; степень изученности и апробации полевых материалов в их научных публикациях, методика интерпретации полевых материалов и их введение в научные тексты.

Реализация этих направлений грантовой работы предполагает достижения нескольких научных уровней.

1. В области антропологии научной жизни, в первую очередь, в части антропологии полевых исследований, условий и факторов, в которых работали полевики. Этот материал остается за строками научных текстов и является самостоятельным предметом исследований. История изучения народов в этнографических выездах предполагает опору на историческую память самих исследователей – этнографов, историков, фольклористов и других с целью рассмотрения их вклада в изучении истории и культуры народов Алтайского края, феномена полевой работы, менталитета исследователей, их гражданских и научных принципов, установок, мотивации экспедиционных выездов, этикета взаимоотношений с респондентами и т.п. В 2019 г. Н.В. Люля и А.А Гоппе отработали с представителями ведущей сибирской научной омской школы, занимавшимися на территории Алтайского края полевыми исследованиями: д.и.н. Т.Б. Смирнова и к.и.н. А.Н. Блинова (этнография немцев), к.и.н. Ш.К. Ахметова (этнография казахов), к.и.н. Т.Н. Золотова и к.и.н. М.А. Жигунова (восточнославянская этнография). В 2019 и начале 2020 г. Т.К Щеглова занималась с ведущими российскими этнографами Института этнологии и антропологии им Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва): д.и.н. В.А. Липинская (этнография русских) [6–7] и к.и.н. Е.П. Батьянова (этнография телеутов) [1].

2. В области методологии и источниковедения историко-этнографических исследований. Работа с исследователями позволяет аккумулировать имеющиеся теоретико-концептуальные наработки исследователей, проанализировать традиции и новации в современных исследовательских технологиях полевой работы. Важным является актуализация баз данных по экспедиционным исследованиям, что может в определенной степени удовлетворить источниковые потребности по изучению развития этнических культур в контексте исторических событий XX–XXI столетий. Самостоятельное значение имеет анализ опыта продвижения текстов полевых исследований в научных работах, методы работы с полевыми этнографическими материалами, их интерпретацией, что является в научных текстах всегда сложным делом, а при ведении источников, полученных путем опросов, тем более. Проведенные в 2019 году интервью отражают еще одно важное значение проводимой работы. В силу особенностей полевой работы происходят потери источникового материала. Ведущий сотрудник отдела «этнографии русских» Института этнологии и антропологии, им Н.Н. Миклухо-Маклая д.и.н. В.А. Липинская, которая работала с 1961 г. на территории Алтайского края, рассказывала о потере привезенных в Москву уникальных карт: «В Земляном управлении Алтайского края работала… Вы представьте себе, что я эти

[1] Грант реализуется научным коллективом в составе к.и.н., Н.С. Грибановой, А.В. Рыкова, Н.В. Люля, А.А. Гоппе, И.А. Панченко под руководством д.и.н., проф. Т.К. Щегловой.

карты забрала?! Это первый отдел! Это секретные документы! В сороковой год перед войной делали аэро-фотосъемки. Я их привезла сюда [Институт этнографии РАН], я по ним смотрела… застройку, типы населенных пунктов и типы поселений… так и не успела опубликовать планировку поселений. И можете себе представить, когда переезжали сюда, в этот отдел… Они все это куда-то убрали. И в нашем архиве уже этих материалов нет, то есть они пропали… Я пыталась их сохранить, я считала, что это ценная информация. Вот так вот, собираешь, собираешь, а потом эти архивариусы уничтожают» [8]. Проявление внимания к так называемым «полевым материалам автора» актуализируют вопросы их сохранения.

3. В области историографии. Работа в этом направлении предполагает мобилизацию всей имеющейся опубликованной научной и научно-популярной литературы. Акцентуация на биобиблиографии по истории и культуре народов Алтайского края и создание информационного портала с историографией по этнографии населения Алтайского края в условиях отсутствия обобщающих научных изданий по этнографии региона позволяет компенсировать историографический голод и закрыть историографические пробелы. За первый год реализации гранта был выявлен круг исследователей из разных городов Российской Федерации, занимавшихся полевыми исследованиями истории и культуры народов Алтайского края. Они носили междисциплинарный характер и охватывали наряду с этнографами широкий круг специалистов – историков, искусствоведов, лингвистов, фольклористов, а также работников музеев. Изданный биобиблиографический указатель [11] включает материалы о более 50 российских, сибирских и региональных исследователях за 70 лет этнографических исследований и более чем за 30 лет развития устной истории Алтая.

4. В области регионального этнографического музееведения по каталогизации предметов и материалов по традиционной культуре народов Алтайского края, прежде всего, в музеях, фонды которых выпали из-под государственно-административного контроля – это муниципальные и общественные (школьные, сельские и др.) музеи. Значительная часть материалов храниться в архиве ЦУИиЭ. Это фотофиксации коллекций этнографических предметов, выявленных в экспедициях с 1991 года по селам более чем 30 сельских административных районов Алтайского края.

Все эти направления грантовой работы отражены на созданном информационном ресурсе (веб-сайте) (http://etnografy.altspu.ru). Он имеет пять разделов: Исследователи; Исследовательские центры; Архивные коллекции; Музейные коллекции; Электронная библиотека. В первый год заполнен раздел «Исследователи», который имеет удобную навигацию. В нем размещен расширенный список исследователей, с новыми выявленными фамилиями исследователей (предполагается дальнейший поиск), с информацией об их научных интересах, исследовательской деятельности, географии их исследований, публикации о них, фотоматериалы, в том числе по полевой работе исследователей в сельских территориях Алтайского края, видеоматериалы, включая интервью, а также PDF-варианты их статей.

Исследовательский проект настоящего гранта органично вписывается в комплексную программу Центра устной истории и этнографии по истории и этнографии сельского населения Алтайского края. Его Интернет-сайт размещен на общей Интернет-платформе Центра вместе с сайтами предыдущих исследовательских проектов «Культура жизнеобеспечения русского сельского населения Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (Щеглова Т.К., Алекса Д.В., Рыков А.В., Кузнецов А.С., Мазырина А.А. https://old.altspu.ru/history/kignak), «Этнодесант 22: интерактивная карта народов Алтайского края» (Щеглова Т.К., Грибанова Н.С., Рыков А.В., Люля Н.В., Гоппе А.А., Панченко И.А, Свидовская А.С. http://etnodesant.altspu.ru/load/index.html), «Крестьянская архитектура: памятники традиционной крестьянской архитектуры» (Щеглова Т.К., Григоричев К.В., Федоренко О.А. https://old.altspu.ru/p_arh/index_e.html) и др.

Как и в предыдущих грантовых проектах проводимые исследования носят практикоориентированный характер. Именно поэтому данный грант был поддержан в конкурсе региональных грантов, имеющих совместное финансирование – РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края. Важнейшими выходами научных результатов грант ориентируется на потребности региональных социогуманитарных наук, потребности системы образования разного уровня, а также потребности сельского, событийного и этнографического туризма на территории Алтайского края, где создается туристско-рекреационный комплекс международного значения с включением этого индика-

тора в реализуемую в настоящее время Стратегию социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года. Живая полевая работа исследователей в конкретных населенных пунктах на территории административных сельских районов дает информацию по истории и культуре этнических, субэтнических или этнографических групп населения, которая маркируется в планировке, застройке, архитектуре, «заборном творчестве», оформлении источников водообеспечения, в фольклорных традициях и т.п. Именно эта информация позволяет включать те или иные территории в зону туризма и выстраивать экскурсионные маршруты. Соединение сугубо научных целей и задач с ориентацией на образовательную, культурно-массовую и просветительскую практику является важнейшим в деятельности сотрудников ЦУИиЭ и коллектива кафедры отечественной истории.

Список использованной литературы

1. Батьянова, Е.П. Род и община у телеутов в XIX – начале XXI века: монография / Е.П. Батьянова ; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 2007. – 394 с.
2. Гоппе, А.А. Значение устной истории для развития новационных подходов и методов в изучении исторической памяти и этнографии населения сельских территорий: на примере деятельности центра устной истории и этнографии АлтГПУ (БГПУ) в 1990-е годы / А.А. Гоппе // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. –2019. – № 4. – С. 102–108.
3. Грибанова, Н.С. Полотенце в культуре русского сельского населения Алтая в конце XIX – начале XXI в. : монография / Н.С. Грибанова. – Барнаул : АлтГПА, 2013. – 256 с.
4. История и этнография украинского населения Западной Сибири : Библиографический указатель (1981–2013 гг.) / сост. Н.С. Грибанова, И.В. Чернова. – Барнаул : ООО «АЗБУКА», 2014. – 36 с.
5. Каплан, Н.И. Очерки по народному искусству Алтая / Н.И. Каплан; Научно-исследовательский институт художественной промышленности. – Москва : Госместпромиздат, 1961. – 96 с.
6. Липинская, В.А. Русское население Алтайского края: народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.) / В.А. Липинская ; отв. ред. В.А. Александров ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 1987. – 224 с.
7. Липинская, В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае, XVIII – нач. XX в. / В.А. Липинская ; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, науч.-произв. центр «Наследие» Ком. Администрации Алт. края по культуре и туризму. – Москва : Наука, 1996. – 267 с.
8. Липинская, В.А. 1932 г.р., Москва. Институт этнологии и антропологии РАН. Запись Т.К. Щегловой в ноябре 2019 года.
9. Люля, Н.В., Рыков, А.В. Казахи Алтайского края: полевые исследования сибирских этнографов в 1990–2010-е гг. / Н.В. Люля, А.В. Рыков // Манускрипт. – 2019. – № 12. – С. 119–123.
10. Очерки по народному искусству Алтая / Н.И. Каплан; Научно-исследовательский институт художественной промышленности. – Москва : Госместпромиздат, 1961. – 96 с.
11. Полевые исследования по этнографии и устной истории Алтайского края в 1950–2010-е гг.: библиографический тематический научно-вспомогательный указатель / науч. ред. Т.К. Щеглова ; составители Т.К. Щеглова, А.В. Рыков, А.А. Гоппе, Н.С. Грибанова, Н.В. Люля. – Барнаул : АлтГПУ, 2020. – 336 с.
12. Потапов, Л.И. Очерки по истории алтайцев / Л.И. Потапов ; Под ред. проф. С.А. Токарева. – Новосибирск : Новосибгиз, 1948 (тип. № 1 Полиграфиздата). – 506 с.; [2-е изд., доп.]. – Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. Наук СССР, 1953. – 444 с.
13. Русакова, Л.М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири / Л.М. Русакова; Отв. ред. Ф.Ф. Болонев; [АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии]. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1989. – 173 с.
14. Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX – XX веке : монография / Н.С. Грибанова и др. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 305 с.
15. Щеглова, Т.К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции : монография / Т.К. Щеглова. – Барнаул : АлтГПУ, 2018. – 508 с.
16. Щеглова, Т.К. Исследования по истории и культуре народов Алтайского края: полевая этнография и устная история в 1950–2010-е гг. / Т.К. Щеглова // Полевые исследования по этнографии и устной истории Алтайского края в 1950–2010-е гг.: библиографический тематический научно-вспомогательный указатель / науч. ред. Т.К. Щеглова ; составители Т.К. Щеглова, А.В. Рыков, А.А. Гоппе, Н.С. Грибанова, Н.В. Люля. – Барнаул : АлтГПУ, 2020. – С. 3–14.

17. Щеглова, Т.К. Этнографические исследования в Алтайском крае: история и современность / Т.К. Щеглова // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2007 г.: археология, этнография, устная история: материалы 4-й региональной научно-практической конференции, 6–8 декабря 2007 г. / Алтайская государственная педагогическая академия, Лаборатория исторического краеведения; редкол.: М.А. Демин, Т.К. Щеглова, А.Н. Телегин.– Барнаул : АлтГПА, 2009. – Вып. 4. – С. 171–186.
18. Этнический состав и происхождение алтайцев: Ист.- этногр. очерк / Л. П. Потапов; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. Горно-Алт. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 196 с.

РАЗДЕЛ 2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Г.М. Алиева

г. Павлодар, Республика Казахстан

ПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Аннотация: В статье раскрывается роль музейных фондов в образовательной деятельности музея.

Ключевые слова: музей, история.

G.M. Alieva

Pavlodar, Republic of Kazakhstan

PRESENTATION OF MUSEUM FUNDS AND FORMATION OF NATIONAL HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Abstract: The article reveals the role of museum funds in the educational activities of national and historical self-awareness.

Keywords: the museum, history.

Павлодарский областной историко-краеведческий музей основан в 1942 году на базе областного отделения «Общества изучения Казахстана». В 1959 году ему было присвоено имя Г.Н. Потанина – путешественника, исследователя Средней Азии.

Музей является визитной карточкой города и открыт к сотрудничеству в любой сфере культурно-образовательной деятельности. Экспозиционные залы музея перед посетителями раскрывают историю и культуру нашего края. В 1928 году на берегу Иртыша, в километре к югу от павлодарского железнодорожного моста было обнаружено множество останков древних животных. Так был открыт памятник «Гусиный перелет», по разнообразию и сохранности находок он входит в двадцатку всемирно известных палеонтологических памятников. Десятки тысяч были отправлены в различные исследовательские институты и музеи СССР, и только часть находок осталась в Павлодаре. Сейчас их можно увидеть в залах Павлодарского областного историко-краеведческого музея им. Г.Н. Потанина, музея «Ертіс».

В фондах более 100 тысяч экспонатов основного фонда, из них около 10 наименований коллекций: археологическая, этнографическая, нумизматика, фотоизобразительная коллекция, документальная, естественно-научная, производственная, коллекция огнестрельного и холодного оружия. Музей располагает богатой коллекцией по истории и этнографии казахского народа.

Экспонаты нашего музея являются ценным достоянием края, неизменно привлекают внимание посетителей. Это скелет большерогого оленя, скелет мамонта, колчан для стрел из бересты, скиф-

ский котел, бокка – женский головной убор из серебра, серебряное зеркало и другие.

Музей расположен в здании бывшего торгового дома купца А.И. Дерова – памятнике архитектуры и истории республиканского значения (г. Павлодар, ул. Астана, 149); построен в 1896 г. по проекту уральского архитектора П.П. Батова в купеческом сибирском стиле с элементами модерна и неоклассицизма. В центре здания имеется мезонин – двухэтажная надстройка, на которой размещалась шатровая башенка-дымоход, которая в 50-е годы 20 века была снята из-за ветхости, а в 2010 году вновь восстановлена по чертежам. В оформлении фасада торгового здания применены различные элементы архитектурных решений – розетки, выступы, арочные окна, на крыше металлические кованые решетки – парапет. Здание длиной свыше 70 м. оштукатурено с момента строительства.

После 1917 г. в этом здании размещались не только торговые учреждения, но и другие организации. В советское время располагались магазин Торгсина, Казторга, Сибторга, а после войны Горпищеторга, Культорга и Облкниготорга. В годы войны часть здания занимал парткабинет с библиотекой горкома партии и эвакогоспиталь 2448. С 1977 года здание бывшего торгового дома передано для размещения экспозиций областного историко-краеведческого музея им. Г.Н. Потанина.

В Павлодарском областном историко-краеведческом музее им. Г.Н. Потанина имеются 7 подразделений – Экибастузский историко-краеведческий музей, Аксуский историко-краеведческий музей, Щербактинский историко-краеведческий музей, Дом-Музей Д.П. Багаева, Дом песенного творчества М. Шамсутдиновой, Музей Воинской Славы, музей «Ертіс», работает научная библиотека.

В основном здании музея имеется 10 экспозиционных залов: зал палеонтологии, флоры и фауны, Павлодарского Прииртышья, археологии, кочевой цивилизации, казахской этнографии, истории города Павлодара, края в XVII–XVIII вв., новейшей истории, послевоенного развития Павлодарской области.

Музеем проводятся различные культурно-массовые мероприятия, тематические и обзорные экскурсии, краеведческие уроки, панельные встречи, тематические выставки.

Музеи играют важную и значительную роль в формировании личности. Это находит свое выражение в следующем:

- во-первых, они, являясь центром хранения историко-культурного наследия, способствуют формированию у подрастающего поколения интереса и любви к национальной истории, литературе, искусству, чувства общности, эмоционального тяготения к своей этнокультурной, социальной и религиозной среде, ее обычаям, взглядам, традициям;
- во-вторых, они содействуют профилактике и преодолению духовного кризиса общества, сохраняя и транслируя в форме музейных предметов духовное наследие общества;
- в-третьих, они выводят индивид из жестких границ социума в мир общечеловеческих ценностей, в мир культуры и способствуют эстетическому развитию населения;
- в-четвертых, образовательная среда музея не только расширяет кругозор и дает определенные знания молодежи, но и является местом, где создаются условия для самообучения и саморазвития личности, способствуя формированию убеждений и личного опыта в отношении истории и культуры.

Формирование культурного опыта общества происходит через участие в социальных процессах; требует осознанных усилий, специально организованной деятельности, а Музей – идеальная среда.

Согласно дефиниции М.Е. Каулен и Е.В. Мавлеева, музей – это «исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы природных и культурных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение, – музейных предметов».

Музей – учреждение, занимающееся собиранием, изучением, хранением и экспонированием предметов-памятников естественной истории, материальной и духовной культуры, а также просветительской и популяризаторской деятельностью.

В фондах музея по различным исследовательским темам работают научные сотрудники, краеведы, студенты, школьники, музейные сотрудники. В результате научно-популярные статьи и издания обогащаются новыми материалами, накопленными музейными сотрудниками.

В рамках программной статьи «Духовная модернизация» с целью воспитания исторического национального самосознания в 2018–2019 годах Павлодарским областным историко-краеведческим музеее им. Г.Н. Потанина был реализован проект «История родного края с древности до современности».

Прошли выставки сакральных мест «История родного края с древности до современности», исторических и природных памятников местного и республиканского значения. На них из фондов районных музеев и домов культуры были представлены археологические, палеонтологические находки, исторические документы, предметы быта и этнографии разных народов, проживающих в области.

Ежегодно на территории области проводятся археологические раскопки разновременных памятников, результатом деятельности которых являются находки, свидетельствующие о многовековой истории, представлены на музейных выставках: это каменный жертвенник с могильника Золотая грива Железинского района, керамические плитки мавзолея Аулиеколь XII–XIII веков, наконечники стрел с местности Калмаккырган Майского района.

Для посетителей проводились краеведческие уроки, тематические экскурсии. Таким образом посетитель узнавал о прошлом края, проникался культурой через представленные экспонаты. Происходит формирование интереса и любви к национальной истории, общечеловеческих ценностей, воспитание на примере жизни и деятельности ярких знатных земляков, оставивших культурное и научное наследие.

Список использованной литературы

1. Субботина, О.В. Музейная образовательная среда как средство формирования культурного опыта личности [Электронный ресурс] / О.В. Субботина. – Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2885
2. Золотая книга Казахстана. – Алматы, 2018. – С. 286.

П.А. Афанасьев
г. Барнаул, Россия

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ФОНДА Е.П. КЛЕВАКИНА: ИТОГИ ПРОЕКТОВ РФФИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-09-00448 «Дневники и письма сибирского чиновника последней трети XIX в. Е.П. Клевакина (подготовка к научной публикации)».

Аннотация: Статья освещает опыт публикации документов чиновника последней трети XIX в. Е.П. Клевакина, проживавшего и служившего на Урале и Алтае. Предпринятая в ходе реализации двух проектов РФФИ, публикационная деятельность определялась достаточно полной сохранностью документального наследия чиновника, что является редким и уникальным примером для провинциального чиновника невысокого статуса. В статье раскрываются общие методические принципы публикации, позволяющие ввести в научный оборот редкий образец практически полного мемуарно-эпистолярного комплекса, созданного провинциальным чиновником в течение всей жизни.

Ключевые слова: чиновничество, сибирская мемуаристика, публикация источников, Е.П. Клевакин.

P.A. Afanasyev
Barnaul, Russia

PUBLICATION OF DOCUMENTS OF PERSONAL PAPERS OF E.P. KLEVAKIN: RESULTS OF RFBR PROJECTS

Abstract: The article covers the experience of publishing documents of the official of the last third of the XIX c. E.P. Klevakin, who lived and served in the Ural and Altai. Undertaken during the implementation of two projects of RFBR, the publication activity was determined by the sufficiently

complete preservation of the documentary heritage of the official, which is a rare and unique example for the provincial official of low status. The article reveals the general methodological principles of publication, which allow introducing into scientific circulation a rare sample of almost complete memoir-epistolary complex created by the provincial official throughout his life.

Keywords: official, Siberian memoiristics, publication of sources, E.P. Klevakin.

Широкое развитие в исторических исследованиях междисциплинарности и направлений микроистории и истории повседневности неизбежно требует пополнения корпуса исторических источников. В первую очередь, перечисленные направления связаны с выявлением и введением в научный оборот источников личного происхождения. Общепризнанно, что они дают возможность представить и раскрыть общеисторические процессы, преломляя их через жизненный путь отдельного человека, показывая его в контексте окружающей действительности. Наибольшую ценность с этой точки зрения представляют достаточно редкие источники личного происхождения, авторство которых связано с социальными группами, не имевшими устойчивой мемуарно-эпистолярной традиции, – мелким и средним чиновничеством и торговцами, крестьянами и другими группами, проживавшими преимущественно в провинции.

В Государственном архиве Алтайского края сохранился архивный фонд провинциального чиновника Евгения Поликарповича Клевакина. Достаточно полная сохранность его обширного документального наследия является уникальной и не характерной для провинциального дореволюционного чиновника невысокого положения. Документальное наследие этого чиновника хорошо известно алтайским краеведам и историкам. Однако долгое время личность чиновника и его рукописи не привлекали внимания исследователей. Между тем широкая география жизненного пути чиновника и большой хронологический охват делают его наследие интересным в рамках всего сибирского региона. В настоящей статье автором предпринята попытка подвести промежуточные итоги публикации этих документов, предпринятой под его руководством в рамках проектов РФФИ.

К настоящему времени сформировались серьезные традиции в выявлении и публикации мемуарного наследия сибиряков. Бесспорным лидером в этом направлении является Н.П. Матханова. Она не только изучила само явление сибирской мемуаристики XIX – начала XX вв., но и проделала кропотливую работу по выявлению ее корпуса (опубликованной и неопубликованной) и обобщению его в виде исследования и справочника [7]. Под ее руководством в последнее десятилетие осуществлены научные издания сборников с мемуарами сибиряков. Неоднократно исследователь касалась археографических особенностей издания мемуарного наследия XIX в. [6]. Благодаря работам Н.П. Матхановой можно говорить о наличии теоретической базы и практических примеров качественного научного издания сибирской мемуаристики. Вместе с тем в изданном корпусе сибирской мемуаристики ведущее место принадлежит воспоминаниям, а дневники и особенно письма имеют второстепенное значение. Одним из немногих примеров может служить публикация дневников и писем бийского купца А.Д. Васенева, осуществленная А.В. Страцевым [9], а также комплекс писем красноярских купцов Ларионовых, изданный Е.В. Комлевой [4].

Изучение документального наследия Е.П. Клевакина долгое время не привлекало историков. Публикации единичных документов не сопровождались их подробным анализом. Предпринятая в 2014 г. Л.А. Вишняковой первая крупная публикация тематической подборки записок Е.П. Клевакина о его тюремной службе [1] подвела итог изучению исследователем только этой сферы деятельности мемуариста. Наиболее полное изучение личности и биографии Е.П. Клевакина, специфики его документального наследия было осуществлено автором этих строк в рамках проекта по изучению алтайского чиновничества, поддержанного РГНФ (РФФИ) (проект № 16-11-22005 а(р), реализованного в 2016–2017 гг.). Одним из направлений проекта стала публикация воспоминаний Е.П. Клевакина как представителя алтайского чиновничества [2; 3].

Отбор воспоминаний для публикации заставил подробно реконструировать биографию чиновника и предпринять общую характеристику сохранившегося рукописного наследия Е.П. Клевакина [2, с. 3–85]. Первая половина жизни чиновника прошла на Урале, приходясь на пореформенный период. С 1883 г. чиновник переехал жить в Сибирь. Как правило, эта особенность редко принималась в расчет исследователями. Уральский период жизни

чиновника выпадал из поля зрения исследователей, что сужало и обедняло изучение его документального наследия. Поэтому, отбирая для публикации воспоминания Е.П. Клевакина, было решено не ограничиваться рамками Алтая, хотя именно на это период его жизни приходятся преимущественно воспоминания чиновника.

Уральский период жизни Е.П. Клевакина сопровождался активным написанием дневников. Сохранившиеся за более чем десятилетний период (1864–1886, с перерывами), они рисуют жизнь мелкого чиновника, вынужденного пробиваться собственным трудом, отражая все тяготы службы мелкого провинциального чиновничества. Учитывая, что Е.П. Клевакин вышел из среды мастеровых Уральских заводов, а по образу жизни его семья мало отличалась от крестьян, то дневники Е.П. Клевакина пореформенного времени интересны как документ, фиксирующий переход их автора в категорию профессионального чиновничества, чья жизнь полностью становилась зависима от канцелярской деятельности.

Еще одна особенность документального наследия Е.П. Клевакина состоит в сохранении эпистолярного комплекса, созданного автором на протяжении 10 лет (1875–1885 гг.). Автор, имея широкий круг корреспондентов, переписывал все отправленные письма в особые книги. Благодаря этой педантичности историки имеют уникальный комплекс писем провинциального чиновника. Однако этот факт также никогда не был предметом специального исследования историков, несмотря на очевидную неординарность сохранившегося комплекса писем. Письма в определенной степени дополняются корреспонденциями Е.П. Клевакина в сибирские газеты и некоторые журналы. Выявить их можно благодаря сохранившимся черновикам и упоминаниям о них самого автора.

Публикация воспоминаний Е.П. Клевакина и знакомство с его документальным фондом показали, что письменное наследие чиновника выходит за рамки местной истории и может быть интересным как источник по истории повседневности провинциального чиновничества Сибири в целом. Слабое внимание к дневникам и письмам провинциальных жителей, описанное выше, уникальность сохранности этих комплексов в бумагах Е.П. Клевакина дали возможность подать заявку на проект по научной публикации дневников и писем провинциального чиновника, получивший поддержку РФФИ на 2019–2020 гг.

Поставленная задача по введению в научный оборот комплекса мемуарно-эпистолярного наследия Е.П. Клевакина рассматривается как логическое завершение уже изданных его воспоминаний. Хотя в новом проекте объект изучения сместился на дневники и письма Е.П. Клевакина, неизменным остался ракурс внимания к ним: археографическая подготовка и научное комментирование текстов дневников и писем.

Научная публикация уже вышедших воспоминаний, а также готовящихся в настоящее время дневников и писем Е.П. Клевакина, осуществляется на единой методической основе. Главным образом она опирается на приемы и методы, изложенные в «Правилах издания исторических документов в СССР» [8], последнем по времени своде рекомендаций по публикации источников. Также учтены высказанные в научной периодике указания на необходимость более строгой передачи мемуарных текстов XIX в. [6] и критические замечания рецензентов на крупные издания мемуаристики последних лет [5; 10]. В частности, принципы передачи текста предполагают максимальное сохранение особенностей текста, характеризующих письменно-речевую культуру автора. При этом орфография и пунктуация дается в соответствии с современными правилами. Особое внимание уделено текстуальным примечаниям, отмечающим вставки слов, фраз и предложений, их зачеркивания, подчеркивания, пометы на полях и другие дополнения к основному тексту источника. Данные примечания позволяют не только оценить стиль его работы над создаваемыми документами, но и охарактеризовать его письменную культуру как часть этого явления в провинции.

Спецификой подготовки научного издания мемуарно-эпистолярного наследия Е.П. Клевакина является составление обширного содержательного комментария к тексту. В первую очередь, комментарий призван включить тексты в исторический контекст эпохи их создания. Для этого в комментарии поясняются исторические факты и явления, приводятся историко-биографические сведения о лицах, упоминаемых в публикуемых текстах. Составление комментариев к публикуемым документам представляет особую сложность, поскольку многие явления и лица в силу провинциальной значимости не являются широко известными и могут быть выявлены только путем разысканий, нередко в региональных архивах и библиотеках. Это полностью подтвердил процесс подготовки к публикации вос-

поминаний и дневников. Для их комментирования пришлось задействовать информацию из архивов и музеев Барнаула, Томска, Екатеринбурга, Перми, Кушвы, Москвы и Петербурга.

Обязательный элемент уже изданных воспоминаний Е.П. Клевакина и готовящихся дневников и писем – наличие вступительной статьи с характеристикой и анализом публикуемых документов. Таким образом, публикация сопровождается научным исследованием документов. Еще одной особенностью публикуемого документального наследия является его иллюстрирование, что нередко игнорируется издателями мемуаров. Учитывая широкий географический охват жизни и наследия Е.П. Клевакина, иллюстрации призваны «оживить» тексты документов и по возможности визуализировать описания исследуемых источников. Помимо интересных изображений документов автора, выявляются хронологически близкие изображения мест, которые описывает автор, фотографическая или художественная фиксация явлений, близких к тем, которые упоминает автор. Обязательным при публикации иллюстраций является их комментирование, делающее понятным для читателя значимость и необходимость каждого изображения.

Комментированная научная публикация воспоминаний, дневников и писем Е.П. Клевакина, являясь результатом реализации нескольких проектов РФФИ, вводит в научный оборот львиную долю документального наследия этого автора. В распоряжение исследователей попадает корпус источников по истории провинциального чиновничества, впервые полностью и разносторонне освещающий почти всю жизнь одного из его представителей. В итоге, в научный оборот вводится редкий образец практически полного рукописного наследия провинциального чиновника, при этом с широким географическим и хронологическим охватом, что расширяет источниковую базу для исследований российского чиновничества и провинциальной повседневности.

Список использованной литературы

1. Записки Е.П. Клевакина о тюрьме (по материалам личного фонда) (1884–1885, 1901–1917): сборник документов / отв. сост. Л.А. Вишнякова. – Барнаул : БЮИ МВД России, 2014. – 340 с.
2. Клевакин, Е.П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае : сборник документов: в 2 т. Т. 1 / изд. подгот. П. А. Афанасьев. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 420 с.
3. Клевакин, Е.П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае: сборник документов: в 2 т. Т. 2 / изд. подгот. П. А. Афанасьев. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 458 с.
4. Комлева, Е.В. Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Вып. 1. Письма конца XVIII – первой трети XIX в. / Е.В. Комлева. – Новосибирск : Академиздат, 2016. – 324 с.
5. Коновалов, Ф.Я. Рецензия / Ф.Я. Коновалов // Российская история. – 2019. – № 5. – С. 216–221. – Рец. на кн.: Комлева, Е.В. Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Вып. 1. Письма конца XVIII – первой трети XIX в. / Е.В. Комлева. – Новосибирск : Академиздат, 2016. – 324 с.
6. Матханова, Н.П. Актуальные проблемы научной публикации мемуарных источников XIX в. / Н.П. Матханова // Отечественные архивы. – 2012. – № 1. – С. 16–22.
7. Матханова, Н.П. Сибирская мемуаристика XIX в. / Н.П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения Российской акад. наук, 2010. – 549 с.
8. Правила издания исторических документов в СССР / ВНИИ документоведения и арх. дела и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР, 1990. – 186 с.
9. Сибирский купец А.Д. Васенев. Ч. 1–2. Дневники, документы и письма / Сост. А.В. Старцев. – Барнаул : АГУ, 1994. – 192 с.
10. Шилов, Д.Н. Переживая о «Пережитом» / Д.Н. Шилов // Российская история. – 2018. – № 2. – С. 140–150.

В.А. Бармин
г. Барнаул, Россия

О ПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ СИНЬЦЗЯНА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КИТАЕ (1948–1949 гг.)

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 13-11-22005 «Советский Союз и великие державы в Синьцзяне в 1918-1949 гг.: столкновение региональных интересов».

Аннотация: В предлагаемой статье раскрывается основное содержание политического курса советского руководства в отношении Синьцзяна на завершающем этапе гражданской войны в Китае. В основе этого курса лежали две принципиальные позиции: сохранение суверенитета Китая над указанным регионом и защита национальных прав проживающих здесь коренных народов. Ситуация, которая позволила советскому руководству оказывать во многом доминирующее влияние на поиски решения этих сложных проблем, иллюстрируется сюжетами, показывающими формы и методы деятельности партийных и государственных деятелей СССР в достижении поставленной цели.

Ключевые слова: Синьцзян, суверенитет, Китай, советское руководство, компартия Китая.

V.A. Barmin
Barnaul, Russia

ABOUT THE POLITICAL COURSE OF THE SOVIET LEADERSHIP WITH RESPECT TO XINJIAN AT THE FINAL STAGE OF THE CIVIL WAR IN CHINA IN1948–1949 YEARS

Abstract: The article reveals the main content of the political course of the Soviet leadership regarding Xinjiang at the final stage of the Chinese civil war. This course was based on two principled positions: maintaining the sovereignty of China over this region and protecting the national rights of the indigenous peoples living there. The situation, which allowed the Soviet leadership to exert a dominant influence on the search for a solution to these complex problems, is illustrated by plots showing the forms and methods of activity of the party and state figures of the USSR in achieving their goals.

Keywords: Xinjiang, sovereignty, China, the Soviet leadership, the Communist Party of China.

К концу 1948 года ситуация в гражданском противостоянии между силами компартии Китая во главе с Мао Цзэдуном и партией Гоминьдан, руководимой формальным председателем правительства Китайской Республики – Чан Кайши, начало явно клониться в сторону коммунистов. Положение сторонников Чан Кайши, становилось, по сути, критическим. В докладе посольства США государственному департаменту от 9 ноября 1948 года американские дипломаты посчитали своим долгом совершенно откровенно заявить своему руководству, что «…никакая военная помощь, за исключением фактического использования войск Соединённых Штатов, не спасёт сильно ухудшившегося положения (войск гоминьдана – В.Б.)». Считаясь с тем, что использование войск Соединённых Штатов является невозможным, авторы доклада пришли к выводу, что не существует такой военной меры, которую Китай или Соединённые Штаты могли бы предпринять своевременно, чтобы спасти военное положение [1, p. 288].

Всё более осознаваемая большинством политиков, как в самом Китае, так и за его пределами, неизбежность поражения гоминьдановского ре-

жима ставила на повестку дня вопрос дальнейшей судьбы этой огромной страны, стратегического курса тех сил, которые придут в ней к руководству. Вполне понятно, что эти вопросы волновали и советское руководство. Одной из проблем среди тех, что должны были решаться между двумя государствами после смены политической власти, являлся Синьцзян и судьба национально-освободительного движения населявших его народов.

Национально-освободительная армия Китая по планам КПК должна была освободить провинцию от гоминьдановских войск только в 1950 году. Однако внутриполитическая ситуация в провинции и наличие мощной поддержки действиям НОАК, в случае её вступления на территорию Синьцзяна, в лице национальной армии трёх освобождённых районов позволяла ускорить реализацию военных планов. Вместе с тем КПК до 1949 года никак не озвучивала своего отношения к национально-освободительному движению в Синьцзяне и не предпринимала каких-либо действий для установления связей с ним.

С другой стороны, лидеры освобождённых округов[1], выразив, не без очевидного давления со стороны СССР, стремление внести вклад в китайскую революцию, не могли объяснить населению, которое за ними стояло, какая судьба ожидает народы Синьцзяна, если к власти в Китае придут коммунисты. На партийных форумах КПК и Всекитайских съездах Советов, прошедших в 20-х – начале 40-х годов, по национальному вопросу были приняты достаточно многообещающие решения. Так, в статье 14 Временной конституции Китайской Советской Республики, принятой в январе 1934 года на II Всекитайском съезде Советов, было записано: «Советская власть в Китае провозглашает национальную свободу всех малых народов и национальных меньшинств в Китае, признаёт право самоопределения малых народов вплоть до государственного отделения от Китая и создания собственных государств. Например, монголы, хуэйские народы (мусульмане) (курсив мой – В.Б.) тибетцы, мяо, ли, корейцы и т. д. имеют полное право на самоопределение…» [2, с. 145]. Однако уже к концу 30-х – началу 40-х годов КПК начала исключать из своих документов принцип национального самоопределения, заменяя его концепцией районно-национальной автономии. И хотя на прошедшем в апреле 1945 года VII съезде КПК в своём политическом докладе «О коалиционном правительстве» Мао Цзэдун вновь подтвердил, что после победы революции всем национальным меньшинствам будет предоставлено право на самоопределение, а государство по своему устройству будет федеративным, руководители КПК, включая самого Мао Цзэдуна, скорее всего, слабо представляли глубину и значение для Китая проблем, связанных с национальным вопросом, и рассматривали решения, принимаемые в этой области, скорее как декларативные, нежели как руководство к действию [7, с. 96]. В этом смысле их позиции представлялись даже более слабыми нежели у Гоминьдана. О событиях в Синьцзяне они также имели самое смутное представление, поскольку не имели с провинцией и освобождёнными округами устойчивой связи.

В начале 1949 года Чан Кайши предпринял, вероятно, последнюю попытку найти мирное решение гражданского противостояния в Китае. 8 января 1949 года руководство Китая направило Соединённым Штатам Америки, Англии, Франции и Советскому Союзу ноты, в которых просило их выступить посредниками в мирных переговорах между правительством страны и Китайской коммунистической партией. Однако в своём ответе на эту ноту, врученном китайскому послу Фу Бинчану 18 января, советское правительство, ссылаясь на свой «неизменный принцип невмешательства во внутренние дела других стран», отказалось от роли посредника [6, с. 209]. Вслед за СССР от посредничества в переговорах отказались и остальные государства.

Отказав даже в минимальном дипломатическом содействии Чан Кайши, советское правительство сосредоточило свои усилия на расширении и углублении связей с КПК, которая уже, без сомнения, рассматривалась в Москве как руководящая сила

[1] В результате начавшегося в 1944 г. повстанческого движения коренных народов провинции против китайской колониальной администрации, на территории трёх северо-западных округов Синьцзяна, освобожденных от китайских войск, повстанцами была создана непризнанная Восточно-Туркестанская Республика. В 1946 г. в результате мирного соглашения правительства ВТР с руководством Китая, Республика прекратила свое существование, но три, входивших в неё округа, сохранили свою административную и политическую независимость от администрации провинции. В дипломатической переписке рассматриваемого периода, а затем в исторической литературе их чаще всего называют освобожденными округами.

нового Китая. Для обсуждения накопившихся проблем и перспектив сотрудничества Советского Союза и Китая, после прихода коммунистов к власти в этой стране, на встречу с руководителями КПК в начале 1949 года вылетел член политбюро ЦК ВКП (б) А.И. Микоян.

Миссия Микояна, проходившая с 30 января по 8 февраля, была строго секретной, и о содержании переговоров, которые были проведены в её ходе, стало известно относительно недавно. В числе обсуждавшихся вопросов были затронуты и проблемы, связанные с ситуацией в Синьцзяне.

В своём отчёте о поездке Микоян отметил следующее: «У Мао Цзэдуна были подозрения в отношении наших намерений в Синьцзяне. Он говорил, что в Илийском округе Синьцзяна существует движение независимости, которое не подчиняется урумчинскому правительству, и что там существует коммунистическая партия. Рассказывал, что, когда он в 1945 году встречался с Бай Чунси (высокопоставленный гоминьдановский деятель – В.Б.) в Чунцине, тот передал, что в Илийском округе местные повстанцы располагают артиллерией, танками и самолётами советского производства. Я ему чётко заявил, что мы не стоим за движение независимости синьцзянских народностей и, тем более, не имеем никаких притязаний на синьцзянскую территорию, считая, что Синьцзян входит и должен входить в состав Китая» [5, с. 106]. А в телеграмме Сталину от 4 февраля 1949 года Микоян сообщил, что он передал Мао Цзэдуну рекомендации советского руководства относительно национальной политики будущего правительства Китая. Он, в частности, писал: «Я передал Мао Цзэдуну, что наш ЦК не советует Китайской компартии чересчур размахиваться в национальном вопросе путём предоставления независимости национальным меньшинствам и тем самым уменьшения территории Китайского государства в связи с приходом к власти китайских коммунистов. Следует дать национальным меньшинствам автономию, но не независимость. Мао Цзэдун обрадовался этому совету, но по его лицу было видно, что он не собирается давать независимость кому бы то ни было» [5, с. 103].

После выяснения принципиальных позиций сторон относительно будущей судьбы Синьцзяна стало значительно легче определяться с тактическими действиями, направленными на его освобождение от контроля со стороны гоминьдановского правительства.

В июле 1949 года в Москву прибыла делегация во главе с членом политбюро ЦК КПК Лю Шаоци. В ходе переговоров сторон, которые касались государственного строительства в Китае, советские руководители подняли вопрос о Синьцзяне. Члены китайской делегации были ознакомлены с положением дел в этой провинции, после чего перед ними был поставлен вопрос о форсировании боевых операций НОАК, направленных на освобождение провинции. Необходимость энергичных действий в этом направлении определялась, по мнению советской стороны, опасностью того, что «…по мере освобождения Компартией Китая территории всей страны американцы попытаются побудить известную пятёрку генералов из клана Ма, действующую в Северо-Западном Китае, отвести свои войска в Синьцзян и создать там «исламское государство», противопоставив его Китайской народной республике и Компартии Китая» [3, с. 144–145].

Все вышеизложенные сюжеты, связанные с переговорами между руководством СССР и КПК, свидетельствуют, между прочим, о том, что Советский Союз не только не претендовал на Синьцзян, как это пытаются доказать многие западные исследователи, но как раз, наоборот, защищал в этом плане национальные интересы Китая, содействуя стремлению его лидеров сохранить территориальную целостность страны.

В результате Московских переговоров между делегацией КПК и представителями правительства СССР было принято решение немедленно отправить в Синьцзян представителя КПК для связи с национально-освободительным движением и прогрессивными силами, действующими в провинции. Группу китайских коммунистов, выехавшую 9 августа в Синьцзян прямо из Москвы, возглавил член делегации ЦК КПК на переговорах Дэн Лицюнь. В группу вошли также три помощника Дэн Лицюня и радист с рацией.

15 августа 1949 года группа прибыла в Кульджу, после чего, установив радиосвязь с Пекином, Москвой и штабом первой полевой армии, НОАК под командованием Пэн Дэхуая, приступила к переговорам с лидерами национально-освободительного движения. В ходе этих переговоров удалось согласовать вопросы взаимодействия национально-освободительного движения с КПК и национальной армии трёх округов с частями НОАК при освобождении Синьцзяна от гоминьдановских войск.

Между тем события в Синьцзяне продолжали стремительно развиваться. Дэн Лицюнь, после со-

гласования основных вопросов с руководством освобождённых округов, переехал в Урумчи. Прибыв в столицу округа, связной был не только благожелательно принят председателем провинциального правительства Бурханом Шахиди, но, более того, был поселен в доме самого Бурхана и отсюда же осуществлял радиосвязь с Пекином, войсками НОАК и Москвой.

Следует заметить, что деятельность Бурхана на посту председателя правительства провинции мало у кого оставляла сомнения в его симпатиях и антипатиях. В докладах Генконсульства СССР в Урумчи совершенно однозначно сообщалось, что «Бурхан ориентируется в своей политике на СССР…» [4, л. 52]. Уже вскоре после прихода Бурхана на свою должность напряжение в отношениях между Советским Союзом и Синьцзяном начало спадать.

Сам Бурхан Шахиди пишет в воспоминаниях, что уже сразу после своего утверждения в должности председателя провинциального правительства, вернувшись в феврале 1949 года из Ланьчжоу, он запланировал «мирную смену власти в провинции и объединение с коммунистами». В сложившихся условиях 25 сентября 1949 года командующий гоминьдановскими войсками в провинции генерал Тао Чжиюе объявил, что он сам и подчиняющиеся ему войска порывают с правительством Чан Кайши и переходят на сторону новой власти во главе с КПК. 26 сентября аналогичное заявление от имени правительства Синьцзяна сделал Бурхан Шахиди. На следующий день Тао Чжиюе и Бурхан Шахиди получили поздравительные телеграммы от Мао Цзэдуна и Чжу Дэ.

Таким образом, в Синьцзяне произошёл мирный переворот, в результате которого под контроль новой власти перешла самая крупная в территориальном отношении провинция Китая.

События, развернувшиеся в провинции на завершающем этапе гражданской войны в Китае, являются еще одним свидетельством твёрдой и однозначной позиции советского руководства в вопросе о Синьцзяне. Оно придерживалось этой позиции в период нахождения у власти в Китае различных политических сил. Усилия Москвы были направлены на стремление всемерного использования всесторонних, и, прежде всего, торгово-экономических, связей с этим регионом в интересах своего государства. При этом не подвергалась сомнению необходимость сохранения в провинции существующего социально-экономического и политического строя, а сам Синьцзян рассматривался как неотъемлемая часть Китая. Эта позиция была чётко обозначена и в момент прихода к руководству в стране Коммунистической партии.

Список использованной литературы

1. White Book. United States Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949. Based on the Files of the Department of State. – Washington : U. S. Govt. Print. Of Washington – 1949. – 1054 p.
2. Второй съезд китайских Советов. – Москва : Партиздат, 1935. – 190 с.
3. Галенович, Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений: В 2-х т. Т. 1. / Ю.М. Галенович. – Москва : Изд-во Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН, 1992. – 168 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 18. Д. 73.
5. Ледовский А. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай / А. Ледовский // Проблемы Дальнего Востока. – 1995.– № 2 – С. 96–111.
6. Советско-китайские отношения 1917–1957 гг. – Москва : Изд-во Восточной литературы, 1959. – 466 с.
7. Цесар, Я. К характеристике национальной политики в Китае до 1949 года (некоторые вопросы теории и практики) / Я. Цесар // Проблемы Китая : Материалы Международной конференции по новейшей истории Китая. Ч. I. – Москва : ИДВ, 1978. – С. 95–107.

Е.Н. Беневаленская
г. Барнаул, Россия

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18-39-00047 «Историческое краеведение в региональном социокультурном ландшафте второй половины XX века».

Аннотация: Актуальной темой современных научных исследований является изучение факторов, связанных с конструированием общегосударственной, национальной и региональной идентичности и исторической памяти, консолидацией общероссийского сообщества. Для теоретического осмысления этих проблем и разработки национальной и региональной политики в нашей стране важно учитывать роль исторического сознания и коллективных представлений о прошлом у различных групп населения, в формировании которых историческое краеведение занимает важное место.

Ключевые слова: новая локальная история, региональная история, историческое краеведение, историческая память, идентичность.

E.N. Benevalenskaya
Barnaul, Russia

PROBLEMS OF REGIONAL IDENTITY IN MODERN HISTORIOGRAPHIC DISCOURSE

Abstract: A relevant theme of modern scientific research is the study of factors associated with the construction of nationwide, national and regional identities and historical memory, the consolidation of the Russian community. For a theoretical understanding of these problems and the development of national and regional policies in our country, it is important to take into account the role of historical consciousness and collective representations of the past among various groups of the population, in the formation of which historical local history occupies an important place.

Keywords: new local history, regional history, historical local history, historical memory, identity.

Заметной тенденцией отечественной и зарубежной историографии является возрастающий интерес к изучению вопросов самоидентификации региональных сообществ в России в советский и постсоветский периоды [4; 1, p. 29–31]. Полученные научные результаты изучения историко-краеведческих исследований открывают новый ракурс измерения российской идентичности за пределами столицы, который позволяет пересмотреть место и роль провинции в социокультурной жизни страны. В ходе проекта обоснована ценность применения подходов региональной и новой локальной истории, которые позволяют рассмотреть не только процессы трансляции политическими элитами символов советско-российской государственности, но и показать особенности адаптации коммеморативных практик в локальных социумах, выявить влияние местных традиций и коллективной памяти на формирование образа прошлого региона. Проведенная в исследовании на основе теоретико-методологических положений интеллектуальной истории разработка проблем формирования идентичности на региональном уровне повышает эвристический потенциал исторических источников и позволяет дополнить существующую систему знаний о феномене советской провинции. В конечном итоге это дает возможность более объемно представить особенности социокультурного развития российского общества.

Для реализации цели и задач исследования используются методологические принципы региональной и новой локальной истории, базирующиеся на междисциплинарных подходах и методах, исследовательском инструментарии исторической антропологии, культурной, социальной и интеллектуальной истории. Согласно новейшим подходам процесс исторического познания рассматривается как диалог научно ориентированной историографической культуры и социально направленного историописания. По типологии исторического знания С.И. Маловичко, местная история (историческое краеведение) нацелена, в первую очередь, на конструирование региональной памяти социума, общенациональной и локальной идентичности [5, с. 126–127].

В концепции интеллектуальной истории категория исторической памяти осмысливается как реконструированные сквозь призму идейно-ценностных ориентиров современности представления индивида и группы, социума об «общем прошлом», обосновывающие их идентичность. При этом идентичность не задана изначально, а понимается как феномен, требующий постоянного поддержания и подвластный конструированию в процессе созидания [3, с. 123–124].

Ключевым тезисом новой локальной истории выступает идея необходимости познания мира в единстве его многообразия, с чем связано применение в данном проекте методов компаративного анализа. В ходе работы впервые в социокультурном измерении комплексно представлены общероссийские тенденции и региональная специфика деятельности местных исследовательских сил по познанию локального прошлого, рассмотрено влияние ряда факторов на характер и темпы, результаты краеведческих изысканий на Алтае, определены их место и роль в социокультурном ландшафте регионального сообщества.

На основе принципа «широкого контекстуализма» выявлены государственные подходы к краеведению и механизмы управления в сфере культуры и особенности их преломления в регионе, показаны общероссийские черты исторического краеведения Алтая, обусловленные единым с центром культурным и социальным контекстами, и специфика его развития, определявшаяся своеобразием региона. Рассмотрены трансформации содержания региональной практики изучения местной истории в музеях, архивах, библиотеках, общественных организациях и школьном краеведении в связи с изменениями социокультурного контекста, политического и идеологического дискурса. В контексте общественно-политической и духовной атмосферы, в которой трудились исследователи, выявлены факторы, сопутствующие или препятствующие конкретной работе по познанию прошлого и распространению знаний о нем среди населения в пространственных границах Алтайского края.

Одним из методологических подходов новой локальной истории является основанный на принципах социального конструктивизма дискурс-анализ символических представлений о прошлом, идейных установок и смыслов транслируемого имиджа региона. Такой подход позволил рассмотреть места памяти регионального сообщества, актуализируемые, переосмысливаемые или игнорируемые в контексте их соответствия официальному, национально-государственному нарративу.

Ведущей аналитической процедурой новой локальной истории является конструирование изучаемого в этом предметном поле объекта – социокультурного пространства человека в историческом развитии. При этом важным фактором его формирования в регионе автор считает личностный, что обусловило применение биографического метода и методов устного опроса в проекте.

Помимо этого новизна проекта заключается в большом корпусе впервые вводимых в научный оборот исторических источников. Для реконструирования повседневного опыта и условий, в которых осуществлялась творческая деятельность архивистов, музейных и библиотечных сотрудников, учителей региона и членов общественных организаций использовались микроисторические подходы. Анализ источников личного происхождения позволил воссоздать неизвестные страницы жизненного и творческого пути историков-специалистов и краеведов-любителей, выявить влияние исторического дискурса, ценностных ориентиров и мотивов на выбор тематики проводимых изысканий и процесс реализации идей и замыслов по изучению и сохранению историко-культурного наследия [2, с. 5–26].

Список использованной литературы

1. Donovan Victoria. Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia / Victoria Donovan. – Ithaca, N.Y.; London : Cornell University Press, 2019. – 241 p.

2. Беневаленская, Е.Н. Историческое краеведение в культурно-образовательном пространстве Алтайского края (вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.) : монография / Е.Н. Беневаленская, М.А. Демин. – Барнаул : АлтГПУ, 2020. – 336 с.
3. Леонтьева, О.Б. Историческая память и коллективная идентичность российского/советского общества: современные подходы к изучению // Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой. – Москва : Аквилон, 2017. – С. 123–144.
4. Леонтьева, О.Б., Репина, Л.П. «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России / О.Б. Леонтьева, Л.П. Репина // Историки в поисках новых перспектив : коллективная монография / под общ. ред. З.А. Чеканцевой. – Москва : Аквилон, 2019. – С. 274–317.
5. Маловичко, С.И. Интеллектуальная история России: Курс лекций / С.И. Маловичко, А.А. Мухутдинов, С.И. Реснянский. – Москва : БОС, 2018. – 219 с.

В.С. Бойко
г. Барнаул, Россия

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКИ СОВРЕМЕННЫХ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ АФГАНИСТИКИ И СМЕЖНЫХ СУБДИСЦИПЛИН)

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 15-01-00440 «Проблемы и противоречия постколониальной модернизации в Афганистане в XX – начале XXI в.».

Аннотация: В данной статье освещается опыт проектной работы под эгидой РФФИ по одной из наиболее сложных дисциплин востоковедения – афганистике. Рассматриваются проблемы выбора темы исследования, его методологии, источниковой базы, востребованность научным сообществом и широкими кругами в изучаемой стране и за ее пределами.

Ключевые слова: Афганистан, модернизация, внешнее влияние, «несостоявшееся» государство, факторы прогресса.

V.S. Boyko
Barnaul, Russia

METHODOLOGY AND SOURCES OF MODERN RESEARCHES IN ORIENTAL STUDIES (ON THE EXAMPLE OF AFGHANISTICS AND RELATED SUBDISCIPLINES)

Abstract: This article is highlighting the experience of the project work under sponsorship of RFBR in one of the most complex disciplines in Oriental studies – Afghanistan studies. The problems of choosing the topic of research, its methodology, source и base, the demand by scholarly community and broad public in country under exploration and beyond it are considered here.

Keywords: Afghanistan, modernization, external influence, «failed» state, factors of progress.

В начале третьей декады XXI в. обостряется социально-политическая и экономическая ситуация во всем мире, включая его восточную часть. Хотя коронавирусный кризис 2020 г. оказал огромное влияние и на Запад, и на Восток, подчеркнув спасительную роль самоизоляции, фактически он показал временный эффект этой меры, что означает дальнейшее шествие глобализации с преимущественно восточным обликом и с меньшим набором правил человеческого общежития. Как можно и нужно экстраполировать эти глобальные новации на методологию и методику социально-гуманитарных наук, будь то выбор темы исследования, его пред-

мета и объекта, источниковой базы и других ключевых измерений научного поиска? 25-летний опыт работы автора статьи в грантовом режиме, сначала в сотрудничестве с РГНФ, а потом и с РФФИ, демонстрирует суть наиболее успешных теоретических подходов и практик проектной работы по проблематике Афганистана и соседних с ним государств.

Цель данной статьи – характеристика опыта работы над грантовым проектом РФФИ по модернизации Афганистана в XX – начале XXI вв., то есть выделение наиболее эффективных форм и методов теоретической и логистической деятельности в условиях педагогического вуза. Поскольку нам уже доводилось выступать на различных научных форумах по модернизации стран Востока, то здесь ограничимся, казалось бы, второстепенными сюжетами научно-информационного свойства.

Важнейшее условие успешного проекта – выбор его темы и круга проблем, составляющих его научное ядро. При этом мало выбрать действительно актуальную тему, нужно еще представить развернутое обоснование этой актуальности – ее важности для научного сообщества и изучаемой страны, преодолевая возможные выпады конкурентов-экспертов даже там, где видимая конкуренция практически отсутствует, как это сложилось в российской афганистике.

Практика заявок во второй половине 2010-х гг. показывает, что наибольшей поддержкой экспертов РФФИ по востоковедному направлению и руководства фонда, согласно его профилю, пользовались фундаментальные проблемы исторического и современного развития стран Востока. В их числе оказались также проблемы и противоречия постколониальной модернизации в Афганистане, хотя, как показало изучение редких и уникальных британских и индийских источников, этот процесс начался раньше, на заре XX в., то есть до формального восстановления Афганистаном независимости в 1919–1921 гг. Может показаться парадоксальным, но именно Афганистан, охваченный уже более 40 лет гражданской войной, снова и снова подвергавшийся иностранной военной интервенции, неоднократно становился в XX – начале XXI вв. полем различных, в том числе, модернизационных, экспериментов – часто альтернативных по своей социально-политической направленности. Это и становилось причиной серьезных конфликтов, к концу 1970-х гг. приведших к глубокому противостоянию либерально-консервативного, лево- и праворадикального лагерей вылившемуся в серию государственных переворотов с иностранным (сначала советским, потом западным) вмешательством, что позволило даже знающим экспертам считать, что Афганистан – «несостоявшееся» государство.

В данном же случае наш проект базируется на оптимистическом посыле, что у Афганистана был и остается исторический шанс вырваться из тупика конфликта и, используя выгоды географического положения, другие факторы прогресса (высокая мобильность населения, наличие культурно-исторических, туристско-рекреационных ресурсов и др.), осуществить ряд модернизационных проектов, тем более что афганцы уже располагают успешным опытом «очаговой» модернизации (Герат и Гератская область в 2000 – 2010-е гг. и др.). Воодушевляюще выглядит с позиций сегодняшнего дня даже оказавшийся в конечном счете неудачным реформаторский эксперимент 1920-х гг. эмира Аманулла-хана – он остался в исторической памяти героем-победителем, несмотря на то, что вызвал до сих пор не преодоленный раскол афганской элиты и спровоцировал первую на зарубежном Востоке гражданскую войну. В данном эпизоде историческая правда противоречит официальной афганской историографии, и это не единственный момент национальной истории, мало исследованный или неугодный властям и доминирующим политическим группам. Гораздо более успешным видится и опыт создания «руководимой» экономики в 1950 – 1970-е гг. при Мухаммаде Дауде (премьер-министре, а потом президенте страны), но и этот эпизод лишь штрихами обозначен в новейшей истории Афганистана.

Преодолеть такого рода слабости и достойно выступать даже на афганской национальной почве можно лишь на путях междисциплинарного исследования феномена модернизации в Афганистане, что в нашем случае означало применение методов историко-политологического и социально-экономического анализа, то есть вполне традиционного для подобных сюжетов теоретического инструментария. Но именно это обстоятельство позволило, в частности, не только воспроизвести особенности зарождения предпринимательского класса в Афганистане, но и затронуть эту проблему на персональном уровне – на примере жизни и судьбы первого представителя афганского олигархата – Абдул Маджида Забули. И все же, что тогда формиру-

ет особую убедительность подобных проектов и даже их определенное превосходство перед аналогичным разработками тех же афганских, да и западных исследователей? Если первые просто не могли заниматься подобной проблематикой в силу неофициального запрета властей на изучение и преподавание современной истории Афганистана, то вторые фактически были лидерами отрасли с момента публикации в конце 1960-х гг. поистине фундаментальной монографии Вартана Григоряна об особенностях модернизации в Афганистане конца XIX в. до 1940-хгг, базирующейся на источниках на десяти языках, включая русский. Ответ прост: максимально широкое использование разнообразных источников – от записей британских дипломатических агентов при дворе эмира Хабибуллы в начале XX в. до текущих полевых материалов с поля боя. Такой «тотальный» подход возможен в условиях повышения роли России в афганских делах: опираясь на традиции наших предшественников и учителей – Ю.В. Ганковского, В.Г. Коргуна, Т.Г. Абаевой, М.А. Бабаходжаева, Х. Назарова и других востоковедов мирового уровня, российская афганистика может и должна укреплять национально-государственную идентичность Афганистана – страны, обращенной как в свое непростое прошлое, так и в XXI век.

Список использованной литературы

1. Бойко, В.С. Проблемы и противоречия модернизации в Афганистане в XX – начале XXI в. / В.С. Бойко // Санкт-Петербургская конференция по афганистике : Тезисы. – Санкт-Петербург : НП-Принт, 2017. – С. 76–78.
2. Gregorian, Vartan. The Emergence of Modern Afghanistan. Politics of Reform and Modernization, 1880–1946 / Vartan Gregorian. – Stanford ; California : Stanford University Press, 1969. – 586 p.

П.К. Дашковский, Е.А. Шершнева

г. Барнаул, Россия

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.[1]

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 20-39-70010 «Социокультурная адаптация православных и не православных общин в Южной и Западной Сибири в контексте модернизационных процессов в России в имперский и советский периоды».

Аннотация: Во второй половине XIX – начале XX в. в Российской империи очень остро встал вопрос функционирования мусульманских учебных заведений. Государство видело своей задачей постепенное искоренение существовавшей системы инородческого образования. Введение русского языка, а также отказ в финансовой поддержке инородческих школ, должны были способствовать прекращению их существования. Однако активная позиция мусульманской общественности привела в начале XX в. не только к сохранению исторической формы мусульманского образования, но и позволила отстоять право на сохранение языка преподавания.

Ключевые слова: мусульмане, медресе, умма, Западная Сибирь, школа.

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70010 по теме «Социокультурная адаптация православных и не православных общин в Южной и Западной Сибири в контексте модернизационных процессов в России в имперский и советский периоды».

P.K. Dashkovsky, E.A. Shershneva
Barnaul, Russia

THE ROLE OF STATE AUTHORITIES IN THE FORMATION OF THE SYSTEM OF THE MUSLIM SCHOOL EDUCATION OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX– THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract: In the second half of the XIX – early XX century in the Russian Empire, the issue of functioning of Muslim educational institutions became very acute. The state saw as its task the gradual elimination of the existing system of foreign education. The introduction of the Russian language, as well as the refusal of financial support for foreign schools, were supposed to contribute to the termination of their existence. However, the active position of the Muslim community led in the early XX century not only to the preservation of the historical form of Muslim education, but also allowed to defend the right to preserve the language of instruction.

Keywords: Muslims, madrasah, Ummah, Western Siberia, school.

Со второй половин XIX в. в Российской империи начинают проводиться реформы, которые затрагивают как экономическое, так и социальное устройство жизни многонационального государства. Не осталась в стороне от проводимых реформ и система школьного образования. Именно контроль системы образования инородческого населения становится одной из главных задач имперской власти. Начиная с 60-х годов XIX в. принимаются законы, согласно которым регламентировалось создание инородческих школ на окраинах Российской империи [10, с. 104].

Особое внимание со стороны государства было уделено активно развивающейся во второй половине XIX в. системе мусульманского школьного образования. К тому же система образования являлась одной из важнейших сфер общественной жизни мусульманской общины. Мусульманская школа складывалась под влиянием религиозных традиций, согласно которым образованность и ученость считаются важнейшими добродетелями мусульманина [9, с. 37–38; 2, с. 21].

Несмотря на то, что в исламской культуре сложилась своя система школьного образования, состоящая из учебных заведений двух видов, – медресе и мектебе, государство видело потребность в создании школ по русскому образцу [14, с. 73]. Так, во второй половине XIX в. государство при участи русской православной церкви стало создавать школы для инородческого населения, проживавшего на окраинах Российской империи. В частности, миссионеры, которые вели проповедническую деятельность среди казахов, создавали школы и приюты, подведомственные Министерству народного просвещения [18, с. 214–215].

Важно подчеркнуть, что государство видело своей задачей именно введение русского языка в систему школьного образования. Это должно было стать основой нравственного воспитания подрастающих поколений. Данное требование нашло отражение в «Положении о начальных народных училищах», принятом в 1864 г. [17, с. 1342–1350]. Однако уже в 1874 г. с принятием нового «Положения о начальных народных училищах», мусульманские учебные заведения передавались в ведение Министерства народного просвещения. К тому же особая роль по новым правилам отводилась русской православной церкви. Именно епархиальный архиерей должен был следить за нравственным состоянием учебных заведений [15, с. 834–840]. Согласно принятому положению, мусульманские школы, созданные при мечетях, также передавались в ведение Министерства народного просвещения. Данные требования противоречили мусульманской культуре, т.к. именно представители мусульманского духовенства, оказывающие влияние на жизнь мусульманской уммы, должны были заботиться о нравственном воспитании подрастающего поколения [12, с. 225].

Государство, со своей стороны, не оказывало никакой поддержки мусульманским школам. Строительство школьного здания, его содержание, а также жалование учителю и поддержка наиболее успешных учеников, являлось заботой самой уммы. Данные учебные заведения получили название общественных школ. Иногда такие школы содер-

жались за счет благотворительных пожертвований наиболее состоятельных членов общины [12, с. 227; 13, с. 65–66; 1, с. 43]. Мусульмане всячески стремились к отстаиванию свих прав на получение конфессионального образования, создавая благотворительные общества, направленные на поддержку школьного образования [19, с. 194].

В начале XX в. представителями мусульманских общин России поднимался вопрос перед Министерством народного просвещения о содействии в устроении и содержании школ. Однако со стороны Министерства народного просвещения поддерживались только учебные заведения, которые имели русские классы.

В то же время, отказ от поддержки мусульманских школ, не мешал контролю со стороны государственных чиновников за деятельностью инородческих учебных заведений. Стремление к контролю над деятельностью мусульманских школ было связано и с тем, что практически всё мусульманское население Российской империи, не зависимо от социального статуса и пола, было вовлечено в систему образования. При мечетях создавались школы для девочек. Кроме того, например, при Томской мечети проводились вечерние религиозные курсы.

Со стороны Министерства народного просвещения неоднократно проводились проверки состояния мусульманских школ. Особое внимание при проверках данных учебных заведений обращалось на отношение к русскому языку и русским учителям, преподающим его. По итогам проверки, проведенной в Тобольской губернии, было выявлено, что мусульманское население с недоверием относилось к русским учителям. В то же время местное население, исповедующее ислам, видело определенную необходимость в изучении русской грамоты. Инспектором также отмечалось, что мусульмане при любых преобразованиях школьной системы беспокоятся именно о сохранении своих религиозных традиций. По итогам проверки комиссией было сделано заключение, что состояние мусульманской школьной системы в губернии крайне нестабильно, поскольку у мусульман постоянно возникали проблемы, связанные с содержанием школ [8, л. 5-5об.].

Особое внимание при проверке уделялось учителям, преподающим в данных учебных заведениях, а также используемой ими литературе. Согласно распоряжению министра народного просвещения с 1892 г. допускалось использование в школах только печатных изданий, прошедших русскую цензуру. При этом преподавать имели право только лица, получившие образование в Российской империи [16, с. 221]. При этом бывали случаи обнаружения при проверках запрещенных изданий. Так, в 1892 г при проверке Министерством народного просвещения состояния народного образования в Томской губернии были выявлены Константинопольские издания антиправительственного содержания [4, л. 69].

Особое внимание со стороны чиновников Министерства народного просвещения уделялось учителям мусульманских школ. Очень часто детей обучали проповедники, получившие образование за границей. К тому же само обучение велось на арабском языке, даже если предметом был русский язык [6, Л. 18; 7, л. 40]. В этой связи контроль над такими учителями осуществляло Министерство внутренних дел, т.к. такие учителя могли угрожать интересам государства [20, л. 53].

В 1878 г. были осуществлены запросы Министерством внутренних дел губернаторам Тобольской и Томской губерний о том, как открываются мусульманские школы, кто в них преподает и преподается ли в них русский язык? [11, л. 8-9]. В 1904 г. под руководством тайного советника профессора А.С. Будиловича была организована проверка начальных учебных заведений Российской империи. В рамках проверки необходимо было установить роль Министерства народного просвещения в деятельности мектабе и медресе [3, с. 279]. При проверках мусульманских учебных заведений было обнаружено, что часть из них находится в крайне плачевном состоянии.

Необходимо подчеркнуть, что вопрос о разрешении на открытие учебных заведений для лиц мусульманского вероисповедания был одним из важнейших в сфере государственно-конфессиональных отношений [7, л. 50-50об.]. На основании этого не случайно имперские власти были крайне озабочены устройством мусульманских школ, особенно их благонадежностью.

Наметившаяся в начале XX в. активность в мусульманской среде привела к принятию в 1906 г. Министерством народного просвещения правил о контроле над начальными училищами для инородцев. Данные правила регламентировали особенности организации инородческого образования в Российской империи. При этом именно распространение русского языка должно было способствовать развитию инородческого населе-

ния [20; 5]. Однако активная позиция мусульманской интеллигенции привела к отмене данных правил и принятию их новой редакции в 1907 г. с некоторыми послаблениями, в частности в области языка преподавания.

Таким образом, в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. очень остро стояла проблема организации системы мусульманского школьного образования. Мусульмане стремились отстоять право на сохранение исторически сложившейся системы образования, а также программы обучения. Однако государство видело своей задачей преобразование мусульманской школьной системы, прежде всего, через обязательное изучение русского языка. Несмотря на постоянный контроль со стороны чиновников Министерства народного просвещения, мусульмане так и не получили финансовой поддержки конфессиональных школ со стороны государства. Очень часто даже преподавание русского языка не становилось гарантией выделения материальных средств на инородческие школы. Активная позиция мусульманской уммы позволила отстоять право на преподавание родного и арабского языков, а поддержка со стороны состоятельных представителей общины, позволила обеспечить функционирование мусульманских школ на территории Западной Сибири.

Список использованной литературы

1. Азаматова, Г.Б., Азаматов, Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности в Уфимской губернии / Г.Б. Азаматова, Д.Д. Азаматов // Проблемы востоковедения. – 2009. – №3 (45). – С. 43–52.
2. Баязинов, М.А. Отношения ислама к науке и инородцам / М.А. Баязинов. – Санкт-Петербург : Типография А.С. Суворина, 1887. – 105 с.
3. Бурдина, Е.Л. Позиция русского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX века / Е.Л. Бурдина // Вопросы образования. – 2007. – № 3. – С. 278–287.
4. ГААК. Ф.181. Оп.1. Д.41
5. Гатин, А. «Бюрократия нас уничтожит, сотрет нашу религию и нацию…» (Проблема образования татар в дискуссиях в начале XX в.) [Электронный ресурс] / А. Гатин // Эхо веков: научно-документальный журнал. – 2005. – № 1. – Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru (дата обращения: 12.07.2014)
6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 2. Оп.1. Д.182.
7. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 417. Оп.1. Д.589.
8. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи.5. Оп.1 Д. 77.
9. Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиции и современность / отв. ред. С.С. Аванесов, Т.А. Костюкова. – Томск : Изд-во ТГУ, 2008. – 246 с.
10. Ермолов, В.А. Особенности системы образования в национальных школах Российской империи: мусульманские и еврейские школы / В.А. Ермолов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2009. – № 4. – С. 100–109.
11. ИАОО. Ф.3. Оп.9. Д.15406.
12. Кобзев, А.В. Мусульманская община как центр организации обучения и воспитания (по материалам Симбирской губернии XIX – начала XX века) / А.В. Кобзев // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Казань : Институт истории АН РТ, 2006. – С. 225–239.
13. Махмутов, З.А. Благотворительная деятельность татарской общины Акмолинской области Республики Казахстан в начале XX века / З.А. Махмутов // Манускрипт. – 2019. – Том. 12. – Выпуск 6. – С. 65–68.
14. Нам, И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске / И.В. Нам // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. – Томск : Изд-во ТГУ, 2000. – С. 73–86.
15. Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург : Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1876. – Собрание II. – Т. XLIX. – Ч. 2. – 496 с.
16. Раздыкова, Г.М. Материальное и правовое положение мусульманских школ в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. / Г.М. Раздыкова // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Сборник статей / Сост. и отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2009. – С. 219–229.
17. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, 1876 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://istmat.info/node/33408 (дата обращения: 27.11.2017)
18. Стурова, М.В. Конфессиональная доминанта в интеграции славянского населения: церковно-школьное строительство в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) / М.В. Стурова // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 212–216.

19. Тарабановская, Е.А. Элементы общественного управления в системе национального образования в России начала XX века (на примере обучения казахов в Астраханской школе фельдшеров и фельдшериц-акушеров) / Е.А. Тарабановская // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016.– Т. 8. – №1/1. – С. 193–196.
20. ЦГИР РБ. Ф.295. Оп.11. Д.347.

М.А. Демин
г. Барнаул, Россия

БИОГРАФИЯ УЧЕНОГО В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-11-22005 «Историк в региональном социокультурном пространстве второй половины XX в.».

Аннотация: В ходе выполнения проекта была подготовлена биография известного сибирского историка и археолога А.П. Уманского. На пути к научной вершине исследователю пришлось преодолеть немало трудностей, связанных как со сложностями обработки большого массива археологических и архивных источников, изданием монографий и защитой диссертационных работ, так и преодолением различных административных барьеров и бюрократических препонов.

Ключевые слова: биография, Уманский, археология, история, Сибирь.

M.A. Demin
Barnaul, Russia

BIOGRAPHY OF A SCIENTIST IN THE SUBJECT FIELD OF INTELLECTUAL HISTORY

Abstract: During the project, a biography of the famous Siberian historian and archeologist A.P. Umansky was prepared. On the way to the scientific top, the researcher had to overcome many difficulties, both related to the difficulties of processing a large array of archaeological and archival sources, publishing monographs and defending dissertation works, and overcoming various administrative barriers and bureaucratic obstacles.

Keywords: biography, Umansky, archaeology, history, Siberia.

В ходе выполнения проекта была подготовлена биография сибирского ученого А.П. Уманского, внесшего существенный вклад в изучение истории и археологии Южной Сибири и являющегося крупнейшим и признанным в научном мире специалистом по телеутской проблематике. Реализация проекта основывалась на междисциплинарном подходе с использованием современных теоретических разработок и методов социальной и интеллектуальной истории, исторической антропологии, гуманитарного науковедения. Применение биографического метода исторического исследования позволило установить неразрывную связь между жизнью и творчеством ученого, особенностями личности, жизненным опытом и фактами интеллектуальной биографии А.П. Уманского. Реализация этого подхода обусловила широкое использование источников личного происхождения.

В ходе исследования произведены сбор и обработка архивных материалов из Института археологии РАН, Государственного архива Алтайского края, Алтайского государственного и Бийского краеведческих музеев, лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета и других учреждений. Кроме того, была осуществлена передача на постоянное хранение в Государственный архив

Алтайского края документов семейного архива А.П. Уманского и его вдовы Тамары Аверьяновны Уманской, собрана и атрибутирована большая коллекция фотоматериалов.

В результате удалось выяснить, какие обстоятельства сыграли определяющую роль в увлечении выпускника педагогического вуза археологией и его дальнейших научных начинаниях, как за короткий период времени ему удалось стать одним из самых активных и авторитетных исследователей древних памятников края. Нами восстановлена практически неизвестная, но важная для формирования профессиональных качеств ученого сфера его деятельности в области музееведения и охраны памятников истории и культуры.

На основе привлечения большого массива источников личного происхождения (более 100 писем) воссозданы межличностные коммуникации, во многом благодаря которым А.П. Уманскому в условиях удаленности от центральных научных и культурных центров удалось достигнуть крупных достижений в области сибирской истории и археологии, и получить признание в научном сообществе. Проанализирована переписка А.П. Уманского с корифеями отечественной науки и культуры М.П. Грязновым, А.П. Окладниковым, М.М. Герасимовым, Л.П. Потаповым, С.И. Руденко, Б.Б. Пиотровским, А.П. Деревянко, а также с другими столичными и региональными исследователями, которые оказывали ему существенную помощь и поддерживали связь на протяжении длительного периода времени: С.С. Сорокиным, М.П. Завитухиной, А.П. Манцевич, Б.А. Латыниным, К.М. Скалон (Санкт-Петербург), Л.Р. Кызласовым, Н.Л. Членовой, В.А. Могильниковым (Москва), В.Г. Мирзоевым (Кемерово – Ростов-на-Дону), Т.Н. Троицкой, О.Н. Вилковым (Новосибирск), А.И. Мартыновым (Кемерово), Л.А. Чиндиной, В.А. Дремовым (Томск), Б.Х. Кадиковым (Бийск) и другими.

В результате выполнения проекта разработаны и обоснованы следующие положения. Не получив добротного профессионального университетского образования, А.П. Уманский сумел самостоятельно восполнить лакуны в исторических знаниях и пройти путь от краеведческих изысканий до глубоких подлинно научных обобщений. И здесь, видимо, важную роль сыграло то обстоятельство, что в его распоряжении оказался большой массив новых источников. Увлекшись археологическими исследованиями, он смог еще в 1950-е гг. в результате целенаправленного изучения памятников древности получить обширный, порой уникальный археологический материал, который требовал квалифицированной научной обработки. Впоследствии в ходе многолетних археологических раскопок этот материал постоянно пополнялся новыми и чрезвычайно интересными находками, которые необходимо было ввести в научный оборот. Для этого требовалось не только описать и систематизировать полученные артефакты, но и интерпретировать их в соответствии с современными научными представлениями, включить их в контекст культурно-исторических процессов той или иной эпохи. Все это заставляло исследователя в поисках аналогий и для понимания функционального назначения находок тщательно прорабатывать археологические издания, переписываться со специалистами, расширять методы анализа источников.

Большой новый архивный материал, выявленный А.П. Уманским преимущественно в центральных архивохранилищах страны, мог стать базой для научных обобщений также только при условии изучения всей предшествующей историографии. А с учетом того, что темой кандидатской и докторской диссертаций ученого стали сложнейшие этнополитические процессы в Южной Сибири в XVII–XVIII вв., характеризовавшиеся нестабильностью и склонностью к многофакторным изменениям, требовались глубокое осмысление, анализ и сопоставление всего комплекса опубликованных и архивных источников и научной литературы по теме исследования. Труды общеисторического и обобщающего характера были проработаны им еще в ходе подготовки лекционных курсов по истории СССР с древнейших времен по XVIII в., которые он читал в педагогическом институте.

Исключительно значимую роль в становлении А.П. Уманского как ученого сыграли его связи с ведущими центральными и сибирскими научными, музейными и образовательными центрами. В 1949 г. он принял участие в археологических раскопках комплекса памятников у с. Большая Речка, а в начале 1950-х гг. в аварийных исследованиях в зоне проектируемого Новосибирского водохранилища, проводившихся под руководством М.П. Грязнова. Впоследствии А.П. Уманский поддерживал контакты, как с самим корифеем сибирской археологии, так и с его коллегами и учениками, и другими видными представителями гуманитарного сообщества. Все они оказывали поддержку научным начинаниям барнаульского исследователя, вводили в

курс основных тенденций и приоритетов развития российской исторической науки.

Особенно значимым было содействие со стороны крупнейшего российского археолога академика А.П. Окладникова. Именно его помощь оказала решающую роль на переломных этапах научной биографии А.П. Уманского, когда, казалось, были исчерпаны все возможности для публикации монографии и защиты докторской диссертации. Отмечая важность научных контактов и поддержку А.П. Уманского учеными академических и вузовских центров, следует подчеркнуть, что сам барнаульский исследователь был активным инициатором этих связей. К тому же, обладая явным коммуникационным талантом, искрометным юмором и непрестанной тягой к научному поиску, он вызывал неизменную человеческую симпатию, что не могло не сказаться на взаимоотношениях с людьми самого разного положения и статуса.

Путь в науку А.П. Уманского – это далеко не постоянный триумф, не ровная беспрепятственная дорога на вершину научного Олимпа. И здесь три события кардинальным образом повлияли не только на его научную карьеру, но и на жизненную ситуацию в целом, заставили пережить сильнейшие волнения и стрессы. Во-первых, это неожиданное, слабо мотивированное увольнение в 1953 г. из высшего учебного заведения. Оно перечеркнуло или отодвинуло по времени реализацию его творческих замыслов, заставило перейти на новое место работы, сначала в школу, а затем в управленческую структуру. И надо было иметь недюжинную силу воли, чтобы не смириться с обстоятельствами, а использовать должностные возможности инспектора управления культуры для целенаправленного сбора археологических источников, расширения краеведческих изысканий и появления первых научных обобщений.

Второе обстоятельство в виде бюрократических препонов Министерства просвещения заставило А.П. Уманского отказаться от избранного направления научных исследований, помешало использовать уже накопленный к началу 1960-х гг. обширный массив археологических источников. А.П. Уманскому пришлось фактически заново осваивать научную тему по истории телеутов, производить сбор трудных для понимания источников, разбираться в сложнейших проблемах этнополитической истории народов Южной Сибири и Центральной Азии в XVII–XVIII вв.

И, наконец, третий сильнейший стресс связан с изданием монографии, конфликтом с Л.П. Потаповым, получением отрицательного отзыва на диссертационную работу из ВАКа. На преодоление этих коллизий, безусловно, оказывали влияние солидный возраст и опыт предшествующих неудач. Поэтому перипетии с подготовкой монографии и ее защиты в качестве докторской диссертации он переживал особенно сильно, понимая, что жизненных сил может не хватить на преодоление новых препятствий. К счастью, А.П. Уманский путем невероятного внутреннего напряжения сумел мобилизоваться и довести до завершения начатое дело.

Главным результатом исследования, поддержанного грантом РФФИ, стало издание монографии «Алексей Павлович Уманский: путь в науку» объемом 25 печатных листов. В книге опубликованы более 100 иллюстраций, составлен именной указатель, дан полный список использованных источников и литературы. Самостоятельное научное значение имеют подготовленные руководителем и исполнителями проекта Е.Н. Беневаленской и Е.Ю. Сластининой комментированный перечень иллюстраций и приложения, в которых впервые опубликован большой блок эпистолярного наследия историка: его переписка с научными, вузовскими, культурно-просветительскими и общественными учреждениями и организациями, известными историками, археологами, этнографами, антропологами, краеведами, музейными работниками.

А.А. Калашников
г. Барнаул, Россия

ЛИКВИДАЦИЯ БЫВШЕЙ СОБСТВЕННОСТИ МОНАРХА НА АЛТАЕ: АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ (1917–1918 гг.)

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18-09-00439 «Алтайский историко-географический комплекс в XVIII – начале XX веках (междисциплинарные исследования и разработка информационной web-платформы)».

Аннотация: Анализируя влияние административно-территориальных и хозяйственных преобразований на функционирование Алтайского округа в 1917–1918 гг., автор статьи предпринимает попытку выявления сущностных черт, характеризующих Алтайский округ как целостный хозяйственно-территориальный комплекс. Автор приходит к выводу, что таковыми являются ведомственная принадлежность, сохранение единого хозяйственного пространства и наличие окружной вертикали управления, осуществляющей комплексное ведение хозяйства в регионе.

Ключевые слова: реорганизация управления, ликвидация Алтайского округа, административно-хозяйственная политика.

A.A. Kalashnikov
Barnaul, Russia

LIQUIDATION OF THE FORMER MONARCH'S PROPERTY IN ALTAI: ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL AND ECONOMIC ASPECTS (1917–1918)

Abstract: Author of the article analyzes impact of administrative-territorial and an economic transformation on the functioning of the Altai district in 1917–1918 and attempts to identify the essential features that characterize the Altai district as an integral economic and territorial complex. The author comes to the conclusion that such are departmental affiliation, preservation of a single economic space and the presence of the district hierarchy of management, carrying out comprehensive economic management in the region.

Keywords: management reorganization, liquidation of the Altai district, administrative and economic policy.

К началу 1917 г. Алтайский округ представлял собой огромный хозяйственно-территориальный комплекс, являвшийся частной собственностью российского императора и находившийся под ведомственным управлением Кабинета его императорского величества (далее – Кабинет). Привилегированное положение округа и наличие в нем особой, обособленной от общегосударственной, многоотраслевой административно-хозяйственной системы (преимущественно земельно-лесной по профилю), делали его уязвимым в годы социально-политических катаклизмов.

Проблема ликвидации Алтайского округа как целостного хозяйственно-территориального комплекса является нерешенной в историографии: не определены хронологические рамки данного процесса, его основные этапы. Отдельные аспекты ликвидации Алтайского округа были затронуты историками С.Е. Поляковым, М.О. Тяпкиным, Т.Н. Соболевой, Н.Ф. Иванцовой, Г.П. Жидковым. Ликвидация Алтайского округа представляет собой удивительный процесс, отражающий сложность и неоднозначность решения ключевых вопросов революции: о собственности и о власти. Актуальность исследования обусловлена необходимостью приращения опыта форсированной модернизации управления громадным хозяйственно-территориальным комплексом, предпринятой в сложных со-

циально-экономических и политических условиях революционного времени. Решение проблемы ликвидации Алтайского округа невозможно без выделения сущностных черт, характеризующих округ как целостный хозяйственно-территориальный комплекс, что и предопределило цель данного исследования.

Февральская революция и последовавшее за ней падение монархии, масштабные структурные изменения в области хозяйственного и административного управления, происходившие на центральном и региональном уровнях, ставили вопрос о возможности и целесообразности дальнейшего функционирования округа в качестве единого хозяйственно-территориального комплекса. После официально-юридической ликвидации кабинетского землевладения 27 марта 1917 г. (по постановлению Временного правительства все имущество Кабинета распределялось между министерствами земледелия, торговли и промышленности) сохранение власти Управлением Алтайского округа сразу же становилось анахронизмом. Покончив с формальным верховенством кабинетских чиновников в Алтайском округе, новые центральные власти страны все же временно оставили полноту полномочий за окружной администрацией на период ликвидации округа. С одной стороны, судьба бывшего владения императора была предрешена, – ему предстояло влиться в общегосударственную хозяйственную систему. С другой, – задачи по поиску путей и методов столь необходимых преобразований, а также их реализации целиком ложились на плечи местной администрации. Советский историк Г.П. Жидков, исследовавший кабинетское землевладение, отмечал, что перемены, производившиеся в 1917 г. в Петрограде, «напоминали не ликвидацию кабинетской собственности, а скорее изменение способа управления ею» [2, с. 243]. Безусловно, ведомственная принадлежность является одной из сущностных черт, характеризующих округ в качестве особого административного образования, но не единственно-определяющей – падение монархии и смена подведомственности не привели к прекращению функционирования округа. В связи с этим сложно согласиться с однозначной оценкой автора статьи об Алтайском округе в «Сибирской советской энциклопедии» 1929 г., завершившим его историю революцией 1917 г., когда округ, ***«как владение б. Кабинета*** (курсив наш – А.К.), перестал существовать» [8, стб. 85].

Куда более существенной чертой, характеризующей Алтайский округ как целостный хозяйственно-территориальный комплекс, являлось сохранение единого хозяйственного пространства, обусловленного включенностью округа в состав Томской губернии. Постановлением Временного правительства от 17 июня 1917 г. Алтайская губерния была выделена из состава Томской, причем границы новообразованной губернии были значительно меньше границ Алтайского округа. Как отмечают Т.Н. Соболева и В.М. Рынков, именно в результате выделения Алтайской губернии было разрушено единство территориально-хозяйственного комплекса Алтайского округа, образование новых административных субъектов состоялось без учета сохранения его целостности, кабинетский округ распался на две части [9, с. 264; 4, с. 89–90; 3, с. 423]. Однако проблема территориального разграничения земель Алтайского округа не ограничивается формированием границ новообразованных уездов и губернии, ее необходимо рассматривать в совокупности с проблемой разграничения административной и хозяйственной подчиненности административно-хозяйственных единиц, входящих в пределы округа.

Управление Алтайского округа, структура бывшего Кабинета, продолжало единоличное ведение хозяйства округа вплоть до декабря 1917 г. Появление новых структур на всех уровнях окружной вертикали управления, начиная с марта 1917 г., способствовало загромождению аппарата управления, к тому же новообразованные органы вмешивались во властные прерогативы старых, проводя собственную независимую политику и тем самым вклиниваясь в существовавшую административно-хозяйственную систему. Санкционированное и несанкционированное разделение полномочий между ведомственной администрацией и новыми губернскими структурами хозяйственного управления разрушало окружной аппарат управления и способствовало постепенной ликвидации Алтайского округа как хозяйственно-территориального комплекса [6]. Осенью 1917 г. Управлением округа был создан ряд новых структур хозяйственного управления: Постоянное совещание по лесохозяйственным вопросам и Административное совещание при Управлении округа. Примечательно, что указанные структуры распространяли свою власть на всю территорию округа, однако в состав новообразованных органов вошли лишь алтайские чиновники бывшего Кабинета и представители общественности Алтайского губернии.

Постановлением от 4 декабря 1917 г. Алтайский губернский земельный комитет (губземком) изъял земли и леса бывшего Кабинета из ведения Управления округа, а по постановлению от 19 января 1918 г. само Управление округа и прочие учреждения бывшего Кабинета в пределах губернии перешли в полное ведение и распоряжение губземкома. Как отмечает Т.Н. Соболева, данные постановления являлись «решающим ударом» по окружным структурам управления, так как означали «ликвидацию местного аппарата Алтайского округа и завершение кабинетского периода в истории региона» [9, с. 264]. Тем не менее, окружные структуры управления фактически оставались сохранены, так как продолжали свою работу внутри создававшейся советской хозяйственной системы. Созданный в апреле 1918 г. отдел Алтайского губисполкома по управлению государственными имуществами республики, куда, по сведениям С.Е. Полякова, вошла большая часть Управления округа [7, с. 289], во многом дублировал структуру бывшего Управления Алтайского округа.

В период временного установления советской власти в Алтайской губернии (декабрь 1917 – июнь 1918 г.) на территории округа была предпринята попытка проведения масштабной реорганизации хозяйственного управления, однако Алтайский губземком, распространяя действие инструкции о реорганизации на лесничества всего Алтайского округа, игнорировал специфику административно-хозяйственного управления в лесничествах, находившихся за пределами Алтайской губернии. Невольно подтверждалось приоритетное положение окружной власти над губернскими структурами хозяйственного управления – центром координации, управления и определения хозяйственной деятельности в пределах округа оставался Барнаул. Первая половина 1918 г. продемонстрировала остроту проблемы «осколков» округа (административной и хозяйственной подчиненности лесничеств и арендных районов, находившихся за пределами Алтайского губернии) [5]. Таким образом, к середине 1918 г. Алтайский округ как хозяйственно-территориальный комплекс продолжал существовать вопреки преобразованиям 1917 – начала 1918 г.

После свержения советской власти приказом № 1 комиссара Временного Сибирского правительства по Алтайской губернии от 21 июня 1918 г. было восстановлено Управление Алтайского округа (под названием Алтайского управления земледелия и государственных имуществ), полномочия которого были распространены на пределы бывшего Алтайского округа [1, л. 14–14об.]. Несмотря на ликвидацию всех административных и хозяйственных мероприятий, предпринятых советской властью, белым властям предстояло продолжить решение проблемы административного и хозяйственного размежевания земель бывшего округа, произвести очередную реорганизацию окружного управления с целью деструктуризации хозяйственного управления, переориентировав его с комплексного на узкоспециализированное отраслевое.

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать, что ликвидация округа как целостного хозяйственно-территориального комплекса являлась триединым процессом, сочетавшим в себе: 1) ликвидацию ведомственной принадлежности земель округа; 2) административно-территориальные изменения, проистекавшие из административно-хозяйственного размежевания земель округа между разделявшими его губерниями; 3) ломку окружного аппарата управления, ориентированного на комплексное ведение хозяйства в регионе. Если проблема ведомственной принадлежности была решена еще в марте 1917 г., то к решению двух последних администрация округа вплотную подступила лишь ко второй половине 1918 г.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 555.
2. Жидков, Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.) / Г.П. Жидков. – Новосибирск : Наука, 1973. – 264 с.
3. Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.) : сборник документов / отв. ред. и сост. В.М. Рынков; Ин-т истории Сиб. отд-ния РАН. – Новосибирск : Агентство «Сибпринт», 2017. – 544 с.
4. Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Т. 1. А–И. / Гл. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. – 715 с.
5. Калашников, А.А. «Осколки» округа: создание Алтайской губернии и проблемы административной и хозяйственной подчиненности лесничеств Алтайского округа в 1917–1918 гг. / А.А. Калашников // Вопросы истории Сибири : сборник научных статей / науч. ред. М.К. Чуркин. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2019. – Вып. 16. – С. 83–89.
6. Калашников, А.А. Взаимодействие Управления Алтайского округа и новообразованных органов власти в марте – декабре 1917 г. / А.А. Калашников // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное

наследие : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановления совет. власти в Сибири (Омск, 13–14 нояб. 2019 г.) / М-во культуры Ом. обл., БУ ИсА; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, ОмГТУ; М-во обороны Рос. Федерации, ОАБИИ; [редкол.: Д. И. Петин (отв. ред.) и др.]. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2019. – С. 101–107.
7. Поляков, С.Е. Реорганизация системы управления Алтайским округом в период временного установления Советской власти (декабрь 1917 г. – июнь 1918 г.) / С.Е. Поляков // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Четвертые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина : сб. науч. тр. – Барнаул, 2003. – Кн. II. – С. 287–292.
8. Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. Т. 1: А–Ж / под общ. ред. М.К. Азадовского [и др.]. – Новосибирск : Сибкрайиздат, 1929. – 524 с.
9. Соболева, Т.Н. Управление Алтайского (горного) округа и Змеиногорского края в 1861–1917 гг. / Т.Н. Соболева // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). – Барнаул, 2003. – С. 233–268.

Е.А. Карпенко
г. Барнаул, Россия

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ АЛТАЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.: ПЕРСПЕКТИВЫ ПУБЛИКАЦИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-09-00448 «Дневники и письма сибирского чиновника последней трети XIX в. Е.П. Клевакина (подготовка к научной публикации)».

Аннотация: Евгений Поликарпович Клевакин и Константин Павлович Перетолчин одни из немногочисленных представителей алтайского чиновничества, оставившие после себя обширное документальное наследие. В рамках научного проекта, поддержанного РФФИ (проект № 19-09-00448) ведется работа по введению в научный оборот дневников и писем Е.П. Клевакина. Уровень научной ценности автобиографических воспоминаний К.П. Перетолчина позволяет соизмерить их с документальным наследием Е.П. Клевакина и в перспективе осуществить их полное опубликование.

Ключевые слова: Клевакин Евгений Поликарпович, Перетолчин Константин Павлович, документальное наследие, дневниковые записи, воспоминания, провинциальный служащий.

E.A. Karpenko
Barnaul, Russia

DOCUMENTAL LEGACY OF ALTAI OFFICIALS OF THE END OF THE XIX – THE FIRST HALF OF THE XXth CENTURY: PROSPECTS OF THE PUBLICATION

Abstract: Evgeny Polikarpovich Klevakin and Konstantin Pavlovich Peretolchin are one of the few representatives of Siberian and Altai officials who left behind an extensive documentary legacy. As part of a scientific project supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-09-00448), work is underway to introduce diaries and letters of E.P. Klevakin into the scientific circulation. The level of scientific value of the autobiographical memoirs of K.P. Peretolchin allows us to compare them with the documentary legacy of E.P. Klevakin and in the future to implement their full publication.

Keywords: Klevakin Evgeny Polikarpovich, Peretolchin Konstantin Pavlovich, documentary heritage, diary entries, memories, provincial official.

Дневниковые записи и воспоминания рядовых провинциальных служащих дореволюционной России – явление достаточно редкое и малоизвестное. Учитывая это, отметим, что их документальное наследие приобретает особую ценность и значимость как источник при изучении региональной истории повседневности.

По оценке П.А. Афанасьева, одним из немногочисленных представителей алтайского чиновничества, оставивших после себя обширное документальное наследие, позволяющее на его примере досконально изучить детали биографии и службы типичного представителя нижних чинов, является Евгений Поликарпович Клевакин (1841–1919) [5, с. 2]. В 2017 г. его воспоминания, охватывающие уральский и алтайский периоды жизни и службы, были изданы в сборнике документов под названием «Записки провинциального чиновника второй половины XIX в.» [6–7]. С 2019 г. под руководством П.А. Афанасьева в рамках научного проекта, поддержанного РФФИ № 19-09-00448 «Дневники и письма сибирского чиновника последней трети XIX в. Е.П. Клевакина (подготовка к научной публикации)» ведется работа по подготовке к публикации и введению в научный оборот дневников и писем Евгения Поликарповича, которые смогут существенно дополнить опубликованные ранее записи и завершить формирование целостного образа типичного провинциального чиновника.

Не менее ярким источником личного происхождения, является мемуарное наследие ученого-лесовода Константина Павловича Перетолчина (1877–1957). Его воспоминания охватывают практически всю первую половину XX в. и содержат много интересной и малоизвестной информации о дореволюционной и советской жизни Алтая и Сибири. Введение в научный оборот воспоминаний К.П. Перетолчина в полном объеме в перспективе позволит существенно расширить источниковую базу исторического краеведения Алтая.

Насыщенная событиями биография К.П. Перетолчина была тесно связана с лесом. Она представляет собой тот редкий случай, когда личная жизнь и служебная деятельность гармонично дополняли друг друга. Он родился в Иркутске, в 1899 г. там же окончил промышленное училище, в 1900–1903 гг. обучался в Санкт-Петербургском Императорском лесном институте. Будучи студентом, Константин Павлович зарекомендовал себя грамотным специалистом, будущим высоким профессионалом в лесном деле. Учась на втором курсе, он уже работал в ботаническом кабинете академии наук у профессора Ивана Парфеньевич Бородина, ассистировал преподавателю на практических работах студентов по систематике и анатомии растений. Окончил институт в звании ученого лесовода I разряда и был направлен в Алтайский округ. С 1904 по 1933 г. занимался лесоустроительной деятельностью в Барнаульском, Бийском, Рубцовском округах, Верхне-Обских борах, устройством лесов в верховьях реки Томи, в Кузбассе. В 1933–1942 гг. с перерывами работал научным сотрудником Барнаульского естественно-исторического музея, создал при нем уголок леса, провел инвентаризацию фондов. В 1943 г. по семейным обстоятельствам переехал в Тюмень, работал в местном музее по восстановлению библиотечного фонда. В 1948 г. переехал в Бийск [3].

Документальное наследие К.П. Перетолчина большей частью сосредоточено в Алтайском государственном краеведческом музее (АГКМ). Его личный фонд составляет около 70 единиц хранения за период с 1917 по 1950 г. Наиболее информативными являются автобиографические воспоминания. Они были написаны в 1946–1949 гг., хронологически охватывают почти весь жизненный путь автора, имеют высокую степень сохранности в форме рукописи и ее машинописной копии [4]. В насыщенных фактами воспоминаниях упомянуто большое количество имен современников Константина Павловича. По данным А.А. Колесникова, составившего в 1990 г. именной указатель, их число достигает 401 единицу [10, с. 22]. Подлинники писем К.П. Перетолчина к ботанику И.П. Бородину хранятся в 125 фонде Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук [18, л. 1–7]. Их особенностью является современное словоупотребление и практически полное отсутствие в конце слов буквы «Ъ». Все письма являются чистовыми, без помарок и исправлений, написаны почерком автора. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в 1403 фонде хранится переписка К.П. Перетолчина с супругами Игнатьевыми – Натальей Владимировной (Трухановой) и Алексеем Алексеевичем. К письмам приложены воспоминания К.П. Перетолчина о брате, горном инженере, исследователе Сергее Павловиче Перетолчине, погибшем в 1914 г. при невыясненных обстоятельствах в Восточных Саянах [17].

До настоящего времени документальное наследие К.П. Перетолчина в полном объеме не издавалось. Отдельные фрагменты его мемуаров

становились объектом внимания региональных исследователей для иллюстрации культуры, быта и нравов барнаульцев начала XX в., жителей Тюмени 40-х гг. XX в. [9–11]. Наиболее объемный фрагмент воспоминаний, посвященный Барнаулу за период 1904–1942 гг., был подготовлен научным сотрудником экспозиционно-выставочного отдела АГКМ Т.Н. Букиной и опубликован в 2011 г. в сборнике «Краеведческие записки» [8]. Как правило, публикации предварялись краткими биографическими справками. Факты из биографии Константина Павловича содержатся в справочниках, энциклопедиях и календарях, приуроченных к памятным датам [1, 2, 12, 16]. Лесоустроительной деятельности К.П. Перетолчина как квалифицированного исследователя, лесовода-практика посвящены публикации Е.А. Карпенко [13–15]. По мнению автора, в документальном наследии особого внимания заслуживают записи Константина Павловича о лесоустройстве и таксации. Подробные, основательные, раскрывающие не только техническую сторону вопроса, но и межличностные отношения, без прикрас описывающие властную вертикаль, эти записи не имеют аналогов и представляют собой уникальную возможность взглянуть на каждодневную работу лесных специалистов глазами рядового служащего. Описанные им события обладают достоверностью, а профессионализм К.П. Перетолчина не позволяет усомниться в его осведомленности о состоянии лесного хозяйства региона. Его личная переписка с крупнейшим ботаником второй половины XIX – начала XX в. И.П. Бородиным позволяет проследить динамику взглядов ученого-лесовода на свои профессиональные функции в лесном хозяйстве и изменения, происходившие в политической обстановке Алтайского округа. Тем самым, письма дополняют и расширяют автобиографические воспоминания Константина Павловича.

Итак, полное опубликование документального наследия К.П. Перетолчина в перспективе позволит широкому кругу исследователей в открытом доступе познакомиться с уникальной информацией о состоянии дореволюционного и советского лесного хозяйства на Алтае, взглянув на это с позиции рядового служащего – лесоустроителя. История, быт и нравы городских обывателей первой половины XX в., описываемые им в красочных деталях, могут представлять не малый интерес при изучении региональной истории повседневности. Уровень научной ценности мемуарного наследия ученого-лесовода К.П. Перетолчина позволяет соизмерить его автобиографические воспоминания с документальным наследием алтайского чиновника Е.П. Клевакина.

Список использованной литературы

1. 130 лет со дня рождения выдающегося лесовода и краеведа К.П. Перетолчина (1877–1957) / А.А. Колесников // Алтайский край. 2007: календарь знаменат. и памят. дат. – Барнаул : Алт. Дом печати, 2006. – С. 58–61.
2. 90 лет начала деятельности на Алтае выдающегося лесовода и краеведа К.П. Перетолчина (1878–1957) / Колесников А.А. // Страницы истории Алтая, 1993–1994. – С. 4–9.
3. Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1.
4. Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). Ф. Р-3. – Оп. 1. – Д. 1 – 3.
5. Афанасьев, П.А. Е.П. Клевакин: провинциальный чиновник на фоне пореформенной эпохи / П.А. Афанасьев // Исторический курьер. – 2018. – № 2. – С. 2. DOI: 10.31518/2618-9100-2018-2-3.
6. Афанасьев, П.А.Евгений Поликарпович Клевакин и его документальное наследие / П.А. Афанасьев // Клевакин Е.П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае: сборник документов. – Т. 1. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 420 с.
7. Афанасьев, П.А. Евгений Поликарпович Клевакин и его документальное наследие / П.А. Афанасьев // Клевакин Е.П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае: сборник документов. – Т. 2. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 458 с.
8. Барнаул в воспоминания К.П. Перетолчина / подгот. Т.Н. Букина // Краеведческие записки. – Барнаул : Алтай, 2011. – Вып. 9. – С. 83–122.
9. Гусельникова, М.В. «Милый рабочий коллектив был в то время в Тюменском музее»: воспоминания о работе в Тюменском музее (1944–1948) К.П. Перетолчина / М.В. Гусельникова // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. – 2005. – Вып. 19. – С. 99–104.
10. Гусельникова, М.В. Барнаул начала XX в воспоминаниях К.П. Перетолчина / М.В. Гусельникова // Словцовские чтения – 2005: Материалы XVII Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2005. – С. 22–24.

11. Из воспоминаний К.П. Перетолчина / подгот. А.А. Колесников // Алтайский сборник. – 1993. – Вып. 17. – С. 138–152.
12. К 125-летию со дня рождения Константина Павловича Перетолчина (1877–1957) / Т.Н. Букина // Вестник культуры Алтайского края. – 2003. – № 5(9). – С. 46–48.
13. Карпенко, Е.А. Лесное хозяйство Алтайского округа в начале XX века по воспоминаниям К.П. Перетолчина / Е.А. Карпенко // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. – 2016. – № 3(42). – С. 92–95.
14. Карпенко, Е.А. Мемуары К.П. Перетолчина как источник по истории лесного хозяйства Алтайского округа начала XX в. / Е.А. Карпенко // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : материалы конференции / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. – Барнаул, 2015. – С. 27–29.
15. Карпенко, Е.А. Переписка лесовода К.П. Перетолчина с ботаником И.П. Бородиным (начало XX в.) / Е.А. Карпенко // Актуальные вопросы истории Алтая : сборник научных статей. – Барнаул : Пять Плюс, 2017. – С. 194–198.
16. Перетолчин Константин Павлович // Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX века : Библиографический словарь. – 2000. – С. 159.
17. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 1403. – Оп. 1. – Д. 585, Д. 1232.
18. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). – Ф. 125. – Оп. 1. – Д. 310. – Л. 1–7.

А.А. Каскабасова, А.Т. Макишева

г. Павлодар, Республика Казахстан

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ КУРСА ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы использования письменных источников при изучении курса истории Казахстана периода Российской империи. Раскрыты вопросы необходимости использования первоисточников в контексте реформирования системы образования, определена ценность методик и технологий, формирующих навыки самостоятельного поиска и познания нового материала, критического осмысления и оценивания, использования разноплановых источников, применения информационных и интернет технологий, формирования навыков исследовательской деятельности посредством изучения исторических источников. Подчеркивается роль новой истории Казахстана в отечественной науке в качестве колониального периода, повлекшего трансформацию социально-политической, экономической и культурной жизни казахского народа. Обозначена необходимость применения письменных источников Российской империи как основных носителей исторической информации отечественной истории в учебном процессе в школе и в вузах. Среди письменных источников выделены труды дореволюционных исследователей Казахстана, находящихся на административно-военной службе, законодательные акты, материалы периодической печати, прочие архивные документы. Подчеркнута важность их применения в качестве учебно-методического материала для формирования навыков самостоятельного выявления и осмысления исторических фактов, оценивания деятельности исторических личностей и событий, осознания особенностей происхождения исторических источников.

Ключевые слова: Письменные источники, колониальный период, архивные материалы, законодательные акты, методики обучения, реформы исторического образования.

A.A. Kaskabasova, A.T. Makisheva
Pavlodar, Republic of Kazakhstan

TO THE QUESTION OF THE APPLICATION OF WRITTEN SOURCES IN THE STUDY OF THE COURSE OF HISTORY OF KAZAKHSTAN IN THE COMPOSITION OF THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract: This article discusses the use of written sources in the study of the history of Kazakhstan in the period of the Russian Empire. Issues of the need to use sources in the context of reforming the education system are unfolded, methods and technologies are identified as priorities that form the skills of independent search and cognition of new material, critical reflection and evaluation, the use of diverse sources, the use of information and Internet technologies, the formation of research activity skills through the study of historical sources. The role of the new history of Kazakhstan as a colonial period, which entailed the transformation of the socio-political, economic and cultural life of the Kazakh people, is emphasized. The necessity of using written sources of the Russian Empire as the main medium of historical information of the national history in the educational process at school and in universities is indicated. Among the written sources works of pre-revolutionary researchers of Kazakhstan who are in the administrative-military service, legislative acts, periodicals, and other archival documents are highlighted. The importance of their use as educational and methodological material for developing skills of self-facilitated identification and understanding of historical facts, evaluating the activities of historical figures and events, awareness of the specifics of the origin of historical sources is emphasized.

Keywords: Written sources, the colonial period, archival materials, legislative acts, teaching methods, reform of historical education.

В условиях глобализации и интеграции мирового образовательного пространства меняются подходы в системе подготовки кадров, являющихся интеллектуальным ресурсом и потенциалом современного государства. Образовательная система Республики Казахстан с момента обретения суверенитета гибко реагирует на происходящие в мировом сообществе изменения, что выразилось в реформировании системы образования в соответствии с требованиями времени. Выпускники всех уровней обучения должны быть мобильными, конкурентоспособными, гибкими к обучению в других условиях, открытыми к получению новых знаний. Меняются методические подходы к организации учебного процесса, приоритетными являются методики и технологии, формирующие навыки самостоятельного поиска и познания нового материала, критического осмысления и оценивания, использования разноплановых источников, применения информационных и интернет технологий

Особая роль в системе образования отводится историческим дисциплинам, которые формируют патриотизм, активную гражданственную позицию, способность к коммуникативному, межкультурному и толерантному общению и критическому осмыслению полученной информацию. Важным направлением исторического образования является формирование навыков исследовательской деятельности посредством изучения исторических источников.

Новый период истории Казахстана является переломным звеном естественного хода отечественной истории, началом колониального периода, повлекшего трансформацию социально-политической, экономической и культурной жизни казахского народа. Письменные источники Российской империи являются основными носителями исторической информации нового периода отечественной истории. В последние десятилетия отечественными историками проделан огромный труд по выявлению большого пласта письменных исторических источников разнопланового характера по истории Казахстана периода казахского ханства и присоединения к Российской империи. Выявленные источники требуют детального изучения для расширения возможностей их дальнейшего применения на уровне общеобразовательных учреждений и высших учебных заведений.

Отдельную группу исторических источников составляют материалы, заметки, очерки служащих, публицистов и чиновников военного ведомства, находившихся в Казахстане по долгу службы. Авторы писали о современных для них явлениях и событиях, а экскурс в историю использовался для доказательства исторической обусловленности того или иного процесса [1, с. 5]. Появление данных исследований обусловлено возросшим интересом царской администрации к региону, в отношении которого планировалась колонизация.

Труды А.И. Тевкелева [24], И.К. Кирилова [11], П.И. Рычкова [22], П.С. Палласа [21], И.Г. Андреева [3], Я.П. Гавердовского [8], И.П. Фалька [26], С.Б. Броневского [6], А.И. Левшина [16] относятся к начальному периоду присоединения Казахстана к России и содержат интересные сведения об истории, этнографии, географии, экономики казахского региона, а также описывают внутриполитическую обстановку в данный период. Авторы использовали в своих сочинениях архивные материалы, исторические труды, официальные нормативные акты, а также стремились фиксировать казахские устные источники. Данная группа источников имеет определенную научную ценность, поскольку авторы являлись прямыми очевидцами описываемых ими событий, активно реализовали политику царизма по укреплению в регионе. Многие авторы были лично знакомы с казахскими политическими деятелями, ханами, султанами, биями, были свидетелями становления новой геополитической ситуации в регионе.

Со второй половины XIX века расширяются сферы интересов Российской империи в южные территории Казахстана, что соответственно нашло отражение в трудах русских исследователей, которые освещали процессы завоевания юга Казахстана, анализировали и фиксировали происходящие в степи процессы, этапы и особенности национально-освободительных движений, изучали отдельные темы, касательно законоустройства, хозяйства, экономики и взаимоотношениям региона со среднеазиатскими ханствами. Труды И.М. Казанцева [10], И.Ф. Бларамберга [5], Ф.И. Лобысевича [17], Л. Костенко [13], А. Макшеева [19], М.И. Венюкова [7], М.А. Терентьева [25] посвящены завоевательным походам русских отрядов в южные регионы казахских степей, проблемам покорения Средней Азии и строительства новых военных укреплений. Сочинения Н.А. Середы [23], П.Л. Юдина [27], И.В. Аничкова [4] содержат сведения о национально-освободительных движениях в регионе, о руководителях, причинах, ходе и особенностях восстаний. Работы И.И. Крафта раскрывают особенности внедрения российского законодательства на территории Казахстана с середины XVIII века до конца XIX века [14]. В своих работах автор описывает судопроизводство в казахском крае и показывает, как оно менялось на протяжении длительного времени [15]. Также им был издан сборник статей и заметок, касающихся устройства и быта казахского общества. П. Маковецкий [18], А.И. Добросмыслов [9], А.Е. Алекторов [2], Н. Коншин [12] оставили широкий круг источников, охватывающих сведения об особенностях экономического развития региона, ведения скотоводства и развития земледелия в казахском крае. В целом исторические труды дореволюционных русских исследователей представляют огромный интерес для отечественной исторической науки, широко могут использоваться в исследованиях колониального периода Казахстана. Они могут быть использованы в учебном процессе при подготовке учителей истории, поскольку помогут сформировать научно-методологическую базу для начинающих исследователей, помогут выработать собственное отношение и точку зрения по многим спорным вопросам нелегкого периода отечественной истории.

Ценностью указанных источников является разносторонний фактологический материал, раскрывающий особенности истории, жизни и быта казахов в эпоху присоединения к Российской империи. Следует отметить, что в них исторические процессы, события и факты описаны современниками и прямыми наблюдателями излагаемых событий. Данные труды написаны в жанре путевых записок, дневников, воспоминаний и мемуаров. Это значительно облегчает их восприятие начинающими исследователями, важную ценность имеет возможность проследить эволюцию историко-политических взглядов правящей администрации на процесс присоединения Казахстана к России. Вместе с тем следует отметить, что озвученные исторические труды носят и субъективный характер, поскольку являются отражением точки зрения правящих кругов и описываются исследователями, находящимися на государственно-военной службе, отражающих в основном официальную позицию империи. При должном критическом анализе труды русских исследователей середины XVIII – начала XX века могут и должны быть использованы в учебном процессе в качестве исторических источников изучаемого периода для формирования исследовательских навыков и основ их критического анализа. Отдельную группу источников по новой

истории Казахстана составляют законодательные акты Российской империи, отражающие суть официальной политики царизма. Исследователями Казахстана был проделан огромный труд по выявлению, систематизации, классификации законодательных актов Российской империи, разработке методологических подходов в сфере их источниковедческого анализа.

Отепова Г.Е. впервые разработала методологические подходы к изучению законодательных актов Российской империи, раскрыла сущность их происхождения, разработала систему их классификации и систематизации, выявила их характер и функциональную направленность, определила специфику законотворческих источников в изучении нового периода истории Казахстана. Законодательных актов Российской империи, регламентирующих общественно-политические и социально-экономические отношения на территории присоединенного Казахстана, царским правительством было принято достаточно много. В одном только в Полном собрании законов Российской империи насчитывается более полутора тысяч (не учтены законодательные документы по истории казачества). Отдельные законодательные материалы по истории Казахстана были опубликованы в советский период и продолжают частично публиковаться. На сегодняшний день Отеповой Г.Е. выявлено в результате работы в архивах и библиотеках городов Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Алматы, Павлодара более двух тысяч законодательных актов, которые непосредственно связаны с историей Казахстана исследуемого периода (пока невозможно говорить об окончательной цифре, так как эта работа еще продолжается) [20, с. 108]. Использование законодательных актов Казахстана XVIII – начала XX веков в учебном процессе позволяет обучающимся овладеть необходимым категориально-понятийным аппаратом, разобраться в системе и этапах законотворческой деятельности, выявить сущность и назначение тех или иных актов, определить их влияние и роль в политической, социально-экономической и культурной жизни Казахстана нового периода, объективно оценить идеологию царизма.

Отдельную группу источников по истории Казахстана нового периода составляют периодические издания, официальные, публикуемые для донесения в массы распоряжения властей, и неофициальные, отражающие протестные власти взгляды. На территории Казахстана издавались газеты «Туркестанские ведомости», «Акмолинские областные ведомости», «Публикации по Семиреченской области и Кульджинскому краю» с 1870 года. Позже «Публикации по Семиреченской области и Кульджинскому краю» были переименованы в «Семиреченские областные ведомости». «Туркестанские ведомости, «Акмолинские областные ведомости» издавали приложения на казахском языке, «Түркістан уалаятынын газеті», «Дала уалаятынын газеті», которые помимо официальных распоряжений и поручений публиковали труды казахских просветителей, акынов и писателей. В начале XX века начали издавать средства периодической печати, отражающие взгляды казахской национальной интеллигенции, такие как, «Серке», «Казак», «Казакстан», «Айкап», в основу которых легли общественно-политические события периода первой русской революции.

Газеты и журналы XVIII – начала XX веков содержали не только официальные указания, но и отражали события общественной, экономической и культурной жизни. Периодические издания издавалась частными организациями, их целью была максимальная продажа и распространение, поэтому газеты и журналы содержали материал, могущий заинтересовать обывателя, рассказы, заметки, происшествия, непременным элементом была реклама, объявления, афиши, некрологи, позволяющие окунуться начинающему исследователю в элементы повседневности изучаемого периода. Следовательно, к информации, которая публиковалась в данных изданиях, надо подходить критически, изучив все особенности того или иного периода.

Таким образом, по истории Казахстана в составе Российской империи имеется достаточное количество источников, которые можно и необходимо использовать в учебном процессе. Их применение, а главное, их критический анализ на занятиях по истории, позволит приобщить подрастающее поколение к увлекательному процессу исследования, общения непосредственно с текстами прошлого. Исторические источники помогут обучающимся самостоятельно выявлять и осмысливать исторические факты, оценивать деятельность исторических личностей и событий, осознавать особенности происхождения исторических источников. Широкий спектр исторических источников, выявленных в архивах, опубликованных и размещенных в ведущих библиотеках, позволит расширить учебно-методическую базу преподавания нового периода истории Казахстана, как на уровне школы, так и на уровне педагогических вузов.

Список использованной литературы

1. Абдильдабекова, А.М. Россия и Казахстан (XVIII – начало XX века): вопросы историографии: Учебное пособие / А.М. Абдильдабекова ; КазНАУ им. аль- Фараби. – Алматы : Дайк-Пресс, 2004. – 122 с.
2. Алекторов, А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах / А.Е. Алекторов. – Казань : Типо-литография Императорского университета, 1900. – 970 с.
3. Андреев, И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков / И.Г. Андреев. – Алматы : Ғылым, 1998. – 280 с.
4. Аничков, И.В. Киргизский герой Нурмахаммедов 1894 год / И.В. Аничков. – Казань : Типо-литография Императорского университета, 1894. – 29 с.
5. Бларамберг, И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) Орды и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства / И.Ф. Бларамберг // Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Санкт-Петербург, 1848. – Ч. 3. – Т.14. –193 с.
6. Броневский, С.Б. О казахах Средней Орды / С.Б. Броневский. –Павлодар : ТОО «ЭКО», 2005. – 168 с.
7. Венюков, М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии / М.И. Венюков. – Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и К°, 1873–1876. – 457 с.
8. Гавердовский, Я.П. Обозрение киргиз-кайсакской степи (часть 1), или Дневные записки в степи Киргиз-кайсакской 1803 и 1804 годов [Электронный ресурс] / Я.П. Гавердовский. – Режим доступа: http:/ /www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1800-1820/ Gaverdovskij_Ja_P/ text13.htm http://www.vostlit.info/ Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1800-1820/Gaverdovskij_Ja_P / text13.htm.
9. Добросмыслов, А.И. Тургайская область. Исторический очерк / А.И. Добромыслов. – Оренбург : Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. – 134 с.
10. Казанцев, И.М. Описание киргиз-кайсак / И.М. Казанцев. – Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1867. – 231 с.
11. Кирилов, И.К. Доношения И.К. Кирилова из Оренбургской экспедиции. 1734–1735 гг. [Электронный ресурс] / И.К. Кирилов. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1720-1740/Orenburg_expedicia/pred.htm
12. Коншин, Н. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области / Н. Коншин // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. – Семипалатинск : Тип. Семипалат. обл. правл., 1901. – 415 с.
13. Костенко, Л. Средняя Азия и водворение в ней русской государственности / Л. Костенко. – Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова, 1871. – 358 с.
14. Крафт, И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей / И.И. Крафт. – Оренбург : Типография П.Н. Журинова, 1898. – 532 с.
15. Крафт, И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях И.И. Крафт. – Оренбург : Типо-литография П.Н. Журинова, 1898. – 214 с.
16. Левшин, А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей / А.И. Левшин. – Алматы : Санат, 1996. – 656 с.
17. Лобысевич, Ф.И. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Ф.И Лобысевич. – Москва : Типография И.Н. Кушнерев и К., 1891. – 41 с.
18. Маковецкий, П. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов : Вып. 1 / Семипалат. обл. стат. ком. – Омск : тип. Окр. штаба, 1886. – 23 с.
19. Макшеев, А. Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю А. Макшеев. – Санкт–Петербург : Воен. тип., 1896. – 257 .
20. Отепова, Г.Е. История Казахстана в законодательных источниках Российской империи : монография / Г.Е. Отепова. – Павлодар : ПГПИ, 2015. – 293 с
21. Паллас, П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – Санкт-Петербург, 1769. – Т. 1. –786 с.
22. Рычков, П.И. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году / П.И. Рычков. – Санкт-Петербург : при императорской Академии наук, 1772. – 104 с.
23. Середа, Н.А. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова. (1838-1847 гг.) / Н. Середа. – Атырау : Отд-ние Каз. фонда культуры : Фирма «Диалог», 1992. – 214 с.
24. Тевкелев, А.И. Разные бумаги генерал-майора Тевкелеева об оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах [Электронный ресурс] / А.И. Тевкелев. – Режим доступа: http:// www.vostlit.info/ Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1760-1780/Tevkelev_A_I / text.htm;
25. Терентьев, М.А. История завоевания Средней Азии 1906 : В 3-х т. / М.А. Терентьев. – Санкт-Петербург : Типолитография В.В. Комарова, 1903. – 510 с.
26. Фальк, И.П. Полное собрание учёных-путешественников по России. Записки академика Фалька / И.П. Фальк. – Санкт-Петербург : при Императорской Академии Наук, 1818–1825. – Т. 5. – 1824. – 560 с.
27. Юдин, П.Л. Адаевский бунт на полуострове мангышлак в 1870 г. [Электронный ресурс] / П.Л. Юдин. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/ M.Asien/ XIX/1860-1880/Adaev_bunt_mangyslak_1870/text.htm

Л.Ю. Китова
г. Кемерово, Россия

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ СИБИРИ

Аннотация: Цель статьи – определение источниковедческих проблем истории сибирской археологии. Был выявлен ряд причин их появления, а также показано, что основными из них стали: отсутствие в работах исследователей исторического фона развития науки, неумение определить подлинность исторического источника, достоверность информации в нем. Таким образом, недостаточность репрезентативной информации приводит к неверной реконструкция отдельных периодов истории археологии.

Ключевые слова: достоверность исторического источника, репрезентативная информация.

L.Yu. Kitova
Kemerovo, Russia

SOURCE RESEARCH PROBLEMS OF THE HISTORY OF ARCHEOLOGY OF SIBERIA

Abstract: The report aim is to identify the issues of source studies on the history of Siberian archaeology. The author reveals several reasons for emergence of such problems and shows that the key ones include the lack of a historical background for the development of science in researchers' works, the inability to establish the authenticity of a historical source, and the reliability of information in it. Thus, the lack of representative information leads to an incorrect reconstruction of certain periods in the history of archaeology.

Keywords: reliability of a historical source, representative information.

В последние десятилетия история археологии переживает небывалый бум, ознаменовавшийся резким увеличением публикаций и диссертационных работ. По образцу западной науки у нас в стране появились диссертационные советы по истории науки и техники (07.00.10) несмотря на то, что, например, в паспорте специальности 07.00.06 – «археология» есть такая область исследования, как история археологии. Любая наука, в том числе и археология, достигает такого уровня, когда научное самопознание просто необходимо, и исследователи должны изучать историю своей науки. Вопрос в том, какие специалисты это будут делать и как. Специальность 07.00.10 – «История науки и техники» предполагает, что человек, выбравший ее, будет кандидатом или доктором исторических наук. Специальность 07.00.06 – «Археология» также историческая специальность. Тем не менее, в работах молодых исследователей по заявленным специальностям часто отсутствует характеристика исторической ситуации в науке в рассматриваемом диссертантом периоде. Из текстов непонятно, на каком уровне развития наука находится. Сформировался ли круг исследователей, созданы ли научные сообщества, образованы учреждения археологического профиля, ведется ли подготовка специалистов, публикуются ли периодические издания и т.д. Уровень науки определяется и теми методами и подходами, которыми пользуются исследователи изучаемого периода, теми идеями, которые они выдвигают. Для того чтобы это понять, историк археологии должен знать и уровень развития науки предшествующего периода, определять какие идеи высказаны и какие методы исследования использованы впервые, какие развиты из идей и методов предшественников. Молодые историки-археологии часто в своих работах отмечают хронику исследований памятников, забывая указать, какие памятники были открыты впервые, и что это дало, как это повлияло на реконструкцию древней истории региона.

Кроме того, для такой страны как Россия, в которой всегда были сильны позиции государства, и определялась до недавнего прошлого господствующая идеология, важно установить роль государства в развитии науки.

Животрепещущая источниковедческая проблема – анализ исторических источников, в первую очередь, архивных материалов, как произведений своей эпохи. К сожалению, часто это простой пересказ содержания документов без какой-либо научной критики источника, полное доверие источнику. Однако в истории нашей страны были такие периоды, как, например, 1917–1956 гг., когда в личных делах ученые замалчивали о своем дворянском или буржуазном происхождении, писали придуманные ими биографии, чтобы уберечь себя от репрессий. В советский период археологи не могли полностью изложить свои взгляды, исходя из господствующей идеологии государства, и теоретические моменты своего исследования не излагали или делали это очень завуалировано. В годы Гражданской и Великой Отечественной войн документы музеев и архивов терялись при пожарах и переездах и т.д. Поэтому очень часто, чтобы восстановить факты деятельности исследователей, требуется кропотливая работа во многих архивах. Незнание исторической ситуации в стране в целом и в науке, в частности, не позволяет молодым исследователям адекватно оценить содержание источников, которые сохранились не полностью или информация в которых дана отрывочно. Аспирант или магистрант не может определить ни подлинность источника, ни достоверность информации в нем. Часто сведения из таких «непонятных» источников просто не используются и не вводятся в научный оборот или вводятся без научной критики, анализа и сопоставления с другими историческими фактами в качестве истины в последней инстанции.

Необходимо отметить, что исследование теоретических и методологических проблем в области археологии, вероятно, по причине трудоемкости и продолжительности процессов эмпирической работы, не столь частое явление. Поэтому в истории и теории археологии понятийный аппарат не разработан, а историографические обзоры в археологических работах страдают отсутствием анализа используемых терминов и определений.

Еще одна проблема источниковедения истории археологии – это плохое знание самой археологии. Если раньше бытовало мнение среди полевых археологов, что историей археологии или историографией какой-либо археологической проблемы занимаются люди, которые не могут раскапывать археологические памятники, то теперь считается, что, если занимаешься историей археологии, то саму археологию знать и не нужно. Кажется, что прочти чужие труды, проанализируй их, и напишешь работу. Оказывается это не так. Историку археологии просто необходимо разбираться в основных положениях своей науки, в её предмете, методах исследования, вещественных и письменных источниках и т.д. Любой историк не напишет хорошей работы по истории археологии. Нужно знать её изнутри, уметь оценить уровень исследований на каждом этапе ее развития. Сделать это только при кабинетной работе очень трудно.

Мы сегодня наблюдаем снижение интереса молодежи к археологии. Археолог оказывается загруженным больше чем, в какой-либо исторической специальности. Затягивается поисковый этап собирания источников и их осмысление. Познакомиться с отчетами о раскопках можно только в столицах, посмотреть коллекции и архивные материалы в музеях можно только за плату, при этом далеко не символическую. Библиотеки провинциальных университетов отказались от покупки научной археологической литературы и журналов. В Интернет-ресурсах не вся необходимая литература размещается, и опять же, если размещается, то не всегда бесплатно. Поэтому аспиранты и студенты, занимающиеся историей археологии, изучая в силу вышеперечисленных обстоятельств выборочно необходимую литературу, не получают репрезентативной информации. Отсюда и реконструкция отдельных периодов или направлений развития археологии оказывается неполной или неверной.

Только несколько университетов в стране могут позволить себе вести подготовку археологов-бакалавров и археологов-магистров, а в провинции историей археологии занимаются историки, краеведы, музееведы, которые и в раскопках не участвовали, археологические памятники не видели, с археологическими коллекциями не работали, полевых отчетов не анализировали и научную литературу по изучаемой проблеме выборочно посмотрели. Недостаток знаний по археологии и ее истории ведет к описательности работ, к пересказу документальных источников и литературы.

Таким образом, на наш взгляд, основные причины слабости работ молодых исследователей по истории сибирской археологии видятся в отсутствии скрупулезного анализа источников и литературы, критики источников, в недостатке репрезентативной информации из архивов, неглубокое знание самой дисциплины «Археология». Поэтому и восстанавливаются отдельные периоды истории археологии или ее направления развития неполноценно и недостоверно.

Е.И. Красильникова
г. Новосибирск, Россия

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ И КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ РЕГИОНА (СИБИРЬ XX – НАЧ. XXI в.)

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, подержанного РФФИ и АНО ЭИСИ, № 19-011-31114 «Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX – нач. XXI в.)».

Аннотация: В статье характеризуются основные итоги реализации междисциплинарного исследовательского проекта, в котором рассматривается политика памяти применительно к Сибири как постепенно складывавшаяся и трансформировавшаяся в зависимости от различных условий и факторов система. Политика памяти, реализуемая в регионе посредством использования исторических символов и коммеморативных практик, исследуется как комплексный социокультурный феномен регуляции общественного сознания регионального социума. Отслеживается динамика использования в рамках политики памяти исторических символов и коммеморациий различными акторами региональной политики в сферах выстраивания отношений с центральными властями и процессах внутренней региональной социально-политической саморегуляции на материалах Сибири XX – нач. XXI в.

Ключевые слова: Политика памяти, символическая политика, исторические символы, коммеморативные практики, историческая память, политические процессы в регионе, Сибирь.

E.I. Krasilnikova
Novosibirsk, Russia

MEMORY POLICY: HISTORICAL SYMBOLS AND COMMORATIVE PRACTICES IN THE SYSTEM OF SOCIO-POLITICAL SELF-REGULATION OF THE REGION (SIBERIA XX – BEGINNING OF XXI CENTURY)

Abstract: The article describes the main results of the implementation of an interdisciplinary research project in which the politics of memory in relation to Siberia was considered as a system that has gradually been formed and transformed depending on various conditions and factors. The politics of memory implemented in the region through the use of historical symbols and commemorative practices was studied as a complex sociocultural phenomenon of the regulating social consciousness of the regional society. As a result of the project implementation, the dynamics of the using historical symbols and commemorations by various actors of regional politics in the sphere of building relations with central authorities and internal regional socio-political selfregulation processes based on materials from Siberia in the XX-early XXI century will be tracked for the first time.

Keywords: Politics of memory, simbolic politics, historical symbols, commemorative practices, historical memory, political processes in region, Siberia.

Современность нередко называют «мемориальной эпохой». Сегодня мемориальные события и процессы охватывают большие социальные группы, подчас целые регионы, страны и народы. Все эти разноплановые процессы мемориализации преимущественно политизированы. Именно поэтому актуальной задачей для социально-гуманитарного знания становится фор-

мирование критической, научно обоснованной позиции в отношении публичных коммеморациий, отражающих острую конкурентную борьбу между разными версиями исторического прошлого, которые навязывают обществу различные политические силы, нередко используя приемы манипулирования общественным сознанием.

В последние десятилетия широко используется понятие политики памяти – деятельности государства и других акторов, направленной на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их инфраструктуры, образовательной политики и, в ряде случаев, законодательного регулирования [1, с. 33]. Говорить о специальной институциализации политики памяти в Европе и России возможно применительно к периоду не ранее последней четверти XX в., однако и на более ранних этапах различные коммеморации и исторические символы фактически использовались в качестве инструментария неявной политики памяти как для решения внутриполитических задач легитимации, интеграции или дезинтеграции общества, так и для реализации задач внешней политики.

Коммеморации в публичном пространстве региона могут выражать, как его политическую солидарность с центром, так и политический протест против центра. Дисбаланс в соотношении общедоступных населению коммеморативных репрезентаций прошлого страны и региона отражает болевые точки в отношениях между центром и отдельными провинциями, что ведет к обострению социальной напряженности, проявляющейся в разных формах, в том числе, и в выплесках агрессии в адрес исторических символов. Поэтому расхождения и противоречия в трендах политики памяти центра и регионов на разных исторических этапах требуют специального изучения. Во многом от характера использования в политических целях прошлого на местах зависит восприятие жителей регионов центральных властей: их легитимности, эффективности, перспектив развития в будущем, а также властей местных. В данном исследовании основное внимание было сконцентрировано на Сибири, как на регионе большого разнообразия: этнического, религиозного, идейно-политического, социально-экономического, природно-климатического, в условиях которого всегда неоднозначно и вариативно протекали мемориальные процессы. Сибирь – это огромный, специфичный регион, но, в то же время, и неотъемлемая часть политического пространства России. В истории Сибири не трудно обнаружить множество открытых и латентных политических конфликтов с центральными властями, которые находили отражение в длительных мемориальных процессах и конкретных, ярких коммеморациях. Можно сказать, что Сибирь – это особое пространство памяти. Сибирь неизменно ассоциируется с рядом устойчивых исторических образов, которые более века с разной степенью успешности постоянно используются в политических целях субъектами региональной политики. Наш проект предполагал изучение исторической преемственности и разрывов использования исторических символов и коммеморациий, как выражений региональной политики памяти разными акторами в выстраивании социально-политических отношений между Сибирью и центральными государственными властями в исторической ретроспективе, насчитывающей более 100 лет, а также в процессах внутренней, региональной саморегуляции политической жизни.

В 2019 г. научным коллективом под руководством автора статьи был реализован исследовательский проект, поддержанный РФФИ. Перед нами стояла цель – раскрыть специфику политики памяти и проследить ее в рамках динамики использования исторических символов и коммеморациий различными акторами региональной политики в сферах выстраивания отношений с центральными властями и процессах внутренней региональной социально-политической саморегуляции на материалах Сибири XX – нач. XXI в. Проект был реализован посредством проведения междисциплинарного исследования. Изучение политики памяти в прошлом и настоящем сибирского региона проводилось с использованием подходов и методов отечественной истории, социальной философии и политологии.

В рамках проекта нами было разработано теоретическое описание политики памяти в системе идеологического опосредования социально-политической деятельности в контексте развивающегося исторического знания. В том числе, в исследовании была уточнена базовая категория «политика памяти», специфика которой как разновидности символической политики, согласно нашим выводам, заключается в социально-политической саморегуляции социума посредством комплекса средств и процессов легитимации тех

или иных элементов современного порядка с помощью отсылки к реальным или сконструированным событиям прошлого и их идеологически значимым интерпретациям, которые используют политические субъекты в борьбе за принятие политических и административных решений. Проведенное исследование на ряде отдельных исторических примеров политики памяти в сибирском макрорегионе показывает, что культурно-историческая память в сибирском социуме, как и в любом обществе, предстает как одно из оснований социальности: общности, самосознания-идентификациии взаимообусловленности действий. Впервые применительно к сибирскому макрорегиону в исторической конкретике были охарактеризованы способы конструирования исторических символов и фигур памяти и использование их в коммеморативных практиках.

Историю и современное состояние политики памяти в сибирском макрорегионе мы исследовали на ряде примеров. Наше внимание было сконцентрировано на следующих сюжетах: массовые торжества в честь юбилеев сибирских городов; тенденции увековечивания в монументальных формах памяти о героях и жертвах Гражданской войны; репрезентации исторического прошлого и традиционной культуры Тувы на страницах старейшего в Сибири литературно-художественного и общественно-политического журнала «Сибирские огни»; сибирский сегмент сети исторических парков «Россия – моя история» (филиалы в Новосибирске, Омске и Якутске), рассматриваемый как новейшее средство утверждения государственного исторического метанарратива в культурном пространстве Сибири.

В результате исследования мы пришли к следующим основным выводам. Можно заметить, что и в начале, и в конце XX в. воспроизводился приблизительно один и тот же набор коммеморативных практик, обязательно внешне похожих. На определенном этапе истории политики памяти разные дискурсы и практики выражают общие для этого этапа смыслы. Все рассматриваемые нами примеры коммемораций, существенно разнесенных во времени, объединяет использование одних и тех же исторических символов, которым, коммемораторы однако же придавали разные смыслы на разных исторических этапах.

Важнейшими для Сибири XX – нач. XXI в. «фигурами воспоминаний», посредством которых политика памяти выражает главные смыслы, стали образы «диких народов», «туземцев», «шаманов» («лам»), которые противопоставлялись героическим покорителям Сибири – казакам во главе с Ермаком. Еще одно популярное противопоставление – разбойники, уголовные преступники, отбывавшие в Сибири каторгу и политические ссыльные, в первую очередь, – декабристы и народники и областники. Использование всех этих символических фигур происходило в контексте утверждения версии истории сибирского макрорегиона, как территории, покоренной и освоенной русскими, только благодаря которым эта, прежде дикая, земля и встала на путь прогрессивного развития. Сибирское население через символические интерпретации истории старалось подчеркнуть собственную значимость в рамках «русского мира». Одним из основных становится месседж, что «мы такие же русские, как в европейской России». Рефреном проходила мысль о том, что вследствие такого единства центральные власти должны относиться к региону и его населению как к равным и помогать. В советское время пропаганда дополнила образный ряд героев революционерами-большевиками, деятелями антиколчаковского подполья, красными партизанами, первыми руководителями региональных советских и партийных структур, героями, а затем и рядовыми участниками Великой Отечественной войны, тружениками тыла, сибирскими учеными и выдающимися просветителями. В советское время на официальном уровне антигероями стали считаться дореволюционные сибирские предприниматели, священнослужители и большинство государственных чиновников царской России. А новейший вражеский «пантеон», состоявший, прежде всего, из белогвардейцев и белочехов, уверенно возглавил «черный адмирал» А.В. Колчак. Систематическое упоминание этих символических фигур также отвечало задачам утверждения Сибири в качестве принципиально неделимой, сложившейся исторически целостности, неотъемлемой части советской России. В советское время пропаганда также тиражировала исторические символы, связанные с экономическим прогрессом: строительство железных дорог, добывающей и военной промышленности.

С перестройкой, распадом СССР, формированием официального федерализма и вспышками сепаратистских настроений в отдельных районах Сибири, трансформировались смыслы многих, традиционных для нашего макрорегиона симво-

лических фигур. Темы революции и Гражданской войны теперь криминализировались в официальных коммеморациях. Образы и имена героев советской версии военно-революционных событий затушёвывались в репрезентациях местной истории. Позитивные оценки теперь давались сибирским купцам, местным управленцам и политическим деятелям либеральной и консервативной ориентации, христианским миссионерам, церковным иерархам и лицам, пострадавшим в годы сталинских репрессий. Реабилитировались белочехи и белогвардейцы, а также казаки, поддержавшие режим А.В. Колчака. На взлете советского времени началось активное и повсеместное конструирование символических фигур памяти, которые ассоциировались с уникальностью отдельных регионов Сибири. Одновременной тенденцией политики памяти, исходившей от местных властей при поддержке общественности, стало «присвоение» регионами символических фигур памяти, которые до революции четко ассоциировались с общеимперским дискурсом.

На изученных нами примерах можно заметить, что на протяжении XX – нач. XXI вв. приемы и методы политики памяти, которая реализовывалась в Сибири, принципиально не меняются. Нами выявлены такие приемы, как прием общей негативизации оценок целых периодов сибирской истории, прием обобщенной героизации целых эпох, поколений, этнических или социальных групп, тиражирование однозначных оценок и интерпретаций прошлого, игнорирование альтернативных исторических нарративов, фактически бытовавших и сохранявшиеся в отдельных локусах макрорегиона; умолчание и избегание упоминаний, дискредитация и девальвация значений идеологически враждебных, противоречивых или на современном этапе по каким-либо причинам не актуальных персон и событий, которые не вписывались корректно в доминирующий дискурс политики памяти; попытки возрождать и актуализировать ранее забытые и намеренно вытесненные из коллективной памяти исторические сюжеты; конструирование цельных, политизированных образов прошлого из обрывков реальных воспоминаний сибиряков.

Проведенное исследование позволило нам выявить семь этапов осуществления политики памяти в Сибирской регионе в хронологических рамках XX – нач. XXI в.

В заключение можно констатировать, что политика памяти выступает значительным фактором формирования и трансформации идентичности регионального социума как в его специфической самоотнесенности, так и в его включенности в общероссийскую идентичность. Однако прошлое показывает многочисленные негативные примеры проявлений политики памяти, которая зачастую разрабатывалась и реализовывалась вне решения задач согласования интересов и учета культурных ценностей больших социальных групп, составляющих население Сибири. В результате наносился ущерб культурным традициям, историко-культурному наследию, а впоследствии стали разгораться открытые мемориальные конфликты. История показывает, что политика памяти, как идеологизация прошлого, неизбежна, именно поэтому она должна быть последовательной и концептуально выстроенной. При этом принципиально важно не только и не столько административно-пропагандистское участие политических акторов в ее разработке и реализации, но и полноценное участие грамотных в гуманитарном отношении экспертов по прошлому – представителей образовательно-академической среды, имеющих опыт анализа разного рода политизированных коммеморациий и эффективности их использования в публичной сфере.

Список использованной литературы

1. Малинова, О.Ю. Политика памяти как область символической политики / О.Ю. Малинова // Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. научн. тр. / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефименко.– Москва – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – С. 27–53.

А.Е. Кухаренко
Барнаул, Россия

АЛТАЙСКИЙ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКАХ (НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ)[1]

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18-09-00439 «Алтайский историко-географический комплекс в XVIII – начале XX веках (междисциплинарные исследования и разработка информационной web-платформы)».

Аннотация: Статья раскрывает основное содержание и цели проекта «Алтайский историко-географический комплекс в XVIII – начале XX веках». Рассматриваются основные направления текущей работы и перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: Кабинет Его Императорского Величества, Колывано-Воскресенский горный округ, Алтай, историческая география, экологическая история.

A.E. Kuharenko
Barnaul, Russia

ALTAI HISTORICAL AND GEOGRAPHIC COMPLEX IN THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES (SCIENTIFIC AND PRACTICAL PROSPECTS)

Abstract: The article reveals the main content and objectives of the project «Altai historical and geographical complex in the XVIII – early XX centuries». The main directions of current work and the prospects for further research are considered.

Keywords: Cabinet of His Imperial Majesty, Kolyvano-Voskresensky Mining District, Altai, historical geography, environmental history.

В XVIII – начале XX в. в России в результате политической трансформации государственного строя сложился и развивался особый механизм аккумуляции финансовых ресурсов для императорской власти – Кабинет Его Императорского Величества (далее – Кабинет). Важнейшую роль в становлении данного института с середины XVIII в. сыграли юго-западные территории Сибири (Алтай), послужившие основой для формирования алтайского производственно-территориального комплекса (Колывано-Воскресенский округ, Алтайский горный округ, Алтайский округ, Алтайская губерния, Алтайский край и Республика Алтай). Это было связано с найденными запасами серебра и металлов. Особая специфика состояла в том, что с определенного момента округ был подчинен напрямую императорской власти (Кабинет) и получил замкнутую, изолированную структуру в масштабах огромного пространства (на настоящий момент это Алтайский край, Новосибирская, Кемеровская и Томская области, Республики Алтай и Хакасия, Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан) и выработал особую форму собственности. В результате он просуществовал до 1917 г., после чего в результате череды распадов принял современный облик довольно тесного культурного и экономического взаимодействия между разными регионами.

Становление прямых предпосылок для формирования данного явления уходит корнями в XVII – начало XVIII века, предполагая для дальнейшего

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00439 «Алтайский историко-географический комплекс в XVIII – начале XX веках (междисциплинарные исследования и разработка информационной web-платформы)».

исследования как культурно-хозяйственные, так и природно-географические основания возникновения на данной территории определенного историко-географического объекта. «Алтайский историко-географический комплекс» – это понятие, которое наш коллектив рассматривает как подходящий исследовательский и методологический инструмент для описания рассматриваемых явлений и как объект самостоятельного, комплексного и междисциплинарного исследования.

В XVIII – начале XX в. в результате административно-хозяйственного курса Кабинета по управлению алтайским комплексом сформировалась территориально-экономическое пространство, где в рамках политики происходили как целенаправленные, так и хаотические процессы по эксплуатации широкого спектра природных ресурсов региона, изменения экологической карты и взаимодействия человека и природы, определенное развитие экономики и культурной жизни. Это социально-экономическое и административное пространство отличалось структурной и генетической устойчивостью, так как длительное время находилось в относительно изолированном состоянии по отношению к остальной России, и высокой степенью преемственности, так как было очень сильно связано с опытом народов по добыче горной руды до появления российских властей и определило во многом все дальнейшее развитие территории в советский и постсоветский период. Горная добыча дороссийского периода дала старт первым горнорудным разработкам, а процесс смены хозяйственной доминанты региона во второй половине XIX – начале XX века с горнозаводского производства на сельское хозяйство и диверсификацию природных ресурсов фактически сохранился до начала XXI века, когда была поставлена уже новая задача – поменять доминанту региона и усилить туристический сегмент, что в рамках всей динамики развития хозяйственно-экономических и историко-географических процессов эволюции территории не было новым явлением и апробировалось как минимум с начала XX века еще в рамках дореволюционной истории региона.

Еще более глубокая историческая динамика прослеживается в экологическом состоянии региона, на примере которого ярко видны особенности антропогенного воздействия на природу, в результате чего поменялась экологическая карта региона и произошли необратимые изменения во многих сферах. Однако данный вопрос практически не рассматривался в динамике, хотя есть источниковые возможности для того, чтобы попытаться реконструировать изменчивость лесных массивов, пресных и соленых озер, линий берега рек и т.д., а также характер взаимодействия человека с природой и существование человека в определенном пространстве.

Не менее интересной выглядит управленческая динамика региона и организация среды для человека в указанном пространстве. История региона дает пример построения хозяйственной и общественной систем в необустроенной местности, его постепенную колонизацию и освоение, создание замкнутой и военизированной системы, а затем ее разрушение. Примечательным моментом стало, что Алтайский округ до революции пережил серьезный и радикальный процесс перестройки от горного округа к системе комплексной эксплуатации природных ресурсов, а также смог в начале XX века построить довольно эффективную систему управления меньше чем за 10 лет. Революция, советский и современные периоды дают не менее богатый опыт для анализа систем управления регионом и организации людей в определенном пространстве для достижения общественных и других целей. Не говоря уже о том, что сама структура и геном алтайского историко-географического комплекса непосредственно связан с управлением этой территорией, формируя и меняя его в зависимости от поставленных целей и вложенных усилий, в том числе, и применительно к экологической карте региона.

Таким образом, в исторической ретроспективе на территории современных Алтайского края, Новосибирской и Томской областей, Горного Алтая, Кемеровской области, Тувы и Казахстана происходило формирование уникального сплава специфических условий хозяйствования, управления, взаимодействия человека и природы, экологического состояния и территориального изменения пространства, что формировало устойчивое эволюционное взаимодействие в виде алтайского территориально-экономического пространства, очевидно сохраняющегося до настоящего момента и обладающего целым рядом свойств, которые требуется рассмотреть в динамике. В результате указанной специфики уже в дореволюционный период в регионе сложилось историко-культурное и экологическое наследие, последствия которого мы наблюдаем до сих пор. Кроме того, благо-

даря существованию в дореволюционный период местной администрации Кабинета ЕИВ, замкнутого характера и особого склада чиновничества, – сегодня мы имеем уникальную сохранность документов, которой не могут похвастаться другие регионы. Это дает уникальную возможность проводить комплексные, междисциплинарные исследования, а также реконструировать культурно-демографическую, экологическую, географическую и биологическую карту региона на протяжении почти 300 лет.

Основной целью проекта является комплексное изучение истории взаимодействия человека и определенного пространства во всей его совокупности на длительном промежутке времени (как минимум 400 лет вплоть до современного периода), как в рамках целого региона, так и в рамках отдельных антропогенных и природных объектов с помощью уникальной сохранности источниковой базы. В своей совокупности история взаимодействия природы и человека на определенном пространстве и определило ту специфику развития территории и человеческого общества на нем, характеризуемую нами как алтайский историко-географический комплекс («Алтай»). До настоящего момента алтайский комплекс изучался по отдельным сферам, но не рассматривался как единая территориально-экономико-социально-антропогенно-природная система, где историческая реконструкция проводится в совокупности с экономико-географическими, историко-экологическими, историко-географическими и пространственно-картографическими аспектами исследования для получения уникальных и фундаментальных знаний на грани социогуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Например, эволюция антропогенного воздействия на природу региона проходила в условиях активной эксплуатации природных ресурсов, что приводило к изменению экологического облика всего природно-географического пространства, начиная от исчезновения лесов и загрязнения соленых озер и вплоть до истощения природных ископаемых. Потому работа по проекту включает в себя исследования по истории, экономике, экологии, природы, культуры на территории Алтая (в широком смысле) в их взаимодействии между собой для получения научного и научно-практического знания. В совокупности данное исследование в долгосрочной перспективе позволит выйти на уровень более глобальных и междисциплинарных обобщений, провести единую реконструкцию дореволюционного, советского и современного периода, создать историко-генетическую карту региона, а также исследовать экологическую преемственность территорий и антропогенного воздействия на них.

Не менее важной задачей исследования является историческая, культурная и экологическая реконструкция отдельных объектов культурного и природного наследия – архитектура и отдельные здания, объекты человеческой деятельности, административные образования, горы, озер, реки, лесные массивы и т.д. В контексте существования и исследования крупного алтайского историко-географического комплекса указанные объекты природного и антропогенного происхождения мы характеризуем как микрогеоисторические объекты. Их изучение позволит не только сохранять историческую и экологическую информацию о них, но и создать базу знаний по каждому объекту для быстрой экспертизы управленческих решений в отношении их эксплуатации. Создание историй отдельных хозяйственных и природных объектов во взаимодействии с человеком позволит получить уникальные экологические и экономические материалы, которые могут быть использованы для прогнозирования и управления на современном этапе. Как, например, реконструкция истории эксплуатации соленых озер вместе с реконструкцией их картографической изменчивости во времени позволит понять текущее их состояние и возможные циклы их развития, выработать подходы к их управлению. Точно также как восстановление картографической изменчивости лесных массивов на протяжении исторического развития даст возможность сравнить их с текущим состоянием лесов и понять их историко-экологическую преемственность.

Кроме того, работа по сбору информации и исследованию историко-географических микрообъектов преследует цель сохранить цифровую копию как существующих микрообъектов, так и тех микрообъектов, которые находятся на грани уничтожения или уже исчезли. В совокупности с другими направлениями проекта это позволит создать большую информационную базу природных и антропогенных объектов разного уровня, которую можно использовать в научных, научно-практических и образовательных целях. Аккумуляция различной информации и создание электронной платформы позволит создавать исследовательский и научно-практические сервисы

(электронные базы данных, интерактивный картографический материал, системы ГИС для соединения исторического и современного состояния конкретных пространств). Уже только одно создание подобных информационных систем вместе с их экспертной оценкой позволит иначе взглянуть не только на историю, но и на экологическое состояние региона, которое обязательно должно рассматриваться в динамике. А для управляющих местных и отраслевых структур это позволит получать быстрый доступ к информационным базам для принятия квалифицированного решения. Актуализация полученных исследовательских данных и созданных комплексных информационных баз для управления и решения стоящих перед современным обществом задач определяется тремя важнейшими аспектами: получение информации для решения конкретных или общих управленческих решений; получение максимально конкретной информации по отдельным природным и культурным объектам не только на настоящий момент но и в его эволюционной исторической динамике; исследовательская работа по анализу политических решений, административных практик и управленческих моделей в исторический период развития алтайского комплекса, которые могут быть использованы в управлении в качестве определенных моделей для принятия решений. Историко-географическая реконструкция антропогенных объектов, созданных человеком в пространстве региона и взаимодействовавших с окружающей природой, позволит не только изучить и сохранить их историю, но и внесет информационный вклад в развитие культурного и туристического потенциала региона

Следующим перспективным направлением развития проекта является оцифровка публикаций и источников, а затем их представление на специальной веб-платформе [1]. В текущий момент исследователи сосредоточены на редких и ранее неопубликованных материалах, однако уникальность материала не является единственным критерием для размещения на сайте. Наоборот, мы стремимся создать максимально полную, информативную и обновляемую базу литературы и источников по истории региона, к которой желающие могут получить мгновенный доступ и использовать их в своих исследованиях. Это позволяет не только аккумулировать информацию на одной платформе, но и стимулирует обмен между всеми интересующимися историей Алтая, что еще сильнее повышает ее информативность. Более долгосрочные перспективы развития проекта связаны с созданием информационных систем на базе искусственного интеллекта (нейронных сетей) для решения задач более быстрой обработки информации из источника и ускорения работы исследователя. С технической точки зрения, хранение оцифрованных источников и публикаций производится на серверах и информационных носителях с обязательным дублированием.

Не менее перспективно выглядит и создание базы исследователей Алтая и людей, которые внесли свой вклад в развитие региона. Данная задача связана с междисциплинарным характером проекта. Исследователи и ученые как раз формировали историко-географический и естественнонаучный образ Алтая, а истории отдельных людей и семей позволяют оценивать микроисторический контекст развития всего комплекса. К сожалению, масштабы данной работы не позволяют на текущий момент уделять данному направлению больше внимание, поэтому исследовательские усилия направляются на изучение отдельных биографий, которые дают возможность изучать комплексную картину исторического развития региона, а также выходить на уровень междисциплинарных и методологических обобщений [2].

Наконец, структурообразующей задачей нашего проекта является разработка веб-платформы для отражения текущего исследовательского состояния всех вопросов, аккумуляции литературы и архивных материалов для работы с ними, реконструкции картографической динамики и создания систем эколого-исторического отслеживания, предоставления исследователям возможности презентовать свои междисциплинарные исследования и участвовать в дискуссиях, разработки специальных инструментов работы с источниками разного уровня [1]. На более высоком уровне реализации проекта возможна разработка специальных цифровых сервисов, например, для составления комплексной междисциплинарной эволюционной карты региона или реконструкции экологической динамики региона как в целом, так и в отдельных его частях, в том числе, с помощью ГИС-систем.

Разработка и развитие веб-платформы является одним из основных результатов реализации гранта РФФИ. Кроме того, за два года участниками проекта было сделано 40 публикаций, в том числе, монография Д.С. Дегтярева «Историческая микрогеография Барнаула (вторая половина XIX –

начало XX века)» [3], проведены различные этапы реконструкции истории около тысячи природных и антропогенных микрообъектов, а также собрано значительное количество источников и материалов, которые в ближайшее время будут представлены на сайте проекта.

Список использованной литературы

1. Geohist.ru. Сайт по исследованиям Алтайского историко-географического комплекса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://geohist.ru
2. Миротворцев Клавдий Николаевич (24.11.1880–10.04.1950) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://geohist.ru/altai-people/personality/mirotvortsev-klavdij-nikolaevich-24-11-1880-10-04-1950
3. Дегтярев, Д.С. Историческая микрогеография Барнаула (вторая половина XIX – начало XX века) : монография / Д.С. Дегтярев. – Барнаул : АЗБУКА, 2019. – 216 с.

О.Б. Леонтьева
г. Самара, Россия

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВОРОТЫ РУБЕЖА XX–XXI вв. В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 14-01-00418а «Исследовательские стратегии и практики историков России на рубеже XX–XXI вв.».

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о том, как методологические «повороты» в мировой исторической науке отразились в практике современных российских диссертационных исследований. На основе анализа диссертаций по отечественной истории, защищенных в 1990–2010-е гг., сделан вывод, что инструментарий отечественной исторической науки существенно изменился вследствие «антропологического», «культурного» и ряда других «поворотов». Новые подходы укоренились в исследовательской практике российских ученых, что привело к формированию новых научных направлений.

Ключевые слова: методология истории, методологические повороты, диссертации.

O.B. Leontyeva
Samara, Russia

METHODOLOGICAL TURNS ABROAD XX–XXI CENTURIES IN THE PRACTICE OF MODERN THESIS RESEARCHES ON DOMESTIC HISTORY

Abstract: The article is devoted to the problem of the influence of the methodological "turns" in world historical studies on the contemporary Russian dissertations. On the base of the analysis of theses on Russian history which were written in 1990s – 2010s, the author proves that the methodological arsenal of Russian historical studies has changed significantly due to the «anthropological», «cultural» and a number of other «turns». The new scholarly approaches are rooted in the research practice of Russian historians, and so led to the formation of new scientific areas.

Keywords: methodology of history, methodological turns, dissertations.

Путь развития исторической науки во второй половине XX – начале XXI в. был отмечен многими «поворотами»: в числе наиболее значимых историографы выделяют «антропологический поворот», «культурный поворот», «лингвистический поворот», «визуальный поворот», «прагматический поворот» и другие. Каждый из них был связан с расширением проблемного поля исторической науки, постановкой новых вопросов, вовлечением в научный оборот новых пластов источников, освоением новой методологии исследований и приобщением к инструментарию других гуманитарных наук [4, с. 256–258; 13; 15, с. 247–249, 387–388]. Это привело к переосмыслению привычных представлений о предмете и задачах исторической науки, о ее месте в семье гуманитарных наук, об эпистемологическом статусе исторического познания.

Влияние методологических «поворотов» в отечественной исторической науке стало ощутимо лишь на рубеже 1980–1990-х гг., в условиях методологического кризиса, вызванного отказом от марксистско-ленинского учения как общеобязательной, «единственно верной» теории исторического процесса и исторического познания. Российская историческая наука вступила в «зону турбулентности», в период поиска новых подходов к познанию истории, нового инструментария и понятийного аппарата; методологические повороты, на которые мировой исторической науке понадобилось более полувека, были пройдены российской наукой в сжатые сроки.

Возникает вопрос о том, в какой мере отразились эти «повороты» в практике диссертационных исследований, защищенных в 1990–2010-е гг. С одной стороны, диссертации – своеобразный барометр состояния науки, позволяющий судить о наиболее востребованных темах, о типичных подходах к решению научных проблем, о характерном для данного периода научном дискурсе. С другой стороны, диссертация – один из самых консервативных жанров научных исследований; ее структура и отчасти содержание подчиняются определенным канонам, зафиксированным в правовых документах и государственных стандартах.

Для изучения были выбраны докторские диссертации, поскольку их, как правило, отличает более высокий уровень методологической рефлексии. Анализ докторских диссертаций по отечественной истории, защищенных в 1995–2019 гг. и представленных в Электронной библиотеке диссертаций Российской государственной библиотеки (ЭБД РГБ), позволил выявить следующие тенденции.

В 1990-е – начале 2000-х гг. кардинальную роль в судьбе отечественной исторической науки сыграл антропологический поворот – поворот к изучению человека в истории, провозглашенный школой «Анналов» еще в середине XX в. Изучение менталитета и ментальности, картин мира, систем ценностей людей ушедших эпох прочно вошли в исследовательский арсенал отечественной науки; обращение к этой проблематике позволило по-новому осмыслить ключевые события отечественной истории, проследить изменения в сознании людей на переломе эпох [8; 11]. Методы исторической антропологии стали широко применяться в исследованиях, посвященных повседневной жизни людей прошлого. Успешно привилось на российской почве такое специфическое ответвление исторической антропологии, как крестьяноведение, основанное на восприятии крестьянской цивилизации как особого культурно-антропологического мира [3].

Продуктивным для отечественной исторической науки оказался и «культурный поворот»: обращение к изучению культуры как системы ценностей и понятий, пронизывающих все сферы человеческой жизни, что предполагает широкое использование в историческом исследовании методов культурологии, литературоведения, культурной антропологии. В исследованиях, выполненных в русле «новой культурной истории», объединены в одном смысловом пространстве история «высокой культуры» и история повседневности, проблемы идентичности и самопрезентаций носителей культуры [12].

Приметой «новой социальной истории», возникшей как научное направление в результате «социологического поворота», стало обращение к изучению внутреннего состояния общества, социальной среды, где в конкретных, динамично меняющихся ситуациях действуют разнообразные индивидуальные и групповые акторы. В отечественной историографии эта тенденция проявилась как переход от истории классов к истории небольших или даже маргинальных социальных групп с характерной для них системой отношений и моделями поведения («история снизу») [10]. Развитие «новой социальной истории» в России также связано с изучением «общественного мнения», «общественных настроений» как отклика «снизу» на действия власти [1; 5]. Свою лепту в развитие «новой социальной истории» внес и «прагматический поворот», направивший внимание историка на изучение со-

циальных практик людей, в том числе, стратегий выживания в экстремальных условиях [2; 14].

«Лингвистический поворот», сыгравший столь значимую роль в становлении современного облика мировой исторической науки, лишь незначительно отражен в защищенных на рубеже веков диссертациях по отечественной истории. Вероятно, это во многом связано с неоднозначным отношением большинства историков к постмодернизму – интеллектуальному течению, генетически связанному с «лингвистическим поворотом». Поскольку для постмодернизма характерно признание невозможности познания прошлого «как оно было на самом деле» и трактовка изучения истории как процесса производства все новых и новых дискурсов, тем самым ставится под сомнение сам статус истории как науки. Тем не менее, историки успешно используют исследовательские практики, возникшие в русле этого «поворота». Как пример продуктивного применения теории дискурса для решения важной научной проблемы можно привести диссертацию по «украинскому вопросу», методология которой основана на разработанной Б. Андерсоном концепции нации как «воображенного сообщества» и на сопоставлении различных «национальных проектов», соперничавших в правительственных кругах и общественном мнении [9].

Наконец, в диссертационных исследованиях по отечественной истории нашел отражение и «мемориальный поворот», ставший характерной приметой историографической культуры начала XXI в. – поворот исторической науки от изучения исторических событий к изучению живущей в сознании общества памяти о них, что позволяет реконструировать ценностные и идентификационные структуры данного социума [6; 7; 16].

Можно заключить, что многие теоретико-методологические новшества, возникшие вследствие методологических «поворотов», к настоящему времени прочно утвердились в исследовательской практике российских ученых – специалистов по отечественной истории. Произошло обновление не только инструментария, но и спектра задач исторического исследования: все чаще история пишется в «человеческом измерении», задачей историка становится понимание людей прошлого во всем многообразии их ментальных структур, ценностных ориентаций, социальных связей, стратегий и практик поведения. При этом выборочный анализ массива диссертаций показывает, что значительная часть научно-квалификационных исследований выполнены в русле «старого доброго» позитивизма, а методологические разделы работ зачастую носят формальный характер. Методологические повороты затрагивают далеко не все пласты современного научного сообщества историков, а их воздействие на практику исторических исследований проявляется неравномерно.

Список использованной литературы

1. Аксютин, Ю.В. «Оттепель» 1953–1964 гг. и общественные настроения в СССР : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Ю.В. Аксютин. – Москва, 2000. – 511 с.
2. Аристов, С.В. Система нацистских концентрационных лагерей на оккупированной территории Советского Союза (1941–1944 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / С.В. Аристов. – Курск, 2019. – 393 с.
3. Бабашкин, В.В. Закономерности и особенности российской модернизации в 1902–1935 гг.: опыт применения теоретических концепций развития крестьянских обществ : дис. … д-ра истор. наук : 07.00.02 / В.В. Бабашкин. – Тамбов, 2010. – 423 с.
4. Зверева, Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века / Г.И. Зверева // Диалог со временем / Под ред. Л.П. Репиной, В.И. Уколовой: альманах интеллектуальной истории. Вып.1. – Москва : ИВИ РАН, 1999. – С. 250–265.
5. Зубкова, Е.Ю. Общественные настроения в послевоенной России, 1945-1953 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Е.Ю. Зубкова. – Москва, 2000. – 508 с.
6. Кознова, И.Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / И.Е. Кознова. – Самара, 2005. – 509 с.
7. Красильникова, Е.И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири: конец 1919 – середина 1941 г. : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02 / Е.И. Красильникова. – Омск, 2016. – 36 с.
8. Мауль, В.Я. Социокультурное пространство русского бунта: по материалам Пугачевского восстания : дис. ... д-ра исторических наук : 07.00.02 / В.Я. Мауль. – Томск, 2005. – 412 с.
9. Миллер, А.И. Украинский вопрос в политике властей Российской империи и в русском общественном мнении во второй половине 1850-х – начале 1880-х годов : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А.И. Миллер. – Москва, 2000. – 325 с.

10. Недзелюк, Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь: 1830–1917 гг. : дис. ... д-ра исторических наук : 07.00.02 / Т.Г. Недзелюк. – Новосибирск, 2015. – 304 с.
11. Поршнева, О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / О.С. Поршнева. – Екатеринбург, 2000. – 359 с.
12. Раскатова, Е.М. Советская власть и художественная интеллигенция в 1964–1985 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Е.М. Раскатова. – Москва, 2010. – 594 с.
13. Репина, Л.П. Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ / Л.П. Репина // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2011. – С. 3–13.
14. Суржикова, Н.В. Военный плен в российской провинции: 1914–1922 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Н.В. Суржикова. – Екатеринбург, 2015. – 45 с.
15. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Втор. изд., испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – Москва : Аквилон, 2016. – 544 с.
16. Эрлих, С.Е. Декабристы в исторической памяти. 2000–2014 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / С.Е. Эрлих. – Санкт-Петербург, 2015. – 490 с.

М.А. Мамонтова

г. Омск, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ 1940-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х гг.

Аннотация: В изучении советской пропаганды 1940-х – первой половины 1950-х гг. выделяются два основных подхода: институциональный и семиотический (с возможностью использования категории «образ» с позиций историко-психологического метода). Выделены маркерные исследования в рамках обозначенных подходов, показана их специфика. С позиций первого подхода историки акцентируют внимание на структуре, функциях и взаимосвязях элементов пропагандистской сети, раскрывают особенности ее формирования и эволюцию в условиях военного и послевоенного времени, констатируют ее заданность со стороны политической власти и обусловленность международными процессами данного периода, а именно второй мировой и холодной войнами. Второй подход напрямую связан с категорией «образ» и позволяет историкам одновременно обращаться как к дискурс-анализу для реконструкции его содержательной части, так и историко-психологическому подходу для выявления многоуровневости бытования этого конструкта в общественном и индивидуальном сознании. Констатируется усложнение понимания концепта «советская пропаганда» от слепого инструмента политической власти до комплексного многогранного явления, формируемого в социальной среде при непосредственном влиянии внешнеполитических событий и запросов власти.

Ключевые слова: советская пропаганда, лекционная деятельность, образ врага, Великая Отечественная война, поздний сталинизм.

M.A. Mamontova

Omsk, Russia

MODERN APPROACHES TO STUDYING THE SOVIET PROPAGANDA 1940s – THE FIRST HALF OF THE 1950s.

Abstract: There are two main approaches to the study of Soviet propaganda in the 1940s and the first half of the 1950s – an institutional approach and a semiotic approach (with the possibility of using a category «image» from the perspective of a historical and psychological approach). Token-based studies are highlighted under the outlined research, their specificity is also shown.

From the perspective of the first approach, historians focus on the structure, functions and the linkage between elements of advocacy networks, they also reveal the peculiarities of its forming and its evolution under wartime and post-war conditions. Historians note its predetermining from the political authority and its conditionality by international processes of the given period, namely the Second World War and the Cold War. The second approach is directly linked to the category «image» and allows historians to address both to the discourse analysis for the reconstruction of its substantive part and to the historical-psychological approach to identify a multi-layered existence of its construction in the social and individual consciousness. It is noted that it is getting more difficult to understand the concept of Soviet propaganda and to separate the blind instrument of political authorities from the complex multidimensional phenomenon which is formed in a social environment with the direct influence of foreign policy affairs and requests by authorities.

Keywords: Soviet propaganda, lecturing activities, the image of the enemy, Great Patriotic War, late Stalinism.

Проблема изучения советской пропаганды привлекает исследователей из разных областей научного знания, но особое место ей отводится в современной исторической науке. Актуализацию данная тема приобретает в связи с последними событиями, связанными с использованием разнообразных каналов воздействия на умонастроения масс.

Термин «пропаганда» получил разнообразное толкование. По мнению А.А. Порецковой, политическая пропаганда неразрывно связана с политической коммуникацией и имеет свои преимущества при использовании полидисциплинарного подхода, в котором сочетаются бихевиоризм, герменевтика, исторический анализ, социологический и институциональный подходы [20]. Более того, автор отметил два модуса развития исследований в этой области: «пропаганда существовала в сфере практического знания и применения, ею интересовались в основном военные структуры и историки, которые изучали институты пропаганды и их деятельность, а также символические проявления пропаганды и ее всепроникающее воздействие на общество [20, с. 19]. Именно эти два модуса – институциональный и семиотический (либо, как альтернатива последнему, историко-психологический, активно использующие категорию «образ») – определили развитие исторических исследований в отношении советской пропаганды 1940 – первой половины 1950-х гг.

В истории советской пропаганды данный период имеет особую значимость. Великая Отечественная война, потребовавшая наивысшего напряжения сил, проявления патриотизма, жертвенности, мобилизовавшая все сферы советского общества, актуализировала значимость пропаганды как важного звена, цементирующего общество, объединяющего тыл и фронт, приближающего власть к «маленькому» человеку, примиряющего лишения и тяготы военного времени с ожиданием победы и расплаты с противником. Холодная война, начало которой относится к первому послевоенному десятилетию, явилась одновременно и результатом, и одной из причин очередного витка активизации пропаганды.

В изучении Великой Отечественной войны наметились свои особенности и проблематика. Крупным изданием в этом плане является сборник документов «Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы» [31], где авторы сгруппировали материал по трем главным разделам: структура и кадры, формы и методы, эффективность пропаганды. Данная систематизация удачно представляет два обозначенных выше подхода: институциональный и семиотический. С точки зрения институционального подхода авторы на исторических источниках демонстрируют развитие пропагандистской сети в военный период, структуру, специфику подбора кадров. Последние два раздела выходят на проблему способов и содержания пропагандистской деятельности, восприятия спускаемых сверху идеологем, что позволяет использовать данные источники для реконструкции стереотипов, образов военной истории. Обращение к образам и идеологическим штампам стало основой для публикации следующей подборки документов, иллюстрирующей «пропагандистский поворот» на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.). В этом сборнике особое внимание уделено пропаганде в ее внутреннем и внешнем измерении, в котором особо выделяется типологизация образов: враги, союзники, нейтральные страны [32].

Для большинства исследований по истории пропагандистской сети характерен институциональный подход, посредством которого авторы реконструируют структуру, специфику пропагандистской сети, роль партийных органов и отдельных руководителей в построении эффективного инструмента воздействия на умонастроения масс, особенно в военное время [3; 4; 5; 17].

В рамках институционального подхода рассматривается деятельность послевоенных институтов пропагандистской сети, среди которых особое место принадлежит Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний [2; 9; 12; 18; 19; 23; 26; 30].

При рассмотрении институциональной составляющей данной организации поднимается серьезная проблема степени влияния партийных органов на создание пропагандистских институтов. В части работ указывается на заказной характер появления данной организации, на первостепенную роль партийных функционеров в инициировании идеи и формировании ее институтов [1; 6]. Однако, в этом случае советская интеллигенция предстает как безвольный исполнитель пропагандистского заказа, как «часть системы уничтожения других» [21; 25].

Введение в научный оборот исторических источников по данной теме позволило исследователям увидеть вовлеченность и серьезную заинтересованность интеллигенции в создании подобных институций. Она «подала идею оформления пропагандистской сети не в виде партшкол или сети вузов, а в виде добровольной общественной организации ученых и с неподдельным интересом включилась в дело формирования этой организации, нацеленной на распространение именно научных знаний среди советского народа» [13, с. 46; 7, с. 43].

Подобная заинтересованность ощущалась во всем, особенно в деле распространения и пропаганды научных знаний. Эта сфера деятельности общества стала предметом исследования ряда ученых [6; 7; 14; 24; 27; 22; 35].

Изучение данной стороны деятельности общества, можно сказать, переживает эмпирический этап, потому как целые пласты информации хранятся в центральных и местных архивах, обращение же к ним на данном этапе позволяет только обобщить найденный материал, представить в общих чертах структуру и динамику развития этой организации. Осмысление же представленного материала, глубокое погружение в эпоху с выявлением мотивов участия в этой пропагандистской сети возможно на уровне реконструкции отдельных биографий, соотнесения их с контекстом эпохи, процессами, происходящими в партийно-государственных и научно-образовательных структурах.

Подобный вектор развития исследований уже обозначен в ряде работ. Среди них особый интерес представляет такое направление как «новая история пропаганды», рассматривающая ее «как институциональное (и одновременно неинституциональное) явление», при изучении которого особое внимание уделяется не только «механизмам функционирования пропаганды, ее средствам и технологиям», но «оценкам эффективности пропагандистской работы и ее возможностям воздействовать на общественное сознание» [11, с. 196].

В последнее десятилетие акцент сдвигается с институционального компонента на изучение образов прошлого, в том числе, и в изучении истории советской пропаганды. В ряде работ по Великой Отечественной войне [15; 10] акцентируется внимание на использовании исторических образов как действенного инструмента (механизма) воздействия на укрепление чувств патриотизма, стойкости и ненависти к противнику. Историки, изучая роль исторических образов в пропаганде в военное время, констатируют снижение количества публикаций о героическом прошлом русского народа к 1944 г. [29, с. 22; 48], востребованность данных образов в 1930-е гг. накануне трагических событий. В центре внимания оказались плакаты, листовки и художественно-литературные тексты, демонстрирующие «глубокие изменения содержания пропаганды военного времени в направлении усиления русских исторических компонентов» [10, с. 222].

Образ врага и образ союзника становятся основными исследовательскими категориями не только в тематике Великой Отечественной войны, но и в послевоенное время [28; 33; 34]. Комплексный подход позволил по-иному подойти к данному смысловому конструкту, подчеркнув, что «образ врага…не может быть сведен к «пропагандистскому продукту»», что его «содержание и структура … во многом зависят от качеств самого социума, его структуры, ключевых ценностей, исторического времени и даже этапов одной и той же войны» [28, с. 65].

Как справедливо замечает И.О. Колдомасов, образ союзника в советском государстве мог трансформироваться и в образ друга и в образ противника, что позволяло советской пропаганде быстро менять его государственную принадлежность.

Дихотомия «свой-чужой» позволяла через образ союзника «с одной стороны, понять собственную самость, а с другой, – выработать модели отношений с союзниками как представителями «других»» [8, с. 41]. Нойманновская идея о том, что отграничение «Я» от «Другого» является активной и продолжающейся частью формирования идентичности, позволила актуализировать проблему социальных границ «своего», увидеть особенности их формирования и сохранения [16, с. 68–69].

В современной исторической науке приходит осознание того, что советская пропаганда 1930–1950-х гг. представляет собой единое целое, а образы, конструируемые в это время, взаимосвязаны и влияют на социальный контекст, определяют развитие всех сфер жизни общества. «Образ врага имеет важное значение не только в предвоенный и собственно военный период, но и после того, как война давно уже закончилась, влияя не только на массовую психологию населения страны, но и на ее внутреннюю и внешнюю политику и социальную практику» [28, с. 68].

Таким образом, в современной исторической науке происходит усложнение понимания концепта «советская пропаганда». За последние три десятилетия произошла эволюция в его восприятии: не просто как слепого инструмента воздействия власти на умонастроения масс, а как комплексного многогранного явления, формируемого в социальной среде при непосредственном влиянии внешнеполитических событий и, конечно же, запросов власти. Кроме того, в изучении данного явления одинаково представлены как институциональный, так и семиотические подходы, хотя последний часто выходит за границы дискурс-анализа и обращается к историко-психологической трактовке «образа».

Список использованной литературы

1. Андреев, А.В. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний / А.В. Андреев // Институт истории, естествознания и техники РАН : Год. науч. конф. – Москва, 2003. – С. 292–294.
2. Беневаленская, Е.Н. Краеведческая деятельность общественных организаций Алтая во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов / Е.Н. Беневаленская // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, Институт истории СО РАН, 2017. – С. 259–268.
3. Борков, А.В. Создание и деятельность основных советских органов внешнеполитической пропаганды и информации, 1917–1945 гг. : автореф. дис. …. докт. ист. наук : 07.00.02 / А.В. Борков. – Нижний Новгород, 1997. – 41 с.
4. Голубев, А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику…»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. / А.В. Голубев. – Москва : Кучково поле, 2008. – 381 с.
5. Горлов, А.С. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: институциональные и организационные аспекты : автореферат дисс. …. канд.ист.наук. : 07.00.09 / А.С. Горлов. – Москва, 2009. – 26 с.
6. Григорян, Г.Г. Всесоюзное общество «Знание» как коммуникатор для власти и научного сообщества СССР / Г.Г. Григорян. – Москва, 2015. – 36 с.
7. Гришина, Н.В. Презентуя «советское»: лекционная пропаганда в СССР в истории одной встречи (опыт локального исследования) / Н.В. Гришина // Вестник Челябинского университета. – 2013. – №12(303). – Вып. 55. – С. 42–47.
8. Колдомасов, И.О. Категория «образ» в историко-психологическом исследовании (на примере образов врага и союзника) / И.О. Колдомасов // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 36–43.
9. Корзун, В.П., Мамонтова, М.А. «На местах у лекционного бюро должны быть так называемые щупальцы»: история создания лекционного бюро при комитете по делам высшей школы / В.П. Корзун, М.А. Мамонтова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 3. – С. 743–753.
10. Ларионов, А.Э., Дворковская, М.В. Образы русской истории в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны (часть 1) / А.Э. Ларионов, М.В. Дворковская // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. – 2019. – № 4. – С. 213–224.
11. Лившин, А., Орлов, И. Советское «пропагандистское государство» в годы II мировой войны: ресурсные ограничения и коммуникативные возможности / А. Лившин, И. Орлов // The Soviet and Post-Soviet Review. – 2012. – Vol. 39. – P. 192–218.
12. Мамонтова, М.А. Возникновение и деятельность Омского отделения Общества по распространению политических и научных знаний в рамках борьбы с «космополитизмом» / М.А. Мамонтова // Социальные конфликты в истории России : Мат. Всеросс. науч. конф. Омск. 22 октября 2004 г. Омск, 2004. – С. 186–190.
13. Мамонтова, М.А. Добровольная организация Советской интеллигенции: политический заказ или инициатива ученых? (К вопросу об истоках возникновения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знании) / М.А. Мамонтова // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. Материалы всероссийской научной конференции. – Москва : ИВИ РАН, 2009. – С. 45–46.

14. Мамонтова, М.А., Сапожникова, О.А. Лекция как оружие идеологической борьбы (на примере деятельности Омского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний) / М.А. Мамонтова, О.А. Сапожникова // Университеты России и их вклад в образовательное научное развитие регионов страны : сб. науч. тр. – Омск, 2010. – С. 372–377.
15. Михайлов, А.А. Многовековая военная история Пскова в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. А.А. Михайлов // Новые исторические перспективы. – 2019. – №3(16).
16. Нойман, И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисл. А.И. Миллера. – Москва : Новое издательство, 2004. – 336 с.
17. Орлов, И.Б. От какого наследства мы отказываемся? (Сущность и механизмы пропаганды) // Вопросы правоведения. – 2009. – № 1. – С. 57–66.
18. Пинаева, Д.А. Партийное руководство научно-просветительской деятельностью в СССР (на примере Всесоюзного общества «Знание») / Д.А. Пинаева // Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11. – С. 113–119.
19. Пинаева, Д.А., Юнусова, Р.Р. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний как институт социализации граждан Советской России / Д.А. Пинаева // Наука и профессиональное образование: современные теоретические проблемы и практический опыт. – Казань, 2012. – С. 118–123.
20. Порецкова, А.А. Концептуализация теоретических подходов к изучению политической пропаганды / А.А. Порецкова // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2015. – Вып. 2. Информация и общество. – С. 19–33.
21. Почепцов, Г. Феномен советской пропаганды [Электронный ресурс] / Г. Почепцов // RELGA. – №9(297). – Режим доступа: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=4326&level1=main&level2=articles (дата обращения 10.03.2020 г.).
22. Селезнев, А.В. О проведении Красноярским краевым отделением Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний лекционной пропаганды среди трудящихся угольных районов края в 1950–1952 годы / А.В. Селезнев // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Красноярск, 2017. – С. 285–289.
23. Селезнев, А.В. Периодизация истории Всесоюзного общества «Знание» на основе сравнительного и функционального анализа эволюции его целевых установок, организационных основ и структуры / А.В. Селезнев // Человек и культура. – 2018. – № 1. – С. 17–33.
24. Селезнев, А.В. Пропаганда сельскохозяйственных знаний Красноярским краевым отделением Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в 1949–1954 гг. / А.В. Селезнев // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 4. – С. 76–80.
25. Селезнев, А.В. Просветительская деятельность красноярской краевой организации общества «Знание» в 1947–1992 гг. : автореф. дисс. …канд. ист. наук. : 07.00.02 / А.В. Селезнев. – Омск, 2019. – 21 с.
26. Селезнев, А.В. Создание и проблемы функционирования Красноярского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в 1947–1949 гг. / А.В. Селезнев // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 3. – С. 16–34.
27. Селезнев, А.В. Формы и масштаб просветительской деятельности Красноярской краевой организации общества «Знание» в 1947–1992 гг. / А.В. Селезнев // Исторический журнал: научные исследования. – 2018. – № 6. – С. 91– 114.
28. Сенявский, А.С., Сенявская, Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) / А.С. Сенявский, Е.С. Сенявская // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2006. – № 2(6). – С. 54–72.
29. Синицын, Ф.Л. За русский народ: национальный вопрос в Великой Отечественной войне / Ф.Л. Синицын. – Москва : Яуза : Эксмо, 2010. – 412 с.
30. Случевский, В.В. Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области: история, формы и методы просветительской деятельности: 1947–2002 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В.В. Случевский. – Санкт–Петербург, 2003. – 222 с.
31. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 806 с.
32. Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943–1945 гг.). Сборник документов / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – Москва : РОССПЭН, 2015. – 398 с.
33. Фатеев, А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А.В. Фатеев. – Москва, 1999. – 261 с.
34. Федоров, А.В. Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010) / А.В. Федоров. – Москва : Информация для всех, 2010. – 202 с.
35. Федорова, М.А. Антирелигиозная пропаганда Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в 1947–1957 гг. на территории Свердловской области / М.А. Федорова // Третьи Чупинские краеведческие чтения: материалы конф. (Екатеринбург, 16–17 февр. 2006 г.) / сост. Т. А. Колосова. – Екатеринбург, 2006. – С. 203–210.

Г.Е. Отепова

г. Павлодар, Республика Казахстан

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация: В статье показаны основные методы изучения и значение законодательных источников для освещения объективной политической и социально-экономической истории Казахстана в составе Российской империи.

Ключевые слова: Законодательные акты, Российская империя, царское правительство, Казахстан, источники.

G.E. Otepova

Pavlodar, Republic of Kazakhstan

METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING LEGISLATIVE SOURCES

Abstract: The article shows the basic methods of studying and importance of legislative documents for studying political and socio-economical history of the Kazakhstan as part of the Russian Empire.

Keywords: Legislative acts, Russian Empire, tsarist government, Kazakhstan, sources.

Материалы законодательных актов являются одним из основных источников при изучении внутренней и внешней политики любого государства. Следовательно, задача исследователя заключается в том, чтобы изучить все пути, ведущие к получению достоверных знаний об объективной реальности и к достижению истинного результата. «Историк стремиться заглянуть за тексты, чтобы добиться от них сведений, которых они давать не хотят и сами по себе дать не могут» [2, с. 24].

Важнейшей задачей источниковедческого анализа является изучение источников в их совокупности, взаимной связи и взаимодействии. Каждый исторический источник дает нам один или несколько фактов, характеризующих явления лишь с определенных сторон. Данный метод приобретает особое значение при изучении материалов законодательства, так как в их состав входят документы различные по форме, происхождению и содержанию. Законодательный документ, как важнейший источник по изучению истории правительственной политики, может быть полезным только тогда, когда он рассматривается с учетом всех обстоятельств его происхождения и особенностей литературно-юридических форм выражения. Таким образом, одним из главных условий научного подхода к изучению законодательных источников является их совокупное, комплексное использование. Кроме того, законодательный источник помогает выяснить и понять другие документальные материалы, выявленные в архивах. Об этой особенности законодательных источников хорошо высказался исследователь Б. Кочаков: «Кроме того, законодательный акт имеет еще выдающееся значение как своеобразный ключ к огромной массе официальных документов, как своего рода путеводитель по ней. Для многих категорий архивного материала именно законодательный акт является стержнем. Отправляясь от него, мы придем и ко всей остальной переписке по интересующему нас вопросу. В этом – лишнее обоснование необходимости новейшего источниковедения и анализа законодательного акта» [4, с. 321].

Прежде чем получить юридический статус, законодательный документ проходит несколько этапов: законодательного почина или инициативы; разработки и утверждение законопроекта, его утверждения или санкции и, наконец, обнародования закона. В структуре источника все они находятся во взаимосвязи. «Материалы, отразившие все стадии процесса формирования и применения законодательного акта или актов, взятые в совокупности, позволяют с достаточной полнотой вскрыть

причины его появления, классовый характер, определить место и значение данного документа в системе законодательства в целом или отдельному периоду и отдельному вопросу» [1, с. 37]. Поэтому только совокупное, комплексное изучение документов всех этих этапов, отразивших стадии процесса формирования законодательного акта, позволяет с достаточной полнотой раскрыть причины его появления, социальный характер, определить место и значение данного акта в системе законодательства в целом или по отдельному периоду, или вопросу.

Из других методов, широко применяемых при исследовании и анализе материалов законодательства, особо следует обратить внимание на метод грамматического толкования законодательного документа и изучения литературно-юридических форм его изложении. Этот метод имеет первостепенное значения для изучения законодательного акта, так как это не просто источник, а особо юридически оформленный акт (документ). «Законодательный документ, как исторический источник, занимает очень важное место и требует к себе особого внимания. При изучении законодательных памятников историк должен уметь толковать или интерпретировать закон. Средства толкования и методы его весьма разнообразны. Главнейшими являются историческое и грамматическое толкование» [7, с. 217].

Чтобы суметь правильно прочитать его, необходимо учесть временное и юридическое значение слов, а также знать специфику примененных в тексте понятий. При грамматическом толковании текста важную роль играет установление значения отдельных слов и понятий. Например, сравнить применение понятий «закон», «преступление», «преступное деяние» в прошлом и настоящем времени. Данный метод позволяет определить смысл употребляемого слова или понятия, какие предметы и явления реальной жизни они охватывают. Иногда в тексте трудно найти значение того или иного слова, тогда необходимо обратиться к сопоставлению источников или к справочно-юридической литературе. Если в законе употребляются слова, которые сейчас не распространены или со временем изменился их смысл, то нужно брать за основу то значение, которое данное слово имело в свое время. Грамматическое толкование законов необходимо еще и потому, что иногда в официальных изданиях встречаются опечатки и ошибки. Выправить их возможно путем сверки опубликованного текста с архивными материалами или с предыдущими и последующими официальными изданиями. В законодательных источниках часто применялись слова и выражения, вовсе не отражавшие реальную действительность. Например, особую, напыщенную, много обещающую форму изложения имели царские манифесты. При помощи особых приемов формулирования отдельных статей законов или всего закона, царское правительство стремилось скрыть истинный смысл документа, подменить один тезис другим. Для этого отдельные статьи, положения закона излагались неясно, двусмысленно, противоречиво. Расхождение между мнимыми целями и действительным содержанием – характерная черта царского законодательства. «По мере развития исторической мысли становилось более очевидным, что каждое дельное высказывание или свидетельство источника должно быть поставлено в определенную зависимость от общего замысла произведения, от обстоятельств создания источника, от знаний условий, в которых автор жил и творил. Иначе говоря, вопросы критики источников не могут быть рассмотрены без исследования вопросов интерпретации смысла произведения в его целом» [3, с. 125].

Материалы законодательства – источник массовый. Поэтому к нему, как к любому массовому источнику, применим статистический метод, то есть метод группировок законодательных актов по видам, периодам, проблемам и т.д. Преимущество статистического метода состоит в том, что, характеризуя количественную сторону явления, он помогает полнее представить присущую им закономерность проводимой официальной политики и эволюцию. Статистический метод позволяет объективно проследить, как и сколько принималось законов по тому или иному вопросу. Как говорил В.И. Ленин, ничего не может быть «объективнее и беспристрастнее статистики законов – простого подсчета того, что само правительство постановляет». Кроме того, объективность подхода состояла и в том, что анализу подвергалось будничное законодательство, в котором не было «ничего такого, что отодвигало бы совершенно на задний план все остальное и налагало бы особую печать на данный период внутреннего управления» [6, с. 423]. Этот метод позволяет законодательные акты сгруппировать по их социальному назначению, то есть выяснить ответ на вопрос: «Для какой социальной группы, в чьих интересах они издавались?».

Автором на сегодняшний день выявлено боле 2000 законодательных источников Российской империи по истории Казахстана XVIII – начала XX века [7]. На основе статистического метода работы с законодательными источниками автором настоящей статьи были составлены таблицы по хронологии, основным видам законов, периодам правления монархов империи, основным направлениям деятельности царского правительства. Из анализа данных документов видно, что законодательные акты царским правительством принимались с первых дней присоединения Казахстана и до конца существования монархии. Российское законодательство охватывало все вопросы политического, административно-территориального, социально-экономического, культурного управления и регулирования отношений в казахском крае. Империя основное внимание уделяла вопросам политического (имеются в виду вопросы принятия российского подданства в начальный период присоединения различными родами казахского общества, подкуп и поощрение казахской знати), правового (распространение общероссийских законов) и экономического (освоение залежей природных ископаемых, усиление налоговой системы) подчинения Казахстана.

Применим к материалам законодательства и сравнительный анализ, широко используемый при изучении других видов исторических источников. Анализ законодательных актов по одному и тому же вопросу, но изданных в разное время, позволяет проследить изменение политики правительства, направление его эволюции в связи с изменением исторических условий. Для изучения законодательного документа необходимо выяснить все обстоятельства его происхождения: установить автора, время, место издания, подлинность, показать условия и причины появления закона, его природу, сущность, раскрыть цели, сопутствующие его появлению. Для этого соответствующий законодательный документ и содержащиеся в нем сведения нужно рассматривать в неразрывной связи со всеми условиями жизни изучаемого периода и сопоставить его с другими источниками и фактами. Исследователь путем сравнения текстов должен определить, под влиянием каких условий и в чьих интересах был изменен изданный ранее закон; в какой мере новый вариант сохранил прежние правовые нормы. Поэтому для выяснения подлинности, сути и природы законодательного акта сравнительный метод изучения имеет первостепенное значение.

Применение различных методов изучения и анализа законодательных материалов позволяет расширить возможности использования их в исторических научных исследованиях. Комплексное использование различных методов источниковедения позволит представить исследуемый источник как явление культуры изучаемой эпохи. «Всякий, кто стремится к познанию исторической действительности, почерпает свое знание о ней из источников (в широком смысле); но для того, чтобы установить, знание о каком именно факте он может получить из данного источника, он должен понять его: в противном случае, он не будет иметь достаточного основания для того, чтобы придавать своему представлению о факте объективное значение; не будучи уверен в том, что именно он познает из данного источника, он не может быть уверенным в том, что он не приписывает источнику продукта своей собственной фантазии» [8]. В совокупности с другими источниками они дают возможность исследовать и понять комплекс проблем и вопросов, касающихся истории Казахстана в составе Российской империи.

Список использованной литературы

1. Антонова, С.И. Материалы законодательства периода капитализма как исторический источник : Учебно-методическое пособие / С.И. Антонова. – Москва : МГУ, 1976. – 41 с.
2. Гадамер, Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.Г. Гадамер. – Москва : Прогресс, 1988. – 220 с.
3. Источниковедение : учебное пособие / Под редакцией И.Н. Данилевского, В.В. Кабанова, О.М. Медушевской, М.Ф. Румянцевой. – Москва : РГГУ, 2004. – 125 с.
4. Кочаков, Б.М. Русский законодательный документ XIX – начала XX века / Б.М. Кочаков // Вспомогательные исторические дисциплины : сборник статей. – Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1937 – 435 с.
5. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории / А.С. Лаппо-Данилевский. – Санкт-Петербург, 1913. – Вып. 2. – 407 с.
6. Ленин, В.И. Случайные заметки / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1958–1965. – 423 с.

7. Отепова, Г.Е. Из опыта изучения законодательных источников по истории Казахстана VIII – начала XX века [Электронный ресурс] / Г.Е. Отепова // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». – 2016. – № 4(08). – Режим доступа: http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/599
8. Стрельский, В.И. Источниковедение истории СССР периода империализма / В.И. Стрельский. – Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1962. – 341 с.

К.А. Пожарская

г. Барнаул, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ОБРАЗА АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА В ТРУДАХ УЧЕНЫХ, ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ЧИНОВНИКОВ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-11-22006 «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.».

Аннотация: Рассматриваются параметры естественно-научного образа алтайского региона в трудах ученых, путешественников и чиновников рубежа XIX–XX вв. На конкретных примерах делается заключение о том, что специалисты исследуемого периода вынесли оценку Алтайскому региону как чрезвычайно гетерогенному по своим природно-климатическим параметрам (термический и почвенный режимы, орошение поверхности и т.д.), а также весьма «трудному» для сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: Алтайский округ, естественно-научный образ региона, колонизация, природные условия.

K.A. Pozharskaya

Barnaul, Russia

FORMATION OF THE NATURAL SCIENTIFIC IMAGE OF THE ALTAI REGION IN THE WORKS OF SCIENTISTS, TRAVELERS AND OFFICIALS ABROAD XIX-XX CENTURIES

Abstract: In the writings of scientists, travelers and officials at the turn of the XIX – XX centuries, the parameters of the natural-scientific image of the Altai region are considered. Based on specific examples, it is concluded that the specialists of the study's period evaluated the Altai region as extremely heterogeneous in their natural and climatic parameters (thermal and soil conditions, surface irrigation, etc.), and also very «difficult» for agricultural production.

Keywords: the Altai district, natural-geographical image, colonization, natural conditions.

Алтайский округ ведомства Кабинета Его Императорского Величества (далее – Кабинет) традиционно имел славу земледельческого эльдорадо, чему способствовали как широко распространенные обывательские представления крестьян [1], так и сведения о богатстве почв Алтая, содержащиеся в трудах И.Г. Гмелина, П. Палласа, Ф. Гумбольдта, К. Ледебура, Й. Гагемейстера и др. [2, с. 63]. Однако, на рубеже XIX–XX вв. начинается качественно новый «углубленный» этап изучения природно-географической палитры округа, что выразилось в появлении значительного количества исследований, хотя и отличных по своему эвристическому потенциалу, методике и характеру изложения материала. Вовлечение в обозначенную проблематику «новых» специалистов было обусловлено глобальными трансформациями региона, порожденными массовыми переселениями крестьян

из Европейской части страны со второй половины XIX столетия. Поскольку потребность в прогнозировании экономических и демографических последствий масштабных миграций обусловила необходимость осуществления экспертизы колонизируемых территорий с точки зрения их пригодности для успешной жизнедеятельности и эффективного крестьянского хозяйствования. Разнонаправленное и многоаспектное исследовательское внимание в конечном итоге формировало естественнонаучный образ Алтая, закладывало начала современного краеведения и сибиреведения.

В целом, значительная часть специалистов выдвинула тезис о том, что по естественным (и соответственно, сельскохозяйственным) условиям территория Алтая является чрезвычайно гетерогенной и отнюдь не монолитной по своему земледельческому потенциалу. На основе базовых компонентов природы округа (рельеф, климат, почва и гидрография) ученые подразделили его на три зоны: равнинную (западные части Барнаульского и Змеиногорского уездов, юго-западная половина северной части Бийского уезда), холмистую (восточная часть Барнаульского, западная часть Бийского уездов, средняя часть Змеиногорского уезда, северная половина Кузнецкого уезда, юг Томского уезда) и горную (южная половина Бийского и восточная часть Змеиногорского уездов, южная часть Кузнецкого уезда) [3, с. 3; 4, с. 29; 5, с. 1; 6, с. 39–42; 7, с. 4; 8, с. 7; 9, с. 2–6].

Климат Алтайского округа в целом специалисты оценили как более суровый и потому менее комфортный для хозяйствования и жизнедеятельности крестьян. Объясняется это суждение низким значением среднегодовой температуры (0,4 ºС), в то время как для Европейской части России этот показатель имел более высокое значение (5,5 ºС) [10, с. 3–4]. Устанавливалось, что средняя годовая температура на Алтае в отдельные годы подвергалась значительным колебаниям, характерным также для каждого месяца в отдельности. Столь низкие среднегодовые температуры ученые объясняли особенностями географического положения региона на Евразийском материке. Продвижение с севера холодных воздушных потоков на территорию округа, расположенного на Обской низменности, задерживалось на юге горами, что, в свою очередь, и обуславливало преобладанию низких годовых температур по всей территории [11, с. 5, 9]. При этом дифференцированный подход позволил определить среднегодовую температуру равниной части в +0,78 ºС; холмистой – +0,35 ºС; горной – 1,5 ºС [12, с. 7]. В отличие от центрально-черноземной полосы Европейской части России, характеризующейся равенством или подобием средних температур лета и растительного периода на всей своей протяженности, средние температуры полевого сезона в Алтайском округе не были одинаковы [5, с. 30, 37]. Вследствие этого для исследователей была очевидной необходимость вариативного подхода к осуществлению сельскохозяйственного цикла в округе [8, с. 12; 13, с. 8].

Уникальность термического режима Алтая обосновывалась учеными ярко выраженной температурной амплитудой (разницей между средними температурами самого жаркого и самого холодного месяцев) [10, с. 5–6; 11, с. 5; 13, с. 4]. Разница между летними и зимними изотермами для Барнаула фиксировалась в 38,5 ºС; Томска – 38,3 ºС; Москвы – 29,9 ºС; Нижнего Новгорода –31,4 ºС; Твери – 30,4 ºС [11, с. 6]. По районам Алтайского округа температурная амплитуда выражалась в следующих цифрах: в равнинном – 35,3 ºС, холмистом – 34,3ºС, горном – 36,1ºС [5, с. 40]. Подобные изотермические «скачки» предопределили заключение о резко континентальном (материковом) характере климата всего Алтайского округа на рубеже XIX–XX вв. Значительная величина годовой амплитуды на Алтае приближала его климат к крайне континентальным, для которых годовая амплитуда равнялась 40 градусам [11, с. 5; 14, с. 491].

Тем не менее, ученые заключали, что сходство территории округа и Европейской части России заключается в тождестве температур вегетационного периода (+ 15 ºС) [5, с. 30; 15, с. 32]. Это подтверждалось распространением идентичных черноземной полосе России видов травяной растительности и хлебов [15, с. 32], позволяло крестьянам, проживавшим в Бийском и Барнаульском уездах, выращивать дыни и арбузы [16, с. 73], переселенцам Бийского уезда предпринимать попытки разведения яблонь [16, с. 74], а арендаторам Бель-Агачской степи садить табак [13, с. 19]. В то же время подчеркивалось, что повсеместно в округе полевые работы отличала чрезвычайная скученность, а продолжительность сельскохозяйственного цикла приближалась к пяти месяцам безостановочного труда [9, с. 174; 15, с. 32]. Факторами, лимитирующими производительность земледелия в округе, назывались нестабильные погодные условия в период вегетации растений, проявлявшиеся в колебаниях внутримесячных (ве-

сеннее возвращение холодов и ранние осенние заморозки) и даже суточных температур [17, с. 23].

Ученые акцентировали внимание также на таком маркирующем признаке алтайского климата, как количество выпадающих осадков и варьирование их по временам года. Согласно классификации, предложенной профессором В.Д. Дудецким [18, с. 85], вся территория Алтайского округа была отнесена к группе районов с недостаточным увлажнением, с количеством осадков 350 мм в год, т.е. квалифицировалась как рискованная для земледельческого производства [7, с. 21; 10, с. 20; 12, с. 32].

Оценивая природно-географические условия Алтая, исследователи рубежа XIX–XX вв. представили описание гидрографии региона. Отметив богатство округа водными ресурсами, специалисты указали на неравномерность охвата территории речными артериями. Устанавливалось, что горная и холмистая части хорошо обеспечены проточными водами, поскольку расположены в бассейне реки Обь, а также образующих ее рек Бии и Катуни с многочисленными притоками. Равнинная же часть Алтайского округа входила в сферу двух бассейнов (реки Обь и замкнутого Барабинско-Кулундинского) и орошена значительно беднее. При этом ее северо-западная и западная части (Кулундинская степь) [9, с. 6; 11, с. 14; 19, с. 12], а также юго-запад (Бель-Агачская степь) [13, с. 2–3; 19, с. 12] оказались практически полностью лишены поверхностно-проточных вод.

Важнейшим элементом географической среды Алтая являлись почвенные условия, которые рассматривались учеными обозначенного периода в соответствии с концепцией профессора В.В. Докучаева как продукт взаимодействия местного климата, растений, животных микроорганизмов, состава и строения материнских горных пород, а также рельефа [5, с. 1; 20, с. 2]. При этом выдающийся сибирский ученый-почвовед К.П. Горшенин отмечал, что пестрота почвенного покрова Западно-Сибирской низменности препятствует строгой зональности в связи с внедрением большого количества интрозональных почв и региональной спецификой почвы, приобретаемой под влиянием местных условий [21, с. 51–52]. Потому географы констатировали чрезвычайное разнообразие почвенных условий всего Алтая. Так, почвовед И.П. Выдрин выделил 13 типов почв, преобладавших в различных уездах округа [22, с. 6]. Данные сведения имели важное прикладное значение, поскольку ставили на повестку дня вопрос о разной степени плодородия алтайских земель. В целом, производительные свойства почв Алтая высоко оценивались современниками [23, с. 196, 251; 24, с. 127]. В то же время они констатировали, что «сибирские земли не так богаты черноземом, как русские, и таким толстым слоем, как в России, чернозем … нигде не лежит» [24, с. 125] и «к здешней земле надо подходить с сибирской, а не российской меркой…» [8, с. 9]. Отмечая высокую степень плодородия алтайской земли по сравнению с землями других районов Зауралья, исследователи зафиксировали такую ее отрицательную характеристику как быстрое «выпахивание» [8, с. 7; 24, с. 127; 25, с. 42; 26, с. 242].

Таким образом, важнейшим достижением исследователей рубежа XIX–XX вв. явилась корректировка обывательского представления об Алтае как земледельческом эльдорадо, а также осуществление дифференцированной экспертизы его природно-климатических доминант. Анализ базовых компонентов естественной среды региона обусловил вывод о ее чрезвычайной гетерогенности и «сложности» для развития зернового хозяйства. Критические выводы исследователей о земледельческом потенциале региона, детерминированном природно-климатическими и географическими условиями территории, создавали научные основания для рациональной колонизации Алтайского округа.

Список использованной литературы

1. Пожарская, К.А. Народные источники формирования образа Сибири в представлениях потенциальных переселенцев конца XIX – начала XX столетия / К.А. Пожарская // Экономическая история Сибири XX – начала XXI в. : сборник статей по материалам IV всероссийской научной конференции, Барнаул, 26–27 июня 2015 г. – Барнаул : МЦ ЭОР, 2015. – С. 164–168.
2. Голубев, П.А. Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / П.А. Голубев. – Томск : Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1890. – 436 с.
3. Сельскохозяйственный обзор Алтайского округа за 1896 гг. –Барнаул : Типо-литография Главнаго управления Алтайскаго округа, 1897. – 226 с.
4. Сибирь. Общие замечания о Сибири и переселении. Сведения о земледельческой полосе Сибири. – Санкт-Петербург : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1897. – Вып.1. – 210 с.

5. Выдрин, И.П., Ростовский, З.И. Материалы по исследованию почв Алтайского округа / И.П. Выдрин, З.И. Ростовский. – Барнаул : Типо-лит. при Гл. упр. Алт. окр., 1899. –153 с.
6. Сведения о земледельческой полосе Сибири. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва вн. дел, 1901. – Вып. VII. – 46 с.
7. Морозов, И.М. Алтайский округ в колонизационном отношении / И.М. Морозов. – Полтава : Электр. тип. Ф.Ф. Шиндлера, 1908. – 61 с.
8. Мамырин, Г. Краткие сведения о Томской губернии / Г. Мамырин. – Полтава : Бюро Юж.-рус. обл. зем. переселенч. организации, 1912. – 35 с.
9. Никольский, В.В. Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей. Отдел II. Сельское хозяйство в Алтайском округе / В.В. Никольский. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва пут. сообщ., 1916. – 319 с.
10. Бажаев, В.Г. Очерк климатических условий Томской губернии / В.Г. Бажаев. – Томск : Тип. В. Демакова, 1896. – 4 с.
11. Березовский, Е.П. Климат и гидрография Алтайского края / Е.П. Березовский // Алтайский сборник. – Барнаул : Алтайское географическое общество и Барнаульский естественно-исторический музей, 1930. – Т. 12. – С. 3–17.
12. Морозов, И.М. Алтайский округ в сельскохозяйственном отношении и условия жизни переселенцев в нем / И.М. Морозов. –Харьков : Тип. Б. Бенгис, 1908. – 75 с.
13. Катанаев, Г.Е. Хлебопашество в Бельагачской безводной степи Алтайского горного округа / Г.Е. Катанаев // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. – Омск, 1893. – Кн. XV. – Вып. II. – С. 1–24.
14. Воейков, А.И. Климаты земного шара в особенности России / А.И. Воейков. – Санкт-Петербург : Картогр. заведение А. Ильина, 1884. – 640 с.
15. Петров М. Западная Сибирь: губернии Тобольская и Томская / М. Петров. – Москва : Типография И.Д. Сытина, 1908. – 205 с.
16. Головачев, П.М. Сибирь / П.М. Головачев. – Москва : Дело, 1912. – 236 с.
17. Миддендорф, А.Ф. Бараба / А.Ф. Миддендорф. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1871. – 123 с.
18. Дудецкий, В.Д. Опыт климатического районирования черноземной полосы Западной Сибири / В.Д. Дудецкий // Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Т. 5. – Омск, 1926. – С. 77–118.
19. Струков, М.И. Краткий очерк Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества / М.И. Струков. – Санкт-Петербург : Тип. Гл. упр. уделов, 1896. – 78 с.
20. Труды почвенно-ботанической экспедиции колонизационных районов Азиатской России. Ч. 1: Почвенные исследования 1909 г. Вып. 1: О почвах западной части Горного Алтая между бассейнами рек Катуни и Чарыша / ред. К. Д. Глинка. – Санкт-Петербург : Тип. А. Э. Коллинс, 1910. – 72 с.
21. Горшенин, К.П. Почвы черноземной полосы Западной Сибири / К.П. Горшенин // Записки Западно-Сибирского отдела государственного русского географического общества. – Омск, 1927. – Т. 39. – С. 1–359.
22. Бюллетени Алтайского губернского статистического бюро. –1920. – № 2. – 12 ноября.
23. Завалишин, И. Описание Западной Сибири. Томская губерния / И. Завалишин. Т. II. – Москва : О-во распространения полезных кн., 1865. – 276 с.
24. Рубакин, Н. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди / Н. Рубакин. – Москва : Посредник, 1908. – 186 с.
25. Переселение из Полтавской губернии с 1861 г. по 1 июня 1900 г. Вып. I. – Полтава : типо-лит. Л. Фришберга, 1900. – 401 с.
26. Кирьяков, В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири) / В.В. Кирьяков. – Москва : Кн. дело, 1902. – 370 с.

А.А. Тишкин

г. Барнаул, Россия

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КРУПНЫХ КУРГАНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Материалы подготовлены по результатам выполнения научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования».

Аннотация: На территории Алтайского края известны археологические памятники, на которых выделяются земляные курганы крупных параметров, имеющие следы ограблений. Отдельные такие погребальные объекты исследовались специалистами. Они относятся к

скифо-сакскому времени и к периоду раннего Средневековья. Имеющиеся методологические принципы интерпретации древних курганов позволяют наметить социальную дифференциацию обозначенной каменской общности, а также рассматривать ее возможный центр. Аналогичные объекты сросткинской культуры маркируют исторические этапы развития общества в эпоху Средневековья.

Ключевые слова: Алтайский край, курганы, скифо-сакское время, ранее Средневековье, методологические принципы.

A.A. Tishkin

Barnaul, Russia

METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF INTERPRETATION OF LARGE BARROWS OF ALTAI REGION

Abstract: On the territory of the Altai Krai there are some archaeological sites where one can distinguish earthen mounds of large parameters with the traces of robberies. A number of such funerary objects have been investigated by specialists. They are attributed to the Scythian-Saka time and the period of the early Middle Ages. The existing methodological principles for the interpretation of ancient mounds allow us to outline the social differentiation of the designated Kamenskaya community and consider its possible center. Similar objects of Srostkinskaya culture mark the historical stages of the development of society in the Middle Ages.

Keywords: Altai Territory, barrows, Scythian-Saka time, early Middle Ages, methodological principles.

Всем, изучающим историю Алтая по археологическим источникам, хорошо известны результаты раскопок крупных курганов пазырыкской культуры (2-я половина VI – II вв. до н.э.) [6, с. 243–255]. Благодаря мерзлоте, сформировавшейся в погребальных камерах, сохранилось много древних изделий, в том числе из органических материалов. Эти и другие обстоятельства позволили в определенной мере восстановить отдельные сферы своеобразной системы жизнеобеспечении общества ранних кочевников [12; 13; и др.], а также решать вопросы реконструкции социальной организации и мировоззрения у населения Алтая скифо-сакского времени [16]. Данный опыт стоит учитывать при рассмотрении подобных историко-культурных явлений. Кроме этого, методологические принципы интерпретации крупных курганов, обозначенные отечественными и зарубежными исследователями, могут быть использованы при изучении аналогичных погребальных объектов, которые зафиксированы на территории Алтайского края в степной, лесостепной и предгорной зонах. Они сформированы на разных показателях, полученных при обследованиях и раскопках, в зависимости от задач рассмотрения той или иной деятельности древнего и средневекового населения. Основной методологический подход базируется на том, что в археологических памятниках нашла отражение существовавшая реальность, в том числе, не представленная в письменных и изобразительных источниках (при их наличии).

Для установления социальной иерархии конкретного общества учитываются параметры наземных и внутримогильных сооружений, объем трудозатрат для их возведения, количество, ценность и особенности обнаруженных предметов материальной культуры, число и значение ритуальных объектов (поминальников, жертвенников, стел, рвов, остатков кострищ и др.) и сопроводительных захоронений животных, а также другие сведения [11]. Однако более или менее полный их набор для всевозможных анализов, сопоставлений и заключений можно получить только при тщательных раскопках и длительном междисциплинарном изучении, что требует существенных финансовых, физических и временных затрат. Такими ресурсами обладает не каждый коллектив специалистов, не говоря об отдельных исследователях. Наверное, поэтому в последние годы стали активно использоваться, разрабатываться и эффективно внедряться различные методы получения обширной научной информации без проведения масштабных раскопок. В этом плане стоит отметить геоинформационные технологии [8], а также целенаправленное

применение современной геофизической, аэромагнитной и другой аппаратуры [3; 4; 18; и др.]. Однако на начальном этапе есть смысл реализовать комплекс визуальных наблюдений. Важным представляется учет и картирование местонахождений рассматриваемой категории крупных курганов, так как они могу маркировать не только присутствие, но и центр какой-то древней или средневековой этнокультурной группы населения. При дальнейшем сопоставлении таких данных можно предположить определенный состав кочевого объединения, наметить и оценить границы его влияния. Такая работа уже была частично реализована на памятниках упомянутой пазырыкской культуры [7, рис. 3]. К выделенным курганным группам с «царскими» погребениями, которые маркируют центр и полупериферию этого древнего образования (возможно, раннегосударственного типа [1]), стоит добавить не так давно открытые и исследованные крупные пазырыкские объекты на могильниках Карасу (喀拉苏) и Хайлиутан (海流滩) (территория Монгольского Алтая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая)[1]. Данное обстоятельство позволяет существенно расширить границы пазырыкской культуры в юго-западном направлении (к зоне Шелкового пути, который стал формироваться позднее – во II в. до н.э.).

В настоящее время к северу от гор Алтая выявлена существенная серия крупных курганов, земляные насыпи которых выделяются своими параметрами, несмотря на разрушения в ходе неоднократных грабительских проникновений. Они в основном располагаются в южной части Обь-Иртышского междуречья. Заметная концентрация таких объектов зафиксирована в Мамонтовском районе Алтайского края, где имеются остатки и некогда грандиозных надмогильных сооружений [5]. Можно предварительно осуществить их культурно-хронологическую идентификацию на основании внешних признаков и при сравнении с имеющейся информацией о проведенных раскопках археологических комплексов скифо-сарматского времени [15; 19; 20, и др.] и периода раннего Средневековья [2]. Судя по всему, большая часть крупных курганов относится к каменской культуре [6, с. 255–272]. Кроме указанного района, аналогичные объекты располагаются на всем Приобском плато и к западу от него до Иртыша, а также на отдельных участках правобережья Оби. Такая большая территория могла контролироваться только хорошо организованной структурой общества вполне сравнимой с архаичной кочевой империей [9]. В пользу данного предварительного заключения указывают зафиксированные археологические памятники каменской культуры, а также полученные конкретные материальные свидетельства [10; 17; 22 и др.]. Следует также отметить четкую границу между каменской и пазырыкской общностью, которая проходила по северным и северо-западным предгорьям. Обозначенная тема требует дальнейшего развития с учетом разработанных методологических принципов. Она обеспечит определенный экскурсионно-туристический потенциал при включении рассматриваемых объектов в соответствующие маршруты и кластеры. Конечно, не исключены возможности для проведения раскопок. Как показывает практика, даже неоднократно ограбленные «элитные» погребения могут дать обширные материалы и великолепные находки [14; 21; 23 и др.].

Возвращаясь к возможностям визуального изучения крупных курганов, следует обратить внимание на планиграфию «царских» некрополей и отдельных объектов для выявления закономерностей при оформлении сакрального пространства. В них находят отражение определенные представления ранних кочевников, что хорошо демонстрируют пазырыкские комплексы, а также херексуры Монголии. Важными особенностями курганов каменской культуры является наличие рвов, которые до сих пор требуют полноценного изучения.

В заключение следует обратить внимание на крупные курганы сросткинской культуры раннего Средневековья, расположенные на более обширной территории [6, с. 333–345, рис. 3.32], чем памятники каменской общности. Некоторые их них были раскопаны [2]. Наряду с элитарным характером отдельных объектов разного уровня, зафиксирована и другая особенность. Под насыпью крупных курганов оказались несколько могил, устроенных в ряд. В них были захоронены обычные соплеменники и их дети.

Уровень развития общества сросткинской культуры может быть оценен в рамках сравнительного анализа с данными о соседних каганатах (Кимакский и Кыргызский), которые известны и по письменным источникам. Имеющиеся результаты обследований и раскопок сросткинских погребальных и посе-

[1] Автор благодарен аспиранту кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ Ц. Му за предоставленную информацию о результатах раскопок на указанных памятниках.

ленческих комплексов свидетельствуют о вполне самостоятельном государственном образовании такого же типа, которое прошло в своем развитии несколько этапов, а население его оставило свой след в генетическом наследии народах последующих периодов.

Список использованной литературы

1. Tishkin, A.A. The Social Complexity of the Pazyrik Culture in Altai, 550–200 BC / Alexey A. Tishkin, Petr K. Dashkovskiy // Social Evolution & History. – 2019. – Vol. 18. – №. 2. – P. 72–90. DOI: https://doi.org/ 10.30884/seh/2019.02.04
2. Горбунов, В.В. «Элитные» курганы сросткинской культуры рубежа I/II тыс. н.э. на Приобском плато / В.В. Горбунов, А.А. Тишкин // Археология евразийских степей. – 2018. – № 6. – С. 81–85.
3. Едемский, Д.Е. Магнитная съемка периферийных участков кургана Туннуг-1 в Тыве / Д.Е. Едемский, А.В. Попов, И.В Прокопович, Т.Р. Садыков, Дж. Каспари, Е.К. Блохин // Теория и практика археологических исследований. – 2020. – №1 (29). – С. 100–109. DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-06
4. Журбин, И.В. Геофизические методы в полевых археологических исследованиях: задачи и примеры реализации / И.В. Журбин // Краткие сообщения Института археологии. – 2008. – Вып. 222. – С. 165–176.
5. Иванов, Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово) / Г.Е. Иванов. –Барнаул : Алт. полиграф. комбинат, 2000. – 160 с.
6. История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А.А. Тишкина. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та; Белгород : Константа, 2019. – 392 с.
7. Кирюшин, Ю.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры / Ю.Ф. Кирюшин, Н.Ф. Степанова, А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 2003. – 234 с.
8. Коробов, Д.С. Основы геоинформатики в археологии / Д.С. Коробов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 224 с.
9. Крадин, Н.Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок / Н.Н. Крадин // Восток. – 2001. – № 5. – С. 21–32.
10. Могильников, В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. / В.А. Могильников. – Москва : Ин-т археологии РАН, 1997. – 195 с.
11. Ольховский, В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции / В.С. Ольховский // Российская археология. – 1995. – № 2. – С. 85–98.
12. Руденко, С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время / С.И. Руденко. – Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.
13. Руденко, С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С.И. Руденко. – Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.
14. Тишкин, А.А. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая / А.А. Тишкин // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa, Joanni Chochorowski dedicatae. – Krakow: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2012. – С. 501–510.
15. Тишкин, А.А. Начало исследований курганов на памятнике Бугры в предгорьях Алтая / А.А. Тишкин, К.В. Чугунов // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Москва : Ин-т археологии РАН, 2008. – Т. II. – С. 86–88.
16. Тишкин, А.А. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи / А.А. Тишкин, П.К. Дашковский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 430 с.
17. Уманский, А.П. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби / А.П. Уманский, А.Б. Шамшин, П.И. Шульга. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 2005. – 204 с.
18. Фассбиндер, Й. Магнитометрия в археологии – от теории к практике / Й. Фассбиндер // Российская археология. – 2019. – № 3. – С. 75–91. DOI: 10.31857/S086960630005672-8
19. Фролов, Я.В. Курганный могильник Михайловский-VI на юге Кулунды и некоторые вопросы, связанные с интерпретацией курганов скифского времени с шатровыми деревянными конструкциями под насыпью / Я.В. Фролов, А.Б. Шамшин // Михайловский район: очерки истории и культуры. – Барнаул : ООО «Некси», 1999. – С. 42–50.
20. Фролов, Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников) / Я.В. Фролов. – Барнаул : Азбука, 2008. – 480 с.
21. Чугунов, К.В. Захоронения «золотых людей» в традиции номадов Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследований) / К.В. Чугунов // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. – Астана : Сарыарка, 2014. – С. 714–725.
22. Шульга, П.И. Новотроицкий некрополь / П.И. Шульга, А.П. Уманский, В.А. Могильников. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 329 с.
23. Яблонский, Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка-1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. / Л.Т. Яблонский. – Москва : Ин-т археологии РАН, 2013. – 230 с.

М.О. Тяпкин
г. Барнаул, Россия

«ИНСТРУКЦИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ ЛЕСНОЙ ЧАСТЬЮ НА ГОРНЫХ ЗАВОДАХ ХРЕБТА УРАЛЬСКОГО» 1830 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО (АЛТАЙСКОГО) ГОРНОГО ОКРУГА

Аннотация: В статье рассматривается содержание и значение «Инструкции об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского», составленной в 1830 г. министром финансов Е.Ф. Канкриным. Инструкция была распространена на алтайские заводы, находившиеся в 1830-1855 гг. в ведении Министерства финансов, и послужила первой нормативной и концептуальной основой формирования лесной отрасли в Алтайском (горном) округе.

Ключевые слова: «Инструкция об управлении лесной частью» 1830 г., лесное хозяйство, Е.Ф. Канкрин, Алтайский горный округ.

M.O. Tyapkin
Barnaul, Russia

"INSTRUCTION UNDER THE MANAGEMENT OF FORESTRY IN URAL MINING INDUSTRY" IN 1830 AS A SOURCE ON THE HISTORY OF FORESTRY OF THE KOLYVAN-VOSKRESENSKY (ALTAI) MINING DISTRICT

Abstract: The paper is aimed to researching the content and meaning of «Instruction under the management of forestry in Ural mining industry» drafted in 1830 by Minister of finance E.F. Kankrin. The «Instruction…» was applied to Altai plants which were supervised by Ministry of finance in 1830 – 1855 and was the first legal and conceptual basis for making of forestry in Altai mining district.

Keywords: «Instruction under the management of forestry in Ural mining industry», forestry, E.F. Kankrin, Altai mining district.

Первая половина XIX в. стала временем становления новой модели управления лесным хозяйством Российской империи. Большому количеству прогрессивных нововведений отечественная лесная отрасль была обязана Е.Ф. Канкрину, занимавшему в период с 1823 по 1844 гг. пост министра финансов. В силу того, что до 1837 г. Лесной департамент являлся структурным подразделением Министерства финансов, глава этого ведомства много внимания уделял решению вопросов развития отечественной лесной отрасли. Интерес министра к лесному хозяйству был обусловлен не столько формальной обязанностью руководителя, сколько являлся предметом его постоянной искренней и не вызванной одной лишь служебной необходимостью заботы.

Среди важнейших инициатив Егора Францевича можно назвать создание Общества для поощрения лесного хозяйства (1832 г.), проведение масштабной реформы лесоуправления (1826 г.), учреждение постоянной семейной лесной стражи (1832 г.), учреждение «Лесного журнала» (1833 г.), реорганизация Лесного института, введение практики стажировок русских лесных специалистов за границей (1827 г.), основание при Департаменте государственных имуществ Ученого по лесной части комитета (1826 г.) и др. Каждое из названных нововведений Е.Ф. Канкрина само по себе являлось весомым вкладом в процесс модернизации

российского лесного хозяйства. Еще одной безусловной заслугой министра стала подготовка им в 1830 г. «Инструкции об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского по правилам лесной науки и доброго хозяйства» [3].

Основным поводом для издания инструкции стало плачевное состояние лесов, приписанных к уральским горным заводам. К моменту издания инструкции все леса, приписанные к казенным и частным заводам (более 2 млн. дес.), находились в ведении Горного департамента. Изъятие ведомственных лесов из-под контроля Лесного департамента также было инициировано Е.Ф. Канкриным, убежденным в том, что каждое ведомство лучше знает собственные нужды и может более рационально управлять ресурсами, в том числе, лесными.

Указом от 7 февраля 1830 г. леса уральских заводов, находившиеся в ведении Министерства финансов, были переданы в заведование горного начальства, без участия губернского лесного управления, «чтобы оные были управляемы на основании изданных узаконений и по ближайшим распоряжениям и наставлениям министра финансов» [4]. Горнозаводская администрация управляла всеми лесами, приписанными к заводам и рудникам, а за чиновниками Лесного департамента было оставлено право наблюдать за состоянием лесов и собирать о них различные сведения. Лесное хозяйство Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в начале XIX в. также было полностью подчинено интересам горно-металлургического производства.

Однако сосредоточение управленческих функций в сфере лесопользования у горнозаводской администрации не остановило стремительного сокращения лесных ресурсов. В.В. Шибаев отмечает, что «во второй четверти XIX столетия на Урале уже на многих заводских дачах не хватало леса для обеспечения производственного процесса» [5, с. 59]. Основными причинами истощения лесных запасов являлись нерациональное расходование растущего леса, несовершенство лесного управления и охраны лесов, отсутствие точных границ лесных дач, данных о количестве лесов и беспорядочные порубки лесов в ближайших к заводам лесах.

Разработка и принятие инструкции должны были не только обратить внимание горного начальства на проблемы лесоуправления, использования и охраны лесов, но и сформировать в будущем новую систему ведения горного и лесного хозяйства на основе принципов неистощительного лесопользования.

П. Вереха и А. Рудзкий в своем библиографическом обзоре российской лесоводческой литературы назвали инструкцию Е.Ф. Канкрина «одним из самых важных материалов для истории русского лесоводства» [1, с. 11]. Сочинение имело, скорее, теоретическое, нежели практическое значение, поскольку в нем были выражены «не требования, категорически предъявляемые к администрации, а скорее, пожелания ученого лесовода, стремящегося просветить мысли и распространить сведения о лесном хозяйстве и надеющегося, что важность сих ожиданий возбудит ревность всех благомыслящих чиновников содействовать начальству в сем намерении» [1, с. 11].

Инструкция оказалась настолько удачной, что на некоторое время заменила собой в общероссийском масштабе Лесной устав. Многие ее положения были отражены в Лесном уставе 1842 г., а сама инструкция входила в структуру устава, являясь приложением к статье, определявшей правовой статус казенных лесов, приписанных к горным промыслам хребта Уральского. При этом в инструкции уточнялось, что она «в виде ученого и хозяйственного наставления имеет силу собственно по казенным лесам заводов хребта Уральского … и нисколько не может изменять существующие лесные узаконения» (ст. 127).

Несмотря на то, что в названии этого документа содержалось четкое указание на сферу его распространения («горные заводы хребта Уральского»), в последней статье инструкции присутствовала норма, в соответствии с которой ее действие на другие казенные заводы ведомства Министерства финансов могло быть распространено особым распоряжением. Практически сразу после издания инструкция была разослана горным правлениям, казенным палатам, в ведении которых состояли казенные леса, и лесным чиновникам для ознакомления и наставления. Поскольку в период с 1830 по 1855 г. алтайские заводы находились в аренде у Министерства финансов, инструкция была отправлена в Колывано-Воскресенский (с 1834 г. – Алтайский) горный округ, став на определенный период нормативной основой развития лесной отрасли на Алтае. Для понимания процессов, связанных со становлением системы лесоуправления в Алтайском горном округе в первой половине XIX в., необходимо представлять смысл и содержание этого уникального в своем роде документа, сочетавшего черты нормативного акта, теоретического сочинения, учебника и практического руководства.

Инструкция состояла из ста двадцати семи статей, объединенных в десять глав, в которых последовательно рассматривались вопросы организации и рационального ведения лесного хозяйства. Инструкция начиналась с главы «Об уменьшении потребности в лесных произведениях вообще» (ст. 1–3), в которой предлагались варианты экономного расходования ценной древесины при выполнении разного рода производственных операций на заводах и рудниках и сокращения ее потребления для удовлетворения бытовых нужд чиновников и населения. Древесное топливо должно было, по возможности, заменяться каменным углем или торфом, а древесина как строительный материал – камнем (например, при устройстве фундаментов). Е.Ф. Канкрин был уверен в том, что «необходимое и общее условие сбережения лесов есть уменьшение потребности лесных материалов, которое тем более нужно на горных наших заводах, что лесные их потребности сами по себе весьма значительны и народонаселение вокруг заводов умножается» (ст. 1).

Вторая глава «Об устройстве лесов относительно порядка управления» (ст. 4–11) содержала описание формировавшейся системы управления лесами, а также определяла полномочия лесных чиновников (окружной лесничий, заводские лесничие, подлесничие) и лесной стражи (объездчики и полесовщики).

Третья глава «О сбережении лесов», состоявшая из шести статей (ст. 12–17), устанавливала, что «первой обязанностью» лесных служащих являлась охрана лесов от самовольных порубок, лесных пожаров, потрав и т.п. Важной нормой, содержавшейся в ст. 14, являлось требование стремиться не столько к наказанию лесонарушений, сколько заботиться об их предупреждении.

Инструкция устанавливала чёткие и жесткие правила противопожарной безопасности, в частности, запреты на выжигание сухой травы вблизи лесных участков, производство углежжения и сидки смолы в неустановленных местах, разведение костров оставление их незатушенными. За нарушение этих и других запретов предусматривалось строгое взыскание в рамках действовавшего в первой половине XIX в. лесоохранного законодательства. Тушение лесных пожаров должно было осуществляться силами лесной стражи и местных жителей, без учета удаленности мест их проживания от очагов возгорания.

Понимая, что «первый приступ ко всякому правильному лесному хозяйству есть приведение лесов в надлежащую известность», Е.Ф. Канкрин посвятил этому вопросу довольно обширную четвертую главу, состоявшую из одиннадцати статей (ст. 18–28). Под приведением лесов в известность понималось межевание лесов и определение их естественных свойств, топографическое описание и установление границ лесных участков, разделение лесов на лесничества, оценка и таксация с установлением планов рубок. Далее в инструкции подробно описывались технические особенности процесса приведения лесов в известность, составления лесных карт и лесохозяйственных планов. К картированию лесов предлагалось привлекать практикантов, горных офицеров и унтер-шихтмейстеров.

Пятая глава инструкции «О разных общих мерах лесного хозяйства» (ст. 29–34) регламентировала проведение лесных работ: очистка лесов, осушка болот, окапывание лесных дач, прокладка лесных дорог и сплав лесоматериалов.

Две самые объемные главы – шестая (ст. 35–78) и седьмая (ст. 79–98) – были посвящены естественному лесовозобновлению и искусственному лесовосстановлению. Эти вопросы были рассмотрены очень подробно, с привлечением большого количества теоретических выкладок и практических рекомендаций.

Говоря о лесовосстановлении, автор инструкции обратил внимание на то, чтобы годовые рубки не превышали предельно допустимой нагрузки на лесные массивы. Рубки должны были осуществляться таким образом, чтобы создавать условия для естественного лесовозобновления. Реализация этого постулата была направлена в будущее, поскольку, как отмечал Е.Ф. Канкрин, «едва ли предполагать можно, чтобы какие-либо уральские заводы дошли до того, чтобы по оскудению лесов должно было сокращать заводские действия, но ничто не препятствует уменьшить излишнюю трату леса» [3, с. 363]. Но признавая этот факт, министр настойчиво продвигал идею о необходимости модернизировать лесное хозяйство за счет увеличения темпов лесовосстановления, а не за счет увеличения площади эксплуатируемых лесов.

Инструкция делила рубки леса на «правильные» и «неправильные». Последние представляли собой самый примитивный способ лесопользования и преобладали там, где недостатка в лесоматериалах не наблюдалось. Но с увеличением плотности населения и возрастанием антропогенной нагрузки на природу такие рубки могли при-

водить к полному уничтожению лесных массивов. Здесь же Е.Ф. Канкрин отмечает одну ментальную особенность представителей «простого народа», который «имеет какую-то особенную наклонность истреблять леса» (ст. 41). Такой взгляд имел много сторонников в российском обществе XIX в., обвинявших русского крестьянина в бездумном, нерачительном и даже враждебном отношении к лесу.

К «правильным» рубкам относились рубки «на прииск», «на выбор», «проходные» и «изреживающие». Для характеристики «правильных» рубок в инструкции используются немецкие термины, поскольку первая половина XIX в. была периодом активного заимствования отечественными лесоводами зарубежного, прежде всего, германского опыта. Несмотря на то, что эти термины со временем изменили свое наименование, их суть и смысл и сегодня остались практически неизменными. Рубки ухода, прореживания, осветления, выборочные и санитарные рубки активно используются в современном лесном хозяйстве.

В инструкции в кратком изложении приводится авторская теория рубок, в которой Е.Ф. Канкрин не только характеризует отдельные их виды с точки зрения теории лесного хозяйства, но и дает исчерпывающие практические рекомендации по рационализации лесопользования. При этом особое внимание уделяется устройству, отводу, эксплуатации и обороту лесосек с учетом естественных свойств леса, условий хозяйствования в конкретном регионе и потребностей горнозаводского комплекса.

Позиция Е.Ф. Канкрина, высказанная им в инструкции почти двести лет назад, удивительным образом перекликается с дискуссией между лесоводами и экологами о допустимой степени вмешательства человека и жизнедеятельность леса, оживленно и даже ожесточенно ведущейся в наши дни. Для объективного восприятия взглядов Е.Ф. Канкрина приведем цитату из инструкции (ст. 69.5): «Здесь должно опровергнуть предрассудок, будто бы леса можно сохранить или восстановить главнейше тем, чтобы в оных вовсе не делать порубок. Справедливо, что дремучие первоначальные леса, истребляемые старостью и естественными происшествиями, восстанавливаются сами собой, но сие происходит весьма медленно, с потерею времени и лесной массы, следовательно, оставление сих лесов без употребления должно быть последствием необходимости, а не хозяйственного расчета. Если оставить перестарелые деревья в лесах, початых порубками, то они лишь только заглушают молодой лес и сим гораздо более делают вреда, нежели через вырубку оных, при надлежащей осторожности, последовать бы могло. Из сего открывается, что именно порубки, но правильные и соразмерные, суть лучший способ возобновления лесов и произведения превосходной массы лесного материала» [3, с. 374].

В восьмой главе шла речь о лесоустроительных и лесохозяйственных планах и составлении годовых лесоэксплуатационных смет (ст. 99–108). Автор был уверен в том, что лесное хозяйство должно вестись исключительно на плановой основе. Лесные планы должны были рассматриваться коллегиально в горном правлении, а затем утверждаться министром финансов.

План устанавливал стратегические направления развития лесного хозяйства, а тактику его реализации определяли годовые лесные сметы, утверждаемые окружным горным начальником. В сметах устанавливались примерные годовые объемы строевого и дровяного леса и других лесоматериалов для обеспечения производственных потребностей и нужд населения, определялись места и порядок рубок, характер и виды лесных работ и т.д.

В этой же главе был затронут вопрос о лесных таксах, в том числе, проанализирован зарубежный опыт, однако составитель тут же оговаривался, что этот вопрос «принадлежит к труднейшим задачам лесной науки» и «относится к горным заводам более косвенно» [3, с. 389].

Девятая глава «Частные правила о разных предметах лесного устройства» (ст. 109–122) не имела четко определенного предмета правового регулирования. В частности, она регулировала порядок лесопользования местного населения. Местной администрации предлагалось «войти в особое соображение» об отводе крестьянским обществам специальных лесных участков, лесопользование из которых должно было осуществляться под надзором «горного лесного управления» (ст. 111). За местным населением закреплялось право собирать грибы, ягоды, ловить рыбу, устраивать пасеки, заниматься охотой и звероловством, но «безвредно», «дозволительными способами и в узаконенное время» (ст. 112). Другие виды побочного лесопользования (пастьба скота, сбор серы, сидка смолы, дегтя и скипидара, собирание листьев и мха) допускались в тех местах, где «лесов много, в отдаленных запасных частях», но с соблюдением правил противопожарной безопасности и «елико можно, менее вредным образом» (ст. 113–114).

В этой же главе содержались требования устраивать при заводах «рассадники отличных и полезных лесных дерев» (ст. 115), иметь «нужное число лучших новейших книг о лесной науке и поощрять молодых практикантов и чиновников к чтению оных» (ст. 117).

Заботился Е.Ф. Канкрин и о подготовке будущих лесных специалистов путем определения молодых людей из заводских рабочих в ученики лесным чиновникам. Министр требовал внушать молодым людям «охоту к лесоводству и вообще не предаваться мысли, что у нас еще рано думать о лесном хозяйстве, которое должно восприять свое начало еще до оскудения лесов; ибо совершенное их истребление быстро приблизится, коль скоро они начали уже истощаться» (ст. 117). Получение теоретических знаний должно было сочетаться с приобретением практических навыков и пониманием того, как приспособить теорию лесоводства к природным условиям отдельных регионов России.

Заключительная, десятая глава (ст. 123–127), определяла порядок применения инструкции. Каждый горный начальник в течение четырех-шести лет после ее получения был обязан представить главному начальнику генеральные (общие) и подробные карты заводских дач и заводских лесов, их описание и план ведения в них хозяйства, избегая «излишней плодовитости слов и рассуждений» (ст. 123).

Действительно, после получения инструкции в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе в течение нескольких лет осуществлялась съемка приписанных к заводам и рудникам лесов. Было подготовлено несколько десятков карт и планов лесов округа, а также подробные ведомости. Все это было отправлены в Департамент горных и соляных дел Министерства финансов. Дополнительно сообщалось, что «при ведении в дачах Колывано-Воскресенских заводов правильного лесного хозяйства местное начальство руководствуется как инструкцией, так и последующими распоряжениями Министерства финансов» [2, л. 18об].

Важнейшим итогом применения в Алтайском горном округе инструкции 1830 г. стало постепенное формирование новой системы лесоуправления и создание в 1840 г. специализированного административно-хозяйственного органа – Лесной части, что может оцениваться в качестве исходного рубежа, с которого началось развитие и выделение лесной отрасли в самостоятельное направление деятельности кабинетской администрации. Инструкция на многие годы стала концептуальной основой деятельности Лесной части, поскольку являлась не столько нормативным актом, сколько учебником для лесоводов, содержала передовые идеи организации и ведения лесного хозяйства и закладывала новую идеологию лесохозяйственной деятельности, которая должна была ввести в заводских лесах правильное хозяйство, положить конец «невыгодным замечаниям ученых путешественников» и прославить российское горное производство. Е.Ф. Канкрин писал, что «главная цель настоящей инструкции была не та, чтобы начертать систему лесной науки, принятой в чужих краях, а приспособить истины оной к необходимостям России, ввести не иностранное, а русское лесоводство» (ст. 117).

Таким образом, «Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского» 1830 г. является уникальным историческим источником, благодаря которому мы можем проследить и понять направление и логику развития отечественной лесной отрасли в первой половине XIX в. как в масштабах всей страны, так и на примере ее отдельных регионов.

Список использованной литературы

1. Вереха, П., Рудзкий, А. Литература русского лесоводства. Систематический указатель отдельных книг, изданных на русском языке до 1878 г. / П. Вереха, А. Рудзкий. – Санкт-Петербург : Типография В. Киршбаума, 1878. – 216 с.
2. Государственный архив Алтайского края. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 22.
3. Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского по правилам лесной науки и доброго хозяйства // Свод законов Российской империи. – Т. 8. Лесной устав. – Санкт-Петербург : Типография второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1842. – С. 354–393.
4. О предоставлении в исключительное заведование горного начальства лесов, казенным горным заводам хребта Уральского предназначенных. Именной указ от 7 февраля 1830 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. 5. – Отд. 1. – № 3473. – Санкт-Петербург : Типография второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1831. – С. 133–134.
5. Шибаев, В.В. История лесного законодательства и управления лесным хозяйством уральских горных заводов в первой половине XIX в. / В.В. Шибаев // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 14. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 55–77.

Ю.Н. Цыряпкина
г. Барнаул, Россия

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ УЗБЕКИСТАНА В 2000-е ГОДЫ: ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ «НАЦИОНАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ» ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ АНГРЕНА И ФЕРГАНЫ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 13-31-01277 «Русскоязычные Узбекистана в 2000-е годы: этно-культурные процессы в условиях национализирующегося» государства (на примере Ангрена и Ферганы)».

Аннотация: В статье рассматривается процесс изменения этно-культурных маркеров русскоязычного населения в двух городах Ангрен и Фергана в условиях суверенизации. В статье дается определение русскоязычному населению, а также выявляются условия, позволяющие относить Узбекистан к «национализирующимся» государствам. Автор приходит к выводу о том, что у ферганских русскоязычных осталась старофергансая идентичность, хотя город стал узбекоязычным. В Ангрене сохранилось русскоязычное информационно-коммуникативное пространство, но не выявляется локальной идентичности.

Ключевые слова: идентичность, национализирующееся государство, старофергансая идентичность, русский язык.

Yu.N. Tsyryapkina
Barnaul, Russia

RUSSIAN-SPEAKING UZBEKISTAN IN THE 2000s: ETHNO-CULTURAL PROCESSES UNDER THE CONDITIONS OF THE "NATIONALIZING" STATE (ON THE EXAMPLE OF ANGREN AND FERGANA)

Abstract: The process of changing the ethno-cultural markers of the Russian-speaking population in the two cities of Angren and Fergana under conditions of sovereignty is analyzed in the article. The article gives a definition of the Russian-speaking population, and also identifies the conditions that make it possible to assign Uzbekistan to "nationalizing" state. The author comes to the conclusion that Russian-speakers from Ferghana have the "Old Ferghana identity", although the city has become Uzbek-speaking. In Angren, the Russian-language information and communication space has been preserved, but local identity has not been revealed.

Key words: identity, nationalizing state, "Old Ferghana identity", Russian language.

В 2007 г. в России начала осуществляться программа / идея «Русского мира», в рамках которой предусматривалась поддержка многих научных, общественных, культурных инициатив, связанных с изучением русского языка и культуры за пределами России. В этот период возник особый интерес к исследованиям малоизученных аспектов идентификации русского/русскоязычного населения, проживающего за пределами России. Поддержанный в 2013 г. проект № 13-31-01277 был посвящен изучению этнокультурных процессов русскоязычного населения в одной из наиболее закрытых республик Центральной Азии. Проект задумывался как двухлетнее историко-антропологическое исследование об изменении идентичности русскоязычного населения в двух городах Узбекистана, различающихся по динамике этнодемографических, социально-экономических показателей в период суверенизации и нациестроительства. Однако, и Фергана (1877 г.), и Ангрен (1946 г.) были выбраны не случайно для изучения. В советский

период оба города, находясь на значительном удалении друг от друга, считались преимущественно русскоязычными, Фергана имела дореволюционную историю и фактически была местом расквартирования военно-колониальной администрации Ферганской области во второй половине XIX – начале XX в. Ангрен был основан как шахтерский городок, в котором первоначально добывали уголь в горах Чаткало-Кураминской зоны срединного Тянь-Шаня, в дальнейшем он становится важным индустриальным комплексом Ташкентской области. Оба города в постсоветский период пережили огромнейший отток населения за пределы Узбекистана, что изменило их этнолингвистический состав и промышленно-хозяйственный профиль.

Важное концептуальное значение для выполненного исследования имело определение этнонима «русский», многие исследователи сходятся во мнении, что не существует единого подхода в определении этой группы именно для Узбекистана. В широком понимании Русские – потомки переселенцев, которые обосновались в Центральной Азии и стали проводниками новой социокультурной идентичности - «европейцы», что отличало их от коренного населения региона. Название этой группы «европейцы» используется неофициально в Узбекистане для идентификации в социально-бытовой жизни. Официально их называют русскоязычные, хотя лингвист и культуролог из Узбекистана А. Улько считает, что это не самый точный термин для характеристики данной группы [5]. Русскоязычное население в Узбекистане – это некоренные этнические группы региона, к которым кроме русских относят татар, корейцев, немцев, евреев и др. Все те, кто в исторических реалиях XX в. приобщились к русскому языку и русифицированной урбанизированной культуре городов. Это особый тип социокультурной идентичности, который могут разделять и коренные жители региона – узбеки, таджики [7, с. 88]. Узбекское постсоветское общество чрезвычайно фрагментировано и неоднородно, оно делится на множество групп, прослоек, сообществ, и одним из самых функциональных стало деление по линии «европейской» (русскоязычное население) и традиционной национальной (узбеки, таджики) идентичности.

В статистическом разрезе эту группу выделить крайне сложно, мы располагаем официальными статистическими данными. По данным Государственного комитета статистики Республики Узбекистан, на 1 января 2014 г. в г. Фергана проживало: узбеков – 240 371 (90%), русских – 8567 (3,23%), таджики – 3 242 (1,22%), татары – 554 (0,2%). В г. Ангрен этнический состав выглядел следующим образом: узбеки – 128 679 (73,3%), таджики – 29 376 (16,7%), русские – 4 297 (2,4%), татары – 1 185 (0,67%) [2].

В Фергане и в Ангрене русские/русскоязычные стали социокультурным и этнокультурным меньшинством. Одной из целей проекта стало исследование динамики этнокультурных маркеров этой группы населения в изучаемых городов, процесса их идентификации и феномена социальной адаптации в условиях проживания среди титульного мусульманского большинства.

Концептуальной рамкой проекта стало использование понятия «национализирующееся общество/государство» (термин принадлежит американскому социологу Роджерсу Брубейкеру) – это та теоретическая концепция, в которой часто рассматриваются процессы нациестроительства в центральноазиатских республиках. В «национализирующихся государствах» происходит усиление национальной государственности, идеологии, идентичности [1]. Почему это концептуальное положение применимо к Узбекистану? Потому что в нем в постсоветский период создавались новые ритуалы, которые подчеркивали важность и приоритет национальных интересов – укрепление роли узбекского языка, пестование ценностей «узбекчилик» (узбекскости), переосмысление истории региона в составе Российской империи и СССР, целенаправленная политика памяти об эпохе социализма, изобретение новых праздников и др.

В реализуемом проекте использовалась преимущественно качественная методология, предусматривающая использование таких методов как персональное интервьюирование, погружение в изучаемую среду (руководитель проекта проводила в изучаемой локации несколько недель, в Ангрен было несколько выездов), включенное наблюдение и др. Персональное интервью в большей степени способствовало углублению знаний об изучаемой проблеме. К примеру, проведение массовых опросов в условиях закрытой узбекской статистики, а также при настороженном отношении государства к иностранным исследователям, изучающих этносоциальные процессы, делал выбор качественной методологии оправданным.

За время осуществления проекта, посвященного этнокультурным процессам в современный период, была проведена значительная работа по выявлению материалов фонда Центрального государственного архива Республики Узбекистан, раскрывающего исторические предпосылки формирования населения Ферганы и Ангрена в XX в., особенностей этноязыковой ситуации в городах в советский период.

Наиболее ценными источниками, приобретенными в результате реализации проекта, стали полученные полевые материалы: в Ангрене было опрошено 15 респондентов, среди которых русские – 8, татары – 5, украинец – 1, немец – 1. В Фергане было опрошено 15 интервьюеров, среди которых русские – 11, узбеки – 3, таджик – 1. Все интервью затранскрибированы и вошли в основу банка полевых источников автора по Узбекистану.

На основе выявленных материалов можно сделать несколько выводов о динамике этнокультурных маркеров русскоязычного населения Ангрена и Ферганы в постсоветском Узбекистане:

1. У ферганских русских имеются свои особенные черты локальной идентичности, связанные с историей основания города, его статусом культурной столицы в советский период. Трое респондентов в Фергане напрямую заявили, что у них имеется «старофергансая идентичность» [4], большинство респондентов о наличии данной идентичности говорили в контексте. «Старофергансая идентичность» подразумевает урбанизированный стиль жизни, причастность к высокой культуре и образованию на русском языке, причастность к городскому духу интернационализма, сложившемуся в Фергане в советское время и др.

2. По данным переписи 1989 г. по г. Ангрен основное население города и близлежащих кишлаков, вписанных в городскую черту, разговаривало на русском языке. Русские (97,8%) в Ангрене не владели вторым языком. Русские не владели языком титульного населения и не стремились к знанию второго языка, так как в городском пространстве в этом не было необходимости. Примерно такие процессы происходили в среде других русскоязычных групп: татары волжские (66,8%), татары крымские (79,8%), корейцы (47,3%) и др. владели русским языком. Среди узбекского населения Ангрена 56,8% свободно владело русским языком, 41% узбеков не говорило на втором языке [3, с. 14–15]. Данные советской статистики еще раз свидетельствуют о том, что городская среда была преимущественно русскоязычной, что заставляло автохтонное население Узбекской ССР осваивать русский язык. Несмотря на тот факт, что этнический состав Ангрена в постсоветский период значительно изменился, доля русских в городе крайне мала, но он по-прежнему остался русскоязычным. Связано это с несколькими факторами: во-первых, наличием меньшинств в составе города, например, таджики, которые стремятся овладеть русским языком (в Ангрене в 2014 г. таджики – 29376 (16,7%), соответственно, русскоязычная среда города поддерживается и является приобретением не русских. Во-вторых, Ангрен находится в непосредственной близости к столичному мегаполису Ташкенту (100 км), в котором проживает большая часть русскоязычных жителей республики.

3. Этнолингвистическая ситуация в Фергане в 1990-е – 2000-е годы превратила её из культурной русскоязычной столицы в практически моноэтнический город с высокой долей проживания узбекского населения (в 2014 г. 90%), город стал преимущественно узбекоязычным, а русское информационно-коммуникативное пространство в нем сузилось. В ходе полевых исследований удалось зафиксировать, что проживающие в Фергане русские, особенно молодое поколение, осваивают государственный язык [6, с. 24]. Сокращение прежней микросреды в Фергане и сфер занятости способствует усилению миграционных настроений среди русскоязычных ферганцев.

В ходе проведенного в 2013–2014 годах исследования был собран уникальный материал о перипетиях жизни русскоязычных в постсоветском Узбекистане и выявлены особенности их идентификации в двух различных узбекистанских городах Фергане и Ангрене. В связи с тем, что в указанный период подобные исследования в Узбекистане не проводились, собранный автором пул интервью является важным и информативным источником по этнолингвистическому, этнокультурному развитию городов Узбекистана в данный период.

Список использованной литературы

1. Абашин, С.Н. Узбекистан после СССР [Электронный ресурс] / С.Н. Абашин. – Режим доступа: https:// zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2563, свободный.
2. Материалы предоставлены Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан №01/3-13-07/3-280 от 5 октября 2015 г.
3. Перепись населения 1989 г. Ангрен.
4. Полевые материалы автора, 2014, Республика Узбекистан, Фергана: С., таджичка.
5. Улько, А. «Узбекский – язык для узбеков? Почему в стране до сих пор есть проблемы с государственным языком [Электронный ресурс] / А. Улько. – Режим доступа: https://hook.report/2019/08/problema-uzb/?fbclid=IwAR2J2UDdHlrxg8qeis9OpK4xoWa-3XGjdeKVSpXscIXCtK1cniaghzt3UQg, свободный.
6. Цыряпкина, Ю.Н. Русские в Узбекистане: языковые практики и самоидентификация (на примере полевых исследований в Фергане) / Ю.Н. Цыряпкина // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – № 3(9). – С.18–28.
7. Цыряпкина, Ю.Н. Русские постсоветской Центральной Азии: идентичность в условиях национализирующегося государства / Ю.Н. Цыряпкина // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2(39). – С. 87–90.

Т.К. Щеглова
г. Барнаул, Россия

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОЛОГИИ/АНТРОПОЛОГИИ[1]

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РГНФ/РФФИ №15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

Аннотация: В статье описываются результаты реализации проекта РФФИ по изучению культуры жизнеобеспечения русского сельского населения в годы Великой Отечественной войны. Показывается, что отличием проведенной работы являлась разработка новационного исследовательского инструментария при формировании источниковой базы исследования и пристальное внимание к методологии исследования этнических культур в контексте исторических событий XX столетия с неблагоприятным для этнических социумов условиями жизнедеятельности. В публикации характеризуются новые теоретико-концептуальные подходы в изучении русского крестьянства при рассмотрении базовых и периферийных элементов традиционной системы жизнеобеспечения в годы войны – жилища, пища, одежда и других; описываются новые вводимые понятия и явления, такие как «антропология экстремальности», «адаптационные повседневные практики», «заместительные технологии» и др. Характеризуются способы и методы интерпретации полевых материалов, результаты работы по проекту, актуализируются новационные выводы о «подстрахующем» значении традиционных умений и навыков крестьянской семьи в военное время, а также обосновывается утверждение о том, что сохранение крестьянской повседневно-бытовой культуры и семейно-трудовых традиций в советское время являлись важнейшими факторами победы советского общества в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: русское сельское население, война, сибирский тыл, Алтайский край, условия жизнедеятельности, культура жизнеобеспечения, исследовательские методы, теоретико-концептуальные подходы, факторы победы.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ/РФФИ №15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

T.K. Shcheglova
Barnaul, Russia

CULTURE OF LIFE SUPPORT OF THE RUSSIAN RURAL POPULATION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: NEW APPROACHES IN MODERN DOMESTIC ETHNOLOGY / ANTHROPOLOGY

Abstract: The article presents the results of realization of the research project of The Russian Foundation for Basic Research on the study of life sustaining culture of Russian rural population in the years of the Great Patriotic War. It is shown that the distinctive features of the conducted work were the development of innovative research toolkit for the formation of source research base and a special attention to the methodology of research of ethnic cultures in the context of historical events of the XX century with life sustaining conditions being unfavorable for these ethnic groups. The publication characterizes new theoretical-conceptual approaches to the study of Russian peasantry in considering basic and peripheral elements of traditional life sustaining system in War period – household, food, clothing and the others; describes newly introduced notions and phenomena, such as «anthropology of extremality», «everyday adaptational practices», «compensating technologies», etc. The author characterizes the ways and methods of interpretation of field research materials, the results of work on the project; actualizes innovative conclusions about «replacing» significance of traditional skills and practices of the peasant family in War time, and proves the statement that preservation of peasant everyday culture and family labor traditions in Soviet time were the main factors of the victory of Soviet society in the Great Patriotic war.

Keywords: Russian peasantry population, war, Siberian home front, Altai krai, life sustaining conditions, life sustaining culture, research methods, theoretical-conceptual approaches, victory factor.

В 2015–2017 гг. коллективом начинающих исследователей (студентов бакалавриата, магистратуры, специалитета, аспирантуры) под руководством заведующего Центром устной истории и этнографии и заведующего кафедрой отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета[1] было проведено исследование в научной области 07.00.07 Этнография, этнология, антропология, поддержанное грантом РГНФ/РФФИ по теме «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации», проект № 15-31-01019 а1 («а1» – проекты проведения научных исследований, выполняемые коллективами молодых ученых под руководством ученых высшей квалификации (докторов наук). Оно реализовывалось, с одной стороны, как конкретно-исторические исследование, с опорой на историческую память свидетелей и очевидцев тыловой жизни в деревне Алтайского края, что было под силу молодым исследователям. В помощь исследователям была предложена разработка методов устной истории и опыт их использования в экспедиционной работе с 1990-го года в сочетании с традиционными методами полевой этнографии. С другой стороны, исследование продолжило поиск новых подходов к изучению этнических культур в советское время в контексте тех или иных исторических событий с неблагоприятными для этнических сообществ условий жизнедеятельности. Последнее потребовало от руководителя разработки исследовательского инструментария и осмысления новейших достижений в области методологии и теории этнологических исследований; в том числе подготовку исследовательского инструментария и обучение начинающих исследователей [28], так как

[1] Состав коллектива: А.В. Рыков, Д.В. Алекса, А.С. Кузнецов, А.А. Мазырина под руководством доктора исторических наук, профессора Т.К. Щегловой.

проект предусматривал широкое вовлечение студентов, обучающихся на разных уровнях высшего образования, в экспедиционную работу, осмысление и обобщение получаемых результатов. Новационность проведенного исследования состояла в том, что в большой науке на современном этапе кристаллизуются новые подходы в изучении развития этнических или традиционных культур в советское время. Следствием чего становится появление самостоятельных направлений, например, «крестьянская антропология», «советская антропология». Среди них и направление «антропология экстремальности», развиваемое руководителем проекта [17; 21].

Востребованность теоретико-концептуальных разработок с опорой на конкретно-исторические исследования связана с ситуацией 1990–2010 гг. в отечественной гуманитарной практике, где особенно много накопилось дискуссионных дискурсов в такой науке как этнография/этнология/антропология (культурная или социальная антропология). За всю историю своего существования она входила сначала в группу естественных наук и реализовывалась как профессиональная сфера деятельности на географических факультетах, возникнув в России при Русском географическом обществе в 1845 году; с конца 1920-х гг. вошла в группу исторических наук. В России она называлась «этнография» и лишь в 1990-м году Институт этнографии был переименован в Институт этнологии и антропологии РАН, введя вслед за европейской традицией название «этнология», не отказавшись и от прежнего названия науки – «этнография». Обсудив ситуацию двух названий одной науки, этнографы России условно разграничили между ними сферы, оставив за «этнографией» конкретно-исторические исследования, связанные с работой «в поле», – в среде изучаемых народов, а за «этнологией» закрепили теоретические изыскания в области этнических процессов. Такое «раздвоение» закрепило название научной классификации 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология. Но в эти же 1990-е годы проникала и «американская традиция» названия этнографо-этнологических исследований – «антропология», которое еще во второй половине XIX в. ввел в англо-американскую этнографию Эдуард Тейлор. А Радклифф Браун обосновал направления внутри антропологии, например, «соматическая антропология», развитие человечества как биологического вида, «социальная антропология», наука поиска общих законов социального и культурного развития человечества и его культуры.

В 1990-е г. этнологи выдержали и попытки других гуманитариев, например, социологов, «вырвать хлеб» у этнографов. Это косвенно повлияло на то, что в названии стандартов по подготовке этнографов появилось название «социальная антропология». Этот подход стал разрабатывать глава отечественной этнографии/этнологии, директор Института этнологии и антропологии д.и.н. В.А. Тишков. Последнее поколение ФГОС 2010-х гг. также носит название «социальная антропология», при этом подразумевается подготовка этнографов с использованием учебников «Этнография» или «Этнология» [29] и трудоустройство в академические структуры Институт археологии и этнографии СО РАН или Институт этнологии и антропологии РАН[2]. Путанности способствуют попытки ввести еще одну альтернативное название – «культурная антропология [3]. Усугубляет ситуацию почти двухсотлетняя традиция отечественной практики понимать под «антропологией» науку, занимающуюся физическим развитием человечества – рас, популяций, т.е. то, что Радклифф назвал «соматическая антропология». Именно в таком «физическом» понимании используется этот термин в научной классификации 07.00.07 Этнография, этнология, антропология. Несмотря на неоднозначность терминологии отечественные исследователи понимают друг друга и одновременно принимают зарубежную практику рассмотрения «антропологии» в целом как науки о человечестве. Этот термин все больше проникает в социгуманитарную практику.

В определенной степени эти метаморфозы научного мира обусловили и ряд методологических и методических проблем в самой этнологии в XX столетии. Для реализации гранта особое значение имело то, что почти до конца XX в. изучение народов, традиций и традиционных культур фокусировалось на дореволюционном периоде или до раскрестьянивания в 1930-е гг. Это давало повод к обвинениям этнографии в архаизации предмета исследования. В советское время в этнографии внимание больше уделялось малочисленным ко-

[2] Даже появился учебник, который объединил одну и другую традицию, вузовскую и академическую практики [14].

ренным народам или аграрным сообществам, традиционность которых сохранялась под влиянием хозяйственной деятельности. И лишь в последние десятилетия, пережив методологический и методический кризис, этнологи стали активно заниматься развитием этнических культур в контексте исторических событий XX–XXI столетий, искать новые пути проникновения в предмет исследования, методы и технологии его изучения.

В ряду научных коллективов, занимающихся на современном этапе совершенствованием методических и методологических подходов, стоит и Центр устной истории и этнографии. В реализованном в 2015–2017 гг. гранте была поставлена задача – выявить на примере русского сельского населения Алтайского края, какую роль играют этнические традиционные умения и навыки в исторических событиях XX в., сопровождавшихся ухудшением условий жизнедеятельности советского, в прошлом крестьянского сельского общества и сельской семьи. Для исследования было выбрано самое массовое и тотальное по воздействию на крестьянство событие – Великая Отечественная война. Одной из мотивационных причин являлось и изучение вклада тылового сельского населения в Великую победу, который, как правило, в опубликованной литературе сводится к мобилизации человеческих ресурсов деревни, население которой в отличие от города не имело категорий людей с «бронью» (деревня по сравнению с городом дала фронту гораздо больше людей) и к продовольственному обеспечению воюющей армии и горожан. Предметом исследования являлась традиционная культура жизнеобеспечения русского населения, в том числе факторы устойчивости сельского общества, позволившие выполнить задачи тыла в войне.

Под системой жизнеобеспечения участниками проекта понималась та часть культуры этноса, в которой наиболее ярко отражаются механизмы обеспечения витальных потребностей человека (жилище, пища, одежда) и других элементов культуры, которые физически обеспечивали жизнедеятельность людей. Гипотезой было утверждение о том, что в экстремальных условиях традиционная культура являлась источником необходимых знаний, умений и навыков повседневной борьбы с голодом и холодом с опорой на семейно-трудовые традиции семьи и «кормящий ландшафт». Важным для проведения исследования был междисциплинарный подход, проявлявшийся в сочетании устной истории [26], полевой этнографии, крестьянской антропологии, который позволил исследователям в рамках проекта концептуально сформировать научно-методическую модель изучения культуры жизнеобеспечения и системы жизнедеятельности сельского русского населения тыловой деревни Сибири в годы Великой Отечественной войны.

Концептуально-теоретические наработки и исследовательские технологии, сформированные в течении последних трех десятилетий работы ЦУИиЭ (с 1991 года), позволили участникам проекта выйти на уровень утверждения об отнесении этнокультурных традиций русского сельского населения к факторам победы. При этом были сформулированы принципы адаптационных моделей и стратегий поведения, прежде всего, обязательного учета социально-экономической (работники колхозов, работников совхозов и др.) и гражданско-правовой (раскулаченные, спецпереселенцы, трудармейцы, депортированные и др.) неоднородности населения, учета природно-климатических и этнокультурных условий и др. [23].

В ходе реализации гранта было проведено 7 экспедиций на территориях с разными природно-климатическими зонами – Краснощековский, Крутихинский, Красногорский, Залесовский, Благовещенский, Усть-Пристанский, Ельцовский районы Алтайского края. Полевыми исследованиями были охвачены 47 сел, проведено 658 интервью длительностью 972,5 часов, сделано 60,7 тыс. цифровых фотографий. Всего к полевым исследованиям, наряду с участниками гранта, были привлечены более 40 студентов. Работа по сбору материалов также была проведена в Государственном архиве РФ, Государственном архиве Алтайского края. Были выявлены ранее не используемые в исследованиях документы, например, об использовании местными органами собственных сил и природных ресурсов для производства товаров широкого потребления и др.

Результаты исследований изложены в изданиях, индексируемых на платформе Web of Science – 2 статьи; входящих в перечень ВАК РФ – 4 статьи, размещенных в РИНЦ – 41 статья. Апробация конкретно-исторических исследований, основанных на новых подходах, осуществлялась на разного уровня конференциях: международных – 13, всероссийских – 5 и региональных – 1. География научных форумов с очным участием исполнителей гранта включает Смоленск, Тобольск, Ново-

сибирск, Павлодар, Барнаул, Екатеринбург, Пушкин (Ленинградская область), Красноярск, Омск, Ижевск.

На заключительном этапе были предложены подходы к созданию серии публикаций устных исторических источников на примере электронного ресурса «Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны». Первый раздел представляет собой научные статьи [4; 12; 27], в которых представлены предварительные выводы об изучаемых проблемах. Во второй раздел вошли материалы устной истории (интервью) по культуре жизнеобеспечения населения сибирской тыловой деревни в годы Великой Отечественной войны.

Итогом работы стало создание Интернет-ресурса[3], на платформе которого выставлены материалы интервью как в ауди- и видеоформате, так и в виде задокументированных транскриптов. В нем был сформирован раздел с размещением научно-методических материалов, включающий вопросники и анкеты по изучению элементов культуры жизнеобеспечения русского крестьянства в годы войны. В самостоятельном разделе сайта размещены выявленные в экспедициях и архивных фондах документы, дневники, воспоминания, мемуары жителей тыловой сибирской деревни, краеведческие исследования о жизни населения сел и районов в годы Великой Отечественной войны. Отдельный раздел сайта содержит публикации исполнителей по теме проекта и информацию об участниках проекта.

Исполнителями проекта с помощью устной истории и этнографии были проанализированы семейно-трудовые и хозяйственно-бытовые традиции сибирских крестьян по борьбе с холодом и голодом [6; 9; 18]. Проанализированы состояние и способы обеспечения крестьянской семьи базовыми элементами культуры жизнеобеспечения – жилища, одежды [20], пищи [1; 7; 13], санитарии и гигиены [16; 19; 25]. Показаны трансформации традиционного домашнего скотоводства, огородничества и земледелия [2; 10-11; 15]. Было установлено, что важнейшими адаптационными практиками являлись присваивающие промыслы – собирательство [22], ловчие промыслы [24], рыболовство [5], охота. В основе домашнего производства и трудовых традиций лежали описанные авторами заместительные технологии, базирующиеся на навыках взаимодействия крестьянской семьи с природно-географическим «кормящим ландшафтом». Это позволило выявить традиции и новации в обеспечении жизнедеятельности русского сельского общества.

Были сделаны выводы, что в условиях войны, обременительных сельскохозяйственных налогов, посуточном использовании трудоспособного населения в общественном колхозно-совхозном производстве, переложении в семье содержания личного подсобного хозяйства на плечи поколения детей и дедов и отсутствия помощи со стороны государства произошел своеобразный «откат» русских сибиряков к традиционной культуре с архаизацией быта. Но именно опора на традиционные семейные практики позволили тыловой деревне не только выжить, но и обеспечить фронт необходимым провиантом, предметами быта. В этом состоит значение традиционной культуры, которая и в наши дни служит опорой при мобилизации крестьянского населения в неблагоприятных условиях жизнедеятельности. Таким образом, проект позволил решить несколько научных задач и предложил историко-этнографическому сообществу на примере исследования традиционной культуры русского сельского населения в годы войны новационные научно-методические подходы для изучения народов и культур в контексте тех или иных исторических событий XX столетия.

Список использованной литературы

1. Алекса, Д.В. Травы-дикоросы в культуре питания алтайской деревни в годы Великой Отечественной войны / Д.В. Алекса // Тобольск научный – 2015 : Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Тобольск, 12–13 ноября 2015 г.). – Тобольск : ООО Принт-Экспресс, 2015. – С. 115–118.

2. Алекса, Д.В., Рыков, А.В. Огородничество в системе жизнеобеспечения сельского русского населения Алтайского края в годы Великой Отечественной войны / Д.В. Алекса, А.В. Рыков // Этнография Алтая и сопредельных

[3] http://www.altspu.ru/history/kignak

территорий : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения АлтГПУ (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / под ред. Т.К. Щегловой. – Барнаул : АлтГПУ, 2015. – С. 306–310.

3. Арутюнов, С.А., Рыжакова, С.И. Культурная антропология / С.А. Арутюнов, С.И. Рыжакова. – Москва : Весь Мир, 2004. – 216 с.

4. Кузнецов, А.С. Устная история как метод и источник для военно-исторической антропологии на примере изучения Великой Отечественной войны / А.С. Кузнецов // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : сборник научных статей и источников / сост. Т.К. Щеглова; Отв. ред. Т.К. Щеглова. – Барнаул : АлтГПУ, 2016. – С. 40–58.

5. Кузнецов, А.С., Мазырина, А.А. Рыболовство как часть системы питания русского сельского населения Алтая в годы Великой Отечественной войны / А.С. Кузнецов, А.А. Мазырина // Тобольск научный – 2016 : Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Тобольск, 10–11 ноября 2016 г.). – Тобольск : ООО Принт-Экспресс, 2016. – С. 229–232.

6. Мазырина, А.А. Собирательство яиц дикой птицы как один из видов добывающих промыслов сибиряков в годы Великой Отечественной войны (по устным историческим источникам) / А.А. Мазырина // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сборник материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.А. Веременко, [отв. ред. С.В. Степанов]. – Санкт-Петербург : Культурно-просветительское товарищество, 2018. – С. 156–159.

7. Мазырина, А.А. Хлеб в системе питания сельского русского населения Алтая в годы Великой Отечественной войны: на примере материалов интервью Благовещенского и Залесовского районов / А.А. Мазырина // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.) : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск : Параллель, 2017. – С. 233–238.

8. Основы этнологии : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030401 «История», направлению подготовки 030400 «История» / Э. Г. Александренков и др. ; под ред. В.В. Пименова. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 2007. – 688 с.

9. Руппель, И.А. Пимокатство в повседневной жизни населения Алтая в последней четверти XIX – середине XX веков / И.А. Руппель // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сборник материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.А. Веременко, [отв. ред. С.В. Степанов]. – Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2018. – С. 289–296.

10. Рыков, А.В. Использование крупного рогатого скота на тягловых работах русскими крестьянами Алтая в годы Великой Отечественной войны (на материалах устных источников) / А.В. Рыков // XII Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / Отв. ред. А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. – Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. – С. 100.

11. Рыков, А.В. Роль бахчевых культур в жизнеобеспечении русского крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны / А.В. Рыков // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: этнография, устная история. Вып. 11 : материалы XI международной научно-практической конференции. Павлодар, 21–22 апреля, 2016 г. Том 1. / под ред. Т.К. Щегловой, М.А. Демина, И.В. Толпеко, Т.Н. Смагулова, Е.К. Абеуовой. – Павлодар : ПГПИ; Барнаул : АлтГПУ, 2016. – С.228–232.

12. Рыков, А.В. Социальное, правовое и материальное положение колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны: на материалах Алтайского края / А.В. Рыков // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : сборник научных статей и источников / сост. Т.К. Щеглова; Отв. ред. Т.К. Щеглова. – Барнаул : АлтГПУ, 2016. – С. 9–22.

13. Свидовская, А.С., Ковзель, А.В. Кукуруза в питании жителей Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (по полевым материалам 2017 г.) / А.С. Свидовская, А.В. Ковзель // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сборник материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.А. Веременко, [отв. ред. С.В. Степанов]. – Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2018. – С. 159–165.

14. Чешко, С.В. Этнология и социальная антропология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «История» / С.В. Чешко. – Москва : Академия, 2014. – 233 с.

15. Щеглова, Т.К. Дикие и домашние животные в стратегиях выживания и адаптационных практиках земледельческого населения юга Западной Сибири в 1941–1945 гг.: ответ устной истории на антропологические вызовы / Т.К. Щеглова // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 414. – С. 167–173.

16. Щеглова, Т.К. «Интимные» вопросы культуры жизнеобеспечения женщин сибирской деревни в годы Великой Отечественной войны: взаимодействие гендерной и устной истории в исследовании гигиены и санитарии /

Т.К. Щеглова // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Смоленск – Москва : Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. – Т. 2. – С. 253–258.

17. Щеглова, Т.К. Культура славянских сообществ Сибири в XX веке: новые подходы и перспективы в научно-исследовательском проекте «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга. Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» / Т.К. Щеглова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – № 3 (9). – С. 40–49.

18. Щеглова, Т.К. Мир времени истории в памяти поколений XX столетия: жизненные стратегии в военных условиях 1941–1945 гг. сельского населения Сибири / Т.К. Щеглова // Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие : Сборник статей по материалам Международной междисциплинарной конференции «Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие» (Саратов, 25–26 сентября 2015, СГТУ имени Гагарина Ю.А.). – Саратов, 2015. – С. 148–158.

19. Щеглова, Т.К. Моющие средства в системе жизнеобеспечения сельского населения сибирской тыловой деревни в условиях войны 1941–1945 гг. / Т.К. Щеглова // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.). Сборник материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.А. Веременко, [отв. ред. С.В. Степанов]. – Санкт-Петербург : Культурно-просветительское товарищество, 2017. – С. 263–269.

20. Щеглова, Т.К. Обеспечение зимней одеждой и обувью русского сельского населения Сибири в годы Великой Отечественной войны в контексте государственной политики раскрестьянивания / Т.К. Щеглова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2017. – № 1 (15). – С. 70–80.

21. Щеглова, Т.К. Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, заместительные технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы) / Т.К. Щеглова // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2014 г. : археология, этнография, устная история : материалы 10-й международной научно-практической конференции, г. Барнаул, 22–23 апреля 2015 г. / Алтайский государственный педагогический университет, Павлодарский государственный педагогический институт ; [отв. ред.: М.А. Демин, Т.К. Щеглова]. – Барнаул, 2015. – С. 248–262.

22. Щеглова, Т.К. Собирательство как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941–1945 годов по устным историческим источникам / Т.К. Щеглова // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2015. – № 35. – С. 174–184.

23. Щеглова, Т.К. Структура и категории сельского русского населения сибирской деревни как фактор адаптационных механизмов традиционной культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках войны 1941-1945 годов: к проблеме введения и интерпретации материалов устной истории в научные тексты / Т.К. Щеглова // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / под. ред. Т.К. Щегловой. – Барнаул : АлтГПУ, 2015. – С. 366–378.

24. Щеглова, Т.К. Сусличьи промыслы и система питания колхозной семьи русского населения в годы Великой отечественной войны: участники, способы, орудия ловли / Т.К. Щеглова // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: этнография, устная история. Вып. 11: материалы XI международной научно-практической конференции. Павлодар, 21-22 апреля, 2016 г. Том 1. / под ред. Т.К. Щегловой, М.А. Демина, И.В. Толпеко, Т.Н. Смагулова, Е.К. Абеуовой. – Павлодар: ПГПИ ; Барнаул: АлтГПУ, 2016. – С.152–163.

25. Щеглова, Т.К. Традиции розжига огня и способы освещения жилища в повседневных практиках населения сибирской деревни в военное время / Т.К. Щеглова // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году: археология, этнография, устная история. Вып. 12 : материалы XII междунар. науч.-практ. конф., Омск, 24–25 марта 2017 г. / отв. ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, И.В. Толпеко. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2017. – С. 218–222.

26. Щеглова, Т.К. Устная история : учеб. пособие / Т.К. Щеглова. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – 364 с.

27. Щеглова, Т.К. Устная история (Oral history) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий / Т.К. Щеглова // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: сборник научных статей и источников / сост. Т.К. Щеглова; Отв. ред. Т.К. Щеглова – Барнаул : АлтГПУ, 2016. – С. 22–40.

28. Щеглова, Т.К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны : научные и методические материалы / Т.К. Щеглова ; Алтайский государственный педагогический университет. – Барнаул : Азбука, 2015. – 131 с.

29. Этнология (этнография) : учебник для академического бакалавриата / В.А. Козьмин [и др.] ; под редакцией В.А. Козьмина, В.С. Бузина. – Москва : Издательство Юрайт, 2014. – 580 с.

РАЗДЕЛ 3

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л.А. Араева, А.В. Проскурина
г. Кемерово, Россия

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ТЕЛЕУТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-04-00253/ОГН «Язык и культура телеутов».

Аннотация: В настоящей статье представлены результаты изучения языковой картины мира телеутов – одного из коренных малочисленных народов РФ – посредством обращения к словообразовательным ресурсам их родного языка. Исследование направлено на выявление пропозиционально-семантического своеобразия наименований, участвующих в создании культурно значимого фрагмента мира, связанного с детьми и реалиями детства. Выбранная для анализа производная и непроизводная лексика рассматривается в аспекте пропозициональной организации семантики путём реконструкции типичных ситуаций, в которых участвуют дети – представители телеутского мира.

Ключевые слова: словообразование, семантика, словообразовательный тип, образ ребенка, телеутский язык, культура, языковая картина мира.

L.A. Araeva, A.V. Proskurina
Kemerovo, Russia

TELEUT LANGUAGE AND CULTURE THROUGH THE PRISM OF WORD FORMATION

Abstract: The present article runs about the results of research of linguistic world view of the Teleuts – one of Russian indigenous minorities - by analyzing word formational resources of their native language. The study aims to reveal propositionally semantic individuality of the names that are involved in creating of culturally significant world fragment connected with children and childhood realities. Derivative and non-derivative lexis chosen for the analyses is considered in the aspect of propositional semantic organization by typical situations reconstruction in which children – the Teleut world representatives – are involved.

Keywords: word formation, semantics, word-formational type, child's image, the Teleut language, culture, linguistic world view.

Телеуты – один из малочисленных народов Севера, проживающих на территории многонациональной Российской Федерации. Большая часть коренного населения этого народа компактно проживает в Беловском, Гурьевском и Новокузнецком районах Кемеровской области. К сожалению, в результате ассимиляции с русским народом, его бытом и культурой, в условиях современной жизни телеуты используют родной язык только как средство повседневной коммуникации среди представителей старшего поколения телеутского этноса. В настоящее время сохранение языка телеутов и их культурного наследия – одна из приоритетных задач лингвистов, усилия которых направлены на изучение лексики исчезающего языка и его лексикографическое описание с позиций лингвокультурологии. «В 2007 году сотрудники Кемеровского государственного университета начали сбор в полевых условиях лексических единиц телеутского языка. Языковой материал анализировался, исходя главным образом из теоретических и методологических положений, разработанных учеными Кемеровской деривато-логической школы, существующей уже более двадцати лет. Основным методом изучения языковых фактов явился прошедший успешную апробацию пропозиционально-фреймовый способ моделирования» [1, с. 289]. Начиная с 2013 года, деятельность сложившегося научного коллектива, возглавляемого профессором Л.А. Араевой, была поддержана РГНФ и РФФИ. Многолетний опыт изучения телеутского языка сквозь призму сознания его носителей, их ценностной базы, особенностей региональной культуры позволил выявить, обосновать и реализовать основное направление исследования, связанное с реконструкцией и описанием языковой картины мира телеутов.

«В результате моделирования одной семантической сферы, получающей словообразовательную детерминацию, обнаруживаются и описываются способы, с помощью которых словообразовательные типы в телеутском языке перерабатывают, хранят и транслируют ценностно отмеченную информацию. Эта информация, организуя содержательный план производных единиц, имеет антропоцентрическую направленность: включает знания об устройстве мира и поведении людей, об их предпочтениях и ценностях в определённых ситуациях» [5, с. 81]. Поэтому особый интерес представляет анализ словообразовательной семантики производных лексем в совокупности с непроизводными единицами и описательными конструкциями моделирующих устройство одной из сфер бытия определённого этноса.

Настоящее исследование направлено на выявление пропозиционально-семантического своеобразия лексических единиц, участвующих в создании культурно значимого образа ребёнка в языковой картине мира телеутов. Следует отметить, что анализу подвергаются наименования, которые обозначают детей, и лексемы, которые называют реалии, предметы, связанные с жизнью детей. В работе мы реализуем установку на комплексное моделирование семантики производной лексики, непроизводной лексики и описательных конструкций, имеющих общую специализацию на отражение культурно освоенного фрагмента внеязыковой действительности. Источниками материала послужили, во-первых, традиционные лексикографические труды [6; 7]; во-вторых, словари телеутского языка, созданные творческим научным коллективом, возглавляемым Л.А. Араевой [3; 8]. В контексте возросшего интереса к проблемам категоризации и вербализации мира посредством языка становится значимым применение метода когнитивного моделирования семантики производной лексики для обнаружения специфики национально обусловленного мировидения телеутов.

Несмотря на «сокращение численности коренного населения, упрощение структуры семей, снижение уровня их детности» [4, с. 118], язык современных телеутов позволяет реконструировать систему мировидения, в которой детям отводится особая роль. Как отмечают информанты, в их родной культуре семейные ценности составляют основу жизни, а дети воспринимаются как «счастье», «благодать», «удача». При этом представители старшего поколения телеутов подчеркивают, что до сих пор в воспитании ребенка огромная роль отводится родителям, благодаря которым происходит социализация детей, усвоение ими ценностей, норм и правил поведения. Такое отношение к детям и детству запечатлено в пословичном фонде телеутского языка (например, Палан кўчўде – аштын кылгада / Какой в детстве, такой и потом будет; Хлеб – в колосе, ребенок – в детстве; Ада сөөгин сындырбай, эне сөөгин сыстатпай jиргер / Живите так, чтобы не позорить род отца и матери и др.), в лексической системе которого «до сих пор сохраняется синкретический религиозный комплекс, включающий в себя элементы христианских и дохристианских верований» [2, с. 81].

В сознании носителей телеутского языка мир детской культуры воспринимается, прежде всего, через самого ребенка как субъекта – 1) носителя определенных свойств и характеристик и 2) участника разных видов деятельности. Поэтому большая часть лексического состава родного языка телеутов представлена субстантивными, адъективными наименованиями ребенка, который воспринимается в нескольких аспектах:

• по физиологическим, природным, возрастным свойствам, признакам, особенностям физического развития, внешнего вида: ***пала*** – дитя, ребенок, ***јаш пала*** – новорожденный ребёнок (возраст; недозрелый, свежий), **эмчек пала** – грудной ребенок, ***јоңдончиқ*** – капризный, **ойлӱ** – умный, ***кырма*** – забияка и др.;

• по наличию / отсутствию родителей: ***өсқӱс*** – сирота, ***өөй уул*** (ооӥ - чужой, неродной) – пасынок и др.;

• по родственным связям: ***пала*** – ребенок, ***қызы*** – дочь, ***палазызың палазы*** (эр пала) – внук, ***палазызың палазы*** (қыс пала) – внучка и др.;

• по характерным действиям: ***қатқычыл*** – хохотун, ***қорқынчақ – ӱренчик*** – ученик и др.

Анализ смысловой структуры наименований детей позволяет выявить набор культурно значимых ситуаций, участниками которых они становятся: рождение, воспитание и уход, игровая деятельность, учёба. Выполняя роль субъекта, ребенок участвует в каждой из ситуаций в соответствии с этапами своей жизни, задает сопряженность с другими субъектами (родителями, бабушками, дедушками, братьями, сестрами, ровесниками, друзьями). Мы видим, что ребенок как субъект, получая словообразовательную детерминацию, предстает в определительном и функциональном аспектах, которые задают актуализацию пропозициональных структур в смысловой структуре наименований детей (субъект – действие – характерный признак, субъект – действие – субъект, субъект – действие (характеризующее и функциональное)).

Наряду с обозначенными ситуациями дети воспринимаются носителями телеутского языка и в других типичных ситуациях, находящихся друг с другом в отношениях причинно-следственной обусловленности. Так, рождению ребенка предшествует этап подготовки к беременности, ее вынашивания и появления новорожденного ребенка на свет. В культуре телеутов богиня Май-эне считалась покровительницей детей. Само наименование богини актуализирует сакральную ипостась образа ребенка, делая его участником ситуации защиты от злых духов и сил, которая связана с ситуацией его рождения. Участниками ситуации рождения выступают беременная женщина ***қурсақту*** (субъект – действие – объект), роженица (***јаш эттту***), повитуха, которая помогала ребенку родиться ***қучактаган энези*** (мать, берущая на руки), ***пабушка***. Ритуал рождения ребенка предполагал ***алас*** – изгнание злых духов из жилища и ***алқыш*** – чтение молитвы для облегчения родов. В смысловой структуре лексем, обозначающих эти сакральные действия, актуализируются пропозициональные структура средство – действие – результат и средство – действие – объект.

Наряду с сакрализацией образа детей телеутский язык позволяет реконструировать набор ситуаций, в которых ребенок принимает участие в повседневной жизни.

1. Ребенок находится в родственных отношениях (***тайбаш*** – дедушка, ***тайнеш*** – бабушка и др.), играя роль внука / внучки, сына / дочери.

2. Будучи включенным в разные виды деятельности, ребенок совершает типичные для него действия: ***ийла*** – плакать, ***ойно*** – играть, резвиться, ***соор*** – сосать и др., поэтому наряду с именами существительными и прилагательными обнаруживаются и глаголы, обозначающие действия самого ребенка и действия со стороны других людей, направленные на него.

3. В силу возрастных особенностей дети могут заболевать, что приводит к наименованию детских болезней: ***амыру*** – ангина, ***јаш тыму*** – грипп и др.

4. Важным для носителей телеутского языка оказывается наименование реалий детского мира (предметы одежды, быта): ***қабай*** – колыбель, ***умчы*** – соска и др.)

Мы видим, что лексический материал, объединенный пропозициональными структурами, отражает определенный ракурс восприятия детей и связанных с ними реалий. Субстантивная, адъективная и глагольная лексика, образованная, как правило, путем аффиксации, и описательные наименования позволяют раскрыть образ ребенка в аспекте его социальных ролей и присущих ему свойств.

Список использованной литературы

1. Араева, Л.А. Язык телеутов (работа по описанию языка коренного малочисленного народа России) / Л.А. Араева, Г.Е. Крейдлин, А.В. Проскурина // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 288–292.
2. Кимеев, В.М. Исторические судьбы телеутов : учебное пособие / В.М. Кимеев. – Кемерово, 2017. – 142 с.
3. Лингвострановедческий телеутско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ls-teleut.kemsu.ru/ (дата обращения – 12.03.2020).
4. Поддубиков, В.В. Коренные малочисленные этносы Кемеровской области: основные показатели социально-демографического развития по данным этнологического мониторинга / В.В. Поддубиков, К.И. Осипов // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности : сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 ноября 2022 года); ред. кол.: В.В. Поддубиков [и др.]; КемГУ. – Кемерово : Практика, 2013. – С. 110–119.
5. Проскурина, А.В. Языковая картина мира телеутов сквозь призму словообразования: опыт когнитивного моделирования семантики / А.В. Проскурина // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 16–17 мая 2019 г.) / Отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан : Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2019. – С. 80–81.
6. Русско-телеутский словарь / Под ред. Л.Т. Рюминой-Сыркашевой, Н.М. Рюмина. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2002. – 192 с.
7. Телеутско-русский словарь / Под ред. Л.Т. Рюминой-Сыркашевой. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1995. – 120 с.
8. Электронный пропозиционально-фреймовый словарь телеутского языка. Часть 1. Электронная база данных [Электронный ресурс] / Науч. ред Л.А. Араева; ответ. ред. А.В. Проскурина; ред. кол.: О.А. Булгакова, И.А. Крым, М.Н. Образцова, И.П. Фаломкина, М.А. Шадеева, А.А. Шумилова, Е.Е. Язева. – Режим доступа: http://www.araeva.pp.ua/2014/11/prozic-freym-slovar-teleutskogo-yazyika.html (дата обращения – 12.03.2020).

А.Ю. Башмакова

г. Тюмень, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ: ТУРИСТИЧЕСКАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ТЮМЕНИ

Аннотация: В статье представлены результаты проектной работы одаренных школьников под руководством автора статьи в рамках Губернаторской профильной смены для талантливых детей Тюменской области «Мы – будущее региона» 2019, организованной Тюменским областным государственным институтом развития регионального образования. В работе рассмотрены вопросы взаимосвязи лингвистического ландшафта Тюмени и туристической привлекательности города на материале изучения полилингвальности общественных знаков, вывесок и надписей различной природы.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, социолингвистика, туристическая привлекательность.

A.Yu. Bashmakova

Tyumen, Russia

LINGUISTIC LANDSCAPE: TOURIST ATTRACTIVENESS OF TYUMEN

Abstract: The article presents the results of the project work conducted under the supervision of the author within the Governor Summer Camp for talented children of the Tyumen Region «We are the future of the region» 2019, organized by the Tyumen Regional State Institute for the development of regional education. The paper considers the relations between the linguistic

landscape of Tyumen and the tourist attractiveness of the city based on the study of the multilingual public signs and inscriptions of various nature.

Keywords: linguistic landscape, sociolinguistics, tourism destination attractiveness.

Тюменская область – один из интереснейших регионов с богатым историческим наследием и прогрессивным настоящим. Более того, Тюмень нередко принимает участие в международных мероприятиях спортивного, делового и развлекательного характеров. Несмотря на кажущуюся суровость климата Западной Сибири, наш город рад и готов встретить туристов из любых стран и регионов. В условиях стремительного развития туризма как внешнего, так и внутреннего, все чаще приходится задумываться о степени привлекательности и комфортности Тюменской области для туристов, в особенности иностранных, не знающих русского языка. Поэтому улучшение туристического потенциала является одной и важных задач развития региона в целом. Целью настоящей работы стало изучение лингвистического ландшафта города Тюмени и его влияния на привлекательность региона.

В последнее время вопросы повышения конкурентоспособности регионов России становятся актуальными, при этом особое внимание уделяется сфере туризма. В экономической литературе появляется понятие **«туристическая привлекательность»**, однако до настоящего времени не выработан единый подход к его определению [6; 8]. **Туристическую привлекательность региона,** с одной стороны, рассматривают как «совокупность характеристик и факторов, влияющих на результаты туристической деятельности» [12]. Такими факторами могут выступать природа и география региона, а также его культурно-историческое наследие и политика. При этом их роль будет зависеть от категории туристов (местного населения или приезжающих из других регионов) [4; 9; 13]. С другой стороны, «туристическая привлекательность – это наличие туристического потенциала территории, при эксплуатации которого обеспечиваются оптимальная туристическо-рекреационная нагрузка без нарушения равновесия окружающей среды» [7; 14]. На наш взгляд, одним из таких факторов также является и лингвистический ландшафт города или региона.

Лингвистический ландшафт – относительно новое лингвистическое направление, теоретические положения которого ещё находятся в процессе становления. Данный термин, который впервые употребили Р. Ландри и Р. Борхис в 1997 году в своих социолингвистических исследованиях, используется при описании многоязычия в разных регионах, обычно в мегаполисах [5; 15]. **Лингвистический ландшафт** понимается как «язык дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц, названий мест, коммерческих вывесок, а также общественных знаков на фасадах государственных учреждений, которые в совокупности формируют лингвистический ландшафт данной территории, региона или городской агломерации»[18] или «использование письменного языка в городской сфере**»** [17].

На наш взгляд, изучение лингвистического ландшафта дает возможность оказать помощь в ориентировании в пространстве для приезжающих из других стран и предоставляет иностранным посетителям информацию о культурно и исторически значимых городских объектах [10; 11; 16].

При исследовании языкового ландшафта учитываются не только язык сообщения, но и выбор графики для используемого языка, и визуальные средства – символические изображения, цветовое решение, выбор шрифтов и т.д. Всё то, что в первую очередь привлекает внимание туриста при посещении нового города и является неотъемлемой частью брендирования региона. Это интересные вопросы для анализа, связанные с коммуникацией и созданием привлекательной туристической среды в Тюмени и области.

В настоящем проекте наша цель – изучить роль лингвистического ландшафта в туристической привлекательности Тюмени на материале общественных знаков в центральном районе города. Ряд задач исследования включал изучение особенности туристического потенциала Тюмени; полевые работы по оформлению серии фотографий знаков, вывесок и надписей, изучение состава языков, представленных на языковом ландшафте Тюмени; анализ переводов с русского на английский язык, а также их качество и релевантность; раскрытие уникальных возможностей Тюмени и Тюменской области для привлечения иностранных туристов.

Материалом исследования послужили знаки, вывески и надписи (вывески магазинов, кафе, парикмахерских и других коммерческих заведений; временные или постоянные таблички различного рода; рекламные объявления). В ходе полевой ра-

боты было сделано 99 фотографий, включающих 127 языковых единиц на русском, английском и других языках. Все собранные языковые единицы были разделены на восемь **тематических групп**:

1. Культурное наследие – 11 языковых единиц (Tyumen Puppet Theatre, Znamensky Cathedral);

2. Образование – 3 языковые единицы (School of advanced studies/Школа перспективных исследований, Polytechnic school ТюмГУ/ Политехническая школа);

3. Развлечения – 9 языковых единиц (Zажигалка, Аквапарк 'Летолето'/Aquapark 'Letoleto');

4. Еда – 17 языковых единиц (Поль Бейкери, Сим-сан);

5. Отели – 4 языковые единицы (Simpatico, DoubleTree by Hilton TYUMEN);

6. Магазины – 49 языковых единиц (Petshop.com, Табакoff);

7. Туризм – 6 языковых единиц (Глобус Турс, Трэвэл);

8. Другое – 28 языковых единиц (Professional, West-siberian oil and gas innovation center).

В раздел «другое» входят ориентирующие знаки, вывески салонов красоты, фотоателье, медицинских центров, сервисных центров и прочие знаки, не вошедшее в остальные группы. Как мы полагаем, количественное распределение языковые единиц в полученном корпусе по тематическим группам связано с желанием владельцев заведений, ориентированных на реализацию первостепенных материальных потребностей человека, привлечь внимание жителей города и туристов в частности.

Далее мы рассмотрели лингвистические особенности выбранных языковых единиц, такие как язык представления и графика. Все языковые единицы были разделены по категориям:

Русскоязычные – 6 языковых единиц (представленные только на русском языке: Мост влюбленных, Ювелирный салон Ринго).

Англоязычные – 38 языковых единиц (представленные только на английском языке: Petshop.com, Professional, Gapochka и т.д.).

Дублированные – 32 языковых единиц (представленные на одном языке и переведенные на другой: Вход/Entrance, ул. Республики/Respubliki street).

Смешанные – 33 языковых единиц (содержащие символы из кириллицы и латиницы одновременно: Zажигалка, Табакoff).

Другие языки – 5 языковых единиц (содержащие надписи на иностранных языках за исключением русского и английского: Nolte Küchen, Yves Rocher France).

Транслитерация – 13 языковых единиц (Трэвэл, Нуга Бест).

В отношении языка представления превалируют категории: «Англоязычные» (38), «Смешанные» (33) и «Дублированные» (32). Меньше всего единиц в группах «Транслитерация» (13), «Русскоязычные» (6) и «Другие языки» (5). Наиболее частой лексической трансформацией в группе «Смешанные» стало употребление суффикса –off в вывесках магазинов (Цветкoff, Чайникoff, Табакoff). Наиболее частым был дубляж информационных знаков и указателей. Примечательно, что языковые единицы из категории магазинов преобладают как среди русскоязычных (Паркет холл, Ринго), так и среди англоязычных вывесок (Gapochka, H&M). Абсолютное большинство магазины занимают и в категории «другие языки»: Nolte Küchen (нем.), Natura Siberica (итал.), Yves rocher France (франц.). Большая часть транслитерированных знаков представлена русским языком, в 85% случаев транслитерация происходит с иностранного на русский язык (Центр-сити, Нуга бест). Мы полагаем, что это может быть связано с ростом популярности изучения языков, в частности, английского. К тому же, в наше время использование нескольких языков в бизнесе является достаточно эффективным маркетинговым ходом. Мы не будем утверждать, насколько именно применение иностранных языков помогает в маркетинге, но их воздействие на восприятие покупателя неоспоримо. Кроме того, одной из важных задач развития туристической привлекательности региона в целом, на наш взгляд, является создание единой, общей системы оформления уличных указателей и вывесок в нашем регионе.

Подводя итог, важно отметить, что регионы могут быть привлекательны не только для инвесторов, хотя основной упор зачастую делается именно на их привлечение. В Тюменскую область направляются представители таких сфер, как нефтегазовая промышленность, нефтехимия, сельское хозяйство. Инвестиционная привлекательность Тюмени впечатляет: объем инвестиций в основной капитал вырос более чем в 3 раза [3]. Кроме того, важную роль играет сфера образования. Только в Тюменском государственном университете обучается более 2000 иностранных студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья. Становится очевидным, что Тюмень интересна в разных аспектах. Однако наиболее важной для настоящего исследования

является туристическая привлекательность, которая может способствовать привлечению иностранных туристов и активизации внутреннего туризма в регионе [2]. В данной ситуации оптимизация и, по возможности, унификация лингвистического ландшафта Тюмени сделает город более привлекательным для иностранных туристов, студентов и других приезжающих.

Список использованной литературы

1. Абрамова, Е.И. Лингвистический ландшафт как объект социолингвистики / Е.И. Абрамова // Russian Linguistic Bulletin. – 2016. – № 2 (6). – С. 48–49.
2. Гринчель, Б.М., Назарова, Е.А. Методы оценки конкурентной привлекательности регионов: монография / Б.М. Гринчель, Е.А. Назарова. Санкт-Петербург : ГУАП, 2014. – 244 с.
3. Деловой портал Правительства Тюменской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tyumen-region.ru/ 2016. (дата обращения: 03.07.2019).
4. Калашникова, С.В., Ханахок, З.А. Туристская привлекательность региона как один из ключевых факторов его конкурентоспособности / С.В. Калашникова, З.А. Ханахок // Новые технологии. – 2015. – № 4. – С. 89–93.
5. Кирилина, А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации / А.В. Кирилина // Вестник ТвГУ. Серия Филология. – 2013. – № 24 (5). – С. 164.
6. Коваленко, Т.Д. Туристический имидж как фактор социально-экономического развития региона / Т.Д. Коваленко // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». В 2 т. – Пенза : ГОУ ВПО «Пензенский гос. ун-т», 2009. – Т. 2. – 464 с.
7. Кузик, С.П. География туризма: учебное пособие / С.П. Кузик // Киев : Знание, 2011. – 271с.
8. Кусков, А.С. Туризм в пространстве культурных ландшафтов: зарубежный опыт и российская практика / А.С. Кусков // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (5). – С. 36–44.
9. Луговая, И.В. Туристская привлекательность региона как маркетинговое понятие / И.В. Луговая // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. / ред. А. М. Бритвин. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – С. 37–41.
10. Мур, И. Лингвистический ландшафт как средство анализа языковой ситуации и языковой политики в пост-советском пространстве / И. Мур // Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. – 2015. – Т. 2. – С. 109–114.
11. Пешкова, Н.П. Лингвистический ландшафт полиэтнического города: особенности вербального воздействия / Н.П. Пешкова // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 3 (33). – С. 108–121.
12. Славин, В.В. Туристическая привлекательность региона: понятие, содержание, основные принципы формирования / В.В. Славин // Вопросы управления. – 2013. – №. 1. – С. 108.
13. Тетенькина, О.Л. К вопросу об определении понятия «туристическая привлекательность региона» / О.Л. Тетенькина // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. – 2013. – № 27. – С. 198–202.
14. Ушакова, Е.О., Вдовин С.А. Определение туристкой привлекательности региона по величине потенциала ресурсов развития туризма / Е.О. Ушакова, С.А. Вдовин // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1. – С. 297.
15. Федорова, Л.Л. Языковой ландшафт: город и толпа / Л.Л. Федорова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2014. – Т. 13. – № 6. – С. 70–80.
16. Backhouse, P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multiculturalism in Tokyo / P. Backhouse // Language Policy. – 2009. – № 8(2). – P. 173–175.
17. Gorter, D. Linguistic landscape: A new approach to multilingualism / D. Gorter. – Multilingual Matters, 2006.
18. Landry, R., Bourhis, R.Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study / R. Landry, R.Y. Bourhis // Journal of language and social psychology. – 1997. – Т. 16. – № 1. – С. 23–49.

С.В. Беляева
г. Барнаул, Россия

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНАЛИЗА МЕДИАТЕКСТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 20-012-00375 «Обыденный медийный дискурс: лингвокультурологический и лексикографический аспекты».

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблем развития иноязычного образования и возможности интеграции элементов медиапространства в процесс обучения иностранным языкам в педагогическом вузе. Автор рассматривает особенности использования медиатекстов на занятиях по французскому языку, определяя их лингводидактический потенциал возможностью формирования у студентов социокультурной компетенции, поскольку медийное пространство является важным ресурсом для понимания и овладения социокультурной спецификой изучаемого иностранного языка и его культуры.

Ключевые слова: медиатекст, медиапространство, медиаобучение, обучение иностранным языкам, социокультурная компетенция.

S.V. Belyaeva
Barnaul, Russia

LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF ANALYSIS OF MEDIA-TEXT IN LESSONS IN THE FRENCH LANGUAGE IN A PEDAGOGICAL UNIVERSITY

Abstract: The article is devoted to the study of the problems of the developing foreign language education and the possibility of integrating elements of the media space into the process of teaching foreign languages at a pedagogical university. The author considers the features of using media texts at French lessons defining their linguistic and didactic potential by the possibility of forming students' sociocultural competence, since the media space is an important source for understanding and mastering the sociocultural specificity of the studied foreign language and its culture.

Keywords: media text, media space, media education, foreign language teaching, sociocultural competence.

Происходящие в обществе и системе высшего образования изменения приводят и к изменению требований, предъявляемых к подготовке будущих педагогов, владеющих иностранными языками и методикой обучения этим иностранным языкам, но также способных ориентироваться в современном мире медиакоммуникации, знающих основные характеристики той медиасреды, в которой им предстоит жить и работать, понимающих её ценности, владеющих необходимыми для этого стратегиями. Перед языковым образованием ставятся задачи развития целого комплекса компетенций выпускника, согласно которым молодой специалист доложен уверенно адаптироваться в любой сфере социальной и профессиональной деятельности.

Эти изменения приводят и к поиску новых подходов к обучению иностранному языку в специализированном вузе, к проведению лингводидактических и методических исследований и экспериментов, целью которых является формирование и развитие у студентов способности участвовать в межкультурной коммуникации, а значит формирование и развитие комплекса необходимых для этого знаний, умений и навыков. В научно-методической литературе на данный

момент накоплен значительный потенциал исследований о различных аспектах изучения иностранного языка и подчеркивается мысль о том, что обучение коммуникации на иностранном языке связано с обучением культуре изучаемого языка. Стратегической целью языкового обучения заявлено формирование иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК) и её компонентов, в частности, социокультурной компетенции (СКК). Мы рассматриваем СКК студентов как стержневой компонент ИКК, который присутствует в структуре лингвистической, стратегической, учебной компетенций, как совокупность знаний, моделей поведения и способностей личности, формируемых в процессе взаимосвязанного обучения языку и культуре [1, с. 64]. Одним из важнейших ресурсов для ознакомления, анализа и усвоения социокультурной специфики изучаемого иностранного языка, национального менталитета, является в наши дни медийное пространство.

В последние годы, благодаря цифровизации и медиатизации общества, происходит активная разработка приемов и методов использования медиа в процессе обучения иностранному языку. Речь идет не только о внедрении ресурсов глобального информационного пространства или форм медиатизированного общения в учебный процесс, но о комплексном медиаобразовании, о формировании медиакомпетенции школьников и студентов, которая рассматривается как характеристика, способствующая функционированию в едином мировом информационном пространстве [2, с. 105]. Медиаобразование, термин, введенный в научное пространство сравнительно недавно, рассматривается как одно из актуальных направлений в педагогике, как процесс обучения и развития личности, а также как более широкое понятие культурно-просветительской деятельности. Идеи медиаобразования, появившиеся в нашей стране в 60-е годы двадцатого века, реализуются в практической и научной деятельности педагогов как среднего, так и высшего образования, что находит отражение в работах А. В. Федорова, Л. А. Ивановой, Н. П. Рыжих, Н. Ю. Хлызовой, Н. В. Чичериной и др. Во Франции, Бельгии, Швейцарии идеи медиаобразования / «***éducation aux médias***» находят свое практическое воплощение в деятельности таких ассоциаций и организаций как ***CLEMI*** (***Centre pour l'Éducation aux Médias***), ***MEDIAPTE***, ***CSEM*** (***Conseil supérieur de l'éducation aux médias***), ***Fragil*** (***Association d'education aux médias et aux pratiques numériques***) и др. Все эти тенденции приводят нас к выводу о том, что исследование вопросов интеграции медиаресурсов в учебный процесс является задачей актуальной и интересной как для теоретиков, так и для практиков.

Анализируя потенциальные возможности использования медиаресурсов в процессе подготовки будущих учителей французского языка, мы пришли к выводу, что их интеграция позволит не только повысить качество обучения, уровень владения иностранным языком, но и поможет студенту перейти от пассивного восприятия знаний к активной деятельности по их усвоению и применению. Именно поэтому на каждом курсе выделяются часы для медиаобразования в практике французского языка. Обучение французскому языку, французской культуре на основе медиатекстов начинается для наших студентов на первом курсе со знакомства с медиапространством Франции, представленным в интернете, и длится на протяжении всего срока обучения: реклама, фотографии, статьи прессы на сайтах периодических изданий, музыка и слова песен, фильмы короткометражные и полнометражные, мультфильмы, диаграммы, графики, таблицы, новости радио и телевидения, то есть различные виды медиатекста, требующие специфических подходов в осмыслении и дидактизации содержания на каждом этапе обучения, становятся тем аутентичным материалом, использование которого имеет целью компенсацию отсутствия языковой среды.

Вслед за профессором А.Н. Федоровым мы рассматриваем медиатекст как «***сообщение, изложенное в любом виде и жанре медиа***» [3, с. 27], а умение понимать, анализировать, интерпретировать медиатекст – важным показателем уровня владения изучаемым иностранным языком. В данной статье мы рассматриваем возможности анализа медиатекста на примере создания кросс-медийного кейса, предполагающего исследовательскую деятельность и работу с большим количеством (как минимум двух) средств массовой информации: цифровые текст, аудио и/или видео, веб-страница, блог и т.д. для выполнения определенной задачи. Результатом такой поисково-аналитической работы может быть создание ментальной карты (***carte mentale***), постерной презентации (***affiche/poster***), вики-страницы (***wiki-page***), дидактического проекта (план урока, фрагмент урока, тематический план, тестовое задание, (***fiches didactiques***)) для определенной категории учащихся. На наш взгляд, одной из важных характеристик такой комплексной про-

ектной работы является её нацеленность на критический анализ содержания французских медиаресурсов, поскольку, как утверждает французский исследователь Марлен Лоик, в процессе обучения необходимо развивать критическое отношение у молодых пользователей интернет-пространства: «*la posture critique dans la consommation et l'analyse des médias par les jeunes*» [5, с. 141]. В ходе реализации проекта студенты проходят такие стадии работы с иноязычным материалом как:

- восприятие, понимание, обсуждение,
- критический анализ, сопоставление,
- репродуктивно-продуктивная деятельность по презентации результатов (мастер-класс, конференция, круглый стол, ролевая игра, фрагмент урока иностранного языка в школе или детском саду).

Учащимся предлагается схема анализа медиаресурсов, включающая в себя: определение вида медиатекста, категории сообщения, адресата, цели, социальной и дидактической значимости ресурса, лингво-стилистический анализ содержания.

В зависимости от характера выбранных медиаресурсов, в результате анализа медиа-материалов французских интернет-сайтов, студенты могут прийти к выводу о том, что французским медиатекстам свойственны определенные характеристики. Медиатекст может представлять собой

- статью (***article***) со стандартной композицией, включающей заголовок (***titre***) или заголовочный комплекс, имеющий разветвленную систему элементов, лид (***chapeau***), подзаголовок (***sous-titre***) или подзаголовки (***intertitres***), основная часть и заключение, и носить либо информативный, либо аналитический характер, либо иметь гибридную структуру. При этом лид отвечает на вопросы «кто участник» (***qui***?) и «что произошло» (***quoi***?), представляя собой развернутую информацию, заявленную в заголовке, в то время как основная часть статьи выполняет функцию дополнения. Обязательным для французского текста является членение на абзацы и оформление логических связей внутри текста и между его частями при помощи специальных слов-коннекторов (***connecteurs/articulateurs***), что упрощает визуальное и смысловое восприятие текста. Для аналитических текстов заключение (***conclusion***) является обязательной частью, несущей смысловую нагрузку, тогда как для информационных текстов оно является необязательным элементом. Стилистический анализ обычно показывает основные характеристики повествования с элементами официально-делового стиля, что находит проявление в используемой лексике:
- репортаж;
- телевизионный сюжет;
- радиопередачу.

Одной из характеристик медиатекста является то, что он объединяет в единое целое разные коды: вербальные и невербальные. Даже в публикациях на сайтах таких традиционных изданий как ***Le Figaro, Le Monde*** или ***La Libération*** широко используется не только текст, но и фотографии, схемы, графики, таблицы, разнообразное шрифтовое оформление.

Зная схему анализа, студенты не только анализируют, сопоставляют и критически оценивают медиатексты, но и составляют свои авторские тексты различных жанров и типов, учитывая социокультурные характеристики французского текста. Особенностью современных медиатекстов в цифровом пространстве является их интерактивность, что позволяет пользователям принимать участие в создании контента (например, рубрика комментариев на сайтах газет и журналов). Это позволяет и студентам при изучении иностранного языка и иноязычной медиакультуры активно включаться в процесс коммуникации: составлять комментарии, писать заметки и статьи.

На наш взгляд, даже такой краткий обзор возможностей и преимуществ работы по изучению медиапространства на занятиях по иностранному языку показывает перспективность дальнейших теоретических исследований и практических разработок в этом направлении.

Список использованной литературы

1. Беляева, С.В. К вопросу о содержательном наполнении структуры социокультурной компетенции/ С.В. Беляева // Вестник Бурятского университета. – 2006. – Серия 8. – Выпуск 11. – С. 63–75.
2. Иванова, Л.А. Медиаобразование в обучении иностранным языкам – веление времени / Л.А. Иванова // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister dixit. – 2013. – № 2. – С. 104–114.
3. Федоров, А.Н. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности / А.Н. Федоров. – Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. – 64 с.
4. Хлызова, Н.Ю. Методическое обеспечение процесса формирования медиакомпетентности личности на занятии по иностранному языку / Н.Ю. Хлызова // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». – 2016. – № 2. – С. 130–147.

5. Loicq Marlène, De quoi l'éducation aux médias numériques est-elle la critique ? / Marlène Loicq // OpenEdition Journals. – 2017. – Vol. 11. – №1. – P. 137–165.
6. Центр медиообразования и информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.clemi.fr/

К.И. Бринев
г. Кайфын, провинция Хэнань, Китай
Н.Н. Шпильная
г. Барнаул, Россия

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ

Аннотация: В статье судебная лингвистическая экспертиза рассматривается как проявление прикладной лингвистической теории, неразрывно связанной с гносеологией. На этой основе предлагается переформулировать вопрос о лингвистической квалификации формы высказывания в аспекте утверждения / предположения / оценочного суждения, в вопрос лингвистической квалификации иллокутивной составляющей высказывания. Переформулирование в этом плане рассматривается не как технический прием перефразирования, а как гносеологически значимый процесс, позволяющий приблизить лингвоэкспертную практику к решению задач, стоящих перед судом, – к установлению фактов.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, лингвистическая теория, прикладная лингвистика, описательное высказывание, гносеология.

K.I. Brinev
Kaifeng City, Henan Province, China
N.N. Shpilnaya
Barnaul, Russia

FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE: APPLIED LINGUISTICS, LINGUISTIC THEORY AND EPISTEMOLOGY

Abstract: The article considers forensic linguistic expertise as a manifestation of applied linguistic theory, which is inextricably linked with epistemology. On this basis, it is proposed to reformulate the issue about linguistic qualification of utterance form in terms of assertions / assumptions / value judgments, in the issue of linguistic skill illocutionary component of the utterance. In this regard, reformulation is considered not as a technique of paraphrasing, but as an epistemologically significant process that allows us to bring linguo – expert practice closer to solving the problems facing the court-to establishing facts.

Keywords: forensic linguistic expertise, linguistic theory, applied linguistics, descriptive utterance, epistemology.

Пафос настоящей статьи заключается в попытке обозначить методологические презумпции лингвистической судебной экспертизы, позволяющие рассматривать лингвоэкспертную практику как проявление гносеологических презумпций лингвистической (научной) теории и приблизить ее к решению задач, стоящих перед судом, – к установлению фактов.

Как мы уже не раз заявляли в наших работах, судебная лингвистическая экспертиза – это не

столько прикладная область лингвистики, но – и это главное – это лингвистическая теория, представляющая собой совокупность методологических презумпций, реализация которых определяет прикладную версию лингвоэкспертной практики.

Традиционно вопрос о соотношении теоретической и прикладной лингвистики решается в аспекте практической значимости лингвистических теорий [1; 3]. К примеру, в современных работах по прикладной лингвистике соотношение теоретической и прикладной лингвистики рассматривается как вопрос ***оптимизации*** основных функций языка – коммуникативной, когнитивной, социальной и пр. [1]. Так, А.Н. Баранов отмечает, что оптимизация коммуникативной функции способствует появлению в лингводидактике методик обучения родному и неродному языкам, оптимизация когнитивной функции – появлению компьютерной лингвистики, машинного перевода и пр. На этом фоне появление судебной лингвистической экспертизы есть не более чем оптимизация дескриптивной функции языка, о необходимости выделения которой писал К. Поппер [4].

В опубликованных ранее работах [2] мы предлагали иное решение проблемы соотношения теоретического и прикладного уровней в лингвистической теории. Принципиальным для нас является положение, согласно которому прикладная лингвистика – не проекция теоретической лингвистики, то есть не проекция применимости теоретических идей для решения прикладных задач, стоящих перед языкознанием, а, скорее, самостоятельная «прикладная теория», имеющая собственные методологические основания, позволяющие решать проблемы судебной лингвистической экспертизы в том или ином ключе.

«Прикладная теория» судебной лингвистической экспертизы, с нашей точки зрения, основана на корреспондентной теории истины [5], предполагающей обращение к семантике высказывания и ее метаязыковой оценке в предикатах истинно / ложно, которую осуществляют уже не лингвисты, а суд. В этом плане задача лингвистической экспертизы – установить статус описательного высказывания – утверждение о факте, предположение или оценочное суждение, что позволит решить вопрос об его основном свойстве – соответствии / не соответствии действительности.

Говоря о наличии прикладной лингвистической теории применительно к судебной лингвистической экспертизе, мы далее полагаем, что она связана с теорией познания. Теория познания, или гносеология, рассматривается нами как теория, управляющая нашим ростом научного (или обыденного) знания. Как следствие, основная единица анализа лингвоэкспертной практики – описательное высказывание – с точки зрения гносеологии, представляет собой гипотезу о фрагменте реальности, эта гипотеза может подтвердиться, и тогда это высказывание становится истинным, а может быть опровергнуто (фальсифицируемо), а значит, стать ложным. В этом плане высказывания естественного языка – это высказывания-теории, которые описывают мир, эти высказывания могут быть как истинными, так и ошибочными.

Гипотетический характер описательного высказывания позволяет рассматривать его как высказывание-предположение, способное или не способное соответствовать действительности. Иными словами, высказывание ***Он вор*** – это гипотетическое высказывание о каком-либо человеке, это теоретическое высказывание, которое с точки зрения гносеологии может быть подтверждено или быть опровергнуто.

Признавая гносеологический статус высказываний естественного языка, мы полагаем, что лингвоэкспертный вопрос о квалификации высказываний в аспекте формы высказывания – утверждения / предположения / мнения должен быть переформулирован в вопрос ***Является ли данное высказывание описательным (дескриптивным)***? Положительный ответ на этот вопрос позволяет анализировать высказывание на уровне семантики – выявления пропозиционального содержания. А отрицательный ответ на этот вопрос нивелирует необходимость анализировать данное высказывание, так как не дескриптивные высказывания не значимы с точки зрения судебного разбирательства.

Таким образом, в данной работе была предпринята попытка в самом общем виде очертить связь лингвистической экспертизы с лингвистической теорией и гносеологией. На этой основе мы предложили переформулировать вопрос о лингвистической квалификации формы высказывания в аспекте утверждения / предположения / оценочного суждения, в вопрос лингвистической квалификации иллокутивной составляющей высказывания. Переформулирование в этом плане рассматривается не как технический прием перефразирования, а как гносеологически значимый процесс, позволяющий приблизить лингвоэкспертную практику к решению задач, стоящих перед судом, – к установлению фактов.

Список использованной литературы

1. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие / А.Н. Баранов. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
2. Бринев, К.И. Лингвистические теории и лингвистические экспертные исследования: проблема взаимосвязи юридической и теоретической лингвистики / К.И. Бринев // Юрислингвистика. – 2010. – № 10. – С. 176–186.
3. Звегинцев, В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В.А. Звегинцев. – Москва : Просвещение, 1967. – 338 с.
4. Поппер, К. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Поппер. – Москва : Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
5. Тарский, А. Семантическая концепция истины и основания семантики [Электронный ресурс] / А. Тарский. – Режим доступа: http://khazarzar.skeptik.net/books/tarski01.htm

А.А. Ворожбитова

г. Сочи, Россия

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ГЕНЕРИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ДИСКУРСА КОЛЛЕГИАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО-ГУМАНИТАРИЯ

Аннотация: Лингвориторическая (ЛР) парадигма как интегративное направление Сочинской школы позиционируется в качестве синергетической матрицы исследования процесса и продукта, а также – на универсальной концептуальной основе – дальнейшего генерирования инновационного дискурса коллегиальной языковой личности (ЯЛ) ученого-гуманитария в современном полиэтносоциокультурно-образовательном пространстве (ПЭСКОП) России и зарубежья. Ядром названного дискурсивного процесса правомерно считать инновационный научный дискурс междисциплинарного характера, инициированный в рамках грантовой деятельности при поддержке РФФИ.

Ключевые слова: лингвориторическая (ЛР) парадигма, Сочинская ЛР школа, коллегиальная языковая личность (ЯЛ) ученого-гуманитария, полиэтносоциокультурно-образовательное пространство (ПЭСКОП), языковая личность плагиатора.

A.A. Vorozhbitova

Sochi, Russia

LINGUISTIC PARADIGM AS A SYNERGETIC MATRIX FOR GENERATING AN INNOVATIVE DISCOURSE OF A COLLEGAL LANGUAGE PERSONALITY OF A SCIENTIST-HUMANITARIAN

Abstract: The Linguistic and Rhetorical (L&R) Paradigm is an integrative direction of Sochi School treated as a synergetic framework of research into process and product as well as the universal conceptual basis for further generation of innovative discourse of the collegial linguistic personality (LP) of a scholar in modern Russian and global polyethnic sociocultural and educational space (PESCES). The core of this discursive process is constituted by the innovative research discourse of interdisciplinary status, initiated in the framework of grant activities supported by the Russian Foundation for Basic Research.

Keywords: Linguistic and Rhetorical (L&R) Paradigm, Sochi L&R School, collegial linguistic personality (LP) of a scholar, polyethnic sociocultural & educational space (PESCES), linguistic personality of a plagiarist.

С учетом динамики развития научных парадигм (см. работы Т. Куна, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова и др.) ***лингвориторическая (ЛР) парадигма*** как интегративное направление в филологической науке, разработанное в трудах Сочинской ЛР школы, объективно выступает универсальной, синергетической по своей природе матрицей исследования процесса и продукта, а также – на универсальной концептуальной основе эффективной речемыслительной деятельности – дальнейшего генерирования инновационного дискурса ***коллегиальной языковой личности (ЯЛ) ученого-гуманитария.***

В первой четверти XXI в. ***ядром системы инновационных дискурсивных процессов в системе гуманитарных наук*** российского полиэтносоциокультурно-образовательного пространства (ПЭСКОП), с выходом за его пределы в межгосударственных интернациональных научных проектах, правомерно считать инновационный научный дискурс междисциплинарного характера, инициированный в рамках грантовой деятельности при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук (ранее РГНФ) Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). В теоретико-методологическом аспекте актуально весь массив фундаментальных исследований в области гуманитарных наук, и их базовую часть, выполненную по грантам РФФИ, квалифицировать в качестве совокупного дискурса коллегиальной ЯЛ ученого-гуманитария.

ЛР парадигма определяется как интегративная научная призма исследования речемыслительных феноменов и коммуникативных явлений, различных дискурс-практик и дискурс-ансамблей, формирующаяся на пересечении терминологических платформ: 1) лингвистики (антропоцентрической, системно-структурной, когнитивной, культурологической и др. направлений языковедения); 2) риторики (классической и неориторики, теории текста и дискурса, стилистики и др. направлений речеведения). Как известно, системный подход пришел в другие науки именно из языкознания, из концепции структурализма Ф. де Соссюра. Неориторика представляет собой столь же системную матрицу, причем «в квадрате», где лингвистический и риторический компоненты взаимно усиливают друг друга, а любой научный текст, в том числе философский – это, прежде всего, дискурс-текст, сгенерированный ЯЛ продуцента и воспринимаемый ЯЛ реципиента, воплощение ЛР инварианта и специально-научных вариаций. Структурно-смысловые модели, или риторические ***топы***: ***общее/частное, абстрактное/конкретное, род/вид/разновидность, целое/часть*** и др. (см., например, работы В.А. Садиковой) – образуют как внутренний речемыслительный каркас любого научного дискурса той или иной специализации, так и основу для внутренней типологизации всего массива совокупного инновационного дискурса исследований как процесса и продукта коллегиальной ЯЛ ученого-гуманитария, устанавливаемой на том или ином уровне обобщения. Выявляются междисциплинарный общенаучный, затем, в его рамках, – общегуманитарный инвариант и специфика вариативных компонентов: а) по наукам, по этнокультурным их ветвям (ср.: ветви структурализма в языкознании, ветви философии русского космизма и т.п.); б) по хронологическим периодам; в) по научным школам и т.д.

Основаниями для разграничения в рамках общей концепции ЛР парадигмы парадигматики, синтагматики и эпидигматики информационных, коммуникационных и дискурсивных процессов в рамках ПЭСКОП выступает ряд позиций-типологизаторов. ЛР парадигма как исследовательская призма инновационного, синтезирующего характера была сформирована в начале 1990-х гг. на пересечении трех категориальных рядов: 1) Этос, Логос и Пафос (нравственно-философское, словесно-мыслительное и эмоциональное начала речи) как идеология – в широком смысле – любого речевого поступка; 2) уровни структуры ЯЛ как носителя идеологии: ассоциативно-вербальная сеть, тезаурус, прагматикон (согласно Ю.Н. Караулову); 3) этапы универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову» как способ экспликации идеологии: инвенция, диспозиция, элокуция. Результатом явились три группы универсальных ЛР параметров: ***этосно-мотивационно-диспозитивные, логосно-тезаурусно-инвентивные, пафосно-вербально-элокутивные.*** С 2015 г. 9-мерность ЛР парадигмы эксплицитно эволюционировала в 16-мерность: исследовательскую призму образуют этосно-мотивационно-диспозитивно-ориентировочные, логосно-тезаурусно-инвентивно-психориторические, пафосно-вербально-элокутивно-мнемонические, софийно-синтезно-акционально-редакционные параметры.

В русле интегративного ЛР подхода как своего рода синергетической матрицы названных выше параметров исследования Сочинской школы в

аспекте дискурсивных процессов ***мегасферы российского ПЭСКОП*** подразделяется согласно выделенным нами ***суперсферам коммуникации: социокультурная*** (дискурс массмедиа, PR, рекламный, психолого-прагматический и т.п.), ***литературно-художественная, гносеологически ориентированная*** (научный, религиозный, эзотерический виды дискурса), ***педагогическая.*** Особое место занимает ***научный дискурс***, который может быть посвящен дискурс-практикам и дискурс-ансамблям любой из названных сфер, в том числе выступает в качестве ***метанаучного дискурса.***

Ряд исследований Сочинской ЛР школы посвящен именно гносеологически-ориентированной коммуникации, а в ее рамках – конкретно научному дискурсу и ***ЯЛ ученого***, например: «Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А.Ф. Лосев)» (В.В. Дружинина, 2004 г.); «В.В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: лингвориторический аспект (на материале текстов о языке и стиле русских писателей)» (Л.Н. Кузнецова, 2013 г.); «Русский космофилософский дискурс как речемыслительный продукт коллегиальной языковой личности: лингвориторический подход» (А.Б. Тихонова, 2013 г.). В Сочинском госуниверситете был выполнен финансируемый проект по теме «К.Д. Ушинский: научно-педагогический дискурс как отражение специфики языковой личности ученого-основоположника в неогуманистической образовательной парадигме информационного общества» (2014 г.). В настоящее время ведется исследование по теме «Профессиональная языковая личность ученого-филолога: лингвориторическая типологизация (на материале идиодискурсов М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана)» (А.М. Бектурсынова). В 2014 г. нами опубликованы работы в рамках тематики проектирования стратегии использования социальных медиа в процессах научно-технической и инновационной сфер [2, с. 34–39], в связи с чем была постулирована категория «***коллегиальная ЯЛ представителя научного сообщества России»,*** которая позиционировалась как «субъект разработки стратегии использования социальных медиа в процессах научно-технической и инновационной сфер» [2, с. 39–43]. С позиций ЛР подхода был описан опыт моделирования такой стратегии [4, p. 2093–2100]; охарактеризованы «инвенция стратегии использования социальных медиа в процессах научно-технической и инновационной сфер: лингвориторика vs. экономика» [2, с. 43–47] и ее диспозиция в аспекте «учета экономических показателей и рисков» [2, с. 47–51], а также «инструментально-технологический блок модели» [4, p. 2101–2109]. Сошлемся также на отдельный том Сочинской ЛР школы в материалах недавно прошедшей международной конференции «Мировые научно-технические тренды '2019» (г. Карлсруэ, Германия, 26–27 декабря 2019 г.) [5] и наши работы, в частности, «Универсальный модуль: «Лингвориторическая парадигма как интегративный подход в филологической науке» (теоретические предпосылки)» [5, с. 6–14] и «"Научная школа" как дискурсивно-текстовый континуум коллегиальной языковой личности: роль ученого-основоположника» [5, с. 80–86].

В ЛР парадигме категория **«коллегиальная ЯЛ ученого-гуманитария»** фиксирует обобщенного продуцента особого дискурсивного пласта в рамках определенной области научного знания, синтезируя антрополингвистические характеристики создателей текстового массива, репрезентирующего оригинальный по содержательно-смысловым и композиционно-языковым особенностям специализированный научный дискурс. Сущностные признаки данной категории: 1) генерализованность объективации в дискурс-практиках, дискурс-ансамблях и соответствующих текстовых массивах уровней структуры ЯЛ совокупности продуцентов – ученых, специализирующихся в данной отрасли научного знания; 2) парадигмальная общность речемыслительной базы творческого дискурсивно-текстообразующего процесса научно-исследовательской деятельности в данной научной сфере; 3) социокультурно-образовательная обусловленность становления продуцента как ЯЛ ученого-гуманитария, прогнозируемые характеристики «фактора адресата»; 4) специализированная институционально-профессиональная направленность речемыслительной деятельности в целом и конкретики творческого дискурсивно-текстообразующего процесса.

Более частные подтипы коллегиальной ЯЛ ученого-гуманитария соответствуют основным научным направлениям, к которым относятся, прежде всего, заявленные в информационном письме данной конференции науки: ***история, филология (лингвистика, литературоведение), социальная философия, социология, психология, педагогика***. Линии разграничения проходят также по научным школам и направления в рамках отдельных наук

и по временн***о***му этапу стимулирующей деятельности РФФИ, по доле исследований по грантам фонда – в плане создаваемых и развиваемых концепций. Для наук в целом актуальны также более широкие временн***ы***е этапы их развития – в плане того, какие именно концепции наиболее близки современным исследователям, чьи установки они развивают в проектах, поддержанных фондом. Правомерно говорить также о макро-, мезо-, микроуровнях дифференциации: а) инновационного научного дискурса коллегиальной ЯЛ ученого-гуманитария как единого конгломерата ряда исследовательских дискурс-практик, их единого дискурс-универсума как фрагмента («голографического скола») общей научной картины мира; б) самой коллегиальной ЯЛ ученого-гуманитария (типология ее видов и подвидов, типов и подтипов).

Выявление трендов проблематики совокупного дискурса фундаментальных гуманитарных исследований и современных методологических подходов к изучению актуальных вопросов перечисленных дисциплин осуществляется на макроуровне. Так, цель генерирования коллегиального научного дискурса в сфере гуманитарного знания, согласно установкам конференции, – определить содержательные и организационные линии развития современных гуманитарных исследовательских проектов. Указанные направления работы объективно образуют архитектонику единого научно-исследовательского «здания», «этажи» и «отделы» которого – разные науки – располагаются раздельно; при этом они имеют и общие залы, и сугубо свои специфические отделы:

1. Историко-культурный диахронический фундамент: методологические и источниковедческие проблемы исторических исследований; историко-культурное наследие в парадигме устойчивого развития общества.

2. ЛР парадигма в языкознании и литературоведение как ее рецептивно-аналитическая и интерпретационная проекция: методология и практика современных лингвистических исследований; современные стратегии и методы литературоведческих исследований.

3. Непрерывное ЛР образование как инновационная педагогическая система: современные тенденции развития системы образования; актуальные проблемы развития личности в современном обществе.

Обобщающим «куполом здания» современного российского гуманитарного знания служит разработанная в ЛР парадигме идеальная модель ЯЛ россиянина (тип ЯЛ по государственной принадлежности): ***сильная ЯЛ диалогического, демократического, поликультурного типа; профессиональная ЯЛ,*** в том числе ***би/полилингвальная ЯЛ; коллегиальная ЯЛ российского ученого-гуманитария,*** с учетом более частных подразделений. Современный ***российский дискурс гуманитарных исследований,*** ядро которого составляет тематика изысканий, выполненных по грантам РФФИ, представляет собой этнокультурно маркированный дискурсивный пласт (в статике) и актуальный дискурсивный процесс (в динамике), сформировавший интегративную область знания в отечественной и мировой науке, моделирующий научную картину мира, сформировавшуюся в российском ПЭСКОП. Ветви, подтипы данного дискурса, выделяемые на первом уровне членения, то есть по отраслям наук, репрезентируют определенное единство ***этосно-диспозитивно-мотивационно-ориентировочных*** установок, ***логосно-инвентивно-тезаурусно-психориторических*** моделей, ***пафосно-вербально-элокутивно-мнемонических*** особенностей, ***софийно-синтезно-акционально-редакционных*** аспектов речемыслительной объективации в опубликованных работах.

Названные универсальные ЛР параметры формируют дискурсивные стратегии и тактики научного мировоззренчески-проективного воздействия на ***обобщенную ЯЛ массового реципиента,*** функционирующего в сферах научной и образовательной коммуникации. Основными ***подтипами*** такой ЯЛ в сфере аналитико-интерпретативной деятельности (восприятие, понимание, анализ, интерпретация) выступают: 1) ЯЛ ученого (научного сотрудника), который и сам является активным продуцентом научного дискурса; 2) ЯЛ ученого-преподавателя, транслирующего как авторский научный (продуктивно-творческий), так и обучающий (репродуктивно-конструктивный) научно-учебный дискурс; 3) ЯЛ преподавателя (вуза, колледжа) как продуцента в основном научно-методического дискурса; 4) ЯЛ школьного учителя; 5) ЯЛ обучающегося (вуза, колледжа, школы, направлений и профилей подготовки).

В настоящее время в филологии функционируют категории ***«концепт текста»*** и ***«концепт дискурса»***; в контексте данной работы актуально постулирование понятия и термина ***«концепт научной отрасли»,*** где имя концепта совпадает с названием данной науки, а далее (по риторическим топам) происходит разветвление, образу-

ются номинативные цепочки («Гуманитаристика», «Филология», «Языкознание», «Психолингвистика» и др.), с иерархией переходов «макро-, мезо-, микроуровень» (Ср. также уровни общефилософской, общенаучной и частной методологии). **«Концепт научной отрасли»** определяется нами как сложное, иерархически организованное ментальное образование, объективированное в речемыслительной деятельности коллегиальной ЯЛ ученого системой ЛР средств, эксплицитных и имплицитных, которое генерирует и организует тексты-репрезентанты того или иного типа отраслевого научного дискурса и конституирует данную разновидность дискурса научной области (в единстве парадигматики, синтагматики и эпидигматики информационных, коммуникационных и дискурсивных процессов) как особый речемыслительный пласт по содержательно-смысловому и формально-языковому критериям (инвентивно-элокутивная координация) в качестве ведущего признака при установлении классификационной специфики данного типа дискурса в системе родовидовых отношений.

На первом уровне абстракции для российского научно-гуманитарного дискурса системообразующую роль играют концепты ***«наука»*** и ***«гуманитаристика/гуманитарное знание»,*** на которых базируется соответствующий ***интерперсональный когниотип*** (по А.Г. Баранову), под которым понимается «ментально-лингвистическая заготовка текстовой деятельности», связывающая основу порождения и понимания текста с наличием когнитивной базы; «база данных для порождения и понимания массива текстов определенной предметной области в их жанровой спецификации» [1, с. 39]. Три структурных компонента когниотипа (пропозициональный, модальный, текстуальный) [1, с. 40] представим далее уже встроенными в ЛР параметры:

• ***инвентивно-парадигматический механизм*** реализации ЛР компетенции ЯЛ ученого-гуманитария: ***пропозициональный компонент когниотипа***, то есть объекты в их связях как предметные знания, идейно-тематический слой дискурс-текста (***логосно-тезаурусно-инвентивно-психоритори-ческие параметры*** дискурс-текста);

• ***диспозитивно-синтагматический механизм*** ЯЛ ученого-гуманитария: ***модальный компонент когниотипа,*** т.е. отношения, оценка; процедурные знания: интерперсональные, персональные; «риторическое выдвижение»; архитектоника и композиция (***этосно-диспозитивно-мотивационно-ориентировочные*** параметры дискурс-текста);

• ***элокутивно-экспрессивный механизм*** ЛР компетенции***: текстуальный компонент когниотипа***: лексико-грамматическая координация, изобразительно-выразительные средства, языковые маркеры отношений, «заготовки – батареи лингвистических выражений, или когниотипических полей» (А.Г. Баранов) (***пафосно-вербально-элокутивно-мнемонические*** параметры дискурс-текста).

Как видим, когниотипические поля: пропозициональное, модальное, текстуальное – коррелируют с тремя ядерными группами ЛР параметров в аспектах трехуровневой модели ЯЛ продуцента/реципиента, этосно-логосно-пафосного обеспечения речемыслительной деятельности, инвентивно-диспозитивного каркаса и элокутивного наполнения дискурсивно-текстообразующего процесса. Обобщение осуществляется в рамках ***софийно-синтезно-акционально-редакционных*** ЛР параметров.

В методологическом отношении дифференцированы ***когниотип-1*** – «экстериативный»; ***когниотип-2*** – «процессуальный»; ***когниотип-3*** –«инструментативный»; ***когниотип-4*** – «объектный» (Е.И. Голованова). К уровням владения когниотипом (А.Г. Баранов): ***экспертному, любительскому, дилетантскому –*** добавим также различение ***продуктивно-творческого, репродуктивно-конструктивного, рецептивно-аналитического, аналитико-интерпретативного регистров*** речемыслительной деятельности на уже перечисленных выше (в контексте рецепции) уровнях ***разных типов ЯЛ продуцента*** (ниже указаны в 1, 2 пунктах) и ***реципиента научного дискурса***: 1) ученого – научного работника; 2) ученого – 2.1) преподавателя; 2.2) учителя; 3) преподавателя-методиста вуза, колледжа; 4) школьного учителя; 5) обучающегося (разных ступеней, направлений и профилей подготовки).

В контексте данной статьи важно подчеркнуть перспективность также категориальной разработки постулируемого нами понятия и термина ***«языковая личность (ЯЛ) плагиатора»*** («***плагиатная/плагиаторная ЯЛ***»). Типологизация данного феномена проходит по областям всех видов творчества, искусства и, разумеется, речемыслительной деятельности, прежде всего литературно-художественной и гносеологически-ориентированной; в последней находит свою типологическую позицию ***вид продуцента научного дискурса – субъекта***

научно-исследовательской деятельности, которого необходимо квалифицировать ***как ЯЛ плагиатора***. Общество бьет тревогу: «…Появились десятки тысяч научных статей, которые являются прямым переводом чужих работ на иностранных языках. Потери федерального бюджета от подобной деятельности оцениваются в 10 миллиардов в год. В рамках нацпроекта «Цифровая экономика» было выделено 180 миллионов рублей, которые пойдут на создание технологии, позволяющей находить плагиат вне зависимости от языка оригинального текста» [3]. (Отметим, что на момент написания этих строк, 15.03.20, в 11.15, поиск в Интернет по ключевым словам ***языковая личность (ЯЛ) плагиатора, плагиатная ЯЛ*** не дал результатов. Выявленные поиском ГУГЛ употребления словосочетания «языковая личность» не содержали в одном контексте слова ***плагиат, плагиатная, плагиатор;*** было предложено исправить сам запрос).

Таким образом, комплексное ЛР изучение в российском и мировом ПЭСКОП различных дискурс-практик, дискурс-ансамблей, дискурсивных процессов разных типов объективно является плодотворным и перспективным. ЛР парадигма Сочинской школы **–** инновационная система научных координат для исследования любых речемыслительных феноменов, которая призвана объединить усилия, во-первых, филологов, теоретиков и методистов, во-вторых, представителей других научных дисциплин – на всех уровнях ЛР самореализации ЯЛ ученого-гуманитария: этническом, государственном, планетарном. В системе универсальных ЛР параметров могут быть учтены и интегрированы на общей теоретико-методологической платформе данные и результаты разных коллективов коллегиальной ЯЛ – по всем направлениям филологии, гуманитаристики, науки в целом. Принципиально важен высокий креативный потенциал ЛР парадигмы как синтезирующей концептуальной платформы формирования и дальнейшего более скоординированного генерирования инновационного дискурса коллегиальной ЯЛ ученого-гуманитария, ядром которого является исследовательский массив проектов, поддержанных РФФИ.

Список использованной литературы

1. Баранов, А.Г. Прагматика как методологическая перспектива языка / А.Г. Баранов. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2008. – 188 с.
2. Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития '2014. Сборник научных трудов SWorld. Выпуск 3(36). Том 20. – Одесса : КУПРИЕНКО СВ, 2014. – 100 с.
3. Пугачев, Д. Российский искусственный интеллект будет выявлять плагиат в научных статьях. 8.03.20 [Электронный ресурс] / Д. Пугачев. – Режим доступа: // http://4pda.ru/2020/03/08/368779/
4. European Researcher. – 2014. – Vol.(88). – № 12–1. – P. 2047–2116.
5. Modern engineering and innovative technologies. – Issue № 10.– Part 4. «World science and technology trends '2019». – 111 с.

С.Ф. Галкина

г. Санкт-Петербург, Россия

Т.Ю. Ласовская, Ю.А. Белоглазова, К.О. Валюхова

г. Новосибирск, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АЛЕКСИТИМИКА: К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-013-00466 «Сравнительный анализ письменной речи лиц с алекситимией и без алекситимии».

Аннотация: В настоящей статье описываются отдельные аспекты языковой личности алекситимика. При исследовании применены статистический, сравнительно-сопоставительный методы, а также элементы нарративного анализа. В работе проверяется следующая гипотеза: восприятие и интерпретация текста зависят от психологических особенностей,

учитывая, что алекситимики испытывают затруднения с интерпретацией поведения и эмоционального состояния в коммуникации, подобные затруднения возникнут у них и при чтении текста. Для проверки гипотезы использовался клоуз-тест.

Ключевые слова: языковая личность алекситимика, контент-анализ, психолингвистика, клоуз-тест.

S.F. Galkina
St. Petersburg, Russia
T.Yu. Lasovskaya, Yu.A. Beloglazova, K.O. Valyukhova
Novosibirsk, Russia

LINGUISTIC PERSONALITY OF A MAN WITH ALEXITHYMIA: TO THE PROBLEM OF MODELING

Abstract: This article describes certain aspects of a linguistic personality of a man with alexithymia. In the research were used statistical and comparative methods and also elements of narrative analysis. The following hypothesis is tested in the research: the perception and interpretation of the text depends on the psychological characteristics of the personality, therefore, given that person with alexithymia have difficulty with interpreting behavior and emotional condition in communication, then similar difficulties will arise in them when reading the text. The close-test was used for testing the hypothesis.

Keywords: the linguistic personality of a man with alexithymia, content analysis, psycholinguistics, close-test.

Осознание сложных взаимосвязей между различными явлениями объективной действительности детерминировало появление все большего количества междисциплинарных исследований, как естественнонаучных, так и гуманитарных. Исследование алекситимии активно осуществлялось в психологии, в том числе, в клинической психологии. При этом в работах ученых отмечались такие (психо)лингвистические явления, как неспособность выражать собственные чувства, бедность словаря и т. п. [1, с. 148]. В лингвистическом аспекте подобные характеристики были проработаны в отношении эмоциональной составляющей речи алекситимика [2, с. 103–105]. Языковая личность отдельных людей, персонажей и тех или иных социотипов активно исследуется и описывается в ряде работ. При этом описываются определенные уровни, идеохарактеристики. Типологизация осуществляется по различным принципам, в зависимости от задач исследования.

Исследования, выполненные в рамках клинической лингвистики, оперируют теми или иными речевыми нарушениями на разных уровнях языка, то есть имеют дело непосредственно с патологией.

Исследование письменной речи лиц с алекситимией и без нее обусловило постановку ряда задач, для решения которых могли быть использованы методы исследования языковой личности, сложность представляла выборка респондентов: в рамках работы предстояло исследовать не какую-либо отдельную языковую личность, ни тот или иной усредненный типаж, художественный персонаж. Методы клинической лингвистики тоже не могли быть применены, поскольку алекситимия не является патологическим состоянием или заболеванием и не проявляется в речи подобно, например, афазии. Она представляет собой феномен, определенную особенность человека, являющуюся фактором риска развития осложнений для ряда психосоматических заболеваний.

В силу этого актуальной проблемой исследования была разработка методов исследования. Учитывая психологические аспекты исследуемого феномена, в качестве одного из методов был использован клоуз-тест. В качестве исходного материала был взят небольшой фрагмент текста. Ряд его лексических единиц был изъят. На месте пропуска респондентам было предложено вставить любые слова (оговаривалось, что это могла быть любая часть речи).

Для исследования полученных текстов использовался количественный и качественный контент-анализ посредством лингвистической программы LIWC2015 [3]. В итоге после обработки

полученных сведений статистической программой был получен ряд данных.

Исходную гипотезу можно сформулировать следующим образом: восприятие и интерпретация текста зависят от психологических особенностей личности, поэтому учитывая, что алекситимики испытывают затруднения с интерпретацией поведения и эмоционального состояния: 1) используемая ими лексика будет содержать меньше эмотивно окрашенных единиц; 2) их вставки в текст будут чаще отличаться от авторского текста, чем вставки неалекситимиков. В обработке информации использовались как собственно лингвистические методы (семантический анализ, нарративный анализ, сравнительно-сопоставительный), так и общенаучный метод статистического анализа.

Респонденты получили два купированных текста:

Текст № 1. ***На улице было уже совсем _____ (1) . Дождь _____ (2) по плечам, по капюшону. Виктор ссутулился и сунул руки поглубже в карманы. Вот в этом скверике мы впервые поцеловались, _____ (3) он. А этого дома тогда еще не было, а был пустырь, а за пустырём – свалка, там мы охотились с рогатками на кошек. В городе была _____ (4) уйма кошек, а сейчас я что-то ни одной не вижу.***

На месте пропуска в оригинальном тексте были следующие единицы: (1) ***темно***, (2) ***застучал***, (3) ***думал***; (4) ***чертова***.

Текст № 2. ***Виктор _____, какое лицо сделалось у Дианы. Как на _____ картине. Даже не на картине – на _____. _____ неподвижность черт, и ты _____, то ли это замысел мастера, то ли бессилие ремесленника. Она не ответила. Она молчала, и мокрец тоже молча смотрел на неё, и никакой _____ не было в этом молчании – они были вместе, а Виктор и прочие были отдельно.***

На месте пропуска в оригинальном тексте были следующие единицы: (1) ***поразился***, ***(2) старинной, (3) иконе, (4) странная,(5) недоумеваешь, (6) неловкости***.

В рамках настоящей статьи были взяты только данные полярных групп, то есть лиц с алекситимией (22 респондента) и без нее (55 респондентов), тексты людей с пограничным уровнем алекситимии были исключены для получения более надежных результатов.

Результаты клоуз-теста показали, что имеются достоверные различия в употреблении местоимений между лицами с алекситимией и без нее. Местоимение ***я*** представлено достоверно реже, а ***мы*** – не употребляется ни в одном случае. В то же время местоимения, обозначающие других людей (***он / она, они, ты***), появляются в письменной речи достоверно чаще (Уольда-Уольфовитца $p<0.000001$). Это может говорить о том, что лица с алекситимией склонны испытывать трудности с самоидентификацией и с идентификацией со значимым другим (***ты***). А вот появление в тексте местоимений, обозначающих других, может быть связано с ориентацией личности алекситимика на внешнее окружение и его стремлением к нормативности.

Также показано, что алекситимики достоверно реже употребляют неопределенные местоимения (***что-либо, кто-либо***), что может свидетельствовать о низкой переносимости ими ситуаций, несущих в себе элемент неопределенности (Уольд-Уольфоветц $p<0.000001$).

Еще одна часть речи, употребляемая алекситимиками достоверно чаще, – это наречие ($p<0.03$). Как часть составного именного (предикативного) сказуемого она может передавать эмоциональное состояние: ***на душе было радостно***. Таким образом, употребление наречий облегчает алекситимикам выражение их эмоционального состояния, например: ***тепло, солнечно.***

У алекситимиков достоверно чаще встречаются слова, обозначающие какое-либо количество (все, половина $p<0.005$), но, вместе с тем, числительные – достоверно реже ($p<0.01$). Вульгаризмы – не встречаются совсем (алекситимики предъявляют себя миру как нормативную личность). О стремлении к нормативности также говорит: достоверно меньшее число слов-паразитов, отсутствие неправильного употребления слов и блокированный гнев (Уольда-Уольфовитца $p<0.000001$).

В тематическом отношении у алекситимиков достоверно в большей мере представлены здоровье ($p<0.004$) и секс ($p<0.000001$), представлено достоверно большее число междометий (Уольда-Уольфовитца $p<0.000001$).

Ряд данных был получен при помощи лингвистического анализа. Клоуз-тест № 1. На месте первого пропуска обе группы респондентов вставили либо слово «темно», лексемы той же самой либо близкой тематической группы: ***пасмурно, холодно, стемнело (и похолодало), по-осеннему.*** Отдельные респонденты использовали антонимичные варианты: ***солнечно***; ***светло,*** т***епло, рассвело*** (4,5% алекситимиков и 7,2% респондентов без алекситимии).

На месте второго пропуск ни один респондент с алекситимией не использовал авторский вариант «***застучал***». Среди респондентов без алекситимии 15% использовали этот глагол без приставки, в том числе в сочетании с другими глаголами, например: ***стучал и струился.*** Следует отметить, что 16% лиц без алекситимии использовали глаголы, указывающие на интенсивность действия ***бил, хлестал*** (следует отметить стертое олицетворение)**.** Среди алекситимиков количество таких респондентов достигло 40%: ***бил, хлестал, колотил***.

На месте третьего пропуска у 9% группы лиц с алекситимией использовались слова с семантикой радости: ***был рад, обрадовался***, что противоречит исходному авторскому тексту. В группе лиц без алекситимии лексических единиц с такой семантикой нет. Если респонденты добавляют эмоциональный компонент, то он соответствует авторскому замыслу: ***с печалью в душе вспомнил***; ***с грустью вспомнил***.

Вставки на месте последнего пропуска наиболее разноплановы. Ни один респондент с алекситимией не предложил авторский вариант. Среди респондентов без алекситимии таких 5%. 18% лиц с алекситимией и 14,5% лиц без алекситимии охарактеризовали время или место (***тогда, раньше, возле мусорных баков***), часть ответов не подходит исходному тексту в лексическом, грамматическом либо синтаксическом аспекте (***столько-то, красивая, тишина, наша***). Среди таких ответов 13,5% респондентов с алекситимией и 10% – без алекситимии.

Клоуз-тест № 2. Второй текст, отражающий сложный эмоциональный момент для персонажей, позволяет говорить о разном уровне эмпатии у респондентов с алекситимией и без нее. Данное задание вызывало значительные затруднения у людей со сниженным эмоциональным интеллектом, а также у психосоматических больных. Неоднозначность ситуации, представленной во фрагменте, спровоцировала следующее: на месте пропусков представлены различные слова и грамматические конструкции, при этом совпадения с авторским текстом на уровне 4,5% и 6%. Лица без алекситимии формируют свой текст на основе данного, используя при этом разнообразную, в том числе, эмотивную лексику, сохраняя эмоциональную неоднозначность, присущую исходному тексту. Алекситимики стремятся использовать в непонятных для них случаях местоимения или эмотивно нейтральную лексику: ***той, то же, этой, какая-то, реакции, причины*** и т. п.

Полученные в ходе экспериментального исследования данные позволяют утверждать, что алекситимики склонны испытывать трудности с самоидентификацией, предпочитают употреблять эмоционально нейтральную лексику. По сравнению с лицами без алекситимии они труднее осознают авторские интенции и их вариант слова на месте пропущенного достоверно реже совпадает с авторским.

Список использованной литературы

1. Есин, Р.Г., Горобец, Е.А., Галиуллин, К.Р., Есин, О.Р. Алекситимия – основные направления изучения / Р.Г. Есин, Е.А. Горобец, К.Р. Галлиуллин, О.Р. Есин // Журнал неврологии и психиатрии. – 2014. – № 12. – С. 148–151.
2. Трунов, Д.Г. Уровни вербализации эмоционального опыта / Д.Г. Трунов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 1(13). – С. 102–107.
3. Pennebaker, J.W. Languagebased personality: A new approach to personality in a digital world / J.W. Pennebaker // Current Opinion in Behavioral Sciences. – 2017. – Vol. 18. – P. 63–68.

Н.Д. Голев, А.В. Иркова
г. Кемерово, Россия

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ШКОЛЬНИКА И СТУДЕНТА – ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И ДРУГИХ ФОРМ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 20-412-420004 р_а «Лингвистический мониторинг социальной напряжённости в Кузбассе».

Аннотация: Актуальность предлагаемого исследования обусловлена большой значимостью коммуникации современного школьника-подростка и студента в социальных сетях и других формах виртуального общения, а также ролью такого общения в формировании картины мира и специфической субкультуры молодёжного кластера русскоязычного сообщества и его индивидуальных представителей. Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности их использования в образовательном процессе, просветительской деятельности, молодежной политике государства.

Ключевые слова: коммуникативный портрет, языковая личность, социальные сети, дискурс, молодёжный дискурс.

N.D. Golev, A.V. Irkova
Kemerovo, Russia

COMMUNICATIVE PORTRAIT OF THE MODERN RUSSIAN SCHOOLER AND STUDENT– USERS OF SOCIAL NETWORKS AND OTHER FORMS OF VIRTUAL COMMUNICATION

Abstract: The relevance of the proposed study is defined by great importance of communication of a modern schooler and student in social networks and other forms of virtual communication, as well as the role of such communication in shaping the picture of the world and the specific subculture of the youth cluster of the Russian-speaking community and its individual representatives. The practical significance of the research results is the possibility of their use in the educational process, in the educational activity.

Keywords: communicative portrait, language personality, social networks, discourse, youth discourse.

Главный предмет предлагаемого исследования – коммуникативное поведение современной российской молодёжи разных возрастов и социальных статусов. Основной аспект его рассмотрения – лингвоперсонологический; предполагается изучение представителей современной молодёжи как коммуникативных личностей, выявление и описание её коллективного портрета, а также основных типов и группировок внутри неё. Цель исследования состоит в комплексном лингво-теоретическом и конкретно-исследовательском описании коммуникаций, которые использует современный школьник-подросток и студент в социальных сетях и других формах виртуального общения, а также определении роли социальных сетей в формировании картины мира и специфической субкультуры молодёжного кластера русскоязычного сообщества и его индивидуальных представителей. Под комплексным анализом понимается рассмотрение глубинных (когнитивных и прагматических) и поверхностных (вербально-семантических) уровней реализации

языковой личности подростка и студента: что соответствует трём уровням в структуре языковой личности по концепции Ю.Н. Караулова. Предполагается как теоретическое изучение языка и языковой картины мира молодёжи, так и конкретно-исследовательское описание генезиса языковых личностей и их дискурсивного воплощения в лингвоперсонологическом и коммуникативном (преимущественно психолингвистическом и социолингвистическом) аспектах. В когнитивном аспекте изучение модусов и диктумов участников обыденной коммуникации молодежи, сфокусированных в языковых формах в виде устойчивых образов, символов, концептов, мифологем, репрезентирует их знание о мире и гетерогенное содержание установок современного молодого человека как пользователя социальных сетей и других форм виртуальной коммуникации через зафиксированные речевые и языковые проявления. Частными задачами когнитивного описания являются: 1) разработка схемы портретирования языковой личности молодого человека на основе оппозиции трёх аспектов речевого акта и знаковой системы: синтактики, семантики и прагматики (по концепции Ч. Морриса), 2) разработка анкет, позволяющих собрать необходимый материал для решения поставленных задач, 3) обобщение данных анкет, направленных на выявление системных черт коммуникативного поведения современного школьника-подростка и студента, 4) создание типологии коммуникативного поведения и его носителей, 5) портретирование отдельных типов языковой личности молодого человека. Прикладными задачами исследования является изучение «выходов» результатов исследования в социологическую, педагогическую формы социальных практик.

Проводимое исследование позволяет получить значимые научные результаты инновационного типа: выделение нового направления на стыке лингвоперсологии, естественной письменной речи и концепции социальных сетей как особом пространстве коммуникации молодых людей и как новом разделе коммуникативистики.

Актуальность научно-исследовательской работы обусловлена, с одной стороны, активизировавшимися лингвистическими и лингвокогнитивными исследованиями, направленными на описание в коммуникативном аспекте личности школьников-подростков и студентов; с другой стороны – повышенным вниманием к проявлению на разных языковых уровнях молодежной коммуникации в социальных сетях. Актуальность проекта определяется включенностью результатов предлагаемого лингвистического исследования в современные проблемы российского общества. Научная значимость проекта заключена в том, что коммуникация современного молодого человека в социальных сетях представляет собой новое направление научного социогуманитарного знания. Элементы научной новизны присутствуют также в комплексной методике исследования. Социолингвистическое и психолингвистическое портретирование российского школьника-подростка и студента как участника различных форм виртуального общения является значимым для их эффективного использования в системе среднего и высшего образования и в семейном воспитании молодых россиян.

Основной материал исследования – данные анкет, в результате исследования которых выявляются системные черты коммуникативного поведения современного школьника-подростка и студента. Также в качестве материала привлекаются комментарии молодых людей на различных порталах и форумах Рунета.

Приведем фрагмент анкеты, иллюстрирующий исследовательскую направленность проекта.

Вопрос № 1. Являетесь ли Вы пользователем социальных сетей? Если да, то в каких сетях Вы зарегистрированы? Объясните Ваш выбор.

Вопрос № 2. Расставьте социальные сети (В конткте, Фейсбук, Инстаграмм) по шкале значимости для Вас от 1 до 10 (10 – самая высокая, далее уменьшение). Объясните свой выбор.

Вопрос № 3. Вы зарегистрированы в соцсетях под своим именем?

Вопрос № 4. Сколько (примерно) часов в день Вы проводите в социальных сетях? __от _____ до_____ .

Вопрос № 5. Какова для Вас цель использования социальных сетей?

Вопрос № 8. Часто ли Вы используете в сообщениях стикеры, смайлики–эмоции? Если да, то какие предпочитаете смайлики (опишите их; приведите примеры)

Вопрос № 9. Какие слова Вы используете в сообщениях, когда общаетесь с друзьями? (Приведите примеры)

Вопрос № 10. Какие эмоции Вы переживаете в социальных сетях?

Вопрос № 11. Вы в социальную сеть заходите через компьютер или мобильный телефон? Объясните Ваш выбор.

Вопрос №12. Что Вы выкладываете социальные сети? Опишите Вашу страничку. Опишите Вашу стену, что Вы там публикуете.

Вопрос № 13. Ваша страничка всем пользователям доступна? (Открытый профиль или закрытый профиль Вашей странички) Объясните свой выбор.

Вопрос № 14. Считаете ли Вы, что Ваша социальная сеть, в которой вы зарегистрировались, – это Ваше личное пространство?

Вопрос № 15. Много ли у Вас друзей в социальных сетях? В реальности Вы также общаетесь, как и в социальной сети?

Вопрос № 16. О чем Вы общаетесь с Вашими друзьями?

После сбора материала предполагается выделить типы языковых личностей по различным основаниям и на этой основе составить индивидуальные портреты языковых личностей. На следующем этапе предполагается моделирование коммуникативного пространства российской молодежи по возрастным, социально-статусным, гендерным, ментально-психологическим и другим основаниям.

Рассмотрены первые анкеты. Количество опрошенных человек: 150 человек (студенты разных факультетов курсов)[1].

Информанты отмечают следующие моменты. Социальные сети стирают границы между городами, странами и континентами. Благодаря им, они имеют возможность постоянно быть на связи со своими родными и близкими.

Предварительные результаты тестирования позволяют утверждать, что молодежь, проходившая данное исследование, в общем виде не имеет серьезных проблем, связанных с зависимостью от социальных сетей, но можно проследить тенденцию увеличения времени пребывания в них (в среднем треть дня, согласно опросу, респонденты проводят в соц. сетях). Есть лишь малый процент информантов, отмечающих наличие признаков зависимости.

Согласно результатам анкеты, можно выделить следующие причины привлекательности социальных сетей для молодого поколения. Первая причина заключается в гедонистическом факторе, ср. один из ответов: когда мы «бродим по просторам» социальных сетей, в нашем мозгу активизируются центры удовольствия (у 80 % опрошенных в анкете). Удовольствие поддерживают положительные оценки («лайки») и приятные комментарии к нашим фотографиям. Ср.: «А что мы делаем, получив приятную эмоцию? Правильно. Возвращаемся в сеть, чтобы получить ее еще раз. Так и выходит, что чем больше человека одобряют в социальной сети, тем больше времени он там проводит».

Вторая причина в ответах информантов связана с особенностями восприятия человеком информации, размещенной в социальных сетях. Ср.: «Ее мы получаем быстро и понемногу. Причем информация эта крайне разнообразна и разнородна. Например, заходя на сайт «ВКонтакте», мы можем сразу включить музыку, параллельно просматривая краткие новости, небольшие заметки и статьи, комментарии, и при этом еще успеваем отвечать на сообщения друзей».

Сто процентов опрошенных являются пользователями социальных сетей. Из них 25 % проводят более шести часов в интернете, а 37 % варьируют время пребывания в зависимости от занятости в реальной жизни. Показателем значимости социальных сетей является тот факт, что только 1 % проводит в социальных сетях не более одного часа в сутки. Но это не говорит о зависимости студентов от социальных сетей, так как 53 % спокойно могли бы отказаться от них. Современные студенты в социальных сетях не скрывают данные об имени и своей внешности: 70 % при регистрации указывают настоящее имя, а 56 % на фото профиля используют собственную фотографию. При этом 75 % опрошенных не скрывают личные данные от других пользователей – имеют открытый профиль.

При ответе на вопрос: «Как часто при встрече с друзьями вы будете проверять свой телефон?» респонденты разделились на две группы: первые – готовы проверять социальные сети каждые полчаса, а другие – пользуются телефоном лишь для того, чтобы ответить на важные сообщения.

Не боятся быть публичными в интернете 52 %, но при этом 44 из них оставляют комментарии только друзьям, родственникам и знакомым.

Для студента важен интернет-образ, так как 67 % подвергают выборке записи, которые размещают в своём профиле. Только 16 % опрошенных не задумываются об опубликованном контенте, а 11 % предпочитают оставлять страницу пустой.

Возможности социальных сетей для студентов не ограничиваются только общением. Для многих это является ресурсом для саморазвития, дополнительного образования и новостей. При этом под-

[1] Авторы признательны студентам 2 курса ИФИЯМ Бедаревой Е. и Чаранцевой А., оказавшим помощь в сборе и первичной обработке материала.

чёркиваются преимущества выбора именно этой платформы: финансовая независимость (за информацию не взымается плата, в отличие от некоторых образовательных сайтов) и возможность быстрого доступа в любом месте.

Социальная сеть также даёт возможность психологической разрядки студента. Примечательно, что 67% опрошенных поднимают настроение забавные картинки или видео с животными. При этом 94% делятся полученными эмоциями / информацией с друзьями.

Основным источником новостей для студентов является не телевидение и газеты, как прежде, а социальные сети: 84% опрошенных подписаны на новостные паблики. Подчёркивается возможность фильтрации данных по научным и личным интересам

Большинство опрошенных подписаны на образовательный контент, среди ответов выявляется профессиональная ориентация студентов. Например, студенты-медики выбирают группы, посвящённые биологии, психологии, гистологии, анатомии и т.д.

Таким образом, у современного студента происходит синтез двух сфер – образовательной и коммуникативной. Заходя в социальную сеть, чтобы проверить сообщения, студент, в первую очередь, попадает в новостную ленту (специфика устройства «Вконтакте»), которая является источником образовательного контента. Таким образом, уменьшается дистанция между общением и саморазвитием. Это и понимается под термином «новый тип коммуникативной личности».

Несмотря на повышенный интерес к коммуникации молодежи в целом, изучение каналов общения молодых людей в социальных сетях практически не подвергалось системной научной рефлексии лингвистов. Имеются отельные публикации, посвященные частным аспектам данной темы.

Я.А. Дударева
г. Кемерово, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКОВ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ».

Аннотация: В настоящее время в социальных сетях политиков важное место занимают сообщения о коронавирусе, в связи с чем, представляется весьма актуальным проанализировать фреймовую структуру события – распространение коронавирусной инфекции в России – на материале сообщений в социальных сетях губернаторов разных российских регионов. Настоящее исследование проводится на материале сообщений в социальной сети «Инстаграм» губернаторов Сибирского федерального округа.

Ключевые слова: политическая коммуникация в социальных сетях; фреймовый анализ.

Ya.A. Dudareva
Kemerovo, Russia

LINGUISTIC ANALYSIS OF SOCIAL NETWORKS OF MODERN POLITICIANS

Abstract: Currently, coronavirus messages occupy an important place in the social networks of politicians, so it seems very relevant to analyze the frame structure of the event - the spread of coronavirus infection in Russia - based on messages in social networks of governors from different Russian regions. This study is based on material posted on the social network «Instagram» of the governors of the Siberian Federal District.

Keywords: political communication in social networks; frame analysis.

Коронавирус как лексическая единица русского языка. При обращении к толковым словарям русского языка лексическая единица **коронавирус** не обнаруживается, в связи с чем, с лингвистической точки зрения можно говорить, что названная лексема являлась до недавнего времени агнонимичной для носителей русского языка. Толкование этого слова представлено исключительно в специализированных лексикографических изданиях, посвященных описанию терминов микробиологии: «семейство РНК-содержащих вирусов. Диаметр вирионов – 80–120 нм, нуклео-капсид спиральный, заключен в липопротеидную оболочку. Содержат одноцепочечную РНК. Размножаются в цитоплазме клеток птиц, млекопитающих (в том числе человека), поражают дыхательные, пищеварительные и другие системы организма. Распространяется без переносчиков» [6].

В «Орфографическом словаре» под редакцией В.В. Лопатина это слово имеет соответствующую помету: корона-вирус (мед.) [4, с. 289]. На данный момент после переиздания словаря в 2018 году в написание этого слова внесено изменение, представленное на сайте Грамота.ру: коронавирус, а [изменено, ср. РОС 2012: корона-вирус, а (мед.)]. Как поясняет Оксана Грунченко, координатор справочной службы русского языка имени В.В. Виноградова РАН, слово **коронавирус** было заимствовано «именно в таком виде путем побуквенной передачи из английского языка <...> [То есть изначально] латынь имеет букву «а» в середине [coronaviridae], в английский слово пришло с буквой «а» в середине [coronavirus]. При этом и в английском, и в латыни оно писалось слитно, там не было пробела или дефиса. Соответственно, слово приходит в русский язык с буквой «а» в середине» [3].

Инстаграм губернаторов Сибирского федерального округа: общие количественные показатели.

Современная политическая коммуникация уже немыслима без использования социальных сетей, поскольку они позволяют оперативно представить информацию и донести ее до большого числа граждан. Как отмечает Е.И. Горошко, «основной целью Инстаграма в сфере политической коммуникации является возможность индивидуальной самопрезентации и возможность обратиться к большой аудитории, что делает Инстаграм эффективным инструментом в процессе формирования политического имиджа» [2, с. 300].

Представим в таблице информацию об использовании Инстаграма губернаторами СФО. В тех случаях, когда у губернатора нет персонального Инстаграм-канала, сведения записаны на основе данных Инстаграма Администрации области (Омская область, Томская область). Республика Тыва имеет страницу в социальной сети «Вконтакте», в других социальных сетях сведения не обнаружены.

Использование Инстаграма губернаторами СФО

Регион	ФИО Главы / ВРИО губернатора	Общее Количество публикаций	Количество подписчиков	Количество Публикаций За период с 19.03.2020 по 26.03.2020	Использование лексемы коронавирус или производных единиц
Республика Алтай	Олег Хорохордин	299	19 тыс.	3	0
Алтайский край	Виктор Томенко	146	66,1 тыс.	3	1
Иркутская область	Игорь Кобзев	209	33 тыс.	27	13
Кемеровская область	Сергей Цивилев	1168	148 тыс.	16	7
Красноярский край	Александр Усс	107	10 тыс.	10	7
Новосибирская область	Андрей Травников	345	20,3	1	0
Омская область	Александр Бурков	455	9700	6	3
Томская область	Сергей Жвачкин	2987	12,6 тыс.	23	35
Республика Тыва	Шолбан Кара-оол	Инстаграм-аккаунт отсутствует			
Республика Хакасия	Валентин Коновалов	682	50,1 тыс.	10	8

Наибольшее количество сообщений, размещенных в Инстаграме, зафиксировано в персональном аккаунте губернатора Кемеровской области С. Цивилева, а также в аккаунте администрации Томской области. У губернатора Кузбасса наибольшее количество подписчиков по сравнению с аккаунтами губернаторов и администраций соседних регионов.

Для проведения собственно лингвистического анализа выбраны сообщения, размещенные в течение 1 недели в период с 19.03.2020 по 26.03.2020. Ключевой темой недели для страны в целом и, шире, для всего мира в этот период являлось распространение коронавирусной инфекции.

За указанный период в Инстаграме С. Цивилева представлено 16 сообщений, в которых на основе контент-анализа определены следующие самые частотные слова: Кузбасс (кузбасский) – 19; ребенок (ребята, дети, детский) – 9; работа – 8; пациент – 7; важный (важно) – 7; новые – 7; помощь (помогать) – 7; условия – 7; врачи – 7; коронавирус – 7; регион – 6.

Таким образом, событие, связанное с распространением коронавируса, может быть описано в терминах фреймового анализа: **коронавирус** – это наименование фрейма, основными актантами которого, по результатам проведенного контент-анализа, являются **дети**, **пациенты** и **врачи**.

Поскольку для защиты детей от коронавирусной инфекции были приняты меры по переходу на дистанционное обучение, информация о детях дается в актуальном образовательном аспекте: «На днях договорился с Германом Грефом о подключении 205 школ Кузбасса к уникальной образовательной платформе Сбербанка. В результате мы сможем подключить к современному цифровому ресурсу более 50 тысяч наших школьников» [7].

Также важно отметить, что в условиях угрозы распространения коронавирусной инфекции «молодые неравнодушные ребята» помогают как волонтеры людям пожилого возраста. Таким образом, в структуре фрейма **Коронавирус** актант **дети**, с одной стороны, является субъектом, о котором заботятся и помогают, а с другой стороны, этот же актант оказывается активно действующим субъектом по отношению к другому актанту рассматриваемого фрейма – **людям пожилого возраста**.

С позиций фреймового анализа врачи также являются активными субъектами, выполняющими трудную важную работу: «на днях наши врачи вылечили одного пациента, но сегодня работы у них снова прибавилось» [7]. Именно врачи и волонтеры являются теми субъектами, к которым обращены слова благодарности губернатора Кузбасса. Лексические единицы со значением благодарности («спасибо», «поблагодарить», «благодарен») завершают целый ряд сообщений о коронавирусной инфекции: «Благодаря их помощи ни один кемеровчанин старше 60 лет не остается без внимания. Спасибо им за такое участие!», «Благодарен медикам за их работу» [7].

Лексическая единица **коронавирус** используется в 7 сообщениях и включена в следующие словосочетания и высказывания: «тест на коронавирус»; «оградить от коронавируса», «пандемия коронавируса», «вылечили заболевшего коронавирусом», «ситуация по коронавирусу», «способ профилактики коронавируса», «К сожалению, в интернете сейчас очень много фейков, связанных с коронавирусом». Тематика перечисленных сообщений связана с представлением объективной информации, которой можно доверять: сведений о числе заболевших и выздоровевших, индивидуальных способах профилактики заболевания, мерах предотвращения распространения инфекции на территории конкретного региона.

Фрейм **Коронавирус** включен в общий контекст социально-экономической жизни региона. Помимо сообщений о распространении заболевания представлена информация о принятии закона о социальной поддержке медработников; о подписании соглашения с РЖД о вывозе угля; о переименовании улицы в честь героя Великой Отечественной Войны и об иных событиях.

В Инстаграм-аккаунте губернатора Иркутской области И. Кобзева лексема **коронавирус** используется 13 раз в контексте, связанном с предпринимаемыми мерами предосторожности, описанием опасности заболевания для пожилых людей, а также при сообщении актуальных данных по отсутствию заболевших в регионе. Лексема **врачи** используется 2 раза, лексическая единица **пациент** в анализируемых текстах отсутствует. Помимо сообщений о коронавирусе имеется значительное количество разнообразных информационных поводов: рабочая поездка губернатора в Заларинский район; юбилейный срок исполнения обязанностей губернатора; награждение героя, спасшего девушку от падения с 14 этажа; юбилей драматического театра; Всемирный день защиты лесов и другие.

В сообщениях Администрации Томской области, количество которых за анализируемый промежуток составило 23, слово **коронавирус** используется 35

раз. Частотность слова связана с тематикой представленных сообщений, 18 из которых посвящены распространению инфекции. В аккаунте имеется информация об отсутствии / появлении новых заболевших за каждый день. В Томске основным актантом фрейма **коронавирус** являются **пациенты**: лексическая единица **пациент** употребляется 21 раз. Лексема **врач** используется 2 раза в сообщениях-рекомендациях. Контекстуально синонимичная ей лексема **медик** также используется 2 раза: в сообщении о волонтерах-медиках, а также в сообщении, содержащем благодарность губернатора С. Жвачкина. Актант **дети** при анализе текстов о коронавирусе за данный период времени не представлен.

Также важно отметить, что для фрейма **коронавирус** значимым оказывается сирконстант **время**, под которым понимается время домашней самоизоляции, карантина. С данным сирконстантом связан такой актант, как **онлайн-сервисы**, позволяющие смотреть фильмы, лекции, экскурсии и т.п., а также еще один сирконстант – **способ совершения действия** – бесплатно: «В связи с коронавирусом онлайн-сервисы предоставляют пользователям во всех городах и районах бесплатные подписки на срок от месяца. Открываем сайт, регистрируемся, если нужно – вводим промокод. Куда пойти не выходя из дома – читай, сохраняй, применяй» [1].

Социально-экономический контекст, окружающий сообщения о коронавирусе, представлен темами о детских пособиях, строительстве селекционно-семеноведческих центров; присвоении томичу звания заслуженного учителя России; запуске «пилота» цифровой платформы; поздравление с днем работника культуры.

В Инстаграм-аккаунте главы республики Алтай за анализируемый период представлено 3 публикации, одна из которых относится к тематике коронавируса и связана с посещением аптек, проверкой губернатором наличия масок и антисептических средств. Основная информация о коронавирусной инфекции распространяется через социальные сети Правительства республики Алтай. Контент-анализ Инстаграм-аккаунта Правительства республики Алтай выявил 10 случаев использования лексемы **коронавирус** в контекстах аналогичным приведенным выше.

В Инстаграм-аккаунте губернатора Алтайского края представлено также 3 сообщения за анализируемый период, одним из которых является указ «Об отдельных мерах по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19».

В Инстаграм-аккаунте губернатора Красноярского края 6 раз используется словосочетание **коронавирусная инфекция** и 1 раз лексема **коронавирус**. Контексты употребления анализируемого слова показывают, что для Красноярского края значимыми актантами фрейма **коронавирус** также являются **доктор** и **пациент**, о которых губернатор говорит в контексте благодарности: «Сегодня трое пациентов выписываются после курса лечения от коронавируса. Подтвердили отрицательный диагноз и полное излечение. Спасибо нашим докторам!» [5].

Также словосочетание **коронавирусная инфекция** употребляется в сообщениях, предупреждающих о фейках и посвященных мерам предупреждения ее распространения: «Губернатор также попросил уделить внимание безопасности сотрудников магазинов и покупателей. Например, обозначить расстояние между стоящими в очереди людьми в полтора-два метра» [5].

Анализ Инстаграм-аккаунта Омской области показал использование слова **коронавирус** 2 раза и словосочетания **коронавирусная инфекция** 1 раз. Из 6 сообщений коронавирусу посвящено 4 текста, связанных с профилактикой распространения инфекции, предупреждением о фейковых новостях и наличием открытых библиотечных онлайн-сервисов. Самым частотным словом оказалась лексическая единица **библиотека** (7 употреблений), таким образом, актант **онлайн-сервисы** оказался наиболее значимым в вербальном представлении рассматриваемого фрейма.

В текстах губернатора Хакасии, размещенных в его Инстаграм-аккаунте, лексема **коронавирус** встречается 8 раз. Также среди важных частотных слов имеется глагол **соблюдать** (6 вхождений). Помимо этого, в структуре фрейма **коронавирус** имеется важный актант **дети**, для которых организуются специальные дежурные группы в детских садах.

В Инстаграм-аккаунте губернатора Новосибирской области за анализируемый период представлено 1 сообщение о рабочей поездке в Мошковский район, информации о коронавирусной инфекции не представлено.

Итак, проведенный анализ контекстов употребления лексемы **коронавирус** / словосочетания **коронавирусная инфекция** позволяет сделать вывод о выходе данной лексемы из состава агнонимов в связи с ее частотным функционированием

в русском языке. Контексты употребления анализируемого слова в политической интернет-коммуникации позволяют считать, что слово **коронавирус** представляет собой фрейм, наиболее важными актантами в котором являются **пациенты**, **врачи**, **дети**, **пожилые люди**, а также такой актант, как **онлайн-сервисы**, предоставляющие бесплатный доступ к многочисленным интернет-ресурсам. Наиболее частотными предикатами, которые используются в сообщениях губернаторов или Администрации регионов являются следующие: **беречь**, **помогать**, **соблюдать**. Именно перечисленные предикаты организуют значимые пропозиции, которые образуют следующие слоты анализируемого фрейма: **профилактика**; **заболевание/выздоровление**; **фейк**.

Список использованной литературы

1. Администрация Томской области. Инстаграм-аккаунт [Электронный ресурс] / Администрация Томской области. – Режим доступа: https://www.instagram.com/tomskobl.
2. Горошко, Е.И., Полякова Т.Л. Инстаграм как жанр 2.0 (на примере политической коммуникации) / Е.И. Горошко, Т.Л. Полякова // Жанры речи. – 2019. – № 4 (24). – С. 300–313.
3. Грунченко, О. Филолог рассказала, как правильно писать слово «коронавирус» и слово «Ухань» [Электронный ресурс] / О. Грунченко. – Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/7861535.
4. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 896 с.
5. Усс, А. Инстаграм-аккаунт [Электронный ресурс] / А. Усс. – Режим доступа: https://www.instagram.com/uss_av.
6. Фирсов, Н. Микробиология: словарь терминов [Электронный ресурс] / Н. Фирсов. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_microbiology/540/коронавирусы
7. Цивилев, С. Инстаграм-аккаунт [Электронный ресурс] / С. Цивилев. – Режим доступа: https://www.instagram.com/sergey_tsivilev.

Е.В. Заюкова
г. Барнаул, Россия

К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АСИММЕТРИИ В ТРАНСЛАТОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ТУРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ)

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу текстов туристической направленности американской и русской лингвокультур в аспекте теории межкультурной коммуникации. Изучение корпуса таких текстов позволяет выявить специфику американского и русского коммуникативных стилей в сфере туризма. Учет межкультурной и межъязыковой асимметрии при переводе текстов туристической направленности позволит адекватно адаптировать исходный текст для реципиента, что, безусловно, повлечет за собой более активное продвижение туристского продукта.

Ключевые слова: процесс перевода, межкультурная коммуникация, язык и культура, тексты туристической направленности.

E.V. Zayukova
Barnaul, Russia

TO THE QUESTION OF INTERCULTURAL ASYMMETRY IN TRANSLATOLOGY (ON THE EXAMPLE OF ANALYSIS OF TOURIST´S TEXTS)

Abstract: The paper covers the analysis of tourist texts based on the cultural patterns theory. In studying tourist texts we reveal some peculiarities of communicative style of Americans in the sphere of tourism if to compare it with the one of Russians. These peculiarities are strongly

correlated to some parameters of cultural patterns. It seems essential to emphasize that when taking into account intercultural and interlingual asymmetry in this type of the text we promote our tourist product in the best way by ensuring its high quality translation.

Keywords: process of translation, intercultural communication, language and culture, tourist texts.

В настоящее время исследования семиотических, в частности языковых, репрезентаций культурного своеобразия народов выходят на первый план. Только изучив внутренние культурные особенности, можно обеспечить адекватное межкультурное взаимодействие в целом, и прагматически адекватный перевод в частности. Подобные исследования зачастую проводятся в сфере бизнеса на примере текстов официально-делового дискурса, и, в большинстве случаев, зарубежными исследователями. Это связано, прежде всего, с тем, что сама теория межкультурной коммуникации является относительно новой в российской научной парадигме, и культурное своеобразие и его актуализация в коммуникативном стиле общения всегда рассматривались на примере транснациональных корпораций.

Туризм, наряду с бизнесом, является той сферой, которую, безусловно, можно рассматривать как глобальную, выходящую за пределы границ отдельных культур, но в то же время репрезентирующую определенную специфику внутри каждой из них. Следовательно, важным представляется проведение комплексного анализа англоязычных и русскоязычных текстов туристической направленности с целью выявления общих закономерностей и специфики отражения культурного своеобразия в них. Опираясь на исследования Г. Хофстеде [2], Э. Холла [1], Э. Стюарта [5], попытаемся выделить основные характеристики культур, которые находят регулярное отражение в языке туризма. С точки зрения межкультурной коммуникации в аспекте туризма и исследования туристического дискурса, можно разработать новую схему анализа текстов, которая строится на основе следующих факторов:

1. Характер контекста коммуникации. В соответствии с этим фактором выделяют высококонтекстные и низкоконтекстные культуры [1, с. 85–128]. Контекст коммуникации является ключевой ориентацией, или даже метаориентацией, определяющей специфику оформления сообщений в разных культурах. В низкоконтекстных культурах, наиболее ярким примером которых является американская культура, сообщение проговаривается полностью, собеседники выражаются ясно и прямо – максимум информации дается в виде слов и очень часто в письменном виде. Наглядным примером может послужить следующий факт: в Нью-Йорке у многих достопримечательностей установлены специальные таблички для туристов с указанием лучшего времени суток и угла съемки для получения отличной фотографии.

Такая тенденция к максимальной экспликации содержания сообщения находит самое разное отражение в текстах туристической направленности. Например, для американской культуры важным представляется не примерное количество, а точное число. Ведь неслучайно, по мнению Э. Сепира, именно в американской культуре появилась фраза «*fifty-fifty*» как индикатор стремления измерять даже нематериальные и неисчисляемые вещи, претендуя на абсолютную объективность, объективный контроль над любыми ситуациями [4, с. 33].

(1) Ethereal light seeping from beneath the bed creates the illusion of floating on a cloud, while crisp, soft, 300-thread-count Egyptian bed linens guarantee a comfortable night's rest.

(2) Surrounded by 8,500 acres/ 3,440 hectares atop a private mountain and overlooking Colorado's spectacular Vail Valley…

(3) As a result it has a milder climate and enjoys more sunshine hours each year – around 2,000 hours.

(4) This 5-star hotel is home to a wonderful 18-hole championship golf course, a magnificent Clubhouse and a dedicated 3-hole Golf Academy.

Предельная экспликация численных данных в примерах (1), (2), (3), (4) в данном типе текста усиливает эффект убеждения и полностью соответствует потребности представителей низкоконтекстных культур в получении точных фактов и конкретных сведений. При переводе текстов, принадлежащих высококонтекстным культурам, на язык низкоконтекстных культур, переводчику необходимо помнить о переводческой стратегии декомпрессии – восполнять текст необходимой прецизионной и фактологической информацией для его адекватного восприятия.

В высококонтекстных культурах в процессе создания туристского продукта больше фокусируются на картинке в целом и ее эстетическом восприятии, тогда как в низкоконтекстных культурах новаторство в использовании необычных выражений

и стилистических приемов является основным требованием. Один из аспектов представления информации в низкоконтекстных культурах – это тенденция к простоте, т.н. *'KISS principle'* (*'keep it short and simple'*) или *'the C-B-S style'* (*clarity, brevity and sincerity*) (термин введен Р. Ланэмом [3]). Принцип заключается в том, чтобы сделать значение сообщения максимально понятным, и реципиенты могли читать быстрее, получать больше наслаждения, лучше понимать и запоминать его. Необходимо разговаривать с читателем, обращаться к нему и к его опыту, используя разговорный стиль и дружеский тон общения.

(5) Determining Puerto Rico's charm is a no-brainer. Less than a three-hour flight from Miami, this island is a U.S. territory (in case you didn't recall from high school history class).

(6) And if you want to get away from civilization entirely, you can ferry over to the secluded — not to mention jaw-droppingly gorgeous – islands of Vieques and Culebra. Convinced?

(7) The long-time favorite watering hole of local politicians and business professionals, the Capital Bar & Grill features live jazz and home-cooked Southern comfort food.

Использование лексики с эмоционально-оценочной коннотацией, вкраплений разговорного стиля и непосредственное обращение к читателю (ego-targeting) в примерах (7)–(9) усиливают динамизм повествования и создают атмосферу дружеской небрежности во взаимодействии автора с читателем, позволяя потенциальному туристу почувствовать свою уникальность, значимость, и то, что данное сообщение предназначено лично ему.

В русскоязычном туристическом дискурсе наблюдается большая дистанцированность с читателем, что находит отражение, прежде всего, в таких типичных конструкциях как *«необходимо, чтобы…»*.

Помимо прямого обращения к читателю, ориентации на него, высокой интерактивности, вкраплений разговорного стиля, американские туристические сайты характеризуются не статическим, а динамическим характером – в большинстве заголовков туристических статей и разделов используются глаголы и глагольные формы:

(8) Welcome to official travel website for USA.

(9) Let us show you New York.

(10) Your journey begins here.

(11) Get inspired.

(12) Walking&Hiking

При этом русские туристические сайты изобилуют номинативными предложениями, в которых фиксируется наличие описываемого, рекламируемого объекта «здесь и сейчас»:

(13) Яркие пикники на природе.

(14) Азартная рыбалка на пруду.

(15) Волшебные прогулки на яхтах.

(16) "OLD HOUSE", загородный отель и лучшее место для отдыха.

Номинативные предложения в таких текстах сохраняют тенденцию к фрагментарности и одновременно большой емкости выражаемого содержания. Они не просто называют объект, но и представляют его внутренний динамизм, позволяя повысить усваиваемость текста.

2. Следующим фактором можно назвать отношение к действию. В соответствии с этим фактором различают ориентацию на действие или состояние и выделяют деятельностные и статичные культуры (*doing cultures* и *being culture*).

Эти ориентации находят свое отражение как в вербальном, так и невербальном (иконическом) компоненте, включающем фотографии и рисунки, которые в той или иной степени иллюстрируют услугу и имеют отношение к вербальному компоненту. Привлечение визуальных элементов позволяет создать более четкое представление, и от них, также как и от текста, зависит информационная эффективность сообщения. Дизайн сайтов туристической направленности, ориентируясь на потенциальных потребителей, старается воспроизвести стиль жизни и предпочтения реципиентов.

Для деятельностных культур (в нашем случае, американской) характерно использование на сайтах не только статичных картинок с изображением отеля или отдельных его частей, но и фотографий динамического характера – людей, занимающихся спортом, общающихся в ресторанах, и т.д., что позволяет в большей степени увлечь реципиента эмоционально.

Этим же фактором можно объяснить доминирование принципа агентивности в предложениях американских текстов туристической направленности – свойством агентивности наделяются не только одушевленные, но и неодушевленные сущности, что находит отражение в следующих предложениях:

(17) Breathtaking panoramic views of the snow-capped Atlas Mountains grace the windows.

(18) A world of unsurpassed sophistication and excellence resides at the exclusive Shamwari Townhouse

(19) Light is an integral design feature of this modern classic: tall atriums bejeweled with hanging glass sculptures bathe the interior with natural sunlight.

(20) Here, every sound, scent, footprint, and blade of grass is waiting to be experienced.

3. Третьим фактором является структурность. Выделяют низкоструктурные (толерантное отношение к непредсказуемым ситуациям и неопределенности, незнакомым людям и идеям) и высокоструктурные культуры (потребность в предсказуемости, писаных и неписаных правилах; сложности в восприятии альтернативных точек зрения).

Структурность определяет степень восприятия и реагирования на незнакомые ситуации. Для низкоструктурных культур характерно приемлемость чего-то нового, необычного, не соответствующего традиционным представлениям. Для американских туристических сайтов достаточно типичными являются такие единицы как ***one-of-a-kind, to blend the familiar with the unexpected*** (22), (23):

(21) Dream South Beach is a sophisticated, luxury boutique hotel that blends the familiar with the unexpected. Dream South Beach is designed to transport guests to an altered reality.

(22) Today, it is a luxurious haven with one-of-a-kind amenities.

Обращение к культурным теориям и моделям способствует лучшему пониманию национального сознания и национального характера представителей тех или иных народов. В рамках транслатологических исследований это позволяет переводчику, выступающему не только языковым, но и культурным медиатором, лучше понять картину мира, менталитет другого народа, его культурные и духовные ценности. Учет особенностей коммуникативного стиля ПЯ в туристической сфере позволит выполнять адекватный перевод, который предполагает применение не только собственно переводческих, но и адаптивных стратегий, поскольку переводной текст должен соответствовать традициям, которые хорошо известны адресату ПТ.

Список использованной литературы

1. Hall, E.T., Hall, M.R. Understanding Cultural Differences. – Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1989 – 196 p.
2. Hofstede, G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations. – Sage Publications, 2001 – 596 p.
3. Lanham, R. Literacy and the Survival of Humanism. – New Haven : Yale University Press, 1983 – 188 p.
4. Sapir, E. The Psychology of Culture : a Course of Lectures. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1994 – 266 p.
5. Stewart, E.C. American Cultural Patterns: A Cultural Perspective. – Yarmouth, Maine : Intercultural Press, 1985 – 192 p.

Список источников практического материала

1. www.travel.usnews.com
2. www.preferredhotels.com
3. www.radissonsas.com

О.В. Кирколуп

г. Барнаул, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОТЕСТА «ЖЕЛТЫХ ЖИЛЕТОВ» НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 20-012-00375 «Обыденный медийный дискурс: лингвокультурологический и лексикографический аспекты».

Аннотация: Статья рассматривает лингвокультурологические особенности описания протестного движения «желтых жилетов» во Франции на примере текстов ведущих центральных русскоязычных и франкоязычных издательств масс-медиа, раскрываются особенности

лингвокультурного концепта ПРОТЕСТ, в частности, его значимость для представителей французской лингвокультуры, обосновывается важность дальнейшего изучения концепта ПРОТЕСТ.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурологическая интерпретация, картина мира, медийный дискурс.

O.V. Kirkolup

Barnaul, Russia

LINGUOCULTURAL INTERPRETATION OF THE PROTEST OF "YELLOW JACKETS" BY RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGE SPEAKERS

Abstract: The article deals with linguocultural peculiarities of the «yellow jackets» movement protests description in France on the material of main central Russian and French mass-media, it also speaks about linguocultural concept of protest from the point of view of French world-image and proves the importance of the concept of protest further studies.

Keywords: concept, linguocultural interpreting, world-view, media discourse.

Сегодня протестные мероприятия происходят каждый день в разных точках планеты, это выражение несогласия с определенными политическими, социальными, экономическими, экологическими, религиозными и культурными событиями, так или иначе затрагивающими интересы и права граждан. Ввиду широкого распространения и свободного доступа к информации в средствах массовой информации через глобальную сеть Интернет, представители разных культур имеют возможность узнавать и интерпретировать новости, а также открыто или косвенно давать свою оценку происходящему.

Средства массовой информации способствуют формированию концепта ПРОТЕСТ. При этом отражение протестов в человеческом сознании часто носит индивидуальный характер, однако существуют генерализованные признаки концепта ПРОТЕСТ в отдельно взятой лингвокультуре [1, с. 51]. В.И. Карасик выделяет в сознании человека языковую и ценностную картины мира, последняя зависит от религиозных, моральных и других взглядов представителей лингвокультуры [2, с. 77]. Действительно, на практике познание происходит в разных условиях (время, место, общественные отношения и пр.), поэтому концепт выражается в разных языках разными средствами [5, с. 2].

Рассмотрим культурологическое отражение концепта ПРОТЕСТ в русской и французской лингвокультурах на примере самого длительного протестного мероприятия мирового масштаба за последние годы, движения «желтых жилетов» во Франции, деятельность которых началась на ее территории после повышения цен на топливо, но вскоре она переросла в движение против президента и правительства страны, которое распространилось за пределы французского государства. Цель нашего исследования – выяснить, каким образом описываются с лингвокультурологической точки зрения эти события в русском и французском медиадискурсах на материале публикаций ведущих централизованных изданий русской и французской прессы в сети Интернет («АиФ», «Коммерсант», «Ведомости», «Le Figaro», «Le Monde», «Libération»). Основной метод исследования, использованный в работе – лингвокультурологический анализ универсального и культурного слоев концепта ПРОТЕСТ [4, с. 179].

Для того, чтобы представить себе, насколько часто о движении «желтых жилетов» говорят в русскоязычных и франкоязычных масс-медиа, обратимся к поисковой системе Google: в результате русскоязычная версия системы выдала примерно 5770000 ссылок за 0,52 сек., в то время как франкоязычная система предлагает примерно 51700000 страниц за 0,47 сек. Это легко объяснить культурной принадлежностью движения. Протест «желтых жилетов» описывается по-разному в русских и французских СМИ. Конечно, в первую очередь, этот факт связан именно с политическими взглядами журналистов и изданий, тем не менее, можно выделить и похожие манеры описания протестов «желтых жилетов».

Синтаксис медиадискурса, описывающего протесты в двух языках, характеризуется исполь-

зованием инверсий, расположением элементов сложных предложений чаще с сочинительными союзами в соответствии с общественными приоритетами, прямой речью, вопросительными конструкциями, перечислениями. В русскоязычном медиадискурсе используются английские и французские кальки с аутентичным написанием на латинице, а французские масс-медиа адаптируют английские слова в оригинальном виде: ***Odoxa, Journal du Dimanche, Facebook, Ifop, BFMTV, black blocs***, ***free speech, les groupes WhatsApp*** – чаще для обозначения явлений, названия которым в языке еще не существует. Особо стоит отметить наличие статистических данных: количество участников, дата и время, процентные соотношения; во франкоязычном медиадискурсе присутствуют даже номера автодорог, данные широты и долготы. Кроме того, французские издания изобилуют аббревиатурами, что является культурологической особенностью французской нации; становится возможным встретить инклюзивное написание: ***Gilets jaunes renvoyé•e•s*** – популярная тенденция последнего времени, свидетельствующая о борьбе за равноправие полов.

При ознакомлении с текстами публикаций перечисленных выше изданий мы увидели протесты такими, какими они представляются в толковых словарях русского и французского языков (дефиниционный анализ концепта ПРОТЕСТ был представлен нами ранее [3]). Преимущественно протесты представлены как возражение и несогласие, в нашем случае, с политическими и экономическими решениями власти: ***защищать свободу проведения манифестаций, символ сопротивления, волны недовольства, недовольство долго «настаивается» в регионах, но потом оборачивается взрывом в столице; origine du mal-être, l'augmentation des inégalités territoriales, coaguler une colère, un vent de panique, grogne paysanne, descendue sur le pavé contre des puissances de différents types, contre des nuisances variées et pour des espérances chamarrées.*** В понимании авторов публикации, природа этого французского протестного движения мало чем отличается от других протестов на территории Франции, поскольку это ***общество бунтарей, которые не дают спуску своим властям и при малейшем ущемлении собственных прав выходят на баррикады; ça grince et ça grogne, ça avance et ça régresse à la fois.;*** большое количество митингов объясняет такая черта ментальности как ***ершистость французских граждан***.

Перечисления и противопоставления в текстах публикаций говорят о том, что список причин, по которым французы выходят на улицы, нескончаем ***(тут и увольнение президента, и выход из Евросоюза, и восстановление смертной казни, и налоги на богатых, и верхний потолок зарплаты, и цены на бензин, и ограничения скорости на дорогах)***, что природа и характер его не определены до конца (***оно слишком аморфно, и обладает мгновенной реакцией; движение возникло без ясной идеи, без программы, без руководства и было рождено тотальным разочарованием в профессиональных политиках; des réseaux sociaux aux réseaux routiers les premières manifestations étaient composées de nombreuses personnes n'ayant aucune culture des mouvements sociaux.***), поэтому движение объединяет своим духом таких разных граждан страны, и, возможно, поэтому его не удается остановить (***le mouvement ne s'essouffle pas, il se renouvelle, nous sommes à un point de bascule; движение, родившееся в интернете, никак не удается обуздать***).

Говоря о еженедельных акциях протеста, издания называют движение по-разному: ***протесты, демонстрации, манифестации, шествия, антиэлитная волна, «революция», стихийное движение, столкновения, стычки, погромы, очередная «цветная революция»***; ***défilés, mouvement, mobilisation, contestation, manifs, un piquet de grève, tourneboule générale, grand brasier collectif, la vague jaune, des lésions de guerre, la révolte populaire, violences volontaires, destructions et dégradations, luttes*** Выбор лексем для номинации этого движения варьируется от безобидных демонстраций до воинственных погромов и революции, что свидетельствует о сближении концепта ПРОТЕСТ с концептом КОНФЛИКТ. Описание того же движения во французских СМИ имеет большую эмоциональную окраску в плане выбора лексических средств, и не важно, о какой реакции идет речь, при этом авторы публикаций постоянно подчеркивают, что атмосфера, царящая на акциях протеста, ***calme et bon enfant.*** Для французов любая демонстрация пропитана дружескими и почти семейными отношениями, что отражается в текстах французской прессы, но совершенно отсутствует в публикациях российских СМИ: ***contagion des luttes; déjeuné dimanche midi à un rond-point;. dormi sur place dans la nuit de samedi à dimanche; créer des lieux, créer du lien; les préoccupations communes, le temps passé ensemble, les discussions, les moments de fête, un***

sentiment d'appartenance et donc de communauté de destin, ancrage spatial. Периодичность и постоянство акций протеста позволяют говорить о них как о театральных постановках, которые проходят по расписанию: ***субботние акции, «акт», сцена схватки на мосту, регулярные протесты, серии рассредоточенных акций; la scène du crime.***

Отдельное место, связанное в сознании французов с протестами «желтых жилетов», занимает не просто традиционно выбираемый для демонстраций центр города, предпочтительно Парижа, а, в первую очередь, ***rond-point*** (перекресток с круговым движением), ставший символом движения, объединивший всех участников, в независимости от их социального статуса, профессии, национальности и пола: ***point nodal de cette périphérie, symbole de sa circularité: on tourne en rond dans un périmètre de 30 à 50 km, ce n'était pas la rue qui manifestait, mais la route***. Франция известна во всем мире как страна перекрестков с круговым движением, большое количество дорог организовано круговыми площадями, а в центре Парижа недалеко от Елисейских Полей находится знаменитый театр ***Rond-Point***, поэтому блокирование этих самых круговых площадей стало символичным: ***Le Rond-Point de la colère, 45°16' de latitude nord, 5°53' de longitude***; ***«On a tous un rond-point en commun»; «rond-point de la Fraternité»; en bloquant les péages et en occupant les ronds-points; ses Champs-Élysées, un rond-point.***

Протесты «желтых жилетов» приобрели широкий размах, охватили большое количество людей, как участников, так и наблюдателей, поэтому журналисты их ***сравнивают со студенческой революцией в Париже в 1968 г.,*** с антифеодальным восстанием крестьян во Франции в 1358 г.: ***jacquerie menaçait, plus les mêmes lieux de manifestation, ni les mêmes manifestants, ni les mêmes options politiques, questions régaliennes, à la différence des jacqueries d'Ancien Régime.*** Стоит также сказать, что во французских изданиях протесты «желтых жилетов» сравниваются с еще одним исторически важным для Франции и ее граждан событием, произошедшим в 1953 г., когда Пьер Пужад объединил народ на юге страны против предпринимательства и профсоюзов, государства и правительства, а особенно против налогов: ***l'expression d'un poujadisme honni, mouvement poujadiste.*** Эти факты подтверждают важность движения «желтых жилетов» для политического режима и граждан Франции.

Среди самых распространенных лозунгов, цитируемых в изданиях, большинство связано с политикой президента: ***«Макрон, ты стреляешь в свой народ»; «Макрон – вор!»; «Макрона в отставку!»; «Хотим шестую республику!»; «пусть платят богатые, которым президент Макрон делает подарки»; «Macron démission!»; «On est là, même si Macron le veut pas, nous on est là»; «Changeons le système, pas le climat»; «Macron en prison»; «Macron t'es foutu, même Dauphine est dans la rue»; «On veut bloquer l'économie pour que Macron se rende compte qu'on en a marre!»;*** однако, есть в этих лозунгах и экономический подтекст: ***«Никакой налог не стоит мучений народа»; «Деньги в стране есть, но они не в наших карманах»; «Испортим богачам Рождество»; «Baissez les prix et le mépris!»;*** а также идеи единства участников, их стремление к свободе слова, к равенству граждан: ***«Tous ensemble, détruisons ce qui nous détruit»; «Acte 45 – Historique: La France entière à Paris»; «Trop de souffrance dans cette sous-France»; «Les gilets jaunes ont brisé l'omerta»; «Je suis en colère»; «Grève générale!».***

Подводя итог, необходимо отметить, что описание движения «желтых жилетов» в русском и французском медиадискурсах имеет разные черты, французские масс-медиа используют более детальное описание, подчеркивают историческую национальную значимость событий, важность отсутствия агрессивного поведения, русские СМИ более сдержаны в предоставлении своего мнения, цитат, перечисления лозунгов. Дальнейшее изучение медиатекстов по теме протестов необходимо для детального описания используемых для передачи информации об этих событиях языковых средств, для возможности выделения ядерной и периферийной части в целостной структуре концепта ПРОТЕСТ в рамках двух представленных лингвокультур.

Список использованной литературы

1. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. Изд. 4-е, испр. и доп. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
2. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград – Архангельск : Перемена. – 1996. – 259 с.

3. Лукашевич, Е.В. Лексикографический портрет имен концептов ПРОТЕСТ / PROTESTATION в русской и французской лингвокультурах / Е.В. Лукашевич, О.В. Кирколуп // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 34. – С. 792–796.
4. Токарев, Г.В., Лингвокультурологическая теория концепта / Г.В. Токарев // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – № 4(8). – С. 178–182.
5. Nyckees, V. La cognition humaine saisie par le langage: de la sémantique cognitive au médiationnisme, Corela [Электронный ресурс] / V. Nyckees. – Режим доступа: http://corela.revues.org/1538 (дата обращения 02.10.2016). DOI: 10.4000/corela.1538
6. Периодические издания
7. Аргументы и факты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aif.ru/
8. Ведомости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/
9. Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/
10. Le Figaro [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lefigaro.fr/
11. Le Monde [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lemonde.fr/
12. Libération [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.liberation.fr/

Ю.В. Кобенко
г. Томск, Россия

РАЗВИТИЕ СРЕДОВОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКУ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Аннотация: В статье изложены методологические основания средового подхода, рассмотрены условия формирования среды в её взаимодействии с языком, приведены аргументы в пользу межвидового характера языка в фокусе истории гоминидов и предпосылки имплементации средового подхода в цикле гуманитарных наук. В центре рассуждений находится опровержение антропоцентрических принципов парадигмы современного языкознания и роли человека в формировании языка. Язык обосновывается как продукт эволюции, обессмысленный за пределами среды своего распространения.

Ключевые слова: средовый подход, среда, культура, язык.

Yu.V. Kobenko
Tomsk, Russia

DEVELOPMENT OF THE ENVIRONMENTAL APPROACH TO THE LANGUAGE IN HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Abstract: The article sets out the methodological foundations of the environmental approach, considers the conditions for forming the environment in its interaction with the language, and provides arguments in favor of the interspecific nature of the language in the focus of the history of hominids and the prerequisites for the implementation of the environmental approach in the humanities cycle. At the center of the discussion stands the refutation of the anthropocentric principles of the paradigm of modern linguistics and the role of man in the formation of language. Language is justified as a product of evolution, meaningless outside its environmental distribution.

Keywords: environmental approach, environment, culture, language.

Среда играет важнейшую роль в жизни организмов, для которых выступает не только источником энергии, но и эволюционных изменений. Даже поведенческие тропизмы (таксисы) простейших (***Protista***) являются реакцией на химический состав, электромагнитное поле и механические раздражители окружающей среды [7, с. 15]. Развитие нервной системы, ароморфозом

которой стала цефализация – образование сенсорного центра у позвоночных, известного как мозг, – целиком подчинено задаче повышения адаптивности биологических индивидов к постоянно изменяющимся условиям окружающей среды. Однажды цефализованные особи изобрели язык, который сегодня приверженцы постструктуралистского антропоцентризма ошибочно относят к атрибутам человека. Человек же представляется витрувианским детищем да Винчи с идеальными пропорциями и морфологическими признаками ***homo sapiens*** времён антропоцена. При этом встреча с «людьми», которые стояли у истоков примитивной речевой комбинаторики «вон там», «я голоден» и пр., могла бы повергнуть антропоцентристов в неописуемый ужас. Дело даже в не в том, что ***homo erectus***, являющийся, по мнению Д. Эверетта, «первооткрывателем языка» [8, с. 16], визуально очень отличается от современной версии ***homo*** после культурного «апгрейда» длиной почти в два миллиона лет, а в том, что подлинными открывателями языка в его материальной природе, очищенной от конгломератов постструктуралистского идеализма, являются гоминиды, оставившие миру наследие не только в виде первой виртуальной системы – языка, но и двух подсемейств – понгинов (***Ponginae***) и гомининов (***Homininae***) – преимущественно обезьян – с людьми в качестве последнего рода систематики, по умолчанию считающимися изобретателями, пользователями и выгодоприобретателями языка.

Животное происхождения последнего, по-видимому, является до сих пор настолько неудобным обстоятельством для адептов антропогенеза и целиком человекоцентричной постмодернистской философии, что имена К.-Ш. Пьеркена де Жамблу и Г. Швидецкого, доказавших ещё в XIX в. анималистические корни большинства крупных литературных языков [3, с. 149], мир науки вспомнит ещё не скоро. Собственно, навязчивое убеждение Д. Эверетта, что «язык – это изобретение», отдаёт куда бóльшим фаллибилизмом, чем даже отнесение языка на счёт его позднейшего пользователя, имеющего такое же отношение к данному феномену, как цапля к собственному клюву, который унаследовала от динозавров-тероподов [3, с. 144–145]. Язык – продукт длительной эволюции (в том числе нейроморфологической) и не может быть безоговорочно закреплён за каким-то отдельным видом [ср. 2]. Развитые формы языка, которыми сегодня пестрит этнолингвистическая география планеты, существуют как сравнительно новые образования (ср. возраст английского языка – немного более полутора тысяч лет) апостериорного характера на фоне реликтовых языков плейстоцена. Свидетельств же первого языка у современной науки нет, что создаёт благоприятную почву для мистификации его происхождения.

Как можно видеть, пользование языком и глоттогенез – первая и, очевидно, главная методологическая демаркация в аппарате средового подхода, которую необходимо провести в самом начале рассуждений о природе языка. Появление первых посвистов-покриков с семиотически устойчивым акустическим оформлением в стадах приматов (архантропов) следует целиком отнести на счёт их социальности. Именно с необходимости социального взаимодействия, скрепляющего популяцию и позволяющего ей выжить, начинаются язык и средовый подход в языкознании.

Известно, что примитивные коммуникативные системы сегодняшних обитателей тропических лесов различаются в зависимости от населяемого уровня деревьев. Те виды понгинов, которые обитают ближе к верхушкам, располагают достаточно скромным репертуаром позывных и экспрессивных средств, мало чем отличающимся от покриков прочих видов. Имея достаточно серьёзную страховку от падения в виде цепкохвостости, капуцины, например, меньше нуждаются в системе сигнального оповещения в стае, чем ревуны или мандрилы, живущие в более опасном промежутке между землёй и нижними ветками.

Изменения климата тропических лесов Восточной Африки, своеобразно подытожившие «райский период» гоминидов с обилием высококалорийной пищи и незатруднительной репродукцией, стали началом массовой миграции архантропов [6, с. 42]. Очутившись в африканской саванне эпохи плейстоцена, стада гоминидов столкнулись с таким разнообразием свирепых хищников, изрядно приспособившихся к этим агрессивным условиям жизни, что единственным средством выживания ранних людей стала их социальная сплочённость [5, с. 32], которую, в свою очередь, обеспечивает язык, решающий две важнейшие трансгуманистические задачи: преодоление расстояния путём порождения акустической волны и преодоление времени через изобретение письменности. Звук и письмо выступают двумя материальными каналами языка, стоящими на службе у трансгуманизма, под

которым традиционно понимается преодоление негативных аспектов бытия. Таким образом, основным постулатом средового подхода выступает хиазм «нет языка без социума, нет социума без языка» [4, с. 68], допускающий самые далекоидущие выводы относительно назначения языка в среде обитания и его базовой функции – интегративной (средовой), скрепляющей всех индивидов популяции в говорящий коллектив. Как известно, за пределами среды обитания человека язык обессмыслен, а человек, рождающийся неговорящим с признаками феральности (***homo ferus***) и рудеральности (***homo rudus***), напоминает нам о наших далёких предках, которые отнюдь не были похожи на витрувианское божество антропоцентризма.

Социальное сплочение, обеспечивающее выживание архантропов в саванне, стало отправной точкой искусственного отбора, уменьшающего, с одной стороны, энтропию естественной селекции, а с другой стороны, повышающего ролевой характер внутрисредового взаимодействия. Ритуализированность речевых практик (приветствие, прощание, поздравление и пр.) и по сей день находит отражение в разнообразных речевых жанрах повседневной коммуникации современных людей. Внутривидовые игры, в которые по-прежнему играют люди (***homo ludens***), являются основой так называемой личности, имеющей смысл лишь внутри среды обитания человека. Как писал основатель средового подхода, веймарский культурфилософ И. Г. Гердер, «человек создал себе второй искусственный мир, без которого ему не выжить; всё, с чем сталкивается человек, должно быть адаптировано для его выживания» [9, с. 22].

Именно благодаря искусственному отбору в гердеровской среде значительно увеличился объём мозга гоминидов: от 400 г. у австралопитека Люси, жившей 3,2 миллиона тому назад в долине реки Аваш (Эфиопия), до сегодняшнего среднепопуляционного показателя в 1 320 г. [6, с. 12]. С размером мозга увеличился и размер языка: от 11 покриков-посвистов, зафиксированных К.-Ш. Пьеркеном де Жамблу в лесах Амазонии [11, с. 150–152], до 5 миллионов слов (в современном немецком литературном языке) [10, с. 19]. Следовательно, усложнение самой среды и форм внутрисредового взаимодействия прямо пропорционально объёму словарного запаса языка.

Среда, как совокупность антропогенных факторов и условий существования человеческой популяции, идентична понятию культуры, «слугой которой выступает язык» [8, с. 15]. Культуру зачастую изображают в виде колбы с содержащимся в ней набором значимых репликаторов – мемов, «заражающих» обитателей типовыми культурными признаками [1, с. 201]. Вырастая в той или иной разновидности культуры, человек в ходе лингвогенеза осваивает определённый язык, без которого социализация будет крайне затруднительной. Язык выступает сегодня важнейшим признаком человека средового (***homo litteratus***) и его среды обитания, основная задача которой – очеловечивание (разживочивание) биологических индивидов, что и объясняет тягу постструктуралистов к антропоцентризму. Крокодил Гена, Чеширский Кот, говорящая с Федотом лесная голубица – типичные примеры персонификации (очеловечивания) как продолжение действия искусственного отбора, распространяющегося на всех и вся, попавших в колбу с питательным раствором – среду.

Средовый подход, получивший развитие в трудах Р. Земона, Р. Докинза, Т. У. Дикона, Э. Сепира, Ю. С. Мануйлова и др., понимается сегодня как эпистемологическое основание для интерпретации сложных процессов внутри диады «человек – мир», центральным объектом которой единодушно признаётся язык. Завершить абрис базовых положений средовой теории можно известной цитатой Ч. Хоккетта: «***Лингвистика без антропологии стерильна, антропология без лингвистики слепа***». Средовому подходу, имеющему выраженную междисциплинарную специализацию, надлежит стать тем «недостающим звеном» между антропологией и лингвистикой, которое придёт на смену антропоцентрическому постструктурализму.

Список использованной литературы

1. Докинз, Р. Капеллан дьявола: размышления о надежде, лжи, науке и любви / Р. Докинз. – Москва : АСТ : CORPUS, 2018. – 416 с.
2. Докинз, Р. Рассказ предка. Паломничество к истокам жизни / Р. Докинз. – Москва : АСТ : CORPUS, 2015. – 768 с.
3. Кобенко, Ю.В. Язык и среда. Опыт систематизации данных междисциплинарных исследований / Ю.В. Кобенко. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2017. – 214 с.

4. Кобенко, Ю.В., Солодовникова, О.В. Сегментация словарного состава немецкого языка сквозь призму средового подхода / Ю.В. Кобенко, О.В. Солодовникова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4(201). – С. 66–76.
5. Моррис, Д. Голая обезьяна / Д. Моррис. – Москва : Литрес, 2016. – 840 с.
6. Савельев, С.В. Нищета мозга / С.В. Савельев. – Москва : ВЕДИ, 2014. – 192 с.
7. Савельев, С.В. Происхождение мозга / С.В. Савельев. – Москва : ВЕДИ, 2005. – 368 с.
8. Эверетт, Д. Как начинался язык: история величайшего изобретения / Д. Эверетт. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2019. – 424 с.
9. Herder, J.G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit / J.G. Herder. – Darmstadt : Melzer, 1966. – 551 p.
10. Klein, W. Von Reichtum und Armut des deutschen Wortschatzes / W. Klein // Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung, Union der deutschen Akademien für Wissenschaften (Hg.). Reichtum und Armut der deutschen Sprache: Erster Bericht zur Lage der deutschen Sprache. – Berlin; NY: Walter de Gruyter, 2013. – P. 15–56.
11. Pierquin de Gembloux C.-Ch. Idiomologie des animaux ou recherches historiques, anatomiques, physiologiques, philologiques, et glossologiques sur le langage des bêtes / C.-Ch. Pierquin de Gembloux. – Paris : A La Tour De Babel, 1844. – 154 p.

Г.Ф. Коваленко
г. Хабаровск, Россия

К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОМ РАЗВИТИИ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

Аннотация: Обобщение опыта декодирования семантического пространства стилистической конвергенции показывает, что наиболее результативным является подход к исследованию данного феномена на перекрестке когниции и лингвосинергетики, Цель работы состоит в выявлении смыслов, объективированных в текстовом пространстве стилистической конвергенции, и в описании их взаимодействия в ризоморфном пространстве поэтического текста под действием когнитивного аттрактора «синтез».

Ключевые слова: стилистическая конвергенция, когнитивные механизмы, когнитивный аттрактор, смысловое развитие, ризома, фракталы.

G.F. Kovalenko
Khabarovsk, Russia

TO THE QUESTION OF THE SENSE DEVELOPMENT OF THE TEXT SPACE OF THE STYLISTIC CONVERGENCE

Abstract: The study of different approaches to semantic space of stylistic convergence research proves that the most effective one is based on methods of cognitive and lingua-synergetic analyses. The aim of this work is to reveal the senses actualized in the textual stylistic convergence space by the lexical, phonemic and rhythmical stylistic devices and to study their interaction under the influence of the cognitive attractor «synthesis» according to the principle of rhizoma.

Keywords: stylistic convergence, cognitive mechanisms, cognitiv attractor, sense development, rhizoma, fractals.

Исследованию проблем декодирования информации в поэтическом тексте посвящены работы И.В. Арнольд [1], И.Р. Гальперина [5], Ю.М. Лотмана [10]. Рассмотрение поэтического текста в рамках теории когнитивной поэтики отражено в работах Ж.Н. Масловой [11] и многих других. Акцентирующее внимание на процессы самоорганизации новых, глубинных смыслов в поэтическом тексте представлено в работах Е.С. Муратовой [13], И.В. Сергодеева [14], Г.Ф. Коваленко [8].

Целью данной работы является выявление смыслов, репрезентированных в семантических,

фонетических и ритмическом фракталах в текстовом пространстве стилистической конвергенции под действием когнитивного аттрактора как фокуса их притяжения, задающего определенный тон смыслового выстраивания. Материалом исследования послужило стихотворение современного британского поэта Р.С. Томаса ***In a Country Church*** [19, с. 5].

Предлагаемый нами подход к рассмотрению смыслового развития в текстовом пространстве стилистической конвергенции «на перекрестке» когниции и лингвосинергетики опирается на следующие теоретические положения: 1) стилистические средства актуализируют смыслы, сформированные под действием когнитивных механизмов [4; 7]; 2) усвоение смысла текста представляет собой лингвосинергетический процесс «взаимодействия субъекта с информационным феноменом» [6]; 3) поэтический текст синергетичен [13]; 4) текстовое пространство стилистической конвергенции строится по фрактальному принципу [8]. Под фракталами понимают объекты, обладающие свойствами самоподобия или масштабной инвариантности: наблюдается постоянное изменение объектов, но в рамках определенной целостности данного феномена [13, с. 16]. Основной гипотезой данного исследования является следующее положение: взаимодействие смыслов, репрезентированных семантическими, фонетическими и ритмическим фракталами в конвергированном пространстве стилистической конвергенции поэтического текста может строиться по ризоматическому принципу, при этом своеобразным логико-семантическим «камертоном», задающим определенный «смысловой тон», является когнитивный аттрактор «синтез». В научном знании под синтезом понимают соединение различных элементов в единое целое, в систему. Когнитивный механизм «синтез» предполагает не простое суммирование, а смысловое соединение [12].

Ризома символизирует хаотичное, творческое движение мысли автора, своего рода «блуждание смысла» по запутанному «лабиринту сознания» [16]. Однако это «блуждание смысла» лишь внешне хаотично и не структурировано. На имплицитном уровне «стебель» ризомы всегда движется в направлении целевого аттрактора – замысла автора [3, с. 91] на этапе текстопорождения, а на этапе восприятия – к пониманию этого замысла.

Когнитивная парадигма с ее вниманием к когнитивным механизмам и процессам, лежащим в основе рече- и текстопорождения, послужила пониманию стимулом для выявления когнитивного аттрактора в текстовом пространстве стилистической конвергенции, своеобразного эволюционного логико-смыслового стержня, определяющего вектор смыслового развития. Когнитивный аттрактор, в отличие от семантического (доминантного смысла текстового фрагмента), эмансипирован от конкретной мысли. Если семантический аттрактор фокусирует внимание на содержательном аспекте, то когнитивный аттрактор – на отношениях между смыслами, репрезентированными стилистическими приемами на лексическом уровне и на уровне звуковой организации поэтической речи – ритмичности речи и разного рода звуковых повторах. Данные смыслы образуют семантические, фонетические, ритмические фракталы.

Лингво-когнитивный анализ поэтического текста Р.С. Томаса ***In a Country Church*** выявляет перцептивное событие, лежащее в основе сюжета: ***To one kneeling down no word came, / Only the wind's song, saddening the lips / Of the grave saints, rigid in glass; / Or the dry whisper of unseen wings, / Bats not angels, in the high roof. / Was he balked by silence? He kneeled long, / And saw love in a dark crown / Of thorns blazing, and a winter tree / Golden with fruit of man's body*** [19, p. 5].

«Специфика отражения в языке такой значимой области знания, как восприятие, заключается в ее репрезентации не только собственно языковыми единицами, но и различными особенностями их организации и функционирования» [9, с. 11]. В основе когнитивной обработки воспринимаемой ситуации в анализируемом стихотворении лежит когнитивный механизм метафоры, представленный на языковом уровне метафорами аудиального ***(To one kneeling down no word came, / Only the wind's song) и зрительного (he saw love in a dark crown of thorns and a winter tree golden with fruit of a man's body)*** восприятия. Данные метафоры вступают в конвергенцию с антитезой ***(the dry whisper of bats not angels),*** риторическим вопросом ***(Was he balked by silence?).*** Выявленные средства стилистической конвергенции актуализируют смыслы ***silence in the church; love for God; Christ' suffering.***

Далее остановимся подробнее на смыслах, сформированных в текстовом пространстве стилистической конвергенции в процессе концептуальной интеграции, под которой понимают объединение исходных ментальных пространств на основе общих элементов и формирование другого концептуального пространства [20, с. 184–186].

Исходные ментальные пространства в анализируемом тексте формируются на основе сопоставления описания церкви и ситуации посещения церкви. Фреймовая структура описания церкви включает компоненты, вербализованные лексическими единицами kneeling down; ***the grave saints, rigid in glass; angels; the high roof; a dark crown of thorns.*** Компоненты ситуации посещения пустой церкви репрезентированы текстовыми единицами ***no word came, only the wind's song; the dry whisper of unseen wings of bats; silence; saw love in a dark crown of thorns blazing and a winter tree golden with fruit of man's body.*** Сопоставление двух исходных пространств позволяет выделить компоненты, образующие общее ментальное пространство: ***kneeling down; the grave saints; angels; a dark crown of thorns.*** В смысловом пространстве бленда они получают новое смысловое наполнение: компонент ***kneeling down*** – это не просто молитва на коленях, а длительное коленопреклонение ***(he kneeled long)***, лики святых выражают грусть ***(the grave saints saddening the lips)***, в пустой церкви слышны шорохи крыльев не ангелов, а летучих мышей ***(the whisper of unseen wings, bats, not angels).*** Помимо этого, в блендовом пространстве появляется эмерджетный смысл: ***love for God is understood as a result of realizing the sufferings the God had.***

В лингвосинергетическом аспекте выявленные в результате лингво-когнитивного анализа смыслы представляют собой части двух семантических фракталов: «аудиальное восприятие пространства церкви» и «визуальное восприятие пространства церкви» Семантический фрактал представляет собой группировку возможных смыслов вокруг смыслового инварианта, семантического аттрактора [13]. Семантический фрактал «аудиальное восприятие пространства церкви» представлен следующими смыслами: ***1) no word came to a person kneeling down in a country church; 2) he hears only the wind's song; 3) the dry whisper of unseen wings are heard.*** Для выявления логико-семантического взаимодействия смыслов воспользуемся типами сочетаемости метафорических моделей [2]. Взаимодействие смыслов, репрезентированных метонимией и метафорами ***(no word came; only the wind's song; the dry whisper of unseen wings),*** можно определить как «альтернатива», поскольку они воспринимаются равнозначно, независимо друг от друга. Смысл ***the wind's song saddening the lips of the grave saints, rigid in glass*** (речь идет о святых, которые изображены на оконных витражах), объективируемый метафорическим эпитетом, «присоединяется» к смыслу, представленному на языковом уровне метафорой ***the winds's song.*** Этот тип связи характеризуется как «матрешка»: последующий смысл основывается на предыдущем. Отсюда следует, что смысловое взаимодействие в данном семантическом фрактале происходит по ризоматическому принципу.

В семантическом фрактале «визуальное восприятие пространства церкви» на языковом уровне смыслы представлены метафорами ***(he) kneeled long and saw love in a dark crown of thorns blazing and a winter tree and golden with fruit of a man's body.*** Речь идет о дереве, символизирующем крест, на котором был распят Христос. Связь между метафорами saw love and a winter tree является альтернативной, в отличие от связи между метафорами ***(a golden tree with fruit of a man's body),*** которая является «амальгамической», компоненты высказывания не воспринимаются по отдельности, а образуют единое, неделимое смысловое поле [3, с. 88]. Эпитеты ***(dry whisper; a dark crown of thorns blazing; golden winter tree)*** репрезентируют смыслы, объединенные в единый образ с метафорическими смыслами. Креативный, «блуждающий» вектор развития смыслов во втором семантическом фрактале также наглядно демонстрирует модель «ризома».

Выявленная ризоматическая траектория смыслового развития подтверждает гипотезу о том, что смысловое пространство стилистической конвергенции в поэтическом тексте в лингвосинергетическом аспекте является ризоморфной средой, спецификой которой является нестабильное, порой хаотичное приращение смыслов под действием когнитивного аттрактора «синтез».

Ризоматичность пространства стилистической конвергенции в поэтическом тексте позволяет мыслительному содержанию о воспринимаемой ситуации, репрезентированному семантическими фракталами, поддерживаться и дополняться смыслами, сформированными в результате взаимодействия единиц фонетического уровня (звуками, звукокомплексами), обладающими свойствами самоподобия, – фонетическими фракталами. Так, фонетический фрактал, сформированный из смыслов, актуализированных словами со звуком [s] ***(song, saddening, silence, saints, saw, lips, glass, whisper, unseen, bats),*** репрезентирует шепот, шелест крыльев, о которых говорит герой стихотворения ***(no word came, only <…> the dry whisper of unseen wings).*** С точки зрения теории музыки, шум представляет

собой смесь частот, при этом смесь высоких частот похожа на согласный звук [s], а более низких – на звук русский [ш] [17, с. 117]. Легкое дуновение ветра актуализировано лексическими единицами со звуком [w] ***(word, wind, whisper, wings, winter, was, with)***, именно тишина и пустота в церкви позволяют услышать легкий ветерок и шелест крыльев, а также скрип зимнего дерева ***(winter tree)***, символизирующего крест, на котором был распят Христос. Смысл «скрип дерева» репрезентирован словами со звукосочетаниями [gr], [kr], [fr], [dr], [tr] ***(grave, crown, fruit, dry, tree)***, а смысл «любовь в Богу» передается словами с неносовым сонатом [l] и с носовыми сонантами [n] и [m] ***(kneeling, only, lips, glass, angels, silence, saints, long, love, blazing, golden, man, unseen)***, которые, по словам исследователей, «делают стихотворный текст «нежным» и реже встречаются в «агрессивной» поэзии» [5, с. 62].

Таким образом, смыслы, формирующие фонетические фракталы ***(the wind is blowing in an empty church; the emptiness in the church allows to hear the cracking of the tree)***, взаимодействуют благодаря ризоморфной среде пространства стилистической конвергенции в поэтическом тексте со смыслами, объективированными в семантических фракталах. Когнитивный аттрактор «синтез» «приводит в порядок» смысловые связи в текстовом пространстве стилистической конвергенции.

Исследование ритма стихотворения в лингвосинергетическом аспекте выявляет ритмический фрактал, группировку определенных смыслов, рожденных в результате восприятия единиц ритмической организации поэтического текста. Так, сочетание неударного и двух ударных слогов (НУУ) в конце 1, 4, 5, 7, 9 строк, в середине 4-й строки и в начале 7 и 8 строк наряду с сочетанием двух неударных с тремя ударными (ННУУУ) слогами во второй и третьей строках выделяет ключевые в смысловом отношении словосочетания ***(no word came; the winter song; grave saints; dry whisper; unseen wings; saw love; thorns blazing; a man's body)***. В сознании читателя «рождаются» следующие смыслы: ***the fruit hanging on a winter tree reminds the body of the Christ; dry whispering of unseen wings in a church can be heard; love for God is born after long watching a dark crown of thorns blazing on the Christ's head.***

Как отмечают исследователи творчества Томаса, со временем он отказался от использования рифмы и традиционных видов строф [18, с. 2]. Поскольку анализируемое стихотворение написано верлибром, мы не можем говорить о рифмическом фрактале в данном поэтическом тексте.

Таким образом, семантическое пространство стилистической конвергенции в стихотворении Рональда Стюарта Томаса ***In a Country Church*** в лингвосинергетическом аспекте представляет собой ризоморфную среду, в которой взаимодействие семантических, фонетических и ритмического фракталов происходит под действием когнитивного аттрактора «синтез» по ризоматическому принципу и производит впечатление смыслового хаоса, который исследователи характеризуют как «имитацию спонтанности, переход с одной линии движения мысли на другую, смещение центра и периферии» [15, с. 805–821].

Список использованной литературы

1. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. – Москва : Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
2. Баранов, А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А.Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.
3. Бакиев, А.Г. Лингвосинергетическая интерпретация метафорики Т. Пратчета (на материале произведений из цикла «Плоский мир») : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Г. Бакиев. – Уфа, 2015. – 125 с.
4. Болотнова, Н.С. Об основных тенденциях развития стилистики и статусе когнитивной лингвистики / Н.С. Болотнова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 3. – С. 5–11.
5. Гальперин, И.Р. Избранные труды / И.Р. Гальперин. – Москва : Высшая школа, 2005. – 255 с.
6. Герман, И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику / И.А. Герман, В.А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 130 с.
7. Джусупов, Н.М. Когнитивная стилистика: современное состояние и активные вопросы исследования / Н.М. Джусупов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 3. – С. 65–76.
8. Коваленко, Г.Ф. Фрактальность пространства стилистической конвергенции в поэтическом тексте (на материале поэзии Рональда Стюарта Томаса) / Г.Ф. Коваленко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1. – С. 129–132.
9. Колесов, И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков) / И.Ю. Колесов. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2008. –354 с.

10. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста / Ю.М. Лотман. – Ленинград : Просвещение, Ленинградское отделение, 1972. – 271 с.
11. Маслова, Ж.Н. Когнитивная концепция поэтической картины мира: монография / Ж.Н. Маслова. – Москва : ФЛИНТА, 2012. – 420 с.
12. Маслова, Ж.Н., Попова Е.А. Проблема разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций / Ж.Н. Маслова, Е.А. Попова // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. Материалы докладов VI Международной конференции. Саратов, 25–27 февраля, 2015. – Саратов : Издательский центр «Наука», 2015. – С. 80–85.
13. Муратова, Е.Ю. Лингвосинергетика поэтического текста: монография / Е.Ю. Муратова. – Москва : ИНФРА-М, 2012. – 220 с.
14. Сергодеев, И.В. Интертекстуальность как средство семантической самоорганизации поэтического текста (на материале произведений Дж. Моррисона) : дис. …. канд. филол. наук : 10.02.19 / И.В. Сергодеев. – Челябинск, 2016. – 209 с.
15. Синельникова, Л.Н. Ризома и дискурс интермедиальности / Л.Н. Синельникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – № 4. – С. 805–821.
16. Тарасенко, В.В. Познание как фрактальное блуждание в мире [Электронный ресурс] / В.В. Тарасенко. – Режим доступа: http//www.philosophy/m/library/knbook/09.html.
17. ЭСЮМ – Энциклопедический словарь юного музыканта. – Москва : Педагогика, 1985. – 352 с.
18. Hewitt, K. An Anthology of Contemporary English Poetry / K. Hewitt. – Oxford : Perspective Publishes Ltd, 2003. – 187 p.
19. Tomas, R. S. In a Country Church / R. S. Tomas // An Anthology of Contemporary English Poetry / K. Hewitt. – Oxford : Perspective Publishes Ltd, 2003. – P. 5.
20. Turner, M. Conceptual Integration and Formal Expression / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – № 3. – P. 183– 204.

Л.А. Козлова, Т.А. Климова
г. Барнаул, Россия

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ БИКУЛЬТУРАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация: Статья посвящена проблеме специфики языкового сознания бикультуральной личности, находящей манифестацию в художественных текстах. Как показано в статье на материале романов К. Исигуро, суть этой специфики состоит в синкретизме языкового сознания писателя-бикультурала, что находит свое отражение в построении художественного текста на втором языке с опорой на эстетические принципы родного языка и культуры.

Ключевые слова: языковое сознание, этноспецифичность, билингвальная, бикультуральная личность, синкретизм, маргинальность.

L.A. Kozlova, T.A. Klimova
Barnaul, Russia

SPECIFICITY OF LINGUAL CONSCIOUSNESS OF THE BICULTURAL PERSONALITY AND ITS REFLECTION IN LITERARY TEXT

Abstract: The article addresses the issue of the specificity of a bicultural's lingual consciousness, which is manifested in a fiction text. The analysis of novels written by Kazuo Ishiguro enables the author to conclude that the essence of this specificity consists in the syncretism which finds

manifestation in generating a text in a second language on the basis of aesthetic principles of the original language and culture.

Keywords: lingual consciousness, ethnospecificity, bilingual, bicultural ego, syncretism, marginality.

Метафорическое определение когнитивного подхода к анализу языковых фактов как такого подхода, который открывает окно в сознание в целом, несомненно, верно, но все же требует некоторого уточнения. Прежде всего, необходимо признать, что такой подход не открывает, а лишь приоткрывает это окно, позволяя увидеть только небольшую часть того, что на самом деле происходит в сознании в тот момент, когда мы осуществляем нашу речемыслительную деятельность. Можно использовать и другую метафору окна, подчеркивая, что это окно с непрозрачным стеклом, которое не позволяет четко увидеть то, что происходит в сознании. А остальное, плохо различимое сквозь это непрозрачное стекло, нам приходится реконструировать в своем сознании, то есть додумывать, опираясь на свой опыт, свои знания, свою интуицию, делать логические выводы – ведь не случайно одним из основных приемов в когнитивно-ориентированных исследованиях является прием инференции, то есть получения выводного знания. Мы получаем это выводное знание, анализируя различные языковые факты, пытаясь понять мир и происходящие в нем события с помощью языка, используя язык в его интерпретирующей функции.

Именно понимание сущности когнитивной лингвистики как средства реконструкции работы сознания обусловливает ее интерес к проблемам языкового сознания, под которым, вслед за Е.Ф. Тарасовым, мы понимаем «опосредованный образ мира определенной культуры, совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителей культуры об объектах реального мира» [6, с. 7].

Большая заслуга в разработке проблематики когнитивного, или общего сознания и языкового сознания, как известно, принадлежит психолингвистам, которые занималась этими проблемами еще до становления когнитивной лингвистики [4], в контексте которой были введены такие базовые понятия, как концепт, концептуальная и языковая картины мира. Сопоставление таких базовых понятий, как концептуальная картина мира и когнитивное сознание, с одной стороны, и языковая картина мира, и языковое сознание, с другой, позволяет говорить об их соотнесенности. Концептуальная картина мира как совокупность наших знаний и представлений о мире формируется в результате деятельности когнитивного сознания, процессов концептуализации и категоризации, а языковая картина мира как образ мира, репрезентированный с помощью различных языковых средств, является результатом деятельности языкового сознания. Но вместе с тем отношения между концептуальной и языковой картинами мира, с одной стороны, и когнитивным и языковым сознанием, с другой, не являются столь прямолинейными. Основные различия в трактовке отношений между ними связаны с различиями в ответах лингвистов на вопрос о том, как соотносятся между собой язык и мысль, а именно, является ли язык лишь «непосредственной действительностью мысли», то есть формой, в которую облекается мысль в процессе ее вербализации, или же язык, выполняя свою когнитивную функцию, оставляет свой след на мысли и влияет на ее формирование. Напомним, что еще Джон Локк говорил о том, что познание гораздо больше связано со словом, чем это принято считать. В сегодняшней когнитивной теории языка получила широкое признание восходящая к идеям В. фон Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа мысль о том, что наше восприятие действительности осуществляется не только в процессе непосредственного общения, но и через язык, в котором аккумулированы знания о мире, которые в известной мере направляют наше восприятие и формируют образ мира в нашем сознании, то есть язык участвует в процессах концептуализации, реализуя при этом свою интерпретирующую функцию [1, с. 12]. Таким образом, когнитивное и языковое сознание находятся в постоянном взаимодействии: с одной стороны, языковое сознание представляет собой вербализованное когнитивное сознание, а, с другой, – участвуя в процессах интерпретации мира, оно направляет нашу мысль, влияет на когнитивное сознание, оставляя в нем свой след и тем самым способствуя его дальнейшему развитию и обогащению наших знаний о мире.

Поскольку процессы мировосприятия и миропонимания происходят в разных географических, климатических, социально-исторических условиях, под влиянием разных культурных и ре-

лигиозных ценностей, конвенций и стереотипов поведения, наша когниция этнически детерминирована. Языковое сознание, представляющее собой вербализованное когнитивное сознание, также является этнически обусловленным. В этой связи значительный интерес представляет собой, на наш взгляд, проблема специфики языкового сознания билингвов и мультилингвов, как естественных, так и искусственных, использующих второй язык в процессе учебы или работы. Исходя из известного тезиса о том, что билингвальная личность – это бикультурная личность ***(to be bilingual is to be bicultural)***, представляется возможным провести аналогию между бикультурной личностью и языковой личностью билингва и его языковым сознанием. По мнению специалистов в области межкультурной коммуникации, следствием функционирования индивида в разных культурах является маргинализация личности и синкретизация его сознания, то есть совмещение в нем культурных норм, традиций, ценностей и стереотипов поведения взаимодействующих культур. При этом исследователи выделяют два типа маргинальных би/мультикультурных личностей: так называемых изолированных, или неконструктивных маргиналов, у которых синкретизм носит деструктивный характер, затрудняющий их общение в каждой из взаимодействующих культур, и конструктивный тип, позволяющий им свободно переходить из одной культуры в другую и успешно функционировать в каждой культуре [9, с. 112].

Данный подход, по нашему мнению, может быть экстраполирован в область изучения языкового сознания билингвов, которое также может быть описано в терминах синкретизма, то есть совмещения в нем языковых картин мира, образов и когнитивных стилей родного и второго языков [2, с. 129]. По мнению исследователей, билингв – это не удвоенный монолингв, а языковая личность с особой конфигурацией, формирующейся под влиянием взаимодействующих языков [10, с. 471].

Синкретизм языкового сознания имеет различные формы манифестации на всех уровнях языковой системы: в лексике, фразеологии, грамматике, а также в этностилях коммуникации и различных типах дискурса, в основе которых лежат разные когнитивные стили мышления и модели построения дискурса ***(т.н. discourse thought patterns)***. Так, например, синкретизм языкового сознания билингвов находит свою манифестацию в процессах метафоризации. Как мы уже отмечали ранее [2, с. 129], концептуальный анализ метафор, создаваемых писателями-билингвами, показывает, что в языковом сознании писателя-билингва могут сосуществовать образы сознания, сформировавшиеся на основе двух взаимодействующих культур: родной и новой. Следствием такого совмещения образов сознания служит тот факт, что писатель-билингв, пишущий на втором языке, может создавать метафору, используя при этом в качестве области-источника образ, сформированный на основе родного языка и культуры. Лучше всего, как это часто бывает, это понимают сами авторы – билингвы и мультилингвы, способные к интроспективному анализу собственного творчества. Хорошо известны слова В. Набокова, которыми он описывал специфику собственной языковой личности: «Моя голова разговаривает по-английски, мое сердце – по-русски, а мое ухо – по-французски».

Подтверждение данного предположения можно найти, обращаясь к произведениям писателей-билингвов. В качестве примера приведем отрывок из романа американской писательницы китайского происхождения Эми Тэн. ***When I saw the hills, I laughed and shuddered at the same time. The peaks looked like giant fried fish heads trying to jump out of a vat of oil. Behind each hill, I could see shadows of another fish, and then another and another (Amy Tan. The Joy Luck Club).*** Анализ образного сравнения, в основании которого лежит тот же когнитивный механизм, что и у метафоры, показывает, что данный образ мог быть сформирован только на основе традиционной китайской культуры.

В этой связи большой интерес для исследования специфики языкового сознания представляет творчество писателей-билингвов и мультилингвов, отражающих в своем творчестве различные аспекты взаимодействия культур и языков. Интерес к творчеству писателей-мультикультуралов обусловлен несколькими факторами. Как отмечают Г.И. Лушникова и Т.Ю. Осадчая, изучение произведений таких писателей способствует устранению барьера между разными культурами, позволяет лучше узнать особенности разных культур и установить контакт на основе взаимопонимания [5, с. 12]. По мнению С.П. Толкачева, мультикультурализм – это «…новый нарративный слой и далекий от традиционного художественный мир авторов, сочетающих в своем творческом «генофонде» различные этнокультурные корни» [7, с. 12]. Изучение произведений писателей-мультикультуралов позволяет затронуть широкий круг проблем, относя-

щихся к области культуры, философии, литературы и лингвистики.

Для лингвиста особый интерес представляет специфика языкового сознания таких писателей, в котором, как мы полагаем, могут по-разному совмещаться образы, ментальные модели и когнитивные стили взаимодействующих языков и культур, что находит манифестацию в особенностях тематики, базовых концептов авторской картины мира, метафорических образов и идиостиля таких авторов. Одним из наиболее ярких представителей таких авторов является современный британский писатель японского происхождения Кадзуо Исигуро. По нашему мнению, Исигуро является конструктивным маргиналом, то есть в его случае синкретизм языкового сознания представлен успешным взаимодействием английской и японской культур и находит своё отражение в его творчестве.

В более широком понимании синкретизм языкового сознания Кадзуо Исигуро представляет собой пример дихотомии «Восток-Запад». Как определил в своё время Г. Чхартишвили, «…новая "восточнозападная" литература обладает явными признаками андрогинности; при одной голове у нее два лица (одно обращено к восходу, другое к закату), два сердца, двойное зрение и максимально устойчивый опорно-двигательный аппарат. Еще ей свойственна повышенная витальность, несколько диссонирующая с вялой доминантой литературы fin de siècle, но вполне объяснимая, если не забывать об эффекте магического слияния» [8, с. 254]. Несмотря на то, что Исигуро переехал в Великобританию в возрасте пяти лет, японское языковое сознание, при всей кажущейся пассивности, имеет под собой сильную базу, а национальные корни и детские впечатления от Японии оказали немалое влияние на мировоззрение писателя. В интервью 1989 года на вопрос о том, повлияло ли японское происхождение на его творчество, Исигуро ответил: ***«Я не похож на англичан, потому что меня растили родители-японцы, и у нас дома разговаривали по-японски. Мои родители считали своей ответственностью поддерживать во мне ценности японской культуры. У меня чёткое понимание своего культурного происхождения. Я думаю по-другому, у меня немного другие взгляды на те или иные вещи»*** [12, с. 22] (здесь и далее перевод наш – Т.К.).

На вопрос о собственном «я», о самосознании, он ответил следующее:

Не бывает, чтобы люди были на две трети такими, а на одну треть – другими. Темперамент, характер или взгляды нельзя так поделить. Не бывает чётких границ между частями. Получается забавная однородная смесь [12, с. 22].

Так, действие первых двух его романов – «Там, где в дымке холмы» (A Pale View of Hills, 1982) и «Художник зыбкого мира» (An Artist of the Floating World, 1986) происходит в Японии, что указывает на интерес к собственной национальной идентичности. Однако уже в первом романе можно заметить своеобразные «английские отсылки»: ***Niki, the name we finally gave my younger daughter, is not an abbreviation; it was a compromise I reached with her father. For paradoxically it was he who wanted to give her a Japanese name, and I – perhaps out of some selfish desire not to be reminded of the past – insisted on an English one. He finally agreed to Niki, thinking it had some vague echo of the East about it (K.Ishiguro. An Artist of the Floating World).***

За первыми «японскими» произведениями следует своеобразное исследование «английскости» – третий роман «Остаток дня» (The Remains of the Day, 1989), но и в нём главным героем движет чувство долга и самопожертвование, имеющие сходство с самурайским. В пятом по счёту романе «Когда мы были сиротами» (When We Were Orphans, 2000) герой переезжает с Востока на Запад, в Великобританию. Все эти элементы выстраивают некоторую закономерность: создаётся впечатление, что Исигуро осознанно противопоставляет Великобританию и Японию в философско-психологическом контексте. Япония (Восток) – мир ностальгии, и как следствие – искренность, изменчивость времени и событий (что не равно идеализации происходящего там). Великобритания (Запад) – взросление, сдержанность, обращение к прошлому и размышления о долге. Психологически всё это опирается на биографию писателя, на его отношение к Японии как к пространству, связанному частично с идеализированными представлениями о детстве. В интервью японскому писателю Кэндзабуро Оэ он сообщил, что действие первых двух романов разворачивается в «воображаемой» Японии: ***Пока я рос, в моей голове существовал образ той, другой страны, очень важной страны, к которой я был сильно привязан эмоционально… Живя в Англии, я постоянно достраивал этот образ – образ воображаемой Японии*** [11, с. 113].

Со временем в романах Исигуро явное противостояние культурных кодов (Восток-Запад) пре-

вращается в более общее противостояние прошлого с настоящим. Культурный аспект в таком случае уходит вглубь текста, то есть в его дискурсивные, структурные и семантические характеристики, оставляя на поверхности бесстрастное по эмоциональной окраске повествование, цель которого – не давать окончательных оценок ещё не до конца развернувшимся событиям. Например, одним из сквозных элементов творчества Кадзуо Исигуро является моно-но-аварэ, что в примерном переводе означает «печальное очарование вещей», «очарование эфемерного», и представляет собой один из главных эстетических принципов японской культуры, призванный помочь человеку не просто осознать мимолётность жизни, но и увидеть в этом красоту. Стоит отметить, что в данном случае рассматривается широкая трактовка слова «вещи» («моно»), то есть это не только предметы материального мира, но и чувства, эмоции людей, а также сами люди. В работах Кадзуо Исигуро моно-но-аварэ проявляется в недосказанности, отсутствии чётко очерченного финала и видимого разрешения конфликта, поскольку повествование, как правило, касается прошлых событий, и его цель – помочь персонажам осознать и принять как последствия этих событий, так и невозможность что-либо изменить.

На основе сказанного можно сделать вывод о том, что этноспецифичность языкового сознания бикультуральной личности находит своё отражение в художественном тексте как на более очевидном языковом уровне (использование образов родного языка в метафорах второго языка), так и на уровне построения дискурса на втором языке с опорой на эстетические принципы родного языка. Подобный синкретизм двух культурных парадигм естественен для человека, впитавшего традиции и культуру двух стран, каждую из которых он считает своей.

Список использованной литературы

1. Болдырев, Н.Н. Интерпретирующая функция языка / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). – Вып. 60. – С. 11–16.
2. Козлова, Л.А. О некоторых особенностях речевого поведения билингвов, обусловленных спецификой их языкового сознания / Л.А. Козлова // Язык и транснациональные проблемы: материалы I международной научной конференции 22–24 апреля 2004 года. – Москва – Тамбов, 2004. – Ч. 1. – С. 128–134.
3. Козлова, Л.А. Синкретизм языкового сознания билингва и его отражение в метафоре/ Л.А. Козлова // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVI. – Москва – Тамбов – Тюмень. – 2016. – С. 329–331.
4. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – Москва : Смысл; Издательский центр «Академия». – 2004. – 352 с.
5. Лушникова, Г.И., Осадчая, Т.Ю. Современная англоязычная литература: традиции и эксперимент : Монография / Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая. – Москва : ИНФРА-М, 2018. – 170 с.
6. Тарасов, Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового общения. – Москва : ИЯ РАН, 1996. – С. 7.
7. Толкачев, С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / С.П. Толкачев. – Москва, 2003. – 60 с.
8. Чхартишвили, Г.В. Но нет Востока и Запада нет (О новом андрогине в мировой литературе) / Г.В. Чхартишвили // Иностранная литература. – 1996. – № 9 – С. 254–263.
9. Bennett, J.M. Cultural marginality: Identity issues in intercultural training / Janet Bennett // R. Paige (Ed.) Education for the intercultural experience. Yarmouth: Intercultural Press. – 1993. – P. 109–136.
10. Grosjean, F. The Bilingual as a Competent but Specific Speaker-Hearer / François Grosjean // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 1985. – № 6. – P. 467–477.
11. Oe, K. The Novelist in Today's World: A Conversation / Kenzaburo Oe, Kazuo Ishiguro // Duke University Press. – 1991. – Boundary 2. – Vol. 18. – № 3. – P. 109–122.
12. Swift, G. Kazuo Ishiguro / Graham Swift // BOMB. –1989. – № 29. – P. 22–23.

И.Ю. Колесов
г. Барнаул, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АНГЛИЙСКИХ РЕКУРРЕНТНЫХ СТРУКТУР В СФЕРЕ ТЕОРИИ ГРАММАТИКИ КОНСТРУКЦИЙ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18-412-221001 «Проект организации международной научной конференции "Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике"».

Аннотация: В статье анализируются рекуррентные английские конструкции в рамках концептуального анализа в теории грамматики конструкций. Объект анализа – функционально значимые (рекуррентные – регулярно и повторно воспроизводимые в речи) английские структуры, рассматриваемые как идиоматические единства формы и значения, требующих концептуального анализа пропозиционального содержания структур. В качестве инструмента анализа используются приемы концептуального анализа языковых выражений в рамках современной парадигмы когнитивно-дискурсивного анализа языка.

Ключевые слова: грамматика конструкций, рекуррентные структуры, концептуализация, когнитивная сцена, концептуальная схема.

I.Yu. Kolesov
Barnaul, Russia

CONCEPTUAL ASPECTS OF THE ENGLISH RECURRENT STRUCTURES IN THE FIELD OF CONSTRUCTION GRAMMAR THEORY

Abstract: The article analyzes recurrent English constructions within the framework of conceptual analysis in the theory of Construction Grammar. The object of analysis is English structures that are functionally significant, recurrent – e.i. reproduced in speech regularly and on repeated patterns, that are considered idiomatic as a unity of form and meaning, requiring a conceptual analysis of their propositional content. As a tool for their analysis, the writer uses methods of conceptual analysis of language expressions within the framework of the modern paradigm of cognitive-discursive language analysis.

Keywords: construction grammar, recurrent structures, conceptualization, cognitive scene, conceptual scheme.

В рамках теории грамматики языковые конструкции анализируются как результат концептуализации и категоризации описываемых ситуаций (референтных сцен). Теория грамматики конструкций, как известно, охватывает весь язык, наделяя свойствами конструкций элементы языка как собственно уровня грамматики, так и фонологического, лексического и словообразовательного уровней. Большинство конструкций так или иначе опираются на пропозициональные значения, отражающие результаты концептуализации говорящими называемых ситуаций, активацию знаний о мире и знаний о языке, не отличаясь в целом от всех других функционально ориентированных явлений языка, структуры, рассматриваемые как конструкции, представляют собой определенный структурно-семиотический формат языковых элементов и выражений, требующий специфических аналитических установок.

Теоретические рамки грамматики конструкций (Construction Grammar), разрабатываемой с 1990-х гг. на материале различных языков, в данной статье при исследовании английских рекуррентных структур используются как уже известные положе-

ния о грамматических структурах, на основе которых предлагаются и другие пути интерпретации и анализа языковых («грамматических», в терминах названной теории) конструкций.

Идиоматичность и грамматичность конструкций мы понимаем в данном исследовании шире, чем собственно принадлежность к грамматическому строю языка, подчеркивая в большей мере структурную связанность конструкций, и используем ряд понятий относительно сочетательных возможностей языковых единиц, их коллокации, валентности, ограничений на взаимную сочетаемость. Например, в присоединении аффиксов к корневым морфемам имеется специфика, отличающая аффиксальное словообразование от комбинаций фонем или лексем друг с другом. Так, английские суффиксы ***–less*** и ***–ness*** сочетаются с адъективными и причастными производящими основами для образования абстрактных существительных ***(brightness; happiness; obligingness; preparedness; etc.),*** и субстантивными ***(childless; peerless)*** либо глагольными производящими основами ***(resistless; tireless)*** при образовании прилагательных.

Грамматический строй языка является тем пространством, в котором языковые формы становятся означенной субстанцией, что создает уже привычное понимание об отсутствии строгого разграничения лексики от синтаксиса, или морфологии от синтаксиса при анализе функциональных реализаций подсистем языка. В частности, такова ситуация в английском языке, и одним из примеров является синтаксическое «назначение» морфологической формы притяжательного падежа. Как известно, и в русском языке наклонения как морфологические глагольные формы имеют синтаксический характер, синтаксический характер могут иметь просодические явления в разных языках, и особенно в языках тонических. В этих условиях грамматические конструкции должны стать значимым инструментом лингвистического анализа, поскольку они воплощают в себе такие соединения формы и значения, которые не интерпретируются композиционно [10], но имеют идиоматические, функциональные и возможно, иные маркеры своего языкового статуса. В данной статье анализ осуществляется в отношении ряда грамматических конструкций с категориальными значениями экзистенциальности, притяжательности и компаративности, которые получили выражение в пропозиции полной либо свернутой в словообразовательной конструкции. Исходным положением анализа в рамках теорий когнитивной лингвистики и грамматики конструкций является понимание значения как концептуализации референтной ситуации. Смысл языкового знака не равен ни условиям его истинности, ни сумме значений компонентов языкового выражения и извлекается из него в процессе его интерпретации. Основной фокус исследования обращен к соответствию между грамматическими и семантическими структурами: если анализируемые конструкции рассматривать как типичные механизмы построения структур в английском языке, важно выявить, какого рода знания о референтных сценах становятся актуальными для построения структур, какие разновидности концептуализации референтных событий получают схематизацию и включаются в языковые механизмы в качестве концептуальных схем референтных сцен – обозначаемых в языковом выражении ситуаций внешнего мира.

Для выявления концептуальных схематизаций референтных сцен применяются такие приемы, как интроспекция, интуиция и самоанализ лингвиста, которые в когнитивной лингвистике и грамматике конструкций были однозначно приняты. Концептуальный анализ является по своему содержанию семантическим методом, поскольку направлен на выявление содержательной сущности языковых выражений, но не на языковом уровне, а на уровне структур репрезентации знания, соответственно, анализ лексических и грамматических значений в конструкции осуществляется семантическими методами. Сочетаемость компонентов конструкции оценивается в рамках коллокационного анализа. В грамматике конструкций все еще в ходу унаследованные ей методы порождающей грамматики, применяемые для анализа семантико-синтаксического соответствия структур посредством разложения поверхностных и глубоких структур как лежащих в основе реальных высказываний [4; 6; 7; 9; 11]. Однако, как показывает материал исследования, трансформационные процедуры анализа не всегда применимы.

В грамматике конструкций предложен ряд положений для определения статуса конструкции: а) постулат символизма: конструкции как языковые знаков имеют соотнесенные форму и содержание; б) постулат включенности: виды отношений внутри конструкции включают «элемент – конструкция» и «элемент – элемент» [4; 8]; в) постулат семантической идиоматичности: семантика конструкции не мотивирована его компонентами) [5]; г) по-

стулат категоризации: в когнитивном понимании конструкция является конструктом референтной сцены, поскольку она обеспечивает интерпретацию реальности и строит свою собственную категоризацию [1; 2]. Нетривиальность семантических свойств конструкций побуждает полагать, что главными приемами анализа должны быть семантический и концептуальный разновидности анализа.

Сопоставление идентичных моделей языковых рекуррентных структур обусловливает прием оппозитивного анализа языковых выражений, восходящих к разным глубинным структурам и отражающим различные трансформации фреймов, например, ***blue-eyed*** имеет посессивное значение «имеющий глаза голубого цвета», ***a blue-bagged*** – дескриптивное: «тот, у кого сумка голубого цвета». Оппозиции могут строиться на основе семантической роли главного элемента: в словосочетании ***John's room*** семантической ролью имени ***John*** является «субъект обладания», а ролью имени room «участник отношений принадлежности, обладаемое», тогда как в ***John's questions*** имя ***questions*** имеет роль «фактитив – объект как результат деятельности», а имя собственное ***John*** обозначает деятеля. В ***John's arrival*** имя собственное называет деятеля, а arrival не называет объект, и, будучи событийным отглагольным именем, обозначает действие, что трансформируется с помощью соответствующего глагола, но в трансформацию для предыдущего случая потребуется введение глагола: What John did was arrive; What John did was ask questions. Направленность действия и семантическая роль первого элемента также обусловлена сочетаемостью: в John's arrest имя John называет не деятеля, а объект действия, где невозможна прежняя трансформация ****What John did was arrest,*** как невозможна и трансформация пассивизации предиката ****What John did was be arrested,*** единственно верной будет иная категоризация события как происшествие с Джоном, действие, которое было направленно на него: ***What happened to John was he was arrested.***

Категоризация различных референтных схем по одному типу языковой репрезентации объединяет целые «семьи» предложений, имеющих различную семантику, но общий концептуальный признак наличия / существования / осуществления (экзистенциальный признак), который представлен скалярно – на шкале от конкретности наличия объектов в пространственной ситуации до абстрактности – когда выражается значение необходимости или возможности осуществления чего-л. Попытаемся выявить, что происходит при конструировании фреймов знания о событиях, которые представлены в структурах с локативно-экзистенциальным ***there*** в интродуктивной позиции. Предложение ***There were many students at the lecture (На лекции присутствовало много студентов)*** выражает характеристику лекции по посещаемости студентов, их присутствие в лекционном зале концептуализировано как наличие в том месте, где была лекция при исключении слота «место действия» из событийного фрейма «лекция». Наличие деятеля как элемента референтной сцены также может быть выведено из пропозиции в пресуппозицию, что свидетельствует о затушевывании соответствующего элемента фрейма. Это имеет место в предложениях, субстантивирующих как деятельность, так и безагенсные явления природы, например: There were many questions at the lecture (На лекции было много вопросов). ***There was a storm out in the sea (В море был шторм).*** Аналогия с устранением из фрейма слотов «деятель» и «место действия» характеризует предложения, выражающие экзистенциальные смыслы «отсутствие возможности» и «отсутствие необходимости»: ***There is no denying his victory in the contest (Невозможно отрицать его победу в конкурсе). There is no doubting their skill (Нет никаких сомнений в том, что у них есть такой навык). There is no point in souring such good memories (Не нужно (=нет смысла) портить такие хорошие воспоминания). There is no need to book in advance (Нет необходимости бронировать заранее).***

Рекуррентность данных структур подчеркивается семантически – они выражают актуальные смыслы, статистически – их частотность в национальном языковом корпусе (BNC) значительна, а также воспроизводимостью их конструкционной модели в структурах-аналогах, например, с существительным way (которое активно используется и в иных конструкциях с адвербиальной семантикой – в т.н. ***way-конструкциях***), выражающих отсутствие возможности: ***We have a secret ballot and so there is no way of knowing*** *how someone has cast their vote (Голосование тайное, поэтому невозможно узнать, кто как голосует); … men had yet another quarrel, though there is no way of knowing who started it (… между мужчинами снова случилась ссора, и никак не узнать, кто ее начал);* ***There is no way I would ever want*** *to injure an opponent (Я бы никогда не стал ранить противника);* ***There is no way we are going to support*** *it with public money (Мы ни-*

как не сможем оказать этому поддержку за государственный счет).

Среди английских рекуррентных структур весомый статус принадлежит компаративным конструкциям, образованным по словообразовательной модели N–Adj, таким, как ***snow-white (белый, как снег, белоснежный), blood-red (красный как кровь, кроваво-красный), ebony-black (черный как черное дерево, цвета черного дерева), sky-blue (небесно-голубой),*** в которых идея сравнения концептуализируется как ассоциация с определенным (конвенциональным, простым) эталоном. В подобных компаративных конструкциях обнаруживается корпус концептов-эталонов, например, цветовых ассоциаций для данной лингвокультуры, например, для прилагательного blue в данной конструкции в корпусе английского языка отмечен целый ряд конструкций, в которых в первом компоненте конструкции содержится выражение знания о конвенциональном или узуальном эталоне (приведены наиболее частотные – 45–10 контекстов и наименее частотные – 1 контекст): ***navy-blue (45), ice-blue (39), sky-blue (25), midnight-blue (14), sea-blue (12), violet-blue (10), Thames-blue (1), storm-blue (1), smoke-blue (1), mist-blue (1), magi-blue (1), lemon-blue (1), laser-blue (1), euro-blue (1), dust-blue (1), duck-egg-blue (1), frost-blue (1), eye-lid-blue (1), crystal-blue (1), butterfly-blue (1), blackbird-blue (1) (BNC).***

Компаративные структуры типа «N–Adj» мы также относим к полисемантичным – другой семантический вариант данной конструкции создается параметрическими прилагательными типа ***wide, deep, tall*** и т.п., например, ***knee-deep, nation-wide, poplar-tall.*** Полагаем, что данные разновидности одной структуры следует считать разными конструкциями: типы сочетающихся в них имен существительных и прилагательных не совпадают, выражаемое ими содержание складывается в значения качества у компаративных конструкций и количества у параметрических конструкций.

Контекст как фактор концептуализации и категоризации играет существенную роль при использовании рекуррентных структур посессивного типа: в контексте добавляются релевантные параметры для категоризации референтных сцен, например, конструкция ***Mary's cake*** репрезентирует знание о различных сценах: «торт, который испекла Мэри», «торт, который ест (предпочитает) Мэри», «торт, который был подарен Мэри», и даже «торт, который был приготовлен для Мэри».

Синкретизм различных значений, выражаемых в одной форме, – довольно распространенное и давно изучаемое явление, которое уже давно является предметом лингвистического анализа, позволяющее строить интерпретацию всей концептуальной структуры как результата номинации определенной референтной сцены – положения дел, события, движения и т.д. на основе достаточных знаний, картины мира, а также существенных знаний самого языка. Когнитивная лингвистика в данной области грамматической теории имеет некоторую преемственность, поскольку анализ грамматических конструкций опирается на широко известные языковые явления, а также методы и подходы в их анализе, например, в понимании таких семантических феноменов, как многозначность, двусмысленность и неопределенность (неточность) как в лексике, так и в грамматике, которые после работ Н. Хомского, Дж. Лайонза и Р. Ленекера стали хрестоматийными примерами. Значения грамматических конструкций опираются на порождаемые говорящими интерпретации референтных сцен на основе имеющихся знаний как собственно описываемых событий, так и языкового знания, умения использовать языковые структуры для наречения референтных сцен и которые в принципе в данном языке являются доступными, чтобы выразить обозначенные референтные сцены в нужном ракурсе концептуализации (тут уместно сопоставление возможностей разных языков – родного и иностранного). Известное предложение ***Flying planes*** can be dangerous допускает две интерпретации: 1) «Управлять самолетом (пилотировать) – опасное занятие», опирается на знания о переходных глаголах и структурах с их синтаксическими объектами (***fly a plane / a kite*** и т.д.); 2) «Летящие самолеты могут быть опасны» опирается на структурные знания о механизмах номинации и грамматики языка, в которых выражение ***flying planes*** является элементом широкой парадигмы похожих синтаксических структур с английскими герундиальными и причастными формами ***dancing couple, smoking chimney, breaking news*** и т.п., состоящими из имени и его определения. Референтная отнесенность конструкции не в меньшей мере может опираться на просодические компоненты языкового знания, которые (sic) не изолированы от структурно-грамматических схем языкового знания, поскольку выполняют ту же функцию структурно грамматической идентификации языкового знака. В следующем примере ***They can fish*** место логического

ударения стоит в зависимости от знания и осмысления говорящим референтной сцены, и соответственно, от этого зависит снятие структурной двусмысленности данного выражения 1) «Они рыбачат, они – рыбаки» и 2) «Они производят рыбные консервы в банках». С логическим ударением на ***fish (They can FISH)*** элемент ***fish*** становится глаголом, и конструкция выражает способность вести рыбную ловлю. Перенеся ударение на ***can*** говорящий выдвигает данный глагол в категорию полнозначных (модальные глаголы в сочетании с инфинитивом смысловых глаголов безударны): ***They CAN fish***, и вся структура выражает значение «Они производят рыбные консервы в банках», которое основано на знании лексических значений имени ***a can*** «консервная банка» и производного от него глагола ***to can*** «консервировать в металлические банки, выпускать консервы в железных банках».

Обобщая результаты исследования, отметим, что на материале английского языка хорошо видны процессы, которые объективируют механизмы и «технику» языка, его специфическую механику, благодаря таким типологическим свойствам английского языка, как широкий спектр аналитических и изолирующих тенденций. В самих способах образования конструкций «оязыковливаются» такие познавательные операции, как концептуализация, активация знаний о мире и знаний о языке. Грамматика конструкций в когнитивном аспекте стремится к объяснению пути говорящего от формы к ее содержанию в процессе интерпретации, концептуализации и категоризации референтных сцен, выбора для их обозначения грамматических конструкций на основе знания, картины мира, которые позволяют сопоставлять концептуализацию референтных сцен с возможностями языка. Анализ английских рекуррентных структур как конструкций, имеющих свойства концептуальных схем и фреймов, позволяет в коллигационных свойствах компонентов конструкции выявлять семантические и грамматические свойства грамматических конструкций, а в их концептуальных свойствах обнаруживать семиотическую сущность конструкции как средства номинации референтной сцены.

Список использованной литературы

1. Лингвистика конструкций / Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. Е.В. Рахилина. – Москва : Азбуковник, 2010. – 583 с.
2. Рахилина, Е.В. Категориальная структура и грамматика конструкций: контейнер [Электронный ресурс] / Е.В. Рахилина. – Режим доступа: http://www.ksu.ru/ss/cogsci04/science/cogsci04/212.doc
3. Croft, W. Cognitive Linguistics [Электронный ресурс] / W. Croft, D.A. Cruse. Cambridge: Cambridge University Press. – Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511803864
4. Eynde, F., van. Sign-Based Construction Grammar: A guided tour / F. van Eynde // Journal of Linguistics. – 2016. – Vol. 52(1). – P. 194–217.
5. Fillmore, C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions / C. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor // Language. – 1988. – Vol. 64(3). – P. 501–538.
6. Fried, M. Principles of constructional change / M. Fried // The Oxford Handbook of Construction Grammar (Oxford Handbooks) / Th. Hoffmann & G. Trousdale (eds.). – Oxford : Oxford University Press, 2013. – P. 419–437.
7. Fried, M. Construction Grammar / M. Fried // Syntax – theory and analysis : An international handbook / T. Kiss, A. Alexiadou (eds.). Vol. 42 Handbooks of Linguistics and Communication Science. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2015. – P. 974–1003.
8. Goldberg, A.E. Fitting a slim dime between the verb template and argument structure construction approaches / A.E. Goldberg // Theoretical Linguistics. – 2014. – Vol. 40(1–2). – P. 113–135.
9. Hanink, E. Postsyntactic inflection of the degree phrase in German / E. Hanink // Proceeding of the Linguistic Society of America. – 2018. – Vol. 3. – P. 23–115.
10. Kay, P. Constructional meaning and compositionality / P. Kay, L.A. Michaelis // Semantics – Interfaces / C. Maienborn, K. Heusinger, P. Portner (eds.). – Berlin; Boston : De Gruyter, 2019. – P. 293–324.
11. Singh, R. Derivational Grammar Model and Basket Verb: A Novel Approach to the Inflectional Phrase in the Generative Grammar and Cognitive Processing [Электронный ресурс] / R. Singh // English Linguistics Research. – 2018. – Vol. 7(2). – Режим доступа: https://doi.org/10.5430/elr.v7n2p9

А.В. Колмогорова, А.А. Калинин, А.В. Маликова
г. Красноярск, Россия

ЧАСТОТНОСТЬ И РЕЛЕВАНТНОСТЬ ВЕРБАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ ЭМОЦИЙ В КОРПУСЕ НЕЙТРАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТОВ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-012-00205 «Разработка классификатора русскоязычных интернет-текстов по критерию их тональности на основе модели эмоций "Куб Левхейма"».

Аннотация: В статье обсуждаются промежуточные результаты сравнения эмоционально-окрашенных интернет-текстов и нейтральных интернет-текстов на русском языке. Источником первых послужили паблики в социальной сети ВКонтакте, источником вторых – онлайн-энциклопедия «Википедия». Обосновывается выбор «Википедии» в качестве источника, приводятся данные корпусного анализа частотности и комбинаторики ряда лексических единиц, коллокаций и синтаксем, доказавших свою валидность в качестве маркеров текстов различных эмоциональных классов, в подкорпусе нейтральных текстов. Делается вывод о том, что для нейтральных текстов вербальные маркеры других эмоциональных классов текстов теряют свою валидность.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональная тональность текста, нейтральные тексты, вербальные маркеры, Википедия.

A.V. Kolmogorova, A.A. Kalinin, A.V. Malikova
Krasnoyarsk, Russia

FREQUENCY AND RELEVANCE OF VERBAL MARKERS OF EMOTIONS IN THE CASE OF NEUTRAL INTERNET TEXTS

Abstract: The article discusses the current results of comparative analysis of emotional internet-texts retrieved from Russian social network VKontakte and neutral texts – from internet-encyclopedia Wikipedia in Russian. We justify the choice of Wikipedia as a source of data and show the results of frequency and combinatorics comparative analysis of a number of lexical units, collocations and syntax, which have proved their validity as markers of texts of various emotional classes, are given in the sub-corpus of neutral texts. It is concluded that for neutral texts verbal markers of other emotional classes of texts lose their validity.

Keywords: emotions, emotional tonality of text, neutral texts, verbal markers, Wikipedia.

Интернет-тексты стали неотъемлемой частью коммуникативной реальности современного человека. Однако сама эта реальность благодаря Интернету тоже значительно изменилась. В ней люди предпочитают рассказывать истории, «через которые они презентуют себя и передают свой опыт другим» [6, с. 71]. Экономика внимания – чем больше я заметен, тем больше я значу [6, с. 72] – формирует новую точку зрения на практики переживания эмоций и разговора о них. Лингвисты говорят о дискурсе новой чувствительности в современном интернет-пространстве [8; 7]. Измерить эту чувствительность трудно, но научиться вычленять ее маркеры и проводить автоматическую классификацию текстов в зависимости от выражаемой в них эмоции – возможно.

Современные методы сентимент-анализа текстовых данных позволяют с высокой степенью точности классифицировать тексты на русском языке на негативно и позитивно оценочные. В рамках проводимого нами исследования решается задача создания компьютерной программы-классификатора, способной автоматически классифицировать пода-

ваемые на вход интернет-тексты на русском языке на классы текстов с разной эмоциональной тональностью. Дизайн программы предполагает 9 классов текстов: 8 из них соответствуют базовым эмоциям, согласно классификации эмоций Г. Лёвхейма, 9 класс – это эмоционально нейтральные тексты.

Для извлечения датасета эмоциональных текстов мы использовали в качестве источника публичные группы в социальной сети ВКонтакте «Подслушано» и «Карамель». Первая «специализируется» на текстах так называемых «интернет-откровений» [3] – анонимных персональных нарративах от первого лица, в которых авторы откровенно, а иногда и в шокирующей манере, описывают различные эмоциональные состояния, которые им пришлось переживать в своей жизни. Вторая представляет собой «девичье» сообщество, коммуникативное пространство которого совмещает в себе признаки жанров «поговорить по душам» и «посекретничать».

Однако выбор источника датасета нейтральных текстов не был простым. С одной стороны, это должны быть тексты, отражающие специфику опосредованной интернет-коммуникации, а с другой, – лишенные оценочности, экспрессивности, эмоциональности.

После предварительного экспертного анализа текстов различных интернет-жанров – от профессиональных блогов (например, переводчиков) до тематических сообществ (например, учителей математики) – мы остановились на текстовых данных из Википедии.

В.В. Дементьев, сравнивая Википедию и Лукоморье, отмечает, что они противопоставлены по признаку формально vs неформально: в отличие от иных интернет-энциклопедий «Википедия старается избегать давать оценки – любые» [2, с. 241]. Исследователи фиксируют, что в Википедии образовалась критическая среда для развития коллективного мышления постнеклассического идеала рациональности [9; цит. по 1, с. 23].

При этом она представляют собой платформу, своего рода паблик, отвечающий большинству коммуникативных и мировоззренческих установок интернет-коммуникации: 1) анонимность; 2) доступность; 3) коллективность; 4) мультимодальность; 5) высокая скорость обновления информации.

Технически данный ресурс позволяет произвести автоматическое скачивание текстового контента. Таким образом, наш текстовый корпус нейтральных текстов из Википедии составил 136 184 токенов (последовательности знаков от пробела до пробела).

Следующий исследовательский вопрос, который возник, имеет принципиальный характер: имеют ли нейтральные тексты собственную специфику (лексическую, графическую, морфологическую, синтаксическую), или эти тексты можно описать по формуле «эмоциональные тексты – специфические черты=нейтральные»?

Для 8 классов эмоциональных текстов нами было выявлено 19 вербальных и 1 невербальный маркер, присутствие которых в тексте позволяет с долей вероятности более 50 % отнести последний к одному из 8 классов [4; 5]: «злость / гнев», «интерес / возбуждение», «удовольствие / радость», «брезгливость / отвращение», «удивление», «стыд / унижение», «страх / ужас», «грусть / тоска». Названия 7 из 8 эмоциональных классов двучленны, поскольку первая номинация отражает слабую степень выраженности эмоции, а вторая – сильную. Единственной эмоцией, названной одним словом, является удивление [10].

Рассмотрим, действительно ли в корпусе текстов, предварительно (до оценки асессорами) оцененном нами как «нейтральный», частотность и релевантность лексических и синтаксических маркеров различных эмоциональных классов текстов будет незначительна.

Так, одной из дискриминантных черт классов «радостных» и «удивительных» текстов, показавших свою валидность при автоматической классификации, является синтаксема такой+Adj, например: ***Думала, таких чудесных мужчин не бывает*** (удовольствие / радость).

В подкорпусе нейтральных текстов встретилось лишь 2 подобных употребления (относительная частота 38 ipm), и оба являлись частью другой синтаксемы – ***такой***+Adj+N, как: ***Например, нападения на сёрферов [16] принято считать исследовательскими укусами, так как акула вполне может ошибиться — силуэт доски для серфинга со свисающими с неё руками и ногами очень напоминает снизу её привычную добычу — тюленя, морского льва или черепаху. И всё же такие «исследования» могут закончиться для человека тяжелыми последствиями, особенно если это <u>такой мощный хищник</u>, как белая или тигровая акула.***

Таким образом, в нейтральных текстах такая конструкция является средством логического выделения, а не эмфазиса, как в эмоциональных текстах.

Одним из лексических вербальных маркеров гневных текстов является коллокация ***когда люди говорят: Безумно бесит, когда люди говорят тихо и неэмоционально!*** (злость / гнев).

В нейтральном вики-подкорпусе такой коллокации вообще обнаружено не было, и в целом относительная частотность леммы ***говорить*** в нейтральном подкорпусе оказалась в 5 раз ниже, чем в среднем в подкорпусах эмоциональных текстов (для сравнения: в подкорпусе «отвратительных» текстов лемма имеет относительную частотность 1059 ipm, а в подкорпусе нейтральных текстов – 205 ipm).

«Не работают» в нейтральных интернет-текстах и релевантные для эмоциональных текстов лексико-семантические поля «одиночество», «семья», «смерть».

Так, например, ключевыми дискриминантными чертами текстов эмоционального класса «страх / ужас» является 1) высокая частотность лексических единиц (далее – ЛЕ) лексико-семантического поля (далее – ЛСП) «смерть»; 2) высокая частотность комбинаций данных ЛЕ с ЛЕ лексическими единицами из ЛСП «семья».

При сравнении частотности употребления лексем из ЛСП «смерть» в подкорпусах нейтральных текстов и «страшных» текстов мы обнаружили, что относительная частотность лексем, формирующих данное ЛСП, в последнем из упомянутых подкорпусов выше, чем в «нейтральном» в 3-10 раз (рис. 1, 2). Кроме того, заметно, что распределение самых частотных лексем отличается: для нейтральных текстов ключевыми являются существительные, способные обозначить фактитивную информацию (***смерть*** (в основном в коллокации ***после смерти***) – временной период, ***кладбище, могила*** – локализация в пространстве); «страшные» тексты сфокусированы на процессуальности – ***умирать, похороны.***

	Lemma	↓ Frequency	Frequency per million
1	смерть	46	242.25
2	кладбище	10	52.66
3	могила	8	42.13
4	умирать	6	31.60
5	хоронить	1	5.27
6	похороны	1	5.27

Рис. 1. Абсолютная и относительная частотность лексем-репрезентантов ЛСП «смерть» в нейтральных вики-текстах

	Lemma	↓ Frequency	Frequency per million
1	смерть	168	625.48
2	умирать	105	390.93
3	похороны	69	256.89
4	кладбище	25	93.08
5	хоронить	21	78.19
6	могила	18	67.02
7	покойник	3	11.17

Рис. 2. Абсолютная и относительная частотность лексем-репрезентантов ЛСП «смерть» в текстах эмоционального класса «страх / ужас»

Типичные контексты:

Для нейтральных вики-текстов: ***После его смерти территория княжества вошла в состав деспотата; Лишь одни кладбища вокруг Цахура занимают около 15 га земли; В богатых могилах часто встречались медная, золотая и серебряная посуда.***

Для «страшных»: ***У моей коллеги вчера во время похорон матери умер отец. Мать коллеги повезли на кладбище, а отца в морг. Врагу не пожелаешь такого.***

Список наиболее частотных коллокатов к ЛЕ из ЛСП «смерть» подтверждает, что если в «страшных»

текстах ЛЕ, из ЛСП семья (***мама, папа***) занимают, соответственно, 13 и 15 место, имея достаточно высокие значения мер семантической близости T-score, MI и Log Dice (табл. 1), то упомянутых лексем вообще нет среди 100 частотных коллокатов слов из ЛСП «смерть» (табл. 2).

Таблица 1

Список 16 наиболее частотных и релевантных коллокатов для ЛЕ из ЛСП «смерть» в подкорпусе текстов «страх / ужас»

Ранг	**Коллокат**	**Кол-во употреблений**	**T-score**	**MI**	**Log Dice**
1	после	25	4.9	5.67	10.13
2	о	18	4.11	5.02	9.57
3	её	18	4.08	4.67	9.40
4	на	76	8.09	3.78	9.27
5	от	23	4.53	4.15	9.22
6	После	10	3.09	5.54	9.22
7	до	18	4.01	4.19	9.12
8	ее	14	3.57	4.45	9.11
9	его	23	4.46	3.85	9.01
10	рака	6	2.43	6.66	8.78
11	боюсь	8	2.72	4.72	8.75
12	На	9	2.84	4.22	8.67
13	мамы	6	2.38	5.19	8.57
14	А	13	3.3	3.55	8.55
15	папы	5	2.21	6.64	8.53

Таблица 2

Список 16 наиболее частотных и релевантных к**о**ллокатов для ЛЕ из ЛСП «смерть» в подкорпусе нейтральных текстов

Ранг	**Коллокат**	**Кол-во употреблений**	**T-score**	**MI**	**Log Dice**
1	После	11	3.31	8.17	11.02
2	после	10	3.14	7.14	10.31
3	унаследовал	3	1.73	10.14	10.28
4	Франко	3	1.73	10.14	10.26
5	его	6	2.38	5.09	8.51
6	до	4	1.93	4.92	8.28
7	о	3	1.67	4.54	7.90
8	на	8	2.57	3.46	7.05
9	(	7	2.38	3.29	6.87
10	года	4	1.80	3.33	6.87
11	)	5	1.92	2.82	6.40
12	«	12	2.93	2.65	6.38
13	в	13	3.03	2.69	6.26
14	и	9	2.49	2.55	6.16
15	.	19	3.60	2.52	6.14

Частотность отрицательной частицы не и наречия нет в нейтральных текстах оказалась ниже аналогичных значений даже в том подкорпусе эмоциональных текстов, в котором эти значения были наименьшими среди всех корпусов, ср.: «радостные тексты» – 16915 ipm, нейтральные – 3839 ipm.

Таким образом, проведенный пилотный анализ показывает, что в нейтральных интернет-текстах в нашей выборке вербальные маркеры различных эмоциональных классов текстов не обнаруживают той же частотности, релевантности и комбинаторики, что и в соответствующих эмоциональных

текстах. С одной стороны, это свидетельствует о том, что вербальные маркеры эмоциональных текстов различных классов были отобраны верно, а с другой, – оставляет открытым вопрос о наличии собственной специфики у нейтральных текстов.

Список использованной литературы

1. Брызгалина, Е.А., Войскунский, А.Е., Козловский, С.А. Психологический анализ практического опыта разработки онлайн-энциклопедии «Википедия» / Е.А. Брызгалина, А.Е. Войскунский, С.А. Козловский // Сибирский психологический журнал. – 2019. – № 73. – С. 17–39. DOI: 10.17223/17267080/73/2
2. Дементьев, В.В. «Лукоморье» vs «Википедия» = «Неформально» vs «Формально»? / В.В. Дементьев // Жанры речи. – 2015. – № 1(11). – С. 137–151.
3. Колмогорова, А.В. Использование текстов жанра «интернет-откровение» в контексте решения задач сентимент-анализа / А.В. Колмогорова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17. – № 3. – С. 71–82.
4. Колмогорова, А.В., Калинин, А.А., Маликова, А.В. Кто и о чем говорит в «радостных» и «грустных» текстах: в поисках дискриминантных черт текстов разных эмоциональных тональностей / А.В. Колмогорова, А.А. Калинин, А.В. Маликова // Изв.Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. – 2019. – Т. 21. – № 4(193). – С. 219–234. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.4.078
5. Колмогорова, А.В., Калинин, А.А., Маликова, А.В. Типология и комбинаторика вербальных маркеров различных эмоциональных тональностей в интернет-текстах на русском языке / А.В. Колмогорова, А.А. Калинин, А.В. Маликова // Вестник ТГУ. – 2019. – № 448. – С. 48–58. DOI: 10.17223/15617793/448/6
6. Коулман, С. Может ли Интернет укрепить демократию? Пер. с англ. / С. Коулман; науч. ред. Ю.Г.Мисников, А.В. Чугунов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. – 132 с.
7. Кошкарова, Н.Н., Яковлева, Е.М. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности / Н.Н. Кошкарова, Е.М. Яковлева // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5(77). – С. 147–152. DOI: 10.26170/pl19-05-15.
8. Кронгауз, М.А. Самоучитель Олбанского / М.А. Кронгауз. – Москва : АСТ – Corpus, 2013. – 446 с.
9. Cimini, N., Burr, J. An Aesthetic for Deliberating Online: Thinking Through «Universal Pragmatics» and «Dialogism» with Reference to Wikipedia / N. Cimini, J. Burr // The Information Society. – 2012. – Vol.28. – № 3. – P. 151–160. DOI: 10.1080/01972243.2012.669448.
10. Lövheim, H.A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters / Lövheim H. // Medical Hypotheses. – 2012. – № 78. – P. 341–348.

Н.Б. Лебедева
г. Кемерово, Россия

ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ НАРОДНЫХ МЕМУАРОВ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 20-412-420005 «Концептуально-ценностный анализ эпистолярного и мемуарного наследия жителей Кузбасса» .

Аннотация: В статье описываются ценностные доминанты народных мемуаров на материале текстов воспоминаний двух авторов - руководящих работников среднего звена советской эпохи. Выделены следующие сквозные темы: тема «история страны – история семьи»; идея «ценности труда» в нескольких аспектах: «труд – очень тяжелая ноша, но она – основа бытия»; «ценность человека, который на все руки мастер»; «труд нужен не только для выживания, но и для становления человека и страны». Третья ценностная доминанта: «трудность жизни и ее преодоление»; четвертый концепт: «ценность знания, образования».

Ключевые слова: ценностные доминанты, народные мемуары, тексты.

N.B. Lebedeva
Kemerovo, Russia

VALUABLE DOMINANTS OF FOLK MEMOIRS

Abstract: The article examines the value dominants of folk memories based on the texts of memoirs of two authors-middle managers of the Soviet era. There are the following cross-cutting themes: the theme of «the history of the country – the story of a family»; the concept «value of labor» in several aspects: «work is a very heavy burden, but it is the basis of existence»; «the value of a person that actually works»; «work is essential not only for survival but also for development of individuals and the country». The third value dominant: «the difficulty of life and its overcoming»; the fourth concept: «the value of knowledge, education».

Keywords: the dominant value, people's memoirs, texts.

Данное исследование посвящено анализу **народных мемуаров**, под которыми понимаются воспоминания людей, не относящихся к элитарному слою населения (политических деятелей, полководцев, художников слова, известных людей искусства и пр.) [3]. Заметим, что особого уважения заслуживает сама потребность обычных людей запечатлеть свои переживания, мысли и события, вызвавшие их, что свидетельствует о большом духовном запасе «людей из народа», их высокой самоосознанности и самоуважении, стремлении осмыслить свою жизнь в больших – смыслообразующих – парадигмах [1; 2]. Задачей данной работы является выделение таких аксиологических доминант (тем), которые образуют содержательный каркас воспоминаний людей, переживших самые драматические страницы своей страны и запечатлевших их в своих мемуарных записках. Анализу подвергаются рукописные тексты двух авторов, довольно близких по социальному положению (руководящие работники среднего звена советской эпохи), – **Бориса Ивановича Гладких** (1921 г.р.) и **Федора Гавриловича Дмитриева** (1913 г.р.), чьи мемуарные записки оказались в архиве Лаборатории естественной письменной речи Кемеровского государственного университета. Общее, позволившее сопоставить эти тексты, у этих авторов то, что они относятся к одному поколению, являются что называется «выходцами из народа», то есть по-своему самородками, «сделавшими себя сами», и представляют собой то среднее звено руководителей, которые на своих плечах выносили как достижения, так и драматические, а порой и трагические моменты в жизни страны, оказываясь прямым связующим звеном между «простым народом» и властью.

Анализ мемуарных текстов этих двух авторов позволил выделить следующие аксиологические доминанты, лежащие в базовом слое содержательной структуры мемуаров.

1. Тема **«история страны – история семьи»** реализуется в линии **«семья – малая родина – страна – человечество – время»**. В ней выделяются два аспекта. Первый аспект: «семья как безусловная ценность». Авторы мемуаров с уважением отзываются обо всех, даже дальних, родственниках, с благодарностью вспоминают случаи поддержки родственниками, с участием пишут о нечастых случаях неудачных браков и бездетности. Принцип сохранности брака им кажется безоговорочным, случаи разводов описываются стыдливой скороговоркой, без оценок и обвинений какой-либо стороны, просто как досадное или трагическое несоответствие реальности естественному ходу вещей. Борис Иванович как правильный поступок оценивает случай, когда он спас брак своего подчиненного. Смерть близких воспринимается иногда как естественный порядок вещей, иногда же – как большая утрата. Так, Борис Иванович с горечью, со сдержанным трагизмом описывает гибель своих отца и брата, обвиняя сталинские репрессии, а рану, полученную в результате раскулачивания и гибели отца, он пронесет через всю жизнь, и даже в глубокой старости сокрушается, что так и не удалось узнать, где находятся их могилы.

Второй аспект анализируемых семейных хроник заключается в том, что практически все события семьи авторы описывают в связи с историей страны, которая не выступает лишь фоном, а является причиной и условием событийного ряда. Это обусловлено объективными и субъективными факторами. К объективным факторам отнесем то, что жизнь дедов, родителей и самих авторов пришлась

на неспокойное для страны время. К субъективным причинам отнесем то, что сами авторы – люди активной позиции, члены КПСС, целенаправленно делавшие определенную карьеру, руководители, и, следовательно, они сознательно были проводниками в жизнь многих «решений партии и правительства», к тому же это люди думающие, оценивающие, близко к сердцу принимающие жизнь страны и народа. Им присущ известный идеализм и особый – советский – романтизм в виде устремленности в будущее, веры «в светлое завтра», в то, что они строят лучшее общество, в котором будут жить их дети и внуки. Поэтому они со сдержанной гордостью пишут о достижениях, к которым приложили большие усилия, с досадой – о тех нелепостях, которые иногда спускались сверху.

2. Второй ценностной доминантой является идея **«ценности труда»**. Исследуемые жизнеописания насквозь пронизаны мотивом труда. Можно сказать, что это самая частотная тема, с этим мотивом соотносится, пожалуй, наибольшее число ключевых слов. Мы выделим несколько аспектов этого концептного доминанта.

Первый аспект: **«Труд – очень тяжелая ноша, но она – основа бытия»**. Необходимость труда не подвергается сомнению. Человек без труда – бездельный, роскошествующий, красиво отдыхающий, – ни разу не возникает на страницах мемуаров, кажется, авторы и не подозревают о таком способе жизни: все трудятся постоянно, и хотя с очень большим напряжением, но с естественным чувством приятия труда и его тяжести. Поэт Н.А. Некрасов назвал это свойство русского человека красиво: «привычка к труду благородная». Трудились деды и бабушки, родители и дети, сами авторы с довольно раннего детства, причем часто – впроголодь, а то и просто голодая. Встречаясь со случаями пьянства, прогулов, разгильдяйства и непрофессионализма, они считали своим естественным долгом с ними бороться. Борис Иванович осуждающе вспоминает болтливого начальника, который приходил к нему поговорить и мешал работать. Федор Гаврилович с презрением говорит о тех коллегах и начальниках, которые использовали свое положение в личных целях, поверхностно знали работу и больше всего были озабочены укреплением своей власти любыми неблаговидными способами. Федор Гаврилович вспоминает свое удивление регламентированностью городского трудового дня – он же был воспитан на сельском труде, где нормой было работать от зари до зари: «*Мне, пришедшему из райисполкома и сельской местности, было странным видеть городскую жизнь. Все управления, аппарат и база работали точно с 9-ти до 18 часов с перерывом 1 час на обед. В 18 часов вся работа запиралась, кроме разгрузки вагонов, люди все уходили домой и управление закрывалось на замок. Для меня это было странно, ибо в селе мы приходили на работу на 1–2 часа раньше 9-ти и работали до 10–12 часов вечера, и не успевали вовремя решать многие вопросы*».

В качестве второго аспекта назовем **«Ценность человека, который «на все руки мастер».** В крестьянской жизни узкий профессионализм не частотен и не востребован, поэтому авторы с уважением рассказывают о своих родителях и близких, которые умели делать все, если же чего-нибудь и не умели, то быстро и бесстрашно этому обучались. Борис Иванович со сдержанным восхищением и любовью пишет об отце, который «*с бригадой плотников приходил на заработки по деревням строить дома, сараи, амбары, мельницы. Эти бригады были мастера на все руки: плотники, столяры, каменщики, печники, кузнецы, бондари и т.д. Таким был и мой отец: молодой, здоровый, ловкий, мастер на все руки*». После революции отец Бориса Ивановича сам освоил кожевенное дело – «нелегкое и грязное производство», с теплотой и сочувствием излагаются подробные детали всей технологии.

Третий аспект концепции труда: **«Труд нужен не только для выживания, но и для становления человека и страны».** Эпиграфом к этому мотиву могут послужить слова Н.А. Некрасова: «прочно и ясно сознанье, что все их спасенье – в труде». При всей тяжести труда он не воспринимается как беда, проклятие, от которого необходимо освободиться. Нигде ни в коей мере не присутствует хоть намек на мечту о легкой бездельной жизни. Помимо осознания необходимости работы для выживания, присутствует и чувство, что труд – единственный путь становления и отдельного человека, и всей страны. Более того, – в основе лежит представление, что труд возвышает человека (в ходу была фраза «труд из обезьяны сделал человека») и создает его ценность, особенно если он сопряжен с образованием.

Этот нравственно-духовный компонент труда был характерен для общей идеологии советского периода, он органично пронизывает все повествование авторов обоих анализируемых мемуаров. Революция, приведшая к перемешиванию слоев населения и к расшатыванию устойчивой архитектуры общественного бытия, имела одно несомненное

достоинство: многие люди из низов смогли быстро подняться на более высокие ступени общественной лестницы, что было бы им затруднено при старой системе. И хотя среди них были и проходимцы, те, кто с помощью ловкости, подхалимажа и предательства получили теплые места, но авторы мемуаров относятся к тем, кто считал, что человек из самых «низов» может подняться до общественно значимого уровня благодаря честному и упорному труду. Именно в силу своей ответственности, преданности делу, незаурядной работоспособности и умению самостоятельно осваивать новые знания и умения они оба сделали приличную карьеру, что укрепляло их в сознании правильности такого пути. Возможность социальных лифтов воспринималось как большое достижение социалистической идеи.

3. Третья ценностная доминанта: **«Трудность жизни и ее преодоление»**. Трудность жизни чаще всего воплощен в концепте бедности и ее какой-то экзистенциональной «правоты», что, по нашему представлению, во многом порожден идеологией Октябрьской революции и лежащей в ее основе социалистической идеи, восходящей, видимо, к библейским ценностям.

4. Четвертый концепт: **«Ценность знания, образования»**. У обоих авторов присутствует большое уважение к самой идее образования, к знаниям, к развитым и культурным людям, и чувствуется тоска по хорошему образованию, которое они, в силу тяжелейших условий жизни, не смогли получить, но они постоянно восполняли этот недостаток самообразованием. Они сами много читали художественной и публицистической литературы, подчеркивают, что уже их отцы выписывали и читали газеты: отец Федора Гавриловича – «Беднота» и «Крестьянская газета», отец Бориса Ивановича – газету «Известия».

Федор Гаврилович подчеркивает, что эту ценность образования в семье осознавали искони: *Дед, не имея образования сам, стремился обучить грамоте сыновей. Все они получили в этой школе начальное образование*. Не без гордости Федор Гаврилович указывает, что его отец пользовался уважением за грамотность.

Очень высоко ценили образованность и в семье Бориса Ивановича, который не без гордости пишет про своего отца: *«был он грамотен и хорошо развит. До революции (1917 г.) и после была такая тенденция – знать язык коренной нации <…> Так вот, отец в совершенстве знал казахский язык и не только их речь, но и письмо. Тогда это была арабское письмо и печать*. И далее он подчеркивает, что, как грамотный человек и знаток языка местного населения (не только казахского, но и киргизского и узбекского, которые, как указывает Борис Иванович, очень близки), его отец привлекался к работе то переводчиком, то заведующим отделом почтового отделения и т.д. Борис Иванович подчеркивает, что отец женился на матери – Фенечке Сухоруковой – потому, что он оценил не только ее миловидность, но и развитость, которую она приобрела, когда со своим отцом ездила на моление в Киево-Печерскую лавру, а затем некоторое время жила в монастыре в г. Верный (так раньше назывался г. Алма-Ата), общалась с беглым революционером, который укрывался у его отца на пасеке. И сам Борис Иванович объясняет выбор своей жены Фаины Вениаминовны во многом тем, что она, учась в техникуме, была исключительно начитанной девушкой и они подолгу разговаривали с ней о книгах. Так высоко ценилась в его семье интеллектуальность не только мужчин, но и женщин.

Подведем общий итог.

1. В мемуарах двух авторов – Бориса Ивановича Гладких и Федора Гавриловича Дмитриева – выстраивается особый мир, отражающий целую эпоху страны (более века) через призму одного человека и семьи, – мир, погруженный в широкий социальный контекст. И вся композиция мемуаров и миромоделирующие концепты структурируют ушедшую эпоху в особую эпическую картину, нагруженную трагедиями и драмами, звучащими диалогами и панорамными пейзажными разворотами, мир, плотно заселенный и динамический, движущийся из туманного далека (с середины XIX в., краткие очерки по истории их края захватывают и более ранние этапы) в настоящее время (у Бориса Ивановича это уже начало XXI в.), авторы заглядывают и в будущее. Эта эпическая картина имеет и ценностное измерение: она наполнена мыслями авторов, их оценками, их мировидением и мировоззрением, их духовным – ментальным и нравственным – содержанием. Перед нами вырисовываются люди, равновеликие своей эпохе, но не подозревающие о своем величии – скромность входит как необходимое условие их самовосприятия. Люди умные, сильные, духовно здоровые, размышляющие и чувствующие, выстоявшие в сложнейшие времена и вытянувшие страну на своих плечах.

2. У читателя возникает сильное ностальгическое ощущение от сознания того, что этот, еще недавно реально существовавший, мир ушел, ви-

димо, безвозвратно. И все четче вырисовываются те духовные константы, на которых зиждился этот мир: цельность, стойкость, трудолюбие, нравственное здоровье, измерение себя и окружающих в больших смыслообразующих парадигмах – страны, народа, государства.

Список использованной литературы

1. Естественная письменная русская речь как проявление повседневной народной культуры // Антропотекст-1: Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Ким. – Томск : Изд-во Том. ун-та. – 2006. – С. 295–303.
2. Рабенко, Т.Г. Русский речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии: дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Т.Г. Рабенко. – Кемерово. – 2018. – 316 с.
3. Сухотерина, Т.П., Лебедева, Н.Б., Воронова, Н.Г., Дмитриева, Е.Ф., Панкрашова, О.С. Жанры естественной письменной речи: народные мемуары : монография / Т.П. Сухотерина, Н.Б. Лебедева, Н.Г Воронова, Е.Ф. Дмитриева, О.С. Панкрашова. – Барнаул : АлтГПА, 2012. – 350 с.

Н.Н. Лукьянова
г. Барнаул, Россия

«ДВУПОЛУШАРНЫЕ» СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО НАВЫКА ПРАВОПИСАНИЯ СЛОВАРНЫХ СЛОВ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация: В статье рассматриваются методические приемы развития языковой личности. Описаны стратегии обучения русскому языку в начальной школе, а именно двуполушарные технологии формирования орфографического навыка правописания словарных слов у учащихся третьего класса. Представлен опыт использования данных приемов.

Ключевые слова: языковая личность, младший школьник, двуполушарное мышление, орфографический навык, методические приемы правописания словарных слов.

N.N. Lukyanova
Barnaul, Russia

"TWO-HEMISPHERE" STRATEGIES FOR THE FORMATION OF THE SPELLING SKILL OF VOCABULARY WORDS FOR PRIMARY SCHOOL STUDENTS

Abstract: The article deals with didactic methods of language personality development. Strategies for teaching the Russian language in primary school are described, namely, two-hemisphere technologies for forming the spelling skill of spelling vocabulary words in third-grade students. The experience of using these techniques is presented.

Keywords: language personality, primary school students, bipolar thinking, spelling skill, methodological techniques for spelling vocabulary words.

Антропоцентрические тенденции современного языкознания реализуются в лингвистических работах, посвященных рассмотрению языковой личности, и в лингводидактических исследованиях, представляющих личностно-ориентированный подход к обучению языку.

Под языковой личностью традиционно понимают характеристики субъекта как носителя языка, представленные на основе личностных задатков и на базе анализа созданных текстов. Учащийся начальных классов как языковая личность является носителем определенных ментально-психологических способностей, которые необходимо учитывать при обучении языку.

Обучение русскому языку в школе и в начальной школе, в том числе, направлено на формиро-

вание узко ограниченного круга умений и навыков: грамотно писать и сопоставить, сравнить, доказать и формулировать выводы. Образовательные стандарты нового поколения ориентированы, в основном, на логико-рациональный тип школьника. В современных технологиях обучения русскому языку в начальной школе можно наблюдать нежелание и неумение работать с детьми с сильно развитой интуицией, склонных к образному мышлению, то есть с «правополушарными детьми». «Отечественная лингводидактика опирается на «левополушарное», понятийно-логическое мышление, другими словами, – на грамматические правила, вступает в противоречие с естественной психолого-когнитивной природой письменной деятельности. Ученик ставится в позицию, когда он при написании должен не столько думать о смысле излагаемого, передача которого и является целью речевой, в том числе и письменно-речевой, деятельности (а это и есть актуализация правого полушария), сколько постоянно переключать свое внимание на другие центры коры больших полушарий, в которых заложены алгоритмы выведенных учеными-лингвистами орфографических правил (актуализация левого полушария)» [3, с. 19].

Мы считаем, что наибольшего эффекта при обучении языку возможно достичь при «двуполушарном» подходе, при котором допустима апелляция к обоим полушариям мозга ребенка, в одинаковой степени интенсивное обращение к слову и образу. Обращение к правому полушарию достигается благодаря ассоциативно-образной интерпретации учебного материала – через вербальную и графическую метафору. Колоссальное значение при этом приобретает лингвистическая наглядность; она представляет собой иллюстративный ряд, ассоциативно интерпретирующий грамматическую, фонетическую и орфографическую информацию. «Логический подход реализуется … в схемах, алгоритмах, логических формулировках, … в осмыслении и анализе образного материала: в работе с метафорическим подтекстом…» [1].

Как известно, чем младше ребенок, тем более развито у него образное мышление, за которое отвечает правое полушарие. Разные подвиды мышления обусловлены различными анализаторами, преобладающими в процессе восприятия, запоминания, хранения и воспроизведения материала.

В своих дипломных исследованиях студенты проводили эксперименты по формированию орфографического навыка правописания словарных слов с учащимися начальной школы, используя комплексные стратегии запоминания: в 2011 г. в МБОУ «Гимназия 27» г. Барнаула и в 2018 г. в МКОУ «Родинская СОШ» Шипуновского района Алтайского края. При проведении первого этапа экспериментальных исследований было установлено, что соотношение ведущих анализаторов у учащихся начальной школы определяется возрастными особенностями, При определении типов восприятия учащихся была использована диагностика доминирующей перцептивной модальности по С. Ефремцевой [4, с. 166–167]. Также во время проведения диктанта за детьми велось наблюдение, целью его было выяснить способ, который используется детьми для запоминания слов. Большинство детей при написании слова ориентируются на слуховую форму слова (50% и 45%), на графическую форму слова было ориентировано 30% и 35% обучающихся, к кинестетикам было отнесено 20% и 10% детей, учащиеся, у которых по результатам опросника не было четкой дифференциации типа модальности (что подтверждалось наблюдением), были отнесены к смешанному типу –5% и 10%. Проанализировав результаты, мы обнаружили, что в экспериментальных классах есть представители всех типов модальностей восприятия, и поэтому необходимо проводить словарную работу так, чтобы все каналы восприятия были задействованы.

Как правило, на начальном этапе работы по формированию навыка, на этапе предъявления, целесообразно обращение к правому полушарию, что позволяет осуществить через аудиальную и/или графическую метафоры ассоциативно-образную интерпретацию языкового материала. Например, предъявляя слова визуально, необходимую для запоминания букву можно выделить цветным мелом или карандашом (цветной пастой в тетради), орфографически проговаривая слово, выделяем букву или сочетание букв повышением или понижением интонации, изменением тональности и/или увеличением или уменьшением громкости звука.

При организации работы по запоминанию слов с непроверяемым написанием велика роль непроизвольного запоминания (работа правого полушария мозга), поэтому был использован метод ассоциативного запоминания написания слов. Суть метода в следующем: трудная орфограмма словарного слова связывается с ярким ассоциативным образом, который вспоминается при написании данного словарного слова, помогая правильно написать орфограмму. Метод ассоциативного запо-

минания слов реализовался через следующие способы актуализации непроизвольного внимания:

- показ яркого наглядного материала, наглядный материал дается в иллюстрации, в видеоматериале и т. д.;
- придумывание образного, насыщенного рассказа (слухового аналога наглядного материала);
- предъявление абсурдного утверждения;
- постановка проблемного вопроса, используемого для привлечения внимания;
- определение темы, отвечающей практическим интересам учеников;
- сочинение «незаконченной истории».

Итак, представим этапы работы со словарными словами.

Орфографическое проговаривание слов (акцент на аудиалов).

Запись этих слов в словарь (акцент на кинестетиков), выделение орфограммы зеленым цветом (упор на визуалов).

Рассмотрение этимологии словарных слов (подключение семантики при объяснении происхождения графического облика слова).

Использование мнемонических приемов запоминания словарных слов (придумывание образа слова или образа орфограммы в слове (акцент на кинестетиков), зарисовки (акцент на визуалов), звуковые ассоциации (акцент на аудиалов) и т. д.).

Повторное орфографическое проговаривание слова (акцент на аудиалов) с подключением дактильной азбуки (акцент на кинестетиков).

Актуализация образной метафорической картинки: визуальной и/ или аудиальной (использование рифмовок).

Включение слова в речевой контекст, придумывание учащимися собственных высказываний.

Такая работа была настолько увлекательной для учеников, что дети начали составлять свой словарь, куда включали те слова, которых не было в словаре В.В. Агафонова [2] и которым студенты пользовались при организации исследования. В качестве примера посмотрим, какие ассоциации для слов кастрюля, котлета придумали дети:

Кастрюля

Чудесные астры в кастрюле

Растит первоклассница Юля.

Котлета

Кот котлету уволок,

Закрыли вора под замок.

Таким образом, мы придерживаемся позиции Н.Б. Лебедевой, которая утверждает, что «совмещение работы обоих полушарий … не способствует усвоению орфографического облика слова /…/ когда человек пишет и постоянно контролирует свою грамотность, вспоминая алгоритмы, основанные на грамматических правилах, то он уже не может думать о смысловой стороне письма, которая и является, по существу, целью письменно-речевой деятельности…» [6, с. 118], и поэтому считаем, что использование комплексных «двуполушарных» стратегий при формировании орфографического навыка возможно на разных этапах такой работы: на этапе предъявления - правополушарных, отвечающих за целостное и чувственное восприятие, за визуальный или аудиальный образ слова; а на этапе закрепления - левополушарных стратегий, определяющих абстрагированное расчлененное мышление.

Список использованной литературы

1. Авторский сайт Ольги Соболевой и Василия Агафонова. «Двуполушарный» подход в обучении. [Электронный ресурс] / О. Соболева. – Режим доступа: http://metodika.ru/
2. Агафонов, В.В. Неправильные правила: Как запоминать словарные слова. – Изд. 2-е перераб. и доп. / В.В. Агафонов – Москва : Издательство «Ювента», 2005. – 64 с.
3. Голев, Н.Д. Введение. Лингвоперсонологические основания личностно-ориентированного обучения / Н.Д. Голев // Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учебное пособие / Под редакцией Н.В. Мельник. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2017. – 495 с.
4. Диагностика доминирующей перцептивной модальности. (С. Ефремцева) / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – Москва : Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 339 с.
5. Лебедева, Н.Б. Опыт типологизации орфографических личностей на основе эксперимента «Три диктанта с визуальным изучением текста» / Н.Б. Лебедева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 45. – С. 116–120.

Н.В. Мельник, В.А. Голянская
г. Кемерово, Россия

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОБЫДЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

Аннотация: Статья посвящена исследованию эффективности стратегий и тактик политической манипуляции в средствах массовой информации с позиции адресата, который реагирует на реализованные в текстах манипулятивные приемы. Материалом исследования послужил текст новости «Путин подписал закон о свободном сборе валежника» с сайта Lenta.ru и комментарии к нему. Проведенное исследование позволило выявить, что автор выбирает стратегию манипуляции массовым сознанием читателя, но реализует ее с помощью разных тактик, эффективность которых подтверждает проведенный анализ интернет-комментариев.

Ключевые слова: Политическая лингвистика, языковая манипуляция, стратегии, тактики, интернет-комментарий, лингвоперсонология.

N.V. Melnik, V.A. Golyanskaya
Kemerovo, Russia

LINGUOPERSONOLOGICAL DESCRIPTION OF ORDINARY POLITICAL COMMUNICATION

Abstract: The paper is devoted to the study of the effectiveness of strategies and tactics of political manipulation in the media from the position of the addressee, who reacts to the manipulative techniques implemented in the texts. The research material was the text of the news «Putin signed the law on free collection of dead wood» published on the site Lenta.ru and comments to this news. The study revealed that the author chooses a strategy for manipulating the mass consciousness of the reader, but implements it using different tactics, the effectiveness of which is confirmed by the analysis of Internet comments.

Keywords: Political linguistics, language manipulation, strategies, tactics, Internet commentary, linguopersonology.

Политическая картина мира – один из типов отображения действительности, спроецированный на политическую коммуникацию. Политическая лингвистика в ее современном состоянии изучает в основном речевую деятельность и языковое сознание профессиональных политиков и журналистов. Обыденная лингвополитология направлена на изучение особенностей обыденного языкового сознания рядового носителя языка на материале повседневных политических текстов.

В современном мире СМИ выполняют роль главного транслятора информации, при этом медиа имеют возможность воздействовать на массовую аудиторию с помощью различных манипулятивных стратегий и тактик. В современной лингвистике много работ, в которых изучается феномен манипуляции. Например, с точки зрения психологического аспекта манипуляцию рассматривают Е.Л. Доценко [3], С.Г. Кара-Мурза [6], В.П. Шейнов [11], В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша [8], они исследуют механизмы манипуляции, то, как наше сознание на нее реагирует, как защититься от воздействия и т.д. Изучением речевого воздействия занимаются О.С. Иссерс [5], Г.А. Копнина [7], Л.Ю. Иванов [4], И.В. Сентенберг, В.И. Карасик [10] и другие.

Манипулирование же в политическом дискурсе отечественные ученые начали активно изучать в конце XX – начале XXI века (см., например, работы

Н.Э. Гронской [2] и О.Л. Михалевой [9]). В нашем исследовании проблема эффективности стратегий и тактик политической манипуляции рассматривается на примере анализа текста внутриполитической новости «Путин подписал закон о свободном сборе валежника», опубликованной на сайте Lenta.ru 18 апреля 2018 года, а также комментариев к ней:

Путин подписал закон о свободном сборе валежника

Президент России Владимир Путин подписал закон, который позволяет россиянам свободно собирать валежник в лесу для собственных нужд. Соответствующий документ опубликован на официальном портале правовой информации.

Закон, принятый Госдумой 3 апреля 2018-го, вступит в силу с 2019 года. Поправки внесены в Лесной кодекс. Они позволят заготавливать и собирать упавшие на землю стволы деревьев или их части, сучья и ветви для собственных нужд. Согласно документу, валежник относится к недревесным лесным ресурсам.

Первый замруководителя фракции «Единой России» Андрей Исаев, комментируя инициативу разрешить свободный сбор валежника, отметил, что у него просто радуется сердце. Принятие законопроекта порадовало многих пользователей сети. По их словам, Госдума наконец что-то разрешает, а не запрещает. «Всего 10 лет прошло, а уже разрешили населению валежник собирать!» – отмечает пользователь Михаил Светлов. «Валежник – национальное достояние! Мечты сбываются!» – говорится в аккаунте в Twitter «Валежник Наш» [Lenta.ru. 18.04.2018].

Проведенный анализ позволил выделить манипулятивную **стратегию дискредитации** власти, она реализуется с помощью нескольких тактик: ***персонификации, «серого мира», сокрытия*** и ***низвержения. Тактика персонификации*** проявляется уже в заголовке новости: «Путин подписал закон о свободном сборе валежника». Заметим, имя президента России стоит в самой сильной позиции текста, что наделяет его особой ответственностью за принятый закон. ***Тактика «серого мира»*** используется журналистом, в том числе, при выборе лексемы «россияне», тем самым подчеркивается дистанция между политическими деятелями и обычными гражданами, кроме того, создается акцент на существовании «не россиян», то есть жителей других государств. ***Тактика сокрытия*** активно проявляется в цитировании автором новости людей, которые высказываются по теме принятого закона. Он выбирает противоречивую реакцию политика, которую можно интерпретировать двояко, и саркастичное мнение пользователя Сети, это дает возможность журналисту не высказывать личное мнение о документе. Применение ***тактики низвержения*** можно обнаружить при описании валежника и в конце текста (сильной позиции) при изменении прецедентных текстов (более подробный анализ тактик представлен в нашей предыдущей статье [1]).

Рассмотрим, насколько примененные манипулятивные тактики эффективны. Для этого обратимся к комментариям к новости «Путин подписал закон о свободном сборе валежника», их на сайте Lenta.ru 416. Комментарии к тексту подтверждают, что стратегия и тактики автора новости оказываются удачными, то есть воздействуют на читателей. Рассмотрим реакции, распределив их по отношению к тактикам манипуляции.

На ***тактику персонификации*** среагировали 100 комментаторов, или 24% от общего числа. Данные читатели обратили внимание на имя Владимира Путина в заголовке и других сильных позициях текста. Однако комментарии можно разделить по характеру наименования президента. Основной блок реакций показывает негативное и саркастичное отношение к главе Российской Федерации. Однако существуют и положительные мнения: «***Внаукраине тоже есть такие же законы, что можно собирать в лесу, а что нет... только про это не печатают, но можно ознакомиться в официальных документах. Ленте просто так хочется срача вот и пишет... Законы принимают разные и много их... только почему-то на выбор здесь пишут и чтобы выставить президента плохим».*** Отметим, что здесь и далее в приведенных примерах сохранен авторский стиль.

Ядерными наименованиями лидера России были официально принятые – «президент» ***(«Какой у нас добрый президент, скоро и колоски разрешит собирать»***, «Путин» ***(«Вы начинающий майданщик? Вы ищите хорошую замену покрышкам? Российский валежник - идеальное решение! Одобрено президентом РФ Путиным»,*** глава государства ***(«мелковат закон для главы государства. это и минлесхоз мог спокойно вывести на обозрение»)***, Владимир Путин ***(«… В России указом лучшего президента в мире – Владимира Путина, гражданам страны разрешили сбор хвороста для отапливания домов, в которых никогда не будет тёплой воды, отопления, газа»).*** Если рас-

сматривать их вне контекста, то можно говорить о нейтральности, однако из примеров мы видим, что комментарии негативные, содержащие сарказм.

Также для упоминания президента использовались различные вариации его имени: В.В. *(«Ох как неожиданно!!! **В.В.** вашей щедрости просто нет границ!!! Теперь мы можем питаться хворостом и корой! Силы Небесные!»),* Вован *(«Бред сивой кобылы. **Вован** уже не смотрит что подписывает, а СМИ рады раструбить. Ст. 30-33 Лесного Кодекса от 2006 г. Там все расписано по поводу заготовки леса для собственных нужд и недревесных отходов (валежника)»)*, Володька, Вова *(«Это победа. Не зря за **Володьку** проголосовал. Толковый политик. Валежник то запретили собирать при предыдущем президенте. Но **Вова** все исправил»)*, ВВП (*«Да. Намечается памятная 146 рублевая купюра с изображением ВВП, протягивающего смотрящему охапку валежника*»), валотька *(«Следующий указ **валотьки** будет про разрешение на сбор кизяка)»)*, Володя *(«**Володя**! Отец родной! Как же мы давно ждали этого закона! Не зря люди голосовали, а то говорили то...»)*, вовандер *(«У меня на даче конопля растёт ,дичка, никто не сажал. Недревесный лесной ресурс. Можно собрать**, вовандер**?»)*, Путя *(«У Сталина 3эки валили лес под страхом смерти, у **Пути** вата будет это делать добровольно, с улыбкой, но тоже с именем вождя на губах»)*, п-утен *(«**п-утен** как всегда забыл про каклятские приоритеты. не ваш он царь однозначно»)*. Отметим, что самым частотным является сокращенный вариант имени – Вова.

Одним из самых распространенных вариантов наименования политика является «царь» и сопутствующие ему «Солнцеликий», «кормилец», «батюшка», «Отец родной», «благодетель», «государь»: *«**царь благодетель**!!! **батюшка** православная!!!! тысячи лет Русь ждала **царя**, который бы все недра отдал пиндосам, а русским позволил в лесах валежник собирать!!!!»; «Спасибо, Вова! Ну и что, что какие-то Эмираты или Аравия своим гражданам за выкачку ресурсов платит, спасибо хоть за валежник, **кормилец** ты наш!»; «СЛАВА **ЦАРЮ БАТЮШКЕ**!!!»; «Вы что! В России даже коровы не доятся без разрешения **Солнцеликого»**; «**Государь** щедр не только для своих друзей, но и для простого народа».* С помощью данных словоформ комментаторы саркастично связали президента демократической страны с царской властью, подчеркивая дистанцию между элитой и простыми гражданами.

Также большое количество пользователей Сети (105 реакций, или 25,2%) отреагировали на примененную автором новости манипулятивную ***тактику «серого мира».*** Можно говорить о том, что она оказалась успешной, так как в комментариях прослеживается дистанция между властью и народом. При этом элита показана несправедливой и жадной, в ее число входят чиновники и их приближенные-миллионеры / миллиардеры. Народ же выглядит угнетенным, все понимающим, но не предпринимающим никаких действий. Комментаторы разделяют власть и «простой народ» с помощью словоформ «народ», «россияне», «русские», «население», «люди» *(«Какая царская щедрость. **Холопы** должны радоваться, хотя русским надо спешить - дрова надо срочно собирать - впереди ведь новые 90е»; «И на фига он, трухлявый, покрытый мохом сдался? Типа за счёт **населения** санитарную приборку в лесах сделать»; «А никого не смущает, что в 21 веке кому-то ещё нужен валежник? **Россияне** вы застряли в прошлом»; «Олигархам - миллиарды, а **народу** – валежник»).* Также встречаются и уничижительные лексемы: «холопы», «чернь», «крепостная ватная скотина», «простой люд» и др.

Представляется возможным выделить еще одну оппозицию: «Россия – зарубежные страны». Особое внимание обращается на отношение российских властей к другим странам и населению РФ. Комментаторы отмечают, что для российской политической элиты выгоднее поставить ценные природные ресурсы на Запад, чем соотечественникам, поэтому народу «достаются» остатки, такие как валежник *(«Это я так понимаю указ царя чтобы поместные бояре и служивые не обижали местных холопов??? Газ то нужен Европе Туркам, британцам да мало ли кому в мире..... так что пусть страдальцы холопы хоть собирают валежник...а то уголек он и в Польше уголек....печально все это...а и то..... ведь на местах еще не факт что объездчики боярские и выполнять то будут.... ну разве что за мзду невеликую....»).* Также страны сравниваются на основании законотворчества в сфере экологии в общем и лесного хозяйства, в частности. Здесь некоторые комментаторы пытаются объяснить другим, что в экономически более развитых странах законы в этой сфере достаточно суровые, поэтому разрешение собирать валежник – это плюс российского законодательства и власти *(«Походу в штатах за куст марихуаны меньше дадут чем за морковку»)*. Но есть и те, кто, наобо-

рот, приводит пример прогрессивности отдельных стран или всего мира, по сравнению с чем закон о сборе валежника выглядит нелепо ***(«Штаты полёт на Марс готовят, в России разрешают населению валежник собирать…»)***. В итоге можно сказать, что комментаторы реагируют на тактику «серого мира». Они также выстраивают тройную оппозицию: российский народ – российская власть – зарубежные страны.

Пользователи Сети также обратили внимание и на ***тактику низвержения*** (27%). Часть комментаторов восприняли разрешение на сбор валежника как унижение. Представляется, что это может быть связано с описанием лесного ресурса в новости – «***… упавшие на землю стволы деревьев или их части, сучья и ветви…».*** Так, многие саркастично отреагировали на новость и отметили, что данное разрешение слишком мелкое, чтобы воспринимать его всерьез: «***Помнится Вова обещал каждому россиянину часть от добычи ресурсов (общих мля), но пока созрел только на валежник для холопья...», «Спасибо, Вова! Ну и что, что какие-то Эмираты или Аравия своим гражданам за выкачку ресурсов платит, спасибо хоть за валежник, кормилец ты наш!», «пока не ясна ситуация с листами подорожника и корой дуба, валежником не все лекарства можно заменить»***. Кроме того, пользователи Сети предложили, по их мнению, аналогичные, но абсурдные законы (***«Следующим законопроектом должен быть закон о разрешении россиянам беспрепятственно добывать еду из мусорных баков», «А когда будет закон о свободном сборе колосков на поле после уборки комбайнами?»)***.

Тактика сокрытия также нашла отражение в реакциях читателей (32,6%). В новости ее использовали для того, чтобы скрыть негативное мнение о законе за шутками Михаила Светлова и авторов аккаунта «Валежник Наш». Как мы видим из примеров, приведенных выше, пользователи интернета подхватывают саркастичное настроение людей, мнение которых озвучил журналист. Однако часть комментаторов обратила внимание на информацию, располагающуюся в слабой позиции текста и не связанную с выделенными манипулятивными тактиками. Например, тему «власть» представляют и другие понятия, например, «Госдума», «Кремль» и др., но их значительно меньше, чем упоминаний Владимира Путина в связи с использованием тактики персонификации. Президент и другие символы власти не противопоставляются друг другу, скорее, используются в качестве синонимов. Многие комментаторы их абсолютно не разделяют, например, пишут о Путине как о председателе правительства, хотя на самом деле эту должность занимает Дмитрий Медведев. Однако часть читателей все же видит разницу между, например, принятием (Госдума) и подписанием (президент) закона ***(«Макар нихера не подал, закон недавно одобрили депутаты, теперь президент подписал. Макар просто накинул на вентилятор как обычно, после первой ещё новости»***). Кроме политической элиты, с властью также соотносится закон – данное понятие довольно часто упоминается в комментариях. В них закон представляется изначально серьезной силой, но обесцененной именно в РФ из-за его непостоянности и условности. Также не раз отмечается отсталость российского законодательства и его постоянный запрещающий характер, поэтому разрешение на сбор валежника произвело неожиданный эффект ***(«Фигасе, сограждане. Да это же первый закон за 18 лет, когда что-то разрешить, а не запретить! Растем просто! Хотя его и так все собирали...»)***.

Таким образом, мы видим, что большинство комментариев к новости «Путин подписал закон о свободном сборе валежника» на сайте Lenta.ru носят негативную оценку не столько нового закона, сколько российской власти вообще. Для ее выражения пользователи используют сарказм, иронию, грубо-просторечные слова, нецензурную лексику, жаргонизмы и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что стратегия и тактики автора новости оказываются удачными. Комментаторы реагируют на власть, персонифицируют ее в лице Владимира Путина, несмотря на то, что закон изначально принял не он. В ответной реакции сохраняется дистанция между властью и народом и между Россией (русскими) и другими странами.

Список использованной литературы

1. Голянская, В.А., Мельник, Н.В. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ / В.А. Голянская, Н.В. Мельник // Филология и человек. – 2019. – № 3. – С. 29–41.
2. Гронская, Н.Э. Язык и политика: коммуникация, дискурс, манипулирование: монография / Н.Э. Гронская. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. – 265 с.

3. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – Москва : ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
4. Иванов, Л.Ю. Нейролингвистическое программирование / Л.Ю. Иванов // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – С. 339–341.
5. Иссерс, О.С. Речевое воздействие: Учебное пособие / О.С. Иссерс. – Москва : Флинта: Наука, 2011. – 224 с.
6. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – Москва : Алгоритм, 2000. – 464 с.
7. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование / Г.А. Копнина. – Москва : Флинта, 2012. – 170 с.
8. Куницына, В.Н., Казаринова, Н.В., Погольша, В.М. Межличностное общение : учебник для вузов // В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 544 с.
9. Михалева, О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – Москва : URSS, 2008. – 159 с.
10. Сентенберг, И.В., Карасик, В.И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций / И.В. Сентенберг, В.И. Карасик // Речевое общение и аргументация. Вып. 1. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 30–38.
11. Шейнов, В.П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования) / В.П. Шейнов. – Москва : АСТ, 2001. – 156 с.

Л.И. Москалюк
г. Барнаул, Россия

ВЫТЕСНЕНИЕ ПРЕТЕРИТА ПЕРФЕКТОМ В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-14-22002 «Реализация временных отношений в речи носителей островных немецких говоров Алтайского края».

Аннотация: Изучение употребления форм прошедшего времени островных немецких говоров подтвердило дальнейшее вытеснение претерита аналитическими формами прошедшего времени, прежде всего, перфектом. Процесс замены претерита перфектом протекает в островных говорах более интенсивно и последовательно не только по сравнению с литературным немецким языком, но и с немецкими диалектами на территории Германии. Это объясняется интенсивными междиалектными контактами, а также длительным воздействием русского языка на островные говоры, вызывающее упрощение их морфологической системы.

Ключевые слова: немецкий язык, островные говоры, прошедшее время, претерит, перфект.

L.I. Moskalyuk
Barnaul, Russia

DISPLACEMENT OF PRETERITE BY PERFECT TENSE IN GERMAN INSULAR DIALECTS

Abstract: The study of the use of Past Tense forms of island German dialects confirmed the further displacment of preterite by analytical Past Tense forms primarily by the Perfect Tense. The process of substitution of preterite by Perfect Tense is proceeding on insular dialects more intensively and consistently not only compared to literary German, but also with German dialects in Germany. This is due to intense interdialect contacts as well as the longterm impact of the Russian language on island dialects, causing a simplification of their morphological structure.

Keywords: German, insular dialects, Past Tense, preterite, Perfect Tense.

Рассматривая прошедшее время в верхненемецких диалектах, диалектологи установили, что на всей территории их распространения форма претерита почти полностью вытеснена формой перфекта [8]. Это явление мы наблюдаем и в устной речи носителей островных российско-немецких говоров.

Факт исчезновения претерита уже долгое время привлекает внимание ученых. В поисках научно обоснованного решения этого вопроса выдвигается несколько точек зрения.

В своем фундаментальном исследовании «Немецкая диалектология» В.М. Жирмунский неоднократно подчеркивал, что в просторечии, в диалектной речи те или иные изменения прогрессируют быстрей и отличаются большей динамичностью и последовательностью, чем в немецком литературном языке, не сдерживаемые регулирующим воздействием нормы написания [3, с. 148–149]. В области исторической фонетики это проявилось наиболее наглядно в редукции безударного вокализма. Можно согласиться с широко распространенной точкой зрения, согласно которой первопричиной распространения данного фонетического явления была специфика германского ударения: в отличие от ударения в других древних индоевропейских языках оно имело, как известно, ярко выраженный силовой (экспираторный) характер, а при условиях наличия в языке такого ударения ударный (как правило, корневой) слог, становясь фонетическим и смысловым центром слова, господствует над безударными слогами [3, с. 149–150]. Все эти моменты усиливаются в разговорной речи, в еще большей степени в разговорной речи на диалекте, где отсутствуют сдерживающие факторы нормы литературного языка, так как в разговорной речи именно ударение выступает как наиболее важный и основной цементирующий признак, с которого начинается идентификация слова. Неудивительно поэтому, что в немецких диалектах редукция фонетическая и, как ее следствие в определенных случаях, редукция морфологическая [2, с. 15–16] (выравнивание безударных аффиксов и окончаний), проведены более последовательно, чем в немецком литературном языке.

С редукцией некоторые исследователи связывают и процессы разрушения ряда флективных форм на более позднем этапе развития немецких диалектов. В области глагольной системы – это общее опрощение грамматических показателей, с которым связывают и вытеснение претерита и его замену перфектом. Считается, что в основе данного явления лежит факт совпадения форм презенса и претерита слабых глаголов в 3-ем лице единственного числа, а иногда и в других формах, в результате исчезновения конечного гласного -e, показателя претеритальной формы -te [ср.: 7, с. 334], например: macht «делает» и macht' (< machte) «делал», spielst «играешь» и spiel(t)st' (< spieltest) «играл».

Но можно ли в таком случае объяснить обычным развитием по аналогии исчезновение форм претерита у слабых глаголов в 1-ом лице единственного числа и в других случаях? Такое решение проблемы слишком упрощает суть дела. И уже совсем надуманным представляется предположение, что по аналогии со слабыми глаголами стали вытесняться и формы претерита сильных глаголов. Говорить об исчезновении претерита сильных глаголов в плане развития по аналогии со слабыми глаголами не приходится, поскольку они образуют необыкновенно устойчивую систему.

Другие исследователи пытались объяснить вытеснение претерита перфектом причинами стилистического порядка или грамматической избыточности [4]. Но ни данные явления, ни фонетические процессы сами по себе не могли быть единственной или доминирующей первопричиной указанных глубоких структурных изменений [6, с. 255]. Отмеченные фонетические явления могли лишь способствовать реализации общих тенденций развития, например, развитию аналитизма, некоторые предпосылки к возникновению которого появляются уже в общегерманскую эпоху.

Выясняя истоки аналитизма в германских языках, А.П. Дульзон обращает особое внимание на тот факт, что у древних германцев происходит смешение родственных диалектов, когда «корень слова…был элементом, содействующим взаимному пониманию, а падежные окончания препятствовали ему, вследствие чего внимание говорящего и слушающего обращалось прежде всего на корень слова, что содействовало ослаблению окончания» [1, с. 76]. В этом случае важной становится проблема особенностей протекания процесса коммуникации и его влияния на систему и структуру языка.

Рассмотрение тех или иных изменений в системе языка с точки зрения заложенных в языковых единицах потенциальных возможностей служить средством общения, средством передачи информации может пролить дополнительный свет на некоторые причины или катализаторы подобных изменений в процессе развития языка. В этом пла-

не можно рассматривать и изменения в немецких диалектах.

Диалекты языка существуют, как правило, в устной форме, если не учитывать при этом те немногочисленные случаи, когда об отдельных диалектах имеется значительная литература. А в условиях существования языка (диалекта) только в устной форме, во всех актах речевого общения, несомненно, доминирует разговорная речь. Это позволяет отчетливо проследить феномен ее воздействия на языковую систему: разговорная речь накладывает определенный отпечаток на систему языка (диалекта), обрекая на постепенное забвение те элементы, которые с точки зрения эффективного и экономного протекания процесса коммуникации становятся ненужными. При этом речь идет об общих изменениях в системе языка (диалекта), обусловленных специфическими условиями его существования только в устной форме.

Расширение использования сложных перфектных глагольных форм как выражение общей тенденции к развитию аналитизма в немецком языке постепенно сужает сферу применения претерита. Формы перфекта обладают способностью передавать неизмеримо больший объем информации (относительная функция, результативность действия, его завершенность и т.д.), чем формы претерита, особенно в разговорных ситуациях. В немецком языке это приводит к узкой специализации претерита в качестве прошедшего повествовательного времени. В диалектах же, а в островных диалектах еще в большей степени, даже в диалектах, ориентированных на нижненемецкий диалектный ареал, в отличие от диалектов нижненемецкого территориального ареала в Германии, при превалирующем характере спонтанной устной разговорной речи претерит становится излишним. Он не нужен даже в этой функции, так как можно обойтись аналитическими глагольными формами, тем более что, для выражения предшествования одного действия другому в диалектах употребляются так называемые двойной перфект и двойной плюсквамперфект [ср.: 5], например: ***A so hemas imma knumme un hens ehn te Rame neikstellt khat un Pilta kmacht*** „Und so haben wir es immer genommen und haben es in den Rahmen hineingestellt gehabt".

Ti ware kome kwest un ware schun wida f'at «Sie waren gekommen gewesen und waren schon wieder fort».

Таким образом, замена претерита перфектом в немецких диалектах в большой мере обусловлена потребностями процесса коммуникации в специфических условиях бытования диалектов только в устной форме, а ее истоком была внутриязыковая тенденция к развитию аналитизма, которая уходит своими корнями в общегерманскую эпоху. В условиях островного существования этот процесс ускорился благодаря интенсивным процессам диалектного смешения и влияния иноязычного окружения при прочих благоприятствующих факторах развития в языке, в том числе широком распространении редукции безударного вокализма.

Список использованной литературы

1. Дульзон, А.П. Соотношение анализа и синтеза в выразительных средствах германских языков / А.П. Дульзон // Ученые записки Томского пединститута. – 1946. – Т. 3. – С. 68–78.
2. Едиг, Г.Г. Нижненемецкий говор Алтайского края : автореф. дис … докт. филол. наук : 10.00.00 / Г.Г. Едиг. – Омск, 1970. – 33 с.
3. Жирмунский, В.М. Немецкая диалектология / В.М. Жирмунский. – Москва – Ленинград : Изд-во АН СССР. –1956. – 636 с.
4. Dentler, S. Zur Perfekterneuerung im Mittelhochdeutschen: die Erweiterung des zeitreferentiellen Funktionsbereichs von Perfektfügungen / S. Dentler. (Göteborger germanistische Forschungen 37). – Göteborg: Acta Univ. Gothoburgensis, 1997. – 197 s.
5. König, E. Kontrastive Grammatik und Typologie / E. König // Deutsch – typologisch / E. Lang & G. Zifonun (Hrsg.). – Berlin, New York : de Gruyter. – 1996. – S. 31–56.
6. Nübling, D. u.a. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen: eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels / D. Nübling. – 4, komplett überarb. und erw. Auf. (Narr-Studienbücher). – Tübingen : Narr. – 2013. – 271 s.
7. Reis, H. Das Präteritum in den süddeutschen Mundarten / H.Reis // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur (PBB) 19. – 1894. – S. 334–337.
8. Trost, P. Präteritumsverfall und Präteritumsschwund im Deutschen / P. Trost // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – 1980. – № 2. – S. 184–188.

Т.Н. Москвина
г. Барнаул, Россия

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТОВ ШВАНКОВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-14-22002 «Реализация временных отношений в речи носителей островных немецких говоров Алтайского края».

Аннотация: Статья посвящена описанию лексико-грамматических средств выражения темпоральных отношений в текстах шванков. Текст шванка как явление культуры российских немцев позволяет рассматривать языковые единицы различных уровней на широком поле их текстовых взаимодействий.

Ключевые слова: темпоральность, категория, временные отношения, шванк, островной немецкий говор, языковое варьирование.

T.N. Moskvina
Barnaul, Russia

TEMPORAL STRUCTURE OF TEXTS OF RUSSIAN GERMANS´ SHVANKS

Abstract: The article is devoted to the description of lexical and grammatical means of expressing temporal relations in the texts of shvanks. The text of shvank, as a cultural phenomenon of Russian Germans, allows to analyse language units of various levels on a large scale of their textual interactions.

Key words: temporality, language category, temporal relations, shvank, insular German dialects, language change.

Особенностью литературы российских немцев является ее существование на пересечении двух языковых пространств: немецкий и русский языки. Шванк российских немцев представляет собой короткий рассказ в прозе, написанный на диалекте, как правило, комического содержания. Как литературный жанр шванк сохранил ряд общих черт с исходной формой. В XVI в. в Германии шванк выполнял развлекательную функцию. В шванках российских немцев превалируют воспитательный и критикующий аспекты. Тематически шванки отражают жизнь российских немцев в деревне, их быт, рабочие моменты и реалии повседневной жизни. Шванк является одной из фольклорных форм, в которой репрезентируется мировосприятие и картина мира российских немцев, проживающих в сельской местности, периода второй половины XX в.

В плане языкового оформления шванков можно выделить две группы. Часть шванков написана исключительно на диалекте, часть имеют смешанную языковую форму: повествование «от автора» идет на литературном немецком языке, а диалоги и прямая речь – на диалекте. Одной из исследовательских задач является сопоставление функционирования темпоральных маркеров в шванках обеих групп. Специалисты в области русской диалектологии отмечают относительно слабую функциональную, социальную, темпоральную и пространственную расчлененность сферы сельского общения, что неизбежно отражается и в структуре текста. Предполагается, что «временная организация диалектного текста имеет свою специфику, связанную и с особенностями сельской коммуникации, и с устным характером речевого произведения, и непосредственно с внутриязыковыми (региональными) характеристиками» [1, с. 428–429].

Лексико-грамматические средства, характеризующие протяженность и ход описываемых событий, образуют в совокупности текстовую категорию темпоральности. В трактовке А.В. Бондарко темпоральность — это семантическая категория, отра-

жающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета [5, с. 5]. С ее помощью содержание текста как некий фрагмент действительности не только соотносится с осью времени (прошлое, настоящее, будущее), но и разворачивается линейно и протяженно (начало, конец, последовательность и продолжительность действий). Текстовое время реализуется в первую очередь через систему временных форм глагола.

Исследователи отмечают, что число временных форм в речи носителей немецких говоров в Алтайском крае различно. Презенс является универсальной формой для выражения настоящего и будущего, может использоваться и для эмоционального повествования о прошедших событиях. Парадигма времен прошедшего времени в говорах неполная. Немецкие диалекты характеризуются потерей формы претерита, который сохранился только для модальных глаголов и haben/sein. Функционал футурума тоже ограничен (подробнее см. [4, с. 107]. Однако в текстах шванков встречаются все временные формы, имеющиеся в литературном немецком языке. Это можно объяснить, в первую очередь, ведением части повествования именно на литературном языке, при этом передача прямой речи осуществляется исключительно на диалекте. Во-вторых, это объясняется более высокой языковой компетенцией и более широким репертуаром языковых регистров авторов. Далее приведен небольшой фрагмент текста, в котором представлены различные временные формы:

(1) „Mit dr annre Leit komm ich aach gut iwraans", parierte Peter. „Des is kaa Kunst. War mit dr leiblich Fraa… Des hot heitzutag ´n Bart. Friher war des annerscht. Was dr Mann g´saat hot, war for die Fraa Sakon. Awr jetz wolle die Weibsleit immer die Rechte spreche un in ale Hundsdreck g´frocht sei. Dr Mann soll ohne sie nix mehr entscheide…" [Auf Geheiß …] [1]

В данном отрывке представлены презенс ***(komm, wolle, hot, soll)***, перфектные формы ***(g´saat hot)***, претерит ***(parierte, war)***. Употребляемые в тексте формы претерита подтверждают тенденцию к его использованию преимущественно в литературном языке (он представлен как описание действий рассказчика) или исключительно для глаголов ***haben*** и ***sein***. Представляется, что само употребление претерита (пусть и ограниченное) свидетельствует все же о пассивной грамматической компетенции носителей говора на уровне понимания.

Проведенные на материале шванков исследования показывают, что смена временных форм глаголов является косвенным языковым маркером смены одного сюжетно-композиционного конечного блока другими. Неполная парадигма временных форм в речи носителей островных говоров вызывает необходимость использования многочисленных дополнительных лексических маркеров темпоральности. А.В. Бондарко подчеркивает, что грамматическое средство создает лишь «фон», а лексические средства, накладываясь на него, выступают в качестве «спецификаторов» данного значения [5, с. 55]. В своих исследованиях средств выражения темпоральности в немецком языке и, особенно в художественных текстах, Биккулова Н.М. со ссылкой на Н.Д. Марову констатирует, что в немецком языке «такие временные формы глагола, как плюсквамперфект, претерит и перфект, способны создавать в художественном произведении временную рельефность повествования, сочетаясь с разнообразными лексическими сопроводителями, при этом характер взаимодействия грамматической формы и лексического средства зависит от семантического значения последнего» [2, с. 154]. Н.М. Биккулова отмечает, что «временные глагольные формы выступают совместно с лексическими показателями, как правило, при выражении временной перспективы повествования, в частности ретроспективы» [3, с. 218].

Инвентарь лексических темпоральных маркеров включает в себя номинативные единицы, обозначающие временные отрезки (время суток, названия месяцев, сложные слова с компонентом Zeit и др.), многочисленные наречия времени, а также предложные и беспредложные именные группы, фразеологические единицы. Анализ текстов шванков показывает, что понятие времени является концептуально значимым для российских немцев, способы выражения временных отношений многочисленны и разнообразны. При этом лексические дополняют и модифицируют временную информацию, выраженную различными временами глагола. Учитывая неполную парадигму временных форм в немецких говорах, такая

[1] Здесь и далее примеры приведены по сборнику Auf Geheiß des Gewissens. Prosa. Poesie. Übersetzungen. / Spaar W., Ergardt R. (Hrsg.) – Barnaul: Altaier Buchverlag, 1989. – 382 S.

«разработанность» и дифференцированность лексических средств вполне оправдана. В следующем фрагменте шванка наблюдается большое количество временных маркеров:

*(2) „Die hot **dr liewe lange Tag** zu tue un werd noch net fertig", meinte Jacob. „Ball musse sich die Lippe färwe, **ball** die Hoor. **Ball** musse noch Stiweljer in dr Otschered stehe, **ball** noch ausländische Pomade. Un dann der Televiser, der **nemmt** doch aach schrecklich **viel Zeit in Anspruch**… Nee, Peter, du bist zu bedauere. Bist gar kaa dumme Mann un kommst mit´re Fraa net zurecht. Die Fraa muß sich dr Mann mache. Wiedese machtst, so hostese dann aach. Gewiß, **heitzutag** sin die Weibsleit iwr´n Prokurr. War des schadt nix. Mr muß nor immer e bißje reguliere, un **do** geht der Spaß. Mei Liesbeth kommt aach **alsemol** von dr Spur…."*

Дальнейшее исследование особенностей семантики и функционирования лексических средств выражения временных отношений в говорах и литературе российских немцев представляется перспективным именно в сопоставительном аспекте. Художественный текст дает базу для характеристики языковой картины мира носителей диалекта и позволяет проследить динамику языковых процессов именно на стыке двух культурных кодов: немецкий и русский языки.

Список использованной литературы

1. Белякова, С.М. Темпоральные определители в структуре диалектного текста / С.М. Белякова // Материалы и исследования по русской диалектологии. – Москва : Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2008. – Том 3(9). – С. 428–433.
2. Биккулова, Н.М. Лексико-грамматические средства темпоральной семантики и полевый подход к изучению их функционирования в тексте (на материале немецкого языка) / Н.М. Биккулова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2(14). – С. 151–161.
3. Биккулова, Н.М. Взаимодействие временных форм глагола и лексических показателей при структурировании художественного текста (на материале немецкого языка) / Н.М. Биккулова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2015. –№ 3(15) – С. 217–225.
4. Москалюк, Л.И. Современное состояние островных немецких диалектов / Л.И. Москалюк. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2002. – 292 с.
5. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Под ред. Бондарко А.В. – Москва, 1990. – 255 с.
6. Auf Geheiß des Gewissens. Prosa. Poesie. Übersetzungen / W. Spaar, R. Ergardt (Hrsg.) – Barnaul : Altaier Buchverlag, 1989. – 382 s.

С.Г. Проскурин, А.В. Проскурина
г. Новосибирск, Россия

КОЛЬЦЕВАЯ КОМПОЗИЦИЯ КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ ДЕТАЛЬ НАРРАТИВА

Аннотация: В настоящем исследовании рассматриваются разнообразные примеры кольцевой композиции в создании текста. Повторяемость элементов текста оказывается неслучайной и отвечает за опорные участки нарратива. Сама идея циклической встречаемости элементов текста является наследием устной культуры. Однако благодаря культурному трансферу феномен распространился и в письменных памятниках. Важнейшей чертой композиции становится опора на кольцо, т.е. замкнутый образ. Кольцевая композиция – это демаркационный сигнал, обслуживающий нарратив.

Ключевые слова: кольцевая композиция, нарратив, ранняя письменная культура, идеализированная когнитивная модель.

S.G. Proskurin, A.V. Proskurina
Novosibirsk, Russia

CIRCULAR COMPOSITION AS A SEMIOTIC DETAIL OF NARRATIVE

Abstract: This study examines a variety of examples of ring composition in text creation. The repetition of text elements is not random and is responsible for the reference areas of the narrative. The idea of cyclical occurrence of text elements is a legacy of oral culture. However, thanks to the cultural transfer, the phenomenon has also spread in written monuments. The most important feature of the composition is its reliance on the ring, i.e. a closed image. A ring composition is a demarcation signal serving the narrative.

Keywords: ring composition, narrative, early written culture, idealized cognitive model.

Кольцевая композиция в нарративе восходит к круговому аспекту в культуре. Древние мегалитические сооружения замыкали пространство по кругу. Древнейшие поселения народов восходят к пространствам, ограниченным по кругу. «Сначала был забор. Ограда, заграждение, граница глубоко пронизывает представление человека о мире» [15, с. 161]. В древнегерманской культуре элемент ***gardaz*** используется для именования мест расселения людей, отделенный от внешнего пространства ср. гот. ***garda*** – «барьер», но ***gards*** – «дом», др.-сакс. ***gard –*** «ограждение», но ***gards*** – «поселение», др.-англ. ***geard*** «ограда», но ***geardas*** – «поселение» [16, с. 86]. В целом, экспликация семантических связей приводит к подчеркиванию ритуальной значимости круга др.-верх.-нем. ***gart*** «круг». Согласно данным Й. Хоопса, в Британии еще в XVI веке встречались массивные сооружения – столпы, которые во время празднеств украшались, и вокруг них водились хороводы. В свою очередь, др.-верх.-нем. ***gart*** «круг» имеет еще одно значение – «хоровод». Й. Трир, автор известной лингвокультурной концепции Mannring, пишет: «… ***gart*** есть группа танцоров, ведущих хоровод по кругу» [16, с. 101]. В нарративе кольцевая композиция «предполагает, что какой-то фрагмент текста или сложное высказывание более высокого, чем предложение, уровня начинается или заканчивается одним и тем же словом, словосочетанием или даже звуком. Кольцевая композиция представляет собой демаркационный сигнал: с помощью этого сигнала серия предложений трансформируется в законченный ряд, закрытый текст или сегмент текста» [9, с. 458].

Еще одной чертой устности, с композиционной точки зрения, является кольцевое построение фрагментов текста. Один из фрагментов «Песни о Хильдебранте» представляет собой то, что можно обозначить термином кольцевая композиция, – это рассказ Хадубранта об отце:

18. forn her ostar giweit, floh her Otachres nid,
19. hina min Theodorihhe enti sinero degano filu.
20. her furlaet in lante luttila sitten
21.prut in bure barn unwahsan,
22. arbeo laosa:her raet ostar hina

Некогда он отправился на восток*, бежал он (от) гнева Одоакра,*
Туда с Теодорихом и его многими воинами (слугами).
Он оставил в стране молодую сидеть
Жену (,) в доме не выросшее дитя,
Без наследства (унаследованной земи): ***он ушел туда на восток***

Так, кольцевая композиция древнеанглийской поэмы «Послание мужа» обрамляет весь двухстраничный текст в некоторый замкнутый объем. Начинается с ***«Nu ic onsundran pe secgan wille…».*** Замыкается фразой ***«þe git on aerdagum oft gespraecon»*** (употреблено дважды) по кругу. Таким образом, сказитель создает такт текстовой памяти, замыкая сказание фразой ***«так часто говорили в былые дни»***. Кольцевая композиция русских сказок ***«Жили-были …»*** и окончание ***«и стали они жить-поживать»*** соответствует такту древнеанглийской поэмы. В чем смысл кольцевой композиции? В устной традиции были необходимы блоки информации, представленные в виде замкнутого цикла. Цикличность архаических традиций связана с замыканиями больших текстов на один и тот же концепт. В древнегерманской традиции цикл определял даже построение старшего рунического ряда.

Ряд начинался с др.-герм ***fehu*** «движимое имущество», а замыкался ***oþal*** «недвижимое имущество». Цикл был нечто большим в концептуализированных областях древнегерманской традиции.

Кольцевая композиция футарка соответствовала его кольцевой записи по кругу на брактеатах. Остановимся на этом свойстве рунического алфавита подробнее. Традиционно, для всякого компаративиста, и.-е. ****peku***-, к которому восходит имя первой руны ***fehu***, означало «скот», или в более узком значении «овца». Значение же «богатство», которое обнаруживается в этом слове или в его производных, например, в латинском ***pecunia*** – «деньги» считается вторичным, и его рассматривают как результат семантического развития слова, «означавшего первоначально то, что было основным богатством, то есть скот» [11].

Э. Бенвенист заставил пересмотреть традиционную интерпретацию, «перевернув» ее, и показал, что ****peku*** первоначально означало «личное движимое имущество» и лишь позднее, посредством последовательных видовых уточнений термина, получает возможность – но лишь в нескольких языках – обозначать скот, а в Средние века этот термин порождает слово ***feudum*** – «вотчина» [11, p. 47]. С ***feudum*** можно прямо сопоставить значение имен руны 24, последней в ряду, а именно ***oþal*** – «унаследованное имущество», в более широком смысле «недвижимость».

Семантический цикл венчает построение начала и конца, когда оба концепта замыкаются по кругу. В ирландском стихосложении известно метафорическое высказывание ***dunad***, букв. закрытие, которое также можно было использовать в речи о кольцевой постройке железного века, о круговой каменной структуре ир. ***dun***. К. Уоткинс обращает внимание, что этой метафоре может быть возраст в тысячелетия [17, с. 37]. Итак, мы начали наше повествование о кольцевых структурах в реальных постройках и их отражениях в тексте нарратива.

Примеры кольцевой композиции могут быть умножены на примере многих ранних индоевропейских традиций. Как пишет К. Уоткинс, в Ирландии стало устоявшимся требованием многих видов стихосложения заканчивать поэму ее первым словом, фразой, слогом. Таким образом, создавался эффект эхо, когда эхо могло быть не имеющим значения отголоском первого слога.

Scel lim duib

У меня для вас новости

…

E mo scel.

Это мои новости.

Определенная маркированность кольцевой композиции отмечается нами как черта ранних речевых практик. Ранние речевые практики являются необходимым ресурсом устной речи. Повторение концепта восходит к самым ранним мнемоническим приемам. Священное Писание (Ветхий Завет, Новый Завет) восходит к устной культуре. В Ветхом Завете обнаруживаются так называемые «тельцы в тексте» – заветы – несловесного характера, знаменующие договор между Богом и человеком, например, радуга (Бытие 9, 8–17), обрезание (Бытие 17, 10), или свидетельства договора, заменявшие письменные документы: «семь агниц» (Бытие 21, 30), «холм» (Бытие 31, 48–52). Столкновение традиционного (устного) и нового (письменного) Ю.М. Лотман [7, с. 106] иллюстрирует библейским эпизодом столкновения Моисея и Аарона, «скрижалей первого, призванных дать народу новый механизм культурной памяти («завет»), и синкретического единства идола и ритуала (пляски), воплощающих старый тип хранения информации:

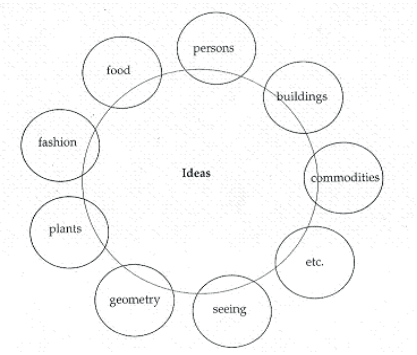
«…и сошел Моисей с горы, и в руке его были две скрижали откровения [каменные], на которых написано было с обеих сторон, и на той и на другой стороне написано было. Скрижали были дело Божие, и письмена, начертанные на скрижалях, были письмена Божии. И услышал Иисус голос народа шумящего, и сказал Моисею: военный крик в стане. Но [Моисей] сказал: это не крик побеждающих и не вопль поражаемых: я слышу голос поющих. Когда же он приблизился к стану и увидел тельца и пляски, тогда он воспламенился гневом, и бросил из рук своих скрижали, и разбил их под горою. И взял тельца, которого они сделали, и сжег его в огне…» [1, Исх. 32, 5–20].

Для устной традиции определяющим фактором является человеческая память. Так, например, информация, в целях запоминания, могла представляться в неязыковой форме в виде рисунка – «пиктографического письма», которое не является письмом в собственном смысле слова, так как пиктограммы не фиксируют язык (то есть, как указывает Вяч. Вс. Иванов, не соотнесены с акустической системой – звуковым языком [5, с. 10]), а лишь передают определенное сообщение. Кроме того, информация могла быть передана при помощи некоторых материальных предметов, например, узелкового письма – средства мнемотехники у некоторых народов.

Д. Дирингер следующим образом иллюстрирует принцип действия одного узелкового «документа» (кусок лыковой веревки приблизительно в один фут длиной с одиннадцатью узлами, расположенными на разном расстоянии друг от друга), служившего своего рода календарем (племя маконде в районе Танганьики): «Макондский автор этого документа (если его можно так назвать) собирался в одиннадцатидневное путешествие; он оставил эту веревку своей жене, сказав: «Этот узел, – и он прикоснулся к первому узлу, – это сегодня, когда я отправляюсь в путь, завтра, – и он прикоснулся к следующему узлу, – я буду в пути, и я буду идти весь второй и третий день, но здесь, – и он взялся за пятый узел, – я достигну конца своего путешествия. Я пробуду там шестой день и отправлюсь домой на седьмой день. Не забывай, жена, развязывать каждый день по одному узлу, и на десятый день ты сваришь для меня пищу; так вот, смотри, это одиннадцатый день, когда я вернусь назад (Войле)» [4, с. 42].

Кольцевая композиция документа опирается на повторяемость ключевого пункта – узелка. Узловое письмо опирается на кольцевую композицию как принцип организации памяти. Таким образом, чем глубже мы проникаем в прошлое, тем больше следов кольцевой композиции мы обнаруживаем.

Во многом кольцевая композиция связывается с кольцевым принципом организации когнитивной памяти. Лакофф и Джонсон называют эти слои идеализированными когнитивными моделями. По их мнению, схемы образов формируют наше восприятие вещей и событий в мире, определяя тем самым коллективное мышление. Так, идеализированные когнитивные модели могут быть охарактеризованы как «когнитивное группирование» исходной области вокруг целевой. «Когда тема, связанная с этими идеями, возникает в дискурсе во время беседы, говорящие на английском языке получают их, концептуально двигаясь через различные исходные области, группирующиеся вокруг темы (целевой области) в соответствии с необходимостью, потребностью» [3, с. 69].

ideas = food (идеи = еда)

Those ideas left a sour ***taste*** in my mouth.

Эти идеи оставили неприятный осадок (букв. ***sour taste***: «кислый привкус»).

It's hard to ***digest*** all those ideas at once.

Сложно за раз ***переварить*** все эти идеи.

Even though he is a voracious reader, he can't ***chew*** all those ideas at once.

Хотя он ***ненасытный*** читатель, он не сможет ***прожевать*** все эти идеи зараз.

That teacher is always ***spoonfeeding*** her students.

Учитель постоянно ***разжевывает*** материал своим ученикам.

(букв. spoonfeed. – кормить с ложечки)

ideas = persons (идеи = люди)

Darwin is the ***father*** of modern biology.

Дарвин – ***отец*** современной биологии.

Those medieval ideas continue to ***live*** on even day.

Эти средневековые идеи продолжают ***жить*** даже сейчас.

Cognitive linguistics is still in ist ***infancy***.

Когнитивная лингвистика до сих пор на ранней стадии развития (букв. ***infancy***: «во младенчестве»).

Maybe we should ***resurrect*** that ancient idea.

Может быть, нам ***воскресить*** эту древнюю идею?

She breathed new ***life*** into that idea.

Она вдохнула новую ***жизнь*** в эту идею.

ideas = fashion (идеи = мода)

That idea went ***out of style*** several years ago.

Эта идея ***вышла из моды*** несколько лет назад.

Those scientists are the ***avant*** of their field.

Эти ученые – ***авангардисты*** в своей сфере.

Those revolutionary ideas are no longer ***in vogue***.

Эти революционные идеи больше не ***в моде***.

Semiotics has become truly ***chic***.

Семиотика стала по-настоящему ***модной.***

That idea is an old hat.

Эта идея ***устарела*** [3, с. 68–69].

Идеализированные когнитивные модели также имеют кольцевую композицию, что сближает их со структурами текста, рассмотренными нами ранее. ИКМ строится по принципу структурной композиции кольца. При этом в классических композициях кольцо представлено эксплицитно, а в идеализированных когнитивных моделях имплицитно. Не все ИКМ обладают кластерной радиальной структурой, однако они представляют собой один из надежных источников когнитивных ассоциаций. Когнитивное мышление склонно интерпретировать мир в кольцевых образах. Таким образом, кольце-

вая структура является опорной в организации оперативной памяти.

Иногда кольцевая композиция проявляется в повторяемости формул. Как следует из сказанного, индоевропейская культура имела уникальный поэтический язык, который восстанавливается по некоторым единствам, в определении М. Пэрри, формулам, то есть группам слов, регулярно употребляемым в тождественных метрических условиях для выражения заданной основной идеи [14, с. 266–274]. Открытие индоевропейских формул – предмет историко-филологических исследований в рамках индоевропейской поэтики (См.: 17). В наиболее известной работе конца двадцатого века К. Уоткинс описывает формулы, связанные с основными событиями главного индоевропейского мифа о сражении героя со змеем (миф имеет место в большинстве индоевропейских традиций):

ВОИН УБИТЬ ЗМЕЙ ОРУЖИЕ

Альтернативные методы реконструкции индоевропейских формул выявляются при более детальном освоении семиотических методов. Так, в пределах индоевропейской семиотики нами обосновывается вероятность обнаружения формул в апофатических конструкциях, то есть в тех группах текстов, в которых отрицается экзистенциальная формула. Семиотический подход допускает возможность воспроизведения в культурном тексте утвердительного повествования по следам отрицания. В индоевропейских мифопоэтических текстах распространены подобные структуры: «Не было того-то и того-то, не имелось этого и этого, не делалось то и то и т.д.». Такой зачин содержится во многих повествованиях: сказках, эпосе, мифах и даже молитвах. Так, знаменитая древневерхненемецкая Вессобрунская молитва (Wessobrunner Gebet) имеет в своем тексте открытое апофатическое суждение:

Dat gafregin ih mit firahim firiuuzzo meista,
Dat ero ni uuas noh ufhimil
Noh paum noh pereg ni uuas,
Ni …nohhenig noh sunna ni scein,
Noh mano ni liuhta, noh der mareo seo.
Do dar niuuiht ni uuas enteo ni uenteo
Enti do uass der eino almahtico cot…
Это узнал я среди людей чудо величайшее,
Что земли не было еще, ни неба наверху,
Ни дерева, ни горы не было,
Никакое еще солнце не сияло,
Еще ни луна не светила, еще ни это прекрасное море.
Тогда там ничего не было ни здесь, ни там,
И тогда был один этот всемогущий бог.

Здесь кольцевая композиция знаменует апофатическое высказывание, которое отрицает бытийный прототекст древнегерманской традиции. В кольцо берется отрицание, которое восстанавливается как целевой нарратив.

Иногда кольцевой принцип организации памяти позволяет воспроизвести параллелизмы. Зачастую двоеверные формулы оказываются результатом преобразований параллелизмов, о которых пишет А.Н. Веселовский:

«а. Гуси-лебеди видели в море утушку, не поймали, только подметили, крылышки подрезали.

б. Князе-бояре-сваты видели Катичку, не взяли, подметили, косу подрезали [...]

Общая схема психологической параллели нам известна: сопоставлены два мотива, один подсказывает другой, они выясняют друг друга, причем перевес на стороне того, который наполнен человеческим содержанием. Точно сплетающиеся варьяции одной и той же музыкальной темы, взаимно суггестивные. Стоит приучиться к этой суггестивности – а на это пройдут века – и одна тема будет стоять за другую» [2, с. 12].

Если расположить одну под другой формулы из поэмы «Юдифь», «Бытие А» и т.д., то окажется, что мотив течения воды в одной из поэм переплетается с мотивом течения времени:

а. ***gewiton on fleam sceacan*** («начинает течь» – о воде)

б. ***Seo tid gewat ofer tiber sceacan*** («отправилось в путь через жертву» – о времени).

Кольцевая композиция параллелизмов восстанавливается как принцип организации памяти сказителя. Сказитель использует одни структуры как аналоги для построения новых высказываний. Итак, кольцевая композиция является чрезвычайно продуктивной деталью нарратива, способствующей его порождению.

Идея передачи информации находит свое отражение в древнейшей германской поэтической традиции, в жанре тулы (аллитерационное перечисление имен). Структура тулы создается на идее цикличности, определяемой длительностью человеческой жизни. Цикличность же равна эпохе, или др.-исл. ***«verold»*** / др. англ. ***«weorold»*** («мир»). ***«Verold / weorold»*** («человек + время») заключает в себе два взаимосвязанных плана: поколение (возраст) и большой космический цикл (эпоха).

Содержанием тулы заключалось в генеалогическом перечислении имен. Такая хронологическая последовательность создавалась по нарастающей (А+Б+В+…). Повествование начиналось со времени создания тулы и возводилось к древнегерманскому божеству Одину ***(Woden)***:

*«**C**ynric **C**erdecing, **C**erdic **E**lesing,*
__E__lesa __E__sling, __E__lsa __G__ewising,
__G__ewis __W__iging, __W__ig __F__reawing,
__F__reawine __F__ridugaring, __F__ridugar __B__ronding,
__B__rond __B__aeldaeging, __B__aeldaeg __W__odening»

Информация о жизни общества хранилась в подобных списках и передавалась из поколения в поколение. Как будет показано ниже, подобные тулы коррелировали не только с именем древнегерманского верховного божества, но и соотносились по линии «тотем-этноним». Существовали определенные законы передачи информации в синтагматике и парадигматике тулы, представляющие собой кольцевую композицию, то есть структуру, начинающейся с одной и той же буквы.

Идея прямого соответствия имени и денотата, трактовка имени собственного как ***alter ego*** индивида является традиционной исторической концепции ***nāmarupa*** «имя и форма», опиравшейся в названии на реальные связи. В этом случае представляется удачным сравнением Дж. Гонды: «Отношения между именем и его носителем можно сопоставить с тенью и человеком, ее отбрасывающим» [13, с. 8], [8, с. 7]).

До появления алфавитов действовали формы культурной памяти – идентичность индивидуума была тождественна идентичности этноса. Не исключено, что потребность в кодификации через звукопись являлась предшественницей появлению алфавитов, поскольку семиотика звукописи – предварительный этап поиска экономии речи. «Так, у англосаксонского нобилета, носившего кельтские имена, имена собственные были созвучны с этнонимом ***Cymro*** "валиец". ***Caedwalla, Caedda, Cedd, Ceawlin, Cerdic, Cumbra*** [12, с. 32]».

Например, ономастикон англосаксонского нобилитета аллитерирует с этнонимом «валиец», выбор которого оказывался неслучайным (здесь и далее контексты приводятся по: The Anglo-Saxon Chronicle: An Electronic Edition (Vol 5) literary edition) [10]: 519 г. *«Her Cerdic 7 Cynric: Westsexena rice onfengun on þy ilcan geare hie fuhton wiþ Brettas þær mon nu nemneþ Cerdicesford: 7 siþþan ricsadan Westsexana cynebearn of þan dæge» («Здесь Кердик и Кюнрик наследовали королевство западных саксов; и в этом же году они сражались против бриттов там, где сейчас это место именуется Кердиксфорд. И с этого времени королевский отпрыск западных Саксов правил»). Вероятно, как это можно заключить из контекста, речь шла об этническом смешении германцев и кельтов. 560 г. «Her Ceawlin feng to rice on Wesseaxum <…> » («Здесь Кевлин наследовал Уэссекс <…> »); 643 г. «Her Cenwalh feng to Wesseaxna rice 7 heold .xxxi. wintra <…> » («Здесь Кенвальх наследовал королевство Уэссекс и правил 31 год <…> »); 709 г « <…> 7 Ceolred feng to Myrcna rice <…> » («<…> и король Кеолред наследовал королевство Мерсия <…> »).*

В науке давно ощущается связь имен собственных и эпонимов. К. Леви-Стросс в свое время отмечал, что: «<…> индивидуальные названия зависят от той же системы, что и коллективные названия, прежде нами изученные, и что посредством них можно перейти с помощью преобразований от горизонта индивидуации к горизонту наиболее общих категорий. Действительно, каждый клан или субклан обладает определенным количеством имен, носить которые предоставлено его членам, и раз индивид – часть группы, то индивидуальное имя – это часть коллективного названия» [6, с. 361].

Согласно спискам тул (аллитерационный перечень имен) англосаксонских королей, в трех королевствах (Ēast Engla Rīce, Ēast Seaxna Rīce, Westseaxna Rīce) поддерживается аллитерация между именем короля и названием королевства: ***Anna, Aethelhere, Aldulf <…> – Ēast Engla Rīce; Seaxnete, Swaeppa, Sigefugel <…> – Ēast Seaxna Rīce; Aedmund, Aelfred, Aelfgiva <…> – Westseaxna Rīce.*** В других списках обнаруживается однородность имменика, являющаяся коррелятом названия королевства по типу. Именник выполнял функцию смыслоразличения, по нему можно было определить какое это королевство. Например, *если E, то Cent (Emme, Eormenred, Ermenburga <…>),* если С, то *Mierce (Cnebba, Cynewald, Creoda),* если А, то *Norþanhymbra (Alhfrith, Aedryht, Aethelwold <…>).*

Возможность связывания генеалогии в последовательности с аллитерацией представляется важной с позиции структуры текста: синтагматики и парадигматики. Последовательность имен в традиции образовывала синтагмы, которые взаимодействовали с этнонимами в парадигматике с помощью аллитерации на ту же букву. Так, в Нортумбрии проживали англы. Возможно, этот факт повлиял на имена королей, начинающиеся там на А, которые связываются в парадигматике с названием этноса

Angle. Однако это остается исторической гипотезой. Сами списки выполняли историческую роль, то есть являлись живой историей англосаксонских королевств, их функция обеспечивалась за счет передачи информации из поколения в поколение. В этом смысл англосаксонской традиции.

Генеалогия королей Восточной Англии

Anna
Aethelhere
Aldulf
Aelfwold
Aethelbert
Aethelburn
Aetheldryth

Ēast Engla Rīce
(The Kingdom of East Anglia)

Генеалогия королей Нортумбри

Alhfrith
Aedryht
Aethelwold
Alhred
Aethelred/Aethelterht
Aelfwold
Aethelberht
Aeile
Aetheldrythe

Norþanhymbra / Norþhymbre
(Northumbria)

Seaxnete
Swaeppa
Sigefugel
Sledda
Saeberht
Saexraed
Saexn
Sigeferth
Seleferth
Sigebald
Swithelm
Saebbi
Sighere
Sigheard
Saelread
Swithhaed
Sigeric
Sigeraed

Ēast Seaxna Rīce
(The Kingdom of Essex or Kingdom
of the East Saxons)

Генеалогия королей Уэссекса

Cerdic	Coentwine	Aescwine	Aegelward
Cynric	Ceadwalla	Aethelhard	Aethelstan
Cuthwulf	Cuthred	Aedburh	Aedburn
Cutha	Cynewulf	Aethelbald	Aedmund
Ceaulin	Cutha	Alhmund	Aelfgiva
Ceol	Cuthwine	Athulf	Aedgar
Ceolwulf	Cutha	Aldgith	Aelfthryth
Cynegils	Cynebald	Atheleidis	Aedward
Cuthgils	Ceolwold	Alienora	Aelfgitha
Cenferth	Cenred	Aethelbald	Aegelred
Cenfus	Cuthburh	Aethelbryht	Aelfgiva
Cynegils	Cuenburh	Aethered	Aedwius
	Canut	Aealswith	Aedmund
		Aedward	Aelfred
		Aegelfled	Aelfgiva
		Aelfthryth	Aedward
			Aethelstan
			Aedward

Westseaxna Rīce (The Kingdom of Wessex)

Таким образом, кольцевая композиция представляется важнейшей деталью нарратива в виде затактовой памяти текста. Сформировавшись в устных видах творчества, кольцевая композиция успешно перешла в письменные памятники. Учет этой особенности допускает реконструкцию реккуррентных рубрик в исторических текстах. Так, нами эксплицированы кольцевые сегменты в самых разнообразных текстовых сегментах. Сама тема требует продолжения исследования, поскольку отвечает за формирование опорных структур памяти в нарративах.

Список использованной литературы

1. Библия / Рос. Библейское о-во, 2008. – 1296, XXXII с.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский / Под ред. В.М. Жирмунского. – Ленинград : Гослитиздат, 1940. – 648 с.
3. Данези, М.В поиске значения. Введение в семиотическую теорию и практику / М.В. Данези; пер. с англ.; под общ. ред. С.Г. Проскурина. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2010. – 192 с.
4. Диринger, Д. Алфавит: пер. с англ. / Д. Диринger; общ. ред., предисл. и примеч. И.М. Дьяконова. 2-е изд., стереотипное. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 656 с.
5. Иванов, Вяч. Вс. Язык в сопоставлении с другими средствами передачи и хранения информации / Вяч. Вс. Иванов // Доклады на конференции по обработке информации, машиному переводу и автоматическому чтению текста. – Москва, 1961. – Вып.7. – 13 с.
6. Леви-Стросс, К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / К. Леви-Стросс; пер. с фр. – Москва : Академический Проект, 2008. – 519 с.
7. Лотман, Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – 479 с.
8. Топорова, Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двуличные имена собственные. – Москва : Шк. «Языки рус. Культуры», 1996. – 253 с.
9. Уоткинс, К. Аспекты индоевропейской поэтики / К. Уоткинс // Новое в зарубежной лингвистике / редкол. В.А. Звегинцев и др. – Москва : Прогресс, 1988. – Вып. 21. Новое в современной индоевропеистике: Переводы. – С. 451–473.

10. A Concise Anglo-Saxon Dictionary [Электронный ресурс] / John R. Clark Hall. – 1916. – Режим доступа: http://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_clarkhall_about.html (дата обращения: 8.03.2020)
11. Benveniste, E. De vocabulaire des institutions indo-europeenes / E. Benveniste. – Paris, 1970. – T. 1, 2.
12. Crystal, D. The Stories of English / D. Crystal. – London : Penguin books, 2004. – 565 p.
13. Gonda, J. Notes on names and the name of God in ancient India / J. Gonda. – Ltd, 1970.
14. Parry, M. The making of Homeric Verse: the collected papers of Milman Parry / ed. A. Parry. – Oxford : Clarendon Press, 1971.
15. Polome, E. C. Indo-European culture with special attention to religion / E. Polome // Indo-Europeans in the fourth and third millennia. – Austin, 1982.
16. Trier, J. First. Über die Stellung des Zauns im Denken der Vorzeit / J. Trier // Nachrichten d. ges. d. Wiss. – Göttingen, 1940.
17. Watkins, C. How to Kill a Dragon. Aspects of Indo-European Poetics / C. Watkins. – Oxford: Oxford University Press, 1995.

Т.Г. Рабенко, Н.Ю. Крючкина
г. Кемерово, Россия

ИНФОРМАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ)

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 20-412-420005 р_а «Концептуально-ценностный анализ эпистолярного и мемуарного наследия жителей Кузбасса».

Аннотация: В статье осуществляется описание информативной стратегии как способа речевого взаимодействия в эпистолярной коммуникации. Прослеживается детерминированность речевого поведения адресанта его социально-демографического ролью в семейном общении, профессиональной принадлежностью и личностно-психологическими характеристиками.

Ключевые слова: эпистолярная коммуникация, родительское письмо, информативная стратегия.

T.G. Rabenko, N.Yu. Kryuchkina
Kemerovo, Russia

INFORMATIVE STRATEGY AS A METHOD FOR ORGANIZATION OF EPISTOLAR DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF PARENTAL LETTERS)

Abstract: The article describes the informative strategy as a method of speech interaction in epistolary communication. The author traces the determinism of the addressee's speech behavior by its socio-demographic role in family communication, professional affiliation, and personal and psychological characteristics.

Keywords: epistolary communication, parental letter, informative strategy.

Интенсивно развиваемое в современной лингвистике коммуникативно-прагматическое направление способствует вовлечению в сферу научных интересов областей, ранее остававшихся на периферии научных изысканий. Внимание к естественной письменной речевой деятельности рядового носителя языка, продуктам этой деятельности обусловливает внимание к семейному общению в различных его жанровых проявлениях.

Первоначально вовлекаемая в научное исследование как часть разноаспектного описания устно-разговорного повседневного общения [8; 9] семейная коммуникация рассматривается теперь как

самостоятельный научный объект, реализуемый не только в его устной, но и письменной форме бытования [2; 3; 4; 6; 10; 11]. Становится очевидным, что вовлечение в зону научных поисков письменной формы семейной коммуникации обладает значительными эвристическими возможностями в плане изучения специфики естественной письменной речи и существенно обогащает научное представление о семейном общении как специфическом виде речевой коммуникации, представленном в устной и письменной формах. Подобного рода исследования призваны устранить лакуну в научном описании семейного общения, ранее рассматриваемого только как проявление устно-разговорной деятельности носителя языка.

Цель настоящего исследования – обозначить специфику реализации информативной речевой стратегии, которая обнаруживается в эпистолярной коммуникации, рассматриваемой в одной из жанровых реализаций – родительском письме; проследить зависимость речевого поведения адресанта от его социально-демографического роли в семейном общении, профессиональной принадлежности и личностно-психологических характеристик. Фактологическую базу исследования составили архивные материалы Лаборатории естественной письменной речи Кемеровского государственного университете (всего более 200 родительских писем). Адресатом писем является девушка – студентка, а впоследствии преподаватель одного из сибирских вузов. Датировка писем – 70–80-е гг. XX в.

Неоднократно становясь объектом исследований различных областей науки (истории, этнографии, культурологии, филологии и др.), родительское письмо как жанровая реализация эпистолярного дискурса представляет особый интерес для коммуникативно-прагматической лингвистики, где текст родительского письма рассматривается как часть коммуникативной ситуации наряду с экстралингвистическими условиями порождения текста (куда включаются участники коммуникативной ситуации, пространственно-временные условия реализации текста, код коммуникации).

Представляя собой одну из вариаций личного письма, родительское письмо, выделяется с учетом специфики фактора автора и адресата [7, с. 146]. Интенсиональность родительского письма сопрягается с проявлением любви, заботы родителей по отношению к своим детям, некоторой назидательности по отношению к ним. Речевое поведение родителей определяется их социальной ролью в семье и реализуется в ряде коммуникативных стратегий. Одной из таковых является информативная стратегия, типичная для эпистолярного дискурса. Известно, что информативная стратегия способствует созданию у адресата представлений о том или ином предмете общения [1, с. 140]. Речевой замысел говорящего заключается в информировании своего речевого партнера. Адресант (мать, отец), выстраивая коммуникацию, использует для письменного общения с адресатом общий коммуникативный код, в определенной степени спонтанно, и, в итоге, реализует собственную внутреннюю речь.

Информативная стратегия воплощается, прежде всего, на уровне диктумно-модусного содержания письма [5]. Она прослеживается в основной части письма, где излагается информация о произошедших за некий период событиях, субъективно значимых для адресанта и, по мысли адресанта, возможно значимых и для адресата. Маркирование данной стратегии осуществляется посредством таких ключевых фраз, как: *«Ну, приступим к самому главному…» (отец), «А теперь важное» (отец), «У нас такие дела…» (мать), «А у нас вот что нового…» (мать), «Дома так…» (мать).* Данная стратегия реализуется, как правило, в начале письма вслед за приветствием адресата.

Реализация информативной стратегии приводит к политематичности письма: *«Как узнала, что ты, Наташа, купила мне плащ думаю я и маме куплю зимнее пальто! СПАСИБО большое […] Ходила в нем на работу. Видела Машу Зимину, тебе привет. Она поступает в институт» (мать).* Автор письма, создавая эпистолярный текст, освещает несколько тем, переходя от одной к другой хаотично, спонтанно, порой возвращаясь к уже ранее написанному. При этом прослеживается зависимость выбора темы от социальной роли авторов – «отца», «матери».

Отец в силу его рационального склада, многолетнего опыта работы в руководящей должности повествует о событиях социально ориентированного плана: положение дел на производстве, курсы повышения квалификации, командировки и т. п.: *«Работать приходится много. План выполняем регулярно»; «Из Москвы ехал в плацкарте. В Москве был 30 часов, ночевал в гостинице, приехал в воскресенье вечером».*

Повествование отцовского письма направленно на достоверность излагаемого, его точность,

информативность. Оно отличается безэмоциональностью изложения, напоминает своего рода отчет о сегодняшнем состоянии дел: *«Мы вернулись домой 22-го вечером»; «Высылаю 10 рублей. О получении сообщи»; «После двух дней пребывания в Герасимовке выехали домой»; «Посетили мою родину – с. Герасимовку»*. Для отца характерна линейная смена тем, за развитием которых автор следит постоянно: *«До нее мы обрались в три приема. Один день ехали до Семипалатинска (самый тяжелый этап, т. к. негде было поесть на протяжении около 200 км»*. Повествование не выходит за пределы исходного текста, сочетает в себе одну или две темы.

Отцовские письма изобилуют точными данными (название городов, где ему и его семье доводилось побывать, расстояние между городами, их географическое местоположение, погодные условия во время пребывания в них): *«В Москве был 30 часов, ночевал в гостинице, приехал в воскресенье вечером. В 22.00 приехали домой»; «Сейчас здесь днем 10-15° тепла, ночью 0-3°тепла или 1-2° тепла, но редко». «Самой дальней нашей ночной поездкой была Алма-Ата. До нее мы добрались в три этапа. Первый этап […]Через 3 дня – еще один этап […] Заключительный этап […] Такова краткая хронология основных событий»*. В целях наиболее точной информации о предмете сообщения (к примеру, расположение комнат в новом доме, форма купленной им шапки и др.) отец часто сопровождает свое послание схемами, эскизами.

Ролевой статус отца как главы семьи, где его мнение в приоритете, проявляется и косвенным образом – в письме матери: *«Поставили нам телефон, и я хотела заказать разговор, но папа сказал, что не надо отнимать время у вас, а лучше напиши мол. И вот я напишу», «Папа решил заехать к Николаю. Ну раз решил»*.

В письмах матери стратегия информирования ярко раскрывается в политематичности. Материнские письма содержат в рамках одного субстрата несколько тем – это сообщения о членах семьи и их ближайшего окружения (родственники, соседи, хорошо знакомые): *«Мне дают путевку в санаторий г. Ташкент с 22 июня по 17 июля. Иринку отправлю завезу к бабушке Ксенье, а пап будет дома он не едит в санаторий а будет отдыхать на даче и строить ее, а потом на недельку собирается поехать в Семипалатинск с Ириной»*. В письмах матери нередка информация о новинках в области моды (обсуждения фасона платья, модели обуви, модной стрижки, косметических средств и др.). Развивая в дочери чувство прекрасного, мать пишет: *«Наташа, сейчас мода длинные волосы до плеч. Думаю, тебе пойдет»; «Этим летом будет модным синий цвет, шьем синее или голубое платье»*.

Мать стремится передать информацию подробно, не упуская деталей. Однако в силу своих личностно-психологических качеств она реализует информативную стратегию несколько иначе, чем отец. Мать передает в письме много больше информации, чем отец (об этом свидетельствует значительный объем писем, количество освещаемых тем, присутствие многочисленных подробностей). Изложение информации в материнском письме не имеет четкой логической структуры и плавного перехода от одной темы к другой. Здесь зачастую встречаются приписки на полях, порой не имеющие связи с основной информацией. Повествуя о событиях, мать неоднократно возвращается к теме, которая, казалось бы, завершена, но опять всплывает в эпистолярном тексте. Синтаксис тяготеет к сложным конструкциям, что нарушает связность, цельность и порой затрудняет восприятие текста адресатом: *«Папа ездил вчера в деревню заезжал к Саше дела у него хорошо уже вошел в колею и что я рада, это бросил курить, в комнате хорошие у него ребята ну дай бог, все чтоб благополучно»*.

Свою социальную роль мать видит таким образом, чтобы, повествуя о повседневных делах и заботах, охватить своей любовью и заботой каждого из членов семьи (в своих письмах она сообщает адресату о самочувствии каждого члена семьи), прежде всего дочь, которая учится в другом городе и находится далеко от семьи. Ее письма эмоциональны, наполнены переживаниями.

Таким образом, информативная стратегия позволяет выстроить речевое взаимодействие с адресантом, осуществляемое в эпистолярной коммуникации для поддержания близкородственных связей. Данная стратегия, ее развертывание обнаруживает детерминированность речевого поведения адресанта социокультурными нормами эпистолярной коммуникации, социально-ролевой функцией адресанта, выполняемой в семье, профессиональной принадлежностью и личностно-психологическими характеристиками субъекта повествования.

Список использованной литературы

1. Анохина, В.С. Повседневная коммуникация в стратегиях и тактиках обиходно-бытового общения (на материале семейной речи) / В.С. Анохина, О.В. Кравченко : Монография. – Таганрог : Изд-во Волошина О.И., 2017. – 183 с.
2. Байкулова, А.Н. Речевое общение в семье : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / А.Н. Байкулова. – Саратов, 2006. – 290 с.
3. Занадворова, А.В. Функционирование русского языка в малых социальных группах: Речевое общение в семье : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.В. Занадворова. – Москва, 2001. – 173 с.
4. Кукушкина, Е.Ю. Домашний язык» в семье / Е.Ю. Кукушкина // Язык и личность. – Москва : Наука, 1989. – С. 96–100.
5. Лебедева, Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект исследования / Н.Б. Лебедева // Вестник Барнаул. гос. пед. ун-та. Гуманитарные науки. – 2001. – Вып. 1. – С. 4–10.
6. Рабенко, Т.Г. Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Т.Г. Рабенко. – Кемерово, 2018. – 356 с.
7. Рабенко, Т.Г. Инвариантные и вариантные признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка») / Т.Г. Рабенко // Жанры речи. – 2020. – № 1(25). – С. 6–14.
8. Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. – Москва : Наука, 1978. – 307 с.
9. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А. Земская. – Москва : Наука, 1983. – 239 с.
10. Рытникова, Я.Т. Беседа семейная / Я.Т. Рытникова // Антология речевых жанров. – Москва : Феникс, 2007. – С. 64–72.
11. Чайковский, Р.Р. Язык в семье как разновидность социолекта / Р.Р. Чайковский // Вариативность как свойство языковой системы : сб. статей. – Москва : Наука, 1982. – Ч. 2. – С. 74–81.

С.С. Стальская
г. Барнаул, Россия

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНОВ В.В. НАБОКОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ОТЧАЯНИЕ»)

Аннотация: Статья посвящена проблеме авторского перевода художественного текста. В статье также рассматриваются языковые особенности авторского перевода В.В. Набокова романа «Отчаяние» на английский язык. Особое внимание уделяется лексико-деривационным структурам двух текстов, их соотношению и смысловым со- и противопоставлениям.

Ключевые слова: художественный текст, авторский перевод, деривационная структура, лексический ряд.

S.S. Stalskaya
Barnaul, Russia

ON COMPARATIVE ANALYSIS OF TRANSLATIONS OF NOVEL OF V.V. NABOKOV IN ENGLISH (ON THE MATERIAL OF THE NOVEL "DESPAIR")

Abstract: This article deals with the problem of translation of literary text. It also studies the peculiarities of the author's translation of V. V. Nabokov. The language of the novel «Despair» and its translation into English is analyzed in the article. Special attention is paid to lexical line of the two texts and the relations between them.

Keywords: literary text, author's translation, derivational structure, lexical line.

Данная работа представляет собой сопоставительный анализ лексико-деривационных рядов текста романа В.В. Набокова «Отчаяние» на русском и английском языках.

Как известно, художественный текст является сложной многозначной системой, построенной на основе различных отношений, выполняющей разные функции и содержащей в себе высоко скон-

центрированную информацию. Задачей читателя является декодирование того сообщения, которое вложил в свое произведение автор. Учитывая индивидуальные особенности каждого читателя, его знания и опыт, важно отметить, что читатель не всегда способен полностью расшифровать систему кодов того или иного текста [1, с. 24].

Чтобы художественный текст был доступен для читателей других культур, необходимо осуществить перевод художественного текста. Перевод – это многогранный процесс человеческой деятельности, в котором сталкиваются различные традиции, ценности, разные структуры языков и восприятия. При этом перевод художественного текста может выполнять как специалист переводчик, так и сам автор, владеющий языком перевода.

Перевод художественного текста самим автором встречается редко и представляет интерес для исследователя. Авторский перевод выполняется в уникальном направлении, отличном от обычного перевода, поскольку переводчик-автор в первую очередь остается создателем художественного текста, в то время как переводчик выступает только в качестве медиатора при передаче авторского замысла с одного языка на другой.

Авторский перевод также может считаться новым произведением, так как такой перевод допускает определенные несоответствия с оригиналом ввиду того, что в процессе перевода автор может прибегнуть к определенным трансформациям и новым стилистическим приемам [2, с. 12].

Как было сказано ранее, авторский перевод становится возможен благодаря владению автором иностранным языком (одним или несколькими) на уровне, достаточном для создания текстов, что называется билингвизмом [3, с. 28].

В.В. Набоков – известный автор-билингв, который создавал произведения как на русском, так и на английском языках, а также переводил свои романы с русского на английский и наоборот. Помимо этого, Набоков тщательно редактировал переводы своих произведений на те языки, которые были ему знакомы. Английский текст романа «Отчаяние» является авторским переводом В.В. Набокова.

Лексико-деривационное функционирование лексических единиц включено в непрерывный процесс порождения текстов в определенной коммуникативной ситуации, при этом функционирование лексических единиц в тексте порождают определенную структуру, являющуюся языковой моделью текста и определяющей систему смыслов в рамках данного текста. Основным компонентом лексико-деривационной структуры текста является лексико-деривационный ряд. Детерминанты этих рядов могут рассматриваться как ключевые слова текста.

Для определения лексико-деривационных связей текста необходимо выделить повторяющиеся лексические единицы, формирующие сквозные вертикальные ряды текста, а также определить тип логических связей и семантико-синтаксических отношений между этими рядами [4, с. 74].

Деривационный анализ романа «Отчаяние» показывает, что его лексико-деривационная структура организована как множество семантических рядов, сопоставив которые можно проанализировать язык писателя-билингва В.В. Набокова.

Описание похожести является неотъемлемым компонентом персонажных лексических рядов текста: это значимо для характеристик двух главных героев романа. Читатель видит одного из персонажей глазами другого, для которого эта похожесть представляется ***идеальной, совершенной***.

К ядерным глаголам романа можно отнести глаголы зрительного восприятия – ***смотреть, видеть, разглядывать, look, stare, glance*** и т. д., что перекликается с концепцией «зеркальности», «отражения», являющейся ключевой в романе «Отчаяние».

Особую роль в тексте романа «Отчаяние» играет повтор: лексический, семантический, морфемный. Повторы являются важным компонентом лексико-деривационной структуры текста.

Интересно отметить, что лексический повтор глаголов движения создает разную временную соотнесенность, что формирует определенное восприятие пространства в тексте романа: ***«Помнится, я стряхнул оцепенение, сунул книжку в карман, вынул ключи, собрался все запереть, уйти, – уже почти ушел, но остановился в коридоре с сильно бьющимся сердцем… уйти было невозможно…» – «I remember, I shook off that numbness, put the little book back into my pocket, took out my keys, was about to lock up and leave – was leaving, but then stopped in the passage with my heart going pit-a-pit.… No, it was impossible to leave.…»***

Как видно из примера, в русском языке первый элемент ряда выражен глаголом совершенного вида настоящего времени, второй – глаголом совершенного вида прошедшего времени. Третий элемент полностью повторяет форму первого, что образует своего рода замкнутый круг, определяю-

щий описанную в отрывке ситуацию. В английском переводе автор использует те же формы глагола – ЛДР начинается и заканчивается инфинитивом, вторым элементом ряда является форма прошедшего времени.

Аналогичная ситуация возникает в следующем примере: «*Он по-видимому **прислушивался**. Я **прислушивался** к тому, как он **прислушивается**. Он **прислушивался** к тому, как я **прислушиваюсь** к его **прислушиванию***».

При этом данный пример и его перевод на английский также имеют различную референцию связанную с субъектной соотнесенностью. Таким образом создаются две временных плоскости настоящего и прошедшего времени между двумя различными субъектами, что придает художественному тексту выразительность и экспрессивность: ***«He listened**, that was certain. I **listened** to his **listening**. He **listened** to my **listening** to his **listening**».*

Структурные различия исходного и вторичного текста также можно проследить на примере использования лексических повторов. В предложении ***«Я всегда был одинок**, Феликс, **одинок** я и сейчас.»*** повтор краткой формы прилагательного «одинок» создает двучленный ЛР, первый элемент которого использован в предложении при традиционном порядке слов, а второй – в инверсии, таким образом, одна и та же форма прилагательного выступает как тема в первой части предложения, и как рема – во второй. Английский вариант в силу особенностей языка перевода не использует инверсию со словом «lonely», нетрадиционное положение в предложении занимает обстоятельство времени, которое также является ремой: ***«I was always lonely**, Felix, and I am **lonely** still».*

Что касается семантических повторов, важно отметить, что совокупность однокоренных слов расширяет семантическое поле текста, создавая у читателя более полную картину происходящего, при этом совокупность исходного и вторичного текста делает это поле еще шире за счет выбора отличных языковых единиц в тексте перевода.

В контексте ***«Мне, может быть, даже лестно, что ты **украдешь** мою вещь. **Кража** – лучший комплимент, который можно сделать вещи»*** формируется двучленный тематический ЛДР: «украдешь – кража». Названный лексический ряд формируется как развитие темы, заданной в начальном высказывании. Существительное «кража» уточняет названное перед ним действие «украдешь».

В английском варианте отсутствуют однокоренные слова: ***«What if I find it rather flattering that you should **steal** my property? **Theft** is the best compliment one can possibly pay a thing»,*** но оба слова (***steal*** и ***theft***) относятся к одному семантическому полю, при этом слово «**theft**» имеет определение «the act of stealing» и является самым нейтральным вариантом перевода для слова «кража». В данном случае структуру обоих текстов можно считать идентичной.

Иначе переведен другой отрывок: ***«Я спросил: «Почему вы говорите, что у меня **трудное** лицо? В чем его **трудность**?».*** В данном случае ЛДР соотносятся как частное и общее, так как детерминант-прилагательное приписывает признак конкретному предмету действительности, а детерминат-существительное обозначает сам признак. В английском варианте ***«what makes you say I have a **tricky** face? Where is the **snag**?»,*** смысл трудности дополняется значением tricky – обманывающий, то есть происходит дополнение и расширение портрета главного героя. Использование слова «snag» делает восприятие персонажа более точным.

Аналогичным примером служит следующий отрывок: ***«Никаких, господа, сочувственных вздохов. Стоп, **жалость**. Я не принимаю вашего соболезнования, – а среди вас наверное найдутся такие, что **пожалеют** меня, – непонятого поэта.» – «No **sighs of compassion**, people, none whatever. Stop, **pity**! I do not accept your **sympathy**; for among you there are sure to be a few souls who will **pity** me – me, a poet misunderstood***».

Как показывают примеры, английский и русский тексты имеют идентичные структуры, которые, впрочем, частично расходятся в силу неродственности данных языков. Расхождения же не взаимоисключают друг друга, но дополняют общую смысловую картину. Например, в параллельных предложениях «***моя речь тебе кажется **непонятной, странной**; то, что впереди, покажется тебе еще **непонятнее и страннее***» и «*what I say seems **dark** to you, and **strange**; what comes next will seem still **darker** and **stranger***» отметим, что прилагательное ***непонятный*** нашло свое воплощение в дополнительном значении слова «dark», которое обычно переводится на русский язык как «темный».

Различные ЛДР реализуют разные возможности взаимодействия входящих в их состав единиц и способствуют усилению эмоциональности текста,

акцентируют внимание на определенном содержании. При этом детерминанты основных рядов могут рассматриваться как ключевые слова текста.

Анализ языкового материала показывает, что использование семантических и лексико-деривационных рядов в романах «Отчаяние» и «Despair» позволяет достичь высокой степени адекватности английского текста русскому. При сравнении формально-семантического взаимодействия лексических единиц в обоих романах можно убедиться в соответствии основных семантико-синтаксических отношений.

Список использованной литературы

1. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Об искусстве. – Санкт-Петербург : «Искусство - СПБ», 1998. – С. 14–28.
2. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., перераб. / Л.Л. Нелюбин. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – С. 12.
3. Словарь-справочник лингвистических терминов / сост. Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – Москва : Просвещение, 1985 – С. 28.
4. Трубникова, Ю.В. Текстовый аспект лексической деривации / Ю.В. Трубникова. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2011. – С. 74.

Т.П. Сухотерина
г. Барнаул, Россия

НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ В ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РГНФ, № 12-04-00305 а «Исследование народных мемуаров как жанра естественной письменной русской речи».

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению народных мемуаров в жанровой системе естественной письменной речи. Исследование осуществляется в рамках коммуникативного подхода, который представляется одним из актуальных при рассмотрении жанров естественной письменной речи и народных мемуаров как одной из жанровых разновидностей. Народные мемуары являются жанром естественной письменной речи, отражают основные ее характеристики (письменное воплощение, непрофессиональность, отсутствие редакторского вмешательства в текст, спонтанность и непосредственность изложения на бумаге, что предопределяет место народных мемуаров в системе жанров естественной письменной речи). Сфера коммуникации народных мемуаров характеризуется как обиходно-бытовая. Народные мемуары (как и любая жанровая разновидность естественной письменной русской речи) являются проявлением обыденного сознания рядового носителя языка. Как жанр естественной письменной речи народные мемуары имеют признаки, сближающие их с другими жанрами естественной письменной речи, а также признаки, отличающие данную жанровую разновидность от других жанров. Жанр «народные мемуары» рассматривается с точки таких параметров, как автор, адресат, цель, субстрат.

Ключевые слова: народные мемуары, естественная письменная речь, жанр, коммуникативно-семиотическая модель, субстрат.

T.P. Sukhoterina
Barnaul, Russia

FOLK MEMOIRS IN THE GENRE SYSTEM OF NATURAL WRITTEN LANGUAGE

Abstract: The article is devoted to the consideration of folk memoirs in the genre system of natural written language. The study is carried out within the framework of a communicative approach, which seems to be one of the most relevant when considering genres of natural written language and folk memoirs as one of the genre varieties. Folk memoirs are a genre of natural written language and reflect its main characteristics (written embodiment, lack of professionalism, lack of editorial intervention in the text, spontaneity and immediacy of writing on paper, which determines the place of folk memoirs in the system of genres of natural written speech). The sphere of communication of folk memoirs is characterized as extraoccupational colloquial one. Folk memoirs (like any genre variety of natural written Russian speech) are a manifestation of the ordinary consciousness of an ordinary native speaker. As a genre of natural written language, folk memoirs have features that bring them closer to other genres of natural written language, as well as signs that distinguish this genre from other genres. The genre of "folk memoirs" is considered from the point of view of such parameters as the author, addressee, aim, substrate.

Key words: folk memoirs, natural written language, genre, communicative-semiotic model, author, addressee, substrate.

В последние десятилетия в связи с функциональным подходом к языку, к изучению его социальной роли и назначения, а также с повышенным интересом к народной культуре в широком понимании был выделен и описан особый объект научного исследования – естественная письменная речь (термин предложен проф. Н.Б. Лебедевой), которая облекается в определенные речевые жанры. Согласно утверждению М.М. Бахтина, «мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типичными формами построения целого…Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [1, с. 181]. В своей работе под «определенными и относительно устойчивыми формами построения целого» автор имел в виду структуру высказывания, тему и языковые средства, реализующие ее.

Исследования разнообразных речевых жанров свидетельствуют о том, что шкала признаков, характеризующих речевой жанр, столь же велика, как и их значимость. Речевой жанр детерминирует коммуникативная ситуация, намерения говорящего/пишущего, тема общения, материал, на котором оно осуществляется, социальные, возрастные и др. характеристики коммуникантов – все это формирует определенный тип коммуникации, обеспечивающей социальное взаимодействие.

Репертуар речевых жанров богат, разнообразен, как разнообразны ситуации общения, и на сегодняшний день остается до конца не определенным и, на наш взгляд, процесс этот динамичен (записка, девичий альбом, письмо, поздравительная открытка, дневник, объявление и т.п.).

«Наивные тексты», так называемые «документы жизни» [4, с. 21] (например, такие как письма (частная переписка, семейная и др.), мемуарные записи, воспоминания) вызывали не раз научный интерес исследователей, но чаще всего данные объекты выступали как литературные тексты, служили источником для литературоведческих исследований. В данной статье объектом наблюдения и описания являются народные мемуары как жанровая разновидность естественной письменной речи. Материалом исследования являются народные мемуары Ф.Г. Дмитриева и Б.И. Гладких. Основной задачей исследования является рассмотрение данного явления в жанровой системе естественной письменной речи. В статье осуществляется попытка рассмотреть народные мемуары через призму общих коммуникативно существенных признаков (фациентов). Под мемуарами (фр. memoires – воспоминания) понимаются это «записи людей о событиях прошлого, которые они наблюдали или в которых участвовали; литературное произведение в форме личных воспоминаний о событиях прошлого» [7, с. 251]; это также «записки или рассказы о прошлом»….

это «чьи-то наблюдения, замечания, воспоминания и т.п., постепенно заносимые на бумагу»; «литературное произведение в форме дневника, воспоминаний» [6, с. 216], «автобиографические записи; повествование о событиях и лицах прошлого, прямо или косвенно причастных к жизни автора, основанное на собственных впечатлениях и воспоминаниях» [8, с. 371].

Исследование народных мемуаров Б.И. Гладких и Ф.Г. Дмитриева позволяет выявить общее и специфическое, то, что в истории их жизни было важным, что повлияло на их судьбу, на отношение к жизненным ценностям. Авторы уже в преклонном возрасте обращаются к прошлому, очевидцами, активными участниками которых они были.

Жанровое пространство естественной письменной речи представляет собой систему, целое, состоящее из речевых жанров, объединенных существенными для естественной письменной речи признаками, а также конкретными жанрообразующими. Используя коммуникативно-семиотическую (доминантно-детерминантную) модель, разработанную Н.Б. Лебедевой, рассмотрим народные мемуары в системе жанров естественной речи. Коммуникативный подход представляется одним из актуальных к рассмотрению жанров естественной письменной речи и народных мемуаров как ее жанровой разновидности. Пишущий при осуществлении коммуникативного процесса создает вокруг себя коммуникативно-прагматическое пространство, в которое входят автор (пишущий), адресат, содержание коммуникации, время и место коммуникации, параметры ситуации, обстановка, при которой происходит коммуникация. Напомним, что коммуникативно-семиотическая модель включает 12 фациентов [5]: 1) Автор; 2) Цель - Коммуникативно-целевой фациент; 3) Адресат; 4) Знак - Диктумно-модусное содержание; 5) Фациент «Ход коммуникации»; 6) Субстрат – Материальный носитель знака; 7) Графико-пространственный параметр Знака; 8) Среда коммуникации; 9) Коммуникативное время - время восприятия знака; 10) Орудие и Средство; 11) Носитель субстрата; 12) Фациент «Социальная оценка».

Однако в рамках настоящей статьи остановимся на рассмотрении лишь некоторых признаков.

Автор – продуцент текста, создатель письменно-речевого знака, текста. Данный фациент занимает одно из важнейших мест среди параметров модели естественной письменной речи.

Частное письмо, заявление, записка, мемуары, поздравление, объявление могут быть написаны одним лицом, однако его прагматический статус при создании этих видов текстов не может быть идентичным. Именно характеристики автора, которые отражаются в высказывании как устном, так и письменном в любой сфере речевого взаимодействия, играют немаловажную роль в процессе создания того или иного вида текста. Тип автора выступает организующим моментом речевого жанра, как «изображающее начало» [2, с. 304]. В исследовании автора речевого жанра мы предполагаем существование некоторого типичного автора с присущими ему типичными характеристиками, пишущего тот или иной текст, создающего какой-либо жанр.

Доминантными признаками автора народных мемуаров, в отличие от других жанров, являются возраст, психологические характеристики, социальный статус как показатели культурного, социального, семейного опыта, приобретенного в процессе жизни. Эти параметры представляют интерес в исследовании таких жанров естественной письменной речи, как личный дневник, записка, поздравление, девичий альбом, детское письмо, письмо Деду Морозу, чат и др.

По виду контакта с адресатом (открытый/закрытый), автор народных мемуаров характеризуется как закрытый, и этот параметр сближает исследуемый жанр с девичьим альбомом, личным дневником, письмом, ежедневником, но отличает от граффити, объявлений, в которых автор характеризуется как открытый. С точки зрения признака «отношение к себе» автор народных мемуаров – рассказывающий о себе и о событиях, свидетелем или участником которых он был. В рамках ситуативного параметра (одиночество, спокойствие, импульсивность, деятельность и др.) автор народных мемуаров характеризуется как спокойный, в отличие, к примеру, от автора поздравления, ежедневника, где автор может быть охарактеризован как импульсивный.

Типовая характеристика возраста автора закрепляет авторов определенного возраста за отдельными жанровыми разновидностями естественной письменной речи. Языковое воплощение возраста автора заключается в особом речевом поведении, характерном для определенного жанра. Типовой возраст автора имеют жанры, характеризующиеся релевантными возрастными особенностями автора: детский тип (письмо Деду Морозу, детские поздравления); молодой тип (девичий альбом, чат, армейское письмо, гаффити, студенческая записка); взрослый тип (народные

мемуары, книга жалоб, отзывов и предложений); «безвозрастный» тип (письмо, «поздравление», объявление).

В своей коммуникативной деятельности, в процессе порождения текста, автор прогнозирует адресата, воспринимающего текст. Обращенность к кому-либо является одним из важных признаков речевого жанра. В жанрах естественной письменной речи адресат может быть индивидуальным, моноадресатом, например, в таких жанрах, как личный дневник, записка, армейское письмо, детское письмо; может быть групповым (коллективным, полиадресатом), как в семейном письме, поздравительном плакате, газете, поздравлении, в народных мемуарах; может быть эксплицированным – в письме, поздравительной открытке; потенциально-коллективным, массовым как в граффити или в объявлении.

По типу взаимоотношений с автором можно выделить такие типы адресата, как: а) «свой», близкий, родной человек, друг (данный параметр является типичной чертой для дружеского письма, записки, «поздравления», поздравительной надписи на подарочных вещах, воспоминаний и др.). б) «чужой», посторонний для автора человек, с которым он может вступать в контакт. «Чужой» адресат может быть неопределенным адресатом, то есть текст высказывания предназначен для всех, кто его прочтет, кого заинтересует содержащаяся в нем информация (объявление, граффити, поздравительный плакат, народные мемуары и др.).

С точки зрения пространственного параметра, принято выделять такие типы адресата, как: а) близкий – адресат, который в настоящий момент не присутствует рядом, но в ближайшее время появится возможность с ним пообщаться (например, в жанре записка); б) далекий – адресат, находящийся далеко, не владеющий определенной информацией (например, письмо). В некоторых жанрах пространственная характеристика адресата не является актуальной, то есть адресат в таких жанрах немаркированный (например, народные мемуары, поздравительная открытка и др.).

Некоторые жанры направлены на адресата будущего, которого в момент создания текста не существует (например, народные мемуары: адресат – родственники, общество; письмо-послание следующим поколениям, например, «послание от комсомольцев 80-х комсомольцам 2010 г.»), то есть жанровые разновидности, для которых этот параметр не является актуальным.

Одним из важных при описании жанров естественной письменной речи является функционально-целевой параметр. М.М. Бахтин подчеркивал, что определяющей чертой речевого жанра является коммуникативная цель, «которая определяет типы или жанры человеческого общения, в рамках которых формируются характерные для коммуникации ролевые структуры и виды модальности» [3, с. 148]. Цель РЖ, которую ставят перед собой коммуниканты, формируется во внежанровой действительности, зависит от ситуативного фактора. Ситуация речи детерминирует появление какой-либо цели общения, которая впоследствии приобретает жанровые признаки. В разных жанрах естественной письменной речи реализуются неодинаковые цели. Так, информативная, эмоциональная, экспрессивная цели характерны для таких жанров, как объявление, личный дневник, письмо, дембельский альбом, народные мемуары и др.; мнемоническая цель реализуется в записной книжке; этикетная цель свойственна жанрам «поздравление», пожелание; фатическая, игровая цели наблюдаются в жанрах «поздравление», девичий альбом, граффити и т.д.; без определенно заданной цели создаются такие жанры, как, к примеру, записи на последней странице тетради. Отметим, что народные мемуары представляют собой полифункциональный речевой жанр. В народных мемуарах как жанре речи реализуется, прежде всего, информативная цель, в отличие от аффективной интенции, например, в поздравительных открытках, альбоме. Информация о событиях прошлого, автобиографические данные, история семьи в связи с историей страны, связь прошлого и настоящего – все это входит в намерение автора воспоминаний, поэтому основным типом информации в них является содержательно-фактуальная. Данный тип информации представляет смысловую доминанту народных мемуаров. В народных мемуарах реализуется также и мемориальная (памятниковая) функция. В них содержатся зачастую очень редкие, ценные для потомков воспоминания о событиях, непосредственными участниками которых они были, описание исторических периодов.

Одной из важнейших характеристик ЕПР и ее жанров является субстрат – материальный носитель текста, т.е. то, на чем он написан. Так, для записок традиционно выбирается небольшой листок бумаги, для дневника, девичьего альбома – тетрадь, для поздравительных открыток – красочный бланк и т.д.

Размер субстрата влияет на объем написанного: так, маленький листок требует краткого изложения информации. Народные мемуары написаны в тетрадях, объем информации достаточно большой. Так, для фиксации информации автор народных мемуаров выбирает соответствующую материальную основу – Ф.Г. Дмитриев – четыре пронумерованных общих тетради «в клеточку», объемом около 730 страниц (тетрадь №1 (192с.), №2(188с.), №3 (192с.), №4 (159с.); Б.И. Гладких – 1 общая тетрадь «в клеточку», объемом 65 с.

В исследуемых народных мемуарах особенное время и среда функционирования данного жанра. Это советское время, советская эпоха, имеющая определенные признаки. Среда коммуникации является одним из доминантных признаков речевого жанра «народные мемуары», который детерминирует остальные, например, автора.

Народные мемуары являются жанром повседневной, естественной коммуникации, жанровая разновидность естественной письменной речи, отражающая основные ее параметры – письменное воплощение, отсутствие редакторского вмешательства в текст, спонтанность и непосредственность изложения на бумаге, что уже предопределяет место воспоминаний в системе речевых жанров.

Таким образом, народные мемуары, отражая характерные признаки естественной речи, в процессе формирования как жанра имеют общие признаки, сближающие их с другими речевыми жанрами (например, дневником, альбомом, письмом), а также жанрообразующие, отражающие жанрово-специфические особенности, характерные для народных мемуаров.

Список использованной литературы

1. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Собр. соч.: В 7 т. – Т. 5. – Москва : Русское слово, 1996. – 731 с.
2. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса / М.М. Бахтина. – Москва : Художественная литература, 1990. – 541 с.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 423 с.
4. Козлова, Н.Н., Сандомирская, И.И. «Я так хочу назвать кино». Наивное письмо: опыт лингвосоциологического чтения / Н.Н. Козлова, И.И. Сандомирская. – Москва : Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996. – 256 с.
5. Лебедева, Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н.Б. Лебедева // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. – 2001. – № 1. – С. 4–10.
6. Словарь русского языка: В 4т. – МАС / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1981. – Т. 1. – 696 с.
7. Словарь русского языка: В 4т. – МАС / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1981. – Т. 2. – 736 с.
8. Современный словарь иностранных слов. – Москва : Русский язык, 1993. – 740 с.

Н.Н. Шпильная
г. Барнаул, Россия
С.Ф. Галкина
г. Санкт-Петербург, Россия
Т.Ю. Ласовская, В.А. Золоедова
г. Новосибирск, Россия

ДИНАМИКА ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ АЛЕКСИТИМИКОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ)

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-013-00466 «Сравнительный анализ письменной речи лиц с алекситимией и без алекситимии».

Аннотация: В статье рассматриваются результаты проведенного исследования проявлений алекситимии и депрессии как психолингвистических феноменов в письменной речи полинаркоманов в ходе проведения психологической коррекции. Исследование проводилось

на выборке, состоящей из 20 респондентов: все мужчины, жители города Новосибирска, пациенты наркологического диспансера, стационарного отделения. Возрастной диапазон – от 19 до 58 лет (средний возраст 34,3±11,1 года). По результатам клинического опросника «TAS-26», были сформированы основная группа – 10 человек с алекситимией и группа сравнения – 10 человек с алекситимией. Основная группа проходила психологическую коррекцию. Группа сравнения – нет. С помощью опросника «Шкала депрессии Бека» был установлен уровень депрессии. Психолингвистический анализ письменной речи был проведён с помощью программы анализа текстов Linguistic Inquiry and Word Count 2015 (LIWC2015).

Ключевые слова: алекситимия, депрессия, химические аддикции, психологическая коррекция, психолингвистика.

N.N. Shpilnaya
Barnaul, Russia
S.F. Galkina
St. Petersburg, Russia
T.Yu. Lasovskaya, V.A. Zoloedova
Novosibirsk, Russia

DYNAMICS OF WRITTEN SPEECH OF PEOPLE WITH ALEXITHYMIA (BY RESULTS OF PSYCHOLOGICAL CORRECTION)

Abstract: In the article results of the research of depression and alexithymia are considered as psycholinguistic phenomena in written speech of polydrug addicts during the psychological correction. The research was conducted on a selection of 20 respondents: all male, residents of the city of Novosibirsk, patients of a narcological dispensary, inpatient unit. The age range is from 19 to 58 years (average age 34.3 ± 11.1 years). According to the results of the «TAS-26» clinical questionnaire, the main group was formed - 10 people with alexithymia and a comparison group - 10 people with alexithymia. The main group underwent psychological correction. The comparison group was not corrected. By dint of the «Beck Depression Scale» questionnaire, the level of depression was established. The psycholinguistic analysis of written speech was carried out using the text analysis program Linguistic Inquiry and Word Count 2015 (LIWC2015).

Keywords: alexithymia, depression, chemical addiction, psychological correction, psycholinguistics.

Актуальность исследования алекситимии и депрессии у полинаркоманов объясняется тем, что пациенты, которые имеют высокий алекситимический статус, оказываются наиболее трудными для оказания психотерапевтической помощи. Это является следствием того, что подавляющее большинство психотерапевтических подходов подразумевают под собой сохранность способности использования эмоций в качестве важного инструмента работы. Второй причиной возникновения препятствий в работе с такими пациентами является невозможность установления прочного терапевтического альянса в диаде «терапевт-пациент», что является предпосылкой отрицательного прогноза психотерапии. Феномен алекситимии встречается в среднем у 15% всего населения [2, с. 63]. В то время как у наркозависимых алекситимия имеет выраженный статус практически в 90% случаев [3, с. 108].

Существует эмпирическое подтверждение взаимоотношений между алекситимией, злоупотреблением психоактивных веществ и возникновением вторичной депрессии и невротических расстройств, в которых алекситимии отводится роль фактора риска в генезе наркотической и алкогольной зависимости, психосоматическим заболеваниям и невротической патологии [4, с. 804; 1, с. 93].

Клинический уровень алекситимии может быть предикторным фактором рецидива у наркозависимых [5, с. 482]. Исследования показали, что зависимые с алекситимией сообщали о более коротких

периодах трезвости в сравнении с лицами без алекситимии. В группе с длительными периодами ремиссий (12-108 месяцев) 33 % лиц с алекситимией, среди лиц с кратковременными периодами ремиссий таких лиц 66 % [6, с. 303].

Таким образом, актуальность данного исследования, несомненно, высока, так как среди многообразия прочих данных не представилось возможным найти достоверную информацию об изменениях в письменной речи пациентов наркологического профиля в ходе влияния психокоррекции.

Исходные положения. Объектом исследования в статье является письменная речь алекситимиков, а предметом анализа – ее динамика, обусловленная проведением психологической коррекции с респондентами.

Цель статьи – описать динамику изменений письменной речи алекситимиков в ходе психокоррекции.

В исследовании приняли участие 20 человек с алекситимией, все мужчины, жители г. Новосибирска. Действующий статус: пациенты Новосибирского областного клинического наркологического диспансера, реабилитационного стационарного отделения № 2 (полинаркоманы), средний возраст 34,3±11,1 года. Все респонденты были разделены на основную и группу сравнения (по 10 человек).

Основная группа кроме получаемой фармакотерапии и стандартной программы психологической реабилитации проходила специально разработанные занятия, направленные на снижение уровня алекситимии. Программа включала 20 занятий (по 60 и 120 минут) (минимальное количество посещенных занятий – 5). Программа разработана по учебному пособию Пилипенко А.В, Соловьевой И.А. «Зависимые, созависимые и другие трудные клиенты» и включала несколько блоков: 1. Работу с чувствами; 2. Работу с телесным осознанием; 3. Работу с образом «Я» и самооценкой; 4. Развитие коммуникативных навыков; 5. Восстановление целостности «Я». Применялись психотерапевтические подходы: арт-терапия, гештальт-терапия, телесно-ориентированная терапия.

Диагностический блок состоял из двух частей. Психологическая часть – оценка уровня алекситимии с помощью Торонтской алекситимической шкалы (TAS-26) и оценка депрессии с помощью опросника Бека. Психологические опросники всеми респондентами заполнялись дважды. Динамика оценивалась с помощью критериев для зависимых групп (критерий знаков и критерий Вилкоксона).

В психолингвистическом эксперименте респондентам предлагалось задание написать монолог от имени своей вещи от первого лица «Я телефон Ивана…».

Результаты исследования. Результаты исследования по Торонтской алекситимической шкале и шкале депрессии Бек показали полную идентичность основной группы и группы сравнения. Средние значения алекситимии в основной группе составили 72,3±5,8, в группе сравнения 71,9±7,1 баллов. Средние значения по шкале Бека составили в основной группе 15,7±,6,2, в группе сравнения 12±7,4 баллов.

В основной группе прослеживается положительная динамика психологических показателей в ходе проведения коррекции: снижение показателей алекситимии с 72,3±5,8 до 60,9±9 баллов (критерий знаков $p<0,02$; критерий Вилкоксона $p<0,006$); снижение уровня депрессии Бека с 15,7±6,2 до 7,1±3,7 баллов (критерий знаков $p<0,004$; критерий Вилкоксона $p<0,005$). В том числе достоверное снижение общего балла по шкале когнитивно-аффективных проявлений с 12,6±6,3 до 5,6±2,9 баллов (критерий знаков $p<0,04$; критерий Вилкоксона $p<0,01$) и достоверное снижение общего балла по шкале соматических проявлений с 3,1±2,2 до 1,5±1,8 баллов (критерий знаков $p<0,02$; критерий Вилкоксона $p<0,01$).

Лингвистический анализ «Монолога от имени вещи», написанного до коррекции, показывает, что в текстах часто опосредовано отражается философская проблема конечности бытия, например: ***он меня выбросит; меня быстро скурили; я листик дерева, который оторвался от веток; тогда он выкинет нас в мусорку*** (прим.: здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены).

Субъект рассказа пассивен ***(Жду своего хозяина; Я мешок, набитый пловом; Со скамейки слезть не смог)***, испытывает отрицательные эмоции, например: ***Это для меня так больно***; и испытывает воздействие извне: ***Я футбольный мяч. Мною играют в футбол и бьют ногами; он постоянно кидает меня на диван.*** Даже в случае отказа от продуцирования собственного текста и замене его чужим, авторским (то есть при использовании цитирования) эти составляющие монолога сохраняются: ***Зайку бросила хозяйка / Под дождем остался зайка – / Весь до ниточки промок / Со скамейки слезть не смог.*** Следует отметить, что цитация является неточной, респондент поменял местами две последние строчки, поставив в финальной по-

зиции, как правило, являющейся ключевой для художественного текста, именно строку о невозможности совершения никаких действий персонажем этого детского стихотворения.

Еще один из аспектов содержания текстов – те или иные негативные эмоции, страхи: ***самое важное это не порвать свои провода и не выйти из строя; мне кажется, он меня не любит.*** Эмоции могут быть указаны опосредованно, через отрицательную конструкцию: ***с нами ему не так паршиво.*** Позитивные эмоции описаны у трех респондентов: ***У меня всё хорошо. Жду своего хозяина; ...заботится обо мне!; Я помню и вижу на своих страницах лучшие и самые светлые моменты…***

Анализ материалов, написанных после коррекции, показал ряд отличий, в частности, достоверно чаще в текстах появляется концепт «память» (в текстах до коррекции этот концепт присутствует единично). Возможно, это связано с формированием навыка выстраивания причинно-следственных связей во временном континууме субъективного жизненного пути. В аспекте языковой репрезентации концепт представлен различными способами: 1) лексически (использованием слов с соответствующей семантикой): ***Я такой вот памятный подарок; Хозяин, помни, что я твоя история; Помню, как-то раз;*** 2) прямой экспликацией истории вещи: ***История Олимпийки; Он купил меня в Турции 3 года назад; Меня подарил ему дед;*** 3) опосредованно: ***Хочу, чтобы перечитывал и в оконцовке дописал –*** данный текст подразумевает сохранение тетради как носителя информации.

В результате коррекции в текстах появляется оптативная модальность, то есть модальность желательности. Чаще всего она репрезентирована глаголом хотеть, например: ***Мне бы очень хотелось; Хочу, чтобы; Надеюсь мы всегда будем вместе.*** У двух респондентов использованы также побудительные конструкции: ***пожалуйста освой новые технологии; Хозяин, помни, что…*** Появление в тексте данной модальности указывает на то, что персонаж монолога уже не является пассивным объектом. У предмета, от лица которого написан монолог, появляются собственные желания / надежды.

У некоторых респондентов важным показателем изменения ментальных процессов становится выбор другой вещи в качестве субъекта повествования: наушники, которые могут в любой момент порвать провода и быть выкинутыми vs надежный и прочный красивый браслет; куртка, которой кажется, что её выбросят vs памятный подарок, цепочка, с которой не расстаются; футбольный мяч, который испытывает массу неприятных ощущений vs персональный компьютер, который «указывает» владельцу, что надо делать.

Таким образом, в текстах, написанных после коррекции, реже поднимается философская проблема конечности бытия, уменьшается вербальное описание тех или иных негативных аспектов, появляются референтные и причинно-следственные связи. Герой монолога (вещь) перестает быть пассивным объектом, у него появляются желания. Смена субъекта, от лица которого ведется рассказ, также является маркером психологических изменений.

В текстах, написанных респондентами группы сравнения, вышеназванные особенности отсутствуют. Большинство текстов нейтральны или позитивны. В отличие от монологов алекситимиков, даже если вещь надоедает, это не детерминирует появление эсхатологических мотивов; проблемы описываются как преодолимые: ***мне страшно <...> Но в новом дне я снова с братом и на ноге Костяна; Мы скучаем по друг другу. Но скоро увидимся.***

Из общелингвистических особенностей монологов группы сравнения следует отметить большее количество грамматических, синтаксических и пунктуационных ошибок, внезапную смену лица повествователя с первого на третье. Интерес представляет изменение автономинации на общепринятый или полный вариант, сравним: ***Коля – Николай; Костян – Костя; Жека – Женя***. Возможно, это вызвано возросшим уровнем самооценки, что косвенно подтверждает повторяющийся лейтмотив текстов, созданных в рамках повторного исследования: ***хочется быть одной единственной и неповторимой; я могу быть притягательной и любимой; мне бы хотелось больше быть красивой занавеской; человек, который в будущем сотворит что-то великое.***

Лишь один из респондентов ассоциирует себя с наркотиком (героином) и пишет от его лица рэп. В первом тесте присутствует диалог и попытки борьбы с наркотиком, во втором героин предстаёт постоянной и смертельной составляющей картины мира.

Следует отметить у контрольной группы и группы сравнения сходство выбираемых вещей, от лица которых ведется повествование; их можно разделить на три группы: одежда (носок, перчатка, бейсболка, олимпийка) функциональные предметы и техника (полотенце, ручка, карандаш, подушка, телефон, персональные компьютер), расходные материалы (лист, сигарета), украшения (цепочка, крестик, браслет). Большая правильность текстов

алекситимиков подтверждает, что они стремятся к нормативности на разных уровнях проявления своей языковой личности.

Обработка текстов в программе Пеннибекера показала следующую динамику: в ходе проведения психологической коррекции в основной группе произошло достоверное снижение по параметру «Она/Он» с 6,9±5,7 до 2,4±3,2 (критерий Вилкоксона p<0,04). Также произошло достоверное снижение по параметру «Они» с 3,3±3,5 до 0,5±1,2 (критерий знаков p<0,04; критерий Вилкоксона p<0,02). Таким образом, происходит смещение в повествовании, в котором проявляется тенденция создания речи от имени вещи, а не от имени ее хозяина, то есть налицо проявление рефлексивной деятельности респондентов.

Обработка текстов в программе Пеннибекера показала следующую динамику: после проведения повторного исследования удалось обнаружить, что в группе сравнения произошло достоверное увеличение по параметру «Функция» с 49,5±7,6 до 54,9±5,6 (критерий Вилкоксона p<0,02). Также произошло достоверное увеличение по параметру «Попытка» с 2,17±3,3 до 4,9±4,3 (критерий Вилкоксона p<0,04).

После проведения повторного исследования удалось обнаружить, что в группе сравнения произошло достоверное увеличение по параметру «Функция» с 49,5±7,6 до 54,9±5,6 (критерий Вилкоксона p<0,02). Также произошло достоверное увеличение по параметру «Попытка» с 2,17±3,3 до 4,9±4,3 (критерий Вилкоксона p<0,04).

Список использованной литературы

1. Вотчин, И.С. Характер как совокупность социально обусловленных свойств личности: Учебно-методическое пособие / И.С. Вотчин. – Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 2000. – 174 с.
2. Зайцев, Д.В., Селиванова, Ю.В. Психосоциальные аспекты взаимосвязи алекситимии и аддикций у молодежи / Д.В. Зайцев, Ю.В. Селиванова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – № 11. – С. 62–66.
3. Замогильный, С.И. Алекситимия как фактор риска развития различных форм аддиктивного поведения / С.И. Замогильный // Наркология. – 2016. – № 11. – С. 108–109.
4. Brems, C. Childhood abuse history and substanceuse among men and women receiving detoxification services / C. Brems // American Journal of Drug and Alcohol Abuse. – 2012. – № 3. – P. 799–821.
5. Brems, C., Namyniuk, L. The relationship of childhood abuse history and substance use in an Alaska sample / C. Brems, L. Namyniuk // J. Substance Use & Misuse. – 2013. –Vol. 9. – P. 473–493.
6. Cleland, C. Psychometric properties of the Toronto Alexithymia Scale (TAS-20) for substance users / C. Cleland // J. of Psychosomatic Research. – 2015. – № 3. – P. 299–306.

Н.Н. Шпильная, Т.В. Москаленко
г. Барнаул, Россия

ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБЫДЕННЫЙ МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС КАК ПОВСЕДНЕВНЫЙ ДИСКУРС: ЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА И ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ[1]

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 20-012-00375 «Обыденный медийный дискурс: лингвокультурологический и лексикографический аспекты».

Аннотация: В статье анализируется виртуальный обыденный медийный дискурс, представленный интернет-комментариями к новостной статье. Описаны реализуемые в нем дискурсивные стратегии и его жанровая структура. Выделены дискурсивные стратегии кооперации и конфронтации, жанроиды «Личная история» и «Зарисовка» в структуре жанра «Комментарий».

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00375 «Обыденный медийный дискурс: лингвокультурологический и лексикографический аспекты».

Ключевые слова: обыденный медийный дискурс, виртуальный дискурс, дискурсивные стратегии, речевой жанр, повседневный дискурс.

N.N. Shpilnay, T.V. Moskalenko
Barnaul, Russia

VIRTUAL ORDINARY MEDIA DISCOURSE AS AN EVERYDAY DISCOURSE: GENRE STRUCTURE AND DISCOURSE STRATEGIES

Abstract: The article analyzes the virtual everyday media discourse represented by online comments on a news article. Discursive strategies implemented in it and its genre structure is described. Discursive strategies of cooperation and confrontation, the personal history and sketching genre derivate in the structure of the commentary genre are highlighted.

Keywords: everyday media discourse, virtual discourse, discursive strategies, speech genre, everyday discourse.

Предметом анализа в статье является виртуальный обыденный медийный дискурс, который рассматривается как дискурс повседневности. Исследование дискурсивного пространства повседневности – актуальная задача современной неолингвистики. На сегодняшний день активно изучаются обыденный медицинский дискурс, обыденный педагогический дискурс, обыденный политический дискурс. В парадигме дискурсов повседневности может быть выделен обыденный медийный дискурс, организуемый вокруг медиасобытий.

Рассмотрение обыденного медийного дискурса как дискурса повседневности предполагает его анализ по ряду параметров. И.В. Тубалова для описания повседневного дискурса как самостоятельного образования предлагает использовать следующие параметры дискурсообразования: тип общности участников дискурса, цель дискурса, ценности дискурса, тематическая структура дискурса, условия общения, ролевая структура дискурса, дискурсивные стратегии, жанровая структура, стилистическое оформление, интертекстуальное взаимодействие [1].

В данной статье мы рассмотрим жанровую структуру и дискурсивные стратегии обыденного медийного дискурса. Нами рассматривается виртуальный обыденный медийный дискурс, образуемый интернет-комментариями к новостной статье, актуализирующей определенное медиасобытие. Для анализа мы взяли следующее медиасобытие: *Губернатор Новосибирской области запретил торговлю в новосибирском метрополитене в целях безопасности жителей города от терактов.*

Дискурсивные стратегии виртуального обыденного медийного дискурса. Далее мы исходим из мысли, согласно которой дискурсивные стратегии определяют стратегическое поведение носителя языка в общении. Базовыми установками в этом случае будут являться стратегия к кооперации и стратегия к конфронтации. Данные дискурсивные стратегии актуализируют разные диалогические модальности – модальность согласия и модальность несогласия, которые являются проявлением модусной рефлексии носителя языка относительно воспринимаемого медиасобытия.

Дискурсивная стратегия кооперации проявляется в актуализации диалогической модальности согласия, положительной оценки медиасобытия. Например:

Наше метро-позор, нигде в Европе вы не найдете подобного – чтобы в переходах метро, муниципальном объекте умудрялись организовать торговлю. Куда бы ни шло, если бы там продавались цветы, сувениры, сигареты и оформление торговых точек было приличным. Но трусы, носки, «отжатые мобилы»! Гнать нужно торгашей этих

Как видим, носитель языка поддерживает решение властей, положительно оценивает медиасобытие.

Или:

Может и правильно. Я в переходах ничего не покупаю. Пользуюсь прямым назначением перехода. Очень не нравится суета, толкотня, спертый воздух... как барахолка какая то.

В данном случае носитель языка также рефлексирует над событием, оценивая его положительно.

Дискурсивная стратегия конфронтации проявляется в актуализации диалогической модальности несогласия, отрицательной оценки медиасобытия. Например:

Бред! Пока в метро есть постояные люди – продавцы, охрана, даже нищие – они всегда заметят что то необычнгое вокруг себя и первыми поднимут тревогу. К тому же они охраняют свое место работы. А вот как только начнеться проходящий без остановки поток – вот тут то и раздолье для террора! Кто верит в полицию? Кого она там охраняет? Практически недееспособная структура.

Предлагаю городской референдум за продавцов, с ними и уютней и безопасней!

Приведенный пример демонстрирует явно негативную реакцию носителя языка на обсуждаемое медиасобытие.

Жанровая структура виртуального обыденного медийного дискурса. Жанровую организацию обыденного медийного дискурса можно рассматривать как совокупность жанроидов, объединенных общей интенциональной установкой носителя языка – комментированием. Другими словами, обыденный медийный дискурс представлен в форме жанра комментария, в рамках которого можно выделить субжанры; при этом последние представляют собой жанроиды, то есть не прототипические жанровые формы.

Жанроид «Личная история»: ***Я не один год в торговле и знаю примерно и схемы, и виды подобного «качества» в ТЦ, сам на Гусинке видел и «Адидасовцев», приехавших за товаром для дисконта, и представителей «Парфюмики», таскающих «Шанель» коробками для таких, как вы «любителей ТЦ». Так что просто вариантов бучи вокруг метро 2: передел (а денег там немало вертится) и банальная «галочка» перед выборами, которая вернётся «на круги своя» через месяц после них!***

Или:

Меня самого ограбили в переходе метро еще во времена перестройки. И не помогло то, что милиционер был буквально за углом. А тут надеются на камеры в переходах – так рассуждают наивные люди, которые явно метро не пользуются. Уверен, что в позднее время заходить в пустые переходы будет просто опасно.

Данные примеры жанроидов демонстрируют личные истории носителей языка. Так, в первом высказывании носитель языка строит свое повествование как историю, которая имела место в его жизни (***я знаю, видел*** и т.п.). Во втором высказывании носитель языка также делится личной историей – ограблением в метро.

Жанроид «Зарисовка»: ***Да-да, терроризм исходит от ларьков в метро! Вот стоит себе тетенька в киоске, торгует выпечкой там, сникерсами и водичкой, а под прилавком бомбу прячет! В 100500 кг тротилового эквивалента (или как там правильно). Или из-под прилавка с трусами и носками ручной пулемет выглядывает у нее. Самим-то не смешно, депутаты вы наши?***

Или:

Логично, когда Вам (не приведи конечно) стукнут в таком пустом переходе телескопкой по темечку и вы очнетесь через полчасика, от пинков охранки, принявшей Вас за прикорнувшего бухарика, Вы очень пожалеете, что не окажется ни одного свидетеля, способного подтвердить что вас действительно ограбили. Помните, что метровской охранке проще написать что «гражданин в нетрезвом состоянии...» чем принимать заявление об ограблении на их территории.

В приведенных высказываниям реализуется жанровый канон зарисовки – образного воспроизведения действительности. Так, в первом высказывании рисуется картина: ***Вот стоит себе тетенька в киоске, торгует выпечкой там, сникерсами и водичкой, а под прилавком бомбу прячет!*** А во втором высказывании рисуется другая картина: ***когда Вам (не приведи конечно) стукнут в таком пустом переходе телескопкой по темечку и вы очнетесь через полчасика, от пинков охранки, принявшей Вас за прикорнувшего бухарика.***

Таким образом, в статье мы охарактеризовали дискурсивные стратегии и жанровую структуру виртуального обыденного медийного дискурса. Дискурсивные стратегии виртуального обыденного медийного дискурса связаны с реализацией диалогических модальностей согласия или несогласия, они отражают установку носителя языка к кооперации или конфронтации. Жанровая организация виртуального обыденного медийного дискурса представлена нами как реализация жанровой формы комментария, в составе которой могут быть выделены субжанры, представленные в формате жанроидов, в числе последних «Личная история» и «Зарисовка».

Перспективы исследования видятся в комплексной характеристике обыденного медийного дискурса в его разнофактурных реализациях.

Список использованной литературы

1. Тубалова, И.В. Специфика организации дискурсов повседневности [Электронный ресурс] / И.В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 4(16). –Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-organizatsii-diskursov-povsednevnosti

РАЗДЕЛ 4

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И МЕТОДЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Т.А. Богумил
г. Барнаул, Россия

АЛОЕ БЕЛОВОДЬЕ В.Я. ШИШКОВА

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX–XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

Аннотация: В тезисах реконструируется образ Алтая, созданный в рассказе В.Я. Шишкова «Алые сугробы» с опорой на ближайший претекст – роман А.Е. Новоселова «Беловодье». Анализируется цветовая и водная доминанта образа в амбивалентном единстве семантики жизни и смерти. Проводятся аналогии между сюжетом поиска Беловодья и историческим путем Советской России.

Ключевые слова: Алтай, «алтайский текст», Сибирь, Сибирский текст.

T.A. Bogumil
Barnaul, Russia

«SCARLET SNOWDRIFTS» OF V.YA. SHISHKIN

Abstract: The article reconstructs the image of Altai, created in the story of V.Ya. Shishkin «Scarlet Snowdrifts» with the support for the closest pretext. That is the novel "Belovodye" by A.E. Novoselov. The ambivalent unity of the semantics of life and death are analyzed through the color and water features of the image. There are some analogies between the plot of the search for Belovodye and the historical path of Soviet Russia.

Keywords: Altai, «Altai text», Siberia, Siberian text.

Рассказ В.Я. Шишкова «Алые сугробы» был создан после отъезда писателя из Сибири (1925), и впервые напечатан в журнале «Красная новь» (№ 10, 1926). Повествование базируется на традиционном для Русского Севера и Сибири сюжете поиска «земного рая» – Беловодья. Легенда о Беловодье возникла на рубеже XVIII – XIX вв. в старообрядческой среде [6, с. 11]. Знаковой для Сибири тема Беловодья стала в научных и публицистических трудах областников. Тогда же, в конце XIX века, легенда проникла в художественную литературу. Беспрецедентный всплеск интереса к сюжету поиска Беловодья отмечен в русской литературе начала XX века.

Специфика организации сюжета, бинарность системы персонажей и образов искомой утопической земли позволяет считать ближайшим претекстом рассказа В.Я. Шишкова повесть А.Е. Новоселова «Беловодье» [2]. Оба произведения, так сказать, двуцентровы: два главных героя (праведник и богатырь),

два образа Беловодья (земледельческий «крестьянский рай» и сокровенная праведная земля «без греха», где «звоны слышны колокольные»[1] (с. 358–359)). Сходен финал – Беловодье мнится найденным в предсмертном бреду (Панфил) и горячечном сновидении (Афоня); замещается реальным, близким к идеалу, но не идеальным пространством.

Образ Алтая у обоих авторов «свернут» в заглавиях произведений. У А.Е. Новоселова Алтай и есть Беловодье. Известно, что во 2-й пол. XVIII в. Беловодьем называли Бухтарминскую и Уймонскую долины [6, с. 307–308]. Справедливо наблюдение К. В. Анисимова, что в сознании инициатора поиска Панфила спрятана «мысль о тщетности попыток найти земной рай, о том, что подлинная идиллия уже достигнута, – и она вокруг них, живущих посреди Алтайских гор» [1, с. 242]. В рассказе В. Я. Шишкова сохраняется тот же принцип метонимического отождествления части и целого. Единоначатие слов «алый» и «Алтай» позволяет считать словосочетание «алые сугробы» эквивалентом топонима.

В заглавиях основной акцент сделан на цветовой доминанте и водной стихии пространства. Происхождение слова «Беловодье» объясняли белой окраской притоков верхней Катуни, стекающих с «белков» (горных ледников), а также белой пеной горных рек Алтая [6, с. 307]. Кроме того, начиная с XVI века, прилагательное «белый» означало «чистый, свободный от чего-либо, вольный», без податей и повинностей, ничейный [6, с. 311–312]. Наконец, философское прочтение белизны П.А. Флоренским позволяет понять символику Беловодья во всей его метафизической глубине как воплощение идеальной божественной полноты и целостности [5, с. 313]. В «сакральной географии» белизна сопрягается с божественными категориями света-сияния и святости [4, с. 66–67]. У В. Я. Шишкова «вода» претерпевает метаморфозы, превращаясь в снежные «сугробы» горных вершин. Сказочный образ изобилия – «молочные реки», движение, ток жизни оборачиваются холодной неподвижностью смерти. Не случайно на уровне этимологии и фонетического созвучия в слове «сугроб» отчетливо слышится «гроб» (с оттенком совместности – «су–»). В финале В.Я. Шишков высказал эту ассоциацию недвусмысленным образом: «…белый погост в горах» (с. 374).

Намеченное заглавием контрастное единство блага и зла, жизни и смерти разворачивается в дальнейшей характеристике Алтая. Элементы ландшафта открываются странникам не просто как природные объекты, но как проявление сверхъестественного: «Падучая вода яростно била в камни, вся дробилась в облачную пыль, пыль взлетала туманными крыльями: вот один, вот другой крылатый призрак отделяются, тихо плывут под легким ветром, протягивают к путникам седые ласковые руки, плавно повертывают в сторону и манят за собой куда-то вдаль, в волшебную долину между гор» (с. 348). Переживания Афони сродни ритуальному экстазу: «…он весь во власти этого дьявольского грохота, этих невиданных чудес, ему хотелось и хохотать и плакать, точно он распался надвое и обезумел. <…> его душу охватывал непереносимый трепет, тяжкая радость мешала ему дышать» (с. 348). Созданные водой «белоснежные видения» вновь обладают амбивалентной семантикой. Переживание ландшафта у героя носит нуминозный характер, ибо открывает в водопаде суть искомого Беловодья – таинственной, манящей, смертельно опасной и сладостной мечты – «дьявольское Беловодье» (с. 349). Это мечта принципиально недостижима, но оттого не менее притягательна. «Смещение» искомой цели обозначено в описании маршрута Недокрытовых: на пароходе Волгой, по чугунке через Урал в Сибирь, по «речище» Обь к «горищам» – Алтаю. В с. Алтайском их отправляют по тракту в с. Онгудай, оттуда в Урянхайский край. Но и там Афоня почти находит «райскую землю» лишь в больном бреду, а в реальности – пусть и хорошую землю, но не Беловодье.

В заглавии рассказа Шишкова белизна сочетается с алым, ярко красным цветом. Общекультурная символика алого – кровь, средоточие жизненной силы; пламя огня; закатный или рассветный солнечный свет. Единство этих понятий для писателя отражено в психологическом параллелизме, описывающем состояния персонажа и мира: «в жилах гуляет взбудораженная кровь, в небе горит солнце» (с. 365), синтаксическом параллелизме: «Вся кровь ударила разом в голову, огонь метнул в глазах» (с. 373), а также в олицетворении: «кровь огнем кричит» (с. 371).

Главным ориентиром в процессе поиска «диковинной страны» является солнце: «все на восход, к солнцу, путь свой править» (с. 342), «они все вверх, гнались за солнцем, не спускали с солнца глаз», «Долго гнались за солнцем, долго не давали ему пасть на дно» (с. 345), «Солнышко красное, укажи

[1] Здесь и далее цитируется по этому изданию: [7]. В круглых скобках после цитаты указывается номер страницы.

путину верную» (с. 360). Символика красного в христианской культуре обозначена П.А. Флоренским как «образ Божий для твари», «явление Бога на земле» [5, с. 315]. Не случайно, описывая, как снег на вершине далекого хребта, перевалить который собирались путники, розовел «в нежных потоках утренней зари» (с. 356), «все гуще алели снежные вершины» (с. 357), автор фиксирует поведение Афони: «сложил молитвенно руки», шептал: «Господи, господи, снег-то какой… красный…Так бы и погулял там» (с. 357). Ответная реплика Степана вскрывает негативную семантику алых сугробов: «Может, там смерть наша сидит» (с. 357).

Знаки смерти присутствовали еще при первом описании горной панорамы, представленной в поэтическом сознании Афони в виде хребтов чудовищ: «на ободранных боках кровавые подтеки», «словно вся шкура была содрана с чудовищных хребтов до самого до мяса» (с. 346). В дальнейшем повествовании тема крови реализуется в различных регистрах: гибель лошади, сорвавшейся в пропасть и напоровшейся на острый ствол сломанного деревца (с. 353) приводит Степана к разбойничьим замыслам: «Кровь пролью, а лошадь будут наша» (с. 355); голодный Степан нечаянно «ударил себя топором по руке и долго сосал липкую кровь из пальца» (с. 361), а после едва удержался от самоубийства, жалея Афоню: «рука <…> выронила жадный до крови нож» (с. 365); убийство лошади Степаном: «Перерезанное горло ее хрипело, хлестала кровь в подставленные ковшом пляшущие пригоршни Степана. Жадно глотал кровь, захлебываясь и урча» (с. 372) – не ради себя, но ради товарища надо набраться сил, – и жертвенный прыжок над пропастью, спасение друга ценой собственной жизни (с. 373). Как видим, тема крови раскрывается только в связи со Степаном, функционально тождественным лошади, и в определенной динамике: от убийства через самоубийство к самопожертвованию. Так постепенно реализуется заложенная в этимологии имени Степана символика тернового венца. Пространство Алтая оказывается местом, где физические испытания преображают душу героя и создают условия для экзистенциального выбора. В рассказе «дорога к исполнению мечты оказывается и путем постижения своей души» [3, с. 128].

Параллельно «человеческой» теме крови продолжает раскрываться «божественная» солярная образность. Верно было первое впечатление путников: «Горный дух Алтая – человеку враг» (с. 349). Пространство кружит, путает, обманывает человека. Казалось бы, герои выбрались из «тюрьмы» горных котловин (с. 347), из «колючей пасти» тайги (с. 358), добрались до вершины хребта – «белый, ослепительно сияющий погост» (с. 369). Вечером «все заалело кругом» (с. 370), но, в отличие от крови, солнечный свет не несет тепла и равнодушен к человеку: «Алые снега и небо вслушивались в человеческую речь, но были спокойны, холодны» (с. 371). Спасение приходит не от прекрасной природы, не от могучих потусторонних сил, а от маленького человека, готового погибнуть из любви и жалости к ближнему.

Заглавие «Алые сугробы» вызывает ассоциации с исторически и тематически близкой рассказу повестью А. С. Грина «Алые паруса» (1922), также посвященной достижению некой мечты благодаря любви и воле человека. Казалось бы, финал произведения Шишкова гораздо трагичнее, гибнет человек, но в смерти своей он «взвился над провалищем» (с. 373), через самопожертвование реализовал свое самое высокое предназначение. Оба главных героя – Недокрытовы из села Некрытова, т.е. принадлежат к одному роду. Для патриархального сознания гибель одного из членов общины, спасительная для ее будущего, есть не трагедия, но благо. Исторический контекст (1920-е гг.), социальная стратегия государства (строительство утопического государства), политические коннотации цвета (алый стяг, красная армия, белогвардейцы) – все эти обстоятельства делают возможным прочтение словосочетания «алые сугробы» не только как образ Алтая, но и как символ России. Путь к идеальному миру Беловодья, исполненный голодом, страданием, болью, смертью, подвигом метафорически соотносится с трудным путем, которым шла молодая Советская Россия.

Список использованной литературы

1. Анисимов, К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции / К.В. Анисимов. – Томск : Изд-во ТГУ, 2005. – 304 с.
2. Новоселов, А.Е. Беловодье / А.Е. Новоселов // Образ Алтая в русской литературе. – Барнаул : ИД Барнаул, 2012. – С. 84–158.

3. Орлова, Е.А. «Африка» Е.И. Замятина и «Алые сугробы» В.Я. Шишкова: поиск мечты как форма познания души / Е.А. Орлова // Наследие В.Я. Шишкова: феноменология творчества (к 135-летию со дня рождения В.Я. Шишкова). – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2010. – С. 127–131.
4. Теребихин, Н.М. Метафизика Севера / Н.М. Теребихин. – Архангельск : Изд-во ПГУ, 2004. – 272 с.
5. Флоренский, П.А. Небесные знамения (Размышления о символике цветов) / П.А. Флоренский // Флоренский, П.А. Иконостас: избранные труды по искусству. – Санкт-Петербург : Русская книга, 1993. – С. 307–316.
6. Чистов, К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) / К.В. Чистов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – 539 с.
7. Шишков, В.Я. Чуйские были / В.Я. Шишков. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1986. – 496 с.

Л.А. Вайкум
г. Барнаул, Россия

ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОНТЕКСТ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПРОЗЕ Т.Н. ТОЛСТОЙ

Аннотация: В статье рассматривается фольклорный дискурс в прозе Т.Н. Толстой. Анализу подвергаются роман «Кысь» и сборник рассказов «Не кысь». В произведениях Толстой мир реальный часто не отделяется от мира фантастического, они приобретают черты единого целого. Автор статьи делает вывод, что элементы устного народного творчества служат средством создания определенной атмосферы, демонстрируют особенности мировоззрения героев Толстой, в аллегоричной форме выражают мысль автора.

Ключевые слова: фольклор, Т.Н. Толстая, роман «Кысь», сборник рассказов «Не кысь», интертекст.

L.A. Vaikum
Barnaul, Russia

FOLKLORE CONTEXT OF NARRATIVE IN PROSE OF T.N. TOLSTAYA

Abstract: The article deals with folklore discourse in the prose of T.N. Tolstaya. The novel «Kys» and the collection of short stories «Ne Kys» are analyzed. In Tolstaya's works, the real world is often not separated from the fantastic world they acquire the features of a single whole. The author of the article concludes that the elements of folklore serve as a mean of creating a certain atmosphere, demonstrate the peculiarities of the worldview of Tolstaya's characters, and express the author's idea in an allegorical form.

Keywords: folklore, T.N. Tolstaya, novel «Kys», collection of short stories «Ne Kys», intertext.

Фольклор и литература существуют в неразрывной связи еще с самого начала своего существования. Многие образы, темы и сюжеты находят отражение в произведениях писателей конца XX – начала XXI веков. Фольклорные мотивы в литературных произведениях не только придают им особую сказочность, но и помогают осознать сущность внутреннего мира человека и закономерности развития общества.

«Писатель, не обладающий знанием фольклора, – плохой писатель. В народном творчестве скрыты беспредельные богатства, и добросовестный писатель должен ими овладеть» [1, с. 170]. Т. Толстая, как хороший писатель, в совершенстве владеет этими знаниями. И, как хороший писатель-постмодернист, трансформирует фольклорные мотивы, «переворачивает» их и включает в повествование таким образом, что перед читателем в «обнаженном» виде предстают не только разум и сознание героя, но и его душа.

Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий отмечают, что «…сказочность у Толстой гораздо шире соб-

ственно фольклорной традиции. Она парадоксально подчеркивает вымышленность, праздничную фантастичность в качестве первоначально открывающихся ребенку, а следовательно, самых подлинных черт реальности» [2, с. 468].

Особую роль в творчестве Толстой играет детский фольклор. Тема сказочного детского мира берет свое начало еще в самых ранних рассказах писательницы («На золотом крыльце сидели…», «Любишь – не любишь», «Вышел месяц из тумана» и т.д.). Традиция передавать внутренний мир героя и отображать через фольклорные элементы сущность изображаемого мира продолжается Толстой и в ее единственном пока романе «Кысь». Фольклорный интертекст причудливо переплетается с миром произведений Толстой. Сказки уже не просто элементы устного народного повествования, это реалии, окружающие героев. Мы находим как малые фольклорные формы, так и более крупные и значительные: поговорки, заговоры, байки, сказки, ритуалы и игры. В некоторых случаях фольклорные мотивы носят сугубо сакральный, серьезный характер, а в некоторых являются средством насмешки над героем, действительностью, ситуацией. Элементы устного народного творчества служат средством создания определенной атмосферы, демонстрируют особенности мировоззрения героев Толстой, в аллегоричной форме выражают мысль автора.

Толстовские тексты переполнены различного рода фольклорным цитированием: прямое цитирование, переделка начального текста, структурное цитирование, мотивное, образное, осовременивание фольклорного текста, пародирование и т.д. Так, в романе «Кысь» пересказываются известные русские народные сказки, чьи сюжеты переосмысляются главным героем и применяются к реальной жизни голубчиков. Ввиду профессиональной занятости Бенедикт постоянно имеет дело с текстами литературных и фольклорных произведений, но в силу своей неграмотности подвергает их переосмыслению. Особо затрагивает ум героя сказка про «Колобка». Бенедикт настолько сопереживает сказочному персонажу, что, дочитав сказку до конца, сильно расстраивается по поводу его смерти. Впоследствии, когда Бенедикт узнает правду о том, что его хвостик – это не обычная часть тела, а атавизм, то сравнивает свою печаль с ужасной участью Колобка: ***«Жил, жил, солнышку радовался, на звезды печалился, цветки нюхал, мечты мечтал приятные, – и вдруг такой удар. Это, прямо сказать, драма! Позор и драма, – такого ужаса еще, небось, ни с кем и не приключалось, даже с колобком!!!»*** [4, с. 179]. Такое комичное переосмысление фольклорного сюжета главным героем позволяет читателю оценить его необразованность и примитивизм мышления. Тексты сказок переосмысляются Бенедиктом применительно к реалиям постапокалиптического времени, где мышь – основной продукт питания, а золотое яичко воспринимается как последствия мутации: ***«Позвали мышку, – и вытянули репку. Как сие понимать? А так и понимать, что без мыши – никуда. Мышь – наша опора!» [4, с. 247]; «Жили были дед да баба, – строчил Бенедикт, – и была у них курочка Ряба. Снесла раз курочка яичко, не простое, а золотое... « Да, Последствия!»*** [4, с. 45].

Ярким примером прямого цитирования фольклорного текста являются заглавия рассказов «На золотом крыльце сидели…», «Любишь – не любишь», «Вышел месяц из тумана». Несмотря на то, что приведенные фольклоризмы – это отсылки к детским считалочкам, они несут в себе глубокий смысл. Поставленные в заглавие текста считалочки иллюстрируют отношение автора к героям, а также подчеркивают игровой характер всей жизни. Е.В. Любезная отмечает: «Детская игра требует от участников развитого воображения, соблюдения правил коммуникации. Толстая переносит игру и её принципы в мир взрослых, для которых она является не только выражением «ностальгии по ушедшему детству», но и заменяет яркие душевные переживания в обыденной жизни» [3, с. 116]. Часто сами герои Толстой приобретают сказочные очертания и свойства. Так, Филин – герой рассказа «Факир» царствует и правит в своем дворце: ***«Посреди столицы угнездился дворец Филина, розовая гора, украшенная семо и овамо …»*** [5, с. 44]. Подобное сказочное изображение героев Толстой можно встретить в рассказах «На золотом крыльце сидели…»: «… ***на огромной кровати о четырех стеклянных ногах колышется необъятная золотоволосая Царица»*** [5, с. 236]; ***«Играй играй, дядя Паша! Халиф на час, заколдованный принц, звездный юноша»*** [5, с. 240]; ***«Река Оккервиль»: «смотрел, как и все, на Веру Васильевну, <…> волшебную диву умыкнули горынычи, да она сама с удовольствием дала себя умыкнуть, наплевала на обещанного судьбой прекрасного, грустного, лысоватого принца, <…>, не пожелала спать, уколотая волшебным веретеном, заколдованная на сто лет, окружила себя смертными, съедобными людьми…»*** [5, с. 253]; «Свидание с птицей»: ***«Да, опять. Тамила – не сомнительная, она заколдованная красавица с волшебным именем, она жила на стеклянной голубой горе***

с неприступными стенами, на такой высоте, откуда виден весь мир, до четырех столбов с надписями «Юг», «Восток», «Север», «Запад». Но ее украл красный дракон, полетал с ней по белу свету и завез сюда, в дачный поселок» [5, с. 308]; в романе «Кысь» Бенедикту его жена видится в сказочном обличии: *«Красота несказанная, страшная; да нешто ж это Оленька? – сама царица шемаханская! – Оленька!.. – обомлел Бенедикт. – Ты ли это? Как ты похорошела-то! Когда же это?.. Розан лесной!.. Сирена!»* [4, с. 276]. Характерно, что сказочность образов снижается и распадается при приближении. Филин на деле оказывается простым обманщиком, все это понимают и покидают его, сказка разрушается. Загадочная Вера Васильевна, пленившая своим прекрасным голосом Семеонова, предстает пред ним не как сказочная нимфа, а как грузная старуха с банальными плотскими желаниями и стремлениями. Вероника Векентьевна в рассказе «На золотом крыльце сидели …» предстает перед нами как Царица, но по сути она «страшная женщина» (*«Царица! Это самая жадная женщина на свете!»* [5, с. 236]). Возлюбленная Бенедикта Оленька из романа «Кысь» приобретает все большую обыденность после женитьбы. И даже самая сказочная Тамила, окружившая себя аурой загадочности не оправдывает надежд маленького мальчика Пети, так верившего в чудо и их светлое будущее.

Сказочным предстает и образ Сони из одноименного рассказа. В начале рассказа Соня сравнима с фольклорным Иваном-дураком: *«Ясно одно – Соня была дура. Это ее качество никто никогда не оспаривал, да теперь уж и некому»* [5, с. 334]. Соня всем своим видом и поведением подтверждает это. Она не только наивна как Иванушка-дурачок, но и невероятно добра и готова придти на помощь. Образ Сони к финалу рассказа претерпевает изменения, ее уже не считают наивной дурочкой, она мудра и счастлива, как и хотелось.

Придаёт особый колорит повествованию и присутствие баек. Так, маленькие героини рассказа «Любишь – не любишь» выдумывают и боятся нечести, живущей в темноте: *«Комнату сторожат и другие породы вечерних существ ломкий и полупрозрачный Сухой, слабый, но страшный, стоит всю ночь напролет в стенном шкафу, а утром уйдет в щели. За отставшими обоями – Индрик и Хиздрик – один зеленоватый, другой серый, оба быстро бегающие, многоногие»* [5, с. 296]. В рассказе «Свидание с птицей» Тамила рассказывает Пете о сказочных птицах: *«Ах, птица-то. Это птица Сирин, птица смерти. Ты ее бойся задушит. Слышал вечером, как в лесу кто-то жалуется, кукует Это она и есть. Это птица ночная. А есть птица Финист. Она часто ко мне летала, а потом я с ней поссорилась. А то есть еще птица Алконост. Та утром встает, на заре, вся розовая, прозрачная, насквозь светится, с искорками. Она гнездо вьет на водяных лилиях. Несет одно яйцо, очень редкое. Ты знаешь, зачем люди лилии рвут Они яйцо ищут. Кто найдет, на всю жизнь затоскует. А все равно ищут, все равно хочется. Да у меня оно есть – подарить»* [5, с. 311]. Детская вера и первобытные страхи перед неизведанным играют нехорошую роль. Дети искренне верят в нечисть, боятся и сторонятся ее. Страхи неизвестности, темноты и конца жизни перерастают в психологическое неприятие смерти и ее отторжение как таковой.

В романе «Кысь», повстречав «чеченца», голубчики узнают о лешем: *«И ведь небольшой такой. Может, мне по пояс али по титьки будет. Весь будто из старого сена свалян, глазки красным горят, а на ногах – ладоши. И он этими ладошами по земле притупывает да приговаривает: тяпа-тяпа, тяпа-тяпа, тяпа-тяпа… Ой, и бежал же я!»* [4, с. 15]. Рассказывает старик и другие байки о нечисти: *«Рассказал еще чеченец про страсти лесные <…> все приметы доложил; про то, как русалка на заре поет, кулдычет водяные свои песни <…> Рассказал про лыко заговоренное, и как его опасаться надо; про Рыло, что народ за ноги хватает; и про то, как ржавь самую лучшую ищут»* [4, с. 18].

В качестве более крупной фольклорной формы в романе описывается особый обряд захоронения, свойственный культуре голубчиков. Приводится он не напрямую, а через сравнение с обрядом захоронения Прежних: *«А бывает, кто из них помрет, – ну, тогда они его хоронят, Прежние-то. И тоже не по-нашему. Камушки на глаза не кладут. Внутренностев не вынимают, ржавью не набивают. Руки с ногами веревкой не связывают, коленок не подгибают. С покойником в гроб ни свечки, ни мышки, ни посудины какой, ни горшков, ни ложек не кладут, лук-стрелы не кладут, фигурок малых из глины не лепят, ничего такого. Разве из щепочек крестик свяжут, в руки своему покойнику сунут, а то идола на бересте нарисуют и тоже в руки-то ему засовывают, как портрет какой. А которые и того не делают»* [4, с. 166]. Несоблюдение привычных для язычников элементов обряда представляется Бенедикту диким. Однако после смерти своей коллеги Варвары Лукинишны Бенедикт, по на-

стоянию Терентия (Перерожденец, тоже отчасти хранитель былой культуры), все же сложил руки усопшей на груди и «вторнул ей идола» [4, с. 329]. Введение в повествование ритуала захоронения придает ему особый колорит и позволяет оценить уровень духовного развития героев. Если романе «Кысь» повествующим об упадке былой культуры мы встречаем обряд захоронения сродни языческому, то в рассказе «На золотом крыльце сидели…», где даже дети рассуждают на высокодуховные темы видим обряд, более приближенный к христианскому: ***«Мы сделали ему чепчик из кружавчиков, сшили белую рубашечку и похоронили в шоколадной коробке»*** [5, с. 235].

Таким образом, можно заключить, что фольклорный дискурс прозаических произведений Т. Толстой является одной из форм презентации авторской позиции. Фольклорный интертекст Т. Толстой становятся приметой особого авторского стиля. Использование элементов устного народного творчества в «перевернутом» и переосмысленном варианте характеризует произведения Т. Толстой как постмодернистский текст, где главной темой становится человечность, культурное наследие и проблемы общества.

Список использованной литературы

1. Горький, М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. / М. Горький. – Москва : Наука, 1998. – Т. 4. Письма: Ноябрь 1903–1904. – 480 с.
2. Лейдерман, Н.Л Современная русская литература 1950–1990-е годы / Н.Л. Лейдерман // Пособие для студ. высш. учеб. Заведений : В 2 т. – Т. 2. – 1968–1990. – Москва : Издательский центр «Академия», 2003. – 688 с.
3. Любезная, Е.В. Фольклорные приемы абсурдизации в творчестве Татьяны Толстой / Е.В. Любезная // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – № 13. – С. 116–120.
4. Толстая, Т.Н. Кысь / Т.Н. Толстая. – Москва : Эксмо, 2012. – 416 с.
5. Толстая, Т.Н. Не кысь / Т.Н. Толстая. – Москва : Эксмо, 2004. – 608 с.

Е.Т. Глазинская
г. Барнаул, Россия

ФОТОГРАФИЯ КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ В РОМАНЕ «ЗЕЛЕНЫЙ ШАТЕР» Л.Е. УЛИЦКОЙ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-312-900-49 «Поэтика прозы Л.Е. Улицкой: потусторонность и пространственные модели».

Аннотация: В статье рассматривается фотография как пространственная модель в романе Л.Е. Улицкой «Зеленый шатер», где она подчеркивает ретроспективность романа. Пространством фотографии становится действительность романа, с помощью нее разрывается линейность повествования, она переносит персонажей в будущее или прошлое. Авторы статьи приходят к выводу, что в романе фотография раскрывает тайны персонажей, выступает как доказательство их вины.

Ключевые слова: фотография, пространство, пространственная модель, историческое пространство.

E.T. Glazinskaya
Barnaul, Russia

PHOTO AS A SPATIAL MODEL IN THE NOVEL “THE GREEN TENT” OF L.E. ULITSKAYA

Abstract: The article considers photography as a spatial model in L.E. Ulitskay ‘s novel «The Green Tent», where she stresses the retrospect of the novel. The space of photography becomes the reality of this novel. It helps to break off narrative’s linearity. The photography transfers characters

into the future or into the past. The authors of the article conclude that the photography reveals the secrets of the characters and acts as proof of their guilt in this novel.

Keywords: photography, space, spatial model, historical space.

Л.Е. Улицкая с первых страниц романа «Зеленый шатер» (2011 г.) вводит историческое время и пространство – не только названием и обрамлением романа смертью двух Иосифов, но и названием советских улиц Москвы, школ, памятников. Пространство романа чаще городское, квартирное, коммунальное – то есть пространство негармоничное, потенциально конфликтное. Сельское, деревенское и природное пространства выступают как идиллические, как пространство свободы, которое утрачено человеком.

Настоящее в романе соотносится с прошлым – «во дворе дома № 22 по улице Покровка (в те времена Чернышевского)» [7, с. 18]. Автор обращается к историческому прошлому через настоящее, фиктивный нарратор находится в «сегодня», обращается к «тому» времени, сравнивает его, анализирует, проводит соответствия. Своеобразные «мостики» между прошлым и настоящим, литературой и реальностью пробрасываются автором на протяжении всего романа: «по сию пору живет Костя с Леночкой и со своими уже взрослыми детьми все в той же генеральской квартире» [7, с. 189]. Людмила Улицкая еще в романе «Медея и ее дети» (1996 г.) вплетает роман в ткань реальности – в эпилоге «Медея и ее дети», написанном от имени родственницы Медеи, так же подводятся итоги; в доме Медеи ныне живет татарская семья и «мы постеснялись зайти туда» [9, с. 344], Георгий отстроил дом и т.д. Нарратор словно является очевидцем этих историй, которые якобы действительно когда-то происходили.

В романе используются пролепсисы. После эпизода, когда Саня повредил руку, о сочувствующем «трианону» Игоре Четверикове сказано, что «дальнейшее развитие событий, растянувшееся, правда, на четверть века, подтвердило, что все на свете закономерно» [7, с. 33], а Игорь – будущий диссидент. В тексте Борю Рахманинова толпой зажимают к подоконнику, а после он умирает раздавленным толпой во время похорон Сталина.

Интерес к советскому времени в тексте романа объясняется тем, что для выяснения вопроса, «оправдывается ли подлость нестерпимо большой любовью» советский период – «на редкость подходящая для этого эпоха» [7, с. 29]. Виктор Юльевич чувствует разрыв между действительностью, в которой живет, и эстетикой литературы: «Жизнь за пределами книжного пространства была какая-то оскорбительная, зато в книгах билась живая мысль, и чувство и знание. Разрыв был непереносим, и все более он погружался в литературу» [7, с. 66]. Выходит оксюморон – настоящая жизнь мертвая, фиктивная – настоящая. Поэтому Виктор Юльевич пытается перенести пространство книжное в реальность – обучает детей настоящим, по его мнению, мыслям и чувствам, которые черпаются из книг. Только это примиряет его с реальностью, когда он прекращает преподавать, он начинает спиваться. Виктор Юльевич обесценивает время: «из всякого времени надо вырываться, выскакивать, не давать ему поглотить себя» [7, с. 97]. У учеников Виктора Юльевича разные способы вырваться из времени – для Сани «есть еще и совсем иное измерение», то есть музыка [7, с. 97]. Для Михея способ «преодоления времени» – поэзия, для Ильи – фотография. Остановимся подробнее на фотографии, которая находится на стыке между искусством и отражением реальности: «Фотографические изображения – не столько высказывания о мире, сколько его части, миниатюры реальности, которые может изготовить или приобрести любой» [4, с. 13].

Фотография, по мнению О.А. Судленковой, «предоставляет авторам возможность новых форм организации художественного текста, нетрадиционных приемов построения сюжета и создания образов» [5, с. 98]. В «Зеленом шатре» Улицкая использует фотографию как пространственную модель, которая подчеркивает ретроспективность романа. Пространством фотографии становится действительность романа, с помощью нее разрывается линейность повествования, она переносит персонажей в будущее или прошлое.

Первые фотографии на страницах романа переносят нас из дома Стекловых в дом родителей Михея Меламида. Фото с обстановкой и людьми «сильно разочаровавшими» Михея, с «фрагментами быта, ничем не напоминавшими отрезок малой залы бывшей усадьбы Апраксиных-Трубецких, в котором обитало семейство Сани» [7, с. 26]. Идеальный образ родителей разрушается фотографией, выступающей как свидетель их жизни. Имплицитно эта фотография выводит нас на противостояние

Михи и Сани, их будущий любовный треугольник с Аленой.

Во вторую фотографию переходит реальное пространство романа. На день рождения Сани после шарады, которая помогла «превознести» Миху и преодолеть социальное неравенство, «мальчики обнялись, и Василий Иннокентиевич сфотографировал их втроем. Это была их первая совместная фотография» [7, с. 30]. Тут фотография является не ретроспекцией, она расширяет время в будущее, предсказывает появление множества совместных фотографий.

Отец дарит Илье фотоаппарат и говорит, что нужно «сделать снимок, остановить мгновение жизни», поэтому Илья начинает коллекционировать «мгновения жизни» [7, с. 37] – собирать фотографии, которые после будут использованы против него и его друзей. Теперь Илья становится не только объектом, но и субъектом съемки. Помимо этого, отсюда и установка Ильи на восприятие фотографии не как искусства, а как средства фиксации реальности.

Фотографии Ильи используются как доказательство вины ЛЮРСов. В архиве Ильи только две фотографии были сделаны не им – первая совместная фотография с Михой и Саней и классная фотография за пятьдесят второй год. Совместная классная фотография появлялась и в рассказе «Бронька», где подчеркивала, насколько чуждо для Броньки время, в котором она живет, как она отличается от сверстников. На классной фотографии в «Зеленом шатре» нет Сани Стеклова, который заболел, – он и дальше в романе будет отсутствовать во время значительных событий его друзей, все время будет ощущать себя не на своем месте – в отношении с девушками, в отношении с властью, в отношении с матерью. Классная фотография – это фотография художественная, то есть постановочная. Интересна её композиция – мальчики стоят в четыре ряда «в окружении толстых колосьев, складчатых знамен и пупырчатых гербов – декоративной рамки, которая была базисом, а вся бритоголовая мелочь, с лупоглазой училкой в середине, – надстройкой над стульями из актового зала» [7, с. 46]. Умерший в том же году под трамвайными рельсами Мурыгин «смотрит в сторону, маленький наголо стриженный мальчик, незначительный и неопасный». Мурыгин и Мутюкин в верхнем левом углу, Миха внизу в углу, центр – учительница, имени которой никто не помнит. Мутюкин остался на второй год, а «Мурыгина больше не было нигде» [7, с. 46].

Фотография и дальше сыграет роковую роль в жизни Ильи – именно она станет причиной ссоры Ильи с Ольгой: на фотографии, ставшей для Ольги «главным обвинительным документом» «толстая пожилая тетка нахально положила пухлую руку на плечо улыбающегося Ильи». Отношения фотографа с любимой губит фотография, в «Казусе Кукоцкого» гинеколог вырезает у своей будущей жены матку. Павел Кукоцкий обвиняет свою жену в том, что она не женщина и та сходит с ума: Ольга тоже становится безумной после ссоры с Ильей – «Подруга Тамара первой догадалась, что Ольга сходит с ума» [7, с. 192].

Через «одну картонку из старорежимного фотоателье и две блеклые любительские» [7, с. 230] фотографии Ольга приобщается к своей семье. Их приносит на похороны Антонины Наумовны тетя Валя, таким способом продолжая память о родителя и прививая Ольгу к семейному древу. Семейным фотографиям противопоставляются «три казенных портрета на стене – большой Ленин с бревном и два маленьких – Сталин и Дзержинский». Антонина Наумовна с братьями «Написали в газету, что Ленин им отец, а партия – мать» [7, с. 233]. Связывает казенные портреты и семью священника четвертая фотография – фотография Антонины Наумовны «фотография себя самой – лучшая за всю жизнь» [7, с. 231]. После фотография отца Наума с пасхальной заутрени переносится на портрет и сменяет Ленина на всероссийском субботнике. В советском анекдоте говорится, что советская пасха – это первый коммунистический субботник [2, с. 310]. При этом Ленин выступает как пародийный двойник отца Наума.

Историческое время и пространство создается с помощью использование характерных обращений, осмыслений его человеком из будущего. Используются маркеры советского пространства – коммуналки, общежития, существующие наравне с генеральскими дачами и квартирами. Пространство расширяется за счет интермедиальности, при этом автор обращается к значимым для этого периода времени жанрам – карикатурам, фотографии, и таким вневременным вещам, как классическая музыка, поэзия. Фотография служит как средство верификации, раскрывает тайны, которые хранят персонажи, выступает как доказательство их вины.

Список использованной литературы

1. Васюкова, М.В. Художественно-аксиологическое содержание мотивной структуры романов Л.Е. Улицкой 2010-х годов : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М.В. Васюкова – Елец, 2017. – 23 с.
2. К вам мой попугай не залетал? Антология мирового анекдота / под ред. Ю.В. Никулина. – Киев : Довира, 1995. – 384 с.
3. Куляпин, А.И. Прием удвоения персонажей в живописи, фотографии, литературе и кино 1930–1950-х годов / А.И. Куляпин, О.А. Скубач // Вестник Новосибирского государственного университета. – Т. 14. – Вып. 6. – С. 35–40.
4. Сонтаг, С. О фотографии / Пер. Викт. Голышева. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2013. – 272 с.
5. Судленкова, О.А. Фотография как прием сюжетной организации литературного произведения / О.А. Судленкова // Судленкова, О.А. Английская поэзия романтизма и современная проза: ст. разных лет. – Минск : МГЛУ, 2015. – С. 97–103.
6. Улицкая, Л.Е. Бронька / Л.Е. Улицкая // Бедные родственники. – Москва : Издательство АСТ, 2018. – С. 30–72.
7. Улицкая, Л.Е. Зеленый шатер: в 2 т.; Т. 1 / Л.Е. Улицкая. – Москва : Эксмо, 2011. – 384 с.
8. Улицкая, Л.Е. Зеленый шатер: в 2 т.; Т. 2 / Л.Е. Улицкая. – Москва: Эксмо, 2011. – 384 с.
9. Улицкая, Л.Е. Медея и ее дети / Л.Е. Улицкая. – Москва : Издатльство АСТ. – 352 с.

Н.И. Завгородняя
г. Барнаул, Россия

ГОРОД КАК ЛЕС: МИФ ОБ ОХОТЕ В ТВОРЧЕСТВЕ А.В. КОРОБЕЙЩИКОВА

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX–XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

Аннотация: В статье осуществлен анализ «городской мифологии» в текстах алтайского писателя А.В. Коробейщикова. Логика анализа основана на выявлении границ и функций сюжета охоты в романах и публицистике писателя. Содержание статьи составляет реконструкция и интерпретация жизнетворческой стратегии А.В. Коробейщикова.

Ключевые слова: писательская стратегия, авторский миф, атрибуция охоты, мистериальный подтекст.

N.I. Zavgorodnaya
Barnaul, Russia

THE CITY AS A FOREST: A MYTH ABOUT HUNT IN CREATIVITY OF A.V. KOROBEYSHCHIKOV

Abstract: The article analyzes the "urban mythology" in the texts of the Altai writer A.V. Korobeyshchikov. The logic of analysis is based on identifying the boundaries and functions of the plot of the hunt in the novels and journalism of the writer. The content of the article is the reconstruction and interpretation of the life-creating strategy of A.V. Korobeyshchikov.

Keywords: writing strategy, author's myth, attribution of hunting, mystery overtones.

Я начал адаптировать практики шаманов к условиям современного городского жителя.
А.В. Коробейщиков «Городской охотник»

Охотник внимательно смотрит по сторонам и прислушивается к своим чувствам.
А.В. Коробейщиков «Тай-Шин»

А.В. Коробейщиков пишет, издается, публикуется, проводит авторские тренинги и осуществляет экспедиции ЭКЗО-Т с начала нулевых годов. В алтайском литературоведении неоднократно обсуждались проблемы авторской стратегии и гео-поэтики А.В. Коробейщикова (в том

числе, и нами – Н.З.). Главный вектор, объединяющий исследования, – мифотворческий. Создавая персональный «миф об Алтае», автор книг-мистерий «ИТУ-ТАЙ», «Камкурт», «Проводник», «Метаноя» и других – осуществляет в большей или меньшей степени реинтерпретацию «охотничьей философии», идеология и сюжетология которой составляет, на наш взгляд, архетипически инвариантную базу писательского и биографического мифотворчества А.В.Коробейщикова, равно как и отличает алтайского писателя от всей «посткастанедовской» традиции (до «их» – Д. Милмена «Мирного воина» и «нашего» В. Серкина «Хохота шамана» и «Звезд шамана»).

В книге «Торанг» (2011) читатель обнаруживает легенду об охотниках-шаманах, издревле охраняющих Алтай, чья философия жизни и реконструируется героем-рассказчиком, выбравшего вернуться в город и «применить» в социуме полученные у таинственных мастеров-«тайшинов» знания и опыт. Легенда завершается так: «Два рода шаманов, один из которых соотносился с наследниками Светлой Расы, а другой – с Сумеречным народом, объединились, чтобы сохранить бодрость духа во время разгула Тьмы на планете. Они назвали себя ТАЙ-ШИН – «Свободные Волки», исконные противники нечисти и охотники в таежных сумерках…Тайшины смогли сохранить внутреннее Намерение деревянного оружия (торанга – Н.З.), которое перекликается с постулатами охотников-шаманов: «Цель охотника не обязательно жизнь другого существа. Если есть возможность избежать крови, Охотник будет добывать то, что дает Земля и Лес» [2, с. 20].

Автор обережно-охотничьей стратегии жизни современного городского человека не устает напоминать своему читателю о том, что понятие о «удачной охоте» у современников – далеко от глубокой мистерии охотников-шаманов, для них «Охота – это, прежде всего, взаимодействие с Великим Духом», в процессе которого раскрываются истинные отношения зверя и человека – «Тропа Жизни, где воплощенные сущности преподносят друг другу Дары» [2, с. 44].

Охотничья этика, к основам которой обращают нео-мифологические истории А. Коробейщикова, свидетельствует о незыблемых правилах, проявляющих отношение к охоте: «Лесные Странники берут всегда ровно столько, сколько необходимо… Дух Леса не пошлет никого из своих клыкастых и ядовитых посыльных, чтобы забрать жизнь охотника раньше времени, потому что между человеком и Лесом существует невидимое равновесие, которое необходимо соблюдать [2, с. 45].

В атрибуции «охотничьего сюжета» предметно-вещный символизм приобретает особое значение и деревянный «торанг», обладающий внешним и внутренним потенциалом силы тотема, проявляет его ритуальный характер: через него легендарные герои-охотники взывают к своим Хранителям и просят удачи на Охоте, а после через него же благодарят за удачную охоту. Претекстом к охотничьим сюжетам А.Коробейщикова неизменно становится некая «Зелена Книга Охотника», в которой в частности сказано, что «настоящее оружие не создано для чужих глаз. Оно должно быть на виду, но не бросаться в глаза…Оружие, про которое знают все, рано или поздно попросит крови. Оружие, про которое не знает никто, может стать чем-то другим» [2, с. 54].

Так, в концепции городской охоты проявляется одной из составляющих – применение «предметов Силы».

Однако отметим, что «местом Силы» и «охотничьими угодьями» становится для героя романов А. Коробейщикова именно город. Герой романа «Х» (2009) воссоздает в своем сознании ощущение двух городов-антиподов: «Москва. Гул метрополитена под землей. Призрачное мерцание компьютеров в офисах…Мрачное низкое небо, нависшее плотным пологом над головами поздних прохожих. Ощущение тяжести клинка, вибрирующего в ножнах, словно уговаривающего своего хозяина выпустить его на свободу…Барнаул. Ветхие дома старых кварталов, окутанные дымом костров на обочине дорог. Далекий лай собак…гул колоколов в церквях…Город на грани яви и сновидений» (с. 30). Старый Барнаул – частое место персональной охоты героев романов А. Коробейщикова. Имя города, переводимое как «Волчья Река», запускает в сознании героя романа «Пустенье» цепную реакцию видений-ощущений: «Максим внимательно смотревший на окружающие дома и деревья, вдруг понял, что они уже были здесь сегодня, и причем не один раз. Данилыч словно водил их по кругу… Максим расфокусировал взгляд и стал, не торопясь, изучать окружающий их город…у него не было ощущения, что он находится в сновидении. Мир вокруг не был зыбким, текучим. Значит, основной «переход» еще впереди» [3, с.111] «-Что это было? – «Другой» Барнаул…Кто-то назвал бы его «эфирным»…– А почему такое смешение стилей?

Деревянные дома с резными узорами, похожие на славянские избы, и алтайские аилы одновременно? Данилыч поднял вверх руку с отставленным указательным пальцем. – Вот! Это и есть перходный момент, осознав который ты сможешь собрать все дремлющие во времени части самого себя, соединить их воедино, проследить свою связь с этим местом, этим городом…» [3, с. 180].

Важно, что основная охота для чуткого к мистериальному смыслу и замыслу героя становится он сам. Его внутренне пространство, его сны и мысли. По Коробейщикову, человека, который вознамерился вернуть себе «равновесие», и называют в традиции «тайшин» – воином-охотником и «аши» (воином-ребенком), который может позволить себе не бояться окружающего мира, потому что «война уже закончилась». Эта – главная – охота названа в «Городском охотнике» Охотой на Лики. Эпиграфом к одноименной главе не случайно приводится цитата из «Воина Света» П.Коэльо об осмысленном и внимательном совершении всего того, что мы делаем бессознательно: «дышать, моргать, замечать окружающее» [1, с. 74].

Нетипичное состояние ума «охотника» (сегодня мы бы сказали – состояние фиксации внимания на «здесь и сейчас») видится автору необходимым условием удачной охоты. Кажется, принципиально в идейно-методологическом и структурно-семиотическом аспектах здесь А. Коробейщиков не расходится с современной психологической наукой, утверждающей, что это не мы, а наш мозг играет в социальные игры, он, а не мы выстраивает отношения с другими людьми. «Нам кажется, что это наша игра. А на самом деле это игра с нами, и мы сами – плод этой игры» [5, с. 311].

Книга «Торанг», напомним, не художественная, как большинство произведений А. Коробейщикова, она, скорее, – «инструкция пользователю» торанга. В связи с чем, и авторский нарратив охоты смещен в пространство психофизиологии, а тело городского охотника, состоящее из «воспринимающей материи», само вырабатывает «язык», с помощью которого охотник улавливает «тончайшие вибрации окружающего пространства и переводит их в материальную информацию» [2, с. 103].

Этот способ контакта с Городом в «инструкции» для городского охотника назван «методом сенсорного осознания», а конкретные приемы и методики («Внутренний Свет», «Лапа Волка» и другие) составляют содержание книги А. Коробейщикова «Городской охотник. Внутренняя сила и интуиция», вышедшей в 2004 году в Барнауле. За 15 лет до того, как интерес к этой теме проявился в массовой культуре и литературе, Андрей Коробейщиков, выстраивая концепцию городской охоты, пишет в главе «Война» о «вирте» как основном способе нашего взаимодействия с миром, ставя под сомнение саму реальность его существования: «Но так как этот мир стал постоянным местом нашего обитания, и нам пришлось находиться в нем постоянно, то наше сознание, не смотря на все наши старания вытеснить окружающий мир в подсознание, придумало его альтернативу. Оно создало обширное виртуальное пространство, куда сместило фокус нашего осознания. Так мы закрылись от окружающего мира в прочных стенах виртуального кинотеатра, где непрестанно стали сами себе прокручивать увлекательные видеофильмы…Не успев родиться, мы стали виртуальными существами, прячущимися от мира» (с. 68). К слову заметим, что кинопоэтика А. Коробейщикова – отдельная тема для исследования, учитывая тот факт, что тексты его романов буквально «просятся» быть экранизированными, остается удивляться, что до сих пор этого не произошло. Впрочем, «игра» (ритуальность, театрализация, телесность) в художественном мире и авторском мифе А. Коробейщикова – противопоставлена «кино-вирту» (страху смерти, суррогатам социальности, фильтрам и ловушкам ума). «Тело» в поэтике А. Коробейщикова – антология смысла. Его герои учатся воспринимать любую информацию на уровне ощущений, извлекая из этого необходимые знания и силу. Другими словами в условиях городской охоты – любая информация должна ощущаться нами физически. А это возможно, когда человек находится «в равновесии Иту и Тай», о чем и свидетельствует герой-тайшин Иту-Тай мастер Айрук: «ИТУ-ТАЙ невозможно обучаться или обучать ему. Эти силы должны сами выйти на поверхность нашего сознания. Нам нужно лишь научиться не препятствовать им» [4, с. 96].

«Иту» – метафорический паттерн, восходящий в мифопоэтике А. Коробейщикова к «Телу Зверя»; «Тай» – к «Телу Шамана». Равновесие обоих «тел» делает героя свободным, уподобляя его крылатому Грифону или Дракону (один из переводов «дракона» – «видящий»). А. Коробейщиков напоминает, что на Алтае и в Сибири образ дракона пересекся с образом крылатого Волка в древнеалтайской и праславянской мифологиях, а также – образом Грифона в скифской мифологической традиции.

К «местам Силы» и «предметам Силы» городской охотник А. Коробейщикова прибавляет «танец

Силы», танец свободы - некое действие-состояние, которое может быть метафорической аналогией поведения «проснувшегося» охотника (на языке автора – «вернувшего себе альфа-ритм»): «Древние шаманы считали, что тело желает жить, и поэтому оно стремиться испытывать этот мир, пропуская его через себя. Выбрав суррогатную жизнь в виртуальном пространстве, человечество запретило телу получать то, что ему необходимо, и поэтому рано или поздно, тело разрывает свои собственные границы, пытаясь слиться с окружающим величием, разрушая стены нашего виртуального кинотеатра» [1, с. 100].

Список использованной литературы

1. Коробейщиков, А.В. Городской охотник / А.В. Коробейщиков. – Барнаул : Алтайское книжное издательство, 2004. – 136 с.
2. Коробейщиков, А.В., Коробейщиков С.В. Торанг / А.В. Коробейщиков, С.В. Коробейщиков. – Барнаул : Алтайский дом печати, 2011. – 320 с.
3. Коробейщиков, А.В. Пустенье: Мистический цикл «Войны шаманов» / А.В. Коробейщиков. – Барнаул : Алтайское книжное издательство, 2003. – 268 с.
4. Коробейщиков, А.В. ТАЙ-ШИН: Волчья Тропа. / А.В. Коробейщиков. – Барнаул : Алтайский дом печати, 2011. – 208 с.
5. Курпатов, А.В. Чертоги разума. Убей в себе идиота! / А.В. Курпатов. – Санкт-Петербург : ООО «Дом печати Издательства Книготорговли «Капитал», 2019. – 416 с.

Н.В. Ковтун
г. Красноярск, Россия

ЧЕРТЕЖ УТОПИИ И «МЕЛОЧИ СУЩЕСТВОВАНИЯ» В ПОВЕСТИ А. ТОЛСТОГО «ГОЛУБЫЕ ГОРОДА»

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18-112-00025 «Издательский проект «Литературный архив советской эпохи».

Аннотация: Статья посвящена раннему творчеству А. Толстого, маркированному утопическими чертами. Особое внимание уделено повести «Голубые города», в которой автор выводит героя-романтика, мечтающего о возведении глобальной Утопии на месте банального настоящего – уездного городка. Толстой синтезирует опыт многих утопических концепций, уже существующих в отечественной культуре: от гностико-масонских построений просветителей до утопических планов крайних сектантов и интеллектуалов-космистов. Пропущенные через миражное восприятие героя, они отстраняются, травестируются. Столкновение «голубых городов» и реальности приводит к убийству, пожарищу, однако, автор оставляет за героем право на покаяние, что в ортодоксальной советской литературе как единой Утопии полностью отсутствует, Утопия вытесняет и заменяет собой реальность.

Ключевые слова: А. Толстой, утопия, антиутопия, «Голубые города».

N.V. Kovtun
Krasnoyarsk, Russia

DRAWING OF UTOPIA AND THE "TRIVIA OF EXISTENCE" IN THE STORY "BLUE CITIES" OF A. TOLSTOI

Abstract: The article is devoted to the early works of A. Tolstoy, which contain utopian signs. Particular attention is paid to the "Blue Cities" story, in which the author displays a romantic hero who dreams of building a global Utopia in place of a banal reality, which is county town. Tolstoy combines the experience of many utopian concepts that exist in Russian culture: from the

Gnostic-Masonic utopias of enlighteners to the utopian plans of extreme sectarians and cosmist-intellectuals. Passed through the mirage perception of the hero, they are travestied. The clash of "Blue cities" and reality leads to murder, fire. The author, however, reserves for the hero the right to repent, which in Soviet literature as a single Utopia is completely absent. Utopia supersedes and replaces reality.

Keywords: A. Tolstoy, utopia, dystopia, the story «Blue cities».

Интерес А. Толстого к утопическим и фантастическим мирам означен рассказом «Граф Калиостро» («Лунная сырость», 1921), затем с небольшим интервалом выходят роман «Аэлита» (1922–1923) и повесть «Голубые города» (1925). Последнее произведение демонстрирует ироническое отношение автора к революционерам-романтикам, мечтающим о мгновенном переустройстве мира и человека, вопреки истории, «мелочам существования», о чем в свое время предупреждал М.Е. Салтыков-Щедрин [11, с. 1045–1057].

Во второй половине 1920-х годов намечаются контуры ***советской Утопии***, основным представительством которой и выступает литература: «Советская литература, видимо, единственный в своем роде феноменально интересный пример литературной утопии, литературы как утопии» [2, с. 15]. Глобальная утопия синтезирует опыт многих утопических концепций, уже существующих в отечественной культуре: от гностико-масонских построений русских просветителей [13, с. 10–22] до утопических планов крайних сектантов и интеллектуалов-космистов [5, с. 353–362], прежде всего, Н. Федорова и К. Циолковского: «Темы Федорова соединяются с Марксизмом. Федоровство связывает эпохи и после 1917 года» [4, с. 195]. В мистическом стремлении за грань реальности сходятся такие известные наследники «прометеевского богоборчества», как А. Богданов [15, с. 129–140], А. Луначарский, М. Горький [1, с. 54–74]. Показательна стремительность, с которой мечта о «светлом будущем» превращается в непреложную догму.

В романе И. Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова» (1923), текстах А. Толстого утопический образ дома-коммуны еще лишен концептуальной значимости, остранен (отметим, в романе Эренбурга выведен жестко критический, прекрасно узнаваемый образ самого А. Толстого как князя Сад-Бабакина, мечтающего о возвращении исконно русского мира). Порыв навстречу прекрасному будущему, свойственный Курбову, Буженинову («Голубые города»), сталкивается с живым чувством, «мелочами существования» и оказывается неоправданным. Утопический мир, обставленный «голубыми городами» или бетонной громадой дома будущего, теснят провинциальные домишки, в которых люди пытаются найти опору существования, построить свой малый мир, где «за пузырчатыми стеклами в горшочках стояли герань и кактусы» [17, с. 373].

Вынашиваемый Николаем Курбовым утопический идеал грядущего обретает в его сознании черты всемирного Города, «рая» для всех, который позже будут строить и герои «Котлована» А. Платонова (1930). Монотонно-серый цвет, архитектурное однообразие постройки в тексте И. Эренбурга, как и «купола, дивные арки… дома уступами» [17, с. 371], явленные во снах Буженинова, – символы миражного, рационализированного мироустройства, отсылающего к проектам казарменного коммунизма от Кампанеллы до Угрюм-Бурчеева и Благодетеля Е. Замятина. Заметим, идея уничтожения реального, живого мира и личного пространства человека как ключевая для утопии озвучена тем же Благодетелем, который «говорит о себе, как о палаче, причем как о само собой разумеющемся обстоятельстве: «Палач?...Что же? Вы думаете – я боюсь этого слова?». Это и есть прогностический взгляд Замятина на реализуемую большевиками в жизни утопическую и неисполнимую мечту» [6, с. 70]. Для героя И. Эренбурга – Курбова – встреча с Катей спасительна, открывает мир подлинных чувств, в пользу которого он и делает свой окончательный выбор.

Иначе складывается судьба персонажа повести А. Толстого – красноармейца, начинающего архитектора Василия Алексеевича Буженинова, найденного тяжело раненым недалеко от ***Пугачевского*** уезда (!). Судьба молодого человека, юнцом ушедшего в Революцию, жившего впроголодь, «одно время, говорил, он ночевал в склепе на Донском кладбище» [17, с. 368], типична для пореволюционных лет. Герой осознает себя пророком нового, прекрасного Отечества, образ которого является ему во снах, «галлюцинациях наяву». Текст строит-

ся на пересечении нескольких точек зрения: рассказов главного героя о планах возведения фантастически прекрасной Москвы, воспоминаний его знакомых, допросов следователя, авторских зарисовок (структура «текст в тексте»). События постоянно уточняются, пересказываются, обрастают новыми подробностями, что передает ощущение хаотичности, иллюзорности всего происходящего.

Образ «голубых городов» предстает герою в моменты особого душевного напряжения, когда он находится между жизнью и смертью, на грани бытия и небытия. В повести намечены классические мотивы пророческого сна, видений, лунатизма, обрамляющие выход к чуду – Утопии. Противостояние художника низкому, профанному миру, который отвергает, хохочет и не подпускает к себе – традиционный мотив романтического искусства, уже сознательно травестируемый А. Толстым. Чем отчаяннее устремление персонажа за грань настоящего, тем болезненнее, трагикомичнее возвращение в реальность: «И вдруг фантастический бег времени остановился. Подошвы царапнули и стали на землю. Заскрипела калитка, заговорили будничные голоса, запахло навозцем» [17, с. 375].

Граница между реальностью и Утопией четко фиксирована на всех уровнях текста: идеи Буженинова непонятны окружающим, окрестившим героя «академик», а письмо из уездного города от воспитанницы матери Наденьки Василий Алексеевич воспринимает так, «будто оно было написано на малопонятном ему языке. Письмо страшно его волновало» [17, с. 368]. Компромиссы с реальностью оскорбляют искренность чувств героя, бескомпромиссность же определяет судьбу вечного изгоя, нигде не находящего себе места. Каждая следующая попытка сбежать в голубые дали преследуется особенно жестоко: настоящее мстит бунтарю и загоняет в угол: приступы помутнения рассудка, убийство. События повести типологически близки сюжету рассказа «Гадюка» (1925), где развернута судьба революционера-романтика в женском варианте [20, с. 337–352].

Текст А. Толстого имеет рамочную композицию: действие начинается и заканчивается описанием «трагической ночи», когда обезумевший в жажде мщения пророк («в нем поднималась обида, злая горечь, мщение») поджигает уездный город. Полотнищем с «голубыми городами» увенчано пепелище, что вызывает аналогию с «Котлованом» А. Платонова, где символом «счастливого будущего» становится братская могила. Автор вскрывает иллюзорность надежд революционных романтиков на мгновенное переустройство мира, воплощение мечты оборачивается погромом, пожарищем, Апокалипсисом. В статье 1922 года А. Толстой опишет путь М. Горького от «хриплого крика Буревестника» к любви и милосердию, которыми «строится жизнь» [18, с. 80].

К середине 1920-х А. Толстой, вернувшийся из эмиграции, вынужден соответствовать новому времени, чем в известной мере объясняется демонстративное отречение от декадентства – критика назовет романтиков «родоначальниками современного декадентства» [7, с. 206]. В работе «Задача литературы» (1924) писатель выступает с призывом дать тип «Большого человека», не мечтателя – деятеля. Антимодернистские в своих истоках настроения предвосхищают появление «настоящего человека» в искусстве советской эпохи. В «Голубых городах» существование героя-романтика в истории мучительно, аналогично тюрьме, колодцу («Василию Алексеевичу представлялось, что сидит он на дне глубочайшего колодца», [17, с. 379], кошмарному сну (война, бои «впоследствии вспоминались ему как сновидение»). Подлинная, скрытая от профанов реальность – «голубые города», однако сама логика развития сюжета свидетельствует об обратном, проект «лазурного будущего» автор называет «горячечной фантазией», «снами наяву», подчеркивая неотмирность, вымороченность образа.

Герой повести обуреваем антагонистическими страстями: жаждой земной, плотской любви и ненавистью к «мелочам» существования, к трактирам, воронам, уличной пыли, запаху навозца… Автор, не без сочувствия рисуя образ революционера-мечтателя, прошедшего ужасы гражданской войны («несчастный человек»), уже подчеркивает и его нелепость, даже опасность. Загадочный, порой трагический пафос, присущий текстам романтиков, сменяет жесткая ирония. Жизнелюбивое мировоззрение А. Толстого не принимает жест Ивана Карамазова – убивший соперника Буженинов чувствует: «Страсть в нем набегает волнами, покрывающими одна другую, все плотины прорваны, –теперь все позволено» [17, с. 399]. И перспективы мучительной рефлексии Раскольникова на содеянное Буженинов тоже лишен.

Образ героя-архитектора – умелая стилизация, воплощение хрестоматийных черт романтического персонажа, охваченного страстью-идеей: Буженинов слаб здоровьем, подвержен нервным расстройствам, особенно чувствителен, что и выдает

его уязвимость, незащищенность перед жестким бытом. Романтики в особом душевном строе личности видели путь к постижению тайного знания, А. Толстой же подчеркивает страх и обреченность персонажа, который «войти в будни, раствориться в них» не может, и «быть личностью, торчать одиноко» тоже не может [17, с. 384]. Бунт героя отнюдь не сводится к стремлению осчастливить человечество, но есть жажда самоидентификации, самоутверждения любой ценой. Мир, не признающий пророка, требуется загипнотизировать, подчинить своей воле или уничтожить: «Взрыв нужен сокрушительный… Огненной метлой весь мусор вымести» [17, с. 383]. Власти бунтаря, прежде, всего и должна покориться женщина как Душа мира. Буженинов стремится «раскрыть глаза» на подлинное – «голубые города» – своей избраннице Наденьке, ее любовь и есть залог обретения будущего.

Черты аскета («питался впроголодь», «женщин, разумеется, дичился»), мессии (по-гоголевски «впалые щеки, заострившийся нос»), юрода («дармоед блаженный», – заключает Наденька) сочетаются в образе персонажа с сугубо демоническими. За Буженовым угадываются тени Великого Инквизитора и Петра I (на земле где «братишки догнивают» он мечтает построить «роскошные города, могучие фабрики», развести «пышные сады»), сходящиеся в едином образе Антихриста, его фарсовой версии – ***пророка с утюгом***: «Он ударился коленом об угол плиты и ощупью схватил небольшой утюжок. Когда почувствовал в руке тяжесть – выругался матерно и выбежал на улицу» [17, с. 398]. Параллель Петр – Антихрист существенна в ранних произведениях А. Толстого, находящегося под влиянием Д. Мережковского, его романа «Антихрист (Петр и Алексей)».

Чем ничтожнее земное обличие и судьба героя, тем исступленнее его жажда иного. Полотно с голубыми городами выступает в роли ***табуированного зеркала***, отражаясь в котором, Буженинов видит себя не больным, жалким человеком с гнилыми зубами, «землистым лицом», но седовласым красавцем, которому человечество обязано Будущим: «Я был ни стар, ни молод: седой, что считалось весьма красивым, – волосы отлива слоновой кости; угловатое свежее лицо; сильное тело, уверенное в движениях; легкая одежда без швов, из шерсти и шелка; упругая обувь из кожи искусственных организмов – так называемой «сапожной культуры», разводимой в питомниках Центральной Африки» [17, с. 369]. Путешествие во времени становится возможным из-за криоконсервации[1] и «полного омоложения», идеей которого были увлечены ученые, писатели 20-х годов. Отметим, что с этой же процедуры начинается история героя романа Е. Водолазкина «Авиатор», который, воскреснув после Соловецкого лагеря, становится ***Свидетелем*** столичной жизни конца XX века [10, с. 76–92]. Картина утопической Москвы 2024 года в повести А. Толстого дана, однако, в парадигме сна, галлюцинации, что создают атмосферу насмешливости, трагического маскарада, мир заполнен отражениями.

Двойниками Буженинова выступают его соперники – «первый фокстротист» Утевкин (в тексте подчеркнуто внешнее сходство персонажей) и лавочник Сашок (через общий мотив искушения-разрушения). Каждый из влюбленных предлагает собственную версию довоплощения Наденьки. Сашок и Утевкин обыгрывают вариант ***девы-блудницы*** (от предложения роли секретарши в путешествии по Европе до ворот, измазанных дегтем), и только Буженинов видит в ней сказочную обитательницу голубых чертогов. Идея завоевания (соблазнения) мира, его души вариативно представлена в судьбах двойников как обособившихся частей собственного «я» главного героя. Буженинов получает уникальную возможность не только взглянуть на себя со стороны, но проиграть-прожить несколько версий судьбы, каждый раз совершая моральный выбор, скрепляющий ткань жизни.

В образе «голубых городов» легко узнаются хрестоматийные для утопии очертания ***мистической Атлантиды*** (арки, мосты, уступчатые дома), ***коммунистического Марса*** из повести А. Богданова «Красная Звезда» (на рукаве раненного Буженинова «красная звезда»), ***фаланстеров Фурье и Чернышевского*** («дома из голубоватого цемента и стекла», пролеты «из алюминия», «уступчатые с зеркальными окнами террасы» и «огромные здания под стеклянными куполами»), в сочетании с ***райской атрибутикой*** (обилие цветов, бассейнов, прекрасных молодых людей). Образ «голубых городов», вписанный в русскую утопическую традицию, синтезирует характерные мотивы «полного омоложения человека» через «действие сильных магнитных токов», преображения природы («Там, где расстилались тундры и таежные болота, – на тысячу

[1] Крионика – практика замораживания и консервации тела в состоянии клинической смерти, осуществляющаяся с использованием жидкого азота.

верст шумели хлебные поля. Залежи тяжелых металлов на севере, уран и торий, были наконец подвергнуты молекулярному распадению и освобождали гигантские запасы радиоактивной энергии», [17, с. 370], обобществления мира («границ между поселениями народов больше не существовало», [17, с. 370], освоения воздушного пространства – в небе плывут аэропланы, о которых мечтал еще кн. В. Одоевский [9, с. 179–184], освобождения от физического труда, когда города заполняют «театры, цирки, залы зимнего спорта, обиходные магазины и клубы – огромные здания под стеклянными куполами», а «нервная система города перенесена под землю» [17, с. 369].

Каждый из традиционных мотивов, вынесенный художником за пределы Утопии, получает травестийное завершение: на площадях провинциального города вместо «ковров цветников», созданных «знаменитыми художниками», разворачивается бойкая торговля семечками и гусятами с поросятами, причем и гусята с изъяном, и торгующие бабы по-особенному уродливы, нечистоплотны. По вечерам собираются в пивной «Ренессанс» (пародия на «Незнакомку» А. Блока), от физического труда многие действительно освобождены – рабочих мест не хватает; атрибутами рая (пышная зелень, яблони, красавицы на лужайке) наделен садик лавочников Масловых, куда от разговоров с Буженинoвым сбегает Наденька.

В картине провинциального быта все мелко, ничтожно, плоско. Здесь не дома – «домишки» с заплатами на крышах, не улицы – «улички», и даже петух «очень глупый». Все убавлено, во всем убогость, теснота и одновременно пестрота, избыточность деталей, указывающая на театральность, отсутствие подлинной, духовной высоты (утрачены птицы, над городком «неподвижное небо», как купол балагана). Мотив глупости, убожества в творчестве А. Толстого суть продолжение мотива жизни-балагана (так появляются образы «глупого народца» – кукол в «Золотом ключике»; глупых мужиков и «бессловесных» детей, раболепствующих перед помещиком-самодуром во втором томе «Петра»). Игровому пространству противостоит авторский идеал исконной Руси, олицетворенный «древним судном» – ковчегом, «полным скота, телег и баб», «корабль достался мужикам от варягов и плавал скоро уже две тысячи лет, развозя жителей в разлив по деревенькам» [17, с. 372]. Эти ***«Рюриковы корабли»*** в лучах «оранжевого шара» солнца на фоне весеннего половодья – символ полноты, гармонии уходящей жизни, от которой героя уносит ***поезд*** (символ цивилизации). Здесь и запечатлелся контраст убожества мира, порабощенного идеей, и красоты природного, национального бытия.

Вопреки жизнеутверждающему оранжевому «голубые города» погружены в таинственный лунный свет, ставший эмблемой романтиков. Утопические грезы Буженинова сопровождает «синеватый свет вечера», «месяц узким ледяным серпом», «голубой свет неба». А. Толстой прекрасно ориентируется в оккультном значении голубого цвета, важнейшего в идеологии серебряного века: «"Голубой" намекает на "глубину" визионерской тайны, а часто и на ее софиологическое измерение ("голубь")» [21, с. 444]. В повести романтическая символика используется уже в ироническом ключе. В 1922–1923 годах писатель работает над фантастическим романом «Аэлита», имеющим прогностический код, и одновременно обрабатывает новый перевод с итальянского знаменитой детской книги Карло Коллоди о приключениях Пиноккио, где и появляется загадочная «девочка с голубыми волосами», оберегающая непутевого деревянного человечка. Образы Аэлиты, «голубых городов», Мальвины в один парадигматический ряд поставит в своей статье о «Золотом ключике» Е. Толстая, связав их с главным символом романтизма – «голубым цветком» Новалиса, оккультным значением Души мира – Софии [19, с. 201–227].

В утопическом рассказе Буженинова место хранительницы тайны – феи-богини – и предназначено Наденьке. Покусившийся на девичью честь Сашок назван в тексте не соблазнителем, но «осквернителем». Прием, когда земная любовь оказывается сильнее звездной мудрости и открывает путь к счастью, уже был апробирован Толстым в «Графе Калиостро» (1921), «Аэлите». В прекрасном будущем к Буженинову прямо с «лилового неба» спускается на аэроплане звездная женщина – «новая» Аэлита. «Лиловые небеса» – насмешка над поэтикой символистов (впервые М. Лермонтов напишет: «Между лиловых облаков»), прежде всего А. Блока. По поводу «лиловых миров», «лилового сумрака» в стихах последнего иронизирует И. Бунин [3, с. 296].

Наденьку с жрицей Аэлитой связывают мотивы птицы-полета и голубого цвета. Муза героя наделена «голубыми глазками», каштановыми кудрями, заплетенными в косу «с бантом». Интерьер «голубых городов» до мелочей напоминает марсианский: «синеватая мгла вечера», «с неба падал узкий луч и на крышу садился аэроплан», очертания домов «становились все более синими, все более легки-

ми», ночь прорезали «синеватые мечи прожекторов». В романе «Аэлита» Лось, попавший в библиотеку марсиан, видит «пепельноволосую молодую женщину», над «ее волосами танцевали пылинки в луче, упавшем, как меч, на золоченые переплеты книг» [16, с. 102]. Луч-меч, зависший над марсианкой Аэлитой, в повести 1925-го года угрожает самому герою-мечтателю, ему следует забыть миражи, открыть счастье подлинной жизни. Космическая жрица так и остается невоплощенной.

Софийно-богородичные одежды, которые Буженинов настойчиво примеряет Наденьке, отнюдь не приходятся ей впору. Преображения не происходит, девушка старается избегать встреч с голубым пейзажем («равнодушно скользнула глазами по голубому городу, занимавшему половину стены, и молча вышла», [17, с. 391]), крем с характерным названием «Метаморфоза» остается пылиться на облезлом комоде. «Волшебная ручная птица», что поет герою «о несказанном будущем», прекрасно себя чувствует в клетке с семечками. Наденька, вопреки романтической традиции, любви не ищет, но хочет «улучшить свое положение». Невозможность чувства и есть проявление ущербности [8, с. 32–49]. Подлинной Прекрасной Дамой героя остается Революция.

Бант, голубые глазки, нешуточное благоразумие («была очень благоразумна»), мечта о сцене («мечтаю пойти на сцену») указывают на близость образа Наденьки сказочной ***девочке-кукле***. Первая и занимает место между космической ***Софией-Аэлитой***, наследующей тайнам древних атлантов, и нравоучительной ***Мальвиной***. Наденька обучает героя-мечтателя житейской мудрости (параллель Мальвина – Буратино). Буженинов обретает и некое подобие золотого ключика, открывающего дверь к счастью: старушка-мать, глухая и неподвижная (будущая черепаха?), отдает сыну три золотые монеты для спешного отъезда в Москву, учиться, но советы, чудесные вещи не помогают, герой не умеет ими воспользоваться.

Финал повести 1925 года, несмотря на комический пафос, маркируют трагические черты. Кукольная, искусственная природа отличает образы Наденьки и самого Буженинова. Действия героя часто характеризуются как от него не зависящие, он управляем утопической идеей, словно заведенная силой извне марионетка. Начальная и заключительная сцены фиксируют совпадение облика, одежды персонажа: Буженинов стоял в дверях комнаты Наденьки – «глаза без зрачков, руками схватился за косяки, руки в темных пятнах, в пятнах рубаха» [17, с. 397]. Черный проем, мрак окрест создают ощущение могилы с восставшим мертвецом (не случайно во время учебы он спал в «склепе на Донском кладбище»), каким в начале повествования и предстает единственный выживший среди десятка трупов: «У столба, привалившись, сидел человек с пунцово-красным лицом и, не шевелясь, глядел на подъехавших. С обритого черепа его свисала окровавленная тряпка. Запекшиеся губы шевелились, будто он шептал про себя. Видимо, он делал страшные усилия, чтобы подняться, но сидел, как свинцовый», «он быстро-быстро задвигал губами, безусое лицо сморщилось, глаза расширились, белые от ужаса, от гнева» [17, с. 366]. А. Толстой середины 20-х полон доверия к традиции, национальному миру, отсюда и побег героя из настоящего лишен перспективы. Спасительны только нравственные усилия человека, его способность на подлинное, живое чувство.

Картина последней ночи описана в апокалипсических тонах: на фоне меркнущей луны, при ее «неясном освещении» сливаются фигуры утопического преобразователя и осквернителя-разрушителя в их опасности всему живому. В лице Буженинова проступает тот же «широкий оскал», что отличает и Сашка («Вошел Сашок; лунный свет упал ему на белые большие зубы», [17, с. 397]), их влечет друг к другу «дикое любопытство». Мотивы буйства стихий, гаснущей луны («…по длинным теням от репейников уходила черная Сашкина фигура, застилая луну», [17, с. 400]), темноты, молнии, клубящейся пыли, разверзшейся бездны («Раскололось небо от грохота») кодируют конец старого и начало иного мира. Искусственный мир-балаганчик гибнет («Все это проходило перед глазами Василия Алексеевича будто не настоящее, будто его фантазия, будто цветные картинки на полотне кинематографа», [17, с. 401–402]), так остраняется, преодолевается серебряный век самого А. Толстого. На руинах «голубых городов» обретается надежда на выход в общечеловеческое пространство. Судьбу героя итожат ***библейские мотивы*** испытания («…я был один среди пустыни. Страшное ощущение себя, личного своего Я – этой буквы, стоящей лапками на горячих угольках и круглым завитком – в тучах, в утренней заре», [17, с. 402]) и ***Страшного Суда*** как пути к самоосуществлению. Фарсовый сюжет выводится в притчу, обретает перспективу, от «голубых городов» к грешной земле, к обретению героем души.

Подобная альтернатива у персонажей канонической советской литературы полностью отсут-

ствует, «голубые города» признаны единственной реальностью, а живое чувство, семейный очаг – опасным соблазном, иллюзией, миражем [12, с. 1315–1324]. Настоящей семьей советского человека станет рабочий коллектив, государство во главе с «отцом» Сталиным. Социальные ценности – высшая норма, во имя которой жертвуется частным, фанатичное следование долгу защищает и от познания действительности и от осознания человеком неповторимости собственной миссии в мире, как это продемонстрируют канонические тексты: «Цемент» Ф. Гладкова (1921), «Как закалялась сталь» Н. Островского (1935), «Сорок первый» Б. Лавренева. Мотив освобождения личности из-под утопических руин остается востребованным и в современной отечественной литературе [14, с. 185-193], уже пережившей постмодернизм как атиутопическую по своим эстетическим принципам систему, но сохранившую ностальгию по «прозрачному, понятному» времени советской Империи.

Список использованной литературы

1. Агурский, М. Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) / М. Агурский // Вопросы философии. – 1991. – № 8. – С. 54–74.
2. Акимов, В.М. От Блока до Солженицына. Судьбы русской литературы двадцатого века (После 1917 года): Новый конспект-путеводитель / В.М. Акимов. – Санкт-Петербург : СПбГИК, 1993. – 163 с.
3. Бунин, И.А. Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. Ю.В. Бондарева, О.Н. Михайлова / И.А. Бунин. – Москва : Художественная литература, 1987–1988. – Т.1. – 1987. – 686 с.
4. Геллер, Л., Нике, М. Утопия в России / Л. Геллер, М. Нике. – Санкт-Петербург : Гиперион, 2003. – 312 с.
5. Егоров, Б. Российские утопии: Исторический путеводитель / Б. Егоров. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2007. – 416 с.
6. Кантор, В. О сошедшем с ума разуме. К пониманию контрутопии Е.И. Замятина «Мы» / В. Кантор // Русская утопия в контексте мировой культуры. / Сост. В.П. Шестаков. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. – С. 39–71.
7. Карельский, А.В. Немецкий Орфей: беседы по истории западных литератур. Главы из книги. Публикация и вступление А. Ботниковой, О. Вайнштейн / А.В. Карельский // Иностранная литература. – 2006. – № 5. – С. 173–206.
8. Ковтун, Н. Женщины революции: от Даши Чумаловой к «Комиссаршам» Валентина Распутина / Н. Ковтун // Русская культура под знаком Революции. Дальний Восток, близкая Россия. Вып. 2. Сборник науч. ст. / Под ред.: Валерия Гречко, Су Кван Кима, Сусуму Нонака. – Белград, Сеул, Саитама, 2018. – С. 32–49.
9. Ковтун, Н. Роман В. Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России / Н. Ковтун // Известия ТПУ. – 2004. – Т. 307. – № 5. – С. 179–184.
10. Ковтун, Н. Ухрония как структурообразующий прием в романе Евгения Водолазкина «Авиатор» / Н. Ковтун // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). – 2018. – № 60 (2). – P. 76–92.
11. Kovtun, N. On the Ruins of the "Crystal Palace" or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N.G. Chernyshevsky, F.M. Dostoevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin) / N. Kovtun // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences / N. Kovtun. – 2011. – № 7 (4). – P. 1045–1057.
12. Kovtun, N. Political Discourse and Artistic Fiction in Utopian Reality Representation / N. Kovtun // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. – 2015. –№ 7 (8). – С. 1315–1324.
13. Ковтун, Н. Становление русской литературной утопии и масонство (творчество М.М. Щербатова) / Н. Ковтун // Сибирский филологический журнал. – 2004. – № 3–4. – С. 10–22.
14. Ковтун, Н. Трансформация утопии в малой прозе рубежа XX – XXI вв. (на материале повести В. Маканина «Лаз») / Н. Ковтун // Русская литература. – 2010. – № 3. – С. 185–193.
15. Ковтун, Н.В., Проскурина, Е.Н., Васильев, И.Е. Проект переустройства мира и русская проза начала XX века (А. Богданов и А. Платонов) / Н.В. Ковтун, Е.Н. Проскурина, И.Е. Васильев // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 129–140.
16. Толстой, А.Н. Аэлита, или Закат Марса / А.Н. Толстой. – Москва – Петроград : Государственное издательство, 1923. – 272 с.
17. Толстой, А.Н. Повести и рассказы. В 2 т. / А.Н. Толстой. – Ленинград : Художественная литература. – 1972. – Т. 2. – 544 с.
18. Толстой, А.Н. О литературе и искусстве / А.Н. Толстой. – Москва : Советский писатель, 1984. – 599 с.
19. Толстая, Е. Мир после конца: Работы о русской литературе XX века / Е. Толстая. – Москва : РГГУ, 2002. – 511 с.
20. Трофимова, Е.И. «Война и мир» Ольги Зотовой. Гендерная проблема в повести А. Толстого «Гадюка» / Е.И. Трофимова // Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре. Эпоха модернизма. : Сборник статей / Под ред. Дениса Г. Иоффе. – Москва : Ладомир, 2008. – С. 337–352.
21. Ханзен-Леве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика / А. Ханзен-Леве. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. – 816 с.

С.А. Комаров, О.К. Лагунова
г. Тюмень, Россия

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ВЫЗОВ В ЛИТЕРАТУРЕ СИБИРИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС[1]

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-012-00503 «Модернизационный вызов в литературе Сибири».

Аннотация: В статье представлен методологический ракурс проекта «Модернизационный вызов в литературе Сибири». Авторами акцентируется инновационно-научная и практическая направленность проекта, его междисциплинарность. Вместе с тем, идейный состав концепции исследователей развивает взгляд на сегменты территории страны как макротекстовые структуры, увязывает его с азиатской спецификой территории, что вписывается в глобальную геостратегическую повестку исторической динамики с учетом вековых параметров развития многонациональной словесной культуры России.

Ключевые слова: модернизационный вызов / правильный ответ, многонациональные литературы Сибири, этнофилологический подход, экография, риски.

S.A. Komarov, O.K. Lagunova
Tyumen, Russia

MODERNIZATION CHALLENGE IN LITERATURE OF SIBERIA: METHODOLOGICAL PERSPECTIVE

Abstract: The article presents the methodological perspective of the project «Modernization Challenge in the Literature of Siberia». The authors emphasize the innovative scientific and practical orientation of the project and its interdisciplinarity. At the same time, the ideological composition of the researchers' concept develops a look at segments of the country's territory as macro-textual structures, links it to the Asian specifics of the territory, which fits into the global geostrategic agenda of historical dynamics, taking into account the age-old parameters of the development of the multinational verbal culture of Russia.

Key words: modernization challenge / correct answer, multinational literature of Siberia, ethnophilological approach, ecography, risks.

Переформатирование мирового порядка, происходящее на рубеже XX–XXI столетий, актуализирует проблемную связку «вызов / ответ», категоризированную Арнольдом Тойнби («Постижение истории»), и позволяет ее адаптивно использовать к стратегическим реалиям и нуждам России. Ресурсный и антропологический потенциал и капитал Сибири должен быть вовлечен в логику не мобилизационной, а консервативной модернизации со ставкой на трудового субъекта, защищающего и использующего землю страны как свою, а не чужую или ничью.

Прежние узкосоциологические и антирелигиозные установки, на которых базировались исследования литературы Сибири, деактуализировались. Нами наработана новая методологическая база с акцентировкой этнического, аксиологического, эстетико-моделирующего компонентов, что можно обозначить как этнофилологический подход к литературным явлениям. В перспективе он выступает как фактор формирования новой научной дисциплины на стыке экологии и филологии, которую мы обозначили как экографию, и проект, которой нами изложен в ряде публикаций

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ №19-012-00503 «Модернизационный вызов в литературе Сибири».

не только на сибирском материале. В рамках этого проекта литература рассматривается не как собственно знаковая система, а как одна из «живых систем», что позволяет ей стать частью одного из направлений Стратегии научно-технологического развития РФ.

Через понимание литературного опыта человека как экографического феномена, то есть «живой системы», данная тема является проектом стратегического направления «живые системы».

Цель – выявить и сформулировать общее в опыте разнонациональных значимых литераторов Сибири XIX–XX веков (русские, ненцы, ханты), что субстратно может быть охарактеризовано как элементная база интенционального, цивилизационно существенного и категориально-предметного содержания, что порождает риски антиимперского движения и «тревожность» отчужденного самосознания «массового сибирского субъекта».

Задачи исследования:

1. Зафиксировать границы «своего», «собственно сибирского» в тестах значимых литераторов территории XIX–XX веков в аспекте цивилизационной картины мира.

2. Описать формы и сущность «чужого» в литературе Сибири XIX–XX столетий.

3. Выявить общее в интенциональном субъектном слое сибирских текстов как оригинальный и свободный взгляд на мир.

4. Обозначить и изучить перечень категориально-предметных элементов общего «сибирского мира и самосознания» в произведениях указанного ряда.

Материалом исследования является весь корпус художественных и иных (письма, документы и др.) текстов наиболее значимых литераторов Сибири XIX–XX столетий, уже вошедших в официальную историю духовной культуры страны (П.П. Ершов, Е.Л. Милькеев, В.М. Шукшин, В.Г. Распутин, А.В. Вампилов, И.Ф. Жданов, А. Неркаги, Е.Д. Айпин, Ю.К. Вэлла), представляющих опыт всех трех родов литератур (лирика – эпос – драма) и трех национальных литератур в рамках российской словесности (русские, ненцы, ханты). При этом генетически опыт двух литературных субъектов отмечен метисным взаимодействием этнокультур (В.Г. Распутин – тофалары и русские, А.В. Вампилов – буряты и русские).

Научная идея – найти при обобщении и сопоставлении текстового опыта сибирских литераторов содержательные и интенциональные ответы на модернизационный вызов российской цивилизации, дополняющий или альтернативный по отношению к логике звеньев догоняющей модернизации мобилизационно-имперского типа, закрепляющей роль Сибири в качестве ресурсно-объектной колонии. Ситуация равновесия западного и восточного векторов развития позволяет оценить азиатский опыт жизнедеятельности десятков поколений россиян как цивилизационно значимый и перспективный, зафиксированный лучшими представителями национальных культур страны в их текстах и понимаемый в качестве глубинного и потаенного, отложенного народной памятью и народной судьбой на «черный день», отторгаемого официальной местной и столичной властями, но принимаемого демократически широким читателем. Новизна исследования – в степени обобщения писательского опыта, в понимании его как правильного ответа на цивилизационный вызов всей страны, а значит, и в выходе за рамки традиционной филологической проблематики в сферу междисциплинарных исследований.

Основным в проекте будет этнофилологический подход к изучению литературных явлений. В его рамках текст представляет системную взаимосвязь элементов художественного целого, организованную предметным выражением авторской интенции своего / чужого, отражающей смыслы и ценности национальной идентификации художника, специфику опоры его письменного слова на мифофольклорное предание (наследие) народа с учетом отношений читатель – текст. Данная методология позволяет учитывать «центральную зону этнокультуры» (С.В. Лурье), то есть комплекс моделируемых сознанием этносубъекта предустановлений – носитель добра (свой народ и автор как его полноправный представитель), носитель зла (образ чужого, врага), а также обязательность и неизбежность победы добра над злом с примерным перечнем путей достижения победы. Это позволяет повысить уровень и рамку обобщения в исследовании, подсоединить к ней опыт различных мастеров слова, сделать его сопоставимым и мыслимым как цивилизационно сущностный.

Кроме того, в качестве рабочих и уточняемых будут применяться методологические опорные цели экографии – новой отрасли экологии и филологии, предложенной в качестве проекта нами и уже представленной на конкретном литературном материале в ряде публикаций (см. список литературы).

Этнос в проекте мыслится как биосоциальный феномен, сформированный определенной природной средой, имеющий длительную эволюционную историю и характеризуемый коллективной солидарностью, четко отграничивающий своих от чужих. Это понимание строится на взаимодополнении полемичных по отношению друг к другу отечественных концепций этноса Л.Н. Гумилева и Ю.В. Бромлея, а также концепции центральной зоны этнокультуры С.В. Лурье.

Этнофилологический подход к анализу литературных явлений сочетает достижения исторической поэтики, культурно-исторической школы литературоведения и мировой этнологии.

Реализация проекта позволит выявить:

а) общее в изображении и самосознании сибирского субъекта как россиянина;

б) историческую динамику от начала XIX века к концу XX века в представлении сибирских литераторов о должном (правильном) существовании и препятствиях этому;

в) точки тревожности и степени риска по отношению к наличной модели жизнедеятельности в России в текстах литераторов-сибиряков;

г) потенциал цивилизационного самостроения в азиатской части страны с точки зрения сибирских литераторов как лучших выразителей умонастроений субъектов территории.

Проект позволит развернуть филологическое описание объекта в сферу понимания литературного текста как прагматичного моделирования материально зафиксированного внутреннего запроса субъектного уровня территории. В силу того, что художественное словесное творчество предполагает создание концептуального целостного образа мира и человека, произведения значительных мастеров слова Сибири являются сущностными и комплексными проектами-высказываниями о внутренне чаемом образе истинной жизни. Они ретроспективно суммируют духовно-практический опыт поколений сибирской жизни, адресованы как «малому», так и «большому» времени (М.М. Бахтин), поэтому они не только считывают, но прогнозируют, апробируют различные варианты общего развития и усложнения бытия.

Ни один известный проект о литературе Сибири еще не ставил столь радикальной и прагматичной цели, столь прямо не работал на понимание альтернатив социально-общественного развития страны в целом. Нижняя граница материала (первая треть XIX века – П.П. Ершов, Е.Л. Милькеев) избирается как время перехода от традиционалистской фазы художественной словесности к фазе индивидуально-творческой, согласно учению об исторической поэтике.

Результаты исследования будут интересны не только филологам, культурологам, регионоведам, историкам, но и политтехнологам и социологам. Их фундаментальность позволит корректировать понимание стратегически важных процессов, глубинно наличествующих в стране, и реакцию властных структур на них. Это будет важный шаг к обобщенному виденью литературной культуры Сибири, к созданию новых по целям и задачам обобщающих трудов о гуманитарном наследии сибиряков, к расширению материала исследования и обогащению результатов в заявленном нами направлении. Литературный опыт писателей Сибири в XIX–XX веках пользовался особым доверием «народного читателя», был им признан и отмечен «народной любовью», зафиксирован в «народной памяти» и в знаках, ее выражающих (П.П. Ершов, В.М. Шукшин, А.В. Вампилов, В.Г. Распутин, В.П. Астафьев, С.П. Залыгин). Однако столичными властями (Москва – Санкт-Петербург / Ленинград), развивавшими имперскую / советскую парадигму импульсных догоняющих модернизаций, этот сибирский опыт моделирования «российского / русского мира» воспринимался как несвой, чужой, тормозящий. Одновременно власть в ее различных ликах (бюрократия / силовики / церковь / партноменклатура), понимая силу и искренность народной любви к выдающимся сибирским литераторам, делали соответствующие знаки признания им персонально и их памяти. При этом «ответы» на «вызовы» общенационального порядка были сформированы еще во второй половине XVII века (в условиях церковного раскола) и парадигмально с тех пор не менялись, навязываясь «сверху» народам, наполняющим территорию страны. Очевидно, что опыт сибирских литераторов, мыслимый благодарным массовым читателем как «свой», органичный, всеобщий, понятный и альтернативный официальному опыту / ответу на некий вызов российской жизни, скорее всего, понимается в качестве правильного «ответа», а существующий в исторической действительности в качестве ложного ответа, и потому власть, его отстаивающая и живущая в его логике, не хочет и не может объединиться со своим народом, хотя и перебирает различные формы институализации и легитимации данной связи.

Поэтому системная аналитическая реконструкция изучаемой цивилизационной модели, элементы которой содержатся в текстах сибирских литераторов, возможно, позволит выявить аксиологические и иные координаты органического, идущего снизу ответа на цивилизационный вызов страны.

Список использованной литературы

1. Языковые стратегии русской драматургии (введение в экографию): коллективная монография / Под ред. С.А. Комарова. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2013. – 327 с.
2. Комаров, С.А., Лагунова, О.К. Введение в экографию: феномен живого чувства в русской лирике XIX века / С.А. Комаров, О.К. Лагунова // Вестник ТюмГУ. – 2012. – № 1. – С. 49 – 54.
3. Комаров, С.А., Лагунова, О.К. В.Г. Распутин – экограф («Откуда есть-пошли мои книги») / С.А. Комаров, О.К. Лагунова // Время и творчество Константина Распутина: история, контекст, перспективы. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – С. 90–96.

А.И. Куляпин
г. Барнаул, Россия

ДЕФОРМАЦИЯ ИНТИМНОГО ПРОСТРАНСТВА ДОМА В РАССКАЗЕ В.М. ШУКШИНА «СВЕТЛЫЕ ДУШИ»

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX–XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

Аннотация: В статье рассматривается специфика художественного пространства рассказа В.М. Шукшина «Светлые души». Отмечается, что на раннем этапе творчества писатель испытал заметное влияние соцреалистического искусства. Наряду с прозрачными отсылками к произведениям советских классиков в тексте появляются гоголевские мотивы и образы. Автор «Светлых душ» пытается приспособить классические символы к советской системе ценностей. Своеобразие поэтики рассказа заключается в том, что советские идеологемы вторгаются в интимное пространство персонажей.

Ключевые слова: поэтика, мотив, художественное пространство, социалистический реализм.

A.I. Kulyapin
Barnaul, Russia

DEFORMATION OF THE INTIMATE HOUSE SPACE IN THE STORY "BRIGHT SOULS" OF V.M. SHUKSHIN

Abstract: The article deals with the specifics of the artistic space of V.M. Shukshin's story «Bright souls». It is noted that at an early stage of creativity the writer experienced a noticeable influence of socialist realist art. Along with transparent references to the works of Soviet classics, Gogol's motifs and images appear in the text. The author of "Bright souls" tries to adapt classical symbols to the Soviet system of values. The peculiarity of the story's poetics lies in the fact that Soviet ideologemes invade the intimate space of the characters.

Keywords: poetics, motif, artistic space, socialist realism.

Рассказ Шукшина «Светлые души» был написан в 1959 г., но опубликован только в 1961 г. в журнале «Октябрь» (№ 3). Позже Шукшин включил его в свою первую книгу «Сельские жители» (1963), однако в дальнейшие прижизненные сборники писателя этот рассказ не входил. Зрелый Шукшин недвусмысленно дистанцируется от своих ранних опытов.

Ранние рассказы Шукшина, такие как «Двое на телеге», «Правда», «Коленчатые валы», «Леля Селезнева с факультета журналистики» создавались в соответствии с канонами социалистического реализма. К этой группе можно отнести и рассказ «Светлые души», хотя нельзя не заметить, что от названных выше его отличает большая концептуальная сложность. Названия со словом «свет» и его производными были среди наиболее частотных и популярных в искусстве сталинской эпохи (фильм Г. Александрова «Светлый путь», роман С. П. Бабаевского «Свет над землей», повесть Г. Ф. Кунгурова «Свет не погас» и т. п.). Шукшин воспроизводит ту же модель заглавия.

Наряду с соцреалистическим название рассказа актуализирует еще и гоголевский контекст: «светлые души» Шукшина полемически соотнесены с «мертвыми душами» Гоголя, а в более широком контексте – и с религиозными мотивами.

Автор «Светлых душ» явно пытается приспособить классические символы к советской системе ценностей. Он, в частности, редуцирует религиозно-мистический аспект образа ревизора, столь характерный для Гоголя. В комедии Гоголя ревизор – это «воплощенный рок, совесть человеческая, правосудие божеское» [4, с. 224–225]. У Шукшина мотив ревизии в известной степени сохраняет оттенок необычности. Так, ревизия почему-то проводится ночью. «Всю ночь сидели. А утром нашего Ганю прямо из магазина да в КПЗ», – рассказывает мужу Анна [5, с. 74]. Тем не менее, шукшинский ревизор – это не посланец некоей высшей силы, а всего лишь представитель контролирующей организации, призванный уличить обманщика и восстановить социальную справедливость.

Шукшинские герои неоднократно совершают религиозные по форме жесты, например, в финале рассказа Михайло опускается на колени, но отнюдь не ради молитвы: в этой неудобной позе он пьет квас.

Шукшин минимизирует религиозную составляющую образов-символов, параллельно апеллируя к авторитету классиков советской литературы. «В “Светлых душах” противоречия сглажены добродушным юмором в духе “Поднятой целины” М. Шолохова, – отмечает В.В. Десятов. – Михайло прямо цитирует шолоховского Щукаря, называя свою жену “акварелью”. (“Акварель” – это хорошая девка, так я соображаю, – поясняет дед Щукарь, – а “бордюр” – вовсе даже наоборот, это не что иное, как гулящая баба <...>)» [2, с. 247].

Своеобразие поэтики «Светлых душ» заключается в том, что советские идеологемы вторгаются в интимное пространство персонажей. Михайло как любой положительный герой социалистического реализма общественное ставит выше личного, но при этом все же поражает его полное невнимание к собственному дому и острота переживаний за всеобщее благосостояние. Вернувшись из дальнего рейса и даже не поздоровавшись с женой, герой принимается чинить машину. Запасной карбюратор он ищет под кроватью. Выслушав историю ареста проворовавшегося завмага Гани, Михайло проявляет трогательную заботу о сохранности народного добра – просит у жены старое одеяло: «в кузов постелить. Зерна много сыплется» [5, с. 74]. Одеяло – больше не атрибут семейного ложа, ему предстоит украсить любимый грузовик ЗИС. В свою очередь карбюратор вполне может оказаться под кроватью, в столь не подходящем для хранения запчастей месте.

«Побудь ты хозяином в доме!», – напрасно призывает мужа Анна [5, с. 72]. Михайло, что характерно, очень плохо ориентируется в домашнем пространстве. Отыскать любую вещь для него нешуточная проблема. Даже, чтобы напиться квасу ему приходится «долго возиться среди тазов и кадочек» [5, с. 76]. Зато, когда речь заходит о стране, он мыслить по-хозяйски: «Весь СССР прокормить – это… одна шестая часть» [5, с. 74].

П.А. Гончаров и Е.Л. Стрыгина вообще усмотрели в тексте рассказа «элемент мягкой пародии, что знаменовало собой начало дистанцирования от привычных в литературе стереотипов производственно-личной интриги» [1, с. 162]. Трудно сказать, было ли у автора «Светлых душ» сознательное намерение пародировать клише соцреализма, но зная дальнейший творческий путь Шукшина, такое предположение не кажется совсем уж безосновательным. Курьезна ревность Анны. «Ты ее не целуешь, случайно? – говорит она о машине мужа. – Ведь за мной в женихах так не ухаживал, как за ней, черт ее надавал, проклятую! <…> На одну ночь приедет и то норовит убежать! Я ее подожгу когда-нибудь, твою машину. Она дождется у меня!» [5, с. 73, 75]. Еще более смехотворно оправдание Михайло: «– Я же не прижимаюсь к ней» [5, с. 73].

Надо, впрочем, учитывать, что для нашего современника многие образы и мотивы соцреалистического искусства выглядят комично. Показательна реакция западного читателя на советские романы тридцатых годов. «В сталинском романе любовь – это дополнительная часть сюжета, – замечает американская славистка К. Кларк. – Любовная жизнь героя

сама по себе ценности не представляет, она служит лишь выполнению стоящих перед ним задач и обретению сознательности. Не случайно в западном сознании традиционный сюжет советского романа описывается формулой: юноша овладел трактором. Это действие мало зависит от участия или неучастия в нем девушки. Овладение девушкой или овладение трактором – явление одного порядка, поскольку общественное задание всегда важнее личного» [3, с. 159]. Стоит только заменить трактор грузовиком, и высказывание К. Кларк может быть целиком отнесено к рассказу «Светлые души».

Несмотря на подражательность рассказа «Светлые души», в нем сквозь штампы соцреализма начинают уже пробиваться собственно шукшинские темы и конфликты. Принципиально важной для зрелого Шукшина будет оппозиция «мужское – женское». В одной из рабочих записей Шукшин заметил: «Эпоха великого наступления мещан. И в первых рядах этой страшной армии – женщины. Это грустно, но так» [6, с. 325].

Василиса Калугина и Зоечка (жена завмага Гани) – всего лишь фоновые персонажи «Светлых душ», обозначенные несколькими штрихами. Тем не менее, их с уверенностью можно отнести к авангарду «страшной армии» мещан. Василиса по явно завышенной цене продает поношенное плюшевое полупальто, в котором она ездила по воскресеньям на базар. Героиня втянута в частную торговлю, предосудительную с точки зрения настоящего советского человека. Портрет довершает характерная деталь: ходит она, «вихляясь без меры» [5, с. 72]. О Зоечке читатель узнает только то, что она «последнее время в день по два раза переодевалась. Не знала, какое платье надеть. Как на пропасть!» [5, с. 74]. Но и этого достаточно, чтобы понять, насколько велика ее роль в преступлениях Гани.

Главная героиня рассказа Анна еще в незначительной степени, но уже поддается мещанскому влиянию. В «Светлых душах» Шукшина пока предпочитает не обострять коллизию, связанную с покупкой пальто. Однако позже в рассказах «Мой зять украл машину дров!» (1971) и «Ночью в бойлерной» (1974) писатель представит драматический вариант решения типологически сходного сюжета.

Список использованной литературы

1. Гончаров, П.А., Стрыгина, Е.Л. «Светлые души» В. Шукшина: от «производственной литературы» к «деревенской прозе» / П.А. Гончаров, Е.Л. Стрыгина // Интертекстуальность художественного дискурса. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2018. – С. 158–166.
2. Десятов, В.В., Куляпин, А.И., Сигов, В.К. «Светлые души» / В.В. Десятов, А.И. Куляпин, В.К. Сигов // Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. – Т. 3. – С. 246–248.
3. Кларк, К. Советский роман: история как ритуал / К. Кларк. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 262 с.
4. Мережковский, Д.С. Гоголь и черт (Исследование) / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. – Москва : Советский писатель, 1991. – С. 213–309.
5. Шукшин, В.М. Светлые души / В.М. Шукшин // Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9-ти т. :– Барнаул : Изд. дом «Барнаул», 2014. – Т. 1. – С. 71–76.
6. Шукшин, В.М. Рабочие записи / В.М. Шукшин // Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9-ти т. :– Барнаул : Изд. дом «Барнаул», 2014. – Т. 8. – С. 310–328.

П.В. Маркина

г. Барнаул, Россия; г. Кайфен, Китай

ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНТОНА СОРОКИНА

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 16-14-22002 «Русская словесность на трансграничном пространстве России и Казахстана: процессы интеграции».

Аннотация: В статье рассматривается имагологический аспект в советских рассказах Антона Сорокина. Осмысливается выстроенная автором философско-эстетическая система

взаимоотношений народов восточной территории Евразии. Обусловленная исторически «национальная самобытность» казахов (наряду с природой, хозяйством и богатством) становится определяющим началом в противопоставлении русским. Художник, на протяжении всей жизни занимающийся исследованием, условно говоря, маргинального быта народов, этносов и локальных культур, никогда не дистанцировался от них. Для него не существовало границ и самого понятия «чужого».

Ключевые слова: Антон Сорокин, имагологический дискурс, образ киргиза (казаха), мифопоэтика.

P.V. Markina
Barnaul, Russia; Kaifeng, China

IMAGOLOGICAL DISCOURSE IN WORKS OF ANTON SOROKIN

Abstract: The article is written within a framework of the grant of Altai State Pedagogical University, project No. 01-2017. The article discusses the imagological aspect in Soviet short stories of Anton Sorokin. The author comprehends the philosophical and aesthetic system of relations between the peoples of the eastern territory of Eurasia built by the author. Provided by History the «national identity» of Kazakhs (as well as nature, agriculture and wealth) is the determining factor in the opposition to the Russians. Anton Sorokin is the artist throughout his life engaged in research of so called marginal life of the peoples, ethnic groups and local cultures, he were never distanced from the last ones. For him there were no boundaries and the concept of «stranger».

Keywords: Anton Sorokin, imagological discourse, the image of the Kirghiz (Kazakh), the mythopoetics.

Провозгласивший себя ***«королем писателей»*** Антон Сорокин был известным мистификатором. Главную его жизнетворческую стратегию обозначила в своей статье О.М. Гончарова [1, с. 249]. Мистифицирующая природа текста и игра с жизнетекстом характерна и для других писателей этой эпохи, например Олешу [4; 5].

Одной из таких мистификаций Антона Сорокина была история с уничтожением «Симфонии революции», которую даже исследователи, исходя из названия, понимали как гимн победе пролетариата, что на самом деле не соответствовало истине [3, с. 162].

Одним из главных, «сочиненных» автором биографических сюжетов, было получение премии от инородцев. Свою известность А.С. Сорокин представлял так: ***«…я стал печататься на киргизском языке, как получил первую премию имени Байсун»,*** – хотя достоверных сведений о премии нет. Эта премия-мистификация нужна была автору в качестве подтверждения своего статуса писателя-инородца. В своей «Жизни, данной Октябрем» он напрямую называет себя ***«киргизским писателем».*** Действительно, авторский дискурс значительной части произведений Антона Сорокина воспринимается как «Голос степного края» [8].

Антона Сорокина пытаются причислить к типу писателя-«евразийца». Однако есть важные ключевые моменты, которые отличают тексты Сорокина от произведений Г. Гребенщикова, П. Васильева, В. Шишкова (например, [6]) и др.

Говоря о казахском дискурсе Антона Сорокина, исследователи указывают в качестве устойчивой темы его творчества – столкновение «свободной, естественной жизни киргиза (казаха) с городом, являющимся символом ужаса, страха, разрушения цельной натуры человека с патриархальным сознанием» [2, с. 37]. С одной стороны, такая традиционная для начала века оппозиция вписывается в русло идейно-эстетических поисков того времени, репрезентируя «антицивилизационный» пафос позиции Антона Сорокина [7, с. 182]. С другой, – намеренное многократное повторение известных постулатов выглядит не столько художественным решением проблемы инородца, сколько стилизацией в духе азиатского фольклора. Желание представить восприятие «детьми степей» социальных и культурных перемен до- и послереволюционной эпохи находит свою повествовательную форму

короткого рассказа-примитива у писателя, «испытывавшего сильное влияние инонациональной культуры, фольклора и писавшего так, чтобы его понимали те, кому он посвящал свое творчество» [9, с. 43].

В произведениях Сорокина 1911–1927 гг. об инородцах наблюдается определенная динамика, обусловленная переменами, которые происходили в Степи и в мировоззрении автора. Если до революции и в период гражданской войны жители Степи изображаются писателем как побежденные (молодые – старыми, бедные – богатыми, кочевники – переселенцами, киргизы – казаками, люди – джутом и т.д.), то в изменившихся социально-исторических условиях писатель пытается создать произведения о радости новой жизни.

Следуя логике принципиальных изменений в изображении жизни инородцев (от темы уничтожения киргизов в условиях колониальной политики царизма – к теме возрождения жизни Степи при социализме), произведения Сорокина можно разделить на три группы, связанные с тремя периодами в творческом развитии писателя: в первом изображается жизнь степняков до того момента, ***«как инородцы встретили новую эру своей жизни»*** (1911–1915 гг.), во втором – перелом (1915–1924 гг.), в третьем – ***«жизнь, данная Октябрём»*** (1924–1927 гг.). При этом перелом проходит через преодоление автором установки на молчание, явившейся результатом ощущения бесперспективности избранной темы: ***«мне оставалось одно: прекратить писание рассказов из киргизской жизни».*** В изменившемся мире Сорокин подхватывает пафос новой литературы: ***«Я не хочу молчать»,*** – почти по-толстовски заявляет писатель.

Рассмотрим произведения каждого из трех обозначенных периодов с точки зрения формы и содержания авторского имагологического дискурса, анализ которого позволяет выявить систему сквозных образов и мотивов.

В первой группе текстов, проникнутой обличительным пафосом, уничтожение инородцев становится главной темой, раскрывающейся через ряд образов и мотивов: 1) мотив непонятой песни, 2) оппозиция театра и жизни, 3) уничтожение степи городом.

В текстах второго периода появляются традиционные фольклорные образы смерти-жатвы и пира смерти, изображаться оппозиция ***степи*** и ***города***, перерастающая в противостояние ***мира*** и ***войны.*** Боль киргизу приносят достижения цивилизации: ***«В трясучих ящиках ноги заболели у Бесекея, а от стука колес уши и голова разболелись…»*** [8, с. 60]. Инфернальные коннотации, сопряженные с дискурсом болезни, доводят героя до состояния, когда ***«стал различать певец с печальной судьбой в стуке колес слова родного языка: побежденный не будет сыт местью».*** Киргиз в какофонии окружающего мира слышит своё – железные звери повторяют своим ревом расслышанные в стуке колес слова (схожие песни колес в рассказе «Саудакас»).

Более частотным становится появление искусственного зоомира. Удовлетворить голод техники может человеческая жизнь. Кричит перепелкой машина-пулемет, плюющаяся свинцовой слюной разъяренного верблюда. Невидимые утки крякали железным криком, пули – степные осы – жалили людей до смерти, а железная птица стонала словами колес.

В рассказе «Железная птица» лучший стрелок степи убил невиданную птицу, оказавшуюся аэропланом атамана Дутова. Наивный взгляд в рассказе-примитиве обостряет катастрофичность столкновения естественного человека с цивилизацией.

Однако у автора еще есть надежда на возрождение вольного народа.

Произведения третьего периода в развитии киргизской темы представляют торжество новой жизни. Четко обозначается иерархическая ценность столицы в сказе «Глаза Сибири» (1925). Город больше не мистическое зло, теперь это средство для достижения прекрасной мечты в степи. Москва – ***мозг*** мира, всё стягивается туда и всё управляется им. Провозглашается установленная гармония природы и человека. Трава теперь – живописный яркий образ идеологического цветового поля. Глаза – озера в оправе изумрудно-зеленых степей или ***«…в яркой бархатно-красной оправе травы кызылша, сочной, как мексиканские кактусы».*** Маленькая красная трава, сопоставимая с флорой Америки, вписывает Степь в цветовой код новой страны. Творчество разворачивается в известной оппозиции ***«город – степь»***, только топосы теперь обретают свои конкретные черты. Киргизы рассказывают ***«новые сказки, каких еще не слышала моя тихая земля сибирская»***, сказки про нового человека – новую девушку степи – Джеланум.

Дочь несет слово правды людям, в то время как прельстившийся большим калымом отец, считающий по-прежнему, что город – это зло, идеологически проигрывает. Слова отца, по его признанию, ***«крепки, как прутья таволожки».*** Крепкая трава,

похожая на кустарник, знаменует старый мир. В новой исторической ситуации не дети бросают отца, он в своей упрямой невежественности сам остается один, отказываясь принять законы новой жизни. Отец отказался от дочери, которая понесла из юрты в юрту радостную весть, что киргизские женщины – не скот, и их нельзя продавать за калым.

В «Гневе Ашахата» (1926) драма-агитка из киргизской жизни, написанная писателем-сибиряком противопоставлена массовой культуре Америки. Автор бунтует против всего мира, против шаблонов технической цивилизации. Агитка-провокация использует имагологический дискурс в трикстерской стратегии разрушения. Герой-драматург – это революционер.

В запрошенной агитке из киргизской жизни «автор» ставит обязательным условием включение в сценическое действие настоящего шамана, который, в итоге, умер, потому что для него искусство и жизнь связаны воедино. Рассказчик, получив 20 рублей за драму, не скрывает своего предательства брата-инородца. Смерть шамана становится логичным итогом этого.

В ряде произведений третьего периода получают свою разработку темы ***театра и кино***. В рассказе «Гибель аула Батырбека» (1927) представлена история нового поверженного Дон Кихота, принесшего в мир ветряных мельниц последнее достижение цивилизации – кинематограф. Основанием для разрешения постановки картины «Гибель аула Батырбека» (название отсылает к рассказу «Ханство Батырбека» Г.Д. Гребенщикова) служит сравнение Сибири с далёкими манящими заморскими странами. Пионер от кинематографа Штакерт видит в своих мечтах ***«фундамент сибирского киноискусства»,*** постановку ***«мирового боевика»***. Иллюзию его укрепило богатство казахстанского отдела краеведческого музея Омска. Герой-идеалист уверен, что ***«кино – самое важное искусство. Для кино не может быть каких-либо запретов. Мы творим жизнь»*** [8, с. 106]. В тексте жизнь наказывает Штакерта.

Пароход «Андрей Первозванный», переименованный в «Пролетарий», везет в еще не тронутые, обширные, хлебородные павлодарские степи музейные экспонаты – юрты, которые теперь кажутся в пространстве, ждущем сельскохозяйственных машин, инородным включением. Любопытно, что киноиндустрия, освоившая ***«вещи даже из бывших царских дворцов»***, проиграла рабочей Степи, и даже провинциальному Омску, делая ставку на оставшуюся в веке императоров ***«потеху»***. Оторванный от жизни Штакерт, переместивший съемку реальной картины в мифологическое пространство Баян-Аула, подвел не только себя, но тех кочевников, которые ему поверили. Игровое нападение грабителей оказалось настоящим. Защищающийся от жителей револьвером, но поверженный и связанный, под заунывный скрип несмазанной арбы, под набросанными сверху сломанными киноаппаратами главный виновник несостоявшейся картины, приведшей к гибели реального аула, доставляется в Павлодар, где обманутые казахи намерены искать справедливости.

Несмотря на полную неудачу предприятия (ведь даже его любимая камера как будто против него), несостоявшийся кинематографист продолжает мечтать: ***«Арба закачала Штакерта, и он видел картины, как в кино: будущую Америку – Сибирь и новый киногород – Сибирский Голливуд»*** [8, с. 113]. Зараженный популярной в это время идеей американизации сибирской земли проигравший немец не вразумлен.

В произведениях третьего периода четко прослеживается возврат к старым темам, мотивам и их переосмысление. Возвращение «блудного сына» – ученых киргизов в степь, рождение новых детей – возрождение народа. «Джайкайдар» (1927) – новая песня хорошей жизни: не нужно серебра – есть золото солнца (Сары-Аркы – золотая степь). В то же время конструируются новые имагологические мифы, основанные на советской идеологии, например, о том, что ***«революцию киргизы начали»*** [8, с. 133].

В «Песне о живом кургане Азах» (1927) два кургана – метафора двух периодов встречи двух народов (первый жадные люди города раскопали, напророченная им сказателем гибель не случилась; второй остается рисунком истории, великой, недоступной пришлым горой, и если через много лет придут и разроют его, то не найдут ни могилы, ни золота).

В рассказе «Песня о живом кургане Азах», написанном в год первого юбилея Октябрьской революции, в деталях описывается предложение степняков выстроить в память о Ленине живой курган, в который вложит свою пятидневную работу каждый. Это будет растущий памятник того, что ***«жив киргизский народ и почитает тех, кто дает народу лучшую жизнь».*** Живорастущая гора от казахского потомства, «произведенного» по любви, одна точка в степи, новая вавилонская башня – лучший памятник, чем все книги об инородцах.

Возвращение жизни – это Новая песня о Ленине. Вновь манифестируется мысль о необходимо-

сти единения с природой, только теперь идеологически переосмысленная в песне о хорошем отце. Таким образом, песня вновь обретает голос, а разрушенные родовые связи восстановлены – народ обретает отца.

В рассказе «Человек, который еще не умер» (1925) автор признается, что, как бросающий зерно сеятель, не мог не писать. В изменившемся мире трансформируется и сама писательская манера. Теперь это крик о радости жизни, новая религия: ***«Я не буду писать поэму ненависти, я напишу о новом грядущем боге, имя которому человечество»*** [8, с. 141].

В эпоху социалистического строительства актуальность киргизских рассказов пропадает, но, по мнению автора рассказа, «Жизнь, данная Октябрем» (1927), ***«неразрешенный вопрос об инородцах должен быть освещен в художественной литературе»*** [8, с. 134]. Он анализирует имагологический дискурс в диахроническом аспекте.

Автор, разрешивший все поставленные ранее проблемы, утверждает счастье киргизского народа. В финале произведения 1927 года автор заявляет, что он как сибирский писатель, ставший конторщиком в новой стране, не ищет славы создателя рассказов из киргизской жизни, а в десятилетие революции приносит как дань благодарности тому, кто дал новую жизнь инородцам, томик своих рассказов: ***«Я, Антон Сорокин, как киргизский писатель, не могу не приветствовать вас, пионеров новой казахской жизни…»*** [8, с. 137]. Переход к новой жизни зафиксирован автором в наименовании народа: он – певец угнетенных киргизов, приветствует свободный народ нового Казахстана – казахов.

Таким образом, анализ динамики имагологического дискурса в творчестве Антона Сорокина позволяет увидеть общие тенденции эпохи, получившие воплощение в литературе, в том числе, и в произведениях писателей второго ряда. В то же время, наблюдаются изменения в авторском отношении к собственной жизнетворческой стратегии: от провозглашенного статуса ***«я – киргизский писатель»*** через преодоление кризиса к писанию советского эпоса о казахской счастливой жизни.

Список использованной литературы

1. Гончарова, О.М. «Игра» в жизни и творчестве Антона Сорокина / О.М. Гончарова // Культура и текст. Славянский мир: прошлое и современность. – Барнаул : Издательство БГПУ, 2001. – С. 249–259.
2. Джолдасбекова, Б.У. Национальный казахский колорит в творчестве русских писателей / Б.У. Джолдасбекова // Материалы международной научно-теоретической конференции «Актуальные вопросы современно филологии: теоретические проблемы и прикладные аспекты», посвященной 80-летию академика Багизбаевой Маи Михайловны (Четвертые Багизбаевские чтения). – Алматы : Казак, университет. – 2012. – С. 35–38.
3. Лощилов, И.Е., Устинов, Б.А. Уничтоженная книга Антона Сорокина / И.Е. Лощилов, Б.А. Устинов // Wiener slavistisches jahrbuch. Neue folge. – 2006. – № 4. – С. 155–176.
4. Маркина, П.В. Предметно-вещный мир в прозе Ю.К. Олеши / П.В. Маркина // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2006. – № 6. – С. 349–352.
5. Маркина, П.В. Философия нищеты Ю.К. Олеши / П.В. Маркина // Филология и человек. – 2010. – № 1. – С. 66–77.
6. Маркина, П.В. Мифопоэтика путевых очерков В.Я. Шишкова «По Чуйскому тракту» / П.В. Маркина // Русистика и современность. – 2016. – С. 318–323.
7. Сагалович, С. «Моя песня доживет…»: казахская тема в творчестве Антона Сорокина / С. Сагалович // Простор. – 1982. – № 8. – С. 181–184.
8. Сорокин, А.С. Голос степного края / А.С. Сорокин. – Омск : Типография Золотой тира» (ООО Омскбланкиздат), 2014. – 156 с.
9. Тырышкина, Е.В. Примитив А. Сорокина и его место в литературном процессе 20-х гг. / Е.В. Тырышкина // Материалы XXV всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Филология. – Новосибирск, 1987. – С. 38–43.

В.В. Мароши
г. Новосибирск, Россия

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА В МИНИАТЮРЕ И.А. БУНИНА «КАНУН»

Материалы подготовлены по результатам проекта, поддержанного РФФИ, № 18-12-00050 «Издание научного труда «Русский травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель».

Аннотация: В статье анализируется миниатюра И.А. Бунина «Канун» с точки зрения антропологической и социальной символики персонажей как знаковых для ситуации в России накануне 1917.

Ключевые слова: миниатюра, кризисная антропология, атавизм, деталь, символ.

V.V. Maroshi
Novosibirsk, Russia

ANTHROPOLOGICAL MODELING OF THE WORLD IN MINIATURE "EVE" OF I.A. BUNIN

Abstract: The article analyzes Ivan Bunin's short story «Eve» from the point of view of anthropological and social symbolism of characters as significant ones for the situation in Russia on the eve of 1917.

Keywords: short story, crisis anthropology, atavism, detail, symbol.

«Канун» – миниатюра И. Бунина, впервые опубликованная в составе книги «Божье древо» в 1931 г. Мы будем рассматривать ее с точки зрения концентрированной символической репрезентации антропологии и социальной стратификации предреволюционной России. Начинаясь как путевая зарисовка рассказчиком нескольких эпизодов, происходящих с рассказчиком «здесь и сейчас», в финале миниатюра локализует их в конце 1916 г.: «Шла, однако, уж осень шестнадцатого года» [4, с. 214].

Тем самым она обращена к затекстовому историческому нарративу и времени («канун» революции) – к подразумеваемому будущему в рассказе и к прошлому в восприятии рассказчика и читателей. Соотнесенность заголовка и финала придает миниатюре и всем ее образам особый профетический смысл, это знаки-символы близкой катастрофы.

В.И. Тюпа считает, что инвариантной текстообразующей ситуацией для жанра русского рассказа стал кризис [7]. «Канун» для самого писателя продолжал цикл «кратких рассказов», в которых признаки «кризисного жанра» были доведены до предельной концентрированности. Бунина, в отличие от большинства его временных союзников по «Знанию», интересовала не социология разных «бытовых» укладов России, а антропология человека в экзистенциальной / лиминальной ситуации. В характерологии изображения его персонажей это можно назвать принципом «кризисной антропологии».

В «Кануне» использован кумулятивный тип сюжета, завершающегося подразумеваемой финальной катастрофой: эстафета ускоренного движения или действий персонажей в пространстве («мчит во весь дух» – «спешно …пожирает» – «летят» – «вагон»), объединенная передвижением рассказчика-посредника, оказывается движением самого исторического времени («шла»…) к катастрофам 1917 г. Реминисценции с гоголевской тройкой очевидны и поддерживаются общими метафорами и идиоматикой.

Стремительная динамика езды мужиков восходит к коллективному неистовству грохочущей и летящей революции в «Окаянных днях», которое было изображено в сочетании красного цвета с предельно шумным и быстрым движением: «У солдат и рабочих, то и дело **грохочущих** на грузовиках, морды торжествующие» [5, с. 236–237]; «По Де-

рибасовской **несется** отряд всадников, среди них автомобиль…» [5, с. 279]; «С **ревом неслись** грузовики, полные товарищами с винтовками» [5, с. 279]; «…на автомобилях, на лихачах…**мчится…** всякая **красная** аристократия» [5, с. 257].

Художественное пространство в миниатюре ограничено городом и вагоном, что можно объяснить как доминирующим локусом будущей революции, так и ролью известного «пломбированного вагона» в ее радикализации. Оно строится горизонтально, в соответствии с хронотопом пути, метафорически осложненным «погоней»: рассказчика «точно нагоняют» мужики. Вертикальное членение тоже представлено разнообразно: верх – низ (гора и речка под мостом); с этим же соотносятся позиции персонажей относительно друг друга: «господин», который «…все встает…» [4, с. 214] и рассказчик, к которому он относится с пренебрежением («…не глядя на меня, – от пренебрежения ко мне…»); «великаны»-мужики и рассказчик, босяк под мостом («Под мостом, на береговой отмели, отвернувшись от проезжих под навес моста…»). Акцентированы пространства перехода или границы (вокзал, мост, берег, отмель), задающие символику лиминальности.

Символическая стратификация персонажей соответствует пространственной: действующие лица расположены в трех зонах: верхней (рассказчик и «господин», «второй класс» вагона), средней (мужики и рассказчик) и нижней (босяк). «Господин» стремится к наиболее высокому статусу, мужики выше рассказчика ростом, босяк статичен в своем низовом маргинальном статусе. Для российской политической антропологии это было типично: «верхи» и «низы» Ленина или три уровня («над нами», «рядом с нами» и «под нами») социальных страт по отношению к русской интеллигенции у Д.С. Мережковского в его книге «Грядущий Хам».

«Собачий» статус босяка, метафорически обозначенный рассказчиком («спешно, как собака» …» [4, с. 214]), не нов для антропологии русской литературы: в 1920-х гг. году подобные люди-«собаки» в послереволюционной словесности были привычны, («Глаза» Е. Замятина и «Собачье сердце» М. Булгакова), начиная с «Двенадцати» А. Блока. Однако уже в ранних рассказах Горького 1890-х мы легко находим босяка-собаку: «Живем мы, как собаки…И даже не в пример хуже. <…> Значит мы достойны собачьего положения, потому что люди мы плохие. <…> так нам, псам и надо» [6, с. 69]. У Блока, как мы помним, голодный пес будет неотступно следовать за красногвардейцами, символизируя «старый мир»: «Стоит буржуй, как пес голодный» [1, с. 355] (Ср. у Бунина «Стоит босяк … как собака»; «Только нищий пес голодный // Ковыляет позади» [1, с. 358], «Позади – голодный пес» [1, с. 359]. Собачий код революции имел глубокие архетипические корни в индоевропейской антропологии и повлиял в качестве символа времени на современную словесность («Глаза» Е. Замятина и «Собачье сердце» М. Булгакова, «Собачий ящик» ничевоков и др.).

Однако сходство персонажа с собакой для Бунина – это и одно из проявлений животного атавизма. Интенсивность социальных процессов в предреволюционной России привлекла внимание Бунина к криминальной антропологии как попытке объяснения того, что случилось со страной вне рамок экономического или социального уклада. Криминальные или суицидальные наклонности его персонажей с атавистическими чертами акцентированы в телесности и физиогномике его персонажей (великан Гараська в «Суходоле», Дениска в «Деревне», Соколович в «Петлистых ушах» и др.)

Мукомолы, внушающие рассказчику страх («страшные сапоги»), сочетают в себе черты крестьян (как «мужики» и наемные городские работники мукомольного предприятия, «пролетарии»). Собирательный портрет таких мужиков получился в «Кануне» самым сложным из всего ряда персонажей. Он вобрал в себя реминисценции из русской классической прозы (Достоевский, Тургенев) и собственно специфические атавистические детали.

Красные рубахи мужиков-великанов могут быть интерпретированы в символическом плане в разных направлениях: от красной рубахи палача и цвета революции (цвета жертвенной крови пролетариата) до праздничного веселья. Последнее в русской культуре было построено на доминанте красного цвета. Асоциальное поведение великанов («распояской» как «распоясались») выражается не в окраске их одежды, а в нарушении крестьянского этикета: «без шапок, в красных рубахах распояской» [4, с. 214]. Русские крестьяне вне дома всегда носили шапку и подпояску. В прозе Бунина всегда тщательно фиксируется такое аномичное поведение: «Вижу, лезет из низкой клетки приземистый старик...Идет через дорогу в избу – **без шапки**, в розовой новой рубахе **распояской**, и ворот от жары **расстегнул**. А из избе выходит в новой теплой поддевке, подпоясан зеленой подпояской, шапку в руках несет» [4, 2, с. 231]. В «распоясанном» в прозе Бунина виде предстают

«шальные» рыжие персонажи из народной среды: «Этот брянский мужик… стрелой **летал** в трактиры за кипятком: схватит медный чайник и **мчится** в галереях Старых Рядов, темной водяной струей выписывая по серому полу цифру восемь... бойкий зимний день, идет снежок, Ильинка чернеет народом, бегут, тасуются извозчичьи лошади, а он, в одной рубашке, **без шапки**, – голова у него похожа **на красного ежа,** – срывается с тротуара, выскочив на улицу, и **жжет** на подошвах по льду в канавке...» [4, 3, с. 53]; «…не спеша двигался навстречу Кузьме **темно-рыжий** мужичок с ведром в руке, распоясанный, без шапки и в тяжелых сапогах. <…> Сапоги **огромные**… <…> **жутко** немного» [4, 2, с. 53].

Идентичность неопределенного множества эксцентричных персонажей («все великаны, все рыжие…») нарушает классический мимезис. Рыжие у Бунина чаще всего персонажи необычных размеров, они относятся к особому антропологическому типу: «Он был **рыжевато-рус**, бородат и настолько **выше, крупнее обыкновенных людей**, что его **можно было показывать**. Он и сам чувствовал себя принадлежащим к какой-то иной породе, чем прочие люди» [4, 2, с. 276]); «…веря во власть над ним командира, рыжего человека чудовищной величины и грузности…» [4, 3, с. 219].

В «Окаянных днях» и «Итогах» Бунина «рыжие» станут отправной точкой рассуждений писателя об «уголовной антропологии» русской революции: «Бог шельму метит. Еще в древности была всеобщая ненависть к **рыжим**, скуластым. <…> И как раз именно из них, из этих самых русичей, издревле славных своей антисоциальностью, давших столько «удалых разбойничков», … как раз из них и вербовали мы красу, гордость и надежду русской социальной революции [5, с. 318]; «Сотни древних изречений говорят о всеобщей антипатии к **рыжим** и скуластым. <…> Посмотрите же на **рыжего**, скуластого,…Ленина» [2, с. 3].

Другую деталь коллективного портрета мужиков-рабочих («Все в муке, – мукомолы…») можно интерпретировать как аллюзию на набеленного Пьеро, крестьянина-мукомола из французского балаганного театра: «По уголовной антропологии, у огромного количества так называемых «прирожденных преступников» – **бледные** лица…» [2, с. 3].

Однако великан у Бунина – амбивалентный герой. Они не только живые анахронизмы с атавистическими чертами, но и реликты Святой Руси. В цикле миниатюр Бунина «Под серпом и молотом» (1930) появляются монахи-великаны, сопровождающие в начале 1920–х годов по Волге древний чудотворный образ: «В соборах все как было чуть не тысячу лет тому назад – **незапамятная и нерушимая Русь**: черные, средневековые лики икон, черная олифа...Но монахов в монастыре осталось всего несколько человек. Живут тем, что возят по приволжским городам (на пароме) древний чудотворный образ. <…> **Все фигуры** – и белые и черные – сажень ростом, **великаны**...» [5, с. 167]. Обратим внимание на сопоставимую типичность персонажей из разных миниатюр («все великаны», «все…великаны»). В благоговейной и замедленной этикетности своего поведения монахи-великаны могут быть противопоставлены «грому», демонстративной разнузданности поведения, мужиков из «Кануна». Если мукомолы символизируют собой стихию огня и разрушения, будущую революцию, то монахи – все в прошлом, в иной стихии – спокойной воды.

В финале рассказчика встречает «нового русского» того времени – образованного («очки») представителя русской буржуазии с отчетливыми чертами азиата: «И какой-то сидящий против меня господин лет за сорок, широкий и стриженный бобриком, в золотых очках на плоском носу с наглыми ноздрями…» [4, с. 214]). Это портрет типичного «плебея», представляющего с одинаковой долей вероятности и современную Бунину российскую буржуазию, и чиновничество. Плоский нос характерен у Бунина для азиатского типа лица и разных проявлений атавизма: **«**Вот снова – Каменная Баба. // Как сонны эти **плоские** черты! // Как первобытно-грубо это тело! [4, 2, с. 332]; «Нечто монгольское было в его желтоватом лице… золотыми пломбами блестели его крупные зубы…» [4, 3, с. 219]; «…угрожал Макарка, раскрывая **нахальные ноздри**» [4, 2, с. 72]; «У него было большое, **плоское** темя в **кабаньей красной шерстке**, носик **расплющенный**, с ши**рокими ноздрями**…» [4, с. 335]. Внешние и поведенческие черты этого персонажа подобраны по принципу контраста аристократическому типу (Ср. в «Русе» «узкий правильный нос», «…родом какая-то княжна с восточной кровью») [4, с. 325]. Он отдаляет себя от рассказчика высокомерием и сосредоточен на своей собственности: «…все поправляет на сетке свои хорошие, в крепких чехлах чемоданы и чемоданчики» [4, с. 214]. Кстати, «взбунтовавшийся» чемодан – герой одноименного рассказа («История с чемоданом»).

В «Окаянных днях» эти монголоидные черты объясняются исконным сосуществованием двух антропологических типов – исконно русского и угро-финского: «Есть два типа в народе. В одном преобладает **Русь**, в другом – Чудь, Меря» [5, с. 135]; «В русской литературе еще вчера были Пушкины, Толстые, а теперь почти одни **«проклятые монголы**» [5, с. 221]; «А сколько лиц бледных,… среди русского простонародья, – сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных **на монгольском атавизме**!» [5, с. 112]. В статье «Итоги» (1922) Бунин меняет это противопоставление на изначальное существование двух антропологических типов: собственно русского и «монгольского»: «Круто замешана Русь на монгольском атавизме. И киевская Русь была хороша» [3].

Итак, в системе персонажей миниатюры герой-рассказчик боится мужиков («страшные сапоги») и отвержен «господином». Он буквально со всех сторон окружен атавистическими типами со знаками телесной патологии и социальной аномии. Схожая ситуация характерна для воспоминаний писателя о литераторах-современниках, которые предстают уродами в телесном и моральном аспектах. В «Кануне» и акторы, и жертвы будущей революции в этом отношении, несмотря на разный социальный статус, идентичны друг другу.

Список использованной литературы

1. Блок, А.А. Собр. соч.: В 8 т. / А.А. Блок. – Москва : ГИХЛ, 1960–1963. – Т. 3. – 1960. – 714 с.
2. Бунин, И. Итоги / И. Бунин // Утро. – 1922. – 6 января (№ 5). – С. 2–3.
3. Бунин, И. Еще об итогах / И Бунин // Утро. – 1922. – 13 января (№ 11). – С. 2–3.
4. Бунин, И. Собр. соч. в 5-ти т. / И. Бунин. – Москва : Правда, 1956.
5. Бунин, И. Воспоминания / И. Бунин. – Москва : Захаров, 2003. – 395 с.
6. Горький, М. Рассказы / М. Горький. – Минск : Маст. лит., 1984. – 462 с.
7. Тюпа, В.И. Кризис как инвариантный конструктивный фактор жанра рассказа / В.И. Тюпа // Кризисные ситуации и жанровые стратегии. – Москва : Эдитус, 2017. – С. 56–62.

Д.В. Марьин
г. Барнаул, Россия

АЛТАЙСКИЙ ТОПОС В ПРОЗЕ М. ВЕЛЛЕРА

Аннотация: Автор анализирует рассказы М.И. Веллера, написанные на основе впечатлений от пребывания на Алтае в 1976 г. Акцент сделан на выявлении особенностей представления топоса Алтая через архетипы, образы, символы вестерна.

Ключевые слова: Русская литература XX века, творчество М.И. Веллера, Алтай, вестерн, фронтир.

D.V. Maryin
Barnaul, Russia

ALTAI TOPOS IN PROSE OF M. VELLER

Abstract: The author analyzes the stories of M.I. Weller, written on the basis of impressions of his stay in Altai in 1976. The emphasis is on identifying the characteristics of the topos of the Altai through archetypes, images and symbols of western.

Keywords: Russian literature of the 20th century, creative works of M.I. Veller, western, frontier.

Образ Алтая занял прочное место в русской литературе благодаря произведениям И.А. Кущевского, Л.П. Блюммера, Г.Д. Гребенщикова, В.Я. Шишкова, В.Я. Зазубрина, В.В. Бианки, И.А. Ефремова, С.П. Залыгина, В.М. Шукшина и других известных писателей. Свой вклад в формирование образа Алтая в отечественной литературе внес популярный современный писатель и публицист

М.И. Веллер. В фокусе внимания рассказов «Конь на один перегон» (1983) и «Мы не поедем на озеро Иштуголь» (1988) нравы и повседневный быт скотогонов, ведущих стадо овец из Монголии в Бийск. В основу обоих произведений положены реальные события из жизни автора: с мая по октябрь 1976 г. начинающий писатель работал перегонщиком импортного скота на Алтае, на Чуйском тракте. Позже те же события Веллер опишет в главе «Скотогоны» из книги «записок советского бродяги» «Мишахерезада» [4]. Из двух «алтайских» рассказов больше повезло первому. Рассказ «Конь на один перегон» впервые был напечатан в 1983 году в дебютном сборнике писателя [2, с. 8–20] и в настоящее время считается одним из лучших произведений автора.

Рассказ не раз привлекал внимание литературоведов и, в частности, может быть интерпретирован в русле мифологии, историософии [10, с. 42] и т.д. Однако, как нам кажется, «алтайские» рассказы Веллера адекватнее прочитываются сквозь призму жанровой (= литературной) формулы и архетипических образов и символов вестерна. Это, с одной стороны, развивает традицию представления образа Алтая через «американский» мотив «золотой лихорадки», заложенный И.А. Кущевским в очерках «Не столь отделенные места Сибири» (1875), романе Л.П. Блюммера «На Алтае» (1871) и др. С другой стороны, в очередной раз открывает новые грани художественного осмысления топоса Алтая в русской литературе.

Под термином «литературная формула» мы, вслед за американским исследователем Д. Кавелти, будем понимать структуру повествовательных или драматургических конвенций, использованных в большом числе произведений [7, с. 33]. Литературную формулу, прежде всего, составляют стереотипы, а также сюжетные схемы, обозначаемые Кавелти термином «архетипы». Иными словами литературные формулы – это «способы, с помощью которых конкретные культурные темы и стереотипы воплощаются в более универсальных повествовательных архетипах» [7, с. 34].

В рассказах «Конь на один перегон» и «Мы не поедем на озеро Иштуголь» явно реализованы архетипы литературной формулы вестерна. Несмотря на то, что вестерн как направление искусства находит реализацию не только в кинематографе, но и в литературе, музыке, живописи, в данном случае речь пойдет о влиянии на эстетику и поэтику рассказа Веллера киновестерна, так как в XX в. именно кинематографические варианты вестерна стали преобладать в масскульте. В начале 1960-х в советском прокате с большим успехом прошел х/ф «Великолепная семерка» (1960) режиссера Д. Стерджеса, а летом 1974 г. началось триумфальное шествие по экранам кинотеатров СССР х/ф «Золото Маккены» (1969) Д. Ли Томпсона. Не будем забывать и о популярных в нашей стране в 1960–1970-х гг. кинофильмах восточногерманской студии «ДЕФА» с Гойко Митичем в главной роли.

Образы главных героев и некоторые фабульные элементы киновестернов, как нам кажется, могли быть заимствованы писателем для рассказов об алтайском периоде его жизни. Впрочем, и литературные произведения в жанре вестерн советскому читателю были хорошо известны уже в школьном возрасте: от романов Т. Майн Рида, Э. Сальгари и Б. Гарта, написанных еще в конце XIX в., до повестей «польского индейца» Сат-Ока (повесть «Таинственные следы» на русском языке вышла отдельным изданием в 1976 г.). В тексте веллеровских рассказов о скотогонах Алтая прямые отсылки к вестерну не могут не броситься в глаза. Например, имя одного из персонажей рассказа «Конь на один перегон» – «Толик-ковбой». Образ ковбоя появляется и в рассказе «Мы не поедем на озеро Иштуголь»: «Выгоревшая армейская панама в сочетании с сапогами, многонедельной бородой и черным загаром придавала ему вид киногероя-первопроходца. Какой-то амулет болтался на засаленной веревочке в распахнутом вороте рубахи, пятнистой от соляных разводов. <…> Трудноопределимая первозданная сила, какое-то спокойное и естественное единение с природой, с миром исходили от этого человека, проводящего жизнь в седле, среди гор. Кто б мог подумать: не в голливудском Техасе, а у нас, без кольта и стетсоновской шляпы – вот рядом с нами сидит настоящий ковбой!» [3, с. 95–96]. Характерно, что в главе «Скотогоны» из книги «Мишахерезада», посвященной полугодовой жизни Веллера на Алтае, уже нет отсылок к архетипам вестерна. В этой книге сделан акцент на воссоздание событий молодости автора в духе постсоветского реализма.

В становлении вестерна как литературного и кинематографического жанра большую роль сыграла так называемая «гипотеза фронтира», выдвинутая американским историком Ф. Тёрнером. Фронтир – граница американских поселений на Западе в период его колонизации, «место контакта дикости и цивилизации» [11, с. 14]. Тёрнер утверждал, что в социальном плане фронтир был «предохранительным клапаном», который давал США уникальный

шанс смягчить социальную напряженность в обществе. Именно благодаря фронтиру формировались и постоянно воспроизводились идеалы свободы и демократии [11, с. 7].

Архетипический образ фронтира достаточно полно воспроизведен Веллером в рассказе «Конь на один перегон». Его традиционные элементы: суровая, дикая местность, персонажи, соответствующие типам пионера-первопроходца и туземца, фабульные события, связанные с покорением природы или животного, – чаще всего лошади. Культурный аналог фронтира в послевоенном СССР – Сибирь, Дальний Восток, советский Север, полные «темных личностей, скитающихся в целях "заколачивания" денег, – короче, территория, где живут "крутые" ребята» [6]. Напарники Сиверина в рассказе «Конь на один перегон», как и он сам, бывшие уголовники. На Алтай они прибыли «за длинным рублем». Главная особенность фронтира – «свобода от устоев и традиций (общество состоит в большинстве из приезжих, еще не устоялось – нет и устоев), от классовых или сословных условностей, а при желании – и от своего прошлого. Свобода от каких бы то ни было государственных, общественных, правоохранительных органов» [6]. В приграничном Алтае воплотились нонконформистские идеалы М. Веллера. Здесь, на окраине Советского Союза, царят свобода мысли, свобода личности, которых нет в метрополии. В рассказе «Мы не поедем на озеро Иштуголь» это противопоставление показано прямо: столичный редактор полностью просит переделать рассказ главного героя о работе скотогоном в соответствии с канонами соцреализма [3, с. 100]. Однако если в 1950-е гг. произошла идеологически успешная «смычка» сибирского фронтира с процессом организации всесоюзных ударных строек, то к 1970-м гг. высокий пафос в восприятии Сибири был уже утерян [1, с. 103–104]. Карточная игра, более того, умение передернуть, способность постоять за себя, жизнь в соответствии с своеобразным кодексом чести, а не с законодательством – ценности, которые котируются алтайским фронтиром в изображении Веллера.

Фронтир – это еще и место контакта европейской цивилизации с туземной. Действие рассказа разворачивается в долине алтайской реки Юстыд, которая известна своими археологическими памятниками: скифскими курганами, древней наскальной живописью. В поединке Сиверина с рыжим конем-монголом вновь оживает эпоха тысячелетней давности, когда здесь, в Чуйской долине, жили древние кочевые племена, когда человек был один на один с природой, когда конь был важной составляющей жизни и быта, спутником и товарищем мужчины-воина. В итоге фактически Сиверин не объезжает коня, не ломает его волю, а происходит взаимное приспособление коня и всадника друг к другу. В сцене объездки коня-монгола и всадника-русского происходит буквальное примирение двух цивилизаций, почти языческое слияние человека и животного. Так в рассказе появляется мотив двойничества. «У ручья конь заторопился и стал пить, звучно екая, отфыркивая и переводя дух. Сиверин опустился на колени рядом, со стороны течения, и тоже долго пил. От студеной воды глотка немела и выступило на глазах. <…> Постояв, куря и глядя, Сиверин помочился, и конь тоже пустил струю.

– Мы с тобой договоримся, паря... – улыбнулся невольно» [5, с. 384].

Характерно, что только с рыжим монголом герой Веллера делится своими планами на будущее – это единственный монолог, который произносит Сиверин в рассказе. После поединка действие рассказа, казалось бы, стремится к гармонизирующему финалу, предтечей которого является монументальная картина ночного Горного Алтая, нарисованная воображением Третьяка и Кольки Милосердова в ходе их диалога. Еще одним символом интерференции двух культур и цивилизаций является монгольская монета в 5 монго, которую вместо нательного креста носит на шее Колька Милосердов. Здесь писатель отходит от литературной формулы вестерна. Не покорение туземной цивилизации, но примирение двух культур, двух цивилизаций – это художественная функция алтайского фронтира, топоса Алтая.

Одним из архетипических фабульных элементов вестерна, присутствующим в обоих рассказах, является перегон скота. Перегон скота – основа сюжетных линий многих американских киновестернов, включая такие классические образцы жанра, как «Красная река» (1948, реж. Г. Хоукс), «Моя дорогая Клементина» (1946, реж. Д. Форд) и др. Перегонщик скота – архетипический образ вестерна [8, с. 30]. Разведение скота и связанная с этим субкультура ковбоев (стиль одежды, стиль «кантри» в музыке, родео и т.п.) – неотъемлемая часть истории освоения Дикого Запада.

В то же время перегон скота – давнее, традиционное занятие кочевых народов Алтая и русских поселенцев, что сближает в культурном плане историю освоения Алтая и американского Запада. В расска-

зах М. Веллера тема перегона скота лишь затронута: это событие в фабуле не отражено и лишь предполагается («Конь на один перегон») или является второстепенным («Мы не поедем на озеро Иштуголь»). Это дополнительный архетипический элемент, создающий «местный колорит» в произведениях.

Еще одним важным элементом литературной формулы вестерна является тема построения общества [13, с. 235]. В рассказе «Конь на один перегон» она представлена через тему социализации, которая, в свою очередь, превращается в тему инициации героя. Герой вестерна «будто отвергнут всем миром, тем не менее, проживая в нем» [8, с. 31]. «Всех документов у него было справка об освобождении» [5, с. 375] – единственная характеристика, которую дает Веллер своему герою в начале рассказа «Конь на один перегон». Сиверин выключен из общества, он чужак для членов бригады, как и рыжий конь-монгол, которого не принимает табун скотогонов. Неслучайно, только в сцене объездки одичавшего монгольского коня раскрываются личные качества героя, да и сам он, как будто, находит себя, и читатель впервые получает возможность увидеть психологический портрет Сиверина. Для Сиверина объездка коня – обряд инициации, принятия его в общество скотогонов, спровоцированный бригадиром Третьяком. «Мужски-лестное уважение» «Коня ничо ты сделал» [5, с. 385], которым награждает Колька Милосердов Сиверина в конце рассказа, – знак признания его бригадой, включение в микросоциум скотогонов – единственную «ячейку» цивилизованного общества на фронтире.

Непосредственное влияние не только на эстетику и поэтику, но и на сюжетные и фабульные элементы рассказа «Конь на один перегон», как нам кажется, оказала знаменитая серия вестернов итальянского кинорежиссера С. Леоне. Фильмы С. Леоне до 1984 г. в прокат в СССР не выходили. Но специалисты, узкий круг представителей богемы и творческой интеллигенции были знакомы с ними [8, с. 239–241]. Да и сам главный герой рассказа Сиверѝн (Имя или фамилия героя? А, может быть, кличка?) напоминает сквозного персонажа трилогии Леоне – «Человека без имени» в исполнении Клинта Иствуда или более позднего, также безымянного, героя х/ф «Однажды на Диком Западе» (1968) в исполнении Ч. Бронсона. Даже специфика именования персонажа подчеркивает неопределенность его социального статуса, и даже некоторую психологическую безликость. Как и «Человек без имени» у Леоне – «плохой герой», чей образ создан вне канонов положительного героя классического вестерна [8, с. 240], приходящий из ниоткуда и уходящий в никуда, Сиверин – герой-одиночка, вне канонов положительного героя соцреализма: бывший уголовник, не гнушающийся в карточной игре шулерских приемов, «скор на руку», неразговорчивый и замкнутый в себе, независимый, но, тем не менее, с четким представлением о законах дружбы, о качествах настоящего мужчины, со своим своеобразным кодексом чести, не совпадающим с «моральным кодексом строителя коммунизма».

Характерной особенностью вестернов Леоне является их притчевость. Рассказ Веллера, несмотря на реалистическую, и даже этнографическую основу, может быть рассмотрен и в аспекте притчи, параболы. Свобода, к которой стремится вышедший из заключения Сиверин, казалось, находится на просторах Алтая, на землях фронтира. Объездка коня есть его подчинение, лишение свободы. Но по законам алтайского фронтира всадник и конь взаимно приспосабливаются друг к другу. Конь – такое же вольное, свободное существо, как и сам Сиверин. Однако свобода даже в условиях фронтира не идеальна, как и сам фронтир и его люди. Внезапно герой узнает, что прирученный им конь, уже ставший другом, подлежит в конце перегона сдаче на мясокомбинат. Конь – собственность государства, определившего его судьбу. Власть государства, как оказалось, и на фронтире не менее действенна и всесильна, чем в метрополии. Судьба самого Сиверина также не будет безоблачной, ведь конь – его двойник. Решение Сиверина в финале рассказа: «Сам убью!..» [5, с. 386] – ничто иное, как отчаянный протест против воли государства, попытка сделать еще один шаг к настоящей свободе. Так и герой рассказа «Мы не поедем на озеро Иштуголь» отказывается следовать воле журнального редактора и переделать свой рассказ о работе скотогоном в соответствии с установками соцреализма и, в конечном счете, доносит до читателя ту правду, лишенную романтики, ради которой он приехал на Алтай, а потом сел за письменный стол.

«Алтайские» рассказы М.И. Веллера, насыщенные аллюзиями и интертекстуальными перекличками с литературными и кинематографическими текстами жанра вестерн, переосмысливая и модифицируя их, вносят новые аспекты в традиционный образ Алтая, сформированный в русской литературе в XIX–XX вв., открывая тем самым новые перспективы не только в изучении «алтайского текста», но и геопоэтики в целом.

Список использованной литературы

1. Вайль, П. 60-е. Мир советского человека / П. Вайль. – Москва : АСТ : Corpus, 2014. – 432 с.
2. Веллер, М.И. Хочу быть дворником: Сб. рассказов / М.И. Веллер. – Таллин : Ээсти раамат, 1983. – 223 с.
3. Веллер, М.И. Ножик Сережи Довлатова М.И. Веллер / Санкт-Петербург : «Нева»; Москва : «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. – 383 с.
4. Веллер, М.И. Мишахерезада / М.И. Веллер. – Москва : АСТ, 2011. – 448 с.
5. Веллер, М.И. Конь на один перегон / М.И. Веллер // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология: в 5 т. Т. 5: 1970-1980 гг. / Под ред. Д.В. Марьина. – Барнаул: ООО «Издательский дом «Барнаул», 2012. –С. 375–386.
6. Замятина, Н. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах [Электронный ресурс] / Н. Замятина. – Режим доступа: http://america-xix.org.ru/library/zamyatina/ (дата обращения: 11.07.2016).
7. Кавелти, Д. Изучение литературных формул / Д. Кавелти // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22. – С. 33–64.
8. Карцева, Е.Н. Вестерн. Эволюция жанра / Е.Н. Карцева. – Москва : Искусство, 1976. – 255 с.
9. Крикунова, Е.К. Мир голливудского вестерна / Е.К. Крикунова // Артикульт. – 2012. – № 5 (1-2012). – С. 26–35.
10. Литературная мифология Алтая : коллективная монография / Е.А. Худенко, А.И. Куляпин, Т.А. Богумил, Н.И. Завгородняя; науч. Ред. Е.А. Худенко. – Барнаул : АлтГПУ, 2019. – 178 с.
11. Тёрнер, Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Ф. Тёрнер. – Москва : Весь мир, 2009. – 304 с.
12. Kolker, R.P. Film, Form and Culture. 4th ed. / R.P. Kolker. – London & New York : Routledge, 2016. – 370 p.

Т.А. Речкина
г. Барнаул, Россия

ГЕНДЕРНАЯ СЕМАНТИКА БАНИ В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ II ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена изучению гендерной семантики бани в художественной системе писателей, представляющих традиционалистскую прозу второй половины XX века. В статье произведен анализ ряда произведений, результаты которого позволяют объяснить противоречивость народных представлений о бане. Исследование семантики пространства в гендерном аспекте позволило доказать, что у персонажей-женщин баня вызывает негативные ассоциации, мыслясь таинственной, опасной территорией – обителью нечистой силы; в то время как для персонажей-мужчин баня служит укрытием от социума, местом физического и морального раскрепощения.

Ключевые слова: баня, гендерная семантика, писатели-традиционалисты.

T.A. Rechkina
Barnaul, Russia

GENDER SEMANTICS OF A BATHHOUSE IN THE PROSE OF WRITERS-TRADITIONALISTS OF THE II HALF OF THE XX CENTURY

Abstract: The article is devoted to the study of gender semantics of the bathhouse in the artistic system of writers representing the traditionalist prose of the second half of the twentieth century. The article analyzes a number of works, the results of which allow us to explain the inconsistency of popular ideas about the bath. The study of the semantics of space in the gender aspect allowed us to prove that the bathhouse evokes negative associations in female characters, being a mysterious, dangerous territory-the abode of evil spirits; while for male characters, the bathhouse serves as a shelter from society, a place of physical and moral emancipation.

Keywords: bathhouse, gender semantics, traditional writers.

Среди различных локусов, составляющих деревенскую усадьбу, баня в русской культуре обладает наиболее неоднозначной семантикой. С одной стороны, баня – место телесного очищения, которое в крестьянской жизни не ограничивается лишь бытовой функцией, но неразрывно связано с целым рядом последовательных «ритуалов», сопровождающих каждый этап омовения. Такое представление, сохранившееся и в наши дни, имеет глубокие исторические корни, когда каждой составляющей всего процесса придавалось магическое значение. В произведениях русского фольклора отражено поверье, в котором бане приписывается способность восстанавливать физические силы, а также изгонять тоску и прочие негативные переживания:

«Сходить в знойну-парну баинку,
Не отмою, не отпарю ль
Эту тоску и кручинушку» [8, с. 109].

С другой стороны, в народных представлениях баня – обитель нечисти. Это место, которое доступно для безбоязненного посещения только в определенный день недели, но тем более привлекательное для человека, решившегося на общение с потусторонними силами, например, во время святочных гаданий. Е.Э. Будовская и И.А. Морозов отмечают регламентированность поведения в бане: «В бане следовало вести себя осторожно: нельзя было громко говорить, ругаться, смеяться, хвастаться. В баню не вносили икон. <…> Баня считалась самым подходящим местом для колдовства, магии, гаданий, сделок с чертом и т. п.» [5, с. 138]. Такая способность бани служить укрытием от Божьего взора со временем трансформируется в способность укрывать от глаз людских для совершения поступков, осуждаемых и социумом.

Оба варианта народного восприятия бани получили широкое отражение в прозе писателей-традиционалистов II половины XX века.

В чем же кроется причина столь резкого семантического контраста бани? Ответ на этот вопрос можно получить, обратившись к изучению фигуры посетителя, а точнее – специфики восприятия им пространства в зависимости от гендерной принадлежности. Проанализировав особенности поведения персонажей разного пола в бане, а также изучив особенность ассоциаций, порождаемых в результате взаимодействия с пространством, мы сможем определить гендерную семантику бани в традиционалистской прозе.

Ритуализация мытья в бане занимает центральное место в рассказе В.М. Шукшина «Алеша Бесконвойный». Приоритет бани над мирской суетой непоколебим для мужчины, несмотря на всеобщее осуждение. Баня в рассказе предстает укрытием от повседневности, позволяя герою углубиться в себя, пофилософствовать о жизни и смерти, то есть заняться тем, что не будет принято социумом как норма поведения безотказного работника, достаточно серьезного, неразговорчивого Кости Валикова. В этом случае показательно то, что насмешливое второе имя герой получает именно как результат общественного осуждения за неистовую «преданность» субботней бане, но и оно не задевает героя во время пребывания в родной стихии: «…И пошла тут жизнь – вполне конкретная, но и вполне тоже необъяснимая – до краев дорогая и родная. Пошел Алеша двигать тазы, ведра… – стал налаживать маленький Ташкент. Всякое вредное напряжение совсем отпустило Алешу, мелкие мысли покинули голову, вселилась в душу некая цельность, крупность, ясность – жизнь стала понятной. То есть она была рядом, за окошечком бани, но Алеша стал недосягаем для нее, для ее суетни и злости, он стал большой и снисходительный» [9, с. 100].

Обретая новый взгляд на жизнь, герой задумывается о смерти. При чем последняя буквально имитируется мужчиной в самый разгар купания: «Потом Алеша полежал на полке – просто так. И вдруг подумал: а что, вытянусь вот так вот когда-нибудь… Алеша даже и руки сложил на груди и полежал так малое время. Напрягся было, чтоб увидеть себя, подобного, в гробу. И уже что-то такое начало мерещиться – подушка вдавленная, новый пиджак … Но душа воспротивилась дальше, Алеша встал и, испытывая некое брезгливое чувство, окатил себя водой. <…> Ну ее к черту! Придет – придет, чего раньше времени тренироваться!» [9, с. 101]. Изображая мертвеца, Алеша побеждает смерть духовно, принимая ее неизбежность. А.И. Куляпин пишет: «Являясь местом соединения стихий огня, воды и воздуха, баня идеально выражает символику перехода из одного состояния в другое, актуализирует такие важные оппозиции, как "сакральное – инфернальное", "жизнь – смерть"» [6, с. 31].Таким образом, в приведенном примере баня не только приносит мужчине радость физического отдыха, но дарует полнейшее умиротворение и свободу от негатива повседневности, бренности бытия.

Такая позитивная защитная функция бани трансформируется. В повести В.Г. Распутина «Последний

срок» баня служит местом практически постоянного пребывания мужчин. Собравшись в доме умирающей матери, Илья и Михаил изначально выпивают за встречу на кухне. Затем, все больше поддаваясь искушению, мужчины перебираются в баню, где пьянствуют на протяжении всей повести. В этом случае баня укрывает кощунствующих персонажей не только от людского осуждения, но и позволяет скрыться от мук совести.

Особое, историческое значение бани в мужской жизни оригинально показано в шукшинской «Калине красной» в эпизоде о начале прокудинского посвящения в семью Байкаловых. Новоиспеченного жениха с сомнительным прошлым испытывают баней. Утративший деревенскую идентичность Егор проверку не проходит: ожидаемое благо бани приносит вред Петру. Мотив испытания баней был подробно разработан В.Я. Проппом при обращении к обряду инициации юношей перед браком [7]. Таким образом, его наличие в шукшинской повести подтверждает историческое преобладание мужской семантики локуса.

Показательно также, что именно в бане происходит духовное сближение мужчин, когда вернувшийся после городского «разврата» Прокудин выпивает с Петром в бане. Локус в этом случае наделяется сакральным смыслом, защищая родственные души от постороннего вмешательства.

Одновременно с этим баня в глазах Любы Байкаловой имеет однозначно отрицательную семантику. Выбор мужчин не находит у женщины понимания и мыслится как безрассудство:

«– В баню зачем-то поперлись. – Люба засмеялась. – И не боятся ведь! Меня сроду туда ночью не загонишь.

Егор удивился:

– Чего?

– Да там же черти! В бане-то… Они там и водются» [9, с. 246].

Обителью нечисти баня становится в трилогии В.И. Белова «Кануны». Здесь особенно любопытно представлена зависимость проявления такой функции локуса от гендерной принадлежности посетителя.

Так, для гадающей в святки Веры Роговой источник опасной мистической атмосферы бани остается тайной: видение, показавшееся девушке в зеркале, заставляет героиню потерять сознание, так и не прикоснувшись к неизведанному.

В то же время для обосновавшегося в бане Носопыря вымышленный мелкий пакостник «баннушко» становится чуть ли не питомцем. Старик активно взаимодействует с ним и даже прищемляет последнему «хвост», который при свете оказывается куском веревки. Показательно, что самого Носопыря такое соседство скорее развлекает, чем пугает, а постоянные жалобы на его проделки становятся одной из любимых тем разговора с односельчанами. Полярность мужского и женского взглядов относительно мистического обитателя бани четко прослеживается во время очередной такой беседы Носопыря с Аксиньей Роговой. Не сомневаясь в существовании баннушки, женщина воспринимает нечисть исключительно враждебно, и немедленно предлагает способ его уничтожения: «А ты бы святой водой покропил. Углы-то!» [4, с. 9].

Мотив враждебности банного пространства для слабого пола прослеживается в тетралогии Ф.А. Абрамова «Пряслины». Баня здесь – место мужского искушения, жертвой которого становится женщина. Именно в бане Егорша впервые открывает для себя влечение к Лизе Пряслиной, которое немедленно пытается удовлетворить: «Егорша скосил прищуренный глаз на черные дверцы баньки с деревянным держаком, оглянулся вокруг.

План созрел моментально.

– Пойдем, палец поможешь перевязать. <…>.

Пропуская вперед Лизку, Егорша тихонько накинул крючок на дверцы» [1, с. 133–134].

В абрамовской тетралогии также обнаруживается связь бани с мотивом изгойничества, объектом которого показательно является мужчина: «Олена, жена Петра Житова, терпеть не может этих пьяных сборищ в своем доме, и вот придумали: с осени прошлого года обосновались в бане. Стены да крыша есть, коптилку соорудили, а больше что же надо?» [2, с. 18]. Таким образом, баня дает свободу действий мужчинам, изгнанным из регламентированного домашнего пространства.

Мнимая опасность для женщины, исходящая от бани, приобретает конкретные черты в повести Ф.А. Абрамова «Деревянные кони». Локус изображен подчеркнуто роковым пространством, в котором происходит переломный момент в судьбе героини: «Далеко ли от огорода до бани? А мама как раз к бане подошла, когда он ружье-то на нее навел, да, видно, рука-то после пьянки взыграла, а то бы наповал» [3, с. 14]. В данном случае примечательно, что конфликт, возникший между старшим поколением персонажей, передается потомкам посредством бани: «Дробь и теперь в дверке у бани сидит. Не видал? – обратилась ко мне Евгения.

– Посмотри, посмотри. Меня муженек сюда первый раз привез, куда, думаешь, перво-наперво повел? Терема свои показывать? Золотой казной хвастаться? Нет, к бане черной» [3, с. 14]. Таким образом, приведенные примеры позволяют отнести баню к мужскому пространству. Сильный пол обретает здесь полную нравственную свободу и душевную гармонию, в то время как женщинам чуждое пространство грозит мистической или реальной опасностью.

Список использованной литературы

1. Абрамов, Ф.А. Пряслины. Книга первая. Братья и сестры. Книга вторая. Две зимы и три лета / Ф.А. Абрамов // Москва : Наследники. – 2012. – 290 с.
2. Абрамов, Ф.А. Пряслины. Книга третья. Пути-перепутья. Книга четвертая. Дом. / Ф.А. Абрамов // Москва : Наследники. – 2012. – 512 с.
3. Абрамов, Ф.А. Повести / Ф.А. Абрамов // Ленинград : Сов. писатель. – 1989. – 605 с.
4. Белов, В.И. Кануны / В.И. Белов // Москва : Голос. – 1994. – 479 с.
5. Будовская, Е.Э., Морозов И.А. Баня / Е.Э. Будовская, И.А. Морозов // Славянские древности. – Т. 1. – Москва: Международные отношения. – 1995. – С. 138–140.
6. Куляпин, А.И. Семиотика художественного пространства В.М. Шукшина : монография / А.И. Куляпин // Барнаул : АлтГПУ. – 2016. – 160 с.
7. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп // Ленинград : Изд-во Ленинградского государственного ордена Ленина ун-та. – 1946. – 340 с.
8. Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 1: А - Бибишка / Ред. А.И. Лебедева и О.С. Мжельская. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та. – 1967. – 200 с.
9. Шукшин, В.М. Собрание сочинений : в 9 т. – Т. 6. / Под общ. редакцией Д.В. Марьина. – Барнаул : Полиграфический комплекс ИД «Барнаул», 2014.

Е.Ю. Сафронова
г. Барнаул, Россия

КАКОВ БЫЛ УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ НЕМЕЦКИМ ЯЗЫКОМ У Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО?

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 20-412-420002 «Языковая личность в региональном социокультурном пространстве: режимы производства локального знания о жизни и творчестве Ф.М. Достоевского».

Аннотация: В тезисах осмысляется и реконструируется на материале писем, мемуарных свидетельств современников возможный уровень владения Ф.М. Достоевским немецким языком. Вопрос исследуется в динамике: от первых эпистолярных упоминаний 1838 г. до 1879 гг. включительно, когда писатель жил за границей (в общей сложности 5,5 лет). В работе выдвигается гипотеза о связи уровня владения автором немецким языком и сатирическими образами культуры Германии и героев-немцев в его творчестве.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, А.Г. Достоевская, немецкий язык, Баден-Баден, Г.В. Гегель, И. Кант.

E.Yu. Safronova
Barnaul, Russia

WHAT WAS THE POSSIBILITY LEVEL OF THE GERMAN LANGUAGE OF F.M. DOSTOEVSKY?

Abstract: The theses conceptualize and reconstruct the possible level of knowledge of F.M. Dostoyevsky German on the material of his letters and the memoirs of contemporaries. The issue

is investigated in dynamics: from the first epistolary references in 1838 to 1879 inclusive, when the writer lived abroad (in total of 5.5 years). The work puts forward a hypothesis about the connection of the author's level of proficiency in German and satirical images of the culture of Germany and German heroes in his work.

Keywords: Dostoyevsky F.M., A.G. Dostoevskaya, German, Baden-Baden, G.V. Hegel, I. Kant.

Тема взаимосвязи Достоевского и Германии рассматривалась в науке в биографическом аспекте, связанном с путешествиями писателя в Европу. Также весомый интерес для исследователей представляет немецкая литература и философия как один из источников творчества Достоевского. Недостаточно изученными в указанном контексте видятся сибирские произведения писателя.

Первое письмо Достоевского из Омска, адресованное брату Михаилу (30 января – 22 февраля 1854 г.), повествует о пережитом; в нем ссыльный писатель выражает стремление скоро вернуться в литературу и акцентирует свою насущную потребность в книгах, в первую очередь, нужен немецкий лексикон. В этом же письме Достоевский просит прислать и немецких философов: «Critique de raison pure» Канта, «Историю философии» Гегеля [1, т. 28–1, с. 172–173]. После долгого перерыва писатель стремится вернуться к интенсивной интеллектуальной работе. Подчеркнем, что Германия, немецкий язык и философия воспринимались автором как основание творчества.

Скорее всего, чтение Гегеля и изучение немецкого в Сибири для Достоевского осталось только неосуществленным желанием. Н.Н. Страхов позднее свидетельствовал: «…Федор же Михайлович хотя, конечно, учился этому языку, но, как и другие, совершенно его забросил и до конца жизни читал только по-французски. В ссылке он, как видно, предполагал взяться за серьезные занятия и просил брата выслать ему историю философии Гегеля в подлиннике; но книга осталась нечитанною, и он подарил ее мне вскоре после первого знакомства» [4, с. 378]. Вероятно, присланная во французском переводе «Критика чистого разума» И. Канта не только была основательно прочитана Достоевским, но и, более того, послужила одним из источников сатирического образа философа в повести «Дядюшкин сон».

В повести «Дядюшкин сон» и романе «Село Степанчиково и его обитатели», возможно, отразилось ироническое отношение писателя к самому себе и немецкому языку, который не поддавался изучению, несмотря на наличие присланного братом русско-немецкого словаря.

На основании писем Достоевского и мемуарных свидетельств можно сделать вывод, что автор владел немецким языком. Увлечение в юношеском возрасте Э.Т.А. Гофманом побудило Ф.М. Достоевского прочитать непереведенный на тот момент роман «Житейские воззрения кота Мурра» в оригинале, о чем он с долей самолюбования и небольшой обидой пишет 9 августа 1838 г. старшему брату, который прекрасно знал немецкий [1, т. 28-1, с. 51]. Позднее Федор Михайлович редактировал переводы старшего брата из Шиллера и Гете на русский язык. Но за время заключения и каторги, в отсутствие практики иностранный язык подзабылся, поэтому уровень владения, вероятно, находился на среднем уровне.

Напротив, вторая жена писателя, А.Г. Достоевская, к моменту их выезда за границу в 1867 г., прекрасно владела разговорным немецким. Она получила хорошее образование. До открытия первой женской (Мариинской) гимназии, три года (с 9 до 12 лет) она проучилась в немецком училище св. Анны, где преподавание почти всех предметов шло на немецком языке [2, с. 50]. А.Г. Достоевская многократно получала комплименты от носителей языка: «Мы разговорились с старым немцем, он выразил свое изумление, что я так быстро и хорошо говорю по-немецки и сказал, что <…> редко кто из иностранцев говорит так правильно по-немецки, как я» [3, с. 22].

То, что Ф.М. Достоевский в этот период жизни знал немецкий язык скорее на среднем уровне, подтверждается мемуарным свидетельством его супруги. Она описывает целый ряд ситуаций, когда писатель оказывался непонятым и был вынужден прибегать к помощи Анны Григорьевны как переводчицы. К примеру, недостаточный уровень владения немецким языком демонстрирует такой курьезный случай в городе Баден-Баден: «Ф.М. иногда плохо говорил по-немецки. Он спрашивал, где купаться – «baden», а немцы думали, что он спрашивает, где находится город Baden, а потому удивлялись (примеч. А.Г. Достоевской) [2, с. 208].

Писателю гораздо проще и свободнее было общаться по-французски, при первой возможности он переходил на французский язык. Когда молодоженов посетил глава немецкого общества сте-

нографов Zeibig, то Ф.М. Достоевский общался с ним, как умел: «…это был престранный разговор – смесь французского, русского, немецкого» [2, с. 91].

Отдельные страницы «Дневника» фиксируют «знакомство» писателя с новыми словами, процесс их перевода из пассивного словаря в активный в критической ситуации. К примеру, неудачный финал игры на рулетке описан с помощью немецкой шутки «Wir sind verloren»[1] [2, с. 147], а инцидент с местом в поезде провоцирует фразу Достоевского «Der Herr ist sehr hitzig»[2] [2, с. 115]. Безусловно, долгое пребывание в Европе (восемь поездок и суммарно 5,5 лет) в языковой среде способствовало развитию языковых компетенций. Реконструируя картину владения Достоевским немецким языком в сибирский период, можно сделать выводы, что навыки аудирования и говорения у писателя были развиты в меньшей степени, чем навыки чтения и письма.

Кроме того, «Дневник» как точное свидетельство заграничной жизни содержит хмурые реплики и саркастические замечания писателя о национальном характере жителей Германии. Так, рассказы о мошенниках неизменно завершаются фразой «Вот немецкая честность!» [2, с. 114, 158, 206]. Восклицание «О глупость, глупость немецкая!» [2, с. 160] начинает сетования мемуаристки на служанку, которая не может запомнить, что для русской семьи каждое утро нужно готовить и чай, и кофе, и переспрашивает ежедневно. Немецкую тщательность и взвешенность принятия решений иллюстрирует диалог о местонахождении королевской картинной галереи, завершившийся отрицательным ответом прохожего и импульсивной репликой Достоевского: «К чему, спрашивается, этот дурак сделал столько вопросов, если он не намерен был указать дорогу. Это уж чисто немецкая манера» [2, с. 73].

Вероятно, истоки неприязни писателя ко всему немецкому лежат еще в молодости. Выпускник Медико-хирургической академии и приятель писателя немец А.Е. Ризенкампф, писавший в 1840-х гг. статьи в журналы и занимавшийся переводами на немецкий язык, вспоминает о посещении Ф.М. Достоевским в июне 1842 г. Ревеля, где его брат Михаил женился на немке и завел семью. Неприятные впечатления от ревельского общества, которое отличалось кастовым духом, ханженством, нетерпимостью: «С трудом я мог убедить Федора Михайловича, – говорит доктор Ризенкампф, – что все это – только местный колорит, свойственный жителям Ревеля… При своей склонности к генерализации он возымел с тех пор какое-то предубеждение против всего немецкого» [4, с. 188].

В сибирских произведениях Достоевского образы Германии и немецкой культуры представлены неоднозначно, амбивалентно. С одной стороны, Германия – сердце Европы, сокровищница высших достижений науки, образования, философии, искусства, популярное место стажировок, повышения квалификации, особенно в области инженерных наук, кораблестроения, медицины и т.д. С другой стороны, благодаря частым научным и культурным связям, Германия казалась близкой, почти родной, вследствие чего ее образ с легкостью подвергался комическому снижению и обыгрыванию. В литературе к образу Германии обращались А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь. Эту традицию сатирического снижения и осмеяния продолжает Достоевский[3].

Список использованной литературы

1. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1972–1990.
2. Достоевская, А.Г. Воспоминания / А.Г. Достоевская / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С.В. Белова и В.А. Тунимановa. – Москва : Художественная литература, 1987. – 518 с.
3. Достоевская, А.Г. Дневник 1867 года / А.Г. Достоевская. – Москва : Наука, 1993. – 469 с.
4. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. – Москва : Худож. лит., 1990. – Т. 1. – 623 с.

[1] Нем. – мы погибли.

[2] Нем. – Вы слишком возбуждены, горячи.

[3] См. нашу статью: Сафронова Е.Ю. Образ Германии в сибирских произведениях Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С.113-141.

О.А. Скубач
г. Барнаул, Россия

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СКАЗКИ, ИЛИ КОНЦЕПЦИЯ ЧУДА В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-х гг. (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ «ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО» А.Н. ТОЛСТОГО)

Аннотация: История создания сказки А.Н. Толстого «Золотой ключик» рассматривается в статье в контексте борьбы советской «педагогической критики» рубежа 1920–1930-х гг. с вымыслом в литературе. Возвращение писателя к сюжету о деревянном человечке в 1933 г. становится возможным после официальной реабилитации жанра сказки, однако инициированная Н.К. Крупской и РАППом кампания не прошла даром: текст Толстого, сохраняя внешние атрибуты сказки, существенно трансформирует основополагающий элемент жанра – концепцию чуда.

Ключевые слова: сказка, вымысел, «педагогическая критика», чудо, А.Н. Толстой.

O.A. Skubach
Barnaul, Russia

ADVENTURES OF THE TALE, OR THE CONCEPT OF THE MIRACLE IN THE SOVIET CHILDREN'S LITERATURE 1930S. (BASED ON THE MATERIAL OF THE FAIRY TALE "THE GOLDEN KEY, OR THE ADVENTURES OF BURATINO" BY A.N. TOLSTOY)

Abstract: The history of the creation of A.N. Tolstoy's «The Golden Key» is considered in the article in the context of the struggle of the Soviet «pedagogical criticism» of the turn of the 1920s and 1930s. with fiction. The writer's return to the wooden man's story in 1933 becomes possible after the official rehabilitation of the fairy tale genre, however, the campaign initiated by N. Krupskaya and Russian Association of Proletarian Writers was not in vain: Tolstoy's text, while preserving the external attributes of the fairy tale, essentially transforms the fundamental element of the genre – the concept of a miracle.

Keywords: fairy tale, fiction, «pedagogical criticism», miracle, A.N. Tolstoy.

«Время волшебников прошло» [4, с. 123], – констатировал в 1924 г. Ю. Олеша, автор первой несказочной сказки новой эпохи. Для его современников, людей свежей формации, это утверждение звучало аксиомой: послереволюционная культура поклонялась реальности в самом прямом, самом буквальном значении этого слова: «Реальность того, что есть на самом деле, была для культуры 1 достаточно большой ценностью. <…> Устремленность к тому, что существует реально, взаправду, объясняет негативное отношение культуры 1 к иллюзорности <…>» [5, с. 281–282]. Именно эта тенденция заметно проявила себя в метаморфозах советской детской книги послереволюционного периода. Проведенная в 1920-х гг. ревизия детской литературы имела своей целью не только исключение из круга детского чтения книг, содержащих следы чуждой новому миру «буржуазной идеологии», но и выбраковку текстов с любыми элементами фантастического характера, и, в первую очередь, сказок. Особую роль в этой «чистке» сыграла занимавшая с 1920 г. должность председателя Главполитпросвета при Наркомпросе Н.К. Крупская. Установка, предложенная женой вождя, была сформулирована предельно четко и бескомпромиссно. «Тот, кто пишет книжку для ре-

бят-дошкольников, должен помогать познанию ими мира, а не дезориентировать их. Поэтому книжки для ребят-дошкольников должны быть реалистичны до крайности. <…> На картинках должны быть изображены и труд, и жизнь взрослых, люди разного положения и звания, город и деревня и т.д. Все это раздвигает горизонт ребенка и не менее интересно для него, чем выдуманные феи, русалки и прочая дребедень» [1, с. 244], – писала она в 1926 г., в разгар кампании по изгнанию сказок из детских библиотек. Инициированная на столь высоком уровне, впоследствии активно поддержанная РАППом и широким педагогическим сообществом, породившая даже особый феномен так называемой «педагогической критики», кампания, разумеется, не имела шансов на неуспех, и на протяжении долгих 10 лет любое подозрение в «мистической дребедени» автоматически влекло за собой запрет или изъятие книги и, конечно, ощутимые последствия для ее автора.

Культура 1930-х гг., сохраняя во многом риторику послереволюционного десятилетия, вводит советского человека в совершенно иной мир, на деле имеющий мало общего с принципами буквально трактуемого материализма и суровой прагматики 1920-х. Неудивительно, что в рамках этого периода формируется новое отношение к чуду. «В Культуре 2 вопрос "как" полностью исчезает из поля зрения. Происходят чудеса, человек вместо одной нормы выполняет четырнадцать (Алексей Стаханов), завод строится вместо нескольких лет – сорок пять дней <…>, и никого это вроде бы не удивляет, никто не спрашивает, как им это удалось (и, тем более, удалось ли). Все происходит как в сказке, ибо "все в сказке совершается легко и сразу – "как в сказке" (Д.С. Лихачев)» [5, с. 295], – замечает В. Паперный. В свете таких перемен реабилитация жанра сказки и концепции чудесного в детской литературе стала лишь вопросом времени.

Переворот в литературе для детей совпал с масштабной революцией в «большом» литературном мире: в 1932-1934 гг. был сформирован совершенно новый литературный ландшафт. В 1933 г. было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации Издательства детской литературы», в котором, в числе прочего, утверждалась необходимость «создать ряд книг развлекательных, в первую очередь для младшего возраста (***сказки,*** игры, шарады и т.п.)» [3, с. 159] (выделено мной. – О.С.). Простого упоминания жанра в тексте официального партийного документа было вполне достаточно: индульгенция была получена, сказка получила разрешение вернуться в детскую литературу.

Как известно, реинкарнация сказки в советской литературе 1930-х гг. связана с именем А.Н. Толстого. «Золотой ключик, или Приключения Буратино», увидевший свет в 1936 г., была первой книгой нового времени, позиционировавшейся именно как сказка. Тот факт, что книга принадлежала перу действительно большого мастера, несомненно, добавлял презентабельности всему жанру. Впрочем, и сам Толстой не сразу отважился на публикацию сказки. История работы писателя над книжкой про деревянного мальчика – отдельный сюжет, охватывающий не одно десятилетие. В 1924 г. А. Н. Толстой совместно с Н. Петровской предложил свою версию перевода сказки К. Коллоди. Эта книга была опубликована в эмигрантском берлинском издательстве «Накануне» и представляла собой текст, пока еще достаточно близкий и к итальянскому оригиналу и к первому русскому переводу (1906 г., переводчик – К. Данини). После 10-летнего перерыва Толстой вернулся к проекту: очередной виток истории «Золотого ключика» пришелся на 1933 г., когда писатель заключил договор с московским Детгизом о публикации новой редакции адаптированного перевода сказки о Пиноккио (об изменении сюжета речь тогда еще не шла). Конечно, не случайно договор был подписан осенью того самого 1933 г., когда упомянутое выше Постановление ЦК фактически реабилитировало сказку как жанр. М. Петровский справедливо усмотрел связь этих двух событий: «…не прошло и месяца после Постановления ЦК ВКП(б) от 9 сентября 1933 года, где сказка была причислена к жанрам, необходимым советской литературе для детей, как Толстой, вспомнив свою берлинскую переделку, подписал с Детгизом договор на книжку о Пиноккио <…>. Дело тут, конечно, не в особенностях памяти писателя, а в общественной ситуации: «Пиноккио» всплыл, когда буйство гонителей сказки оказалось пройденной вехой» [6, с. 89]. Впрочем, и за этим шагом последовала пауза; работу над текстом будущего «Золотого ключика» Толстой начал лишь через 1,5 года после заключения договора, в январе 1935-го. Комментируя эту задержку, Петровский находит ее причину в желании Толстого перед началом работы над сказкой заручиться предварительно поддержкой С.Я. Маршака, что повлекло за собой переход с договором о публикации в Ленинградское отделение Детгиза (именно его в 1933 г. фактически возглавил Маршак). Осторожность, даже

опасливость Толстого в обращении со сказочным жанром свидетельствует о беспрецедентном давлении на «сказочников» в предыдущие годы. О том же говорит и авторская попытка закамуфлировать жанр книги (изначально в рукописи подзаголовком значилось: «новый роман для детей и взрослых»), и, конечно, использование в качестве фабульной основы чужого текста: практика «адаптированных переводов» была широко распространена в советской детской литературе конца 1920-х – 1930-х гг. не в последнюю очередь потому, что до известной степени страховала автора адаптации, позволяя ему снять с себя часть ответственности за финальный текст.

«Золотому ключику» повезло: в наследии Толстого он исследован, пожалуй, лучше и глубже всего. В замечательных статьях, написанных о нем, сказка трактовалась как антисимволистский памфлет [6], либо, напротив, как модернистский трактат, реабилитирующий программу «чистого искусства» [2], либо резервуар личной мифологии писателя [8; 10]. Все это лишь отчасти объясняет счастливую судьбу книги, пришедшейся впору не только потомкам, но и современникам автора, которых вряд ли могли заинтересовать все вышеперечисленные аспекты. Для них, современников, «Золотой ключик» стал текстом, предложившим новую рецептуру чуда, формулу сказки, выходящую за пределы литературы и отвечающую на запрос эпохи.

С точки зрения формальных законов жанра, «Золотой ключик», несомненно, ориентирован на сказку, что также было замечено исследователями[1]. Сохраняя отдельные элементы волшебной сказки, книга Толстого лишается ее главной структурной основы – сюжета инициации героя, что находит свое отражение в исчезновении ключевого мотива оригинального текста – мотива «очеловечивания» марионетки [6; 8]. В контексте данной статьи, однако, интереснее обратить внимание на нивелировку Толстым волшебства – главного механизма, приводящего в движение сюжет классической волшебной сказки. В сказке 1935 г. волшебство – это мошенничество и обман (хрестоматийный пример – история о Поле чудес; есть и менее известный эпизод, в котором два доберман-пинчера, потеряв губернатора Лиса, которого должны были охранять, «побежали в Город Дураков, чтобы наврать в полицейском отделении, будто губернатор был взят на небо живым» [9, с. 381]: божественное чудо – тоже чудо и должно быть дискредитировано[2]), в лучшем случае – это бесполезный фокус (фетовский палиндром «А роза упала на лапу Азора – тоже «волшебная фраза» [9, с. 334]). Чаще, однако, чудесное в сказке просто отсутствует, причем там, где оно должно быть согласно логике сюжета или в соответствии с итальянским оригиналом. Мальвина, – Фея или Волшебница в ранних версиях сказки, – к 1935 г. полностью растеряла свое волшебство; Золотой ключик, макгаффин оригинального толстовского сюжета, по всем канонам сказки должен бы быть волшебным предметом, однако ничего волшебного в нем нет; наконец, нос марионетки, изначально – главный сигнализатор волшебного процесса его во- или расчеловечивания, лишается в редакции Толстого этой функции, превращаясь только в знак любопытства[3].

---

[1] См., например: «…Буратино – "дурачина", новый Иванушка-дурачок "с коротенькими мыслями", не зря стал в России народным любимцем: по русским сказочным законам именно дурак не может не найти счастья, он побеждает именно своей глупостью и ничтожеством, – и, на наш взгляд, это, а не что иное, и есть пресловутый "фольклоризм Толстого"» [8, с. 30]. С точки зрения М. Липовецкого, текст «Золотого ключика» ориентирован даже не на сказку, а на лежащий в ее основе миф; отсюда характерная для текста «бинарность» (регулярное удвоение как основных, так и вспомогательных мотивов), а также образ главного героя, восходящий не столько к сказочным персонажам, сколько к мифологическому архетипу трикстера.

[2] На принцип дезавуирования волшебства Толстым обратил внимание и М. Петровский: «Чудеса в сказке – гнусное полицейское вранье, ложь трусов и бездельников, порожденье лакейского и чиновничьего страха и лени» [6, с. 95].

[3] Интересно предположить, что написанная на итальянской основе сказка Толстого касается проблемы русского национального характера: важнейшие характеристики главного героя – непоседливость и любопытство – звучат неприкрытой антитезой знаменитой формулы А.С. Пушкина, характеризующего нацию: «Мы ленивы и нелюбопытны». В тексте «Золотого ключика» чрезмерно длинный нос Буратино явственно противопоставлен столь же избыточной бороде Карабаса, что, пожалуй, позволяет обнаружить еще один пушкинский след: одним из самых известных злодеев-бородачей в русской литературе является Черномор, чье столкновение с Русланом заканчивается по Фрейду – символической кастрацией: «Тогда Руслан одной рукою / Взял меч сраженной головы/ И, бороду схватив другою, / Отсек ее, как горсть травы. / «Знай наших! – молвил он жестоко, – / Что, хищник, где твоя краса? / Где сила?» [7, с. 53]. На бороду Карабаса покушается и Буратино, в известном эпизоде организовавший «доктору кукольных наук» процедуру эпиляции с помощью смолистого ствола итальянской сосны. Бритье бород – один из самых узнаваемых сюжетов русской истории, прочно связанных с именем Петра I. Интерес к фигуре царя-плотника, побеждавшего замшелую боярскую Русь («ленивую и нелюбопытную») путем насильственного бритья своих противников, очевидно объединяет Пушкина и Толстого: советский писатель закончил вторую книгу романа о Петре в 1934 г. незадолго до начала работы над «Ключиком».

И все-таки одним почти чудесным свойством нос Буратино обладает: деревянный мальчик ***буквально*** всюду сует свой нос, благодаря чему именно эта часть тела обеспечивает Буратино непосредственный контакт с реальностью и, как следствие, иммунитет к условному и фальшивому. Прекрасной моделью подобного поведения становится эпизод учебы у Мальвины, когда в ответ на ее очевидно ненужные дидактические усилия Буратино разрушает конвенциональность педагогического ритуала, окуная не перо, а свой нос в чернильницу. Еще более важный эпизод, демонстрирующий способность длинного носа быть датчиком реальности, – сцена с нарисованным очагом, который Буратино протыкает в попытке добраться до содержимого фальшивого котелка. Тема ненастоящего, иллюзорного, фиктивного – одна из ключевых в «Золотом ключике», в котором героями являются фикции людей – куклы, играющие, к тому же, в театре, то есть неравновеликие даже своей «кукольности»[4]. Атмосфера театральной условности охватывает весь мир сказки. Комментируя театральные сцены «Золотого ключика», М. Петровский, как известно, увидел в них злую пародию на модернистский театр Мейерхольда. Однако пародия возникает лишь тогда, когда есть, что противопоставить ей, на деле же сказка Толстого, вместо ожидаемой оценочной оппозиции ***реальность / фикция***, предлагает читателю куда более сложную модель. Театр Карабаса, куда Буратино попадает в начале действия, выглядит, почти по Шкловскому, весьма «остраненно»: «на маленькой сцене справа и слева стояли картонные деревья. Над ними висел фонарь в виде луны и отражался в кусочке зеркала, на котором плавали два лебедя, сделанные из ваты, с золотыми носами» [9, с. 310]. Но не меньшая мера искусственности, нарочитости характеризует и главный источник счастья, обладающий, как кажется, бесспорным онтологическим статусом – театр «Молния», куда герои попадают в финале, ср.: «С боков занавеса поднимались две квадратные башни, раскрашенные так, будто они были сложены из маленьких кирпичиков. <…> На задней декорации начали расходиться тюлевые занавески» [9, с. 394–395]. Как в любом другом театре, и в этом можно лишь играть, однако играть – самого себя [9, с. 396]. С другой стороны, и нарисованный очаг, чью фикцию Буратино однозначно разоблачает в начале сказки, состоит с реальностью в более сложных отношениях, чем может показаться. С точки зрения папы Карло, эта «прекрасная картина» производит вполне реальное воздействие: «В зимнее время я смотрю на нее и воображаю, что это настоящий огонь и в котелке настоящая баранья похлебка с чесноком, и мне становится немного теплее» [9, с. 387]. Фальшивый очаг метонимически связан с Граалем мира кукол – театром «Молния»: он скрывает и сохраняет вход в святилище, где театр расположен. Само счастье, воплощенное в образе чудесного театра, оказывается искусственным, механическим: заводной театр явно коррелирует с «шарманочной музыкой», которая сопровождает героев в самые их светлые моменты[5]. В «Золотом ключике», собственно, нет ничего, что можно было бы твердо противопоставить театру, иллюзиям и фикциям. Фикция же перестает быть фикцией, коль скоро реальность отсутствует. Эта диалектика снимает, по сути, ключевой вопрос «педагогической критики» 1920-х гг., адресованный сказке, – вопрос о допустимости ухода из реальности в мир чудес, вымысла и иллюзий. Если сказка превращается в быль, то она – наиболее органичный жанр новой эпохи.

Список использованной литературы

1. Крупская, Н.К. К вопросу о детской книжке / Н.К. Крупская // Крупская Н.К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 3. Обучение и воспитание в школе / Под редакцией Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, Н.А. Константинова, Э.М. Цимхес. – Москва : Изд-во Академии педагогических наук, 1959. – 798 с.
2. Липовецкий, М. Утопия свободной марионетки, или Как сделан архетип (перечитывая «Золотой ключик» А.Н. Толстого) / М. Липовецкий // НЛО. – 2003. – № 60. – С. 252–268.
3. Об организации Издательства детской литературы. Постановление ЦК ВКП(б) от 9 сентября 1933 г. // Решения партии о печати. – Москва : Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941. – 236 с.
4. Олеша, Ю. Три толстяка / Ю. Олеша // Олеша Ю. Повести и рассказы. – Москва : Художественная литература, 1965. – 551 с.
5. Паперный, В. Культура «Два» / В. Паперный. – Москва : Новое литературное обозрение, 1996. – 384 с.

[4] В том же ряду можно упомянуть бумажную симуляцию одежды, которой снабжает Буратино его приемный отец.
[5] Одним из источников мотива «механического счастья» в тексте Толстого служит сказка В. Одоевского «Городок в табакерке».

6. Петровский, М. Что отпирает «Золотой ключик?» / М. Петровский // Петровский М. Книги нашего детства. – Москва : Книга, 1986. – 288 с.
7. Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 10 т. – Москва : Правда, 1981. Т. 3. – 368 с.
8. Толстая, Е.Д. Буратино и подтексты Алексея Толстого / Е.Д. Толстая // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 2. – С. 28–39.
9. Толстой, А.Н. Золотой ключик, или Приключения Буратино / А.Н. Толстой // История деревянного человечка: Сборник. – Москва : Совпадение, 2007. – С. 291–401.
10. Чернышева, М.А. Книга сквозь книгу: «Приключения Пиноккио» – «Золотой ключик, или Приключения Буратино» / М.А. Чернышева // История деревянного человечка: Сборник. – Москва : Совпадение, 2007. – С. 3–18.

И.С. Урюпин
г. Москва, Россия

МИФОЛОГЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18–012–00374 «М.А. Булгаков: pro et contra. История и современное отношение к наследию Михаила Булгакова».

Аннотация: В статье рассматривается содержательно-смысловой потенциал категории возвращения, являющейся ключевой в мотивно-сюжетном комплексе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», приобретающей характер мифологемы. Актуализируя совокупность архаических мифов о вселенском равновесии, о диалектическом развитии мироздания, об истоках бытия и о вечном томлении по утраченному раю, писатель в «древних» и «современных» главах произведения представляет в сакральном и профаном значениях реализацию мифологемы возвращения в символическом и семиотическом ракурсах.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», мифологема, возвращение, убежище.

I.S. Uryupin
Moscow, Russia

MYTHOLOGEME OF RETURN IN THE NOVEL OF M.A. BULGAKOV "MASTER AND MARGARITA"

Abstract: The article considers the meaningful potential of the category of return, which is key one in the motivational-story complex of the novel of M.A. Bulgakov «Master and Margarita», which becomes mythological. Updating the set of archaic myths about universe equilibrium, about the dialectical development of the universe, about the origins of being and about eternal sickness because of lost paradise, the writer in the «ancient» and «modern» chapters of the work presents in sacred and exoteric meanings the realization of the mythology of return in symbolic and semiotic views.

Keywords: M.A. Bulgakov, «Master and Margarita», mythologeme, return, asylum.

Свершив свою таинственную миссию хозяйки бала ста королей и заслужив в награду исполнение любого желания, героиня романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» попросила Воланда сделать так, «чтобы все стало, как было» [2, с. 421]. С этого кульминационного момента в развитии сюжета произведения писатель актуализирует архаичный миф о вечном возвращении к первоистокам бытия, являющийся образным воплощением фундаментального закона

жизни. Стремление человека «время от времени возвращаться назад, его усилия восстановить ту мифическую ситуацию, что была в Начале» [9, с. 295], по замечанию М. Элиаде, во многом объясняется бессознательной потребностью в сохранении ментально-психологической связи с иным миром, ассоциирующимся с блаженством и счастьем, но навсегда утраченным. А потому мифологема возвращения, одна из самых значимых в культуре едва ли не всех народов, – «это возвращение в рай» [9, с. 239], «в лоно матери-земли» [4, с. 14], из которого человек в своей первозданной душевно-духовной чистоте и телесной наготе пришел в мир.

Не случайно перед весенним балом полнолуния Маргарита, освободившись с помощью чудодейственного крема Азазелло от всего внешнего, наносного, погрузилась в речную купель: «Легкое ее тело, как стрела, вонзилось в воду, и столб воды выбросило почти до самой луны» [2, с. 380]. В архаических мифах, утверждает Х. Кирло, «погружение в воду означает возвращение к доисторическому состоянию» [3, с. 92], к своей сущности, скрытой покровами цивилизации, совлечение которых знаменует обновление и восстановление подлинной человеческой природы. «Вода оказалась теплой, как в бане» [2, с. 380]. Само слово «баня», достаточно часто встречающееся в Священном Писании и употребляющееся в значении «возрождения в жизнь духовную» [1, с. 84], в романе М.А. Булгакова имеет сакральный смысл. Очищение Маргариты, физическое и метафизическое, пусть даже и носящее инфернальный характер, оказывается ***переходом*** в совершенно особое состояние ***ведения*** мира (отсюда ее новое самоощущение: «я ведьма и очень этим довольна!» [2, с. 493]).

Мотив перехода из одного состояния бытия в другое – «основной репрезентант мифологемы ***Возвращения»*** [5, с. 50], аккумулирующей комплекс символических образов «в рамках центральной оппозиции ***сакральное / профанное***», среди которых, по мнению А.В. Млечко, один из самых важных, – образ ***убежища***: «это пространство ***иного мира***», «консервирующее в себе потенциальное возвращение» [5, с. 51]. Таким «убежищем» в романе М.А. Булгакова является подвал мастера, кажущийся уютным даже Азазелло («А уютный подвальчик, черт меня возьми!» [2, с. 496]): две комнаты в небольшом особняке в Арбатском переулке, «в которых были всегда сумерки из-за сирени и забора», «красная потертая мебель, бюро, на нем часы, звеневшие каждые полчаса, и книги, книги от крашеного пола до закопченного потолка, и печка» [2, с. 283].

В этой атмосфере создавался роман об Иешуа Га-Ноцри и Понтии Пилате, который в отчаянии сжег мастер, морально растоптанный несправедливой критикой, едва не лишившийся рассудка и не погрузившийся в небытие, но возвращенный к жизни своей возлюбленной. «Иду на все из-за него» [2, с. 364], – выразила свою решимость спасти мастера Маргарита. «Надежда на то, что <….> ей удастся добиться возвращения своего счастья, сделала ее бесстрашной» [2, с. 382]. А потому именно ***возвращение*** безмятежного счастья в тихом «убежище» подвала было заветной мечтой Маргариты: «Прошу опять вернуть нас в подвал в переулке на Арбате» [2, с. 421]. И даже тогда, когда оказались «все счета оплачены» [2, с. 505], Маргариту «не волновали воспоминания о том, что она была на балу у сатаны, что каким-то чудом мастер был возвращен к ней, что из пепла возник роман, что опять все оказалось на своем месте в подвале в переулке, откуда был изгнан ябедник Алоизий Магарыч» [2, с. 461]. Вместе с мастером Маргарита обрела покой «как самую желанную награду», «как противовес прежней бурной жизни» [6, с. 134], – то душевно-духовное равновесие, которое наступает в «вечном повторении основополагающего ритма Космоса» [9, с. 304].

«Тотальность круговращения вселенной» определила «сферическую модель бытия» [7, с. 213], положенную в основу художественной структуры романа «Мастер и Маргарита». В «древних» и «современных» главах мотив возвращения «на круги своя», восходящий к Книге Екклесиаста (Еккл. 1: 6), становится сюжетообразующим и реализуется в сакральном и профанном значениях, даже природные циклы приобретают особый философский смысл: «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит» (Еккл. 1: 5). Эти слова священного Проповедника оказались художественно развернуты в романе мастера в его описании символической панорамы вечного города в момент казни Га-Ноцри: «В это время солнце вернулось в Ершалаим и, прежде чем уйти и утонуть в Средиземном море, посылало прощальные лучи ненавидимому прокуратором городу» [2, с. 434], из которого Понтий Пилат хотел бежать, чтобы «наконец вернуться в Кесарию» [2, с. 436]. Но прокуратору не давала покоя мысль об Иуде из Кириафа, по вине которого погиб «бродячий философ». Начальнику тайной стражи Афранию Пилат дал

понять, что за страшное злодеяние Иуды его ждет наказание, и по непреложному закону вселенной все должно вернуться на свои места. «Приказание игемона будет исполнено» [2, с. 440] – Иуда будет убит, а тридцать тетрадрахм будут возвращены Каифе с запиской: «Возвращаю проклятые деньги!» [2, с. 439]. Вернется к Понтию Пилату и казненный по его приговору Иешуа Га-Ноцри, который успокоит больную совесть римского прокуратора, уверив его в том, что казни не было: «Ну, конечно, не было» [2, с. 521]. И хотя это будет лишь в чудесном сне Ивана Бездомного, в вечности проповедник из Гамалы обретет бессмертие и станет поистине Сыном Человеческим.

«Все будет правильно, на этом построен мир» [2, с. 509], в чем в очередной раз убедится князь тьмы, проведя в Москве свой духовный эксперимент над человечеством. Все фокусы, совершенные Воландовой свитой (не только в театре Варьете, но и за все время пребывания в советской столице), нарушившие привычный для обывателей порядок вещей, лишь констатировали неистребимость пороков «обыкновенных людей», но вместе с тем и милосердие, которое «иногда стучится в их сердца» [2, с. 268]. А потому конферансье Бенгальскому, пытавшемуся рационально объяснить секреты «черной магии» Воланда и буквально поплатившемуся своей головой, по просьбе зрителей голову вернули. «Желательно также и возвращение конферансье на сцену» [2, с. 271]. Вернули и председателя Зрелищной комиссии Прохора Петровича («Верните его, верните!» [2, с. 328] – умоляла секретарша Анна Ричардовна), вместо которого пустой костюм как ни в чем не бывало продолжал выносить свои «пустые» резолюции. Но что особенно важно: «вернувшись на свое место, в свой серый полосатый костюм, Прохор Петрович совершенно одобрил все резолюции, которые костюм наложил во время его кратковременного отсутствия» [2, с. 464].

Мотив возвращения во всех его смысловых вариантах и вариациях является в романе сюжетообразующим: герои возвращаются к тому состоянию, которое обеспечивает незыблемость вечных законов бытия, причем возвращаются сами или же их возвращают внешние (потусторонние) силы, как, например, дядю Берлиоза Поплавского, претендовавшего на жилплощадь в столице: «Возвращайся немедленно в Киев, – продолжал Азазелло, – сиди там тише воды, ниже травы и ни о каких квартирах в Москве не мечтай, ясно?» [2, с. 339]. Администратор театра Варьете Варенуха, превращенный в вампира, «вернулся после безвестного отсутствия в течение почти двух суток» [2, с. 469] и был арестован в своей квартире. Ужасно «не хотелось возвращаться» [2, с. 348] буфетчику Сокову в «нехорошую квартиру» «чертова дома №302-бис», где после беседы с Воландом он забыл головной убор, но, вернувшись, оказался исцарапан черным котенком, в которого превратился злополучный берет. А сосед Маргариты Николай Иванович, превращенный ее домработницей в борова, после бала заявил: «Требую возвращения моего нормального облика!» [2, с. 379] – и, конечно же, «приобрел свой прежний человеческий облик» [2, с. 423].

Впрочем, есть в романе персонажи, которые не хотели бы возвращаться в свое исходное состояние. Среди них Наташа. На просьбу Маргариты – «возвращайся в особняк» – она «стала на колени» и умоляюще попросила: «Душенька, Маргарита Николаевна, <…> упросите их, – она покосилась на Воланда, – чтобы меня ведьмой оставили» [2, с. 423]. И мессир «кивнул головой» [2, с. 423]. Еще одна ведьма, бывшая в свите Воланда, Гелла, напротив, не стала возвращаться в вечность, а осталась в Москве. Е.С. Булгакова полагала, что это результат незавершенности романа. «Однако не исключено, – утверждает Б.В. Соколов, – что Булгаков сознательно убрал Геллу из сцены последнего полета» [7, с. 171], видимо, для того, чтобы сохранить «космическое равновесие», поменяв одну ведьму на другую, но оставив неизменным соотношение инфернальных сил.

Символико-семиотическая категория ***возвращение***, выступая конструктивным элементом сюжета, в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» становится мифологемой, поскольку актуализирует архаические мифы о рае, из которого был изгнан человек и который он мечтает обрести снова, о единстве всего сущего в вечной диалектике добра и зла, о законе нравственного воздаяния, обеспечивающем сохранение вселенской гармонии.

Список использованной литературы

1. Библейская энциклопедия. – Москва : ТЕРРА, 1991. – 902 с.
2. Булгаков, М.А. Собр. соч.: В 10 т. / М.А. Булгаков. – Москва : Голос, 1999. – Т. 9. Мастер и Маргарита. – 608 с.

3. Кирло, Х. Словарь символов: 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / Х. Кирло. – Москва : Центрполиграф, 2007. – 525 с.
4. Малыгина, Н.М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения» / Н.М. Малыгина. – Москва : ТЕИС, 2005. – 334 с.
5. Млечко, А.В. Мифологема возвращение и ее символические корреляты в семантическом пространстве русского текста «Современных записок» / А.В. Млечко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. – 2013. – № 3 (19). – С. 48–54.
6. Немцев, В.И. Михаил Булгаков: становление романиста / В. И. Немцев. – Самара : Изд-во Саратовского университета, Самарский филиал, 1991. – 164 с.
7. Пахомова, О.И. Игра добра и зла и возвращение искушений: на примере романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / О.И. Пахомова, В.Б. Малышев // Modern Science. – 2019. – № 12–4. – С. 213–218.
8. Соколов, Б.В. Булгаковская энциклопедия / Б.В. Соколов. – Москва : Локид; Миф, 1998. – 592 с.
9. Элиаде, М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское / М. Элиаде. – Москва : Ладомир, 2000. – 414 с.

Е.А. Худенко
г. Барнаул, Россия

РЕКИ СИБИРИ В ОЧЕРКОВЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ В.Я. ШИШКОВА

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX–XXI вв: культурно-туристический потенциал».

Аннотация: В статье исследуются особенности воссоздания В.Я. Шишковым образа восточных сибирских рек (Нижней Тунгуски) в сравнении с юго-западными реками Бией и Чуей. Материалом исследования являются сибирские очерки и художественные тексты Шишкова – «Угрюм-река», «На Бие», «Чуйские были», «По Чуйскому тракту». Сочетание научно-этнографического подхода и художественная обработка автором своего восприятия сибирских рек, динамика художественных приемов писателя при работе с разными жанрами в определенный период времени создают уникальность этого «несобранного» цикла.

Ключевые слова: Шишков, Угрюм-река, гидроним, Бия, Чуя.

E.A. Khudenko
Barnaul, Russia

RIVERS OF SIBERIA IN ESSENTIAL AND ARTISTIC TEXTS OF V.YA. SHISHKOV

Abstract: The article examines the features of V. Shishkov's reconstruction of the image of the Eastern Siberian rivers (Lower Tunguska) in comparison with the South-Western rivers Biya and Chuya. The research material is Siberian essays and Shishkov's literary texts – «Ugryum-river», «On Biya-river», «Chuya true stories», «Along the Chuysky tract». The combination of scientific and ethnographic approach and artistic processing of the author›s perception of Siberian rivers, the dynamics of the writer›s artistic techniques when working with different genres in a certain period of time create the uniqueness of this «unassembled» cycle.

Keywords: Shishkov, Ugryum-river, hydronym, Biya, Chuya.

Известно, что в своем основном тексте – романе «Угрюм-река» (1920–1932) – В.Я. Шишков показал не только широкую картину нравов того края, который он изучал как этнограф-путешественник, но и раскрыл мифопоэтические составляющие природных образов, глав-

ным из которых является река Нижняя Тунгуска – суровая Угрюм-река. Исследователь С.Ю. Королева указывает, что «Шишков стоит у истоков важной литературной тенденции – создания мифопоэтической системы, воплощающей самосознание региональной культуры» [2, с. 43].

Текст роман открывается эпиграфом: «Уж ты, матушка Угрюм-река, / Государыня, мать свирепая» [7, с. 17]. Это двустишие из старинной народной песни во многом определяет основной конфликт произведения – столкновение Прохора Громова с жизнью-рекой: « – Угрюм-река! Здравствуй!.. Я – твой хозяин! Погоди, пароходы будут толочь твою воду. Я запрягу тебя, и ты начнешь крутить колеса моих машин. А захочу, прикажу тебе течь не здесь, а там. Потому, что Прохор Громов сильней тебя!» [7, с. 239].

Важно, что противостояние героя природной стихии подчеркивается Шишковым и тождественной образностью, которая знаменует равновеликость противостоящих сил. В романе Прохор Громов назван «орленком» – хищной, смелой птицей, правда, не «орлом», а сыном орла. «И нос как у орла, и глаза... Прок из тебя большой будет... Ты не Прохор, а Прок», – так пророчески характеризует героя священник [7, с. 119].

Номинации Угрюм-реки уже в эпиграфе задаются антиномичными смыслами: с одной стороны – «матушка», «государыня», «мать», с другой – «свирепая». В словаре С.И. Ожегова слово ***свирепый*** (здесь и далее курсив наш – Е.Х.) дается в двух значениях: «1. Зверский, жестокий, неукротимый; выражающий жестокость. 2. перен. Очень сильный, пагубный (разг.)» [5]. Жестокость – основной мотив, соединяющий образ реки и главного героя воедино. Не случайно Шишковым несколько раз подчеркивается мощь и неукротимость как природного образа, так и физическая и духовная сила Прохора, чаще разрушительная, чем созидательная.

В песне, из которой взят эпиграф, образ реки далее подчеркивался исключительно как сказочно-фольклорный и позитивный («донышко позолочено», «бережки посеребрены», берега покрыты «жемчугом», про реку «идет слава добрая»). Шишков, очевидно, намеренно сокращает эпиграф, дабы педалировать стилистическую окраску, придаваемую словами ***«угрюмая», «свирепая»***. Река как гидроним имеет в романе и свое зооморфное подобие – образ одинокого волка. Таким образом, главный природный образ как бы «множится» по ходу романа, получая «двойников» как в человеческом, так и в зверином мире (река – волк, река – Прохор, река – женщина).

Однако динамика образа Угрюм-реки показывает, что Шишков по ходу написания текста всё больше переставлял акценты в осмыслении гидронима. Если в первой книге романа река представляется мощным, сносящим всё на своем пути потоком, прорывающим тайгу, то во втором томе предстает то же самое пространство, но оно уже не настолько сурово, более обжито и очеловечено: лес спилен и сплавлен по реке, поток воды уже более спокойный и всё больше служит людям, а не восстает против них.

Таким образом, мифопоэтическое развитие образа Угрюм-реки в романе Шишкова связано, прежде всего, с деятельностью человека: река постепенно теряет свои «суровые» (звериные, хищнические) качества, осмысляясь как некий общий поток жизни, столь же разнообразный, как сама Жизнь – на что указывал сам писатель в своих записках.

В этом контексте воссоздание образа алтайских рек в таких произведениях Шишкова, как «На Бие», «Чуйские были», «По Чуйскому тракту», созданных по более поздним впечатлениям, но раньше основного романа по времени написания, представляется нам более гомогенным по содержанию и аллегорически-сказочным по форме. Очевидно, помимо научно-этнографических изысканий, Шишков досконально знал от местного населения алтайско-калмыцкие легенды, которые он обрабатывает и в художественных текстах, и в путевых очерках. Шишков подробным образом воссоздает образ двух рек – Бии и Чуи.

Реки Алтая напрямую связаны с фольклорно-мифологической и этнографической символикой. Так, у алтайцев река, по указанию исследователя Н.А. Тадиной, «обладает тремя признаками: одухотворена (тынду), имеет хозяина (ээлӱ), почитаема (байлу)…Река по-алтайски называется «суу» [6, с. 152]. Фольклорная традиция алтайцев предполагает существование большой Мировой реки (по аналогии с Мировым древом), и такой большой – мировой – рекой называется Обь, сравниваемая в алтайских сказаниях с «океаном», слияние же рек Бия и Катунь образует «море» (талай) [6, с. 153].

Исследователь И.А. Бедарева отмечает такую ландшафтную особенность рек, как их включенность в общий комический универсум: «и Река и Гора – основные мифологемы Алтая – вместе на зрительном уровне создают ощущение разомкнутого пространства. Кроме того, эта мифологема

функционирует в качестве варианта мирового древа» [1, с. 29]. Система координат Река-Гора базируется на том, что «гора часто воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства» [9].

В этническом плане река имела для алтайцев особое значение как для кочевых народов. Кочевники располагали свои аилы прежде всего вдоль русла реки, т.к. необходимы были луга для пастбищ и источник для питья. Вода становилась онтологически значимой мифологемой (наряду с огнем) и задавала такие мировоззренческие категории, как жизнь/смерть, богатство/нищета, природное/культурное. Таким образом, именно ландшафт и образ жизни алтайцев определял особенности этнического мышления, и Шишков как ученый-этнограф, разумеется, это знал. Экспедиция Шишкова двигалась не к истокам рек, а от места слияния Бии и Катуни в городе Бийске – в сторону монгольской границы, Онгудая и Кош-Агача.

В рассказе В.Я. Шишкова «На Бие» (1914) обозначенная в заглавии текста река предстает через разнообразные пейзажные зарисовки: это и «бушующие пороги красавицы Бии», и «гладь успокоенной реки», и новизна постоянно меняющихся картин: «когда идешь по незнакомой горной реке, никогда не знаешь, какую еще панораму она откроет тебе…» [цит. по: 4, с. 219]. Шишков подчеркивает панорамность и картинность открывающихся для путешественников видов, где основные «рамки» задаются традиционными для мифологии Алтая образами – рекой и горами, рекой и небом. Река и небо выстраиваются по отношению друг к другу по принципу зеркального отражения. Их «близнечная» связь задана неантагоничными стихиями воды и воздуха, постоянно находящимися в тесной связи друг с другом.

Другая параллель «река – горы», которая отсутствует в «Угрюм-реке», носит у Шишкова конфликтный характер. Открытая борьба между каменными утесами и водными потоками представлена в рассказе в фольклорно-литературном ключе: «Горы свесились тут своими оголенными каменными глыбами и отвесной стеной ушли в воду, а река, торопливо обогнув «носулю» увала, ***бросилась*** на эту каменную грудь и, ***ударившись, рассыпалась*** белой пеной, захохотала, заискрилась под лучами солнца и ***понеслась*** дальше, волна за волной, ***опрокидывая*** по пути оборвавшиеся с утеса камни…» [цит. по: 4, с. 299].

Сюжет рассказа Шишкова строится по сказочной модели: путники, исследующие в научных целях глубины реки Бии, ее пороги и проходимость для судов, пускаются в путешествие за сибирскими яблоками – редкой диковинкой в условиях сурового сибирского климата. Путешествие по реке, вглубь леса и алтайской тайги оказывается опасной авантюрой, в финале которой они вознаграждены не только алтайским чудом – яблоками, но и несколькими фунтами меда. За день они проходят около 17 верст, влекомые жаждой встречи с неизведанным. Река Бия в этой сказочной схеме играет роль начала пути – точки начала испытаний для героев, она же знаменует метафору возвращения к истокам после духовной инициации, закольцовывая тем самым и архетипический сюжет, и идею рассказа в целом. Художественные поиски Шишкова продолжаются и в путевых очерках «По Чуйскому тракту» (1914). Несмотря на документальный характер зарисовок, писатель прибегает к необычному приему метонимической замены: в образе реки у него предстает то тайга, то сама дорога – Чуйский тракт. В очерке «Зеленое море» Шишков пишет: «Тайга – море зеленое. Без конца, без краю раскинулась, к студеному морю ушла. Кто ее изведал, кто узнал ее концы и начала? Нет такого человека. Тунгус в тайге, как рыба в озерище: нюхнет раз – правильно путь выберет, вскинет вверх глаза, прислушается, все пути учтет… С восхода на закат ***большущая тайга рекой катится***. А в нее с полдня вторая побежала, поменьше…» [8, с. 178]. Не раз Шишковым подчеркивается параллельность реки и дороги, на эту не только ландшафтную, но и семантическую параллель у писателя указывает исследователь Т.А. Богумил: «Название тракта привязывает его к водной артерии – реке Чуе. Исторический Чуйский тракт идет вдоль рек Катунь и Чуя (правый приток Катуни). В Чуйской степи происходил обмен товарами между русскими и монголами, что стало причиной развития Чуйского торгового пути, а также появления его названия. Слово «Чуя» переводится с тибетского как «вода», «река», «главная река». Происходит, по сути, отождествление дороги и реки (Чуйский = водный тракт)» [3, с. 41].

Наконец, в «Чуйских былях» (1918) образ реки достигает максимального аллегорического и символического воплощения. Автор начинает повествование со своеобразного вступления о реке: «Эх, да как стеганула по Алтаю Чуя, священная река…» [8, с. 233] и заканчивает текст ответом: «Далеко стеганула по Алтаю Чуя, священная река!..»

[8, с. 251]. Образуемая композиционная рамка не только подчеркивает сакральность образа, но и задает Чую как повествователя былей, собственно это не «чуйские были», а «были от Чуи». Таким образом, река уподобляется рассказчику, именно она повествует и смешные истории, и трагические. Шишков реализует этимологическую аналогию «река – речь», разворачивая сопоставление реки и человеческой жизни (судьбы) и еще раз настаивая на этом сопоставлении позже, в «Угрюм-реке». Значимо, на наш взгляд, и то, что главные для Шишкова реки – Тунгуска и Чуя – это правые притоки мощных и крупных рек – Енисея и Катуни. Латентность притоков здесь на самом деле кажущаяся: они – необходимый элемент целого, в контексте метафоры реки как человеческой жизни всякая «приточность» знаменует способность к обновлению, сложную разветвленность и телеологическую целостность одновременно.

Своеобразие художественных приемов воссоздания восточных и южно-сибирских образов рек в творчестве В.Я. Шишкова показывает, что символика основного гидронима в «Угрюм-реке» носит более универсальный характер (река-жизнь), в алтайских текстах – подчеркивается ритуально-фольклорная и сказочная составляющая образов, усиливается их этнографическая и ландшафтная уникальность. Разница в данном случае связана и со временем написания текстов: алтайские произведения автора можно считать подготовительной лабораторией для будущего романа, отсюда тождественность приемов этого цикла и первого тома. Второй же том «Угрюм-реки» писался в другое время и в других обстоятельствах.

Список использованной литературы

1. Бедарева, И.А. Эволюция фольклорно-мифологической системы в русской литературе Горного Алтая / И.А. Бедарева. – Горно-Алтайск : ГАГУ, 2011.
2. Королева, С.Ю. «Сибирский миф» в романе В. Шишкова «Угрюм-река»: на стыке художественных систем / С.Ю. Королева // Пограничные процессы в литературе и культуре : сб. ст. по итогам международной научной конференции, посвященной 125-летию Вас. Каменского. – Пермь : ПермГУ, 2009. – С. 41–43.
3. Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена : словарь / под общ. ред. Е.А. Худенко. – Барнаул : АлтГПУ, 2018. – 178 с.
4. Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: антология: в 5 т. / под общ. ред. А.И. Куляпина. – Барнаул : Барнаул, 2012. – Т. 2. – 387 с.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. – Москва : Русский язык, 1989. – Режим доступа: http://project.phil.spbu.ru/lib/data/slovari/ozhegov/ozhegov.html
6. Тадина, Н.А. Река как образ родины у алтайцев / Н.А. Тадина // Реки и народы Сибири. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – С. 151–158.
7. Шишков, В.Я. Угрюм-река. Роман в двух томах / В.Я. Шишков. – Ленинград : Художественная литература, 1973. – Т. 1. – 443 с.
8. Шишков, В.Я. Чуйские были. Роман, очерки, рассказы / В.Я. Шишков. – Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1986. – 494 с.
9. Энциклопедия знаков и символов. Гора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.symbolarium.ru/index.php

Н.С. Чижов
г. Тюмень, Россия

КНИГОТВОРЧЕСТВО СИБИРСКОГО ПОЭТА Ю. ВЭЛЛЫ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-012-00503 «Модернизационный вызов в литературе Сибири».

Аннотация: В статье рассмотрены основные аспекты исследования книготворчества русских поэтов, представленные в литературоведении конца XX – начала XXI вв. Обозначены

жанровые, структурные и коммуникативные особенности таких смежных явлений, как книга стихов, лирический цикл и прозиметрическая книга. Намечены пути анализа книготворчества сибирского поэта Ю. Вэллы с учетом этнокультурной специфики его художественного мышления.

Ключевые слова: цикл, книга стихов, художественное целое, книготворчество, Ю. Вэлла.

N.S. Chizhov
Tyumen, Russia

BOOK OF SIBERIAN POET YU. VELLA: PROBLEMS OF RESEARCH METHODOLOGY

Abstract: The article discusses the main aspects of the book study by Russian poets, presented in literary criticism of the late XX – early XXI centuries. The genre, structural and communicative features of such related phenomena as a book of poems, a lyrical cycle and a prosimetric book are indicated. The ways of analyzing the book-making of the Siberian poet Yu. Vella are outlined, taking into account the ethnocultural specificity of his artistic thinking.

Keywords: cycle, book of poems, artistic whole, book-making, Yu. Vella.

Книга стихов как художественное целое является доминирующей формой «репрезентации поэзии» [1, с. 22] в русской литературе XX и XXI вв., что обусловливает неослабевающий интерес к исследованию книготворчества в современном литературоведении. Теоретическое изучение «книги стихов» в отечественной науке о литературе начинается в 1960-х годах и определяется интересом ученых-филологов к проблеме циклизации. Пионерами в области исследования лирических циклов являются Л.Я. Гинзбург, З.Г. Минц, П.П. Громов, Л.К. Долгополов. Эти ученые сосредоточились на анализе «поэтики творчества тех авторов, для которых цикличность была определяющим принципом: А.А. Блока, В.Я. Брюсова, их современников рубежа XIX–XX веков» [7, с. 3]. И.В. Фоменко одним из первых поставил вопрос о соотношении книги стихов и «собственно цикла» как основных форм циклизации. Разграничивая данные формы, исследователь приходит к выводу, что, в отличие от «собственно цикла», книга стихов «рождается стремлением к максимально полному, исчерпывающему воплощению авторского мировосприятия (разумеется, того периода, который ею представлен) во всех его сложностях и противоречиях». Тогда как у цикла, по мнению И.В. Фоменко, «более скромная и частная задача: выразить сложное отношение только к одной из граней бытия, преимущественно лишь к одной проблеме» [12, с. 6].

Одной из «главных форм художественной циклизации стихотворных произведений» считает книгу стихов и М.Н. Дарвин. Ученым также используется понятие «сверхцикл», которое позволяет выразить потенциал, предельные возможности художественной циклизации, способной «объединять в своем составе не только лирику, но и поэмы, и произведения других жанров» [5, с. 96]. С похожих позиций рассматривает жанровую специфику книги стихов О.В. Мирошникова: исследователь выделяет, наряду с книгой-циклом как моножанром, которая может быть «дневником, поэтическим завещанием, исповедью, собранием посланий, поэтическим альбомом», «книгу-комплекс, или книгу-композицию циклов и отделов» как полижанровое образование, основанное «на принципе взаимодействия, контаминации нескольких жанровых тенденций» [8а, с. 13].

Еще одно понятие в литературоведении выражает жанровую специфику книжной циклизации – «ансамбль». Л.Е. Ляпина «ансамбль» и «цикл» изучает с точки зрения «двух видов многокомпонентных единств». Критерием их разграничения является, по мысли ученого, специфика композиционного оформления целого: если «цикл – носитель процессуально-временного начала», то «ансамбль – архитектонического, пространственного». Причем для ансамбля допустимо, как считает Л.Е. Ляпина, «различие художественного языка, то есть эстетическая неоднородность» [7, с. 14]. В.И. Тюпа при анализе лирического цикла также обращается к понятию «ансамбля» как единого контекста, характеризующегося «избранностью включенных в

него высказываний». Прообразом и парадигмой любых текстовых ансамблей в христианской культуре ученый считает «Библию и составляющие ее отдельные книги». «Суммативные» и «интегративные» текстовые ансамбли образуют, с точки зрения В.И. Тюпы, два полюса литературной циклизации: если первые строятся по принципу инсталляции или серии (таковыми могут считаться сборники стихотворений), то вторые – не просто сумма произведения, сплоченных определенным авторским решением, а контекстуальное единство, обладающее «собственной архитектоникой и строго определенной композицией» [11, с. 157–160].

Понятие «ансамбля», как и «сверхжанровое монтажное художественное единство» [8а, с. 14], с нашей точки зрения, является эффективным для исследования книготворчества в поэзии, поскольку позволяют охватить не только книги стихов, но и ряд переходных образований, совмещающих, например, прозу и стихи в составе одного художественного целого. Отметим, что объем понятия «книга стихов» проблематизируется в современном литературоведении. Так, Н.В. Барковская, У.Ю. Верина и Л.Д. Гутрина справедливо ставят вопрос о необходимости «отделить понятие книги стихов от широкого спектра пограничных явлений, сочетающих поэзию, прозу, драматургию, визуальные и аудиосоставляющие» [1, с. 29].

Как известно, единство стихов и прозы (в широком смысле) в границах книжной макроструктуры принято рассматривать в качестве «прозиметрических образований». Наибольший расцвет различных видов «прозиметрии», по наблюдению Ю.Б. Орлицкого, происходит «в два последних десятилетия XX века, в связи с активным развитием русского постмодернизма», и знаменуется частотным обращением поэтов «ко всяческим маргиналиям, в том числе, комментарию, заголовочно-финальному комплексу и т.д.» [10, с. 542]. Заметим, что в прозиметрических книгах русских поэтов второй половины XX века проза частотно представлена в малой или миниатюрной форме. Это, по мнению Ю.Б. Орлицкого, объясняется, в частности, тем, что в стихотворном контексте прозаические «тексты, написанные поэтами, начинают, условно говоря, мимикрировать, приспосабливаясь к контексту» [10, с. 260].

Книгу стихов, в отличие от сборника, принято рассматривать в качестве «ансамблевого единства» отдельных текстов, объединенных архитектоническим заданием и системой внутренних связей. Последняя включает: 1) «лейтмотивные цепочки» [8б, с. 18]; 2) сквозные темы, 3) метасюжет, «организующий внутреннюю логику» авторского высказывания; 4) продуманное расположение текстов в рамках художественного целого; 5) общую «эмоциональную доминанту» [1, с. 26–28]. Кроме того, в исследовании лирического книготворчества уделяется внимание «рамочному комплексу издания», содержащему как текстовые компоненты (имя поэта/ заглавие, место и дата издания, предисловие, эпиграф, посвящение, «концевой стихотворный комплекс» и т.д.), так и «элементы полиграфического плана» (обложка, фотографии писателя, иллюстрации, качество бумаги и т.д.) [8б, с. 20–21].

Помимо обозначенных жанрово-структурных признаков книги стихов, в большинстве исследований по рассматриваемой проблематике подчеркивается ее особая коммуникативная природа, поскольку, с одной стороны, книжная макроструктура воплощает мирообраз и мироотношение автора [8б, с. 18] (в других вариантах – мировидение [1, с. 28], мировосприятие [12, с. 6] и т.д.). Но с другой стороны, книга одновременно, как заметил М.Н. Дарвин, является способом выражения «читательского восприятия» [5, с. 96], от которого зависит, сможет ли она реализоваться в сотворческой рецепции читателя в качестве художественной целостности или останется эстетическим пространством относительно самостоятельных текстов [7, с. 10–11].

В этом плане интересен подход к исследованию лирической книги, предложенный О.В. Мирошниковой. В основе его лежит сочетание «логико-аналитического и дивинационного» [8б, с. 18] принципов анализа сложных циклических образований стихотворного типа, актуализирующих открытия в области рецептивной эстетики и современной герменевтики с учетом бахтинского понимания природы эстетического объекта. Системное освоение книги стихов при таком подходе предполагает последовательное прохождение профессиональным читателем следующих этапов:

- первоначальное интуитивное определение «жанрово-текстовой специфики книги»,
- анализ структурных уровней книжной системы с дальнейшим определением ее «жанрового генезиса»,
- итоговое обобщение проведенных наблюдений в виде общего представления «о специфике образной концепции и архитектонике» книги [8б, с. 19].

Таким образом, книга как художественное целое в поэзии последних двух столетий представля-

ет собой сложное макроструктурное образование ансамблевого типа, способное объединять в одном контексте как стихотворения, относящиеся к одному или нескольким жанрам, так и тексты различной родовидовой принадлежности (стихи, проза, визуальный ряд и т.д.). В связи с этим принято отличать «книгу стихов» как художественное единство моно- или полижанровых стихотворных текстов от «прозиметрической книги» и других переходных макроструктурных конструкций. Системность книги определяется общим архитектоническим заданием, воплощающим авторское мировидение. Наличие же «ассоциативных сближений и перекличек» [8б, с. 18] между отдельными текстами, входящими в состав книги, предполагает активное исследовательское и сотворческое участие читателя в актуализации ее эстетической целостности.

В книготворческой практике представителей современной сибирской поэзии заметно выделяется опыт русскоязычного ненецкого поэта Ю. Вэллы (1948–2013). Все книги, начиная с «Вестей из стойбища» (1991 г.), поэт создавал как сложные макроструктурные образования монтажного типа, которые могут композиционно совмещать силлабо-тонические и тонические стихи, верлибры, малую прозу и прозаические миниатюры, ненецкий фольклор и этнографические исследования территории Обь-Иртышского речного бассейна. До сих пор книготворчество ненецкого поэта не выступало в качестве предмета целенаправленного исследования. Едва ли не единственным исключением можно считать монографию О.К. Лагуновой [6, с. 260], где отдельные аспекты книготворчества рассматриваются на материале таких книг поэта, как «Белые крики», «Вести из стойбища», «Триптихи (три по семь)».

Прежде всего, нужно отметить, что книготворческие эксперименты Ю. Вэллы обусловливаются этнокультурными особенностями художественного мышления поэта. Важным в свете сказанного является замечание критика М.Н. Мельникова о «синкретичности» избранной Ю. Вэллой художественной формы: «Это не эссе, не коллаж, тем более не рассказ, не поэма, а нечто самобытное, идущее от ненецкого фольклора, своеобразный «слепок» народной души, по-детски светлой, наивной, ранимой и по-стариковски мудрой одновременно» [9, с. 31].

Отметим, что в предисловии к книге «Белые крики» Ю. Вэлла самостоятельно пытается осмыслить прозиметрическую природу своего творчества. Поэт указывает, что ненецкий народ в силу исторических обстоятельств потерял «лучших сказителей» и фактически замолчал, и вспоминает об особой заслуге родной бабушки Ненги в сохранении этнического фольклора в роду Айваседа, представителем которого тот является. Однако бабушке Ненги, как отмечает Ю. Вэлла, в силу незнания языка внуками, на котором исполнялись «вести <…> плачи, песни» [2, с. 5] под народную мелодию или в форме стихов-наговоров, приходилось пересказывать содержание сказок на разговорном ненецком языке, понятном маленьким слушателям. Именно по этой причине, предполагает поэт, его творчество представляет собой «смесь прозы со стихами. Трезвые прозаические куски как бы дополняют, разъясняют более эмоциональные поэтические строки» [2, с. 8].

Для книготворчества Ю. Вэллы также характерно доминирование пространственного архитектонического начала в организации художественного целого, выражающегося преимущественно в числовой символике. Речь идет о традиционных для мифологии ненцев чисел три и семь. Ярким примером числовой символики является триптих «Азбука оленевода»: все входящие в него произведения последовательно содержат три по семь, два по семь и один по семь пунктов правил и законов жизни оленевода в тундре: «1. Поговорки оленевода (3х7); 2. Арифметика для оленевода (2х7); 3. Кое-что из «Сакральной азбуки» (1х7)» [3, с. 72–76]. Известно, что три в самодийских верованиях «обозначает мироустойчивость и завершенность, это число постоянно встречается в мифах и фольклоре ненцев (три чума, три стойбища, три ручья, трехкрылый ястреб, три испытания и т.д.)» [6, с. 161]. Семеркою же, как показал А. В. Головнев, «счисляется ненецкий пантеон»: «жертвенники, сядаи, дети богов, чумы, нарты, костры, четверти лунных периодов, количество слоев мерзлоты и неба, число остановок в пути, кратность жизни и смерти». Также, отмечает ученый, в корневой основе ненецкого слова си'ив, обозначающего семерку, содержатся такие пространственные значения, как «священная сторона чума, верхнее дымовое окно, отверстие – вход-выход, целый ряд образов предков и обитателей потустороннего мира» [4, с. 493].

К примеру, структура книги «Поговори со мной» включает внутри себя три равные части, а именно ***три по семь*** <текстов>. Причем каждый текст либо является триптихом, то есть в свою очередь состоит из трех композиционных элементов, либо отдельным стихотворением или рассказом. Единственное исключение – ранее изданная поэтом книга «Охота

на лебедей (диалог), которая входит в состав «Поговори со мной» как книга в книге. Обрамляющими композиционную конструкцию четвертой книги Ю. Вэллы являются следующие тексты: «Сказание о любви (триптих)» [3, с. 7] (1 текст) – «Охота на лебедей (диалог). Книга в книге» (7 текст) [3, с. 42] – рассказ «Ожидание (Из Канинской тетради) [3, с. 42] (14 текст) – триптих «Поговори со мной (история одного перевода)» [3, с. 123], включающий одноименный рассказ на русском языке (21 текст).

Таким образом, в литературоведении был предложен понятийно-категориальный аппарат и разработаны подходы, необходимые для системно-целостного исследования книги с точки зрения художественного целого, включающей как однородные в жанровом отношении тексты, так и прозу, стихи, драматические произведения и т.д. Рассмотренные теории и подходы нашли активное применение в исследовательской практике трех последних десятилетий. Однако предметом системно-целостного анализа становились преимущественно книги поэтов XIX – начала XX вв. [1, с. 31]. Это указывает на актуальность исследования данного феномена в современной поэзии. В рамках статьи были намечены пути анализа книготворчества сибирского поэта Ю. Вэллы с учетом этнокультурной специфики его художественного мышления. Кроме того, были выявлены такие особенности книготворческой практики поэта, как монтажное единство прозы и стихов в контексте макроструктурного образования и пространственная архитектоника книг поэта, в основании которой лежит характерная для ненецкой мифологии числовая символика.

Список использованной литературы

1. Барковская, Н.В. Книга стихов как теоретическая проблема / Н.В. Барковская, У.Ю. Верина, Л.Д. Гутрина // Филологический класс. – 2014. – № 1. – С. 20–30.
2. Вэлла, Ю. Белые крики. Книга о вечном / Ю. Вэлла. – Сургут : Рекламно-издательский информационный центр «Нефть Приобья» ОАО «Сургутнефтегаз», 2000. – 168 с.
3. Вэлла, Ю. Поговори со мной. Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу / Ю. Вэлла. – Нижневартовск : Изд-во «Приобье», 2004. – 128 с.
4. Головнев, А.В. Говорящие культуры: традиции самодицев и угров / А.В. Головнев. – Екатеринбург : УрО РАН, 1995. – 607 с.
5. Дарвин, М.Н. Книга стихов / М.Н. Дарвин // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. – Москва : Intrada, 2008. – С. 96–97.
6. Лагунова, О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги) / О.К. Лагунова. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2007. – 260 с.
7. Ляпина, Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века / Л.Е. Ляпина. – Санкт-Петербург : НИИ химии СПбГУ, 1999. – 281 с.
8. 8 а. Мирошникова, О.В. Книга как текст, книга как контекст / О.В. Мирошникова // Книга как художественное целое: различные аспекты анализа и интерпретации. Филологические штудии – 3 : Учебное пособие. – Омск : Изд-во Наследие. Диалог-Сибирь, 2003. – С. 10–15.
9. 8 б. Мирошникова, О.В. Специфика анализа и рецепции лирической книги / О.В. Мирошникова // Книга как художественное целое: различные аспекты анализа и интерпретации. Филологические штудии – 3 : Учебное пособие. – Омск : Изд-во Наследие. Диалог-Сибирь, 2003. – С. 16–22.
10. Мельников, М.Н. Вести из моего стойбища / М.Н. Мельников // Сибирские огни. – 1988. – № 10. – С. 30–31.
11. Орлицкий, Ю.Б. Стих и проза в русской литературе / Ю.Б. Орлицкий. – Москва : Изд-во РГГУ, 2002. – 685 с.
12. Тюпа, В.И. Анализ цикла / В.И. Тюпа // Анализ художественного текста : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – Москва : Издательский центр «Академия», 2009. – С. 157–203.
13. Фоменко, И.В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. … док. филол. наук : 10.01.08. / И.В. Фоменко. – Москва, 1998. – 32 с.

РАЗДЕЛ 5

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

С.А. Ан
г. Барнаул, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-16-22504 «Проведение международной научной конференции «Культурно-антропологическая парадигма: практика реализации в условиях компетентностной модели образования».

Аннотация: Содержание исследования отвечает современной актуальной тенденции осуществления диалога культур, включая образование, и направлено на развитие межкультурной коммуникации между Россией и Китайской Народной Республикой. Показана современная структура китайского общества, приоритетное положением в нём ученых и педагогов. Рассмотрена тенденция развития современного образования в Китае: сочетание традиционных конфуцианских ценностей с модернистскими; формирование новой модели образования при участии всего общества; приоритет образования в государственной молодежной политике. Китай демонстрирует успехи развития, опираясь на собственный менталитет и идеологию.

Ключевые слова: культура, образование, традиция, тенденция, Китай.

S.A. An
Barnaul, Russia

MODERN TRENDS OF EDUCATION DEVELOPMENT IN CHINA

Abstract: The content of the study corresponds to the current trend of the dialogue of cultures, including education, and is aimed at developing intercultural communication between Russia and the People's Republic of China. The article shows the modern structure of Chinese society, the priority position of scientists and teachers in it. The article considers the trend of development of modern education in China: the combination of traditional Confucian values with modernist ones; the formation of a new model of education with the participation of the whole society; the priority of education in the state youth policy. China demonstrates the success of the development, based on their mentality and ideology.

Keywords: culture, education, tradition, trend, China.

Успехи китайских реформ, наиболее очевидные по сравнению с трудностями модернизации в России, актуализировали проблему модернизации в экономически отсталых странах. Осознание китайской элитой ценности своей самобытной цивилизации не допускало проведения реформ путём переноса на почву реформируемого Китая западных политических и экономических моделей. Правомерно поставить вопрос, как возможно реформирование традиционалистски ориентированного социума без разрушения государственности и раскола в обществе.

Главной чертой традиционного китайского уклада на протяжении многих столетий была сетевая организация социальной среды. Сетевая структура представляет собой эффективную форму самоорганизации, в которой каждый элемент автономен и одновременно «многообразно» связан с другими элементами. Мелкие и средние предприятия, не ориентированные на прибыль, на протяжении всей китайской истории носили почти исключительно горизонтальный, небюрократический характер [2, с. 42–43]. Подобные сообщества, господствовавшие в китайской докапиталистической экономике, в настоящее время переживают свой ренессанс [5, с. 103].

Процессы, происходящие в современном Китае, – лишь один из примеров альтернативных путей эволюции современной цивилизации. Сегодня китайский бизнес сохраняет многие черты своего традиционного уклада (прежде всего, – первостепенную роль родственных и земляческих сообществ). Проводя преобразования, китайские реформаторы опираются на его огромный потенциал. Именно потому, что китайские реформаторы укрепили и поддержали совершенствование своего типа социальности, им удалось добиться устойчивого и быстрого развития экономики. При такой политике даже традиционалистские массы (в частности, в аграрной сфере), которые принято считать невосприимчивыми к инновациям, всецело поддержали реформы. А сетевая структура глобального капитализма, формирующаяся в настоящее время, удачно накладывается на приверженность китайцев сетевой солидарности.

Современная китайская и российская социальная мысль пытается познать природу модернизационных и трансформационных процессов, обращаясь к анализу и других особенностей цивилизационного развития Китая, разрабатывая теорию множественности исторических типов современности, с одной стороны, с другой, – изучая культурно-цивилизационные аспекты взаимодействия модернизации и последствия такого взаимодействия, простирающиеся далеко за рамки сугубо экономических и даже социально-политических. Такого рода исследования призваны разобраться в обозначенном вопросе.

Отметим, что «Китай – идеологическое общество» [3, с. 70]. Мы бы добавили, – это идеологическое государство, поскольку мы наблюдаем в Китае власть китайской государственно-партийной идеологии, которая направлена на тотальную всеохватность умов. Большое значение в нём традиционно отводится го сюэ – официальной доктрине, которая кладётся в основу общественного устройства и в значительной мере в силу этого оказывается ответственной за успехи и неудачи в деле национального процветания. Философы пытаются выявить сложные механизмы перекрестных, опосредованных и нелинейных воздействий традиций на модернизацию через культурно-цивилизационные коды, психокультурные матрицы. В этом смысле постконфуцианская философия оказывается «духовной подпоркой и теоретическим руководством» (Ли Чэнгуй), столь необходимыми делу модернизации [3, с. 71–72].

Основная сложность в этом понимании для нас состоит в том, что в истории китайской мысли наличествуют разнонаправленные тенденции в понимании того, как на судьбах модернизации складывается наличие, по меньшей мере, двух влиятельных мыслительных парадигм. Одна из них акцентирует ценности устойчивости, стабильности, постоянства, а другая – непостоянства, изменчивости, динамики взаимопереходов, трансформаций, метаморфоз сущего. Представители первой линии подчеркивают, что в онтологическом смысле культура вэнь (традиционная официальная, опирающаяся на письменность) – суть упорядоченность и упорядочивание. Все, что упорядоченности противоречит, разрушает её, есть альтернатива культуре и традиции. В этом трудность, осложняющая не только нам, но и самим китайцам, принятие модернизации на уровне психологических установок и жизненной практики. В представлении большинства любое изменение (к ним относится и современная модернизация) вносит дисгармонию в ценностный мир, сформированный идеей соответствия «всего всему».

Другая линия традиционно связана с метафизической и-цзиновской (описанной в классической

философской книге «И-цзин» – Книге перемен) диалектикой постоянно и циклически меняющегося мира, и с шу-цзиновским (описанном в классической книге «Шу-цзин» – Книге исторических документов) символизмом взаимопревращений пяти первоэлементов. В них, полагают философы, заключен архетип китайского отношения к трансформации как к метаморфозам сущего, во вселенском круговороте которых, в согласии с законом «взаимопорождения» и «взаимопреодоления», участвует и цивилизация вэнь, воплощающая мироустроительные принципы той или иной стихии пяти первоэлементов (дерево-огонь-почва-металл-вода и далее их перетекание, взаимную замену). Необходимо к этому отнестись как к необходимым объективным процессам, не имеющим отношения к сознательным человеческим практикам, ибо это умозрительно воспринимаемые процессы. Речь идёт об обновлении, самообновлении, но не о направляемом и управляемом процессе.

Следовательно, уже самой традицией китайцы оказались подготовлены к восприятию современности как «состояния» транзитивности, постоянных перемен, с одной стороны, и к пониманию его в виде некой константы. Поэтому даже на уровне партийных документов современное китайское общество определяется как переходный период (как реализация одной из пяти первостихий).

Культура и опирающееся на неё образование – это тот фундамент (традиционный и одновременно развивающийся), на который опираются столь успешно развивающаяся экономика и социум. «Вся нация надеется на то, что в стране никогда не переведутся хорошие учителя», – заявил член ВК НПКСК, бывший замминистра просвещения, председатель Китайской просветительской ассоциации международного обмена, заместитель председателя Ассоциации обучающихся в Европе и Америке Лю Лиминь, проработавший в сфере образования более 30 лет. С его точки зрения, создание армии талантливых педагогов будет эффективно способствовать высококачественному развитию образования [4, с. 35]. В последние годы правительство Китая неуклонно наращивает вложения в сферу образования, благодаря чему значительно улучшились соответствующая инфраструктура учебных заведений и условия их создания.

По традиции китайское население делится на четыре сословия, дословно – «четыре народа» (сы-минь), которые для общества являются тем же, чем четыре конечности — для человеческого тела. Причём это разделение, идущее с древности, о нём еще упоминалось в трактате «Шу-цзин»: ученые, крестьяне, ремесленники, торговцы. Как видим, ученые как социальный слой, на первом месте [1, с. 95–100]. Престиж учёных (традиция ведется с Конфуция) огромен. Во все времена он был пропорционален авторитету первого среди них, учёного из учёных, Конфуция. Даже при смене правящих династий администрация обязательно обращалась к учёным-конфуцианцам, которые могли прояснить, правильно ли установлен порядок в обществе. Учёные-конфуцианцы основывались на внимательном перечитывании работ классиков, написавших подлинные учебники истории, морали, политики. Опираясь на советы, которыми делился Конфуций со своими учениками, – они собраны в книге «Суждения и беседы» («Лунь-юй»), – учёные-конфуцианцы ставили своей целью воспитание будущих просвещенных князей и советников, хотя образование он сделал всеобщим, то есть доступным для всех сословий.

Важно отметить, что Конфуций стал первым в истории Китая профессиональным преподавателем и организатором сообщества учёных-интеллектуалов (имел более трёх тысяч учеников). В центре учения Конфуция – человек, осмысляемый в единой социально-этической плоскости, к которой сводятся проблемы и экзистенциальные («ещё не зная, что такое жизнь, как узнать, что такое смерть?»), и религиозные («ещё не умея служить людям, как суметь служить навям?»), и гносеологические (знание – это «знание людей»). В целом образовательная доктрина (впрочем, как и социально-политическая) зиждется на приоритете моральных ценностей и норм этики ритуала (ли) и церемониальной музыки (юэ) над любыми иными видами регуляции общественной жизни. Идейная и социальная победа конфуцианства над всеми конкурировавшими учениями обеспечила его создателю особый статус культурного героя, духовного вождя нации, сохранившийся за ним на все века.

Конфуцианство явилось доминирующей идеологической системой в Китае в течение почти двух с половиной тысячелетий, несмотря на некоторые отходы от него. Сегодня в Китае отношение к конфуцианству неоднозначно. Доминирует мощная линия приверженцев конфуцианства как главной движущей силой политики модернизации на том основании, что конфуцианская нравственность универсальная всегда. В 1984 г. был создан китайский фонд Конфуция, который организует между-

народные конференции по обсуждению проблем конфуцианского учения и издаёт научно-педагогический журнал «Изучение Конфуция».

В последние 40 лет, насыщенных политикой реформ, Китай претерпел потрясающие изменения во всех сферах общества, и была создана система педагогического образования. Педагогические вузы и училища – это основная сила по воспитанию и подготовке учителей и основной источник обеспечения начальных и средних школ Китая преподавательским составом. В настоящее время в Китае ежегодно принимается на работу около 300 тысяч новых учителей; три четверти из них – выпускники педагогических вузов и училищ [4, с. 36]. В марте 2018 г. правительство Китая приняло «План действий по подъёму педагогического образования на период 2018–2022 г., а в феврале 2019 г. китайское правительство опубликовало документ «Модернизация образования в Китае до 2035 г.», в котором намечены основные цели развития: создать современную систему образования, обеспечивающую возможность непрерывного обучения для всего населения; осуществить всеобщее качественное дошкольное образование и качественное и сбалансированное обязательное образование, всесторонне распространять образование на стадии средней школы высокой ступени, заметно повысить качество услуг в области профессионального обучения и конкурентоспособность высшего образования, предоставить детям и подросткам с ограниченными возможностями шансы получения соответствующего образования, а также сформулировать новую модель упорядочивания сферы образования при участии всего общества.

В данных документах уделяется внимание международному сотрудничеству и обмену студентами и преподавателями, которые можно рассматривать как стабилизатор межгосударственных отношений. И это демонстрирует дипломатия Китая и России, их экономические и культурные связи.

Резюмируя сказанное, мы можем сформулировать основные современные тенденции развития образования в Китае: 1) сочетание традиционных (конфуцианских) ценностей в образовании с инновационными глобалистскими технологиями; 2) формирование новой модели упорядочивания сферы образования при участии всего общества, включая международные связи; 3) приоритет образования в молодёжной политике государства.

Таким образом, достижения Китая демонстрируют потенциал модернизации незападных регионов мира, умело использовавших ресурсы своего уклада и менталитета, а также патерналистского типа идентичности.

Список использованной литературы

1. Каменорович, И. Классический Китай / И. Каменорович. – Москва : Вече, 2006. – 416 с.
2. Мигунов, Н.И. Китайская модернизация и постконфуцианская концепция «добавочного значения ценностей» / Н.И. Мигунов. // Вестник Российского философского общества. – 2004. – № 3. – С. 69–72.
3. Мусабаев, Клич. Как стать великой державой в сфере образования / Клич Мусабаев // Китай. – 2019. – № 4. – С. 35–37.
4. Орлова, С.А. Традиционный уклад как ресурс модернизации Китая / С.А. Орлова // Вестник Российского философского общества. – 2015. – № 1. – С. 103–105.

Р.Н. Афонина
г. Барнаул, Россия

АКТУАЛЬНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-16-22504 «Проведение международной научной конференции «Культурно-антропологическая парадигма: практика реализации в условиях компетентностной модели образования».

Аннотация: В статье рассматривается явление гуманитаризации в современном образовании. Рассмотрение вопросов гуманитаризации образования в методологическом плане

основано на акцентировании внимания на ценностном ядре образования – самой личности. Гуманитаризация образования способствует проявлению личностных качеств, творческих способностей, стремления к знаниям, сотрудничеству в достижении цели, активизации мышления, социальной активности.

Ключевые слова: гуманитаризация, гуманитарная культура, естественнонаучное образование.

R.N. Afonina
Barnaul, Russia

RELEVANCE AND VALUE OF HUMANITARIZATION OF THE CONTENT OF NATURAL SCIENTIFIC EDUCATION

Abstract: The phenomenon of humanization in modern education is considered. Consideration of the issues of humanization of education in methodological terms is based on focusing attention on the value core of education – the personality itself. Humanitarization of education contributes to the manifestation of personal qualities, creative abilities, the desire for knowledge, cooperation in achieving the goal, enhancing thinking, social activity.

Keywords: humanitarization, humanization, humanitarian culture, natural science education.

Проблема гуманитаризации образования рассматривается в связи с формированием гуманистического мировоззрения, гуманитарной культуры личности в работах философов М.С. Каган, А.А. Касьяна, И.М. Орешникова, Н.С. Розова и др. В работах отечественных педагогов основные аспекты гуманитаризации образования исследуются Е.В. Бондаревской, Б.С. Гершунским, Л.Я. Зориной, Н.И. Ильиным, И.Я. Лернером, Л.М. Наумовой, В.Н. Сагатовским, Ю.В. Сенько и др.

В психолого-педагогическом словаре понятие гуманитаризация образования определяется как «система мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования и, таким образом, на формирование личной зрелости обучаемых» [10, с. 124]. И.Д. Пехлецкий [3, с. 56] считает гуманитаризацию средством гуманизации. В исследовании Н.И. Ильина [5, с. 14] подчеркивается, что гуманитаризация является воплощением на практике идей гуманизации. Автор отмечает, что под гуманитаризацией, как очеловечиванием, понимаются такие основные аспекты обучения и воспитания как формирование гуманистического мышления, изменение отношений между преподавателем и обучающимися, соответствующий выбор форм организации учебных занятий; акцентированный отбор содержания конкретной учебной дисциплины для решения двух выше названных задач. В нашем исследовании мы опираемся на определение В.М. Симонова [12, с. 17], считая, что гуманизация – это поворот всей системы образования к человеку, его ценностям, а процесс гуманитаризации является одним из механизмов гуманизации образования.

Множественность подходов к решению проблемы гуманитаризации образования, как в теории, так и на практике, связана с рассмотрением данного феномена в мировоззренческом, культурологическом и аксеологическом аспектах. Так, И.М. Орешников [7, с. 14] считает, что гуманитаризация образования – формирование гуманитарной культуры личности, насыщение естественных и социальных дисциплин культурологической, мировоззренческой проблематикой. Л.Я. Зорина [4, с. 39] под гуманитаризацией понимает «очеловечивание» учебного материала, показ неоднозначности результатов научно-технического прогресса для человека и общества, включение в содержание обучения нравственных критериев: моральных качеств ученого, его ценностных представлений, готовность отстаивать свои убеждения – научные, аксиологические, а также средства и способы, с помощью которых учащиеся отражают эти знания. Рассматривая гуманитаризацию с позиций аксиологического подхода, В.Н. Сагатовский [11, с. 18] отмечает, что гуманитаризация образования – это его ориентация на мир ценностей, жизненных смыслов и единство с природой. Б.С. Гершунский [2, с. 41] считает, что гуманитаризация образования предполагает усиление внимания к тем знаниям, умениям, навыкам, в основе которых лежат гуманитарные методы познания действительности.

Гуманитаризация образования выдвигает новые требования не только к системе образования в

целом, но и к отдельным предметам. З.М. Кондрашова и Т.С. Полякова [6, с. 30] обращают внимание на то, что гуманитаризация основана на понимании и осознании значимости гуманитарного знания, проникновении идей и методов гуманитарного характера во все структурные компоненты образовательных структур всех уровней. Авторы подчеркивают, что гуманитаризация образования предполагает содержательные и технологические изменения внутри негуманитарных дисциплин, вычленение и актуализацию их гуманитарного потенциала. Этот подход является эффективным средством функционирования идей гуманитаризации в негуманитарном образовании.

Б.С. Гершунский [2, с. 45], характеризуя направления гуманизации образования, подчеркивает, что гуманизация предполагает гуманитаризацию всех учебных предметов. В естественнонаучном образовании, как считают В.Н. Орлов и П.А. Сапронов [8, с. 103], необходимо выявить гуманитарные аспекты, ориентированные на развитие и становление личности в единстве с объективным знанием.

В.И. Данильчук [3, с. 88] в своем исследовании выделяет два основных подхода к гуманизации естественнонаучного образования:

Включение в изучаемую дисциплину философских проблем за счет актуализации их мировоззренческой, личностно-развивающей роли.

Формирование системы ценностей гносеологического, праксеологического и аксиологического характера.

Гуманистическая образовательная среда наиболее полно способствует самоактуализации личности – стремлению к возможно более полному выявлению и развитию своих способностей и возможностей. Условия, в которых осуществляется образовательный процесс, основанный на гуманистической модели образования, способствует не только лучшему усвоению учебного материала, но и личностному росту обучающихся.

Естественнонаучное образование с позиции гуманистической модели предстает как межпредметная область знания, а с другой стороны, – как процесс обучения, образования, саморазвития, самореализации, самоактуализации. Процесс обучения в гуманитарной модели ориентирован на содействие становлению независимо критически мыслящих, духовно состоятельных, социально активных граждан, основывающихся в своих действиях на принципах экологической этики, стремящихся к получению знаний об окружающей среде, проявляющих заботу о ее состоянии. Гуманитаризация предусматривает ориентацию на личность как социальную ценность общества. В естественнонаучном образовании такая ориентация предполагает построение содержания с позиций нравственных ценностей и мотиваций, с позиций формирования целостного научного представления о мире и его проблемах, с позиций значимости учебного материала для жизненной практики, в том числе, и личной [1, с. 300].

Главная функция, определяющая роль преподавателя в гуманистической модели естественнонаучного образования – фасилитация (от англ. Facilitation – создание благоприятных условий), основана на совместной деятельности студентов и преподавателя, направленной на достижение общей образовательной цели. Фасилитационный подход основан на сотрудничестве преподавателя и студентов, взаимоуважении и доверии, постоянной поддержке их со стороны преподавателя, мотивации и стимулировании, вере в их способности, особой чувствительности к овладению знаниями и навыками, необходимыми для личного участия в решении существующих и предупреждении новых экологических проблем.

Гибкое сочетание различных форм деятельности позволяет создать условия для развития мышления, а также как познавательного, так и деятельностного поведения, навыков индивидуальной работы и сотрудничества:

1. Интегрирующий (холистический – от англ. Whole–целый, цельный) подход к преподаванию. В его основе лежит учет различий функций левого («рациональный» тип познавательной и творческой деятельности) и правого («эмоциональный» тип) полушарий мозга, а также гибкое сочетание, варьирование, выбор наиболее эффективных форм, видов и методов образовательной деятельности, которые способствуют сбалансированной работе обоих полушарий.

2. Учет различий в стилях познания, т.е. в индивидуальных способах обработки информации об окружающем мире (аудиальный, визуальный, кинестетический), а также использование форм, видов и методов образовательной деятельности, ориентированных на различия в восприятии окружающего мира.

3. Фасилитационный подход направлен на содействие наиболее полному удовлетворению познавательных и творческих потребностей, а, следовательно, и самореализации личности.

4. Проблемное обучение – способ широкого охвата явлений, ставящий целью развитие навыков

решения учебных проблемных (не имеющих однозначного ответа) задач, самостоятельного поиска знаний и обретения опыта их использования в повседневной жизни.

5. Интерактивное обучение – обучение, погруженное в общение, – ориентировано на активное усвоение учебного материала, более глубокое его понимание, развитие навыков решения комплексных, в том числе, социально-экономических задач.

6. Обучение через сотрудничество – методика, используемая при работе в малых группах. Ориентировано на активное усвоение учебного материала, более глубокое его понимание, развитие способности воспринимать чужую точку зрения, а также навыков сотрудничества и разрешения конфликтов при совместном решении проблем.

7. Метод приоритета нравственных ценностей позволяет создавать условия для построения на основе экологической этики индивидуальной шкалы нравственных установок, выработки неравнодушного отношения к состоянию окружающей среды и личностного восприятия экологических проблем, самостоятельного критического мышления, умения вырабатывать и отстаивать свою точку зрения в сложных жизненных ситуациях.

Гуманитаризация образования рассматривается как интегрирующее, системообразующее начало и необходимое условие решения задач профессионального образования. Гуманитаризация образования способствует проявлению личностных качеств, творческих способностей, стремления к знаниям, сотрудничеству в достижении цели, активизации мышления, социальной активности. Гуманистическая образовательная среда наиболее полно способствует самоактуализации личности – стремлению к возможно более полному выявлению и развитию своих способностей и возможностей. Гуманитаризация образования определяет в качестве основных ориентиров образовательного процесса развитие интеллектуальных и творческих способностей личности, синтез различных типов знаний с этическим осмыслением результатов деятельности, выработку способности делать выбор и принимать за него ответственность. Это обусловливает новые требования к образованию, усиливает требование к целостности системы естественнонаучных знаний, которая бы позволяла осуществление выхода за пределы имеющихся в данный момент знаний на основе сформированной системы умений учебно-познавательной деятельности.

Список использованной литературы

1. Афонина, Р.Н. Естественнонаучное образование студентов гуманитарного вуза в контексте конвергентного подхода / Р.Н. Афонина // Ломоносовские чтения на Алтае. – Барнаул, 2013. – С. 297–302.
2. Гершунский, Б.С. Философия образования для XXI века / Б.С. Гершунский. – Москва : Московский психолого-социальный институт, Флинта, 1998. – 432 с.
3. Данильчук, В.И. Личностный подход в системе принципов экологизации естественнонаучного образования / В.И. Данильчук // Экологическое образование: концепция и технологии. – Волгоград : Перемена, 1996. – С. 86–98.
4. Зорина, Л.Я. Единство двух культур в содержании непрерывного образования / Л.Я. Зорина // Педагогика. – 1998. – № 5. – С. 38–42.
5. Ильин, Н.И. Формирование гуманитарных знаний у учащихся в процессе преподавания естественнонаучных дисциплин в средней школе: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Н.И. Ильин. – Казань, 1996. – 18 с.
6. Кондрашова, З.М. Гуманитаризация как средство реализации принципа гуманизации / З.М. Кондрашова, Т.С. Полякова // Гуманизация и гуманитаризация в школе и вузе. – Саранск, 1998. – С. 22–35.
7. Орешников, И.М. Феномен гуманитарной культуры: сущность, диалектика бытия, назначение: автореф. дис. ... докт. философ. наук : 09.00.01 / И.М. Орешников. – Уфа, 1995. – 39 с.
8. Орлов, В.Н. Гуманитарное образование как явление духовного производства и культуры / В.Н. Орлов, П.А. Сапронов // Естественнонаучное и социогуманитарное знание. – Ленинград : ЛГУ, 1990. – С. 98–112.
9. Пехлецкий, И.Д. Компоненты индивидуального стиля преподавания: спецкурс-практикум / И.Д. Пехлецкий. – Пермь, 1990. – 138 с.
10. Психолого-педагогический словарь для учителей и руководителей общеобразовательных учреждений / Под ред. П.И. Пидкасистого. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 544 с.
11. Сагатовский, В.Н. Ценностное основание гуманитарной экспертизы / В.Н. Сагатовский // Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы. – Новосибирск, 1992. – С. 9–33.
12. Симонов, В.М. Дидактические основы естественнонаучного образования: теория и практика реализации гуманитарной парадигмы наук: автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / В.М. Симонов. – Волгоград : ВГПУ, 2000. – 42 с.

Э.К. Брейтигам
г. Барнаул, Россия

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ДИДАКТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

Аннотация: В статье дан краткий анализ развития понятия «дидактическая культура» в педагогической науке, отмечается сложность и многокомпонентность структуры феномена «педагогическая культура». Выделена необходимость с первых шагов обучения в вузе уделять пристальное внимание формированию дидактической культуры будущего педагога. Приведен пример возможности влияния на развитие, в основном, инновационно-технологического компонента дидактической культуры будущего учителя в процессе усвоения им дисциплин «Педагогические предметные технологии» и «Методика обучения математике»; обращается внимание на целесообразность психологического сопровождения дидактического процесса в школе.

Ключевые слова: дидактическая культура, её структура, компоненты структуры.

E.K. Breitigam
Barnaul, Russia

SYSTEM APPROACH TO THE FORMATION OF DIDACTIC CULTURE OF A FUTURE TEACHER

Abstract: The article gives a brief analysis of the development of the concept of «didactic culture» in pedagogical science, notes the complexity and multicomponent structure of the phenomenon of «pedagogical culture». The need has been highlighted to pay close attention to the formation of the didactic culture of the future teacher from the first steps of the university. The article shows an example of the possibility of influencing the development, mainly of the innovative and technological component of the didactic culture of the future teacher in the process of mastering the disciplines «Pedagogical subject technologies» and «Methods of teaching mathematics»; attention is drawn to the advisability of psychological support for the didactic process in school.

Keywords: didactic culture, structure, structure components.

Известно, что дидактика исследует обучение на теоретическом и наиболее общем уровне, рассматриваемое как объект изучения и как объект научно обоснованного построения, конструирования [5, с. 25]). Так как дидактика – это педагогическая наука, изучающая определенные виды деятельности, «то правильнее будет назвать научный подход к изучению их объектов системно-деятельностным» [5, с. 14]. Использование системного подхода позволяет рассматривать содержание образования и процесс обучения как единое целое. Выделение предмета «дидактическая культура будущего учителя» позволяет судить о том, что основное внимание в работе должно быть уделено соотношению двух видов деятельности: деятельности преподавания (дидактическая культура) и деятельности учения (будущего учителя).

Анализ публикаций по данной проблеме показал, что если ещё в самом начале нашего века большинство исследователей практически не использовали термин «дидактическая культура», а вместо него активно применяли отождествляемые с ним понятия «педагогическое мастерство», «педагогическая компетентность», «методическая культура», то, начиная с работ И.Ф. Исаева, О.А. Игумнова [2, 3] и др., этот термин вошел в педагогическую науку. Были описаны структура дидактической культуры преподавателя, проведён функциональный анализ дидактической культуры, её взаимосвязь с профессионально-педагогической культурой [2, 3, 4]. Детальный анализ становления понятия «дидак-

тическая культура» как педагогической категории дан в работе М.П. Тыриной «Структура и функции дидактической культуры педагога» [8].

Большинство исследователей рассматривают дидактическую культуру как самостоятельный и специфический вид профессионально-педагогической культуры [2, 3, 4, 11]. При этом практически все исследователи в описании данного понятия обращают внимание на то, что это сложное, многокомпонентное и многоуровневое явление. Структурными компонентами дидактической культуры как системы они называют мотивационно-ценностный (совокупность дидактических ценностей педагога), инновационно-технологический (совокупность инновационно-творческих дидактических задач) и личностно-творческий (способы творческой самореализации в инновационно-дидактической деятельности) [8, с.154].

За последние два десятилетия проведено исследование дидактической культуры преподавателя технического колледжа [2], педагога дополнительного образования [1], преподавателя многопрофильной гимназии [11], преподавателя истории [7], учителя в процессе повышения квалификации [6], педагога высшей школы [7, 9, 10] и др. При этом, давая описание понятия «дидактическая культура», большинство исследователей этого феномена характеризуют его как «интегральное качество личности» [1, 3]. В частности, в работе А.В. Золотаревой [1] дидактическая культура педагога дополнительного образования рассматривается как интегральное качество его личности, представленное единством аксиологического, деятельностного, коммуникативного и результативно-субъектного компонентов, обеспечивающих в своем взаимодействии продуктивную дидактическую деятельность и творческую самореализацию педагога; а в работе О.А. Игумнова [3] оно описывается как «интегральное качество личности педагога, определяющее эффективную деятельность по формированию профессиональной культуры будущего специалиста и способствующее созданию и освоению преподавателем новых педагогических ценностей и технологий, саморазвитию личности преподавателя и его дидактического культуротворчества». Практически все авторы особо выделяют в этом феномене способность к творческой самореализации, рост личностных качеств и способностей в дидактической деятельности [1, 3, 6, 7, 11], способность к овладению инновационными технологиями в обучении.

К сожалению, пока не в полной мере проработаны конкретные пути, технологии формирования дидактической культуры будущего педагога.

Очевидно, что формирование дидактической культуры будущего педагога – это не одномоментный, а длительный процесс. Наша практика показывает, что он начинается с наблюдения обучающегося за деятельностью преподавателя, а позднее, и подражания деятельности любимого учителя в школе или преподавателя вуза, если обучающийся проявляет интерес к педагогической деятельности. Поэтому трудно переоценить роль личности учителя, преподавателя вуза в развитии дидактической культуры обучающегося.

Приведём пример возможности влияния на развитие инновационно-технологического компонента дидактической культуры будущего учителя. В частности, при изучении дисциплины педагогические предметные технологии, помимо достаточно высокой теоретической подготовки и знакомства студентов с современными инновационными технологиями обучения, в процессе практических занятий, они, представляя фрагменты уроков, детально исследуют вопросы выбора содержания учебного материала и соответствия этому содержанию предлагаемой технологии. Представление фрагментов уроков происходит в форме деловой игры, где два-три человека разрабатывают фрагмент урока, а остальная часть студенческой группы выступает в роли учеников. После «проигрывания» фрагмента урока происходит детальное обсуждение целей и задач данного фрагмента урока, выбора технологии обучения (как в целом, так и форм, и средств обучения), оценки полученных результатов. Такая подготовка, когда каждый студент в процессе изучения дисциплины под руководством опытного наставника может попробовать себя в роли учителя, является необходимым элементом в развитии дидактической культуры будущего учителя и подготовке его к будущей профессионально-педагогической деятельности. В этом же ключе продолжается работа при изучении курса «Методика обучения математике», когда студенты посещают уроки известных в городе учителей математики, просматривают фрагменты уроков учителей – участников конкурсов «Учитель года Алтая», «Педагогический дебют», с последующим анализом этих уроков на практических занятиях, участвуют в лабораторных работах по проектированию различных фрагментов уроков с последующей защитой своих проектов. В процессе всех обсуждений

важнейшими будут вопросы «почему» и «как»? Например, почему выбрана именно эта технология при изучении конкретного учебного материала, почему применены именно эти технические средства, средства наглядности? Как на данном уроке учитель развивает творческий потенциал обучающегося? Как (насколько продуктивно) выстроено общение учителя и учеников, а также учеников между собой»? и т.д.

Отметим, что в процессе интеграции деятельностного и коммуникативного компонентов формируемой педагогической культуры начинает вырабатываться персональный, личностный стиль педагогической деятельности, способность к восприятию инноваций. Для становления коммуникативного компонента дидактической культуры целесообразно бОльшее внимание уделить формированию знаково-символической деятельности будущего учителя. Сюда относится и необходимость выделения трёх планов в овладении символикой (синтаксический, семантический и прагматический), и практика организации различных видов диалога и дискуссий в процессе организации усвоения студентами учебного материала различных дисциплин, в проведении практик.

Развитие дидактической культуры будущего педагога ведёт к творческому преобразованию им процесса обучения, к появлению уникального личностного опыта, его творческой самореализации. При этом важнейшими результатами труда педагога будут позитивные изменения личности обучающегося. А последнее требует целенаправленного психологического сопровождения, которое бы позволяло во время обнаружить происходящие личностные изменения ученика, отследить их темпы, скорректировать действия преподавателя, направленные на развитие и проявления творческого потенциала обучающихся. Интересный опыт такой работы имеется в Алтайском краевом педагогическом лицее-интернате (КГБОУ «АКПЛ»).

Список использованной литературы

1. Золотарева, А.В. Методика преподавания по программам дополнительного образования детей : учебник и практикум для среднего профессионального образования / А.В. Золотарева, Г.М. Криницкая, А.Л. Пикина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 315 с.
2. Игумнов, О.А. Дидактическая культура преподавателя: теория и методология формирования : монография / О.А. Игумнов. – Старый Оскол : ООО «Антиква», 2009. – 212 с.
3. Игумнов, О.А. Содержание и структура дидактической культуры преподавателя технического колледжа : автореф. дис. ... канд пед. наук : 13.00.08 / О.А. Игумнов. – Белгород, 2003. – 21 с.
4. Исаев, И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя высшей школы как саморазвивающаяся система / И.Ф. Исаев // Гуадеамус. – 2002. – №1 (1). – С. 20–30.
5. Краевский, В.В. Основы обучения. Дидактика и методика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.В. Краевский, А.В. Хуторской. – Москва : Издательский центр «Академия», 2007. – 352 с.
6. Криницкая, Г.М. Технология развития дидактической культуры учителя в процессе повышения квалификации / Г.М. Криницкая // Ярославский педагогический вестник – Том II (Психолого-педагогические науки). – 2010. – № 3. – С. 53–57.
7. Мирзагитова, А.Л. Формирование дидактической культуры как способ трансформации учебного процесса в педагогическом вузе / А.Л. Мирзагитова // Успехи современной науки и образования. – 2017. –№ 10. – С. 81–86.
8. Тырина, М.П. Структура и функции дидактической культуры педагога / М.П. Тырина // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 3. – С. 148–156.
9. Тырина, М.П. Дидактическая культура будущего преподавателя высшей школы / М.П. Тырина. – Вестник Московского университета, Сер. Педагогическое образование. – 2011. – № 4. – С. 88–97.
10. Тырина, М.П. Дидактическая подготовка как фактор развития дидактической культуры педагога / М.П. Тырина // Вестник ТГПУ. – 2011. – Выпуск 2(104). – С. 25–29.
11. Фатьянова, Н.М. Формирование дидактической культуры учителя многопрофильной гимназии / Н.М. Фатьянова ; Управление образования администрации Белгородской области // Научные ведомости БелГУ. Сер. Педагогика. – 2002. – № 2(17). – С. 56–66.

А.А. Веряев
г. Барнаул, Россия

«АТЛАС НОВЫХ ПРОФЕССИЙ» И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-16-22505 «Международная научная конференция «Модернизация профессионально-педагогического образования: тенденции, стратегия, зарубежный опыт».

Аннотация: В статье реализован взгляд на систему непрерывного педагогического образования как на аутопоэтическую систему. Отмечена важность самореферирования для таких систем. Показано, что появление новых профессий в современной школе ставит перед педагогическими вузами новые проблемы в осуществлении профориентационной работы, связанной с самореферированием.

Ключевые слова: аутопоэйзис социальных систем, педагогическое образование, рефлексия, самореферирование, самоописание.

A.A. Veryaev
Barnaul, Russia

ATLAS OF NEW PROFESSIONS AND SOME PROBLEMS OF CONTINUOUS PEDAGOGICAL EDUCATION

Abstract: The article takes a look at the system of continuous pedagogical education as an autopoietic system. The importance of self-referencing for such systems is noted. It is shown that the emergence of new professions in a modern school poses new problems for pedagogical universities in the implementation of career guidance work related to self-referencing.

Keywords: autopoeisis of social systems, education of teachers, reflection, self-abstracting, self-description.

На проблемы непрерывного педагогического образования можно смотреть с разных позиций, точек зрения, взяв за основу разные методологические исходные установки. Среди этих установок можно выделить две крайние точки зрения. Первая заключается в том, чтобы рассматривать развитие, эволюцию непрерывного педагогического образования как адаптационный процесс. В ходе этого процесса система образования вынуждена подстраиваться под задачи, которые ставит перед ней общество, подстраиваться под условия окружающей среды, при этом основная детерминация процессов в системе педагогического образования – внешняя.

Вторая точка зрения противоположна первой и заставляет говорить о том, что важна собственная динамика системы педагогического образования и она, собственно, и приводит к становлению, поддержанию и развитию процессов, которые составляют суть образовательного процесса, связанного с подготовкой педагогических кадров.

Акцентируем в статье внимание на второй точке зрения. При этом локализуем в семантическом пространстве рассмотрение проблем непрерывного педагогического образования еще больше. Отметим, что полной замкнутости системы непрерывного педагогического образования быть не может, она открыта и взаимодействует с другими системами в обществе. Одна из важнейших характеристик такого взаимодействия, влияющая на систему образования, – необходимость «самоописания». Сложная диссипативная структура (этот термин используется в синергетике для описания систем) должна быть частично открыта по отношению к окружающей среде (на это указывает термин «диссипативная», говорящий о необходимости разнообразных потоков через систему (потоки «потребляются», перерабатываются системой): информационных, финансовых, людских и т.д.). Частичная открытость означает, что у структуры имеется своя собственная динамика, своя стабильность на разных иерархических уровнях. Полная стабильность – это стагнация

и смерть, полная адаптивность – потеря «своего лица», своей идентичности.

Когда в качестве автономной сложной социальной системы выступает личность, уместней говорить о ее рефлексии, самопрезентации и коммуникации. Когда рассматривают сложные социальные системы, вслед за У. Матураной, Ф. Варелой, Н. Луманом [2, 3, 4] выделяют такие функции систем, которые соответствуют некоторым аутопоэтическим характеристикам и которые носят название «автореферирование», «самоописание». Социальные системы для поддержания своего существования осуществляют наблюдение над собой, описывают свое бытие. Такие системы не являются ни субъектом, ни объектом в классическом смысле этих понятий.

Динамика глобально устойчивых структур, сохраняющих свойства самопроизводства и самообновления, получила название «аутопоэзис». Аутопоэзис – это дополнительность структуры и функции в эволюции. Мы не случайно останавливаемся на этом понятии. С нашей точки зрения, оно в полной мере может быть применено к системе образования, непрерывному педагогическому образованию, но, к сожалению, идеи теории аутопоэтических систем используются в педагогических исследования крайне редко. Процессы подготовки специалистов можно рассматривать не только с точки зрения процессов в самой системе образования, но и с точки зрения взаимодействия этой системы с окружением. Один из важнейших процессов – это процесс самореферирования, самоконтроля и саморефлексии. «Самореференция – это отсылка на самое себя. Каждая операция данной системы отсылает к другой операции той же системы и потому можно говорить, что система ссылается только на себя» [2, с. 204]. О самореферировании и пойдет речь далее в настоящей статье.

Термин «самореферирование» / «самореференция» является чрезвычайно удачным, он многое «говорит» о том, что нужно делать для обеспечения потоков абитуриентов, прихода в сферу педагогического образования новых кадров. Самореферированием занимаются все живые, социальные, экономические системы. Современные информационные технологии, социальные сети предоставляют колоссальные возможности для осуществления самореферирования, возможности повышения имиджа образовательных учреждений.

В большей степени нас будут интересовать процессы, протекающие в АлтГПУ и других педагогических образовательных структурах Алтайского края, но нашим географическим регионом изложение не ограничивается, оно носит более общий характер.

Прокомментируем сначала возможности использования средств ИКТ и современных соцсетей для самореферирования АлтГПУ. Сделаем первое замечание о самореферировании, ориентированном на одну из функций – профориентацию – приглашение абитуриентов для поступления в вуз. С нашей точки зрения, мало завести внутривузовские страницы в сетях, что чаще всего осуществляется, нужно таже максимально способствовать распространению электронных адресов «мест присутствия» вуза в сети, рекламы событий и мероприятий в вузе, включая их во всевозможные буклеты и отчеты о разнообразных мероприятиях, проводимых на факультетах и в институтах. Целенаправленно искать информацию всегда сложнее, чем щелкнуть мышкой по увиденной гиперссылке и очутиться на рекламной странице.

Более важным является второе замечание: одним из индикаторов успешности самореферирования является присутствие организации в рейтингах вузов, а в более общем звучании этот индикатор должен называться «видимостью вуза», связанной также с «видимостью» педагогической профессии.

Наконец, третье замечание, связанное со вторым, порождает одну из проблем, к решению которой отечественная система образования, по-настоящему, еще и не приступала. Самым важным источником информации о педагогической профессии для учащихся являются педагоги школ, которые на глазах у учеников осуществляют свою профессиональную деятельность. Ориентируясь на них, выпускники школ часто выбирают профессию учителя. Поразительным является то, что, несмотря на такие уникальные возможности в осуществлении профориентации на профессию учителя, осуществляемому по принципу «смотри на меня и делай как я», конкурсы в педагогические вузы не столь велики, как хотелось бы. Это одна из проблем педагогического образования, над которой стоит задуматься. По значимости для профориентационной работы и «последствий для педагогического вуза» реальные наблюдения учащихся школ за работой учителей, с нашей точки зрения, намного значимей всего остального в самореферировании системы педагогического образования. Именно здесь мы получим в ближайшее время одну из проблем, обусловленную быстрыми темпами развития общества, развитием современных

педагогических технологий, цифровой трансформацией образования, решать которую нужно уже сейчас.

Поясним сказанное. Несмотря на инертность в осуществлении педагогической деятельности, несмотря на то, что самой популярной является подготовка в вузах учителей-предметников, назревает в школах и вузах появление новых педагогических профессий, по которым педагогические вузы специалистов пока не готовят, а о деятельности таких специалистов школьникам ничего из примеров неизвестно. Далее мы будем ориентироваться на один интересный документ, который носит название «Атлас новых профессий» [1]. Его легко найти в сети Интернет. Первое его издание появилось в 2014 году, дополненное второе – в 2015 г. В конце 2019 года вышло уже третье, переработанное и дополненное издание. Обратим внимание на раздел, посвященный образованию. Не со всей номенклатурой предлагаемых новых педагогических профессий можно согласиться, не все временные рамки, заявленные в «Атласе» выдержаны, что вызывает справедливую критику документа, но на некоторые моменты имеет смысл сориентироваться уже сейчас, модифицируя работу над образовательными программами и РПД, направлениями подготовки магистров.

Время жизни некоторых профессий в современных условиях порядка 15 лет. Но именно они бросаются в глаза экспертов и находят отражение в «Атласе», а вот профессии с большим временем жизни в документе не обсуждаются. Это плохо, поскольку эти профессии сохранятся, но будут значительно модифицированы. Констатировав достаточно очевидное, мы вынуждены отметить, что «очевидность» приводит к одной проблеме, на которую внимание обращают, но вариантов решения не видно. Это проблема о границах или норме и мере устоявшегося в обществе и революционного, а также изменяемого, проблема ориентации образования во времени, проблема сохранения и изменения содержания образования, организационных форм и методов, проблема преемственности и вариативности, в том числе и в непрерывном педагогическом образовании. На эту тему практически не защищается диссертаций по педагогике.

Отметим тезисно ряд будущих педагогических профессий с комментариями. Первая, имеющая метафорическое название (как и очень многое в педагогике) профессия, – это «разработчик образовательных траекторий». Это такой профессионал, который создает «маршрут» обучения специалистов из курсов, предлагаемых образовательными учреждениями, в том числе доступных онлайн, а также тренажеров, симуляторов, стажировок и др., на их основе разрабатывающий образовательный трек с учетом психотипа, способностей и целей отдельного человека. Мы частично процитировали «Атлас», в котором отмечено, что профессия появится после 2020 г. Прогноз излишне оптимистичный. В настоящее время отечественная педагогика мало что сделала для реализации полного функционала будущей профессии, но многое для подготовки таких специалистов актуализировано уже сейчас: например, знания и ориентация в отечественном образовательном пространстве, владение хорошо известным, но частично забытым, индивидуальным подходом в организации педагогической деятельности.

Если приведенная выше профессия находится на некотором временном удалении от настоящего, то следующая, с нашей точки зрения, уже опоздала в школы. Речь идет о профессии организатора проектного обучения. Проекты в современной школе уже стали обязательными, но организуются и проводятся они достаточно проблемно. Об этом мне говорит опыт почти двадцатилетнего участия в качестве эксперта в краевом конкурсе одаренных детей «Будущее Алтая». Не могут учителя-предметники придумать хорошую тему для проекта, который бы носил межпредметный / метапредметный характер. Это говорит о том, что крайне не хватает в современной подготовке учителей-предметников курса под названием «Концепции современного естествознания», нужен добротный курс «Теория систем и системный анализ». Эти курсы много дают для метапредметного характера понимания происходящих процессов.

Проекты могут быть индивидуальными, коллективными, учитывающими индивидуальные особенности учащихся. Данная профессия тесно связана с предыдущей. Процитируем снова «Атлас» для характеристики профессии: «педагог, сопровождающий индивидуальное развитие учащихся в рамках дисциплин, формирующих образовательную программу, прорабатывающий индивидуальные задания, рекомендующий траекторию карьерного развития» [1]. Профессия требует от педагога системного мышления, эффективного использования в профессиональной деятельности ИКТ технологий, ориентацию в межпредметных связях, возможности по переносу знаний из одной предмет-

ной области в другую, критичности в восприятии информации. Если сейчас учитель-предметник в состоянии сдать ЕГЭ только по своему преподаваемому предмету, то в ближайшей временной перспективе этого окажется недостаточно, тем более недостаточно для организатора проектов. От него к тому же требуется мультиязычность, мультикультурность, умение работать с людьми, межотраслевая коммуникация.

Не будем подробней останавливаться на остальной части списка новых профессий (модератор, тьютор, координатор образовательной онлайн-платформы, ментор стартапов, экопроповедник, игромастер, игропедагог, тренер по майнд-фитнесу, разработчик инструментов обучения состояниям сознания), а обратим внимание на следующее. Учителей с таким функционалом в современной школе нет, поэтому нет естественной «рекламы» таких педагогических профессий. А это смещает задачи по самореферированию со школ на педагогические образовательные учреждения. Технологию осуществления знакомства учащихся школ с тем, что предстоит освоить в новой профессии нужно разрабатывать. Если перечисленных профессий пока не существует и в вузах нет набора абитуриентов на них, то возникает проблема: как донести до потенциальных абитуриентов информацию о новых профессиях? Некоторые ответы очевидны: можно воспользоваться той же сетью Интернет, использовать педагогические практики студентов, предварительно подготовив практикантов к ним. В последнее время зарождается еще одна форма работы: профессиональные пробы в рамках добровольных общественных организаций, волонтерских групп. Такие организационные структуры созданы, например, в Национальном исследовательском Томском политехническом университете. Назначение таких волонтерских групп – более тесное знакомство с будущей профессиональной деятельностью, но можно и обратить информационный поток в системе «работодатель – студент», сориентировав потенциального абитуриента на поступление в вуз для обучения новой педагогической профессии.

Список использованной литературы

1. Атлас новых профессий 3.0. – Москва : Издательство: Интеллектуальная Литература, 2020. – 456 с.
2. Луман, Н. Теория общества / Н. Луман // Теория общества: Сборник статей. – Москва, 2000. – 641 с.
3. Луман, Н. Самоописания / Н. Луман. – Москва : Издательство «Логос», ИТДГК «Гнозис», 2009 – 320 с.
4. Матурана, Умберто, Варела, Франсиско. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. Изд. 2-е, доп. – Москва : УРСС : ЛЕНАНД, 2019. – 320 с.

В.А. Иванова, Т.Е. Фасенко, Д.В. Коханенко
г. Барнаул, Россия

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СТРАНЫ И СИБИРСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-010-20047 «XI международная научно-практичная конференция «Социально-экономическая политика страны и сибирского региона в условиях цифровой экономики».

Аннотация: В данной статье обосновывается важность проведения исследований в области социально-экономического развития страны и сибирского региона. В качестве инструмента для обсуждения и апробации самых острых и актуальных вопросов развития современной макро- и микроэкономики представлена международная научно-практическая конференция.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, конференция, экономика, финансы, независимая оценка качества.

V.A. Ivanova, T.E. Fasenko, D.V. Kokhanenko
Barnaul, Russia

SOCIO-ECONOMIC POLICY OF THE COUNTRY AND THE SIBERIAN REGION IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY

Abstract: This article substantiates the importance of conducting research in the field of socio-economic development of the country and the Siberian region. The international scientific and practical conference is presented as a tool for discussing and testing the most pressing and topical issues of the development of modern macro - and microeconomics.

Keywords: socio-economic development, conference, economics, finance, independent quality assessment.

Одним из ключевых факторов прогрессивного развития региона, оказывающих позитивное влияние на уровень жизни, является перманентное накопление экономических и социальных проблем, региональные подходы к решению которых могут различаться. Их решение возможно только при конструктивном диалоге представителей научного сообщества, государственных и муниципальных органов власти и представителей бизнес-структур. Только такое разностороннее взаимодействие позволяет корректировать векторы социально-экономического развития страны и сибирского региона в условиях цифровой экономики: формировать позитивный имидж региона, создавать условия для сбалансированного инновационного социально-экономического развития, повышать уровень жизни граждан. Научно-практический анализ результатов фундаментальных и прикладных исследований, направленных на раскрытие сущности социально-экономического развития страны и сибирского региона с современных позиций является одним из эффективных инструментов в решении практических задач региона, в частности, Алтайского края в его поступательном прогрессивном развитии, и позволяет формировать инновационные идеи дальнейшего развития.

Проведение исследований в области социально-экономического развития страны и сибирского региона привлечет внимание научной общественности, в том числе, молодежи, к заявленной проблеме и будет способствовать выявлению и анализу существующих проблем, и формированию и реализации инновационных предложений по их решению в рамках региона. Эффективная подготовка и закрепление научно-педагогических кадров из числа студентов, аспирантов и молодых ученых в вузе сопряжены с созданием условий для коммерциализации результатов их деятельности. Однако несовершенство имеющегося в настоящее время научно-методического и информационного обеспечения для оценки научно-инновационных проектов требует специальных мероприятий, позволяющих выявлять и поощрять исследователей, а также способствовать внедрению научных результатов в деятельность организаций и субъектов страны. Международная научно-практическая конференция является одним из важных и эффективных инструментов для обсуждения и апробации самых острых и актуальных вопросов развития современной макро- и микроэкономики.

Целью конференции является организация конструктивной интеллектуальной дискуссии по актуальным вопросам устойчивого развития субъектов хозяйственной деятельности и выявление перспективных направлений улучшения инвестиционного климата и инвестиционной привлекательности сибирского региона. Международная конференция является эффективной площадкой для обсуждения самых острых и актуальных вопросов развития современной макро- и микроэкономике. В ходе работы конференции рассмотрены вопросы развития страны, Сибири и Алтайского края в условиях цифровой экономики, современные подходы к маркетингу туристических территорий сибирского региона, проблемы и современные пути повышения эффективности сельского хозяйства России и сибирского региона. Рассмотрены вопросы кадрового обеспечения предприятий реального сектора экономики, применение информационных технологий для развития бизнеса, развитие социальной направленности российских предприятий

как основы их устойчивости и повышения качества жизни населения сибирского региона.

2–27 сентября 2019 года в Алтайском филиале Финансового университета при Правительстве РФ состоялась XI международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию Финуниверситета, «Социально-экономическая политика страны и сибирского региона в условиях цифровой экономики». Конференция проведена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-010-20047).

Организатором конференции выступил Алтайский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Всего в конференции приняли участие более 150 человек из России, Казахстана, Кыргызстана, Белоруссии, Чешской Республики.

Конференция стала традиционной и проводится уже на протяжении 11 лет. Она дважды была поддержана: Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ).

В рамках конференции провели свою работу 5 секций.

Дискуссионная площадка «Независимая оценка качества образования и квалификаций: эффективность и регулирование». На площадке рассматривались актуальные вопросы по внедрению профессиональных стандартов в организациях и независимой оценки квалификации персонала.

Были предложены основные направления развития рынка труда с учётом модели организации работ по формированию элементов национальной системы профессиональных квалификаций на региональном уровне, предложенной Национальным советом. В крае создан Координационный орган – рабочая группа в составе краевой трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. Было отмечено, что в крае идет процесс создания центров оценки квалификаций. К настоящему времени создано шесть таких центра.

Секция «Модернизация экономики и финансов в XXI веке: тенденции и перспективы». На данной секции обсуждались результаты научных исследований и велась дискуссия по вопросам особенностей антиинфляционной политики Банка России, проблем развития финансового рынка в Алтайском крае, санации коммерческих банков как формы государственной поддержки финансового сектора, анализа и оценки интеллектуальной собственности на основе использования патентной информации, проблем модернизации экономики Алтайского края, перспектив повышения конкурентоспособности сельскохозяйственных предприятий Алтайского края, финансирования отечественной и зарубежных систем здравоохранения, организации финансов процесса воспроизводства жилищного фонда в РФ, новаций налогового законодательства, направленных на стимулирование малого бизнеса и способствующих полной занятости населения.

В фокусе обсуждений по каждой теме стояли проблемы и перспективы цифровизации социально-экономических процессов различных секторов экономики.

Секция «Экономическая стабильность страны и региона в условиях развития информационного общества». В работе секции приняли участие более 20 человек из вузов г. Барнаула, Новосибирска, Рубцовска, Бийска, Казахстана. На секции были представлены результаты исследований преподавателей по современным проблемам и перспективам обеспечения экономической безопасности систем управления в условиях цифровой экономики. Особое внимание было уделено таким вопросам, как формирование продовольственной безопасности страны и региона, анализ влияния факторов на финансовую безопасность организации, оценка уровня теневой экономики сибирского региона, развитие цифровой экономики, риски и перспективы использования цифровых данных, концептуальные основы экономической и информационной безопасности, проблемы организации управленческого учета в целях оценки экономической безопасности и методики оценки экономической безопасности организации.

Секция «Регионы страны: новые подходы социально-экономического развития». В работе секции приняли участие более 30 человек из органов власти, реального сектора и вузов г. Барнаула, Новосибирска, Бийска. В ходе дискуссии обсуждались вопросы, связанные с развитием агропромышленного и туристического потенциала региона, ролью национальных проектов и государства в региональном развитии. Данные вопросы имеют высокую актуальность и большую значимость для обеспечения устойчивого развития Алтайского края.

В секции «Методологические и теоретические подходы к решению проблем современного образования и рынка труда» приняли участие более 35 участников: из Алтайского центра дистанционного образования для детей-инвалидов, школ и вузов Барнаула, Санкт-Петербурга, Краснодара, Новосибирска,

Самары, а также Белоруссии и Казахстана. В рамках данной секции проведены два круглых стола.

В формате круглого стола «Психологические и педагогические подходы к решению проблем современного дошкольного, среднего и высшего образования» прошло обсуждение и обмен результатами научных исследований по проблемам современной российской системы образования, изменившимся требованиям к образованию на всех уровнях, говорили о западном опыте развития высшей школы в условиях стандартизации образования, много дискутировались вопросы внедрения инновационных методов, с одной стороны, и сохранения традиций в образовании, с другой стороны.

Особое внимание было уделено вопросам, связанным с воспитанием современной молодежи и необходимости развития волонтерской деятельности в вузах, гражданско-патриотической, духовной составляющей воспитательной деятельности образовательных учреждений.

В рамках круглого стола «Развитие инклюзивного образования в России» прошло обсуждение и обмен результатами научных исследований по проблемам инклюзивного образования, обусловленным изменившимися требованиями современного общества, необходимостью изменений в его содержании и организации, которые вызваны формированием новейшей целостно-смысловой характеристики профессионального и высшего образования и рядом устойчивых тенденций в социальной политике. Спектр рассматриваемых вопросов охватывает инновационные методы решения инклюзивного образования, а также ключевые принципы, задачи, психолого-педагогические особенности и пути их решения. Авторами докладов была показана взаимосвязь теоретических представлений и практического опыта при рассмотрении проблем формирования конкретных технологий и адекватных моделей педагогического и психологического сопровождения инклюзивного образования в образовательном процессе.

Работа конференции завершилась принятием резолюции, которая была направлена в органы государственной власти и бизнес сообщество. По итогам работы конференции издан сборник трудов конференции [1].

Список использованной литературы

1. Социально-экономическая политика страны и сибирского региона в условиях цифровой экономики : XI международная научно-практическая конференция, посвященной 100-летию Финуниверситета, г. Барнаул, 26–27 сентября 2019 г. / под общ. ред. Ивановой В.А., Фасенко Т.Е., Коханенко Д.В., Яськовой Н.А. – Барнаул : Изд-во Графикс, 2019. – 336 с.

С.Д. Каракозов, С.А. Поликарпов, Н.И. Рыжова, Е.А. Седова
г. Москва, Россия

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-29-14152 «Фундаментальные основы формирования математической грамотности для цифрового общества на начальном уровне образования».

Аннотация: Ведущей тенденцией развития современной цивилизации является цифровизация ее социально-экономической сферы, в рамках которой происходит вовлечение в процессы социально-экономической деятельности целой системы цифровых когнитивных инструментов, обеспечивающих переход между звуковым, графическим и цифровым текстом, а также поддерживающих алгоритмический интеллект (логика) и интуицию (искусственный интеллект). В нашей работе мы рассмотрим вопросы сочетания традиционных и цифровых компетенций в математическом образовании в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровые компетенции, математическое образование.

S.D. Karakozov, S.A. Polikarpov, N.I. Ryzhova, E.A. Sedova
Moscow, Russia

MATHEMATICAL EDUCATION AND DIGITAL COMPETENCE

Abstract: Digitalization of social and economic aspects of human life is the major trends in the development of modern civilization and includes the implementation of a comprehensive system of digital cognitive tools used by a human enabling a smooth transition between audio, graphics, and digital text as well as supporting algorithmic intelligence (logic) and intuition (artificial intelligence). This paper particularly analyzes the combination of traditional and digital competencies in mathematics education in the Russian Federation.

Keywords: digital society, digital competences, mathematical education.

Характерной особенностью российского математического образования сегодня является его совершенствование на основе Концепции его развития [1] в условиях становления общества цифровой экономики [2].

Как мы уже отмечали ранее, в ряде наших публикаций в частности [3–7], актуальность совершенствования математического образования сегодня обуславливается, прежде всего, тем, что математическая деятельность в настоящее время – это крупнейший и наиболее быстро развивающийся сектор мировой экономики, а востребованность специалистов по математическому моделированию высокого уровня квалификации и компетентности является существенным фактором развития большинства современных научно-технологических отраслей. Это развитие, в свою очередь, невозможно без математического образования, которое является основой профессиональной подготовки специалистов для самых перспективных высокотехнологических профессиональных сфер и отраслей российской и мировой экономики, базирующихся на инновационной деятельности.

Кроме того, у России, как и у любой страны мира, сегодня невелик выбор в области математического образования:

- учить содержательной математике каждого ребенка, реализуя серьезную государственную программу в области профессионального образования и повышения квалификации учителей;
- учить содержательной математике часть детей, реализуя менее дорогую государственную программу в области профессионального образования и повышения квалификации учителей, – этот вариант также отвечает требованиям развития промышленности, обороны и безопасности страны;
- прекратить реализацию серьезных образовательных программ в области обучения математике и согласиться на полную зависимость от других стран в области технологий и безопасности страны.

Но отметим, что традиции России, как великой математической державы, культура российского математического образования являются по-прежнему общепризнанными. В современных условиях в образовательной практике важна ориентация на развитие познавательной активности, самостоятельности учащихся, формирование умений проблемно-поисковой, исследовательской деятельности. Кроме того, сегодня во всем мире наблюдается переход от сложившейся многовековой технологии математической деятельности как эвристического труда, основанного на обобщении предшествующего опыта, к новой цифровой технологии, в основе которой лежит исследование, моделирование, чаще всего при помощи компьютера, и проектирование.

В контексте сказанного одной из задач, поставленных перед российском образованием, является вхождение наших школьников в лидеры ведущих международных рейтингов. Одним из подобных рейтингов является PISA (Programme for International Student Assessment / Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся) – сопоставительное исследование качества общеобразовательной подготовки учащихся в возрасте 15-ти лет. Исследование проводится под эгидой Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Национальным центром проведения исследования PISA в Российской Федерации является ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования» [8].

По данным тестирования учащихся оценивают их математическую, читательскую и естественнонаучную грамотность. Исследование PISA сосредоточено на оценке практических навыков учащихся и их умении применять академические знания в

жизни. Важно отменить, что результаты PISA коррелируют с экономическим и социальным развитием стран.

В данном контексте, на наш взгляд, важным аспектом является рассмотрение вопросов математической грамотности – способности индивидуума формулировать, применять и находить различные интерпретации для математических объектов (в широком смысле) в разнообразных контекстах других предметных областей. При этом важно понимать, что математическая грамотность включает в себя и не только способность строить математические рассуждения, но и умение использовать математические понятия, процедуры, факты и инструменты для описания, объяснения и предсказания результативности конкретного изучаемого явлений другой содержательной или полуформальной предметной области. Кроме того, именно математическая грамотность позволяет людям понять роль математики в мире, высказывать обоснованные суждения и принимать решения, которые необходимы активному и размышляющему гражданину в ходе конструктивного и результативного решения конкретной предметной содержательной задачи.

Таким образом, на наш взгляд, математическая грамотность дает возможность человеку мыслить формально-содержательным образом, формулировать, применять и интерпретировать математические понятия, факты и результаты процедуры размышления для решения задач в разнообразных практических контекстах на межпредметном уровне.

Способствовать развитию математической грамотности, на наш взгляд, призваны не только тенденции цифровизации образования [2, 9] и реализация направлений развития математического образования в России [1, 3, 4, 6, 7], но и использование в образовательной практике как определенных ориентиров тестовых заданий PISA. При этом сами тестовые задания PISA [8], базируются на математическом содержании, контексте, мыслительных процессах для решения задачи.

При этом предполагается следующее понимание этих компонентов:

- Математическое содержание: пространство и форма, изменение и зависимости, количество, неопределенность и данные.
- Контексты: личная жизнь, образование / профессиональная деятельность, общественная жизнь и научная деятельность.
- Мыслительные процессы: формулировать ситуацию математически; применять математические понятия, факты, процедуры размышления; интерпретировать, использовать и оценивать математические результаты.

Одной из составляющих математической грамотности является цифровая грамотность, которая начинается с понимания цифровой терминологии и инструментов, а также методов онлайн-навигации, исследований и коммуникации. Данный вид грамотности [10], как сейчас принято считать, прогрессирует до способности использовать цифровые инструменты для сбора и представления информации и интеграции этих навыков в академическую и неакадемическую деятельность. Потребность в цифровой грамотности поддерживается существующими тенденциями в образовании и экономике.

Обучение, ориентированное на учащихся, соответствующее росту экономики, основанное на технологиях и знаниях, подтолкнули образование к развитию своих основных учебных программ и дополнению их содержанием и обучением видам деятельности, для которых необходимо доведение до конкретных навыков, способствующих поддержанию успеха человека в высокотехнологичной среде [11].

Как результат обучения цифровая грамотность существует в диапазоне от базового понимания и пассивного использования до более сложного уровня – вовлечения учащихся в цифровые процессы. В то время как традиционные подходы сосредоточены на знаниях и использовании аппаратного и программного обеспечения, глобальная цифровая среда расширяет сферу цифровой грамотности [12], включая использование цифровых инструментов и платформ для взаимодействия с оригинальным контентом из других нематематических предметных областей.

А этот контент, в свою очередь, может дополняться и следующими классами задач [13], умение решать которые также будет свидетельствовать об уровне сформированности цифровой грамотности:

- задачи, решаемые на компьютере с помощью методов вычислительной математики, предусматривающие выбор оптимального метода и среды реализации и их представление в мультимедийном формате;
- задачи по преобразованию текстовых информационных объектов с применением соответствующего программного обеспечения;
- задачи по преобразованию графических информационных объектов с применением соответствующего программного обеспечения;

• задачи по преобразованию звуковых информационных объектов с применением соответствующего программного обеспечения;

• задачи по преобразованию анимационных информационных объектов с применением соответствующего программного обеспечения;

• задачи по преобразованию мультимедийных информационных объектов с применением соответствующего программного обеспечения;

• другие задачи.

Таким образом, цифровая грамотность, вырастающая из математической грамотности, в дальнейшем должна стать основой для развития цифровой компетентности, которая может быть представлена совокупностью ключевых (универсальных), базовых (общепрофессиональных) и специальных цифровых компетентностей, актуальных для жизнедеятельности в цифровом обществе.

Список использованной литературы

1. Атанасян, С.Л., Каракозов, С.Д., Семенов, А.Л. Ключевые идеи Концепции развития математического образования в Российской Федерации / С.Л. Атанасян, С.Д. Каракозов, А.Л. Семенов // Информатика в школе: прошлое, настоящее и будущее. Материалы Всероссийской научно-методической конференции по вопросам применения ИКТ в образовании. – Пермь : Изд-во ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2014. – С. 264–266.
2. Лубков, А.В., Каракозов, С.Д., Рыжова, Н.И. Тенденции развития современного образования в условиях становления цифровой экономики. Информатизация образования: теория и практика : сборник матер. Межд. науч.-практ. конф. 18–19.11.2017 г. / А.В. Лубков, С.Д. Каракозов, Н.И. Рыжова. – Омск, 2017. – С. 41–47.
3. Каракозов, С.Д., Боровик, А. Современное математическое образование в условиях меняющегося рынка труда / С.Д. Каракозов, А. Боровик // Модернизация профессионально-педагогического образования: тенденции, стратегия, зарубежный опыт: материалы международной научной конференции / Под науч. ред. М.П. Тыриной, Л.Г. Куликовой. – Барнаул, 2017. – С. 15–18.
4. Босова, Л.Л., Каракозов, С.Д., Поликарпов, С.А., Рыжова, Н.И., Седова, Е.А. О направлениях совершенствования математической подготовки педагогов в Российской Федерации и механизмах их реализации / Л.Л. Босова, С.Д. Каракозов, С.А. Поликарпов, Н.И. Рыжова, Е.А. Седова // Актуальные проблемы развития математического образования в школе и вузе : материалы IX международной научно-практической конференции / Под редакцией Э.К. Брейтигам, И.В. Кисельникова. – Барнаул, 2017. – С. 56–62.
5. Рыжова, Н.И. Актуальность поиска решений по обновлению методов обучения математике и информатике / Н.И. Рыжова // Модернизация профессионально-педагогического образования: тенденции, стратегия, зарубежный опыт : материалы международной научной конференции / Под науч. ред. М.П. Тыриной, Л.Г. Куликовой. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – С. 130–132.
6. Рыжова, Н.И., Трубина, И.И. Тенденции развития содержания внеурочной деятельности школьников по информатике и математике в условиях информатизации и модернизации российского образования / Н.И. Рыжова, И.И. Трубина // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 4. – Ч. 1. – С. 94–108.
7. Самылкина, Н.Н., Седова, Е.А., Каракозов, С.Д., Поликарпов, С.А., Босова, Л.Л., Ягола, А.Г., Розанова, С.А. Проблемы школьного математического образования глазами учителей и преподавателей вузов: результаты опросов / Н.Н. Самылкина, Е.А. Седова, С.Д. Каракозов, С.А. Поликарпов, Л.Л. Босова, А.Г. Ягола, С.А. Розанова // Математика в школе. – 2017. – № 2. – С. 36–44.
8. PISA (Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fioco.ru/pisa (Дата обращения: 15.03.2020)
9. Уваров, А.Ю., Каракозов, С.Д., Рыжова, Н.И. На пути к модели цифровой школы / А.Ю. Уваров, С.Д. Каракозов, Н.И. Рыжова // Информатика и образование. – 2018. – № 7(296). – С. 4–15.
10. Tiven, M.B., Fuchs, E.R., Bazari, A., & MacQuarrie, A. (2018). Evaluating Global Digital Education: Student Outcomes Framework [Электронный ресурс] / M.B. Tiven, E.R. Fuchs, A. Bazari, & MacQuarrie, A. – New York, NY: Bloomberg Philanthropies and the Organisation for Economic Co-operation and Development. – Режим доступа: https://www.oecd.org/pisa/Evaluating-Global-Digital-Education-Student-Outcomes-Framework.pdf (Дата обращения: 15.03.2020).
11. Wagner, T. The global achievement gap: Why even our best schools don't teach the new survival skills our children need–and what we can do about it / T. Wagner. – New York, NY : Basic Books, 2014.
12. Fletcher, A.K. Exceeding expectations: Scaffolding agentic engagement through assessment as learning / A.K. Fletcher // Educational Research. – № 58(4). – P. 400–419. Doi: 10.1080/00131881.2016.1235909
13. Каракозов, С.Д., Рыжова, Н.И. Типовые задачи и составляющие содержания информационно-вычислительной компетентности современного специалиста / С.Д. Каракозов, Н.И. Рыжова // Информационные технологии в науке, образовании и управлении : Сб. научн. стат. / Под редакцией проф. Е.Л. Глориозова, 2015. – С. 311–315.

Ж.К. Кениспаев, Н.Д. Скосырева
г. Омск, Россия

ПОНЯТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-29-07366 мк «Междисциплинарный подход к профессиональному самоопределению сельской молодежи в условиях цифровизации экономики».

Аннотация: Понятие цифровой экономики часто используется в различных контекстах. В статье анализируется тема генетической связи между современными цифровыми технологиями и классическими философскими концепциями, в которых реальность представляется в виде различных теоретических конструкций. Утверждается, что в процессе обучения необходимо связывать возникновение цифровой экономики с общей эволюцией научных знаний.

Ключевые слова: цифровая экономика, наука, философия, система образования.

Zh.K. Kenispaev, N.D. Skosyreva
Omsk, Russia

THE CONCEPT OF DIGITAL ECONOMY IN THE MODERN EDUCATION SYSTEM

Abstract: The concept of digital economy is often used in various contexts. The article analyzes the topic of genetic connection between modern digital technologies and classical philosophical concepts, in which reality is represented in the form of various theoretical constructions. It is argued that in the process of learning, it is necessary to link the emergence of the digital economy with the General evolution of scientific knowledge.

Keywords: digital economy, science, philosophy, education system.

Понятие цифровой экономики возникло относительно недавно и связано с переходом России на новую систему ведения хозяйственной деятельности. Новая система экономики основана на так называемых цифровых технологиях, представляющих собой формализованный метод передачи информации и хранение больших баз данных при помощи двоичной системы счисления. Последняя, как известно, является главным элементом всей современной компьютерной технологии.

Новые условия хозяйственной деятельности предполагают воспитание поколения грамотных людей, способных работать в сфере экономики, основанной на цифровых технологиях. В этой связи перед системой образования возникают новые задачи, связанные с кардинальными изменениями в экономической сфере жизни человека. Нам представляется, что для более адекватного представления о сущности цифровой экономики необходимо вернуться к ее истокам, которые, как это часто бывает в европейской культуре, следует искать в греческой цивилизации. Античные мыслители впервые построили теоретические модели мира, в которых особую роль играла искусственная система знаков. Цифры – это система знаков для записи чисел, а последние в греческой культуре имели особый статус.

Великий греческий философ Пифагор создал свою теорию чисел, которая не теряет своей актуальности и в настоящее время. Во всяком случае, в системе образования изучение математики или философии всегда начинается с творчества Пифагора, его представлений о Космосе, а магическое учение о числах составляет значительную часть современной культуры. Греческий мыслитель утверждал, что число – это не просто количественная характеристика вещей, а сущность, отражающая их внутреннее содержание. Поэтому математика для великого философа – это основа всех наук, ей повинуются не только люди, но и боги. Священным числом, согласно учению Пифагора, является число 10, символизирующее Вселенную, в которой живет человек. Особое место это число занимает в современной цифровой технологии, ко-

торая основана на двоичной системе счисления, состоящей из единицы и нуля.

В новое время немецкий философ Г. Лейбниц, создатель математической логики, продолжает традицию рассмотрения бытия через призму его количественных характеристик. По его мнению, «числовые идеи более точны и различимы одна от другой, чем идеи протяжения, в которых не так легко подметить и измерить всякое равенство и неравенство, ибо в пространстве наша мысль не может найти определенной малой величины, подобной единице среди чисел, за пределы которой нельзя идти» [2, с. 155]. Таким образом, в классической философии в наиболее яркой форме показана связь между цифрами и различными сферами жизни человека. Но в данной статье мы планируем показать исходные мировоззренческие установки ученых и философов, которые позволяют им усматривать в мире определенный числовой порядок. Понятие цифровой экономики, на наш взгляд, возникло благодаря особому теоретическому взгляду человека на свою предметно практическую деятельность. Если искать причины подобного теоретического осмысления деятельности, то можно выделить следующие.

Во-первых, стремление к порядку, желание превратить первоначальный хаос в прекрасный Космос – это родовой признак человека, который отличает нас от других видов живых существ на Земле. По всей видимости, главное предназначение человека – это упорядочивание многообразной в своих проявлениях природы, рассмотрение ее внутренних взаимосвязей и взаимопереходов. В тех случаях, когда человек не в состоянии упорядочить внешний мир, его охватывает экзистенциальный страх перед небытием, который, как правило, вызывает агрессию. Например, упадок большинства цивилизаций прошлого всегда сопровождался увеличением степени нестабильности общества, падением нравов, а в широком смысле – уменьшением степени порядка в социальной системе.

Во-вторых, известно, что философия, как первая форма рационального познания мира, возникла с вопроса о первоначале. Фалес задает, на первый взгляд, наивный детский вопрос – из чего все возникает и во что вновь превращается? Но это был самый важный шаг к упорядочиванию мира, который положил начало теоретическому осмыслению бытия. Причина такого гносеологического интереса человека, видимо, кроется в его способности создавать абстрактные искусственные миры, в которых лишь в самых общих чертах отражается реальность. Более того, весьма сильна в эпистемологии традиция, согласно которой процесс познания – это не что иное, как познание человеком самого себя, своей субъективности. В широком смысле человек благодаря своему разуму способен представлять существующий хаос через призму некоторых исходных матриц, порожденных его продуктивным воображением. Подобную точку зрения отстаивал, например, немецкий философ И. Кант. «Естествоиспытатели поняли, – пишет немецкий философ, – что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди, согласно постоянным законам, и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу, так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон и нуждается в нем» [1, с. 16–17]. Разум человека в таком понимании процесса познания упорядочивает мир по своим законам, вкладывая в него человеческие смыслы.

В-третьих, научные теории – это наиболее адекватный способ получения общей картины мира, они выполняют функцию адаптации человека к окружающей реальности. Числа же являются основными элементами организации научного знания. В эпоху Возрождения Г. Галилей утверждал, что книга природы написана языком математики, а она, как известно, при помощи чисел формулирует самые общие законы природы. Таким образом, в настоящее время очередной этап в эволюции способов теоретического осмысления мира представляет собой переход экономики на цифровые технологии.

Вместе с развитием научных знаний увеличиваются и возможности человека по освоению природы. В широком смысле переход экономики к цифровому формату означает начало новой истории взаимоотношений человека и природы. Но вместе с тем повышаются и требования к самому человеку, которому необходимо иметь достаточную подготовку для того, чтобы жить и работать в условиях цифровой экономики. Задача по подготовке компетентных специалистов решается, в первую очередь, в системе образования на всех уровнях ее организации. В мировоззренческом плане цифровая экономика предполагает кардинальные изменения социальных, экономических, политических и иных отношений в обществе. Но идея упорядочивания мира впервые была сфор-

мулирована в античности, в творчестве великих мыслителей прошлого. Нам представляется, что идеология цифровизации экономики берет свое начало уже во времена первых философских школ Древней Греции, в которых была сформулирована задача поиска первоначала мира, позволяющего связывать его разрозненные части. На наш взгляд, современная цифровая экономика – это промежуточный этап решения глобальной задачи познания и осмысления человеком мира.

Список использованной литературы

1. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – Москва : Мысль, 1994. – 591 с.
2. Лейбниц, Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии / Г.В. Лейбниц. – Москва : Мысль, 1983. – 686 с.

Т.А. Киспаев, Д.А. Соколов
г. Караганда, Республика Казахстан
О.В. Баянкин, Н.В. Попова
г. Барнаул, Россия

РОЛЬ МОНИТОРИНГА ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ УЧАЩИХСЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация: Одной из составляющих здоровьесберегающих технологий в образовательных учреждениях является организация физического воспитания. В настоящий момент возрастает роль физической культуры в укреплении здоровья детского населения. Для правильной оценки состояния здоровья обучающихся необходимо использовать мониторинг физического состояния и физической подготовленности, обучающихся в образовательных учреждениях. В статье показана роль мониторинга физической подготовленности учащихся младшего школьного возраста. Проведены исследования показателей физической подготовленности мальчиков и девочек 1–4 классов образовательных учреждений г. Караганды, на основании которых даны рекомендации по целенаправленному развитию физических качеств отстающих от нормативных показателей физического состояния обследуемых лиц.

Ключевые слова: мониторинг, физическая подготовленность, физические качества (скоростные, силовые, скоростно-силовые и выносливость).

T.A. Kispaev, D.A. Sokolov
Karaganda, Republic of Kazakhstan
O.V. Bayankin, N.V. Popova
Barnaul, Russia

THE ROLE OF MONITORING PHYSICAL FITNESS OF STUDENTS OF PRIMARY SCHOOL AGE

Abstract: One of the components of healthy people is an educational organization. At present, the role in improving the health of the child population is growing. For a correct assessment of the health status of students it is necessary to use monitoring of the physical condition and physical fitness of students in educational institutions. The article monitors the physical fitness of students of primary school age. Studies of physical fitness indicators of boys and girls of grades 1–4 of educational institutions of the city of Karaganda were carried out, based on which recommendations were given on the targeted development of physical qualities of those lagging behind the standard indicators of the physical condition of the subjects.

Keywords: monitoring, physical fitness, physical qualities (speed, power, speed and strength and endurance).

Здоровье детей и подростков, учащейся молодежи в любом государстве и при любых социально-экономических и политических ситуациях является актуальнейшей проблемой и предметом первоочередной важности. Здоровье подрастающего поколения определяет будущее страны, генофонд нации, научный и экономический потенциал общества и наряду с другими демографическими показателями является чутким барометром социально-экономического развития страны.

Охрана здоровья детей и подростков, учащейся молодежи – важная составляющая основных документов, касающихся социального развития Республики Казахстан. В законах и государственных программах развития здравоохранения, образования, физической культуры и спорта, принятых за последние годы, уделяется большое внимание здоровью подрастающего поколения.

В государственных программах развития здравоохранения и образования в Республике Казахстан на 2011–2025 годы говорится о кардинальной модернизации системы здравоохранения и образования. Особое внимание уделяется состоянию здоровья подрастающего поколения, формированию интеллектуального, физически и духовно развитого гражданина Казахстана, необходимости внедрения новых педагогических, информационных и здоровьесберегающих технологий. Одной из составляющих здоровьесберегающих технологий является организация физического воспитания в образовательных учреждениях. В настоящий момент возрастает роль физической культуры в укреплении здоровья населения, профилактике заболеваний, повышении производительности труда, организации досуга, продлении жизни и творческой активности. Для правильной оценки физического развития (ФР) и физической подготовленности (ФП) обучающихся необходимо знать основные закономерности и возрастные особенности протекания этого процесса, что позволяет понять и объяснить деятельность отдельных органов и систем, их взаимосвязь, функционирование целостного организма в разные возрастные периоды и его единство с внешней средой.

С этой целью широко используется мониторинг физического состояния и физической подготовленности обучающихся в образовательных учреждениях [5–6]. Важнейшим признаком, характеризующим и обусловливающим состояние здоровья детей и подростков, их функциональное состояние, профессиональную пригодность, а также успешность адаптации к условиям учебно-производственной деятельности, является уровень развития основных и специальных физических качеств, объединенных общим понятием «физическая подготовленность» [1, 3–4]. Хорошая физическая подготовленность, определяемая уровнем развития основных физических качеств, является основой высокой работоспособности во всех видах учебной, трудовой и спортивной деятельности. У учащихся основным видом деятельности становится умственный труд, требующий постоянной концентрации внимания, удержания тела в длительном сидячем положении за столом, необходимых в связи с этим волевых усилий. Это требует достаточно высокого развития силы и выносливости соответствующих групп мышц. Как показатель функционального совершенства организма, качественной характеристики его двигательных возможностей ФП тесно связана с ростом, весом и другими антропометрическими признаками и, в свою очередь, обусловлена режимом двигательной деятельности человека [7].

Важным аспектом совершенствования процесса физического воспитания учащихся общеобразовательных школ является научное обоснование эффективной системы управления учебным процессом, внедрение инновационных форм, средств и методов физической культуры в педагогическую практику на основе объективных данных о динамике физического развития и физической подготовленности школьников [2].

В настоящее время хорошо известно, что объективная оценка физической подготовленности учащихся производится на основании сравнения результатов измерений, полученных в процессе обследования.

Цель исследования – обосновать роль мониторинга физической подготовленности учащихся младшего школьного возраста.

Организация и методы исследования. Под наблюдением находились школьники общеобразовательной школы № 81 г. Караганды в количестве 113 чел., из них 57 мальчиков и 56 девочек. Исследование физической подготовленности осуществлялось на основании результатов следующих тестов: бег 30 м, прыжок в длину с места, подтягивание из виса (мальчики), разгибание рук в упоре лежа (девочки), бег 500 м. Измерения выполнялись в I четверти учебного года.

Результаты исследования. Под наблюдением находились школьники I–IV классов СОШ

№ 81 г. Караганды. Анализ показателей физической подготовленности мальчиков выявил (см. таблицу 1), что по показателю скоростно-силовых способностей (прыжок в длину с места) отмечается динамика улучшения данного показателя с 1 класса по 4 класс и составила у учащихся 1 класса – 112,1±4,7 см; 2 класса – 124,4±3,7 см; 3 класса – 131,2±1,7 см и 4 класса – 142±3,3 см. Аналогичная динамика отмечается и по другим показателям. Так, например, по показателю скоростных способностей (бег на 30 метров) мы получили следующую картину: 6,91±0,4 сек.; 6,54±0,34 сек.; 6,21±0,14 сек.; 5,98±0,27 сек. соответственно. По показателю силовых способностей (подтягивание из виса) у учащихся 1 класса – 1,2±0,16 кол. раз; 2 класса – 1,6±0,21 кол. раз; 3 класса – 2,1±0,18 кол. раз и у 4 класса – 3,1±0,5 кол. раз. По выносливости (бег на 500 метров) вывели следующие показатели: 3:57,4±21,2; 3:38,3±24,3; 3:13,1±25,4; 2:59,5±19,3 соответственно.

Полученные данные мы проанализировали с данными учебной программы для начальной школы по предмету «Физическая культура (1–4 классы) в рамках обновления содержания среднего образования. – Астана, 2016 – 48 с. и учебной программы по предмету «Физическая культура» для 1–4 классов общеобразовательной школы. – Астана, 2013 – 21с., в которой указаны контрольные нормативы физической подготовленности учащихся, обучающихся в общеобразовательных школах. Полученный анализ показал, что по скоростным способностям среднестатистических показателей этого теста у учащихся 1–3 классов оценен как «зачет», а у учащихся 4 класса – на оценку «5 баллов». Учащиеся 1–3 классов по скоростно-силовым способностям получили «незачет», а учащиеся 4 класса – неудовлетворительную оценку. По силовым способностям выявлена аналогичная ситуация как и по скоростно-силовым способностям.

Таблица 1

Показатели физической подготовленности учащихся младшего школьного возраста (мальчики, M±m)

№	Показатели	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс
		n-15	n-12	n-17	n-13
1	Прыжок в длину с места (см)	112,1±4,7	124,4±3,7	131,2±1,7	142±3,3
2	Бег 30 метров (сек)	6,91±0,4	6,54±0,34	6,21±0,14	5,98±0,27
3	Подтягивание из виса(кол.раз)	1,2±0,16	1,6±0,21	2,1±0,18	3,1±0,5
4	Бег 500 метров (мин)	3:57,4±21,2	3:38,3±24,3	3:13,1±25,4	2:59,5±19,3

Анализ показателей физической подготовленности девочек выявил (см. таблицу 2), что по показателю скоростно-силовых способностей (прыжок в длину с места) отмечается положительная динамика данного показателя с 1 класса по 4 класс и составила у учащихся 1 класса 115,1±2,1 см.; 2 класса – 120,4±2,7 см.; 3 класса – 128,4±2,3 см. и 4 класса – 133±3,7 см. Аналогичная динамика отмечается и по другим показателям. Так, например, по показателю скоростных способностей (бег на 30 метров) мы получили следующую картину: 7,11±0,2 сек.; 6,83±0,24 сек.; 6,5±0,2 сек.; 6,34±0,14 сек. соответственно. По показателю силовых способностей (разгибание рук в упоре лежа) у учащихся 1 класса – 10,4±1,1 кол. раз; 2 класса – 12,4±0,55 кол. раз; 3 класса – 13,1±1,4 кол. раз и 4 класса – 15,2±0,6 кол. раз. По выносливости (бег на 500 метров) выявили следующие показатели: 4:10,4±24,3; 3:57,1±21,3; 3:46,1±24,1; 3:36,2±22,3 соответственно.

Таблица 2

Показатели физической подготовленности учащихся младшего школьного возраста (девочки, M±m)

№	Показатели	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс
		n-12	n-16	n-12	n-16
1	Прыжок в длину с места (см)	115,1±2,1	120,4±2,7	128,4±2,3	133±3,7
2	Бег 30 метров (сек)	7,11±0,2	6,83±0,24	6,5±0,2	6,34±0,14
3	Разгибание рук в упоре лежа (кол. раз)	10,4±1,1	12,4±0,55	13,1±1,4	15,2±0,6
4	Бег 500 метров (мин)	4:10,4±24,3	3:57,1±21,3	3:46,1±24,1	3:36,2±22,3

Полученные данные мы проанализировали с данными по выше указанным учебным программам. Полученный анализ показал, что по скоростным способностям среднестатистических показателей этого теста у учащихся 1–3 классов оценен как «зачет», а у учащихся 4 класса – на оценку «4 балла». Учащиеся 1–2 класса по скоростно-силовым способностям получили «зачет», а 3 класса – «незачет», и учащиеся 4 класса – неудовлетворительную оценку. По силовым способностям учащиеся 1–3 класса получили «зачет», а учащиеся 4 класса – «5 баллов».

Таким образом, анализ показателей физической подготовленности учащихся младшего школьного возраста показал, что мальчики по показателям скоростно-силовых и силовых способностей не соответствуют зачетному уровню, в то время как девочки по силовым способностям, соответствуют нормативным показателям. По скоростно-силовым способностям девочки 1–2 класса соответствуют нормативным показателям, в то время как девочки 3–4 класса по данному показателю не соответствуют нормативам. По скоростным способностям мальчики и девочки 1–3 классов имеют «зачетные» показатели.

Полученные показатели мониторинга физической подготовленности учащихся младшего школьного возраста позволили нам обосновать рекомендации для учителей физической культуры данного учреждения по повышению физической подготовленности учащихся, имеющих низкие показатели, не соответствующие нормативам согласно учебным программам «Физической культуры», средствами физического воспитания для целенаправленного развития отстающих в развитии физических качеств.

Список использованной литературы

1. Баранов, А.А., Кучма, В.Р., Сухарева, Л.М. Оценка здоровья детей и подростков при профилактических осмотрах / А.А. Баранов, В.Р. Кучма, Л.М. Сухарева. – Москва : Издательский Дом «Династия», 2004. – 168 с.
2. Исаак, С.И., Кабачков, В.А. Мониторинг физического здоровья в образовательной среде: теория и практика / С.И. Исаак, В.А. Кабачков // Дополнительное образование. – 2004. – № 8. – С. 44–48.
3. Киспаев, Т.А. Физическое развитие и физическая подготовленность учащихся Центрального Казахстана / Т.А. Киспаев // Аллергология и иммунология. – Нью –Йорк. – 2013. – Т. 13. – №1. – С. 102.
4. Киспаев, Т.А. К вопросу о физической подготовленности детей и подросков и методических подходах ее определения / Т.А. Киспаев // Высшая школа Казахстана. – 2010. – № 4. – С. 100–104.
5. Киспаев, Т.А., Соколов, Д.А. Особенности мониторинга физической подготовленности обучающихся в образовательных учреждениях / Т.А. Киспаев, Д.А. Соколов // Наука и образование в современном мире : материалы междунар. научно-практ. конф. – Караганда : Болашак-Баспа, 2017. – Т.4. – С. 213–216.
6. Киспаев, Т.А., Соколов, Д.А. Организация мониторинга физического развития и физической подготовленности учащихся в образовательных учреждениях / Т.А. Киспаев, Д.А. Соколов // Гигиена и клиническая медицина: современные достижения, проблемы, перспективы : Материалы межвуз. науч.практ. с международ. участ., посвящен. 95-летнию МГМСУ им. А.И. Евдокимова. – 2017. – С. 52–55.
7. Сухарев, А.Г. Здоровье и физическое воспитание детей и подростков / А.Г. Сухарев. – Москва : Медицина, 1991. – 272 с.

В.Л. Крайник
г. Барнаул, Россия
О.П. Гонтарь
г. Красноярск, Россия

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА: СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ

Аннотация: Проведен теоретический анализ понятия «физическая культура», феномен которой рассмотрен на междисциплинарном уровне с использованием данных различных наук. Показана его трансформация от собирательного названия для всех воздействий на отдельного человека до восприятия её как части культуры общества. Физическая культура раскрыта как устойчивое качество личности, предполагающее использование двигательной

активности в качестве фактора физического развития, подготовки к жизнедеятельности и профессиональному становлению. Делается вывод о том, что развитие физической культуры является незаменимым условием гармоничного развития личности студента.

Ключевые слова: культура, физическая культура, личность, студент.

V.L. Kraynik
Barnaul, Russia
O.P. Gontar
Krasnoyarsk, Russia

PHYSICAL CULTURE OF STUDENT PERSONALITY: ESSENCE AND PROBLEM OF DEVELOPMENT

Abstract: A theoretical analysis of the concept of "physical culture" is carried out, the phenomenon of which is considered at the interdisciplinary level using data from various sciences. Its transformation from a collective name for all influences on an individual to the perception of it as part of the culture of society is shown. Physical culture is revealed as a stable quality of personality that involves the use of motor activity as a factor of physical development, preparation for life and professional development. It is concluded that the development of physical culture is an indispensable condition for the harmonious development of the student's personality.

Keywords: culture, physical culture, personality, student.

Проблема человека, его физического развития во все времена привлекала к себе внимание исследователей – представителей самых различных научных направлений. Разноплановость постижения человека ведёт к всестороннему его изучению, но теряется главное – его целостность. Человек – многогранное существо, универсальный объект для исследования. Он отражает в себе явления, одновременно сам является субъектом бытия.

В словаре С.И. Ожегова «тело» трактуется как «организм человека в его внешних, физических формах» [9]. В словаре В.И. Даля оно определяется как «вещество, материя в границах» [4]. Речь идёт о том, что «телесность» – это очеловеченное тело, свойства и качества которого порождены социокультурной средой. Будучи встроенным в многомерное пространство бытия, тело человека может изучаться на разных уровнях: биологическом, социальном и культурном.

Само понятие «культура» относится к наиболее трудно определяемым категориям гуманитарной науки. Многочисленные попытки учёных дать универсальное определение не были успешными в виду сложности и чрезвычайного многообразия явления культуры. В современной литературе существует множество различных определений культуры. Мы присоединяемся к тем, в которых подчёркивается, что культура – это совокупность ценностей, норм и идеалов, присвоенная и используемая человеком в процессе его активной жизнедеятельности и во взаимодействии с другими людьми.

Феномен физической культуры возникает как закономерное явление, обусловленное потребностями общества в таких качествах и свойствах, которые необходимы человеку, но не могут быть сформированы в процессе естественного физического развития и труда, либо формируются этими путями крайне недостаточно. Поэтому, как справедливо отмечает М.С. Каган, «Физическая культура по праву называется культурой, поскольку она является способом и результатом преобразования человеком его собственной природной данности» [6, с. 117].

По определению Л.П. Матвеева, «Физическая культура – органическая часть (отрасль) культуры общества и самого человека; основу её специфического содержания составляет рациональное использование человеком двигательной деятельности в качестве фактора физической подготовки к жизненной практике, оптимизации своего физического состояния и развития» [8, с. 7].

В своей основе физическая культура имеет целесообразную двигательную деятельность в форме физических упражнений, позволяющих эффективно формировать необходимые умения и навыки,

физические способности, оптимизировать состояние здоровья и работоспособность. Результатом деятельности в физической культуре является физическая подготовленность и степень совершенства двигательных умений и навыков, высокий уровень развития жизненных сил, спортивные достижения, нравственное, эстетическое, интеллектуальное развитие.

Развитие личности студента – процесс, в ходе которого он приобретает профессионально важные знания, навыки, качества. Формирует студента как личность вся сумма влияний, которым он подвергается: организация учёбы, занятия по различным предметам, личный пример преподавателя, руководителя, отношение товарищей. Будучи взаимно связанными, все качества формируются в органическом единстве.

Физическая культура выступает как составная часть общей и профессиональной культуры студента, как важнейшая качественная динамичная характеристика его личностного развития, как фундаментальная ценность, определяющая начало его социокультурного бытия, способ и меру реализации сущностных сил и способностей.

Основными показателями физической культуры как свойства и характеристики отдельного человека являются: забота человека о поддержании в норме своего физического состояния, различных его параметров (здоровья, телосложения, физических качеств и двигательных способностей); многообразие используемых для этой цели средств, умение эффективно их применять; одобряемые и реализуемые на практике идеалы, нормы, образцы поведения, связанные с заботой о теле и физическом состоянии; уровень знаний об организме, о физическом состоянии, о средствах воздействия на него и методах применения; степень ориентации на заботу о своём физическом состоянии; готовность оказать помощь другим людям в их оздоровлении, физическом совершенствовании и наличие для этого соответствующих знаний, умений и навыков.

Термин «физическая культура личности» можно выразить как реальную физкультурно-спортивную деятельность конкретного человека, мотивом которого является удовлетворение его индивидуальных интересов и потребностей в физическом самосовершенствовании. Физическая культура личности проявляет себя в трёх основных направлениях. Во-первых, определяет способность к саморазвитию, отражает направленность личности «на себя», что обусловлено её социальным и духовным опытом, обеспечивает её стремление к творческому «самостроительству» и самосовершенствованию. Во-вторых, физическая культура – основа самодеятельного, инициативного самовыражения будущего специалиста, проявления творчества в использовании средств физической культуры, направленных на предмет и процесс его профессионального труда. В-третьих, она отражает творчество личности, направленное на отношения, возникающие в процессе физкультурно-спортивной, общественной и профессиональной деятельности, то есть «на других».

Объединение различных подходов к толкованию физической культуры личности осуществили В.К. Бальсевич и Л.И. Лубышева, которые считают, что физическая культура личности есть совокупность деятельности индивида по позитивному самопреобразованию, в ходе которой решаются задачи телесного, интеллектуального, психологического и нравственного плана, а также результата этой деятельности в виде системы образуемых ею ценностей [1].

В наиболее кратком изложении понятие «физическая культура личности» можно представить в следующем виде: «Физическая культура личности характеризуется уровнем её образования в сфере физической культуры, оптимальной физической подготовленностью, что находит отражение в здоровом стиле жизни, в видах и формах активной физкультурно-спортивной деятельности» [5, с. 17].

Определяя сущность физической культуры личности студентов, мы исходим из антропологических представлений о человеке. Обращение к педагогической антропологии детерминировано необходимостью более глубокого осмысления сущности человека в контексте его воспитания и развития, так как зачастую в образовательном процессе целостная личность не всегда является исходным и центральным пунктом педагогической рефлексии. Практика, в свою очередь, свидетельствует о том, что несовершенство физической культуры личности препятствует её стремлению к саморазвитию и самосовершенствованию. Оно замедляет и тормозит реализацию биологического и творческого потенциала во всех сферах жизнедеятельности, снижает эффективность профессионального становления. Всё это в совокупности приводит к потере личностью того уровня общей культуры, который необходим для самореализации и самовыражения не только в профессиональной деятельности, но и в быту [3, 7].

Многие исследователи подчёркивают значимость физической культуры в развитии личности и профессиональном становлении. Очень важен с этой точки зрения период обучения в вузе. По мнению М.Я. Виленского, «физическая культура личности студента – это интегральное качество личности молодого человека, отражающее целостное единство ценностных ориентаций, способностей, знаний, умений и устойчивых навыков здорового образа жизни» [2, с. 22].

В целом же развитие физической культуры личности представляется как процесс целенаправленного, организованного с помощью специальных методов и разнообразных средств и форм активного обучающего взаимодействия преподавателей и студентов. При ведущей и направляющей роли преподавателя обеспечивается полноценное усвоение знаний, умений, навыков развития умственных, физических сил и творческих способностей. Практическая обучающая деятельность обеспечивает активное освоение учащимися ценностей физической культуры. Она актуализирует смысловую сторону педагогического процесса, наполняет его реальным содержанием.

Физическая культура, являясь одной из граней общей культуры, во многом определяет поведение человека в общении, в учёбе, в быту, на производстве, способствует решению социально-экономических, воспитательных и оздоровительных задач. Известно, что формирование характера и поведения человека, особенно его личности во многом определяется теми социальными условиями, окружением, в котором он жил и живёт. Поэтому и развитие физической культуры личности как одной из сторон общей культуры происходит не с момента получения студенческого билета. Молодой человек, поступающий в высшее учебное заведение, может уже иметь как осознанное положительное отношение к физической культуре, так и индифферентное или даже негативное. Поэтому одной из основных задач в высшем учебном заведении является развитие у студентов, уже достаточно взрослых молодых людей, осмысленно положительной жизненной установки на физическую культуру и спорт. При этом она не должна иметь сиюминутную направленность, а быть нацеленной на всю их последующую жизнь (на здоровый образ жизни, двигательную активность, занятия спортом, активный отдых, на обеспечение длительной активной жизни.

Анализ показывает, что в современных условиях необходимо формирование нового культурообразовательного мышления в сфере физической культуры, ориентированного на человеческую личность. У педагога в его деятельности должно быть выработано системное видение педагогического процесса с культурологических позиций, раскрывающих связи физической культуры с духовными и физическими силами личности. У занимающихся должна быть сформирована потребность в развитии физических качеств, формировании знаний, двигательных умений и навыков в целом к освоению многообразных ценностей физической культуры, саморазвития, самореализации. Студенты должны быть активными субъектами физкультурной деятельности, где гармонично задействованы все сущностные силы человека как неделимой целостности с целью развития физической культуры личности студента.

Список использованной литературы

1. Бальсевич, В.К. Физическая культура: молодёжь и современность / В.К. Бальсевич, Л.И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 1995. – № 4. – С. 2–7.
2. Виленский, М.Я. Физическая культура личности как ценность образования / М.Я. Виленский // Физическая культура и спорт на рубеже тысячелетий : материалы конференции. – Санкт-Петербург : Владос, 2000. – С. 22–23.
3. Гонтарь, О.П. Развитие физической культуры личности студента / О.П. Гонтарь // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2007. – № 17. – С. 81–85.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. / В.И. Даль. – Москва : Русский язык, 1990. – 534 с.
5. Ильинич, В.И. Физическая культура студента и жизнь / В.И. Ильинич. – Москва : Гардарики, 2005. – 400 с.
6. Каган, М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. – 487 с.
7. Крайник, В.Л. Проблема формирования мотивационной готовности школьников к занятию физической культурой в современной образовательной парадигме / В.Л. Крайник, М.В. Дедловская // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6. – С. 311–314.
8. Матвеев, Л.П. Теория и методика физической культуры. Введение в предмет / Л.П. Матвеев. – Москва : Омега, 2004. – 160 с.
9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Москва : Русский язык, 1986. – 797 с.

С.Б. Куликов
г. Томск, Россия

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ ВЫСШЕГО УРОВНЯ КВАЛИФИКАЦИИ И РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В РАСКРЫТИИ ЭТИХ МЕХАНИЗМОВ

Аннотация: В статье представлены результаты исследования философских возможностей по раскрытию психолого-педагогических механизмов развития мышления у специалистов, которые получают в ходе образования умения и навыки качественно и ответственно решать задачи повышенной сложности.

Ключевые слова: развитие, мышление, высший уровень квалификации, философия, психология, педагогика.

S.B. Kulikov
Tomsk, Russia

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL MECHANISMS OF DEVELOPMENT OF THINKING FOR SPECIALISTS OF HIGHER QUALIFICATION AND THE ROLE OF PHILOSOPHY IN REVEALING THESE MECHANISMS

Abstract: This article presents the results of the study of philosophical possibilities for revealing the psychological and educational mechanisms of the development of thinking at specialists with high-developed skills to solve problems with increased complexity, responsibility and quality.

Keywords: development, thinking, the highest level of qualification, philosophy, psychology, pedagogics.

В современных условиях все возрастает актуальность разработок, посвященных вопросам подготовки кадров высшей квалификации. Именно представители таких кадров, как специалисты с умениями и навыками выполнения работ с повышенным уровнем сложности, ответственности и качества способны придать новый импульс социально-экономического развития России. Одним из ключевых моментов подготовки специалистов с упомянутыми умениями и навыками является прояснение психолого-педагогических механизмов совершенствования мыследеятельности. Экспликации некоторых базовых моментов данной проблематики, непосредственно отсылающих к философским основаниям психологических и педагогических наук, посвящено данное исследование.

В этом контексте высший уровень образования трактуется в соответствии с нормативами современного законодательства, согласно которым подготовка на упомянутом уровне обозначает, прежде всего, обучение в аспирантуре и адъюнктуре. Из этого ясно, что все нижесказанное следует трактовать как демонстрацию возможностей философии в раскрытии психолого-педагогических механизмов развития мышления у обучающихся на третьем уровне высшего образования (подготовка научно-педагогических кадров).

С психолого-педагогической точки зрения, мышление представляет собой чрезвычайно интересный, хотя и достаточно сложный объект для изучения, означающий в целом вид человеческой деятельности, в рамках которого «с помощью мозга осуществляется наиболее адекватное (верное) отражение внешнего мира» [1, с. 3]. Сложность изучения данного объекта заключается в проблемном характере дифференциации мышления в общем составе психических процессов. В частности, необходимо отличать мышление как особый вид деятельности от эмоционально-чувственного восприятия,

воображения и других психических процессов. Этот аспект по праву можно именовать внешним аспектом в описании мышления. Вместе с тем именно в данном отношении мышление специалиста высшего уровня квалификации мало чем отличается от мышления любого другого человека, не имеющего умений и навыков для выполнения работ с повышенной сложностью, ответственностью и точностью.

В то же время в рамках вопроса о психологических особенностях развития мышления специалиста высшего уровня квалификации большую роль играют внутренние различия видов мышления, от которых зависит выполнение отдельных операций по воспроизведению процессов внешнего мира. Так, даже в обобщенном виде выделяют как минимум 11 (sic!) видов мышления: словесно-логическое, наглядно-действенное, образное или наглядно-образное, теоретическое, практическое, аналитическое, интуитивное, реалистическое, артистическое, продуктивное и репродуктивное, произвольное и непроизвольное [4, с. 8–10].

В данной статье развиваются положения, представленные более подробно в ранее опубликованной монографии коллектива авторов Томского государственного педагогического университета [3]. В частности, может быть менее подробно, но зато более строго решена задача редуцировать виды мышления к нескольким базовым видам. Так, вполне вероятно, что, например, словесно-логическое и аналитическое мышление можно свести к одному виду. И точно так обстоит дело с практическим и наглядно-действенным видами мыследеятельности. Все это имеет значение для прояснения философских оснований психологической науки, ибо дает шанс указать пути уточнения представлений о мышлении. Но это становится ещё более важным в контексте теоретико-педагогических исследований, позволяет понять, что мышление специалистов высшего уровня квалификации наиболее тесно связано, как минимум, с теоретическим, аналитическим и продуктивным видами мышления.

В то же время в процессах функционирования мышления специалистов высшего уровня квалификации нельзя исключать необходимость прибегать к интуитивному мышлению. Особенно актуально это в ситуациях поиска нетривиальных решений, которые по своей сути не вытекают из реализации конвенциональных подходов к решаемым профессиональным задачам. Интуитивное мышление функционирует на грани сознательного и бессознательного, но все-таки не теряет связи с возможностью своей логической выраженности в абсолютном смысле [2, с. 67–70]. Исследования показывают, что мышление на базе интуиции не вполне последовательно и в целом индивидуалистично (то есть мало понятно окружающим людям по своим результатам) [2, с. 71]. Но это не значит, что интуитивное мышление не может содержать точных решений и применяться при выполнении работ с повышенной сложностью, точностью и ответственностью.

Выделенная роль интуитивного мышления и связанного с ним индивидуализма в процессах выполнения работ с повышенной сложностью, точностью и ответственностью актуализирует вопрос о механизмах выражения индивидуальных переживаний и их роли в подготовке кадров высшей квалификации. Это подразумевает поиск оснований для выполнения упомянутой процедуры в виде, максимально точно соответствующем природе самого переживания.

Полученные предварительные результаты чрезвычайно значимы в плане прояснения психологических особенностей развития мышления специалистов высшего уровня квалификации. Принципиально важно соотнести достигнутые результаты с наработками Ж. Пиаже [5] в области анализа характеристик так называемой внутренней речи, которой дети (и иногда взрослые) пользуются для общения с самими собой.

В ходе прояснения фундаментальных оснований психолого-педагогических аспектов теоретических представлений, направленных на построение общих моделей подготовки кадров высшей квалификации, открытие, сделанное Ж. Пиаже, позволяет отследить варианты особого характера развития мыследеятельности. В рамках реализации внутренней речи актуализируется чрезвычайно важный момент. В принципе внутренняя речь дает шанс парадоксальным образом говорить и молчать одновременно. Для себя человек говорит, для окружающих же он производит бессмысленный шум. Поэтому реализация такой речи в целом открывает путь к научению строить специализированные высказывания и к тому, о чем, пользуясь выражением Л. Витгенштейна, «следует молчать» (с точки зрения обыденных и вообще вненаучных позиций). Только при этом привлекаются индивидуальные (специальные) слова, имеющие узкопрофессиональное значение (например, мало кому понятные за пределами образования и педагогических наук «ФГОСы», «ЗУНы», «компетенции»).

Мышление и язык не образуют неразрывной связи, хотя мышление и не может выполняться без обращения к общим формам языка. Но такое использование языка ведет к непонятности высказываний вне определённых рамок, ибо язык применяется вне форм мышления, доступных каждому его носителю без исключения. В этом случае высказывания ясны только говорящему, а также всякому, кто причастен к аналогичным способам построения утверждений. Потому-то возможность понятности в принципе сохраняется, обеспечиваясь контекстом построения «индивидуальных фраз» в рамках профессиональных сообществ.

Внутренняя речь относительно того, о чем следует молчать, не вполне понятна окружающим людям в их большинстве. Но в принципе такая речь может быть не лишена смысла с узкоспециализированной (профессиональной) точки зрения. Поэтому профессионалам (специалистам высшего уровня квалификации) открывается возможность говорить и о том, о чем следует молчать в мире людей, не входящих в профессиональное сообщество. Например, природа опухолей в организме человека не ясна представителям социальных сфер за пределами сообщества онкологов. Это влечет непонимание их высказываний и недоверие к некоторым из них за пределами сообщества, но не лишает смысла и достоверности сами высказывания.

Таким образом, описание процесса формирования мышления специалиста высшего уровня квалификации может быть обогащено посредством указания на функционирование психологического механизма профессиональной индивидуации. Именно этот механизм обусловливает развитие мышления специалиста высшего уровня квалификации способами построения высказываний по образцу внутренней речи не только в детском возрасте, но и во взрослый период жизни.

Полученный результат открывает возможности философского осмысления тесной взаимосвязи психологии и педагогики при анализе механизмов развития мышления, выходящего в этом развитии на уровень решения задач с повышенной сложностью, точностью и ответственностью. Само по себе это имеет силу непосредственно в рамках образовательной практики, но принципиально также и для понимания развития социально-гуманитарных исследований междисциплинарного характера.

Список использованной литературы

1. Брушлинский, А.В. Психология мышления и кибернетика / А.В. Брушлинский. – Москва : Мысль, 1970. – 191 с.
2. Гурова, Л.Л. Психология мышления / Л.Л. Гурова. – Москва : ПЕР СЭ, 2005. – 136 с.
3. Куликов, С.Б. Научно-педагогические задачи и их нетривиальные решения (перспективы формирования кадров высшей квалификации в современном мире) : коллективная монография / С.Б. Куликов, В.Н. Куровский, В.И. Ревякина, С.М. Редлих, Е.Е. Сартакова; под ред. д-ра ист. наук, проф. М.П. Войтеховской. – Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2018. – 152 с.
4. Тихомиров, О.К. Психология мышления : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / О.К. Тихомиров. – Москва : Академия, 2002. – 288 с.
5. Piaget, J. The language and thought of the child (4th ed.) / J. Piaget. – London : Routledge and Kegan Paul, 1959. – 320 p.

В.М. Лопаткин, А.В. Вольф
г. Барнаул, Россия

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ В ПОДГОТОВКЕ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ АСТРОНОМИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-16-22505 «Международная научная конференция «Модернизация профессионально-педагогического образования: тенденции, стратегия, зарубежный опыт».

Аннотация: В статье рассматривается модернизация педагогического образования в контексте преподавания астрономии в вузе. Представлены инновационные подходы к преподаванию астрономии через внедрение современных технологий и методов обучения в педагогическом университете.

Ключевые слова: модернизация астрономического образования, информационные методы обучения, интерактивные методы обучения, подготовка учителя астрономии.

V.M. Lopatkin, A.V. Wolf
Barnaul, Russia

INFORMATION AND INTERACTIVE METHODS IN PREPARING A MODERN ASTRONOMY TEACHER

Abstract: The article discusses the modernization of teacher education in the context of teaching astronomy at a university. Innovative approaches to teaching astronomy through the introduction of modern technologies and teaching methods at the pedagogical university are presented.

Keywords: modernization of astronomical education, information teaching methods, interactive teaching methods, training of an astronomy teacher.

Кардинальные преобразования последних десятилетий, происходящие в социально-экономическом и культурном развитии России, закономерно взаимообусловлены созданием механизмов эффективного и динамичного функционирования педагогического образования в соответствии с потребностями развития личности, общества и государства. Педагогическое образование выполняет важную задачу кадрового обеспечения отечественной образовательной сферы. Ведущей идеей модернизации педагогического образования является обновление и развитие системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогов, отвечающей требованиям, предъявляемым обществом к педагогическим кадрам, которые претерпели значительные изменения с начала процесса интеграции отечественного образования в мировое образовательное пространство. Особо необходимо отметить, что в системе высшего профессионального образования выделяются следующие ключевые интегративные направления:

- развитие межвузовской кооперации, академической мобильности студентов и преподавателей в международном масштабе;
- развитие тенденций к повышению ориентации результатов образования на требования работодателей;
- усиление роли непрерывного образования, усложнение задач личностного развития в сочетании с внедрением рыночных механизмов в высшее профессиональное образование [1].

Эффективная реализация указанных ключевых направлений невозможна без усиления роли и объёмов самостоятельной работы студента, что закреплено в последних федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования. В связи с этим возрастают требования с одной стороны к организации самостоятельной работы студентов и ее результатам, с другой стороны, – к организации и проведению аудиторных занятий. Немаловажным фактором является постепенный отход от традиционных форм обучения к использованию различных электронных и дистанционных форм обучения.

В соответствии с этим совершенно очевидна необходимость модернизации содержания всех учебных дисциплин с активным привлечением информационных технологий, как более эффективных с экономической точки зрения и отвечающих принципам доступности и наглядности. При этом использование информационных технологий должно отвечать принципам систематичности, комплексности, визуализации и ориентацией на школу в случае педвузов.

Развитие в последние годы MOOC (Massive open online course – массовый открытый онлайн-курс), с одной стороны, делает образовательные услуги ведущих мировых вузов доступным для более широкой аудитории и решает проблемы непрерывного образования и межвузовской кооперации, с другой стороны, существенно видоизменяет не только формы обучения, но и подходы к формированию обучающих ресурсов и их развитию [2].

Модернизация подходов к преподаванию астрономии связана с внедрением современных технологий обучения, таких как: технология использования компьютерного моделирования в процессе исследовательского обучения; технология сотрудничества в обучении (работа в малых группах со-

трудничества); технология «перевернутого» обучения (самостоятельное изучение нового материала до проведения занятия); технология дополненной реальности (виртуальные объекты и информация дополняют сведения о космических процессах, обусловливающих возникновение и существование космических объектов и их систем или о роли человека и человечества во Вселенной при проведении учебных исследований); технология, основанная на использовании планшетных компьютеров и мобильных телефонов. Перечисленные методы существенно расширяют набор классических интерактивных методов обучения [1, 3].

В этих условиях играют особенно важную роль материально-технические средства обучения. В настоящее время основным техническим средством обучения астрономии является компьютер, позволяющий использовать мультимедийные средства обучения, тем самым моделировать звёздное небо, а также использовать информацию из интернета. Для организации астрономических наблюдений необходимы оптические приборы: телескопы, астрономические трубы, бинокли – как с физическим доступом к оборудованию, так и с применением компьютера – с удалённым доступом до оборудования, либо с удалённым доступом к результатам работы указанного оборудования в рамках Виртуальной обсерватории [4–7].

Особо необходимо отметить, что астрономия является одной из естественных наук с весьма специфическими ограничениями на экспериментальную составляющую из-за невозможности постановки прямого физического эксперимента и, как правило, весьма продолжительного по времени протекания физических процессов и астрономических явлений. Указанные особенности налагают дополнительные требования к проведению практических занятий по астрономии для студентов вузов [8], качеству применяемых ИКТ-средств и спектра применяемых методов обучения.

Список использованной литературы

1. Лопаткин, В.М. Модернизация астрономического образования в педагогическом университете / В.М. Лопаткин // Модернизация профессионально-педагогического образования: тенденции, стратегия, зарубежный опыт : материалы международной научной конференции / Под науч. ред. М.П. Тыриной, Л.Г. Куликовой. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – С. 118–121.
2. Кузнецов, А.В. Электронные образовательные ресурсы: перспективы и направления развития / А.В. Кузнецов // Высшее образование сегодня. – 2014. – № 8. – С. 20–25.
3. Педагогический словарь: словарь / авт.-сост. И.П. Андриади, С.Ю. Темина. – Москва : ИНФРА-М, 2018. – С. 74.
4. Вольф, А.В. Информационные технологии в преподавании астрономии / А.В. Вольф // Педагогическое образование на Алтае. – 2015. – №1. – С. 52–54.
5. Длужневская, О.Б. Международная виртуальная обсерватория / О.Б. Длужневская, С.Г. Сичевский // Земля и Вселенная. – 2016. – № 6. – С. 90–94.
6. Длужневская, О.Б. Проект «Российская виртуальная обсерватория» / О.Б. Длужневская, О.Ю. Малков // Астрономический журнал. – 2005. – Т. 82. – № 12. – С. 1148–1152.
7. Вольф, А.В. Разработка лабораторных работ астрофизического содержания / А.В. Вольф, А.Е. Каплинский // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. – 2014. – № 20. – С. 5–8.
8. Каплинский, А.Е. Астрономия как важнейшая часть фундаментального образования по естественным наукам / А.Е. Каплинский, А.В. Вольф // Гарантии качества профессионального образования : материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2019. – С. 98–102.

А.А. Майер
г.о. Орехово-Зуево, Россия

СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: В статье определены основные направления и содержание сопровождения профессионального развития педагога в условиях непрерывного образования. Профессио-

нальное развитие представлено с позиций личностно-деятельностного подхода, позволяющего рассмотреть достижения педагога в профессии с позиций персонализации и персонификации, в единстве субъектного и личностного проявления в профессиональной деятельности. Непрерывное образование при этом выступает условием личностно-деятельностного развития в профессии и одним из механизмов профессионального совершенствования.

Ключевые слова: профессиональное развитие, непрерывное образование, личность и деятельность педагога.

A.A. Mayer
Orekhovo-Zuevo, Russia

SUPPORT OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF A TEACHER IN THE CONDITIONS OF CONTINUOUS EDUCATION

Abstract: The main directions and content of support for the professional development of the teacher in the conditions of continuous education are determined. Professional development is presented from the standpoint of a personal-activity approach, which allows us to consider the achievements of a teacher in a profession from the standpoint of personalization and personification, in the unity of subjective and personal manifestation in professional activity. The continuous education is a condition of personal-activity development in the profession and one of the mechanisms of professional development.

Keywords: professional development, continuous education, personality and activities of the teacher.

Профессиональное развитие педагога в современных условиях претерпевает ряд существенных изменений. С одной стороны, это продиктовано объективными тенденциями, отражающими социальный заказ и ожидания общества, – стандартизацией педагогической профессии, ориентацией на повышение качества образования. С другой стороны, субъективные факторы (соответствия профессиональным требованиям, самореализации в профессии, принятия ценностных оснований профессии, установки и социально-психологические особенности профессиональных сообществ и др.) также непосредственно влияют на содержание профессионального развития педагога и реализуемые в образовании и профессии стратегии сопровождения.

Анализ развития педагогической профессии за, без малого, полвека позволяет увидеть определенные тенденции в изменениях ее статуса и содержания. Так, 50–60-е годы прошлого века позиционировались как время призвания и высокого статуса профессии педагога, а ее дальнейшее развитие происходило по пути становления наук о труде до 80-х годов XX века (психология и социология труда, педагогическая психология). Следствием указанных периодов стало уточнение и конкретизация квалификационных требований, разработка профессиограммы и дифференциация направлений подготовки (специальность, специализация), а также развитие вариативности квалификационных уровней (разряд, категория) к концу XX века.

Вхождение России в Болонский процесс, пересмотр позиций традиционной системы подготовки педагогических кадров постепенно привели к тому, что начало XXI века ознаменовалось не ожидаемой многими гуманитарной революцией и расцветом учительской профессии, но ее девальвацией и редукцией профессиональных качеств до степени исполнительского труда (разработка должностных обязанностей и попытка перевести язык творческой профессии на язык административных регламентов в виде функций и операций).

С 2010 года в России запущен процесс стандартизации профессий, что подразумевает унификацию структуры требований к профессиональным областям и разработку профессиональных стандартов. Так появились профстандарт учителя, воспитателя (2013 г.), в настоящее время запущен процесс разработки и обсуждения стандарта педагога дошкольного образования (2018 год – наши дни). Ряд издержек стандартизации, связанных с оторванностью процессов подготовки от процес-

сов повышения квалификации и переподготовки, аттестации, самой профессиональной деятельности, привели к тому, что нарушилась целостность и непрерывность контекста профессионального развития педагога и соответствующих механизмов сопровождения профессионализации.

Если мы проанализируем доминирующие подходы к организации указанных выше процессов профессионализации, то увидим, что компетентностный подход, который является доминирующим в современной ситуации профессионального развития педагога, не преемственен не только с предыдущими (на этапах подготовки и вхождения в профессию), но и с последующими (на этапах самореализации и самоактуализации в профессии) подходами. Это создает угрозу непрерывности не только образования (подготовки к профессии, самообразования, дополнительного профессионального образования), но и самому процессу непрерывного развития педагога в профессии (см. таблицу «Эволюция подходов к профессионализации педагога»). Современный этап сопровождения профессионального развития педагога выступает определенным рубежом для решения принципиального вопроса: что и как мы обеспечиваем средствами сопровождения: исполнительский труд или выход за пределы решения традиционных и типовых профессиональных задач?

Эволюция подходов к профессионализации педагога

Этапы профессионализации педагога	**Доминирующие подходы**
Подготовка	Субъектно-деятельностный
Готовность	Личностно-деятельностный
Компетенция	Функциональный
Компетентность	Компетентностный
Профессионализм	Профессиографический
Мастерство	Акмеологический
Культура	Аксиологический

Полагаем, что выходом из сложившейся ситуации является выстраивание системы сопровождения профессионального развития педагога в единстве личностного и деятельностного развития, индивидуального и коллективного творчества в профессии, формального, информального и неформального образования [2]. Это обеспечит интеграцию образования (подготовки) и профессиональной деятельности педагога, расширит пространство и возможности самореализации в профессии, позволит гибко, адресно и вариативно реализовать стратегию и тактику сопровождения развития педагога в профессии.

Ряд тенденций, которые мы выявили в ходе моделирования и реализации образовательных программ в условиях среднего профессионального, высшего, дополнительного профессионального образования, а также в рамках организации конкурсного движения для педагогов дошкольного образования, подтверждает позиции о необходимости организации именно такой системы сопровождения в педагогической профессии [3].

Так, при разработке образовательной программы на основе интеграции идеологии конкурса рабочих профессий (в рамках конкурса World skills (компетенция «Дошкольное воспитание») нами представлен вариативный модуль «Совершенствование и развитие профессиональной компетентности педагога», предполагающий формирование следующих компетенций:

- обобщать и презентовать результаты совместной с детьми и индивидуальной образовательной деятельности;
- организовывать пространство и время труда в соответствии с требованиями безопасности, гигиены и комфорта [1].

В рамках разработки магистерских программ в соответствии с требованиями ФГОС ВО (3, 3+, 3++) мы включили следующие актуальные компетенции:

- готовность изучать состояние и потенциал управляемой системы и ее макро- и микроокружение путем использования комплекса методов стратегического и оперативного анализа;
- готовность исследовать, организовывать и оценивать управленческий процесс с использованием инновационных технологий менеджмента, соответствующих общим и специфическим закономерностям развития управляемой системы (2016 г.);

• готовность организовывать командную работу для решения задач развития организаций, осуществляющих образовательную деятельность, реализации экспериментальной работы

• способность использовать индивидуальные и групповые технологии принятия решений в управлении организацией, осуществляющей образовательную деятельность (2017 г.);

• способность к проектированию образовательной среды и организации образовательной деятельности в контексте реализуемых образовательных программ;

• способность к научному поиску и исследовательской деятельности в области дошкольного образования в целях повышения качества среды и образовательной деятельности (2018 г.).

Установки, реализованные при разработке сопровождения профессионального развития педагога, также способствуют реализации актуальных трендов и перспектив профессионализации с учетом регионального опыта [3]. Так, среди трендов и перспектив профессионального развития педагога в Московской области нами определены следующие тенденции:

• конкурсная компетенция (успешность, самопрезентация, конкурентоспособность);

• компетенция многозадачности;

• компетенция в работе с ранним возрастом (0+).

Представленные аспекты во многом меняют структуру и содержание сопровождения профессионального развития педагога. Такое сопровождение актуализирует внутренний потенциал развития субъекта профессии, инициирует открытость и обмен опытом в педагогической профессии, обеспечивает успешность деятельности в ситуации неопределенности и многозадачности.

Список использованной литературы

1. Майер, А.А. Эвристический и созидательный потенциал примерной основной профессиональной образовательной программы «Воспитатель детей дошкольного возраста (СПО, углубленной подготовки) по специальности 44.02.01 «Дошкольное образование» / А.А. Майер // Сборник материалов IX международной выставки-конгресса «GLOBAL EDUCATION – Образование без границ-2015. – Москва, 2015. – С. 254–257.
2. Ромашина, С.Я. Сопровождение профессиональной подготовки специалистов «помогающих профессий» [Электронный ресурс] / С.Я. Ромашина, А.А. Майер // Ключевые проблемы современной науки : материалы международной конференции, 17–25 апреля, Белград, 2014. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2014/Pedagogica/2_166415.doc.htm
3. Теория и практика сопровождения развития дошкольного образования Московской области (опыт деятельности Московского областного центра дошкольного образования) : коллективная монография / Авторский коллектив Булавкина Е.Б., Гришина Г.Н., Коптева В.А., Лялина Н.В., Майер А.А., Ферцер В.Ю., Яковлева Э.Н. / Научная редакция А.А. Майер. – Орехово-Зуево, 2017. – 150 с.

В.В. Маркин

г. Барнаул, Россия

СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-16-22504 «Проведение международной научной конференции «Культурно-антропологическая парадигма: практика реализации в условиях компетентностной модели образования».

Аннотация: Проблема развития способностей человека представляет одну из важнейших социальных задач. Способности человека являются и результатом, и предпосылкой деятельности. Именно поэтому они непосредственно связаны с социальной жизнью, вплотную смыкаются с классическими проблемами человеческого бытия. От уровня их развития зависит степень успешности, результат деятельности человека и человечества, успех во всех

видах социальной практики, прогресс материальной и духовной культуры, решение возникающих экономических, экологических, политических и социальных проблем.

Ключевые слова: способности, задатки, развитие человека, социально-педагогическая деятельность.

V.V. Markin
Barnaul, Russia

HUMAN ABILITIES IN SOCIAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITY

Abstract: The problem of developing human abilities is one of the most important social problems. Human abilities are both the result and the prerequisite of activity. That is why they are directly related to social life, closely connected with the classic problems of human existence. The level of their development depends on the degree of success, the result of human activities and humanity, success in all types of social practices, the progress of material and spiritual culture, and the solution of emerging economic, environmental, political and social problems.

Keywords: Abilities, inclinations, development of the person, social and pedagogical activity.

Способность представляет собой выражение соответствия между требованиями деятельности и комплексом нервно-психологических свойств человека, обеспечивающим высокую качественно-количественную продуктивность и рост его деятельности, которое проявляется в высокой и быстро растущей (по сравнению со средним человеком) умелости овладевать этой деятельностью и владеть ею.

Не было бы ошибочным несколько более обычное и простое определение способности как комплекса врождённых и приобретённых свойств человека, обеспечивающих ему возможность более, чем у среднего человека, высокой и продуктивной деятельности.

Однако первое определение все же является более предпочтительным, так как оно оттеняет соответствие объективных требований и личных качеств, подчёркивает роль практики и указывает, что способность не простое свойство, а комплекс свойств, организуемых и развиваемых человеческой деятельностью.

Проблема развития способностей человека представляет одну из важнейших социальных задач. Она решается с давних пор, но до конца не разрешима.

Развитие способностей человека всегда являлось особой проблемой социально-философского познания. Развитие и проявление истинно человеческих способностей возможно только в социально-значимой деятельности: в процессе усвоения продуктов, созданных человечеством, и в процессе их созидания. Способности человека, выступая как внутренние условия его развития, сами формируются социальной средой. Способности, с одной стороны, есть результат развития личности, восприятия социального опыта, обучения и воспитания, деятельности, и, с другой стороны, являются предпосылкой ее развития и деятельности. Они выступают как созидающая сила, направленная и на окружающий мир, и на самого человека, которая должна быть развита и усовершенствована посредством целенаправленного воздействия социальной среды и в зависимости от запросов общества. Проблема развития способностей тесно связана с большим числом практических задач, решаемых целенаправленной деятельностью особых социальных институтов по управлению процессом формирования, социализации каждой личности.

Социально-экономическое развитие общества все более и более зависит от эффективного использования резервов, связанных с формированием социально-значимых способностей человека, выявлением его потенциала. Будущие свершения и достижения как проявления способностей человека закладываются сегодня целенаправленным социально-педагогическим воздействием.

Современная общественная ситуация актуализирует проблему формирования творческих способностей человека. Без этого невозможен прогресс материальной и духовной культуры, решение возникающих экологических, экономических, политических и социальных проблем.

С развитием общества растет объем информации и способов деятельности, составляющих содержание образования и необходимых для включе-

ния личности в социально-значимую деятельность. В современных задачах социально-педагогической деятельности все большую значимость приобретает проблема выявления и развития способностей каждого человека.

Эффективное социальное воздействие по развитию способностей требует целостного знания о развивающемся человеке, служащего фундаментом целенаправленной деятельности, направленной на воспитание человека обществом. Факторы развития личности должны быть рассмотрены системно: как взаимодействие внешних и внутренних факторов реализации человека, биологического и социального.

Изучение способностей есть изучение человека в процессе его взаимодействия с окружающим миром. Через способности происходит восприятие и усвоение знаний, умений, духовной культуры предыдущих поколений, социализация личности, через них человек включается в общественную систему посредством деятельности, преобразует и изменяет окружающий мир.

Проблема способностей человека волнует общество во все периоды исторического развития. Это объясняется, прежде всего, важностью познания механизмов их развития и проявления в социальной практике. Способности являются предметом исследования многих наук о человеке, прежде всего психологии и педагогики. Успехи различных наук, материал их исследования, создавая фундаментальную базу, требуют обобщения проблемы развития способностей в социальной практике. Решение этой задачи насущно необходимо, обусловлено рядом объективных факторов общественного развития.

Способности человека являются и результатом, и предпосылкой деятельности. Именно поэтому они непосредственно связаны с социальной жизнью, вплотную смыкаются с классическими проблемами человеческого бытия. От уровня их развития зависит степень успешности, результат деятельности человека и человечества, успех во всех видах социальной практики, прогресс материальной и духовной культуры, решение возникающих экономических, экологических, политических и социальных проблем. Поэтому от знания закономерностей развития и воплощения способностей человека в социальной практике во многом зависят жизнеспособность социальной системы, прогресс общества, что указывает на необходимость именно социально-философского анализа проблемы, выявления общего в механизме их развития, что становится возможным благодаря достижениям частных наук в исследовании способностей.

Способности человека развиваются на основе задатков, которые проявляются на всех уровнях их развития и воплощения, причем, оказывают воздействие на состав и качественное своеобразие формирования, совершенствования и проявления способностей. Талант, гениальность не могут быть развиты в любой области общественно полезной деятельности без опоры на индивидуально неповторимые генетически детерминированные задатки. К сожалению, современные представления о роли естественного отбора и наследственных задатков в развитии человека и его способностей носят достаточно общий характер, несколько туманны и нуждаются в дальнейшей разработке, но, тем не менее, показывают необходимость рассмотрения биологически наследственного, как очень важного фактора в становлении способностей.

Требования социальной практики к способностям каждого человека побуждают к постоянному совершенствованию целенаправленного воздействия на процесс их развития. В ходе исследования удалось выявить основные аспекты проблемы способностей, на которые и должна в первую очередь обращать свое внимание социальная практика. К ним относятся: 1) рассмотрение способностей как функции социальной среды и воспитания, 2) взаимосвязь наследственных задатков и социальной среды в процессе развития способностей, где задатки выступают необходимой предпосылкой, оказывающей влияние на качественные характеристики способностей, при решающей роли социального, 3) рассмотрение социальной среды как сложной многоуровневой и многокомпонентной системы, 4) необходимость рассмотрения способностей как системного объекта, 5) взаимосвязь деятельности и способностей в процессе развития, проявления и совершенствования способностей, 6) необходимость индивидуального подхода к процессу развития способностей, 7) особая важность становления человека в качестве субъекта собственной деятельности, самовоспитания и развития.

Социально-педагогической деятельности предстоит избавиться от социологизаторских тенденций, уравниловки в целостном воздействии на воспитанника по формированию способностей. Генетическая, наследственная программа лишь предпосылка, возможность для тех или иных способностей, но предпосылка необходимая и дей-

ственная, накладывающая специфичность на развитие способностей человека, и, одновременно, открывающая широкие возможности развития под воздействием социальной среды и воспитания. Равенство людей проявляется не в заданных природой равных возможностях, а в возможности развить одну из своих способностей до уровня таланта или гения. Цель же социально-педагогической деятельности – создать условия развития на основе индивидуально неповторимых задатков. Решающая роль в развитии способностей принадлежит социальной среде, определяющей качественную специфичность всех способностей, хотя социальное во всех проявлениях не может быть свободно, независимо от биологически наследственного. Задатки определяют не конкретную способность, а большую или меньшую предрасположенность к одному или нескольким видам деятельности.

Кроме биологически детерминированных задатков и активно воздействующей на способности социальной среды и воспитания на характер и качество способностей человека огромную роль оказывает его собственная активность как субъекта социальной практики. Общие конкретно-исторические условия трансформируются и преломляются через внутренний мир, сознание и наличный уровень способностей личности, приобретают субъективную окрашенность. Социальное детерминирует развитие способностей лишь через активную деятельность субъекта, в познании и преобразовании мира. Все, что личность приобретает, присваивая культуру, проходит через фильтры неповторимого своеобразия, и эта работа по присвоению культуры может осуществиться одной только личностью – самостоятельно. Именно поэтому «в центре современного образовательного процесса находится обучающийся – как активный субъект, обладающий потребностью в саморазвитии» [2, с. 123]. Воспитание в силах повысить (или помешать) личности в этом труде самосотворения, оно способно повысить (или понизить) эффективность диалога становящейся личности с миром культуры.

В своей деятельности человек не просто воспроизводит усвоенный социальный опыт, но и вносит в окружающую действительность новые ценности, явившиеся результатом творческого проявления способностей человека. Творческий и созидательный характер способностей проявляется, с одной стороны, при заинтересованном отношении человека как субъекта социальной практики к окружающей действительности и собственной деятельности, субъективной оценке возникающих задач, а с другой, как результат социально-педагогического воздействия по развитию способностей, направленных на передачу социального опыта, без активного усвоения которого невозможна творчески-преобразовательная деятельность. Способности несут в себе функцию опережения действительности, через целенаправленную деятельность, изменяя и преобразуя мир и самого человека. Но, прежде чем стать творчески активной и преобразующей силой, они должны быть сформированы надлежащим образом, в них должны быть заложены возможности для качественно новой деятельности, выходящей за пределы социального опыта. Этот процесс невозможен без мудрого, активного, творческого подхода к руководству процессом познавательной деятельности молодого человека, воспитанника.

Социальная среда выдвигает требования к уровню развития тех или иных способностей, в зависимости от развития форм деятельности. Деятельный анализ процесса формирования, совершенствования и проявления способностей человека позволяет выявить их социально обусловленную структуру, все элементы которой неразрывно взаимосвязаны. Необходимы усилия по формированию способностей во всей их целостности, без выделения главных и второстепенных элементов. Именно тогда способности человека окажутся нацеленными на общественно-полезную творческую преобразовательную деятельность, станет возможным полноправное его включение в систему общественных связей и отношений, и будет выполнена основная цель социально-педагогической деятельности – превращение индивидуально неповторимых задатков каждого человека в индивидуальные творческие способности.

Следует отметить, что всякое исследование проблемы способностей человека, предметом какой бы науки они ни выступали, имеет социально-философский контекст. Это обусловлено тем, что деятельность по своей сути всегда социальна, как социальны по своей сущности и способности [1, с. 127]. Способности человека являются и результатом, и предпосылкой деятельности. Именно поэтому они непосредственно связаны с социальной жизнью, вплотную смыкаются с классическими проблемами человеческого бытия. От уровня их развития зависит степень успешности, результат деятельности человека и человечества, успех во

всех видах социальной практики, прогресс материальной и духовной культуры, решение возникающих экономических, экологических, политических и социальных проблем. Поэтому от знания закономерностей развития и воплощения способностей человека в социальной практике во многом зависят жизнеспособность социальной системы, прогресс общества, что указывает на необходимость именно социально-философского анализа проблемы, выявления общего в механизме их развития, что становится возможным благодаря достижениям частных наук в исследовании способностей.

Список использованной литературы

1. Маркин, В.В. Способности человека в XIX веке / В.В. Маркин // Философские и педагогические проблемы современного образования. Материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – С. 126–131.
2. Философия сознания в образах и понятиях : коллективная монография / под ред. С.А. Ан, В.В. Маркина – Барнаул : АлтГПУ, 2015. – 167 с.

Л.А. Никитина
г. Барнаул, Россия

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ МАГИСТРАТУРЫ ПО РАБОТЕ С ДЕТЬМИ В УСЛОВИЯХ ПРЕДШКОЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-46-221011 «Международная научно-практическая конференция «Предшкольная подготовка детей: содержание, формы, проблемы и пути их решения» .

Аннотация: Представлена характеристика образовательной программы магистратуры, созданной на основе выполненных грантов Министерства, РГНФ и РФФИ. Обоснована необходимость подготовки педагога к работе с детьми предшкольного возраста, раскрыты содержание, формы и методы магистерской подготовки, представлена характеристика изучения дисциплины «Предшкольная подготовка в системе начального образования», обозначены темы исследовательских работ магистров.

Ключевые слова: предшкольная подготовка, магистерская программа, педагог.

L.A. Nikitina
Barnaul, Russia

DESIGNING THE EDUCATIONAL MASTER´S PROGRAM FOR WORK WITH CHILDREN UNDER CONDITIONS OF PRESCHOOL TRAINING

Abstract: The characteristic of the educational master´s program created on the basis of the executed grants of the Ministry, the Russian Humanitarian State Fund and the Russian Foundation for Basic Research is presented. The necessity of preparing a teacher for work with children of preschool age is substantiated, the content, forms and methods of master's training are disclosed, the characteristic of studying the discipline «Preschool training in the primary education system» is presented, the topics of research work of masters are identified.

Keywords: preschool training, master's program, teacher.

Одной из тенденций современного образования является осуществление подготовки ребенка в условиях школы. В связи с этим педагогу необходимо изучить специфику работы с детьми старшего дошкольного возраста, которая базируется на знаниях:

• о психологических особенностях детей 6–7 летнего возраста,

• об особенностях организации игровой и учебно-игровой деятельности с детьми данной возрастной группы;

• о педагогических условиях создания у детей положительного мотива и отношения к будущей школьной жизни,

• о методических подходах в формировании у детей элементарных представлений из разных предметных областей, которые составят основу для дальнейшего успешного обучения в школе.

В рамках многоуровнего педагогического образования в Алтайском государственном педагогическом университете реализовалась магистерская программа «Теория и практика организации предшкольной подготовки», ориентированная на выпускников бакалавриата («Педагогическое образование»), воспитателей дошкольных учреждений, заведующих детскими садами, учителей начальных классов, завучей начальной школы, работников дополнительного образования.

Программа магистерской подготовки получила свое начало в результате выполненных коллективом ученых вуза нескольких грантов: Министерства образования и науки Российской Федерации «Разработка программно-методического обеспечения подготовки организатора – методиста к работе с детьми в классах раннего развития» ведомственной научной программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2005 г.); РГНФ № 07-06-14046г. (2007г.), РГНФ № 10-06-60683г/Т (2010 г.), РФФИ № 17-46-221011 (2017 г.) «Предшкольная подготовка детей: содержание, формы, проблемы и пути их решения», а также Государственного задания Министерства образования и науки РФ «Построение региональной модели предшкольной подготовки детей (на материале Алтайского края)» № 6.3449(2011 г.) [1–3].

Основная направленность магистерской программы: изучение современных тенденций в организации и управлении предшкольной подготовкой (содержание, формы, технологии) в разных областях образования. Магистры включались в научно-исследовательскую деятельность по изучению актуальных вопросов дошкольного и начального образования, к построению инновационных практик предшкольной подготовки.

В учебный план подготовки магистров включены дисциплины, которые, с одной стороны, расширяют знания о специфике организации предшкольной подготовки:

• Предшкольная подготовка в системе дошкольного и начального образования.

• Организация деятельности детей старшего дошкольного возраста в условиях предшкольной подготовки.

С другой, – способствуют изучению особенностей подготовки детей в различных предметных областях:

• Формирование математических представлений у детей 5,5–6,5 лет.

• Развитие речи детей в условиях предшкольной подготовки.

• Литературно-художественное развитие детей старшего дошкольного возраста.

• Формирование представлений об окружающем мире у детей 5,5–6,5 лет.

• Художественно-эстетическое воспитание детей старшего дошкольного возраста в условиях предшкольной подготовки.

• Особенности организации работы с родителями детей предшкольного возраста.

Особое место занимают курсы по выбору:

• Психическое развитие детей старшего дошкольного возраста / Психологические особенности и возможности детей старшего дошкольного возраста;

• Управление предшкольной подготовкой / Модели организации предшкольной подготовки;

• Воспитательная работа в условиях предшкольной подготовки / Работа с одаренными детьми старшего дошкольного возраста.

Педагогическая практика для магистров проходит на базе начальной школы, где они знакомятся с особенностями организации предшкольной подготовки, содержание которой различается как реализуемой образовательной программой в рамках конкретного УМК, так и формами ее проведения [4].

Разнообразие осуществляемых в школьной практике программ предшкольной подготовки детей предполагает знакомство с ними на занятиях в вузе. В связи с этим каждая дисциплина предметной подготовки магистратуры содержит различные аспекты изучения образовательных программ.

Дадим характеристику содержания и форм организации деятельности обучающихся в процессе изучения отдельных дисциплин магистерской подготовки. Так, целью дисциплины «Предшкольная подготовка в системе начального образования» (3 з.ед.) является формирование компетенций у магистрантов в организации предшкольной подготовки в системе начального образования. Студенты рассматривают психолого-педагогические и методические основы реализации предшкольной подготовки:

- Культурно-историческая теория Л.С. Выготского;
- Педагогические принципы осуществления предшкольной подготовки;
- Преемственность дошкольного и начального образования в осуществлении предшкольной подготовки;
- Концепции и характеристики программ предшкольной подготовки разных систем начального образования;
- Методики диагностики готовности детей к школе;
- Особенности деятельности учителя в выборе программ предшкольной подготовки.

Результатом освоения дисциплины выступает овладение такими умениями как: осуществлять сравнительно-сопоставительный анализ стандартов дошкольного и начального образования в установлении преемственности между двумя системами образования; обосновывать выбор программы предшкольной подготовки с учетом реализуемой образовательной программы начального образования; выбирать средства организации предшкольной подготовки; использовать различные диагностики и осуществлять мониторинг качества предшкольной подготовки.

Результатом работы на занятиях и на педагогической практике выступает сформированность у педагогов следующих умений:

- отбирать, анализировать, синтезировать дидактический материал в соответствии с целями предшкольной подготовки, с учетом уровня развития детей;
- подбирать учебный материал в соответствии с конкретными дидактическими задачами;
- педагогически целесообразно формулировать задания для детей разного уровня готовности, менять их логику в соответствии с выдвигаемой целью;
- педагогически целесообразно и адекватно применять методы обучения и воспитания на основе изучения психолого-педагогических особенностей детей;
- определять по внешним проявлениям и поступкам изменение психического состояния детей предшкольного возраста, понимать и объяснять особенности их поведения в конкретных жизненных ситуациях;
- увлекать детей, учитывать взаимоотношения, личные симпатии и антипатии при включении детей в различные формы сотрудничества [5].

Изучение дисциплин происходит с использованием интерактивных форм, в частности:

- дискуссии (Нужно ли в школе осуществлять предшкольную подготовку? Зачем на занятиях в предшколе учат детей читать? К чему должен быть готов ребенок к школе: знать…, общаться…, искать…?);
- мастер-классы с учителями («Организация занятий по подготовке руки ребенка к школе», «Как вовлекать родителей в организацию детского чтения»);
- деятельностные игры («Подготовка учителя к занятиям в предшколе», «Особенности организации учебно-игровой деятельности с детьми на занятиях»);
- исследовательские проекты [6].

Магистерская подготовка педагога к организации предшкольной подготовки предполагает выполнение диссертационного исследования. Тематика магистерских диссертаций разнообразна: от изучения педагогического сопровождения предшкольной подготовки к разработке организационно-методических условий в осуществлении различных направлений подготовки детей к школе (Развитие познавательных способностей детей дошкольного возраста. Формирование позитивного отношения к школе у детей и родителей в процессе предшкольной подготовки. Формирование положительного отношения к школе в условиях предшкольной подготовки. Специфика отбора дидактического материала для предшкольной подготовки. Особенности восприятия детьми предшкольного возраста образа литературного героя. И др.).

Обучение в магистратуре способствует повышению качества педагогической и методической деятельности учителя поскольку, изучая практику организации предшкольной подготовки, анализируя собственный опыт, магистры не только выявляют проблемы и пути их решения, но и строят свой образовательный маршрут профессионального развития.

Список использованной литературы

1. Методические материалы предшкольной подготовки детей по программе «Мой мир» / Никитина Л.А., Колмогорова Л.С, Шварко Л.И. Давыдова О.И., Меремьянина О.Р., Горбунова В.Н., Тюменева Е.А., Зарубина С.П. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. – С. 4–22.
2. Программно-методические материалы по специализации «Организатор-методист по работе с детьми в классах раннего развития» / Под ред. Л.А.Никитиной. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. – С. 6–12.
3. Предшкольная подготовка детей: содержание, фломы, проблемы и пути их решения : материалы международной научно-практической конференции, Барнаул, 2–3 ноября 2017 г.; Алтайский государственный педагогический университет; под общ.ред. Л.А. Никитиной. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 412 с.
4. Смирнова, О.В. Входная предметная диагностика : практические материалы для 1 класса общеобразовательных организаций / О.В. Смирнова. – Москва : ООО «Русское слово - учебник», 2016. – 16 с. – (ФГОС).
5. Никитина, Л.А. Условия формирования учебно-игровой деятельности детей 5 лет в предшкольной подготовке / Л.А. Никитина // Детский сад: теория и практика. – 2014. – № 5. – С. 80–85.
6. Никитина, Л.А. Исследовательская деятельность – ресурс повышения квалификации / Л.А. Никитина // Начальная школа. – 2015. – № 9. – С. 84–88.

С.И. Поздеева
г. Томск, Россия

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ МАГИСТРАТУРЫ: МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18-013-01125/А «Модель управления научно-образовательной деятельностью в классическом исследовательском университете (магистратура)».

Аннотация: Анализируются особенности профессиональной деятельности преподавателя магистратуры, отличающие ее от деятельности школьного учителя и преподавателя, работающего с бакалаврами. Выделены три модели профессиональной деятельности преподавателя вуза (учебно-методическая, научно-описательная и научно-педагогическая), отражающие соотношение преподавания и исследования. Преподаватель может двигаться от одной модели к другой, а может соорганизовывать в своем профессиональном поведении разные модели в зависимости от целевой аудитории и специфики образовательных задач.

Ключевые слова: преподаватель магистратуры, профессиональная деятельность, модели профессионального поведения.

S.I. Pozdeeva
Tomsk, Russia

MASTER TEACHER: MODELS OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Abstract: Peculiarities of professional activity of a master's teacher are analyzed, which distinguish it from the activities of a schoolteacher and a teacher working with bachelors. Three models of professional activity of a university teacher (educational-methodical, scientific-descriptive and scientific-pedagogical) are highlighted, reflecting the ratio of teaching and research. The teacher can move from one model to another, and can organize different models in his professional behavior depending on the target audience and the specifics of educational tasks.

Keywords: master's teacher, professional activity, models of professional behavior.

Реализация магистерских программ подготовки в российских вузах актуализировала вопросы, связанные с теми требованиями, которые предъявляются к преподавателю, работающему с магистрантами. Наличие одних и тех же преподавательских персоналий в бакалавриате и магистратуре (за исключением преподавателей, не имеющих ученой степени) не означает, что мы одинаково преподаем бакалаврам и магистрам. Понимание этого пришло не сразу, и было связано с тем, что эти две ступени высшего образования отличаются не только составом, возрастом студентов, их практическим опытом, длительностью обучения, но и формами организации образовательной деятельности [1, 2].

Введем два различения: чем преподаватель вуза отличается от школьного учителя и чем преподаватель магистратуры отличается от преподавателя бакалавриата. Школьный учитель передает ученикам прочные, устоявшиеся знания, которые уже оформлены в науке и культуре и на которые он повлиять не может. Сферой влияния учителя является только методика преподавания: он может выбирать более продуктивные методы преподавания учебного предмета, которые благоприятно влияют на образовательные результаты обучающихся. Преподаватель в вузе может быть причастен к процессу выработки нового знания, если он является носителем конкретного опыта, в том числе, опыта проведения собственных исследований, которыми он делится со студентами и который составляет часть его преподавательской культуры. Если преподаватель – не только лектор, но еще и ученый, он открывает новые знания и делится этими знаниями с обучающимися. Такие знания являются уникальными в том смысле, что ими владеет конкретный человек (это его интеллектуальная собственность): только он может их передать студентам.

Однако часто преподаватель вуза ведет себя как школьный учитель, в том смысле, что передает студентам готовые знания, организует процесс их принятия и понимания. Обычно эти знания содержатся в учебных текстах и в этом смысле не являются уникальными: преподаватель является «говорящей головой», транслирующей ученикам этот материал и облегчающей его восприятие (воспринимать материал через объяснение лектора гораздо проще, чем самостоятельно читать и изучать сложные тексты). Такую модель преподавания называют учебно-методической [3]: она уместна в бакалавриате, но избыточна в магистратуре, так как взрослый и умелый студент в состоянии сам, без посредника, изучить новый материал, оформленный в научный текст. Использование интерактивных методов в данном случае не спасает ситуацию: студент «вынужден» проявить внешнюю учебную активность на прежнем материале: точном, однозначном и даже в чем-то устаревшем.

Если преподаватель заинтересован в изменении собственного профессионального поведения и понимает, что с магистрантами надо работать по-другому, он начинает много читать, чтобы быть в курсе чужих исследований, проводимых в предметном поле его учебной дисциплины. У преподавателя развивается его исследовательский и методический кругозор, он знает много фамилий, много подходов, сыплет цитатами, поражает своей начитанностью, но…собственных исследований не проводит. Такую модель называют научно-описательной [3]. Обычно такой преподаватель пользуется «старым жиром»: материалами своей кандидатской или докторской диссертации, которых может хватить на 5-7 лет после защиты. А что дальше? Научно-описательная модель идеальна для бакалавриата, но в магистратуре её недостаточно: здесь востребована научно-педагогическая модель [3], в рамках которой преподаватель вовлечен в исследовательскую деятельность и использует ее результаты в преподавании учебных дисциплин. Преподаватель магистратуры, на наш взгляд, всегда будет находиться в поиске компромисса между академической теорией, ремеслом, «мягкими» навыками и исследованием. Кто он, преподаватель магистратуры, – ученый, который преподает, или преподаватель, который исследует? Сложность состоит в том, что равновесия между исследованием и преподаванием не бывает: всегда какая-то чаша перевешивает. В первом случае у преподавателя могут возникнуть трудности с методикой преподавания, т.е. способами донесения до студентов своего уникального материала, а во втором случае – с органичностью включения исследовательского материала в тематическое поле учебной дисциплины.

Когда мы определяем преподавателя вуза как исследователя, мы не просто фиксируем его включенность в исследовательскую деятельность, но и имеем в виду особый тип профессиональной культуры. Если в учебно-методической модели профессиональной деятельности идет только накопление педагогического опыта путем присвоения чужого опыта и человек не выделяет своё «я» из деятель-

ности и в деятельности (Г.Н. Прозументова), то это означает, что деятельность культурно не оформлена: деятельность не образуется, просто накапливается опыт. В результате фиксируется обеднение как образовательного содержания, так и профессионального инструментария преподавателя, а студенты, в лучшем случае, разочарованы, в худшем – начинают проявлять так называемое академическое сопротивление, простейшим признаком которого является непосещение занятий.

Модель управления научно-образовательной деятельностью в магистратуре может строиться с учетом разного понимания исследования и разных способов вовлечения педагогов в исследование. При этом исследование выделяется как один из видов научно-образовательной деятельности наряду с проектированием и творчеством, а по отношению к профессиональной деятельности магистранта становится одним из способов решения профессионально-личностных задач (проблем). Научно-образовательная деятельность в магистратуре видится нам как «надстройка» над профессиональной деятельностью студента, позволяющая ему анализировать, обогащать, исследовать свой профессиональный опыт и строить новые образовательно-профессиональные траектории. В магистратуре идет не только обучение исследованию, но и поиск новых исследовательских процедур, форматов исследования, которые отражаются и в магистерских диссертациях. Все это ужесточает требования к исследовательской компетентности самого преподавателя. Если преподаватель не заинтересован в исследовательских изысканиях, если он считает, что исследование закончилось с момента получения диплома кандидата (доктора) наук, если он избегает исследовательских ситуаций, то ему будет «некомфортно» в магистратуре.

Итак, мы можем зафиксировать три модели профессиональной деятельности преподавателя: учебно-методическую (школьный учитель), научно-описательную (преподаватель в бакалавриате) и научно-педагогическую (преподаватель в магистратуре и аспирантуре). Реальность состоит в том, что с магистрантами может работать представитель каждой модели, если трактовать модель как способ профессионального поведения, организации совместной образовательной деятельности, учебной коммуникации со студентами. Если учебно-методическая модель окажется базовой, магистратура просто не выполнит своего предназначения ни в плане формирования педагога-профессионала, ни в плане формирования педагога-исследователя. При всем своем удобстве для преподавателя (экономия сил, времени, постоянное воспроизводство материала, отсутствие рисков) учебно-методическая (школьная) модель не продуктивна в реализации магистерских программ и может быть только элементом профессиональной деятельности преподавателя.

Необходимость научно-описательной и научно-педагогической моделей связана с тем, что студенческий состав в магистратуре принципиально иной по сравнению с бакалавриатом и специалитетом: по возрасту, опыту работы, учебным мотивам, профессиональным смыслам и т.п. В магистратуре не доучиваются и не переучиваются, а проблематизируют, рефлексируют, проектируют, исследуют, описывают, обсуждают. Чтобы сопровождать такие образовательные действия, нужен особый тип преподавателя: эксперта, фасилитатора, модератора, наставника. В деятельности такого преподавателя соорганизуются разные модели с вектором на научно-описательную модель; разные типы коммуникации: закрытой, обращенной, открытой с ориентацией на открытое совместное действие и партнерство; разные способы организации методической деятельности: исполнительский, деятельностный и исследовательский (Л.А. Никитина) с акцентом на исследовательский. В данном случае можно говорить об особом типе професиональной культуры преподавателя магистратуры как культуры перехода от одной модели (способа, формы, приема) к другой.

Если школьного учителя готовят в педагогическом вузе, то где готовят вузовского преподавателя, в том числе, преподавателя магистратуры? Частично в аспирантуре, частично через курсы повышения квалификации, частично через наставничество. При этом важно, как попадает человек в преподаватели: после опыта работы школьным учителем или сразу после студенческой скамьи в магистратуре. В первом случае молодой преподаватель ощущает себя более уверенно, т.к. за плечами у него как минимум три года практической работы и ему есть, чем поделиться со студентами. Во втором случае преподаватель-«новичок» усваивает способы профессионального поведения, наблюдая за деятельностью других преподавателей, в том числе, во время учебы в магистратуре. Значит, если эта деятельность была интересной и значимой, наполненной разными формами, молодой преподаватель будет стремиться ее воспроиз-

вести, но уже по-своему, наполняя ее своим видением и смыслом.

Таким образом, магистратура – пространство не только для образования и профессионально-личностного развития студента, но и пространство профессионального развития преподавателя. В этой связи для организации научно-образовательной деятельности в магистратуре интересно исследование и апробация разных моделей организации совместной деятельности преподавателя и студента, в том числе, механизмов построения позиции студента как значимого и влиятельного участника научно-образовательной деятельности. Эти модели и механизмы учитывают не только закономерности построения образовательной коммуникации, но и характер особенностей, ощущений, ожиданий и затруднений (в частности явление «рефлексивного диссонанса»), которые испытывают магистранты в первые месяцы учебы (т.е. на этапе погружения в образовательную деятельность). Интересным направлением исследования может стать обнаружение влияния моделей профессиональной деятельности преподавателя на проявление субъектной позиции студента, на глубину и содержание проводимого им исследования в рамках магистерской диссертации, на образовательные результаты и эффекты обучения в магистратуре.

Список использованной литературы

1. Поздеева, С.И. Преподаватель высшей школы: методист, исследователь, новатор? / С.И. Поздеева // Высшее образование в России. – 2017. – № 3. – С. 52–58.
2. Поздеева, С.И. Магистратура как пространство профессионально-личностного развития студента и преподавателя / С.И. Поздеева // Высшее образование в России. – 2018. – № 3. – С. 144–152.
3. Эфендиев, А.Г., Решетникова, К.В. Профессиональная деятельность преподавателей российских вузов: проблемы и основные тенденции / А.Г. Эфендиев, К.В. Решетникова // Вопросы образования. – 2008. – № 1. – С. 87–119.

Л.К. Синцова, О.Л. Сытых
г. Барнаул, Россия

КРИТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-16-22504 «Проведение международной научной конференции «Культурно-антропологическая парадигма: практика реализации в условиях компетентностной модели образования».

Аннотация: Проблемы образования сегодня приковывают к себе внимание политиков, экономистов, философов, социологов, футурологов и других специалистов, поскольку образование становится фундаментом развития общества будущего. Это актуализирует поиск наиболее эффективных образовательных парадигм, универсальных параметров развития и оценки эффективности систем образования.

Ключевые слова: критическая педагогика, образовательная парадигма, мышление, критическое мышление, тип рациональности.

L.K. Sintsova, O.L. Sytykh
Barnaul, Russia

CRITICAL PEDAGOGY: EXPERIENCE OF THEORETICAL REVIEW

Abstract: The problems of education today attract the attention of politicians, economists, philosophers, sociologists, futurologists and other specialists, as education becomes the foundation for the development of the society of the future. This actualizes the search for the most

effective educational paradigms, universal parameters for the development and evaluation of the effectiveness of education systems.

Keywords: critical pedagogy, educational paradigm, thinking, critical thinking, type of rationality.

Образование на протяжении веков приковывало к себе внимание не только педагогов, но и философов, политиков, общественных деятелей. Образование традиционно формировало мировоззрение подрастающего поколения, осуществляло его профессиональную подготовку. Но уже с середины XX в. образование становится фактором определяющим развитие экономики, политики, науки. Образование начинает конструировать социальную реальность. Это способствовало актуализации интереса к проблемам образования.

В настоящее время осуществляются реформы образования, которые призваны сделать образование более эффективным. Эти реформы приобретают поистине глобальный характер. Они охватывают не только отдельные страны или группы стран, но и формируют единое глобальное образовательное пространство, что порождает поиски наиболее эффективных образовательных парадигм, универсальных параметров развития и оценки эффективности систем образования.

Особый интерес в настоящее время представляют идеи критической педагогики, которая способствует формированию постнеклассического типа научной рациональности у учащихся, переосмыслению «миссии» школы в образовательном процессе, выявлению образовательного и воспитательного потенциала учреждений, которые традиционно не относились к системе образования.

Представители критической педагогики, которая своими корнями уходит во вторую половину XX века (П. Фрейре, М. Грин, А. Жиру, П. Мак-Ларен, И. Иллич и др.), в качестве теоретико-методологических оснований своей теории рассматривали идеи К. Маркса, Д. Дьюи, А. Грамши. Они опирались на марксистское понимание общественной жизни, широко используя идеи диалектики. Они рассматривали образование не только как механизм воспроизводства социальной жизни, системы социальных и экономических отношений, идеологических представлений, системы ценностей, но и как механизм преодоления несправедливостей общественной жизни через воспитание и формирование критического мышления учащихся. Критическое мышление позволяет видеть и анализировать социальные противоречия и формирует готовность преодолевать их. Оно осуществляет «интеллектуальное возвышение масс» (А. Грамши).

Отправной точкой для становления и развитие идей критической педагогики стала публикация книги П. Фрейере «Педагогика угнетенных», где автор, отмечая наличие в обществе угнетателей и угнетенных, доказывает, что их единство достигается в значительной степени благодаря образованию. Господствующая система образования формирует людей с определенным мировоззрением, которое не позволяет человеку усомниться в правильности осуществляемой внешней и внутренней политики, в существующей системе экономического перераспределения, системе ценностей и идеалов и т.д. Господствующая система образования основана на том, что учителя воспринимают своих учеников как «пустые сосуды», которые они наполняют знаниями. «Нарративное обучение (с преподавателем – повествователем), – пишет П. Фрейере, – ведет к тому, что ученики механически запоминают рассказанное. Еще хуже то, что это превращает их в контейнеры, в емкости для хранения, которые наполняет преподаватель. Чем более он наполняет этот контейнер, тем лучший он учитель. Чем более кротко контейнеры позволят себя наполнить, тем лучшие они ученики» [1].

Образование, которое основано на некритическом восприятии знаний, вместо освобождения угнетенных приводит только к упрочению их бедственного положения. Задача же образования заключается в выработке у учащихся такого стиля мышления, которое способствует видению и пониманию мира в его противоречивости и изменчивости, выявлению источника существующих противоречий, осознанию взаимосвязи части и целого, процесса и результата, субъекта и объекта, бытия и становления, структуры и функций. П. Фрейре предлагает внедрять и развивать систему образования, которая базируется на диалоге. Образование рассматривается как процесс взаимодействия между учителем и учениками, в который обе стороны привносят свои идеи, и обе стороны в результате обогащаются.

Яростная критика существующей системы образования и его институтов представлена в трудах И. Иллича. В своей получившей широкое общественное признание книге «Освобождение от

школ» автор доказывает ошибочность и несостоятельность общепринятой идеи об обязательности образования, о монополии школы на обучение. И. Иллич отмечает, что следует меньше полагаться на образовательный потенциал школы, а необходимо находить иные способы учиться и преподавать, реализовывать образовательные возможности всех учреждений. И. Иллич в своей работе предлагает иные «каналы учения» или «обмена знаниями».

Идеи П. Фрейре и И. Иллича оказали огромное влияние на развитие критической педагогики, нашли свое отражение в трудах многих западных философов и педагогов, к которым следует, прежде всего, отнести М. Грин, которая в своих работах актуализировала тему взаимоотношения школы и общества, отводя решающую роль личности учителя. Она призывала учителей «занять позицию критического наблюдателя, чуткого к несправедливости, слепой пристрастности и беспочвенным обещаниям» [2, с. 192]. В работе «Наброски к процессу обучения» М. Грин призывала педагогов культивировать в себе состояние вовлеченности в окружающий мир и абсолютную отзывчивость по отношению к людям и событиям. В своих трудах М. Грин касалась незыблемых для американского общества понятий. Так, она призывала пересмотреть доминирующее в обществе представление о свободе как отсутствии принуждения или обязательств. Это понятие, по ее мнению, должно быть наполнено положительным содержанием. Свобода должна пониматься «как возможность, способность выбирать и творить себя, искать новое видение знакомых вещей, сопротивляться знанию, которое является общепризнанным и дается слишком просто» [2, с. 194]. М. Грин поднимала проблему взаимоотношения личности и общества, подчеркивая, что укреплению общества способствует внимание индивидов к собственным перспективам и признание права на существование альтернативных интерпретаций реальности.

Идеи критической педагогики высказывал в своих работах А. Жиру, по мнению которого необходимо возвысить роль и значение образования в жизни общества. В своих работах А. Жиру утверждал, что образование представляет собой нечто большее, чем простой способ культурного воспроизводства. Он отстаивал новую трактовку школы, которая способствовала бы развитию демократии, участвовала бы в установлении «радикального» демократического общества. В основе критической педагогики А. Жиру лежит ряд принципов, к наиболее важным из которых следует отнести принцип общественной значимости педагогики. Восстанавливая школу как демократическую общественную силу, необходимо было, по мнению А. Жиру, восстановить ее значимость, как в общественном сознании, так и в социальной практике, уделять ей внимание не в меньшей степени, чем науке и образованию. Следующим принципом, на который обращает внимание А. Жиру, является принцип этической обоснованности. Ядром критической педагогики, по мнению А. Жиру, является этика, так как именно она ставит под сомнение педагогическую практику, которая способствует укоренению неравенства и эксплуатации. Кроме того, А. Жиру выдвигает принцип плюрализма образовательного процесса. В обществе, по его мнению, не существовало и не существует единого сценария образовательного процесса. История и современность предлагают множество учебных планов и версий развития и функционирования образования, которые требуют изучения и осмысления, что способствовало бы критической оценке и выбору последнего. А. Жиру стремился привить учащимся более критическое отношение к идеологии, что привело бы к их освобождению.

Одним из наиболее признанных «архитекторов» критической педагогики считается П. Мак-Ларен. Его работы являют собой уничижительную критику современного капитализма, внутренней и внешней политики, а так же безусловную веру в необходимость классовой борьбы угнетенных, но эта борьба, по его мнению, разворачивается не на баррикадах, а в учебных аудиториях. П. Мак-Ларен отрицал образовательную систему, направленную на некритичное восприятие и усвоение знаний, ставил задачу развития навыков критического мышления и их практического использования.

Сформировать критическое мышление учащихся – значит сформировать масштаб их мышления, то есть сформировать способность видеть явление целиком, полностью в его противоречиях и развитии, учитывать и отражать ценностно-смысловые значения. Навыки критического мышления позволяют видеть не только единичные предметы и явления, но за ними видеть и общее, и всеобщее, анализировать не только отдельные события и факты, но и видеть причины, вызвавшие эти события, позволяет выносить обоснованные оценки, интерпретации, а также корректно применять полученные результаты к ситуациям и проблемам. Данный тип мышления позволяет человеку

не только находить необходимую информацию, но и критически ее воспринимать (оценивать, сопоставлять, анализировать, сравнивать, интерпретировать, давать собственные оценки), что отражается на его мировоззрении и на его ценностно-целевые установках.

Список использованной литературы

1. Фрейер, П. Педагогика угнетенных (отрывки из главы 2) [Электронный ресурс] / П. Фрейер. – Режим доступа: http://www.school-russia.prosv.ru/ebooks/best_pdf/paul_freire.pdf
2. Пятьдесят современных мыслителей об образовании. От Пиаже до наших дней / пер. с англ. С.И. Деникиной; под науч. ред. М.С. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 488 с.

В.А. Скопа
г. Барнаул, Россия

ДИАГНОСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ОБУЧАЮЩИХСЯ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация: В статье на основе комплекса психолого-педагогических исследований анализируется диагностическая культура обучающихся. Дана сущностная характеристика данной дефиниции как элементу педагогического процесса. Определена структура диагностической культуры и выявлены факторы, влияющие на процесс ее формирования.

Ключевые слова: диагностическая культура, обучающийся, педагогика, тестирование, рефлексия.

V.A. Skopa
Barnaul, Russia

DIAGNOSTIC CULTURE OF STUDENTS: CONCEPT AND ESSENTIAL CHARACTERISTIC

Abstract: Based on a set of psychological and pedagogical research, the article analyzes the diagnostic culture of students. The essential characteristic of this definition as an element of the pedagogical process is given. The structure of the diagnostic culture is determined and the factors affecting the process of its formation are identified.

Keywords: diagnostic culture, student, pedagogy, testing, reflection.

Реформы современного образования затронули все составляющие категории профессионального бытия: начиная от организационных основ и заканчивая оценкой сформированности знаний, а ныне приято определять – сформированности компетенций. В этой связи в контексте личностно ориентированного, системно-деятельностного и компетентностного подходов к образованию актуальными становятся вопросы не только участия преподавателей в конструктивной диагностике и оценке достижений обучающимися, но и формирование способности самих студентов диагностировать результаты собственной познавательной деятельности, тем более в процессе изучения социально-гуманитарных предметов [1, с. 164–165]. Методы педагогической диагностики всегда латентно присутствовали в любом целостном педагогическом процессе, однако именно сегодня их значимость особенно очевидна. На первый план выходят не сами знания, умения и навыки, а личность обучающегося, его самобытность и неповторимость, развитие личностных и социально-значимых качеств. Именно здесь на помощь преподавателю приходит педагогическая диагностика с ее большим потенциалом. В связи с этим правомернее было бы говорить о диагностической, а не о тестовой культуре, которая начала формироваться в нашем обществе относительно

недавно, но ее важность уже отмечена рядом исследователей. В первую очередь, диагностическая культура рассматривается с позиций педагога, что объяснимо, поскольку именно он играет ведущую роль при проведении диагностических процедур, от его умения, такта, глубины мышления во многом зависит результат самой диагностики [2, с. 128].

Большинство современных трудов, посвящено вопросам становления диагностической культуры педагога. Диагностическая культура представлена в них как составная часть педагогической культуры (И.И. Бондарева, О.Ю. Дедова, Н.Н. Деменева, О.В. Колесова), профессионально-педагогической культуры (Д.И. Михайлова, В.Н. Раскалинос), общепрофессиональной культуры (О.А. Беляева) или общей профессионально-педагогической культуры (О.В. Еремкина). Но все исследователи едины во мнении, что диагностическая культура как сложное и интегративное образование должна стать важной составляющей личности современного педагога. Чем выше уровень диагностической культуры, тем гуманнее педагогическая деятельность и выше уровень профессионализма педагога [3, с. 4–5].

Изучение феномена – диагностической культуры обучающихся – только начинается (Т.В. Куприянчик, Е.А. Пальмова). Эту культуру определяют «как сложное интегративное образование личности, ядром которого выступает ценностно-личностная характеристика, базирующаяся на личном опыте диагностической деятельности и способствующая становлению навыков самопознания и самоанализа и потребности в них» [4, с. 95].

В основу парадоксального, на первый взгляд, заявления о самодиагностике положены идеи современных психологов и педагогов о диагностике как процессе конструирования нового знания о личности учащегося (А.Г. Асмолов, Е.М. Борисова, К.М. Гуревич, Г.А. Епанчинцева). В этом смысле диагностические методики отличаются от традиционных подходов к проверке и оценке образовательных результатов тем, что они направлены на:

- получение еще никогда не существовавшего в практике результата («продукта»);
- формирование и применение обобщенных способов деятельности и создание обучающимися собственных продуктов при овладении новыми знаниями;
- становление духовных новообразований в личностной структуре обучающегося, что дает педагогу возможность видеть картину развивающейся личности;
- возможность проследить динамику овладения конкретными компетенциями каждым обучающимся, оказать индивидуальную «помощь» по результатам диагностики;
- качественное самоизменение студента [5, с. 164].

В логике личностно-ориентированного подхода к образованию важно, чтобы «субъект целеполагания становился и субъектом соотнесения цели с результатом, то есть оценивания собственной деятельности». Поэтому присутствие педагогической диагностики в образовательной практике остро необходимо не только педагогу, но также и обучающимся – в не меньшей мере. Современная педагогика уже делает первые шаги в разработке научных и практических подходов к формированию диагностической культуры обучающихся, правда, в основном на ступени общего образования (М.П. Воюшина, Е.П. Суворова, Н.Е. Щуркова). Между тем ценность самодиагностики, независимо от возраста, ученые видят в том, что:

- педагог диагностирует воспитанника, а он, в свою очередь, диагностирует свое «Я»;
- обучающиеся в процессе диагностики, осмысливая свое отношение к объектам мира и одновременно осознавая себя как носителя этого выражаемого отношения, оказываются в положении субъекта самопознания;
- самодиагностика выступает как импульс к углублению в свой внутренний мир, как «способ к выходу за пределы своего мира в мир Другого»;
- она позволяет знать свой образовательный потенциал, строить свой собственный путь в образовании.

К тому же требования к самоанализу и самооценке связываются со становлением личностных характеристик обучающихся и их личностными результатами: личностный смысл учения, способность и готовность к личностному самоопределению, самообразованию и саморазвитию, мотивация к осознанному выбору и построению индивидуальной траектории образования, познавательная рефлексия.

Исходя из этого структуру диагностической культуры обучающихся можно представить следующим образом:

1) когнитивный компонент включает знания о целях и основных методах диагностики, способах работы с диагностическим инструментарием, возможностях практического применения полученных результатов, преодоления выявленных трудностей и путях самосовершенствования;

2) деятельностный компонент представляет собой умение работать с диагностическим инструментарием, решать диагностические задачи, применять полученные результаты и способности к самоанализу, самоконтролю и самооценке, индивидуально-творческому отношению к своей деятельности;

3) ценностный компонент – это система мотивов самопознания, саморазвития и самоактуализации, восприятие диагностики и самодиагностики как личностно-значимой деятельности, осознание ценности творческой индивидуальности и самореализации личности;

4) рефлексивный компонент – это потребность в анализе результатов своей деятельности и деятельности окружающих, прогнозировании личностного развития, корректировке и координации индивидуальных особенностей, адекватной самооценке.

Основными факторами формирования диагностической культуры обучающихся являются гуманизация и гуманитаризация образования. Эти процессы базируются на принципах государственной политики в сфере образования и гарантируют «гуманистический характер образования, приоритет прав и свобод личности, свободного развития личности», обеспечивают свободный выбор «получения образования согласно склонностям и потребностям человека, создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей»; направлены на «обеспечение права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека» [6].

В целом, условия развития диагностической культуры обучающихся представляют собой комплекс, поскольку не только соотносятся с ее компонентами, но и ориентируются на основные факторы образовательного процесса. Исходя из этого, можно констатировать, что от уровня развития диагностической культуры, в контексте современного образовательного процесса, зависит и сам процесс, нацеленный на формирование компетенций, где оценивание – не есть сама цель, а инструментарий для логического и объективного подхода к определению уровня подготовленности обучающихся и вовлечения их (обучающихся) в этот процесс.

Список использованной литературы

1. Воробьева, О.В. О современном состоянии и перспективах развития гуманитарного знания: взгляд историка / О.В. Воробьева // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 4. – С. 164–168.
2. Хуторской, А.В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения / А.В. Хуторской. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 415 с.
3. Пальмова, Е.А. Педагогические условия формирования основ диагностической культуры учащихся общеобразовательной школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Е.А. Пальмова. – Тамбов, 2012. – 21 с.
4. Робинсон, К. Образование против таланта / Пер. с англ. Н. Макаровой. – Москва : Манн, Иванов и Фербер : Эксмо, 2013. – 324 с.
5. Сташенко, С.И. Подходы к конструированию компетентностно-ориентированных заданий, диагностирующих личностные результаты образования / С.И. Сташенко // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 164.
6. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// ivo.garant. ru/#/document/70291362/paragraph/l:0 (дата обращения: 03.03.2020).

К.А. Смышляев, М.Г. Минин
г. Томск, Россия

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ РОССИЙСКОГО ВУЗА

Аннотация: В статье отражена необходимость актуализировать ресурсность воспитательных практик вуза в целях его интернационализации. Представлены результаты проектирования педагогических средств и способов реализации образовательного потенциала

физического воспитания для решения задач социокультурной адаптации иностранных обучающихся российского вуза. Приведены данные опытно-экспериментальной работы.

Ключевые слова: иностранные обучающиеся, социокультурная адаптация, физическое воспитание в вузе.

K.A. Smyshlyaev, M.G. Minin
Tomsk, Russia

PHYSICAL EDUCATION AS AN EDUCATIONAL RESOURCE OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS OF A RUSSIAN UNIVERSITY

Abstract: The article reflects the need to actualize the resourcefulness of educational practices of a university with a view to its internationalization. The results of the design of pedagogical tools and methods for realizing the educational potential of physical education to solve the problems of socio-cultural adaptation of foreign students of a Russian university are presented. The data of experimental work are given.

Keywords: international students, socio-cultural adaptation, physical education at a university.

Система высшего образования России, отвечая на вызовы современного мира, имеет дело с необходимостью становиться интернационализированной. Большинство российских и зарубежных экспертов в области развития образовательных систем обозначают интернационализацию стратегическим вектором развития университетского образования на мировом уровне. Статистика подтверждает, что проявление интернационализации российских университетов по аспекту роста количества иностранных студентов, обучающихся в них, с каждым годом всё более активно обозначает себя [3, 4 и др.]. Количество иностранных студентов в вузах России растёт год от года. Причем, география такого явления расширяется. В российских вузах обучаются студенты не только из ближнего зарубежья, но и из стран азиатско-тихоокеанского региона, из стран Африки и Европы. По прогнозам экспертов, к 2025 году число иностранных обучающихся в российских вузах и в профессиональных образовательных организациях на очном отделении, должно вырасти до 710 тысяч человек.

Включенность в образовательную среду российского вуза иностранных обучающихся требует системных преобразований университетской образовательной среды. К числу таких преобразований можно отнести работу по актуализации образовательного потенциала практик физического воспитания для социокультурной адаптации иностранных обучающихся.

Физическое воспитание (далее ФВ) студенческой молодежи является одним из компонентов системы вузовской подготовки во всех мировых образовательных практиках. ФВ – это одно из направлений образовательной деятельности вуза, специфику которого составляет его нацеленность, преимущественно, на становление культуры двигательной активности, развитие физических и волевых качеств человека (ловкости, гибкости, силы, выносливости, дисциплинированности и др.), овладение приемами различных видов физкультурно-спортивной активности и формирование мотивированности к такой активности [6 и др.].

Для обозначения возможностей (образовательного потенциала) вузовских практик физического воспитания для содействия социокультурной адаптации (СКА) иностранных обучающихся, выявления социализирующего потенциала этих практик в отношении таких студентов, необходимо, прежде всего, понимание особенностей СКА рассматриваемой социальной группы вузовского сообщества.

В научной литературе накопилось достаточное количество знания, отражающего особенности такого явления, как социокультурная адаптация иностранных обучающихся. Социокультурная адаптация (СКА) иностранных обучающихся вузов РФ – это процесс их взаимодействия с новой социокультурной средой, в ходе которого иностранные студенты, имея специфические этнические и психологические особенности, научаются преодолевать разного рода психологические, социальные, нравственные, религиозные барьеры, осваивать новые виды деятельности и формы поведения. На основе изучения мнений авторитетных экспертов можно сказать, что СКА имеет несколько аспектов: психофизиологический, социально-психологиче-

ский, социально-экономический, социально-педагогический. Затруднения, связанные с СКА иностранных обучающихся российского вуза, могут быть сгруппированы таким образом: языковые затруднения; этнокультурные затруднения; трудности безопасности жизнедеятельности, включая их бытовой уровень, в иной социокультурной среде; финансовые трудности [1, 2, 3, 4 и др.].

Представляется важным отметить, что на процесс СКА иностранных обучающихся существенно влияют такие образовательные факторы, как знакомство с историей, культурой, условиями жизни страны прибытия и характеристики взаимодействующих культур [1, 2, 3, 4 и др.].

Для преодоления трудностей СКА иностранных студентов немалое значение имеет изучение ими национальных традиций России, в том числе и через приобщение к активному участию в спортивно-массовой работе вуза. Отметим, что физическая активность выступает ресурсным инструментом для поддержания и восстановления умственной и физической активности иностранных обучающихся, помогает справиться с проблемами адаптации к новым условиям жизни и образовательной деятельности. Занятия физической культурой имеют коммуникативные возможности для социально-психологической адаптации иностранных студентов, способствуют снижению уровня языкового «барьера» для их успешного социального включения в качественно новое пространство для жизни и обучения.

К актуальным задачам практики ФВ российского вуза в контексте актуализации его образовательного потенциала при работе с иностранными обучающимися можно отнести:

- обнаружение средств и способов ФВ, обеспечивающих содействие СКА иностранных обучающихся к российскому социальному и образовательному контексту;
- воспитание у иностранных студентов уважения к культуре России посредством приобщения к пониманию российских национальных ценностей, связанных с физической культурой и спортом;
- выявление педагогических условий и средств развития интернационального взаимодействия студенческой молодежи в физкультурных и спортивных практиках вуза;
- определение новых видов профессионально-педагогического действия преподавателя физической культуры в вузе как активного субъекта социализации иностранного обучающегося.

В ходе опытно-экспериментальной работы (ОЭР), в период с 2017 по 2020 гг., нами осуществлялось проектирование и апробация педагогических средств и способов реализации образовательного потенциала физического воспитания для решения задач СКА иностранных обучающихся российского вуза. ОЭР осуществлялась со студентами первого курса ФГБОУ ВО «Сибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ (г. Томск), проходящими обучение по ООП направление подготовки 31.05.01 «Лечебное дело» (уровень специалитета – билингвальное обучение). Всего в ОЭР участвовало 104 иностранных студента – 64 юноши, 40 девушек (представители стран Африки и Индии) и 104 российских студента – 72 юноши, 32 девушки.

По итогам осмысления результатов нашей ОЭР, связанной с выявлением образовательного потенциала ФВ для СКА иностранных обучающихся российского вуза, установлено, что решение этой научно-педагогической задачи задано следующими положениями – принципами, вытекающими из уже установленных в психологии и педагогике закономерностей физического воспитания студенческой молодежи в возрастной период поздней юности, социокультурной адаптации образовательных мигрантов и требований к интернационализированному университету [5].

Представим педагогические средства и способы реализации данных принципов:

- интеграция процессов физического и интернационального воспитания студенческой молодежи: рабочая программа по учебной дисциплине «Физическая культура» должна обозначать цели, содержание, организационно-методические, коммуникационные характеристики, формы и методы контроля, обеспечивающие интернациональную компоненту в процессе ФВ;
- интеграция национальных спортивных и дидактических культур: организация специализированного лектория для иностранных обучающихся о национальных особенностях российской физической культуры и спорта России (с пакетом тематических видеоматериалов); разработка тематики и методических материалов для написания иностранными обучающимися эссе на русском языке по итогам осмысления содержания лектория;
- индивидуализация процесса физического воспитания: специализированный тьюториал для работы с иностранными обучающимися – обеспечение индивидуализированного сопровождения ино-

странных обучающихся в процессе их ФВ; наличие учебно-методического пособия «Профессиональный английский язык для преподавателя физической культуры в вузе»; использование электронного рефлексивного дневника иностранного обучающегося «Мои достижения по физической культуре и спорту»; использование преподавателями физической культуры материалов социальных сетей в целях решения задач СКА иностранных обучающихся;

• интерактивность: организация преподавателем физической культуры самостоятельного посещения иностранными обучающимися спортивно-массовых мероприятий вузовского, межвузовского и городского уровней и организация подготовки и представления ими видеоотчетов и написания комментариев на русском языке по итогам их посещения;

• актуализация русского языка в процессе ФВ иностранных студентов: организация преподавателем ФК выполнения и анализа/оценки индивидуальных письменных работ иностранных обучающихся спортивной и физкультурно-оздоровительной тематики на русском языке; организация посещения иностранными обучающимися спортивно-массовых мероприятий вузовского, межвузовского и городского уровней, подготовки и представления видеоотчетов и написания комментариев на русском языке по итогам их посещения;

• интеграция внеучебных (воспитательных и культурно-массовых практик) практик, академической и научно-исследовательской деятельности и практики ФВ вуза при работе с иностранными студентами: организация преподавателем ФК научно-исследовательской работы с иностранными обучающимися по физкультурно-спортивной тематике; организация индивидуального сопровождения иностранных обучающихся в процессе приобщения к деятельности секций и других спортивных объединений студенческой молодежи вуза, участия в спортивных соревнованиях различного уровня; организация квестов физкультурно-спортивной направленности для иностранных обучающихся в программах национальных спортивных праздников.

Для комплексной оценки эффективности ОЭР по выявлению образовательного потенциала ФВ для СКА иностранных обучающихся российского вуза нами определены критерии и показатели СКА иностранных обучающихся. Критериями выступили: социально-психологическая адаптация иностранных обучающихся (показатели: уровень субъективного ощущения одиночества; уровень посещаемости иностранными обучающимися занятий по ФК; степень активности включенности иностранных обучающихся в спортивно-массовые мероприятия вуза; степень коммуникативных затруднений иностранных обучающихся, связанных с включенностью в неформальные социально-одобряемые коммуникации по спортивно-массовой работе) и развитость интернационального взаимодействия российских и иностранных студентов (показатели: степень включенности иностранных обучающихся в спортивные секции, ориентированные на взаимодействие с российскими студентами; уровень конфликтности интернациональной коммуникации в процессе спортивно-массовых мероприятий; количество инициатив иностранных обучающихся, связанных с проведением интернациональных спортивно-массовых мероприятий). Результаты ОЭР подтвердили эффективность предлагаемых нами средств и способов реализации образовательного потенциала ФВ для СКА иностранных обучающихся российского вуза.

Список использованной литературы

1. Ишака, К. Иностранные студенты в российском вузе: социокультурные особенности адаптации и профессиональной социализации : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / К. Ишака. – Краснодар. – 2014. – 210 с.
2. Колбасова, И.В. Адаптация иностранных студентов к иной социокультурной среде средствами физической культуры // Спорт и физическая культура: интеграция научных исследований и практики: материалы VII всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2018. – С. 9.
3. Кривцова, И.О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии имени Н.Н. Бурденко) / И.О. Кривцова // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8. – С. 17–25.
4. Кудряшов, Н.А. Адаптация студента-иностранца в вузе: проблемы и пути их решения / Н.А. Кудряшов. – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2016. – 78 с.
5. Смышляев, К.А. Физическое воспитание студенческой молодежи в условиях интернационализации образовательной среды российского вуза/ К.А. Смышляев, М.Г. Минин, Т.С. Рябова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 09 (186). – С. 83–88.
6. Холодов, Ж.К. Теория и методика физического воспитания и спорта : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Ж.К. Холодов, В.С. Кузнецов. – Москва : Издательство «Академия». – 2003. – 480 с.

А.А. Темербекова, Н.Г. Кудрявцев
г. Горно-Алтайск, Россия
И.С. Леушина
с. Алтайское, Алтайский район, Алтайский край, Россия

МЕТОД ПРОЕКТНЫХ ИНТЕРФЕЙСОВ КАК РЕСУРС ВНЕДРЕНИЯ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА В СИСТЕМУ ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ РЕГИОНА[1]

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ и Правительства Республики Алтай, № 20-413-040003 р_а «Исследование эффективности использования метода проектных интерфейсов при внедрении проектного подхода в систему подготовки инженерных кадров и специалистов в области искусственного интеллекта в Республике Алтай».

Аннотация: Современное развитие техники и технологий, необходимость оптимального управления в области энергетики, городского хозяйства, транспорта, здравоохранения требуют от мировой системы образования подготовки таких специалистов, которые могли бы решать не только узкоспециализированные проблемы в какой - то одной области, а владели бы технологиями обработки больших объемов информации, принятия оптимальных решений в условиях неполной определенности, умели бы применять современные компьютерные средства моделирования и разработки сложных проектов. В статье представлен новый подход, реализующий одну из стадий обучения таких высококвалифицированных специалистов. Впервые для повышения эффективности реализации проектного подхода при подготовке инженерных кадров и специалистов в области искусственного интеллекта предлагается использовать метод проектных интерфейсов, разработанный сотрудниками Физико-математического и инженерно-технологического института Горно-Алтайского государственного университета и прошедший начальную стадию апробации в лаборатории робототехники университета.

Ключевые слова: метод проектных интерфейсов, проектная инкапсуляция.

A.A. Temerbekova, N.G. Kudryavtsev
Gorno-Altaysk, Russia
I.S. Leushina
village Altaiskoye, Altai Rayon, Altai Krai, Russia

PROJECT INTERFACE METHOD AS A RESOURCE FOR IMPLEMENTATION OF THE DESIGN APPROACH IN THE SYSTEM OF TRAINING OF ENGINEERING PERSONNEL IN THE REGION

Abstract: The modern development of engineering and technology, the problems of optimal management in the field of energy, urban economy, transport, healthcare require the world education system to train such specialists who could solve not only highly specialized problems, but also be able process big data, making optimal decisions in conditions of incomplete

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Алтай в рамках научного проекта № 20-413-040003 р_а «Исследование эффективности использования метода проектных интерфейсов при внедрении проектного подхода в систему подготовки инженерных кадров и специалистов в области искусственного интеллекта в Республике Алтай».

information, would be able to apply modern software and hardware for modeling and developing complex project in any field of human life. The article presents a new approach that implements one of the stages of training of such highly qualified specialists. For the first time, it is proposed to use the project interface method developed by employees of the Physics and Mathematics and Engineering and Technology Institute of the Gorno-Altaisk State University and passed the initial testing stage in the University's robotics laboratory for the first time to increase the efficiency of the project approach in the training of engineers and specialists in the field of artificial intelligence.

Keywords: design interface method, design encapsulation.

В современном быстро меняющемся мире новому поколению инженеров и исследователей предстоит научиться находить решения возникающих перед человечеством задач за существенно более короткое время, чем на это требовалось лет десять назад. В скором будущем станет реальностью наличие открытой цифровой платформы децентрализованного автоматического управления региональными энергетическими системами, транспортом, городскими коммуникациями. Одним из инновационных путей, хорошо зарекомендовавшим себя в мировой системе образования, позволяющим справляться с современными вызовами, является проектный подход.

В Республике Алтай система непрерывного инженерно-технического образования является новой. В этом аспекте актуальны вопросы, связанные с пользованием метода проектов в системах основного образования, высшего образования, проектного подхода в рамках дополнительного образования региона. Использование и внедрение в будущем проектного подхода в образовательные процессы, реализуемые в Республики Алтай на разных уровнях подготовки специалистов, в целом будет направлено на формирование инженерно-технологической элиты региона.

Следует отметить, что в мировой системе инженерного образования проектный метод давно перерос рамки отдельной технологии. Сегодня он может рассматриваться как структурная основа современного инженерного образовательного процесса, реализуемого многими ведущими вузами мира. Так, в работе А.В. Николаенко [8] приводится расширенный обзор связанных с проектным подходом современных образовательных технологий.

Образовательную технологию «обучение действием» или практико-ориентированное обучение сегодня используют ведущие инженерные школы и технические университеты Азии, Европы, США, Канады. Понятие «обучение действием» (от англ. action learning) впервые было введено в оборот английским исследователем Р. Ревансом в конце 60-х гг. прошлого столетия: «по-настоящему хорошо научиться чему-то можно лишь на практических занятиях, под руководством профессиональных же практиков – желательно, в составе небольших команд» [6]. Достаточно полная характеристика различных интерпретаций проектного метода в системах западного и отечественного образования [2] свидетельствует о том, что наиболее применимой для использования проектного метода является сфера дополнительного образования [1; 3–5; 7].

Использование проектного метода в образовательных системах и комплексах разного уровня имеет достаточно полную теоретико-методологическую основу [7] и может быть представлено в виде определенного алгоритмического контента [9]. Анализ результатов исследований проблемы позволяет констатировать, что в педагогической теории и образовательной практике фундаментальные вопросы подготовки инженерных кадров как для отдаленных регионов России в целом, так и для Республики Алтай, в частности, практически не рассматривались.

Целью научно-исследовательского проекта, о котором пойдет речь в данной работе, является исследование эффективности использования метода проектных интерфейсов при внедрении проектного подхода в систему подготовки инженерных кадров и специалистов в области искусственного интеллекта и подготовка научно-методической основы для внедрения новых образовательных технологий в систему образования Республики Алтай.

Метод проектных интерфейсов был разработан сотрудниками Физико-математического и инженерно-технологического института Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ). Суть метода заключается в специальном подборе проектных команд и предварительной подготовке реализуемых этими командами проектов в соответствии с требованиями проектной инкапсуляции.

Достижение поставленной цели при реализации описываемого в данной работе научно-исследовательского проекта предполагает решение целого

ряда практических и теоретических задач, каждая из которых требует отдельного фундаментального исследования. Так, предполагается наряду с комплексной моделью проектной команды, использующей типологию информационного метаболизма личности, разработать методику формирования проектных команд, которая бы включала применение современных психологических тестов, личностные собеседования, базы данных активных участников научно-технического творчества. Наряду с исследованием проектных команд, требуется серьезное изучение структурных свойств учебных проектов, которые бы позволили проводить методически выверенную системную декомпозицию таких проектов на стадии предпроектной подготовки с учетом требований проектной инкапсуляции. Для обеспечения репрезентативности результатов проводимых исследований и более широкого охвата участвующей в эксперименте аудитории планируется организация информационного и программно-методического сопровождения проектной работы через создание и наполнение базы данных учебных проектов, подготовленных с точки зрения проектной инкапсуляции, решающих актуальные для Республики Алтай проблемы. Такую базу данных предполагается реализовать на одном из доступных Интернет ресурсов с возможностью удаленного доступа, персональной аутентификации и дальнейшего пополнения с целью одновременного использования на нескольких образовательных площадках. Такой подход позволит постоянно развивать и усовершенствовать рабочий методический материал. В рамках решения еще одной немаловажной задачи требуется разработать и исследовать критериально-диагностический аппарат и систему мониторинга проектных сессий для оценки эффективности используемых методов.

С целью образовательной коммуникации предполагается проводить, наряду с организацией нескольких масштабных проектных сессий, работу с участием сформированных проектных команд над небольшими «блиц»-проектами [4] с постоянным мониторингом для выявления достоинств и недостатков предложенных методов.

В результате исследований, которые будут проводиться в течение нескольких учебных периодов, предполагается получить действующий прототип многоуровневой системы подготовки инженерных кадров и специалистов в области искусственного интеллекта и фундаментально обоснованную систему оценки эффективности ее функционирования.

В качестве задела, который имеется на текущий момент, можно отметить реализацию проектного подхода и метода проектных интерфейсов при разработке научно-исследовательского оборудования, в том числе, при создании научно-исследовательского измерительного оборудования для магнитовариационной станции «Байгазан» (Телецкое озеро), при разработке и изготовлении оборудования узла «togagasu» международного проекта WWLLN, при разработке и реализации профориентационных проектов различной направленности для мехатронных интерактивных площадок. Отдельной строкой в данном контексте можно выделить процесс поэтапного внедрение в эксплуатацию междисциплинарного учебно-измерительного полигона ФМИТИ ГАГУ.

В качестве примеров проведения проектных сессий можно привести блиц-проекты «Озон+» и «Периметр безопасности» (http://www.robionika.ru/dop/ozon_plus.mp4, http://www.robionika.ru / dop/perimetr.mp4), проведенных на базе ГАГУ осенью 2016 года. Характеризуя фундаментальную научную задачу, следует отметить, что она связана с разработкой и реализацией новой системы подготовки современных кадров для решения крупных научно-технологических задач, развития высокотехнологичных отраслей и реализации важных для региона научно-технологических программ, в том числе, в области цифровизации экономики и развития систем искусственного интеллекта.

Список использованной литературы

1. Возможности игровых технологий и моделирования в развитии детского технического творчества / Н.Г. Кудрявцев, А.А. Темербекова, Д. К. Типикин, А.А. Курусканова, Н.С. Бочкарев, А.О. Беспалов // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 2 (63). – С. 63–64.
2. Кудрявцев, Н.Г. Особенности метода проектных интерфейсов как механизма развития проектного подхода в образовательном процессе и детском техническом творчестве / Н.Г. Кудрявцев, А.А. Темербекова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т.8. – №6. – С. 167–182. DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1806.11.
3. Кудрявцев, Н.Г. Робототехника, теория систем и профориентационная деятельность / Н.Г. Кудрявцев, Д.В. Кудин, Е.О. Учайкин // Информация и образование: границы коммуникаций INFO'15: сборник научных трудов. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2015. – №7(15). – С. 137–139.

4. Кудрявцев, Н.Г., Курусканова, А.А., Сафонова, В.Ю. Блиц-игра «Проверь себя» как пример интерактивной образовательной технологии реализуемой сотрудниками лаборатории робототехники ГАГУ на базе мехатронной интерактивной площадки // Информация и образование: границы коммуникаций INFO'19 : сборник научных трудов / Под ред. А.А. Темербековой, Г.А. Байгонаковой, А.Е. Осокина. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2019. – № 11 (19). – С. 22–23.
5. Леушина, И.С. Кейс-проектирование как средство развития метапредметных результатов обучающихся / И.С. Леушина, А.А. Темербекова // Вестник Марийского государственного университета. – 2019. – Т. 13. – № 4. – С. 486–492. DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-4-486-492.
6. Люди: биографии, истории, факты, фотографии: Рег Реванс [Электронный ресурс] / Reg Revans. – Режим доступа: https://www.peoples.ru/science/professor/reg_revans/.
7. Михелькевич, В.Н. Теоретико-методологические основы организации проектной деятельности учащихся в учреждениях детского и юношеского творчества [Электронный ресурс] / В.Н. Михелькевич, Л.П. Овчинникова, А.И. Лисовская // Самарский научный вестник. – 2017. – Т. 6. – № 1(18). – С. 198–202. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=28772241.
8. Николаенко, А.В. Развитие проектно ориентированного образования в современных условиях [Электронный ресурс] / А.В. Николаенко // Качество образования. – 2016. – № 9. – С. 7–11. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=27521196.
9. Темербекова, А.А. Алгоритмический подход к использованию проектного метода в различных образовательных системах / А.А. Темербекова, И.С. Леушина, Г.В. Байкунакова // Дистанционные образовательные технологии. IV всероссийской научно-практической конференции / Ответственный редактор В.Н. Таран. – Симферополь, 2019. – С. 117–123.

А.В. Торопова
г. Москва, Россия

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-013-00171 «Музыкально-психологическая антропология: междисциплинарная область знания в музыкально-педагогическом образовании».

Аннотация: В статье поднимается проблема преодоления «ускользающего смысла» профессиональной деятельности в области музыкально-педагогического образования в условиях цивилизационных трансформаций общества, сознания и самосознания новых поколений обучающихся, а также изменения всего знаково-символического устройства культуры. Автор разрабатывает и предлагает принять в базис музыкально-педагогического образования дисциплину «Музыкально-психологическая антропология» на основе междисциплинарных исследований в данной области, которая ставит своей целью разработать инструменты выявления в музыкальных текстах и практиках их психологической основы и функций.

Ключевые слова: музыкально-психологическая антропология, смысл, музыкально-педагогическое образование.

A.V. Toropova
Moscow, Russia

ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN MUSICAL AND PEDAGOGICAL EDUCATION

Abstract: The article raises the problem of overcoming the «elusive meaning» of professional activity in the field of musical and pedagogical education in the conditions of civilizational transformations of society, consciousness and self-consciousness of new generations of students, as well as changes in the entire symbolic structure of culture. The author develops and proposes to take the discipline «Musical and Psychological Anthropology» into the basis of musical and

pedagogical education on the interdisciplinary research in this area, which aims to develop tools to identify psychological basis and functions in musical texts and practices.

Keywords: musical and psychological anthropology, meaning, musical and pedagogical education.

Обращение к антропологическим основаниям современного образования целесообразно и актуально, исходя из многих предпосылок, где в числе главных – цивилизационные трансформации общества, сознания и самосознания новых поколений обучающихся, а также изменения всего знаково-символического устройства культуры и, следовательно, необходимость рефлексии существования и деятельности в этих условиях в профессиональном музыкально-педагогическом сообществе. Мы, люди, рожденные в XX веке, оказались в другом типе цивилизации с «другими» детьми, «другим языком», «другой музыкой», не говоря уже о технологиях работы с информацией, и переход в эту трансформационную фазу зачастую болезненен, о чем пишет и А.Г. Асмолов [1], и говорит Т. В. Черниговская (Homo-confusus – «человек растерянный» [2]). Трансформационные процессы связаны, в первую очередь, с новым смысловым устройством становящегося мира, в котором человек, не успевающий за ускользающим смыслом, приобретает ноогенный невроз [3].

Гуманитарное образование и науки призваны работать со смыслами, поскольку цель гуманитаристики – рефлексия, самосознание личности в изменяющемся мире и самотрансформация человека для сохранения психологической устойчивости в нём. В этой связи необходимость разработки гуманитарных технологий понимания «других» и самопонимания личности в контексте «другости» кажется нам очевидной.

Методологическим фундаментом для разработки содержания и технологий музыкально-педагогического образования, отвечающим обозначенным интенциям, является антропологический подход, то есть ориентация на вИдение человека в контексте культуры, его потребностей и особенностей, смысловых и ценностных ориентаций сквозь культурные практики, музыкальные стили и формы.

Сквозь предметный блок вузовских дисциплин музыкально-педагогического образования красной нитью проходит работа со смыслами:

- сначала на уровне бакалавриата в курсе «Музыкальная психология и психология музыкального образования» [4] (где в центре находятся: музыкально-психологическая рефлексия становления исторических формаций музыкального сознания; отношение к музыкальности как к общественному феномену, имеющему множество разнообразных функций, место музыкальных потребностей в пирамиде потребностей и в онтогенезе личности, музыка и самоактуализация – на примере одаренных детей, детей с ОВЗ, либо в условиях паллиативной поддержки);
- затем на уровне магистратуры в курсе «Музыкально-психологическая антропология» [5] (где изучаются ценности и предпочтения социальных групп, этнические архетипы и семантические комплексы эмоций в музыке, музыкально-языковое оснащение «модальной личности» и прецедентные музыкальные тексты поколений как хранилища значимых ценностей);
- затем в аспирантуре во введении в музыкотерапевтическую область применения музыкально-педагогических знаний и умений, находящуюся на стыке наук.

Центральным звеном, соединяющим общие и универсальные музыкально-психологические категории и явления с уникальными переживаниями личности с её собственным социо-культурным и личным опытом проживания своего жизненного сценария, является междисциплинарная область знаний «Музыкально-психологическая антропология». Она обращена к Смыслу изучаемых студентами явлений музыкальной культуры: тех или иных музыкальных феноменов и стилей, а также путей раскрытия или реконструкции психогенеза этого неосознаваемого самими носителями смысла, подчас принципиально невербализуемого, но интонированного музыкой разных времен и народов, этносов и конфессий. Напомню, что Б.В. Асафьевым была высказана мысль, что «музыка есть искусство интонируемого смысла» [6].

Современное музыкальное и музыкально-педагогическое образование в изучении музыкальных форм и средств выразительности подчас ограничено самими формами, жанрами и стилями, как результатом длительной эволюции музыкальной культуры, не видя за ними Человека творящего те или иные формы, жанры и стили. В то время как вся музыка с ее серьезными и легкими, «высокими» и «низкими» жанрами является лишь «визитной карточкой» или неосознаваемым манифестом ценностей и по-

требностей людей определенной культуры, эпохи, социальной группы или конфессии. Фокус на жизненно-значимых переживаниях и ценностях представителей этих групп человечества, выраженных невербально и охватываемых понятием «интонируемый смысл» и составляет ядро музыкально-психологической антропологии (МПА).

Музыка, музыкальная культура, музыкальное образование понимаются сквозь призму МПА хранилищем жизненнозначимых для человечества переживаний, заключенных в форме музыкальных смыслов, обеспечивающих выраженность опыта состояний «Я (мы) в контексте реальности» для себя и других. Интонированное переживание, вслед за Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, Б.М. Тепловым, можно считать основой интонационно-символической деятельности и смысловой структуры сознания. Музыка объективирует интонированное переживание в своих идеальных и материальных артефактах: музыкально-языковых средствах (ладах, ритмах и тембрах), звучащих и записанных произведениях, музыкальных инструментах и ритуалах, потому она является наиболее достоверным антропологическим документом, свидетельствующим об актуальных ценностях определенных обществ и эпох, об этнических архетипах как выразителях жизненнозначимых переживаний народов, об общем и особенном в развитии сознания и самосознания цивилизаций, о кристаллизующихся ценностных ориентациях вновь образующихся социальных групп и субкультур современного общества. Разработать инструменты выявления в музыкальных текстах и практиках их психологической основы и функций, дать студентам-гуманитариям методологию постижения и исследования смыслов музыкальных феноменов и ставит своей целью данная область знаний и учебный предмет.

Кроме того, учебный предмет «Музыкально-психологическая антропология» предполагает активное добывание новых знаний студентами в научно-творческих проектах по изучению музыки в современных контекстах: «Музыка улицы/города/мегаполиса», «Музыка социальных групп», «Гендерные аспекты музыкальных предпочтений» и т.п. Антропологический подход в освоении курса студентами опирается на рефлексивные акты сознания обучающегося. Через рефлексию студент как субъект музыкально-психологических и музыкально-антропологических знаний наблюдает и соучаствует в становлении самосознания homo-musicus, открывая его историю и «общественность» в самом себе и в текстах культуры.

Полученные результаты учебных исследований первого года проекта показали актуальность и инновационность получаемых знаний (выявлены взаимосвязь музыкальных предпочтений молодежи с ценностными ориентациями, как и другими личностными характеристиками, прецедентные музыкальные тексты поколений на рубеже XX – XXI веков); разработанная педагогическая модель курса способствует развитию профессиональных компетенций музыканта-педагога, в том числе, исследовательской составляющей, профессиональной рефлексии, саморазвитию и преадаптации к неопределенности, а также развитию эмпатии и толерантности в межэтническом и кросс-культурном взаимодействии, что особенно актуально в современном мире и образовательном пространстве.

Список использованной литературы

1. Асмолов, А.Г. Психология неопределённости: вызовы неопределённости, сложности и разнообразия / А.Г. Асмолов // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под ред. А.Г. Асмолова. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. – С. 13–26.
2. Черниговская, Т.В. Научный доклад «Человек растерянный – homo confusus и новая цифровая реальность» на заседании Ученого совета СПбГУ 30.09.2019 [Электронный ресурс] / Т.В. Черниговская. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=3V0J_rSA4Zk&feature=youtu.be (Дата обращения: 11.03.2020)
3. Франкл, В.Э. Основные понятия логотерапии [Электронный ресурс] / В.Э. Франкл // В.Э. Франкл. Доктор и душа. – Санкт-Петербург : Ювента, 1997. – С. 242–279. Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/franv01/ (Дата обращения: 11.03.2020)
4. Торопова, А.В. Музыкальная психология и психология музыкального образования : учебник для бакалавриата и магистратуры [Электронный ресурс] / А.В. Торопова. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 190 с. – Режим доступа: https://biblio-online.ru/book/muzykalnaya-psihologiya-i-psihologiya-muzykalnogo-obrazovaniya-434619 (Дата обращения: 11.03.2020)
5. Торопова, А.В. Учебно-методический комплекс. Музыкально-психологическая антропология. Сборник рабочих программ для бакалавриата и магистратуры / Автор-сост. А.В. Торопова. – Москва : ООО «РИТМ», 2019. – 120 с.
6. Асафьев, Б.В. Музыкальная форма как процесс : Книги первая и вторая / Б.В. Асафьев. – Ленинград : Музгиз., 1963. –378 с.

А.О. Ульмясбаева
г. Новокузнецк, Россия

ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИЕЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: В статье рассматривается проблема межрегиональной образовательной миграции молодежи, и предлагаются конструктивные направления ее решения. В частности, видится необходимость интеграции интересов в системе управления миграционными процессами региональных органов власти, бизнес структур, образовательных организаций.

Ключевые слова: образовательная миграция, молодежь, регион, интеграция, инструменты, бизнес структуры, региональные органы власти.

A.O. Ulmyasbaeva
Novokuznetsk, Russia

INSTRUMENTS FOR MANAGEMENT OF THE INTER-REGIONAL EDUCATIONAL MIGRATION OF YOUTH

Abstract: The article considers the problem of interregional educational migration of youth and suggests constructive directions for its solution. It seems necessary to integrate interests in the management system of migration processes of regional authorities, business structures and educational organizations.

Keywords: educational migration, youth, region, integration, tools, business structures, regional authorities.

В настоящее время в РФ миграционные процессы, связанные с образованием, приобретают все большую актуальность и требуют эффективного управления. Это связано с тем, что в условиях регионализации кадровые ресурсы являются одним из важнейших аспектов, определяющих конкурентные преимущества субъектов РФ. Усиление борьбы за высококвалифицированных специалистов и талантливую молодежь, наличие отрицательного естественного прироста населения во многих регионах, дефицит научно-технических кадров выдвинули образовательную миграцию в число ключевых обстоятельств, расценивающихся как угроза социальной и экономической стабильности региона, возможности его развития и безопасности.

В связи с этим регулирование и управление интенсивностью потоков, составом межрегиональной образовательной миграции молодежи, как важного фактора влияния на субъект РФ, является в настоящее время актуальной задачей для обеспечения его сбалансированности и перспективы экономического роста.

Образовательная миграция молодежи в силу своих многочисленных аспектов изучения причин, факторов, установок, последствий является предметом исследования многих научных изысканий. Так, развитие миграционных процессов в настоящее время осуществляется по пути построения отрасли знаний, позволяющей всесторонне изучать различные проявления социальной мобильности молодежи. Не снижающаяся интенсивность образовательной миграции молодежи во многом связана с распространением высшего образования, где экономическая целесообразность его получения превалирует над сдерживающими факторами. В сложном процессе формирования миграционных потоков молодежи высокой значимостью обладает их видение социально-экономических условий и перспектив региона, качество образования и репутация университета [1, с. 59].

Качество региональной системы образования и присутствующие на рынке образовательных услуг университеты лишь повышают привлекательность административно-территориальных единиц для новых кадровых ресурсов и потоков образователь-

ной миграции молодежи. Каждый заинтересованный вуз должен формировать, позиционировать свои собственные преимущества (рейтинг, престиж, расположение, инфраструктура, доходность, успешность выпускников и т.д.), поскольку обучающиеся (молодежь) – фундамент будущего региона, более активная и образованная часть общества, в руках которой будет сосредоточена социальная ответственность за принятие решений на различных уровнях власти.

Заслуживает внимание и тот факт, что абитуриентам интересна информация о социальном партнерстве университета с предприятиями – потенциальными работодателями. Наличие взаимоотношений может свидетельствовать об актуальности программ, развитости образовательной инфраструктуры, востребованности выпускников на рынке труда.

Уровень и качество жизни населения в регионе остается также ключевым фактором привлекательности для молодежи. Сегодня правительство субъектов РФ, пытаясь снизить уровень миграционного образовательного оттока молодежи, применяет различные инструменты управления миграционными процессами (финансовая мотивация молодежи грантами, создание рабочих мест, развитие социальной инфраструктуры), тем самым стимулируя и приток населения в области.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в управлении и регулировании процессов межрегиональной образовательной миграции молодежи нам видится необходимость интеграции интересов трех заинтересованных сторон: региональных органов власти, образовательных организаций, бизнес-структур. Многолетние исследования образовательной миграционной ситуации, проводимые автором, позволили определить конструктивные направления управления межрегиональной образовательной миграцией молодежи (см. рис. 1).

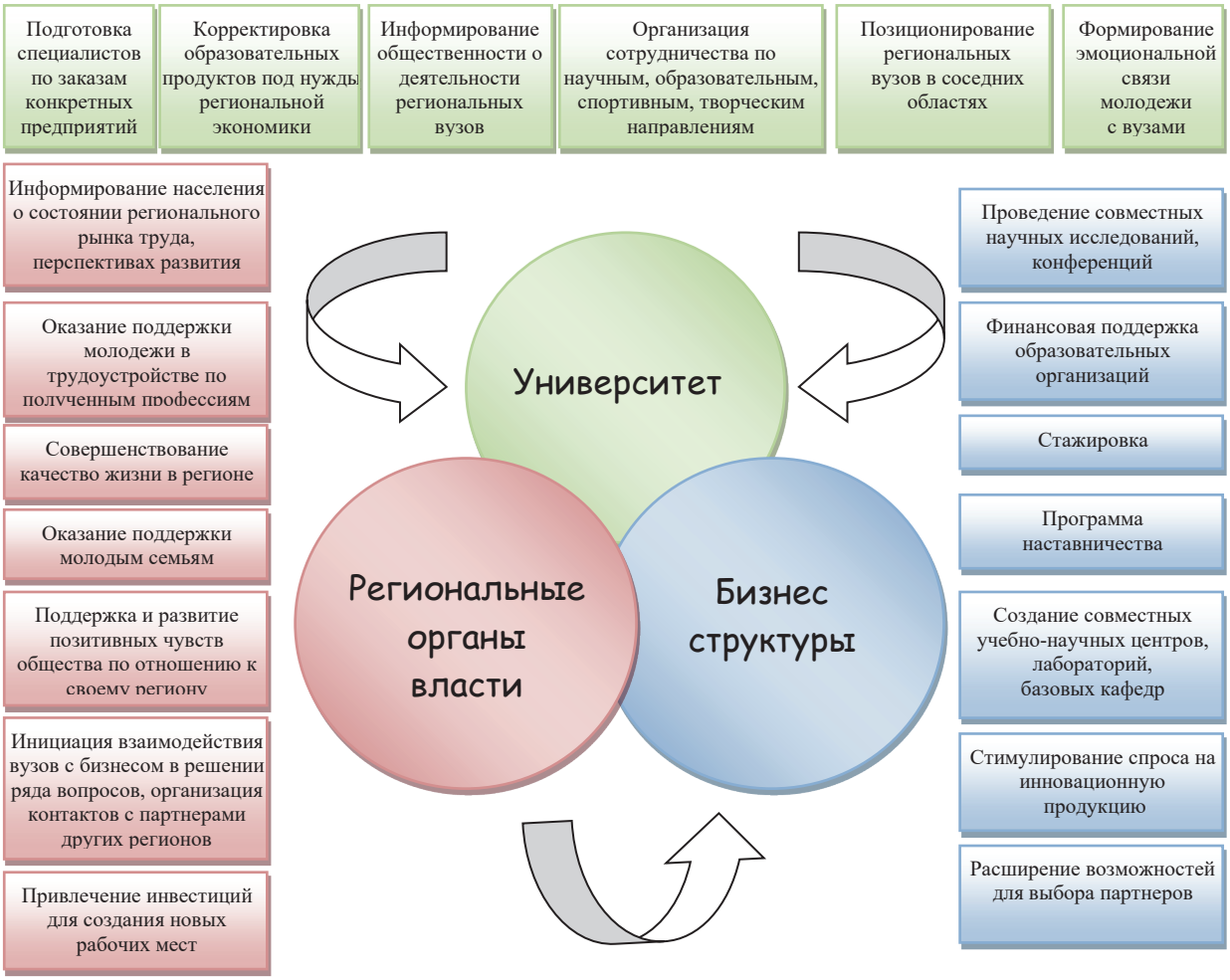

Рис. 1. Конструктивные направления управления межрегиональной образовательной миграции молодежи

Таким образом, основываясь на представленном научном дискурсе, управление межрегиональной образовательной миграции молодежи предполагает следующие основные детерминанты деятельности:

• установление и развитие отношения партнерства на основе разделяемых взаимных интересов в отношении молодежи между регионом, образовательными организациями и бизнесом;

• совершенствование социально-трудовой сферы с учетом особенностей региона;

• формирование образовательной привлекательности региона через репутацию, имидж региональных образовательных организаций, маркетингово-внедренческие форматы взаимодействия;

• повышение качества образовательных услуг региональных высших учебных заведений, маркетинговое позиционирование вузов;

• формирование положительного отношения к региону и образовательным организациям у молодежи.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что и политика, проводимая правительством региона, ориентированная на качество жизни населения, и региональные вузы, использующие маркетинговые инструменты, оказывают влияние на интенсивность потока образовательной миграции. Следовательно, данные обстоятельства усиливают роль и значение эффективного управления межрегиональной образовательной миграцией молодежи и требуют построения концептуальной модели.

Список использованной литературы

1. Ульмясбаева, А.О. Факторный анализ межрегиональной образовательной миграции молодежи / А.О. Ульмясбаева // Научный журнал. Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2019. – № 6. – С. 57–60.

Е.В. Ушакова
г. Барнаул, Россия

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: Сравнительный анализ системы российского образования в советский и постсоветский период показал, что в советский период образование было народным, общедоступным, бесплатным. В современной России образование законодательно перестало быть народным, все более переходит на коммерческую основу. Сегодня существуют полярные стратегии реформирования образования: 1. Ноосферная образовательная стратегия – конструктивная, холистически-созидающая. 2. Некросферная образовательная стратегия – деконструктивная, парциально-разрушающая. Пока векторы образовательных реформ в России определены второй стратегией. Но есть надежда, что в условиях переходных процессов изменится законодательная и социальная база системы образования согласно второй стратегии.

Ключевые слова: российское образование, советский и постсоветский период, система образования, стратегии образования.

E.V. Ushakova
Barnaul, Russia

SOCIAL ROLE, PROBLEMS AND PROSPECTS OF EXISTENCE OF EDUCATION SYSTEM IN MODERN RUSSIA

Abstract: A comparative analysis of the Russian education system in the Soviet and post-Soviet period showed that in the Soviet period education was public, national and free. In modern Russia, education has legislatively ceased to be popular; it is increasingly shifting to a commercial

basis. Today, there are polar education reform strategies. 1. Noospheric educational strategy - constructive, holistically creative. 2. Necrospheric educational strategy - deconstructive, partial destructive. So far, the vectors of educational reforms in Russia are determined by the second strategy. But there is hope that in the conditions of transitional processes the legislative and social base of the education system will change according to the second strategy.

Keywords: Russian education, the Soviet and post-Soviet period, the education system, educational strategies.

В России на протяжении последней четверти века, по сравнению с советским периодом исторического развития страны, система образования претерпела очень значительные трансформации, прежде всего, утратив законодательно закрепленную в советских законах аббревиатуру «народное образование» (сравним законы [6; 7; 8]). Первый закон постсоветской Российской Федерации «Об образовании» 1992 года (ФЗ от 10.07.1992 № 3266–1) [7] в значительной мере носил переходный характер. Он во многом еще отражал и сохранял сущностные характеристики исторического периода советского образования. Нельзя забывать, что в советский период обществоведческим и научно-педагогическим сообществом нашей страны были выработаны важнейшие методы, принципы и пути развития отечественного образования, обучения и воспитания подрастающих поколений на базе опыта лучших российских и мировых традиций [1; 4; 14]. Советское народное образование, закрепленное соответствующей законодательной базой [6], во второй половине XX века было ведущим в мире, а по ряду позиций – лидирующим.

Но уже следующий постсоветский федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» 2012 года (ФЗ от 29.12.2012 № 273) [7] фактически закрепил принципиально иные основы образования, характерные не для социалистического общества трудящихся, а для неокапиталистического элитарно-массового олигархического общества (обозначаемого разными красивыми терминами – постиндустриального, информационного общества; общества знания, точнее, экономики знаний; глобального массового потребления и т.п.).

Чтобы понять сущность и пути современных трансформаций в образовании, необходимо применить диалектический подход, метод взаимосвязи исторического и логического и сравнительный анализ взаимосвязанных исторических периодов образования – советского и постсоветского. Определить, какую направленность в целом носят образовательные трансформации в России XXI века – прогрессивную или регрессивную, и в каком смысле.

Опираясь на указанные выше методы, вспомним, что именно в советский период была принята за основу всеобщность, доступность и бесплатность образования для детей, молодежи, а также для той части населения всех возрастов, которая желала повысить свой образовательный уровень. Кроме того, среднее специальное и высшее профессиональное образование могло осуществляться на целевой основе, когда, то или иное хозяйственное предприятие могло вкладывать средства в обучающегося. Затем последний возвращался работать на свое место, но уже в качестве квалифицированного специалиста, усиливая общий производственный потенциал промышленного или сельскохозяйственного предприятия. С 70-х годов XX века была принята программная концепция формирования всесторонне развитой личности, ставшая мировоззренческо-идеологической и научно-педагогической платформой подготовки современного человека. В целом была сформирована научно-практическая платформа развития социалистической системы образования для общества свободных организованных тружеников, которым необходимы «живые знания» жизни для саморазвития, самоуправления и развития страны.

Но распад СССР в 90-е годы XX века стал не только кардинальным геополитическим преобразованием. Он знаменовал кардинальную смену социального курса, стратегии преобразований макросоциосистемы нашей страны. Путем проведения ряда широкомасштабных социальных манипулятивных технологий большая часть населения оказалась обманута относительно предполагаемой стратегии жизни государства. Вначале населению было широко заявлено о необходимости реформирования социализма в сторону его улучшения и совершенствования, устранения недостатков социализма в эпоху застоя. Для этого была принята следующая установка – обратиться к нуждам конкретного человека-труженика, то есть к построению социализма с «человеческим лицом»,

где бы на первый план выступил человеческий фактор. Далее распространилась идеологическая установка о том, что если в застойный период социализма проблемы человека перестали решаться, то для решения демократических проблем человека следует обратиться к опыту и образцам Запада, где уровень жизни трудящихся значительно выше, а социальных свобод намного больше. Следующий идеологический манипулятивный поворот: значит, в обществе необходимо принять за основу принципы западной демократии, прежде всего, либеральной (то есть свободной) демократии, при которой только и возможно освобождение и развитие человека. Следующая установка: для развития западной либеральной демократии необходим либеральный рыночный подход, противопоставленный тоталитарной общегосударственной социалистической собственности. Далее была принята стратегия тотальной приватизации госсобственности и перехода ее в частные руки, названная затем в народе «прихватизацией». В результате огромные богатства страны, накопленные тяжелым самоотверженным трудом нескольких предыдущих поколений нашей страны, перешли в нечистоплотные руки новоявленных собственников, очень быстро ставших олигархами. И перешли достояния и богатства народа нашей страны в руки местных олигархов, а через них – за рубеж, что позволило на десятилетия оттянуть глобальный кризис капитализма.

Народу же, после мастерски проведенных макросоциальных манипуляций (которые люди приняли за правду, поскольку никогда еще в своей жизни не сталкивались с такой колоссальной социальной ложью), было объявлено, что он потерпел поражение в холодной войне с Западом и теперь должен рассчитываться за это. Но необходимо подчеркнуть: если правящая верхушка к концу XX века предала свой народ, это отнюдь не значит, что народ отупел и сдался. Однако в макросоциальной системе государства необходимо время для осознания происшедших событий, сравнимое по длительности не с жизнью человека, а с жизнью страны, то есть десятилетия. Правящие круги предательски капитулировали, но народ остался жить своей жизнью, которая оказалась несравненно более тяжелой в наступившую эпоху либерально-демократических (неокапиталистических) трансформаций, получивших разные названия – реформирование, реформы разных областей и сфер социальной жизни, в том числе, сферы образования.

В связи с изложенным, следует определиться с оценкой векторов трансформаций как страны в целом, так и ее важнейших сфер, в том числе, образовательной. В процессах управления современным российским образованием широко применяются такие понятия, как трансформация (более широкий термин), реформа, традиция, новация, инновация, реформация (реформирование) [3, с. 50; 9, с. 34]. Однако смыслы рассматриваемых терминов не включают в себя четкой векторности преобразований. ***Ре-форма*** – есть изменение формы, равно как в сторону развития, так и разрушения. ***Ин-новация*** – нововведение, также в любом направлении – как созидание, так и разрушение. Термин «***модернизация***» по смыслу может происходить от слов «мода» и «модерн», приобретая при этом разные значения. С одной стороны, он может рассматриваться как вид, модус (мода – от фр. ***mode***, лат ***modus*** – мера, способ, правило), как отдельное направление действия (в том числе в сфере образования). С другой стороны, термин можно соотнести с модой, и тогда он включает в себя иное понимание: модернистские изменения, игровые изыски (часто вопреки традициям), которые вовсе не несут в себе глубинных смыслов и обоснований. К сожалению, если образование превращается ***в рынок услуг***, начинается торговля в сфере человеческих душ, мозгов и пр., превращение их в материал и товар, происходит обезличивание и обесчеловечивание человека, качественная деформация сферы образования [3; 9, с. 35–37]

В целом можно сказать, что стратегический социалистический курс на развитие народовластия и формирование общества организованных тружеников в ноосфере планеты в эпоху перестройки был кардинально заменен на противоположный. Это противоположная стратегия – стратегия эксплуататорского элитарно-массового общества суперолигархического глобального капитализма-мондиализма, знаменующая путь в некросферу, то есть уничтожение природно-социальной жизни за счет алчного безмерного захвата всех ресурсов планеты, их приватизацию, переработку, безмерное глобальное потребление и утилизацию, с последующим уничтожением жизни, в том числе, и самоуничтожением глобальной элиты. В итоге в XX–XXI веках сложились противоположные стратегии развития. Одна стратегия развития – по пути ноосферной гармонизации природно-социальной духовно-экологической жизни, с формированием цельной, всесторонне развитой личности че-

ловека-творца, способного реализовать данный путь развития (А.Д. Урсул, В.М. Федоров и др.) [15; 17]. Другая, противоположная стратегия развития – ускоренный научно-техническим прогрессом путь некротизации природно-экологической и антропосоциальной жизни. Это путь развития социального и социально-природного некроза [16]. Данный путь могут безропотно осуществлять лишь те люди, которые не понимают сущности происходящих изменений, поскольку даже на бессознательной основе любое существо стремится к жизни, а не к смерти. Следовательно, некрофильная некросферная стратегия «развития» может быть реализована лишь массами людей при отсутствии у них воспитания, с притупленным фрагментарным «образованием», с развитым потребительством и эгоцентризмом, что создает иллюзию мимолетной красивой жизни в то время, когда реально идет «пир во время чумы». Иными словами, некротическая некросферная стратегия «развития» по пути самоуничтожения может осуществляться лишь постчеловеком (в терминологии постмодерна), т.е. существом, обладающим человеческим вожделеющим эйфорийным телом, притупленным деградирующим сознанием для максимального потребления благ, с полным регрессом душевно-духовного потенциала (который должен присутствовать у цельного человека ноосферной цивилизации).

В современном образовании выстраиваются аналогичные социальные стратегии – ноосферная (цельно-социалистическая, народовластная) и некросферная (глобально-капиталистическая, социально-расчлененная элитарно-массовая), но примененные именно к системе образования. Возвращаясь к российским образовательным стратегиям со второй половины XX и первой четверти XXI веков, отметим следующее. В период социализма стала активно проявляться ноосферная стратегия образования – по пути развития Цельного Человека-Творца, созидающего гармонию собственной, социальной и природной жизни. В период постсоветской либеральной демократии как посткапитализма стала активно проявляться некросферная стратегия образования – по пути «развития» реформирующегося образования на основе социального неравноправия, деградации сознания масс населения, векторов безмерного потребительства масс и элиты, крайнего эгоцентризма, бездушия, конкурентности и конфликтности элиты, в итоге – коллапса социального управления. Более коротко, реформы образования в современной России могут идти по разным стратегиям: 1. Ноосферная образовательная стратегия – конструктивная, холистически-созидающая. 2. Некросферная образовательная стратегия – деконструктивная, парциально-разрушающая. Действующий в настоящее время ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» 2012 г. в целом нацелен на коммерциализацию-капитализацию образования, согласно второй стратегии. Это значит, что сфера образования как важнейшая фундаментальная гуманитарная сфера, где воспроизводится интеллектуально-духовный потенциал народа страны в настоящее время и на перспективу, по сути, переводится в придаток экономической сферы как сферы бизнеса и рыночных отношений. Поэтому, как бы педагогическая общественность ни пыталась «развивать» образование в данных условиях и при данной стратегии, эффект в итоге будет деградационным. Следовательно, единственным путем действительного развития системы образования в нашей стране является переход к первой, ноосферной стратегии развития народного образования на соответствующей правовой основе. Борьбе мировоззренческих начал в организации российской системы образования на рубеже XX–XXI веков посвящены труды известных отечественных ученых: В.П. Казначеева, И.А. Пфаненштиля, В.А. Садовничего, О.Н. Смолина, А.И. Субетто и др. [2; 10; 11; 12; 13]. В.В. Мантатов справедливо отмечает, что «изменения и инновации опасны, если они выходят за пределы устойчивости социальных и природных систем» [5, с. 81]. В этом состоит глубокий смысл взаимосвязи традиций и новаций в образовании. Однако в ряде статей и пунктов ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» 2012 г. утрачены важнейшие достижения России и СССР в сфере ***народного образования***, разрушается исконная ***социокультурная основа*** российского образования – принципы целостности знания, практичности (живого знания жизни), народности, культуросообразности, гуманности, человекоразмерности, научности [3, с. 76].

«Социально-правовой аспект в образовании играет в определенной мере ключевую роль, поскольку посредством норм права в статьях законов об образовании закрепляются правовой статус системы и сферы образования в обществе; образовательная структура данного социального института; основные образовательные отношения [3, с. 80]. В связи с этим следует особое внимание обратить на п. 6 ***статьи 4*** рассматриваемого закона, где записано: «В случае, если международным договором

Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, ***применяются правила международного договора***». «Крайняя опасность данного тезиса статьи состоит в том, что ***только один этот пункт*** может сделать бессмысленным весь Закон и уничтожить, даже усеченное, право граждан на образование в России путем замены его международным правом, неадекватным нашей социокультурной действительности» [3, с. 77].

Но хотелось бы завершить данную статью оптимистически. В этом отношении мы солидарны с мнением Н.В. Кулипановой о том, что «с одной стороны, неоднозначность директив ряда современных правовых документов об образовании является закономерным следствием переходного периода в российском обществе. С другой стороны, именно специфика переходного периода позволяет, несмотря на принятие правового документа законодательными органами страны (***федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и др. – Е.У.***), проводить дальнейшую работу по его совершенствованию в связи с быстро изменяющимися социальными процессами и наступающими при этом естественными коллизиями в праве. Поэтому можно надеяться, что правотворческая работа будет продолжаться в направлении оптимизации закона с учетом актуальных процессов и мнения широких слоев трудящихся граждан страны» [3, с. 81].

Список использованной литературы

1. История педагогики и образования: от зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.: учеб. пособие для пед. учеб. заведений / под ред. А. И. Пискунова. – Москва : Наука, 2008. – 310 с.
2. Казначеев, В.П. Здоровье нации. Просвещение. Образование / В.П. Казначеев. – Москва : Просвещение, 1996. – 248 с.
3. Кулипанова, Н.В. Системные трансформации отечественного образования XX–XXI веков (социально-философский анализ) : дис. на соиск.... канд. филос. наук : 09.00.01 / Н.В. Кулипанова. – Иркутск : ИГУ, 2014. – 187 с.
4. Макаренко, А.С. Избранные педагогические сочинения. В 2-х т. / А.С. Макаренко. – Москва : Педагогика, 1978. – 710 с.
5. Мантатов, В.В. Теория устойчивого развития: онтология и методология / В.В. Мантатов. – Улан-Удэ : Вост.-Сиб. ун-т технологий и упр., 2009. – 146 с.
6. «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» : закон СССР от 19.07.1973 № 4536-VIII // Ведомости ВС СССР. – 1973. – № 30.
7. «Об образовании» : федеральный закон от 10.07.1992 № 3266-1 (ред. от 12.11.2012). (Утратил силу в связи с принятием нового ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 30.
8. «Об образовании в Российской Федерации» : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1).
9. Орлов, Ю.И. Проблемы реформирования высшей школы России : монография / Ю.И. Орлов, Н.П. Орлова, Е.В. Ушакова. – Барнаул : Концепт, 2011. – 240 с.
10. Пфаненштиль, И.А. Модернизация российского образования в контексте Болонского процесса и глобализации / И.А. Пфаненштиль, Л.Н. Пфаненштиль // Философия образования. – 2005. – № 2(13). – С. 18–23.
11. Садовничий, В.А. Роль образования и науки в переходе к устойчивому развитию / В.А. Садовничий // Высшее образование сегодня. – 2002. – № 1. – С. 10–17.
12. Смолин, О. Н.Два законопроекта – две концепции образовательной политики [Электронный ресурс] / О.Н. Смолин. – Режим доступа : http://www.smolin.ru/odv/12.htm (Дата обращения 19.01.2020 г.).
13. Субетто, А. И. Битва за высшее образование России: 1992–2003 гг. / А.И. Субетто, В.В. Чекмарев. – Кострома : Костром. гос. ун-т, 2003. – 306 с.
14. Сухомлинский, В.А. О воспитании / В.А. Сухомлинский / сост. и авт. вступ. С. Соловейчик. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1975. – 273 с.
15. Урсул, А.Д. Ноосферная модель науки и образования / А.Д. Урсул // Социально-политический журнал. – 1996. – № 4. – С. 68–77.
16. Ушакова, Е.В. Ноосферизм и некросферизм как полярные стратегии XXI века // Вестник Института развития ноосферы – 2019. – №1 (3). – С. 23–39.
17. Федоров, В.М. Концепция биосферы-ноосферы и научная картина мира / В.М. Федоров // Вестник МГУ. Серия Философия. – 1983. – № 3. – С. 7–15.

А.С. Фролов
г. Барнаул, Россия

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация: В статье осуществлен краткий анализ основных проблем, которые возникли в современном образовании и которые не ограничены национальными рамками отдельных государств, а носят универсальный характер. Выявляются источники этих проблем и обосновывается положение о необходимости принципиальной перестройки современного образования. Делается акцент на том, что в условиях кризиса техногенной цивилизации основной целью образования должно стать формирование личности с целостным сознанием.

Ключевые слова: образование, техногенная цивилизация, современная Россия, целостное сознание, мозаичная культура, нравственное воспитание.

A.S. Frolov
Barnaul, Russia

EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF TECHNOGENIC CIVILIZATION

Abstract: The article provides a brief analysis of the main problems that have arisen in modern education and which are not limited to the national framework of individual states, but are universal in nature. The sources of these problems are identified and the position on the need for fundamental restructuring of modern education is justified. The emphasis is placed on the fact that in the conditions of the crisis of technogenic civilization, the main goal of education should be the formation of a person with a complete consciousness.

Keywords: education, technogenic civilization, modern Russia, integral consciousness, mosaic culture, moral education.

Образование является органичной частью общественной жизни. В ситуации, когда оно не испытывает воздействия существенных негативных факторов, система образования адекватно отражает происходящие в обществе изменения и адекватно реагирует на социальные запросы. Вместе с тем, действие этой закономерности не носит автоматического характера, а осуществляется посредством образовательной политики. Это обстоятельство относится как к отечественной, так и к зарубежным системам образования.

В современной России прочно утвердилась образовательная политика, основным ориентиром которой является сокращение государственных финансовых расходов и экономия бюджетных средств. Эта доминанта безусловной экономии, превратившаяся в «категорический императив» и «Вифлеемскую звезду» образовательной политики, определила ее чисто экономическую сущность и никак не соотнесена с должным содержанием образовательного процесса, отвечающего на запросы и вызовы современности. Вместе с тем, – как свидетельствует отечественный опыт времен, когда система образования в нашей стране была одной из лучших в мире, – достижение высших результатов системой образования обусловлено не прямолинейной ориентацией на экономию бюджетных средств, а стратегией оперативного реагирования на потребности общества и формированием специалиста с соответствующими общественным запросам качествами.

Фундаментальным всеобъемлющим фактором, не ограниченным рамками какой-либо национальной системы образования и определяющим появление принципиально новых требований к образовательному процессу, является исчерпание техногенной цивилизацией своего конструктивного потенциала и ее форсированное вхождение в пограничную ситуацию. Техногенная цивилизация – основная причина возникновения глобальных проблем современности, разрушаю-

щих как природно-материальные, так и духовные основания человеческого существования. Данный цивилизационный тип превратился в фабрику по производству «одномерного человека», о котором писал Г. Маркузе, и власть которого продолжает усиливаться «телоцентризмом» – одним из оснований господствующего в современной культуре постмодерна. В связи с характеристикой «общества постмодерна», французский философ Ж. Бодрийяр констатирует феномен «всеобъемлющей оргии материального» [1, с. 82]. И хотя философ говорит об этом в прошедшем времени, есть все основания утверждать, что логика техногенной цивилизации и определяющая данную логику доминанта роста прибыли транснациональных корпораций делает эти оргии в настоящее время еще более истовыми. В таком обществе (вопреки утверждениям об эрозии собственности как основной социальной детерминанте) происходит предсказанное еще К. Марксом и определяемое ростом конкуренции возникновение системы формирования у потенциальных потребителей ***искусственных*** потребностей, под которые создается новое производство, обеспечивающее постоянный рост прибыли, и которое структурирует всю систему образования.

Следствием этого является затрагивающая глубины человеческой психики и сознания трансформация ***потребности*** в ***желание***, а человека – в ***«машину желания»***. Эта патологическая трансформация, явившаяся закономерным продуктом развития «общества потребления» и ставшая предметом тщательного изучения в рамках методологии «шизоанализа» в работе Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения» [2], не оставляет никаких иллюзий относительно возможности формирования целостной личности без радикального изменения экономических оснований общественной жизни и соответствующего новым запросам социума реформирования системы образования. Этот процесс, – но уже применительно к российским реалиям, – убедительно проанализировал А.С. Панарин в книге «Народ без элиты» [5].

Образовательное пространство техногенной цивилизации на стадии постиндустриализма и «общества постмодерна» характеризуется дуализмом. Меньшая часть этого пространства, формируемая элитарными учебными заведениями, связана с подготовкой специалиста с развитой общей культурой, широкой эрудицией и творческим мышлением, отвечающим на научные и технологические запросы транснациональных корпораций. В первую очередь, именно здесь в качестве основной технологии построения учебного процесса утверждается «образование через научные исследования» [3, с. 17]. Однако несравнимо большая часть этого пространства связана с принципиально иной задачей – подготовить будущего потребителя, без которого постоянный рост прибыли становится проблематичным. Для такого «продукта» образования целостное миропонимание и креативное мышление не только не являются необходимыми, но более того, противопоказаны как качества, существенно снижающие потребительскую активность и возможность превращения личности в «потребляющий агрегат».

Здесь формируется тип личности, являющийся носителем культуры, которую А. Моль назвал «мозаичной» [4, с. 350], в отношении которой сегодня используется понятие «клиповая». Именно такой тип культуры и сознания является наиболее уместным для человека в статусе «машины желания». Данная культура и соответствующий ей личностный тип активно формируется и за пределами систем образования – в СМИ, рекламе, социальных сетях. К сказанному следует добавить, что сформулированный М. Вебером закон «рационализации» предполагает абсолютное доминирование в современном обществе «целерационального действия», которое имеет узко прагматичные ориентации, противоречащие целостному мировосприятию и уводящие в сторону от понимания человека как микрокосма, а Природы – как живой самоорганизующейся системы. Эта свойственная для техногенной цивилизации тенденция также провоцирует утверждение «мозаичной» культуры.

Используя методологию и терминологию К. Ясперса, можно утверждать, что современное человечество вступает в новую «осевую эпоху», «осевое время», сущность которого состоит в объективно назревшем переходе к принципиально новому типу мышления. Если «осевое время», о котором писал немецкий мыслитель, предполагало переход от мифологического мышления к логическому и формирование соответствующего типа личности, то пограничная ситуация, в которую завела человечество техногенная цивилизация, делает жизненно необходимым формирование ***целостной*** личности.

Для сознания подобной личности, формирование которой является единственным адекватным

ответом образования на основной вызов нового «осевого времени», должны быть свойственны не стереотипы формальной логики и голого, холодного рационализма, а ***целостное*** мышление, синтезирующее все конструктивное, что в различные периоды человеческой истории практиковалось в духовной культуре разных народов в качестве механизма сохранения жизни.

Линия ***целостного*** восприятия Мира и места в нем человека проходит через всю духовную историю человечества и реализуется в различных форматах – от мифологии, учения древних даосов о «недеянии» (увэй), философских оснований психосоматических практик в йоге, образа человека как микрокосма в философии древних греков, «русского космизма» – до синергетики и трансперсональной философии и психологии. И единственная разумная образовательная стратегия, адекватная вызовам времени и неизбежно предстоящей трансформации господствующей цивилизации, заключается в ***актуализации*** потенциальных возможностей всех названных форм целостного мышления.

Это предполагает необходимость включения соответствующего материала в рабочие программы учебных дисциплин. Прежде всего, это касается системы высшего образования. К сожалению, в российской системе высшего образования утвердилась прямо противоположная тенденция, выражающаяся в неуклонном сокращении объема часов, выделяемых на дисциплины социогуманитарного цикла. Так, например, по словам исследователя проблем современного образования В.А. Сухомлина, общий объем этого цикла в годы образовательных «реформ» в среднем «почти уполовинен» [7].

Автору этих строк уже приходилось высказывать свою оценку последствий подобного развития отечественной системы высшего образования [8, 9, 10]. Здесь же уместно отметить, что эта тенденция существенно снижает вузовский потенциал формирования личности, способной выстраивать целостную картину мира, соответствующей потребностям современной эпохи – эпохи поиска и определения новых типов цивилизации, оптимальных для выживания человечества.

Характер развития социальной реальности современной России заставляет обратить внимание – наряду с гносеологической – и на нравственную сторону утраты способности целостного мировосприятия. Отсутствие у личности способности понимать и чувствовать себя в качестве органичной части социального и природного целого является одной из основных причин десоциализации и выплесков личного и группового эгоизма. Эти имеющие место в современной России в различных социальных и профессиональных группах явления ведут к драматичным для сохранения и развития общества последствиям. Особую опасность они представляют в среде тех, кто причастен к принятию общегосударственных управленческих решений. Утверждение в этой среде усеченного понимания человека как атомизированного индивида является мощным стимулом для реанимации и практического воплощения дуалистической ницшеанской концепции морали, – расколотой на «мораль господ» и «мораль рабов». Такое ущербное сознание, соединенное с усиливающимся социальным и имущественным неравенством, является «бомбой», способной взорвать пока еще сохраняющиеся и скрепляющие общественный организм страны нравственные ценности. В таком случае и «георгиевские ленточки», наталкиваясь на углубление социального расслоения, окажутся чисто символическим, не имеющим практической, социально солидаризирующей и интегрирующей силы феноменом.

В таком социальном контексте возникает насущная необходимость актуализации и включения в образовательный процесс таких концептуальных моделей нравственности, в которых теоретическая полнота и непротиворечивость сочетается с конструктивным воспитательным потенциалом. Из числа подобных теоретических моделей особенно выделяется та, что была предложена автором философии всеединства В.С. Соловьевым в его этическом учении. Построенная в этом учении модель нравственности исчерпывает все возможные фундаментальные связи и отношения, в которые включен человек, и которые основаны на трех базовых нравственных чувствах. Вот что писал об этом сам философ: «Чувство стыда, жалости и благоговения исчерпывают в основе всю область возможных нравственных отношений человека: к тому, что ниже его, что равно ему и что выше его. – Эти нормальные отношения определяются здесь как ***господство*** над материальной чувственностью, как ***солидарность*** с живыми существами и как внутреннее ***подчинение*** сверхчеловеческому началу» [6, с. 52].

Теоретическое осмысление этического учения В.С. Соловьева и практическое усвоение построенной философом и обладающей мощным солидаризирующим потенциалом модели нравственно-

сти – одно из эффективных средств формирования целостного сознания, которое является адекватным ответом как на проблемы, порождаемые кризисом техногенной цивилизации, так и на вопросы возникающие в ходе развития социальной реальности современной России.

Список использованной литературы

1. Бодрийяр, Ж. Фантомы современности / Ж. Бодрийяр, М. Сиоран // Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы. – Москва : Алгоритм, 2015. – 272 с.
2. Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 672 с.
3. Карпов, А.О. Современная теория научного образования: проблемы становления / А.О. Карпов // Вопросы философии. – 2010. – № 5. – С. 65–72.
4. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – Москва : Прогресс, 1973. – 406 с.
5. Панарин, А.С. Народ без элиты / А.С. Панарин. – Москва : Алгоритм, Эксмо, 2006. – 352 с.
6. Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // В.С. Соловьев // Сочинения в 2 т. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 1. – 898 с.
7. Сухомлин, В.А. Кастрация системы образования России [Электронный ресурс] / В.А. Сухомлин. – Режим доступа: http//www.segodnia.ru/index.php?pgi…5&newsid=12378.
8. 8. Фролов, А.С. Высшее образование в контексте основного противоречия современной России / А.С. Фролов // Философия образования. – 2014. – № 2. – С. 20–35.
9. Фролов, А.С. Стратегические проблемы развития высшего образования в современной России / А.С. Фролов // Вестник ААЭП. – 2014. – Выпуск 2. – С. 130–136.
10. Фролов, А.С. Либерально-рыночный экстремизм. О стратегии развития высшего образования в современной России / А.С. Фролов // Свободная мысль. – 2016. – № 3. – С. 71–84.

А.Г. Чепик, А.С. Соколов, В.Н. Минат

г. Рязань, Россия

ДИАЛЕКТИКА КАЧЕСТВА СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация: В рамках настоящей статьи представлена попытка раскрыть содержание и сущность такой важной дефиниции системы высшего образования современной России, как качество. Проблема повышения качества образовательного процесса, подготовки специалистов, отвечающих запросам сегодняшнего и завтрашнего дня, представляется актуальной как никогда. Авторы, критикуя формализм (софизм), доминирующий в оценке качества высшего образования в вузах страны, обращают внимание на необходимость диалектического понимания категории качества в рамках системы высшей школы и разработки соответствующей базы управления качеством образовательного процесса.

Ключевые слова: качество высшего образования в России, диалектическая философия, диалектическая логика, управление качеством образования, дидактика.

A.G. Chepik, A.S. Sokolov, V.N. Minat

Ryazan, Russia

HIGHER EDUCATION SYSTEM QUALITY DIALECTICS IN RUSSIA

Abstract: This article attempts to reveal the content and essence of such an important definition of the higher education system in modern Russia as quality. The problem of improving the quality of the educational process and training specialists who meet the needs of today and tomorrow is more urgent than ever. The authors, criticizing the formalism (sophism) that dominates

the assessment of the quality of higher education in the country's universities, pay attention to the need for a dialectical understanding of the quality category within the higher school system and the development of an appropriate framework for managing the quality of the educational process.

Keywords: quality of higher education in Russia, dialectical philosophy, dialectical logic, quality management of education, didactics.

Проблема качества стала притчей во языцех не только российской теоретической мысли, но и всей западноевропейской. Нет ни одного номера журнала или монографии, посвященных проблемам образования, где бы ни рассматривался этот вопрос.

В калейдоскопе мнений о качестве образования явным парадоксом выступает тот факт, что эта серьезнейшая проблема освещается с формально-логических позиций. В итоге этой формалистики – софистика. Конструируется такая терминология, которая не адекватна сути этой весьма антиномичной сфере отношений. Пишут об управлении качеством, о приоритете качества в системе образования, о подготовке кадров в области управления качеством, об использовании экономических методов в управлении качеством, о критериях, обеспечивающих подготовку кадров в области качества, о компетентности в структуре модели качества, о системе индикативных показателей качества, о формировании культуры качества, о инфраструктуре оценки качества [4]. И в подобном духе до бесконечности.

Как понимать, например, тезис «управлять качеством»? Видимо, снижать или повышать его уровень, совершенствовать или извращать его содержание и т.п. Можно говорить об управлении учебным процессом, когда в центре этого процесса стоят проблемы повышения его качества. А что означает приоритет качества? Разве есть такие работники системы образования, которые отвергают этот приоритет? Даже тот, кто проводит занятия уныло и, более того, невежественно, не будет отвергать этого приоритета. Все современные суждения о качестве не дотягивают даже до уровня здравого смысла, не говоря уже об их разумности. Все это, действительно, «медвежьи услуги» системе образования.

Качество – категория философская, причем диалектической философии. Поэтому здесь должен быть диалектический, глубоко содержательный подход. Но в работах, посвященных данной проблеме, по сути дела, речь идет о различных аспектах организации и управления учебным процессом, где жонглируют термином «качество», создавая внешнюю видимость теоретического исследования. Доминируют две идеи. Чтобы достигнуть «… необходимого уровня обучения, требуется улучшить финансирование вузов и насытить их информационными технологиями» [6, с. 304]. Бесспорно, успешное решение проблем материального и информационного обеспечения вузов напрямую связано с повышением качества образования. Но это обстоятельство является всего лишь внушительной предпосылкой решения данной весьма сложной проблемы.

Теоретики концепции качества абстрагируются от того, что эта труднейшая задача решается, во-первых, непосредственно усилиями преподавательского состава и администрации вузов, организующими учебный процесс. Во-вторых, эти кадры в данном вопросе должны быть вооружены подлинно научной методологией. Большинство специалистов говорят и пишут об овладении всей сложнейшей совокупностью методов и приемов познания, накопленной историей науки. Но, к сожалению, очень мало тех, кто ставит вопрос об овладении и применении диалектической логики. Как справедливо отмечает Г.П. Белоконев, «…это универсальная, всеобщая Логика, поскольку она применима во всех областях научного познания. Она содержит в снятом, модифицированном виде все принципы и законы теоретической рефлексии. Но эта Логика, разрабатываемая два с половиной тысячелетия, выпала из поля зрения современной науки и системы образования» [1, с. 29].

Дело доходит до полного абсурда, когда некоторые философы даже не знают о существовании такой логики. Это «невежество» было и остается преградой на пути научного прогресса. Ведь речь идет о внушительном интеллектуальном резерве, которым может и должен овладеть каждый ученый и преподаватель вуза. Освоение и применение данного резерва не требуют особых материальных и финансовых затрат. Этим богатством не стремились овладеть научная элита и власть имущие идеологи советской эпохи, что явилось одной из серьезных интеллектуальных причин неудач с социалистическим строительством.

По причине неспособности мыслить разумно-теоретически до сих пор не разработана подлинно научная концепция реформы школьного и высшего образования. Эта важная проблема находится еще в стадии абстрактных рефлексий. Раскрываются лишь некоторые ее противоречия. Многие из них не существенны. Например, спорят о том, образование – это услуга или благо? Так, Р.Г. Стронгин отмечает, что «...многими неоднократно заявлялось, что образование такая же услуга, как, например, стрижка в парикмахерской. Мы можем долго спорить, является образование услугой или благом. Но если юридически образование определено как услуга, то в нашем законодательстве оно находится в рамках гражданского правового оборота, фактически выводится из-под действия существующего закона «Об образовании»» [5, с. 12]. «Если об этой банальности идет спор, то это говорит лишь о невежестве наших законов». Ведь всякая разумная услуга в том же самом отношении для любого человека является благом. Такое благо имеет свою стоимость, затраты на производство которой должны кем-то быть погашены, – государством или частными лицами.

Если говорить о необходимости овладения принципами диалектической логики как важнейшим условием повышения качества учебного процесса, возможен вполне закономерный вопрос. Почему многие педагоги, глубоко не вникая, не изучая специально содержание диалектического способа мышления, добиваются внушительных результатов в учебном процессе? Основных причин две.

Первая. Многие преподаватели достигают этих вершин благодаря многолетнему опыту, когда им приходится действовать в основном методом проб и ошибок. В этой стихии проб и ошибок исследователь в конечном итоге выходит на диалектический путь. Но такое движение «мучительно», требует огромных затрат времени и интеллектуальной энергии.

Вторая. Сам предмет науки, которую ведет тот или иной педагог, глубокое знание им данного предмета выводит его на путь высокого профессионализма. Но достижение таких вершин, преодоление на этом пути многих трудностей облегчается, а знания обогащаются за счет освоения диалектической философии, которая составляет главное содержание педагогической культуры.

Существует еще один «порок», присущий решению проблемы качества образования. Суть его состоит в том, что качество образования определяется не только его содержанием и логикой обучения и воспитания. Оно достигается также и количественными параметрами, где их мера крайне «извращена», деформирована уже тем, что студенты, например, технических вузов обязаны освоить содержание более десяти дисциплин гуманитарного цикла, причем объем часов каждого курса (за исключением иностранного языка) крайне урезан. В то же время объем материала, содержащегося в учебниках по этим наукам, выходит за рамки разумного и объективно необходимого смысла и понимания. Некоторые учебные пособия «зашкаливают» за 900 страниц. Какой студент может освоить такой объем материала? К тому же по многим параметрам содержание этих пособий изложено с позиций, не отвечающих критериям подлинной научности.

По этой причине раздается критика в адрес отечественной системы образования, ее управленцев. «Страна располагает, – пишет А.М. Кулькин, – мощным научным и образовательным потенциалом, а управляют им, мягко говоря, некомпетентные чиновники» [3, с. 134]. Подобных свидетельств и подтверждающих их фактов можно приводить несчетное число. Трагедия здесь в том, что по проблемам состояния системы образования, ее не мнимых, а реальных противоречий, ее «дремучего невежества» в области методологической подготовки научных и педагогических кадров нет профессиональной критики, то есть такой критики, искусством которой владели, например, философы Э.В. Ильенков и А.М. Минасян. Многие современные маститые российские теоретики страшатся такой критики, ибо, признав непонимание диалектики, им придется отказаться от своих научных званий.

Думается, что каждому преподавателю и теоретику педагогики не мешало бы обратиться к работе «Дидактика и диалектика» Э.В. Ильенкова, где он пишет, в частности, следующее: «...диалектическая философия давно показала и доказала, что любая серьезная проблема, любой вопрос, имеющий жизненно важное значение, всегда вставал перед людьми в виде напряженного противоречия в системе знания, в системе наличных, исторически сложившихся представлений и понятий. И только там, где такое противоречие налицо, собственно, только и возникает потребность лучше исследовать сам предмет, столкновения мнений и понятий, чтобы выяснить объективную основу разногласий между людьми и перейти к более глубокому пониманию» [2].

Следует иметь в виду, что противоречия в имеющемся знании и в процессе их освоения проявляются в многогранных формах. Самый простой, внешне банальный вопрос, который задает студент, является фиксацией и выражением противоречия. Но в процессе освоения научных знаний у студентов возникают не столько банальные, сколько серьезные научные вопросы, требующие теоретического разрешения. Причем способность четко и ясно их формулировать является важным показателем культуры ума, и эту способность следует поощрять и по достоинству оценивать. Содержание вопросов может быть многозначным и выражаться в форме парадокса и даже абсурда. Но и «порок», и «парадокс», и «абсурд» суть выражения неразрешимости противоречия, разлада знаний и опыта человека из реальной жизни, и не каждый педагог может выдержать такое количество противоречий, найти аргументы и методы их разрешения. В кризисной ситуации не всегда отыскиваются четкие, истинно научные, прозрачно ясные ответы.

Но преподаватель, отмечает Э.В. Ильенков, обязан уяснить, что только в кризисных ситуациях, независимо от того, где они возникают – в ходе учебного процесса, в научном или художественном творчестве, в политике или экономике – обнаруживается, сформирована ли в человеке способность ума разрешать возникающие парадоксы, или он лишь «натаскан» на уже готовых схемах интеллектуальных действий и операций и умеет поступать только в согласии с готовым штампом, с готовой схемой.

Из вышесказанного следует общее правило, что учить студента способности мыслить действительно по-человечески, разумно – значит учить диалектике, составляющей сущность культуры ума образованного человека, в том числе и культуры профессиональной. «Надо учить умению строго и четко фиксировать противоречие – заключает Э.В. Ильенков, – умению «выдерживать напряжение противоречия», чтобы затем находить этому противоречию действительное разрешение на пути конкретного исследования фактов, а не на пути словесных манипуляций, не замазывать противоречия жизни и науки» [2].

К сожалению, современная педагогика погрузилась в мир словесных манипуляций – в мир софистики, вуалируя реальные противоречия педагогической практики, системы образования в целом. Но эти трудности преодолимы, если философия обретет свое истинное лицо, то есть станет диалектической, и тем самым поможет российской высшей школе выйти из тупика, в который ее завели бесконечные непродуманные «реформы».

Список использованной литературы

1. Белоконев, Г.П. Пороки образованщины / Г.П. Белоконев. – Ростов на Дону : Новая книга, 2008. – 336 с.
2. Ильенков, Э.В. Дидактика и диалектика [Электронный ресурс]/ Э.В. Ильенков // Вопросы философии. – 1974. – № 2. – С. 75–79. – Режим доступа: http://caute.ru/ilyenkov/texts/vf/didakt.html
3. Кулькин, А. Наука и образование в опасности / А. Кулькин // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 8. – С. 129–146.
4. Полканова, Н.А. Методика проектной деятельности в рамках проектирования образовательного процесса в вузе / Н.А. Полканова, В.Н. Минат // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IV Междунар. науч. конференции. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 211–214.
5. Стронгин, Р.Г. Обратная связь / Р.Г. Стронгин // Высшее образование сегодня. – 2015. – № 3. – С. 11–18.
6. Судакова, Г.Ю. Информатизация образования как самостоятельное условие учебно-познавательного процесса / Г.Ю. Судакова, В.Н. Минат // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IV Междунар. науч. конференции. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 303–305.

РАЗДЕЛ 6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

С.Г. Абрамкина
г. Барнаул, Россия

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ: ТРАДИЦИОННОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РГНФ, № 14-13-22008 «Региональные особенности функционирования исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников школ».

Аннотация: В статье проведен анализ содержания исторической памяти молодежи Алтайского края. Выделены особенности семейной исторической памяти молодежи, проявляющиеся в соблюдении семейных традиций и обусловленные новыми современными повседневными практиками поведения молодежи. Обосновывается взаимосвязь между традиционными и инновационными типами взаимодействий между родителями и детьми и показателями социального здоровья для воспроизводства семейных ценностей.

Ключевые слова: историческая память, социальное здоровье, семейные традиции, семья, молодежь, школьники, студенты.

S.G. Abramkina
Barnaul, Russia

FAMILY HISTORICAL MEMORY OF YOUTH: TRADITIONAL AND INNOVATIVE

Abstract: The article analyzes the content of historical memory of the youth of the Altai Krai. The features of the family historical memory of youth that are manifested in the observance of family traditions and due to new modern everyday practices of youth behavior are highlighted. The relationship between the traditional and innovative types of interactions between parents and children and social health indicators for the reproduction of family values is substantiated.

Keywords: historical memory, social health, family traditions, family, youth, schoolchildren, students.

Социальное качество жизни современной молодежи во многом определяются преемственностью традиционных ценностей общества, а также их действенностью согласно социальным нормам. Они позволяют молодым людям успешно контактировать с окружающими людьми разного социального статуса, социального происхождения, уровней образования, культуры, развивать навыки общения, ощущать необходимость в нём. Именно эти факторы и определяют состояние социального здоровья молодых людей. «Социальное здоровье молодёжи – такое состояние социально-демографической общности, при котором молодые люди способны адаптироваться

к изменяющимся социальным условиям, преобразовывать себя и социальную среду; готовы к выполнению своих социальных функций и социальной интеграции, к сопротивлению деструктивным общественным процессам и явлениям» [1].

Особое место в формировании социального здоровья молодёжи принадлежит семье, которая способствует формированию интеллектуального, эмоционального фона для совершенствования отношений между людьми. Именно семья обеспечивает всестороннее развитие личности, укрепление физического, психического, нравственного и социального здоровья человека. Для молодых людей семья приобретает особое значение, несмотря на то, что в современном обществе наблюдается некий разрыв отношений детей с родителями, с одной стороны, а с другой, – семья по-прежнему дарит эмоциональное тепло, поддержку при решении проблем, возникающих в этом возрасте, и сложных жизненных ситуаций. Можно с уверенностью утверждать, что семья была и остается одной из важнейших традиционных ценностей. Через семью сменяются поколения людей, в ней складываются условия для социализации, воспитания молодежи, в том числе формирования его патриотической составляющей. В ходе реализации грантового проекта РГНФ № 14-13-22008 «Региональные особенности функционирования исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников школ» (науч. рук. – д. социол. н., профессор Н.А. Матвеева) было теоретически обосновано и эмпирически доказано, что именно в кругу семьи наиболее интенсивно функционирует «живая», непосредственная историческая память, которая сохраняется и воспроизводится благодаря прошлому опыту, знаниям, общей и исторической культуре старшего поколения [2, 3]. Именно в семье обеспечивается историческая, традиционная и патриотическая преемственность поколений, неотделимая от обращения к историческому прошлому своей страны, к жертвенности, героизму и победам ее великих предков. Трудно переоценить роль семейных реликвий, архивов, устных рассказов родственников, связанных с Великой Отечественной войной и другими событиями исторического прошлого. Историческая память – это не только канал передачи сведений о прошлом, но и «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляющих образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем» [4, с. 23–24].

Яркое представление о соотношении традиционного и инновационного в семейной сфере молодёжи Алтайского края дают данные социологических опросов, проведенные в 2014–2017 годах сотрудниками учебной научной исследовательской лаборатории «Социология народного образования» АлтГПУ. В ходе исследования были опрошены школьники и студенты Алтайского края.

Традиционными семейными ценностями всегда были и остаются: любовь, верность, взаимное уважение, уважение старших, соблюдение семейных традиций. Вместе с тем, современная молодёжь по-новому воспринимает их. Время стремительно мчится вперёд, исчезают стереотипы, новое, современное информационное общество диктует свои правила.

Результаты проведенного исследования подтверждают, что для большинства респондентов ориентиром в жизни является семья, жизнь их родителей. Вместе с тем, настораживает тот факт, что на вопрос о семейных традициях, почти 5 % студентов и 11 % школьников ответили, что в семье нет никаких традиций (таблица 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Какие традиции существуют в вашей семье?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Школьники	Студенты
Встреча нового года всей семьей	27	24
Семейный отдых на природе	19	20
Организация праздников на день рождения кого-либо из семьи	24	23
Проведение семейных советов	4	5
Семейное посещение выставок, театров	4	4
Совместное проведение отпуска	12	11
Почитание религиозных праздников и обычаев	5	5
Семейная преемственность профессий	2	3
Нет традиций	11	5

Отметим, что не каждый респондент смог дать четкое представление о сущности семейных традиций, об их роли. Это связано с недопониманием самого понятия, ценности и значимости семейных традиций. К сожалению, многие молодые люди просто не имеют представления и не задумываются о понятии семейные традиции. Основными же традициями для тех, у кого они есть, являются: встреча Нового года всей семьёй, организация праздника на День рождения кого-либо из членов семьи, семейный отдых на природе, совместное проведение отпуска.

Не случайно 27% школьников и 24% студентов отметили, что их семейной традицией является встреча Нового года. Во-первых, потому, что сам праздник встречи Нового года – это семейный праздник, во-вторых, имеются общие ритуалы проводов старого года и встречи нового, но в разных семьях всё же они разные, и, в-третьих, Новый год ассоциируется у каждого с воспоминаниями о детстве. Вот здесь-то и возникает чувство привязанности к семье и семейным традициям у наших респондентов.

Быстрый темп и ритм современной жизни особенно молодого поколения диктует расширение круга общения, знакомств с новыми людьми, обмен информацией. Молодые люди более мобильны, чем их родители. Особенно это характерно для современного студенчества. Поэтому для 24% школьников и 23% студентов семейной традицией является празднование Дня рождения. С самого первого Дня рождения ребёнка родители организовывают этот праздник, радуют ребёнка подарками, приглашают родственников и друзей, готовят вкусное угощение. Это в традициях российского народа, правда, современная молодёжь предпочитает проводить этот праздник в кругу своих друзей. Возникают новые ритуалы. Многие студенты объясняют своё поведение тем, что они живут далеко от родителей и других родственников, могут встречаться с ними лишь в каникулярное время. Может быть, именно поэтому «семейный отдых на природе» в перечне актуальных традиций студенческой молодёжи. Такой ответ дал каждый пятый опрошенный студент и школьник.

Ещё раз отметим значимость семейных традиций. Они важны для молодого поколения, с их помощью они приобщаются к культуре (семейное посещение выставок, галерей, театров, концертов), социуму (почитание праздников и обычаев, в том числе, и религиозных), познают мир (проведение семейных советов, совместное проведение отпуска), социализируются (семейная преемственность профессий). Таким образом, семейные условия, социальное положение, семейные традиции, род занятий, уровень образования родителей в значительной степени предопределяют жизненный путь детей. С регулярно повторяющимися событиями к детям приходит ощущение стабильности мира, семьи. Утрата семейных традиций может привести к возникновению проблемного подросткового возраста, вот почему школьники, в отличие от студентов, отмечают большую значимость для них и разнообразие семейных традиций. Семью без семейных традиций, сложно назвать семьей, они являются залогом благополучия и любви в семье.

В настоящий момент в процессе восстановления исторической преемственности поколений, формирования общественного сознания на основе традиций российских духовных и нравственных ценностей, уместно вспомнить, что «генеалогия, родословие, геральдика – могучее нравственное средство для укрепления семьи и для укрепления государства. Следовательно, в наши дни задача государства – научить людей ценить цепь поколений, которая была перед ними, чувствовать себя звеном этой цепи. Это философская основа жизни, гражданственности, патриотизма» [5].

Интересны ответы респондентов на вопрос о знании истории своей семьи: 70% студентов и 60% школьников ответили «Да». Студентов, не знающих истории своей семьи, меньше, чем школьников (11% и 14% соответственно). Около трети школьников и почти каждый четвертый студент затруднились ответить на этот вопрос, возможно, они лишь частично знакомы или не знакомы вообще с историей своей семьи.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы историю своей семьи?», % от числа опрошенных

Варианты ответа	**Школьники**	**Студенты**
Да	60	70
Нет	14	11
Затрудняюсь ответить	27	19

Тот факт, что студенты больше знакомы с историей семьи, объясняется тем, что в силу возрастных характеристик, они больше интересуются вопросами истории. Взрослея, человек познаёт не только окружающий мир, но и самого себя. Ему важно знать свои корни, родословную, генетические и социальные особенности. Пока живы представители старшего поколения, молодые люди стремятся получить информацию и составить представления о прошлом, настоящем и даже будущем своей семьи. Причём, именно в детском возрасте происходит доверительное общение между ребенком и родителями. В переходном возрасте ребёнок меньше открыт для общения с родителями, а знакомство его с историей семьи требует наличия желания, каких-либо базовых знаний по истории, изучения архивных источников, грамотной фиксации данных. Школьник не всегда может справиться с таким объемом работы, а студенту это под силу. Незнание своей истории школьниками позволяет констатировать отчуждение современных ребят от своих исторических корней, что приводит к разрыву поколений, непониманию представителями одного поколения особенностей поведения и деятельности другого поколения, осложняет осознание важнейших моральных и нравственных ценностей.

Таким образом, семья способствует формированию семейной исторической памяти, которая позволяет не только понять определенные приоритеты молодых людей в изучении тех или иных областей исторического знания, но и подойти к некоторым обобщениям, конкретизации исторических событий и явлений. А современная молодёжь через своё отношение к семейным ценностям демонстрирует желание и готовность к выполнению социальных функций и интеграции в современное быстро меняющееся общество.

Список использованной литературы

1. Кулиш, В.В., Матвеева, Н.А. Социальное измерение здоровья молодежи: проектирование показателей комплексного социологического исследования [Электронный ресурс] / В.В. Кулиш, Н.А. Матвеева // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Том 8. – № 6. – С. 89–102. – Режим доступа: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/10017/pdf
2. Абрамкина, С.Г., Еньшина, Н.А. Проявление исторической памяти студенческой молодёжи в сфере семьи и досуга / С.Г. Абрамкина, Н.А. Еньшина // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – 4 (47). – С. 375–378.
3. Кулиш, В.В., Матвеева, Н.А., Функционирование исторической памяти учащейся молодёжи : монография / В.В. Кулиш, Н.А. Матвеева. – Барнаул: АлтГПА, 2014. – 134 с.
4. История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. – Москва : Кругъ, 2006. – 768 с.
5. Извеков, И.Н. История как фактор нравственного воспитания школьников / И.Н. Извеков // Вестник ТГУ. – 2008. – № 4. – С. 148–154.

Л.Н. Антилогова
г. Омск, Россия

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И НРАВСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: В статье акцентируется внимание на раскрытии основных характеристик ценностных ориентаций и нравственной активности личности. Подчеркивается взаимосвязь данных понятий и дается их определение. Отмечается, что на основе сложившихся ценностных ориентаций осуществляется саморегуляция деятельности субъекта, заключающаяся в его способности сознательно решать стоящие перед ним задачи, осуществлять свободный нравственный выбор, утверждать своей деятельностью те или иные социально-нравственные ценности.

Приводятся данные сравнительного анализа доминирующих ценностей у студентов технического и гуманитарного вузов, которые подтверждают гипотезу, что на формирование ценностных ориентаций влияет характер профессиональной подготовки.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, нравственная активность, нравственный выбор, личность.

L.N. Antilogova
Omsk, Russia

VALUE ORIENTATIONS AND MORAL ACTIVITY OF THE PERSON

Abstract: The article focuses on the disclosure of the main characteristics of value orientations and moral activity of the personality. The relationship of these concepts is emphasized, and their definition is given. It is noted that on the basis of the established value orientations, self-regulation of the subject's activity is carried out, which consists in his ability to consciously solve the tasks facing him, to make free moral choices, to affirm certain social and moral values with his activity.

The data of a comparative analysis of the dominant values of students of technical and humanitarian universities are presented, which confirm the hypothesis that the nature of vocational training influences the formation of value orientations.

Keywords: values, valuable orientations, moral activity, moral choice, the personality.

Любое современное общество, развиваясь, делает ставку на социально зрелых, профессионально подготовленных специалистов, способных работать в команде, гибко мыслить и быстро находить решения в нестандартных ситуациях. Стержневую основу такой личности составляет система ценностных ориентаций, определяющая ее направленность.

Существует множество определений ценностных ориентаций, что объясняется междисциплинарностью данного понятия, входящего в категориальный аппарат таких дисциплин, как философия, социология, психология, педагогика. В связи с этим не существует универсального определения, но думается, что его суть отражена в следующей трактовке: «Ценностные ориентации – это отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров» [1, с. 436], поскольку в ней точно подмечена основополагающая роль ценностных ориентаций в формировании направленности личности, определении перспектив ее развития.

Установлено, что ценностные ориентации не являются статичным, неизменным образованием. В течение жизни они могут уточняться, конкретизироваться, что находит свое проявление в постановке и достижении человеком целей, планировании жизненных перспектив.

Совершенно точно подмечено В. Франклом то, что формирование ценностных ориентаций происходит в определенных социально-психологических условиях, конкретных ситуациях, которые изменяют поведение личности, задавая определенный «горизонт видения», и являются важнейшей характеристикой его личности, потому что пронизывают его взаимоотношения с окружающей средой, детерминируя и регулируя поведение человека [2].

Как отмечалось ранее, ценностные ориентации не являются статичным образованием. В каждом возрастном периоде человека они имеют свои особенности. Наиболее интенсивная их трансформация происходит в юности, когда устремленность в будущее наиболее высока, а бурлящая жизненная энергия ищет своего выплеска. К этому периоду относится такая социальная группа, как студенчество, которая, с одной стороны, стремится к овладению профессиональным опытом, а с другой стороны, находится в поиске смысла и места в жизни.

Образовательный процесс в вузе, направленный на теоретическую и практическую подготовку студентов, позволяет им глубоко разобраться в категориях мировоззренческого плана и попытаться реализовывать их в процессе практик: учебной, педагогической, производственной, научно-исследовательской. Именно на студенческой скамье складывается иерархическая структура ценностей и ценностных ориентаций, которая, следует заметить, не всегда носит гармоничный характер. Так, например, при ранжировании студентами Омского государственного технического и Омского государственного педагогического университетов ценностей по методике М. Рокича гуманистическая ценность «счастье других людей» заняла самую низкую позицию. Это, возможно, объясняется наметившейся в нашей стране тенденцией, характерной в большей степени для западного общества,

в котором на первое место ставится собственное благополучие и счастье. В то же время высокий ранг (по данным нашего исследования) заняла такая ценность, как «любовь и семья», а также «здоровье», без которого, как отмечали студенты обоих университетов, невозможен профессиональный рост и самореализация.

Исходя из того, что получение профессии в гуманитарном и техническом вузах имеет свои особенности, мы предположили, что это может влиять на характер и выбор ценностных ориентаций: доминирующими ценностями у студентов педагогического вуза будут духовные ценности, а у студентов технического вуза – материальные.

В исследовании было задействовано по 20 студентов третьего курса из каждого вуза. Эмпирические данные были получены на основе методики «Ценностные ориентации» М. Рокича и методики выраженности ценностных ориентаций Ш. Шварца. При ранжировании ценностей по методике М. Рокича студенты обоих вузов на первые места поставили здоровье и счастливую семейную жизнь (терминальные ценности), в выборе инструментальных ценностей студенты ОмГПУ отдали предпочтение воспитанности, жизнерадостности, честности, а студенты ОГТУ – эффективности в делах и рационализму. Здесь можно проследить связь между характером профессиональной подготовки и выбором ценностей, то есть первые ориентированы на работу с людьми, а вторые – на работу с техникой.

Данные, полученных с помощью методики Ш. Шварца, свидетельствуют о том, что студенты обоих вузов в качестве значимых определили гедонизм, достижения и безопасность, что, с одной стороны, объясняется особенностями возраста и профессиональной подготовки (стремление к развлечениям и карьерному росту), а с другой, – озабоченностью напряженной ситуацией в мире. Следует отметить, что студенты не выделили в качестве важной такую ценность, как традиции, что тоже согласуется с особенностями возраста – отсутствием привязанности молодежи к чему-то устоявшемуся, консервативному и устремленностью к новому.

С помощью данной методики мы выявили и различия в выборе ценностей «студентами-гуманитариями» и «студентами-технарями». Так, доброта, конформность, которые занимали высокие позиции у первых, у вторых заняли низкие позиции, что можно объяснить ориентированностью их в будущем на работу, связанную в большей степени с техникой. Студенты технического вуза отдали предпочтение и такой ценности, как власть, что, видимо, связано с их желанием занять в будущем руководящую позицию на производстве.

Таким образом, при анализе полученных данных наше предположение в отношении взаимосвязи профессиональной подготовки студентов и характером их ценностных ориентаций подтвердилось.

Кроме того, нас интересовало также, каким образом реализуются ценностные ориентации, в чем они проявляются. Теоретическое изучение вопроса показало, что ценности и ценностные ориентации человека находят отражение в нравственной активности личности. Последняя понимается нами как деятельное нравственное отношение человека к миру, к другим людям, в котором субъект выступает как активный носитель и «проводник» нравственных ценностей (норм, принципов, идеалов), способный к устойчивому нравственному поведению и самосовершенствованию, ответственно подходящий к принятию моральных решений, непримиримо относящийся к аморальным проявлениям, открыто выражающий свою нравственную позицию. Здесь мы подчеркиваем, что нравственно активная личность опирается и реализует в своем поведении сформированные у нее ценности и ценностные ориентации, являющиеся средством ее самовыражения и самосовершенствования.

В период юности на основе сложившихся представлений о смысле жизни, о счастье, о добре и зле человек способен осуществлять нравственный выбор, т.е. совершать что-то полезное в социальном плане. Отсюда следует, что нравственная активность проявляется в социально значимой деятельности, осуществляемой по собственной инициативе. При этом социальный опыт, выражающийся в характере и объеме освоенных личностью социальных ценностей, является базисом позиции, а активность – ее деятельностным стержнем. В зависимости от отношения субъекта к деятельности определяются уровни его нравственной активности. Своеобразие формирования нравственной активности студенческой молодежи заключается в том, что ее направленность в значительной степени обусловлена характером учебно-профессиональной деятельности и той позицией, которую они в ней занимают. Осознание обучающимися социальной значимости этой деятельности влияет на их отношение к учебе, на качество их овладения профессиональными компетенциями, на жизненные планы.

Опрос студентов ОмГПУ и ОГТУ показал, что большинство из них стремятся получить прочные знания в области своей будущей профессии, овладеть практическими умениями и навыками, чтобы после окончания вуза стать настоящими профессионалами, чтобы иметь стартовую площадку для продвижения по карьерной лестнице. Можно констатировать, что учеба, являющаяся для студентов ценностью, определяет их социальную и нравственную активность. Последняя, по данным опроса, проявляется также в их волонтерской деятельности: помощи людям старшего поколения, бездомным животным, больным. Этой деятельности привержены треть опрошенных студентов.

Итак, ценностные ориентации, реализуясь в нравственной активности, обеспечивают общую направленность личности, социально значимый выбор ею жизненных целей, способов регуляции поведения и деятельности.

Список использованной литературы

1. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – Ростов на Дону : Изд-во «Феникс», 1998. – 512 с.
2. Франкл, В. Психотерапия на практике / В. Франкл. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 84 с.

Т.А. Евсина
г. Новокузнецк, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В данной статье рассматривается неоднозначность взглядов на гражданское общество и гражданскую культуру в Российской Федерации. Обозначен ряд особенностей российской политической культуры.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданская культура, политическая культура, демократия, Российская федерация.

T.A. Evsina
Novokuznetsk, Russia

TO THE PROBLEM OF FORMATION OF CIVIL SOCIETY AND CIVIL CULTURE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: This article examines the ambiguity of views on civil society and civil culture in the Russian Federation. Several features of Russian political culture are identified.

Keywords: civil society, civil culture, political culture, democracy, Russian Federation.

Проблема формирования и развития гражданского общества в Российской Федерации сегодня по-прежнему актуальна. Это обусловлено, прежде всего, тем, что гражданское общество является основой правового государства.

Под гражданским обществом в современной науке понимается такое состояние общества, при котором человек является высшей ценностью, признаются, соблюдаются и защищаются его права и свободы, а государство способствует динамичному развитию экономики и политической свободы [2, с. 83].

Но так исторически сложилось, что Российскому государству издавна присуща традиция сильной власти. Поэтому становление гражданского общества в России происходило особым, отличным от Запада, путем, а именно «сверху»: государство воз-

ложило на себя обязательства по формированию и развитию гражданского общества. Данная традиция сильна и по сей день. На эту особенность в своих исследованиях указывает А.С. Петрова, отмечая, что эффективность развития гражданского общества в Российской Федерации непосредственно зависит от государственной политики, что в свою очередь стало причиной формирования в России особой модели демократии (а именно, умеренно-модернизационной) [7, с. 217–218].

При этом развитие современного гражданского общества не представляется без гражданской культуры. В современных российских исследованиях гражданская культура трактуется неоднозначно. Ряд ученых рассматривают гражданскую культуру как результат становления гражданского общества. Так О.В. Омеличкин подчеркивает сложность политической организации современного гражданского общества в России как социальной основы гражданской культуры [6, с. 77]. Другие считают, что именно гражданская культура обуславливает развитие гражданского общества, являясь (например, с точки зрения Л.Л. Денисовой) основным компонентом современного российского гражданского общества. Третьи рассматривают гражданскую культуру как социально-педагогический феномен. Г.Я Гревцева выделяет нравственный компонент гражданской культуры, который влияет на гражданское становление личности и гражданскую зрелость [3, с. 56].

Западные специалисты по гражданской культуре (Р. Даль, Р. Инглхарт, Р. Патнэм, С. Хантингтон и др.) отмечают, что формирование гражданской культуры связано обычно с переходным периодом и с политикой модернизации в стране, так как при «строительстве» демократического государства культура всегда играет важную роль. Состояние гражданской культуры обусловливает возможности и способы формирования демократической модели общественного развития и ее устойчивость. В этой связи определяющими чертами гражданской культуры, по мысли основателей концепции ее классической версии Г. Алмонда и С. Вербы, являются умеренность, компетентность, социальное доверие, баланс различных политических позиций и психологических ориентаций, а также набор различных типов политических культур в рамках общей смешанной культуры. Подобная дифференциация общественной жизни и выработка механизма достижения гражданского согласия особенно характерна для переходного общества, находящегося в состоянии глубокой политической трансформации. Достигаемое политическое равновесие, благодаря гражданской культуре, должно приобрести прочность и стабильность [1, с. 20].

Г. Алмонд и С. Верба отмечали, что гражданская культура – это «плюралистическая культура, основанная на коммуникации и убеждении, культура консенсуса и разнообразия, культура, которая допускала изменения, но умеряла их». С такой консолидированной культурой граждане «могли войти в политическую жизнь, а затем в процессе проб и ошибок находить язык, позволявший им излагать свои требования, и находить средства, позволявшие достичь их реализации. Именно в этой культуре разнообразия и консенсуальности, рационализма и традиционализма могла развиваться» сама демократия и ее структуры. таким образом, ученые пришли к выводу, что «гражданская культура представляет собой смешанную политическую культуру» [1, с. 22].

Л.Л. Денисова выделяет ряд противоречий, заложенных смешанным характером гражданской культуры. Это касается, прежде всего, отношений между элитой и рядовым гражданином. С одной стороны, гражданин должен быть активным и в то же время пассивным, включенным в процесс, но не слишком сильно, влиятельным и при этом одновременно почтительным к власти. Он, не являясь постоянным участником политического процесса, считает при этом, что может мобилизовать свое окружение в политических целях. С другой стороны, та самая элита должна верить в демократический миф – в то, что обычные граждане должны участвовать в политике, и в то, что они действительно обладают влиянием. Поэтому действовать элита должна таким образом, чтобы удерживать граждан от активности. Все вышесказанное указывает на противоречие между тем, во что люди верят, и тем, что они реально будут делать [4, с. 32].

Если с этих позиций посмотреть на гражданскую культуру в России, то здесь она имеет более сильные и устойчивые традиции, нежели западная, так как в России гражданская позиция человека оказалась весьма значимым компонентом его духовного мира, его индивидуальной культуры. Более того, именно она стала эпицентром гражданской культуры, ее субстанцией.

О.В. Омеличкин гражданскую культуру в России характеризует идейной разобщенностью и позиционной конфликтностью, политической пассивностью населения. Однако отмечает, что при всех

сложностях гражданского самовыражения в обществе существует общее стремление к социальному миру и политической целостности, к порядку и управляемости общественными процессами. Любые проявления радикализма отвергаются. Наблюдается определенная взвешенность политических позиций, стремление к диалогу, общественным дискуссиям, вырабатываются демократические процедуры разрешения политических разногласий и конфликтов. Значение этих показателей еще не велико, но они отражают направление общего движения к демократии, благополучию, безопасности и стабильности. Ученый считает, что в России уже сформированы гражданское общество и самобытная гражданская культура. Но при этом, если использовать классическую модель гражданской культуры и попытаться определить достигнутый уровень ее развития в современной России, то сейчас можно говорить только о ее начальном уровне, который характеризуется преобладанием «парохиально-подданнических» ориентаций в политике [6, с. 78]. В свою очередь, Л.Л. Денисова делает вывод, что политическую культуру современной России характеризует ряд особенностей: в массовом сознании – приоритет аффективной сферы над рациональной, катастрофизм как естественная реакция на кардинальную смену системы и общественные катаклизмы, правовой нигилизм; в политическом поведении граждан – отсутствие базового консенсуса, недостаточная толерантность, перманентная фрагментарность, чрезмерная разнородность. Современная политическая ситуация в России ориентирует на формирование «современного человека», человека, который может преодолеть ситуацию риска, нарисовать контуры человека будущего, описать условия его развития.

Таким образом, многообразие точек зрения на гражданское общество и гражданскую культуру, их зачастую дискуссионный характер по-прежнему оставляют открытыми сущность и содержание данных категорий. Возникает необходимость более детального исследования вопроса соотношения гражданского общества и гражданской культуры, в том числе, и с точки зрения регионального подхода.

Список использованной литературы

1. Алмонд, Г., Верба, С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба. – Москва : Мысль, 2014. – 499 с.
2. Висханова, П.Г. Особенности формирования гражданского общества в России / П.Г. Висханова // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 3. – С. 82–93.
3. Гревцева, Г.Я. Гражданственность и гражданская культура – результат становления гражданского общества / Г.Я. Гревцева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 18 (272). – С. 55–57.
4. Денисова, Л.Л. Гражданское общество и политическая культура современной России: теоретические подходы / Л.Л. Денисова // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2017. – № 2. – С. 30–34.
5. Золоева, З.Т., Овасапова, Д.А., Гассиева, С.Р. Проблемы формирования гражданского общества в России / З.Т. Золоева, Д.А. Овасапова, С.Р. Гассиева // Сборник статей V международной научно-исследовательского конкурса. – Пенза : Издательство МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 161–163.
6. Омеличкин, О.В. Гражданская культура России: проблема формирования / О.В. Омеличкин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2 (62). – Т. 2. – С. 76–80.
7. Петрова, А.С. Роль государства в формировании гражданской культуры современного российского общества / А.С. Петрова // Управленческое консультирование. – 2015. – № 6. – С. 216–220.

Н.А. Еньшина, Ю.Е. Морозова
г. Барнаул, Россия

СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ В КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-13-22008 «Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодежи».

Аннотация: В статье исследуется проблема сохранения и укрепления социального здоровья студентов. Представлен анализ результатов социологического исследования по социальному здоровью студентов. Раскрываются особенности организации досуга студентов в современном обществе. Выявляются противоречия в сфере досуга. Обосновывается взаимосвязь между типами проведения досуга и показателями социального здоровья студентов.

Ключевые слова: досуг, досуговая деятельность, культурно-досуговое пространство, социальное здоровье.

N.A. Enshina, Yu.E. Morozova
Barnaul, Russia

PRESERVATION AND PROMOTION OF SOCIAL HEALTH OF STUDENTS IN CULTURAL AND LEISURE SPACE

Abstract: The article concerns the problem of preserving and improving social health of students. The analysis of the results of sociological research on the social health of students is given. The peculiarities of the organization of students´ leisure in today's society are investigated. The contradictions in the field of leisure are revealed. The relationship between the types of activities and indicators of students´ social health are proved.

Keywords: leisure, leisure activities, cultural and leisure space, social health.

Знание структуры и содержания культурно-досугового пространства, учет интересов и предпочтений студентов в данной сфере может способствовать оптимизации процессов формирования социально здоровой личности молодого человека. Понимание социального здоровья студенческой молодежи, его характеристик важно соотносить со следующими блоками количественных и качественных показателей: адаптивность в социальной среде; социальная активность во всех сферах общественной жизни; социальная направленность и значимость деятельности; регулятивность поведения социальными нормами и общечеловеческими ценностями; креативность мышления и поведения; готовность к социальной интеграции и саморазвитию [2].

Примечательная особенность сложившейся в российском обществе ситуации состоит в существенном изменении содержания социокультурного пространства, в появлении иных образцов досуговой деятельности студентов и системы ее социальной регуляции. В этих условиях актуализируются проблемы, связанные с состоянием социального здоровья студенческой молодежи.

Данные социологического исследования, полученные в ходе реализации научного проекта, позволили проанализировать содержание и особенности культурно-досугового пространства студенческой молодежи, значительные и неоднозначные изменения в структуре досуговых ценностей и предпочтений молодых людей, которые важно учитывать специалистам по оптимизации работы в этой сфере.

С целью укрепления социального здоровья студентов можно выявить особенности оптимальной сформированности культурно-досугового пространства, используя показатели функциональности и организованности. Это обусловливается тем, что социальное здоровье можно понимать как динамическое состояние человека, способствующее социальной интеграции и полноценному выполне-

нию социальных функций [3]. Эта направленность социального здоровья в полной мере соотносится с системой социальных показателей и индикаторов социального здоровья студенческой молодежи [2].

Обобщая полученные данные социологического исследования, подчеркнем, что эмпирическая картина социального здоровья студенчества оказалась весьма противоречивой. Анализ результатов исследования выявил определенный спектр предпочтений студентами форм досуга в сфере культурно-досугового пространства:

- домашние досуговые формы;
- спортивные мероприятия и здоровый образ жизни;
- кружки и секции;
- хобби;
- любительские общественные объединения;
- занятия, направленные на рекреацию и отдых [4].

На основе показателя функциональности анализировались ответы студентов на вопрос «Как Вы обычно проводите свое свободное время?». Очевидно, что укреплению социального здоровья во многом способствует позитивно насыщенная активность молодежи в сфере досуга, деятельность высокого культурно-духовного порядка.

Вместе с тем, более 68% респондентов выбрали вариант «общаюсь в соцсетях», 49% – «гуляю с друзьями», 31% – «смотрю телевизор», 26% – «работаю, пытаюсь зарабатывать деньги», 13% – «хожу на дискотеки, в клубы», 3% – «не делаю ничего определенного».

Около 50% студентов указали, что в свободное время читают книги, журналы, газеты. Ваарианты «хожу в кино, театр, на концерты» выбрали 42% опрошенных студентов. Около 35% респондентов ответили, что предпочитают заниматься физкультурой и спортом.

Таким образом, ответы респондентов свидетельствуют о том, что выделенные группы студентов существенно различаются выбором способов укрепления социального здоровья. Значительной части студенческой молодежи сегодня близки нормы и ценности массовой культуры с ее элементарными ценностями гедонизма и потребительства. Примерно половина респондентов рассматривают свое культурно-досуговое пространство как сферу релаксации, отдыха и развлечений. Часть студентов проявляет низкую степень адаптивности в социальной среде, низкий уровень социальной активности и готовности к социальной интеграции.

Показатель организованности культурно-досугового пространства позволяет выявить потенциал формирования здорового образа жизни, укрепления социального здоровья студенческой молодежи. В связи с этим анализируем ответы студентов на вопрос «Кто организовывает Ваше свободное время?». Около 85% респондентов ответили, что организовывают свое свободное время самостоятельно, а 7% опрошенных указали, что их «свободное время никто не организовывает».

Очевидно, что досуг привлекает молодых людей своей свободой и добровольностью выбора его различных форм. Это во многом способствует появлению внеинституциональных форм досуговой деятельности студенческой молодежи.

Для периода становления молодых людей вполне естественны неопределенность социальных позиций, постоянный поиск новых форм идентичности. Ценностные ориентации выступают показателем социокультурной идентификации студенческой молодежи. В этой связи данные исследования позволили выделить в структуре ценностных ориентаций характеристики, затрудняющие устойчивое развитие социально здоровой личности. Это эклектичность, противоречивое сочетание элементов различных ценностей, замена традиционных ценностей на «новые» или перемещение некоторых традиционных ценностей на периферию ценностного сознания.

Традиционно молодые люди сохраняют в структуре досуга устоявшиеся типы его проведения: рекреационный, рационально- потребительский, культурно-деятельный [1].

Подчеркнем, что сохранение и укрепление социального здоровья студенческой молодежи во многом связано с доминированием культурно-деятельных форм проведения досуга, что помогает личности приобрести высокий уровень социальной адаптации, интеграции и творчески ориентированной активности. Очевидно, что выбор варианта досуговой деятельности, способствующей формированию качеств социально здоровой личности, зависит от многих факторов, актуализируются при этом управление, организация и оптимизация этого процесса.

Список использованной литературы

1. Еньшина, Н.А. Организация досуга как показатель социального здоровья студенческой молодежи / Н.А Еньшина // Формирование гражданской идентичности молодежи в условиях социально-экономических реалий Российского общества: материалы международной научно-практической конференции / под ред.: И.Ш. Мухаметзянова – Казань : ЧОУ ВО «Академия социального образования», 2017. – 340 с.
2. Кулиш, В.В., Матвеева, Н.А. Социальное измерение здоровья молодежи: проектирование показателей комплексного социологического исследования / В.В. Кулиш, Н.А. Матвеева // Современные исследования социальных проблем [Электронный ресурс]. – 2017. – Том 8. – № 6. – С. 89–102. – Режим доступа: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/10017/pdf, свободный
3. Лига, М.Б. Социальное здоровье студенческой молодежи: механизм формирования / М.Б. Лига, Е.В. Цикалюк // Гуманизация образования. – 2014. – № 5. – С. 46–51.
4. Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках : коллективная монография / под науч. ред. Н.А. Матвеевой. – Барнаул : АлтГПУ, 2018. – 192 с.

Э.И. Забнева
г. Новокузнецк, Россия

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В статье рассматривается роль государства в развитии гражданского общества, обосновываются отличительные от западной практики особенности его формирования, требующие сегодня консолидирующей роли государства.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, развитие, политический абсентеизм, этатизация.

E.I. Zabneva
Novokuznetsk, Russia

MODERN RUSSIA AND CIVIL SOCIETY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Abstract: The article examines the role of the state in the development of civil society, justifies the distinctive features of its formation from Western practice that require a consolidating role of the state today.

Keywords: civil society, state, development, political absenteeism, etatization.

Развитие гражданского общества в России, как необходимого условия построения демократического государства, является и одним из приоритетных направлений модернизации. Однако данный процесс в нашей стране достаточно специфичен и сложен в реализации. Сегодня он объективно нуждается в четких, концептуально обоснованных представлениях о его воплощении в реальную действительность.

Особые исторические, экономические, социальные, культурные и иные факторы, а также специфические внутренние и внешнеполитические условия нашей страны отчетливо демонстрируют невозможность копирования западного опыта построения гражданского общества на территории России.

Во-первых, все общественно-политические теории западноевропейских мыслителей («естественного права», «общественного договора», «общественного блага», «общей пользы») сталкивались с многовековой историей отечественной авторитарной власти, с традиционной российской государственностью с ее нормативной подчиненностью интересов личности интересам политического целого.

Во-вторых, особый отпечаток накладывают социокультурные особенности менталитета россиян,

«…для русских характерно совмещение и сочетание антиномических полярно противоположных начал. Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом института государственного могущества с институтом свободолюбия и правдолюбия народа». «Русский народ был народом государственным – это остается верным – и вместе с тем, это народ, из которого постоянно выходила вольница, вольное казачество, революционная интеллигенция, анархическая идеология, народ, искавший нездешнего царства правды» [1, с. 15]. Историческое отсутствие в нашей стране цивилизованных каналов преобразования «разрушительной вольницы» в «вольницу созидательную» не дало нам опыта построения эффективно функционирующих институтов гражданского общества [3, с. 31].

И, наконец, лишенность необходимого экономического основания. Становление гражданского общества в Европе происходило через коллективные структуры: города, цехи, гильдии, отсюда гражданское общество включало социальную действительность и структуры социума, существующие независимо от государства и неподвластные влиянию власти, а возникновение гражданского общества было обусловлено эволюционно-историческим развитием автономной, независимой от государства сферы. В нашей стране отсутствовали подобные предшественники гражданских институтов, в которых бы складывалось определенное корпоративное самосознание, перераставшее со временем в конкретные социально-экономические интересы и требования к государству [2, с. 41].

В этой связи, на наш взгляд, в основании развития гражданского общества в России должно лежать, прежде всего, восприятие гражданского общества как области социальных отношений вне государства, но при этом тесно взаимодействующей с ним. Именно государство сегодня создает те или иные условия ее развития и функционирования, а гражданское общество, в свою очередь, выполняет связующие функции частного и общественного интересов, посредничества между личностью и государством. Без признания того, что существующие в современном отечественном социуме конструкты гражданского общества не могут быть полностью независимыми от государства и неподвластны влиянию власти, невозможно сегодня его развитие. Горизонтальные связи гражданского общества пока лишь формируются, и государственные структуры являются единственным соединяющим его основанием. При этом абсолютно очевидно, что данная ситуация представляет собой лишь этап на пути развития взаимодействия государства и гражданского общества. Сознательные действия обеих сторон, направленные на развитие и укрепление гражданского общества, в дальнейшем должны привести к его более продуктивному функционированию и уменьшению патерналистского влияния.

Немаловажным основанием является преодоление колоссальной этатизации нашего общества, приведшей к фактической бессубъектности российского социума. Общество до сих пор фактически не сформировало конкретных, исполнимых государством требований и тем более не имеет собственных действенных, не опосредованных государством способов реализации своих целей. Причиной этому являются разрозненные групповые интересы, неизбежно существующие в российском обществе и не складывающиеся в единый национальный интерес [4]. Гражданское общество не может быть сегодня равным противовесом государства еще и по причине того, что процесс его формирования имеет свой естественный темп, который нельзя искусственно ускорить. Зрелый гражданин начинается с развитого самосознания, возникающего из индивидуальных начал личности. Современный политический абсентеизм, характеризующийся бездействием и уклонением от любого участия в политической жизни, вновь подтверждает тот факт, что только сильное государство могло стать инициатором и гарантом поступательности процесса формирования гражданского общества, создавая правовые, экономические, политические и культурные предпосылки для самореализации индивидов и групп, удовлетворения их повседневных потребностей и интересов.

Итак, консолидирующая роль государства в нашей стране в формировании гражданского общества сегодня абсолютно объяснима исторически обусловленной неразвитостью гражданских отношений, высоким уровнем правового нигилизма и низкой гражданской активностью населения. Как главному актору социального пространства, государству необходимо взять на себя ведущую роль в формировании условий для эффективного функционирования структур гражданского общества, площадок для совместного диалога. Но при этом оно должно приложить все усилия для поступательного развития социально-экономической, политической, правовой активности граждан, осознания ими своих прав и свобод, своей инди-

видуальности, умения защищать свои интересы. Таким образом, в современной действительности необходима эффективная стратегия генезиса гражданского общества, и она, на наш взгляд, заключается в последовательном свертывании государственных вертикальных структур при одновременном развитии социальных горизонтальных взаимосвязей.

Список использованной литературы

1. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – Париж : YMCA-PRESS, 1955. – 220 с.
2. Здравомыслова, О.М. Новый взгляд на общество? Изменяющиеся представления о власти, справедливости и солидарности / О.М. Здравомыслова // Полития. – 2003. – № 1. – С. 34–51.
3. Колесникова, Н.А., Рябова, Е.Л. Гражданское общество в современной России : монография / Н.А. Колесникова, Е.Л. Рябова. – Москва : Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. – 266 с.
4. Федоркин, Н. Гражданское общество в России: проблемы и трудности формирования / Н. Федоркин // Вестник Московского Университета. – 2005. – № 4. – С. 67–72.

Н.Г. Канзычакова
г. Абакан, Россия

ПРОБЛЕМА РОССИЙСКИХ МОНОГОРОДОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-49-190001 р_а «Социальные проблемы моногородов Хакасии: факторы, динамика, поиск решений».

Аннотация: Проблема моногородов в настоящее время является наиболее актуальной. В современных условиях экономического развития страны наше общество испытывает существенные трудности, которые оказывают значительные требования к самочувствию населения. Большинство исследований монопрофильных городов в основном исследуют социально-экономические, социально-демографические и экологические проблемы. Следует отметить, что недостаточно изучены проблемы психологического самочувствия населения моногородов. В рамках данной проблематики изучение самочувствия, психология горожанина, не просто в городских условиях, а моногорода вызывает особый интерес. Нами планируется провести исследование социальных проблем моногородов Республики Хакасия, определить основные факторы, динамику и пути решения для каждого монопрофильного образования республики.

Ключевые слова: моногорода, монопрофильные образования, психологическое самочувствие, социальное самочувствие, градообразующие предприятия.

N.G. Kanzychakova
Abakan, Russia

THE PROBLEM OF RUSSIAN SINGLE-INDUSTRY TOWNS AND THEIR INFLUENCE ON THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF THE POPULATION

Abstract: The problem of single-industry towns is currently the most relevant. In modern conditions of economic development of the country, our society is experiencing significant difficulties that have significant requirements for the well-being of the population. Most studies

of single-industry cities mainly consider socio-economic, socio-demographic, and environmental problems. It should be noted that the problems of psychological well-being of the population of single-industry towns have not been studied enough. Within the framework of this problem, the study of health, the psychology of a citizen, in urban conditions is not simple, but a single-industry town is of particular interest. We plan to conduct a study of social problems of single industry towns in the Republic of Khakasiya, identify the main factors, dynamics and solutions for each single-industry town of the Republic.

Keywords: single-industry town, single-industry entities, psychological well-being, social well-being, city forming enterprises.

Проблема моногородов в настоящее время является наиболее актуальной. В современных условиях экономического развития страны наше общество испытывает существенные трудности, которые оказывают значительное влияние на самочувствие населения. Большинство исследований монопрофильных городов в основном сосредоточены на изучении социально-экономических, социально-демографических и экологических проблем. Следует отметить, что недостаточно изучены проблемы психологического самочувствия населения моногородов.

Психологическое самочувствие характеризуется как параметр психологического комфорта внутреннего состояния индивида, а также его эмоционально-оценочного отношения к реальности. Психологическое самочувствие является сложным феноменом, в котором сконцентрированы чувства и настроение общества, а также процессы, происходящие в социально-экономической сфере, и особенности места жительства, которые влияют на психологическое, социальное самочувствие и качество жизни населения в целом [3, с. 46].

Моногород – это особый тип поселения, в котором имеется одно или несколько градообразующих предприятий, экономика города зависит от деятельности этого предприятия, и доля работающих на одном градообразующем предприятии составляет не менее 25% населения.

Моногород представляет собой сложную структуру, которая проявляется в тесной связи градообразующего предприятия с жизнью города в целом.

В настоящее время в Российской Федерации насчитывается более 300 моногородов [6], а в Республике Хакасия 6 монопрофильных образований: Абаза (Абаканский филиал ОАО «Евразруда»), Саяногорск (ОАО «Русал Саяногорский алюминиевый завод»), Сорск (ООО «Сорский горнообогатительный комбинат», ООО «Сорский ферромолибденовый завод»), Черногорск (ООО «СУЭК-Хакасия»), Вершина Теи (Тейский филиал ОАО «Евразруда») и Туим (ООО «Туимский завод по обработке цветных металлов»).

Все моногорода можно разделить условно на 3 категории:

- моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением (категория 1);
- моногорода, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения (категория 2);
- моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией (категория 3).

Моногорода 1-й категории представлены муниципальными образованиями, градообразующие предприятия которых перестали осуществлять деятельность, что привело к массовой безработице и оттоку трудоспособного населения. К моногородам 2-й категории относят поселения, в которых градообразующие предприятия значительно уменьшили объемы производства или находятся на грани банкротства или реструктуризации производства. Моногорода 3-й категории представлены муниципальными образованиями со стабильным социально-экономическим положением населения и устойчивыми перспективами функционирования градообразующего предприятия [5, с. 52].

Моногорода можно разделить по следующим критериям:

- наличие в монопрофильном образовании одного или нескольких градообразующих предприятий;
- моногород представляет собой сложную структуру, в которой город и градообразующее предприятие являются неразрывными;
- доходная часть бюджета зависит от деятельности одного или нескольких градообразующих предприятий;
- наличие низкой диверсификации сфер занятости населения города;
- удаленность города от крупных назеленных пунктов, вызывающая снижение возможностей мобильности населения;

• неразвитость или отсутствие городской инфраструктуры [2, с. 79].

Сильная зависимость жителей моногородов от состояния экономики, тесно связанной с деятельностью градообразующих предприятий, приводит к проблемам социального самочувствия населения в моногороде [1, с. 319].

Существуют два основных показателя, которые влияют на самочувствие: внешний и внутренний. Внешние показатели – это социально-экономические, климатические и экологические условия. Внутренние – это индивидуальные характеристики индивида, например, такие, как социальный статус, место жительства, возрастные и гендерные характеристики и т.д. [4, с. 5].

Несомненно, на рост социального напряжения в монопрофильных образованиях Республики Хакасия и в целом в российских моногородах влияет:

• отсутствие средств у муниципальных властей для обслуживания предприятий;

• изношенность коммунальной сферы;

• неблагоприятная экологическая обстановка;

• демографические проблемы (миграция трудоспособного населения);

• безработица;

• ухудшение качества жизни;

• низкий уровень развития здравоохранения;

• удаленность моногорода от основных экономических центров;

• недостаточный уровень развития социально-культурной сферы.

На наш взгляд, сосредоточение городов и поселений монофункциональной направленности в регионе представляет особый интерес для исследования самочувствия населения. Психологическое самочувствие – это психологическое состояние индивида, внутренние ощущения им себя и окружающей действительности. Психологическое самочувствие формируется под воздействием личностных качеств и свойств индивида, макро- и микросреды. Проявляется психологическое самочувствие через представления человека об удовлетворенности / неудовлетворенности жизнью, ощущение счастья несчастья и т.д. [7, с. 72–73].

Нами планируется проведение исследования социальных проблем моногородов Республики Хакасия, определение основных факторов, динамики и путей решения для каждого монопрофильного образования республики. В рамках исследования будут опрошены в качестве экспертов государственные и муниципальные служащие, ученые и представители градообразующих предприятий, будет проведено анкетирование, а также тестирование, направленное на изучение самочувствие и выявление уровня удовлетворенностью жизни населения моногородов. Моногорода являются наиболее слабой категорией поселений, которые постоянно находятся в зоне риска односторонне развитой экономической базы. И это особенно остро проявляется в период кризиса в стране.

Специфика исследования, прежде всего, связана с учетом особенностей моногородов, которые в основном находятся в удаленности от крупных городов, зависят от градообразующего предприятия и характеризуются резким снижением качества жизни населения.

Основными проблемами российских моногородов являются экономические и социальные проблемы, которые, в свою очередь, оказывают существенное влияние на самочувствие населения.

Таким образом, проблема моногородов очень актуальна, в настоящее время развитие моногородов играет огромную роль и становится областью изучения специалистов. В целом реализация проекта будет способствовать углублению междисциплинарных взаимодействий и поиску возможных путей решений данной проблемы.

Список использованной литературы

1. Игнатьев, М.Н. Социальное самочувствие населения моногородов в Кемеровской области: результаты эмпирических исследований / М.Н. Игнатьев // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – С. 319–323.
2. Кашкина, Л.В. Социальное самочувствие населения в моногороде Арктической зоны Российской Федерации в условиях модернизации современного общества: дис. …канд.соц.наук : 22.00.04 / Л.В. Кашкина. – Архангельск, 2017. – 240 с.
3. Кашкина, Л.В. Психологическое самочувствие населения монопрофильного города Европейского севера / Л.В. Кашкина // Экология человека. – 2013. – № 2. – С. 46–51.
4. Кашкина, Л.В. Социальное самочувствие населения монопрофильного города / Л.В. Кашкина // Арктика и Север. – 2012. – № 8. – С. 43.

5. Пыжева, Ю.И., Зандер, Е.В. Социально-экономическое разнообразие моногородов Сибири и Дальнего Востока: статистический анализ / Ю.И. Пыжева, Е.В. Зандер // Проблемы развития территории. – 2019. – № 3 (101). – С. 49–61.
6. Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 года №1398-р «Об утверждении перечня моногородов» (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 18 марта 2019 года № 453-р).
7. Холондович, Е.Н. Психологическое самочувствие человека как психологическая проблема / Е.Н. Холондович // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. –2018. – Том 3. – №4 (12). – С. 61–81.

Д.В. Каширский
г. Москва, Россия

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация: В статье раскрывается одно из базовых положений культурно-исторической теории Л.С. Выготского, важное для построения школьного обучения, применительно, в частности, к процессу обучения математике. Данное положение заключается в том, что главной задачей обучения является развитие личности учащихся. Сказанное означает, что учить детей нужно не столько математике (что, в принципе, конечно, верно), сколько развивать и воспитывать их с помощью математики. Таким образом, математика в соответствии с изложенными в статье представлениями рассматривается в качестве культурного средства развития личности учащихся. При этом главным источником обучения является общение субъектов образовательного процесса – лучшее лекарство от такой болезни современного общества как отчуждение людей друг от друга.

Ключевые слова: культурно-историческая теория Л.С. Выготского, обучение математике в школе, личность, развитие, воспитание, цифровизация, отчужденное образование.

D.V. Kashirsky
Moscow, Russia

DEVELOPMENT OF PERSONALITY OF STUDENTS IN THE PROCESS OF TEACHING MATHEMATICS: CULTURAL AND HISTORICAL APPROACH

Abstract: The article reveals one of the basic provisions of the cultural-historical theory of L.S. Vygotsky, important for building school education, as applied to the process of teaching mathematics. This provision is that the main task of training is to develop the personality of students. The aforesaid means that it is necessary to teach children not so much mathematics (which, in principle, of course, is true), but how to develop and educate students using mathematics. Thus, in accordance with the ideas presented in the article, mathematics is considered as a cultural means of developing the personality of students. Moreover, the main source of training is the communication of the subjects of the educational process, which is the best cure for such a disease of modern society as the alienation of people from each other.

Keywords: cultural-historical theory L.S. Vygotsky, teaching mathematics at school, personality, development, education, digitalization, alienated education.

Любая научная теория создается для ответа на поставленный ученым исследовательский вопрос, для объяснения сущности изучаемого им явления. Для Л.С. Выготского таким вопросом был, пожалуй, следующий: как происходит становление человека? Как совершается культурное развитие его личности? Ведь, как известно, человеком мало родиться, человеком нужно еще стать... Однако в научной психологии того времени не было твердо установленных фактов, закономерностей и механизмов, которые бы раскрывали процесс становления и развития человеческого в человеке. В этой связи Л.С. Выготский отмечал, что в современной ему науке «до сих пор остается закрытой центральная и высшая проблема всей психологии – проблема личности и ее развития» [1, с. 41], а история развития высших (собственно человеческих) психических функций «представляет совершенно неисследованную область психологии» [1, с. 6].

Культурно-исторический подход в психологии, разрабатываемый Л.С. Выготским в 20–30 гг. XX века, традиционно рассматривался как основание для проектирования различных образовательных сред. При этом очевидно, что педагогическая практика, выстроенная в логике данного подхода, должна быть соотнесена с теорией образования (становления и развития) личности, разрабатываемой Л.С. Выготским и его школой.

По мнению Л.С. Выготского, центральной и высшей проблемой всей психологии является проблема личности и ее развития. Так, вводя в психологический обиход представление о строении высшей (культурной, свободной, свойственной человеку) психической функции, Л.С. Выготский подчеркивал, что данный шаг как раз и приводит к тому, что «психология гуманизируется» [1, с. 84]. Ставя своей задачей исследовать процесс культурного развития индивида, генезиса высших психических функций, Л.С. Выготский фактически ставит перед собой задачу изучения становления и развития личности человека. Таким образом, в школе Л.С. Выготского фактически признается положение о том, что научная психология не столько наука о психике (хотя предметом психологии является именно психика), сколько наука о человеке, субъекте, личности с психикой (сознанием). Л.С. Выготский отмечает, что натуральные психические функции (общие у человека и животных) реализуются по схеме S-R, функционируя «без полного участия целостной личности», что можно наблюдать «главным образом на ранних стадиях развития людей, у детей, и животных», «когда личность не закончена, не вполне развита или парализована чрезмерно сильным раздражением» [1, с. 84], в то время как «высшие психические функции характеризуются особым отношением к личности. Они представляют активную форму в ее проявлениях» [1, с. 84], то есть в их возникновении и функционировании «интенсивно и сознательно участвует вся личность» [1, с. 84]. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что вся человеческая психика (или сознание человека), должна рассматриваться в связи с процессом культурного развития личности, динамикой ВПФ, и вне личности как целостности понята быть не может. В более общем методологическом контексте данное положение можно выразить следующим образом: невозможно понять часть, не имея (хотя бы какого-то, пусть даже весьма общего) представления о том целом, в которое эта часть «входит». Так, в работах Л.С. Выготского можно встретить ссылку на известное высказывание К. Маркса: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны».

Подчеркнем еще раз: психику человека, его сознание, возникновение и функционирование ВПФ или, что по Л.С. Выготскому, то же самое, высших форм поведения, невозможно научно осмыслить без обращения к ее носителю и распорядителю, то есть личности.

Сказанное позволяет провести прямые аналогии с педагогикой, то есть произвести проекции в эту сферу практики. При этом первая и главная из них заключается в том, что любое подлинное знание всегда личностно. Перенося сказанное далее, в область теории обучения математике, можно отметить, что весь инструментарий дидактики должен быть направлен не столько на передачу знаний учащимся (хотя, опять же, если подходить «школярски», цель дидактики в этом и заключается), сколько быть сфокусированным на работе (взаимодействии) с самим учащимся, то есть быть направленным на развитие его личности. По сути говоря, речь, скорее, должна идти не об обучении математике, а о развитии учащихся с помощью математики. И способствовать этому должен учитель.

На уровне методики обучения математике «водораздел» между «безличным» (назовем его так) и «личностным» подходами проходит в выборе педагогом между двумя мировоззренческими позициями (или ценностными установками), представленными ниже, в пользу второй из них:

«Первая ценностная установка»: «Что делать с учащимся, чтобы он усвоил данное содержание образования?» (Может, ему растянуть уши как в известном мультфильме про удава, слоненка и обезьянку, чтобы ему лучше воспринимался учебный материал?).

«Вторая ценностная установка»: «Что делать с содержанием образования, чтобы данный конкретный ученик с его возможностями и способностями, темпераментом и характером, направленностью, развитием эмоциональной, когнитивной и волевой сфер личности и т.д., смог построить собственную картину мира?».

Таким образом, положение о развитии личности учащихся в процессе обучения математике означает следующее: «Учить не столько математике, сколько развивать и воспитывать математикой». Весьма показательно сказанное выразил один русский физик П.Н. Лебедев, который сказал: «мой книжный шкаф знает гораздо больше меня, однако физик не он, а я» [2].

Базовое положение культурно-исторической теории Л.С. Выготского, ставящее в центр всего учебно-воспитательного процесса личность учащегося, свидетельствует о необходимости общения между всеми участниками образовательного процесса как необходимой предпосылки (источника) подлинного обучения, а значит и развития личности и сознания учащихся. Сказанное особенно актуально для современного российского общества, переживающего кризис сложившейся за последние годы образовательной практики (не только в школе, но и в вузе), ставшей таковой в силу повальной цифровизации, потери смыслообразования у учителей и учащихся, росту отчужденности субъектов образовательного процесса друг от друга и, как следствие, – от учебного материала. Современная школа (в том числе и высшая) все .больше дистанцируется от подлинного обучения и в полной мере уже его не реализует, заменяя процесс обучения тренировкой когнитивных функций (чаще других – памяти) и упражнением навыков.

Список использованной литературы

1. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3. Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. – Москва : Педагогика, 1983. – 368 с.
2. Каширский, Д.В. Культурно-исторический подход к обучению математике в школе / Д.В. Каширский // Психология личности: культурно-исторический подход : Материалы XX Международных чтений памяти Л.С. Выготского. – Москва, 18–20 ноября 2019 г. / под ред. Г.Г. Кравцова: в 2 т. – Т.1. – Москва : Левъ, 2019. – С. 187–196.

Л.С. Колмогорова
г. Барнаул, Россия

КУЛЬТУРА И КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ЦЕЛЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассматривается соотношение понятий «компетентность» и «культура личности» в контексте модернизации современного отечественного образования. Анализируются ограничения инноваций, ориентированных на компетентностный подход.

Ключевые слова: компетентность, культура личности, психологическая культура.

L.S. Kolmogorova
Barnaul, Russia

CULTURE AND COMPETENCE AS TARGET GUIDELINES FOR EDUCATION

Abstract: The article considers the relationship between the concepts of "competence" and "culture of the personality" in the context of modernizing modern domestic education. The limitations of competency-driven innovation are analyzed.

Keywords: competence, culture of the personality, psychological culture.

В настоящее время интенсивно внедряется компетентностный подход на всех ступенях образования, однако в традициях отечественного образования XX века была заложена целевая ориентация образования на общую культуру подрастающего поколения и профессиональную культуру будущих специалистов. Чтобы понять сущность преобразований последних десятилетий, отвечающих веяниям Запада, необходимо рассмотреть, по крайней мере, две кардинально различающихся методологии образования: компетентностную и культурно-историческую. Важно понять, что мы приобретаем и что теряем при таких нововведениях. Отметим, что в XX веке в течение многих десятилетий отечественная методология образования строилась на двух основных подходах: деятельностном и культурно-историческом. Соответственно такие категории как «культура», «деятельность» стали основными в психолого-педагогических науках и образовании. В рамках данной статьи кратко рассмотрим соотношение понятий «компетентность» и «культура личности», раскроем наше представление о целевых ориентирах образования на современном этапе.

Компетентностный подход получил своё развитие в образовании Европы и США с 60-х годов XX века, начина, в основном, со среднего профессионального образования в связи с тем, что в этой сфере более востребованы конкретные практические знания и умения. При этом фундаментальные, теоретические знания оставались за пределами такого образования. Изучались различные аспекты компетентности (академическая, перцептивная, эмоциональная, коммуникативная, социальная и др.). Термин «компетенция» означал (от лат. competere – добиваться, соответствовать, подходить): а) круг полномочий какого-либо органа или должностного лица; б) круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом. В свою очередь, термин «компетентность» характеризовался как: а) обладание компетенцией; б) обладание знаниями, позволяющими судить о чем-либо. При этом компетентный (от лат. competens) человек понимался как соответствующий, способный.

В педагогике и психологии рассматриваются как общая характеристика компетентности, так и отдельные её аспекты. Так, в работах психологов представлено разнообразие подходов и теорий, с позиций которых исследуются отдельные стороны психологической компетентности: компетентность в общении (Л.А. Петровская, Ю.Н. Емельянов, Т. Гордон и др.), интеллектуальная компетентность (М.А. Холодная и др.), социально-психологическая компетентность (Р. Ульрих и др.) и т. д.

Можно в целом согласиться с М.А. Холодной, которая в своей работе утверждает, что компетентность – это особый тип организации предметно-специфических знаний, позволяющий принимать эффективные решения в соответствующей области деятельности [4]. Ключевым в данном определении является указание на эффективность в решении задач и проблем. С этим нельзя не согласиться. Однако, наряду со знаниями, очевидно, в структуру компетентности входят и другие характеристики.

Более сложный анализ (на примере коммуникативной компетентности) дан в работах Ю.Н. Емельянова. В её структуру он включает:

1) общие способности (обучаемость);

2) коммуникативные знания, умения, навыки (свободное владение вербальными и невербальными средствами социального поведения; организация индивидом межличностного пространства на своей территории, согласно социальным нормам);

3) личностные переменные: Я-концепция (ее самотождественность, самоподкрепление, стабилизация, самоотношение, образ тела); пластичная/ригидная установка (отношение, самоотношение); экстернальность-интернальность; модус «бытия», а не «обладания» [1].

Мы не будем проводить детальный анализ многочисленных психологических подходов в понимании компетентности, который уже сделан в ряде работ. Отметим, что это понятие не сводимо к другим близким понятиям. Так, например, в сфере профессиональной подготовки такими близкими по значению являются «культура специалиста» (В.М. Алахвердов, Н.В. Беляк, И.Ф. Исаев и др.), «профессиональное мастерство» (Н.К. Бакланова), «готовность к деятельности» (М.И. Дьяченко, А.А. Кандыбович и др.) и т.д.

Анализ различных подходов к определению понятия «компетентность» в педагогике и психологии позволил выделить его основные характеристики:

- обладание специфическими, с точки зрения выполняемой деятельности, способностями, включающими в себя личностные черты, особенности психических процессов и характеристики поведения, значимые для данной деятельности, соответствующие характеру выполняемой деятельности;
- готовность к решению стоящих перед человеком задач;

• способность получать высокие результаты в определенной деятельности;

• включение не только знаний, но и практических умений, такая их организация, которая обеспечивает эффективное выполнение поставленной задачи;

• различие компетентностей в процессе обучения, жизненной практике, профессиональной деятельности;

• многокомпонентный состав компетентности, обусловливающий успешность в той или иной деятельности.

Такие характеристики вызывают затруднения при измерении образовательных результатов, поскольку непонятно, как измерить «способность…», которая, как известно, не сводится к имеющимся знаниям и умениям, как определить «готовность», каковы критерии эффективности выполнения деятельности в каждом конкретном случае. В результате образовательная практика уже привела к формализму в оценке образовательных результатов с точки зрения компетентностного подхода. Достаточно рассмотреть конкретную образовательную программу, например высшего педагогического образования, и сравнить прописанные в ней компетенции с контрольно-измерительными материалами. Сама по себе работа по обоснованию перечня и содержания компетенций, их координация и включение в определенные учебные дисциплины – огромный труд, требующий сотрудничества ученых и высокого уровня квалификации специалистов-практиков. На практике всё гораздо «проще»: даже высококвалифицированные преподаватели в условиях перегруженности и дефицита времени, а некоторые из-за недостаточно высокой квалификации, зачастую выполняют эту работу довольно формально. Во-первых, потому, что происходит необоснованно быстрая смена образовательных стандартов и, соответственно, содержания образования («сегодня и делаю эту работу, а завтра всё изменится…»). Во-вторых, постоянное «экспериментирование» чиновников с содержанием образования и недостаточная апробация образовательных стандартов перед массовым внедрением ставит под вопрос тщательность их разработки и обоснованность предлагаемых вузам материалов. Всё напоминает лихорадочную гонку под красивой вывеской модернизации образования. Такова практика внедрения в систему образования компетентностного подхода. На наш взгляд, в таком варианте его реализации он не повысил ни качества образования, ни качества работы преподавателей.

Ещё одна не менее важная проблема заключается в том, что компетентностый подход редуцирует цели и задачи, а также содержание образования в сравнении с теми, которые были традиционными, выработанными в течение десятилетий и ставшими несомненным достоянием отечественной науки и образования. Это становится очевидным, если сравнить компетентностный подход с культурно-историческим. Культурно-историческая психология преобразовала отечественную психологию и педагогику в XX веке.

Обращение к культуре в науке и системе образования насчитывает многовековую традицию. Впервые термин «культура» встречается в работе М.Т. Цицерона «Тискуланские беседы» (45 г. до н. э.), где он трактуется как «возделывать», «обрабатывать». Цицерон использовал его в переносном смысле применительно к воздействию на человеческий ум, психику. Исходная трактовка термина «культура» («пайдейя»), принятая еще в Древней Греции, включала в себя как образованность (обученность и воспитанность), так и основные параметры развития личности, т.е. все то, что человек выработал в себе, приобрёл в своей жизни в обществе и под влиянием общества, при участии других людей, осваивая общественно-исторический опыт.

В научный оборот термин был введен в эпоху Просвещения, когда он приобрел самостоятельное научное значение. Рассмотрение различных аспектов культуры мы находим, прежде всего, в сочинениях мыслителей эпохи немецкой классической философии И.Г. Гердера, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля.

В русском языке понятие «культура» получило распространение с 80-х годов XIX века и впервые представлено в Карманном словаре иностранных слов, изданном в 1845 году Н. Кирилловым. Согласно В. Далю, культура – это обработка и уход, возделывание, возделка; образование, умственное и нравственное.

Известно, что понятие «культура» является многомерным и многозначным. В одной из своих работ западные исследователи культуры А. Кребер и К. Клакхон указывали более двухсот её определений. Культура рассматривается в различных «измерениях»: культура общества, культура отдельных групп, культура личности. В XX веке в отечественной науке определилось несколько подходов к трактовке понятия «культура»: аксиологический, процессуально-деятельностный, культуротворче-

ский, системный. В образовании идеи культурно-исторической психологии и ориентация общего среднего и высшего образования на формирование общей и профессиональной культуры личности активно продвигались ведущими учеными с 70-х годов (А.Г. Асмолов, О.С. Газман, И.В. Дубровина, В.П. Зинченко, И.Ф. Исаев, В.А. Сластенин и др.).

Однако несмотря на достижения в этом направлении, в настоящее время культура не стала целевым ориентиром современного образования (как общего, так и профессионального). Нарушилась преемственность в присвоении культуры как в стихийной социализации (родители, социальное окружение не уделяли и не уделяют должного внимания передаче культурного опыта), так и в системе образования (отсутствуют соответствующие нормативные документы и учебные предметы, загруженность учителя текущими проблемами, ориентация на формирование компетенций и подготовку к ЕГЭ и т.д.).

Мы считаем, что культура личности – более широкое понятие и включает в себя компетентность. В целом в структуре культуры личности мы выделяем следующие компоненты [1]:

- когнитивный (грамотность),
- компетентностно-деятельностный (компетентность),
- ценностно-смысловой,
- рефлексивно-оценочный,
- культуротворческий.

Компетентность может быть охарактеризована через эффективность, конструктивность деятельности (внешней и внутренней) на основе грамотности, то есть означает эффективное применение знаний, умений для решения стоящих перед человеком задач, проблем. Психологическая компетентность предполагает адекватное использование собственного прошлого опыта, опыта других людей и общественно-исторического. Она предполагает соединение обобщённых и абстрактных психологических знаний с знаниями о себе, конкретном человеке, конкретной ситуации. Грамотный человек знает о чём-то абстрактно, а компетентный может на основе знания эффективно решать какую-либо задачу, проблему. В то же время компетентность означает отказ от прямого копирования чужого опыта, норм, традиций, образцов, свободу от стереотипов, чьих-то указаний, предписаний, установок. Компетентность связана и может включать определенные характеристики личности, необходимые для эффективного выполнения деятельности.

Основанием выделения компонентов является специфика содержания и функций каждого из них. При относительной самостоятельности между отдельными компонентами существуют связи, отражающие генезис культуры, представленность процесса и результата культуроосвоения. При исключении какого-либо компонента отсутствует полнота характеристики культуры человека, так как в них представлены все основные составляющие, элементы культуры. Отражая генезис культуры личности в школьном возрасте, они наиболее соответствуют задаче организации процесса по целенаправленному освоению культуры в образовательной системе. Выделенные нами компоненты могут быть отнесены к любому аспекту общей культуры личности (экологической, информационной, исторической, филологической, математической и т.д.).

Наше исследование [2] проводилось по выявлению возможностей становления психологической культуры школьников в условиях современного общего среднего образования. Современная ситуация в России такова, что реальный уровень психологической культуры населения различных возрастных и социальных групп в целом низок [3]. Одним из действенных путей изменения данной ситуации, на наш взгляд, является введение элементов психологической культуры в среду образовательного учреждения через деятельность службы практической психологии и преподавания психологии в школе как практикоориентированного учебного предмета. Именно ориентация на повышение психологической культуры, а не психологической компетентности должно стать ориентиром как психологического образования, так и деятельности службы практической психологии в образовательной организации.

Таким образом, существует противоречие между ориентацией современного образования на компетентностный подход, что, очевидно, редуцирует как цели образования, так и образовательный результат с традиционной для Российского образования второй половины XX века ориентацией на развитие личности, общую культуру подрастающего поколения. Вместо нацеленности на общую культуру личности перед современным педагогом ставится задача формирования компетенций, которые являются только отдельными компонентами культуры, но не исчерпывают её в целом.

Список использованной литературы

1. Емельянов, Ю.И. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности / Ю.И. Емельянов. – Москва : Просвещение, 1995. – 183 с.
2. Колмогорова, Л.С. Становление психологической культуры учащихся в условиях образования : монография / Л.С. Колмогорова. – Барнаул : АлтГПА, 2013. – 238 с.
3. Фельдштейн, Д.И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития / Д.И. Фельдштейн // Вестник практической психологии образования. – 2010. – № 2 (23). – С. 12–18.
4. Холодная, М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования / М.А. Холодная. – Москва : Барс ; Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. – 392 с.

В.В. Кулиш
г. Барнаул, Россия

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЁЖИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-13-22008 «Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодежи».

Аннотация: В статье на основе анализа результатов социологических исследований выделены особенности проявления исторической памяти молодежи как важной составляющей их социального здоровья и фактора формирования социальной безопасности региона. Выявлена степень готовности молодёжи участвовать в общественно-политической, экономической и социально-культурной жизни страны и своего региона. Доказывается необходимость сохранения исторической памяти молодёжи для обеспечения устойчивого развития региона.

Ключевые слова: историческая память, молодёжь, социальная безопасность, устойчивое развитие, регион.

V.V. Kulish
Barnaul, Russia

HISTORICAL MEMORY OF YOUTH AS A FACTOR OF FORMATION OF SOCIAL SECURITY OF POPULATION IN THE REGION

Abstract: In this article, based on the analysis of the results of a sociological study, features of historical memory of young people are presented as an important component of their social health and the formation of social security in the region. The level of readiness of young people to participate in socio- political activities, economic and socio-cultural life of the country and its region were identified. The article proves a necessity of maintaining of young people's historical memory in order to provide the sustainable development of the region.

Keywords: historical memory, young people, social security, sustainable development, region

Устойчивое и стабильное развитие российского государства, превратившееся сегодня в одну из главных его задач, напрямую зависит от состояния социальной безопасности населения во всех регионах. Сегодня становится всё более очевидным тот факт, что национальная безопас-

ность, благоприятное развитие России и молодых поколений россиян во многом определяется состоянием их социального здоровья, тенденциями эффективного инновационного развития, кумулятивным повышением социального капитала (доверия, солидарности, справедливости и др.) [1]. Механизм обеспечения социальной безопасности определён, в первую очередь, нормативной системой, однако для оценки эффективности мер по обеспечению должной безопасности важно рассматривать социальную безопасность и в системе ценностных установок общества. В этом случае социальная безопасность – это явление социокультурного плана [5]. На обеспечение социальной безопасности региона оказывают влияние разные культурные универсалии, например, такие как язык, образование, наука, национальный характер и т.д. Среди культурных универсалий определяющим процесс обеспечения социальной безопасности, на наш взгляд, является историческая память молодежи. Потенциал молодёжи и возможности его эффективного использования являются определяющим ресурсом дальнейшего социального развития региона, и, в то же время, социально-экономическое положение и особенности социокультурного развития региона проецируются на физическое состояние, психологическое самочувствие, социальное положение молодежи [3].

Рассматривая историческую память как показатель социального здоровья молодежи и фактор формирования социальной безопасности региона, нельзя не выделить её важную сущностную характеристику, заключающуюся в особом, специфическом социальном механизме запечатления, хранения, воспроизводства социокультурной информации, который представлен в виде системы передаваемых из поколения в поколение традиций, обычаев, обрядов, знаний, ценностей, стереотипов поведения, норм, символов. Историческая память носит также полиструктурный, многоуровневый и полифункциональный характер [2].

О важных проявлениях исторической памяти молодежи как ключевой составляющей социального здоровья и фактора формирования социальной безопасности можно судить по эмпирическим показателям, полученным в результате региональных социологических исследований, проводимых сотрудниками УНИЛ «Социология народного образования» Алтайского государственного педагогического университета (АлтГПУ)[1].

Во-первых, большинство молодых людей интересуются историей своей страны. Особый интерес они проявляют к военной истории и великим людям российской истории. В исторической памяти современной молодежи воспроизводятся события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., являющиеся сегодня «ядром» исторической памяти всего российского народа и мощным консолидирующим фактором. Но, в то же время, на фоне проявляющегося интереса молодежи к истории своей страны наблюдается ослабление знаниевой составляющей исторической памяти. Молодые люди слабо владеют знаниями о Великой отечественной войне 1941–1945 гг., но при этом активно оценивают ее события и итоги.

Во-вторых, большая часть молодежи, принимавшей участие в исследовании, считает себя патриотом своей страны, причем с возрастом у них наблюдается рост патриотической самоидетификации. В то же время изменилось ценностное содержание патриотизма в исторической памяти молодежи. В памяти молодежи закрепляется понимание патриотизма, которое не связано с непосредственным проживанием в своей стране. В представлении современной молодежи, чтобы быть патриотом своей страны, не обязательно проживать в ней. Следовательно, можно уверенно говорить о трансформации ценностного содержания патриотизма в дихотомии исторической памяти «современная молодежь и молодежь советской эпохи». Эмоционально-интеллектуальный компонент патриотизма в исторической памяти современной молодежи преобладает над операционально-деятельностным. «Знание истории своей страны, края, народа и интерес к ней», «любовь и уважение к своему

[1] Март-апрель 2013 года социологическое исследование с целью выявления набора доминирующих источников информации, оказывающих влияние на процесс формирования исторической памяти выпускников школ (анкетный опрос проводился в школах 4 городов и 6 муниципальных образований Алтайского края, N=655).
Декабрь 2014 года социологическое исследование с целью изучения источников информирования студентов вузов Алтайского края об историческом прошлом своей страны и выявления особенностей исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941-45гг. (анкетный опрос проводился в 6 вузах Алтайского края. N=687).
Март-апрель 2017 года социологическое исследование социального здоровья в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодежи. N=606 (выпускники школ Алтайского края), N=300 (студенты вузов г. Барнаула).

языку, культуре», «чувство привязанности к «малой Родине» – важные составляющие, и в то же время, показатели истинного (по мнению респондентов) патриотизма, закрепляющиеся в памяти выпускников школ и студентов вузов.

В-третьих, одним из составляющих элементов гражданственности является сопричастность каждого гражданина к тем событиям и проблемам, которые происходят в его стране. Как показали результаты социологического исследования, большая часть молодежи следит за новостями и событиями в России. Так, «ежедневно» следят за новостями 20% выпускников школ и 22% студентов вузов, «несколько раз в неделю» – 34% выпускника школ и 34% студентов вузов, «раз в неделю» – 16% выпускников школ и 17% студентов вузов, «раз в две недели» – 9% выпускников школ и 8% студентов вузов.

Однако ответы выпускников школ и студентов вузов на вопрос: «Что Вас тревожит, волнует в настоящее время больше всего?», позволили сделать вывод о том, что общегражданские проблемы, отношение к которым во многом характеризует личность как гражданина, меньше всего беспокоят молодежь.

В числе самых тревожных проблем респонденты выделили личные проблемы, такие, как «учеба», «получение работы в будущем», «волнует, как сложится моя судьба», «здоровье», «отношения в семье», «деньги, как стать богатым». Последние места в иерархии предпочтений заняли социетальные проблемы: «терроризм», «судьба страны, моего народа», «этнические конфликты в стране и мире», «имущественное неравенство». С одной стороны, такая структура ответов соответствует нормальному распределению границ значимости – личные проблемы всегда больше волнуют человека. С другой, следует отметить достаточно значительную дистанцированность личных проблем от общегражданских, что позволяет говорить о том, что подобная степень репрезентации данного вида проблем негативно проявляется в качественных характеристиках, определяющих уровень гражданственности. У такой репрезентации имеются объективные причины. Во-первых, в современном обществе сохраняется тенденция к усилению индивидуализации общества и ослаблению коллективных начал. Во-вторых, доминирование личных проблем объясняется низким уровнем жизни населения Алтайского края по сравнению с другими регионами России.

По ответам на вопрос: «Состоите ли Вы в каких-либо общественных, политических организациях или движениях?» можно в определенной степени судить об уровне гражданской активности современной молодежи. Так, 70% выпускников школ и 70% студентов вузов не состояли и не планируют состоять в общественных, политических организациях или движениях. В настоящее время только 5% выпускников школ и 7% студентов вузов состоят в таких организациях. Эти ответы подчеркивают низкую степень гражданской активности молодежи. Косвенно можно даже судить о слабой политической активности современного молодого поколения.

В-четвертых, несмотря на низкий уровень гражданской активности молодежи, в ее исторической памяти всё же закрепляются знания и оценки о тех проблемах, которые необходимо решать на той территории, где они проживают. Ситуация неразрешенности одной или нескольких проблем региона может вызвать риск появления социальных угроз, что несомненно скажется на эффективности формирования социальной безопасности населения [4]. Как показали результаты социологического исследования, самыми значимыми проблемами по мнению респондентов стали следующие: «повысить зарплату занятому населению» (71% выпускники школ, 74% студенты), «расширить возможности для молодежи получить образование и работу» (46% выпускники школ, 48% студенты), «бороться с произволом чиновников, коррупцией» (45% выпускники школ, 51% студенты).

Обратим внимание на то, что студенты, в отличие от выпускников школ, в большей степени обеспокоены проблемой произвола чиновников и коррупцией. Отметим также, что студенты (43%) сильнее переживают за необходимость повышения уровня здравоохранения, в то же время, только 28% школьников отметили эту проблему. Оценка студентов отличается от оценки выпускников школ и по ряду других выделенных проблем – «помогать бедным, устранять причины бедности» (30% выпускники школ, 36% студенты), «обеспечить население доступным жильем» (29% выпускники школ, 39% студенты), «снизить уровень безработицы» (28% выпускники школ, 34% студенты), «повысить уровень культуры населения» (23% выпускники школ, 28% студенты), «бороться с преступностью, терроризмом» (21% выпускники школ, 28% студенты). Таким образом, с возрастом в исторической памяти молодежи

накапливается объём знаний, оценок способствующих более взвешенному, адекватному анализу проблем и условий жизнедеятельности. Эта информация, которую хранит историческая память, должна выступать в качестве «установки», «побудителя» к проявлению активности молодежи в решении насущных проблем региона. Это ещё раз подчёркивает, что историческая память выступает показателем социального здоровья молодежи и отражает степень осознанности, понимания проблем и готовности их решать.

Важно также выделить тот факт, что в наименьшей степени молодежь волнуют такие проблемы как «устранения межэтнических конфликтов» (9% выпускники школ, 11% студенты) и «обеспечение работой и жильем приехавших из других регионов страны и государств» » (3% выпускники школ, 6% студенты). Эти ответы молодежи свидетельствуют о достаточно спокойной, стабильной обстановке в области национальной и миграционной политике в регионе. По тому, что сохраняется и потом проявляется в исторической памяти молодежи, можно как по «лакмусовой бумажке» определять удовлетворённость и социальное самочувствие людей, а также отслеживать и планировать дальнейшие общественно-политические, экономические, социально-культурные мероприятия и политику региона в целом. Таким образом, на основании результатов социологических исследований становится очевидным то, что социальная безопасность в регионе во многом определяется состоянием исторической памяти молодёжи. Происходящие события в социально-экономической, политической и духовных сферах жизнедеятельности региона сохраняются в памяти молодёжи. Это даёт возможность молодому поколению адаптироваться к изменяющимся социальным условиям, преобразовывать себя, социальную среду и противостоять деструктивным общественным процессам и явлениям.

Для поддержания устойчивого и стабильного развития всего общества, противодействия рискам социальных и иных угроз, на сегодняшний день необходимо обеспечить преемственность передачи накопленного содержания исторической памяти народа молодому поколению россиян, проживающих в разных регионах. Важно при этом учитывать, чтобы в процессе сохранения и воспроизводства «региональной» исторической памяти не происходила подмена, искажение содержания народной (общегосударственной) исторической памяти. Сохранение такого «баланса» содержания исторической памяти напрямую зависит от механизма взаимодействия региональных органов власти и федерального центра, реализуемой ими социально-культурной, образовательной и экономической политики.

Список использованной литературы

1. Гафиатулина, Н.Х., Самыгин, С.И. Социальное здоровье студенческой молодёжи в условиях кризиса социальной справедливости: вызовы и угрозы безопасности России / Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Инженерный вестник Дона. – 2016. – №1 (40). – С. 27.
2. Кулиш, В.В., Матвеева, Н.А. Функционирование исторической памяти учащейся молодежи: монография / В.В. Кулиш, Н.А. Матвеева. – Барнаул: АлтГПА, 2014. – 134 с.
3. Матвеева, Н.А. Региональный контекст формирования социального здоровья молодёжи // Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодёжи: коллективная монография / под науч. ред. Н.А. Матвеевой. – Барнаул : АлтГПУ, 2018. – С. 39–47.
4. Петросян, Д.С., Филиппова, Н.П. Социальная безопасность региона и гуманизация социально-экономических отношений / Д.С. Петросян, Н.П. Филиппова // Вестник РАЕН. – 2013. – Т. 13. – № 7. – С. 11–14.
5. Попов, Е.А. Проекции социального: человек и социальная безопасность / Е.А. Попова // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2015. – № 7. – С. 224–228.

С.Г. Максимова
г. Барнаул, Россия

ПЕРСПЕКТИВА РЕАЛИЗАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В СИСТЕМЕ СОХРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России».

Аннотация: В статье представлен анализ особенностей реализации фундаментальных теоретических подходов к анализу концепта доверия и его роли в сохранении социальной безопасности. В современном обществе проблема доверия тесно связана с преодолением рисков, поэтому понятие доверия выступает важным компонентом концепций социальной безопасности. Актуализируется значимость доверия на современном этапе развития общества, в котором растет информированность о рисках, соответственно, и через поиск путей их преодоления. Значимость доверия заключается в том, что оно в случае его оправданности делает более эффективным как межличностное взаимодействие, так и функционирование социальных институтов, а в перспективе ведет к экономическому развитию общества и росту общественного благополучия.

Ключевые слова: доверие, социальная безопасность, фундаментальные исследования.

S.G. Maksimova
Barnaul, Russia

PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF FUNDAMENTAL RESEARCHES OF THE FEATURES OF FORMING TRUST IN THE SYSTEM OF PRESERVING SOCIAL SECURITY IN MODERN RUSSIA

Abstract: The article presents an analysis of the implementation of fundamental theoretical approaches to the analysis of the concept of trust and its role in maintaining social security. In modern society, the problem of trust is closely related to overcoming risks, so the concept of trust is an important component of social security concept. The importance of trust is updated at the current stage of society development, where awareness of risks is growing, respectively, and through the search for ways to overcome them. The significance of trust lies in the fact that if it is justified, it makes both interpersonal interaction and the functioning of social institutions more effective, and in the future leads to the economic development of society and the growth of social well-being.

Keywords: trust, social security, fundamental study.

На современном этапе развития общества все большую значимость принимают исследования концепта доверия с позиций сохранения социальной безопасности. Рассмотрим основные теоретико-методологические подходы к исследованию этих взаимообусловленных явления. В социологии доверию в той или иной мере уделяется внимание в большинстве общих теорий, что свидетельствует о его значимости как элемента социальной системы. Важно отметить, что социологические науки при исследовании феномена доверия не рассматривают его в качестве

отвлеченной категории. При его изучении всегда имеет значение социальный контекст, встроенность доверия в систему социальных связей и характер обусловленных им действий [1]. Еще одну сложность создает то, что доверие является «редуктивным термином», объединяющим широкий спектр явлений в одном понятии [2]. Это ведет к появлению большого разнообразия дополняющих друг друга подходов, в которых выделяются разные аспекты доверия [3, 4].

Доверие как системный элемент общества рассматривалось в концепциях представителей немецкой школы «понимающей социологии» – Ф. Тенниса, Г. Зиммеля и М. Вебера. Эти авторы предпринимают попытку представить общество в рамках логически стройной системы понятий. Ф. Теннис выделил две формы социальных отношений в зависимости от преобладания в них естественной или рациональной воли – общность и общество [5]. Понятие «общность» описывает отношения между людьми, знакомыми друг с другом лично, предполагающие наличие априорного, естественного доверия. Рассуждая о личном доверии, Теннис утверждает, что в первую очередь оно основывается на знакомстве с другими людьми и становится тем более сильным, чем выше симпатия к ним. Кроме того, факторами формирования личного доверия являются личный опыт доверяющего субъекта, репутация, а также доверие к социальной роли, исполняемой человеком.

В работах Г. Зиммеля доверие признается необходимым лишь в том случае, когда отсутствует полное знание о поведении другого в будущем. Зиммель выделяет два типа доверия – индуктивное доверие и доверие как форма веры [6]. В первом случае доверие основывается на знании о действиях объекта доверия, исполнителей тех же социальных ролей или членов тех же групп в прошлом. Во втором случае доверие предполагает безусловное принятие того, что объект доверия будет вести себя ожидаемым образом, не связанным с рациональными умозаключениями.

В социологической теории Макса Вебера доверию уделяется внимание при анализе воспроизводства социального действия. Доверие, по его мнению, является необходимым условием целерационального и ценностно-рационального действия, в то время как в основе традиционного и аффективного действия лежат привычка, вера или эмоции. При взаимодействии между людьми важна ориентация на предполагаемый смысл действий другого, поэтому уверенность в том, что смысл действия передан без намерения ввести в заблуждение, делает взаимодействие успешным. М. Вебер также использует понятие доверия как значимый элемент системы господства – именно оно выступает основой легитимности власти при демократическом политическом режиме [7].

В отличие от М. Вебера, рассматривавшего доверие как результат рациональных умозаключений, Э. Дюркгейм видел в нем скорее продукт эмоциональных и интуитивных реакций [8]. Исследуя развитие религиозных ритуалов, он приходит к выводу, что доверие формируется при наличии групповой моральной солидарности и приверженности общим для группы символам.

Итак, в классической социологии доверие рассматривается как важное условие нормальной жизнедеятельности общества.

Дальнейшее развитие исследования социологического смысла доверия получило в теориях Т. Парсонса, Н. Лумана, Э. Гидденса, А. Шюца и др. В структурно-функциональной модели Толкотта-Парсонса доверие является одним их условий, гарантирующих социальную стабильность. Общество, по утверждению Парсонса, самодостаточно только в той степени, в которой оно может рассчитывать на соразмерный вклад его членов в жизнедеятельность социальной системы. Функция доверия в общественной системе заключается в обеспечении эффективных взаимообменов между подсистемами. Так, при взаимодействии с подсистемой интеграции политическая подсистема берет на себя обязательство достижения коллективных целей в обмен на доверие со стороны населения [9].

В теории Н. Лумана значимость доверия в современном мире объясняется все большим усложнением социальных отношений, которое ведет к росту неуверенности индивидов в собственном будущем. Как и М. Вебер, Луман считал, что доверие появляется в результате рационализации общественной жизни, мысленной редукции ее сложности. Доверие, согласно его определению, – это уверенность в правильном функционировании социальной системы или в надежности общепринятых средств коммуникации [10].

В противовес авторам макросоциологических теорий сторонники символического интеракционизма исследовали значение доверия на уровне межличностных взаимодействий. В рамках интеракционистского подхода доверие понимается

как ожидание индивида, ориентированное на его взаимодействие с другими субъектами и выступающее базовой предпосылкой социальных отношений. Факторами формирования доверия, согласно этому подходу, являются успешные коммуникативные взаимодействия, на основе которых формируются позитивные установки по отношению к другим субъектам отношений [11].

Доверие в межличностных отношениях также является одним из объектов исследования феноменологической социологии. Представители этого направления анализируют повседневные взаимодействия между людьми, опосредованные социальными структурами. А. Шюц, во многом опиравшийся в своих теоретических построениях на интеракционистский подход Дж. Мида, связывает феномен доверия с формированием типизаций.

Выводы феноменологической социологии развивает Г. Гарфинкель в своей этнометодологической теории. Доверие, по его мнению, – это «согласие с конституитивным порядком действительности», лежащее в основе как повседневных взаимодействий, так и функционирования социальных институтов. В то же время доверие часто остается неосознанным, поскольку является неотъемлемой частью обыденных практик и воспринимается как само собой разумеющееся до тех пор, пока по какой-либо причине участники взаимодействия не перестают доверять друг другу [12].

Теория социального обмена Дж. Хоманса и П. Блау тоже имеет дело с уровнем межличностных взаимодействий, но, согласно ей, в основе доверия лежат преимущественно рациональные умозаключения. Дж. Коулман, разработавший на основе концепции социального обмена теорию рационального выбора, утверждает, что принять решение о доверии или недоверии можно с помощью математических расчетов на основе модели транзакционных издержек. При этом на основе отношений межличностного доверия, по Коулману, строится общественная «система доверия», институализирующая доверие на макроуровне в форме нормативных предписаний [13].

Дж. Коулман также рассматривал доверие в контексте функционирования социального капитала. Социальный капитал, по его определению, представляет собой систему обязательств, ожиданий и социальных норм, которая непосредственно влияет на качество и количество взаимодействий в обществе. Доверие, по мнению Дж. Коулмана, является определяющим фактором накопления социального капитала. Политолог Р. Патнем, наоборот, утверждал, что социальный капитал обеспечивает установление доверия [14]. Эти, противоположные на первый взгляд, высказывания свидетельствуют о том, что уровень доверия в обществе и возможности для формирования социального капитала неразрывно связаны.

В рассмотренных выше концепциях доверие встроено в обобщенные модели функционирования общества и не является центральным объектом исследования. Более пристальное внимание социологов проблематика доверия начала привлекать с 80-х годов XX века. Это случилось потому, что именно в это время парадигма социологической науки начала сдвигаться от построения социальных систем в сторону культурных категорий.

Один из авторов, посвятивших специальные исследования феномену доверия, – Ф. Фукуяма. По его определению, доверие – это ожидание того, что другие члены сообщества будут вести себя предсказуемо, принимая во внимание интересы окружающих и соблюдая установленные в обществе социальные нормы. Доверие является важнейшим фактором, обеспечивающим экономический рост, поэтому уровень доверия в разных странах напрямую влияет на их экономическое благополучие и технический прогресс [15].

Многие теоретики конца XX – начала XXI века утверждали, что современное им общество продуцирует большое количество рисков, и поэтому доверие в нем как никогда значимо, но при этом его структура и механизмы функционирования существенно изменяются. Главным популяризатором этой идеи стал У. Бек, который связывал рост числа цивилизационных угроз с глобализацией [16].

А. Селигмен в своей концепции доверия обратил внимание на рост сложности системы социальных ролей, который приводит к неспособности людей самостоятельно выстроить адекватные ролевые ожидания, и, соответственно, согласовать свою деятельность с другими участниками взаимодействия [17].

Похожий подход к функционированию доверия в современном мире был разработан Э. Гидденсом. Наличие большого количества рисков в посттрадиционном обществе осложняет формирование чувства онтологической безопасности и базового доверия. Распространение социального недоверия приводит к тому, что межличностное взаимодействие, для того чтобы быть эффективным, должно быть опосредовано абстрактными системами и без-

личными принципами, которые гарантируют ощущение надежности повседневных отношений [18].

Итак, различные социологические теории используют разные ракурсы рассмотрения доверия, чаще всего фокусируясь на ограниченном количестве его проявлений. Попытку сформировать целостную концептуальную модель доверия с широким понятийным аппаратом предпринял П. Штомпка. Опираясь на построения названных выше авторов, он определил доверие как «ставку в отношении будущих непредвиденных действий других» [19]. Актуализируется значимость доверия в современном обществе, где растет информированность о рисках, и соответственно, большую значимость приобретает поиск путей их преодоления.

Суммируя выводы рассмотренных теорий, можно заключить, что доверие представляет собой сформированное в условиях неполной информированности ожидание благоприятного исхода от взаимодействия с человеком, социальной группой, институтом и т.д. Факторами формирования доверия могут стать личные черты доверяющего и его эмоциональные реакции, рациональная оценка предшествующего опыта и имеющейся информации, а также социально-экономические характеристики общества, нормы, традиции и коллективный опыт [20, 21]. Значимость доверия заключается в том, что оно в случае его оправданности делает более эффективным как межличностное взаимодействие, так и функционирование социальных институтов, а в перспективе ведет к экономическому развитию общества и росту общественного благополучия. В современном обществе проблема доверия тесно связана с преодолением рисков, поэтому понятие доверия выступает важным компонентом концепций социальной безопасности.

Основываясь на рассмотренных выше концепциях доверия и социальной безопасности, можно заключить, что оба этих явления находятся в непосредственной зависимости от благополучия различных сфер общественной жизни. Это значит, что при удовлетворительном состоянии индикаторов социальной безопасности устанавливается и достаточно высокий уровень доверия в обществе, поэтому на основании данных о межличностном и институциональном доверии можно делать выводы о наличии или отсутствии социальных проблем.

Эта взаимосвязь отмечается многими исследователями. Так, Э. Гидденс называет доверие условием снижения и минимизации риска. По Н. Луману, доверие является «универсальным социальным фактом», определяющим надежность общественных отношений. Ф. Фукуяма относит к обществам с высоким уровнем доверия именно те государства, в которых экономическое благополучие сочетается с развитыми социальными гарантиями.

Таким образом, уровень доверия в обществе является одним из значимых показателей социального благополучия, на основе которого можно судить о состоянии социальной безопасности. Вместе с тем, для формирования точных выводов необходимы комплексные исследования с использованием показателей, затрагивающих все сферы общественной жизни.

Список использованной литературы

1. Ахтулов, А.Л., Гегедивш, И.П. Доверие как феномен социальной реальности / А.Л. Ахтулов, И.П. Гегедивш // Омский научный вестник. Социологические и экономические науки. – 2014. – № 4. – С. 32–36.
2. Hardin, R. Trust and Trustworthiness / R. Hardin. – New York: Russell Sage Foundation, 2002. – 381 с.
3. Maximova, S., Noyanzina, O., Omelchenko, D., Maximova, M. The trust as a social capital of civil society in contemporary Russia / S. Maximova, O. Noyanzina, D. Omelchenko, M. Maximova // MATEC Web of Conferences electronic edition. – 2018. – С. 10004.
4. Черепанова, М.И., Максимова, С.Г. Доверие и безопасность / М.И. Черепанова, С.Г. Максимова // Society and Security Insights. – 2019. – Т. 2. – № 4. – С. 34–39.
5. Tönnies, F. Gemeinschaft und Gesellschaft / F. Tönnies. – Berlin, 1887. – 294 s.
6. Simmel, G. The Secret and the Secret Society. In: Kurt H.W. (ed.) The Sociology of Georg Simmel / G. Simmel. – New York : The Free Press, 1950.
7. Вебер, М. Основные социологические понятия / Пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. – Москва : Прогресс, 1990. – 804 с.
8. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – Москва : Канон, 1995. – 349 с.
9. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – Москва : Аспект Пресс, 1998. – 269 с.
10. Luhmann, N. Vertrauen. Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität (4. Aufl.) / N. Luhmann. – Stuttgart : UTB, 2000.

11. Иванов, А.В. Социальный порядок и ценностно-коммуникативные механизмы генерализации доверия / А.В. Иванов // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (часть 17). – С. 3883–3888.
12. Гарфинкель, Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий / пер. с англ. А.М. Корбута // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 1. – С. 3–25.
13. Coleman, J. Foundations of social theory / J. Coleman. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1990.
14. Putnam, R. Making Democracy Work : Civic Traditions in Modern Italy / R. Putnam. – Princeton University Press. NY : Princeton, 1993.
15. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – Москва : АСТ, 2004. – 730 с.
16. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – Москва : Прогресс-традиция, 2000. – 381 с.
17. Селигмен, А. Проблема доверия / А. Селигмен. – Москва : Идея-Пресс, 2002. – 254 с.
18. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс. – Москва: Издательская и консалтинговая группа «Праксис». – 2011. – 352 с.
19. Штомпка, П. Социология социальных изменений. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 414 с.
20. Максимова, С.Г., Омельченко, Д.А., Ноянзина, О.Е. Доверие мигрантов к принимающему сообществу в контексте анализа социальной безопасности в приграничных регионах России / С.Г. Максимова, Д.А. Омельченко, О.Е. Ноянзина // Siberian Socium. – 2019. – Т. 3. – № 2. – С. 18–34.
21. Спирина, А.С., Максимова, С.Г. Характеристика межличностного и институционального доверия / недоверия в приграничных регионах России (по результатам социологического исследования) / А.С. Спирина, С.Г. Максимова // Социодинамика. – 2019. – № 6. – С. 49–62.

Н.А. Матвеева
г. Барнаул, Россия

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ: ОТ НАУЧНОЙ МЕТАФОРЫ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-13-22008 «Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодежи».

Аннотация: В статье, подготовленной по результатам реализации научного проекта «Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодежи» (грант РФФИ № 17-13-22008), раскрываются основы социологической концепции социального здоровья. Опираясь на результаты комплексного социологического исследования социального здоровья молодежи, дается базовое определение социального здоровья, раскрываются его характеристики, определяется комплекс ключевых понятий, составляющих методологическую схему социологического исследования социального здоровья различных групп населения, выдвигаются концептуальные принципы социологического анализа социального здоровья человека и общества, социальных практик его формирования и сохранения.

Ключевые слова: здоровье, социальное здоровье, социальное здоровье молодежи, социология здоровья, социологическая концепция социального здоровья.

N.A. Matveeva
Barnaul, Russia

SOCIAL HEALTH: FROM SCIENTIFIC METAPHOR TO SOCIOLOGICAL CONCEPT

Abstract: The article is prepared according to the results of the scientific project «Social Health in the Historical Memory, Value Orientations and Daily Practices of Youth» (grant of the Russian Foundation for Basic Research № 17-13-22008) and reveals the basics of the sociological concept of social health.

Based on the results of a comprehensive sociological study of social health of youth, a basic definition of social health is given, its characteristics are revealed, a set of key concepts is determined that makes up a methodological scheme of a sociological study of social health of various population groups, conceptual principles of a sociological analysis of social health of a person and society, social practices of its formation and conservation are put forward.

Key words: health, social health, social health of youth, sociology of health, sociological concept of social health.

Концептуализация объекта социальной реальности, социального явления или процесса предполагает ряд когнитивных действий исследователя: определение понятия, раскрывающего сущность изучаемого объекта; выявление его внутренней структуры, «маркеров», позволяющих отличать данный объект от других, фиксировать и хранить информацию о нем; установление связи определяемого понятия с частными и более общими, дающее возможность выстроить методологическую схему эмпирического исследования; определение подходов и принципов научного анализа, позволяющих раскрыть содержание изучаемого явления или процесса комплексно, в максимально полном его проявлении.

В этом отношении концептуализация социального здоровья в рамках предметного поля социологии является интересной, своевременной и актуальной как в теоретическом, так и в практическом значении задачей. В современной отечественной социологии накоплен определенный опыт изучения этого социального феномена [1, 2, 3 и др.]. Традиция исследования социального здоровья общества социологическими методами ведется со времен Э. Дюркгейма [4]. Но долгое время концепт «социальное здоровье» имел метафорическое значение, экспрессивно выражающее цель построения общества социального порядка, функционирующего слаженно и непротиворечиво.

Необходимость перехода от метафоры к социологической концепции социального здоровья обусловлена в современном обществе рядом обстоятельств. Ускорение, усложнение содержания и турбулентность протекания современных социальных процессов, слабая предсказуемость их последствий стали факторами, определяющими глобальные, государственные и региональные тенденции социального развития, реальными условиями организации повседневной жизни людей. В условиях нарастающих экологических, социально-антропологических, информационных рисков устойчивого развития общества требуется ресурс, позволяющий эти риски адаптировать, перенаправлять, минимизировать как на уровне жизнедеятельности отдельного человека, так и в масштабах функционирования социальных институтов, взаимодействия социальных общностей. Для решения этих задач недостаточно физического и психического здоровья людей, несмотря на то, что эти ресурсы неоценимы. Требуется комплексный ресурс, объединяющий жизненные силы человека как биопсихосоциального существа, и таким ресурсом является социальное здоровье.

Такой вывод позволяют нам сделать результаты комплексного социологического исследования «Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодежи» (грант РФФИ № 17-13-22008), проведенного под руководством автора в 2017–2018 годах в масштабах российского региона. Результаты исследования социального здоровья отдельной социально-демографической группы, молодежи, широко представленные в публикациях [5, 6, 7 и др.], позволяют приступить к задаче построения социологической концепции социального здоровья в целом. Полагаем, что такого рода транспонирование научных знаний о социальном здоровье молодого поколения в универсальные концептуальные основания социологического анализа социального здоровья допустимо и дает хороший познавательный эффект.

Социальное здоровье рассматривается нами как сущностная характеристика человека и общества и предполагает комплексный анализ формирования и реализации физических, психологических, социальных и духовных ресурсов, которыми в той или иной мере обладает человек, все социальные общности, общество как социальная система в целом. В основе исследования социального здоровья любого социального субъекта лежит представление о жизненных силах человека и общества, степени и характере его социальной субъектности.

Опираясь на разработанные в трудах Ж.Т. Тощенко, Н.А. Матвеевой, С.И. Григорьева концепции жизненных сил человека и общества, социологию жизни, теорию виталистской социологии [8, 9 и др.], социальное здоровье мы рассматриваем как сущностную характеристику социального субъекта

всех видов общественных отношений, обладающего силами осуществлять свою жизнедеятельность, изменять себя, окружающую социальную среду, общество в целом. Социальное здоровье является условием, показателем и результатом бытия социального субъекта.

С обоснованных выше методологических позиций в ходе реализации грантового научного проекта нами было дано определение социального здоровья молодежи. Под социальным здоровьем молодежи мы понимаем такое состояние социально-демографической общности, при котором молодые люди способны адаптироваться к изменяющимся социальным условиям, преобразовывать себя и социальную среду; готовы к выполнению своих социальных функций и социальной интеграции, к сопротивлению деструктивным общественным процессам и явлениям [5, 6, 7]. В силу того, что в данном определении заложены универсальные характеристики социального субъекта, полагаем, что его можно использовать как базовое для определения социального здоровья.

Применение авторского алгоритма поиска исследовательской проблемы [6, 7 и др.] позволило выявить основные характеристики социального здоровья:

- адаптивность в социальной среде;
- социальная активность во всех сферах общественной жизни;
- социальная направленность и значимость деятельности;
- регулятивность поведения социальными нормами и общечеловеческими ценностями;
- креативность мышления и поведения;
- готовность к социальной интеграции и саморазвитию.

Выявленные характеристики комплексно отражают внутреннюю структуру анализируемого явления, выражаются в эмпирических показателям и индикаторах, позволяющих измерить социальное здоровье отдельного человека и социальных общностей с позиции их развитости в качестве социального субъекта различных видов деятельности.

В развитие социологической концепции социального здоровья важно определить, в чем фиксируется проявление социального здоровья или нездоровья. По опыту эмпирического анализа социального здоровья молодежи можно утверждать, что состояние социального здоровья продуктивно выявляется по описанию содержания исторической памяти, характеристикам ценностных ориентаций и анализу повседневных практик жизнедеятельности социальных субъектов. В методологической схеме комплексного исследования социального здоровья основными понятиями являются: социальное здоровье, социальный субъект, историческая память, ценностные ориентации, повседневные практики.

Методологическую схему исследования социального здоровья можно выстроить по степени общности социального субъекта. Если в качестве ключевого понятия избрано социальное здоровье конкретной социальной группы, женщин, например, или горожан, то частными понятиями, требующими эмпирического анализа, станут историческая память, ценностные ориентации и повседневные практики представителей изучаемой группы, а более общим понятием может выступить социальное здоровье общества в целом. То есть по состоянию социального здоровья отдельной социальной общности можно в определенной степени судить о проблемах функционирования общества в целом.

При этом точность выводов о состоянии социального здоровья социальных общностей и общества в целом повышается, если не только фиксировать проявления основных характеристик социального здоровья на поведенческом и ценностно-мотивационном уровнях, но и выявлять факторы его формирования и поддержания. В результате проведенного социологического анализа исторической памяти, ценностных ориентаций и повседневных практик учащихся нами выявлены институциональные факторы формирования и сохранения социального здоровья молодежи [7].

К основным социальным институтам, влияющим на социальное здоровье молодежи, относятся: государство, семья, образование, СМИ (интернет и социальные сети). В современном обществе функционирование названных социальных институтов является матрицей формирования исторической памяти, ценностных ориентаций и повседневных практик для абсолютного большинства взаимодействующих социальных субъектов. Таким образом, в социологическую концепцию социального здоровья встраиваются не только структурные элементы, основные характеристики изучаемого явления, но и внешние институциональные связи, обусловливающие процессы его формирования и сохранения.

Концептуализация социального здоровья также предполагает определение принципов научного исследования изучаемого социального явления и процессов, формирующих его. Решить данную ког-

нитивную задачу можно, исходя из обоснованных методологических подходов к социологическому анализу социального здоровья. Но, в полной мере используя этот прием, считаем, что еще более продуктивным является его сочетание с практическими выводами, сделанными по результатам эмпирического социологического исследования. Так, в результате проведенного исследования социального здоровья молодежи нами были выделены практические принципы формирования и сохранения социального здоровья учащейся молодежи [7]:

- принцип антропоцентричности и культуроцентричности процессов формирования и сохранения социального здоровья молодежи;
- принцип раннего и непрерывного социального воздействия;
- принцип целенаправленности социального воздействия;
- принцип социального партнерства;
- принцип лидерства старшего поколения;
- принцип косвенного социального контроля;
- принцип свободы выбора и активности молодежи.

Выделенные принципы практических действий в отношении социального здоровья целесообразно интерпретировать и использовать в процессе научного познания этого социального явления. Принцип антропоцентричности и культуроцентричности предполагает, что предметом социологического анализа социального здоровья должны стать жизненные силы человека и общества во всем многообразии социально-культурных проявлений. Принцип раннего и непрерывного воздействия определяет необходимость изучения социального здоровья на всех этапах социализации, начиная с самого раннего. Принцип целенаправленности социального воздействия подразумевает, что центральной областью исследования социального здоровья должны стать ценностные ориентации социальных субъектов, сфера их мотивации и целеполагания. Принцип социального партнерства в познавательном аспекте означает необходимость исследования социального здоровья социальных субъектов в процессе социального взаимодействия, а принцип лидерства старшего поколения указывает на то, что определяющим в этом взаимодействии должен быть анализ межпоколенческих связей и изучение исторической памяти. Принцип косвенного социального контроля предполагает, с одной стороны, выявление причинно-следственных институциональных связей при формировании социального здоровья, а, с другой стороны, – форсайт-анализ актуальных проблем социального здоровья через образ будущего. Принцип свободы выбора и активности при изучении социального здоровья подразумевает исследование многообразия видов социальной деятельности в динамике традиционного и инновационного в повседневных практиках социальных субъектов.

Подводя итоги попытке построения основ социологической концепции социального здоровья, можно сделать вывод о том, что этот когнитивный процесс продуктивен при выполнении ряда условий. Во-первых, если социологическая концепция строится на адекватном комплексе методологических подходов к анализу изучаемого явления. Во-вторых, если концептуализация проводится с опорой на результаты эмпирических социологических исследований. В-третьих, если учитываются потребности социальной практики. В нашем опыте концептуализации социального здоровья с опорой на результаты комплексного социологического исследования социального здоровья в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодежи все эти условия были соблюдены.

Список использованной литературы

1. Ласовская, Н.Ф. Социальное здоровье населения и национальная безопасность общества [Электронный ресурс] / Н.Ф. Ласовская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – № 1. – 2011. – С. 25–29. – Режим доступа: http://www.online-science.ru/m/products/philosophy_sciense/gid47/pg0/
2. Лига, М.Б. Социальное здоровье студенческой молодежи: механизм формирования [Электронный ресурс] / М.Б. Лига, Е.В. Цикалюк // Гуманизация образования. – 2014. – № 5. – С. 46-51. – Режим доступа: http://www.humanization.ru/wp-content/uploads/2014/12/аннотации-5_2014.pdf
3. Соколова, Т.Б. Социальное здоровье в социологическом измерении: монография [Электронный ресурс] / Т.Б. Соколова. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2009. – 125 с. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=19551183 11.
4. Дюркгейм, Э.О. О разделении общественного труда: метод социологии / Э.О. Дюркгейм; изд. подгот. А.Б. Гофман; [примеч. В.В. Сапова]. – Москва : Наука, 1991. – 572 с.

5. Кулиш, В.В., Матвеева, Н.А. Социальное измерение здоровья молодежи: проектирование показателей комплексного социологического исследования / В.В. Кулиш, Н.А. Матвеева // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Том 8. – № 6. – С. 89–102. DOI: https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-6-89-102
6. Матвеева, Н.А. Социальное здоровье молодежи: постановка проблемы и стратегия исследовательского проекта / Н.А. Матвеева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2017. – Т.7. – № 5. – С. 146–158. DOI: 10.15293/2226-3365.1705. 23.
7. Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодежи : коллективная монография / под ред. Н.А. Матвеевой. – Барнаул : АлтГПУ, 2018. – 192 с.
8. Тощенко, Ж.Т. Социология жизни [Электронный ресурс] / Ж.Т. Тощенко. – Москва : Юнити-дана, 2016. – 399 с. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=27558545 8.
9. Григорьев, С.И., Матвеева, Н.А. Неклассическая социология образования начала XXI века [Электронный ресурс] / С.И. Григорьев, Н.А. Матвеева. – Барнаул : Изд-во АРНЦ СО РАО, 2000. – 158 с. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=27314223 10.

Н.В. Мжельская
г. Барнаул, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 16-16-22012 «Изучение актуальных образовательных потребностей и определение спектра образовательных услуг обучающимся с ограниченными возможностями здоровья, проживающим в отдаленных районах Алтайского края, в рамках реализации ФГОС».

Аннотация: В статье рассмотрены основные подходы к пониманию понятия «коммуникативная компетенция», представлены мнения как отечественных, так и зарубежных авторов. Обозначены основные трудности, с которыми сталкиваются педагоги при реализации ФГОС ДО, ФГОС НОО и ФГОС для детей с ОВЗ в рамках данного вопроса, а также приведен анализ некоторых методических разработок по развитию коммуникативных навыков у детей с особыми образовательными потребностями.

Ключевые слова: коммуникация, компетенция, коммуникативная компетенция, особые образовательные потребности, инклюзивное образование.

N.V. Mzhelskaya
Barnaul, Russia

TOPICAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS

Abstract: The article considers the main approaches to understanding the concept of «communicative competence», presents the opinions of both domestic and foreign authors. The main difficulties faced by teachers in the implementation of Federal Educational Standard (FSE) for full-time attendance, FSE for elementary general education and FES for children with children with disabilities under this issue are identified, as well as an analysis of some methods in the development of communication skills in children with special educational needs is given.

Keywords: Communication, competence, communicative competence, special educational needs, inclusive education.

Рассмотрение коммуникативной компетенции происходит в рамках компетентностного подхода, который стал популярен в Америке в 70-е гг. XX века. Основной его чертой является ориентация на результат. Данный тезис мы находим в работах И.А. Зимней [2].

Модернизация российского образования привела к переосмыслению ряда социальных ориентиров в развитии личности. Результаты обучения, как отмечает Н.В. Щеглова, от «обученности», «воспитанности», «компетентности» переходят на «компетенции» и «компетентность» [7]. Компетентность в ее понимании – это «самостоятельно развитая в результате познавательной деятельности и образовательной практики способность, основанная на приобретенных знаниях учащегося, его интеллектуальном и жизненном опыте, ценностях и наклонностях» [7, с. 105]. Структура компетентности представлена набором определенных составляющих: когнитивная, операционно-технологическая, мотивационная, этическая, социальная, поведенческая. В свою очередь, термин «компетенция» понимается как «совокупность знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения» [7]. Выходя на более конкретный уровень, автор дает четкое определение понятию «коммуникативная компетентность» как совокупности определенных знаний, умений и навыков, необходимых для понимания всех участников общения, а также порождение собственной модели речевого поведения, адекватного цели и ситуации.

В рамках изучения коммуникативной компетенции для нас интерес представляет родовое понятие «коммуникация».

В психологии, как отмечает Н.А. Ротова, коммуникацию рассматривают как эффективное социальное взаимодействие при сохранении индивидуальности каждого ее элемента с целью передачи, взаимообмена информацией, установлением контактов, управления ситуацией, как в социуме, так и в межличностном общении с помощью вербальных и невербальных средств. Эффективная реализация компетентностного подхода в образовании неразрывно связана с процессом коммуникации [5].

Подходов к рассмотрению понятия «коммуникативная компетенция» достаточно много как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Авторство этого термина приписывают Д. Хаймсу, который ввел его в научный обиход в 1972 г., как «знания, которыми обладают люди, когда общаются» [9, с. 284]. По его мнению, эти знания отвечают за адекватность общения в той или иной ситуации. Также сама коммуникативная компетенция понималась автором как некая динамическая модель, но при применении в новой ситуации происходят изменения в ее внутреннем содержании, что влияет на весь ход взаимодействия в дальнейшем.

Несмотря на достаточно большое количество исследований по изучению коммуникативной компетенции, в настоящее время все еще нет четкого определения, рассматриваемого нами понятия. Французский лингвист С. Савиньон определяла коммуникативную компетенцию как «способность функционировать в реальной обстановке общения, то есть в динамическом обмене информацией, где лингвистическая компетенция должна приспособиться к приему обширной информации (как лингвистического, так и паралингвистического характера) со стороны одного собеседника или более» [8]. Дж. Гумперц дает новое определение коммуникативной компетенции: «Это знание и соблюдение определенных норм общения для того, чтобы суметь привлечь к себе внимание собеседника, быть понятым и поддержать разговор» [10].

Таким образом, зарубежные исследователи чаще рассматривают коммуникативную компетенцию в более широком понимании, включая в ее характеристики способность взаимодействовать с людьми, добиваться собственных коммуникативных целей и выбирать тип коммуникативного поведения в ходе межличностного общения.

На современном этапе процесс обучения направлен на социальное, личностное, познавательное и коммуникативное развитие личности на основе формирования универсальных учебных действий: личностных, регулятивных, познавательных и коммуникативных. К коммуникативным универсальным учебным действиям относят действия, развитие которых обеспечит социальную компетентность, умение осуществлять коммуникативную деятельность, использовать правила общения в различных ситуациях, организовывать самостоятельную речевую деятельность и учитывать позиции людей, участвующих в общении и совместной деятельности.

Целесообразно рассматривать коммуникативные универсальные учебные действия со следующих позиций: во-первых, коммуникативные действия, направленные на учет позиции собеседника, то есть коммуникация как взаимодействие; во-вторых, коммуникативные действия, направленные на сотрудничество, то есть коммуникация

как кооперация; в-третьих, коммуникативные действия, служащие средством передачи информации и становление рефлексии, то есть как условие интериоризации.

Результат овладения коммуникативной компетенцией человека, по мнению А.А. Игнатенко, во многом зависит от того, какими приемами и средствами общения он владеет применительно к конкретной ситуации общения [3]. Бедность репертуара возможных речевых действий и моделей общения не остановит саму деятельность, но повлияет на качество взаимодействия. Поэтому одно из направлений выработки навыков успешного (гармоничного) речевого поведения ученые видят в широком представлении для обучаемых возможных вариантов речевых действий, сценариев и моделей речевого поведения. Разработка и представление их создает базу данных для коммуникантов, которой надо мотивированно и целесообразно оперировать. Как отмечает В.С. Третьякова, чем шире представлен репертуар конструктивных способов общения, тем богаче будет база данных индивида и тем больше возможностей будет у коммуниканта для эффективного достижения коммуникативных целей и замыслов средствами языка и речи [6].

На сегодняшний день проблема изучения коммуникативной компетенции остается актуальной, продолжается поиск и ее структурных элементов, путей развития, а также работа над совершенствованием и уточнением самого понятия.

В настоящее время в современных образовательных стандартах как дошкольного, так и начального общего образования отмечены разделы, указывающие на важность развития коммуникативной компетентности ребенка.

Так в ФГОС ДО в п. 2.6. обозначены основные структурные единицы программы, среди которых отдельно выделяются социально-коммуникативное развитие, а также речевое развитие, которые в совокупности решают задачи, связанные с развитием коммуникативных компетенций у детей дошкольного возраста. Социально-коммуникативное развитие направлено на усвоение норм и ценностей, принятых в обществе, а речевое развитие включает познание речи как средства общения и факта культуры.

Вместе с тем, сами педагоги отмечают, что в связи с реализацией других направлений работы целенаправленное формирование коммуникативных умений у дошкольников часто остается за пределами внимания. Помимо этого, Л.А. Мартыненко отмечает, что «представления о практических методах и приемах работы по данной проблеме были и до сих пор остаются нечеткими, неконкретными и основываются на педагогической интуиции» [4, с. 5]. В литературе можно найти большое количество авторских программ и технологий, направленных на развитие общения детей, начиная с раннего возраста. Многие из них направлены в большей степени на развитие речевого общения.

Так, О.М. Ельцова и А.Н. Терехова предлагают использовать игровые обучающие ситуации, подразделяя их на ситуации-иллюстрации, ситуации-упражнения, ситуации-проблемы, ситуации-оценки [1].

Л.А. Мартыненко разработана система, состоящая из четырех блоков: игры и упражнения на развитие умения сотрудничать, на развитие умения активно слушать, перерабатывать информацию и конструировать «текст для другого». В основу каждого блока положены такие дидактические принципы, как переход от простого к сложному; системность и концентричность при организации игровой деятельности. Все игры автор рекомендует включать в педагогический процесс ежедневно.

В соответствии с ФГОС НОО выделены коммуникативные учебные действия, к которым относятся планирование учебного сотрудничества, постановка вопросов, разрешение конфликтов, управление поведением партнера, умение выражать свои мысли. Ряд исследователей (А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменкая, И.А. Володарская, О.А. Карабанова, Н.Г. Салмина, С.В. Молчанов) отмечают, что уровень развития реальной коммуникативной компетентности школьников далек от желаемого. В связи с этим разработчики новых стандартов считают эту сторону развития одной из приоритетных, а не факультативных задач школьного образования. Но на сегодняшний день мы не находим четко разработанных программ, методик или просто методических рекомендаций, которые давали четкий ответ педагогу: как и что конкретно он должен делать, чтобы повысить у ребенка уровень коммуникативной компетентности.

В связи с введением ФГОС НОО обучающихся с ОВЗ педагоги массовых школ тем более нуждаются в четких рекомендациях по обучению детей имеющих особые образовательные потребности и, конечно же, по развитию у них коммуникативных компетенций. К сожалению, на сегодняшний день, таких программ или технологий, не разработано. В

арсенале педагогов методические рекомендации по развитию навыков общения, рассчитанные на систему коррекционных школ и детских садов.

Так, например, интересна технология, описанная С.В. Дель, по формированию коммуникативной компетентности у заикающихся младших школьников. Приоритетное направление отдано развитию речевых средств общения, что обусловлено структурой нарушения. Ключевое место отведено дыхательным, артикуляционным, интонационно-фонетическим и вокальным упражнения. Также используются психотерапевтические тренинги и коммуникативные упражнения (индивидуальные, парные и групповые). Вся работа разделена на два этапа: подготовительный и основной. Подготовительный этап, в свою очередь, состоит из двух разделов: развитие невербальной коммуникации (развитие оптико-кинетических, паралингвистических, экстралингвистических средств общения, развитие дыхания и артикуляционной моторики, совершенствование визуального контакта) и развитие навыков вербальной коммуникации (работа над словом, словосочетанием, предложением, пересказом, чтением, рассказом на заданную тему). Основой этап направлен на совершенствование навыков межличностной коммуникации. Вся работа проводится в течение одного года и рассчитана на 108 занятий.

На основе структуры дефекта лиц, имеющих зрительное нарушение, накоплено довольно много знаний, касающихся развития коммуникативных навыков.

Система работы В.А. Феоктистовой строится на основах семейного воспитания ребенка раннего возраста, так как в это время формируются основные мотивы общения и развитие средств общения, как вербальных, так и невербальных, что, в свою очередь, является профилактикой появления вторичных отклонений в развитии ребенка с нарушенным зрением. Основной акцент автор делает на развитии неречевого общения в дошкольный период жизни. Тем не менее, только дошкольным этапом обучение не заканчивается, и автор говорит о том, что развитие невербальных средств общения должно продолжаться и в школьный период.

В.А. Феоктистовой впервые систематизированы и обобщены упражнения по формированию мимики и пантомимики у слабовидящих детей, что является необходимыми формами неречевого общения. Автор указывает на заблуждение, в котором пребывали тифлологи долгие годы, уделяя большое значение вербальным средствам общения детей с нарушением зрения. Однако доказано, что через невербальные средства человек получает большое количество информации. Программа В.А. Феоктистовой рассчитана на четыре года (с 3–4-летнего возраста), основная задача которой: развитие невербальных средств общения (мимика и пантомимика) для того, чтобы «не выделяться среди нормально видящих» и адекватно передавать свое эмоциональное состояние. Все обучение происходит через развитие моторики, пространственной ориентировки, восприятие поз животных и человека, воспроизведение основных эмоций, формирование интереса к общению, самоконтроля и произвольной психорегуляции.

Одними из основных форм и методов В.А. Феоктистова выделяет этюды и театрализованную деятельность.

Работа Г.В. Никулиной посвящена формированию коммуникативной культуры у лиц с нарушением зрения. Автором установлено четыре типа восприятия эмоциональных состояний и образов у детей с нарушением зрения и экспериментально доказано, что в младшем школьном возрасте ведущим является диффузно-локальный тип, который характеризуется поверхностным, глобальным восприятием эмоционального состояния собеседника. Ребенок не имеет возможности четко видеть детали предметов. Поэтому затрудняется в различении мимики и пантомимики собеседника. В связи с этим Г.В. Никулина предлагает ввести коррекционно-образовательный курс по формированию базовой коммуникативной культуры с учетом развития коммуникативного потенциала каждого ребенка. Основными средствами выступают театрализованные игры, драматизации, выставки творческих работ с изображением различных эмоциональных состояний, конкурсы, а также активное привлечение родителей для совместных мероприятий и повышения их компетентности в области межличностного взаимодействия за счет проведения просветительской и консультативной работы.

Наиболее интересной нам представляется программа В.З. Денискиной по развитию мимики и пантомимики, предназначенная для учащихся начальных классов. В основе программы лежат разработки В.Е. Бобровой по развитию коммуникативной деятельности для слепых дошкольников. Программа состоит из четырех разделов. Возрастная последовательность в обучении не

предполагается, так как зрительные возможности слабовидящих и их уровень владения выразительными движениями очень индивидуальны. Занятия по данной программе могут проводиться тифлопедагогом или учителем начальных классов один раз в неделю. Во всех разделах большое внимание уделяется культуре общения. Все новые движения отрабатываются строго по алгоритму: сопряженно, отраженно, самостоятельно. Обучение происходит через постановку этюдов. Одним из ведущих принципов данной программы является принцип от простого к сложному, в соответствии с которым работа над эмоциональными состояниями происходит последовательно.

Программа Е.В. Бобровой рассчитана на четыре года обучения, которые соответствуют годам пребывания ребенка в специальном детском саду. Программа представляет интерес еще и тем, что в ней четко прописаны критерии в соответствии с уровнем сформированности неречевых средств общения у слепых и слабовидящих, а также дана карта обследования уровня сформированности неречевых средств общения.

Еще одна программа В.З. Денискиной «Учимся улыбаться» направлена на обучение ребенка навыкам общения, начиная с раннего возраста. Обучение происходит главным образом через ощупывание лиц близких, развитие речи и движений и игровые приемы. Вся работа распределена на четыре этапа: работа над мышечным тонусом, знакомство с мимикой и пантомимикой, обучение выразительным движениям лица и тела, а также включение неречевых средств общения в этюды и игры, а затем в повседневную коммуникативную деятельность ребенка.

Несмотря на наличие описанных разработок, изучаемая проблема остается до конца не решенной и требует новых разработок, которые будут отвечать всем требованиям современных образовательных стандартов.

Список использованной литературы

1. Ельцова, О.М., Терехова, А.Н. Игровые обучающие ситуации как нетрадиционная форма работы с дошкольниками / О.М. Ельцова, А.Н. Терехова // Начальная школа плюс До и После. – 2012. – № 1. – С. 1–5.
2. Зимняя, И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И.А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34–42.
3. Игнатенко, А.А. Показатели оценивания коммуникативных компетенций студентов педагогических специальностей [Электронный ресурс] / А.А. Игнатенко // Вестник ЧелГУ. – 2013. – № 2. – С. 31–38. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pokazateli-otsenivaniya-kommunikativnyh-kompetentsiy-studentov-pedagogicheskih-spetsialnostey.
4. Мартыненко, Л.А. Коммуникативная компетентность дошкольников: Сборник игр и упражнений / Л.А. Мартыненко. – Москва : ООО «Национальный книжный центр», 2016. – 64 с.
5. Ротова, Н.А. Сущность, содержание и компоненты коммуникативной компетенции педагога начального общего образования [Электронный ресурс] / Н.А. Ротова // Вестник ЧГПУ. – 2013. – № 8. – С. 110–117. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-soderzhanie-i-komponenty-kommunikativnoy-kompetentsii-pedagoga-nachalnogo-obschego-obrazovaniya.
6. Третьякова, В.С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт / В.С. Третьякова. – Екатеринбург, 2009. – 213 с.
7. Щеглова, Н.В. Формирование коммуникативной компетенции в процессе обучения иностранным языкам / Н.В. Щеглова // ИСОМ. – 2011. – № 4. – С. 105–107.
8. Gumperz, J. Communicative Comptence Revisisted / J. Gumperz // Meaning, Form and Use in Context: Linguistic Applications. – Cambridge : Univ. Press, 1984. – P. 278–289.
9. Hymes, D.H. On communicative competence. In J. Pride and J. Holmes (Eds.) / D.H. Hymes // Sociolinguistics. – Penguin, 1972.
10. Savignon, S.J. Interpreting communicative language teaching. Context and concerns in teacher education / S.J. Savignon. – Yale University Press. New Haven & London, 2002. – 243 p.

Ю.Е. Морозова
г. Барнаул, Россия

СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЁЖИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-13-22008 «Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодежи».

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования и сохранения социального здоровья молодежи в социально-сетевом пространстве. Методом контент-анализа личных профилей пользователей социальной сети «В Контакте» определяются особенности проявления социального здоровья молодежи в социальных сетях. Представлены результаты сопоставительного анализа показателей проявления социального здоровья в социальных сетях.

Ключевые слова: молодежь, социальное здоровье, социальные сети.

Yu.E. Morozova
Barnaul, Russia

SOCIAL AND NETWORK SPACE OF FORMING SOCIAL HEALTH OF YOUTH

Abstract: The article is devoted to the problem of formation and preservation of social health of young people in the social network space. The method of content analysis of personal profiles of users of the social network «VKontakte» determines the features of the manifestation of social health of young people in social networks. The results of a comparative analysis of indicators of social health in social networks are presented.

Keywords: young people, social health, social networks.

Социализация личности всегда протекает в определённом информационном пространстве, под которым мы понимаем социально-сетевое пространство. Современное социально-сетевое пространство обладает следующими характеристиками:

- появление многообразной по формам и направленности виртуальной культуры,
- возникновение параллельной реальности как агента социализации,
- создание динамично трансформирующейся, но устойчивой в своем воздействии информационной сети.

Под воздействием этих факторов формируется социальное здоровье молодёжи. Под социальным здоровьем молодежи мы понимаем такое состояние социально-демографической общности, при котором молодые люди способны адаптироваться к изменяющимся социальным условиям, преобразовывать себя и социальную среду; готовы к выполнению своих социальных функций и социальной интеграции, к сопротивлению деструктивным общественным процессам и явлениям [1].

Применение алгоритма поиска исследовательской проблемы позволил вывить основные характеристики социального здоровья молодежи:

- адаптивность в социальной среде;
- социальная активность во всех сферах общественной жизни;
- социальная направленность и значимость деятельности;
- регулятивность поведения социальными нормами и общечеловеческими ценностями;
- креативность мышления и поведения;
- готовность к социальной интеграции и саморазвитию [2].

Одним из инструментов формирования и проявления социального здоровья современной молодежи является использование социальных сетей. Социальные сети – форма организации информационно-культурного пространства, в которых отражаются все характеристики социального здоровья молодежи.

В рамках реализации исследовательского проекта № 17-13-22008 РФФИ и Правительства Алтайского края (науч. рук. – д. социол.н., профессор

Матвеева Н.А.) в 2017–2018 годах в Алтайском крае было проведено комплексное исследование социального здоровья молодёжи. Для оценки социального здоровья в повседневных практиках молодежи был проведен контент-анализ социальной сети «В Контакте». Выбор социальной сети обусловлен её распространённостью среди молодёжи, информативностью контента. Были проанализированы личные профили участников с использованием нескольких блоков единиц счета: информация о себе, аудиозаписи, видеозаписи, фотографии, группы, заметки (цитаты), игры [3; 4].

Методом контент-анализа социальной сети «В контакте» был проанализирован материал ста личных профилей, отобранных по признаку пол (юноши/девушки), возраст (выделены три возрастные группы: 14-18 лет (школьный возраст); 19–23 года (студенчество); 24– 30 лет (работающая молодежь). Фиксация личных страниц пользователей социальной сети осуществлялась с помощью создания скриншотов, что позволяет не только зафиксировать актуальную информацию, но и проанализировать ее в динамике.

Результаты нашего исследования показывают, что социальные сети в полной мере отражают этапы социализации молодого поколения. Каждый последующий этап социализации все более приводит молодежь к социальной норме, традиционным формам поведения.

Различные возрастные группы молодежи имеют особенности в манифестации и демонстрации личности. В основном эти особенности обусловлены образом жизни и основными видами деятельности на различных этапах социализации. Но в каждой возрастной группе существует внутренняя дифференциация по характеристикам социального здоровья молодежи от крайних форм девиантного поведения до идеального здорового образа жизни.

Контент-анализ социальной сети показал, что для молодежи характерно рискованное с точки зрения социальной безопасности поведение. Большинство пользователей социальной сети в реальной жизни не позволяют себе то, что считают возможным демонстрировать на своей интернет-странице, не понимая и неправильно оценивая всю «настоящность» своего присутствия в социальных сетях. Чрезмерное доверие и увлечение виртуальной реальностью и интернет-технологиями приводит к нарушению оценки ситуации общения, искажению восприятия реальности, ошибочным представлениям о способах самопрезентации и самореализации.

Контент-анализ молодежных страниц в социальной сети показал необходимость профилактической работы, направленной на актуализацию социального здоровья личности, оптимизацию общения пользователей социальной сети, на формирование адекватности восприятия виртуальной реальности, возможности самопрезентации и самореализации в современном информационно-культурном пространстве.

Результаты нашего исследования могут быть использованы при формировании государственной и региональной молодёжной политики в части профилактики социального здоровья молодого поколения; в совершенствовании содержания и управления информационно-культурным пространством социализации молодёжи; в воспитательной работе с учащимися школ, студентами, в просветительской работе среди различных возрастных населения.

Список использованной литературы

1. Матвеева, Н.А. Социальное здоровье молодёжи: постановка проблемы и стратегия исследовательского проекта / Н.А. Матвеева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2017. – Т. 7. – № 5. – С. 146–158.
2. Кулиш, В.В. Социальное измерение здоровья молодёжи: проектирование показателей комплексного социологического исследования / В.В. Кулиш, Н.А. Матвеева // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Т. 8. – № 6. – С.89 – 102.
3. Матвеева, Н.А. Организация комплексного социологического исследования «Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодёжи» : научно-методические рекомендации / Н.А. Матвеева. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 36 с.
4. Морозова, Ю.Е. Возможности и границы применения контент-анализа социальных сетей в комплексном исследовании состояния здоровья молодёжи // Научно-практический журнал по материалам 4-го Международного симпозиума «Человек. Искусство. Вселенная» в Сочинском государственном университете. – Сочи : СГУ, 2017. – С. 293–297.

А.М. Осипов
г. Санкт-Петербург, г. Великий Новгород, Россия
Н.А. Матвеева
г. Барнаул, Россия

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ И УСЛОВИЯ ОПТИМИЗАЦИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РНФ, № 18-18-00047 «Исследование состояния информационных потоков в российской системе образования и возможностей их оптимизации».

Аннотация: В статье представлены итоги межрегионального исследования управленческих информационных потоков в системе образования, проведенного в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 18-18-00047 «Исследование состояния информационных потоков в российской системе образования и возможностей их оптимизации». Противоречия бумажной работы в системе образования рассматриваются с позиции концепций бюрократии и институциональных функций с опорой на данные репрезентативных опросов и хронометража нагрузок основных должностных групп, экспертных оценок, контент-анализа документооборота образовательных организаций. Обоснованы выводы об избыточности управленческих информационных потоков в российской школе, их несоответствии целям функционирования социального института образования. Аргументированно указано на то, что источником бумажного прессинга и бумажного геноцида в российской системе образования стала управленческая стратегия, игнорирующая общественную миссию образования и его социальную эффективность.

Ключевые слова: система образования, управление образованием, бюрократия, бюропатология, информационные потоки, бумажный прессинг.

A.M. Osipov
St. Petersburg, Veliky Novgorod, Russia
N.A. Matveeva
Barnaul, Russia

INFORMATION FLOWS MANAGEMENT IN THE EDUCATION SYSTEM: REGULATIONS, TRENDS AND OPTIMIZATION CONDITIONS

Abstract: The article presents the results of an interregional study of managerial information flows in the education system, carried out as part of the implementation of the grant of the Russian Science Foundation № 18-18-00047 «Study of the state of information flows in the Russian education system and the possibilities for their optimization». The contradictions of paperwork in the education system are considered from the perspective of the concepts of bureaucracy and institutional functions, relying on data from representative surveys and timing of the workloads of the main job groups, expert assessments, and a content analysis of the workflow of educational organizations. The conclusions about the redundancy of managerial information flows in the Russian school, their inconsistency with the goals of the functioning of the social institution of education are justified. It has been argued that the source of paper pressure and paper genocide in the Russian education system is a management strategy that ignores the public mission of education and its social effectiveness.

Keywords: education system, education management, bureaucracy, buropathology, information flows, paper pressure.

С начала нового века в российской системе образования усугубляются бумажный прессинг и бумажный геноцид [1]. «Бумажный прессинг и бумажный геноцид … достигли такой фазы, которая предшествует прорыву благостных бюрократических покровов, опутывающих и обездвиживающих всю систему образования – наследницу некогда лучшей в мире советской, российской школы» [2, с. 198].

Бумажный прессинг в российском образовании коренится в ряде освоенных бюрократией теорий неолиберального толка: рыночной глобализации, глобальной интеграции и стандартизации, отмирании национально-государственной специфики, компетентностного подхода, вариативности обучения [3, 4]. Неуклонное продвижение этих теорий в практику подкрепляется сплоченностью бюрократии, основанной на ее интересах в сохранении властных привилегий и полномочий в распределении ресурсов, ее потребности в корпоративной самозащите.

Попытаемся оценить сложившуюся ситуацию с опорой на результаты начатого в 2018 г. комплексного межрегионального исследования управленческих информационных потоков в российской системе образования в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 18-18-00047 [2].

Данные исследования показывают, что отраслевая структура информационных потоков содержит институциональные дисфункции. Утверждаемый Минобрнауки России ведомственный реестр на начало 2018 г. включал 1684 вида документов [5], из них лишь 188 (11 %) напрямую касались образовательной деятельности. Реестр не учитывает институциональные функции образования, а сотни видов документов об экспертизе, программах и аттестации нацелены лишь на соответствие бюрократически выработанным стандартам [2, с. 60–61]. Не вникая в экономическую, социальную и культурную результативность отрасли, топ-менеджмент загружает ее «шумовыми» информационными потоками [2, с. 173–187], демонстрирует недоверие «низам». Так, вузы, даже обладая государственными лицензиями, вынуждены согласовывать с Министерством состав председателей ГЭК, что ежегодно плодит около ста тысяч документов, идущих в столицу и обратно.

У учреждений системы образования нет механизмов влияния «снизу» на виды, состав и контент управленческих информационных потоков. Управленческая «вертикаль» в системе образования при отсутствии обратной связи превратилась в бюрократическую диктатуру.

Результаты исследования показывают, что в образовательных организациях основную массу составляют внешние вертикальные информационные потоки. В школе N, расположенной в спальном районе областного центра (1410 обучающихся, 79 педагогов), в 2018–2019 учебном году число «входящих» составило 1903 документа (2084 страниц, плюс приложения 9050 страниц).

Структура вертикального информационного потока выглядит перегруженной, его основную массу составляют «входящие», а также информирующие документы – 47%. Требуют отклика школы – 31% «входящих», действий и отклика школы – еще 12%. Около половины «входящих» носит дублирующий характер, 70-80% их массы выходит за установленные законодательно границы ответственности школы (обеспечение концертов, избирательных участков, отчетов о молодежной политике, транспортировке детей, работе «клубов молодой семьи», занятости детей во внешкольных формах досуга и местах летнего отдыха, участия в общественно-политических мероприятиях, предметных олимпиадах, соревнованиях и пр.). Школы ведут переписку по судебным искам вне своей юрисдикции.

Структура «исходящих» выглядит деформированной. Документы с отчетами муниципальному комитету образования, которому непосредственно школы подчиняются, составляют лишь 4%, ответы иным ведомствам – 13%. В целом соотношение управленческих потоков «сверху» и «снизу» составляет 24:1. В этой пропорции степень избыточности бумажной работы отражается в полной мере.

Не меньшие деформации наблюдаются и в структуре внутренней бумажной работы учителя. В ходе исследования составлен сводный реестр видов документов, создаваемых типичным учителем (классным руководителем, при нагрузке 1,5 ставки) (см. табл.).

В среднем каждый учитель создает 96 видов документов в объеме 3886–5387 страниц по 13 направлениям работы, затрачивая на их создание 1618–2056 часов в год, 2–3 месяца круглосуточной работы. По сходной структуре были реконструированы реестры видов документов, создаваемых и другими крупными должностными категориями: администраторами школ, персоналом муниципальных органов управления образованием, профессорско-преподавательским составом и учебно-вспомогательными работниками образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, персоналом

учреждений дошкольного и дополнительного образования. В сравнении, бумажная работа учителя видится самой трудоемкой. Такая ситуация повторяется в школах всех регионов и типов поселений.

Сводный годовой реестр документов, создаваемых учителем школы

№	Направления работы	Виды документов		
		Кол-во	Объем, мин. – макс.	
			страниц	часов
1	Обучение по основной программе	6	1598-2380	660-1042
2	Диагностика по основной программе	7	196-298	158-170
3	Обучение по дополнительным программам	6	690-798	300
4	Внеурочная подготовка детей к конкурсам	8	183-251	64-72
5	Материальная ответственность	2	16-20	4
6	Воспитательная работа, организация досуга	8	169-232	138-140
7	Выездное коллективное мероприятие	11	19-21	15
8	Обучающая работа с отстающими	4	290-415	86-120
9	Участие в методических объединениях	7	82-93	33
10	Взаимодействие с семьями, партнерами	11	417-594	99
11	Оформление кабинета, портфолио класса	11	34-42	11
12	Ведение портфолио, личных дел детей	6	122-152	40
13	Аттестационное портфолио учителя	9	70-91	10
Всего		96	3886-5387	1618-2056

По данным Ф.Э. Шереги, в 2015 г. в общероссийской выборке учителей (n=1417) средняя недельная нагрузка составляла 37 уроков [6, с. 113], то есть 2 ставки. С ростом учебной нагрузки почти вдвое растет объем бумажной и внеучебной работы, подчас подменяемой отчетами о мероприятиях. При средней нагрузке в 1,5 ставки провинциальный учитель еженедельно ведет 26–30 учебных часов, а объем бумажной работы составляет нормативно 31–39 часов, фактически превышая объем учебной работы. При этом это практически никак не влияет на оплату труда учителя.

Типичная нагрузка учителя в 1,5–2 ставки и превышающий учебную нагрузку объем бумажной работы означает изматывающие профессиональные и психологические перегрузки учителя, недоработки в других областях труда (самообразование, научная, дидактическая, социально-педагогическая работа и др.). По данным хронометража учитель, работая на 1 ставку, отдает самоподготовке около 20 часов в неделю, а при работе на 2,0 ставки, соответственно, только 10 часов, то есть его подготовка к уроку сокращается втрое (до 15–20 мин.).

Обобщая, можно выделить следующие особенности бумажной работы в системе образования.

1. ***Скрытый и неучитываемый характер многих ее проявлений.*** Отчасти скрытый даже для самих работников объём и характер бумажной работы в системе образования обусловлен ее ненормированным форматом, выполнением в нерабочее время, в сочетании с иными видами жизнедеятельности (обучением, отдыхом, общением, питанием и пр.).

2. ***Недостаточная упорядоченность и низкий уровень релевантности информационных потоков***. Свыше половины документов «сверху» носит «информирующий» характер, подчас усиленный сотнями страниц приложений. Половина всей управленческой информации является дублирующей. Почти две трети персонала образовательных организаций считают, что бумажная работа плохо спланирована, плохо организована и не оставляет времени для качественной работы с детьми, для творчества, мешает в целом работе системы образования.

3. ***Сведение почти всей бумажной работы лишь к учету ее продуктов.*** Большая доля всей бумажной работы сводится к регистрации ее наличия как в управляемой организации, так и в управляющем органе. При таких колоссальных объемах полная проверка ее качества невозможна, анализ информации подменяется учетом продукта бумажной работы. Принуждение образовательных организаций к созданию различных отчетов превратилось в ведомственную традицию, а бумажный прессинг из инструмента бюрократического менеджмента – в трудоемкое занятие для самого менеджмента. И он вынужден его поддерживать, бу-

дучи не в состоянии провести анализ полезности разных видов отчетов и отказаться от ненужных, не используемых для целей управления.

4. ***Неопределенная и низкая достоверность продуктов бумажной работы.*** Невозможность проверки продуктов бумажной работы и их низкая достоверность осознается теми, кто «ставит галочки», по этому поводу сложился консенсус основных групп персонала. Лишь каждый четвертый администратор школы считает, что учитель, не выполнивший своей бумажной работы, заслуживает служебного наказания. Однако при этом успешная отчетность ценится вдвое выше действительных результатов обучения, что говорит о распаде ценностного ядра культуры учительства.

5. ***Скрытое сопротивление работников ради сокращения тягот бумажной работы***. Отдельные работники, целые трудовые коллективы и даже локальный менеджмент сопротивляются тяготам «бесполезной» бумажной работы. Учителя практикуют теневую «кооперацию», опору на шаблоны, ставшие огромным полем для социальных сетей, взятие данных «с потолка», игнорирование бюрократических запросов. Работники образования, находясь под бумажным прессингом, оправдывают такой «подлог», ведь бумажная работа ведется «для галочки» и никем не используется.

6. ***Неравномерность объемов бумажной работы среди работников, обусловленная межличностными отношениями.*** Бумажная работа стала предметом особых моделей и стратегий в межличностных и формальных отношениях в системе образования. Большинство (88%) считает, что эта работа не оплачивается должным образом. Администрация контролирует бумажную работу, а оценки, даже выносимые «для галочки», служат средством социального контроля в трудовых коллективах. Бывают ситуации, когда администратор «закрывает глаза» на отсутствие и недостатки бумажных продуктов, в иных же ситуациях «придирками» к этим продуктам принуждает исполнителя к лояльности. Это и объясняет различающиеся величины бумажных нагрузок: одни «тянут лямку» по 20–30 часов в неделю, другим «сходит с рук» небрежность при 4–6 часах бумажной работы. Избыточность бумажных нагрузок в целом осуждается, однако не порождает консолидированного управленческого действия, социального взрыва или движения. Общая пассивность объясняется неравномерностью бумажной работы в разных группах персонала, а также используемой спекулятивно привязанностью педагогов к своей профессии.

7. ***Ослабление социальных ресурсов и перспектив системы образования.*** Общим социальным и экономическим следствием бумажного прессинга в системе образования стало массовое профессиональное выгорание персонала, прежде всего учителей. Персонал системы образования, включая менеджеров региональных и муниципальных органов управления, уже ***привык*** к «неизбежному злу», абсурдности подобных ситуаций, множащих бумажные потоки и затраты. Масса людей с вузовскими дипломами и учеными степенями перестает сопротивляться иррациональному всевластию топ-менеджмента, противоречащему сохранению и развитию интеллектуального капитала общества. Бумажный геноцид среди мотивов ухода из профессии вышел на первое место наряду с неудовлетворенностью уровнем оплаты труда [1]. Бумажный прессинг, подавляющий участие работников образования в выработке решений и общественно-государственном управлении системой, лишает образование внутренних социальных ресурсов и перспективы выхода из бюропатологического тупика.

Управленческие информационные потоки в образовании вошли в состояние кризиса и утратили роль инструмента коррекции образовательной политики в интересах общества. Эти потоки при огромных затратах человеческих и временных ресурсов постоянно создают колоссальные объемы документов с низким уровнем достоверности и коэффициентом применимости. Информационные потоки выходят за рамки миссии, социальной и правовой ответственности образования, содержат институциональные дисфункции и «шумовые» перегрузки, недостоверны и неэффективны для обеспечения как качества образования, так и образовательного менеджмента. Они служат орудием административного прессинга и имитации управляемости в системе образования.

Одновременно напряженность и трудоемкость информационных потоков оказывается реальным препятствием и для нормальной работы управленческого аппарата на локальном учрежденческом, муниципальном и региональном уровнях. Бумажная работа в российском образовании в целом лишена прозрачности, нормирования труда, плановости, ориентации на социально необходимый и оправданный результат. В ее основе – излишняя концентрация полномочий в руках топ-менеджмента, «мания оценивания» всего и вся, бюрократическое недоверие к массе квалифицированных

работников образования. Российская система образования стоит вплотную перед задачей выхода из бюропатологического состояния, и инструменты решения этой задачи находятся в оптимизации управленческих информационных потоках и структурах, их порождающих.

Список использованной литературы

1. Осипов, А.М. «Бумажная работа» и новые термины в исследованиях системы образования / А.М. Осипов // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (38). – С. 12–16.
2. Информация в управлении образованием: теоретические проблемы [Электронный ресурс] / Под ред. А.М. Осипова, П.А. Бояджиевой. – Санкт-Петербург : РГПУ, 2019. – Режим доступа: http://www.novsu.ru/file/1566571
3. Осипов, А.М. Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования / А.М. Осипов // Высшее образование в России. – 2019. – № 5. – С. 63–72.
4. Осипов, А.М. «Троянские кони» неолиберализма в образовании / А.М. Осипов // Социологические исследования. – 2017. – № 8. – С. 137–148.
5. Перечень документов, образующихся в процессе деятельности Минобрнауки РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.novsu.ru/cms/edit/i.2538..3/?page=edit&id=1570644 (дата обращение 30.11.2019).
6. Шереги, Ф.Э. Педагоги общеобразовательных организаций: труд или повинность? / Ф.Э. Шереги // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 108–116.

Г.Л. Парфенова
г. Барнаул, Россия

СУВЕРЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ОДАРЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-413-220005 «Научно-методологическое обоснование и разработка модели системы управления работой с одаренными детьми в регионе».

Аннотация: Исследуется проблема суверенности психологического пространства одаренных студентов – как ресурса сохранения и развития личности, как состояния границ субъекта в разных сферах жизни, обеспечивающее его социальное и личное благополучие. Представлены результаты эмпирического исследования компонентов, особенностей и уровней сформированности суверенности психологического пространства одаренных студентов по сравнению с показателями суверенности студентов, не идентифицированных как одаренные.

Ключевые слова: личность, психологическая суверенность, психологическое пространство, одаренная личность.

G.L. Parfenova
Barnaul, Russia

SOVEREIGNITY OF PSYCHOLOGICAL SPACE OF GIFTED STUDENTS

Abstract: The problem of the sovereignty of the psychological space of gifted students – as a resource for the preservation and development of the personality, as a state of the subject's borders in different spheres of life, ensuring his social and personal well-being. The results of an empirical study of the components, features and levels of formation of the sovereignty of the psychological space of gifted students in comparison with the indicators of the sovereignty of students who are not identified as gifted are presented.

Keywords: personality, psychological sovereignty, psychological space, gifted personality.

Одной из актуальных проблем развития личности в современном обществе является проблема суверенности психологического пространства одаренной личности юношеского возраста – как ресурса сохранения и развития ее высокого потенциала.

Молодое поколение – это будущее общества, ее экономический, научный и культурный потенциал. В условиях грандиозной изменчивости, потребительской избыточности и жесткой конкурентоспособности современной жизни, ценностью сама по себе является самоэффективная, креативная личность, обладающая социальной активностью, смелостью и готовностью справляться с новыми вызовами современности.

Одним из внутренних ресурсов развития личности в современном обществе является ее способность ощутить целостность границ своего психологического пространства, обрести умение самостоятельно организовывать собственную жизнь, направлять вектор саморазвития и переживать чувство собственной суверенности.

Психологическая суверенность в современной психологии понимается неоднозначно. Базовые позиции в данном исследовании в понимании психологической суверенности основаны на представлениях С.К. Нартовой-Бочавер, рассматривающей психологическую суверенность как способность управлять, контролировать и развивать свое психологическое пространство, как состояние границ психологического пространства субъекта, в состав которого входит все то, с чем человек себя соотносит и считает «своим» (физическое тело, личные вещи, привычки, вкусы и ценности, социальные связи); как состояние границ субъекта в разных сферах бытия, обеспечивающее его социальное и личное благополучие [1, 4, 8, 9].

Суверенность психологического пространства важна для самой личности и ее социального окружения. Субъект, обладающий умением выстраивать свои границы, способен предусмотрительно и тактично относиться к границам других людей. Такой человек успешнее в социальной жизни, чем те, кто не умеет выстраивать собственные границы. Именно этим обусловлен значительный интерес исследователей к проблеме суверенности психологического пространства.

Суверенность приобретается на определенных этапах жизни личности и основывается на опыте успешного автономного поведения. Особенно значим для становления суверенности юношеский возраст. Решение задач и развитие новообразований этого возраста глубоко связаны с состоянием границ психологического пространства [2, 3].

Анализ литературы, опубликованных эмпирических данных, показал, что недостаточно исследована суверенность психологического пространства у такой категории лиц юношеского возраста, как одаренные. В то же время, одаренная личность, в силу особенностей своего психического и психологического склада, является потенциалом общества в решении вызовов современного мира.

В связи с этим была поставлена проблема исследования: каковы особенности суверенности психологического пространства у одаренных личностей юношеского возраста? Исследование проведено на представителях юношеского возраста – студентах педагогического вуза. Цель данной работы включала исследование особенностей суверенности психологического пространства одаренных студентов и разработку рекомендаций для психологической службы университета о содержании психологического консультирования одаренных студентов по проблемам нарушения суверенности психологического пространства личности.

Гипотеза исследования включала ряд положений. В данной статье, в связи с ограниченностью ее объема, остановимся на результатах проверки одного из предположений о том, имеются ли особенности показателей суверенности психологического пространства у одаренных студентов по сравнению с показателями суверенности психологического пространства студентов, не относящихся к категории «одаренные».

Методологическую и теоретическую основу исследования составили научные подходы отечественных и зарубежных ученых. Так, в представлении о суверенности психологического пространства личности мы основывались на трудах А.В. Бурмистровой-Савенковой, А.Л. Журавлева, С.К. Нартовой-Бочавер, А.Б. Купрейченко и др.

Анализ социально-психологических особенностей и проблем юношеского возраста, студенчества, осуществлялся на основе работ Б.Г. Ананьева, И.С. Кона, И.Ю. Кулагиной, А.В. Мудрика, В.С. Мухиной, Ж. Пиаже, Э. Эриксона и др. Большинство авторов границами юношеского периода считают 16–17 – 24–25 лет. Это возраст зарождения новообразований, детерминирующих развитие значимых личностных структур, перестройку прежних отношений к миру и самому себе, построение образа мира, прогнозирование своего места в этом мире,

своего будущего и способов самоосуществления [2, 3, 5].

В представлениях об одаренности, мы основывались на подходах: системном (И.А. Зимняя, Д.Б. Богоявленская, Я.А. Пономарев); культурологическом (Б.Г. Ананьев, И.В. Дубровина, Л.С. Колмогорова и др.), предполагающем самореализацию и гармоничное развитие личности в условиях становления её культуры; динамическом (Л.С. Выготский, Ю.Д. Бабаева, Дж. Рензулли). Одаренность в психологии трактуется неоднозначно. Основываясь на взглядах Ю.Д. Бабаевой, Д.Б. Богоявленской, Дж. Рензулли, мы понимаем одаренность как динамично развивающийся системный феномен психики, в структуре которого содержатся интеллектуальные, мотивационные, креативные характеристики, развитые на высоком уровне, выступающие ресурсом достижений личности – субъекта деятельности, культуры, жизни, отношений, достижений [5, 6, 7].

Эмпирической базой исследования (2017–2019 гг.) являлся ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет» (далее –АлтГПУ). Выборка исследования составила 180 человек (студенты 2–3 курсов, юноши и девушки разных факультетов).

При идентификации одаренности студентов, в соответствии с моделью Дж. Рензулли [7], использовали батарею методик: невербальный тест интеллектуальных способностей – «Шкала прогрессивных матриц» (Дж. Равена) для выявления интеллектуального компонента одаренности; «Тесты дивергентного творческого мышления» и «Тест личностных творческих характеристик» (Ф. Вильямса) для выявления творческого компонента; тест-опросник «Измерение мотивации достижения успеха – мотивации избегания неудачи» (А. Мехрабиана, в модификации М.Ш. Магамед-Эминова) для выявления мотивационного компонента.

Исследование у 180 студентов уровня развития интеллектуального, творческого и мотивационного компонентов одаренности, позволило распределить респондентов на 2 группы («ОС» – группа одаренных студентов – 31 человек; «ГС» – сравниваемая группа студентов, не отнесенных к категории «одаренные» – 149 человек), которые позже сравнивались нами по показателям суверенности.

Для исследования системных компонентов суверенности психологического пространства студентов использовали методику С.К. Нартовой-Бочавер «Суверенность психологического пространства». В группах «ОС» и «ГС», в соответствии с гипотезой, диагностировали, а затем сравнивали результаты, выявленные по показателям суверенности психологического пространства. Обобщенные данные представлены в таблице.

Выраженность показателей суверенности психологического пространства в группах «ОС» и «ГС» (по методике С. К. Нартовой-Бочавер)

Показатели	Выраженность показателей (в %)							
	Сверхсуверенность		Нормальная суверенность		Депривирован ность		Травмированность	
	ОС	ГС	ОС	ГС	ОС	ГС	ОС	ГС
СПП	29	23	58	67	10	10	3	0
СФТ	22,5	10	64,5	82	13	8	0	0
СТ	35,4	27	58	59	3,3	10	3,3	4
СВ	19	16	71	72	10	10	0	2
СП	13	21	74	69	13	10	0	0
СС	16	6	61	76	19,7	16	3,3	2
СЦ	22,5	12	58	86	16	2	3	0

Условные обозначения к таблице

СПП – суверенность психологического пространства; СФТ – суверенность физического тела; СТ – суверенность территории; СВ – суверенность вещей; СП – суверенность привычек; СС – суверенность социальных связей; СЦ – суверенность ценностей.

Анализ данных таблицы позволил выявить следующее.

Наибольшее число респондентов по всем шкалам имеет уровень – «нормальная (умеренная) суверенность», что свидетельствует о тенденции респондентов и группы «ОС», и группы «ГС» к здоровой автономии. Так, по обобщающей шкале «СПП» нормальный уровень суверенности психологического пространства показали 58% одаренных студентов и 67% студентов из «ГС». Факт подтверждает

способность большинства студентов – одаренных и не относящихся к этой категории, устанавливать верную психологическую дистанцию с окружающими, не испытывать ущемления с их стороны, противостоять разрушающим влияниям извне или избегать их.

Достаточно много студентов из обеих групп показали уровень суверенности психологического пространства «сверхсуверенный» по шкалам: «суверенность психологического пространства», «суверенность вещей», «суверенность территории», «суверенность привычек». У респондентов, у которых по обобщенной шкале – «СПП» выявлен уровень «сверхсуверенный», выражена ригидная сверхзащита границ; личностные границы таких студентов отличаются прочностью по отношению к внедрению извне, студенты склонны активно их защищать.

Уровни суверенности «депривированность» и «травмированность» выявлены у разного количества студентов (от 0% до 23%) в обеих группах. Так, суммарный показатель «депривированности» и «травмированности» диагностирован по пяти шкалам (СПП, СП, СФТ, СВ, СС) у примерно одинакового числа студентов «ОС» и «ГС». В то же время выявлены существенные различия в выраженности «депривированности» и «травмированности» между группами «ОС» и «ГС» по двум шкалам «суверенность территории» и «суверенность ценностей». Студентам, у которых выявлены «депривированность» и «травмированность», свойственны переживания «жертвы» чужого «вторжения» в отношении своих физических границ, своих прав иметь личные вещи и комфортный для них распорядок жизни. Эти студенты переживают со стороны значимых окружающих регламентированный и жесткий режим, жесткий контроль над социальной жизнью, непризнание значимыми взрослыми прав респондента на собственные идеи и взгляды. Они не способны устанавливать верную психологическую дистанцию по отношению к угрожающим явлениям и автономизироваться от них.

Для оценки различий по исследуемым показателям между группами «ОС» и «ГС», был использован многофункциональный критерий «угловое преобразование Фишера» – φ*. В результате применения методов математической статистики выявлено, что доля респондентов в выборках по показателям суверенности различается с высоким уровнем значимости по ряду шкал:

1. У одаренных студентов в большей степени, чем у студентов, не относящихся к категории «одаренные», нарушены границы суверенности физического тела (при φ*эмп=1,699; p≥0,05). Часть одаренных студентов (при сверхсуверенности) стремятся к неприкосновенности их физического пространства сверхнеобходимого. Другая часть (при депривированности) не способна оберегать свои физические границы, что приводит к неспособности понимать свои физические потребности, свое тело, устанавливать длительную, надежную привязанность.

2. У одаренных студентов в большей степени нарушены границы суверенности ценностей, чем у студентов, не отнесенных к категории «одаренные» (при φ*эмп = 2,754; p≥0,05). Для одних одаренных студентов (при сверхсуверенности) характерно настойчивое, вопреки всем, отстаивание свободы вкусов, интересов, мировоззрения. Другая часть одаренных студентов (при депривированности) свои границы суверенности ценностей не способна защищать, что приводит к некритичности по отношению к мировоззренческим системам других и, как следствие, – к конформности, неспособности выстраивать прочные границы перед идеологическим вторжением.

Итак, в результате эмпирического исследования, подтверждена гипотеза о том, что показатели суверенности психологического пространства у одаренных студентов по сравнению с показателями суверенности психологического пространства студентов, не относящихся к категории «одаренные», имеют особенности.

Список использованной литературы

1. Журавлев, А.Л. Психологическое и социально-психологическое пространство личности: теоретические основания исследования / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 10–18.
2. Купченко, В.Е. Типология жизненных стратегий в юношестве / В.Е. Купченко // Омский научный вестник. – 2010. – № 4. – С. 101–104.
3. Мозговая, Н.Н. Особенности суверенности психологического пространства личности юношей и девушек студентов вуза / Н.Н. Мозговая, Н.Г. Манвелян // Психология обучения. – 2015. – № 1. – С. 44–56.
4. Нартова-Бочавер, С.К. Психологическое пространство личности: монография / С.К. Нартова-Бочавер. – Москва : Прометей, 2005. – 312 с.

5. Парфенова, Г.Л. Социальная компетентность как компонент психологической культуры одаренных старшеклассников : монография / Г.Л. Парфенова. – Барнаул : Алтайская гос. педагогическая акад, 2012. – 241 с.
6. Рабочая концепция одаренности. — 2-е изд., расш. и перераб. / под общей ред. Д.Б. Богоявленской. – Москва, 2003. – 95 с.
7. Савенков, А.И. Одаренный ребенок дома и в школе / А.И. Савенков. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 272 с.
8. Nartova-Bochaver, S. The personal sovereignty as a boundaries phenomenon / S. Nartova-Bochaver // Countribution to the ISSID 2011 Conference, July 26-25, Barcelona, Spain. Personality and individual, 2013. In print.
9. Nartova-Bochaver S. On the differentiation of positive personal phenomena: Authenticity and Sovereignty in Russian Students [Электронный ресурс] / S. Nartova-Bochaver // Abstract of paper contributed to the International Society for the Study of Individual Differences. – 2011. – London, 25–28 July. – P. 123. – Режим доступа: http://www.issid2011.com/program/posters.pdf.

Н.А. Пахтусова, Н.В. Уварина
г. Челябинск, Россия

МЕХАНИЗМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СЕТЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-013-00492 «Становление сетевой идентичности личности в условиях виртуальной образовательной среды».

Аннотация: В статье рассматриваются аспекты становления сетевой идентичности личности. В частности, авторы останавливаются на раскрытии ключевых механизмов становления сетевой идентичности и их особенностях. В числе основных механизмов рассматриваются: эмоциональное заражение, идентификация, слияние идентичности, когнитивная и аффективная переработка, рефлексия.

Ключевые слова: идентичность, сетевая идентичность, становление сетевой идентичности личности, механизмы идентичности.

N.A. Pakhtusova, N.V. Uvarina
Chelyabinsk, Russia

MECHANISMS FOR FORMING NETWORK IDENTITY OF PERSONALITY

Abstract: The article considers aspects of the formation of a network identity of a personality. In particular, the authors focus on revealing the key mechanisms of network identity formation and their features. Among the main mechanisms are considered the following: emotional infection, identification, identity fusion, cognitive and affective processing, and reflection.

Keywords: identity, network identity, formation of a network identity of a personality, mechanisms of identity.

Ведущие тенденции реформирования Российского образования связаны с идеей создания условий для развития личности, ее максимальной самореализации, становления как субъекта собственной жизни. Это приводит к постановке ряда проблем, касающихся качественных изменений в механизмах и формах личностной и социальной идентичности.

Изучение взаимозависимости виртуальных пространств и развития идентичности может обогатить оба этих феномена. Виртуальные пространства как специфические внешние условия могут помочь раскрыть механизмы развития идентичности. Знания об особенностях идентичности пользователей виртуальных образовательных пространств увеличат эффективность их

функций. Рассмотрение проблемы идентичности с опорой на социальное познание личностью социальной реальности и смысловые структуры позволит наиболее полно изучить влияние виртуальных пространств на специфику построения «Я» личностью, на интеграцию внешних условий и внутренних процессов. Вопрос интеграции конструирования социальной реальности и самоконструирования наименее изучен в современных исследованиях.

Анализ научных работ в этом направлении показывает, что наиболее неизученной и интересной является проблема взаимосвязи и взаимовлияния виртуальной и реальной идентичности (О.И. Елхова, А.Е. Жичкина, А. Имиджиголян и др.). Так, считается, что создание сетевой идентичности, отличающейся от реальной, может быть вызвано рядом причин: это и неудовлетворенность своей реальной идентичностью, и желание попробовать другую идентичность и тем самым расширить свой идентификационный опыт, а также достичь того, что в реальной жизни не удается (компенсаторный момент в мотивации создания виртуальной идентичности).

Формирование идентичности задается реципрокным взаимодействием социальных процессов и собственной активности (когнитивных и эмоциональных процессов) и может являться более или менее целенаправленным в зависимости от потребностей человека (в принадлежности к социальным структурам, в аутентичности, самоулучшении и социальном признании).

Структура и выраженность потребностей определяют меру активности человека, а также то, насколько он подвержен влиянию социальных факторов и чувствителен к обратной связи в процессе построения своей сетевой идентичности. Выраженность и особенности взаимодействия когнитивных и аффективных процессов влияют на степень и характер «переработки» полученного извне опыта при включении его в структуру идентичности. Например, доминирование аффективных процессов приводит к временной и неустойчивой идентификации со слабой дифференцированностью в структуре идентичности (что происходит при эмоциональном заражении). Низкий уровень собственной активности связан с формированием знаемой идентичности, соответствующей социальным нормам, ожиданиям и представлениям, но не интегрированным в систему личностных ценностей, переживаний и представлений.

Сетевая идентичность, прежде всего, понимается как самоопределение личности, самопознании, обнаружении и опознание себя в некоторой определенности и конкретности в условиях сетевой коммуникации. Человек может и должен ею обладать, правильно ее осознавать, а может ее только воображать и представлять. При этом человек пытается найти, обнаружить и понять самого себя среди множества образов, которые существуют в его сознании и представлениях окружающих людей.

Это внешняя составляющая сетевой идентичности – социальная, представляет собой отражение окружающего мира, подражание внешним объектам как способ адаптации и приспособления к сетевой реальности. То есть социальная составляющая сетевой идентичности представляет собой процесс моделирования себя посредством ***механизма идентификации*** – опознание и распознавание через сличение, сравнение, сопоставление себя с другими людьми.

В отечественной социальной психологии идентификация – отождествление себя с другим – выражает установленный в ряде экспериментальных исследований эмпирический факт, что одним из самых простых способов понимания другого человека является уподобление себя ему. Идентификация – механизм познания и понимания другого.

А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова [2] выделяют следующие механизмы формирования идентичности (следует отметить, что список механизмов отражает современные эмпирические данные в этой области и не претендует на полноту):

1. ***Эмоциональное заражение*** – эмоциональное переживание себя как целого с другими людьми или событиями, возникающее быстро под влиянием эмоционально заряженной социальной ситуации и, как правило, нестабильное. При эмоциональном заражении когнитивный анализ редуцирован до самых общих выводов («хорошее – плохое», «друг – враг»), поэтому человек склонен к импульсивному поведению в соответствии с лозунгами или поведением других людей. В отличие от процесса деперсонализации [5]: в этом случае не происходит сколько-нибудь детальной самокатегоризации и выделения признаков прототипа, а сама идентичность носит недифференцированный характер. При этом ситуация иллюзорно воспринимается как предсказуемая вследствие эмоционального переживания единства с другими людьми, событиями или объектами.

2. ***Идентификация*** – механизм, предложенный в рамках теории социальной идентичности и теории самокатегоризации [5]. При идентификации человек категоризует себя в соответствии с теми или иными общими характеристиками (прототипом), стараясь сблизить себя и группу и заострить различия с другими группами, что приводит к деперсонализации (отказу от личной идентичности в пользу сходства с прототипом). При классической идентификации процесс когнитивной переработки касается только сопоставления себя с прототипом и категоризации и не включает преобразования информации в соответствии с собственными целями и ценностями.

На наш взгляд, об идентификации можно говорить и в том случае, если вклад собственной активности в формирование идентичности низок, – возникает предписанная кем-либо, знаемая идентичность. Так, в исследованиях само-стереотипизации было отмечено (Sinclair et al), что идентификация нередко определяется влиянием близких, которые задают человеку категориальную сеть для понимания и определения себя. В концепции социальных статусов Дж. Марсия (Marcia) такой тип идентификации описан при принятой идентичности: человек выбирает нечто без предварительных поисков и анализа (т.е. без когнитивной переработки). Как и в случае заражения, оба варианта идентификации связаны с переживанием иллюзии контроля и предсказуемости как следствия понятности и предсказуемости прототипа.

3. ***Слияние идентичности*** – механизм, предложенный в рамках теории самоподтверждения [7], при котором личная и социальная идентичность не просто согласуются, а рассматриваются как функционально эквивалентные. Характерным отличием слияния от идентификации является готовность к индивидуализированным действиям во имя группы, которые не могут быть отражением общего для всех прототипа. Современных данных недостаточно, чтобы сделать выводы о том, насколько глубока когнитивная проработка при таком способе формирования идентичности, тогда как роль аффективных процессов, без сомнения, велика. При слиянии идентичности переживание контроля трансформируется в иллюзию неуязвимости и, в некотором смысле, всемогущества.

4. ***Когнитивная и аффективная переработка*** подразумевает активное участие человека в переработке и изменении предлагаемого социумом прототипа в соответствии с личными целями и ценностями. При этом ясны границы идентификации – что именно и почему «подходит» человеку, а что – нет, в каких ситуациях он проявляет идентичность, а в каких ведет себя иным образом. Этот механизм наиболее близок представлениям Э. Эриксона [3] о синтезированной идентичности и представлениям Дж. Марсиа [6] о гармоничном сочетании поиска и выбора.

В психологии развития накоплены данные о значительной неоднородности этого механизма [4], сочетание и динамические характеристики поиска и выбора существенно различаются. На наш взгляд, неоднородность объясняется, в частности, различиями в выраженности собственной активности, выраженности и соотношении когнитивных или аффективных процессов переработки, чувствительности к обратной связи и т.п. Принятие и переработка идентичности могут строиться на идеологических убеждениях, осознанных попытках преодолеть стресс, стремлении к извлечению выгоды, а также возможности повлиять на другие, не вовлеченные группы, поэтому, в отличие от идентификации, при переработке возможны критичное отношение к группе, индивидуализированные (не основанные на прототипе) действия ради нее или отказ от действий.

На наш взгляд, такой механизм формирования идентичности лежит в основе коллективных действий, совершаемых во имя группы ради улучшения условий группы как целого.

Большинство указанных механизмов предложены для объяснения формирования идентичности в отношении социальной группы, однако они применимы к более широкому кругу объектов.

Теперь остановимся на проявлении механизма ***рефлексии.*** Сетевая идентичность человека как проявление одного из аспектов Я-концепции имеет сложную природу. Чувство идентичности не всегда является осознанным. Оптимальное чувство идентичности переживается просто как чувство психосоциального благополучия. Это ощущение «себя в своей тарелке» и внутренней уверенности в признании со стороны авторитетов [1].

Но именно рефлексия является тем необходимым механизмом, позволяющим прийти к полному осознанию, пониманию и принятию своей собственной уникальности. Как правило, человек с высоким уровнем развития рефлексии быстрее и легче находит ответы на жизненные вопросы,

оценивает ситуацию, свое собственное поведение, мысли, чувства, действия, принимает решения и формирует позитивный жизненный опыт. Человеку, который не часто задумывается о себе и своей жизни, не задает себе вопросов: «кто я?», «что я хочу?», «что я могу?», «что я делаю и для чего?» достаточно сложно понять и принять все, что в его жизни происходит, понять свои индивидуальные особенности, видеть в себе причину всего происходящего. Чаще всего такие люди винят во всем других или обстоятельства и не способны что-либо конструктивно изменить в своей жизни, неуверенны в себе. Именно осознание выполняет важную функцию – является основанием для определения целей смысла жизни и способствует адекватному поведению человека с другими людьми (Г.М. Андреева, А. Кроник, А. Маслоу, Дж. Нюттен, Э. Эриксон и др.).

Именно осознанность, как результат рефлексии, и осознание и принятие своих индивидуальных характеристик и своих социальных ролей, и как следствие, – принятие особенностей личностной и социальной идентичностей, дает возможность человеку быть успешным в общении с самим собой и другими.

Механизм рефлексии дает возможность личности через осмысление ценностно-смысловых ориентиров своей деятельности, через формирование себя в онлайн-пространстве как активного субъекта презентовать свою сетевую идентичность и встраиваться на основе приоритетных идентификаций в позиционирование солидарных сообществ, тем самым осуществляя сетевую реконструкцию личностной идентичности. У личности появляется возможность не только заявить, но и благодаря сетевой коммуникации получить «закрепление» статуса своей идентичности. Именно рефлексивная включенность индивида в публичное пространство позволяет ему сформировать сетевые «мы-идентичности» для их последующего продвижения в публичном онлайн-пространстве как новой формы коллективных представлений и социального поведения. Можно сказать, что уровень развития сетевой идентичности личности напрямую связан с уровнем рефлексии человека.

Таким образом, сетевая идентичность, формирующаяся в публичном онлайн-пространстве, основывается на следующих механизмах: эмоциональное заражение, идентификация, слияние идентичности, когнитивная и аффективная переработка, рефлексия**,** которые дают возможность личности осуществить собственную презентацию своей реальной жизни и солидаризироваться во мнении, действиях с другими коммуникаторами в сетевом формате.

Список использованной литературы

1. Андреева, Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия [Электронный ресурс] / Г.М. Андреева // Психологические исследования. – 2012. – № 5(26), 1. – Режим доступа: http://psystudy.ru.
2. Тхостов, А.Ш. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода [Электронный ресурс] / А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова // Психологические исследования. – 2012. – № 5 (26). – Режим доступа: http:// psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/771 – rasskazova26.html
3. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон / пер. с англ. – Москва : Флинта, 2006. – 342 с.
4. Crocetti, E., Schwartz, S.J., Fermani, A., Meeus, W. The Utrecht – Management of Identity Commitments Scale (U – MICS). Italian validation and cross – national comparisons / E. Crocetti, S.J. Schwartz, A. Fermani, W. Meeus // European Journal of Psychological Assessment. – 2010. – № 26(3). – P. 172–186.
5. Hogg, M.A., Reid, S.A. Social identity, self – categorization and the communication of group norms / M.A. Hogg, S.A. Reid // Communication Theory. – 2006. – № 16(1). – P. 7–30.
6. Marcia, J.E. Identity and psychosocial development in adulthood / J.E. Marcia // Identity. – 2002. – № 2(1). – P. 7–28.
7. Swann, W.B., Gomez, A., Seyle, D.C., Morales, J.F., Huici, C. Identity fusion: the interplay of personal and social identities in extreme group behavior / W.B. Swann, A. Gomez, D.C. Seyle, J.F. Morales, C. Huici // Journal of Personality and Social Psychology. – 2009. – № 96(5). – P. 995–1011.

А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновская
г. Москва, Россия

МОТИВЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В «ТЕНЕВЫХ» ПРОЦЕССАХ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА

Материалы подготовлены по результатам серии социологических исследований[1], по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 13-06-00032 А «Некриминальная «теневая» экономика: масштабы развития и влияние на массовое сознание».

Аннотация: Статья основана на результатах социологического изучения некриминальной «теневой» экономической деятельности. Исследования показывают, что «теневые» процессы довольно широко распространены в российском обществе. В данную деятельность включено около трети занятых граждан в качестве производителей товаров, работ или услуг. Для многих «рядовых» работников работа в «тени» носит скорее вынужденный характер, это способ поддержать свое материальное положение на относительно приемлемом уровне.

Ключевые слова: рынок труда, наемные работники, самозанятые, «теневая» занятость.

A.N. Pokida, N.V. Zybunovskaya
Moscow, Russia

MOTIVES OF PARTICIPATION OF CITIZENS IN "SHADOW" PROCESSES IN THE MODERN LABOR MARKET

Abstract: The article is based on the results of a sociological study of non-criminal «shadow» economic activity. Studies show that «shadow» processes are quite widespread in Russian society. About one third of employed citizens are involved in this activity as producers of goods, work or services. For many «ordinary» workers, work in the «shadow» is rather forced; it is a way to maintain their financial situation at a relatively acceptable level.

Keywords: labor market, employees, self-employed, «shadow» employment.

В последние два десятилетия «теневая» занятость укрепила свои позиции на рынке труда. В нее включены различные группы занятого населения, в том числе представители малого бизнеса, самозанятые, наемные работники.

Безусловно, вопросы «теневой» занятости – весьма острая и провокационная тема для многих граждан, их оценки и суждения могут быть не всегда откровенными и существенно зависеть от текущей позиции государства по регулированию «теневого» рынка труда.

В данном исследовании речь идет о некриминальной «теневой» экономической деятельности, которая по своему содержанию не запрещена законодательно, однако производится гражданами без регистрации в уполномоченных органах и без уплаты необходимых налогов. В этой связи при достаточно корректном использовании социологических методов можно получить вполне объективную информацию о процессах, протекающих на некриминальном «теневом» рынке труда.

На текущий момент, согласно данным социологического мониторинга, в качестве активных участников «теневого» рынка труда с различной периодичностью трудится 32,5% занятого населения, а это примерно 25 млн человек.

[1] Материалы исследований представляют результаты опросов занятого населения Российской Федерации в возрасте 18 лет и старше, проведенных в 2001-2019 гг. Научно-исследовательским центром социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС совместно с Институтом социальных исследований (ИСИ). Выборочная совокупность каждого исследования, как правило, составляла 1600-2400 респондентов. Опросы проведены в 20-35 субъектах Российской Федерации по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности, а также основные социально-демографические характеристики. Опрос проводился методом личного интервью («face to face») по месту работы или жительства респондентов.

Оценка включенности занятого населения в «теневой» рынок труда производилась на основе 3-х показателей:

- доля граждан, работающих (имеющих доходное занятие) без официального оформления по основной работе (доходному занятию);
- доля работников, которым выплачивается вознаграждение (заработная плата) частично в официальном порядке, а остальное в «конверте» при условии наличия с работодателем (заказчиком) трудового соглашения (договора, контракта);
- доля граждан, работающих (имеющих доходное занятие) без официального оформления по дополнительной занятости (доходному занятию).

В целом за последние два года фиксируется снижение вовлеченности населения в «теневую» экономику (рисунок 1). Количество ее активных участников сократилось.

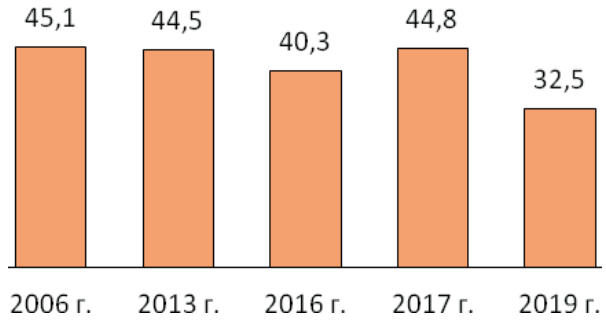

Рис. 1 – Доля работников, занятых на рынке труда неофициально в течение одного года
(в % от общего количества занятого населения)

В значительной степени снижение масштабов вовлеченности граждан в «теневой» рынок труда произошло, во-первых, за счет снижения общего количества работающих по дополнительной работе независимо от юридического статуса занятости (оформленная/неоформленная). Если в 2017 г. 45,3% занятого населения имели подработку, то в 2019 г. об этом заявили только 27,6%. Во-вторых, исследование также зафиксировало снижение числа занятых неофициально по дополнительной занятости. Так, в 2017 г. среди работающих дополнительно 59,7% официально не оформляли свои трудовые отношения с работодателем или Заказчиком, в 2019 г. на это указали 50,7%.

Можно предположить, что отмеченное снижение распространенности дополнительной занятости обусловлено, скорее всего, снижением потребительской активности граждан, поскольку именно они в значительной степени являются заказчиками данных работ или услуг.

Тем не менее, в настоящее время сохраняется количество работников, для которых неоформленная занятость является основным источником дохода. Например, в 2013 году на это указали 11,9% занятого населения, в 2017 г. – 13,6%, в 2019 г. – 13,1%.

На распространенность «теневой» экономической деятельности в российском обществе влияет ряд условий или предпосылок, среди которых можно отметить низкий уровень доходов населения, тяжесть налогообложения, несовершенство законодательной базы, безработицу, распространенность коррупции, слабую реализацию принципов социальной справедливости в обществе, социальную незащищенность и др. [3].

Для многих граждан участие в неофициальной деятельности скорее вынужденная мера. «Некриминальная часть “теневой” экономики является одним из важнейших условий терпимого существования и/или выживания значительной части населения, чем в какой-то мере компенсирует дефекты государственной экономической политики и до поры стабилизирует социальную ситуацию в обществе» [1, с. 92].

Возможность увеличить свой небольшой доход является основным аргументом неофициальной занятости работников. На это указывает большинство опрошенного занятого населения. Поэтому можно предположить, что наличие данной материальной составляющей существенно усложняет поиск возможных инструментов или механизмов, которые могли бы заинтересовать работников легализовать свою профессиональную деятельность.

Кроме материальных, существуют и иные причины включения граждан в «теневую» деятельность. Граждане, в принципе, и готовы бы оплачивать все необходимые налоги и сборы, однако различные обстоятельства выступают некими ограничительными элементами. В частности, речь идет о трудностях в поиске подходящей работы, связанной не только с достойной оплатой труда, но и с возможностями совмещения нескольких работ, удобным графиком работы, возможностями работать при наличии ограничений по возрасту или здоровью и др. (рисунок 2).

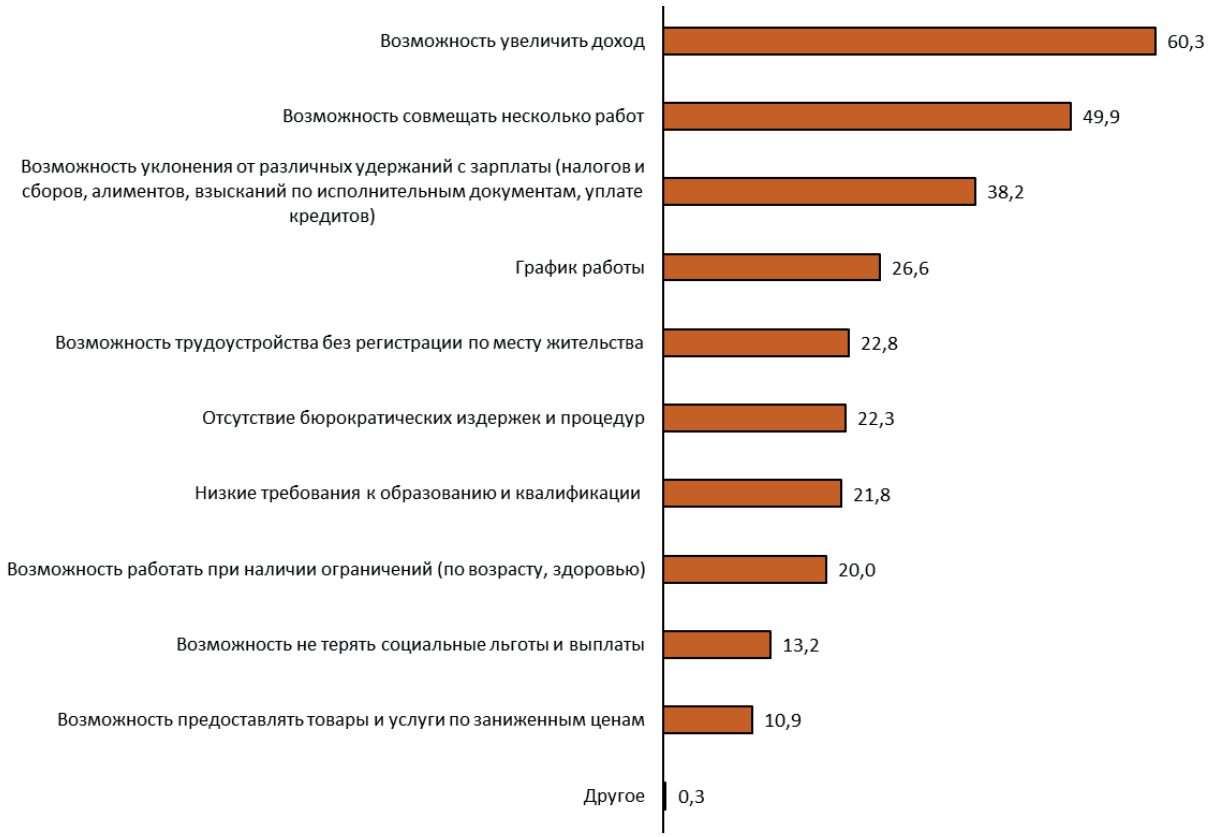

Рис. 2 – Факторы, определяющие неофициальную занятость населения
(в % от количества занятых в некриминальной «теневой» экономике)

Результаты исследований показывают, что фиксируемое снижение участия в «теневой» экономической деятельности сопровождается ростом положительного отношения населения к ней. Например, с 50,8% в 2017 г. до 72,9% в 2019 г. выросла доля работающего населения, которое положительно относится к выполнению многими гражданами строительных, ремонтных, репетиторских и других работ или услуг с получением оплаты «из рук в руки», минуя кассу, хотя очевидно, что эта деятельность осуществляется без уведомления налоговых органов о ее существовании и без выплаты налогов, то есть в обход закона. Кроме того, растет количество граждан, которые считают, что неофициальная экономическая деятельность в целом приносит больше пользы для общества (рисунок 3). Это говорит о значимости для граждан «теневого» рынка товаров и услуг в обеспечении их потребностей, что является тревожным симптомом.

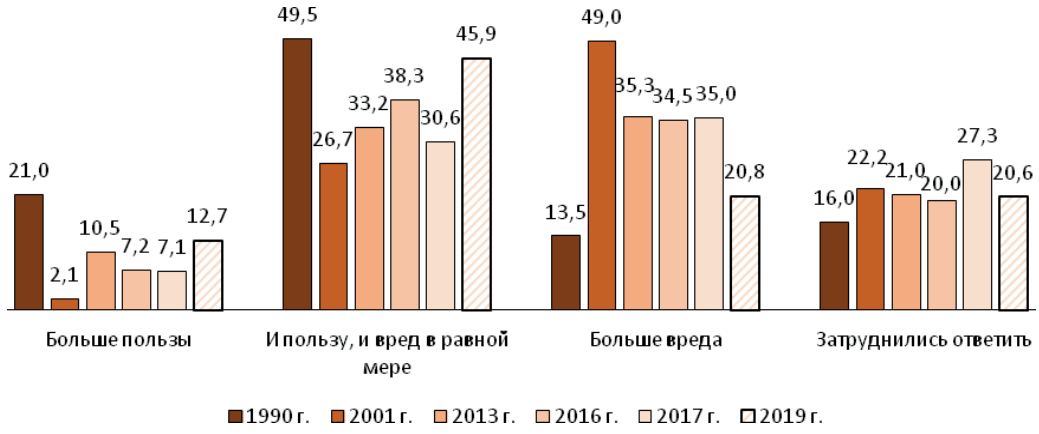

Рис. 3 – Отношение занятого населения в целом к неофициальной (теневой) экономической деятельности
(в % от общего количества опрошенных)

В ходе проведения интервью (2019 г.) респондентам, занятым в некриминальной «теневой» экономике, задали вопрос о том, что, по их мнению, может повлиять на стремление граждан выполнять свои обязанности по оплате необходимых налогов. Получено следующее распределение ответов на этот вопрос:

- снижение величины налоговых выплат – 45,1%,
- обеспечение равенства перед законом всех групп граждан – 31,9%,
- страх наказания – 29,1%,
- снижение социального неравенства – 28,1%,
- законопослушность – 23,8%,
- неизбежность наказания – 18,7%,
- совесть – 15,7%,
- гражданский долг – 12,9%.

Как свидетельствуют приведенные данные, снижение величины налоговых выплат, по мнению опрошенных, является основным фактором, способным повысить стремление работников трудиться официально. На эту зависимость обращают внимание исследователи из Высшей школы экономики: «Среди многочисленных факторов, потенциально влияющих на решение индивида о том, работать ли ему формально или уйти «в тень», уровень и структура налогов относятся к важнейшим. Работник взвешивает выгоды и издержки доступных ему альтернатив и выбирает ту, что кажется наиболее выгодной» [2, с. 253].

Безусловно, привлечение даже части граждан в правовое поле позволит увеличить отчисления в бюджет страны. Однако эффект от такой легализации стоит рассматривать в среднесрочной перспективе, поскольку на начальном этапе могут возникнуть существенные расходы по организации и настройке механизмов регулирования «теневых» процессов. Другой момент – снижение участия граждан в «теневой» деятельности не всегда трансформируется в переход в правовое поле. Для части граждан работа в «тени» – это временная, иногда случайная возможность получения дополнительного дохода. Поэтому лишение такой прибавки может существенно отразиться на уровне жизни ряда граждан.

Каждая категория занятых имеет свои причины включенности в теневой» рынок труда, поэтому при разработке мер по ограничению деятельности граждан в неофициальной экономике необходимы решения, учитывающие потребности различных социальных и профессиональных групп населения. Необходим поиск таких решений, которые могли бы соблюсти баланс интересов государства и других субъектов экономических отношений, в частности, самозанятых, наемных работников, предпринимателей.

Весьма остро среди населения стоит вопрос социальной справедливости, равенства перед законом всех групп граждан, без решения которого сложно рассчитывать на эффективность мер по легализации рынка труда. Во многом свое противоправное экономическое поведение граждане обосновывают отсутствием именно социальной справедливости, отсутствием равного доступа к различным благам. Возможно, в данном направлении необходимо усиление внимания органов государственного управления.

Список использованной литературы

1. Бойков, В.Э. Человеческий фактор «теневой» экономики после 20 лет реформирования российского общества / В.Э. Бойков // Социологические исследования. – 2014. – № 8. – С. 90–95.
2. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда : монография / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 535 с.
3. Покида, А.Н., Зыбуновская, Н.В. О тенденциях занятости работающего населения / А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновская // Социологические исследования. – 2017. – № 7. – С. 54–59.

И.Н. Протасова
г. Бийск, Россия

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18-013-00119 «Ценностные и моральные основы социального мировоззрения молодежи».

Аннотация: В статье проведено сравнение категорий социального мировоззрения и сознания, обозначены проблемы структурного описания социального мировоззрения, намечены перспективы рассмотрения социального мировоззрения как изоморфного институциональной матрице, проведен анализ соответствия связи моральных оснований и ценностей с социально-политическими предпочтениями с содержательными характеристиками альтернативных типов институциональных матриц. Намечены направления исследований, позволяющие полнее представить структурно-функциональные связи компонентов социального мировоззрения.

Ключевые слова: социальное мировоззрение, базовые институты, институциональная матрица, моральные основания, ценности.

I.N. Protasova
Biysk, Russia

STRUCTURE OF SOCIAL WORLDVIEW IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF INSTITUTIONAL MATRICES

Abstract: The article presents the comparison of categories of social worldview and consciousness, the problems of structural description of social worldview are identified, the perspectives of analysis of social worldview as isomorphic to institutional matrix are outlined. The article provides analysis of the conformity of relations between moral foundations, values and socio-political preferences to the features of alternative types of institutional matrixes. The perspectives of researches which allow better to describe structural and functional relationships of the components of the social worldview are outlined.

Keywords: social worldview, basic institutes, institutional matrix, moral foundations, values.

Категория «социальное мировоззрение» может быть с уверенностью отнесена к разряду междисциплинарных и представляет интерес для философов, социологов, культурологов, психологов, историков и других представителей гуманитарного знания. В российской психологии для анализа социального мировоззрения традиционно использовалась категория сознания, будь то общественное [8], политическое, экономическое [3, 8], правовое [2] или другие виды сознания. Методологические истоки такого подхода обнаруживаются в марксистской обществоведческой традиции советской политологической школы, рассматривающей формы общественного сознания. Это показано Д.С. Мартьяновым при рассмотрении концепта «политическое сознание», отмечающим, что в западной политической науке когнитивные аспекты политического принято описывать через категории «менталитет», «аттитюды», «установки», «политические убеждения», «вера» и др. [8].

При несомненной ценности подхода, в котором на первый план выступают готовые мировоззренческие «продукты» в форме знаний, убеждений, отношений, за пределами внимания оказываются аспекты мировоззрения, связанные с бессознательным. Однако полностью игнорировать их наличие не удается, и исследователи, характеризуя виды сознания, используют такие категории, как правовые установки [3], образ экономической реальности [3], то есть психические образования, не ограничивающиеся сферой сознания.

Использование категории социального мировоззрения имеет выраженные преимущества в сравнении с категорией сознания, поскольку интеграция сознательных и бессознательных процессов дает возможность более полно представить сложный и противоречивый процесс формирования образа социальной реальности.

Попытки описания строения социального мировоззрения в современной психологии носят единичный характер. Достаточно типичным, как отмечалось О.А. Сычевым, является исследование социального мировоззрения в его локальных характеристиках, что привело к появлению перспективных, но довольно узких подходов, без попыток их интеграции и системного описания [9].

Между тем, точность прогнозирования социальных процессов, как на уровне общества, так и отдельных групп, будь то глобальные вызовы, касающиеся человечества в целом (экология, терроризм, пандемии и пр.), либо затрагивающие лишь часть социума, напрямую связана с пониманием процессов формирования и трансформаций социального мировоззрения.

Исследования социального мировоззрения на личностном уровне затруднены наличием сугубо индивидуальных и даже уникальных вариантов его строения. По мнению Д.А. Леонтьева, индивидуальное мировоззрение может отличаться связностью, структурированностью и интегрированностью, либо быть фрагментарным, неструктурированным, плохо осознанным и противоречивым [5]. Введенное Д.А. Леонтьевым, А.Н. Ильченко понятие мировоззренческой активности, представленной тремя уровнями (мировоззренческая одномерность, мировоззренческая многомерность, мировоззренческая инициатива) отражает разнообразие вариантов организации мировоззрения на индивидуальном уровне [6].

Непротиворечивая модель социального мировоззрения может быть создана на основе понимания его как продукта взаимодействия человека с двумя различающимися системами общественных отношений. В социологии понимание этих различий представлено объективистским (макросоциологическим) и субъективистским (микросоциологическим) подходами к описанию социальной реальности [4]. В социальной психологии также принято рассматривать личность в системе, как широких, так и узких социальных связей [1]. При этом межличностные отношения, имеющие эмоциональную основу, изучены гораздо полнее как источник социальных ценностей и установок, в отличие от общественных отношений, роль которых скорее обозначается лишь декларативно.

Для построения структурной модели социального мировоззрения представляется перспективным использование теории институциональных матриц С.Г. Кирдиной [4]. Центром этой теории является понятие базовых институтов, как фиксированных систем определенных и неизбежных связей между членами общества, обусловленных внешними условиями выживания социума. Институциональная матрица понимается как устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер: экономической (основы физического воспроизводства общественного богатства), политической (формы правления и фундаментальной структуры принятия и исполнения решений) и идеологической, как набора господствующих идей, обеспечивающих интеграцию членов общества на основе общности ценностей и норм [4].

В психологической концепции мировоззрения Д.А. Леонтьева к его содержательному компоненту были отнесены эксплицитные и имплицитные знания и представления индивида о закономерностях окружающего мира [7]. Если выделить одну из сторон мировоззрения, а именно его социальный аспект, то содержанием эксплицитных знаний, отражающих внешний мир, окажется как раз институциональная матрица, неизбежно влияющая и на имплицитные знания, как способ ценностно-смысловой ориентации субъекта в социальной реальности. Это дает основания рассматривать характер строения институциональной матрицы в качестве основы для структурирования социального мировоззрения изоморфного социальной конструкции общества.

С.Г. Кирдиной были выделены два альтернативных типа моделей социальной интеграции условно обозначенных как X-матрица и Y-матрица. X-матрица состоит из комплекса базовых институтов в сферах экономики, политики и идеологии, сформированных в условиях материально-технологической среды, отличающейся свойством коммунальности. Ее институциональными комплексами являются: редистрибутивная экономика (централизация контроля движения ценностей и услуг, прав по их производству и использованию), унитарное политическое устройство и коммунитарная идеология с доминированием идеи коллективных,

надличностных ценностей. Y-матрица описывается как отличающаяся свойством некоммунальности с такими институциональными комплексами, как рыночная экономика, федеративное политическое устройство и индивидуалистская идеология, с доминирующей идеей индивидуальных, личностных ценностей, приматом прав и свобод личности по отношению к ценностям сообществ [4].

Формат статьи не позволяет достаточно глубоко проанализировать содержательные характеристики этих типов, определяющих своеобразие социальной идентичности различных сообществ. Однако проводимые нами исследования ценностных и моральных основ социального мировоззрения молодежи дали возможность сделать заключение о продуктивности использования теории институциональных матриц для понимания его структурно-функциональных связей и уточнения места морали и ценностей в этой структуре.

Важным свойством институциональных матриц, по мнению С.Г. Кирдиной [4], является взаимообусловленность базовых институтов, предполагающая взаимное соответствие экономических, политических и идеологических институтов, что нашло подтверждение на уровне психологического анализа социального мировоззрения. Идеологический компонент мировоззрения, представленный в наших исследованиях моральными основаниями (теория моральных оснований Дж. Хайдта [13]) и ценностями (теория базовых ценностей Ш. Шварца [12]), оказался связан с политическим компонентом в соответствии с содержательными характеристиками двух типов институциональных матриц. Кроме этого была показана связь сплачивающих моральных оснований с консерватизмом, предсказывающим склонность к националистической и коммунистической идеологии, хорошо соотносимая с содержательными характеристиками X-матрицы, а именно коммунитарной идеологии с унитарным политическим устройством тоталитарных режимов [11].

При рассмотрении моральной и ценностной сфер, как предикторов социально-политических взглядов, установлена большая предсказательная ценность моральных оснований. В нашем исследовании взгляды и убеждения студенческой молодежи изучались при помощи анкеты, затрагивающей проблемы бедности и неравенства, частной собственности, политической оппозиции, проституции, цензуры и т.п. Влияние сплачивающих моральных оснований более показательно в сравнении с автономной моралью, что проявилось в выраженном паттерне их корреляций с консервативно-патриотической позицией. По нашим данным, ведущая роль в формировании социально-политических взглядов принадлежит ценностной оси «сохранение–открытость изменениям»: предпочтение ценностей сохранения связано с консервативно-патриотической позицией, а ценности открытости изменениям – с либерально-демократическими взглядами [10]. Эти результаты соотносимы с идеей связи идеологии и политического устройства обществ в теории институциональных матриц [4].

Полученные данные дают основания рассматривать ядро социальных институтов (базовые институты) как потенциальную основу ядра социального мировоззрения. Исследование экономического аспекта социального мировоззрения в его связях с моралью, ценностями и политическими предпочтениями поможет дополнить картину взаимосвязей институциональных матриц с социальным мировоззрением. Вместе с тем институциональная матрица не может быть прямым источником социального мировоззрения субъекта, поскольку в этом случае стали бы невозможными феномены диссидентства, политической оппозиции и даже политического плюрализма.

Список использованной литературы

1. Андреева, Г.М. Социальная психология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению с специальности «Психология» / Г.М. Андреева. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2009. – 362 с.
2. Гулевич, О.А., Голынчик, Е.О. Правосознание и правовая социализация. Аналитический обзор / О.А. Гулевич, Е.О. Голынчик. – Москва : Международное общество им. Л.С. Выготского, 2003. – 270 с.
3. Дейнека, О.С. Опыт эмпирических исследований политического и экономического сознания / О.С. Дейнека // Вестник СПбГУ. – 2015. – Сер. 16. – Вып. 3. – С. 13–26.
4. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию / С.Г. Кирдина. – Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. – 468 с.

5. Леонтьев, Д.А. Мировоззрение // Человек: философско-энциклопедический словарь / под ред. И.Т. Фролова. – Москва : Наука, 2000. – С. 193–194.
6. Леонтьев, Д.А., Ильченко, А.Н. Уровни мировоззренческой активности и их диагностика / Д.А. Леонтьев, А.Н. Ильченко // Психологическая диагностика. – 2007. – № 3. – С. 3–21.
7. Леонтьев, Д.А., Моспан, А.Н. Картина мира, мировоззрение и определение неопределенного / Д.А. Леонтьев, А.Н. Моспан // Мир психологии. – 2017. – № 2 (90). – С. 12–19.
8. Мартьянов, Д.С. Политическое сознание, политическое бессознательное и политическая психика: ревизия подходов к структуре и определению / Д.С. Мартьянов // Вестник СПбГУ. – 2015. – Сер. 6. – Вып. 3. – С. 57–69.
9. Сычев, О.А. Социальное мировоззрение и его структура: обзор исследований / О.А. Сычев // Вестник костромского государственного университета: научно-методический журнал. – 2018. – №4. – С. 102–106.
10. Сычев, О.А., Белоусов, К.И., Протасова, И.Н. Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи / О.А. Сычев и др. // Сибирский психологический журнал. – 2019. – № 73. –С. 60–77.
11. Сычев, О.А., Власов, М.С., Протасова, И.Н. Моральные основания и консерватизм как основа политических взглядов и предпочтений молодежи / О.А. Сычев и др. // Актуальные вопросы общей и юридической психологии: образование, право и социальные практики: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Е.С. Аничкина и др. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. – С. 93–97.
12. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова, А.С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9. – № 2. – С. 43–70.
13. Haidt, J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment / J. Haidt // Psychological review. – 2001. – Vol. 108(4). – P. 814–834.

И.А. Ральникова, Е.А. Ипполитова
г. Барнаул, Россия

ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЖЕНЩИН В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-36-00023-ОГН «Жизненные перспективы человека в изменяющемся мире».

Аннотация: В статье представлены результаты серии научных исследований жизненных перспектив современных женщин. Показано, что возрастной кризис, отбывание наказания в местах лишения свободы, отсутствие работы, выраженная социальная тревога и социальный страх, опыт домашнего насилия выступают в качестве факторов трансформации жизненных перспектив, объективирующих себя в следующих феноменах: «очернение будущего», «ослабление событийной и целевой наполненности», «снижение регулирующей функции жизненных перспектив», «ориентация на краткосрочное планирование».

Ключевые слова: жизненные перспективы, кризис среднего возраста, потеря работы, социальная изоляция, домашнее насилие.

I.A. Ralnikova, E.A. Ippolitova
Barnaul, Russia

LIFE PROSPECTS FOR WOMEN IN A CHANGING WORLD

Abstract: This article presents the results of scientific studies of modern women life prospects. It shows that the midlife crisis, enduring the punishment in prison, being unemployment, expressed social anxiety and social fear, experience of domestic violence serve as factors of life prospects transformations which are objectified in the following phenomena: «future defamation», «weakening of event and objective fullness», «decrease of regulative life prospects function», «commitment to short-term planning».

Key words: life prospects, midlife crisis, loss of work, social exclusion, domestic violence.

Проблема жизненных перспектив человека глубоко и разносторонне изучена психологической наукой (К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Гловаха, В.И. Ковалев, А.А. Кроник, Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен, В. Ленс и др.). Многочисленные работы зарубежных и отечественных авторов позволили установить ряд закономерностей, согласно которым гармоничная и адекватная социальному контексту жизненная перспектива, спроектированная личностью, служит опорой в организации ее активности в настоящем, управлении своим жизненным путем в целом. Напротив, перспективы, характеризующиеся противоречивым ценностно-смысловым содержанием, сокращением глубины, несогласованностью, способствуют увеличению риска дезадаптации и личностных деформаций.

В связи с социальными изменениями, активно происходящими в российском обществе, нами была реализована серия эмпирических исследований особенностей жизненных перспектив современных женщин в зависимости от разных факторов. В частности, изучены жизненные перспективы женщин, преодолевающих опасности возрастных кризисов перехода от юности к взрослости, кризиса среднего возраста, последствия переломных событий и стрессовых ситуаций (развод, потеря работы, социальная изоляция, насилие), а также переживающих одиночество, социальные страхи и др. [1; 2].

Обратимся к некоторым результатам научных исследований. Жизненные перспективы, не состоящих в браке женщин среднего возраста, характеризуются спецификой содержания ценностно-смыслового измерения, которая проявляется в их переориентации на активную профессиональную и досуговую деятельность, на более свободный выбор образа жизни, друзей, способов проведения досуга. При этом они адекватно оценивают ограничения относительно достижения желаемого ими семейного счастья и любви. Особенности когнитивного измерения жизненных перспектив незамужних женщин проявляются в сокращении глубины планирования будущего и арсенала средств достижения поставленных целей, а также в уменьшении препятствий на пути реализации желаемого. На эмоциональном уровне спроектированные подобным образом жизненные перспективы у незамужних женщин не вызывают особых тревог, они оптимистично настроены по отношению к предстоящим этапам своего жизненного пути. Так, современные не состоящие в браке женщины, преодолев рубеж кризиса среднего возраста, обладают оптимизмом и высоким потенциалом самореализации в профессиональной сфере и творчестве. В сложившихся в обществе условиях вариативности перспективных направлений личностной самореализации, незамужние и бездетные женщины обладают достаточно широким диапазоном приложения собственных способностей и возможностей.

Жизненные перспективы безработных женщин слабо представлены в их целостной картине жизненного пути. Образ будущего состоит из единичных событий и жизненных целей. В группе безработных женщин менее выражено принятие своего будущего. Представления о будущем хоть и носят позитивный характер, но достаточно сдержанны.

В случае домашнего насилия ценностно-смысловое содержание семейных перспектив женщин, переживших домашнее насилие, отличается снижением значимости таких семейных ценностей, как уважение, доверие, любовь и взаимопонимание. Женщины, пережившие насилие, склонны давать более негативные оценки своей будущей семейной жизни, чем женщины, не подвергавшиеся насилию. Эмоциональное отношение женщин к будущей семейной жизни носит сдержанный характер, сочетающий в себе надежды и тревоги. Специфика планирования будущей семейной жизни женщин-жертв заключается в меньшей глубине и осмысленности, имеет место снижение количества значимых целей, изменение в умении дифференцировать препятствия и помощь в их достижении. Характерной становится вера в случай, высшие силы.

В зависимости от выраженности социофобии жизненные перспективы женщин имеют свои особенности. В случае высокой степени социальной тревоги и социальных страхов будущее представляется иллюзорным, зависящим от других людей и обстоятельств. В случае низкой и умеренной степени выраженности социофобии у женщин доминируют позитивные временные аттитюды к личному будущему, они способны проектировать разные стороны ожидаемого будущего, что делает их жизненные перспективы реалистичным. Вместе с тем они проектируют свою будущую жизнь с опорой на себя, уделяя особое внимание планированию целей на ближайшее будущее.

Жизненные перспективы женщин имеют свою специфику в случае отбывания наказания в виде лишения свободы. Конфликтность жизненных пер-

спектив осужденных женщин проявляется в стремлении к самореализации в семейной сфере при наличии выраженных опасений по поводу возможности состояться в качестве матерей и жен. Их также беспокоит материальная сторона будущей жизни. Противоречивая структура ценностно-смыслового содержания жизненных перспектив заключенных женщин отражает противопоставление в их сознании ряда жизненных ценностей: концентрация на самосохранении становится препятствием для духовного развития; стремление к свободе не предполагает активных действий на пути к условно-досрочному освобождению; семейная жизнь исключает возможность развития эстетических чувств. Они не ориентированы на улучшение своего финансового положения путем включения в трудовую деятельность, так как интересная работа связана в их сознании с бедностью. Дисбаланс целевой насыщенности жизненной перспективы проявляется в том, что осужденные к лишению свободы очень активно планируют отдаленные этапы жизненного пути, у них есть цели на ближайший год, но среднеудаленное будущее «выпадает», планов на период от 1 года до 5 лет у них практически нет. В ситуации социальной изоляции женщины конструируют позитивный, оптимистичный образ будущего, который мог бы стать ресурсом на пути к освобождению и успешной ресоциализации, однако его излишняя идеализация чревата разочарованием. У осужденных женского пола отмечается напряжение по поводу будущего, наступление которого неизбежно приближается. Для женщин-заключенных характерно ожидание стремительных перемен в будущем. Но их перспективы нереалистичны, противоречивы, скорее похожи на ожидание исполнения мечты.

Таким образом, анализ результатов эмпирических исследований показал, что сложившаяся в российском обществе ситуация социальных изменений выступает в качестве условий, способствующих расширению возможностей самореализации и, вместе с этим, росту рисков дезадаптации современных женщин. Выявленные трансформации жизненных перспектив наших современниц могут носить как конструктивный, так и деструктивный характер. В одних случаях они отражают направленность на разрешение неопределенной, критической или экстремальной жизненной ситуации и могут стать ресурсом для их дальнейшего саморазвития. Однако возможен вариант деформаций содержательных аспектов жизненных перспектив, которые указывают на острую потребность женщин в профессиональной психологической помощи, направленной на коррекцию или реконструкцию их представлений о собственном будущем. В качестве таких деформаций выступают «очернение будущего», «ослабление событийной и целевой наполненности», «снижение регулирующей функции жизненных перспектив», «ориентация на краткосрочное планирование».

Список использованной литературы

1. Жизненные перспективы современных женщин: надежды, опасения, риски / под общ. ред. Е.А. Ипполитовой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 141 с.
2. Ральникова, И.А., Гурова, О.С., Ипполитова, Е.А. Жизненные перспективы молодежи в условиях социальных изменений / И.А. Ральникова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. – 336 с.

А.А. Романов, В.Н. Минат
г. Рязань, Россия

ДЕФИНИЦИИ ЛИЧНОСТИ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: Авторы статьи сделали попытку с позиций диалектической философии выработать логически правильную, достаточно разумную, а значит, наиболее точную дефиницию категории «личность», применительно к современному периоду общественного развития России. Предполагается, что на основе именно такой дефиниции появится возможность комплексно рассмотреть положение личности в системе культуры, роль последней в про-

цессе ее становления и формирования, показать место и функции личности в созидании, творчестве норм и ценностей отечественной и мировой культуры.

Ключевые слова: личность, диалектическая философия, личность в современном обществе, функции личности, развитие личности.

A.A. Romanov, V.N. Minat
Ryazan, Russia

DEFINITIONS OF PERSONALITY IN DIALECTIC DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract: The authors of the article tried from the standpoint of dialectical philosophy to develop a logically correct, reasonable enough, and therefore the most accurate definition of the category «personality», in relation to the modern period of social development in Russia. It is assumed that on the basis of this definition, it will be possible to comprehensively consider the position of the personality in the system of culture, the role of the latter in the process of its formation and formation, to show the place and functions of the personality in the creation, creativity of norms and values of national and world culture.

Keywords: personality, dialectical philosophy, personality in modern society, personality functions, personality development.

Состояние современной теории педагогики и психологии не отвечает требованиям подлинной научности, а поэтому не способствует совершенствованию всей сложной системы отечественного среднего и высшего образования. В свою очередь, грамотное решение проблем педагогики и психологии немыслимо без участия философии. Педагогика и психология, как и прочие науки, не могут успешно решать свои проблемы без тесной связи с истинно научной философией, призванной, как известно, разрабатывать методологию научного познания. Предметы этих двух наук по многим принципиальным параметрам совпадают, тождественны. Но ни философы, ни теоретики педагогики и психологии не видят этой тождественности, что, на наш взгляд, свидетельствует о неблагополучном состоянии не только философии, но и педагогики и психологии.

Многим даже маститым теоретикам педагогической и психологической мысли трудно понять идею о том, что эти сферы познания являются прикладными науками философии, а точнее, – диалектической философии. Непонимание или сознательное игнорирование этого тождества, неспособность или нежелание его реализовывать в учебной практике превратили педагогику и психологию в науки, которые излагают свои проблемы с позиций формальной логики. Поэтому содержание учебных пособий по педагогике и психологии пропитано софистикой, поверхностным описанием их принципиальных проблем, что обедняет отечественную систему образования. Во многих из учебников по педагогике и психологии содержатся примеры путаницы и бессмыслицы в истолковании важнейших категорий психологии.

При этом, особыми пороками обладают разработки проблемы личности, ее сущности и законов становления, хотя на эту тему изданы работы, обладающие богатейшим содержанием и содержащие истинно научный подход. Проблема личности эксплицируется не только педагогикой и психологией, но и социологией, и философией, и культурологией. Как отмечает Г.П. Белоконев, «… эта тема не так уж проста, как кажется на первый взгляд. Она сложна в том аспекте, что до сих пор нет четкого и более или менее однозначного определения понятия личности» [1, с.219].

Существует множество определений данной категории, причем каждая наука пытается дать свою собственную дефиницию. В этом аспекте психология, как и педагогика, призвана выработать логически правильную, достаточно разумную, а значит, наиболее точную дефиницию и на основе такой дефиниции рассмотреть положение личности в системе культуры, роль последней в процессе ее становления, формирования; показать место и функции личности в созидании, творчестве норм и ценностей культуры. Важно также попытаться ответить на вопрос: откуда берутся талантливые личности – от рождения или же эти способности

формируются за счет освоения наличного мира культуры?

В предлагаемых вузам учебниках по педагогике и психологии в рассмотрении данной проблемы, как мы уже отмечали, господствует дух софистики – внешнее наукообразие. Высказываются даже мнения о том, что, если личность есть нечто единичное, уникальное и неповторимое, то эта категория не поддается разумному теоретическому определению, поскольку всякое слово, любой термин выражает только общее, невозможно рефлектировать научную дефиницию об этом единичном и неповторимом явлении, то есть личности. Отсюда делается вывод, что описать отдельную личность способна лишь художественно-беллетристическая литература. Эта литература описывает душу человека, что является самым важным и уникальным в каждой личности.

Как же преодолевается это препятствие? Во-первых, психология признает, что каждая личность есть уникальное, неповторимое индивидуальное образование. Одним словом, она есть нечто единичное. Но это «единичное» обладает общими признаками, характеристиками. Понятие «личность» применимо для каждого отдельно взятого человека, как применим, скажем, термин «студент» к любому молодому человеку, обучающемуся в том или ином вузе. Во-вторых, психология из всего калейдоскопа определений личности пытается выбрать и взять за основу своих исследований то суждение (дефиницию), которое наиболее сжато и точно выражает саму суть дела.

Однако сегодня существует множество весьма громоздких, «многоэтажных» определений. Возьмем, к примеру, одно из них, которое дано в учебнике по основам психологии для вузов. Здесь сказано, что «личность – это активно осваивающий и целенаправленно преобразующий природу, общество и самого себя человек, обладающий уникальным, динамичным соотношением пространственно-временных ориентации, потребностно-волевых переживаний, содержательных направленностей, уровней освоения и форм реализации деятельности, которая обеспечивает свободу в поступках и меру ответственности за их последствия перед природой» [7, с. 91].

Естественно, такое определение не только трудно запомнить, но и невозможно понять, что же, в сущности, есть личность, поскольку в эту дефиницию втиснуто столько наукообразных терминов, что они полностью запутывают суть дела. Правда, некоторые, иронизируя, заявляют, что мышление студента может выдержать любые громоздкие дефиниции и теории. Впрочем, из этой путаницы студент может уяснить, что он, став личностью, приобретает свободу в поступках и меру ответственности за их последствия перед природой. Но почему только перед природой? А где же его ответственность за свои поступки перед своими близкими, друзьями, в конце концов, перед государством и обществом в целом? Природа все стерпит, а вот люди за антисоциальные поступки того или иного индивида могут «упрятать в кутузку».

Конструируются и негромоздкие определения, но также по своему смыслу «порочные», некорректные. Так, в учебном пособии А.А. Реана и других авторов утверждается, что «личность – это социальный индивид, субъект общественных отношений, деятельности и общения» [6, с.121].

Предикатом понятия личности здесь является термин «социальный индивид». Спрашивается, а имеются ли в обществе индивиды не социальные, а, скажем, природные? Прилагаемый индивиду термин «социальный» создаст бессмыслицу. Но этот «порок» усугубляется еще и тем, что авторы данного суждения на этой же странице утверждают, что «термином «индивид» обозначают биологическую сущность человека, а термином «личность» – его социальную сущность» [6, с.121].

В суждении о личности индивид социален, а строкой ниже – он биологичен. Эти «шедевры» мысли противоречат нормам здравого смысла.

Подлинно научная педагогика и психология в подобных обстоятельствах стремятся четко различать, какие дефиниции являются софистическими, а какие разумно-теоретическими, диалектическими, а стало быть, необходимыми в учебном процессе. Из всего многообразия определений личности предлагаются следующие две дефиниции.

Первая. Личность – это индивид со своей особой душой, интеллектом, со своим уникальным, неповторимым «Я».

Вторая. Личность – это единичный человек, являющийся субъектом общественных отношений, в котором все общественное (приобретенное в процессе воспитания и обучения) проявляется в особой, уникальной и неповторимой форме. Эта уникальность и неповторимость отличает каждого от всех прочих индивидов, от всех живших в прошлом, живущих в настоящем и, возможно, тех, кто будет жить в далеком будущем.

Оба представленные определения базируются на исследованиях проблемы личности талантливым философом Э. Ильенковым [2]. Они означают, что как нет в природе двух абсолютно одинаковых предметов (звезд, деревьев, песчинок, атомов и.т.п.), так нет и не было (и не будет) абсолютно тождественных личностей. Этой «одинаковости» невозможно достигнуть даже методом клонирования. Отсюда следует житейский вывод: каждый мыслящий человек, если он считает себя личностью, должен развивать, обогащать свою уникальность и дорожить своей неповторимостью, то есть своим собственным «Я». Но на пути формирования этого «Я» наука дает самые различные, часто взаимоотрицающие сценарии, логические схемы понимания.

Соединение разума и чувств обеспечивает тот успех, который рождает радость за сам результат и умелые способы его достижения. Это чувство, в свою очередь, обеспечивает утверждение мудрой любви к окружающему миру. Человек умеет не только наслаждаться природой, творением рук талантливых людей, но и сам активно стремится умножать все ценное, что существует в окружающем мире. Для него неприемлемы раздражительность, злость, ненависть, ослабляющие созидательные силы человека и возвращающие его в состояние первобытной дикости [5].

Как верно подмечает А.В. Меренков, все вышеуказанные качества «…обеспечивают реализацию творческих способностей личности в той мере, в какой они дополняются наличием навыков самоорганизации. Они включают в себя умение планировать ближайшее и отдаленное будущее, обоснованно выбирать наиболее оптимальный вариант реализации поставленных целей, концентрировать волю и проявлять терпение в процессе практической деятельности, осуществлять текущий самоконтроль» [4, с. 17]. В итоге достигается высокая результативность всех действий, направленных на совершенствование текущей жизни, улучшение дел на производстве, в бытовой и досуговой деятельности.

Перечисленные качества не являются новыми. Многие из них были востребованы и в прошлые, в частности, советские, времена. Однако только в условиях ускорения темпов научно-технического и социального прогресса формирование саморазвивающейся личности становится важнейшей задачей общества [3]. Перечисленные качества обеспечивают становление механизмов развития и саморазвития личности в онтогенезе. Этим объясняется необходимость четкого обозначения содержания тех ориентаций и установок, которые должны воспитываться у каждого человека в наше время.

В завершении отметим главное. Только тот, кто способен на основе целостной системы саморазвития изменять жизнь к лучшему на уровне микросреды, создает необходимые условия для позитивных преобразований в масштабах всей страны. Поэтому развитие России как великого государства могут обеспечить только люди, обладающие гордостью за свой народ, умеющие реализовать свои знания и способности на благо страны, люди мужественные, уверенные в себе, волевые, совестливые, с развитым чувством долга и ответственности перед собой и другими, любящие тот мир, в котором они живут. Именно таких Людей можно считать Личностями, причем личностями, постоянно развивающимися в диалектическом понимании общественной динамики.

Список использованной литературы

1. Белоконев, Г.П. Пороки образованщины / Г.П. Белоконев. – Ростов на Дону : Новая книга, 2008. – 336 с.
2. Ильенков, Э.В. Философия и культура / Э.В. Ильенков. – Москва : Политиздат, 1991. – 464 с.
3. Кострова, Ю.Б. Социально-нравственные проблемы современного экономического и управленческого образования в России / Ю.Б. Кострова, И.В. Ларкина, В.Н. Минат // Проблемы развития высшего образования в Российской Федерации на современном этапе : материалы Междунар. научно-практ. конференции. – Рязань, 2014. – С. 109–114.
4. Меренков, А.В. Какой человек нужен, чтобы обеспечить устойчивое развитие России / А.В. Меренков // Известия Уральского государственного университета. – Сер. 3, Общественные науки. – 2007. - № 51. – Вып. 3. – С. 6–17.
5. Новиков, С.Н. Подходы к осуществлению антикоррупционного образования и воспитания / С.Н. Новиков, В.Н. Минат // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IV Междунар. науч. конференции. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 196–198.
6. Реан, А.А. Психология и педагогика: учеб. пособие / А.А. Реан, Н.В. Бордовская, С.И. Розум. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 432 с.
7. Столяренко, Л.Д. Основы психологии: учеб. пособие / Л.Д. Столяренко. – Ростов на Дону : Феникс, 2000. – 672 с.

И.А. Руднева, В.А. Черников
г. Волгоград, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ВОЗВРАТА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, ИЗ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 20-013-00837 «Разработка научно-методологических основ профилактики вторичных возвратов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из замещающих семей».

Аннотация: В статье рассмотрены психологические причины случаев возврата детей из замещающих семей. К их числу отнесены неадекватная мотивация замещающих родителей к приему ребенка в семью, конфликты в семейных подсистемах.

Ключевые слова: дети-сироты, дети-оставшиеся без попечения родителей, замещающая семья, вторичное сиротство, вторичные возвраты.

I.A. Rudneva, V.A. Chernikov
Volgograd, Russia

PSYCHOLOGICAL REASONS FOR THE RETURN OF ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE OF FROM SUBSTITUTE FAMILIES

Abstract: The article psychological causes of cases of children returning from substitute families are considered. These include inadequate motivation of substitute parents to accept a child into the family, conflicts in family subsystems.

Keywords: orphans, children without parental care, substitute family, secondary orphanhood, secondary returns.

В нашей стране, как и во всем мире, существует такое явление как вторичное сиротство. Это отказ от опекунства, усыновления и приемной семьи. И случаи возврата замещающими родителями и усыновителями своих приемных детей не редки. Во-первых, эта проблема апеллирует к ответственности специалистов, подбиравших семью, готовивших ее, сопровождавших (к ответственности за недостаточно качественное выполнение этих функций), а также ставит под сомнение степень эффективности системы работы с замещающими семьями [3]. Во-вторых, существование проблемы ставит перед учеными и практикующими специалистами задачу осмысления причин вторичных отказов от детей, принятых в замещающие семьи. Рассмотрим психологические причины случаев возврата детей из замещающих семей: особенности мотивации замещающих родителей к приему ребенка в свою семью, неготовность к трудностям, связанным с воспитанием приемного ребенка, отсутствие стремления разрешать их, последствия формирования или закрепления дисфункциональной структуры семьи с появлением приемного ребенка, конфликты в детско-родительских отношениях и в отношениях кровных и приемных детей.

Мотивация родителей к приему ребенка бывает самой различной. Отсутствие адекватной мотивации при приеме ребенка в свою семью часто приводит к разочарованию принимающих родителей, которое выражается обычно во фразах «несбывшиеся надежды», «несоответствие ожиданиям», «он оказался не таким», «мы не ожидали, что такие дети бывают», «он ведет себя так, как неприемлемо для меня». У каждой семья была своя история, своя ситуация принятия ребенка в семью: кто-то хотел улучшить взаимоотношения в паре, кто-то мечтал заполнить пустоту после того, как выросли дети, кто-то хотел, чтобы жизнь в семье с появлением детей «закипела»,

кто-то планировал увеличение уюта, ощущения близости и сплочения между членами семьи. И список желаний семей бесконечен. Так или иначе приход приемного ребенка ожидался как счастливое событие. Причем осчастливить родителей должен был сам ребенок, который становится ответственным и виноватым в том, что не исполнил таких ожиданий своих приемных родителей.

Психолог О.В. Беловинцева отмечает: «Схожие сложности могут появиться и при невозможности реализовать другие ожидания: ребенок, для которого сделано доброе дело (он же взят из детского дома!), не проявляет благодарности или не демонстрирует удовлетворенности; ребенок, которого взяли «в друзья» к кровному малышу, не ладит с ним; мечты о девочке, которую все хотели одевать в платья, разбиваются о предпочтение малышкой брюк и мальчишеского поведения» [6, с. 74]. Подобные процессы провоцируют беспричинное раздражение на ребенка, негативное отношение к нему, желание наказать даже за мелкие провинности.

Другой стороной проблемы мотивации родителей является необдуманность решения о приеме ребенка в свою семью, инфантильная позиция принимающих родителей, не позволяющих полностью взять на себя ответственность за приход ребенка и осознать его последствия. К сожалению, нередко так бывает, что сложности в принимающей семье возникают потому, что у родителей было недостаточно информации об изменении жизни семьи после прихода приемного ребенка. Родители, которые задумываются о возврате ребенка, взятого в семью по причине сиюминутности решения, могут сетовать на сложности в перестроении жизни семьи, раздумывают заниматься воспитанием ребенка после потери работы, снижения зарплаты, изменений условий жизни. Такие семьи часто могут оказаться не готовыми к «юридической» стороне дела, тяготятся заполнением отчетов, необходимостью отчитываться перед органами опеки. Следуя некой моде на усыновление и опекунство, откликаясь на социальную рекламу «Чужих детей не бывает», люди смотрят на ситуацию воодушевленно, с энтузиазмом оформляют документы. Но когда приемный ребенок демонстрирует агрессию, проявляет непослушание, нарушает правила, редкий родитель понимает, что это нормальная реакция «детдомовца» на новые психологические условия [2; 5]. Ситуация и вовсе обостряется, когда родители проверяют приемного ребенка на различные патологии у психологов и психиатров и обнаруживаются диагнозы, о которых родители не были информированы. И родители решают избавиться от не подходящего им ребенка.

Для предупреждения и минимизации риска возврата детей из замещающий семей работать с родителями следует на самых первых этапах, еще до принятия ребенка в семью, проясняя и «разгружая» их мотивацию. Например, задавая вопросы: «Каково ваше идеальное представление о ребенке?», «Что и каким образом изменится в семье с приходом ребенка?», «Что вы ожидаете приобрести нового с приходом ребенка?». И вторая группа вопросов: «Что произойдет, если все будет не так, как вы мечтаете?», «Что будет, если все пойдет не так?». С помощью этих вопросов можно выяснить, что на самом деле необходимо на данном этапе семье. Возможно, в беседах с психологом будущим приемным родителям станет очевидным, что принять в свою семью ребенка, оставшегося без родительского попечительства, это шаг, не решающий их реальные жизненные задачи, и что есть другие возможности для достижения того, о они чем мечтают.

Возвраты приемных детей происходят также по причине того, что взрослые люди не готовы быть приемными родителями. Низкая готовность замещающих родителей связана с их неподготовленностью, низким уровнем родительской компетентности. Несмотря на то, что все кандидаты обучаются в Школе принимающих родителей, программа и объем которой четко регламентированы, многие считают обучение в Школе пустой тратой времени. Тогда как подобранные темы занятий, формируемые знания и представления позволяют будущим приемным родителям прагматично увидеть свою будущую семью, не испытывать иллюзии относительно того, насколько сложатся взаимоотношения с приемными детьми. Зачастую из-за этого складывается неизбежная ситуация, когда во взаимоотношениях родителей и приемных детей возникают трудности. И родители оказываются неготовыми к разрешению этих ситуаций, не знают, как реагировать на те или иные поступки (например, клептомания) и слова (например, ложь или нецензурная брань) приемного ребенка, не стремятся применять полученные в Школе знания. Действительно, родителям необходимо приложить много сил, времени и любви, чтобы стресс, связанный с изменением жизненной ситуации, ребенком переживался легче. В такой психологически безвыходной ситуации родители склонны принять решение отказаться от преодоления трудностей и вернуть

ребенка в государственное учреждение. Важной психологической причиной вторичных отказов являются последствия формирования или закрепления дисфункциональной структуры семьи с появлением приемного ребенка. В семье с нарушенными супружескими отношениями супругами движет надежда, что появление ребенка поможет разрешить кризис в отношениях между ними. Появившийся приемный ребенок становится ближе к матери, отделяя супругов друг от друга. Ребенок провоцирует супружеский конфликт, отодвигая «супружескую тему» на второй план. Однако с приближением подросткового возраста становится очевидным отдаление ребенка от родителей, и ожидание этого изменения для семьи может рождать самые разнообразные сложности (от болезней до неуправляемого поведения). Создание детско-родительских коалиций усугубляет конфликт в супружеских отношениях. В тех случаях, когда решение о создании замещающей семьи принималось единолично одним из родителей, случаются ультиматумы: «Или он, или я!». Такая дисфункциональная динамика семьи приводит к печальным последствиям: или к разводу, когда один из супругов (как правило, женщина) остается воспитывать приемного ребенка, или к эмоциональному разрыву супругов, когда супруги обижены друг на друга, приемный ребенок имеет нескончаемые поведенческие, соматические, эмоциональные проблемы. И третьим вариантом развития событий может стать вторичный отказ от ребенка в случае, если родители решат сохранить супружеские отношения, или же, если родитель – инициатор приема ребенка в семью оказывается не в состоянии содержать и воспитывать его.

Другая психологическая причина риска возврата приемного ребенка связана с конфликтами, как в детско-родительских отношениях, так и в отношениях кровных и приемных детей. Жесткость установок родителя, его образа себя и своей семьи способствуют формированию ригидных образов «хорошего ребенка» и «хорошей семьи», не позволяют гибко реагировать на поведение приемного ребенка. Замещающие семьи, встречаясь с раздражающим их, агрессивным, жестоким поведением ребенка, которое не укладывается в их представление о норме, испытывают разочарование, чувствуют агрессию к ребенку как «позорящему» их семью. Очень часто за таким поведением ребенка стоят трудности адаптации, переживание травматического опыта в прошлом, желание решить проблему лояльности и идентичности (сохранить верность кровной семье), острая потребность ребенка в психологической помощи. И семья снимает с себя ответственность за вторичный отказ, сохраняя ценный образ «хорошей семьи». Специалисты отмечают, что посыл родителей в такой, довольно типичной, ситуации, как правило одинаков: «С таким ребенком мы не хотим даже пытаться наладить взаимоотношения, он разрушает нашу семью!».

Конфликты кровных и приемных детей также становятся причиной возврата. Случается, что родные дети, привыкшие слушаться родителей, испытывают стресс от грубых выходок приемных детей. В такой ситуации им важно объяснить, почему приемный ребенок ведет себя так, а не иначе, а приемному объяснить, что не нужно копить недовольство, тревогу, а лучше рассказать о них тому человеку в семье, которому он больше доверяет. Чтобы родные дети (в первую очередь речь идет о взрослых детях – подростках, юношах и девушках) стали союзниками родителей, их необходимо к этому подготовить.

Большинство возвратов приемных детей – это подростковые возвраты [1]. Даже если ребенок пришел в семью малышом, с наступлением подросткового возраста у приемных родителей могут появиться серьезные проблемы с воспитанием. Пришедшие в семью дети-подростки – это особые дети с уже сформировавшимся характером, со своими взглядами и понятиями. Поладить с такими бывает очень сложно. У них нужно не просто завоевать доверие, но и научиться доверять им, а это не так просто. И когда приемные родители не могут преодолеть этот рубеж, подросток возвращается в государственное учреждение.

Нередко возврат происходит по инициативе самих детей, именно они настаивают на возвращении в детский дом или социальный приют. Как отмечает Осипова И.И., «привыкшие жить на полном государственном обеспечении и попав в семью, они, как правило, начинают сопротивляться приемным родителям, которые пытаются приучить их к самообслуживанию, самостоятельности, ответственности за свои поступки, умению жить в социуме. Эти сложные взаимоотношения с трудом переживаются приемными родителями, которые видят простой выход в том, чтобы вернуть ребенка» [4, с. 139].

Причины вторичных отказов от детей из замещающих семей могут оказаться не только психологического характера. Существенными факторами вторичного сиротства выступают социокультурные и экономические процессы и явления, происходящие в современном обществе.

Список использованной литературы

1. Банк данных «Дети сироты России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://siroty.su/
2. Бородаева, Л.Г. Социально-педагогическая профилактика и коррекция агрессивного поведения детей / Л.Г. Бородаева // Материалы городской научно-практической конференции «Предшкольная подготовка в современном контексте модернизации образования в России»; под ред. М.В. Корепановой. – Волгоград : Издательство Волгоградский государственный институт повышения квалификации работников образования. – 2008. – С. 269–273.
3. Мироненко, И.В. Целостный подход как основа повышения качества подготовки специалистов сферы защиты детства к работе с замещающими семьями [Электронный ресурс] / И.В. Мироненко, И.А. Руднева, В.А. Черников // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 3. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38732439_34076211.pdf
4. Осипова, И.И. Феномен вторичного сиротства в современной России / И.И. Осипова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 4–4. – С. 138–143.
5. Социальная работа с замещающими семьями: учебно-методическое пособие. Выпуск 1. – Тула : ГУ ТО «Региональный центр «Развитие», – 2017. – 103 с.
6. Социальное воспитание детей и молодежи с отклонениями в развитии и поведении: вопросы теории и практики: учеб. пособие / Н.С. Алпатова, Ю.Ю. Березина и др. – Федер. гос. бюдж. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т». – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – 108 с.

Н.И. Трубникова
г. Бийск, Россия

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Аннотация: В статье представлены результаты исследования временной перспективы учащихся старших классов. Выявлено, что представления о будущем у старшеклассников смутные, очень поверхностные, нет осознанности и ответственности за свой выбор. Все это свидетельствует о трудностях, которые испытывают старшеклассники, решая проблемы жизненного самоопределения.

Ключевые слова: Временная перспектива, будущее, настоящее, прошлое, самоопределение.

N.I. Trubnikova
Biysk, Russia

TEMPORAL PERSPECTIVE OF HIGH SCHOOL STUDENTS IN THE CONTEXT OF THE SELF-DETERMINATION PROBLEM

Abstract: The article presents the results of a study of the temporal perspective of high school students. It is revealed that the ideas about the future of high school students are vague, very superficial, there is no awareness and responsibility for their choice. All this testifies to the difficulties experienced by high school students in solving problems of life self-determination.

Keywords: Temporal perspective, future, present, past, self- determination.

Проблема самоопределения человека имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Это вечная проблема философии, психологии, педагогики, социологии. И это не случайно, поскольку потребность в самоопределении является одной из основных потребностей человека. Не случайно М.К. Мамардашвили считал, что «самая большая проблема человека – когда он не знает, кто он и какое занимает место» [4, с. 19].

По мнению многих ученых, самоопределение является новообразованием юношеского возраста (Л.И. Божович, Ш. Бюлер, И.В. Дубровина, И.С. Кон

и др.). Важнейшим звеном самоопределения является временная перспектива. Известно, что в юношеском возрасте впервые возникает реальная проблема самоопределения, именно в данном возрасте возникает потребность разрешить противоречия между образом мира и образом жизни, выбор жизненного пути, определение жизненных перспектив [2]. Без четко сформированных жизненных планов перспектива личности утрачивает свою основную функцию – целенаправленную саморегуляцию поведения на основе предвидения отдаленных событий будущего. В ситуации изменения условий жизни и ситуации в стране юноши и девушки сталкиваются на своём пути с реальными препятствиями в реализации намеченных планов. Многие из молодых людей в таком случае предпочитают забыть о долговременном планировании своей жизни и жить без каких-либо чётко определённых ценностных ориентаций и перспектив.

Для исследования временной перспективы были использованы следующие методики: «Метод мотивационной индукции» Ж. Нюттена, тест Коттла, сочинение «Я в будущем». В исследовании приняли участие учащиеся 10 классов г. Бийска в количестве 57 человек (40 девушек и 17 юношей).

С помощью методики Нюттена было исследовано отношение ко времени, к самому себе, грядущим перспективам. Результаты исследования представлены в таблице 1 и рисунке 1.

Анализ результатов показал, что в большей степени юноши девушки думают о получение образования, это не случайно, поскольку они оканчивают среднюю школу и планируют получение профессионального образования.

Кроме того, для старшеклассников большое значение имеет благополучие в семье. Во многом, счастье и хорошее самочувствие они связывают именно с этим.

Таблица 1

Результаты, полученные с помощью методики Нюттена (содержательный анализ) N=57

Категории содержательной перспективы	**Количество выборов**	**Средние значения**
Образование	431	7,56
Создание семьи	47	0,82
Здоровье	26	0,45
Занятие спортом	37	0,64
Профессиональная деятельность	87	1,52
Саморазвитие	109	1,91
Материальный достаток	67	1,17
Внешний вид	79	1,38
Общение с другими людьми	109	1,91
Благополучие в настоящей семье	269	4,71
Независимость, самостоятельность	58	1,01
Отдых	98	1,71
Чёткие представления о будущем отсутствуют	109	1,91

Нельзя не отметить, что для многих молодых людей важно саморазвитие и общение с другими людьми

Наименьший удельный вес заняли такие категории, как здоровье, спорт, создание семьи, независимость и самостоятельность.

К сожалению, многие старшеклассники не имеют четкого представления о будущем. Это может свидетельствовать об инфантильности и нежелании брать на себя ответственность, может блокировать последующее развитие.

Протяженность временной перспективы старшеклассников представлена на рисунке 1.

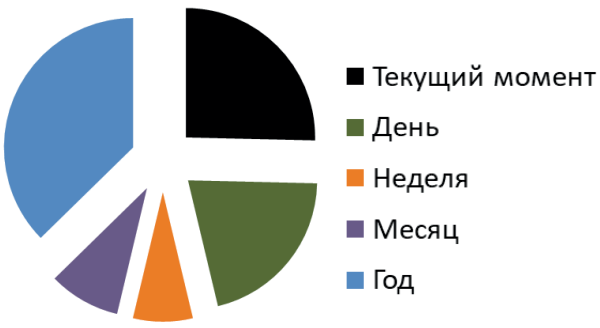

Рисунок 1 – Мотивационные устремления студентов (N=57, данные в %)

У юношей и девушек преобладает короткая временная перспектива, многие старшеклассники живут сегодняшним днем. С одной стороны, это возрастная особенность, а с другой, – это возможно влияние социокультурных условий.

С помощью методики Коттла были исследованы наличие и степень связи между прошлым, настоящим и будущим (рисунок 2).

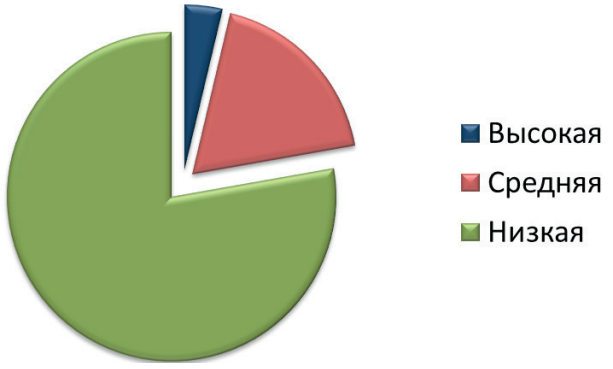

Рисунок 2 – Степень связанности временных зон у старшеклассников (N=57, данные в %)

Анализ результатов показал, что у большинства старшеклассников низкая степень связанности временных зон (77,78%). Это свидетельствует о том, что ребята чаще живут или настоящим, или думают о будущем, не учитывая событий прошлого и настоящего, или живут лишь прошлым и настоящим, не думая о будущем. Для правильного и наиболее эффективного планирования жизненной перспективы очень важно осознавать связь всех трёх временных зон. Настоящее не существует без прошлого, а будущее не существует без прошлого и настоящего.

Высокая степень связанности временных зон выявлена только у 3,7% старшеклассников.

Кроме того, анализ результатов, полученных с помощью методики Коттла, показал, что старшеклассники живут будущим, оно значимо для них, старшеклассники считают, что впереди много интересного и важного.

С помощью методики сочинения «Я в будущем» были получены результаты, представленные на рисунке 3.

Следует отметить, что для большинства старшеклассников (33,3%) наиболее значима такая сфера, как карьера. Причем у них нет конкретных представлений, как и, что будет, но все хотят сделать карьеру. Именно с ней они связывают свою жизненную перспективу. Нельзя не отметить, что карьера и образование у старшеклассников мало связаны, только 11,1% учащихся 10 классов писали об образовании.

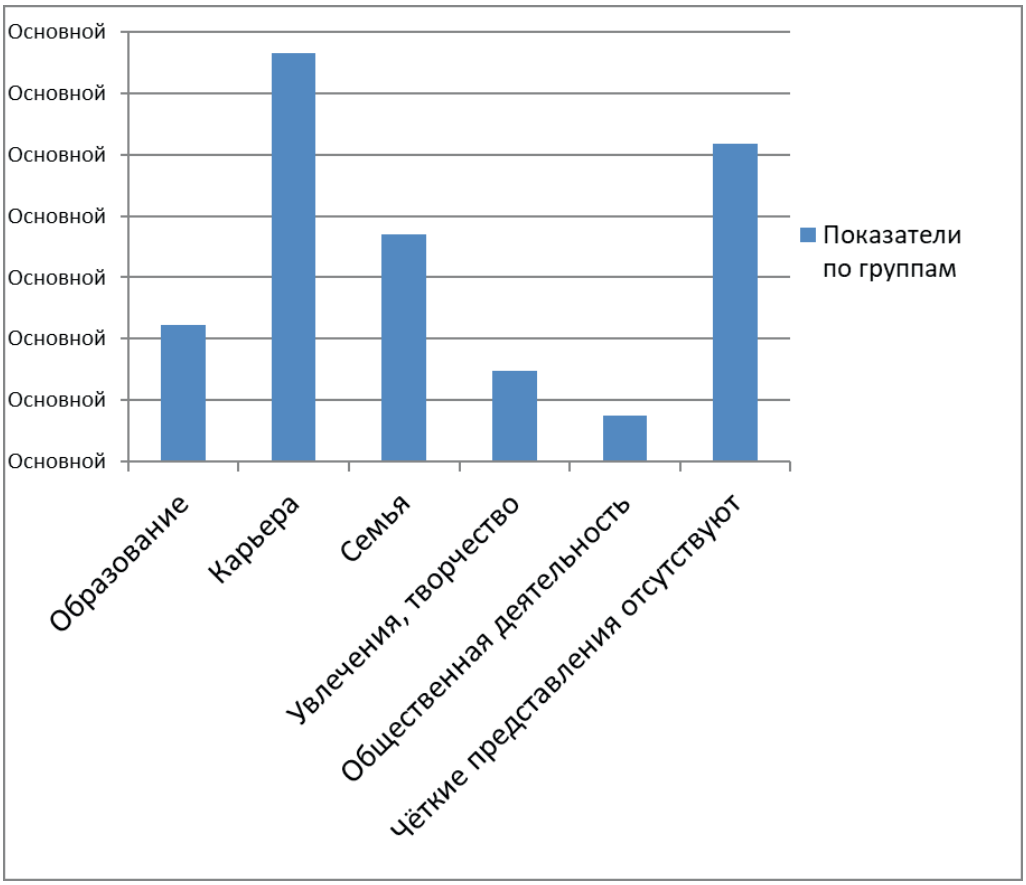

Рисунок 3 – Предпочитаемые сферы в будущем (N=57, данные в %)

У незначительной части старшеклассников будущее связано с созданием семьи, возможно семья как жизненная ценность не имеет большого значения, важнее добиться карьерного успеха.

Следует подчеркнуть, что 25,93% старшеклассников вообще не имеет четких представлений о будущем. Такая ситуация не может не насторожить.

Таким образом, анализ результатов исследования показал, что мысли о будущем присутствуют почти у каждого, но в основном в виде мечтаний. Представления о будущем у старшеклассников смутные, очень поверхностные, нет осознанности и ответственности за свой выбор. Жизненные цели присутствуют, но нет представления о способах достижения выбранных целей. Все это свидетельствует о трудностях, которые испытывают старшеклассники, решая проблемы жизненного самоопределения.

Список использованной литературы

1. Белинская, Е.П. Графический тест Коттла: специфика показателей временной перспективы / Е.П. Белинская / Е.П. Белинская, И.С. Давыдова // Психологическая наука и образование. – 2007. – № 5. – С. 28–37.
2. Божович, Л.И. Проблемы формирования личности : учеб. пособие / Л.И. Бжович. – Москва : МПСИ, 2001. – 352 с.
3. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен – Москва : Смысл, 2004. – 607 с.
4. Мамардашвили, М.К. Лекции по античной философии / М.К. Мамардашвили. – Москва : Аграф, 1997. – 320 с.

Н.В. Тумбаева, В.В. Кулиш
г. Барнаул, Россия

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЁЖИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 17-13-22008 «Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодежи».

Аннотация: В данной статье рассматриваются направления исследований взаимодействия социального здоровье молодежи и цифровой среды. Возможны несколько направлений изучения данного вопроса: социальное здоровье молодежи как результат влияния на него цифровой среды; цифровая среда как инструмент изучения социального здоровья подрастающего поколения; управление социальным здоровьем молодежи с помощью информационных социальных технологий, а также формирование социально здоровой молодежью цифровой среды.

Ключевые слова: социальное здоровье молодежи, цифровая среда.

N.V. Tumbaeva, V.V. Kulish
Barnaul, Russia

SOCIAL HEALTH OF YOUTH IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Abstract: This article discusses areas of research on the interaction of social health of young people and the digital environment. Several areas of research on this issue are possible: the social health of youth as a result of the influence of the digital environment on it; digital environment as a tool for studying the social health of the younger generation; management of youth's social health through information social technologies, as well as the formation of a digital environment by socially healthy youth.

Keywords: social health of youth, digital environment.

Продолжая изучение социального здоровья молодежи [12], обратим внимание на активность подрастающего поколения в Интернет [10, 22]. Интернет как пространство социального взаимодействия называют киберпространством [4], виртуальной реальностью [6]. Структурным элементом пространства выступают интернет-сообщества, виртуальные сетевые сообщества. Процесс социализации в этом мире определяют как «киберсоциализация» [9], «Интернет-социализация» [4].

Полагаем, что цифровая среда включает в себя киберпространство и все многообразие информационных технологий (в том числе глобальную сеть Интернет, Интернет вещей, робототехнику, биоинформатику, большие данные, искусственный интеллект) [11], именно в таком более широком пространстве социализируется современная молодежь. Поэтому в данном контексте определим социальное здоровье молодежи как состояние социально-демографической общности, при котором молодые люди способны адаптироваться к изменяющимся социальным условиям в цифровой среде, преобразовывать себя и социальную цифровую среду; готовы к выполнению своих социальных функций и социальной интеграции в цифровой среде, к сопротивлению деструктивным общественным процессам и явлениям в цифровой среде. Определим показатели социального здоровья молодежи [12]: адаптивность в социальной цифровой среде; социальная активность во всех сферах общественной жизни, в том числе в сети Интернет; социальная направленность и значимость деятельности в виртуальном пространстве; регулятивность поведения социальными нормами и общечеловеческими ценностями в цифровой среде; креативность мышления и поведения в цифровой среде; готовность к социальной интеграции и саморазвитию в цифровой среде.

Отметим несколько существующих направлений исследования отдельных аспектов социального здоровья молодежи в этой реальности. ***Первое направление исследований представляет собой анализ результата влияния цифровой среды на социальное здоровье отдельных социальных групп или индивидов.*** Значительное число российских и зарубежных исследований предупреждают о существующей опасности для подрастающего поколения в сети Интернет: начиная с почти кажущейся бесполезной траты времени на неграмотное, пустословное общение, наблюдение за чужой придуманной жизнью, публикацию собственных скоротечных переживаний по незначительным поводам, заканчивая депрессией [17], легким доступом к материалам с пропагандой насилия и наркотических веществ [18], призыву к суициду, массовым беспорядкам. Исследователи отмечают риски нарушения сознания, мышления, основных функций социализации, девальвации системы ценностей, формирования инфантильной безответственной личности; коммуникационные риски, риски возникновения агрессивных форм поведения в отношении сверстников и другие [2, 4, 5, 8, 13, 19, 22].

Таким образом, в основном ученые сообщают о негативном влиянии цифровой среды на социальное здоровье подрастающего поколения. Противоположным является мнение исследователей, что в некоторых ситуациях социальная природа цифрового общения может использоваться для улучшения настроения и продвижения стратегий укрепления здоровья, формирования активной социальной позиции, практически не звучит в научных статьях. Авторы полагают, что для изучения этих возможностей требуется гораздо больше исследований [17].

Во второй группе исследований социальные сети выступают инструментом изучения социального здоровья молодежи. Социальные сети являются отдельным методологическим интерактивным визуальным средством анализа поведения молодых людей, системы коммуникации, механизма их самоуправления, отражением их активной социальной позиции в реальности. Данные для подобного метода исследования (отдельных групп сообществ, аккаунтов, новостных лент, визуального контента, комментариев к нему и т.д.) моментально и постоянно пополняются самими респондентами что позволяет увидеть динамику изучаемого явления как процесса [7, 14, 22 и другие]. Полагаем, что в социальных сетях размещаются большие объемы данных, которые в настоящее время развитых цифровых технологий являются основным ресурсом для анализа социального здоровья молодежи и решений ее насущных проблем.

Третье направление исследований затрагивает вопросы управления социальным здоровьем молодежи с помощью информационных социальных технологий. Информационные социальные технологии включают способы, приемы, мероприятия, направленные на оптимизацию самого информационного процесса (сбор, распространение информации, участие в информационном обмене,

устранение дефицита информации о социальном здоровье молодежи, а также установление достоверной информации о проведении мероприятий, направленных на сбережение социального здоровья студенческой молодежи [3]. Например, маркетинговые компании активно используют социальные сети для формирования потребительских предпочтений юношей и девушек [16, 20]. Ученые определяют такое влияние на психическое и социальное здоровье подростков как негативное.

В данном направлении анализируются проблемы мотивации молодежи к общественно-политической деятельности. Авторы приходят к выводу, что молодые люди активно пользуются Интернетом, как источником получения объективной, по их мнению, общественно-политической информации [1, 4, 15], которая мотивирует их к дальнейшим действиям в реальной жизни.

Исследователи отмечают, что доступные знания из сети Интернет, а также возможность получения информации у профессиональных специалистов в определенной сфере помогают решить личные (в том числе медицинские) проблемы молодежи [14, 23], а также укрепить культурные, традиционные и семейные ценности [22]. Следует отметить, что информационные социальные технологии существенно развиты, а их влияние на обычного человека, социальное здоровье молодежи не до конца осознается обществом и самой молодежью.

Четвертое направление исследований результатов влияния социально здоровой молодежи на формирование содержания цифровой среды практически неразвито в современных социальных исследованиях.

В заключении отметим, что в научной литературе достаточно редко обсуждаются положительные моменты воздействия Интернета на социальное здоровье современной молодежи, на формирование успешно адаптирующейся личности в социальной и цифровой среде, творчески и социально активной, а также практически не анализируются технологии формирования самой социальной цифровой среды активной молодежью. Малоизученными остаются вопросы влияния Интернета вещей, биоинформатики, больших данных и искусственного интеллекта на социальное здоровье молодежи.

Список использованной литературы

1. Васенина, И.В., Прончев, Г.Б. Виртуальные социальные среды как инструмент мотивации молодежи к общественно-политической деятельности [Электронный ресурс] / И.В. Васенина, Г.Б. Прончев // Социодинамика. – 2018. – № 4. – С. 1–11. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25972.
2. Воробьева, И.В., Кружкова, О.В. Социально-психологические аспекты восприимчивости молодежи к воздействиям среды Интернет [Электронный ресурс] / И.В. Воробьева, О.В. Кружкова // Образование и наука. – 2017. – № 19(9). – С. 86–102. – Режим доступа: https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-9-86-102.
3. Гафиатулина, Н.Х. Управление процессом формирования социального здоровья российской студенческой молодежи: социальные технологии управления / Н.Х. Гафиатулина, С.С. Косинов, Н.П. Любецкий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 3. – С. 189–194.
4. Данилов, С.А. Риски и потенциал интернет-социализации молодежи / С.А. Данилов // Известия Саратовского университета. – 2012. – Т. 12. – Сер. Философия. Психология. Педагогика. – Вып. 2. – С. 42–46.
5. Касьянов, В.В. Киберсоциализация как рискогенный фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи в эпоху цифровых технологий / В.В. Касьянов, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. –№ 6. – С. 21–26.
6. Курбатов, В.И. Виртуальная коммуникация, виртуальное сетевое мышление и виртуальный язык / В.И. Курбатов // Гуманитарий юга России. – 2013. – № 4. – С. 56–68.
7. Морозова, Ю.Е. Особенности проявления социального здоровья молодёжи в социальных сетях / Ю.Е. Морозова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6. – С. 314–317.
8. Патраков, Э.В. Подростки и интернет: реакции родителей [Электронный ресурс] / Э.В. Патраков // Сибирский психологический журнал. – 2019. – № 72. – С. 129–144. – Режим доступа: http://journals.tsu.ru/psychology/&journal_page=archive&id=1845&article_id=40746
9. Плешаков, В.А., Плешакова К.А. К проблеме духовно- нравственного воспитания в контексте киберсоциализации общества и человека [Электронный ресурс] / В.А. Плешаков, К.А. Плешакова // Homo Cyberus: электронный научно-публицистический журнал. – 2017. – № 1 (2). – Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/Pleshakov_Pleshakova_K_probleme_duhovno-nravstvennogo_vospitanija_v_kontekste_kibersocializacii_obshhestva_i_cheloveka.
10. Пользуетесь ли Вы Интернетом, и если да, то как часто? Опрос ВЦИОМ 24.04.2017 г. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – Режим доступа: http://old.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1164&q_id=78147&date=24.04.2017.

11. Россия и вызовы цифровой среды: рабочая тетр. [Электронный ресурс] / В.С. Овчинский и др.; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по междунар. делам (РСМД). – Москва : Спецкнига, 2014. – 40 с. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/upload/WP15Cybersecurity-Ru.pdf.
12. Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодежи [Электронный ресурс] : коллективная монография / Н. А. Матвеева и др.; под ред. Н. А. Матвеевой. – Режим доступа: http://library.altspu.ru/dc/pdf/matveeva2.pdf.
13. Шаповалова, И.С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи / И.С. Шаповалова // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 148–151.
14. Carceller-Maicas, N. Youth, health and social networks Instagram as a research tool for health communication [Электронный ресурс] / Natàlia Carceller-Maicas // METODE Science Studies Journal. – 2016. – № 6. – P. 227–233. – Режим доступа: https://ojs.uv.es/index.php/Metode/article/view/6555/7812.
15. Chikaeva, K.S. Social health of russian youth: the specificity of social and managerial technologies of formation [Электронный ресурс] / K.S. Chikaeva, L.I. Scherbakova; E.A. Karapetyan; A.T. Latysheva; S.S. Kosinov; Y.G. Zinchenko; S.I. Samygin // International Transaction Journal of Engineering, Management, & Applied Sciences & Technologies. – 2018. – Vol. 9. – P. 515–525. – Режим доступа: https://doi.nrct.go.th//ListDoi/listDetail?Resolve_DOI=10.14456/itjemast.2018.47.
16. Dunlop, S. Marketing to Youth in the Digital Age: The Promotion of Unhealthy Products and Health Promoting Behaviours on Social Media / S. Dunlop, B. Freeman, S.C. Jones // Media and Communication. – 2016. – Vol. 4. – Issue 3. – P. 35–49. DOI : http://dx.doi.org/10.17645/mac.v4i3.522.
17. Hoge, E. Digital Media, Anxiety, and Depression in Children [Электронный ресурс] / E. Hoge, D. Bickham, J. Cantor // Pediatrics. – 2017. – Vol. 140. – № 2. – P. 76–80. – Режим доступа: https://pediatrics.aappublications.org/content/pediatrics/140/Supplement_2/S76.full.pdf.
18. Kim, S.J. Scaling Up Research on Drug Abuse and Addiction Through Social Media Big Data [Электронный ресурс] / S.J. Kim1, L.A. Marsch, J.T. Hancock, A.K. Das // Journal of Medical Internet Research. – 2017. – Vol. 19(10) : e353 – Режим доступа: https://www.jmir.org/2017/10/e353/pdf.
19. Kowalski, R.M., Limber S.P. Electronic Bullying Among Middle School Students [Электронный ресурс] / R.M. Kowalski, S.P. Limber // Journal of adolescent health. – 2007. – Vol. 41. – Issue 6. – Supplement. – P. 22–30. – Режим доступа: https://www.jahonline.org/article/S1054-139X(07)00361-8/fulltext.
20. Montgomery, K.C., Chester J. M. S. W. Interactive Food and Beverage Marketing: Targeting Adolescents in the Digital Age [Электронный ресурс] / K.C. Montgomery, J. Chester M.S.W. // Journal of Adolescent Health. – 2009. – Vol. 45. – Issue 3, Supplement, 2009, September. – P. 18–29. – Режим доступа: https://www.jahonline.org/article/S1054-139X(09)00149-9/fulltext.
21. Patrick van Kessel 10 facts about Americans and YouTube [Электронный ресурс] / Patrick van Kessel // Pew Research Center. – 4.01.2019. – Режим доступа: https://pewrsr.ch/2Rr9jLZ
22. Rice, E.S. Social media and digital technology use among Indigenous young people in Australia: a literature review [Электронный ресурс] / E.S. Rice, E. Haynes, P. Royce, S.C. Thompson // International journal for equity in health. – 2016. – Vol. 15. – № 81. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/303530612_Social_media_and_digital_technology_use_among_Indigenous_young_people_in_Australia_A_literature_review.
23. Skinner, H. How Adolescents Use Technology for Health Information: Implications for Health Professionals from Focus Group Studies [Электронный ресурс] / H. Skinner, S. Biscope, B. Poland, E. Goldberg // Journal of Medical Internet Research. – 2003. – Oct-Dec №5 (4) : e 32. – Режим доступа: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1550577/.

О.Г. Холодкова
г. Барнаул, Россия

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-413-220005 «Научно-методологическое обоснование и разработка модели системы управления работой с одаренными детьми в регионе».

Аннотация: В статье раскрываются психологические и педагогические возможности развития творческих способностей младших школьников в урочной и внеурочной деятельности. Обосновывается актуальность проблемы развития творческого потенциала личности

в свете ведущих направлений развития современного образования. Ставится акцент на необходимости проведения специально организованной развивающей работы именно в младшем школьном возрасте как наиболее сензитивном для развития творческих способностей. Приводится пример организации работы по развитию творческих способностей у младших школьников в общеобразовательной школе на уроках литературного чтения, трудового обучения, внеклассных мероприятиях.

Ключевые слова: творческие способности, младший школьный возраст, урочная и внеурочная деятельность.

O.G. Kholodkova
Barnaul, Russia

EDUCATIONAL POTENTIAL FOR THE DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES OF ELEMENTARY SCHOOL STUDENTS

Abstract: The article reveals the psychological and pedagogical possibilities of developing the creative abilities of elementary school students in classroom and extracurricular activities. The article substantiates the relevance of the problem of developing the creative potential of the individual in the light of the leading trends in the development of modern education. Emphasis is placed on the need for specially organized developmental work precisely at primary school age as the most sensitive for the development of creative abilities. An example of the organization of work on the development of creative abilities of younger students in secondary schools at the lessons of literary reading, labor training, extracurricular activities is given.

Keywords: creativity, primary school age, classroom and extracurricular activities.

В современном мире необходимость мыслить творчески, нестандартно подходить к той или иной проблеме возрастает в геометрической прогрессии. Изменения во всех областях жизни происходят с невиданной скоростью. Объем информации удваивается каждые два года. Знания устаревают быстрее, чем человек успевает их использовать. Для того, чтобы успешно жить и развиваться в XXI веке, необходимо быть постоянно готовым к изменениям, сохраняя при этом свою неповторимость. Исходя из этого, развитие творческих способностей – это одна из основных задач современного образования, актуальность которой была обоснована и поставлена в качестве приоритетной в рамках реализации одного их федеральных проектов «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование» [3].

Вопросами изучения и развития творческих способностей занимались как ряд широко известных западных ученых, таких как: Дж. Гильфорд, Э.П. Торренс, Э. Де. Боно, Дж. Галлаир, Дж. Рензули, так и целая плеяда отечественных психологов и педагогов: Л.С. Выготский, А.В. Брушлинский, В.А. Сухомлинский, Б.М. Теплов, С.Л. Рубинштейн и др.

Существует достаточно большое количество трактовок понятий «способности» и «творческие способности», а также множество различных классификаций подходов к их изучению. Мы в своей работе понимаем одаренность как системное, развивающееся в течение жизни качество психики, определяющее возможность достижения человеком более высоких (необычных, незаурядных) по сравнению с другими людьми результатов в одной или нескольких сферах деятельности (интеллектуальной, творческого мышления, академических достижений, общения и лидерства, художественной, двигательной, нравственно-духовной) [7].

Развитие творческих способностей предполагает длительный процесс, который в лучшем случае должен начинаться с раннего возраста в семье и продолжаться всю жизнь, включая развитие в процессе специально организованной деятельности в образовательных учреждениях. Зачатки будущих творческих способностей реализуются только при включении детей в процесс творческой деятельности.

Общеизвестный факт, что самым сензитивным возрастом для развития учебной, творческой и познавательной деятельности является младший школьный возраст как период активизации функций воображения и формирования фантазии. Сначала развивается воссоздающее воображение, а затем и творческое. Младшие школьники большую часть своей активной деятельности осуществляют с помощью воображения [1]. Усилия педагогов в

этот период развития школьников в значительной мере должны быть направлены на развитие творческих способностей, наряду с обучением письму, счету, развитию мелкой моторики и т.д.

По словам М.Н. Скаткина, существует несколько способов активизации творческих способностей: проблемное изложение знаний; метод дискуссии; исследовательский метод; творческие работы учащихся; создание атмосферы коллективной творческой деятельности на уроке [6].

О.Г. Свердлова замечает, что творческая деятельность школьника повышает его вовлеченность в учебный процесс, способствует успешному усвоению знаний, стимулирует интеллектуальные усилия, уверенность в себе, воспитывает независимость взглядов [8].

Каждый ребенок по-своему талантлив и имеет определенные способности. И от того, как взрослые организуют жизненное пространство и учебную деятельность ребенка, от того, что в него вложат в этом возрасте, зависит гармоничное развитие его личности и вся дальнейшая жизнь. Еще древнегреческие философы старались в своих системах обучения использовать методы, которые формировали бы в учениках творческие способности. «Не идти вперед – значит, идти назад» – говорили античные мыслители. Эта мысль лежит в основе обучения, развивающего способности детей, воздействующего на умственное развитие, развитие творческих способностей, у истоков которых стояли психологи Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин, А.Н. Леонтьев и др. [6].

Развитие творческих способностей должно осуществляться на всех учебных занятиях, мероприятиях по внеурочной деятельности, кружковых занятиях в детско-юношеских центрах, домах творчества, художественных школах и т.д. Максимальный эффект в развитии творческих способностей младшего школьника произойдет при следующих формах организации совместной с педагогом деятельности: творческие занятия, которые должны проходить в постоянном взаимодействии и взаимопомощи между учащимися; кружковые или внеурочные занятия по специально разработанной общеразвивающей программе; дидактические и сюжетно–ролевые игры во внеурочное время; экскурсии, наблюдения, групповые прогулки; творческие мастерские, мастер-классы.

Важно учитывать необходимость создания условий успешного развития творческих способностей, к которым относятся: раннее начало; создание обстановки, опережающей развитие детей; предоставление большой свободы в выборе деятельности, в чередовании дел, в выборе способов работы; корректная помощь со стороны взрослых, учителей, педагогов.

Уровень развития творческих способностей зависит от содержания и методов обучения, применяемых в образовательном учреждении. Применение в работе разнообразных и интересных для учащихся методов обучения, систематичность и целенаправленность занятий развивают у детей подвижность и гибкость мышления, учат их рассуждению, а не зубрежке, логике, формированию умения делать самостоятельные выводы, находить новые оригинальные подходы, пути решения, доказательства и т.д. Конечно же, все это в свою очередь, требует от педагогов применения в своей деятельности творческого подхода [5].

Приведем в качестве примера описание организации формирующего эксперимента по развитию творческих способностей у младших школьников в общеобразовательной школе. Эксперимент проводился на уроках литературного чтения, трудового обучения, внеклассных мероприятиях. Каждый день во время «больших» перемен или после уроков предлагались задания, упражнения, игры, тесты, направленные на развитие творческого воображения, а также художественно – творческих способностей младших школьников.

Сотрудничество ребенка и учителя имело большое значение. Это важно не только для оказания ребенку помощи и побуждения к работе, но и для развития художественно-творческих способностей и его воображения, которое анализируется в совместной деятельности. Методика поэтапного обучения строилась в зависимости от темы и поставленной цели занятия. Сначала ребенку показывали, как надо выполнять работу, как можно создать новый образ, затем шло совместное действие, и, только после этого, он действовал самостоятельно [4].

На уроках учащимся было предложено через внешние признаки передать характер животного, используя фон, материал и типы линий; нарисовать сказочных персонажей, передав их характер через линию, цвет, свое отношение и состояние; изобразить природу в разных состояниях, через линию передать внутреннее состояние сказочного леса.

Обязательной на уроках должна быть актуализация прошлого опыта ребенка с помощью вопросов, опорных слов, наглядных средств. Взрослый

должен управлять этим процессом. Учитывая индивидуальные способности и особенности ребенка, в одних случаях нужно использовать организующую и направляющую помощь, в других необходимо на всех этапах проводить совместную работу. Важно учить умению выделять главное, намечать план действий, осуществлять самоконтроль. При подготовке к занятиям учитывали не только сложность задания, которое будет предложено ребенку, но и его объем. Приведем пример предлагаемых творческих заданий на развитие художественно-творческих способностей младших школьников.

При рассматривании картин известных художников В.М. Васнецова, Врубеля, при прослушивании музыкальных произведений Чайковского, Грига, учитель постепенно знакомил детей с новыми понятиями в области искусства: композиция, законы композиции, образ, художественный образ, цвет, раскрывая их элементарное содержание.

Проводилась работа, помогающая возникновению замысла; составлению плана; его реализации; выделению главного; процессу создания образа или образной ситуации; анализу результатов. Обязательным этапом была оценка детьми своих работ и работ товарищей.

На занятиях использовались музыкальные, литературные, зрительные ряды. В основном это произведения русских выдающихся художников, поэтов, композиторов. Включали их для того, чтобы дети прониклись, почувствовали близость к нашим русским национальным культурным традициям.

По рекомендации Н.А. Меновщиковой [2], для создания положительного эмоционального состояния детей, была обеспечена ситуация успеха каждому ребенку, поэтому в процессе выполнения задания оказывали разные виды помощи, учитывая индивидуальные возможности и особенности каждого ребенка.

В содержание различных этапов реализации программы отметим те упражнения, задания, тесты, при проведении которых у некоторых учащихся наблюдались заметные изменения:

1. Мотивационный план. У детей проявлялся интерес на протяжении всей деятельности и потребность в создании образов, предметов, в их реализации средствами изобразительной деятельности, а также трудовой и игровой. Например, в задании: а) дорисовать геометрическую фигуру «треугольник» так, чтобы получился новый предмет; б) вылепить из пластилина в технике «кружочки» свой обведенный образец.

2. В плане достижения целей у детей наблюдалось стремление, желание добиться продукта изготовления. Приведем примеры заданий: а) нарисовать любую из данных пословиц: «Верному другу нет цены»; б) досочините две строчки так, чтобы получилось четверостишие: «Шла собака по роялю, говоря примерно так …».

3. Планирование деятельности.

Планирование своего устного высказывания. Например: а) Посмотрите на название отрывка «Бой Руслана с головой». Предположите, о чем это стихотворение? б) Предположите, как звучит стихотворение без этого выражения: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя …».

Погружение в глубокое раздумье, размышление над проблемой. Это прослеживалось в следующих упражнениях: а) «Постановка необычных проблем»: поставить необычную проблему из двух указанных понятий: (например, жук – кресло); б) Из предлагаемых слов составить логически связанный рассказ, используя все данные слова.

Постановка вопросов, уточнение условий при которых поставленная цель будет реализована: а) После формулировки задания: «Придумайте концовку стихотворения А.С. Пушкина «Няня», учащиеся задали вопрос: «Какая концовка стихотворения должна быть: грустная, счастливая, печальная?» б) В игре «Закорючки» дети задали вопрос, который требовал разъяснить понятие: «Что такое композиция?» в) На уроках труда при рассмотрении образца «Панно из мартишор» дети задавали такие вопросы: «Что необходимо для изготовления панно? С какого элемента лучше начать работу? Как получить мартишоры, разные по величине?»

4. В плане действий по реализации поставленной цели.

а) старательность, аккуратность, сосредоточенность, при выполнении задания «Вылепить из пластилина в технике «кружочки» свой обведенный образец»; б) постановка познавательных вопросов процессе выполнения задания «Придумайте, как можно больше новых применений старому, никому не нужному предмету (например, лопнувшему шарику)», был задан вопрос: «Лопнувший воздушный шарик можно использовать как резиновую шапочку для плавания?»; в) проявление творческого конструирования образов фантазии (упражнение «Фантастические гипотезы»: дети формулируют гипотезу в форме «Что было бы, если …?»; упражнение «Фантастический образ»: попробуйте из элементов составить фантастическое существо);

г) изменение замысла по ходу выполнения задания (нарисовать рисунок на тему: «Чего на свете не бывает?»); д) демонстрационность, проявление творческих способностей, актерского мастерства (Прочитайте стихотворение А. Барто «Идет бычок качается» не так, как обычно вы читаете, а с выражением: вы испугались собаки; как пятилетний ребенок. Пофантазируйте и изобразите: будильник, горячий утюг, восторженного кролика, разгневанного поросенка).

5. Контроль и оценка. Они выстаивались на основе эмоциональных высказываний детей по поводу продукта деятельности, выявление лучших, понравившихся работ.

Таким образом, можно подвести итог, что творческая деятельность имеет огромное значение для гармоничного развития личности ребенка и выступает самостоятельным фактором целенаправленного развития системы общих творческих способностей как устойчивых личностных характеристик. Специально организованная педагогом творческая активность младшего школьника выступает мощным мотивационным и развивающим потенциалом развития его гармоничной личности.

Список использованной литературы

1. Годфруа, Ж. Психология / Ж. Годфруа. – Москва : Мир, 1992. – 370 с.
2. Меновщикова, Н.А. Уроки творчества. Из опыта работы по интегрированному обучению ИЗО, музыке, ручному труду / Н.А. Меновщикова // Начальная школа. – 1994. – № 12. – С. 49–53.
3. Национальный проект «Образование» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyy-proekt-obrazovanie
4. Носкова, Н.Н. Уроки творчества / Н.Н. Носкова // Начальная школа – 2004. – №11. – С. 100–109.
5. Полуянов, Ю.А. Дети рисуют / Ю.А. Полуянов. – Москва: Педагогика, 1988. – 176 с.
6. Поляшова, Н.В. Развитие творческих способностей младших школьников на уроках музыки [Электронный ресурс] / Н.В. Поляшова //«Наука и образование: новое время». – 2017. – № 5. – Режим доступа: https://articulus-info.ru/wp-content/uploads/2017/10/5_2017o_Polyashova-Shadrina_1.pdf.
7. Рабочая концепция одаренности. – Москва : Магистр, 1998, – 66 с.
8. Свердлова, О.Г. Диалоги о воспитании / О.Г. Свердлова. – Москва : Педагогика, 1985. – 288 с.

Н.А. Чуешева, М.В. Сурнина
г. Барнаул, Россия

ГОТОВНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ К ВКЛЮЧЕНИЮ В ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 16-16-22012 «Изучение актуальных образовательных потребностей и определение спектра образовательных услуг обучающимся с ограниченными возможностями здоровья, проживающим в отдаленных районах Алтайского края, в рамках реализации ФГОС».

Аннотация: В статье представлены теоретические основы и практические результаты исследования, раскрывающие специфику готовности обучающихся с особыми образовательными потребностями к включению в инклюзивное образовательное пространство

Ключевые слова: инклюзивное образование, дети с ограниченными возможностями здоровья, готовность обучающихся, особые образовательные потребности.

N.A. Chuesheva, M.V. Surnina
Barnaul, Russia

READINESS OF STUDENTS WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS FOR INCLUSION IN AN INCLUSIVE EDUCATIONAL SPACE

Abstract: The article presents the theoretical foundations and practical results of the study, revealing the specifics of readiness of students with special educational needs to be included in an inclusive educational space.

Keywords: inclusive education, children with disabilities, student readiness, special educational needs.

Идея инклюзивного образования вытекает из масштабных изменений в вопросах понимания и признания прав человека в современном обществе. В настоящее время инклюзивное (включенное) образование понимается как совместное обучение детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) с нормально-развивающимися сверстниками. Но, в отличие от интегрированного обучения, в случае инклюзии, предполагается создание специальных образовательных условий, реализация которых должна происходить с учетом нозологии и индивидуальных особых образовательных потребностей обучающегося.

Результаты анализа многочисленных исследований по вопросам системной поддержки инклюзивного образования позволяют констатировать, что, несмотря на определённые достижения в продвижении идей инклюзивного образования, остается множество актуальных проблем, значимых для науки и практики образования детей с ОВЗ.

В научной педагогической среде не только активно обсуждается, но и решается вопрос относительно обновления содержания образовательных программ, реализуемых в системе профессиональной подготовки будущих педагогов, в том числе, и по направлению «Специальное (дефектологическое) образование». Ряд авторов (Л.В. Ковригина, С.В. Щербакова и др.) указывают на необходимость формирования у студентов тех профессиональных компетенций, которые позволят им в дальнейшем выполнять трудовые функции, которые связаны не только с системой специального образования, но и инклюзивного [4]. Особо подчеркивается необходимость подготовки педагогов, реализующих инклюзивную практику. Безусловно, уровень подготовки и профессионализм педагога – это залог успешной социализации обучающихся с ОВЗ в образовательной среде.

Несмотря на то, что многие проблемы решены, остается открытым вопрос о готовности самих обучающихся с особыми образовательными потребностями (ООП) к инклюзивному образованию. А между тем, неготовность детей к совместному обучению будет препятствовать их полноценной интеграции в общество, и создавать дополнительные барьеры.

Готовность детей с особыми образовательными потребностями к школьному обучению зависит как от внутренних, так и от внешних факторов. Так, к внешним факторам можно отнести:

- раннее выявление нарушений в развитии, и соответственно, – раннее начало коррекционной работы. В научных исследованиях Л.С. Выготского, В.И. Лубовского, Е.Ф. Архиповой, Е.М. Мастюкова и др.) убедительно доказано, что первые три года жизни ребенка являются определяющими. В том случае, если ребенок с нарушениями в развитии получает помощь уже в первые месяцы, годы жизни, то он имеет наибольшие шансы на максимальную компенсацию нарушений. Включение ребенка с нарушениями развития и его семьи в систему ранней специальной помощи дает возможность своевременного определения специальных психологических и образовательных потребностей детей, что, в свою очередь, будет способствовать не только компенсации имеющихся нарушений в развитии, но и успешной в дальнейшем социализации обучающихся в условиях как дошкольной образовательной организации, так и школы;
- осознанное желание родителей обучать своего ребенка вместе с нормально-развивающимися сверстниками и их психологическая готовность к инклюзивному образованию. Как известно, успех обучения ребенка находится в прямой зависимости от психологического настроя всех участников, в том числе и родителей, воспитывающих детей с

ОВЗ. Так, С.В. Алехина, подчеркивает, что позиция родителей в ситуации включения ребенка в среду нормально-развивающихся сверстников, должна быть более открытой, активной, партнерской и ответственной за образовательный результат [2]. Важно привлекать родителей к сотрудничеству, обсуждению условий обучения ребенка. Данный факт, по мнению Т.Н. Адеевой, обусловлен трудностями включения ребенка с особыми образовательными потребностями в инклюзивное образовательное пространство. В период адаптации необходимо интенсивное взаимодействие родителей с педагогами и специалистами службы психолого-педагогического сопровождения [1].

Вопрос о психологической готовности родителей к инклюзивному образованию в настоящее время малоизучен. Имеются лишь отдельные исследования (С.В. Алехина, Н.Я. Семаго и др.) В большинстве случаев изучается вопрос отношения родителей к совместному обучению. Анализ работ показывает, что родители имеют чаще низкую осведомленность относительно сути и задач инклюзивного образования [2, 3]. Многие родители испытывают опасения, что ребенку в инклюзивном классе не будет оказана необходимая помощь в полном объеме. Результаты нашего исследования, проводимого в рамках реализации граната РФФИ – «Изучение актуальных образовательных потребностей и определение спектра образовательных услуг обучающимся с ограниченными возможностями здоровья, проживающим в отдаленных районах Алтайского края, в рамках реализации ФГОС» показывают, что многие родители не понимают разницы между специальным и инклюзивным образованием, что приводит в дальнейшем к множеству проблем у всех субъектов, включенных в инклюзивное образовательное пространство. У детей возникают трудности установления контакта уже на первых этапах включенного образования, т.к. не каждая образовательная организация имеет возможность создать ресурсный класс (класс, в пространстве которого осуществляется подготовка ребенка к включению в среду сверстников с нормотипичным развитием). У родителей трудности связаны с тем, что они считают, что их включение в образовательный процесс не требуется, т.к. есть специалисты и они должны решать самостоятельно все вопросы и преодолевать возникающие трудности в процессе получения образования их ребенком (не разделенная ответственность). Педагоги и специалисты испытывают трудности в том, что без включения родителей в образовательный процесс, невозможно достичь качественных результатов не только в формировании академической компетенции, но и жизненной.

Психологическая неготовность родителей к инклюзивному образованию может привести к срытому конфликту, что закономерно влияет на позицию самого ребенка.

• для успешного включения ребенка с ООП в инклюзивное образовательное пространство важно правильное построение индивидуального образовательного маршрута. Одним из наиболее эффективных способов индивидуализации обучения является выстраивание индивидуальной траектории развития ребенка и внедрение в практику технологии разработки индивидуального образовательного маршрута (ИОМ). ИОМ – это персональный путь реализации личностного потенциала обучающегося в образовании, документ, который регламентирует и определяет содержание коррекционно-развивающей работы с ребенком. Мы не будем останавливаться на описании структуры ИОМ, отметим лишь, что в его составлении должны принимать участие как специалисты, участвующие в психолого-педагогическом сопровождении, которым важно правильно определить спектр индивидуальных нужд и потребностей ребенка, так и родители, на которых лежит ответственность за выбор образовательной траектории. От того, на сколько профессионально будет составлен ИОМ, зависит успех ребенка как в усвоении образовательной программы, так и в социализации. Ценность образовательного маршрута состоит в том, что его содержание позволяет на основе оперативного анализа имеющихся и выявленных данных подготовить ребенка к вхождению в инклюзивное образовательное пространства и минимизировать риски отторжения как коллективом обучающегося с ОВЗ, так и самим обучающимся коллектива и в целом образовательной ситуации. Естественно, что не все дети будут готовы к включению в инклюзию, даже если такая работа будет проводиться на предыдущих ступенях образования, однако, если ИОМ будет составлен ранее, чем ребенок будет включен в инклюзивное пространство образовательной организации, его потенциальные возможности при включении будут значительно выше, чем у ребенка, не включенного в такой процесс в предыдущие периоды развития, что можно обосновать принципом преемственности образования.

К внутренним факторам, в первую очередь, можно отнести психологическую готовность самого обучающегося с ООП к включению в инклюзивное образовательное пространство.

Психологическая готовность в основном изучается в аспекте готовности к деятельности, рассматривается как личностное образование, связанное с готовностью мотивационной сферы, обеспечивающей человеку эффективность выполнения своих функций (Я.П. Коломинский, А.Г. Ковалев,В.А. Сластенин и др.). При рассмотрении психологической готовности к инклюзивному образованию Т.Ю. Четверникова указывает на то, что подобного рода готовность должна определяться как желание учиться вместе с нормально-развивающимися сверстниками, умение конструктивно взаимодействовать со всеми участниками образовательного процесса, и на основе этого приобретать необходимый позитивный социальный опыт [5]. Проведенное ею исследование позволяет говорить о ряде специфических особенностей готовности обучающихся с ООП. Полученные результаты явно свидетельствуют, что готовность ребенка напрямую зависит от варианта нарушенного развития. Так, обучающиеся с ЗПР и с легкой степенью умственной отсталости чаще, чем дети с другими нарушениями, высказывают желание обучаться вместе со сверстниками. Однако данный факт не свидетельствует об истиной готовности, поскольку в силу снижения интеллектуальной деятельности дети не осознают в полной мере все ограничения, которые могут возникнуть в процессе совместного обучения. В этой связи они не испытывают тревоги или явного дискомфорта относительно собственной неуспеваемости и возможных ограничений в общении.

Успешнее всего, по мнению автора, дружеские взаимоотношения устанавливаются у обучающихся с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, несмотря на двигательную недостаточность. Сложнее всего ситуация наблюдается у обучающихся с расстройствами аутистического спектра. В связи со структурой нарушения адекватные социально-коммуникативные контакты у детей указанной категории отсутствуют.

Анализ литературных источников и практические наработки реализованного гранта позволяют утверждать, что готовность обучающихся с особыми образовательными потребностями к включению в инклюзивное образовательное пространство обеспечивается внешними и внутренними факторами в совокупности и зависит от времени выявления особых образовательных потребностей, сроков включения ребенка в психолого-педагогическое сопровождение и его психологической готовности к инклюзивному образованию.

Список использованной литературы

1. Адеева, Т.Н. Проблема психологической готовности родителей различных категорий детей к инклюзивному обучению / Т.Н. Адеева // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 4. – С. 112–117.
2. Алехина, С.В. Современный этап развития инклюзивного образования в Москве / С.В. Алехина // Инклюзивное образование. Выпуск 1. – Москва : Центр «Школьная книга», 2010. – С. 6–11.
3. Богомолова, Е.А. Исследование отношения родителей к инклюзивному образованию / Е.А. Богомолова, И.А. Подольская, М.А. Спиженкова // Образование в условиях модернизационных процессов современного общества : всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 20-летию факультета психологии КГУ им. К.Э. Циолковского. Калуга : КГУ, 2013. – С. 243–247.
4. Ковригина, Л.В. Современные подходы к подготовке специалистов для работы с детьми с особыми образовательными потребностями / Л.В. Ковригина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2009. – № 3. – С. 90–92.
5. Четверикова, Т.В. О психологической готовности детей с ограниченными возможностями здоровья к обучению в условиях инклюзии / Т.В. Четверикова // The Newman in Foreign Policy. – 2017. – № 37 (81). – С. 18–20.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Абрамкина Светлана Георгиевна,** кандидат философских наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
2. **Алиясова Валентина Нурмагамбетовна,** кандидат культурологии, Павлодарский государственный педагогический университет, г. Павлодар, Республика Казахстан
3. **Алиева Гульжайнат Магазовна,** Павлодарский областной историко-краеведческий музей имени Г.Н. Потанина, г. Павлодар, Республика Казахстан
4. **Ан Светлана Андреевна,** доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
5. **Антилогова Лариса Николаевна,** доктор психологических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Россия
6. **Араева Людмила Алексеевна,** доктор филологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
7. **Афанасьев Павел Алексеевич,** кандидат исторических наук, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
8. **Афонина Раиса Николаевна,** кандидат сельско-хозяйственных наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
9. **Балакирева Софья Юрьевна,** Департамент образования и науки Кемеровской области, г. Кемерово, Россия
10. **Бармин Валерий Анатольевич,** доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
11. **Башмакова Анастасия Юрьевна,** аспирант, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
12. **Баянкин Олег Васильевич,** кандидат педагогических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
13. **Белоглазова Юлия Андреевна,** Новосибирский государственный медицинский университет, г. Новосибирск, Россия
14. **Белоусова Наталья Александровна,** кандидат культурологии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
15. **Беляева Светлана Владимировна,** кандидат педагогических наук, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
16. **Беневаленская Евгения Николаевна,** кандидат исторических наук, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
17. **Боголепова Людмила Захаровна,** кандидат культурологии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
18. **Богумил Татьяна Александровна,** кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
19. **Бойко Владимир Сергеевич,** доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
20. **Брейтигам Элеонора Константиновна,** доктор педагогических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
21. **Бринев Константин Иванович,** доктор филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия; Хэнаньский государственный университет, г. Кайфен, Китайская Народная Республика
22. **Бураева Светлана Валерьевна,** доктор исторических наук, доцент, Бурятский научный центр, Сибирское отделение Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия
23. **Вайкум Любовь Александровна,** аспирант, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
24. **Валюхова Ксения Олеговна,** Новосибирский государственный медицинский университет, г. Новосибирск, Россия
25. **Вальдман Игорь Александрович,** кандидат философских наук, доцент, Сибирский институт управления, филиал Российской академии госслужбы при президенте РФ, г. Новосибирск, Россия
26. **Васильев Владимир Митапович,** Бурятский научный центр, Сибирское отделение Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия
27. **Веряев Анатолий Алексеевич,** доктор педагогических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
28. **Виерегг Хильдегард Катарина,** профессор Школы философии, г. Мюнхен, Германия
29. **Вольф Александр Владимирович,** Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
30. **Ворожбитова Александра Анатольевна,** доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор, Сочинский государственный университет, г. Сочи, Россия

31. **Галкина Светлана Федоровна,** кандидат филологических наук, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева, г. Санкт-Петербург
32. **Ге Елена Степановна,** музей «Витебский центр современного искусства», г. Витебск, Республика Беларусь
33. **Гибельгаус Татьяна Андреевна,** аспирант, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
34. **Глазинская Евгения Тимофеевна,** аспирант, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
35. **Гонтарь Оксана Петровна,** кандидат педагогических наук, доцент, Сибирский Федеральный университет, г. Красноярск, Россия
36. **Голев Николай Данилович,** доктор филологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
37. **Голянская Валерия Александровна,** Группа компаний «ВСЕпроВСЕ», г. Кемерово, Россия
38. **Грибанова Наталья Святославна,** кандидат исторических наук, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
39. **Гулузаде Насир Вагиф** оглы, Национальный музей истории Азербайджана, г. Баку, Республика Азербайджан
40. **Дашковский Петр Константинович,** доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
41. **Демин Михаил Александрович,** доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
42. **Дударева Яна Александровна,** кандидат филологических наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
43. **Евсина Татьяна Алексеевна,** филиал Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачёва в г. Новокузнецке, г. Новокузнецк, Россия
44. **Еньшина Надежда Алексеевна,** кандидат философских наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
45. **Забнева Эльвира Ивановна,** кандидат социологических наук, доцент, филиал Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачёва в г. Новокузнецке, г. Новокузнецк, Россия
46. **Завгородняя Наталья Ивановна,** кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
47. **Запорожченко Галина Михайловна,** доктор исторических наук, Сибирское отделение Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия
48. **Заюкова Елена Викторовна,** кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
49. **Золоедова Валерия Андреевна,** Медико-санитарная часть МВД России по Новосибирской области, подразделение «Центр психодиагностики», г. Новосибирск, Россия
50. **Зыбуновская Наталья Владимировна,** Научно-исследовательский центр социально-политического мониторинга Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Москва, Россия
51. **Иванова Валерия Айбасовна,** доктор философских наук, доцент, Алтайский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, г. Барнаул, Россия
52. **Ипполитова Елена Александровна,** кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
53. **Иркова Анна Валентиновна,** аспирант, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
54. **Калашников Андрей Алексеевич,** Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
55. **Калинин Александр Андреевич,** Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
56. **Канзычакова Надежда Германовна,** аспирант, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан, Республика Хакасия, Россия
57. **Каракозов Сергей Дмитриевич,** доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия
58. **Карпенко Елена Анатольевна,** кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
59. **Каскабасова Алтынгуль Абаевна,** докторант, Павлодарский государственный педагогический университет, г. Павлодар, Республика Казахстан
60. **Каширский Дмитрий Валерьевич,** доктор психологических наук, профессор, Федеральный научно-клинический центр реаниматологии и реабилитологии (ФНКЦ РР), г. Москва, Россия
61. **Кениспаев Жумагельды Кубжасарович,** доктор философских наук, доцент, Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина, г. Омск, Россия
62. **Кимеева Татьяна Ивановна,** кандидат культурологии, доцент, Кемеровский государственный институт культуры, г. Кемерово, Россия
63. **Кирколуп Ольга Валерьевна,** Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
64. **Киспаев Тохтар Атамбаевич,** кандидат медицинских наук, Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан
65. **Китова Людмила Юрьевна,** доктор исторических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

66. **Климова Татьяна Андреевна,** аспирант, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
67. **Кобенко Юрий Викторович,** доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, г. Томск, Россия
68. **Коваленко Галина Федоровна,** кандидат филологических наук, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия
69. **Коваленко Павел Сергеевич,** кандидат исторических наук, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 4», г. Бийск, Россия
70. **Ковтун Наталья Вадимовна,** доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия
71. **Кожокар Виталий Александрович,** аспирант, ООО «Павлодарский Дом географии», г. Павлодар, Республика Казахстан
72. **Козлова Любовь Александровна,** доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
73. **Колесов Игорь Юрьевич,** доктор филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
74. **Колмогорова Людмила Степановна,** доктор психологических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
75. **Колмогорова Анастасия Владимировна,** доктор филологических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
76. **Кольченко Валерий Анатольевич,** Институт истории и культурного наследия Академии наук Кыргизской Республики, г. Бишкек, Республика Кыргызстан
77. **Комаров Сергей Анатольевич,** доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
78. **Костюкевич Анастасия Владимировна,** кандидат исторических наук, Институт истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь
79. **Коханенко Дмитрий Васильевич,** кандидат физико-математических наук, Алтайский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, г. Барнаул, Россия
80. **Крайнева Ирина Александровна,** кандидат исторических наук, Институт систем информатики имени А. П. Ершова, Сибирское отделение Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия
81. **Крайник Виктор Леонидович,** доктор педагогических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
82. **Красильникова Екатерина Ивановна,** доктор исторических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия
83. **Крючкина Наталья Юрьевна,** Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
84. **Кудрявцев Николай Георгиевич,** кандидат технических наук, доцент, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай, Россия
85. **Куликов Сергей Борисович,** доктор философских наук, доцент, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия
86. **Кулиш Виталий Валерьевич,** кандидат социологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
87. **Куляпин Александр Иванович,** доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
88. **Кухаренко Алексей Евгеньевич,** кандидат исторических наук, научно-исследовательская компания «Kuko.science», г. Барнаул, Россия
89. **Лагунова Ольга Константиновна,** доктор филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
90. **Ласовская Татьяна Юрьевна,** кандидат медицинских наук, доцент, Новосибирский государственный медицинский университет, г. Новосибирск, Россия
91. **Лебедева Наталья Борисовна,** доктор филологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
92. **Леонтьева Ольга Борисовна,** доктор исторических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия
93. **Леушина Ирина Сергеевна,** аспирант, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай, Россия
94. **Лопаткин Владимир Михайлович,** доктор педагогических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
95. **Лукьянова Наталья Николаевна,** кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
96. **Люля Наталья Викторовна,** Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
97. **Майер Алексей Александрович,** доктор педагогических наук, доцент, Государственный гуманитарно-технологический университет, г.о. Орехово-Зуево, Московская область, Россия
98. **Максимова Светлана Геннадьевна,** доктор социологических наук, профессор, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

99. **Макишева Айжан Тлектесовна,** докторант, Павлодарский государственный педагогический университет, г. Павлодар, Республика Казахстан
100. **Маликова Алина Вячеславовна,** Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
101. **Мамонтова Марина Александровна,** кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия
102. **Маркина Полина Владимировна,** кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия; Хэнаньский государственный университет, г. Кайфен, Китайская Народная Республика
103. **Маркин Владимир Васильевич,** кандидат философских наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
104. **Мароши Валерий Владимирович,** доктор филологических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия
105. **Марьин Дмитрий Владимирович,** доктор филологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
106. **Матвеева Наталья Александровна,** доктор социологических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
107. **Мащенко Ксения Юрьевна,** Национальный музей республики Алтай имени А.В. Анохина, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай, Россия
108. **Мельник Наталья Владимировна,** доктор филологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
109. **Мжельская Наталья Васильевна,** Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
110. **Минат Валерий Николаевич,** кандидат географических наук, доцент, Рязанский государственный агротехнологический университет имени П.А. Костычева, г. Рязань, Россия
111. **Минин Михаил Григорьевич,** доктор педагогических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, г. Томск, Россия
112. **Морозова Юлия Евгеньевна,** Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
113. **Москалюк Лариса Ивановна,** доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
114. **Москаленко Татьяна Валерьевна,** аспирант, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
115. **Москвина Татьяна Николаевна,** кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
116. **Мостяев Юрий Николаевич,** кандидат исторических наук, доцент, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия
117. **Мурзинцева Александра Евгеньевна,** кандидат культурологии, Бурятский научный центр, Сибирское отделение Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия
118. **Никитина Любовь Андреевна,** доктор педагогических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
119. **Осипов Александр Михайлович,** доктор социологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия
120. **Отепова Гульфира Елубаевна,** доктор исторических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический университет, г. Павлодар, Республика Казахстан
121. **Парфенова Галина Леонидовна,** кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
122. **Пахтусова Наталья Александровна,** кандидат педагогических наук, доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия
123. **Пожарская Ксения Александровна,** кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
124. **Поздеева Светлана Ивановна,** доктор педагогических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия
125. **Покида Андрей Николаевич,** кандидат социологических наук, Научно-исследовательский центр социально-политического мониторинга Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, г. Москва, Россия
126. **Поликарпов Сергей Алексеевич,** кандидат физико-математических наук, доцент, Математический институт имени В.А. Стеклова РАН РФ, г. Москва, Россия
127. **Полтева Татьяна Ивановна,** кандидат исторических наук, Национальный музей республики Алтай имени А.В. Анохина, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай
128. **Попова Наталья Владимировна,** кандидат педагогических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
129. **Проскурин Сергей Геннадьевич,** доктор филологических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия

130. **Проскурина Анастасия Викторовна,** кандидат филологических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
131. **Протасова Ирина Николаевна,** кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия
132. **Рабенко Татьяна Геннадьевна,** доктор филологических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
133. **Ральникова Ирина Александровна,** доктор психологических наук, профессор, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
134. **Речкина Татьяна Александровна,** аспирант, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
135. **Романов Андрей Александрович,** кандидат педагогических наук, доцент, Академия федеральной службы исполнения наказаний РФ, г. Рязань, Россия
136. **Руднева Инна Александровна,** кандидат педагогических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия
137. **Рыгалова Мария Владимировна,** кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Россия
138. **Рыгалов Евгений Владимирович,** Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
139. **Рыжова Наталья Ивановна,** доктор педагогических наук, профессор, Институт управления образованием РАО, г. Москва, Россия
140. **Сафронова Елена Юрьевна,** кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
141. **Седова Елена Александровна,** кандидат педагогических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия
142. **Синцова Людмила Константиновна,** доктор философских наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
143. **Скопа Виталий Александрович,** доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
144. **Скосырева Нина Даниловна,** кандидат философских наук, доцент, Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина, г. Омск, Россия
145. **Скубач Ольга Александровна,** кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
146. **Смышляев Кирилл Алексеевич,** аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, г. Томск, Россия
147. **Советова Ольга Сергеевна,** доктор исторических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
148. **Соколов Денис Андреевич,** Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан
149. **Соколов Александр Станиславович,** доктор исторических наук, доцент, Рязанский государственный радиотехнический университет, г. Рязань, Россия
150. **Сурнина Марина Владимировна,** кандидат педагогических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
151. **Стальская Софья Станиславовна,** аспирант, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
152. **Сухотерина Татьяна Павловна,** кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
153. **Сытых Ольга Леонидовна,** доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
154. **Тишкин Алексей Алексеевич,** доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
155. **Темербекова Альбина Алексеевна,** доктор педагогических наук, доцент, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай, Россия
156. **Торопова Алла Владимировна,** доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия
157. **Трубникова Наталья Ивановна,** кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия
158. **Труевцева Ольга Николаевна,** доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
159. **Тяпкин Михаил Олегович,** доктор исторических наук, доцент, Барнаульский юридический институт МВД РФ, г. Барнаул, Россия
160. **Тумбаева Наталья Викторовна,** кандидат педагогических наук, доцент, Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул, Россия
161. **Уварина Наталья Викторовна,** доктор педагогических наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия
162. **Ульмясбаева Анастасия Олеговна,** Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва, филиал КузГТУ в г. Новокузнецке, г. Новокузнецк, Россия
163. **Урюпин Игорь Сергеевич,** доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия
164. **Ушакова Елена Владимировна,** доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный медицинский университет, г. Барнаул, Россия

165. **Фасенко Татьяна Евгеньевна,** кандидат экономических наук, доцент, Алтайский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, г. Барнаул, Россия
166. **Фролов Анатолий Серафимович,** доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
167. **Холодкова Ольга Геннадьевна,** кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
168. **Худенко Елена Анатольевна,** доктор филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
169. **Цыряпкина Юлия Николаевна,** кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
170. **Чепик Анатолий Георгиевич,** доктор экономических наук, профессор, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия
171. **Черников Владимир Александрович,** кандидат педагогических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия
172. **Чернова Ирина Валерьевна,** кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия
173. **Чижов Николай Сергеевич,** кандидат филологических наук, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
174. **Чуешева Наталья Алексеевна,** кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
175. **Шелегина Ольга Николаевна,** доктор исторических наук, Сибирское отделение Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия
176. **Шершнева Елена Александровна,** кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
177. **Щеглова Татьяна Кирилловна,** доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия
178. **Шпильная Надежда Николаевна,** доктор филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

От научного редактора 5

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПАРАДИГМЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Алиясова В.Н.
О РОЛИ МУЗЕЕВ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА 7

Балакирева С.Ю.
РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТОРА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 9

Белоусова Н.А., Советова О.С.
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ КОСТЮМА НАРОДОВ СИБИРИ НА МАТЕРИАЛАХ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ 12

Боголепова Л.З.
УЧЕНЫЕ, ВНЕСШИЕ ВКЛАД В КОЛЛЕКЦИОННЫЕ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ «АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ЭКОЛОГИЯ СИБИРИ» КЕМГУ 15

Бураева С.В.
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: КНИЖНЫЕ ПАМЯТНИКИ 18

Бураева С.В., Мурзинцева А.Е.
КУЛЬТУРНОЕ И ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ В АКАДЕМИЧЕСКОМ МУЗЕЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ 21

*Вальдман И.*А.
МЕМОРИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА И ЛОКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КОММЕМОРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 25

Васильев В.М., Бураева С.В.
МУЗЕЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОХРАНЕНИИ, ИЗУЧЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 29

Виерегг Хильдегард К.
ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ 32

Ге Е.С.
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ЭКСПОЗИЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ 40

Грибанова Н.С., Люля Н.В.
«ИСЧЕЗАЮЩИЙ МИР»: ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОТОМКОВ УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ АЛТАЯ 47

Гулузаде Н. В.
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА 51

Запорожченко Г.М.
КРЕАТИВНЫЙ ПРОЕКТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 58

Кимеева Т.И.
РЕКОНСТРУКЦИЯ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА КАК СПОСОБ ЕГО СОХРАНЕНИЯ МУЗЕЙНЫМИ СРЕДСТВАМИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРЯДА БАЧАТСКИХ ТЕЛЕУТОВ) 62

Коваленко П.С.
СОЗДАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА МУЗЕЕФИКАЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПАМЯТНИКА «БИЙСКОЕ АРХИЕРЕЙСКОЕ ПОДВОРЬЕ» 66

Кожокар В.А.
СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПРИИРТЫШЬЯ МУЗЕЕМ ЕРТІС В ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ 73

Кольченко В.А.
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДАННЫХ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ В КЫРГЫЗСТАНЕ) 75

Костюкевич А.В.
КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕРДОЛИКОВЫХ И ХРУСТАЛЬНЫХ БУС) 81

Крайнева И.А.
ТЕХНОЛОГИЯ И МЕТОД ЭЛЕКТРОННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФАКТОГРАФИИ 89

Мащенко К.Ю.
ШКОЛЬНЫЕ МУЗЕИ КАК ХРАНИТЕЛИ И ТРАНСЛЯТОРЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ 92
Мостяев Ю.Н., Минат В.Н.
СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА 96
Полтева Т.И.
ФРОНТОВОЕ ПИСЬМО КАК ИСТОЧНИК, ОСВЕЩАЮЩИЙ УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 99
Рыгалова М.В., Рыгалов Е.В.
ГИС «МУЗЕЙНАЯ СЕТЬ АЛТАЙСКОГО КРАЯ»: ОТ ИДЕИ ДО РЕАЛИЗАЦИИ 102
Труевцева О.Н.
НАСЛЕДИЕ И МУЗЕОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ 106
Труевцева О.Н., Гибельгаус Т.А.
УСТНЫЙ ИСТОЧНИК КАК МЕТОД СОХРАНЕНИЯ САКРАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ 109
Чернова И.В.
ИСТОРИЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАЭ ОМГУ ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО) 112
Шелегина О.Н.
ОСВОЕНИЕ НАСЛЕДИЯ: РЕГИОНАЛЬНАЯ МУЗЕЙНАЯ ПРАКТИКА 115
Щеглова Т.К.
ОТ ЭКСПЕДИЦИЙ К НАУЧНОМУ ТЕКСТУ: ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1950-2010-х гг. 118

РАЗДЕЛ 2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Алиева Г.М.
ПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ 124
Афанасьев П.А.
ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ФОНДА Е.П. КЛЕВАКИНА: ИТОГИ ПРОЕКТОВ РФФИ 126
Бармин В.А.
О ПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ СИНЬЦЗЯНА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КИТАЕ (1948-1949 гг.) 130
Беневаленская Е.Н.
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 134
Бойко В.С.
МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКИ СОВРЕМЕННЫХ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ АФГАНИСТИКИ И СМЕЖНЫХ СУБДИСЦИПЛИН) 136
Дашковский П.К., Шершнева Е.А.
РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. 138
Демин М.А.
БИОГРАФИЯ УЧЕНОГО В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ 142
Калашников А.А.
ЛИКВИДАЦИЯ БЫВШЕЙ СОБСТВЕННОСТИ МОНАРХА НА АЛТАЕ: АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ (1917-1918 гг.) 145
Карпенко Е.А.
ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ АЛТАЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.: ПЕРСПЕКТИВЫ ПУБЛИКАЦИИ 148
Каскабасова А.А., Макишева А.Т.
К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ КУРСА ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 151
Китова Л.Ю.
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ СИБИРИ 156
Красильникова Е.И.
ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ И КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ РЕГИОНА (СИБИРЬ XX – нач. XXI в.) 158

Кухаренко А.Е.
АЛТАЙСКИЙ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКАХ (НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ) 162
Леонтьева О.Б.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВОРОТЫ РУБЕЖА XX-XXI вв. В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ 166
Мамонтова М.А.
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ 1940-х - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х гг. 169
Отепова Г.Е.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ 174
Пожарская К.А.
ФОРМИРОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ОБРАЗА АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА В ТРУДАХ УЧЕНЫХ, ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ЧИНОВНИКОВ РУБЕЖА XIX–XX вв. 177
Тишкин А.А.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КРУПНЫХ КУРГАНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ 180
Тяпкин М.О.
«ИНСТРУКЦИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ ЛЕСНОЙ ЧАСТЬЮ НА ГОРНЫХ ЗАВОДАХ ХРЕБТА УРАЛЬСКОГО» 1830 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО (АЛТАЙСКОГО) ГОРНОГО ОКРУГА 184
Цыряпкина Ю.Н.
РУССКОЯЗЫЧНЫЕ УЗБЕКИСТАНА В 2000-е ГОДЫ: ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ «НАЦИОНАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ» ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ АНГРЕНА И ФЕРГАНЫ) 189
Щеглова Т.К.
КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОЛОГИИ/АНТРОПОЛОГИИ 192

РАЗДЕЛ 3

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Араева Л.А., Проскурина А.В.
ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ТЕЛЕУТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ 200
Башмакова А.Ю.
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ: ТУРИСТИЧЕСКАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ТЮМЕНИ 203
Беляева С.В.
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНАЛИЗА МЕДИАТЕКСТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ 207
Бринев К.И. , Шпильная Н.Н.
СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ 210
Ворожбитова А.А.
ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ГЕНЕРИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ДИСКУРСА КОЛЛЕГИАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО-ГУМАНИТАРИЯ 212
Галкина С.Ф., Ласовская Т.Ю., Белоглазова Ю.А., Валюхова К.О.
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АЛЕКСИТИМИКА: К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ 217
Голев Н.Д., Иркова А.В.
КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ШКОЛЬНИКА И СТУДЕНТА – ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И ДРУГИХ ФОРМ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ 221
Дударева Я.А.
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКОВ 224
Заюкова Е.В.
К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АСИММЕТРИИ В ТРАНСЛАТОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ТУРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ) 228
Кирколуп О.В.
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОТЕСТА «ЖЕЛТЫХ ЖИЛЕТОВ» НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ 231
Кобенко Ю.В.
РАЗВИТИЕ СРЕДОВОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКУ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ 235

Коваленко Г.Ф.
К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОМ РАЗВИТИИ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ 238
Козлова Л.А., Климова Т.А.
СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ БИКУЛЬТУРАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ 242
Колесов И.Ю.
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АНГЛИЙСКИХ РЕКУРРЕНТНЫХ СТРУКТУР В СФЕРЕ ТЕОРИИ ГРАММАТИКИ КОНСТРУКЦИЙ 247
Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В.
ЧАСТОТНОСТЬ И РЕЛЕВАНТНОСТЬ ВЕРБАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ ЭМОЦИЙ В КОРПУСЕ НЕЙТРАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТОВ 252
Лебедева Н.Б.
ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ НАРОДНЫХ МЕМУАРОВ 256
Лукьянова Н.Н.
«ДВУПОЛУШАРНЫЕ» СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО НАВЫКА ПРАВОПИСАНИЯ СЛОВАРНЫХ СЛОВ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ 260
Мельник Н.В., Голянская В.А.
ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОБЫДЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ 263
Москалюк Л.И.
ВЫТЕСНЕНИЕ ПРЕТЕРИТА ПЕРФЕКТОМ В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ 267
Москвина Т.Н.
ТЕМПОРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТОВ ШВАНКОВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ 270
Проскурин С.Г., Проскурина А.В.
КОЛЬЦЕВАЯ КОМПОЗИЦИЯ КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ ДЕТАЛЬ НАРРАТИВА 272
Рабенко Т.Г., Крючкина Н.Ю.
ИНФОРМАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ) 280
Стальская С.С.
О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНОВ В.В. НАБОКОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ОТЧАЯНИЕ») 283
Сухотерина Т.П.
НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ В ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ 286
Шпильная Н.Н., Галкина С.Ф., Ласовская Т.Ю., Золоедова В.А.
ДИНАМИКА ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ АЛЕКСИТИМИКОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ) 290
Шпильная Н.Н., Москаленко Т.В.
ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБЫДЕННЫЙ МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС КАК ПОВСЕДНЕВНЫЙ ДИСКУРС: ЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА И ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ 294

РАЗДЕЛ 4

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И МЕТОДЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Богумил Т.А.
АЛОЕ БЕЛОВОДЬЕ В.Я. ШИШКОВА 298
Вайкум Л.А.
ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОНТЕКСТ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПРОЗЕ Т.Н. ТОЛСТОЙ 301
Глазинская Е.Т.
ФОТОГРАФИЯ КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ В РОМАНЕ «ЗЕЛЕНЫЙ ШАТЕР» Л.Е УЛИЦКОЙ 304
Завгородняя Н.И.
ГОРОД КАК ЛЕС: МИФ ОБ ОХОТЕ В ТВОРЧЕСТВЕ А.В. КОРОБЕЙЩИКОВА 307
Ковтун Н.В.
ЧЕРТЕЖ УТОПИИ И «МЕЛОЧИ СУЩЕСТВОВАНИЯ» В ПОВЕСТИ А. ТОЛСТОГО «ГОЛУБЫЕ ГОРОДА» 310
Комаров С.А., Лагунова О.К.
МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ВЫЗОВ В ЛИТЕРАТУРЕ СИБИРИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС 317
Куляпин А.И.
ДЕФОРМАЦИЯ ИНТИМНОГО ПРОСТРАНСТВА ДОМА В РАССКАЗЕ В.М. ШУКШИНА «СВЕТЛЫЕ ДУШИ» 320
Маркина П.В.
ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНТОНА СОРОКИНА 322

Мароши В.В.
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА В МИНИАТЮРЕ И.А. БУНИНА «КАНУН» ... 238
Марьин Д.В.
АЛТАЙСКИЙ ТОПОС В ПРОЗЕ М. ВЕЛЛЕРА ... 330
Речкина Т.А.
ГЕНДЕРНАЯ СЕМАНТИКА БАНИ В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ II ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА ... 334
Сафронова Е.Ю.
КАКОВ БЫЛ УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ НЕМЕЦКИМ ЯЗЫКОМ У Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО? ... 337
Скубач О.А.
ПРИКЛЮЧЕНИЯ СКАЗКИ, или КОНЦЕПЦИЯ ЧУДА В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-х гг. (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ «ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО» А.Н. ТОЛСТОГО) ... 340
Урюпин И.С.
МИФОЛОГЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» ... 344
Худенко Е.А.
РЕКИ СИБИРИ В ОЧЕРКОВЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ В.Я. ШИШКОВА ... 347
Чижов Н.С.
КНИГОТВОРЧЕСТВО СИБИРСКОГО ПОЭТА Ю. ВЭЛЛЫ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ... 350

РАЗДЕЛ 5
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
Ан С.А.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ ... 355
Афонина Р.Н.
АКТУАЛЬНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ... 358
Брейтигам Э.К.
СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ДИДАКТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ... 362
Веряев А.А.
«АТЛАС НОВЫХ ПРОФЕССИЙ» И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ... 365
Иванова В.А., Фасенко Т.Е., Коханенко Д.В.
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СТРАНЫ И СИБИРСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ ... 368
Каракозов С.Д., Поликарпов С.А., Рыжова Н.И., Седова Е.А.
МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ... 371
Кениспаев Ж.К., Скосырева Н.Д.
ПОНЯТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ... 375
Киспаев Т.А., Соколов Д.А., Баянкин О.В., Попова Н.В.
РОЛЬ МОНИТОРИНГА ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ УЧАЩИХСЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ... 377
Крайник В.Л., Гонтарь О.П.
ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА: СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ... 380
Куликов С.Б.
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ ВЫСШЕГО УРОВНЯ КВАЛИФИКАЦИИ И РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В РАСКРЫТИИ ЭТИХ МЕХАНИЗМОВ ... 384
Лопаткин В.М., Вольф А.В.
ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ В ПОДГОТОВКЕ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ АСТРОНОМИИ ... 386
Майер А.А.
СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 388
Маркин В.В.
СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ... 391
Никитина Л.А.
ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ МАГИСТРАТУРЫ ПО РАБОТЕ С ДЕТЬМИ В УСЛОВИЯХ ПРЕДШКОЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ... 395
Поздеева С.И.
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ МАГИСТРАТУРЫ: МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ... 398
Синцова Л.К., Сытых О.Л.
КРИТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ... 401

Скопа В.А.
ДИАГНОСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ОБУЧАЮЩИХСЯ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ... 404
Смышляев К.А., Минин М.Г.
ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ РОССИЙСКОГО ВУЗА ... 406
Темербекова А.А., Кудрявцев Н.Г., Леушина И.С.
МЕТОД ПРОЕКТНЫХ ИНТЕРФЕЙСОВ КАК РЕСУРС ВНЕДРЕНИЯ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА В СИСТЕМУ ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ РЕГИОНА ... 410
Торопова А.В.
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ... 413
Ульмясбаева А.О.
ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИЕЙ МОЛОДЕЖИ ... 416
Ушакова Е.В.
СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ... 418
Фролов А.С.
ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ... 423
Чепик А.Г., Соколов А.С., Минат В.Н.
ДИАЛЕКТИКА КАЧЕСТВА СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ... 426

РАЗДЕЛ 6
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
Абрамкина С.Г.
СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ: ТРАДИЦИОННОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ ... 430
Антилогова Л.Н.
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И НРАВСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ ... 433
Евсина Т.А.
К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ... 436
Еньшина Н.А., Морозова Ю.Е.
СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ В КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ... 439
Забнева Э.И.
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ... 441
Канзычакова Н.Г.
ПРОБЛЕМА РОССИЙСКИХ МОНОГОРОДОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ ... 443
Каширский Д.В.
РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД ... 446
Колмогорова Л.С.
КУЛЬТУРА И КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ЦЕЛЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБРАЗОВАНИЯ ... 448
Кулиш В.В.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЁЖИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА ... 452
Максимова С.Г.
ПЕРСПЕКТИВА РЕАЛИЗАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В СИСТЕМЕ СОХРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ... 456
Матвеева Н.А.
СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ: ОТ НАУЧНОЙ МЕТАФОРЫ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ... 460
Мжельская Н.В.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ ... 464
Морозова Ю.Е.
СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЁЖИ ... 469

Осипов А.М., Матвеева Н.А.
УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ И УСЛОВИЯ ОПТИМИЗАЦИИ 473
Парфенова Г.Л.
СУВЕРЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ОДАРЕННЫХ СТУДЕНТОВ 475
Пахтусова Н.А., Уварина Н.В.
МЕХАНИЗМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СЕТЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ 479
Покида А.Н., Зыбуновская Н.В.
МОТИВЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В «ТЕНЕВЫХ» ПРОЦЕССАХ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА 483
Протасова И.Н.
СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ 487
Ральникова И.А., Ипполитова Е.А.
ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЖЕНЩИН В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ 490
Романов А.А., Минат В.Н.
ДЕФИНИЦИИ ЛИЧНОСТИ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 492
Руднева И.А., Черников В.А.
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ВОЗВРАТА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, ИЗ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ 496
Трубникова Н.И.
ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ 499
Тумбаева Н.В., Кулиш В.В.
СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЁЖИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ 502
Холодкова О.Г.
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ 505
Чуешева Н.А., Сурнина М.В.
ГОТОВНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ К ВКЛЮЧЕНИЮ В ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО 509
Сведения об авторах 513

CONTENT

Foreword from the scientific editor 5

SECTION 1

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE IN THE PARADIGM OF SUSTAINABLE SOCIETY DEVELOPMENT

Aliyasova V.N.
ABOUT THE ROLE OF MUSEUMS OF NATURAL HISTORY IN THE FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE OF THE SOCIETY 7

Balakireva S.Yu.
THE ROLE OF THE HISTORICAL FACTOR IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF LOCAL SELFGOVERNMENT 9

Belousova N.A., Sovetova O.S.
EXPERIENCE OF HISTORICAL RECONSTRUCTION OF ELEMENTS OF COSTUME PEOPLE OF SIBERIA ON THE MATERIALS OF MUSEUM COLLECTIONS 12

Bogolepova L.Z.
SCIENTISTS CONTRIBUTING TO THE COLLECTION MEETINGS OF THE MUSEUM "ARCHEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND ECOLOGY OF SIBERIA" OF KEMGU 15

Buraeva S.V.
HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLE OF THE BAIKAL REGION AT THE PRESENT STAGE: BOOK MONUMENTS 18

Buraeva S.V., Murzintseva A.E.
CULTURAL AND NATURAL HERITAGE AT THE ACADEMIC MUSEUM IN THE EAST OF RUSSIA 21

Waldman I.A.
MEMORIAL SPACE OF THE CITY AND LOCAL PRACTICES OF COMMEMORATIVE ACTIVITIES 25

Vasiliev V.M., Buraeva S.V.
MUSEUM TECHNOLOGIES IN THE PRESERVATION, STUDY AND POPULARIZATION OF CULTURAL HERITAGE 29

Vieregg Hildegard K.
WORLD HERITAGE AND EDUCATION: PROSPECTS FOR THE FUTURE 32

Ge E.S.
TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE EXPOSITION SPACE OF THE ART MUSEUM 40

Gribanova N.S., Lyulya N.V.
"DISAPPEARING WORLD": ETHNOGRAPHIC STUDY OF THE TRADITIONAL MATERIAL CULTURE OF THE DESCENDANTS OF UKRAINIAN POPULATION IN THE ALTAI KRAI 47

Guluzade Nasir Vagif oglu
ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF NATIONAL MUSEUM OF HISTORY OF AZERBAIJAN 51

Zaporozhchenko G.M.
CREATIVE DRAFT FOR REPRESENTATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF SIBERIA IN EDUCATIONAL SPACE 58

Kimeeva T.I.
RECONSTRUCTION OF WEDDING RITUAL AS A WAY OF ITS PRESERVATION BY MUSEUM FACILITIES (ON THE EXAMPLE OF THE CEREMONY OF BACHAT TELEUTS) 62

Kovalenko P.S.
CREATION AND FEATURES OF IMPLEMENTATION OF THE INNOVATIVE PROJECT OF MUSEUMIFICATION OF ARCHITECTURAL AND HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENT "BIYSK EPISCOPAL COURT" 66

Kozhokar V.A.
MODERN FORMS OF POPULARIZATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE IRTYSH LAND BY ERTIC MUSEUM IN THE PAVLODAR REGION 73

Kolchenko V.A.
ARCHIVAL MATERIALS ON ARCHEOLOGY AS A PART OF CULTURAL HERITAGE (ON THE EXAMPLE OF RESEARCH DATA IN KYRGYZSTAN) 75

Kostyukevich A.V.
CULTURAL AND ECONOMIC CONTACTS OF POLOTSK LAND AND CENTRAL ASIA (ACCORDING TO MATERIALS OF CARNELIAN AND ROCK CRYSTAL BEADS) 81

Kraineva I.A.
TECHNOLOGY AND METHOD OF ELECTRONIC HISTORICAL FACTOGRAPHY 89

Mashchenko K.Yu.
SCHOOL MUSEUMS AS KEEPERS AND TRANSLATORS OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE ALTAI REPUBLIC 96

Mostyaev Yu.N., Minat V.N.
PRESERVATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE AS AN INTEGRAL COMPONENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY 96
Polteva T.I.
LETTER FROM THE FRONT AS AN INFORMATION SOURCE OF THE PARTICIPATION OF WOMEN IN THE MILITARY ACTIVITIES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR 99
Rygalova M.V. , Rygalov E.V.
GIS "MUSEUM NETWORK OF THE ALTAI KRAI": FROM IDEA TO IMPLEMENTATION 102
Truevtseva O.N.
HERITAGE AND MUSEOOLOGY: THEORETICAL ASPECTS OF INTEGRATION 106
Truevtseva O.N., Gibelgaus T.A.
ORAL SOURCE AS A METHOD FOR PRESERVING SACRED SOURCES 109
Chernova I.V.
HISTORY OF ETHNOLOGICAL STUDY OF THE UKRAINIAN POPULATION OF WESTERN SIBERIA (ON THE MATERIALS OF MAE OMSU NAMED AFTER F.M. DOSTOEVSKY) 112
Shelegina O.N.
DEVELOPMENT OF HERITAGE: REGIONAL MUSEUM PRACTICE 115
Shcheglova T.K.
FROM EXPEDITIONS TO SCIENTIFIC TEXT: FIELD STUDIES OF ETHNOGRAPHY AND HISTORICAL MEMORY OF THE POPULATION OF RURAL TERRITORIES OF THE ALTAI KRAI IN 1950S-2010S 118

SECTION 2
METHODOLOGICAL AND SOURCE RESEARCH PROBLEMS OF HISTORICAL RESEARCHES
Alieva G.M.
PRESENTATION OF MUSEUM FUNDS AND FORMATION OF NATIONAL HISTORICAL CONSCIOUSNES 124
Afanasyev P.A.
PUBLICATION OF DOCUMENTS OF PERSONAL PAPERS OF E.P. KLEVAKIN: RESULTS OF RFBR PROJECTS 126
Barmin V.A.
ABOUT THE POLITICAL COURSE OF THE SOVIET LEADERSHIP WITH RESPECT TO XINJIAN AT THE FINAL STAGE OF THE CIVIL WAR IN CHINA IN1948–1949 YEARS 130
Benevalenskaya E.N.
PROBLEMS OF REGIONAL IDENTITY IN MODERN HISTORIOGRAPHIC DISCOURSE 134
Boyko V.S.
METHODOLOGY AND SOURCES OF MODERN RESEARCHES IN ORIENTAL STUDIES (ON THE EXAMPLE OF AFGHANISTICS AND RELATED SUBDISCIPLINES) 136
Dashkovsky P.K., Shershneva E.A.
THE ROLE OF STATE AUTHORITIES IN THE FORMATION OF THE SYSTEM OF THE MUSLIM SCHOOL EDUCATION OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX– THE BEGINNING OF THE XX CENTURY 138
Demin M.A.
BIOGRAPHY OF A SCIENTIST IN THE SUBJECT FIELD OF INTELLECTUAL HISTORY 142
Kalashnikov A.A.
LIQUIDATION OF THE FORMER MONARCH'S PROPERTY IN ALTAI: ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL AND ECONOMIC ASPECTS (1917 1918) 145
Karpenko E.A.
DOCUMENTAL LEGACY OF ALTAI OFFICIALS OF THE END OF THE XIX – THE FIRST HALF OF THE XXTH CENTURY: PROSPECTS OF THE PUBLICATION 148
Kaskabasova A.A., Makisheva A.T.
TO THE QUESTION OF THE APPLICATION OF WRITTEN SOURCES IN THE STUDY OF THE COURSE OF HISTORY OF KAZAKHSTAN IN THE COMPOSITION OF THE RUSSIAN EMPIRE 151
Kitova L.Yu.
SOURCE RESEARCH PROBLEMS OF THE HISTORY OF ARCHEOLOGY OF SIBERIA 156
Krasilnikova E.I.
MEMORY POLICY: HISTORICAL SYMBOLS AND COMMORATIVE PRACTICES IN THE SYSTEM OF SOCIO-POLITICAL SELF-REGULATION OF THE REGION (SIBERIA XX - BEGINNING OF XXI CENTURY) 158
Kuharenko A.E.
ALTAI HISTORICAL AND GEOGRAPHIC COMPLEX IN THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES (SCIENTIFIC AND PRACTICAL PROSPECTS) 162
Leontyeva O.B.
METHODOLOGICAL TURNS ABROAD XX-XXI BB. IN THE PRACTICE OF MODERN THESIS RESEARCHES ON DOMESTIC HISTORY 166
Mamontova M.A.
MODERN APPROACHES TO STUDYING THE SOVIET POPAGANDA 1940S – THE FIRST HALF OF THE 1950S. 169

Otepova G.E.
METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING LEGISLATIVE SOURCES 174
Pozharskaya K.A.
FORMATION OF THE NATURAL SCIENTIFIC IMAGE OF THE ALTAI REGION IN THE WORKS OF SCIENTISTS, TRAVELERS AND OFFICIALS ABROAD XIX-XX CENTURIES 177
Tishkin A.A.
METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF INTERPRETATION OF LARGE BARROWS OF ALTAI REGION 180
Tyapkin M.O.
"INSTRUCTION UNDER THE MANAGEMENT OF FORESTRY IN URAL MINING INDUSTRY" IN 1830 AS A SOURCE ON THE HISTORY OF FORESTRY OF THE KOLYVAN-VOSKRESENSKY (ALTAI) MINING DISTRICT 184
Tsyryapkina Yu.N.
RUSSIAN-SPEAKING UZBEKISTAN IN THE 2000S: ETHNO-CULTURAL PROCESSES UNDER THE CONDITIONS OF THE "NATIONALIZING" STATE (ON THE EXAMPLE OF ANGREN AND FERGANA) 189
Shcheglova T.K.
CULTURE OF LIFE SUPPORT OF THE RUSSIAN RURAL POPULATION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: NEW APPROACHES IN MODERN DOMESTIC ETHNOLOGY / ANTHROPOLOGY 192

SECTION 3
METHODOLOGY AND PRACTICE OF MODERN LINGUISTIC RESEARCHES
Araeva L.A., Proskurina A.V.
TELEUT LANGUAGE AND CULTURE THROUGH THE PRISM OF WORD FORMATION 200
Bashmakova A.Yu.
LINGUISTIC LANDSCAPE: TOURIST ATTRACTIVENESS OF TYUMEN 203
Belyaeva S.V.
LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF ANALYSIS OF MEDIA-TEXT IN LESSONS IN THE FRENCH LANGUAGE IN A PEDAGOGICAL UNIVERSITY 207
Brinev K.I., Shpilnaya N.N.
FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE: APPLIED LINGUISTICS, LINGUISTIC THEORY AND EPISTEMOLOGY 210
Vorozhbitova A.A.
LINGUISTIC PARADIGM AS A SYNERGETIC MATRIX FOR GENERATING AN INNOVATIVE DISCOURSE OF A COLLEGAL LANGUAGE PERSONALITY OF A SCIENTIST-HUMANITARIAN 212
Galkina S.F., Lasovskaya T.Yu., Beloglazova Yu.A., Valyukhova K.O.
LINGUISTIC PERSONALITY OF A MAN WITH ALEXITHYMIA: TO THE PROBLEM OF MODELING 217
Golev N.D. , Irkova A.V.
COMMUNICATIVE PORTRAIT OF THE MODERN RUSSIAN SCHOOLER AND STUDENT - USERS OF SOCIAL NETWORKS AND OTHER FORMS OF VIRTUAL COMMUNICATION 221
Dudareva Ya.A.
LINGUISTIC ANALYSIS OF SOCIAL NETWORKS OF MODERN POLITICIANS 224
Zayukova E.V.
TO THE QUESTION OF INTERCULTURAL ASYMMETRY IN TRANSLATOLOGY (ON THE EXAMPLE OF ANALYSIS OF TOURIST´S TEXTS) 228
O.V. Kirkolup
LINGUOCULTURAL INTERPRETATION OF THE PROTEST OF "YELLOW JACKETS" BY RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGE SPEAKERS 231
Kobenko Yu.V.
DEVELOPMENT OF THE ENVIRONMENTAL APPROACH TO THE LANGUAGE IN HUMANITARIAN KNOWLEDGE 235
Kovalenko G.F.
TO THE QUESTION OF THE SENSE DEVELOPMENT OF THE TEXT SPACE OF THE STYLISTIC CONVERGENCE 238
Kozlova L.A., Klimova T.A.
SPECIFICITY OF LINGUAL CONSCIOUSNESS OF THE BICULTURAL PERSONALITY AND ITS REFLECTION IN LITERARY TEXT 242
Kolesov I.Yu.
CONCEPTUAL ASPECTS OF THE ENGLISH RECURRENT STRUCTURES IN THE FIELD OF CONSTRUCTION GRAMMAR THEORY 247
Kolmogorova A.V., Kalinin A.A., Malikova A.V.
FREQUENCY AND RELEVANCE OF VERBAL MARKERS OF EMOTIONS IN THE CASE OF NEUTRAL INTERNET TEXTS .. 252
Lebedeva N.B.
VALUABLE DOMINANTS OF FOLK MEMOIRS 256
Lukyanova N.N.
"TWO-HEMISPHERE" STRATEGIES FOR THE FORMATION OF THE SPELLING SKILL OF VOCABULARY WORDS FOR PRIMARY SCHOOL STUDENTS 260

Melnik N.V., Golyanskaya V.A.
LINGUOPERSONOLOGICAL DESCRIPTION OF ORDINARY POLITICAL COMMUNICATION 263
Moskalyuk L.I.
DISPLACEMENT OF PRETERITE BY PERFECT TENSE IN GERMAN INSULAR DIALECTS 267
Moskvina T.N.
TEMPORAL STRUCTURE OF TEXTS OF RUSSIAN GERMANS´ SHVANKS 270
Proskurin S.G., Proskurina A.V.
CIRCULAR COMPOSITION AS A SEMIOTIC DETAIL OF NARRATIVE 272
Rabenko T.G., Kryuchkina N.Yu.
INFORMATIVE STRATEGY AS A METHOD FOR ORGANIZATION OF EPISTOLAR DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF PARENTAL LETTERS) 280
Stalskaya S.S.
ON COMPARATIVE ANALYSIS OF TRANSLATIONS OF NOVEL OF V.V. NABOKOV IN ENGLISH (ON THE MATERIAL OF THE NOVEL "DESPAIR") 283
Sukhoterina T.P.
FOLK MEMOIRS IN THE GENRE SYSTEM OF NATURAL WRITTEN LANGUAGE 286
Shpilnaya N.N., Galkina S.F., Lasovskaya T.Yu., Zoloedova V.A.
DYNAMICS OF WRITTEN SPEECH OF PEOPLE WITH ALEXITHYMIA (BY RESULTS OF PSYCHOLOGICAL CORRECTION) 290
Shpilnay N.N., Moskalenko T.V.
VIRTUAL ORDINARY MEDIA DISCOURSE AS AN EVERYDAY DISCOURSE: GENRE STRUCTURE AND DISCOURSE STRATEGIES 294

SECTION 4
MODERN STRATEGIES AND METHODS OF LITERARY RESEARCHES
Bogumil T.A.
«SCARLET SNOWDRIFTS» OF V.YA. SHISHKIN 298
Vaikum L.A.
FOLKLORE CONTEXT OF NARRATIVE IN PROSE OF T.N. TOLSTAYA 301
Glazinskaya E.T.
PHOTO AS A SPATIAL MODEL IN THE NOVEL "THE GREEN TENT" OF L.E. ULITSKAYA 304
Zavgorodnaya N.I.
THE CITY AS A FOREST: A MYTH ABOUT HUNT IN CREATIVITY OF A.V. KOROBEYSHCHIKOV 307
Kovtun N.V.
DRAWING OF UTOPIA AND THE "TRIVIA OF EXISTENCE" IN THE STORY "BLUE CITIES"OF A. TOLSTOI 310
Komarov S.A., Lagunova O.K.
MODERNIZATION CHALLENGE IN LITERATURE OF SIBERIA: METHODOLOGICAL PERSPECTIVE 317
Kulyapin A.I.
DEFORMATION OF THE INTIMATE HOUSE SPACE IN THE STORY "BRIGHT SOULS"OF V.M. SHUKSHIN 320
Markina P.V.
IMAGOLOGICAL DISCOURSE IN WORKS OF ANTON SOROKIN 322
Maroshi V.V.
ANTHROPOLOGICAL MODELING OF THE WORLD IN MINIATURE "EVE"OF I.A. BUNIN 238
Maryin D.V.
ALTAI TOPOS IN PROSE OF M. VELLER 330
Rechkina T.A.
GENDER SEMANTICS OF A BATHHOUSE IN THE PROSE OF WRITERS-TRADITIONALISTS OF THE II HALF OF THE XX CENTURY 334
Safronova E.Yu.
WHAT WAS THE POSSIBILITY LEVEL OF THE GERMAN LANGUAGE OF F.M. DOSTOEVSKY? 337
Skubach O.A.
ADVENTURES OF THE TALE, OR THE CONCEPT OF THE MIRACLE IN THE SOVIET CHILDREN'S LITERATURE 1930S. (BASED ON THE MATERIAL OF THE FAIRY TALE "THE GOLDEN KEY, OR THE ADVENTURES OF BURATINO" BY A.N. TOLSTOY) 340
Uryupin I.S.
MYTHOLOGEME OF RETURN IN THE NOVEL OF M.A. BULGAKOV "MASTER AND MARGARITA" 344
Khudenko E.A.
RIVERS OF SIBERIA IN ESSENTIAL AND ARTISTIC TEXTS OF V.YA. SHISHKOV 347
Chizhov N.S.
BOOK OF SIBERIAN POET YU. VELLA: PROBLEMS OF RESEARCH METHODOLOGY 350

SECTION 5

MODERN TRENDS OF EDUCATION SYSTEM DEVELOPMENT

An S.A.
MODERN TRENDS OF EDUCATION DEVELOPMENT IN CHINA 355
Afonina R.N.
RELEVANCE AND VALUE OF HUMANITARIZATION OF THE CONTENT OF NATURAL SCIENTIFIC EDUCATION 358
Breitigam E.K.
SYSTEM APPROACH TO THE FORMATION OF DIDACTIC CULTURE OF A FUTURE TEACHER 362
Veryaev A.A.
ATLAS OF NEW PROFESSIONS AND SOME PROBLEMS OF CONTINUOUS PEDAGOGICAL EDUCATION 365
Ivanova V.A., Fasenko T.E., Kokhanenko D.V.
SOCIO-ECONOMIC POLICY OF THE COUNTRY AND THE SIBERIAN REGION IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY 368
Karakozov S.D., Polikarpov S.A., Ryzhova N.I., Sedova E.A.
MATHEMATICAL EDUCATION AND DIGITAL COMPETENCE 371
Kenispaev Zh.K., Skosyreva N.D.
THE CONCEPT OF DIGITAL ECONOMY IN THE MODERN EDUCATION SYSTEM 375
Kispaev T.A., Sokolov D.A., Bayankin O.V., Popova N.V.
THE ROLE OF MONITORING PHYSICAL FITNESS OF STUDENTS OF PRIMARY SCHOOL AGE 377
Kraynik V.L., Gontar O.P.
PHYSICAL CULTURE OF STUDENT PERSONALITY: ESSENCE AND PROBLEM OF DEVELOPMENT 380
Kulikov S.B.
PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL MECHANISMS OF DEVELOPMENT OF THINKING FOR SPECIALISTS OF HIGHER QUALIFICATION AND THE ROLE OF PHILOSOPHY IN REVEALING THESE MECHANISMS 384
Lopatkin V.M., Wolf A.V.
INFORMATION AND INTERACTIVE METHODS IN PREPARING A MODERN ASTRONOMY TEACHER 386
Mayer A.A.
SUPPORT OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF A TEACHER IN THE CONDITIONS OF CONTINUOUS EDUCATION 388
Markin V.V.
HUMAN ABILITIES IN SOCIAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITY 391
Nikitina L.A.
DESIGNING THE EDUCATIONAL MASTER´S PROGRAM FOR WORK WITH CHILDREN UNDER CONDITIONS OF PRESCHOOL TRAINING 395
Pozdeeva S.I.
MASTER TEACHER: MODELS OF PROFESSIONAL ACTIVITY 398
Sintsova L.K., Sytykh O.L.
CRITICAL PEDAGOGY: EXPERIENCE OF THEORETICAL REVIEW 401
Skopa V.A.
DIAGNOSTIC CULTURE OF STUDENTS: CONCEPT AND ESSENTIAL CHARACTERISTIC 404
Smyshlyaev K.A., Minin M.G.
PHYSICAL EDUCATION AS AN EDUCATIONAL RESOURCE OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS OF A RUSSIAN UNIVERSITY 404
Temerbekova A.A., Kudryavtsev N.G., Leushina I.S.
PROJECT INTERFACE METHOD AS A RESOURCE FOR IMPLEMENTATION OF THE DESIGN APPROACH IN THE SYSTEM OF TRAINING OF ENGINEERING PERSONNEL IN THE REGION 410
Toropova A.V.
ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN MUSICAL AND PEDAGOGICAL EDUCATION 413
Ulmyasbaeva A.O.
INSTRUMENTS FOR MANAGEMENT OF THE INTER-REGIONAL EDUCATIONAL MIGRATION OF YOUTH 416
Ushakova E.V.
SOCIAL ROLE, PROBLEMS AND PROSPECTS OF EXISTENCE OF EDUCATION SYSTEM IN MODERN RUSSIA 418
Frolov A.S.
EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF TECHNOGENIC CIVILIZATION 423
Chepik A.G., Sokolov A.S., Minat V.N.
HIGHER EDUCATION SYSTEM QUALITY DIALECTICS IN RUSSIA 426

SECTION 6

TOPICAL PROBLEMS OF PERSONALITY DEVELOPMENT IN MODERN SOCIETY

Abramkina S.G.
FAMILY HISTORICAL MEMORY OF YOUTH: TRADITIONAL AND INNOVATIVE 430

Antilogova L.N.
VALUE ORIENTATIONS AND MORAL ACTIVITY OF THE PERSON 433
Evsina T.A.
TO THE PROBLEM OF FORMATION OF CIVIL SOCIETY AND CIVIL CULTURE IN THE RUSSIAN FEDERATION 436
Enshina N.A., Morozova Yu.E.
PRESERVATION AND PROMOTION OF SOCIAL HEALTH OF STUDENTS IN CULTURAL AND LEISURE SPACE 439
Zabneva E.I.
MODERN RUSSIA AND CIVIL SOCIETY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS 441
Kanzychakova N.G.
THE PROBLEM OF RUSSIAN SINGLE-INDUSTRY TOWNS AND THEIR INFLUENCE ON THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF THE POPULATION 443
Kashirsky D.V.
DEVELOPMENT OF PERSONALITY OF STUDENTS IN THE PROCESS OF TEACHING MATHEMATICS: CULTURAL AND HISTORICAL APPROACH 446
Kolmogorova L.S.
CULTURE AND COMPETENCE AS TARGET GUIDELINES FOR EDUCATION 448
Kulish V.V.
HISTORICAL MEMORY OF YOUTH AS A FACTOR OF FORMATION OF SOCIAL SECURITY OF POPULATION IN THE REGION 452
Maksimova S.G.
PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF FUNDAMENTAL RESEARCHES OF THE FEATURES OF FORMING TRUST IN THE SYSTEM OF PRESERVING SOCIAL SECURITY IN MODERN RUSSIA 452
Matveeva N.A.
SOCIAL HEALTH: FROM SCIENTIFIC METAPHOR TO SOCIOLOGICAL CONCEPT 456
Mzhelskaya N.V.
TOPICAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS 460
Morozova Yu.E.
SOCIAL AND NETWORK SPACE OF FORMING SOCIAL HEALTH OF YOUTH 464
Osipov A.M., Matveeva N.A.
INFORMATION FLOWS MANAGEMENT IN THE EDUCATION SYSTEM: REGULATIONS, TRENDS AND OPTIMIZATION CONDITIONS 469
Parfenova G.L.
SOVEREIGNITY OF PSYCHOLOGICAL SPACE OF GIFTED STUDENTS 473
Pakhtusova N.A., Uvarina N.V.
MECHANISMS FOR FORMING NETWORK IDENTITY OF PERSONALITY 475
Pokida A.N., Zybunovskaya N.V.
MOTIVES OF PARTICIPATION OF CITIZENS IN "SHADOW" PROCESSES IN THE MODERN LABOR MARKET 479
Protasova I.N.
STRUCTURE OF SOCIAL WORLDVIEW IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF INSTITUTIONAL MATRICES 483
Ralnikova I.A., Ippolitova E.A.
LIFE PROSPECTS FOR WOMEN IN A CHANGING WORLD 487
Romanov A.A., Minat V.N.
DEFINITIONS OF PERSONALITY IN DIALECTIC DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN SOCIETY 490
I.A. Rudneva, V.A. Chernikov
PSYCHOLOGICAL REASONS FOR THE RETURN OF ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE OF FROM SUBSTITUTE FAMILIES 492
Trubnikova N.I.
TEMPORAL PERSPECTIVE OF HIGH SCHOOL STUDENTS IN THE CONTEXT OF THE SELF-DETERMINATION PROBLEM 496
Tumbaeva N.V., Kulish V.V.
SOCIAL HEALTH OF YOUTH IN THE ERA OF DIGITALIZATION 499
Kholodkova O.G.
EDUCATIONAL POTENTIAL FOR THE DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES OF ELEMENTARY SCHOOL STUDENTS 502
Chuesheva N.A., Surnina M.V.
READINESS OF STUDENTS WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS FOR INCLUSION IN AN INCLUSIVE EDUCATIONAL SPACE 509
Information about authors 513

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Научное издание

Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ

Материалы всероссийской научной конференции с международным участием
г. Барнаул, 24-26 сентября 2020 года

Научный редактор Наталья Александровна Матвеева
Ответственный редактор Татьяна Павловна Сухотерина

Вёрстка – М.А. Захарьина

Подписано в печать 22.07.2020 г.
Объем 66.5 уч.-изд. л. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Calibri. Тираж 100 экз. Заказ № 27.
Отпечатано в ООО «Папирус».
656049, г. Барнаул, ул. Папанинцев, 111, офис 4.